

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 07855825 5

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ ПРАВОСЛАВНАГО
ЦЕРКВИ.

ИЗДАНИЕ.

ТРЕТИЙ ГОДЪ. — КНИГА 3-ья.

МАРТЪ. 1868.

ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГА 3-ья. — МАРТЪ, 1868.

- I. — КОРИНФСКАЯ НЕВѢСТА. — Пис. Гете. — Гр. А. К. Толстаго.
- ✓ II. — ТЫСЯЧА-ВОСЕМЬСОТЪ-ВТОРОЙ ГОДЪ ВЪ ГРУЗИИ. — I-III. — Н. Ф. Дубровина.
- III. — ПОСЛѢДНЯЯ СУДЬБА ПАПСКОЙ ПОЛИТИКИ ВЪ РОССИИ. — IX-XII. — А. Н. Погова.
- IV. — ВОСТОЧНЫЯ ДѢЛА ВЪ ДВАЦАТЫХЪ ГОДАХЪ. — Ег. П. Ковалевскаго.
- ✓ V. — ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ НА КАСПІЙСКОМЪ МОРЬ. — С. М. Соловьева.
- ✓ VI. — САТИРА КРЫЛОВА И ЕГО «ПОЧТА ДУХОВЪ». — Я. К. Грога.
- VII. — ПРОИСХОЖДЕНИЕ РУССКИХЪ БЫЛИНЪ. — VI. Садко. — VII. Сорокъ лаваль со казакъ. — В. В. Стасова.
- VIII. — СЕКТАТОРЫ-КОЛОНИСТЫ ВЪ РОССИИ. — II. Сарента. — А. А. Клауса.
- ✓ IX. — МОЦАРТЬ НА ПЕТЕРБУРГСКОЙ СЦЕНѢ. — Донъ-Жуанъ и Свадьба Фигаро. — Р.
- X. — ЗЕМСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — ЗЕМСТВО НА ЮГѢ РОССИИ, И БОРЬБА ЕГО СЪ СУДСКИМИ КАМИ. — Объ одной изъ причинъ голода. — Вар. П. А. Корфа.
- XI. — СУДЕБНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — ПОДСУДИМЫЕ И ПРЕСТУПЛЕНІЯ. — В. П.
- XII. — ЕЖЕМѢСЯЧНАЯ ХРОНИКА ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ.
- XIII. — КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА. — ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ПРУССІИ И ЕЯ ПАРЛАМЕНТСКАЯ ЖИЗНЬ. — К.
- XIV. — ОЧЕРКИ И ЗАМѢТКИ. — ГОЛОДЪ ВЪ ВОСТОЧНЫХЪ ПРОВИНЦІЯХЪ ПРУССІИ. — Письмо въ Редакцію. — Л. К.
- XV. — ЛИТЕРАТУРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ. — Февраль.
- XVI. — ОБЪЯВЛЕНІЯ ВЪ БИБЛОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ. — Новая книга.

«Записки о Россіи XVII и XVIII вѣка, по донесеніямъ голландскихъ резидентовъ», начаты въ первомъ томѣ, но недостатку мѣста, отложены до апрѣльской книги второго тома.

296

ВѢСТНИКЪ

Е В Р О П Ы.

ТРЕТІЙ ГОДЪ. — ТОМЪ П.

ГОДЪ XXXIII. — ТОМЪ СЛXXXIV. — 1/10 МАРТА 1868.

ВѢСТНИКЪ
Е В Р О П Ы

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ.

ТРЕТІЙ ГОДЪ.

ТОМЪ II.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:
на Невскомъ просп., у Казан. моста,
№ 30.

Экспедиція журнала:
на Екатерингофскомъ проспектѣ,
№ 41.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1868.

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
522679 A
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
R 1891 L

522679 A

КОРИНѢСКАЯ НЕВѢСТА

Изъ Гёте¹⁾.

1

Изъ Аѳинъ въ КоринѢ многоволонный
Юный гость приходитъ, незнакомъ, —
Но когда-то житель благосклонный
Хлѣбъ и соль тамъ вель съ его отцомъ;
И дѣтей они
Въ ихъ младые дни
Нарекли невѣстой съ женихомъ.

2

Но какой для добраго приѣма
Отъ него потребуютъ цѣны?
Онъ — дитя языческаго дома,
А они — недавно крещены!
Гдѣ за вѣру споръ,
Тамъ, какъ вѣтромъ соръ,
И любовь и дружба сметены!

¹⁾ Рассказъ, весьма схожій съ содержаніемъ этой баллады, находится въ книгѣ *Περὶ Θανασιῶν* (о чудесномъ) Флегона Траллійскаго, вольноотпущеннаго императора Адриана. У Флегона всѣ подробности событія переданы очень обстоятельно, и дѣйствующія лица названы по именамъ, а именно: невѣста — *Φιλίνω*, женихъ — *Μαχάτης*, мать — *Χαρίτω*, а отецъ — *Δημόστρατος*. Въ книгѣ *Περὶ Θανασιῶν* недостаетъ начала, и не видно, чтобы дѣйствіе происходило именно въ КоринѢ. Трудно рѣшить утвердительно, что Гёте взялъ свою балладу изъ Флегона; мы знаемъ только, что она написана въ 1796 году, одновременно съ *Балдерой*, и принадлежитъ къ его первокласснымъ произведеніямъ по силѣ стиха, изящности картинъ и той объективности, съ которой онъ становится на точку зрѣнія язычества въ его тогдашней борьбѣ съ торжествующимъ христіанствомъ.

3

Вся семья давно ужъ отдыхаетъ,
 Тогда мать одна еще не спитъ,
 Внимательно гостя принимаетъ
 И покой отвесить ему спѣшитъ;
 Лучшее вино
 Ею внесено,
 Хлѣбомъ столъ и яствами покрытъ.

4

Такъ снабдивъ пришельца, доброй ночи
 До утра ему желаетъ мать;
 Но его смываются ужъ очи,
 Онъ, одѣтъ, ложится на кровать;
 И ужъ дремлетъ онъ,
 Какъ ему съвозъ сонъ
 Слышно кто-то крадется, какъ тать.

5

И въ покой, онъ видитъ, полутѣмный,
 Вся покрыта бѣлой пеленой,
 Входитъ дѣва поступью скромной,
 На челѣ съ повязкой золотой;
 Но его узрѣвъ,
 Стала, оробѣвъ,
 Съ приподнятой блѣдною рукой.

6

— Видно въ домѣ я уже чужая,
 Такъ она со вздохомъ говорить,
 Что вошла, о гостѣ семь не зная,
 И теперь меня объемлетъ стыдъ;
 Спи-жь спокойнымъ сномъ
 На одрѣ своемъ,
 Я иду опять въ мой тѣмный скитъ!

7

— Дѣва, стой, воскликнулъ онъ, со мною
 Подожди до утренней поры!
 Вотъ, смотри, Церерой золотою,
 Вакхомъ вотъ посланные дары;
 А съ тобой прійдетъ
 Молодой Эротъ,
 Имъ же свѣтлы игры и пиры!

8

— Отступи, о юноша, я болѣ
 Не причастна радости земной;
 Шагъ свершонъ родительскою волей:
 На одрѣ болѣзни роковой
 Появлася мать
 Небесамъ отдать
 Жизнь мою, и юность, и повои!

9

И боговъ веселыхъ рой родимый
 Новой вѣры сила изгнала,
 И теперь царить одинъ Незримый,
 Одному Распятому хвала!
 Ангцы болѣ тутъ
 Жертвой не падутъ,
 Но людскія жертвы безъ числа!

10

И ея онъ взвѣшиваетъ рѣчи:
 — Неужель теперь, въ тиши ночной,
 Съ женихомъ не чаявшая встрѣчи,
 То стоитъ невѣста предо мной?
 О, отдайся-жь мнѣ,
 Будь моей вполне,
 Насъ вѣнчали клятвою двойной!

11

— Мнѣ не быть твоею, отрокъ милый,
 Ты мечты напрасной не лелѣй,
 Скоро взять должна меня могила,
 Ты-жъ сестрѣ назначенъ ужъ моей;
 Но въ блаженномъ снѣ
 Думай обо мнѣ,
 Обо мнѣ, когда ты будешь съ ней!

12

— Нѣтъ, да будетъ пламя сей лампы
 Намъ Гимена фавеломъ святымъ,
 И тебя для жизни, для отрады,
 Уведу къ пенатамъ я моимъ!
 Вѣрь мнѣ, другъ, о вѣрь,
 Мы вдвоемъ теперь
 Брачный пиръ нежданно совершимъ!

13

И они мѣняются дарами:
 Цѣпь она спѣшитъ златую снять, —
 Чашу онъ съ узорными краями
 Въ знакъ союза хочетъ ей отдать;
 Но она къ нему:
 — Чаши не приму,
 Лишь волосъ твоихъ возьму я прядь!

14

Вотъ ужъ полночь. Взоръ, доселѣ хладный,
 Заблесталъ, лицо оживлено,
 И уста безцвѣтныя пьютъ жадно
 Съ темной кровью схожее вино;
 Хлѣба-жъ со стола
 Вовсе не взяла,
 Словно ей вкушать воспрещено.

15

И ему фiаль она подносить,
 Вмѣстѣ съ ней онъ токѣ багровый пьеть,
 Но ея объятiй какъ ни просить,
 Все она противится — и вотъ,
 Тяжко огорченъ,
 Паль на ложе онъ,
 И въ бессильной страсти слезы льеть.

16

И она къ нему, ласкаясь, сѣла:
 — Жалко мучить мнѣ тебя, но ахъ,
 Моего когда коснешься тѣла,
 Не земной тебя охватить страхъ:
 Я какъ снѣгъ блѣдна,
 Я какъ ледъ хладна,
 Не согрѣюсь я въ твоихъ рукахъ!

17

— Нѣтъ, клянусь любовiю моею,
 Эта ночь не даромъ насъ свела,
 Я тебя въ объятiяхъ согрѣю,
 Ты хотя-бъ изъ гроба изошла!
 Онъ въ разгарѣ силъ
 Дѣву охватилъ, —
 И она въ блаженствѣ замерла.

18

Все тѣснѣй сближаетъ ихъ желанье,
 Ужъ она, припавъ къ нему на грудь,
 Пьеть его горячее дыханье
 И ужъ устъ не можетъ разомкнуть.
 Юноши любовь
 Ей согрѣла кровь,
 Но не бьется сердце въ ней ничуть.

19

Между тѣмъ дозоромъ позднимъ мимо
 За дверьми еще проходитъ мать,
 Слышитъ шумъ внутри необъяснимый
 И его старается понять:
 То любви недугъ,
 Поцѣлуевъ звукъ,
 И еще, и снова, и опять!

20

И недвижно, притаивъ дыханье,
 Ждетъ она — сомнѣній болѣ нѣтъ —
 Вздохи, слезы, страсти лепетанье
 И безумнаго восторга бредъ:
 — Скоро день — по вновь
 Насъ сведетъ любовь!
 — Завтра вновь! съ лобзаньемъ былъ отвѣтъ.

21

Долѣ мать сдержать не можетъ гнѣва,
 Ключъ она свой тайный достаетъ:
 — Развѣ есть такая въ домѣ дѣва,
 Что себя пришельцамъ отдаетъ?
 Такъ возмущена,
 Входитъ въ дверь она —
 И дитя родное узнаетъ.

22

И воспрянувъ юноша съ испугу,
 Хочетъ скрыть завѣсою окна,
 Покрываломъ хочетъ скрыть подругу;
 Но отбросивъ складки полотна,
 Съ ложа, вся пряма,
 Словно не сама,
 Медленно подѣмлется она.

23

— Мать, о мать, нарочно ты ужели
 Отравить мою приходишь почь?
 Съ этой теплой ты меня постели
 Въ мракъ и холодъ снова гонишь прочь?
 И съ тебя ужель
 Мало и досель,
 Что свою ты скоропила дочь?

24

Но меня изъ тѣсноты могильной
 Нѣкій рокъ къ живущимъ шлѣтъ назадъ,
 Вашихъ влировъ пѣніе бесильно
 И попы напрасно мнѣ кадятъ;
 Молодую страсть
 Никакая власть,
 Ни земля, ни гробъ не охладятъ!

25

Этотъ отрокъ именемъ Венеры
 Былъ обѣщанъ мнѣ отъ юныхъ лѣтъ,
 Но для новой, для жестокой вѣры
 Ты святой нарушила обѣтъ;
 Знай-же, знай, о мать,
 Дочь твою терзать
 У тебя ужъ болѣ власти нѣтъ!

26

Знай, что смерти роковая сила
 Не могла скрывать мою любовь,
 Я нашла того, кого любила,
 И его я высосала кровь!
 И повончивъ съ нимъ,
 Я должна къ другимъ, —
 Я должна идти за жизнью вновь!

27

Милый гость, вдали родного края
 Осужденъ ты чахнуть и завять,
 Цѣпь мою тебѣ передала я,
 Но волосъ твоихъ беру я прядь.
 Ты ихъ видишь цвѣтъ?
 Завтра будешь сѣдъ,
 Русымъ тамъ лишь явишься опять!

28

Ты-жъ услышь послѣднее моленье,
 Мать, вели костеръ воздвигнуть намъ,
 Свободи меня изъ заточенья,
 Въ пепель дай разрушиться тѣламъ;
 Такъ, въ дыму густомъ,
 Мы, сквозь огонь и громъ,
 Къ нашимъ прежнимъ улетимъ богамъ!

Гр. А. К. Толстой.

Веймаръ, сентябрь 1867.

ТЫСЯЧА-ВОСЕМЬСОТЪ-ВТОРОЙ ГОДЪ

ВЪ

ГРУЗИИ.

I.

Положеніе дѣлъ до устройства русскаго правительства въ Грузіи. — Слухи о намереніяхъ персіанъ вторгнуться въ Грузію. — Сношеніе съ эриванскимъ ханомъ. — Движеніе Лазарева въ Шамшадиль для защиты ея отъ притязаній ганжискаго хана. — Дѣйствія полковника Карягина противу нахичеванскаго хана.

Въ сентябрѣ 1801 года состоялся манифестъ о присоединеніи Грузіи къ Россіи. Манифестъ засталъ Грузію въ самомъ разстроеномъ состояніи. Несчастливая страна не имѣла покоя ни отъ вѣншихъ, ни отъ внутреннихъ враговъ. Послѣдними были преимущественно члены древняго царскаго семейства, перессорившіеся другъ съ другомъ; тягаясь за право владѣнія страной, они искали только личнаго матеріальнаго обезпеченія. Число ихъ въ Грузіи было весьма значительно. Главнѣйшими дѣятелями явились: мачиха послѣдняго грузинскаго царя Георгія XII, царица Дарья, съ сыновьями Іулономъ, Вахтангомъ, Парнаозомъ и Александромъ. Противную имъ партію составляли приверженцы жены Георгія XII, царицы Маріи, съ сыновьями ея Давыдомъ и Теймуразомъ. Расположеніе большинства клонилось въ пользу первой партіи. Обѣ стороны, имѣя многочисленныхъ родственниковъ изъ грузинскихъ князей, вели интриги, волновали и разоряли народъ, который, съ появленіемъ манифеста, рассчитывалъ на лучшую будущность. Грузины надѣялись

на исполненіе обѣщаній императора Павла I, на широкія льготы и привилегіи, которыя думалъ дать покойный императоръ, а главное на то, что, состоя въ подданствѣ Россіи, подъ ея охраною, Грузія будетъ управляться однимъ изъ царевичей.

Но предшествовавшая исторія края, подъ управленіемъ собственныхъ царей доказала, что виною всѣхъ бѣдствій Грузіи были злоупотребленія со стороны власти членовъ самаго царскаго дома. Потому манифестъ не могъ бы успокоить страну и обезпечить ее на будущее время. Введеніе русскаго правленія въ Грузію дѣлалось необходимою. Но при этомъ возникали для русскаго правительства многіе весьма важные вопросы; нужно было хорошо знать страну, ея обычаи, степень цивилизаціи, чтобы новыя порядки, при всей ихъ доброй цѣли, не легли тяжкимъ бременемъ на жителей, и не заставили ихъ пожалѣть о старомъ, чѣмъ не преминула бы воспользоваться устраненная власть. Знали ли мы Грузію? Нужно было возложить введеніе новаго порядка на лица, которыхъ способности и качества стояли въ уровень съ трудностью дѣла. Таковы ли были первые представители русскаго правительства въ Грузіи?

Главномандующимъ въ Грузіи и на Кавказской линіи назначили генералъ-лейтенанта Кноринга, а дѣйствительнаго статскаго совѣтника Коваленскаго—гражданскимъ правителемъ вновь присоединенной страны. Много чиновниковъ опредѣлено въ составъ верховнаго грузинскаго правительства.

Избраніе первыхъ двухъ лицъ было не совсѣмъ удачно. Ни Кнорингъ, ни Коваленскій не пользовались добрымъ мнѣніемъ грузинъ. Первый, не умѣя примѣниться къ народному характеру, еще при прежнемъ посѣщеніи Тифлиса, своими дѣйствіями заслужилъ уже нерасположеніе народа; а второй, будучи посланъ въ качествѣ русскаго министра при дворѣ послѣдняго царя Грузіи Георгія XII, «навлекъ на себя отъ царя, вельможъ и народа неудовольствія»¹⁾.

Находившіеся въ Петербургѣ грузинскіе депутаты, вн. Герсеванъ Чавчавадзе и Полованцовъ, узнавъ о состоявшемся назначеніи, тотчасъ же, отъ имени всего народа, обратились съ просьбою къ императору, переимѣнить какъ Кноринга, такъ и Коваленскаго. Они хлопотали о томъ, чтобы главнымъ начальникомъ въ Грузіи назначили когонибудь изъ знатнѣйшихъ лицъ страны или одного изъ царевичей. Государственный совѣтъ, на рассмотрѣніе котораго была передана ихъ просьба, нашель, что императоръ, принявшій на свое попеченіе благосостояніе гру-

¹⁾ Записка вн. Чавчавадзе. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ.

зинскаго народа наравнѣ съ русскими подданными, «отнести въ своему попеченію—и назначеніе главныхъ начальниковъ»¹⁾).

Такимъ образомъ, желаніе пословъ и народа осталось неисполненнымъ. Князь Чавчавадзе, не теряя еще надежды на успѣхъ, обратился тогда въ Лошкареву и просилъ его содѣйствія, какъ лица, черезъ котораго шли всѣ просьбы грузинъ. Лошкаревъ, находясь въ то время на службѣ въ Иностранной коллегіи, былъ назначенъ, вмѣстѣ съ гр. Растопчинымъ, для веденія переговоровъ о присоединеніи Грузіи къ Россіи, и привалъ въ этомъ дѣлѣ самое живое участіе, оставшееся, однакоже, безъ успѣха. Онъ сообщалъ кн. Куракину, «что вся Грузія не терпитъ Коваленскаго»²⁾; что онъ имѣеть множество писемъ отъ пословъ, царевичей и другихъ лицъ Грузіи, которые единогласно писали, что они его «по извѣстнымъ причинамъ терпѣть у себя не могутъ».

Не дождавшись отвѣта Лошкарева, посолъ кн. Чавчавадзе отправилъ въ Грузію одинъ экземпляръ манифеста и штатъ. Онъ сообщалъ своимъ родственникамъ, что всѣ порученія, которыя онъ имѣлъ отъ покойнаго царя — не исполнились. «Царство уничтожили, писалъ онъ, *да и въ подданные насъ не приняли*. Никакой народъ такъ не униженъ, какъ Грузія... Вы еще имѣете время, чтобы общество написало сюда одно письмо, дабы я здѣсь ходатайствовалъ о нашемъ состояніи, просилъ имѣть царя и быть подъ покровительствомъ. Знайте, если будете просить царя — дадутъ. Если же въ полномочіи мнѣ не довѣряетесь, то отправьте сюда одного кого нибудь изъ васъ, — ему и мнѣ дайте полную волю, и мы оба будемъ стараться о совершеніи сего дѣла»³⁾....»

Среди разнообразныхъ толковъ и пересудъ, грузинны встрѣтили новыи 1802-й годъ.

Генераль-майоръ Лазаревъ, начальникъ нашего военного отряда, явившійся въ Грузію, въ званіи полковаго командира, еще при жизни Георгія XII, зналъ объ обнародованіи манифеста въ Москвѣ и Петербургѣ, но, не имѣя никакихъ официальныхъ распоряженій, оставался въ нерѣшимости и затрудненіи.

Осаждаемый со всѣхъ сторонъ вопросами грузинъ о своей участи, и въ ожиданіи прибытія Кнорринга въ Тифлисъ, Лазаревъ отговаривался полнымъ незнаціемъ и употреблялъ всѣ усилія только къ тому, чтобы страна оставалась спокойною до введенія новаго правленія. Главная забота состояла въ воспрепят-

¹⁾ Засѣд. Госуд. сов. 6 февр. 1802 г. Арх. М. Внут. Д. Дѣла Грузіи, ч. II, 214.

²⁾ Письмо Лошкарева кн. Куракину, 7 іюля 1802 г. Арх. Ман. Внут. Д. ч. II, 194.

³⁾ Изъ слѣдственнаго дѣла надъ Коваленскимъ.

ствованіи царевичамъ и ихъ родственникамъ волновать народъ. Удерживая ихъ въ покорности, связывая произволъ, уничтожая на каждомъ шагу значеніе и власть, Лазаревъ, очень естественно, навлекъ на себя нерасположеніе царевичей и всѣхъ вообще членовъ царскаго дома.

Вдовствующая царица Марія была одна изъ тѣхъ, которая питала наибольшее неудовольствіе на Лазарева. Вдова-царица жаловалась Кнорингу, что ни она, ни дѣти ея не получаютъ жалованья, назначеннаго ей по 500 руб., а дѣтямъ по 100 руб. въ мѣсяць каждому; что данныя ей повойнымъ мужемъ имѣнія у нея отобраны, точно также отобраны имѣнія, принадлежащія ей дѣтямъ; что, наконецъ, отъ отца ея кн. Циціанова отобрано моуравство (земское начальство). Марія просила о возвращеніи имѣній ей и дѣтямъ — и моуравства отцу¹⁾.

Жалобы царицы были несправедливы. Лазаревъ, на запросъ Кноринга, отвѣчалъ, что царица и дѣти ея получали жалованье аккуратно до сентября 1801 года. Въ сентябрѣ же были написаны бараты (указы), чтобы она получила слѣдующія ей деньги отъ казаховъ²⁾; но Марія, не желая почему-то получать съ нихъ, сама уничтожила тѣ бараты³⁾. Лазаревъ не отрицалъ справедливости того, что кн. Циціановъ былъ удаленъ отъ управленія бамбакскою провинціею, но говорилъ, что то сдѣлано по необходимости. Возвратившіеся изъ Эривани, бамбакскіе агалары⁴⁾ объявили, что причиною ухода ихъ въ Эривань было то, что кн. Циціановъ, на время своего отсутствія, поручилъ управленіе ими зятю своему кн. Аслану Орбеліани, который, бывши моуравомъ шамшадильскимъ, совершенно разорилъ жителей. Бамбакскіе агалары просили избавить и ихъ отъ его управленія. Оставивъ званіе моурава и всѣ доходы, присвоенные этому званію, за кн. Циціановымъ, Лазаревъ запретилъ только кн. Орбеліани вмѣшиваться въ ихъ дѣла и касаться ихъ управленія.

Претензіи царствовавшей фамиліи, ихъ неудовольство причиняли Лазареву частыя огорченія. Онъ писалъ Кнорингу о своемъ безвыходномъ положеніи, и, не получая никакого удовлетворительнаго отвѣта, долженъ былъ вести свои дѣла по русской пословицѣ такъ, чтобы «и овцы были цѣлы, и волки — сыты»; недостатка же въ послѣднихъ не было.

¹⁾ Письмо царицы Маріи Кнорингу, 22 октяб. 1801 г.

²⁾ *Казахи* — особое племя татаръ, жившихъ въ Грузіи — и ея подданныхъ.

³⁾ Рап. Лазарева, 10 дек. 1801 г. № 500.

⁴⁾ *Агалары*, высшее сословіе, — ушли въ Эривань еще при Георгіѣ XII; см. подробности этого дѣла въ моей книгѣ: «Послѣдній царь Грузіи, Георгій XII, и присоединеніе ея къ Россіи», стр. 219. Спб. 1867.

Царевичъ Давыдъ, на увольненіе котораго въ отставку императоръ Александръ не изъявилъ согласія, вошелъ въ сношеніе съ своими дядями и переговаривался съ ними о мѣрахъ къ удержанію престола въ рукахъ царствовавшего въ Грузіи дома.

Давыдъ, Дарья и Вахтангъ, жившіе въ Тифлисѣ, имѣли частыя ночныя свиданія.

Царевичъ Александръ поручилъ сказать Лазареву, что пока въ Грузіи нѣтъ царя, до тѣхъ поръ его нога не будетъ въ этой странѣ ¹⁾.

Царица Дарья въ Тифлисѣ, а царевичъ Гулонъ въ Имеретіи, были двумя главными руководителями, отъ которыхъ гонцы ежедневно доставляли письма другъ другу. Давыдъ, Гулонъ, Александръ и Вахтангъ, бывшіе противниками, стали теперь друзьями и единомышленниками. Они поклялись между собою удерживать царское достоинство въ родѣ Богратионовъ, и избрать царемъ того изъ царевичей, кого назначить Дарья ²⁾. Съ этою цѣлію союзники завели переписку съ окружными ханами, прося ихъ помощи и рѣшились просить о допущеніи одного изъ членовъ царскаго дома въ составъ правленія, чтобы затѣмъ подъ рукою «работать о возстановленіи царскаго достоинства».

Царевичъ Александръ увѣрялъ Давыда, что во всякое время готовъ оказывать ему услуги, какія отъ него потребуютъ ³⁾, а царицѣ Дарьѣ поручилъ передать, «что русскіе обманываютъ ее, подобно царю Георгію, и чтобы она ничему не вѣрила».

Дарью не нужно было предупреждать въ этомъ; она была гораздо опытнѣе Александра во всякаго рода интригахъ. Имѣя большое вліяніе надъ умами народа, царица, по выраженію Лазарева, сама управляла всею машиною. Общая всѣмъ милости, прося помощи, какъ внутри такъ и внѣ царства, Дарья не теряла надежды на успѣхъ, и переписываясь съ ханами и горскими владѣльцами, не забывала наставленіями и своихъ дѣтей.

Одинъ изъ сыновей ея, Вахтангъ, живя въ Тифлисѣ, задавалъ пиры, приглашалъ на нихъ князей и старался привлечь ихъ на свою сторону. Царевичъ разглашалъ, что, съ устройствомъ русской губерніи, грузины обязаны будутъ платить особыя подати, поставятъ рекрутъ и нести другія повинности. Въ присутствіи же преданныхъ намъ говорилъ, что «ихъ домъ разоренъ отъ

¹⁾ Письмо Лазарева Кнорингу, 19 февраля 1802 г. Константиновъ; ч. I, прилож. 294 (рукоп.). Арх. Глав. Шт. въ С.-Петербур.

²⁾ Репортъ Лазарева Кнорингу 26 янв. 1802 г. Тайн. Арх. Канц. Нам.

³⁾ Репортъ его же, 14 февр. 1802 г. Тамъ же.

несогласія, и что нужно быть всѣмъ согласнымъ, дабы получить милость великаго государя».

Двуличное поведеніе его не было тайной. Никто не полагался на искренность послѣднихъ словъ царевича. Извѣстно было, что Гулонъ, Вахтангъ, Александръ, Парнаозъ, Давыдъ и царица Дарья, — всѣ вмѣстѣ отправили въ Персію за печатами письмо къ Баба-Хану, прося его защиты, покровительства и войска. При содѣйствіи лицъ себѣ преданныхъ, царевичи успѣли взволновать осетинъ, на усмиреніе которыхъ были посланы войска. Подговоренный народъ отказался повиноваться поставленному правительствомъ нацвалу (управляющему), несмотря на то, что за три мѣсяца передъ этимъ самъ одобрялъ его. Грузины ожидали прибытія Кноринга для того, чтобы просить объ отмѣнѣ податей, рекрутской повинности и о назначеніи царя изъ дому Богратионовыхъ ¹⁾.

Кнорингъ спѣшилъ отъѣздомъ въ Грузію. Въ мартѣ собрались на Кавказской линіи всѣ русскіе чиновники, назначенные въ составъ новаго правленія страны. 30 марта, Кнорингъ выѣхалъ въ Тифлисъ для скорѣйшаго открытія правленія и уничтоженія волненій и беспорядковъ, производимыхъ осетинами. Жившіе по рѣкамъ Пацѣ и Большой-Ліахвѣ въ ущельяхъ Кавказскихъ горъ, осетины съ древнихъ временъ находились въ подданствѣ Грузіи и имѣли начальниковъ наслѣдственныхъ въ фамиліи грузинскихъ князей Мочабеловыхъ.

Въ послѣдніе дни жизни Георгія XII, при слабости тогдашняго грузинскаго правленія, осетины пришли въ такое неповиновеніе и буйство, что, умертвивъ одного изъ своихъ князей, производили набѣги на грузинскія селенія, похищали имущество жителей, уводили ихъ въ плѣнъ и продавали сосѣднимъ жителямъ Кавказскихъ горъ.

Подстрекаемые царевичами, жившими въ Имеретіи, осетины еще болѣе усилили свои вторженія и хищничества, такъ что Кнорингъ вынужденъ былъ унять ихъ силою.

Двѣ роты 17-го егерскаго и три роты Кавказскаго гренадерскаго полковъ, два легкихъ полевыхъ орудія и 77 казаковъ назначены въ составъ отряда, подъ командою Кавказскаго гренадерскаго полка подполковника Симоновича, долженствовавшаго усмирить осетинъ и привести ихъ къ покорности ²⁾.

¹⁾ Письмо Лазарева Кнорингу, 17 февраля 1802 г.

²⁾ Рап. Кноринга. Г. И. 26 марта 1802 г. Въ отрядѣ находилось штабъ и оберъ-офицеровъ 19; нижнихъ чиновъ строевыхъ 708, и нестроевыхъ 63 человекъ. См. Рап. Симоновича, 20 февраля 1802 г. Т. А. К. Н.

19-го февраля, отрядъ выступилъ изъ грузинскаго селенія Цхинваль и въ тотъ же день прибылъ къ урочищу Суерисхеви. Отсюда Симоновичъ отправилъ къ осетинамъ двухъ парламентаревъ, съ письменнымъ объявленіемъ о причинѣ его движенія внутрь ихъ жилищъ ¹⁾. Отрядъ перешелъ между тѣмъ въ осетинскую дерев. Джавы. Устрашенный народъ, не ожидавшій прихода нашихъ войскъ въ свои жилища, прислалъ старшинъ въ Джавы, съ просьбою о помилованіи и съ заявленіемъ, что осетины, живущіе по рѣкамъ Пацѣ и Большой-Ліахвѣ, будутъ спокойными и покорными русскому правительству. Симоновичъ привелъ ихъ къ присягѣ, взялъ аманатовъ изъ лучшихъ фамилій и, оставивъ здѣсь одно орудіе съ надежнымъ прикрытіемъ, самъ двинулся далѣе къ другимъ селеніямъ. Повсюду жители приходили къ нему съ покорностію, присягали на вѣрность и давали аманатовъ по выбору.

Для лучшаго удержанія въ повиновеніи осетинъ на будущее время рѣшено было учредить у нихъ правленіе въ формѣ гражданскихъ судовъ ²⁾ и поставить ихъ въ зависимость отъ уѣзднаго суда и полицейской управы, учреждаемой въ г. Гори. Суды эти были устроены въ дер. Джавы и Чриви. Въ первой, для жителей обитавшихъ по рѣкамъ Пацѣ и Большой-Ліахвѣ, а во второй — по рѣкамъ Арагвѣ и Малой-Ліахвѣ ³⁾.

Возвратившись въ Сурамъ, Симоновичъ привелъ съ собою 13 чел. аманатовъ отъ осетинскаго народа, котораго насчитывали тогда до 35 т. душъ обоего пола.

Волненія въ Осетіи усмирены и кончились неблагопріятно для членовъ царской фамиліи: вовсе не такъ, какъ они ожидали. Все вниманіе ихъ было обращено на Персію и на тѣ мѣры, которыя предприметъ Баба-Ханъ. Властитель Персіи былъ одинъ, на чью помощь они могли теперь рассчитывать.

Въ январѣ, въ Эривани получено извѣстіе, что Баба-Ханъ поручилъ одному изъ своихъ военачальниковъ, Аббасъ-Кули-Хану, отрядъ войскъ съ тѣмъ, чтобы онъ, отправившись въ Тавризъ и собравъ тамъ войска, слѣдовалъ къ Нахичевани, выгналъ тамошняго хана и самъ занялъ бы его мѣсто. Потомъ, если эриванскій ханъ не исполнитъ требованій властителя Персіи,

¹⁾ Объявленіе осетинамъ, приложенное къ рапорту Симоновича 5 марта 1802 г. № 121.

²⁾ Въ составъ суда назначены: 4 князя Мочабеловыхъ, 6 осетинскихъ старшинъ, 6 грузинскихъ есауловъ и столько же осетинскихъ; одинъ священникъ для распространенія христіанства.

³⁾ Рап. Кюрияга Г. П. 26 марта 1802 г.

то Аббасъ-Кули-Хану приказано было двинуться къ Эривани. Туда же обѣщаль прибыть и самъ Баба-Ханъ.

Эриванскій ханъ приготовлялся къ оборонѣ и отправилъ посланнаго къ Лазареву. Онъ писалъ теперь, что считаетъ свое ханство составною частію Грузіи, и зная, что послѣдняя находится въ подданствѣ Россіи, ханъ считаетъ себя также подданнымъ русскаго императора. Онъ просилъ разрѣшенія отправить своего чиновника въ Петербургъ, и, сложивъ съ грузинскихъ купцовъ по 2 рубля пошлины съ каждаго вьюка, обѣщаль платить нашему правительству ту дань, которую платилъ царямъ грузинскимъ.

Отправленные Лазаревымъ въ Эриванъ лазутчики принесли извѣстія, подтверждавшія о приготовленіи персіанъ къ непріязненнымъ дѣйствіямъ.

До властителя Персіи, говорило одно изъ писемъ полученныхъ въ Тифлисъ, дошло «извѣстіе, что въ Грузіи дымится, и надобно сей дымъ искоренить». Шахъ сдѣлалъ распоряженіе о сборѣ 45 т. войска, поручилъ ихъ своему сыну Аббасъ-Мирзѣ и сардарю Сулейману, и приказалъ съ окончаніемъ «навруза» двинуться къ Эривани, и оставивъ у этого города 10 т., съ остальными 35 т. идти въ Грузію. Побужденіемъ къ этому было полученное Баба-Ханомъ письмо царевича Александра, просившаго о помощи. Театромъ военныхъ дѣйствій избраны Казахи и Бамбаки. Склонивъ на свою сторону тамошнихъ татаръ и занявъ эти провинціи, Аббасъ-Мирза долженъ былъ, по повелѣнію своего отца, отправить посланнаго въ Тифлисъ съ требованіемъ очистить Грузію и вывести оттуда русскія войска ¹⁾.

Справедливость слуховъ какъ бы подтверждалась тѣмъ, что эриванскій ханъ укрѣплялъ городъ и запасалъ въ немъ военные и съѣстные припасы. Въмѣстѣ съ тѣмъ, ханъ снова отправилъ своего посланнаго къ Лазареву, съ увѣреніемъ о приверженности своей къ Россіи, просилъ покровительства и дозволенія принять присягу на вѣрность, если будетъ удостовѣренъ въ томъ, что наши войска будутъ его защищать, и «онъ не будетъ уже имѣть никакой опасности отъ своихъ непріятелей» ²⁾.

Лазаревъ отвѣчалъ, что безъ разрѣшенія не можетъ вступать ни въ какіе переговоры, и обѣщаль спросить о томъ Кнорринга. Посланный остался въ Тифлисъ до полученія отвѣта. Кноррингъ обнадеживалъ хана, высказывалъ свою готовность вступить съ нимъ въ переговоры и заключить актъ о принятіи

¹⁾ Рапортъ Лазарева Кноррингу, 27 февр. № 126.

²⁾ Рап. Лазарева Кноррингу, 9 марта 1802 г. № 162.

хана въ покровительство Россіи. Посланный не имѣлъ письменной довѣренности Мехметъ-хана, — по этому Кнорингъ просилъ уполномочить или его, или прислать другого довѣреннаго въ Тифлисъ къ его пріѣзду. вмѣстѣ съ тѣмъ, ханъ долженъ былъ написать форменное прошеніе на имя императора Александра съ объясненіемъ условій, на которыхъ желаетъ вступить въ подданство Россіи ¹⁾.

Приготовленіе эриванскаго хана къ оборонѣ и его искательства о подданствѣ, хотя и не давали права заключать объ искренности расположенія хана, но за то указывали на достовѣрность намѣреній Баба-Хана вторгнуться въ его владѣнія, а, въ случаѣ успѣха, двинуться и въ Грузію. Для обезпеченія ея Кнорингъ предписалъ гренадерскому баталіону изъ ротъ Кабардинскаго и Кавказскаго полковъ, съ находящеюся при нихъ артиллерію, флигель-ротамъ Кавказскаго гренадерскаго полка, Нарвскому и Нижегородскому драгунскимъ полкамъ — быть готовыми къ походу съ Кавказской линіи въ Грузію. Атаману войска донскаго генераль-лейтенанту Платову сообщено, чтобы онъ послѣдилъ выслать въ Моздокъ одинъ казачій полкъ, изъ числа пяти полковъ назначенныхъ на линію, для смѣны полковъ тамъ находившихся. Въ Моздокѣ заготовлялись сухари въ мѣсячной пропорціи, а въ Екатериноградѣ предписано заготовить ихъ для 7 т. челов. Въ Грузію отправленъ второй комплектъ боевыхъ патроновъ и артиллерійскихъ припасовъ. Для обезпеченія Кавказской линіи собрано съ разныхъ полковъ 700 казаковъ ²⁾.

Кнорингъ спрашивалъ императора, какъ поступить съ искательствомъ хана эриванскаго, и просилъ разрѣшенія отправить въ Грузію, кромѣ полковъ туда уже назначенныхъ, еще одинъ гренадерскій баталіонъ и флигель-роты Кавказскаго гренадерскаго полка изъ Моздова и Кизляра — мѣстѣ ихъ расположенія.

Покорность и исваніе покровительства ханомъ эриванскимъ было весьма важно для насъ въ политическихъ отношеніяхъ съ Персією. Грузія была открыта со стороны Эривани до таковой степени, что вторгнувшемуся непріятелю нельзя было противопоставить никакихъ естественныхъ препятствій. Персіане, всегда вторгавшіеся со стороны Эривани или Ганжи, думали и теперь сдѣлать тоже самое. Встрѣтивъ ихъ въ границахъ эриванскаго ханства, мы избавляли отъ разоренія грузинъ, разоренія неизбежнаго для народа, во владѣніяхъ котораго производятся во-

¹⁾ Реп. Кноринга Г. И. 11 марта 1802 г. Репортъ его же отъ 26 марта. Арх. Мин. Внутр. дѣлъ, ч. II, 18 — 23.

²⁾ Реп. Кноринга Г. И. 11 марта 1802 г. Т. А. К. Н.

енныя дѣйствія. Не обременяя народъ грузинскій требованіемъ о доставленіи всего необходимаго для войскъ, оставляя его при своихъ земледѣльческихъ занятіяхъ, мы могли обезпечить себя провіантомъ и фуражемъ на счетъ жителей эриванскаго ханства, «по изобилію въ ономъ жизненныхъ потребностей». Поэтому Кнорингъ просилъ разрѣшенія, не только поддержать хана нашими войсками, но и искать случая встрѣтиться съ персидскимъ войскомъ въ предѣлахъ Эриванской области. Императоръ Александръ согласился на всѣ просьбы Кноринга, какъ объ отправленіи въ Грузію новыхъ войскъ ¹⁾, такъ и о принятіи хана эриванскаго подъ покровительство Россіи и встрѣчѣ персидскихъ войскъ въ предѣлахъ его владѣній.

«Привязанность сего владѣльца во всякое время для Грузіи полезна, писалъ Александръ ²⁾, а въ настоящемъ случаѣ она необходима». Императоръ поручилъ Кнорингу настоять на томъ, чтобы ханъ предоставилъ охраненіе эриванской крѣпости нашимъ войскамъ. Эриванъ и Ганжа были два пункта, владѣя которыми мы могли быть совершенно обезпеченными отъ всякаго нечаяннаго вторженія персіянъ въ Грузію.

Важность эта и заставляла наше правительство желать, чтобы ханы ихъ искали покровительства или подданства Россіи. «Занявъ два важныя сіи мѣста, писалъ императоръ главнокомандующему, вы поставите Грузію не только внѣ опасности, но и внѣ дѣйствія войны, отнимите у непріятеля лучшіе его способы и, что всего важнѣе, дадите весьма нужныя владѣльцамъ сихъ мѣстъ убѣжденія въ покровительствѣ Россіи и усилите ихъ довѣріе» ³⁾.

Вскорѣ Джавать, ханъ ганжинскій, подалъ причины къ непріязненнымъ противу него дѣйствіямъ.

22 марта, Лазаревъ доносилъ Кнорингу ⁴⁾, что ганжинскій ханъ, заявлявшій права свои на владѣніе Шамшадьльскою провинціею, прислалъ туда съ войсками своего сына Гусейнъ-Кули-Агу, который, съ цѣлію перевести жителей въ свои владѣнія, прибылъ въ шамшадьльскую деревню Аврумъ. Кнорингъ писалъ Джавать-хану, удивлялся поступкамъ сына, когда отецъ увѣрялъ его въ добромъ расположеніи къ Россіи, и требовалъ

¹⁾ «Я желалъ бы только, писалъ императоръ, чтобы гренадерскій баталіонъ составленъ былъ изъ ротъ одного котораго либо полка, поелику сводныхъ гренадерскихъ баталіоновъ уже не будетъ, какъ извѣстно сіе вамъ изъ указовъ воинской коллегіи».

²⁾ Повелѣніе Кнорингу 23 апрѣля 1802 г. Арх. Мин. Внут. дѣлъ ч. II, 25.

³⁾ Ibid.

⁴⁾ Рапортъ Лазарева, 22 марта, № 213.

удовлетворенія за причиненное шамшадильцамъ разореніе ¹⁾. Главномандующій общалъ въ противномъ случаѣ достигнуть того же силою оружія.

Ханъ молчалъ. Кнорингъ предписалъ Лазареву слѣдовать съ отрядомъ въ Шамшадиль и защищать ее отъ покушенія ганжинскаго хана. Въ составъ отряда назначены изъ Тифлиса 17-го егерскаго полка баталіоны: генераль-маіора Лазарева 4 роты, подполковника Ляхова три роты; одна рота Тифлискаго мушкетерскаго полка, бывшая въ Шамшадиль, три полевыхъ орудія и 70 человекъ казаковъ донскаго Щедрова 2-го полка ²⁾.

23-го мая, Лазаревъ прибылъ къ Шамшадильскую провинцію и сталъ при р. Гассанъ-су на самой ганжинской дорогѣ. Онъ применилъ свой лѣвый флангъ къ Курѣ, и стоялъ въ 30 верстахъ отъ пограничнаго мѣстечка Шамхоры, и около 60 верстъ отъ Ганжи.

Имѣя провіанта только до 1-го іюня, Лазаревъ просилъ о скорѣйшей его доставкѣ, потому что на мѣстѣ достать его было негдѣ.

«Провинція, въ коей я теперь нахожусь, писалъ онъ ³⁾, совсемъ пуста, какъ людьми, такъ и произрастеніями. Я еще ни одной деревни не видалъ, исключая находящейся передъ лагерьмъ верстахъ въ пяти, да и та теперь пустая».

25-го мая, отрядъ подвинулся на 16 верстъ впередъ и къ вечеру достигъ границы, отдѣляющей Шамшадильскую провинцію отъ ганжинскаго ханства. Здѣсь Лазаревъ узналъ, что изъ 33-хъ деревень, осталось не болѣе четырехъ, кочевавшихъ въ горахъ, въ верховьяхъ р. Гассанъ-су. Прочія двадцать девять деревень съ татарскими агаларами и армянскими кевхами находились во владѣніяхъ ганжинскаго хана. Число ушедшихъ простиралось до 1,900 семей. Причиною такого переселенія жителей были подговоры шамшадильскаго старшины Мамадъ-Гуссейна. Претендуя на званіе и достоинство шамшадильскаго султана, Мамадъ, сидѣвшій уже за это въ Тифлисской крѣпости и успѣвшій освободиться, искалъ защиты ганжинскаго хана. Джавать-ханъ послалъ въ Шамшадиль свои войска и, при содѣйствіи ихъ и подговоромъ Мамада, перевелъ въ свое ханство большую часть жителей. Переселившіеся кочевали сначала въ верховьяхъ р. Шам-

¹⁾ Письмо Кноринга хану, 6 мая 1802 г.

²⁾ Всего въ отрядѣ было: 24 офицера, 59 унтеръ-офицеровъ, 18 музыкант., 580 рядов., 52 нестр. и 31 рекрутъ.

³⁾ Письмо Лазарева Кнорингу, 24-го мая 1802 г.

хоръ, но, съ приходомъ нашихъ войскъ, ушли въ глубь ганжинскаго ханства ¹⁾.

Простоявъ нѣкоторое время на р. Ахансѣ, Лазаревъ придвинулся ближе къ Борчаламъ, а вскорѣ за тѣмъ долженъ былъ возвратиться въ Тифлисъ по случаю отъѣзда Кноринга на линію.

Передъ отъѣздомъ его, Джавать-ханъ прислалъ своего посланнаго въ Тифлисъ съ доказательствами своихъ правъ на владѣніе Шамшадылю. Кнорингъ не соглашался съ мнѣніемъ хана, основываясь на томъ, что при жизни послѣдняго царя Георгія XII провинція эта находилась подъ властію Грузіи, а потому и теперь должна оставаться во владѣніяхъ Россіи. Упорные съ обѣихъ сторонъ переговоры были продолжительны: ни та, ни другая сторона не хотѣли уступить. Поэтому рѣшено было оставить жителей въ томъ положеніи, въ которомъ находились, но съ условіемъ, что ганжинскій ханъ не будетъ болѣе беспокоить «оставшихся въ Шамшадыли народовъ, во взаимство чего и область Ганжинская тревожена отъ побѣдоносныхъ войскъ російскихъ не будетъ ²⁾».

Вскорѣ послѣ экспедиціи противу ганжинскаго хана, войскамъ нашимъ пришлось дѣйствовать противу нахичеванскаго хана. Кіаль-Балы-Ханъ нахичеванскій, лишенный зрѣнія Ага-Магометъ-ханомъ, былъ человекъ властолюбивый и предприимчивый. Зная свойства его характера, царевичъ Александръ, оставивъ Имеретію, пробрался сначала въ Ахалцыхъ, а потомъ въ Нахичевань. Царевичъ успѣлъ уговорить обоихъ владѣльцевъ дѣйствовать совокупно противу Грузіи. Соединеніе паши ахалцыхскаго и хана нахичеванскаго могло произойти только черезъ Карскую провинцію, владѣтель которой имѣлъ миролюбивое расположеніе къ Грузіи, удерживалъ равновѣсіе между сосѣдними владѣльцами и отказывался принять участіе въ дѣлѣ союзниковъ.

Кіаль-Балы-ханъ хотѣлъ заставить его къ тому силою. Онъ подошелъ съ войсками къ границѣ отдѣляющей Грузію отъ Карскаго пашалыка ³⁾. Отрядъ его состоялъ, по свѣдѣніямъ, изъ 12,000 конницы, 2500 чел. пѣхоты и двухъ орудій. Кнорингъ, узнавъ объ этомъ, приказалъ, расположеннымъ въ Бамбавскихъ грузинскихъ селеніяхъ, двумъ мушкетерскимъ ротамъ Тифлисскаго, тремъ ротамъ 17-го егерскаго полковъ и 70 казакамъ—всего 381 человекъ и 200 бамбавскихъ татаръ присоединенныхъ къ отряду подъ начальствомъ полковника Карягина, подвинуться къ границѣ,

¹⁾ Рапортъ Лазарева Кнорингу, 26-го мая 1802 г.

²⁾ Письмо Кноринга хану, 29-го мая 1802 г.

³⁾ Рапор. Кноринга, Г. И. 8-го іюня 1802 г.

стать противъ Кіаль-Балы-хана и наблюдать за его движеніемъ. Въ то же время, Кнорингъ спрашивалъ хана о причинахъ его приближенія къ границѣ Грузіи. Тотъ отвѣчалъ, что причина эта не относится къ Грузіи, а потому отвѣчать на вопросъ считаетъ не нужнымъ.

Такой отвѣтъ и просьбы карскаго паши защитить его отъ нападенія Кіаль-Балы-хана заставили Кноринга согласиться на это. Карскій паша, по совѣту главнокомандующаго, собралъ свои войска въ числѣ 6,000 конницы и 2,000 пѣхоты и присоединилъ ихъ къ отряду Карягина.

28-го мая, нахичеванцы атаковали наши войска и турецкія войска карскаго паши. Турецкая конница была сначала опрокинута, но сильный артиллерійскій огонь изъ шести орудій, трехъ русскихъ и трехъ турецкихъ, далъ совершенно другой оборотъ дѣлу. Нахичеванцы начали сначала отступать, а потомъ обратились въ совершенное бѣгство.

Кіанъ-Балы-ханъ, столь самоувѣренно говорившій, долженъ былъ отказаться отъ своихъ намѣреній.

II.

Объявленіе манифеста. — Открытіе верховнаго грузинскаго правительства.

9-го апрѣля 1802 года, въ среду на Страстной недѣлѣ, Кнорингъ, въ сопровожденіи дѣйств. статск. совѣтн. Коваленскаго и многочисленной свиты русскихъ чиновниковъ, имѣлъ торжественный входъ въ Тифлисъ — столицу Грузіи.

Черезъ три дня, 12 апрѣля, въ великую субботу былъ обнародованъ въ Тифлисъ манифестъ о присоединеніи Грузіи къ Россіи. Въ соборныхъ храмахъ грузинскомъ, армянскомъ, римско-католическомъ и въ магометанской мечети одновременно читался манифестъ, послѣ прочтенія котораго начата присяга.

Собравъ къ себѣ всѣхъ князей, знатныхъ особъ и прочихъ обывателей Тифлиса, Кнорингъ приказалъ окружить ихъ войсками, «*аки штурмомъ*»¹⁾, и въ такомъ положеніи совершать присягу. Народъ, самъ искавшій покровительства и просившій подданства, былъ озадаченъ такою безтактностію главнокомандующаго²⁾. Многіе изъ князей спѣшили оставить церковь и не

¹⁾ Переводъ писемъ къ кн. Герсевану Чавчавадзе, отъ 18 апрѣля 1802 г. Арх. Мин. Внут. Дѣл., по департ. общихъ дѣлъ. Ч. II, стр. 197.

²⁾ «Кнорингъ съ Коваленскимъ въ политикѣ своей ошиблись, писали Лопкаревъ кн. Курякину, и не слѣдовало бы имъ окружать церковь войсками, а надлежало бы

хотѣли присягать насильно. По приказанію Кноринга, нѣкоторые лица были за то арестованы ¹⁾.

Нужно ли говорить, какое впечатлѣніе произвело на народъ подобное дѣйствіе новой для нихъ власти.

Такой поступокъ привелъ грузинъ, вовсе не ожидавшихъ такого распоряженія, въ уныніе и поселилъ въ нихъ ропоть. Привлеченныя къ присягѣ, царицы высказывали Кнорингу свое неудовольствіе и порицали его дѣйствія. Онѣ укоряли его въ томъ, что, будучи въ Грузіи, онѣ обѣщали ходатайствовать объ утвержденіи въ царскомъ достоинствѣ того, кому по праву наслѣдства оно будетъ принадлежать. Какъ та, такъ и другая имѣли, по ихъ мнѣнію, основаніе въ такомъ укорамъ. Царица Дарья основывалась на завѣщаніи своего супруга Ираклія II, по которому долженъ былъ царствовать царевичъ Іулонъ, а царица Марія на томъ, что сынъ ея, царевичъ Давыдъ, признанъ и утвержденъ императоромъ Павломъ I наслѣдникомъ грузинскаго престола. Такимъ образомъ, каждая изъ царицъ хлопотала о сохраненіи престола въ своемъ родѣ. Сознывая затруднительность своего положенія, Кнорингъ, еще болѣе увеличилъ недоразумѣніе, сказавъ, что относительно царствованія никакихъ повелѣній не имѣетъ; что царствованіе прекращено въ Грузіи по представленію тайнаго совѣтника Лошкарева, князя Герсевана Чавчавадзе и прочихъ пословъ грузинскихъ ²⁾,— а ему повелѣно только привести въ исполненіе новое положеніе о Грузіи.

Вскорѣ Тифлисъ узналъ, что генераль-маіоръ Тучвовъ, по приказанію Кноринга, былъ у царицы Маріи, супруги послѣдняго царя Георгія XII, и отобралъ у нея всѣ царскія регаліи ³⁾.

поставить оныя въ нѣкоторой отдаленности, на открытомъ мѣстѣ, и по приведеніи къ присягѣ, отдать честь точно такъ, какъ въ бытность мою въ Крыму министромъ я приводилъ къ такой же присягѣ татаръ....» Арх. М. В. Д.: Дѣла Груз., ч. II, стр. 194.

¹⁾ Арестованы были египетскіе князья Мочабеловъ и Амреджибовъ.

²⁾ Переводъ писемъ князю Герсевану Чавчавадзе изъ Грузіи, 18 апрѣля 1802 г. Письмо Лошкарева кн. Куракину 7 іюня 1802 г. Арх. Мин. Внут. Дѣлъ, дѣла Грузіи. Ч. II, стр. 194, 197 и 198. «Вашему сіятельству извѣстно, писалъ Лошкаревъ, что положеніе сіе сдѣлано въ Москвѣ, безъ всякихъ представленій, а сколько мнѣ помнится, сказано, что, по возвратѣ изъ Москвы, грузинскія дѣла здѣсь (Петербургѣ) будутъ кончены, да и самъ Кнорингъ, при отъѣздѣ, то же самое мнѣ объявилъ. Я не знаю, откуда же онъ взялъ и объявилъ оное царикамъ?..»

³⁾ Корона, скипетръ, знамя, порфира и тронъ внесены были сначала для сбереженія въ верховное грузинское правленіе. Сабля же и оба ордена, пожалованные Георгію XII, царица Марія не возвратила, а высказала желаніе оставить у себя. Кнорингъ спрашивалъ, какъ поступить? (Письмо его Троцианскому 25 мая 1802 г. № 28) Императоръ Александръ приказалъ забрать саблю и ордена оставить у царицы (рескриптъ Кнорингу 25 іюня: Арх. Мин. Внут. Дѣлъ, дѣла Грузіи кн. I). Впослѣдствіи всѣ ото-

Подобныя дѣйствія до крайности раздражили всѣ сословія народа.

Царевичи Давыдъ и Вахтангъ были недовольны правительствомъ. Незначительныя обстоятельства послужили поводомъ въ тому. Первому Кнорингъ въ ноябрѣ 1801 г. сообщилъ, что ему пожалованъ орденъ св. Александра Невскаго, но орденъ не былъ данъ Давыду, а вскорѣ затѣмъ онъ былъ уволенъ въ отставку безъ прошенія и мундира, который былъ всегда «предметомъ его усиленнѣйшихъ желаній». Царевичу Вахтангу былъ данъ орденъ св. Анны, а грамота по ошибкѣ была написана и выслана на орденъ св. Александра Невскаго. Кнорингъ отобралъ эту грамоту для замѣны другою, а Вахтангъ принялъ это «въ уничиженіе себѣ, почелъ за чувствительную обиду».

«Весь здѣшній народъ, писали грузины князю Чавчавадзе ¹⁾, васъ проситъ не оставить всѣхъ насъ увѣдомленіемъ, подлинно ли Кнорингъ поступаетъ такъ по высочайшей е. и. в. волѣ, или здѣшнему дворянству и всѣмъ обывателямъ дѣлаетъ самолично такія огорченія. По извѣщеніи вашемъ, будемъ стараться себя защитить, ибо таковыхъ непріятныхъ поступковъ мы не въ состояніи болѣе сносить. Весь народъ ожидалъ и ожидаетъ отъ васъ увѣдомленія, дабы узнать достоверно о высочайшей волѣ и намѣреніи. Но какъ по нынѣ отъ васъ о томъ еще не извѣщенъ, то и остается въ крайнемъ изумленіи и не знаетъ, въ что рѣшиться».

Въ ожиданіи отвѣта, всѣ состоянія людей присягали между тѣмъ на вѣрность новаго подданства. Присяга шла на столько успѣшно, что Кнорингъ могъ донести, что она совершена «при радостномъ восклицаніи народа» ²⁾. Въ теченіе апрѣля и въ началѣ мая, вся Грузія присягнула русскому императору. Страна раздѣлена была для этого на нѣсколько епархій. Въ каждую епархію посланы чиновники для объявленія манифеста и принятія присяги въ мѣстныхъ церквахъ ³⁾.

Послѣ торжества объявленія, Кнорингъ отправился для обозначенія границъ Грузіи, преимущественно со стороны Персіи и Эривани, а правителю Грузіи дѣйствительному статскому совѣтнику Коваленскому поручилъ сдѣлать приготовленія въ откры-

¹⁾ Иныя регалии привезены были въ Георгіевскъ, гдѣ и хранились. (См. Акты Кав. Арх. Ком. Т. I, 194. № 154)

²⁾ Арх. Мин. Внут. Дѣлъ, по деп. общ. д., дѣла Грузіи, ч. II, стр. 198.

³⁾ Всепод. рап. Кноринга, отъ 12 апрѣля 1802 г. Акт. Кав. Арх. Ком. Т. I, 443.

⁴⁾ Письмо Кноринга католикосу царевичу Антонію 19 апрѣля 1802 г. Тиф. Арх. Намѣстн.

тію правленія. Имеретинскій царь Соломонъ, паша ахалцхскій ¹⁾, ханъ ганжинскій и джаро-бѣлоканскіе лезгины ²⁾ получили письма Кноринга, въ которыхъ онъ, объявляя объ обнаруженіи въ Тифлисѣ манифеста, приглашалъ ихъ оставаться спокойными, не нарушать добраго согласія, и присовокуплялъ, что императоръ Александръ готовъ оказывать свою помощь и пособіе всѣмъ тѣмъ, которые будутъ искать ее, и своими искренними поступками того заслужать. Отъ джаро-бѣлоканцевъ главнокомандующій требовалъ, чтобы они прислали своихъ старшинъ въ Тифлисъ для объявленія имъ «нѣкоторыхъ миролюбивыхъ предложеній».

Между тѣмъ, приготовленія къ открытію правленія приходили къ концу. 7 мая, комендантъ Тифлиса съ барабаннымъ боемъ и музыкою объявлялъ, на открытыхъ мѣстахъ и площадяхъ города, что на слѣдующій день послѣдуетъ открытіе верховнаго грузинскаго правительства, со всѣми его экспедиціями, и приглашалъ всѣхъ царевичей и чиновниковъ, назначенныхъ въ правленіе, собраться въ домъ, нарочно для того избранный.

Въ 7 часовъ утра 8 мая, произведено послѣдовательно три пушечныхъ выстрѣла съ полу-часовыми промежутками. За послѣднимъ выстрѣломъ, въ половинѣ девятаго часа, начался во всѣхъ церквахъ благовѣстъ и продолжался до начала церемоніи.

Въ домѣ, избранномъ для правленія, собрались тифлисскіе жители всѣхъ званій и состояній. Туда же прибылъ и Кнорингъ. Встрѣченный на крыльцѣ и залахъ дома чиновниками и князьями, онъ занялъ мѣсто у стола, на которомъ положено было: учрежденіе о губерніяхъ, манифестъ, штатъ и постановленіе о Грузіи.

Послѣ рѣчи главнокомандующаго и отвѣта на нее князя Ивана Орбеліани, прочтенъ сначала списокъ всѣмъ чиновникамъ, назначеннымъ въ составъ верховнаго грузинскаго правленія, и за тѣмъ послѣдовало торжественное шествіе въ Сіонскій соборъ.

Впереди шелъ комендантъ съ полиціймейстеромъ и полицейскими служителями, двѣнадцать грузинскихъ князей и дворянъ по два въ рядъ. Двое изъ первѣйшихъ князей: вартлинскихъ — Иванъ Орбеліани, и вахетинскихъ — Андрониковъ, несли на парчевыхъ подушкахъ, первый учрежденіе о губерніяхъ, а второй — манифестъ, штатъ и постановленіе о Грузіи. Четыре князя-ассистента при каждомъ поддерживали за висти края подушекъ.

Далѣе слѣдовалъ главнокомандующій со свитою и генерали-

¹⁾ Письма Кноринга, отъ 16 апрѣля 1802 г.

²⁾ Письма его же, отъ 18 апрѣля 1802 г.

тетомъ; Коваленскій съ чиновниками, царевичи, князья, дворяне, и народъ замыкали шествіе ¹⁾).

Впереди и сзади процессіи слѣдовали войска.

На паперти Сіонскаго собора процессія встрѣчена духовенствомъ. Два архіерея, принявъ отъ князей подушки, отнесли ихъ въ церковь, размѣстили на столахъ, покрытыхъ парчею и поставленныхъ по обѣимъ сторонамъ амвона.

Тифлисскій митрополитъ Арсеній совершалъ божественную литургію. По окончаніи ея, два чиновника, одинъ по-русски, а другой по-грузински, читали объявленіе Кноринга, въ которомъ тотъ, заявляя объ открытіи верховнаго грузинскаго правительства, обязывался: «ограждать области сіи отъ внѣшнихъ нашествій, сохранить обывателей въ безопасности личной и имущественной и доставить всѣмъ покровъ, увѣренность и спокойствіе правленіемъ бдительнымъ и сильнымъ, всегда готовымъ дать правосудіе обиженному, защитить невинность и, въ примѣръ злыхъ, наказать преступника ²⁾).

«Любящіе миръ да убѣдятся, писалъ Кнорингъ, что прилежаніе и труды, а не происки, избыточество обывателей, а не нищета ихъ, твердая и неповолебимая надежда на благодать Господню, а не отчаяніе, наконецъ, ни коварство, кровопролитіе, буйство, жестокости и дерзости, но простодушіе, человѣколюбіе и снисхожденіе, — добродѣтели, долженствующія отличать христіанина, — суть источники спокойствія и благоденствія народовъ».

За тѣмъ прочтенъ штатъ, постановленіе о Грузіи, и всѣ чины, назначенные въ составъ правленія, приведены къ присягѣ.

Послѣ благодарственнаго молебствія, сопровождаемаго колокольнымъ звономъ и 101 пушечнымъ выстрѣломъ, процессія въ томъ же порядкѣ отправилась въ домъ назначенный для присутственныхъ мѣстъ, гдѣ и совершено было также молебствіе.

Въ присутственной комнатѣ, было тотчасъ же открыто первое засѣданіе верховнаго правительства и составленъ протоколъ «къ свѣдѣнію и незабвенную память на вѣчныя времена высокомонаршаго въ грузинскому народу благоволенія и милости» ³⁾).

Въ тотъ же день открыты одна за другою экспедиціи: исполнительная, казенная, уголовная и гражданская.

Торжество дня закончилось обѣдомъ, баломъ и ужиномъ у главнокомандующаго. Присутственные мѣста и городъ были иллюминованы.

¹⁾ Обрядъ открытія правительства 8 мая 1802 г.

²⁾ Полн. Собр. Зак. Т. XXVII, № 26.498.

³⁾ Репортъ Кноринга Г. И., 25 мая 1802 г.

Въ теченіи мая открыты присутственныя мѣста въ городахъ Гори, Сигнахѣ, Телавѣ, Лори и Душетѣ.

Въ день открытія правленія, двадцать девять человѣкъ грузинскихъ князей просили Кноринга о дозволеніи отправить въ С.-Петербургъ депутатами князей Ивана Орбеліани и Соломона Моуравова съ благодарностію къ императору Александру о принятіи Грузіи въ подданство Россіи ¹⁾.

Съ открытіемъ правленія, лица царскаго дома навсегда устранены отъ управленія народомъ. Нѣкоторые изъ нихъ вызваны въ Россію, другіе остались въ Грузіи. Царевичи Гулонъ, Парнаозъ и Александръ оставили свое отечество. Первые два находились въ Имеретіи, а послѣдній переѣзжалъ отъ одного хана къ другому. Кнорингъ приглашалъ každого изъ нихъ возвратиться въ Грузію и вступить во владѣніе принадлежащими имъ имѣніями ²⁾. Ни одинъ изъ трехъ царевичей не принялъ такого приглашенія. Находившіеся въ Грузіи члены царскаго дома были также недовольны. Лишившись права произвольно располагать имуществомъ своихъ подданныхъ, удовлетворять всѣмъ своимъ прихотямъ, они были возбуждены противъ русскаго правительства. Русское правительство хотя и торопилось принять мѣры къ тому, чтобы не поставить ихъ въ затруднительное положеніе относительно матеріальныхъ средствъ, но забота эта, увеличивъ расходы казны, не привела къ удовлетворительному результату. Царевичи, находившіеся въ Россіи, получили пенсіи по 10 т. р. каждый. Царица Марія, по тогдашнимъ свѣдѣніямъ, имѣла обезпеченные доходы, простиравшіеся до 18 т. р. грузинскою серебряною монетою ³⁾. Царицѣ Дарьи назначено по 500 р., царевнамъ Софьи и Рипсимѣ по 100 р., а Гаянѣ и Нинѣ по 75 р. въ мѣсяцъ каждой ⁴⁾. Русскія деньги не произвели того дѣйствія, котораго отъ нихъ ожидали. Честолюбіе и жажда власти не были заглушены золотомъ. Лица царской фамиліи не могли оставаться праздными. Они сожалѣли, что корона ушла изъ рукъ дома Богратионовъ, и всѣми силами, всѣми зависящими отъ нихъ средствами, старались вернуть ее ⁵⁾.

¹⁾ Письмо князей Кнорингу 8 мая 1802 года. Императоръ Александръ отклонилъ ихъ желаніе, какъ поступокъ съ «важными для нихъ вздержками сопряженный и по увѣренности моей въ усердіи ихъ излишній». Арх. Мин. Внут. Дѣлъ, дѣла Грузіи, кн. I. Рескриптъ Кнорингу 25 іюня 1802 г.

²⁾ Акты Кавк. Археогр. Ком. Т. I, 245.

³⁾ Репортъ Кноринга Г. И. 5 іюля 1802 г.

⁴⁾ Высоч. рескриптъ Кнорингу, 5 августа 1802 г.

⁵⁾ Письмо гр. Мусина-Пушкина Трошинскому, 20-го августа, № 61. Акты Кавк. Арх. Ком. Т. I, 395—401.

— Можете ли вы торжественно утвердить, спрашивалъ какъ-то графъ Мусинъ-Пушкинъ царевича Вахтанга, что съ матерью вашею не сожалѣете о грузинской коронѣ, вышедшей изъ дому Богратионовъ. Скажите мнѣ откровенно, какъ другу.

— Не могу! отвѣчалъ царевичъ въ порывѣ откровенности. Жалѣемъ и сильно жалѣемъ. Мы заслуживали бы названія безумныхъ, если бы такого сожалѣнія не существовало.

Надежда на возможность вернуться къ старому порядку вещей и, вслѣдствіе того, принимаемые царевичами мѣры къ достиженію своихъ цѣлей, были причиною многихъ беспорядковъ въ Грузіи, беспорядковъ, клонившихся къ разоренію бѣднаго класса народа....

Правленіе открыто. Кнорингъ уѣхалъ въ Георгіевскъ, поручивъ командованіе войсками, расположенными въ Грузіи, генералъ-маіору Лазареву, а управленіе дѣлами гражданскими дѣйствительному статскому совѣтнику Коваленскому. Народъ остался въ уныніи, какъ отъ поступковъ Кноринга, такъ и отъ совершенно чуждаго для него порядка веденія дѣлъ, начавшагося съ образованіемъ новаго правленія. Новому правительству прежде всего предстояло уяснить себѣ понятіе о томъ, что такое Грузія? Каковъ характеръ народовъ, ее населяющихъ? Каковъ общественный, нравственный и юридическій строй народа?

Остановимся на этихъ вопросахъ, знакомство съ которыми необходимо какъ для того, чтобы объяснить политическій смыслъ грузинъ, а также и для того, чтобы сложить съ нихъ многія обвиненія, которыя заявляются иногда при изученіи историческихъ событій у этого народа, чисто отъ недостаточнаго знакомства съ его правами и обычаями.

III.

Рожденіе. — Крещеніе. — Свадьба и вѣрованія грузинъ.

Жизнь грузина представляетъ много любопытнаго для наблюдателя, привыкшаго къ общему европейскому строю жизни. По лощинамъ и скатамъ горъ раскинуты грузинскія деревни. Издали онѣ кажутся неправильною насыпью или грудой развалинъ. Въ Карталиніи многія села и деревни лишены садовъ; въ Кахетіи, напротивъ того, всѣ тонуть въ зелени. Въ самомъ расположеніи деревни нѣтъ собственно ничего характеристичнаго, опредѣленнаго: двухъ-этажный домъ стоитъ рядомъ съ земляною, едва видимою отъ горизонта земли.

Каждый строится тамъ, гдѣ ему вздумается, не обращая вниманія на то, «нарушить ли онъ удобство другихъ или займетъ дорогу». Улицъ нѣтъ; проходы между домами такъ узки, и наполнены такими рытвинами, что одиночные всадники едва подвигаются впередъ. Грузины не имѣютъ привычки очищать улицъ; соръ и падалъ валяются въ глазахъ всѣхъ, и своимъ разложениемъ заражаютъ воздухъ....

Посреди плоскихъ крышъ домовъ, возвышаются конусообразныя насыпи, съ отверстіемъ для выхода дыма, а вокругъ нихъ набросаны связки хвороста и терновника, идущаго на топку. Досчатый курятникъ и плетеный кузовъ на сваяхъ для кукурузы, на кормъ птицамъ, — необходимыя пристройки къ дому.

Неподалеку отъ деревни раскинуты мякинницы, большіе стога сѣна, и длинныя, ушедшія въ землю, *гомурі*. — гдѣ содержится рабочій скотъ. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ видна церковь, построенная въ видѣ русской избы съ покатою, но черепичною крышею. Она всегда мала и можетъ помѣстить не болѣе десятой части поселянъ ¹⁾. Скромное кладбище, омываемое чистымъ ручейкомъ или рѣчкою, составляетъ принадлежность почти каждой деревни.

Хата (сакля) простолюдина первобытной постройки. Она строится изъ плетня, съ двумя отдѣленіями, одно для семейства, другое для кладовыхъ. Сакля доступна только со стороны входа. Крыша и заднія стѣны приходятся въ уровень съ землею. Ее окружаютъ приземистый колючій заборъ и деревья орѣшника, виноградника и плакучей ивы. Входъ въ саклю закрытъ навѣсомъ, устроеннымъ на небольшихъ столбикахъ, испещренныхъ весьма часто разными узорами.

Входная дверь ведетъ прежде всего въ *дарбази* — главную и самую большую комнату, посреди которой стоятъ два, а иногда и одинъ столбъ (*деда-бодзи*), служащій опорой всему дому. Приѣмная, гостиная, кухня и самая семейная жизнь селянина сосредоточивается въ этой комнатѣ. Къ потолку придѣлана желѣзная цѣпь съ крючкомъ, на которомъ вѣшается котелъ. Въ *дарбази* же разводится огонь или устраивается небольшой очагъ — углубленіе выложенное камнемъ, — служащій для приготовления пищи и согрѣванія во время холода. Вокругъ очага семья собирается обѣдать; здѣсь же она и спитъ. Полъ въ саклѣ земляной и неровный. Вдоль задней стѣны *дарбази* идутъ деревянныя полки, съ симметрически разставленною посудой.

Посуда состоитъ изъ *азарпеші* — небольшой серебрянной ча-

¹⁾ Д. Вокрадзе: «Грузія и грузины», Кавк. 1851 г. № 30, 123. «Сцены изъ грузин. жизни», Ив. Сл... Кавк. 1860 г. № 91.

щечки съ тонкою продолговатою ручкою. Азарпеша имѣеть видъ суповой разливательной ложки, на которой часто написано во всю длину ея, кому принадлежить, и что стоять.

Кула — кувшинъ, съ узкимъ горлышкомъ, сдѣланный изъ орховаго наплыва, покрытаго краснымъ лакомъ, или изъ корня грушеваго дерева, съ пустотою внутри.

Азарпеша и кула — сосуды, изъ которыхъ по преимуществу пьютъ вино. Когда пьютъ изъ кулы, то вино, стремясь изъ широкаго въ узкое и спиральное отверстие, производитъ звукъ, похожій на воркованіе горлинки. Изъ кулы меньше выпьешь, за то скорѣе опьянѣешь.

Самый замѣчательный кубокъ грузинъ — это турій рогъ, часто оправленный въ серебро; въ него помѣщается до полтунги вина (тунга 5 бутылокъ).

Остальная посуда состоитъ изъ деревянныхъ чашекъ грубой работы и глиняныхъ кувшиновъ, иногда натурального цвѣта, а иногда муравленыхъ.

Въ противоположной входу стѣнѣ сакли устроена большая ниша, въ которую укладываютъ постель. Мебель составляютъ широкіе, но низкіе *тахты* (родъ дивана), сколоченные изъ досокъ. Тахты поставлены вдоль одной или двухъ стѣнъ, покрыты разноцвѣтными коврами, съ красною *мутакою* (продолговатая подушка). У третьей стѣны стоятъ сундуки, окованные желѣзомъ или обтянутые кожей, *кидобани* (деревянный ящикъ) для храненія хлѣба. Тутъ же стоятъ кувшины для воды и другая мелкая утварь.

По стѣнамъ развѣшаны военные доспѣхи хозяина, покрытые весьма часто значительнымъ слоемъ копоти. Пища приготавливается въ самой саклѣ, въ висащемъ надъ очагомъ котлѣ, и оттого постоянное пребываніе въ комнатѣ дыма рѣжетъ глаза и коптитъ всю внутренность дома ¹⁾. Пламя, поднимаясь, нагрѣваетъ саклю. Къ балкѣ, упирающейся въ потолокъ, привѣшенъ глиняный или желѣзный шкаликъ съ растопленнымъ саломъ. Горящій фитиль его даетъ тусклый мерцающій свѣтъ и вмѣстѣ съ пламенемъ костра составляетъ все освѣщеніе сакли, застланной дымомъ горящаго костра.

Вокругъ очага сидятъ дѣти съ раскраснѣвшими пылающими щеками. Скинувъ съ себя обувь и развалившись на тахтѣ, раз-

¹⁾ «Письма изъ Кахетинъ», кн. Р. Эрнстовъ, Кавк. 1846 г. № 25.—«Грузинскіе очерки в тѣлѣ», К. Вилемска, Кавк. 1847 г. № 16.—«Грузія в грузинъ», Д. Бокрадзе, Кавк. 1851 г. № 30.—«Очерки деревенскихъ нравовъ Грузинъ», Н. Берзеновъ, Кавк. 1854 г. № 98.—Гакстаузенъ, «Закавказскій край»; изд. 1857 г. Часть I, стр. 67, 75, 145.

говариваютъ хозяева громко и торжественно. Снявъ головной уборъ и накрывшись платкомъ, сидитъ мать семейства, у деревянной рѣзной колыбели, и погремущаи забавляетъ дитя или тихую пѣсней убаюкиваетъ его. Ребенокъ не слушается, капризничаетъ. Мать страшаетъ его чудовищемъ. Простой народъ вѣритъ въ существованіе *булы* — страшилища, которое, имѣя огромный ротъ и предлинный языкъ, хватаетъ ребенка, бросаетъ его въ глотку и пожираетъ. По увѣренію и понятію многихъ, *була* ходитъ по ночамъ около дворовъ и уноситъ попадающихся ему дѣтей. Угрозы матери не дѣйствуютъ, ребенокъ кричитъ и капризничаетъ по прежнему. Какъ унять плачь неугомоннаго? Остается привѣсить къ его колыбели ослиное копыто, или дать ему соевъ подорожника, разведенный въ молоко матери. Средство это испытанное, и ребенокъ навѣрно перестанетъ плакать и кричать.

Одного убаюкали, другія просятъ ужинать. Навормивши всѣхъ, хозяйка застилаетъ постели, подкладываетъ подъ подушки деревянную подставку, и все семейство ложится. Ложится спать и она.

Передъ сномъ почти каждая грузинка читаетъ особую молитву. «Лагу, засну, произноситъ она, осѣнюсь крестнымъ знаменіемъ. Девять иконъ, девять ангеловъ осѣнятъ мои ноги и голову. Милуетъ меня крестъ и на немъ распятый, а потому и не можетъ вредить мнѣ искустель»¹⁾.

Глубокая полночь. Все семейство давно уже спитъ; въ саклѣ тихо, — тихо и кругомъ. Чей-то стукъ въ двери нарушаетъ окружающую тишину; то стучится посланный отъ сосѣда или родственника.

— Что такое? спрашиваютъ проснувшіеся хозяева.

— У барыни заболѣлъ животъ (валбатона муцели стьова), отвѣчаетъ посланный.

Неожидая никакихъ дальнѣйшихъ распросовъ, вѣстникъ спѣшитъ къ другимъ саклямъ, гдѣ живутъ еще родственники или знакомые пославшаго его господина. Разбуженные хозяева также не задерживаютъ посланнаго, не спрашиваютъ его о причинѣ такой болѣзни, ибо всѣмъ извѣстно, что, по обычаю, онъ присланъ отъ мужа женщины, которая чувствуетъ приближеніе родовъ. Хозяйка тотчасъ же одѣвается и отправляется къ родильницѣ, — это необходимо исполнить по принятому обыменовенію. Мало по малу со всѣхъ концовъ собираются родные и знакомые больной, которая лежитъ среди комнаты, на постелѣ.

Существуетъ повѣрье, что при родахъ нечистая сила въ об-

¹⁾ Агебсь-гаме (заговѣнье), Изв. Геліева, Закавк. Вѣстникъ. 1855 г. № 6.

разъ змія старается напасть на новорожденного и задушить родильницу. Чаще же всего *Али* — духъ женскаго пола, преслѣдуетъ родильницъ. Онъ является имъ въ образѣ повивальныхъ бабокъ, умерщвляетъ дитя, а родильницу уводитъ и бросаетъ въ рѣбу.

Слово *Али* значитъ собственно—пламя. Грузины считаютъ его злымъ духомъ и вѣрятъ, что онъ тотчасъ же исчезаетъ при крестномъ знаменіи и произнесеніи имени какаго-либо святаго. Народъ рассказываетъ, что *Али* живетъ вездѣ, но преимущественно въ Базалетскомъ озерѣ. По представленію народа, *Али* — прекрасная очаровательная женщина съ распущенными волосами, постоянно плещущаяся въ озерѣ и поющая сладострастные пѣсни. Духи эти проказничаютъ надъ тѣми, кто ихъ не узнаетъ. Одна изъ подобныхъ продѣлокъ рассказывается и до сихъ поръ устами суевѣрныхъ грузинокъ. Въ селеніи Базалети жила повивальная бабка. Въ темную ночь пришли къ ней прекрасныя женщины, прося помочь одной матери, страдающей родами. Старуха отправилась. Въ огромныхъ палатахъ нашла она женщину, мучившуюся родами. Бабка подала ей помощь, приняла и показала матери чуднаго ребенка, за что и получила полный платокъ золота. Прекрасныя женщины проводили старуху до двора, но здѣсь спутницы ея исчезли со смѣхомъ и шумомъ, а старуха увидѣла, что въ платкѣ ея вмѣсто золота, — зола. Она догадалась, что то были *Али*.

Грузинъ впрочемъ имѣетъ средство овладѣть этими прекрасными женщинами. Стоитъ только схватить *Али* за косы, изъ которыхъ она не можетъ оставить въ рукахъ противника ни одного волоска, и тогда она окончательно побѣждена.

Побѣжденные, они дѣлаются кроткими, послушными и полными рабынями пойманшаго.

Али не чужды превращеній. Изъ прекрасной женщины онъ можетъ сдѣлаться чудовищемъ, у котораго «зубы словно кабаньи клыки, а коса во весь ростъ, и говорить-то она хотя и человѣческимъ языкомъ, но все наоборотъ: вся она создана на изнанку, и всѣ члены ея выворотные» ¹⁾.

Въ защиту отъ такого чудовища подъ голову родильницы кладутъ обнаженный кинжалъ и шашку, а самую кровать, гдѣ лежитъ она, вмѣсто занавѣса окружаютъ священною сѣтью.

Несмотря ни на какія страданія, больная не можетъ позвать къ себѣ мужа, лишеннаго теперь права входить въ комнату

¹⁾ «О грузинской мѣтеоріи вообще и объ *Али* въ особенности», А. Саванели. Записки. Вѣст. 1854 г. № 49. — См. также Кав. Кал. 1857, 499.

жены, около которой сидитъ бабка и двѣ или три женщины для услугъ. Попеченію бабки поручается главнымъ образомъ больная. Чтобы облегчить страданія больной—если бы таковыя случились—бабка запасается на всякій случай, если она опытная и бывалая, разными снадобьями. Въ пузырькѣ у нея есть, на примѣръ, желчь отъ ежа, которую, по повѣрью народа, необходимо развести въ водѣ и дать выпить больной, у которой, по несчастію, умереть ребенокъ въ утробѣ. Средство это вѣрное и испытанное: оно облегчаетъ роды ¹⁾.

Шумъ, веселье, разговоры и закуска окружаютъ больную. Хохотныя гостей вмѣстѣ со стономъ больной наполняютъ комнату. Случается, что родильница не выдерживаетъ приличій и зоветъ мужа.

— Смотрите, говорятъ тогда блюстительницы чистоты нравовъ, смотрите, какая грѣховодница, умираетъ, а все-таки думаетъ о мужѣ. Просто стыдъ и срамъ!...

Насмѣшки и колкости дѣлаютъ то, что мучающаяся женщина рѣдко зоветъ къ себѣ мужа. По большей части онъ сидитъ въ сосѣдней комнатѣ и тамъ ожидаетъ себѣ наслѣдника или наслѣдницу. Сынъ предпочитается дочери, и будущій отецъ по всѣмъ признакамъ увѣренъ, что новорожденный будетъ мужескаго пола. Признаки эти хорошо сохранились въ его памяти. Для провѣрки ихъ онъ можетъ развернуть рукописную книгу, известную у грузинъ подъ именемъ *Карабадима*—нѣчто въ родѣ народнаго лечебника.

Въ 38-й главѣ этой книги онъ прочтетъ: если у беременной женщины «правая сторона живота замѣтно выдается, то будетъ сынъ, если же лѣвая, то дочь. Если у женщины, въ періодѣ интереснаго положенія, цвѣтъ лица румяный, то непременно будетъ сынъ, а если она блѣдна—то дочь. Если женщина, идя на зовъ, сперва шагаетъ правою ногою, то будетъ сынъ, а если лѣвою—дочь». Всѣ эти признаки, казалось, улыбались будущему отцу. Онъ сожалѣетъ только о томъ, что для лучшаго убѣжденія себя не прибѣгалъ прежде къ другому опытному и достовѣрному средству, которое совѣтуетъ тотъ же «Карабадимъ». «Возьми, связано въ немъ, чашку съ водою, влей туда немного молока беременной женщины и наблюдай: сосредоточится ли оно на поверхности воды или смѣшается съ нею и пойдетъ ко дну; въ первомъ случаѣ жди сына, и наоборотъ» ²⁾.

Мысль о рожденіи сына вызываетъ улыбку отца, которая,

¹⁾ «Очерки дерев. нрав. Грузинъ», Н. Берзеновъ. Кавк. 1858 г. № 56.

²⁾ О грузинской медицинѣ, Кавк. Календ. на 1857 г. стр. 484.

впрочемъ, можетъ скоро исчезнуть отъ мысли, что́ станется съ новорожденнымъ? Какая судьба ожидаетъ его впереди? — И на эти вопросы есть отвѣты въ томъ же «карабадимѣ» — этомъ оруду́ грузинскаго народа.

«9 и 22-е марта, 6 и 25-е апрѣля, 4 и 29-е мая, 5 и 22-е июня, 9 и 26-е июля, 7 и 29-е августа, 3 и 22-е сентября, 6 и 21-е октября, 6 и 20-е ноября, 5 и 22-е декабря, 5 и 27-е января, 9 и 22-е февраля — безусловно несчастливы для всего: для работъ, построекъ, путешествій, покупки и продажи; для займовъ, перестройки, перехода въ новый домъ, для свадебъ, кровопусканія, сновъ, пощѣвовъ, посадокъ, — впрочемъ сказать, для всего; въ эти дни лучше ничего не дѣлать. Ребенокъ, родившійся въ одинъ изъ этихъ дней, едвали будетъ жить, а если и останется въ живыхъ, будетъ несчастливъ, потому что сказанныя числа называются *петикони*, т. е. рововыми. Несдобровать тому, кто заболѣетъ въ эти дни; отъ того-то Господь повелѣлъ израильтянамъ строго наблюдать ихъ»¹⁾.

Положимъ, будущій новорожденный избѣжалъ этихъ рововыхъ чиселъ, и родители захотѣли бы узнать, какого онъ будетъ характера, счастливъ или несчастливъ; на это есть лунный календарь, хорошо извѣстный каждому грузину²⁾.

Кто родится въ первый день луны будетъ счастливъ и долготѣнъ. Во второй день уже не хорошо родиться, потому что новорожденный будетъ изувѣромъ и развратникомъ по своей волѣ, независимо отъ Бога или отъ планеты.

Родившійся въ III день луны, будетъ фанатикъ и лжецъ; будетъ счастливъ, но медленно расти; изъ него выйдетъ воевода; въ IV день — нездороваго тѣлосложенія, гнѣздилище недуговъ, долженъ остерегаться огня, воды и меча — они могутъ прекратить дни его. Въ V день — проживетъ долго; въ VI — будетъ счастливъ, но вспыльчивъ; въ VII — едвали останется въ живыхъ, а если останется, то изъ него выйдетъ злой человѣкъ; въ VIII — будетъ ученъ и исполненъ мудрости; въ IX — скоро вырастетъ, будетъ счастливъ, всѣмъ любезенъ, но также скоро и умереть; въ X — будетъ счастливъ, долготѣнъ, полюбитъ трудъ, но будетъ тяжелъ, строптивъ и пьяница; въ XI — отмѣченъ большимъ знакомъ, счастливъ, но немножко злорѣчивъ; въ XII — добродѣтельнъ, охотникъ до путешествій, долженъ остерегаться

¹⁾ Тамъ же, стр. 508.

²⁾ Лунный календарь переведенъ акад. Броссе на французскій языкъ и напечатанъ въ его книгѣ: *Mémoires inédits relatifs à l'Histoire et à la langue Géorgienne*. Paris. 1833 г. Переводъ съ французскаго помѣщенъ въ газетѣ Кавказъ 1863 г. № 71.

огня и воды; умретъ злою смертію; въ XIII — будетъ безбожникъ и зараженъ проказою.

Кто родится въ XIV день, будетъ праведникомъ, познаетъ волю Божию и спасется, но будетъ преслѣдуемъ многими болѣзнями и злоключеніями; въ XV — угрюмъ и жесвиждѣтель; въ XVI — проживетъ долго и будетъ добръ; въ XVII — будетъ длиноволося и проживетъ только 12 лѣтъ; въ XVIII — насладится радостною жизнію до глубокой старости; въ XIX — будетъ красавецъ и проживетъ долго, но будетъ жаденъ, неблагомыслящъ, гордъ, корыстолюбивъ, сквернословенъ и умретъ отъ жестокосердія; въ XX — недовѣрчивъ; въ XXI — будетъ мудрый торговецъ и любитель правды; въ XXII — молчаливъ и счастливъ; въ XXIII — хищникъ и злорѣчивъ, а въ остальномъ надѣленъ всѣми дарами природы; въ XXIV — умретъ отъ меча.

Если XXV день придется въ субботу, то бѣда въ этотъ день родится, потому что въ XXV день, и именно въ субботу, «родится *Анте* (антихристъ), человекъ съ багровымъ лицомъ, съ веснушками, съ длинными голеними, съ рѣдкими волосами; правый глазъ у него будетъ на лбу, правое ухо на темени — носъ смрадный. Онъ погубитъ всю вселенную».

Родившійся въ XXVI день спасется, будетъ богобоязненъ и любимъ высшими; родъ его скоро распространится; въ XXVII день хорошо родиться, но сны ничего не стоютъ; въ XXVIII день — будетъ злодѣй и умретъ отъ руки женщины; въ XXIX — проживетъ много лѣтъ, будетъ любезенъ, а потому и развратенъ. Родившійся въ XXX день проживетъ 60 лѣтъ, будетъ тароватъ, счастливъ, и имѣть родимый знакъ на правомъ плечѣ и на щекѣ.

Въ какой же день лучше всего родиться — задаетъ себѣ вопросъ грузинъ, прочитавшій эти примѣты, но вотъ уже слышится крикъ новорожденнаго.

Въ комнатѣ, гдѣ лежитъ больная, поднимается еще бѣльшій шумъ и разгулъ присутствующихъ женщинъ. Поздравленія сопровождаются пѣснями, въ которыхъ мать сравниваютъ съ луною, а новорожденнаго младенца — съ солнцемъ. Больной желаютъ здоровья, а младенцу золота, чиновъ и чудной красоты. Шумъ и хохотъ гостей смѣшиваются со стономъ хозяйки и оглашаютъ комнату...

Грузины бываютъ очень недовольны, когда родится дочь. Отцу не возвѣщаютъ тогда о рожденіи ребенка, и онъ, догадавшись о такой невзгодѣ, сердится на жену, и, если у него родилось нѣсколько дочерей сряду, то огорчается не на шутку.

— И, батюшка! утѣшаютъ его простодушно родственницы,

точно съ нимъ приключилось какое нибудь серьезное несчастье. Полно огорчаться; что дѣлать, видно на то воля Божія, — онъ наказуетъ, онъ и милуетъ; авось на будущей разъ родится у васъ сыночекъ; вы еще молоды, напрасно отчаяваетесь.

Рождение сына, и въ особенности перваго, составляетъ истинное удовольствіе для родителей. Тотчасъ же дается праздникъ *дзеоба*, т. е. рождение сына. Выстрѣлъ изъ ружья возвѣщаетъ о появленіи на свѣтъ младенца мужескаго пола. Служанка изъ дому новорожденнаго бѣжитъ извѣстить всѣхъ родныхъ и знакомыхъ съ пріятною новостію и получаетъ отъ нихъ въ подарокъ *самохоробло*, деньги за радостное извѣстіе. Въ теченіи цѣлой недѣли посѣщаютъ больную родные, знакомые, и проводятъ около ея постели цѣлые дни и ночи.

Въ защиту матери и младенца, отъ всякихъ покушеній *Али*, принимаются мѣры.

«Насъ было три брата, — сказано въ молитвѣ противу *Али*, молитвѣ, которую иногда читаетъ одна изъ женщинъ, — во имя св. Троицы, и носили мы каждый двойное имя: Арозъ-Марозъ, Эмброзъ-Эдварозъ, Эвмарозъ-Антиохосъ. Охотились мы на полѣ дамасскомъ, гдѣ есть гора изобилующая оленями, и напали мы на слѣдъ прямой-превратный: пятки прямые, а животъ на оборотъ; спина прямая, а лицо на оборотъ. Отправились мы по тому слѣду и увидѣли стоявшую въ пещерѣ дѣвушку: волосы у нея пурпурные, зубы жемчужные. Мы спросили ихъ, кто вы? и какъ ваше имя? Она отвѣчала:—Я—*Али*, нечистая сила, что прихожу къ родильницѣ, хватаю ее за волосы и удавливаю вмѣстѣ съ ребенкомъ.—Тутъ мы обнажили мечи и стали поражать злодѣйку. Тогда начала она умолять насъ и сказала съ клятвою:—Господа мои, пощадите меня, и я впредь на сто миліоновъ триста осмнадцать стадій (мѣра длины около 115 шаговъ) не осмѣюсь приблизиться къ тому мѣсту, гдѣ будутъ произносить ваши имена или будетъ находиться хартія съ вашими именами. Явились св. архангелы Михаилъ и Гавриилъ; вышелъ черный всадникъ, ведя чернаго коня, въ черной сбруѣ, съ черною плетью. Сѣлъ онъ на того коня, отправился по черной дорогѣ. Спросили его: куда ѣдешь, злодѣй смраднѣй, съ зубами ядовитыми? Отстань отъ сего раба Божьяго и войди въ голову дракона. Христосъ,—Богъ милосердія, благости и отрады. Помоги Матерь Христа Марія и даруй облегченіе рабу Божію¹⁾».

Молитва отъ *Али* прочтена, остается оградить младенца и родильницу отъ всякой другой нечистой силы въ образѣ змія.

¹⁾ Н. Берзеновъ: «О грузинской медицинѣ», Кавк. календ. на 1857 г. стр. 499.

Для этого учреждается ночная стража (*гамисъ-тева*), обязанная защищать ихъ отъ нечистой силы, такъ какъ дознано опытомъ, «что новорожденный и мать только пятнадцать дней бываютъ въ опасности отъ змѣя».

Пятнадцати-дневный срокъ назначается для стражи при рожденіи одного первенца; за тѣмъ, при рожденіи слѣдующихъ дѣтей, срокъ для стражи уменьшается послѣдовательно на одинъ день. Такъ для второго новорожденного стража собирается только на четырнадцать дней, для третьяго — на тринадцать дней и т. д.

Находящіяся на *гамисъ-тева* размѣщаются на балконахъ, крышахъ или въ комнатахъ больной. Число ихъ бываетъ различно, смотря по состоянію и значенію отца новорожденного; иногда число это доходитъ до ста человѣкъ. Въ караулѣ этомъ принимаютъ участіе какъ мужчины, такъ и женщины. Они занимаются пляскою и пѣніемъ, а главное стрѣляніемъ изъ ружей, чтобы напугать нечистую силу, и при случаѣ ранить или убить змѣя.

Подъ утро для вѣхъ караульныхъ устраивается ужинъ, который извѣстенъ подъ именемъ *сирисъ-куди* (хвостъ ужина, т. е. остатки послѣ ужина, — закуска). Названіе это присвоено потому, что *сирисъ-куди* бываетъ послѣ семейнаго ужина и состоитъ только изъ однихъ сластей.

Крещеніе совершается обыкновеннымъ образомъ. Грузины часто къ христіанскому имени прибавляютъ другое, заимствованное ими или отъ мусульманъ, или же выражающее какое-либо качество, напримѣръ: Асланъ, Парсаданъ, Бардисахаръ (розо-подобная) и проч. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Грузіи существовало обыкновеніе новорожденного мальчика обсыпать солью съ головы до ногъ. Увѣряютъ, что отъ такого дѣйствія младенецъ выйдетъ человѣкомъ крѣпкимъ, могучимъ, и въ состояніи будетъ, безъ всякаго опасенія, перенести всѣ житейскія бури. У грузинъ, соль — эмблема твердости, вкуса и изобилія во всемъ.

Въ колыбель младенца кладутъ иногда собачій зубъ, потому что, по народному повѣрью, онъ ускоряетъ прорѣзываніе и роженіе зубовъ младенца.

Мальчикъ растетъ на совершенной свободѣ, а дѣвочка подъ надзоромъ матери. Послѣднюю, нерѣдко на восьмомъ году отъ рожденія, отдаютъ въ монастырь для изученія рукодѣлій и грамотѣ. Обычай этотъ, какъ надо полагать, произошелъ изъ желанія скрыть своихъ дочерей отъ персіанъ, ежегодно посылаемыхъ прежде собирать хорошенькихъ дѣвицъ въ гаремъ шаха.

Вѣроятно, таже самая причина заставила грузинъ обручать дочь чуть-ли не со дня ея рожденія, въ самой колыбели. По

уложенію царя Вахтанга, дѣвочка, достигшая 12-ти лѣтъ, считалась совершеннолѣтнею и могла выйти замужъ.

Какъ всегда и вездѣ, родители хлопчуть о скорѣйшей выдать дочери замужъ. Желаніе свое они приводятъ въ исполненіе при помощи свахъ, которыхъ выбираютъ или изъ числа родственницъ или духовныхъ лицъ, или же, всего чаще, изъ близкихъ знакомыхъ женщинъ.

Переговоры о бракѣ происходятъ всегда между родителями. О приданомъ прежде не очень заботились, но каждая невѣста получала въ приданое непременно одну или двѣ азарпешы, которыя и переходили всегда по наслѣдству. Въ послѣднее время стали впрочемъ появляться *sia* — списокъ приданому, которое общають дать родители за невѣстою. Теперь почти каждая сваха имѣетъ таковой *sia*, въ которомъ значится, напимѣръ:

Личаковъ тюлевыхъ, атласныхъ и блондовыхъ на .	100 р.
Тависакрави разныхъ сортовъ	50 >
Сумублей	25 >
Сурмы	5 >
Чхирей разныхъ сортовъ	3 > и т. д.

Покончивъ переговоры, женихъ, черезъ своего дядю или другого родственника, посылаетъ своей невѣстѣ *хелись-дасадеби* — сахаръ и колечко. Родители невѣсты призываютъ священника, который читаетъ надъ перстнемъ молитву, и отецъ, передавая его дочери въ знакъ обрученія, говоритъ что она невѣста такого-то. Молодая дѣвушка только теперь узнаетъ, что жребій ея брошенъ, и что она выходитъ замужъ.

Спустя нѣкоторое время послѣ сговора, назначается *тириснахва*, т. е. день, въ который женихъ въ первый разъ является посмотрѣть лицо невѣсты. Хороша-ли она или дурна, онъ не можетъ уже, послѣ обрученія, отказаться отъ нее, не заплативъ пени. Женихъ, послѣ посѣщенія невѣсты, признается роднымъ, и въ честь его дается *ертаджала* — обѣдъ жениха съ невѣстою, — на которомъ онъ имѣетъ полное право, не только смотрѣть на свою будущую жену, но и сдѣлать ей подарокъ, состоящій по преимуществу изъ платка и чѣтокъ. Приготовленіе къ свадьбѣ лежитъ на обязанности жениха, который, въ свою очередь, поручаетъ позаботиться о томъ шаферу (*меджваре* или *натлія*), пользующемуся у грузинъ большимъ уваженіемъ. Меджваре бываетъ обыкновенно кто нибудь изъ почетныхъ родныхъ и впоследствии крестить дѣтей.

Грузинскія свадьбы какъ въ городахъ, такъ и деревняхъ бывають большею частію съ ноября до масляницы; на масляницѣ вѣнчаются только одни армяне.

За нѣсколько дней до свадьбы, въ назначенный вечеръ гости собираются въ домъ жениха. Хозяинъ старается убрать свое помѣщеніе самымъ изысканнымъ образомъ, насколько позволяютъ его средства. Богатые увѣшиваютъ стѣны и потолки коврами, которые берутъ на прокатъ на базарѣ.

Наканунѣ свадьбы, шаферъ собираетъ молодыхъ людей (*макари*) и вмѣстѣ съ ними ведетъ жениха въ баню. Невѣста обязана исполнить тоже самое.

Баня для грузина — это истинное удовольствіе; у нихъ есть даже обыкновеніе поздравлять съ *абано*, какъ съ праздникомъ. Посѣщать баню и понѣжиться въ ней, особенно любятъ женщины. Собираясь въ баню, безъ различія, будетъ ли то праздничный или воскресный день, онѣ нагружаютъ бѣльемъ перваго попавшагося *мушу*¹⁾ и слѣдуютъ за нимъ со всѣми домохладцами.

Шумъ, крикъ, а иногда и ссоры слышатся въ банѣ. Посѣтители, усѣвшись въ еружокъ и разославъ на полуковеръ, размачиваютъ хлѣбъ и сыръ въ горячей сѣрной водѣ и съ удовольствіемъ принимаются утолять свой голодь. Въ банѣ нерѣдко происходитъ цѣлый пиръ, въ баню собираются цѣлыми партіями, собственно для того, чтобы покутить на славу и потомъ освѣжиться ея водою. Звуки пѣсень, зурны и другихъ инструментовъ оглашаютъ бани, и, скользя по ея сводамъ, раздаются и громче и звучнѣе. Полунагіе грузины часто пируютъ въ баняхъ до самаго разсвѣта; — тамъ же моется и женихъ накануне свадьбы.

Въ назначенный для свадьбы день, женихъ посылаетъ въ домъ невесты *сакоримло* — съѣстное, состоящее по преимуществу изъ коровъ, овецъ и свиней.

Въ Тифлисѣ, гдѣ цивилизація пустила уже свои корни, женихъ отправляетъ къ невестѣ священника и съ нимъ посылаетъ *халавз* — свадебный подарокъ. Онъ состоитъ: изъ салопа, шалей, разныхъ галантерейныхъ вещей, двухъ головъ сахару и четырехъ свѣчей, обвитыхъ розовыми лентами. Священникъ оставляетъ у невесты подарки, одну голову сахару и двѣ свѣчи, а остальной сахаръ и свѣчи приноситъ обратно жениху, чтобы не одна невеста, но и женихъ могъ провести супружескую жизнь также сладко, какъ сахаръ.

Собравъ *макреби* — родственниковъ и знакомыхъ, женихъ ѣдетъ вѣнчаться часто за 80 и за 100 верстъ. По обычаю, онъ

¹⁾ *Муша*—это вѣчный труженикъ, переносчикъ тяжелыхъ грузовъ съ одного мѣста на другое.

выбираетъ себѣ такую дорогу, по которой не пришлось бы проѣзжать обратно съ молодою женою. На время сватъбы женихъ принимаетъ названіе *менѣ* (царь), а невѣста *дедопали* (царица). Огромная свита сопровождаетъ жениха; все, что попадаетъ на пути: овца, корова, курица—все рѣжется въ честь менѣ, который обязанъ уже платить за нихъ. Проѣздъ черезъ деревни сопровождается пѣснями въ два хора...

На дворѣ сажли невѣсты, въ нѣсколькихъ мѣстахъ дымятся разложенные костры. Толпы мальчишекъ бѣгаютъ вокругъ нихъ съ крикомъ: *корчилиа!* (сватъба). Одинъ изъ дѣтей забирается на верхушку самого высокаго дерева и смотритъ вдаль. Въ самой сажлѣ суматоха. Всѣ одѣты по праздничному. Тахта (низкій диванъ) убирается новымъ ковромъ, на верхъ котораго во всю длину положенъ тюфякъ, а на немъ *мутана*—круглая, продолговатая подушка изъ разноцвѣтнаго бархата, обшитаго по краямъ цвѣтнымъ канасомъ. Въ особой комнатѣ *мдаде*—женщина убираетъ невѣсту. Материнскія наставленія не оставляютъ дочь ни на минуту. Ей рассказываютъ такія вещи, о существованіи которыхъ она и не подозрѣвала. Заменуемая въ кругу своего семейства и въ своей свѣтлицѣ, дѣвушка не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о предстоящей ей новой жизни, о ея потребностяхъ и невзгодахъ. Ей убираютъ голову и читаютъ наставленія.

— Не осрами меня, говорятъ ей, предъ своими и чужими. Веди себя такъ, какъ слѣдуетъ примѣрной царицѣ; не поднимай глазъ вверхъ, не смотри ни на кого и не оглядывайся по сторонамъ, — что я говорю, по сторонамъ! старайся не моргать даже глазами; губы должны быть закрыты и самое дыханіе не слышно.

Отецъ невѣсты хлопочетъ объ угощеніи, музыкантахъ (*сазандреби*) и приглашаетъ *сазандара* (пѣвецъ), который долженъ непременно присутствовать на каждой сватъбѣ. За удовольствіе его послушать часто платятъ по 60 руб. въ сутки. Болѣе же всего будущій тестъ заботится о томъ, чтобы сдѣлать приличный подарокъ своему зятю и его макреби. Подарокъ этотъ обыкновенно состоитъ или изъ хорошей лошади, или изъ оружія.

Мало по малу въ домѣ все приходитъ въ порядокъ, стихаетъ и успокоивается. Къ воротамъ дома посланъ слуга съ азарпешей и кувшиномъ вина; онъ ждетъ кого-то.

— Макреби неіони (ѣдутъ поѣзжане)! вскрикиваетъ вдругъ мальчикъ, сидѣвшій на деревѣ и нарушаетъ тѣмъ общее спокойствіе.

Все семейство вскакиваетъ опять на ноги, всматривается вдаль по дорогѣ и различаетъ одинокаго всадника, свачущаго бѣ

дому. Подъѣхавъ къ дому невѣсты, всадникъ производитъ выстрѣлъ и вѣзжаетъ на дворъ. Онъ молодъ и щеголевато одѣтъ. Простая баранья шапка его, окрашенная въ черный цвѣтъ, какъ-то особенно заломлена на бокъ. Рубашка изъ синяго бумажнаго холста застегнута на правой сторонѣ голой шеи. Только во время сильныхъ холодовъ грузинъ повязываетъ шейный платокъ. Широкіе суконные шальвары поддерживаются на талии шнуркомъ съ кисточками, и, по привычкѣ, общей всемъ грузинамъ, торчатъ на виду. Ситцевый архалукъ застегнутъ на рукахъ и груди множествомъ мелкихъ пуговицъ и стануть тремя обхватами банаусоваго пояса, къ которому привѣшенъ кинжалъ. Сверхъ архалука надѣта чѣха, «которой рукавовъ мужиъ никогда не закидываетъ на плечи». Игры его, всегда обтянутые козачьими онучами — для сватбы обтянуты вязанными шелковыми; въ нихъ запущены «концы исподень, которые у шиволки застегнуты тесемками, концами спускающимися внизъ». Обыкновенно употребляемые шкурковыя лапти замѣнены теперь сапогами изъ сырцовой кожи, хотя и грубой работы, но съ подковами и ременными тесемками или пуговками. На немъ надѣта мохнатая бурка, особенно любимая грузинами, «съ перевязью изъ полшелковаго платка на груди».

Грузинъ вообще неопрятенъ; въ продолженіи многихъ лѣтъ носить двѣ рубашки и не-охотникъ мыть и стирать бѣлье. Надѣваетъ новое платье только тогда, когда старое свалится съ плечъ или въ особенныхъ торжественныхъ случаяхъ, какъ на примѣръ, когда самъ женится, бываетъ на сватбѣ, праздникѣ и т. п.

Чрезвычайно крѣпкаго тѣлосложенія, грузинскій простолюдинъ говоритъ живо и свободно. Онъ чрезвычайно добродушенъ, гостеприименъ, благороденъ, балагуръ и вообще веселаго нрава.

Одного изъ таковыхъ балагуровъ, записныхъ весельчаковъ, женихъ отправляетъ впередъ въ домъ невѣсты.

Онъ принимаетъ названіе *махаробели*—вѣщатель радости.

— *Менѣ мобдзандеба* (царь ѣдетъ), говоритъ онъ. Я благовѣстникъ, радователь дома. Ёль я ягоды, подвяжите мнѣ плечо.

— Побѣда тебѣ! побѣда! отвѣчаютъ присутствующіе; да будеть добра твоя вѣсть.

Къ нему подходит слуга, стоявшій у воротъ, подвязываетъ къ плечу свѣтло-красный кусокъ ткани изъ шелковой матеріи ¹⁾ и подноситъ азарпешу съ виномъ. Осушивъ разъ, другой, и

¹⁾ Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Грузіи обязанность эту исполняетъ женщина при входѣ махаробели въ селеніе.

третій, махаробели затыкаетъ ее за воротникъ, какъ полученный по обычаю подарокъ. Посланнаго ведутъ въ саклю, гдѣ встрѣчаютъ съ глиняною чашкою, наполненною виномъ. Опорожнивъ ее залпомъ, онъ, со всего размаха, бросаетъ въ потолокъ и развиваетъ въ дребезги.

— Вотъ такъ разсыпятся всѣ враги твои, говорить онъ хозяину.

— Да будетъ слухъ и вниманіе! обращается за тѣмъ махаробели ко всѣмъ присутствующимъ. Сейчасъ долженъ пожаловать сюда царь со свитою. Я его передовой и объявляю вамъ объ этомъ. А что, дедопали (царица-невѣста) готова?

— Царица давно наряжена, отвѣчаютъ ему, но она поступить въ распоряженіе мепе (жениха) не иначе, какъ послѣ щедрого вознагражденія ея наставницѣ.

Женихъ обязанъ заплатить *саостато* — плату за воспитаніе невѣсты — прежде чѣмъ поведетъ ее къ вѣнцу. Онъ долженъ заплатить также *пирисъ-мюсартави* — плата за уборъ лица.

— За всѣмъ этимъ, говорить махаробели, дѣла не станеть, мать моя, клянусь въ томъ твоимъ солнцемъ; нашъ мепе богатъ и такъ щедръ, какъ никто.

На дворѣ слышны ружейные выстрѣлы, пѣсни, крикъ и шумъ.

— *Менѣ мобдзандеба* (царь ѣдетъ), слышится со всѣхъ сторонъ и на разные голоса.

Женихъ пріѣхалъ. Онъ окруженъ свитою, состоящею изъ поѣзжанъ — людей всякаго возраста, но преимущественно изъ такихъ, которые любятъ вутнуть на славу. Для большинства изъ нихъ ни почемъ осушить сряду нѣсколько турьихъ роговъ вина. Они обязаны, по возвращеніи молодыхъ отъ вѣнца, сколько пить, столько же пѣть, кричать и шумѣть.

Будущіе тестъ и теща привѣтствуютъ и обнимаютъ жениха. Отправляются въ церковь. Женихъ подаетъ невѣстѣ одинъ конецъ платка, а самъ держитъ другой и въ такомъ положеніи идутъ до самой церкви. Шаферъ, скрестивъ сабли надъ дверями церкви, пропускаетъ новобрачныхъ въ храмъ и подводитъ жениха съ невѣстою къ налою. Передъ ними на полу постланъ кусокъ шелковой матеріи (пандазы), которая отдается потомъ священнику. Поверхъ ее кладутъ сабли, на которыя становятся новобрачные, — и кто первый наступитъ на саблю, тотъ изъ нихъ будетъ властвовать въ будущемъ семействѣ. Если женихъ наступитъ первый, то, кромѣ власти, онъ, по народнымъ предразсудкамъ, можетъ надѣяться на то, что сынъ его будетъ мужественный и храбрый герой.

Обрядъ вѣнчанія исполняетъ священникъ той церкви, къ ко-

торой принадлежить невьста ¹⁾. Женихъ хотя и привозитъ своего священника, но онъ не вѣнчаетъ, а приходитъ съ крестомъ, послѣ вѣнца, къ отцу невьсты, говорить, что привезъ зятя его невредимымъ и исчисляетъ его достоинства. Тестъ обвязываетъ крестъ шелковою матеріею и дѣлаетъ подарокъ пастырю церкви.

Вѣнцы въ Грузіи не есть принадлежность церкви; ихъ заказываетъ и привозитъ женихъ и передаетъ одной изъ служанокъ невьсты. Во время вѣнчанія священникъ спрашиваетъ у шафера вѣнцы, тотъ обращается съ такою же просьбою къ служанкѣ.

— Дай, милая, вѣнцы, говорить онъ, украситъ ими твою барыню.

— Дайте, сударь, выкупъ, отвѣчаетъ та.

— А сколько тебѣ надо, душенька?

— Чѣмъ болѣе, тѣмъ красивѣе будетъ казаться вашъ кумъ. Шаферъ (меджваре ²⁾) почти всегда бываетъ крестнымъ отцомъ дѣтей у новобрачныхъ, оттого женихъ часто заранѣе называетъ его кумомъ.

Два-три червонца отданы за выкупъ вѣнцовъ...

Во время самаго обряда, публика, слѣдя за новобрачными, рѣшаетъ вопросъ, кто изъ молодыхъ дольше проживетъ. На это есть особыя правила и примѣты.

«Разочти по пальцамъ буквы, изъ которыхъ состоятъ имена ихъ (вѣнчающихся) и потомъ считай порознь, приговаривая: Адамъ, Ева и т. д. Если по числу буквъ послѣднимъ выйдетъ имя Адама, то мужу суждено умереть прежде жены, и на оборотъ».

Обрядъ вѣнчанія кончился. Союзъ скрѣпленъ нѣсколькими поцѣлуями молодыхъ и *наротомъ* (узы супружества)—бумажный снурокъ, которымъ священникъ, при послѣднихъ словахъ обряда, связываетъ руки новобрачныхъ, съ приложеніемъ церковной печати изъ воска съ изображеніемъ на немъ креста.

Поздравленія, шумъ, крикъ, стрѣльба и пѣсни сопровождаютъ

¹⁾ Городскія свадьбы, и въ особенности тифлисскія, нѣсколько отличаются отъ деревенскихъ. Женихъ не ѣздитъ въ домъ невьсты, а ѣдетъ прямо въ церковь, куда привозитъ невьсту шаферъ. Въ день свадьбы въ домъ жениха собираются гости: мужчины на одной половинѣ, женщины на другой. Первые занимаютъ разговорамъ, игрою въ карты, закусываютъ, слушаютъ сазандара, а послѣднія, сидя на тахтѣ и поджавъ подъ себя ноги, слушаютъ пискливые звуки зурны и раскатистый громъ бубна и дайры—горшокъ обтянутый кожей. По мѣрѣ прибытія гостей, они садятся на тахту и принимаются за варенья и разныя сласти. Въ антрактахъ пляшутъ лезгинку съ аккомпаниментомъ всеобщаго боя въ ладоши, необходимымъ условіемъ этого танца...

²⁾ Шаферъ носитъ два названія, или *меджваре* или *еджити*.

сочетавшихся къ дому невѣсты, въ которомъ давно уже ожидаютъ ихъ и приготовились къ встрѣчѣ. Въ комнатѣ устроено нѣчто въ родѣ трона. Подлѣ тахты къ стѣнѣ прикрѣпляютъ занавѣсъ изъ дорогой матеріи. На тахту кладутъ парчевыя подушки, а сверхъ нихъ постилаютъ *мандазы*; другой такой же *мандазы* посланъ отъ дверей къ трону. Первый отдается въ подарокъ служанкѣ невѣсты, а второй — слугѣ жениха.

Впереди молодыхъ идутъ маэреби и дѣлаютъ нѣсколько сабельныхъ ударовъ надъ дверьми.

— Царь и царица идутъ, провозглашаютъ они.

Въ дверяхъ встрѣчаетъ молодыхъ одна изъ родственницъ и даетъ имъ откусить немного сахара, съ пожеланіемъ прожить и состарѣться также сладко какъ сахаръ ¹⁾. Отсюда ведутъ ихъ по разостланному *пандазу* къ тахтѣ или трону. Мѣсто, гдѣ должны сѣсть молодые, занято мальчикомъ, который лежитъ въ растяжку, заложивъ за спину руки, и ожидаетъ выкупа за мѣсто. Не смотря на просьбы, брань и даже удары плетью, онъ не оставляетъ мѣста, пока ему не дадутъ нѣсколько денегъ и яблокъ—таковъ обычай. Получивъ плату, мальчикъ встаетъ, при огромномъ смѣхѣ присутствующихъ. Молодые заняли мѣсто: женихъ сѣлъ съ правой, невѣста съ лѣвой стороны. Возлѣ нихъ, рядомъ съ невѣстою, помѣстилась старуха, обязанная, въ теченіи цѣлаго вечера, поправлять головное покрывало молодой, то платокъ ея, то платье, хотя бы они были и въ отличномъ порядкѣ. Старуха нашептываетъ ей на ухо различныя наставленія, необходимыя для будущаго ея поведенія.

На молодыхъ надѣты вѣнцы, сдѣланные изъ разноцвѣтной мишуры «въ видѣ кружка, надѣваемого на голову, съ крестомъ впереди и съ четырьмя кистями опускающимися до плечъ». Вѣнцы эти молодые носятъ по обычаю въ теченіи трехъ дней ²⁾.

Приходитъ священникъ и снимаетъ наротъ. Приносятъ лакомства и молодые испытываютъ первое удовольствіе супружества—вкушая двѣ-три капли варенья изъ одной и той же ложки.

Передъ ними кладутъ хлѣбъ — такъ называемый *джварисцпури* — съ воткнутымъ въ него деревяннымъ крестомъ, на оконечностяхъ котораго торчатъ яблоки и шелковый платокъ. По-

¹⁾ У городскихъ жителей принимаетъ молодыхъ посаженный отецъ. Онъ скрещиваетъ надъ головами ихъ обнаженные шашки, а подъ ноги подбрасываетъ тарелку, которую они обязаны раздавить, — «какъ гнру дурныхъ замысловъ нечистыхъ силъ». Послѣ подносятъ шербетъ (напитокъ), и начинается вторичное поздравленіе и цѣлованіе.

²⁾ У городскихъ жителей ихъ снимаютъ въ тотъ же день, вскорѣ по возвращеніи отъ вѣнца домой.

слѣдній переходитъ потомъ во владѣніе шафера. Къ молодымъ подходятъ два человѣка, — одинъ слуга жениха, а другой невѣсты — съ серебряннымъ подносомъ, и становятся передъ ними на колѣни.

— Дай Богъ вамъ состарѣться вмѣстѣ, жить въ согласіи и любви, говорятъ присутствующіе, подходя одинъ за другимъ къ молодымъ для поздравленія, и выдаютъ деньги на поднось. — Деньги дѣлятся потомъ между слугами, держащими поднось и составляютъ ихъ достояніе.

Поздравляющіе, кромѣ того, обязаны сдѣлать подарковъ молодымъ или вещами или деньгами, которые въ самомъ бѣдномъ семействѣ достигаютъ цѣнностію отъ 50 до 60 рублей. Лицо, избранное отъ всего присутствующаго общества, подноситъ подарки молодымъ, говоря громко, каковой подарокъ и кѣмъ именно жертвуется.

Сазандреби играютъ лезгинку; молодые танцуютъ первые. За ними должны плясать почти всѣ непрерывно, — одинъ кончитъ и легкій повлонъ уже выводитъ другого на сцену. Только ужинъ прерываетъ этотъ танецъ».

Общество раздѣляется на двѣ половины: почетные (*дарбаис-леби*) сажаются на избранномъ мѣстѣ, а остальные располагаются, кто на тахтѣ, кто на земляномъ полу. Пиръ открытъ...

Грузинъ любитъ попить, пообѣдать и поужинать въ компаніи. Одинъ онъ ѣсть очень мало; часто довольствуется сухимъ хлѣбомъ, зеленью и сыромъ. Для того же, чтобы пообѣдать въ компаніи, въ кругу пріятелей, грузинъ готовъ истратить за одинъ разъ сумму, ассигнованную на недѣльное его пропитаніе. «Для дорогого гостя, для важнаго семейнаго случая рѣжутъ свою корову, нѣсколько барановъ и открываютъ непочатый кувшинъ вина, а въ кувшинѣ томъ можетъ быть болѣе 200 ведеръ». Большіе праздники и свадьбы поглощаютъ множество хлѣба и вина, которое льется рѣкою.

Передъ обѣдомъ всѣ умываютъ руки и за тѣмъ обыкновенно располагаются на тахтахъ или вокругъ очага, на коврахъ или войлокахъ; ѣдятъ и пьютъ, поджавши подъ себя ноги; папахъ не снимается съ головы, рукава чѣхъ закинута за плечи. Передъ обѣдающими растянута *супра* (сватерть) преимущественно синяго цвѣта, съ разными фигурами, не отличающимися изяществомъ рисунка. На ней, безъ приборовъ и безъ всякаго порядка, разбросаны чуреки, туры рога, цвѣты и любимая грузинская зелень: астрагонъ, врессъ-салатъ и другія травы. Вмѣсто тарелокъ служатъ виноградные листья, или *леваши* — тонкія и весьма длинныя прѣсныя лепешки. Ихъ пекутъ двухъ ве-

личинъ, поменьше для тарелокъ, а побольше употребляютъ вмѣсто салфетокъ. На левашахъ разложенъ сыръ, балыкъ, игра и храмула (рыба изъ р. Храма). Тамъ и сямъ видны ароматическіе цвѣты и травы, услаждающія обоняніе грузина.

Хозяйка разливаетъ и подаетъ блюда; три пальца замѣняютъ вилки, а ножъ у него неотлучно въ карманѣ, или въ особыхъ ножнахъ кинжала.

Обѣдъ почти никогда не обходится безъ вина; каждому подносятъ кубокъ. Даже переносчикъ тяжестей и нищій никогда не садятся безъ вина за свою скудную трапезу.

Старшій въ домѣ провозглашаетъ здоровье всѣхъ присутствующихъ и отсутствующихъ, пьетъ за упокой умершихъ, и по обычаю проливаетъ при этомъ каплю вина на полъ.

Прежде горячаго подають большіе куски говядины, сыръ съ зеленью, тешку, балыкъ и овощи. Жирный *бозбаизъ* — супъ съ бараниной, приправленный маленькими кусочками бурдючьяго сала, и *чихиртма* — мучной бульонъ, или скорѣе соусъ, на маслѣ съ яйцами и нарѣзанною курицею, — употребляютъ грузинами предпочтительно передъ всѣми горячими. Шашлыкъ жарится во время самаго обѣда и подается въ нѣсколько перемѣнъ; пловъ ѣдятъ въ заключеніе обѣда.

Растительная пища изъ зелени до чрезвычайности разнообразна. Изъ одного и того же матеріала готовится нѣсколько разныхъ блюдъ, приправляемыхъ миндалемъ, изюмомъ, медомъ, шафраномъ, сушенымъ кизилемъ и прочими сластями и кислотами.

Всѣми этими вещами, въ компаніи и на воздухѣ, а не въ саклѣ, гдѣ ему душно, грузинъ любитъ лакомиться. Вѣчно сонливый *бичо* (мальчикъ-слуга) не успѣваетъ, въ это время, удовлетворять затѣйливымъ прихотямъ своего *батони* (господина). Музыка и пѣніе болѣе всего необходимы для туземца во время обѣда. Въ антрактѣ его, онъ поетъ, выплясываетъ лезгинку, «искусно лавируя носками сапогъ между тарелокъ и бутылокъ». Если грузинъ обѣдаетъ одинъ, то и тогда поетъ, играетъ на *дайръ* или *чонуръ* (особаго устройства балалайка съ мѣдными струнами).

Вина во время обѣда выпивается много, но грузины пьяны бывають весьма рѣдко. «Здѣсь — отъ материнскихъ сосцевъ, прямо въ лапѣхъ *бурдюка*» (кожаный мѣшокъ съ виномъ). Къ вину привыкають съ малолѣтства. Въ Кахетин, особенно обильной виномъ, часто мать не уложитъ спать ребенка, пока не дастъ ему выпить вина, «несвойственнаго его возрасту»; десятилѣтній мальчикъ легко отличаетъ въ винѣ примѣсь воды.

Въ этой благословенной части Грузіи вино не цѣнится ни во что. Еще не далеко то время, когда жители, изъ лѣни ходить за водою, виномъ умывались, на винѣ готовили кушанье и виномъ обрызгивали поля.

На шумныхъ грузинскихъ обѣдахъ женщины не принимаютъ участія; любезность и грація ихъ въ это время считается помѣхою. Женщины обѣдаютъ отдѣльно, въ сторонѣ, не смѣшиваясь съ мужчинами, и, случается, кутятъ на славу. Въ памяти многихъ жителей Тифлиса сохранилось, что лѣтъ 20 тому назадъ «приводила въ изумленіе одна женщина-грузинка, по имени Гука, во всеувиждѣніе истреблявшая невѣроятное количество кахетинскаго. Вѣсть о ней разнеслась по всему краю; отовсюду начали прїѣзжать въ городъ, чтобы посмотрѣть на диво,— одни изъ любопытства, а другіе съ цѣлю поспорить въ питьи съ необыкновенною женщиною. «Какъ намъ извѣстно навѣрное, говоритъ очевидецъ, соперникъ однакоже не выискался въ цѣлой Грузіи; да и едва ли была къ тому физическая возможность. Гука пила вино за разъ не тунгами, а ведрами, и ничуть не напивалась. Ведерную посуду она не иначе называла, какъ *стаканомъ*, а тунгу (5 бутылокъ) *рюмкою*; это даже вошло въ пословицу, которую и теперь нерѣдко слышишь въ Тифлисѣ»¹⁾.

Затворничество женщинъ и отдѣленіе ихъ отъ мужчинъ общало грузинскимъ праздникамъ особый, своеобразный колоритъ. Какъ тѣ, такъ и другіе, кажется, не особенно сожалѣли о такомъ раздѣлѣ и предавались увеселеніямъ съ полнымъ энтузіазмомъ, особенно на сватбахъ. Въ одномъ углу сакли кричатъ, поютъ и пьютъ мужчины; въ другомъ,— пляшутъ и также пьютъ женщины.

Одни молодые не принимаютъ, повидимому, никакого участія въ общемъ весельи. Женихъ сидитъ безмолвно посреди пирующихъ. Подлѣ него, подъ вуалью, молодая супруга, потупившая взоры. Случается весьма рѣдко, что молодая съѣстъ что-нибудь, а то по большей части строго исполняетъ народный обычай.

— Женихъ не ѣстъ! кричитъ одинъ изъ гостей и обращаетъ на это вниманіе тещи.

До сихъ поръ платившій за всякій шагъ, женихъ въ свою очередь ожидаетъ теперь *пирисъ-гасахенемъ* — вознагражденія отъ тещи, которая подноситъ ему пару чулокъ, полотенце, или что-нибудь въ этомъ родѣ. Получивъ подарокъ, женихъ проясняется. На сцену являются туры рога, огромные муравленныя чаши съ

¹⁾ «О грузинской медицинѣ», Н. Берзеновъ.

виномъ и прочіе инструменты. Полная виномъ посуда переходитъ изъ рукъ въ руки, при взаимныхъ поздравленіяхъ и пожеланіяхъ.

— Удача царю и дружбѣ, произносятся одни.

— Да будетъ удача! отвѣчаютъ другіе, выпивая вино.

Веселая компанія разгулялась, пиръ въ полномъ разгарѣ....

— Толубаша! кричитъ нѣсколько голосовъ.

Начинается выборъ *толубаша* — главы пира и блюстителя его законовъ. Онъ — представитель разгульнаго Бахуса, закаленная сталь въ пирушкахъ, *пирвели-дардымани*, т. е. кутила.

Толубашъ единогласно избранъ. Онъ одѣтъ въ широкіе шелковые шальвары, въ щегольскую чѣху, рукава которой закинуты за плечи; шея голая во всякую погоду. На немъ высокая папахъ, ухорски заломленная на бекрень; носки сапоговъ загнуты брючкомъ къ верху. Походка его медленная; движенія исполнены сознанія своего превосходства. Толубашъ долженъ быть веселъ, беспеченъ, говорливъ и остроуменъ. Кто не выросъ въ мараняхъ (винныя давилни и хранилища этого напитка), тотъ лучше не суйся въ толубаши. Этого званія достигаютъ только тѣ, которые могутъ одновременно помѣстить огромное количество вина въ своемъ желудкѣ, — тѣ, которые подчуютъ гостей виномъ изъ стакана, а сами пьютъ изъ бутылки. Толубашъ только тогда отдыхаетъ на лаврахъ, когда всѣ кувшины съ виномъ, сколько бы ихъ ни было, окажутся пустыми. Онъ пользуется деспотическою властію надъ пирующими; каждый его гость — законъ для всѣхъ остальныхъ; всѣ его требованія должны исполняться безпрекословно. Онъ прикажетъ растегнуть *гулс-мари* — косой воротъ рубашки — и раскрыть грудь; всѣ исполнить его приказаніе.

— Ышь! кричитъ онъ, разорвавъ руками курицу и бросая кусокъ ея сосѣду.

— Пей! говоритъ онъ другому, пей, говорю, а не то вылью этотъ рогъ тебѣ на голову — и дѣйствительно выльетъ, не смотря на то, что рогъ этотъ вмѣщаетъ въ себѣ иногда полтунги, и нѣтъ никакой возможности его выпить.

Впрочемъ, кто не въ силахъ выпить поднесеннаго ему вина, обязанъ, по обычаю, вылить остальное черезъ голову. Неисполнившій же этого подвергается штрафу, обязывающему докончить недопитое и выпить еще столько же, хотя бы провинившійся оплошалъ и, клонясь къ землѣ, пришелъ «въ положеніе надутыхъ бурдюковъ».

— Покойся милый другъ! говоритъ такому толубашъ, смерть есть начало безсмертія.

Вообще, во время кутежа, грузины стараются угодить другъ другу и подѣлиться, если не со всѣми, то съ сосѣдомъ, каждымъ лакомымъ кусочкомъ.

— Если только травой можно спастись, то эшаки (ослы) первые вбѣгутъ въ рай, говорить толубашъ, когда замѣтитъ, что кто-нибудь изъ гостей ѣсть только одну зелень.

У толубаша отняли въ шутку нѣсколько бутылокъ съ виномъ. Онъ вспоминаетъ, что въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Кахетіи, женщины, у которыхъ находится въ плѣну кто либо изъ родственниковъ, носятъ платья на изнанку, пока не выкупятъ или не освободятъ изъ плѣна,—онъ вспоминаетъ это и примѣняетъ тотъ обычай къ своей личности.

— Вижу, что войска въ вашихъ рукахъ, говорить толубашъ, качая головою и хладнокровно выворачивая чѣху на изнанку. Но кто въ нынѣшнія вичливыя времена поручится, что въ рядахъ его стоятъ воины (т. е. бутылки), въ сердцахъ которыхъ не остыла приверженность ко мнѣ, ревностному сподвижнику своему. Они выжидаютъ перваго благоприятнаго случая, перваго усилія или оплошности непріятели, чтобы выступить своею кровью за обиду моей славы.

— Ты хорошій ораторъ, замѣтилъ ему кто-то.

— Я учился риторикѣ, отвѣчаетъ онъ, изъ руководства къ винодѣлію и поощренію этой промышленности.

Выручивъ изъ плѣна бутылки, толубашъ выпиваетъ вино и перевертываетъ чѣху на лицо.

— Пейте лѣтомъ больше, чѣмъ зимой, совѣтуетъ онъ присутствующимъ, для того, чтобы внутренній жаръ ровнялся вѣшнему; тогда только человекъ можетъ избѣжать болѣзней, свирѣпствующихъ здѣсь обыкновенно въ жаркую погоду.

Слова толубаша не дѣйствуютъ, гости пьютъ мало, — онъ начинаетъ сердиться.

— Господа, кричитъ онъ, вы обижаете хозяина! Плюйте ему въ кувшины, если не нравится вамъ его вино. Вы выходите изъ повиновенія. Если вы избрали меня въ толубаша, то предоставьте пользоваться моими законными правами или умертвите меня какъ измѣнника — вотъ вамъ кинжалъ!

Обнаживъ кинжалъ, онъ подаетъ его гостямъ.

— Солнце равно свѣтитъ, продолжаетъ онъ, и на умныхъ и на дураковъ, поэтому и мы должны равно пить. Стыдитесь, господа! не кровь, а молоко течетъ въ вашихъ жилахъ. Пусть сважетъ каждый: робѣлъ ли кто при видѣ непріятели? Или вы евшины съ виномъ приняли за вражье войско? Пейте, господа, спасайте божій даръ отъ порчи. Не для того вино дано чело-

вѣку, чтобы обращать его въ укусъ... Я знаю вапе доброе сердце; вамъ трудно будетъ отказать моею убѣдительною просьбѣ...

И гости пьютъ за здоровье другъ друга.

— Алла-верды (Богъ даль), говоритъ грузинъ сосѣду, поднося къ губамъ азарпешу.

— Яхши-иоль (добрый путь — на здоровье), отвѣчаетъ тотъ, дѣлая тоже самое.

Компанію обносятъ сначала азарпешей, кулой, стаканами, а потомъ пускаютъ въ ходъ и турьи рога ¹⁾). Продолжительнѣе кутежъ веселой компаніи, и только храпѣніе и пьяный бредъ, по временамъ, нарушаютъ общее веселье...

Изъ дома невѣсты пирующіе отправляются въ домъ жениха. Молодая ѣдетъ верхомъ на осѣдланной новымъ чепракомъ лошади или на убранной и устланной коврами *арбъ* ²⁾). Сопровождающіе ихъ гости всю дорогу поютъ пѣсни. Если на пути придется обогнать другой такой же поѣздъ, то надо объѣхать его непременно справа, иначе, по народному предразсудку, не избѣжишь бѣды. Очень естественно, что желаніе каждаго не подвергаться бѣдѣ, ведетъ нерѣдко къ соперничеству и спорамъ. Народная находчивость и тутъ даетъ средство уладить дѣло. «Оба жениха спѣшиваются, садятся за импровизованную закуску, пьютъ за здоровье другъ друга и расстаются пріятелями».

Въ домѣ жениха свекровь встрѣчаетъ молодую также съ сахаромъ.

Въ сопровожденіи шафера, невѣста входитъ въ *дарбази* — главную комнату. Ее обводятъ кругомъ очага. Присутствующіе обнажаютъ оружіе, бьютъ крестообразно по столбамъ, поддерживающимъ потолокъ, и по цѣпи, на которой привѣшенъ котелъ для варенія пици. На колѣни невѣсты сажаютъ мальчика, — чтобы она подарила мужа наслѣдникомъ. Въ присутствіи молодыхъ поднимается снова кутежъ до глубокой ночи...

Молодые встаютъ и хотятъ снять вѣнцы до другого дня, но служанка не позволяетъ этого сдѣлать — она требуетъ платы. Расплатившись съ нею молодые входятъ въ спальню въ сопровожденіи родныхъ. Поперегъ кровати лежитъ постельничая и, никого не пуская, требуетъ также платы. Удовлетворивъ и ея требованія, молодой мужъ сажаетъ на постель жену, снимаетъ съ правой ноги ея башмакъ и растегиваетъ крючки на правой

¹⁾ «Письма изъ Кахетіи», вл. Р. Эрстова. Кавк. 1846 г. № 25.—«Грузинскіе очерки и типы», Кавк. 1847 г. № 16 и 17.—«Грузія и грузины», Бокрадзе. Кавк. 1851 г. № 31.

²⁾ Арба — туземный экипажъ, нѣчто въ родѣ розвальней на двухъ огромныхъ колесахъ, вѣчно скрипучихъ.

ружѣ. Присутствующіе оставляютъ комнату, пожелавъ молодымъ покойной ночи.

Оставшись вдвоемъ, молодая супруга кажется недовольною и отворачивается. Она ждетъ *хмисъ-гасацемы* — подарка за разговоръ и, получивъ отъ мужа какую нибудь вещь, дѣлается ласковою и разговорчивою. Если «на другой день подадутъ *полустаки* — сласти, приготовленные изъ меду, масла и муки — это значитъ, что молодые... условились жить мирно, въ согласіи и любви, «и довольны другъ другомъ».

Когда участники недовольны сватьбой и угощеніемъ, то, не скрывая своего неудовольствія, высказываютъ его жениху при прощаніи.

— Женихъ! говорятъ они, твой вѣнецъ благословенъ, но поясы наши затянуты туго, потому что брюхи пусты....

Три дня продолжается пиръ послѣ сватьбы. На третій день, при собраніи гостей, шаферъ подходитъ къ молодой, бывшей все время подъ покрываломъ, и концомъ сабли приподнимаетъ его. Присутствующіе при этомъ гости подносятъ *пирисъ-саханави* — подарокъ за смотръ лица. Каждый обязанъ сдѣлать подарокъ по своему состоянію: азарпешу, серебрянную вещь, нѣсколько червонцевъ или другую какую нибудь цѣнную вещь.

— Дай Богъ здоровья такому-то, онъ даритъ новобрачнымъ столько-то дымовъ крестьянъ, провозглашаетъ меджваре о каждомъ, принимая вещь отъ дарящаго.

Спустя нѣсколько времени послѣ сватьбы, наканунѣ какого-нибудь большого праздника, отецъ молодой, или братъ или родственникъ, привозитъ ей *мосакитхи* — гостинецъ, состоящій изъ коровы, барана, пары куръ, гусей и сдобнаго хлѣба (*назуки*); люди бѣдные обходятся и безъ коровы.

Празднованіе сватьбы окончено. Казалось бы, молодымъ предстоитъ впереди веселый медовый мѣсяцъ и пріятная жизнь. Въ дѣйствительности такое заключеніе оказывается не совсѣмъ вѣрнымъ. По народному обычаю, выйдя за-мужъ и вступивъ въ новую, чуждую для нея семью, молодая женщина не имѣетъ права говорить съ отцомъ, матерью и братьями своего мужа до тѣхъ поръ, пока у нее не будетъ дѣтей. Если промежутковъ этотъ будетъ продолжителенъ, то бѣдная женщина вынесетъ не одну укоризну отъ *дедагитли* (свекрови) — названія, съ которымъ въ Грузіи, какъ и вообще въ большей части странъ, соединяется понятіе о сердитой, строптивой старушенкѣ, подъ пытливымъ надзоромъ которой изнываетъ не одно молодое существо.

Бесплодная женщина не только не пользуется уваженіемъ своего мужа и его семейства, но, въ кругу простого народа, под-

вергается многими и важными стѣсненіями. Пытка эта продолжается иногда нѣсколько лѣтъ, и во все это время мужъ отвѣчаетъ за свою жену, которая объясняется пантомимами. Неудивительно послѣ того, что всѣ грузинки такъ пламенно желаютъ имѣть дѣтей и употребляютъ къ тому всѣ средства, какия только создало народное суевѣріе. Бесплодная женщина на востокѣ считается неблагословенною Богомъ. Она молитъ Творца о прощеніи ей грѣховъ, даетъ обѣты и спѣшитъ въ монастырь св. Давыда, гдѣ есть ручей, имѣющій, по преданію, силу оплодотворять бесплодныхъ женщинъ. Монастырь этотъ находится подлѣ самаго Тифлиса.

Во всю западную сторону города тянется отвѣсная гора, называемая туземцами Мта-цминда (святая гора). На самой вершинѣ горы стоитъ монастырь св. Давыда, высоко виднѣясь надъ цѣлымъ городомъ и его окрестностями.

Преданіе рассказываетъ, что св. Давыдъ, одинъ изъ 13-ти сирійскихъ отцовъ, нѣкогда подвизался на горѣ Мта-цминдской. То же преданіе гласитъ, что молодая дѣвушка, дочь одного знатнаго человѣка, жившаго неподалеку горы, сдѣлалась беременною и, по наущенію виновника своего проступка, оклеветала отшельника въ томъ, что онъ виновникъ ея беременности.

Св. Давыда потребовали къ суду. Онъ всенародно обличилъ клеветницу. Дотронувшись до ея чрева посохомъ, святой спросилъ, онъ ли отецъ зачатого ребенка? Изъ утробы матери слышался голосъ, назвавшій имя оболстителя дѣвушки. Несчастная внезапно почувствовала тяжкія мученія и по молитвамъ святого, родила вмѣсто ребенка, — камень. Камень этотъ послужилъ въ послѣдствіи основаніемъ квашетской церкви, получившей отъ него и свое названіе (ква — камень, шва — родила). Въ награду за взведенную на него клевету, угодникъ испросилъ у Господа открытія на горѣ источника живой воды, которая бы имѣла силу оплодотворять бесплодныхъ женщинъ. На заднемъ углу, близъ монастыря, гдѣ гора снова поднимается отвѣсною скалою, выходитъ изъ нея источникъ чистой ключевой воды, и «неумолаемою струею падаетъ въ устроенный въ землѣ бассейнъ».

Сверхъ обыкновеннаго четверга, — дня, еженедѣльно посвящаемого св. Давыду, — въ семьѣ, т. е. въ четвергъ на седьмой недѣлѣ послѣ пасхи, бываетъ въ монастырѣ особенно большое стеченіе народа. Толпы туземцевъ отовсюду спѣшаютъ въ монастырь.

Приложившись къ иконѣ, каждая грузинка обходитъ три раза церковь, обвивая ее кругомъ бумажною ниткою. Смыслъ этого

обряда нѣкоторые объясняютъ тѣмъ, что у грузинъ обходить кругомъ кого нибудь, значитъ выражать тому безграничную преданность и любовь. Лаская нѣжно любимаго ребенка грузинка говоритъ ему: «обойду кругомъ твою голову» (*тавъ шемочевлеби*).

Сѣверная стѣна храма, куда спѣшать женщины послѣ усердной молитвы, вся усѣяна мелкими камушками, довольно крѣпко приставшими къ ней. Почти каждая грузинка — одна явно, другая украдкою, съ сильно бьющимся сердцемъ — прикладываетъ къ стѣнѣ небольшіе голыши, въ значительномъ количествѣ рассыпанные на землѣ. Приставшій къ стѣнѣ камушекъ или слышанный во время молитвы въ горѣ шорохъ, означаетъ исполненіе желанія, удобность молитвы и особенно сулитъ: дѣвушекъ — жениха, а замуженъ женщинѣ рожденіе ребенка.

Несчастныя матери, у которыхъ умираютъ дѣти, также прибѣгаютъ къ заступничеству святого: служатъ молебны и обѣщаютъ посвятить новорожденнаго святому на извѣстное число лѣтъ. Такіе посвященные называются: *бери*. Они носятъ бѣлую одежду и ходятъ съ длинными, неостриженными волосами.

По окончаніи срока посвященія, ребенка босаго ведутъ въ церковь. На церковной паперти священникъ обрѣзаетъ ему волосы и надѣваетъ цвѣтное платье. Служатъ молебенъ, послѣ котораго завалываютъ быка или барана и роздаютъ его нищимъ.

Съ такою же надеждою и благоговѣніемъ спѣшаютъ грузины на праздникъ алавердскаго храма, который бываетъ 15-го сентября. Богомольцы собираются еще наканунѣ. У самыхъ дверей церкви лежитъ куча проволоки, — свидѣтелей предразсудковъ грузинъ. Заболѣвшій надѣваетъ на себя проволоку, носитъ ее до облегченія отъ болѣзни, и затѣмъ отправляется, по обѣту, въ такую-то церковь, на храмовой праздникъ, гдѣ, скинувъ съ себя проволоку, кладетъ ее у дверей церкви и служитъ молебенъ. Многія женщины и здѣсь ходятъ на колѣняхъ вокругъ церкви и, обводя ее нитками, просятъ выздоровленія заболѣвшему ребенку или близкому родственнику...

Но мы еще возвратимся къ разсмотрѣнію суевѣрія грузинъ, ознакомившись предварительно съ ихъ городскимъ бытомъ.

Н. Дувровинъ.

ПОСЛѢДНЯЯ СУДЬБА ПАПСКОЙ ПОЛИТИКИ ВЪ РОССІИ.

(1845 — 1867 гг.)

IX*).

Враждебныя Россіи польскія партіи.—Ихъ отношеніе къ духовенству.—Воспитаніе въ видахъ участія въ приготавливаемомъ возстаніи.—Съѣзды латинскаго духовенства въ 1862 г.—Значеніе подлясской епархіи.

Тяжело вспоминать тѣ явленія, которыми сопровождалось послѣднее польское возстаніе, руководимое таеъ называемою *народовою справою* и кровавыми исполнителями ея своекорыстныхъ предпріятій. Но, ограничиваясь предѣлами занимающихъ насъ вопросовъ, мы можемъ не останавливаться на нихъ, и, указавъ только въ общихъ чертахъ главныя свойства мятежа, сосредоточиться на опредѣленіи участія, какое принимало въ немъ польское духовенство латинской церкви.

Приготовленія къ мятежу начались издавна. Съ одной стороны, раздѣлъ областей прежней Рѣчи-Посполитой между тремя государствами представлялъ всѣ удобства къ составленію заговоровъ, съ другой—польская эмиграція, которой покровительствовали нѣкоторыя изъ европейскихъ державъ, сосредоточенная по

*) См. выше, т. I, стр. 23—119, и 522—590.

преимуществу въ Парижѣ, представляла источникъ, изъ котораго разливалась и проповѣдь о возстановленіи Польши въ предѣлахъ 1772 года, и приготовленія къ возстанію. Но все это совершалось въ предѣлахъ одного шляхетскаго сословія, раздѣлявшагося на двѣ главныя партіи: аристократическую и демократическую, представителей прежнихъ пановъ и мелкой шляхты. У обѣихъ партій цѣли были одни и тѣже, но онѣ различались въ возрѣніяхъ на способъ дѣйствія и на будущее устройство независимой Польши; въ глазахъ однихъ носился образъ прежней Рѣчи-Посполитой съ необузданнымъ своеволіемъ пановъ; въ глазахъ другихъ — фантомъ социальной и коммунистической республики, созданной демагогами всѣхъ странъ и народовъ, съ которыми въ постоянныхъ связяхъ находились польскіе эмигранты. Предположенія, созрѣвшія въ шляхетскихъ головахъ, могли имѣть вліяніе только на это сословіе въ царствѣ польскомъ и въ тѣхъ губерніяхъ имперіи, которыя входили, въ прежнее время, въ составъ польскаго королевства. Но между этимъ сословіемъ и народомъ многовѣковая исторія прорыла цѣлую бездну. Въ западныхъ губерніяхъ имперіи, народъ чисто русскій по происхожденію, въ огромномъ большинствѣ исповѣдовавшій восточное православіе, не имѣлъ ничего общаго съ панами и шляхтою, поляками и римскими католиками, и ненавидѣлъ ихъ за угнетенія и религіозныя гоненія. Повидимому, мирныя отношенія между этими сословіями поддерживались, съ одной стороны, существовавшимъ въ то время крѣпостнымъ правомъ, а съ другой — русскою администраціею, къ помощи которой, чтобы держать въ покоѣ угнетаемый ими народъ, постоянно прибѣгали поляки и постоянно ее обманывали. Эти отношенія должны были сильно поколебаться съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права и обезпеченіемъ самостоятельности крестьянъ поземельною собственностью.

Но законоположенія 19-го февраля 1861 года должны были оказать вліяніе и на царство польское. Хотя единство племени и вѣроисповѣданія, несуществованіе крѣпостнаго права, должны бы поставить его въ отношенія мирныя и дружелюбныя съ высшимъ сословіемъ; но на дѣлѣ этого не было. Угнетая и презирая крестьянъ, упорно не давая ходу ни одной изъ мѣръ правительства, влонившихся къ улучшенію ихъ быта, шляхетское сословіе и въ царствѣ польскомъ было ненавидимо крестьянами, которые постоянно сочувствовали нашему правительству и въ немъ одномъ видѣли спасеніе и защиту отъ произвола и угнетенія пановъ.

Такое положеніе дѣлъ было извѣстно коноводамъ возстанія,

и противъ него они принимали всѣ мѣры. Они хорошо понимали, что ни русскій, ни польскій народъ не будетъ за нихъ. Но какія же представлялись средства привлечь его на свою сторону? Требования демократической партіи о надѣлѣ крестьянъ землею встрѣчали необоримый отпоръ въ своекорыстїи пановъ, которыхъ поддерживала аристократическая партія. Проповѣдь возстанія посредствомъ сочиненій и эмиссаровъ эмиграціи, небезопасная сама по себѣ, могла ограничиваться только шляхтою и панами. Распространить эту проповѣдь въ народныя массы, оградить ее по возможности отъ вниманія нашего правительства и даже защитить отъ вмѣшательства съ его стороны, представлялось только одно средство: дѣйствовать чрезъ духовенство! Только это сословіе представляло орудіе дѣйствительное, сильное для того, чтобы питать несбыточныя надежды на успѣхъ въ коноводахъ польской sprawy.

Составленное по преимуществу изъ польской шляхты и пановъ, оно представляло среду, весьма способную для того, чтобы превратиться въ главнаго дѣятеля въ мятежѣ. Общій характеръ латинскаго духовенства не только не могъ слѣдить препятствіемъ къ такому направленію его дѣятельности, но, напротивъ, способствовалъ. Занятое постоянно вмѣшательствомъ въ свѣтскія дѣла, латинское духовенство вездѣ и повсюду представляетъ не собственно христіанскихъ служителей алтаря, но политическую партію, тѣмъ болѣе сильную и опасную, что религіею она прикрываетъ свою дѣятельность, направленную къ политическимъ цѣлямъ, и опирается на защиту чуждой государству власти римскаго первосвященника, котораго считаетъ своимъ государемъ, а себя—его вѣрнопопданными. Это безбрачное духовенство повсюду оказываетъ сильное вліяніе на женщинъ и чрезъ нихъ врываясь въ семью, увлекаетъ за собою всѣхъ ея членовъ.

Такое значеніе имѣло латинское духовенство особенно въ Польшѣ; это понимала эмиграція, и обѣ ея партіи совершенно сходились между собою во взглядѣ на то, какою важную услугу оно можетъ оказать мятежу, если приметъ въ немъ непосредственное участіе. *Красные* уговаривали молодыхъ людей изъ своей среды поступать въ ксендзы, не смотря на отсутствіе въ нихъ всякихъ христіанскихъ вѣрованій; *бѣлые* опутывали своими сѣтями римскій дворъ, и всѣ вмѣстѣ возбуждали общественное мнѣніе Европы противъ Россіи. Изъ дома князя Чарторыскаго препровождались папѣ и денежныя пособія, въ которыхъ онъ также нуждался, въ видѣ лепты св. Петра со стороны Польши, и вмѣстѣ съ тѣмъ всевозможныя извѣстія о мнимыхъ гоненіяхъ,

которыя претерпѣваетъ латинская церковь въ имперіи и царствѣ, и клеветы на русское правительство.

Сѣмена мятежа, усердно разсѣваемыя польскими возмутителями, упали въ этомъ случаѣ на плодоносную почву: латинское духовенство вошло въ ихъ видъ, начиная съ главы и до послѣдняго плебана. Духовно-учебныя заведенія, какъ академіи и семинаріи, на которыя правительство не щадило издержекъ, желая поднять просвѣщеніе латинскаго духовенства, сдѣлались школами для приготовленія будущихъ руководителей возстанія. Въ Петербургѣ даже, въ духовной римско-католической академіи, еще въ 1858 г., всендзь Феллинскій, въ послѣдствіи архіепископъ варшавскій, въ тайныхъ бесѣдахъ съ своими учениками, будущими служителями церкви, выражалъ слѣдующія правила: «Власть духовная совершенно различна отъ свѣтской, ибо эта послѣдняя установлена только для поддержанія порядка, и мы обязаны ее почитать, какъ отъ Бога установленную, хотя бы она и была зла; но повиноваться ей должны только въ томъ случаѣ, когда ея распоряженія не противорѣчаютъ *церковному праву*. Между тѣмъ, съ властью духовною соединена *благодать*; отъ папы, какъ отъ главы церкви, изливается благодать и на всѣхъ членовъ церкви». Но понятіе о церковномъ правѣ, по ученію ультрамонтановъ и иезуитовъ, сводится исключительно къ предписаніямъ папы, и потому повиновеніе свѣтской власти они допускаютъ только въ той мѣрѣ, въ какой сама она повинуется повелѣніямъ Рима. «Обращая вниманіе на современное положеніе церкви, замѣчаетъ Феллинскій, съ утѣшеніемъ видимъ, что все наше наличное духовенство болѣе, чѣмъ когда либо, заявляетъ преданности и привязанности къ апостольскому престолу. Само французское духовенство уже добровольно отреклось отъ галликанизма, въ Австріи заключенъ конкордатъ въ томъ смыслѣ, чтобъ духовенство имѣло непосредственныя сношенія съ Римомъ. Добрый это признакъ и доброе дѣло, потому что не могутъ члены быть отдѣлены отъ главы. Мы по опыту видимъ, какія происходили и происходятъ невыгоды, пока духовенство *зависитъ отъ правительства*, безъ котораго оно не могло ни епископа избрать, ни что либо подобное совершить. Отсюда же происходили и неоднократныя нарушенія церковнаго права: становой тамъ какой-нибудь погрозитъ доносомъ, духовный и молчитъ, будучи какъ бы оторванъ отъ престола, который одинъ можетъ защитить его. Дѣйствительно, вынѣ духовенство за границую поняло, что совершенное *подданство* Риму, не только не составляетъ для него какого либо ярма, напротивъ, служить крѣпкою защитою. Поэтому оно старается, сколько

возможно, освободиться изъ подъ свѣтской власти, хотя еще не вполне умѣеть дѣйствовать (т. е. нигдѣ еще не рѣшалось возставать противъ него съ оружіемъ въ рукахъ); давнишняя привычка сдѣлала его боязливымъ и неувѣреннымъ въ себя. Повторяю: эта переѣзна мѣнній обнаруживается вездѣ, быть можетъ со временемъ очередь дойдетъ и до насъ».

Дѣйствительно, ультрамонтанское направленіе, послѣ французской революціи, сдѣлало огромные успѣхи: все высшее духовенство въ латинской, по исповѣданію, Европѣ отреклось отъ основныхъ началъ церковнаго устройства, отъ самостоятельнаго значенія епископской власти и соборнаго управленія, и превратилось изъ служителей алтаря въ вѣрнопопданныхъ папы въ государственномъ смыслѣ. Такое значеніе духовенства, конечно, ставило его въ особенныя исключительныя отношенія въ мѣстной верховной власти и вообще въ правительству.

«Свѣтская власть можетъ быть двойная, говоритъ Феллинскій; надо различать власть законную, которую любимъ, которая происходитъ отъ собственныхъ королей, и власть заброшенную, подъ которой мы находимся теперь». Отъ этой послѣдней власти, конечно, позволительно желаніе избавиться; но заговоромъ и возстаній еще прямо не проповѣдуетъ духовный наставникъ; онъ ждетъ избавленія отъ *воли Божіей*, но понятіе объ этой волѣ онъ выражаетъ въ надеждѣ на чуждую помощь. «Какъ нѣкогда опомнившихся іудеевъ спасалъ Богъ, такъ и съ нами кающимися можетъ сдѣлать; какъ имъ послалъ Кира, такъ и намъ можетъ даровать избавителя и помощника во время, когда мы и не ожидаемъ. Вѣдь когда французы перешли за Рейнь, или были подъ Севастополемъ, развѣ не показалъ Богъ очевидно возможность нашего избавленія. Пусть бы французы только заняли эти области, и пусть бы только пало въ нихъ русское правительство, тогда бы всѣ поднялись; но такъ какъ мы не были этого достойны, то Богъ только показалъ, что можетъ насъ избавить и затѣмъ отнял свою руку»? Пропаганду католицизма считаетъ Феллинскій отличительною чертою исторіи Польши. «Пока она сохраняла чистоту вѣры и нравовъ, до тѣхъ поръ и была могущественною. Должно еще замѣтить, что она всегда отличалась шляхетностію и просвѣщеніемъ, воевала не для добычи и завоеваній, но единственно для распространенія католической вѣры, что возрасла не корыстію, но въ слѣдствіе добровольнаго подчиненія и слиянія съ другими. Напримѣръ, Литва братски породнилась, отнюдь не войною, но чрезъ принятіе католической вѣры; такъ и съ Русью Польша воевала для распространенія католической вѣры и для защиты уніатовъ; тоже

и казакамъ Баторій далъ особенныя права и большія льготы, которыя не отнимались у нихъ никогда, а Польша хотѣла привить къ нимъ католицизмъ. Итакъ, мы видимъ, что Польша никогда не руководствовалась корыстью, но имѣла въ виду чистую цѣль введенія и распространенія католической вѣры». Но, какими средствами дѣйствовала она, чтобы достигнуть этой цѣли?—нашъ проповѣдникъ благоразумно о томъ умалчиваетъ. Впрочемъ, въ глазахъ латинскаго прелата такая высокая цѣль можетъ оправдать всѣ низкия средства насилія и обмана, о которыхъ такъ громко засвидѣтельствовала исторія гоненій православной церкви въ областяхъ бывшей Рѣчи-Посполитой. Въ виду той же цѣли — защиты латинской церкви, и всендзъ Феллинскій дозволилъ себѣ искажать всѣмъ извѣстныя историческія явленія.

Считая русскую власть незаконною въ отношеніи къ Польшѣ, насильно ей навязанною, желая освободиться отъ нея и не пренебрегая никакими средствами для достиженія цѣли, какъ же могъ онъ проповѣдовать до нѣкоторой степени покорность этой власти? Двѣ причины заставляли всендза Феллинскаго неясно выражаться въ этомъ случаѣ: съ одной стороны, папское посланіе; осуждавшее польское возстаніе 1831 г. и предписывавшее духовенству покорность власти; съ другой, въ рукахъ русскаго правительства была сила. Поощряя возстаніе и подготавливая его подъ влияніемъ эмиграціи, необходимо было, однако, не прямо противорѣчить Риму, но постепенно вовлечь его въ свои виды; а въ тоже время обезсилить русское правительство, передавъ все управленіе въ руки поляковъ. Но тайная мысль однакоже выразилась съ достаточною ясностью въ совѣтахъ наставника петербургской академіи, которые онъ предлагалъ для руководства будущимъ служителямъ алтаря въ отношеніи къ исповѣди. «Что касается до заговоровъ и тѣмъ паче участія въ войнѣ, соединенной съ присягою, говоритъ онъ, то слѣдуетъ замѣтить, что ни дозволять этого нельзя, ни также запрещать совершенно, на исповѣди. Но мы должны напомнить и предостеречь кающагося, чтобы не участвовалъ. Если же замѣчаемъ, что въ его дѣйствія не входитъ никакого личнаго разсчета, что онъ дѣлаетъ это для общаго, по его мнѣнію, блага; то совершенно ему отказывать въ разрѣшеніи не можемъ, да и не обязаны»¹⁾.

Нужно ли объяснять приведенныя слова изъ бесѣды Феллинскаго? Въ нихъ слышится голосъ, направленіе и мнѣнія давно знакомыя всѣмъ, кому извѣстны ученія папъ, іезуитовъ

¹⁾ «Дружескіе совѣты и бесѣды» Феллинскаго. Вѣстникъ Западной Россіи 1866 г.

и ихъ послѣдователей ультрамонтановъ. Они ясны, впрочемъ, и сами по себѣ и весьма скоро объяснили себя на самомъ дѣлѣ. Пропитанное такими ученіями духовенство сдѣлалось самымъ ревностнымъ проповѣдникомъ мятежа и горячимъ участникомъ во всѣхъ его преступныхъ дѣйствіяхъ. Но къ ультрамонтанскому направленію, во взглядѣ на значеніе Польши между другими народами, присоединилось и другое, — фантастическое ученіе, выработанное нѣкоторыми изъ эмигрантовъ, послѣдователями Товинскаго и Мицкевича объ историческомъ и религиозномъ призваніи Польши въ судьбахъ европейскихъ государствъ. Оно доведено было до послѣдней степени богохульства въ такъ называемой польской революціонной обѣднѣ, въ которой Польша уподобляется І. Христу, а ея историческія судьбы — страстямъ Христовымъ. «Какъ Христосъ пострадалъ за весь міръ, воспѣвается въ молитвахъ этой обѣдни, такъ и Польша совершаетъ свой крестный путь; нечестивые народы, отъ которыхъ отступила благодать Божія, ее разчетверговали, она распята на крестѣ, положена во гробъ, но наступаетъ третій день послѣ погребенія, она скоро воскреснетъ для спасенія всѣхъ народовъ, какъ единая, избранная ихъ руководительница на историческомъ пути въ обѣтованной Спасителемъ цѣли, когда побѣжденное и униженное зло потухнетъ на землѣ окончательно, любовь же соединитъ всѣ народы въ одно стадо, подъ однимъ пастыремъ, *видимымъ главою церкви*. І. Христосъ — единый сынъ Божій, а Польша — единая дочь божья, хранительница божественной истины, всемірная очистительная жертва» и т. д. ¹⁾). Дѣйствительно ли была утверждена эта месса польскою католическою церковью; какъ значится въ рукописи, найденной кievскою слѣдственною комиссіею, мы не хотимъ говорить утвердительно; но это возможно, если припомнимъ едва минувшія дѣйствія польскаго духовенства. Въ церквахъ говорились возмутительныя проповѣди и пѣлись революціонныя пѣсни, духовныя процессіи превратились въ революціонныя демонстраціи, монастыри были главными притонами шаекъ мятежниковъ и складовъ оружія, духовные не только благословляли возстаніе, приводили къ присягѣ подземному правительству; но сами становились въ ряды мятежниковъ и отличались звѣрскимъ неистовствомъ. «*Большая часть* — говоря словами князя Горчакова, основанными на многочисленныхъ и всѣмъ извѣстныхъ фактахъ — римско-католиче-

¹⁾ Священная месса польскаго народа или молитвы въ нынѣшнихъ крайнихъ нуждахъ оцѣнены для чтенія во время священной мессы, изъ ея текста составленныя и утвержденныя польскою католическою церковью. Вѣстникъ Запад. Россіи 1866 г.

скаго духовенства въ царствѣ Польскомъ пошла по такому пути, что нарушила обязанности, лежащія на священнослужителяхъ и нанесла ущербъ матеріальнымъ и религіознымъ интересамъ вѣренной попеченію ея паствы. Пользуясь вліяніемъ на низшіе классы народонаселенія и въ особенности на женщинъ, прибѣгая къ исповѣди, какъ могущественному орудію, для упроченія этого вліянія, духовенство содѣйствовало революціонной организаціи. Религіозный фанатизмъ, привычка вмѣшиваться непрерывно и безъ зазрѣнія совѣсти въ дѣла мірянъ, упадокъ нравственности какъ блага, такъ и чернаго духовенства, повели къ *чудовищному союзу* между церковью и революціею». Воспитаніе, полученное латинскими духовными лицами, на которое мы указали, конечно, могло подготовить многихъ двигателей и пособниковъ мятежа изъ этого сословія. Не одни однакоже только отдѣльныя личности вступали въ этотъ *чудовищный союзъ*, но все латинское духовенство въ полномъ его составѣ; исключенія составляли только отдѣльныя личности, и то весьма немногія и притомъ постоянно хранившія молчаніе. Монашескіе ордена прежде всѣхъ примкнули къ мятежной организаціи, когда бѣлое духовенство еще колебалось, стать ли на сторону бѣлыхъ или красныхъ. Съ цѣлю достигнуть общаго соглашенія въ томъ, какое участіе должно принять духовенство въ возстаніи, назначались съѣзды. Изъ многихъ такихъ съѣздовъ особенно замѣчательнъ, по своимъ постановленіямъ, многочисленный съѣздъ подляскаго духовенства 13 ноября 1862 г.

На этомъ съѣздѣ постановлено: «Подлясское духовенство, собравшись на общее засѣданіе и разсмотрѣвъ тѣ средства, которыми можно-бы помочь ойчизнѣ, выслушавъ мнѣніе всѣхъ присутствовавшихъ и обсудивъ подробно основныя начала и стремленія двухъ комитетовъ, шляхетскаго и центрального, и прочтя протоколы засѣданія сандомірскаго духовенства, постановило слѣдующее:

1. Оно принимаетъ программу центрального комитета во всей силѣ и цѣлости, исключая лишь то, что могло-бы нарушить свободу и права римско-католической церкви.

2. Чтобы сохранить полное единство въ дѣйствіяхъ, оно подчиняется распоряженіямъ центрального комитета.

3. Во главѣ общаго движенія въ епархіи должно быть поставлено выборное духовное лице. Оно по всѣмъ предметамъ должно сноситься съ представителями власти центрального народнаго комитета въ воеводствахъ. Въ помощь этому лицу могутъ быть назначены, выбранные по большинству голосовъ, ксендзы, по одному изъ деканата.

4. Оно положило оказывать полное повиновеніе, какъ уже вышедшимъ, такъ и впредь имѣющимъ выходить, распоряженіямъ и предписаніямъ комитета, во сколько они окажутся согласными съ благомъ церкви.

5. Принятое такимъ образомъ рѣшеніе обязательно для духовныхъ лицъ всѣхъ степеней, которыя должны подчиняться ему съ полною рѣшимостію, безусловно и безстрашно.

6. Организованное такимъ образомъ духовенство обязано приносить всякаго рода пожертвованія, какія будутъ опредѣлены довѣреннымъ лицомъ комитета.

7. Духовенство обязано всегда, когда это можетъ потребоваться, принимать и приводить къ присягѣ всѣ лица, занимающіяся работами (т. е. кинжальщиковъ и жандармовъ-вѣшателей) по порученію центрального комитета.

8. Согласно этимъ правиламъ, каждое духовное лицо должно исполнить возложенныя имъ на него обязанности подъ страхомъ отвѣтственности какъ предъ духовною, такъ и предъ свѣтскою властью.

«Устроенную такимъ образомъ организацію какъ въ общемъ ея видѣ, такъ и во всѣхъ частностяхъ, духовенство архіепископства варшавскаго и епископства холмскаго, въ лицѣ своихъ выборныхъ, присутствующихъ на сегодняшнемъ общемъ собраніи, торжественно признаетъ, а духовенство подляское, съ своей стороны, призываетъ духовенства всѣхъ епархій какъ конгрессовки, такъ и иныхъ провинцій единой и нераздѣльной Польши къ тому, чтобы оно, не теряя минуты времени, поспѣшью организоваться, съ цѣлію немедленнаго приведенія въ исполненіе какъ основной программы, такъ и самыхъ рѣшеній центрального комитета.

«Мужъ довѣрія епископства подляскаго приглашаетъ депутатовъ архіепископства и холмской епархій, немедленно по возвращеніи своемъ въ свои епархіи, созвать подобныя же съѣзды и о послѣдствіяхъ оныхъ увѣдомить какъ центральный комитетъ, такъ и его самого—довѣренное лице подляскаго духовенства и членовъ шляхетскаго комитета».

Такимъ образомъ, подляское духовенство, съ депутатами отъ другихъ епархій, какъ бы призванное на политической сеймъ, является судьей и рѣшителемъ спора между двумя революціонными комитетами, шляхетскимъ и центральнымъ, представителями двухъ разьединенныхъ между собою революціонныхъ партій, такъ называемыхъ бѣлыхъ или аристократовъ, и красныхъ или демократовъ. Торжественному слову духовенства крайняя демократическая партія обязана была окончательною побѣдою надъ

такъ называемыми бѣлыми, и вступленіе духовенства въ мятежную организацію центрального комитета было знакомъ къ всеобщему вооруженному возстанію. Менѣе нежели черезъ два мѣсяца послѣ сѣзда подляскаго духовенства, повсюду вспыхнулъ мятежъ; и въ костелахъ читалась извѣстная проповѣдь ксендза Сикстуса, члена центрального комитета, объ изгнаніи русскихъ изъ Польши, въ которой объявлялось во всеобщее свѣдѣніе, что устроилось народное правительство, которому отнынѣ всѣ обязаны повиноваться ¹⁾.

Подлясскому духовенству выпало на долю начать вооруженный мятежъ, своимъ сѣздомъ 13-го ноября 1862 г., и окончить, въ лицѣ одного изъ своихъ членовъ, буйнаго предводителя послѣдней мятежнической шайки, — ксендза Бржоско! Подляское духовенство и не безъ причины стало во главѣ возстанія и увлекло за собою духовенство всѣхъ другихъ латинскихъ епархій.

До 1818 г., въ царствѣ польскомъ было только семь епархій; въ этомъ году, по представленію правительства, была учреждена осьмая, именно подляская, буллою Пія VII. Какая нужда требовала учрежденія новой епархій на восточной границѣ новосоставленнаго царства польскаго? Въ просекѣ новаго раздѣленія епархій, составленномъ въ 1817 г., упоминается только та причина, чтобы границы епархій совпадали съ границами воеводствъ. Но, очевидно, одно это обстоятельство не могло служить достаточнымъ поводомъ для новаго разграниченія епархій, на которое римскій дворъ вообще не охотно соглашается, когда предположенія о такомъ разграниченіи предлагаются свѣтскою властью. Въ обѣихъ епархіяхъ, подляской и люблинской, число латинскихъ приходовъ было гораздо менѣе, нежели въ одной, напримѣръ, варшавской или краковской и кувявской ²⁾, а пространства, весьма незначительныя и до того времени, не представляли затрудненій для дѣятельности одного епископа. Но подъ этою явно выраженною причиною скрывались другія — тайныя. Большая часть народонаселенія этой новой епархій состояла изъ униатовъ; въ самомъ Яновѣ, гдѣ была учреждена епископская кафедра, весьма незначительное число жителей принадлежало къ латинскому исповѣданію, и притомъ этотъ городъ лежитъ не въ центрѣ новой епархій, а почти на самыхъ ея границахъ съ Гродненскою губерніею. Очевидно, что учрежденная вновь кафедра не была

¹⁾ Докладъ особ. комиссій, учрежден. въ Варшавѣ по дѣлу о римско-католическихъ монастыряхъ въ царствѣ Польскомъ, стр. 96 — 99.

²⁾ И въ настоящее время въ подляской и люблинской епархій считается 239 приходовъ, а въ одной варшавской 281, калишской 387, плецкой 235, келецкой 228.

простымъ епископствомъ, но, въ тоже время, и миссіею для со-
вращенія въ латинство уніатовъ царства и православныхъ смеж-
ной съ нимъ губерніи имперіи. Въ виду этого обстоятельства,
становится понятно, почему Римъ не оказалъ ни малѣйшаго со-
противленія посланному нашего правительства для переговоровъ
съ нимъ по этому вопросу, Льву Потоцкому, и безъ возраженій
утвердилъ учрежденіе новой епархіи.

Значеніе этой епархіи немедленно послѣ ея учрежденія обна-
ружилось на дѣлѣ; съ одной стороны, постепенно начало умно-
жаться, ежегодно возрастая, число совращеній не только уніа-
товъ, но и православныхъ въ латинство; съ другой, правитель-
ство постоянно начало получать жалобы отъ уніатскаго и пра-
вославнаго духовенства на насилія и обманы духовныхъ и осо-
бенно монаховъ подлясской епархіи. Самый выборъ лицъ на эту
каедру служить лучшимъ доказательствомъ того, какое значеніе
придавалъ ей римскій дворъ. Всѣ они отличались крайнимъ ульт-
рамонтанскимъ направленіемъ и ожесточенною нетерпимостію
къ другимъ исповѣданіямъ. Прикрываясь папскими предписаніями
и каноническими постановленіями, они явно не признавали за-
коновъ страны по отношенію къ устройству и управленію цер-
кви и не исполняли предписаній правительства; совращеніе-же
въ латинство, безъ разбора средствъ, считали своимъ призваніемъ.
Мы уже указывали на образъ мыслей и дѣйствій епи-
скопа Гутевскаго; но и всѣ другіе дѣйствовали совершенно въ
томъ-же духѣ, такъ-что, кажется, одинъ и тотъ-же епископъ Гут-
евскій, котораго всендѣзъ Феллинскій выставлялъ своимъ учени-
камъ за образецъ для подражанія, управлялъ этою епархіею,
отъ ея основанія и до конца, по временамъ переимѣняя только
имя и прозвища.

Воспитанное въ такихъ преданіяхъ подляское духовенство,
отличавшееся ненавистью ко всему русскому, весьма естественно,
первое заключило союзъ съ революціею и увлекло за собою ду-
ховенство всѣхъ другихъ епархій. «Польское духовенство, гово-
ритъ издатель документовъ по сношеніямъ съ Римомъ поль-
скаго народоваго жонда, видя въ національномъ правительствѣ
защитника святой вѣры и церкви, добровольно подчинилось его
власти и прежде всего стремилось возобновить древнюю зависи-
мость отъ св. престола 1)». Участіе въ мятежѣ отдѣльныхъ ду-

1) *Insigtazione Polacca nel 1863 l 1864 ann.*—Эта брошюрка издана въ Римѣ, слѣдо-
вательно, съ вѣдома и согласія папскаго правительства, въ дополненіе, какъ сказано
въ предисловіи къ ней, тѣхъ актовъ, которые обнародованы папскимъ правительствомъ.
Всѣхъ, кромѣ предисловія и введенія (стр. 3—8), помѣщены семь актовъ революціон-

ховныхъ лицъ возможно было бы объяснять личными наклонностями, увлеченіемъ и вообще испорченною нравственностью духовенства. Но чѣмъ объяснить совокупное дѣйствіе всего духовенства? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ, конечно, не затруднялось общественное мнѣніе Россіи, давно знакомое съ отношеніями къ намъ римскаго двора; но теперь обнаруженные добументы, какъ въ запискѣ нашего канцлера, такъ и въ папскомъ сборникѣ, не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что польское духовенство дѣйствовало во время мятежа согласно съ видами римскаго двора.

X.

Сношенія Рима въ 1861—63 годахъ съ нашимъ правительствомъ и польскимъ народовымъ жондомъ.

Римскій дворъ, въ сношеніяхъ съ нашимъ правительствомъ послѣ 1830 года, постоянно выставлялъ, какъ особенную заслугу, вызывающую на благодарность ему и уступки со стороны Россіи его требованіямъ, то обстоятельство, что онъ не оказывалъ поддержки польскому возстанію и внушалъ латинскому духовенству повиновеніе законной власти. Въ объяснительной запискѣ, обнаруженной въ 1842 году, при аллокуціи 22 іюля, римскій дворъ говоритъ: «Польша, сдѣлавшись жертвою преступнаго соблазна, была возмущена политическими событіями, всѣмъ извѣстными. Тогда святой отецъ, вселенскій учитель великой семьи католиковъ, обладатель и ревностный хранитель истиннаго ученія вѣры, въ виду котораго, между прочимъ, всегда было священнымъ то правило, что подданные обязаны сохраненіемъ вѣрности, подчиненія и покорности своему государю въ порядкѣ гражданскомъ, усмотрѣлъ необходимость и почувствовалъ долгъ напомнить и внушить это правило, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, польскому народу, опасаясь, чтобы страсти времени и обманчивыя внушенія тѣхъ, которые злоупотребляли религіею для ихъ преступныхъ видовъ, не исказили и не уничтожили его въ этомъ народѣ. Сверхъ того, онъ желалъ положить предѣлъ многочисленнымъ бѣдствіямъ, которыя, хотя и вытекаютъ изъ началъ противныхъ католической вѣрѣ, но могли обратиться во вредъ не только увлеченнымъ соблазномъ его духовнымъ дѣтямъ, но и самой этой вѣрѣ, и такъ уже угнетенной въ Польшѣ. Подвигнутый такими чувствами,

наго польскаго правительства по сношеніямъ съ Римомъ и общаю издавіе такихъ же актовъ по сношеніямъ съ Франціею.

его святѣйшество безъ замедленія отнесся къ епископамъ этой несчастной страны, заклиная ихъ поддерживать какъ въ духовенствѣ, такъ и въ народѣ, вѣрность, подчиненность и миръ, напоминая и тѣмъ и другимъ, какъ виновны передъ Богомъ и церковью тѣ, которые возстаютъ противъ законной власти. И такъ какъ можно было предполагать, что вслѣдствіе политическихъ обстоятельствъ голосъ верховнаго пастыря не достигъ до этой страны, святой отецъ, принявъ во вниманіе желаніе императора, сообщенное ему его посланникомъ, вн. Гагаринымъ, возобновилъ свои совѣты епископамъ царства, съ цѣлю содѣйствовать прочности только-что водвореннаго тамъ общественнаго порядка и особенно возвратить на путь долга тѣхъ изъ духовныхъ, которые съ него уклонились». Дѣйствительно, въ нотѣ, переданной кардиналу Бернетти нашимъ посланникомъ, 20 апрѣля 1832 года, извѣщая римскій дворъ объ усмиреніи польскаго мятежа и указывая на то, что духовенство принимало въ немъ дѣятельное участіе, даже съ оружіемъ въ рукахъ, наше правительство полагало, что водворенный въ царствѣ порядокъ можетъ быть проченъ только въ томъ случаѣ, если—«духовенство раскается въ своихъ преступныхъ заблужденіяхъ и будетъ покоряться законамъ», и на этотъ путь можетъ направить его только власть папы. Съ этою цѣлю оно приглашало римскаго первосвященника—«возвысить свой голосъ» и внушить ему правила покорности законной власти. На этотъ призывъ папа отвѣчалъ посланіемъ къ польскимъ епископамъ, 9 іюня 1832 г., въ которомъ внушалъ имъ повиноваться верховной власти и тоже повторилъ въ окружномъ посланіи, 15 августа того же года. Въ 1845 году, въ запискѣ, переданной лично императору Николаю Павловичу въ Римѣ, Григорій XVI упоминаетъ объ этихъ документахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ говорить, что римское правительство не приняло депутата, который былъ присланъ польскимъ революціоннымъ правительствомъ просить помощи папы, и даже—съ негодованіемъ выслало его изъ Рима. Нельзя не обратить вниманія, что этотъ именно поступокъ римскаго двора и эти посланія къ польскому духовенству Пій IX счелъ возможнымъ покрыть молчаніемъ въ своей многословной запискѣ, обнародованной въ обличеніе нашего правительства въ 1866 году!

Дѣйствительно, такъ поступалъ римскій дворъ въ 30-хъ годахъ; но послѣдовалъ ли Пій IX примѣру своего предшественника, и такъ ли дѣйствовало римское правительство во время послѣдняго польскаго возстанія, въ которомъ латинское духовенство принимало еще гораздо большее участіе?

«При первыхъ проявленіяхъ преступныхъ замысловъ, императорскій кабинетъ, сказано въ запискѣ нашего канцлера, приложенной къ нотѣ 7 января, увѣдомилъ о нихъ правительство святаго престола, призывая вмѣшательство верховной власти папы, чтобы она возвратила латинское духовенство въ мирному исполненію его священнаго призванія». Но это представленіе оставлено римскимъ дворомъ безъ отвѣта и безъ всякихъ послѣдствій. Такимъ образомъ, Пій IX поступилъ, въ этомъ случаѣ, совершенно противоположно тому, какъ поступилъ при подобныхъ же обстоятельствахъ его предшественникъ, и не могъ поступить иначе, оставаясь вѣрнымъ самому себѣ, какъ мы увидимъ далѣе.

Долго длилось долготерпѣніе нашего правительства, долго не принимало оно никакихъ дѣйствительныхъ мѣръ противъ мятежныхъ беспорядковъ, повторявшихся ежедневно, и въ размѣрахъ, угрожавшихъ полнымъ возмущеніемъ. Съ мирными цѣлями еще назначенъ былъ намѣстникомъ графъ Ламбертъ; но прибывъ въ Варшаву и удостовѣрившись, наконецъ, въ грозящей опасности, онъ вынужденъ былъ объявить ее на военномъ положеніи, 14 октября 1861 года. Удаленный военнымъ положеніемъ съ улицъ и площадей, мятежъ нашелъ себѣ убѣжище въ костелахъ и монастыряхъ: духовенство гостепріимно отворило ему двери храма, на другой же день по объявленіи военного положенія. Цѣлый день, въ наполненныхъ толпами народа храмахъ, раздавались съ каедръ мятежныя проповѣди, и ихъ своды оглашались революціонными пѣснями. Такое напряженное состояніе дѣлъ естественно привело къ столкновенію между войсками, размѣщенными по городу для предупрежденія беспорядковъ, и толпами мятежниковъ. Воспользовавшись этимъ случаемъ, епархіальныя власти закрыли всѣ церкви въ Варшавѣ и предписали повсемѣстный трауръ. Съ этого времени и высшее духовенство открыто стало въ ряды мятежниковъ; но, чтобы прикрыть свои дѣйствія, оно представило гр. Ламберту свои требованія, изложенныя въ 16 статьяхъ. Указавъ, что римско-католическая вѣра такъ тѣсно связана съ жизнью польскаго народа, что на ней по преимуществу зиждется и общественное благоденствіе и частное спокойствіе, что прежніе короли оказывали ей всевозможное покровительство и попеченіе, и что въ настоящее время она находится въ положеніи угнетенномъ, духовенство просило намѣстника представить императору слѣдующія его требованія:

1) Чтобы восстановлено было прежнее значеніе римско-католической вѣры (*pristinam auctoritatem*).

2) Чтобы статьи, 193, 195, 196, 197, 198, 199, 200 и 201, уголовного уложенія, а равно и постановленія о смѣшанныхъ бракахъ были отмѣнены.

3) Также и распоряженія правительства, противныя началамъ католической церкви и Евангелію, чтобы не принимать на исповѣдь лицъ, неизвѣстно въ какому исповѣданію принадлежащихъ, чтобы отмѣнить декретъ намѣстника (1854 г.), ограничивающій свободу проповѣди и распоряженіе правительственной комиссіи, чтобы епископы свои посланія и постановленія не обнародовали безъ предварительнаго ея согласія.

4) Чтобы комиссія не вмѣшивалась въ дѣла духовныя, какъ процессіи, проповѣди, церковныя церемоніи и т. п.

5) Чтобы комиссія устранена была отъ участія въ духовномъ судѣ.

6) Чтобы епископы могли составлять епархіальные соборы, праздновать юбилеи и посылать миссіи.

7) Чтобы на мѣста епископовъ капитулы избирали кандидатовъ.

8) Чтобы число учениковъ семинарій, духовныхъ и монаховъ не было ограничено.

9) Чтобы при академіяхъ были открыты бursы для постороннихъ учениковъ.

10) Чтобы изъ доходовъ упраздненныхъ монастырей были основаны въ каждой епархіи дома для призрѣнія престарѣлыхъ духовныхъ съ жалованьемъ каждому.

11) Чтобы учрежденъ былъ домъ покаянія для духовныхъ въ Monte Salvo.

12) Чтобы безъ согласія духовенства, комиссія не дѣлала назначеній изъ доходовъ упраздненныхъ монастырей, и вообще, чтобы они распредѣлялись согласно съ буллою Пія VII.

13) Чтобы епархіальныя консисторіи по дѣламъ духовнымъ могли свободно сносятся съ святымъ престоломъ.

14) Чтобы смягчены были правила объ исправленіи церквей и построеніи новыхъ.

15) Чтобы измѣнены были правила о фундашахъ; и —

16) Чтобы духовныя лица, подвергшіяся удаленію или заключенію, были возвращены въ своимъ мѣстамъ и впредь не были бы заключаемы или удаляемы безъ согласія духовныхъ властей ¹⁾.

Вникая въ сущность этихъ требованій, нельзя не замѣтить, что въ это время все высшее духовенство царства польскаго

1) Esposiz. document. № LVI, стр. 175—77.

повторило въ нихъ то же самое, что нѣсколько лѣтъ прежде въ общихъ и частныхъ выраженіяхъ высказалъ епископъ Гутковский о декретѣ 1817 года. Удовлетвореніе этимъ требованіямъ равнялось бы полной отмѣнѣ этого декрета, и тогда дѣйствительно духовенство латинское оказалось бы внѣ законовъ того государства, въ которомъ находится, и устранило бы всякое на него вліяніе правительства. Духовенство ясно выразило мысль, чтобы свѣтская власть не касалась духовныхъ лицъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда они явно возстаютъ противъ нея. Правительство удаляло изъ царства или подвергало заключенію ихъ, не какъ духовныхъ, а какъ преступниковъ, явныхъ и обличенныхъ участниковъ мятежа. Могло ли оно полагаться въ этихъ случаяхъ на духовныя власти, которыя сами принадлежали въ мятежной организаціи и были главными двигателями возстанія?

Но этого мало; въ требованіяхъ польскаго духовенства заключались тѣже притязанія, которыя постоянно предъявлялъ Римъ при переговорахъ съ нашимъ правительствомъ. Очевидно, безъ полномочія со стороны римскаго двора, или не разсчитывая на его покровительство въ этомъ случаѣ, оно не рѣшилось бы на подобныя требованія. Примѣръ покровительства, оказаннаго Римомъ епископу Гутковскому, уже могъ указать, кто руководилъ и въ этомъ случаѣ дѣйствіями польскаго духовенства: посредствомъ возстанія римскій дворъ надѣялся вынудить у Россіи тѣ уступки, которыхъ не удалось ему достигнуть помощью дипломатическихъ переговоровъ. Неожиданный случай скоро обнаружилъ дѣйствительное участіе папской власти въ этомъ поступкѣ польскаго духовенства.

Отъ 6 іюня того же 1861 г., папа Пій IX тайными путями отправилъ варшавскому архіепископу Фіалковскому «бреве». Оно сдѣлалось извѣстнымъ только по смерти, скоро послѣдовавшей, этого архіепископа, когда нѣкоторые изъ преданныхъ Риму газетъ обнародовали его въ числѣ другихъ документовъ. Но еще прежде, нежели огласился этотъ поступокъ римскаго двора,—сообщая нашему посланнику въ Римъ, доставленныя гр. Ламбертомъ свѣдѣнія о происшествіяхъ въ Варшавѣ и участіи, какое принимало въ нихъ духовенство, нашъ канцлеръ писалъ, 9 окт. 1861 г., что латинское духовенство упорно держится того же направленія, которое оно приняло съ самаго начала мятежа. «Если оно закрыло церкви въ Варшавѣ, считая ихъ поруганными, то я нахожу, что оно было совершенно право въ этомъ отношеніи: поруганіе началось съ того дня, когда человѣческія страсти проникли въ священныя ограды, и когда раздавшіяся тамъ революціонныя гимны замѣнили христіанскія молитвы. Съ

этой точки зрѣнія, вонечно, храмы поруганы, и, — если латинское духовенство, очистивъ дома молитвы, откроетъ ихъ съ твердою рѣшимостію не терпѣть въ нихъ ничего инаго, кромѣ того, что Господомъ заповѣдано совершать въ храмахъ, то оно исполнитъ только свой долгъ. Но не таковы, какъ кажется, мнѣнія польскаго духовенства: полагаютъ, напротивъ, что оно намѣревается приступить къ закрытію церквей во всемъ царствѣ польскомъ, намѣревается положить на всю страну, такъ сказать, церковное запрещеніе и, лишивъ вѣрующихъ возможности слушать слово Божіе, обратитъ ихъ на служеніе возбужденнымъ мірскимъ страстямъ». Такова, дѣйствительно, и была цѣль латинскаго духовенства. Смягченнымъ слогомъ дипломатической ноты была выражена, горькая для всякаго христіанина, истина, что латинское духовенство поругало самого себя и поругалось надъ своею все-таки христіанскою церковью, ставъ не только въ ряды мятежниковъ, но сдѣлавшись коноводомъ возстанія. Но достоинство имперіи побудило канцлера замѣтить нашему посланнику въ Римѣ, что онъ — «необязываетъ его въ настоящее время обратиться съ формальнымъ представленіемъ объ этомъ въ папѣ, не хочетъ повторять призыва, который однажды уже не былъ выслушанъ», но поручилъ сообщить эти свѣдѣнія кардиналу Антонелли, надѣясь, что онъ пойметъ и оцѣнитъ по достоинству дѣйствія латинскаго духовенства въ царствѣ польскомъ.

Кардиналъ Антонелли не замедлилъ отвѣчать нашему посланнику отъ лица папы. «Святой отецъ, говорилъ онъ, *конфиденциально* не одобрилъ поведенія польскаго духовенства»; — но когда посланникъ выразилъ мысль, чтобы это неодобреніе главы латинской церкви было *ясно* заявлено, тогда кардиналъ отвѣтилъ, что — «святому отцу тѣмъ труднѣе высказаться *открыто* по этому вопросу, что до него доходятъ постоянныя жалобы польскаго духовенства на затрудненія, которыя оно встрѣчаетъ въ исполненіи своихъ религіозныхъ обязанностей». Чтобы отвлечь вниманіе отъ тщательно скрываемыхъ своихъ дѣйствій, папскій дворъ возбудилъ, при этомъ случаѣ, переговоры о посылѣ въ Варшаву своего уполномоченнаго.

Между тѣмъ сдѣлалось извѣстнымъ обнародованное въ газетахъ посланіе Пія IX къ архіепископу Фіалковскому, 6 іюня 1861 г. «Римскій первосвященникъ — говоримъ словами нашего канцлера — выражалъ въ немъ сочувствіе къ желаніямъ польскаго народа, которыя называлъ законными, несмотря на то, что они выражались въ насильственныхъ и разрушительныхъ дѣйствіяхъ». Это посланіе заслуживаетъ особеннаго вниманія и, чтобы по-

нять все его значеніе, необходимо припомнить слѣдующее обстоятельство.

Аллокуція и посланіе къ польскому духовенству Григорія XVI, въ 1832 г., въ которыхъ онъ осуждалъ мятежь и проповѣдовалъ покорность и повиновеніе законной власти, были чрезвычайно непріятны польской революціонной партіи, отвлекая духовенство отъ дѣятельнаго участія въ ея замыслахъ,—и самому духовенству, питавшему полное сочувствіе къ революціи. Они говорили, что дѣло революціи есть, въ то же время, и дѣло латинской церкви, поэтому она должна благословлять его и оказывать ему свое содѣйствіе. Освобождая страну отъ русскаго владычества, они освобождаютъ, въ то же время, и церковь отъ угнетеній, которымъ она будто-бы подвергается. Поэтому папа, въ виду сохраненія мирныхъ отношеній къ Россіи, осуждая возстаніе, жертвуетъ интересами латинской церкви въ Польшѣ. Не будемъ рѣшать затруднительнаго вопроса: могъ ли римскій дворъ приписывать важное значеніе подобнымъ упрекамъ польскихъ возмутителей, боялся-ли дѣйствительно утратить свое значеніе въ польскомъ народѣ, или желалъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, какъ средствомъ исторгнуть у русскаго правительства тѣ уступки, которыхъ не удалось ему получить путемъ переговоровъ? Не будемъ гадать о тайныхъ замыслахъ Рима, но вникнемъ въ самыя явленія. Папа Григорій XVI счелъ нужнымъ торжественно, въ аллокуціи 1842 г. іюля 22, опровергать то мнѣніе, какъ злонамѣренную клевету, пущенную въ ходъ врагами латинской церкви.

Въ обширномъ посланіи къ архіепископу варшавскому, о которомъ идетъ рѣчь, Пій IX развиваетъ ту же мысль, защищается отъ этой *безсовѣстной клеветы* и поручаетъ епископамъ и ихъ суффраганамъ въ этомъ смыслѣ поучать свою паству. Съ этою цѣлію онъ рассказываетъ длинный рядъ требованій, которыя римскій дворъ предъявлялъ русскому правительству. Перечисляя эти требованія, онъ особенно упираетъ на тѣ, которыя внесены были въ отдѣльный протоколъ къ конкордату 1847 г. Объ исполненіи этихъ притязаній римскій дворъ особенно поручалъ нашему дворѣ, своему посланнику, отправленному имъ для поздравленія нынѣ царствующаго императора съ восшествіемъ на престолъ. Наконецъ, папа жалуется на то, что всѣ старанія, какъ его предшественника, такъ и его самого, остались тщетны.

Такимъ образомъ, изъявляя сочувствіе какъ польскому духовенству, такъ и страданіямъ страны, излагая всѣ требованія, съ которыми обращался къ русскому правительству, отказываясь

отъ открытаго заявленія противъ возмущенія и не упоминая въ этомъ посланіи о враждебныхъ дѣйствіяхъ духовенства противъ законной власти, — очевидно, на какую сторону становился папа, и какую программу для будущихъ требованій онъ указывалъ для польскаго духовенства.

Какъ содержаніе, такъ и самое изложеніе этого посланія, обнародованнаго теперь самимъ римскимъ дворомъ въ сборникѣ документовъ 1866 г. ¹⁾, не представляло никакого сомнѣнія въ томъ, что онъ могъ выдти только изъ папской канцеляріи. «Не было почти никакой возможности сомнѣваться въ его достовѣрности, тѣмъ не менѣе императорскій кабинетъ, говоритъ еп. Горчаковъ, протестовалъ противъ содержанія этого *бреве*, въ видѣ изъявленія сомнѣнія, и противъ незаконной передачи его неприятными путями». Нельзя не обратить особеннаго вниманія на отвѣтъ кардинала Антонелли, когда нашъ посланникъ передалъ ему этотъ протестъ. «Святой отецъ, говорилъ онъ, вынужденъ былъ оправдываться противъ взводимыхъ на него обвиненій въ томъ, что онъ не обнаруживаетъ достаточной ревности къ интересамъ церкви. Притомъ *бреве*, строго говоря, не было, — а было писанное по-латыни письмо папы, такое, правда, какъ обыкновенно бываютъ письма папъ, но только писанное не на пергаментѣ изъ секретаріата латинскихъ писемъ, и не изъ канцеляріи бреве». Недостойная уловка, но столь обычная для римскаго двора.

Въ запискѣ, обнародованной римскимъ дворомъ въ 1866 г., сказано: «Приближались еще болѣе тяжелые дни для польской церкви. Сильно взволнованный столькими бѣдствіями, польскій народъ выразился въ опасныхъ манифестаціяхъ, которымъ не былъ чуждъ могущественный элементъ религіознаго чувства, глубоко увореннаго во всемъ народѣ. Получивъ извѣстіе объ этихъ явленіяхъ, которыя все болѣе и болѣе развивались, глава церкви вознесъ теплыя молитвы къ милосердому Богу, чтобы онъ освободилъ этотъ несчастный народъ отъ столькихъ бѣдствій, угрожавшихъ поколебать и самую вѣру. Его святѣйшество извѣстился также, что враги католицизма, пользуясь затрудненіемъ въ непосредственныхъ сношеніяхъ между святымъ престоломъ и религіознымъ народомъ, съ цѣлію отдѣлать его отъ средоточія католичества, пускаютъ въ ходъ ненавистную мысль (*odiata insinuazione*), что св. престоль мало заботится объ ихъ духовныхъ нуждахъ и ихъ плачевномъ положеніи, и высокимъ интересамъ церкви предпочитаетъ соображенія низшаго разряда. Чтобы не

¹⁾ *Esposiz. documentata*, № LV, стр. 168—74.

быть предметомъ такого неблагочестиваго подозрѣнія, камнемъ преткновенія и поводомъ къ соблазну для лицъ ему преданныхъ, онъ отправилъ 6 июля 1861 г. письмо къ варшавскому архіепископу, чтобы объяснить съ истинной точки зрѣнія тѣ старанія, которыя, хотя и съ малымъ успѣхомъ, съ самаго начала его первосвященствованія, онъ предпринималъ въ пользу польской церкви и любимой части его стада, и тѣмъ разрушить злоухищренія неблагонамѣренныхъ людей.

«Грустно припоминать, что этотъ поступокъ, внушенный святому отцу самыми благородными чувствами вѣры, былъ враждебно (*sinistramente*) истолкованъ правительству, какъ будто бы онъ сдѣланъ съ намѣреніемъ поощрять политическія цѣли этого народа. Но святой престолъ, горько оплакивая народныя волненія, не одобряя тѣхъ, кои возмущаются противъ своего государя, прикрываясь защитою церкви, не могъ однако же не исполнить другой своей обязанности, священной и ненарушимой, составляющей его божественное призваніе, защищать права церкви и благовременно наставлять своихъ вѣрныхъ противъ злоумышленій враговъ. Императорское правительство, напротивъ того, во многихъ случаяхъ видѣло ясныя доказательства того интереса, который святой престолъ соединяетъ съ покорностію и повиновеніемъ власти свѣтской во всемъ томъ, что не противно законамъ божественнымъ и церковнымъ»¹⁾.

Такъ публично оправдываетъ римскій дворъ въ 1866 г. папское посланіе къ варшавскому архіепископу, когда мятежь былъ усмирень, и крестовый походъ Европы, который онъ воздвигалъ противъ Россіи, не состоялся. Отказывая явно выразить, по примѣру папы Григорія XVI, порицаніе мятежу въ самомъ его началѣ и тѣмъ, быть можетъ, удержать духовенство отъ многочисленныхъ преступленій, онъ началъ говорить вновь о повиновеніи свѣтской власти, когда силою оружія она достигла уже этого повиновенія. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ выставляетъ, какъ благодѣтельное послѣдствіе этого папскаго посланія именно просьбу, поданную польскимъ духовенствомъ гр. Ламберту, — вслѣдъ за которой послѣдовало, по распоряженію этого же духовенства, закрытіе церквей въ Варшавѣ и затѣмъ длинный рядъ мятежныхъ дѣйствій. Впрочемъ, римскій дворъ говорить о повиновеніи свѣтской власти, пока ея распоряженія не противорѣчатъ божескимъ и церковнымъ законамъ (*in ciò che non si oppone alle leggi di dio e della chiesa*), что на языкѣ латинской церкви означаетъ: папскимъ приказаніямъ и притязаніямъ!

¹⁾ Тамъ-же, стр. 39—41.

Когда по смерти архіепископа Фіалковскаго наше правительство представило, какъ кандидата на его мѣсто, Феллинскаго, римскій дворъ, которому, конечно, былъ извѣстенъ образъ мыслей этого прелата, былъ доволенъ его назначеніемъ. «Папа лично выразилъ г. Киселеву, въ аудіенціи 15 дек. 1861 г., свое удовольствіе и прибавилъ, что онъ искренно благодаритъ императора столько же за благосклонныя чувства и расположеніе къ нему лично его величества, сколько и за неизмѣнное его желаніе поддерживать дружественныя отношенія, существующія между обоими правительствами (прилож. къ нотѣ 7 янв.)». Свидѣтельству о желаніи нашего двора поддерживать добрыя отношенія въ Римѣ, Пій IX въ тоже время, въ посланіи къ новому архіепископу варшавскому, 20 февр. 1862 г., писалъ, что предвидѣть всю для него тягость управлять его паствою при тогдашнихъ обстоятельствахъ и въ виду «многихъ законовъ, изданныхъ свѣтскою властію, и противныхъ церковнымъ правиламъ». Съ этою цѣлію онъ поручаетъ ему постоянно «имѣть передъ глазами» его посланіе отъ 6 іюня 1861 г., писанное къ Фіалковскому, и противъ котораго протестовало наше правительство. Соболезнуя о бѣдствіяхъ польскаго народа, онъ поручалъ новому архіепископу ходатайствовать предъ императоромъ о помилованіи и освобожденіи мятежниковъ, отданныхъ въ руки правосудія, и наконецъ требовалъ, чтобы онъ самъ лично явился въ Римъ ¹⁾. «Въ то самое время, когда императорскій кабинетъ, сказано въ запискѣ канцлера 7 янв., обнаруживалъ самое искреннее желаніе привести къ желанному окончанію начатыя Римомъ переговоры о назначеніи нунція, Пій IX, въ противность законамъ имперіи, тайно отправилъ посланіе къ варшавскому архіепископу, въ которомъ его святѣйшество, становясь, такъ сказать, на мѣсто государя страны, приглашалъ монсиньора Феллинскаго повинуть свою епархію и отправиться въ Римъ въ такое время, когда его присутствіе на своемъ мѣстѣ едва могло заставить подчи-

¹⁾ *Espositis docum. № LXII стр. 189. Jam vero nostris in votis est, venerabilis frater, ut nunquam intermittas ab ipso serenis. ac potent. Imperatore enixe exposcere, ut suam omnem clementiam et humanitatem adhibere velit erga illos tum ecclesiasticos, tum laicos viros, qui post ultimas in Poloniae regno significationes vel in vincula coniecti vel damnati fuerunt. Cum autem nobis vel maxime cordi sit, ut ecclesiasticus vir (Бѣлобрежскій), qui in ista diocesi vicarii capitularis munere fungebatur, quique omni commendatione dignus, a quavis angustia et modestia liberetur, iccirco quantum consilio te opera eniti et efficere potes, nihil praetermitte, ut idem pristinam suam recuperare queat libertatem. Scias autem velimus, nobis gratissimum fore, si te in hac alma urbe nostra praesentem intueri, et amplecti poterimus, cum plures solemnibus Pentacostes die hoc anno sanctorum caeliticum ordinibus, Deo bene iuvante, adscribere laetabimur.*

ненное ему духовенство исполнять возложенныя на него обязанности, которыми оно, съ каждымъ днемъ, пренебрегало все болѣе». Феллинскій очень хорошо понялъ указанія Рима и сталъ рѣшительно дѣйствовать противъ правительства.

Въ Варшавѣ обыкновенно въ день св. Марка совершалась церковная процессія. Подобныя процессіи въ это время служили только революціонными демонстраціями и давали поводъ къ многочисленнымъ беспорядкамъ, грозившимъ кровавыми столетвеніями. Правительство было предувѣдомлено, что, по этому случаю, готовится въ большихъ размѣрахъ именно такая демонстрація, и обратилось къ архіепископу Феллинскому съ предложеніемъ, чтобы эта церемонія была совершена въ церквахъ, а не на улицахъ. Кажется, ни каноническое право, ни свобода латинской церкви и ея догматы нисколько не были оскорблены подобнымъ предложеніемъ; между тѣмъ архіепископъ счелъ нужнымъ возбудить при этомъ случаѣ вопросъ о вмѣшательствѣ свѣтской власти въ духовныя дѣла и, наперекоръ предложенію правительства, устроилъ процессію съ особенною торжественностію. Но этого мало; на запросъ правительства объ этомъ происшествіи, онъ отвѣчалъ, что духовенство дѣйствовало по его приказанію, и что въ будущій разъ онъ самъ отправится во главѣ процессіи, не обращая вниманія ни на какое запрещеніе правительства, за которымъ онъ не признаетъ никакого права воспрещать свободное отправленіе обрядовъ вѣры, что, въ случаѣ же нужды, онъ предпшетъ закрыть церкви, и что, наконецъ, онъ «предпочитаетъ лучше видѣть на землѣ десять тысячъ труповъ (!), нежели отказаться отъ самаго незначительнаго права, присвоеннаго ему каноническими постановленіями».

Эти слова, сказанныя по поводу простой церковной процессіи, не имѣющей никакого значенія въ виду высшихъ цѣлей христіанства, постановленій и догматовъ самой латинской церкви, конечно, заставятъ содрогнуться всякого искренняго христіанина, какъ дикая выходка революціоннаго террора; но Феллинскій былъ папскій прелатъ, слѣдовалъ внушеніямъ римскаго двора и не ошибался въ своемъ расчетѣ.

Эти слова не поразили и римскій дворъ, когда нашъ посланникъ сообщилъ ихъ и вообще дѣйствія польскаго духовенства кардиналу, папскому статсъ-секретарю. Наше правительство, какъ представитель христіанскаго народа, сообщая о нихъ римскому первосвященнику, полагало, что вызоветъ его наконецъ на вмѣшательство въ дѣло во имя вѣры; но его представленія остались безъ всякихъ послѣдствій. Римъ только возражалъ противъ распоряженій и узаконеній нашего правительства,

какъ, напримѣръ, противъ положенія 27 дек. 1861 г. о правительственной комиссіи просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ въ царствѣ ¹⁾), или предъявлялъ требованія, возвышая ихъ постоянно по мѣрѣ уступокъ съ нашей стороны. Въ письмѣ къ императору, отъ 22 апр. 1863 г., папа говорилъ: «Ваше величество не должны удивляться, что въ виду столькихъ несчастій, которымъ подвергнуто въ настоящее время польское королевство, возбуждившихъ живѣйшее участіе во всѣхъ государствахъ и народахъ къ будущей его судьбѣ, мы, подвигнутые этими постоянно повторяющимися бѣдствіями, обращаемся къ вамъ, съ цѣлю обратитъ ваше благосклонное вниманіе на главныя причины теперешнихъ возмущеній и средства, которыя представляются намъ самыми дѣйствительными для достиженія скорого успокоенія духа, сильно возбужденнаго упорною и жестокою борьбою». Подробно изложивъ всѣ мѣры русскаго правительства, о которыхъ мы уже говорили, и предъставя ихъ въ видѣ гоненій латинской церкви, и, какъ свои, такъ и предшественниковъ своихъ притязанія, Пій IX такъ заключаетъ свое письмо: «Мы далеки отъ того, чтобы одобрять дѣйствія тѣхъ духовныхъ лицъ, которыя принимаютъ участіе въ политическихъ возмущеніяхъ и даже съ оружіемъ въ рукахъ дѣйствуютъ противъ правительства. Мы, напротивъ, оплакиваемъ и порицаемъ подобныя явленія; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, желаемъ указать вашему величеству ихъ причины и источники, изъ котораго они происходятъ. Если бы наша апостольская власть воспріяла благодѣтельное вліяніе на нашихъ католическихъ *подданныхъ* (sudditi), если епископамъ возвращено будетъ свободное отправленіе ихъ власти, въ предѣлахъ каноническихъ правилъ, если духовенство получить вліяніе на обученіе и направленіе народа, если монашескіе ордена будутъ находиться въ полномъ повиновеніи своимъ генераламъ, если бы частныя лица могли свободно исповѣдывать католическую вѣру, тогда ваше величество убѣдились бы, что источникъ постоянныхъ политическихъ возмущеній Польши заключается въ религиозныхъ преслѣдованіяхъ, въ стѣсненіи совѣсти, паденіи клира, униженіи пастырей и въ распространеніи безрелигиозныхъ началъ и ученій» ²⁾).

Такимъ образомъ, папа, какъ частное лице и христіанинъ, *малочетъ*, видя такое глубокое паденіе духовенства, тайно осуждаетъ его дѣйствія; но, какъ глава латинской церкви, явно ему покровительствуетъ и считаетъ позволительнымъ всю вину польскихъ возмущеній возложить на русское правительство за то,

¹⁾ Тамъ же, №№ LXIV, LXV и LXVI, стр. 194 — 211.

²⁾ Тамъ же, № LXXI, стр. 218 — 222.

что оно не уступало притязаніямъ Рима на полновластіе въ своей имперіи, — притязаніямъ, противъ которыхъ боролись и борются европейскія государства, и не позволило миллионамъ своихъ подданныхъ сдѣлаться исключительно подданными папы!

Въ отвѣтъ на это письмо папы, императоръ, въ письмѣ отъ 11 мая 1863 г., отвергая ложный взглядъ римскаго двора, указалъ на одну изъ существенныхъ причинъ, поддерживающихъ возстаніе. «Ваше святѣйшество считаете исключительно причиною беспорядковъ, происходящихъ, къ сожалѣнію, въ настоящее время въ странѣ, то обстоятельство, что нѣкоторыя требованія римско-католической церкви въ царствѣ польскомъ остались неудовлетворенными. Однако не много найдется въ Европѣ государствъ, которыя бы испытали столько жестокихъ революцій, какъ тѣ государства, гдѣ римско-католическая церковь господствовала безгранично. Изъ этого слѣдуетъ вывести то заключеніе, что причины зла совсѣмъ иныя. Я указалъ отчасти на эти причины, обративъ вниманіе вашего святѣйшества на предосудительное поведеніе и даже на преступныя дѣйствія большинства членовъ римско-католическаго духовенства въ царствѣ польскомъ. Я сдѣлалъ это не для того, чтобы выразить уворы и неудовольствія, но въ томъ твердомъ убѣжденіи, что достаточно было бы поставить вашему святѣйшеству на видъ столь предосудительные поступки, чтобы вы, слѣдуя внушеніямъ своей совѣсти, осудили ихъ съ негодованіемъ и воспользовались нравственнымъ своимъ авторитетомъ, на обращеніе на путь истины тѣхъ членовъ духовенства, которые съ этого пути совратились. Этотъ-то союзъ между слѣжителями алтаря и виновниками беспорядковъ, грозящихъ обществу, составляетъ самое возмущающее душу явленіе нашего времени. Ваше святѣйшество, конечно, должны желать не менѣе моего, чтобы подобному порядку вещей положенъ былъ предѣлъ».

Но римскій дворъ самъ поддерживалъ этотъ союзъ. Григорій XVI, въ запискѣ, врученной имъ императору Николаю Павловичу, указывалъ, что папское правительство, въ 1830 г., не приняло уполномоченнаго отъ революціоннаго польскаго правительства и принудило его выѣхать изъ Рима. Правительство Піа IX находилось, напротивъ, въ постоянныхъ сношеніяхъ съ мятежною шайбою, именовавшею себя національнымъ правительствомъ. Съ 1863 г., въ Римѣ находился ея уполномоченный и состоялъ въ правильныхъ сношеніяхъ — «съ его преосвященствомъ кардиналомъ статсъ-секретаремъ, и съ его преосвященствомъ монсиньоромъ секретаремъ конгрегаціи духовныхъ дѣлъ».

Революціонное правительство, отправляя своего повѣреннаго

въ дѣлахъ, дало ему, 10 ноября 1863 г., слѣдующую инструкцію, которую онъ обязывался исполнить подъ личною отвѣтственностію:

«1) Пока представитель національнаго правительства не будетъ признанъ официально, не заботиться о гласности, публичности и внѣшнемъ блескѣ своего посольства, но офиціозно стараться объ исполненіи дѣйствительнаго своего назначенія.

«2) Повѣренный обязанъ дѣйствовать согласно съ началами, провозглашенными національнымъ правительствомъ въ манифестахъ 22 января и 31 іюля, и настоящей инструкціею, а, главнымъ образомъ, всѣми способами защищать дѣйствія національнаго правительства предъ св. отцомъ, его правительствомъ и духовными сановниками посредствомъ личныхъ сообщений и печати, въ официальныхъ и частныхъ изданіяхъ. Онъ долженъ быть посредникомъ между св. престоломъ и польскимъ духовенствомъ согласно съ видами національнаго правительства, сообщать о его положеніи и нуждахъ и испрашивать разрѣшеній.

«3) Объяснить св. престолу, что національное правительство, представляя католическую націю, въ своей политикѣ дѣйствуетъ согласно съ вѣчными началами общественнаго порядка, но въ духѣ покорности св. апостольскому престолу въ дѣлахъ духовныхъ. Искренно и горячо желая распространять и защищать святую католическую вѣру, особенно противъ московской схизмы и насилій, которыми оно угнетаетъ униатовъ,—но въ распространеніи и защитѣ вѣры, правительство употребить мѣры убѣжденія и любви.

«4) Прежде всего повѣренный долженъ представить св. отцу письмо національнаго правительства и благодарить его за назначеніе публичныхъ молебствій за Польшу, что подкрѣпило и пробудило новую бодрость въ воюющихъ. Затѣмъ выразить надежду, что святой престолъ не откажетъ имъ въ защитѣ противъ варварской и лицемерной Московіи и возбудитъ католическія державы, и особенно Францію и Австрію, заступиться за дѣло Польши. Особенно, чтобы онъ оказалъ свое вліяніе на Австрію, чтобы духовенство Галиціи пристало къ народному дѣлу.

«5) Извѣстно, что Московія ненавидитъ св. престолъ, не уважаетъ его духовной власти, но уваженіемъ въ ней только прикрываетъ свои намѣренія. Поэтому, необходимо ярко представить состояніе католической церкви въ Польшѣ, и что Московія ее преслѣдуетъ, желая уничтожить унию какъ въ Литвѣ, такъ и Рутеніи. На этотъ аргументъ повѣренный обязанъ обратить особенное вниманіе. Въ Римѣ существуетъ мнѣніе, съ которымъ особенно слѣдуетъ бороться, будто посредствомъ добы-

тѣхъ отъ Московіи уступокъ, можно постепенно обратить ее въ католическую вѣру, или поставить, по крайней мѣрѣ, въ сношенія для этой церкви отношенія. Такого рода воззрѣнія сообщаютъ римскому двору, или сами же московскіе агенты, или люди близорукіе, желающіе только мира во что-бы то ни стало; они могутъ только повредить дѣлу католицизма, потому что *вся политическая сила Россіи основана только на ея схизмѣ*. Надо убѣдить, что отправленіе нунція въ настоящее время въ Петербургъ не принесетъ пользы церкви, а напротивъ, дастъ средство Россіи отстранить бдительность св. престола, потому что московское правительство весь запасъ своихъ обмановъ обратитъ на одно лице нунція, и, лишивъ его возможности узнать настоящее положеніе католической церкви въ ея владѣніяхъ, еще болѣе начнетъ ее преслѣдовать. Надо замѣтить св. престолу, что болѣе всѣхъ народовъ поляки оставались ему вѣрными и своему призванію на востокъ, въ отношеніи къ которому поддержаніе и распространеніе уніи составляетъ главнѣйшую цѣль.

«6) Позаботиться о скорѣйшей канонизаціи блаженнаго Юсафата (Кунцевича) въ виду того вліянія, которое это можетъ имѣть на народъ въ Литвѣ и Рутеніи.

«7) Въ этомъ смыслѣ должна быть представлена св. престолу записка, въ которой должно указать и практическіе приемы для дѣйствій св. отца въ защиту вѣры и нашей народности, а равно и въ сношеніяхъ по этому случаю съ Франціей и Австріей».

Мы привели почти слово въ слово этотъ любопытный документъ, съ которымъ вполне согласовалась политика римскаго двора въ отношеніи къ Россіи въ послѣдніе годы ¹⁾.

Своему повѣренному подпольное правительство поручало строго наблюдать за поляками въ Римѣ, а самаго его подчинило наблюденію его же секретаря. Революціонное правительство, еще въ іюлѣ 1863 г., вошло въ сношенія съ Римомъ и отъ 26 этого мѣсяца извѣщало папу, что «польскій народъ прибѣгъ къ оружію, какъ единственному средству противъ угнетеній и вѣковаго рабства врага варварскаго и коварнаго». «Наши отцы—сказано въ этомъ письмѣ—въ продолженіи вѣковъ были щитомъ для Европы противъ азіатскихъ ордъ, и викаріи I. Христа, ваши предшественники, св. отецъ, своимъ благословеніемъ подтверждали ихъ силу и преданность вѣрѣ. Мы, дѣти этихъ христіанскихъ воиновъ, вступивъ въ бой съ этими же ордами, лицемѣрно приерывающимися просвѣщеніемъ, за вѣру и свободу,

¹⁾ Insurrezione Polacca nel 1863 e 1864 an. Docum. № III, стр. 18 — 18.

умоляемъ, преклоняя колѣна: благословите св. отецъ — польскій народъ»¹⁾).

Когда, послушный этому голосу, римскій престолъ предписалъ торжественныя молебствія за Польшу, и революціонное правительство узнало, что вѣнскій нунцій, монсиньоръ Фалчинелли, весьма къ нему расположенъ, оно назначило въ Римъ своего повѣреннаго и вручило ему письмо для представленія папѣ²⁾, въ которомъ выражало благодарность, отъ имени всего народа, за эти молебствія, и просило подвигнуть на ихъ защиту всѣ католическія державы. Постоянно сносясь съ римскимъ дворомъ, оно желало ускорить канонизацію Юсафата Кунцевича, хватало самыхъ ярыхъ фанатиковъ изъ польскаго духовенства и называло царскими проконсулами тѣхъ, которые еще не совсѣмъ забывали свои христіанскія обязанности. Конечно, съ паденіемъ самого подпольнаго правительства окончилось и это посольство; но еще прежде секретарь успѣлъ перессориться съ уполномоченнымъ, и національное правительство хотѣло его смѣстить и замѣнить этимъ секретаремъ, но уполномоченный не послушался³⁾. Такимъ образомъ, общій характеръ польской управы выразился и въ этомъ случаѣ!

Въ такихъ отношеніяхъ находился Римъ въ тайному правительству польскихъ мятежниковъ; но, конечно, онъ скрывалъ такія свои дѣйствія, не хотѣлъ окончателно прерывать сношеній съ Россією, не будучи еще увѣренъ въ достиженіи своихъ сокрытыхъ цѣлей, пока Европа не окажетъ дѣятельной помощи польскому мятежу. Съ этою цѣлію папа возбудилъ переговоры о назначеніи своего нунція въ Россію.

XI.

Переговоры римскаго двора съ нашимъ правительствомъ о назначеніи постоянного нунція въ Россію. — Значеніе папской нунціатуры.

Желаніе Рима, имѣть постоянного папскаго нунція при нашемъ дворѣ, не ново. Со временъ императрицы Екатерины II, послѣ перваго раздѣла Польши, папы постоянно стремились въ этой цѣли. Уже въ 1796 г., Пій VI предназначалъ на это мѣсто графа Литту, бывшаго легата въ Польшѣ; но императрица

1) Тамъ же: Doc. № I, стр. 9—10; № IV, стр. 19.

2) Тамъ же: Doc. № II, стр. 11—12.

3) Тамъ же: Doc. №№ V, VI и VII, стр. 21—31, и введен. стр. 7 и 8.

отклонила назначеніе. При переговорахъ съ Римомъ по этому случаю, она требовала, чтобы напередъ было означено, съ какимъ порученіемъ будетъ присланъ папскій нунцій. Опредѣляя такимъ образомъ его будущую дѣятельность отдѣльными вопросами, она тѣмъ самымъ устраняла самую мысль о постоянномъ его пребываніи при нашемъ дворѣ. Но подобныя условія не предшествовали пріѣзду кардинала гр. Литты при императорѣ Павлѣ.

По случаю новаго разграниченія латинскихъ епархій въ имперіи, въ 1798 г. онъ прибылъ въ Петербургъ, какъ будто бы только съ цѣлю утвердить папскою властію принятія русскимъ правительствомъ мѣры. Но, окончивъ это порученіе, онъ продолжалъ свое пребываніе при нашемъ дворѣ, независимо распоряжался управленіемъ латинской церковью въ имперіи, часто вопреки видамъ и распоряженіямъ правительства, и вмѣшивался въ дѣла, не относившіяся къ прямымъ его обязанностямъ. Такія дѣйствія нунція послужили поводомъ къ тому, что императоръ Павелъ приказалъ ему въ 24 часа выѣхать изъ Петербурга и уничтожилъ нунціатуру ¹⁾. Но эта неудача не заставила папу отказаться отъ своихъ намѣреній. Въ 1801 г., когда, по дѣламъ мальтійскаго ордена, былъ посланъ въ Римъ сенаторъ Лизакевичъ, Пій VII возобновилъ свои требованія о назначеніи постоянного нунція, прибавивъ: «Мои желанія простираются далѣе, я хотѣлъ бы достигнуть соединенія церквей и съ этою цѣлю даже самъ готовъ отправиться въ Петербургъ. Такое дѣло обезсмертило бы имя императора Павла».

Царствованіе императора Александра I весьма важно въ отношеніи къ этому вопросу. Въ началѣ 1802 г., онъ, по собственному благоусмотрѣнію, учредилъ постоянное наше посольство въ Римѣ и въ тоже время призналъ постояннымъ у насъ уполномоченнымъ отъ римскаго двора аббата Бенвенути, который давно уже находился въ Россіи. Такимъ образомъ, желанія Рима осуществлялись сами собою. «Еслибъ римскій дворъ руководился единственно желаніемъ блага религіи, справедливо замѣчаетъ гр. Д. А. Толстой,—то, безъ сомнѣнія, онъ удовлетворился бы установленіемъ этихъ постоянныхъ отношеній, совер-

¹⁾ Въ именномъ указѣ 1799 г. апрѣля 29, генералъ-губернатору генералу-отъ-инфантерій Бельшеву сказано: «Нашедъ неуужнымъ вседневное пребываніе папскаго посла при дворѣ нашемъ, а еще менѣе *правленіе ею католическою церковью въ имперіи нашей*, разсудили мы за благо, окончивъ нунціатуру архіепископа Фивскаго, повелѣть ему оставить и владѣнія наши, начальство же надъ духовенствомъ католическимъ препоручать митрополиту Сестренцевичу, о коемъ во всѣ епархіи и будетъ послано о семъ извѣщеніе». Полн. Собр. Зак. т. XXV, № 18.949.

шенно достаточныхъ для правильнаго теченія всѣхъ дѣлъ, въ которыхъ потребовалось бы участіе римскаго престола; но, возбуждаемый желаніемъ властвовать надъ духовенствомъ, онъ настаивалъ на учрежденіи нунціатуры въ Петербургѣ. Не произнося однако же названія нунціатуры, папа изъявлялъ желаніе отправить посланника для поздравленія императора съ восшествіемъ на престолъ. Новое министерство, образованное молодымъ государемъ изъ людей тоже молодыхъ, умныхъ и съ добрыми намѣреніями, но неопытныхъ, не сдѣлало никакихъ препятствій для принятія этого посольства. Только въ послѣдствіи, когда папа уже назначилъ монсиньора Ареццо посланникомъ въ Россію,—собравъ свѣдѣнія о дѣятельности прежнихъ у насъ нунціевъ, оно измѣнило свой взглядъ на дѣло» ¹⁾. Съ тѣхъ поръ оно начало уже употреблять всевозможныя средства, чтобы отклонить это посольство, предлагая различныя условія папскому правительству; но папа соглашался на все. Согласился даже на то, что монс. Ареццо будетъ принятъ не какъ нунцій, но какъ посланникъ, наравнѣ съ посланниками всѣхъ другихъ государствъ, что съ этою цѣлію въ вѣрющихъ письмахъ будетъ прямо опредѣлено какъ его значеніе, такъ и цѣль самаго посольства, которое не должно быть постояннымъ, но можетъ продолжаться не болѣе трехъ-четырехъ мѣсяцевъ ²⁾.

Въ 1803 г., монсиньоръ Ареццо прибылъ въ Петербургъ, а въ тоже время графъ Бутурлинъ былъ назначенъ нашимъ посланникомъ въ Римъ. Но онъ не успѣлъ еще выѣхать изъ Россіи, какъ неожиданное происшествіе прервало наши сношенія съ Римомъ. Папское правительство выдало Наполеону I одного французскаго эмигранта, принявшаго наше подданство и находивша-

¹⁾ Гр. Д. А. Толстой, *Le cathol. Romain en Russie*; vol. II, pag. 386. и слѣд.

²⁾ Il fut très-difficile de faire goûter notre proposition (чтобы монс. Ареццо остался постояннымъ нунціемъ въ Россіи), говорить К. Ковзальви, et nous fûmes obligés de convenir avec la cour de Russie que le nouveau Nonce serait extraordinaire et non pas ordinaire, ainsi que le S. Siège le désirait pour mieux servir les intérêts de la religion dans ce vaste empire... Le nonce M-r Arezzo, archevêque de Seleucie, se rendit à S. Pétersbourg. Ses manières et sa conduite y obtinrent tant de succès, que notre nonce extraordinaire ne donna pas lieu de craindre que cette mission serait de courte durée. On traita plusieurs affaires ecclésiastiques relatives aux diocèses et aux évêques, ainsi qu'à certaines lois auxquelles Rome désirait qu'on apportât des modifications. Malgré les efforts des ennemis de la chaire de S. Pierre, et spécialement malgré ceux de l'archevêque de Mohilew, ne voyant pas de bon oeil un nonce dans une capitale où, sans cela, il aurait tenu le premier rang, les choses prirent un bon pli. On obtint les concessions; on espérait même d'autres avec certitude. Une cordiale entente faisait chaque jour de nouveaux progrès, lorsque la déplorable aventure de Varnegues brisa complètement tous les liens, qu'on avait si péniblement noués avec la cour de Russie....

гося на службѣ при нашемъ посольствѣ въ Римѣ. Кардиналу Конзальви князь Чарторыскій, по порученію императора, писалъ, что таковой поступокъ русское правительство считаетъ или явнымъ недоброжелательствомъ, или признакомъ того, что папское правительство потеряло уже всякую самостоятельность. Поэтому, монсеньору Ареццо велѣно было удалиться изъ Петербурга, а нашему посольству въ Римѣ, возвратиться въ Россію ¹⁾.

Сношенія возобновились только послѣ 1815 года. «Если ваше величество за насъ, то кого-же мы можемъ бояться», — писалъ папа императору Александру I въ это время, и дѣйствительно никому болѣе его онъ не былъ обязанъ, что удержалъ за собой прежнее значеніе и области, составлявшія папское государство. Но это нисколько не измѣнило отношеній римскаго престола къ Россіи, нисколько не смягчило его притязаній. Римъ остался тѣмъ-же, чѣмъ былъ прежде, не смотря на всѣ бѣды, испытанныя имъ съ начала французской революціи и до возстановленія папскаго государства, послѣ паденія Наполеона I. Кардиналъ Конзальви, статсъ-секретарь Пія VII, въ посмертныхъ запискахъ, упомянувъ о своихъ тщетныхъ усиліяхъ преобразовать римское устройство и управленіе, говоритъ: «Если providѣніе даруетъ намъ *второе возстановленіе*, то надо желать, чтобы новая власть, найдя все *измѣненнымъ* и *разрушеннымъ*, воспользовалась бы своимъ положеніемъ лучше, нежели послѣ *перваго* возстановленія (*restauration*). Поддерживая основанія и уставы святаго престола, необходимо силою преодолѣть препятствія, затрудняющія устраненіе порчи въ старыхъ учрежденіяхъ, и злоупотребленія. Ихъ слѣдуетъ преобразовать, принявъ въ соображеніе опыты, различіе временъ, характеровъ, возрѣній и обычаевъ ²⁾».

Но для того, чтобы могло преобразоваться римское правительство или, лучше сказать, латинская церковь, даже по словамъ такого ея защитника, какъ кардиналъ Конзальви, необходимо первоначально все *измѣнить* и *разрушить*. Хотя желаніе кардинала исполнилось въ наше время, *providѣніе* послало *второе возстановленіе* власти римскаго престола; но правительство Пія IX воспользовалось имъ такъ-же, какъ и при его предшественникѣ Піѣ VII, и — Римъ остался тѣмъ-же, чѣмъ и былъ. Императора Александра I всего болѣе поразило то, что папа не только отказался присоединиться къ священному Союзу, имъ созданному, которымъ онъ такъ дорожилъ, и на который столько

¹⁾ Mémoires du Card. Consalvi; vol. II, стр. 317—338; изд. Crétineau-Joly. 1864 г.

²⁾ Consalvi, Mémoires sur mon ministère; t. II, стр. 229—30.

возлагалъ надежды; но даже протестовалъ противъ него. Съ тѣхъ поръ все болѣе и болѣе становились сдержаннѣе и осторожнѣе наши отношенія къ Риму, и мысль о нунціѣ постоянно была отклоняема.

Таже политика въ отношеніи къ этому вопросу продолжалась и во все послѣдующее царствованіе, не смотря на то, что Римъ постоянно возбуждалъ его. Въ 1832 г., въ нотѣ іюня 12, кардиналъ Бернетти, описывая плачевное состояніе латинской церкви въ имперіи, въ числѣ причинъ, указывалъ на то, что при русскомъ дворѣ нѣтъ постоянного папскаго нунція. Утверждая, что свобода сношеній римскихъ католиковъ и духовенства съ папою составляетъ одно изъ существенныхъ правилъ латинской церкви, онъ говоритъ, что не слѣдуетъ въ этомъ случаѣ приводить въ примѣръ ограниченій этихъ сношеній, существующихъ въ другихъ государствахъ, потому что, все-таки, тамъ представляется болѣе свободы этимъ сношеніямъ, нежели въ Россіи, и притомъ—«при ихъ правительствахъ святой престолъ содержитъ своихъ постоянныхъ представителей». «Извѣстно, говоритъ онъ далѣе, какую пользу приносили отправляемые въ разныя времена святымъ престоломъ къ петербургскому двору нунціи и чрезвычайные посланники въ лицѣ прелатовъ и кардиналовъ, какъ Аретти, Литта, Ареццо, Бернетти; извѣстно, что чрезъ это были приняты и приведены ими въ исполненіе, не смотря на важныя пожертвованія со стороны католической церкви, проекты о новомъ распредѣленіи и границахъ епархій какъ въ Россіи, такъ и въ Польшѣ; они согласились на закрытіе и соединеніе нѣкоторыхъ церквей и бенефицій, утвердили отчужденіе не малаго количества церковныхъ имуществъ и снабдили епископовъ чрезвычайною апостольскою властію, сообразно требованіямъ обстоятельствъ и случаевъ. Однакоже св. престолъ принужденъ былъ соболѣзновать, что дѣла католической церкви шли и идутъ все хуже и хуже. Святой отецъ не переставалъ заявлять свои жалобы передъ августѣйшимъ императорскимъ престоломъ, но безъ всякихъ послѣдствій, благопріятныхъ и постоянныхъ. Поэтому и теперь онъ снова возвращается какъ къ предметамъ изложеннымъ въ этой нотѣ, такъ и къ нѣкоторымъ другимъ, о которыхъ имѣетъ многія и достойныя вѣроятія свѣдѣнія, но о которыхъ умалчиваетъ потому, что, при отсутствіи прямыхъ сношеній, не можетъ ихъ вполне удостовѣрить. Чтобы достигнуть цѣли и опредѣлить дѣйствительныя и постоянныя мѣры по вопросамъ, о которыхъ идетъ рѣчь, онъ проситъ, чтобы былъ принятъ при петербургскомъ дворѣ уполномоченный посланникъ со стороны святого престола, посредствомъ котораго

доходили бы до Рима точныя свѣдѣнія о состояніи католической церкви какъ въ имперіи, такъ и въ царствѣ польскомъ». Въ сношеніяхъ по дѣлу епископа Гутковскаго, дѣйствуя враждебно въ отношеніи къ нашему правительству, папа говорилъ, что онъ не можетъ имѣть точныхъ свѣдѣній о положеніи латинской церкви въ Россіи и Польшѣ, особенно потому, что нѣтъ при петербургскомъ дворѣ постояннаго папскаго нунція¹⁾. Въ 1845 г., во время пребыванія покойнаго императора въ Римѣ, папа, въ поданной ему запискѣ, выразилъ ту же мысль; но она была отклонена какъ при переговорахъ о конкордатѣ, такъ и при дальнѣйшихъ переговорахъ съ римскимъ дворомъ. Съ 1815 г. сдѣлалось уже постояннымъ преданіемъ, неизмѣннымъ правиломъ, не отвѣчать на предложенія римскаго двора объ учрежденіи нунціатуры въ Петербургѣ.

Возобновилъ это требованіе и монсиньоръ Киджи, во время пребыванія его въ Россіи, и папа Пій IX въ письмѣ къ нынѣ царствующему императору, 31 янв. 1859 г. Онъ указывалъ на ту же причину, которою, между прочимъ, оправдывалъ это требованіе и его предшественникъ, что онъ не можетъ утверждать представленныхъ на епископскія каѳедры кандидатовъ правительствомъ, не имѣя свѣдѣній о ихъ личныхъ свойствахъ. «Это главная причина, писалъ папа, почему я возобновляю наши настоянія, чтобы, какъ при насъ находится вашъ представитель, такъ равно и мы къ августѣйшему лицу вашего величества могли бы отправить своего уполномоченнаго, который бы и увѣдомлялъ насъ о качествахъ представляемыхъ кандидатовъ на епископскія каѳедры». Мы видѣли уже, что римскій дворъ очень хорошо зналъ о свойствахъ представляемыхъ ему кандидатовъ, тайно сносясь съ латинскими епископами. Это была придирка, которой въ это время римскій дворъ надѣялся прикрыть совсѣмъ иныя цѣли. Въ отвѣтъ на это письмо, не отклоняя рѣшительно предложенія паны, императоръ увѣдомлялъ, что поручилъ своему посланнику въ Римѣ объясниться съ кардиналомъ Антонелли — «съ тѣми чувствами чистосердечія и взаимнаго благорасположенія, какія положены въ основу сношеній между обоими государствами». Но чистосердечіе не свойственно политикѣ римскаго двора. Не признаваясь въ поощреніи мятежа и уклоняясь въ этомъ случаѣ отъ настояній нашего правительства, которое желало, чтобы папское правительство выразило наконецъ открыто свой взглядъ на дѣйствія польскаго духовенства, кардиналъ Антонелли, по прежнему, объяснял дѣйствія Рима тѣмъ, — «что

¹⁾ Галь-Морель, № VI, стр. 16 и 17; № LXVIII, стр. 138.

папа не находится въ свободныхъ непосредственныхъ сношеніяхъ съ польскимъ духовенствомъ, и, не имѣя своего представителя въ С.-Петербургѣ, правительство папы не имѣетъ такимъ образомъ официальнаго органа и прямого средства для того, чтобы дѣйствовать на духовенство, съ которымъ оно не находится въ свободныхъ непосредственныхъ отношеніяхъ 1)».

Безъ сомнѣнія, наше правительство понимало все значеніе словъ кардинала. Тайныя цѣли римскаго двора, соединенныя съ назначеніемъ нунція въ Россію, давно были извѣстны. Не трудно было подозрѣвать и то, что настоянія Рима въ отношеніи къ этому вопросу въ *это время* прикрывали только другіе тайные замыслы. Римъ не предполагалъ, чтобы русское правительство могло уступить ему въ этомъ вопросѣ и, настаивая на немъ, надѣялся только поддержать на нѣкоторое время переговоры. Неожиданная для него уступка повела бы къ обличенію его тайныхъ замысловъ. Вѣроятно съ этою цѣлію — императорскій кабинетъ рѣшился сдѣлать важную уступку римскому двору, изъявивъ согласіе допустить въ Россію римскаго прелата. Поэтому поводу вице-канцлеръ, по приказанію его величества, сообщилъ слѣдующую депешу г. Киселеву: «Передавъ вамъ слова римскаго первосвященника, кардиналъ государственный секретарь упомянулъ о дошедшихъ до папы жалобахъ польскаго духовенства на затрудненія, встрѣчаемыя имъ при исполненіи его религиозныхъ обязанностей и объ отсутствіи прямыхъ, непосредственныхъ сношеній между святымъ престоломъ и польскимъ духовенствомъ, лишаящимъ римское правительство возможности получать увѣдомленія и дѣйствовать на латинское духовенство въ царствѣ польскомъ. Его высокопреосвященство передалъ вамъ въ заключеніе желаніе папы получить возможность отправить въ Варшаву какого-нибудь римскаго прелата, который бы могъ сдѣлать, отъ имени римскаго первосвященника, увѣщанія польскому духовенству и преподать ему нужные совѣты. Если въ Россіи, какъ и во многихъ даже католическихъ странахъ Европы, отношенія духовенства къ свѣтской власти были обусловлены извѣстными формальностями, то это дѣлалось въ силу политическаго начала, усвоеннаго всей Европой, и конкордата, свободно заключеннаго съ святымъ престоломъ. Отступить отъ этого правила было бы совершенно напрасно, потому что оно нисколько не затрудняетъ сношеній католическаго духовенства съ святымъ престоломъ, а устанавливаетъ только форму ихъ». «Признавая начала самой широкой вѣротерпимости», сказано далѣе въ

1) Довес. г. Киселева, 29 окт. 1861 г.

этой нотѣ, «вы можете увѣрить его высокопреосвященство кардинала государственнаго секретаря, что императоръ неизмѣнно готовъ удовлетворять духовнымъ потребностямъ своихъ римско-католическихъ подданныхъ. Въ вѣдшее доказательство этой готовности императоръ соизволилъ принять въ серьезное соображеніе—изъявленное святымъ отцомъ желаніе, послать въ Россію прелата для увѣщанія польскаго духовенства и поданія ему нужныхъ совѣтовъ. Императоръ соизволилъ изъявить на это свое согласіе, въ доказательство своего желанія сдѣлать угодное его святѣйшеству. Его императорское величество не скрываетъ своихъ дѣяній, отражая лишь клевету, усиливающуюся подорвать довѣріе. Посоль святого отца въ состояніи будетъ удостовѣриться собственными глазами въ истинѣ и передать ее святому отцу. Онъ убѣдится, что религіозными причинами нѣтъ никакой возможности объяснить современныхъ событій въ Польшѣ, и что напротивъ, религію насильственно тамъ предають недостойному поруганію, погружая въ омутъ людскихъ страстей»¹⁾.

На предложенія нашего правительства вразумить польское духовенство и отвлечь его отъ участія въ мятежѣ, римскій дворъ выразилъ желаніе послать въ Варшаву своего уполномоченнаго и, оказывая такимъ образомъ недовѣріе къ свѣдѣніямъ, сообщеннымъ ему нашимъ правительствомъ, о происшествіяхъ совершавшихся на виду у всѣхъ, онъ, конечно, полагалъ, что оно не согласится исполнить его желаніе. Расчитывая на отказъ, онъ имѣлъ въ виду другія цѣли, для которыхъ мятежъ служилъ ему средствомъ; не желая выпустить его изъ своихъ рукъ, онъ тайно ободрялъ мятежъ. Но тайныя свои дѣйствія онъ прерывалъ переговорами съ Россіею объ отправленіи временнаго посольства по случаю особыхъ обстоятельствъ. Конечно, римскій дворъ и въ этомъ случаѣ, какъ и прежде, замышлялъ временное посольство превратить впоследствии въ постоянное, но русское правительство его предупредило. Г. Киселеву поручено было (при сообщеніи кардиналу Антонелли о согласіи нашего правительства, чтобы римскій дворъ отправилъ своего прелата въ Варшаву), дать ему — «понять, что императорскій кабинетъ готовъ изъявить свое согласіе на то, чтобы временная миссія отправленнаго въ Варшаву прелата обратилась въ постоянную». Вслѣдствіе этого Пій IX, въ аудіенціи 15 декабря 1861 года, выразилъ русскому посланнику именно это желаніе, чтобы временно отправляемый въ Варшаву прелатъ остался постояннымъ представителемъ римскаго престола въ Россіи. Но, вѣроятно, расчи-

¹⁾ Записка прилож. къ нотѣ кн. Горчакова, 7 янв. 1867 г.

танная напередъ снисходительность нашего правительства поставила, въ этомъ случаѣ, въ затруднительное положеніе даже римскій дворъ. Кардиналь Антонелли счелъ нужнымъ *конфиденциально*, какъ будто Римъ дѣлалъ уступку нашимъ требованіямъ, сообщить нашему посланнику, что Римъ назначаетъ монсиньора Бернарди папскимъ нунціемъ къ нашему двору. Конечно, въ виду предшествовавшихъ переговоровъ, онъ не могъ ожидать возраженій. Но, вызывая самъ возраженія, чтобы въ послѣдствіи имѣть предлогъ обвинить наше правительство, онъ— обратился къ нашему послу съ вопросомъ, явно обнаружившимъ намѣреніе римскаго двора принять великую уступку, сдѣланную ему с.-петербургскимъ кабинетомъ не иначе, какъ усиливъ свои требованія. Онъ спросилъ: — Будутъ ли касаться и папскаго нунціа законы, воспрепятствующіе непосредственнымъ сношеніямъ въ Россіи между римскимъ престоломъ и католическимъ духовенствомъ? Конечно, подобный вопросъ, въ отрицательномъ отвѣтѣ на который никогда не могъ сомнѣваться римскій дворъ, обличалъ съ очевидностію, что при каждой уступкѣ съ нашей стороны, увеличивая свои требованія, Римъ желалъ только затянуть переговоры. Онъ прибѣгалъ къ этому средству, чтобы скрыть настоящія свои дѣйствія, выражавшія не только разрывъ, но прямо враждебныя къ Россіи отношенія, — *войну*.

Мы сказали слово: война; но считаемъ нужнымъ замѣтить, что Римъ не такъ ведетъ войну, какъ всѣ другія государства. Для войны *духовной*, силою слова, обличенія и отлученія отъ церкви, въ настоящее время онъ чувствуетъ себя слишкомъ слабымъ, даже въ отношеніи къ державамъ латинскимъ по исповѣданію, какъ то доказалъ современный опытъ въ его отношеніяхъ къ Італіи и Франціи. Что же касается до православной Россіи, то, въ этомъ случаѣ, оружіе Рима, конечно, не могло бы уязвить ее и обратилось бы вспять. Еще менѣе могъ бы Римъ вести дѣйствительную войну вооруженною рукою; въ возможность образованія папскихъ войскъ вѣрилъ только генераль Ламорисьеръ, и— вѣроятно, не вѣрилъ— кардиналь Меродъ! Римъ очень хорошо понималъ свое отношеніе къ Россіи: дѣйствуя враждебно противъ нея, онъ могъ опираться только на силу другихъ государствъ. Дѣйствительно, Римъ въ это время находился съ нами въ отношеніяхъ воинствующей державы. Съ одной стороны, своими дѣйствіями въ отношеніи къ латинскому духовенству въ имперіи и царствѣ польскомъ, онъ поощрялъ мятежь; съ другой, возбуждалъ европейскія государства къ вмѣшательству во внутреннія наши дѣла. Еще памятенъ дипломатическій походъ, предпринятый тогда западною Европою противъ Россіи по по-

воду польскаго мятежа. «Самое сильное участіе въ этомъ дѣлѣ, сказано въ запискѣ нашего канцлера отъ 7 января, принимало римское правительство. Мы съ полнымъ правомъ можемъ сказать, что эта причина окончательно опредѣлила тѣ дѣйствія, которыя достаточно только перечислить для неоспоримаго доказательства, что инициатива разрыва, происшедшая теперь между двумя державами, и вся отвѣтственность за него и за отмѣну вонкордата 1847 г. падаетъ исключительно на римскій дворъ».

Русскій посланникъ, выслушавъ странный вопросъ кардинала Антонелли, попросилъ изложить его письменно для доставленія нашему правительству. Въ отвѣтъ канцлера на эту ноту, 27-го марта 1862 года, поручалось г. Киселеву объявить римскому правительству удовольствіе императора за выборъ въ посланники монсиньора Бернарди и — «выразить надежду, что присутствіе этого прелата въ Россіи просвѣтитъ папу относительно духа и направленія, руководящихъ дѣйствіями императорской администраціи и устранить всѣ препятствія къ соглашенію, которыя зложелательство пытается воздвигнуть между двумя правительствами. Что же касается до папскаго нунція, то къ нему будутъ примѣнены также тѣ законы, въ силу которыхъ официальные сношенія между римскимъ престоломъ и католическимъ духовенствомъ въ имперіи и царствѣ польскомъ должны происходить при посредствѣ императорскаго правительства. Это правило основано на законахъ страны и не можетъ быть отмѣнено, не по чувству какого-либо недовѣрія или зложелательства, — но единственно въ виду высшихъ политическихъ соображеній, что только одинъ государь можетъ судить объ общихъ государственныхъ интересахъ, между которыми интересы религіи имѣютъ право на особое вниманіе съ его стороны, и что только одному ему предоставлено оцѣнять въ совокупности всѣ эти интересы, дабы направлять ихъ къ указанной имъ конечной цѣли, составляющей благоденствіе страны. Если начало правительственнаго посредничества примѣнено въ Россіи къ прямымъ официальнымъ сношеніямъ между римскимъ престоломъ и католическимъ духовенствомъ, тѣмъ съ большимъ правомъ оно должно быть примѣнено къ сношеніямъ апостольскаго нунція, служащаго только посломъ и представителемъ римскаго престола. Наконецъ, это начало повсемѣстно усвоено въ государствахъ, гдѣ католическая религія привнается господствующею, и не исключаетъ возможности пребыванія тамъ постоянныхъ римскихъ нунціевъ».

Въ отвѣтъ на это въ конфиденціальной нотѣ, отъ 2-го мая 1862 года, кардиналъ Антонелли писалъ, что — «для того, чтобы присутствіе папскаго уполномоченнаго привело къ тѣмъ послѣд-

ствіямъ, которыхъ надѣется для блага церкви достигнуть св. отецъ, безусловно необходимо, чтобы заботы, которыя апостольскій нунцій въ Петербургѣ, какъ и вездѣ, обязанъ предпринимать въ силу своего высокаго назначенія для блага и пользы католиковъ, не встрѣчали никакихъ затрудненій и препятствій. Всѣмъ извѣстно, какое существуетъ различіе между апостольскимъ нунціемъ и представителемъ какова бы то ни было другого, свѣтскаго правительства. Верховный первосвященникъ, глава церкви, основанной Богомъ, какъ совершеннѣйшее изъ обществъ и потому независимое, обязанъ простирать свои апостольскія заботы на всѣхъ вѣрныхъ (fidei), разсѣянныхъ по разнымъ частямъ католическаго міра (orbe cattolico). Въ слѣдствіе такого вселенскаго (universale) своего призванія, если онъ посылаетъ куда либо своихъ легатовъ, то съ цѣлью посредствомъ ихъ ближайшимъ способомъ оказывать пособіе вѣрнымъ въ ихъ духовныхъ нуждахъ, исполнять наиболѣе настоятельныя потребности церкви, находиться въ полной извѣстности о положеніи дѣлъ, касающихся вѣры, и своевременно предпринимать мѣры. Къ обязанностямъ представителей папы принадлежитъ также, чтобы входить въ дружелюбныя отношенія съ свѣтскою властью, дабы по общему согласію споспѣшествовать религіозному благоденствію народа. Такимъ образомъ, обязанности апостольскаго нунція не имѣютъ ничего общаго съ гражданскими или политическими интересами государства, въ которомъ онъ находится. Если какая нибудь мѣра, по своей сущности касающаяся вѣры и церкви, имѣла бы соотношеніе и съ интересами государства, нунціи предварительно сносятся съ свѣтскимъ правительствомъ для поддержанія полнаго согласія между *двумя верховными властями* (fra le due supreme autorità). Поэтому нельзя понять, почему государственные интересы Россіи требуютъ удержанія законовъ и постановленій, ограничивающихъ свободныя и прямыя сношенія духовенства и мірянъ съ святымъ престоломъ и его законными представителями. Напротивъ, при существованіи такихъ законовъ, ни святой престолъ, ни его представители не могутъ узнать настоящаго и дѣйствительнаго положенія дѣлъ, духовные и міряне не могутъ свободно открыть свои сердца и обнаружить святому отцу ихъ духовныя нужды; епископы не будутъ свободно предъявлять потребностей ихъ церквей, и, такимъ образомъ, останется то же стѣсненіе совѣсти, оплакиваемое теперь, и политическіе интересы не приобрѣтутъ выгодъ, а положительный ущербъ.

«Переходя за тѣмъ къ указанію князя Горчакова о другихъ правительствахъ, католическихъ по исповѣданію, я позволю себѣ замѣтить, что ни въ одной странѣ, католической или некаатоли-

ческой, не существуетъ такихъ строгихъ и безусловныхъ запрещеній свободы сношеній католиковъ съ святымъ престоломъ, какъ въ Россіи. Положительно извѣстно, стоитъ лишь обратиться на это вниманіе, не говоря уже объ Испаніи, Португаліи, Австріи, Бельгіи, Баваріи и Франціи, но даже въ Англіи, Пруссіи и Голландіи, во всѣхъ этихъ странахъ существуетъ полная и безусловная свобода сношеній не только непосредственно съ святымъ престоломъ, но и съ его представителями, на примѣръ, въ странѣ некаатолической, какъ Голландія.

«Хотя, конечно, въ нѣкоторыхъ изъ этихъ государствъ существуютъ законы, которые, до нѣкоторой степени, ограничиваютъ эти сношенія, во многихъ даже введено въ практику, вслѣдствіе злоупотребленія, и еще признается, такъ называемое, *regio ehequatur*; но большая часть этихъ законовъ, хотя и не отмѣнены законнымъ порядкомъ, однакоже потеряли свою силу; что же касается до *regio ehequatur*, то противъ этого злоупотребленія (*abusiva prattica*) всегда и открыто возставалъ святой престолъ, что оно не прилагается къ вопросамъ по сущности своей духовнымъ и церковнымъ, но только къ нѣкоторымъ случаямъ столкновенія съ свѣтскою властью, какъ, на примѣръ, по замѣщенію епископскихъ кафедръ; и наконецъ, даже существованіе этого правила нисколько не мѣшаетъ тому, чтобы католики находились въ постоянныхъ и свободныхъ сношеніяхъ съ святымъ престоломъ и его представителями. Между тѣмъ какъ въ Россіи запрещеніе сношеній съ святымъ престоломъ простирается на всѣ предметы, касающіеся церкви, не исключая простой переписки, которая также должна происходить чрезъ посредство правительства, чтобы не подлежать установленнымъ въ законѣ взысканіямъ»¹⁾.

Очевидно, Римъ затягивалъ только дѣло. Слѣдуя своей постоянной политикѣ, при каждой новой уступкѣ, онъ предъявлялъ новыя требованія. Но, въ этомъ случаѣ, онъ рассчитывалъ не только на большія и большія уступки со стороны нашего правительства, но прямо на отторженіе отъ Россіи почти всѣхъ ея подданныхъ латинскаго исповѣданія, на восстановленіе прежней Польши, посредствомъ мятежа и заступничества за поляковъ европейскихъ государствъ. Русскій дворъ понималъ положеніе дѣлъ, но не хотѣлъ самъ прерывать сношеній. Въ письмѣ къ папѣ, 11-го мая 1863 г., императоръ упоминалъ, что въ прошломъ году изъявилъ согласіе на присылку постоянного нунція, и сожалѣлъ, что не отъ него зависѣвшія препятствія за-

¹⁾ *Esposiz. document. № LIII, стр. 191 и 192.*

медлили до настоящаго времени исполненіе этого предположенія. Въ то же время, въ конфиденціальной нотѣ канцлера, нашему посланнику въ Римѣ поручено было передать папскому правительству, что нунцій будетъ поставленъ въ Россіи въ то же положеніе, въ какомъ онъ находится во Франціи, на основаніи ея законоположеній. «Я готовъ думать, сказано въ этой нотѣ, что римскій дворъ желаетъ большаго, однако трудно допустить, чтобы онъ рѣшился выразить подобное желаніе открыто потому, что это значило-бы снять съ себя маску передъ лицомъ всей Европы. Если папское правительство не удовольствуется тѣмъ, что папскій нунцій при императорскомъ дворѣ будетъ принять точно такъ, какъ принимаютъ папскихъ нунціевъ въ странѣ, гдѣ римско-католическая религія считается господствующею, то въ такомъ случаѣ отвѣтственность за нежеланіе принять дѣлаемое нами предложеніе падеть не на насъ — и вы позаботитесь тогда огласить тѣ льготы, какія предоставляемы были римскому двору императорскимъ правительствомъ».

Дѣйствительно, Римъ и не рѣшился предъявить большихъ требованій—что, впрочемъ, едва-ли и было возможно—не рѣшился снять маску въ глазахъ Европы,—даже и теперь, не обнаруговалъ того въ изданномъ имъ изложеніи и сборникѣ документовъ таковой важности; но—онъ не одобрялъ нашихъ предложеній. Пій IX, принявъ г. Киселева, 6 іюля 1863 г., въ особой аудіенціи, сказалъ: «Я полагаю, что въ настоящее время обстоятельства слишкомъ затруднительны; такъ что присутствіе нунція въ С.-Петербургѣ едва-ли принесло бы существенную пользу, и даже при такомъ положеніи дѣлъ присылка нунція надѣлала бы хлопотъ».

Такъ окончились переговоры о назначеніи папскаго нунція къ нашему двору. Чтобы вполне оцѣнить все значеніе той *великой*, по выраженію кн. Горчакова, уступки, которую, единственно въ виду успокоенія взволнованнаго мятежемъ края, Россія готова была сдѣлать римскому двору, мы постараемся объяснить, какое имѣетъ значеніе, по понятіямъ Рима, присутствіе его нунція въ какомъ либо государствѣ?

Значеніе папскаго нунція, какъ справедливо замѣтилъ кардиналъ Антонелли, въ нотѣ 2 мая 1862 г., не похоже вообще на значеніе посланника всякаго другаго государства, и потому, чтобы понять его, мы должны объяснить общій взглядъ римскаго двора на его отношенія къ другимъ государствамъ. Въ продолженіи нашего разсказа, намъ приходилось уже не разъ указать на отношенія понятій Рима къ гражданскому и государственному правамъ европейскихъ государствъ; теперь постараемся,

словами его же канонистовъ, изложить его взглядъ на международное право.

«Важнѣйшее, основное начало церковнаго управленія заключается въ томъ понятіи, что вся вселенная составляетъ епархію (Diocese) папы. Тамъ, гдѣ епархіальное управленіе или еще не совершенно устроено, или по какимъ-нибудь причинамъ подверглось разстройству, или дурно дѣйствуетъ, — вступаетъ въ свою силу епископское значеніе папы, и тѣ, которые исполняютъ его порученія, суть его уполномоченные — *vicarii apostolici*. Когда управленіе не устроено, или только устроивается, равно, когда вслѣдствіе отпаденія страны въ ересь или схизму, слѣдуетъ вести дѣла посредствомъ папскихъ уполномоченныхъ, и тогда эти страны находятся въ завѣдываніи *пропаганды*. Точно также, если мѣстные епископы дурно управляютъ церковью, то папа отстраняетъ ихъ и назначаетъ своего викарія. Значеніе епископства основано на ихъ преемствѣ отъ апостоловъ. Но оно въ собственномъ смыслѣ сосредоточивается въ римскомъ епископѣ, который представляетъ собою лицо и санъ апостола Петра; другіе-же епископы, только въ ихъ совокупности, считаются преемниками апостоловъ. Поэтому папѣ принадлежитъ епископская власть надъ всею вселенною; каждый же епископъ обладаетъ этою властью только по единенію съ нимъ, и притомъ въ отношеніи къ отдѣльной паствѣ. Папа обладаетъ правомъ ординаціи, онъ можетъ и имѣетъ право для всей церкви безъ исключенія или самъ посвящать, или дать это право другимъ епископамъ. Какъ намѣстникъ Христа, онъ также соединенъ, какъ Христосъ, съ церковью, своею невѣстою; онъ также какъ и Искупитель, котораго мѣсто онъ занимаетъ, есть духовный отецъ всѣхъ вѣрующихъ»¹⁾.

Такимъ образомъ, вся епархія папы, т. е. весь міръ, распадается на два разряда областей: совершенно покорныя власти римскаго первосвященника, гдѣ дѣйствуетъ вполне благоустроенное епархіальное начальство, — и невѣрныя, еретическія или отпадшія, покоряемыя или вновь завоевываемыя усиліями пропаганды. Хотя и первыя входятъ въ составъ папской епархіи, но въ нихъ папская власть дѣйствуетъ не непосредственно, а при помощи мѣстной епископской власти. Въ другихъ, напротивъ, хотя бы представитель папы (викарій) и былъ епископомъ, онъ дѣйствуетъ не въ силу епископскихъ своихъ правъ, но по упол-

¹⁾ Phillips, Kirchenrecht; т. VI, § 340, стр. 746. Das wichtigste Grundprinzip für die kirchliche Verfassung, dass der ganze Erdkreis des Papstes Diözese ist. T. I, § 40, стр. 969; ср. т. VI, § 380.

помочію папы и въ мѣру уполномочія, таѣ-что, въ собственномъ смыслѣ, папа непосредственно управляетъ этими областями.

На этомъ основаніи, въ отношеніяхъ папы къ различнымъ странамъ міра, установлена слѣдующая постепенность:

Первыми піонерами папской власти въ странахъ невѣрныхъ являются *миссіонеры* (in partibus infidelium). Римскій дворъ раздѣляетъ эти страны по миссіямъ, иногда отдѣльнымъ, иногда по нѣскольку миссій соединяетъ вмѣстѣ, подъ главнымъ руководствомъ особаго делегата. Такое значеніе придавалъ Римъ латинскимъ духовнымъ, присылаемымъ въ Россію для отправленія богослуженія и духовныхъ требъ при латинскихъ церквяхъ. До 1769 года они и назывались постоянно миссіонерами, пока въ этомъ году императрица Екатерина II не запретила имъ употреблять это наименованіе въ регламентѣ с.-петербургской римско-католической кирхи: «Суперіоръ или начальникъ и его товарищи должны именовать себя парохами или кураторами душъ, а не миссіонерами; ибо они для отправленія службы исповѣданія своего въ Россію призваны, а не для новой проповѣди» 1). На этомъ основаніи наше правительство издавна обращало вниманіе на то, какихъ орденовъ монахи были присылаемы, отклоня назначеніе такихъ, которые, по уставу ордена, преимущественною цѣлю имѣли пропаганду, и постоянно желало, чтобы вообще монахи были замѣняемы простыми плебанами.

Вторую степень церковнаго устройства составляютъ уже, въ собственномъ смыслѣ, *visagii*, облеченные обыкновенно епископскимъ саномъ, но не въ качествѣ мѣстныхъ епископовъ, а лишь по уполномочію папы, какъ его повѣренные.

Третью степень составляютъ епархіи, вполнѣ устроенныя, съ епископами и капитулами, подъ главнымъ руководствомъ примаса. Этотъ титулъ изобрѣтенъ Римомъ для того, чтобы устранивъ значеніе митрополитовъ и патріарховъ мѣстныхъ церквей.

Четвертую и послѣднюю степень составляютъ нунціатуры, служація выраженіемъ окончательнаго торжества папскаго полновластія въ той странѣ, гдѣ онѣ учреждаются.

Для того, чтобы достигнуть этой окончательной цѣли, римскій дворъ употреблялъ въ продолженіе вѣковъ многочисленныя средства; но главнѣйшія изъ нихъ заключались въ томъ, чтобы, съ одной стороны, унижить самостоятельное значеніе епископской власти, присвоивъ исключительно себѣ большую часть ея правъ и особенно древнѣйшее, на апостольскихъ преданіяхъ основанное право посвященія епископовъ самими епископами въ числѣ

1) Поля. Собр. Зак. т. XVIII, № 13.252, в. 2.

двухъ или трехъ, и утвержденія старѣйшимъ изъ нихъ, митрополитомъ или патріархомъ; а съ другой — искоренить мысль о томъ, что власть вселенскаго собора выше папской власти. Знаменитая булла *In coena domini* предаетъ проклятію даже и тѣхъ, которые позволяютъ себѣ возбуждать этотъ вопросъ. Но, лишены многихъ изъ существенныхъ своихъ правъ, епископы не могли бы управлять епархіями, особенно удаленными отъ Рима, поэтому папы уступали нѣкоторыя изъ этихъ правъ, въ отношеніи къ суду, дѣламъ брачнымъ, отпущеніямъ (индульгенціямъ) и т. под. временно, на нѣсколько лѣтъ, или навсегда, и въ той мѣрѣ, въ какой римскій дворъ считалъ благонадежными представителями мѣстныхъ церквей. Но въ этомъ случаѣ они дѣйствовали уже не въ силу своего сана, не на основаніи присвоенныхъ епископскому достоинству правъ, но по уполномочію только папы; а чтобы не дать возможности развиться самостоятельной мѣстной церкви, Римъ облакалъ главнаго представителя ея духовенства особыми правами съ наименованіемъ *примаса*, которые, въ собственномъ смыслѣ, считаются *прирожденными* папскими легатами (*legati nati*). Но и это сообщеніе правъ мѣстнымъ представителямъ церкви, хотя бы и въ качествѣ *прирожденных* представителей папы, римскій дворъ постоянно считалъ опаснымъ для папскаго полновластія и старался замѣнить его учрежденіемъ *нунціатуръ*. Нунцій, являясь въ страну, становился уже представителемъ мѣстной церкви и непосредственно подчинялъ ее власти римскаго первосвященника; ему подчинялись примасы, митрополиты, архіепископы, епископы, и вообще все духовенство и вся паства ¹⁾. Такимъ образомъ, мѣстная церковь приводится въ полное подчиненіе римскому престолу, и ея духовенство превращается въ исполнителей приказаній и распоряженій нунція, даваемыхъ именованъ и властію папы.

Но, сверхъ того, нунцій, какъ дипломатическое лицо, какъ представитель папы въ качествѣ свѣтскаго государя, облеченъ международнымъ характеромъ, и слѣдовательно неподчиненъ свѣтской власти той страны, въ которой находится. Это обстоятельство, на которое указалъ нашему правительству и кардиналъ Антонелли, даетъ ему возможность совершенно независимо управлять латинскою церковью въ странѣ и устранить всякое на нее вліяніе свѣтской верховной власти, всякій надзоръ за ея дѣй-

¹⁾ Раздѣленіе на—*legati a latere*, *legati missi* или *nuntii apostolici cum potestate legati a latere*, состоятъ въ томъ, что первые должны быть всегда кардиналы, а вторые могутъ не имѣть этого сана. Филлиппъ, *Kirchenrecht*: §§ 337, 338 и 339. Ср. *Le Rome des papes*. 1859. Вале. Т. I, гл. 2 и 3.

ствіями, часто переходящими предѣлы ея духовнаго призванія. Однимъ словомъ, въ государствѣ образуется окончательно другое, совершенно независимое отъ него, государство.

Такой двойственный характеръ представителей папы весьма удобенъ для римскаго двора; съ одной стороны, онъ даетъ ему возможность постоянно поддерживать свои притязанія, опираясь на духовное значеніе нунція; съ другой, въ виду какой-либо опасности, дѣлать уступки требованіямъ свѣтскихъ правительствъ, оправдывая ихъ дипломатическимъ значеніемъ нунція. Но чрезъ это не только не водворяется въ странѣ миръ, но, наоборотъ, вносится въ ея нѣдра и узаконяется постоянная борьба.

Прилагая эти общія возрѣнія Рима къ его отношеніямъ къ Россіи, прежде всего нельзя не замѣтить, что онъ считаетъ ее странкою, въ которой латинскую церковь необходимо держать подъ непосредственнымъ управленіемъ папы, частію, какъ страну *неотрпную*, куда Римъ посылаетъ своихъ миссіонеровъ, затѣмъ, по присоединеніи западныхъ губерній, какъ *отпадишюю*, въ лицѣ униатовъ, которыхъ онъ стремится возвратитъ въ лоно латинской церкви; и, наконецъ, гдѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ въ царствѣ польскомъ, хотя и господствуетъ это исповѣданіе, но церковное устройство и управленіе *пришли въ разстройство*, потому что преграждены пути для насильственной пропаганды, и притомъ властью, не принадлежащею къ латинскому исповѣданію. Устранить эту власть отъ всякаго вліанія на дѣла латинской церкви, — вотъ цѣль римскаго престола, которой онъ стремится достигнуть въ отношеніи къ Россіи, и учрежденіе постоянной нунціатуры является въ этомъ случаѣ единственнымъ средствомъ. Съ этой точки зрѣнія представляетъ особое значеніе длинный рядъ переговоровъ нашего правительства съ римскимъ дворомъ объ утвержденіи Сестренцевича въ санѣ архіепископа, потомъ митрополита и наконецъ кардинала. Наше правительство стремилось къ тому, чтобы расширить власть мѣстныхъ представителей латинскаго духовенства, согласно съ древними каноническими правилами и для удобства управленія. Римъ, съ своей стороны, неохотно дѣлалъ уступки, давалъ нѣкоторыя права митрополиту, но только временно, въ качествѣ папскаго уполномоченнаго, и вовсе отклонилъ предложеніе возвестъ его въ санъ кардинала. Зная образъ мыслей Сестренцевича о значеніи епископской власти, Римъ опасался, что въ Россіи можетъ образоваться мѣстная довольно самостоятельная церковь, въ родѣ галликанской. Нѣтъ сомнѣнія, что къ этому и стремилась политика Россіи въ отношеніи къ Риму при императрицѣ Екате-

ринѣ Велікой¹⁾, и что только въ этомъ видѣ, согласномъ съ началами и преданіями христіанской церкви и несомнѣнномъ съ папскими притязаніями на полновластіе, и возможно мирное существованіе латинской церкви въ русской имперіи, подѣ покровомъ самой широкой терпимости. Но не того желаютъ ультрамонтаны и іезуиты, которыхъ воззрѣнія постоянно преслѣдовалъ Римъ въ отношеніи къ Россіи. «Чтобъ дать понятіе о томъ, что называется здѣсь терпимостію, говоритъ графъ де-Местръ, довольно замѣтить, что римско-католическіе подданные его императорскаго величества не имѣютъ къ нему доступа въ качествѣ католиковъ, т. е. неимѣютъ оффиціального представителя ихъ вѣры, посредствомъ котораго могли бы приносить государю свои представленія и жалобы; они должны приносить ихъ чрезъ министра *духовныхъ дѣлъ*, который ничего не знаетъ, что слѣдуетъ знать, не для того только, чтобы правосудно относиться въ нимъ, но даже, чтобы понять ихъ. Государь, безъ сомнѣнія, лучшій европейскій судья въ дѣлѣ приличій и такта, легко можетъ убѣдиться, что для всякаго человѣка, и особенно католическаго священника, который долженъ оффиціально вести дѣла церковныя, прихожая министра духовныхъ дѣлъ, безспорно, самая большая пытка, послѣ чести говорить съ нимъ». Въ письмѣ къ кардиналу Североли, 1816 г., жалуясь, что истина о состояніи латинской церкви не можетъ доходить до императора, онъ говоритъ: «Уполномоченный нунцій могъ бы многое устроить, въ этомъ заключается великая надежда²⁾».

¹⁾ И при императорѣ Александрѣ I, послѣ многихъ неудачныхъ опытовъ установить мирныя отношенія къ Риму, русское правительство, кажется, имѣло въ виду эту цѣль, даже въ отношеніи къ царству польскому. Графъ де-Местръ въ 1816 г., 3 декабря, писалъ, предостерегая его, къ кардиналу Североли изъ Петербурга: «Je ne puis guère douter du projet arrêté de soustraire la Pologne à l'obédience du saint-siège par des moyens qui pourraient même échapper, dans le principe, à l'oeil juste et attentif du souverain. Les plus terribles ennemis de la religion sont à la tête des choses dans ce malheureux pays; jamais nous n'eumes plus besoin de toute la sollicitude de sa sainteté. Lettres et opusc. inédites ed. 1865 г. т. I, стр. 439.

²⁾ Lettres et opusc. inédites: т. I, стр. 446; т. II, стр. 384 и 386; въ письмѣ къ кардиналу Североли такъ описываетъ гр. де-Местръ кн. А. Н. Голицына: «Cette masse énorme de onze millions (?) d'hommes ne peut aborder le souverain (j'entends dans l'ordre religieux) que par l'organe d'un ministre des cultes (titre funeste inventé par Bonaparte), russe de croyance, que j'honore infiniment comme gentilhomme, comme honnête homme, comme homme d'esprit, comme homme du monde, comme bon sujet de l'empereur, mais qui en sait autant qu'un enfant de dix ans sur tout ce qu'il faudrait savoir pour nous comprendre, nous juger et nous conduire. Après ce qui s'est passé ailleurs il n'a ni ne peut avoir notre confiance». Только нунцій можетъ пользоваться довѣріемъ и доводить истину до государя! «Quand on se demande par quels organes la vérité peut arriver jusqu'à l'empereur de Russie, говоритъ гр. де-Местръ, on ne sait en imaginer que deux parmi les créatures: un ange, ou une dame!» Тамъ же, т. II, стр. 398.

Такимъ образомъ, учрежденіе въ Россіи постояннаго нунція составляетъ постоянное и даже почти единственное желаніе папскаго правительства, если нельзя вполне отторгнуть отъ Россіи тѣхъ областей, гдѣ по преимуществу сосредоточивается латинская церковь. Безотчетно передъ правительствомъ страны управляя этою церковью, устранивъ его отъ всякаго на нее вліянія и надзора за нею, нунцій непосредственно бы относился къ государю, но какъ представитель другого государя. Но, кромѣ общаго значенія, на которое мы указали, нунцій имѣлъ бы у насъ еще другое, особенное. Онъ не былъ бы только намѣстникомъ папы въ особомъ латинскомъ по исповѣданію государствѣ, находящимся въ предѣлахъ имперіи, но и государства польскаго, потому что римскій католицизмъ, вслѣдствіе особыхъ историческихкихъ обстоятельствъ у насъ тождественъ съ польскою народностью, и латинская пропаганда есть въ тоже время и пропаганда польской народности. Такимъ образомъ, полная независимость римско-католической церкви отъ русскаго правительства, какъ желалъ Римъ, равнялась бы независимости Польши. Съ этой точки зрѣнія смотря на вопросъ о нунціѣ, нѣтъ нужды и доказывать, какая могла грозить опасность благосостоянію государства.

Поэтому, слова нашего канцлера, что Россія готова была сдѣлать *великую* уступку—совершенно справедливы. Нельзя не повторить, съ особенною благодарностью, слѣдующихъ строкъ изъ записки, приложенной къ нотѣ 7 января: «Притязанія, чтобы сношенія нунція не подлежали никакимъ ограниченіямъ на основаніи законовъ страны, ограниченіямъ, существующимъ даже въ странѣ латинской по исповѣданію, какъ Франція, обличали за таенныя дѣла римскаго двора, которыхъ, конечно, императорское правительство должно было опасаться, и необходимымъ послѣдствіемъ которыхъ было устраненіе вопроса о назначеніи нунція не только въ настоящее время, но и *въ будущемъ*».

ХП.

Отношеніе римскаго двора и латинскаго духовенства къ мѣрамъ нашего правительства, принятымъ по усмиреніи мятежа: крестьянской реформѣ, сокращенію числа монастырей, праву патроната и устройству блага духовенства.—Разрывъ съ Римомъ.—Заключеніе.

Польскій мятежъ былъ усмирень вооруженною рукою; угроза европейскаго вмѣшательства въ дѣла внутренняго управленія Россіи смолкла, и отзывается только въ тайныхъ подстрекатель-

ствахъ Франціи и враждебныхъ дѣйствіяхъ безсильной и коварной политики Австріи. Чѣмъ болѣе разгарался мятежь, чѣмъ сильнѣе выражалось давленіе на наше правительство иностранныхъ державъ, тѣмъ яснѣе и опредѣленнѣе высказывалось общественное мнѣніе Россіи. «Русскій народъ, говоря словами нашего канцлера, соединился вокругъ трона съ такимъ порывомъ, какового мало примѣровъ представляетъ исторія. Онъ заявилъ предъ цѣлымъ міромъ, что готовъ пролить до послѣдней капли свою кровь, защищая достоинство государя и неприкосновенность русской земли». Блистательный подвигъ нашей дипломатіи былъ достоинъ подъема общественнаго мнѣнія, и имя князя Горчакова займетъ почетное мѣсто на страницахъ нашей исторіи. Литература, при посредствѣ своихъ органовъ, была вѣрнымъ отголоскомъ русскихъ воззрѣній, и сослужила великую службу родной странѣ. За прекращеніемъ мятежа послѣдовалъ рядъ преобразованій; излишне объяснять ихъ необходимость, не нужно доказывать благонамѣренныхъ цѣлей правительства, всѣ они совершались открыто, и каждое законоположеніе обнародовалось съ изложеніемъ побудительныхъ причинъ. Мы должны только разрѣшить вопросъ: какъ относилось къ нимъ латинское духовенство и римскій дворъ?

Два сословія должны были прежде всего обратить на себя вниманіе правительства по причинамъ совершенно противоположнымъ: крестьяне, оставшіеся вѣрными и преданными Россіи, постоянно угнетаемые панамъ и не принимавшіе добровольнаго участія въ мятежѣ, и — латинско-польское духовенство, какъ главный двигатель мятежа.

Совершенно справедливо въ запискѣ нашего канцлера указано на соотношеніе между польскимъ мятежемъ и освобожденіемъ крестьянъ въ имперіи. Законоположенія 19 февр. 1861 г. начали новую, благодѣтельную эпоху въ жизни русскаго народа, а для поляковъ послужили сигналомъ къ вооруженному возстанію.

Поляки хвастались передъ русскими, конечно, передъ тѣми, кому было незнакомо настоящее положеніе дѣлъ, указывая, какъ на признакъ высшаго развитія общественной жизни, на то, что крестьяне царства были свободны. Но эта свобода, не добровольно дарованная поляками ихъ крестьянамъ, но провозглашенная Наполеономъ I, была только свободою на словахъ и на бумагѣ, — на дѣлѣ же крестьяне царства польскаго находились гораздо въ худшемъ положеніи, нежели крѣпостные люди въ имперіи. Это была свобода только личная, а въ имущественномъ отношеніи крестьяне находились въ полномъ и произвольномъ распоряженіи пановъ и доведены были до крайняго разоренія.

Но и самая личная свобода была сильно стѣснена правомъ сельскаго суда и управленія, находившагося въ рукахъ пановъ или назначаемихъ ими лицъ. Желая обезпечить положеніе крестьянъ въ царствѣ польскомъ, наше правительство принимало мѣры, даже путемъ законодательнымъ; но они не приводились въ исполненіе по упорству пановъ и мѣстной польской администраціи. Постоянный поземельный надѣлъ съ правомъ выкупа и самоуправленіе въ широкихъ размѣрахъ, дарованное положеніями 19 февр. 1861 г. крестьянамъ имперіи, заставили обратить вниманіе поляковъ на то, что правительство рано или поздно, но на тѣхъ же основаніяхъ, принуждено будетъ разрѣшить его и въ отношеніи къ царству. «Аристократическая партія рѣшилась во что бы то ни стало воспротивиться осуществленію реформы, необходимымъ послѣдствіемъ которой было бы уничтоженіе привилегій феодальной власти. Разорвавъ всякую связь съ прошедшимъ и отступивъ отъ своихъ принциповъ, она заключила союзъ съ космополитическою революціонною партіею въ Польшѣ, которая была уже на-сторожѣ. Постановленіе объ отмѣнѣ крѣпостнаго права было обнародовано въ Петербургѣ 19 февр. 1861 г.; а 24 февр. того же года земледѣльческое Общество, собравшись въ Варшавѣ и придавъ себѣ значеніе учредительнаго собранія, утвердило мѣры, предложенныя Мѣрославскимъ, который, спустя восемь дней послѣ того, писалъ изъ Парижа, что эти мѣры должны послужить точкой исхода для народнаго возстанія»¹⁾.

Но вліяніе положеній о крестьянахъ на западныя губерніи было еще сильнѣе. Едва мысль объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости сдѣлалась предметомъ трудовъ правительства, польскіе помѣщики этихъ губерній, предупреждая русскихъ, поспѣшили съ предложеніями своихъ услугъ. Они хотѣли взять этотъ, жизненный для Россіи вопросъ, въ свои руки и разрѣшить его такъ, чтобы русскій народъ, населяющій эти губерніи, не ускользнулъ изъ-подъ ихъ власти, а съ тѣмъ вмѣстѣ не разрушилась бы желанная ихъ мечта о возстановленіи Польши въ предѣлахъ 1772 г. Но ихъ предположенія о личномъ только освобожденіи съ сохраненіемъ въ сельскихъ обществахъ суда и управленія въ рукахъ помѣщиковъ, не были приняты правительствомъ и тѣмъ нанесенъ былъ рѣшительный ударъ стремленію ополчить и обратить въ латинство русскихъ крестьянъ этихъ губерній. Какъ за послѣднее средство, ухватились они за приведеніе въ исполненіе положеній 19 февраля, которое вѣрталось лицамъ избраннымъ самимъ дворянствомъ

¹⁾ Записка къ нотѣ 7 янв. 1867 г.

изъ своей среды. Но это средство помогло имъ только обмануть крестьянъ и тѣмъ раздражить ихъ еще болѣе противъ себя, ограничить на время свои потери, но все-таки мысль о границахъ Польши 1772 г. надо было бросить, или — завоевать эти границы. Давно приготовляемый мятежь былъ вызванъ такимъ положеніемъ дѣлъ, обнаружилъ коварные замыслы поляковъ и, въ свой чередъ, пособилъ правительству окончательно разрѣшить крестьянскій вопросъ въ западныхъ губерніяхъ, исправленіемъ неправильныхъ дѣйствій мировыхъ учреждений, состоявшихъ изъ поляковъ, пропитанныхъ ненавистью къ русскимъ крестьянамъ, уничтоженіемъ временно-обязанныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ, посредствомъ обязательнаго выкупа и устроить бытъ крестьянъ въ царствѣ польскомъ, примѣняясь къ главнымъ началамъ положеній 19 февраля 1861 г. Крушеніе политическихъ замысловъ поляковъ въ отношеніи къ западнымъ губерніямъ, послѣ обнародованія этихъ положеній, было, въ то же время, и окончательнымъ разрушеніемъ возможности совращать русскихъ крестьянъ въ латинство. Положенія 19 февраля наносили такимъ образомъ рѣшительный ударъ и римско-католической пропагандѣ. Многовѣковая исторія этого края засвидѣтельствовала, что эта пропаганда только и возможна при помощи внѣшняго насилія. Съ паденіемъ государственной власти бывшей Рѣчи-Посполитой въ рукахъ поляковъ, кромѣ мѣстной администраціи, на которую они постоянно имѣли вліяніе, оставалось одно только надежное орудіе, вѣрнопостное право помѣщиковъ на крестьянъ, помощью котораго они могли усердно помогать латинскому духовенству въ дѣлѣ пропаганды. Это очень хорошо и давно понимала латинская церковь, и это, въ свой чередъ, объясняетъ союзъ польскаго духовенства съ мятежемъ ¹⁾).

Обращаясь къ тѣмъ мѣрамъ, которыя приняло наше правительство въ отношеніи къ польскому духовенству, считаемъ нужнымъ замѣтить, что мы уважемъ только на тѣ, которыя

¹⁾ Любопытно въ этомъ случаѣ припомнить, что писалъ въ 1811 г. замѣчательный иностранецъ, долго жившій въ Россіи, считавшій себя ея другомъ, но ревностный римскій католикъ и защитникъ іезуитовъ графъ де-Местръ. Вотъ какіе давалъ онъ совѣты нашему правительству по случаю предположеній объ освобожденіи крестьянъ: *restreindre l'affranchissement, loin de le favoriser par aucune loi, car toute loi faite dans ce sens serait mortelle; et retrancher en même temps, par tous les moyens possibles, les abus, qui pourraient le faire trop desirer par le peuple. Ne jamais récompenser l'affranchissement comme une action moralement bonne et politiquement utile de la part des nobles!*—«Quatre chapitres inédits sur la Russie»,—сочиненіе, изданное по смерти автора въ 1859 г., стр. 145 — 46.

были приняты до окончательнаго разрыва нашихъ сношеній съ Римомъ, и ограничимся лишь объясненіемъ общаго ихъ значенія, не входя въ подробности, всѣмъ извѣстныя и такъ еще недавно обнаруженныя. Эти мѣры заключаются въ постановленіяхъ о сокращеніи числа монастырей въ царствѣ польскомъ, 27 октября 1864 г., о церковномъ патронатѣ, іюня 14 того же года, и объ устройствѣ свѣтскаго римско-католическаго духовенства, 14 декабря 1865 г.

Имѣютъ ли эти мѣры значеніе карательныхъ, которое жа-лаютъ придать имъ враги Россіи, и обличаютъ ли угнетеніе и преслѣдованіе латинской церкви, какъ торжественно заявляетъ римскій дворъ?

Не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что наше правительство могло бы приступить и къ карательнымъ мѣрамъ въ отношеніи къ сословію, принимавшему такое дѣятельное участіе въ мятежѣ; но карательныя мѣры оно ограничило только отдѣльными лицами, сравнительно весьма немногими изъ числа явныхъ возмутителей, или мятежниковъ, дѣйствовавшихъ съ оружіемъ въ рукахъ. Общія же мѣры, ни въ чемъ не нарушавшія догматовъ латинской церкви, влонились въ пользамъ самого духовенства, конечно, въ качествѣ служителей алтаря, а не революціонныхъ агитаторовъ и мятежниковъ. Оно не уничтожило римско-католическихъ монастырей, какъ это было сдѣлано многими изъ западно-европейскихъ государствъ, но только собратило ихъ число. Россія, въ этомъ случаѣ, не послѣдовала примѣру этихъ державъ, даже латинскихъ по исповѣданію, и — не послѣдовала въ качествѣ православнаго государства, которое признаетъ монашество однимъ изъ коренныхъ установленій вселенской церкви. Сверхъ того, этою мѣрою оно привело только въ исполненіе желанія и предположенія самого польскаго правительства, нѣсколько разъ заявляемыя со времени учрежденія царства польскаго, въ 1815 г.

Сокращая, однакоже, число монастырей, оно прежде всего приняло въ соображеніе каноническія правила самой латинской церкви и закрыло тѣ, въ которыхъ было менѣе установленнаго ими числа монаховъ. Римскій дворъ, со времени учрежденія царства польскаго, въ продолженіи слишкомъ 50 лѣтъ, терпѣлъ и поощрялъ нарушеніе этихъ правилъ, отклоняя всѣ представленія нашего правительства, конечно, не въ видахъ пользы и достоинства латинской церкви, а съ иными цѣлями. Кто же нарушалъ каноническія правила, неужели наше правительство, какъ торжественно заявляетъ Римъ? Сверхъ того подверглись закрытію монастыри, явно обличенные въ участіи въ мятежѣ и

принадлежавшіе орденамъ, которые не имѣли ничего общаго съ монашествомъ древней церкви, но составляли общества для политической и религіозной пропаганды. За приведеніемъ въ исполненіе этой мѣры въ царствѣ польскомъ осталось еще слишкомъ значительное число монастырей, сравнительно съ народонаселеніемъ края ¹⁾, управление которыми подчинено епископамъ на основаніи правила, которымъ руководствовалось наше правительство со временъ императрицы Екатерины II.

Рядъ преобразованій въ отношеніи къ свѣтскому духовенству начался постановленіемъ о церковномъ патронатѣ или, такъ называющейся въ Польшѣ, *колятурѣ*, который измѣнялъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ существовавшій порядокъ патронатства. Право патронатства, на основаніи котораго патроны церквей представляли кандидатовъ на мѣста священниковъ и предсѣдательствовали въ комитетахъ или *дозорахъ*, которые завѣдывали церковными имуществами и зданіями, принадлежало къ числу средневѣковыхъ обычаевъ феодализма, противъ котораго постоянно дѣйствовалъ Римъ, причисляя его къ такъ называемымъ имъ *ненавистнымъ* правамъ, *jura odiosa*. Новое постановленіе не отмѣняло этого права, но только согласовало съ новыми правами, дарованными крестьянамъ, допустивъ сельское населеніе къ участію въ управленіи дѣлами своихъ приходскихъ церквей. Но патронами бывали въ Польшѣ паны-католики и въ греко-уніатскихъ церквахъ, что, конечно, отмѣнено новымъ закономъ, равно какъ постановленіемъ о десятинахъ уничтоженъ несправедливый обычай, по которому лица не-латинскаго исповѣданія обязывались платить эту подать римско-католическому духовенству. Что же касается до постановленія о свѣтскомъ духовенствѣ то достаточно замѣтить, что оно составляетъ только исполненіе тѣхъ предположеній, которыя заявляло само польское правительство въ 1817 г., что, назначивъ постоянныя духовнымъ лицамъ жалованья, оно равномернѣе распредѣлило доходы съ церковныхъ имуществъ. Обезпечивъ сельское духовенство, крайне нуждавшееся въ средствахъ существованія, оно, конечно, убавило огромные доходы высшаго духовенства, но тѣмъ не менѣе

¹⁾ На 3,800,000 жителей въ царствѣ польскомъ было 155 мужскихъ и 42 женск. монастырей; въ нихъ находилось 1,624 монаховъ и 578 монахинь, т. е. по 11 на монастырь круглымъ числомъ. По недостаточному числу монаховъ закрыто 71 муж., въ конхъ было 304 монаха, и женскихъ 4. За участіе въ мятежѣ упразднено 39 муж. монастырей. Оставалось 45 муж. и 38 жен., которые были раздѣлены на штатные, 25 мужск. и 10 женск., и сверхъ-штатные, которые современемъ предположено такъ же закрыть. См. статью А. Э. Гильфердинга о значеніи монаст. реформы въ царс. польскомъ, въ «Русск. Инвалидѣ» 1864 г. V.

совершенно обезпечило безбѣдное его существованіе, что доказывается тѣмъ, что назначенныя нашимъ правительствомъ жалованья превышаютъ тѣ, которыя получаютъ духовные чины во Франціи.

Какъ же отнеслось ко всѣмъ этимъ преобразованіямъ латинское духовенство? Оно, повидимому, распалось на двѣ стороны, которыя хотя въ сущности и были между собою согласны, но различались въ способѣ дѣйствія.

Нѣкоторые прямо и рѣшительно пытались возставать противъ этихъ мѣръ, и въ своихъ представленіяхъ въ правительственную комиссію духовныхъ дѣлъ обвиняли постановленія о крестьянахъ въ коммунизмѣ и социализмѣ, а всѣ другія — въ нарушеніи каноническихъ правилъ и отказывались приводить ихъ въ исполненіе. Бѣольшая же часть епископовъ, не возражая противъ самыхъ постановленій, считала однакоже необходимымъ испросить разрѣшеніе папы прежде ихъ исполненія. И тѣ и другіе составили представленія къ папѣ, одни прямо въ видѣ жалобъ на русское правительство, другіе, одобряя даже самыя мѣры, испрашивали только папскаго утвержденія. Администраторъ варшавской епархіи писалъ папѣ: «Указъ вовсе не уничтожаетъ у насъ учрежденій иноческой жизни, но уменьшаетъ только число монастырей и конгрегацій и остается еще много монастырей мужскихъ и женскихъ. При церквяхъ, находящихся при упраздненныхъ монастыряхъ, правительство оставило по одному, по два и даже по три ксендза для отправленія богослуженія, такъ что ни одна изъ церквей не закрыта и вездѣ богослуженіе совершается. Нынѣ на 120,000 католическихъ жителей, въ Варшавѣ, состоитъ только пять приходовъ. Они будутъ раздѣлены на 12 викаріевъ, считая на каждаго по 2 тыс. душъ; правительство будетъ содержать ихъ на свой счетъ. Отъ такого устройства приходовъ ожидается не мало пользы въ управленіи архіепархіею. Имѣнія монастырей правительство, принимая въ свое вѣдѣніе, въ замѣнъ оныхъ назначаетъ изъ казны содержаніе для монашествующихъ... Остающіеся монастыри, подчиняясь непосредственно епархіальному начальству, принесутъ большую пользу въ отношеніи благочинія между монахами, ибо затрудненія, встрѣчавшіяся доселѣ генеральными настоятелями въ посѣщеніи монастырей въ царствѣ, и дальнее разстояніе отъ Рима способствовали ослабленію монашескихъ правилъ».

Слѣдуетъ замѣтить, что такъ дѣйствовали польскіе епископы, послѣ только-что усмиреннаго мятежа, зная отношенія римскаго двора къ нашему и, конечно, не сомнѣваясь въ смыслѣ отвѣта, который бы послѣдовалъ отъ папы. Безъ сомнѣнія, наше пра-

вительство отелонило въ этомъ случаѣ всякія сношенія съ Римомъ, въ угоду польскаго духовенства.

Но римскій дворъ самъ поспѣшилъ заявить свой взглядъ. Онъ воздержался отъ представленія своего мнѣнія о положеніи о крестьянахъ; но лишь только постановленіе, 27 октября 1864 г., о сокращеніи числа монастырей въ царствѣ, дошло до свѣдѣнія Рима, кардиналъ Антонелли сообщилъ нашему уполномоченному пространную ноту, 30 января 1865 г. ¹⁾, въ которой изложенъ взглядъ папскаго правительства на эту мѣру. «Главныя начала этого постановленія — сказано въ ней — сводятся къ слѣдующимъ тремъ положеніямъ:

- 1) Уничтоженіе и закрытіе почти всѣхъ монастырей, мужскихъ и женскихъ, въ царствѣ польскомъ;
- 2) Отобраніе ихъ имуществъ въ казну, и —
- 3) Подчиненіе епископской юрисдикціи оставшихся незакрытыми монастырей».

Указавъ на польскую конституцію 13 мая 1815 г., органическій статутъ 14 февраля 1832 г. и тайный протоколъ къ конкордату 1847 г., основываясь на которомъ Пій IX въ буллѣ *Universalis ecclesiae cura*, 5 іюля 1848 г., объявилъ, что число монастырей, существующихъ въ имперіи и царствѣ, останется неприкосновеннымъ — кардиналъ статсъ-секретарь продолжаетъ:

«Основатель нашей вѣры, І. Христосъ, ввѣривъ церкви власть пасти, наставлять и управлять исповѣдующими ея ученіе, такъ же уполномочилъ ее избирать средства для лучшаго исполненія своего великаго призванія. Поэтому, церковь, признавая весьма полезными для своей великой цѣли монастыри, учреждала ихъ сообразно съ потребностями времени и пользою вѣрующихъ. Эти знаменитыя общества обязаны своимъ происхожденіемъ исключительно церкви, которая одна и можетъ судить о ихъ пользѣ и произносить рѣшеніе о ихъ судьбѣ. Свѣтская власть не можетъ ихъ закрывать, сокращать и уничтожать потому, что не она ихъ учредила, и учреждать не имѣетъ власти; поступая же такимъ образомъ, она нарушаетъ публичное исполненіе евангельскихъ наставленій, образъ жизни, указанный церкви ея основателемъ, и права этой церкви, которыя были признаны и уполномоченными, заключившими конкордаты. Точно также несогласно съ правами Христовой церкви и отобраніе монастырскихъ имуществъ и назначеніе изъ казны жалованья монахамъ, — потому что, право владѣть тѣмъ, что имѣемъ, существенно проистекаетъ изъ права существовать и поддерживать свое существованіе, и

¹⁾ *Esposizione docum.* № LXXXVI, стр. 261 — 68.

всегда несправедливо покушаться на собственность другого. И такъ какъ католическая церковь есть общество видимое и открытое (*visibile et publica*), не изъ духа одного состоящая, но и изъ людей, а приобрѣтать и владѣть имуществомъ есть естественное право каждаго человѣка, то этого права не могутъ и не должны быть лишены монахи, ибо во всѣ времена и у всѣхъ народовъ это право въ отношеніи къ лицамъ, посвятившимъ себя Богу, было уважаемо, и имущества, пожертвованныя благочестіемъ вѣрныхъ на поддержаніе богослуженія и священнослужителей, всегда щадились какъ по законному ихъ происхожденію, такъ и высокому и священному ихъ употребленію. Въ заключеніе, нельзя не замѣтить, что постановленіе объ отобраніи этихъ имуществъ не согласно съ прежними императорскими постановленіями и новыми многихъ даже не-католическихъ, но не революціонныхъ правительствъ Европы; оно открываетъ путь къ коммунизму и нарушаетъ публичное довѣріе, достоинство и честь прешествениковъ его величества...

•Когда русское правительство относилось къ святому престолу съ требованіемъ, чтобы епископамъ предоставить право распоряженія надъ монастырями, то ему было замѣчено, во-первыхъ, что монастыри, на основаніи древнѣйшихъ привилегій, изъяты изъ-подъ власти епископовъ и непосредственно подчинены святому престолу, но что это не препятствуетъ епископамъ пользоваться надъ ними правомъ юрисдикціи въ случаяхъ, довольно частыхъ, но опредѣленныхъ канонами и особенно тридентинскимъ соборомъ. Во-вторыхъ, надо замѣтить, что св. престолъ иногда, въ случаѣ особыхъ обстоятельствъ, уступалъ эту власть епископамъ, облекая ихъ званіемъ апостольскаго визитатора временно (*ad tempus*), какъ поступилъ Пій VI въ отношеніи къ Сестренцевичу въ 1778 г. Эти соображенія были представляемы русскому правительству въ 1817 г., когда оно требовало тѣхъ же правъ для польскихъ епископовъ, и святой престолъ не согласился на ненавистную (*odiosissima*) мѣру и совершенно новую въ исторіи церкви, въ качествѣ общей и постоянной мѣры, лишить монашескіе ордена устройства и управленія, основаннаго на каноническихъ правилахъ, по которымъ, въ отдѣльныхъ областяхъ, монастыри подчиняются провинціаламъ, находящимся въ зависимости отъ генераловъ орденовъ или другихъ властей, опредѣленныхъ святымъ престоломъ. Наконецъ, не можетъ подлежать сомнѣнію, что изъять монастыри изъ-подъ власти орденскихъ начальствъ, было бы равносильно уничтоженію бдительнаго за ними надзора, визитацій и капитуловъ провинціальныхъ и генеральныхъ, въ чемъ заключалась бы

главнѣйшая причина паденія дисциплины; ибо епископы недостаточно знакомы съ постановленіями каждаго ордена, чтобы своевременно оказывать имъ помощь въ ихъ нуждахъ, и не могутъ, за множествомъ пастырскихъ заботъ, всегда быть къ тому готовы».

Въ заключеніе, кардиналъ статсъ-секретарь выразилъ слѣдующее мнѣніе о причинахъ, которыя побудили наше правительство прибѣгнуть къ сокращенію числа монастырей:

«Эти причины сводятся въ собственномъ смыслѣ только къ двумъ: недостаточному числу монаховъ во многихъ изъ нихъ, менѣе осьми, и къ тому участию, которое принимали монахи въ послѣднемъ мятежѣ.

«И въ указѣ 1832 г., которымъ уничтожено множество монастырей въ русско-польскихъ провинціяхъ, упоминается тоже о каноническихъ постановленіяхъ, о числѣ монаховъ. Но не говоря о томъ, что, по декрету Инновентія X, монастыри, съ недостаточнымъ числомъ монаховъ по каноническимъ правиламъ, не предназначались къ уничтоженію, но отдавались въ вѣдомство епархіальнаго начальства; не говоря о томъ, что рѣшеніе, когда эти каноническія правила должны быть прилагаемы къ частнымъ случаямъ, принадлежитъ власти св. престола, которому они обязаны своимъ происхожденіемъ; не говоря о томъ, что малые монастыри, особенно гдѣ недостаточно блага духовенства, чрезвычайно полезны и даже необходимы для духовныхъ потребностей вѣрующихъ, — слѣдуетъ замѣтить только, что значительное уменьшеніе числа монаховъ въ польскихъ монастыряхъ зависѣло отъ тѣхъ преградъ, которыя полагало правительство для желающихъ вступить въ монашество. Что касается до второй причины, указанной въ постановленіи, то императору извѣстны правила св. престола въ отношеніи къ вѣрности, покорности и повиновенію свѣтскому государю въ дѣлахъ гражданскихъ (nell'ordine civile). По тому, что монашествующіе въ послѣднихъ происшествіяхъ отступили отъ этихъ правилъ, — нарушеніе ихъ *нѣкоторыми* не можетъ служить поводомъ къ уничтоженію *всѣхъ*; и еслибы императорское правительство представило свои жалобы св. престолу, то онъ не замедлил бы принять дѣйствительныя мѣры. Нельзя не повторять постоянно, что существенная причина этихъ *безпорядковъ* заключалась въ новыхъ постановленіяхъ правительства, клонившихся во вреду католической религіи, производивших соблазнъ для вѣрующихъ и разрушавших уваженіе. Эти нововведенія и постановленія, которыя, вѣроятно, послужили поводомъ къ паденію дисциплины въ монастыряхъ, нѣкогда столь святыхъ и цвѣтущихъ, состояли

особенно въ запрещеніи свободно сноситься съ апостольскимъ престоломъ, въ совершенной независимости монастырей отъ ихъ орденскихъ генераловъ; въ уничтоженіи провинціаловъ, и потому визитацій и капитуловъ, въ предписаніи о произнесеніи монашескихъ обѣтовъ, разрушавшихъ отъ начала до конца всѣ каноническія правила, о религіозномъ воспитаніи, ученіи въ университетѣ и лицеяхъ; и наконецъ—въ Петербургѣ не было представителя св. престола».

Мы привели подробныя выписки изъ этой послѣдней, между помѣщенными въ папскомъ сборникѣ, ноты римскаго правительства, чтобы показать, какимъ языкомъ оно позволяло себѣ говорить съ русскимъ дворомъ послѣ того, какъ польскій мятежъ былъ усмирень, и участіе въ немъ духовенства вполнѣ обнаружено вмѣстѣ съ тѣми отношеніями, въ какихъ находился къ нему римскій престолъ. Конечно, на эту ноту не послѣдовало отвѣта, какъ и на многія другія заявленія. Было несомнѣнно съ достоинствомъ Россіи и ея императора, нашему правительству входить въ пререканія съ подобными противниками. Съ большею частію доказательствъ, и въ этой нотѣ повторенныхъ римскимъ дворомъ, намъ уже не разъ приходилось встрѣчаться въ этомъ изслѣдованіи, и мы говорили уже о ихъ силѣ и значеніи. Поэтому, избѣгая повтореній, мы укажемъ только на тѣ особенности, съ вторыми повторяются старыя доказательства въ новой нотѣ, и прежде всего разсмотримъ новый взглядъ римскаго престола на право монаховъ владѣть имуществомъ.

Во все продолженіе многолѣтней своей жизни, римская церковь, при постоянномъ стремленіи ея духовенства скоплять какъ можно болѣе имущества въ своихъ рукахъ, не основывала этого права на правѣ вообще *лица* владѣть имуществомъ, на правѣ частной собственности. Оно помнило завѣтъ божественнаго основателя христіанской вѣры въ отношеніи къ служителямъ алтаря, и, въ безконечныхъ спорахъ о церковныхъ имуществахъ со всѣми европейскими государствами, *никогда* не называла ихъ имуществомъ духовенства, какъ *лица*,—но *достояніемъ бѣдныхъ*, имуществомъ, предназначеннымъ для поддержанія церквей, отправленія богослуженія, содержанія благотворительныхъ и вообще благочестивыхъ учрежденій, ввѣренныхъ попеченію духовенства. Духовныя лица считались только *хранителями* этихъ имущества, и сами, единственно въ качествѣ *служителей* церкви и *бѣдныхъ*, могли пользоваться частію доходовъ. Между тѣмъ, въ нотѣ кардинала Антонелли, 30 января 1865 г., выраженъ совершенно новый, даже для латинской церкви, взглядъ, и право собственности духовенства основано на *естественномъ правѣ всякаго*

человѣка приобрѣтаетъ имущества и владѣтъ ими. Но этого еще мало: какъ въ православной, такъ и въ латинской церкви, въ числѣ главнѣйшихъ монашескихъ обѣтовъ заключается именно отказъ отъ права собственности; между тѣмъ, въ нотѣ кардинала Антонелли прямо выражено, что *монахи*, въ качествѣ *лицъ*, имѣютъ право на приобрѣтеніе и обладаніе имуществомъ (*che il diritto di acquistare e di possedere è naturale in ogni uomo, che da questo diritto non sono e non possono essere esclusi i regolari!*) Неужели, въ заботахъ о поддержаніи падающей свѣтской власти папъ, римскій дворъ забылъ о коренныхъ правилахъ церкви, объ отношеніяхъ монашествующихъ къ имуществу, и полагаетъ даже, что правительство страны, неизмѣнно сохраняющей устава вселенской церкви, не знаетъ этихъ правилъ?

Нельзя не замѣтить также постояннаго и умышеннаго, конечно, смѣшенія понятій о сокращеніи числа монастырей съ совершеннымъ ихъ уничтоженіемъ, о распоряженіяхъ свѣтской власти, какъ будто-бы они касались существенныхъ догматовъ, а не внѣшней только стороны церковной дисциплины, непосредственно соприкасающейся съ общою гражданскою и государственною жизнью. Многія изъ возраженій имѣли бы нѣкоторое значеніе, еслибъ дѣло шло объ уничтоженіи всѣхъ монастырей, а не сокращеніи только ихъ числа, о наказаніи *всѣхъ*, какъ выражается кардиналъ, монаховъ за преступленія *нѣкоторыхъ*, о нарушеніи догматовъ; но ничего подобнаго не было. Отказаться же русскому правительству отъ всякаго отношенія къ латинской церкви, значило бы отказаться отъ своихъ верховныхъ правъ.

Переходя къ происшествіямъ послѣдняго времени, обвинительная записка римскаго двора подробно перечисляетъ дѣйствія нашего правительства, въ которыхъ, по его мнѣнію, обнаруживается преслѣдованіе латинской церкви. Осудивъ ограниченіе права патроната, которое самъ Римъ постоянно порицалъ и преслѣдовалъ, и уничтоженіе десятинъ, она говоритъ: «Во время кровавыхъ столетовеній, духовныя лица только за то, что не отказывали въ пособіяхъ вѣры раненымъ въ сраженіяхъ и мятежникамъ, были удаляемы и заключаемы въ тюрьмы; монастыри были обращаемы для постоя войскамъ; священные сосуды и церковныя украшенія предаваемы разграбленію; ничтожныя жалованья епископовъ и капитуловъ обременяемы контрибуціями, весьма значительными во все время осаднаго положенія. Во многіхъ приходяхъ были прерваны церковныя службы и самое отправленіе таинствъ почти сдѣлалось невозможнымъ, потому, что ксендзовъ постоянно ссылали во внутрь имперіи или въ Сибирь, и такія мѣры принимались по преимуществу въ отношеніи къ приходамъ, въ кото-

рыхъ старались противодѣйствовать распространенію ереси. Въ виду такихъ намѣреній генераль Муравьевъ, назначенный въ это время генераль-губернаторомъ Литвы, предпринималъ жестокія мѣры для того, чтобы обрусить литовскія губерніи, посылая тысячами русскихъ какъ въ города, такъ и въ села, гдѣ были лишены собственности помѣщики, изгнаны или сосланы въ Сибирь, гдѣ граждане и народъ были принуждаемы или переселяться въ отдаленныя варварскія страны или измѣнять своей вѣрѣ. Съ этою цѣлію, вмѣстѣ съ еретическимъ митрополитомъ литовскимъ, предположили учредить еретическую богословскую академію въ Вильнѣ для вспомоцествованія распространенію господствующаго исповѣданія; увѣдомляли еретическаго калужскаго епископа о тѣхъ мѣрахъ, которыя предполагали принять въ отношеніи въ сельскому управленію и въ отношеніи къ первоначальному образованію; чтобы разрушить въ Литвѣ латинскія и польскія начала, разослали секретный циркуляръ о томъ, чтобы обученіе крестьянъ не было ввѣряемо католикамъ, изгнали изъ катихизиса и шюль польскій языкъ, и образовали сельскія шюлы подъ управленіемъ еретическихъ священниковъ въ видахъ русской народности и вѣры. Съ этою же цѣлію еретическій минскій епископъ разослалъ по своей паствѣ пастырское посланіе, въ которомъ увѣщевалъ духовенство не употреблять польскаго языка, и праздновалось въ Вильнѣ, какъ особое торжество, двадцати-пятилѣтіе несчастнаго отпаденія, насильственными способами, греко-уніатовъ отъ католической церкви. Между тѣмъ, какъ такими мѣрами распространяли ересь въ Литвѣ, преслѣдуя насильственнымъ образомъ католическую церковь, почтенный епископъ виленскій, потому только что не одобрялъ насильственныхъ и несправедливыхъ дѣйствій правительства, былъ похищенъ у своей паствы и удаленъ въ изгнаніе, въ невѣдомыя страны. Мало того: новый поступокъ, небывалый въ лѣтописяхъ церкви, явно показалъ отношенія русскаго правительства къ епископской власти. Правительственнымъ постановленіемъ уважаемый прелатъ варшавскій былъ лишенъ епископской юрисдикціи въ своей епархіи, запрещено его прихожанамъ имѣть съ нимъ сношенія и сдѣлано распоряженіе, чтобы на мѣсто угнетеннаго епископа назначенъ былъ въ качествѣ администратора монсиньоръ Ржевускій, его суффраганъ и викарій¹⁾».

Читая эти строки и забывая о времени, въ которое мы живемъ, можно бы подумать, что рѣчь идетъ о временахъ Діоклетіана; но вспоминая, что между русскимъ правительствомъ, искони

¹⁾ *Expositio. document. стр. 46—48.*

отличавшемся вѣротерпимостію, и римскими и языческими императорами, гонителями христіанской церкви, ничего нѣтъ общаго, точно такъ же, какъ ничего общаго между папизмомъ и древнею христіанскою церковью, невольно задумываешься: для кого это писано, кого желали обмануть, и, наконецъ, чего-же хотѣло само папское правительство?!

Исторію обмануть нельзя, особенно въ наше время; что-же касается до желаній папскаго правительства, то въ этомъ отношеніи и сомнѣній быть не можетъ: самъ Римъ выразилъ ихъ съ совершенною ясностію. Въ то время, какъ въ переговорахъ съ нашимъ правительствомъ папа *конфиденціально* порицалъ мятежныя дѣйствія польскаго духовенства, онъ отказывался открыто выразить свое неодобреніе, а напротивъ, тайными путями поощрялъ его упорно слѣдовать избранному ими направленію. «24-го апрѣля 1865 г., когда праздновалась память св. Фиделія Сигмарингенскаго, папа произнесъ, въ коллегіи пропаганды, аллокуцію, которой смыслъ и выраженія въ послѣдствіи хотѣли смягчить, но въ которой однакоже Пій IX прямо обвинялъ лично императора въ угнетеніи церкви, покушеніи на католическую вѣру и преслѣдованіи несчастныхъ, которыхъ вина состояла только въ томъ, что они до смерти пребывали вѣрными религіи Христа ¹⁾». Въ посланіи къ польскому духовенству, 30-го іюня 1864 г., тайно доставленномъ варшавскому епископу-суффрагану, Пій IX мѣры русскаго правительства противъ мятежниковъ называетъ «ожесточенною войною, воздвигнутою имъ противъ католической церкви, ея правъ и духовенства», осуждаетъ эти мѣры, а напротивъ епископа Феллинскаго, за его дѣйствія, называетъ «достойнымъ всякой хвалы», повелѣваетъ повиноваться его предписаніямъ вопреки распоряженію правительства, отмѣняетъ это распоряженіе и предписываетъ, съ своей стороны, духовенству *до конца быть вѣрнымъ* тому образу дѣйствій, которому оно до сихъ поръ слѣдовало ²⁾. А между тѣмъ польское духовенство въ это время

¹⁾ Записка кн. Горчакова 7-го янв.

²⁾ Esposiz. document. № LXXXI, стр. 237—41: At etiam in hoc acerrimo bello a russico gubernio catholicae ecclesiae, ejusque sacris juribus, ministris, rebusque illat^o, alium novum prorsus in ecclesiae fastis, et ante hunc diem inauditum ausum lamentari et exprobare cogimur, ven. fratres. Siquidem gubernium ven. fr. Sigismundum egregium, omnique laude dignum Varsaviensem archiepiscopum a suo grege divulsam in longinquas regiones amandavit, verum etiam non dubitavit discernere, eundem, ven. fr., episcopali in Vars. diocesim auctoritate et jurisdictione eae privatam et neminem e sua diocesi cum ipso posse communicare... Verba quidem desunt, ven. fr., ad hujusmodi factum reprobandum ac detestandum. Ecquis enim non vehementissime mirabitur, cum sciat eo advenisse russicum gubernium, ut perperam autemet et audeat, episcopos, quos Spiritus Sanctus posuit regere ecclesiam Dei, sacra eorum auctoritate ipsis a Deo tradita, et nullo pror-

торжественно заключало союзъ съ революціею и вступало въ распоряженіе подземнаго центрального комитета, приводило къ присягѣ повстанцевъ и жандармовъ-вѣшателей, освящало отравленные ядомъ винжалы тайныхъ убійць, съ оружіемъ въ рукахъ дѣйствовало въ шайкахъ мятежниковъ, въ церквахъ, и особенно монастыряхъ, устраивало имъ притоны, склады оружія и запасы пищи и одежды. Римскій дворъ очевидно хотѣлъ, чтобы русское правительство не противоудѣйствовало вооруженному возстанію, не принимало мѣръ противъ мятежниковъ, въ силу естественнаго самоохраненія, потому только, что въ немъ принимало дѣятельное участіе польское духовенство, пользуясь покровительствомъ папскаго правительства; чтобы русскіе люди добровольно отдали себя въ жертву безчестнымъ убійцамъ, и русское государство отказалось отъ своего историческаго призванія и значенія въ пользу безсильной Польши, и притомъ не дѣйствительно существующей, а созданной болѣзненнымъ воображеніемъ эмиграціи. Притязанія Рима простирались такъ-же широко, какъ и притязанія повстанцевъ: папскій дворъ негодуетъ, жалуетъ предъ *estmz сътомъ*, по его выраженію, что въ западныхъ губерніяхъ имперіи русскій народъ не хочетъ отказаться отъ своей народности и вѣры и превратиться въ поляковъ и папистовъ. Опытъ многихъ столѣтій противоборства этого народа насилію и хитрости поляковъ и ксендзовъ бесплодно прошелъ для Рима, и онъ называетъ гоненіемъ латинской церкви тѣ мѣры, которыя русское правительство, внемля воплямъ угнетеннаго народа, приняло для того, чтобъ положить предѣлъ вогарной и насильственной пропагандѣ польской и латинской. Римъ мечтаетъ о старой Польшѣ въ границахъ 1772 г., вмѣстѣ съ повстанцами!

Не считая нужнымъ доказывать, до какой степени подобныя желанія несогласны съ ученіемъ христіанской церкви и, глубоко скорбя о томъ крайнемъ паденіи, до котораго дошла одна изъ старѣйшихъ церквей западной Европы, не можемъ не удивляться однако же, что въ этомъ случаѣ оставили Римъ его обычное благоразуміе и осторожность, и онъ самъ выдалъ себя. Неужели, публично возвѣщая свои притязанія, онъ думалъ, что Россія можетъ согласиться на разрушеніе себя самой въ угоду папы, откажется отъ естественнаго права необходимой обороны,

rus modo laicae potestati unquam obnoxia privare, eosque a propriae diocesis regimine et procuracione amovere? Dum autem haec reprobamus et damnamus, eodem tempore clare aperteque declaramus, neminem memoratae ordinationi posse obedire, omnesque Varsaviensis diocesis fideles debere eidem ven. fratri Sigismundo sedulo obtemperare, qui verus legitimusque est Varsaviensis antistes.

и мятежнымъ толпамъ шляхты и ксендзовъ принесеть въ жертву мирный польскій народъ, непринимавшій участія въ ихъ дѣйствіяхъ, и на русское правительство возлагавшій всѣ свои надежды, и даже позволить отторгнуть отъ себя русскія области и насильственно ихъ ополячить и совратить въ латинство!

Римскому двору были хорошо извѣстны причины, понудившія наше правительство первоначально удалить архіепископа Феллинскаго изъ Варшавы и потомъ прервать его сношенія съ епархіею. По удаленію въ Ярославль, онъ, несмотря — «на формальное и письменное обѣщаніе, тайно посылалъ предписанія своему викарію Ржевускому поддерживать церковный трауръ въ царствѣ польскомъ». Несмотря на то, папа восхваляетъ его дѣйствія въ указанномъ выше посланіи къ польскимъ епископамъ, 30 іюля 1864 г., и въ тоже время настойчиво требуетъ посвященія въ уніатскіе епископы М. Калинскаго, явно обличеннаго въ участіи въ мятежныхъ замыслахъ и фанатически обращаваго уніатовъ въ латинство, вводя въ ихъ служеніе обряды и церемоніи римской церкви ¹⁾. Самъ Пій IX — «24 апр. 1864 г., въ день праздника Фиделія Сигмарингенскаго, въ коллегіи пропаганды, произнесъ аллокуцію, которой смыслъ и рѣзкія выраженія въ послѣдствіи желалъ смягчить римскій дворъ, и въ ней лично обвинялъ императора въ угнетеніи церкви, гоненіяхъ римско-католическаго исповѣданія и преслѣдованіи несчастныхъ за то, что они до смерти оставались вѣрными вѣрѣ І. Христа». За этою аллокуціею послѣдовало и посланіе папы къ польскимъ епископамъ, 30 іюля 1864 г., въ которомъ выразилось тоже возрѣніе папы на польскій мятежъ.

Такия дѣйствія римскаго престола должны были положить конецъ долготерпѣнію русскаго правительства. Долго, и даже слишкомъ можетъ быть долго, оно не рѣшалось на крайнія мѣры, недоумѣвая, въ виду не подлежащихъ сомнѣнію отношеній къ нему Рима, какъ можетъ представитель христіанской вѣры западнаго патріархата поощрять мятежъ и одобрять участіе въ немъ духовенства, и желало объяснить дѣйствія папскаго двора незнаніемъ обстоятельствъ и ложными внушеніями. Но ходъ событій неминуемо привелъ къ неизбѣжнымъ историческимъ послѣдствіямъ. «Было бы несовмѣстно съ достоинствомъ императора продолжать пребываніе посланника при дворѣ государя, который такъ относился къ его величеству. Г. Киселевъ былъ отозванъ изъ Рима, а завѣдываніе дѣлами императорскаго по-

¹⁾ Записка кн. Горчакова къ нотѣ 7-го янв. — *Esposizione documentata*, №№ LXXXVIII, LXXXIX и XC; нота кардинала Антонелли 10 февр. 1865 г., стр. 272—77.

солства поручено было первому секретарю, барону Мейендорфу, которому дано было вмѣстѣ съ тѣмъ приказаніе держаться въ сторонѣ и, по собственной инициативѣ, не дѣлать никакихъ дипломатическихъ заявленій. Въ то же время императорское правительство, считая бесполезнымъ поддерживать постоянныя сношенія съ дворомъ, очевидно, враждебнымъ и недоброжелательнымъ, ограничилось тѣмъ, что увѣдомляло папское правительство о полученіи доставляемыхъ отъ него сообщений, не вступая ни въ какія разсужденія. Исполняя предписанія правительства, баронъ Мейендорфъ не являлся даже въ Ватиканъ въ продолженіе дѣлаго года. Наконецъ, ему дано было стороною знать (*officieusement*), что отчужденіе, въ кавомъ онъ себя держитъ, производитъ на папу весьма тягостное впечатлѣніе, и что папа былъ бы очень доволенъ, если бы баронъ Мейендорфъ пересталъ чуждаться Ватикана. Испросивъ разрѣшенія императорскаго правительства, баронъ Мейендорфъ долженъ былъ засвидѣтельствовать свое почтеніе папѣ при представленіи, по случаю праздниковъ Рождества Христова, всѣхъ членовъ дипломатическаго корпуса». 15 декабря 1865 г., онъ представлялся папѣ, и эта аудіенція, надѣлавшая столько шуму, была послѣдняя. Газеты наполнялись ложными разсказами, на которыя однако же наше правительство не считало приличнымъ отвѣчать, потому что при этой аудіенціи не присутствовалъ никто изъ постороннихъ, и, стало быть, пришлось бы противопоставлять свидѣтельства простого дипломатическаго чиновника заявленіямъ римскаго первосвященника и государя. Но и въ этомъ случаѣ римскій дворъ прервалъ молчаніе. Въ запискѣ, 15 ноября 1866 г., онъ такъ разсказываетъ это происшествіе:

«При представленіи русскаго уполномоченнаго, разговоръ склонился къ указанію на печальное положеніе религіозныхъ дѣлъ, и первосвященникъ не могъ не выразить громко жалобъ на препятствія къ посвященію избраннаго въ епископы Холмской епархіи, приписывая ихъ не императору, котораго великодушіе ему извѣстно, но тѣмъ, которые злоупотребляютъ его довѣріемъ. Затѣмъ онъ выразилъ свое сокрушеніе, что архіепископъ Феллинскій до сихъ поръ находится въ удаленіи отъ своей епархіи, что его викарій содержится въ заключеніи, что варшавскій капитулъ угрожается постоянными насиліями со стороны директора внутреннихъ дѣлъ и исповѣданій, который, стѣсня совѣсть его членовъ, побуждаетъ ихъ избрать викарія на каеодру, которая имѣетъ своего архіепископа, и, когда въ числѣ самыхъ членовъ капитула, есть два каноника въ качествѣ представителей этого прелата. Повѣренный въ дѣлахъ не поколе-

бался однако же опровергать достовѣрность всѣмъ извѣстныхъ фактовъ, и, сдѣлавъ нѣсколько неприличныхъ намековъ въ отношеніи къ самому святому отцу, дозволилъ себѣ сказать, что ничего бы не случилось подобнаго, если бы католики вели себя такъ, какъ вели протестанты. Эти послѣдніе, ставъ во время возмущенія на сторону правительства, получили отъ него много льготъ, въ которыхъ католикамъ было отказано за ихъ враждебныя отношенія къ правительству; и, наконецъ, онъ простеръ свою дерзость до того, что сказалъ, будто онъ ни мало не удивляется тому, что подобнымъ образомъ поступали католики, потому что католицизмъ тождественъ съ революціею. При этихъ словахъ святой отецъ, воспламенясь справедливымъ негодованіемъ и считая въ своемъ лицѣ оскорбленными всѣхъ вѣрующихъ, которыхъ онъ почитается августѣйшею главою, сказалъ, отпуская отъ себя повѣреннаго въ дѣлахъ: — Я уважаю и почитаю его величество императора; но не могу сказать того же въ отношеніи его повѣреннаго въ дѣлахъ, который, конечно, вопреки воли своего государя, рѣшился наносить мнѣ оскорбленія въ собственномъ моемъ кабинетѣ. — Это неприличное происшествіе, послужившее началомъ тѣхъ отношеній, въ которыхъ находится теперь святой престолъ съ петербургскимъ кабинетомъ, не могло не огорчить святого отца потому, что императорское правительство, къ великому его удивленію, не опорочило неслыханнаго поведенія своего уполномоченнаго и не устранило такимъ образомъ затрудненій, которыя встрѣтитъ святой престолъ въ случаѣ назначенія новаго посланника».

Къ сожалѣнію, и въ этомъ случаѣ, какъ и часто бываетъ, разговоръ римскаго двора оказался не вѣренъ и вызвалъ слѣдующій отвѣтъ со стороны нашего правительства:

«Повѣренный въ дѣлахъ русскаго правительства не позволилъ себѣ сказать, будто бы католицизмъ и революція одно и то же. Онъ сказалъ, что въ Польшѣ католицизмъ вступилъ въ союзъ съ революціею. Этотъ печальный фактъ, не подлежащій ни малѣйшему сомнѣнію, перешолъ уже въ область исторіи. Римскому двору онъ былъ неоднократно поставляемъ на видъ, и отъ него зависѣло принять мѣры для его предупрежденія. Такъ какъ папа приписывалъ императору намѣреніе воздвигнуть гоненіе на католиковъ, то повѣренный въ дѣлахъ его величества не только могъ, но даже долженъ былъ опровергнуть столь неосновательное обвиненіе, и высказать истину, какъ бы ни была она прискорбна.

«Повѣренный въ дѣлахъ русскаго правительства отпущенъ былъ святѣйшимъ отцомъ съ рѣзкостью, поэтому дипломатическія сно-

шенія съ римскимъ дворомъ становились уже невозможными, и императорское правительство предписало барону Мейендорфу увѣдомить кардинала Антонелли, что, вслѣдствіе пріема, сдѣланнаго его святѣйшествомъ повѣренному въ дѣлахъ, политическая миссія послѣднаго оканчивается, такъ какъ императоръ не можетъ содержать при римскомъ дворѣ представителя интересовъ Россіи, личное достоинство котораго не было бы ограждено отъ оскорбленій.»

Баронъ Мейендорфъ исполнилъ данное ему предписаніе 28-го января (9-го февраля) 1866 года.

Кардиналь Антонелли, выразивъ свое соболѣзнованіе, спросилъ, долженъ ли онъ считать сдѣланное ему заявленіе — за отозваніе императорскаго посольства. Баронъ Мейендорфъ отвѣтилъ на это, что онъ остается въ Римѣ впредь до дальнѣйшихъ приказаній въ качествѣ простаго экспедитора по текущимъ дѣламъ, и что дѣла посольства будутъ идти по прежнему; подобное положеніе дѣлъ продолжалось до 1-го (13-го) марта. Но, конечно, такое неопредѣленное положеніе долго продолжаться не могло. Недосказанное нашимъ правительствомъ *послѣднее* слово выражено было самимъ папою.

«Этого числа кардиналь Антонелли заявилъ барону Мейендорфу официально — что, послѣ сдѣланнаго имъ объявленія о томъ, что политическая его миссія окончилась, римскій дворъ считаетъ русское посольство болѣе несуществующимъ; если папа не выслалъ ему паспортовъ, то сдѣлалъ это только потому, что святѣйшему отцу было извѣстно, что онъ долженъ будетъ уѣхать чрезъ нѣсколько недѣль; такъ какъ онъ самъ объявилъ, что остается въ Римѣ, ожидая дальнѣйшихъ приказаній, въ качествѣ простаго экспедитора текущихъ дѣлъ, то его эминенція согласился на то, чтобы дѣла посольства продолжали идти по прежнему, и чтобы онъ могъ привести эти дѣла къ окончанію до своего отъѣзда; что святѣйшій отецъ откажется принять преемника, который назначенъ будетъ на мѣсто барона Мейендорфа по отъѣздѣ послѣднаго изъ Рима; что святѣйшій отецъ не желаетъ, чтобы въ Римѣ учредилось снова русское посольство, и что баронъ Мейендорфъ можетъ поручить защиту интересовъ русскихъ подданныхъ представителямъ иной какой-либо державы.

«Вслѣдствіе подобнаго заявленія, второй секретарь русскаго посольства, остававшійся въ Римѣ для храненія архивовъ, получилъ немедленно приказаніе снять государственный гербъ съ фронтона дома, занимаемаго русскимъ посольствомъ, и заявить кардиналу Антонелли, что такъ какъ папа сдѣлалъ первый шагъ

къ разрыву, то его величество слагаетъ съ себя отвѣтственность за могуція возникнуть послѣдствія» 1).

Такъ окончились сношенія нашего правительства съ римскимъ престоломъ.

Дальнѣйшія мѣры въ отношеніи къ устройству и управленію латинской церкви въ имперіи и царствѣ польскомъ, открываютъ новую эпоху отношеній къ папѣ, какъ главѣ этой церкви. Мы должны остановиться, такъ сказать, въ преддверіи этой, только начинающейся эпохи, которая, послѣ отмѣны конкордата, вызоветъ, конечно, органическія измѣненія въ тѣхъ частяхъ нашего законодательства, которыя связаны съ правилами, изложенными въ конкордатѣ 1847 г., и построены на ихъ основаніи.

Представивъ отношенія нашего двора къ римскому престолу, по возможности подробно, на сколько позволили намъ доступные теперь для всѣхъ документы, мы не можемъ не обратиться назадъ, чтобы окинуть ихъ послѣднимъ, общимъ взглядомъ.

Безъ сомнѣнія, Россія и Римъ поставлены исторіею совершенно въ иныя отношенія между собою, нежели всѣ другія государства западной Европы. Поэтому, еслибъ Россія захотѣла въ своихъ къ нему отношеніяхъ дѣйствовать также, какъ и другія государства, или, еслибъ Римъ измѣрялъ Россію по той же мѣрѣ, по какой измѣряетъ другія государства; то, безъ сомнѣнія, обѣ державы ошиблись бы въ своихъ расчетахъ, и неумолимый законъ исторической правды поставилъ бы ихъ подъ-вонецъ въ безвыходное положеніе.

Слѣдующія два обстоятельства придають особенныя свойства этимъ отношеніямъ: во 1-хъ, господствующее въ Россіи исповѣданіе принадлежитъ, по праву, къ единой вселенской христіанской церкви, между тѣмъ римскій католицизмъ объявляетъ свои исключительныя притязанія на вселенское значеніе; и во 2-хъ, римскій католицизмъ въ Россіи тождественъ съ польскою народностью и съ ея притязаніями.

Когда къ Россіи было присоединено, при императрицѣ Екатеринѣ, нѣсколько областей бывшаго польскаго королевства, въ которыхъ народонаселеніе принадлежало къ русскому племени, частію исповѣдывало православную вѣру, частію находилось въ униі, и только въ незначительномъ меньшинствѣ, хотя и обла-

1) Записка кн. Горчакова къ нотѣ 7-го янв. 1866 г., и *Esposizione documentata*, стр. 53 и 54.

давшемъ властію, какъ все тамошнее польское или ополченное дворянство, принадлежало къ латинской церкви; тогда только наше правительство вступило въ постоянныя и частыя сношенія съ римскимъ дворомъ. Наше правительство, признавая православную церковь господствующею, предоставило полную свободу латинскому исповѣданію, согласно съ торжественно выраженнымъ императрицею Екатериною началомъ вѣротерпимости и пользованія всѣми правами, какими она до того времени была надѣлена, — но, конечно, безъ вреда для государственной власти имперіи и господствовавшей въ ней церкви.

Могла ли латинская церковь спокойно продолжать свое существованіе при этихъ условіяхъ?

Если припомнимъ сношенія Россіи съ польскимъ королевствомъ, во все время независимаго существованія послѣдняго, то замѣтимъ, что однимъ изъ главныхъ фактовъ былъ слѣдующій: польское правительство, находившееся постоянно подъ вліяніемъ латинскаго духовенства, отличалось нетерпимостью и преслѣдовало всѣ исповѣданія, а особенно православную церковь, къ которой принадлежало все населеніе ея русскихъ и литовскихъ областей. Преслѣдуемые православные подданные Польши постоянно обращались къ Россіи, ходатайствуя о заступничествѣ; Россія постоянно обращалась къ польскому правительству, совѣтуя ему не употреблять насильственныхъ мѣръ въ дѣлѣ вѣры и совѣсти. Польское правительство постоянно обѣщало положить предѣлъ религиознымъ преслѣдованіямъ, и никогда не имѣло достаточно силы исполнить свои обѣщанія, находясь подъ вліяніемъ духовенства и клерикальной партіи. Послѣдствіями такого положенія дѣлъ были съ одной стороны — унія, а съ другой, — постоянныя отторженія областей отъ Польши, начавшіяся съ Малороссіи и окончившіяся раздѣломъ Рѣчи-Посполитой въ 1794 г.

Судьба уніатской церкви въ предѣлахъ имперіи была главнѣйшимъ обстоятельствомъ, опредѣлившимъ наши отношенія къ папскому двору. Римъ смотрѣлъ на унію, какъ на временную сдѣлку, которая, рано или поздно, должна окончиться полнымъ присоединеніемъ уніатовъ къ латинской церкви. Поэтому онъ поощрялъ переходы изъ уніи въ латинство, постоянно вводилъ латинскіе обряды въ уніатское богослуженіе, латинскіе обычаи и ученія. Такое стремленіе Рима естественно вызвало противодѣйствіе, выразившееся въ желаніи поддержать чистоту обрядовъ и ученій, одинаковыхъ съ православною церковію. Въ то время, какъ эти области присоединились къ имперіи, уніатское исповѣданіе уже значительно было искажено латинскими нововведеніями и взволновано постоянною борьбою съ латинскою пропагандою.

Все уніатское монашество уже превратилось въ римско-католическій орденъ и сдѣлалось усерднымъ орудіемъ Рима въ дѣлѣ совращенія уніатовъ, а равно и большая часть высшаго духовенства. Но народъ, низшее духовенство и нѣкоторые изъ епископовъ, большею частію тѣ, которые изъ блага духовенства достигали до этого сана, желая поддержать чистоту своего исповѣданія, постоянно находились съ ними въ борьбѣ. Въ этой борьбѣ правительство не могло не принять участія и не преградить пути для латинской пропаганды, уже потому, что она пользовалась всѣми насильственными средствами для достиженія своихъ цѣлей и потому, что до него доходили непрерывныя жалобы и просьбы о защитѣ. Но лишь только были приняты нѣкоторыя мѣры противъ явныхъ насилій со стороны латинскаго духовенства и польскихъ пановъ, какъ, въ 1794 году, присоединились къ православной церкви болѣе полутора милліона уніатовъ. Въ то время Римъ еще не позволялъ себѣ говорить о насильственныхъ мѣрахъ обращенія; да нивагое насиліе и не могло бы присоединить къ православной церкви такое количество лицъ въ продолженіе почти одного года. Насиліе, напротивъ, было съ другой стороны, — со стороны латинскаго духовенства, польскихъ пановъ, и отчасти отъ мѣстной администраціи, увлекаемой ихъ вознями, которыя, по смерти великой императрицы, продолжали постоянно усиливаться и развиваться. Въ слѣдствіе такого положенія дѣлъ, не только приостановлено было возвращеніе уніатовъ въ православную церковь, но, усилившіеся у насъ іезуиты увѣрили даже императора Павла Петровича, что всѣ уніаты, которые желали присоединиться къ православію, уже присоединились въ 1794 г., а остальные уже тѣмъ самымъ изъявили готовность присоединиться къ латинской церкви, такъ что съ этого времени особаго уніатскаго исповѣданія и не существуетъ болѣе въ имперіи. Усиленная колонизація этого края въ первую четверть текущаго столѣтія, постоянно увеличиваясь, вполне благопріятствовала видамъ латинскаго духовенства и пановъ.

Казалось, безъ всякаго противодѣйствія, истощены были всѣ способы насилія и коварства, чтобы не только обратить уніатовъ въ латинство, но и ополчить — и, несмотря на это, существованіе уніатскаго исповѣданія, какъ отдѣльнаго и самостоятельнаго въ отношеніи къ латинству, заявляло себя болѣе и болѣе постоянною борьбою, продолжавшеюся въ немъ самомъ, между двумя сторонами. Съ трудомъ пробивали себѣ путь жалобы уніатовъ на притѣсненія со стороны римскихъ католиковъ; медленно, шагъ за шагомъ достигало уніатское исповѣданіе признанія за

нимъ права самостоятельнаго и независимаго отъ латинской церкви существованія. Но лишь только оно достигло этой цѣли и лишь только, послѣ польскаго мятежа 1830 года, положены были преграды колонизаціи западныхъ губерній, какъ вновь, дѣйствительно уже, почти всѣ, уніаты присоединились къ православію. Съ этого времени въ собственномъ смыслѣ и начался разрывъ между Римомъ и нашимъ правительствомъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что папскій дворъ не могъ равнодушно смотрѣть на присоединеніе уніатовъ; но онъ, съ голосу поляковъ и ксендзовъ, заговорилъ о насильственныхъ мѣрахъ со стороны нашего правительства, какъ будто возможны такія насильственные мѣры, которыми, въ настоящее время, удалось бы отвлечь милліоны народонаселенія отъ церкви, въ которую они не утратили вѣры, и самъ поощрялъ насильственные мѣры, развившіяся наконецъ въ полный мятежь, полагая, посредствомъ ихъ, возвратитъ навсегда утраченное.

Не можетъ подлежать также сомнѣнію и то, что Россія не могла не принять съ любовью въ нѣдра своей церкви, нѣбогда бывшихъ своихъ сыновъ, отторгнутыхъ отъ нея насиліемъ, но постоянно сохранявшихъ къ ней сочувствіе и влеченіе. Предлагая латинской церкви широкую терпимость въ своихъ предѣлахъ, Россія ограничивала ее только двумя условіями, естественно вытекающими изъ ея значенія какъ самостоятельной державы: непривосновенностію господствующей церкви и свободою и независимостію верховной своей власти. Поэтому она не могла не положить предѣловъ неразборчивой на средства латинской пропагандѣ, не могла согласиться на требованія Рима и, въ его угоду, нарушить каноническія правила нашей церкви, какъ, на примѣръ, о дѣтяхъ отъ смѣшанныхъ браковъ. Охраняя прежде всего свою государственную самостоятельность, Россія не могла дозволить непосредственныхъ сношеній съ папою, какъ съ главою латинской церкви, который, въ тоже время, и независимый свѣтскій государь; не могла допустить подчиненія монашескихъ орденовъ властямъ, находящимся внѣ предѣловъ государства, и не могла, наконецъ, исключить изъ числа своихъ подданныхъ, исповѣдующихъ римскій католицизмъ, хотя бы и въ духовенствѣ, и дозволить имъ не только не признавать законовъ гражданскихъ и государственныхъ имперіи, нарушать ихъ безнаказанно, но даже не карать ихъ за преступныя дѣйствія.

Какъ же Римъ, постоянно стремящійся къ неограниченному господству, могъ относиться къ этой терпимости?

Краснорѣчивый защитникъ папства, котораго слова мы уже не разъ приводили, графъ де-Местръ, въ 1818 г., въ обширномъ

разсужденіи, въ которомъ каждая глава начинается словами: «великая держава вредитъ латинской церкви», — говорить между прочимъ: «вредить и нѣкотораго рода преслѣдованіемъ, которому она постоянно подвергаетъ эту церковь непосредственно въ своихъ областяхъ и посредственно повсюду. Слово *преслѣдованіе*, конечно, удивить и поразить слухъ наиболѣе благодушнаго изъ государей (т. е. императора Александра I-го), если только оно до него достигнетъ; но слѣдуетъ только вникнуть въ мысль, чтобы исчезли всѣ недоумѣнія. Преслѣдованіе не предполагаетъ, какъ необходимое условіе — колесованіе, костры и изгнаніе; преслѣдованіе Юліана было гораздо опаснѣе Діоклетіанова и Бонапарта, который это понялъ и усвоилъ себѣ съ дьявольскою ловкостью. Россія хвалится, и ее хвалятъ за терпимость, но обѣ стороны одинаково ошибаются. Россія терпитъ всѣ возможныя *зablужденія*, ибо всѣ заблужденія сродны между собою и легко между собою примиряются. Но не въ такомъ положеніи находится *истина* или, сказать прямѣе, римско-католическая церковь, которая наименѣе всего терпима. У императора Россіи, по крайней мѣрѣ, восемь милліоновъ подданныхъ римско-католическаго исповѣданія. До десяти тысячъ находится въ его столицѣ; естественно, что они пользуются правомъ свободно отправлять свое богослуженіе; — это не называется терпимостью, а справедливостію (*justice*). Но не слѣдуетъ предполагать, что католикъ — терпимъ, даже злоупотребляя этимъ словомъ, когда ему позволяютъ имѣть свой храмъ и слушать въ немъ обѣдню. Та религія не *терпима*, которую не *терпятъ* въ томъ смыслѣ, какъ она сама себя понимаетъ, по ея сущности и ея началамъ (*son essence et ses maximes*). Конечно, никто бы не сказалъ, что еврейское исповѣданіе терпимо въ таковой странѣ, гдѣ бы евреевъ заставляли работать или играть комедіи въ субботніе дни. А именно въ такомъ положеніи находится католическая церковь въ Россіи. Не только она не свободна, но ея самыя основныя начала, наиболѣе существенныя, наиболѣе жизненныя, если можно такъ выразиться, нарушены и отвергнуты безъ милосердія» ¹⁾. Далѣе, гр. де-Местръ подробно излагаетъ эти основныя начала латинской церкви, которыя, по его мнѣнію, заключаются въ полномъ невмѣшательствѣ русскаго правительства въ дѣла церковнаго управленія, которое должно отказаться отъ всякаго наблюденія за дѣйствіями духовенства и избавить его отъ отношеній къ существовавшему въ то время министерству народнаго просвѣщенія и духовныхъ

¹⁾ Lettres et opuscules; изд. 1865 г., томъ II: Sur l'état du christianisme en Europe, стр. 383 — 92.

дѣль, въ правѣ латинскаго духовенства безотчетно владѣть имуществомъ и въ свободныхъ и непосредственныхъ сношеніяхъ какъ духовенства, такъ и вообще всѣхъ римско-католиковъ, съ папою.

Вникая въ сущность такого взгляда, нельзя не обратить вниманія на слѣдующія два обстоятельства:

1. Если государство обязано оказывать терпимость каждому вѣроисповѣданію, согласно съ тѣми началами, которыя каждая изъ нихъ считаетъ для себя существенными; то, конечно, терпя напримѣръ магометанъ, оно должно бы безнаказанно дозволить имъ истреблять *ягуровъ*, какъ предписываетъ ихъ вѣроученіе, или истребить самихъ магометанъ въ своихъ предѣлахъ. Но въ послѣднемъ случаѣ и рѣчи быть не можетъ о терпимости.

2. Ни одно изъ основныхъ началъ, на которыя особенно указываютъ ультрамонтаны и ихъ союзники, не имѣетъ религіознаго значенія, не касается ученій и догматовъ латинской церкви, какъ христіанской. Напротивъ, всѣ они чисто политическаго свойства. Дѣйствительно, они требуютъ терпимости для латинской церкви не въ смыслѣ общества, исповѣдующаго извѣстное вѣроученіе, но въ качествѣ политической корпораціи, — требуютъ не вѣротерпимости, но независимаго церковнаго государства въ нѣдрахъ имперіи. Однимъ словомъ, требуютъ совершенно не того, что предлагаетъ имъ Россія.

Если съ этой точки зрѣнія взглянемъ на мнѣнія и притязанія, изложенныя римскимъ дворомъ въ многочисленныхъ нотахъ, которыми онъ обмѣнивался съ нашимъ правительствомъ въ продолженіи почти дѣлаго столѣтія; то нельзя не замѣтить, что въ нихъ выраженъ тотъ же взглядъ, развитый до послѣднихъ его предѣловъ. Такимъ образомъ, всѣ притязанія Рима сводятся къ одному: основать въ предѣлахъ имперіи особое государство, независимое отъ ея верховной власти и подчиненное исключительно римскому первосвященнику.

Но—какое же это могло быть государство? Мирное-ли въ своихъ отношеніяхъ къ Россіи, какъ постоянно увѣряютъ ультрамонтанскіе писатели и римскій дворъ, или враждебное?

Чтобы отвѣчать на этотъ вопросъ, достаточно указать на одно важное явленіе, которое въ этомъ случаѣ придаетъ особенное свойство нашимъ отношеніямъ къ Риму. Латинская церковь, особенно послѣ присоединенія уніатовъ къ православію, въ предѣлахъ русской имперіи, исключительно соединяется съ польскою народностью. Поэтому, то государство, которое желало бы Римъ создать въ русскихъ предѣлахъ, было бы государство польское.

Нѣтъ нужды доказывать, въ какой степени могутъ быть мирны

отношенія этого государства въ имперіи, и какое участіе приметь въ нихъ латинское духовенство и — папскій престоль. Это явленіе совершилось передъ нашими глазами въ послѣдній польскій мятежь.

Такимъ образомъ, между наступательными требованіями Рима и оборонительнымъ положеніемъ Россіи — *бездна великая утвердилась!*

Если и есть возможность перебросить мость черезъ эту бездну, то, конечно, не силою дипломатическихъ сношеній. Совершенно справедливо въ нотѣ нашего правительства, 31-го января 1841 г., было заявлено, что наши переговоры съ Римомъ не должны доходить до *главныхъ началъ*, до принциповъ, и могутъ лишь ограничиваться частными сдѣлками по отдѣльнымъ вопросамъ; но Римъ, постоянно возводи ихъ до основныхъ началъ, неминуемо вызывалъ полный разрывъ, который и совершился. Если и есть возможность примиренія, то не съ тѣмъ направленіемъ, которое въ настоящее время господствуетъ въ латинской церкви. Но, въ этой церкви, съ перваго времени ея отдѣленія отъ вселенской церкви постоянно существовали два направленія, въ сущности противоположныя одно другому. Одно, образовавшись именно вслѣдствіе отдѣленія и развиваясь постоянно, достигло исключительнаго господства въ наше время; таково направленіе ультрамонтанское, которое превратило церковь въ государство, и съ которымъ боремся не одни мы, но и страны, исповѣдующія католичество; другое же, сохранявшее ученія и преданія вселенской церкви, постоянно ослабѣвало, и нынѣ едва замѣтно. Съ этимъ послѣднимъ направленіемъ примиреніе, конечно, возможно. Однимъ словомъ — примиреніе возможно съ латинскою церковью, но не съ римскимъ церковнымъ государствомъ, съ которымъ не могутъ примириться даже въ самихъ католическихъ странахъ.

А. Поповъ.

ВОСТОЧНЫЯ ДѢЛА

ВЪ

ДВАДЦАТЫХЪ ГОДАХЪ ¹⁾.

Тяжелыя событія, сопровождавшія восшествіе на престолъ императора Николая I-го, могли имѣть вредное вліяніе и на вѣщныя сношенія наши; правда, мы были въ мирѣ со всѣми европейскими державами, но *восточный вопросъ*, этотъ кошмаръ, гнетущій Россію и высосавшій столько лучшей крови русской, былъ въ полномъ разгарѣ. Князь Меттернихъ, парившій, какъ злой духъ, на политическомъ горизонтѣ, отзывался громко, что молодой государь, едва подавившій внутреннюю революцію и озабоченный умиротвореніемъ страны, не рѣшится ни на какія сильныя мѣры внѣ ея. Меттернихъ еще опасался проницательности Александра, знавшаго его насквозь, и вліянія Каподистрія, на пагубу котораго онъ употребилъ столько интриги и возней,—но теперь, со свойственною ему самоувѣренностію, онъ надѣялся вліять на русскій кабинетъ безусловно. Возбуждаемая имъ Турція становилась въ положеніе угрожающее въ отношеніи къ намъ, а изъ Персіи, гдѣ господствовала въ то время англійская партія, получены были извѣстія, которымъ отказывались вѣрить въ Петербургѣ, какъ ни привыкли къ всевозможнымъ нарушеніямъ международныхъ правъ и вѣроломству восточныхъ государствъ.

¹⁾ Изъ незаданной книги, т. II, гл. 2.

Чтобы понять затруднительное положеніе, въ которомъ такъ неожиданно очутился молодой государь, надо припомнить прошедшее.

I.

Турція, какъ вулканическая почва, постоянно колеблется отъ внутреннихъ смуть. Въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, волненія эти часто доходили до общаго возстанія. Еще не успѣли сломить Али-пашу Янинскаго, не разъ торжествовавшего надъ войсками султана, какъ подымалась противъ него новая сила.

Изъ всѣхъ, постоянно волнующихся провинцій Турціи, Греція сознательнѣе и съ большею предусмотрительностію, чѣмъ другія, задумала свое освобожденіе. Образование, повсюду подавленное турками, стало пробиваться и проникать въ греческія провинціи, какъ предвѣстникъ свободы, сначала изъ константинопольскаго *Фанаря* ¹⁾, — этого тусклаго и не всегда надежнаго свѣтильника. Много способствовало взаимному объединенію и нѣкоторой общности дѣйствіе въ Греціи муниципальных учреждений, основанныхъ еще во времена византійской имперіи и оставленныхъ турками во всей силѣ, для облегченія собственнаго управленія, особенно при сборѣ податей.

Этеріи — извѣстно — покрыли, какъ сѣтью, всю Европу и перешли въ Малую Азію; нуженъ былъ только первый толчекъ, чтобы пустить въ ходъ эту сложную машину и тщательно скрывать до поры, до времени, ея пружины. Греки всегда славилась умнѣемъ вести интригу и заговоры, и, потому, имъ не трудно было ублажить турокъ, увѣривъ ихъ, что этеріи, въ томъ видѣ, какъ ихъ представляютъ, существуютъ только въ разгоряченномъ воображеніи фанатиковъ: въ сущности, это затѣи праздныхъ людей.

Первая мысль объ образованіи обширнаго общества, составленнаго изъ христіанъ всѣхъ національностей и вѣрованій для совмѣстнаго дѣйствія противъ турокъ, возникла давно; она принадлежитъ молодому греку Ригасу. Пылкій, страстный, съ душою чистою, возвышенною, чуждый всякихъ интригъ, онъ предназначенъ былъ для дѣйствія, но не для заговора — быть жертвой, но не жрецомъ, а время дѣйствія еще не настало. Вѣнскій кабинетъ, зорко слѣдившій за нимъ, во время переѣздовъ его черезъ австрійскія владѣнія, гдѣ онъ, легковѣрный, считалъ себя безопаснымъ, измѣнически схватило его и передало турецкому пашѣ

¹⁾ Собственно: *Фанале* — извѣстная часть города въ Константинополѣ.

въ Бѣлградѣ. Рига съ палъ мученической смертью (1798 г.). Умирая, онъ произнесъ пророческія слова: «Я бросилъ сѣмя; прійдетъ время, и греки соберутъ желанныя плоды». Извѣстный стихъ, которымъ вожди греческаго возстанія такъ часто увлекали въ битву своихъ сподвижниковъ, заимствованъ изъ его поэмы: «Одинъ часъ свободы стоить тысячи длинныхъ годовъ подъ ярмомъ рабства и владычества тирана!» Эти слова были тогда безпрестанно на устахъ писателей, членовъ правительственныхъ комитетовъ и даже простого народа; съ этими словами мирные дотолѣ жители видали свои селенія, предавая ихъ пламени, чтобы не достались туркамъ, и уходили съ семьями въ горы.

Рига съ не ошибся. Сѣмя не погибло. Образовались новыя общества, изъ которыхъ иныя рассчитывали на помощь иностранныхъ революціонеровъ, другіе на покровительство Наполеона I; но опыты вѣковъ показали, что безкорыстнаго пособія отъ другихъ ожидать нельзя—и, тѣмъ менѣе, отъ Наполеона. Государство можетъ сплотиться только собственной кровью и плотью. Возникли этеріи, сначала только съ цѣлію дѣйствовать печатнымъ словомъ на умы, подготавливая ихъ, но потомъ измѣнившія свое мирное направленіе. Нѣкто Николай Скуфасъ, принадлежавшій къ аѣнскому обществу «филонмузовъ» или друзей просвѣщенія, образовалъ этерію, сначала въ Одессѣ, потомъ въ Москвѣ, на иныхъ началахъ, съ уставомъ болѣе обширнымъ, который послужилъ образцемъ для всѣхъ другихъ этерій. Этеріи стали походить на большую часть тайныхъ обществъ тогдашняго времени въ Италіи, Испаніи и Германіи, и особенно на общество карбонаріевъ. Послѣ первыхъ совѣщаній между эфорами или предсѣдателями клубовъ, рѣшено было перенести главное управленіе въ Константинополь, и оттуда разсылать пропагандистовъ во всѣ края христіанскаго міра. Для сохраненія тайны въ дѣлахъ общества, члены его были раздѣлены на 8 степеней, такъ что младшія степени рѣшительно не знали главной цѣли общества и даже членовъ высшихъ степеней: они только обязаны были имѣть оружіе и боевыя принадлежности по первому призыву. *Посвященные* находились въ 6-й степени, а начальники посвященныхъ въ 7-й ст. Осьмая степень заключала тайную власть,— главу общества; но ея не было, хотя каждому посвященному намекали, что, въ главѣ общества, стоитъ коронованное лицо, и воспаленное воображеніе важдаго останавливалось на Александрѣ I, такъ какъ всѣ знали дружбу его въ Каподистріи, извѣстному греческому патріоту. Въ обществѣ допускались всѣ средства для достиженія цѣли, не исключая и вѣнжала. Это одно

уже служить яснымъ опроверженіемъ тѣхъ изъ иностранныхъ писателей, которые утверждаютъ, что не только Каподистрія, но даже императоръ Александръ I зналъ о тайныхъ цѣляхъ общества и терпѣлъ ихъ. Напротивъ, едва дошли до него слухи о замыслахъ грековъ въ южной Россіи, онъ приказалъ произвести строгое изслѣдованіе на мѣстѣ (генералу Шеншину и Дашкову¹⁾). Что касается до Каподистрии, то существуетъ его письменный документъ (1819 г.), въ которомъ онъ убѣждаетъ грековъ не компрометировать своего дѣла отдѣльнымъ опрометчивымъ поступкомъ, но идти къ своему освобожденію болѣе вѣрнымъ путемъ образованія и матеріальной подготовки.

Графъ Каподистрія, пока состоялъ при Александрѣ, отклонялъ отъ себя всякія предложенія, настойчиво дѣлаемыя ему греками, безпрестанно являвшимися въ Петербургъ; онъ зналъ, что за нимъ строго слѣдятъ иностранные агенты, и, конечно, не дозволилъ бы себѣ компрометировать политику Александра, которую онъ оберегалъ такъ тщательно, нерѣдко въ противность своимъ національнымъ интересамъ. Членъ этеріи, Камириносъ, отправленный греками съ порученіемъ въ Петербургъ, возвратившись въ Морею, говорилъ во всеуслышаніе, что на Каподистрію, и вообще на поддержку Россіи надѣяться нельзя; но его собственные братья убили его, чтобы это обезнадеживающее извѣстіе не распространилось въ странѣ и не привело въ отчаяніе патріотовъ. Весьма естественно, что греки, изъ-за собственныхъ выгодъ, распространяли слухъ о содѣйствіи ихъ дѣлу нашего правительства, и западныя державы, побуждаемыя обычнымъ недоувѣріемъ и недоброжелательствомъ къ Россіи, дали значеніе народному слуху. Турецкое же правительство готово на когонибудь свалить свою собственную вину, и потому обвиняло, какъ всегда, одну Россію во всѣхъ возстаніяхъ райевъ

Александръ, въ душѣ своей, желалъ освобожденія Греціи. Въ мистическихъ тайникахъ Священнаго союза можно найти мысль о независимости эллиновъ, какъ и другихъ христіанъ; о томъ же говорилъ Александръ и съ Наполеономъ въ Тильзитѣ во время непродолжительной съ нимъ дружбы; говорилъ на конгрессѣ въ Вѣнѣ, особенно повѣрялъ свои мысли королю прусскому, своему искреннему союзнику. На конгрессѣ же, по желанію графа Каподистрии, онъ предложилъ коронованнымъ лицамъ собрать сумму въ пользу аѳинскаго Общества друзей просвѣщенія, цѣль котораго состояла въ сохраненіи древностей Аѳинъ отъ окончательнаго истребленія, и въ устройствѣ греческихъ училищъ; самъ

¹⁾ Архивъ. Дѣло о Буггари.

пожертвовалъ довольно значительную сумму; другіе послѣдовали его примѣру. Возродившіяся такимъ образомъ училища впоследствии во многомъ содѣйствовали возрожденію своего отечества. Но Александръ I желалъ достигнуть освобожденія Греціи не посредствомъ революціи, а путемъ мирныхъ, дипломатическихъ сношеній. Цѣлый рядъ народныхъ возстаній въ Испаніи, Неаполѣ и Піэмонтѣ заставилъ его смотрѣть иначе и на дѣло Греціи.

Не такъ благоразумно, не такъ осторожно, какъ гр. Каподистрія, дѣйствовали другіе. Молодой, честолюбивый, пылкій, связанный семейными историческими преданіями, князь Ипсиланти принялъ предложеніе этеристовъ и сталъ во главѣ ихъ. Съ обычнымъ ему легкомысліемъ, безъ всякой подготовки средствъ, онъ приступилъ прямо къ дѣлу. Онъ даже не оставилъ русской службы и своего генеральскаго мундира, и уѣхалъ въ отпускъ въ Одессу. Здѣсь совѣтовали ему отправиться въ Пелопоннезъ, и оттуда дѣйствовать; но онъ рассчитывалъ на поддержку господарей Молдавіи, кн. Михаила Суццо, тайнаго этериста,—съ горстью людей винулся черезъ Прутъ, и торжественно вступилъ въ Яссы (въ концѣ февраля 1821 г.)... Торжество его продолжалось не долго. Онъ очутился безъ помощи, безъ поддержки, лицомъ къ лицу противъ турокъ и мѣстнаго населенія, которое не сочувствовало ему. Съ тѣмъ же самымъ легкомысліемъ, Ипсиланти положился на обѣщаніе австрійскаго правительства, перешелъ его границы, былъ задержанъ и посаженъ въ крѣпость. Въ то же почти время (въ мартѣ), случай ускорилъ возстаніе на югѣ. Али-паша, тѣснимый турками, обратился къ грекамъ. Греки не любили его; еще недавно суліоты были его врагами и съ отчаяніемъ дрались противъ него; но Али-паша давалъ имъ оружіе и порохъ, ввѣрялъ имъ безусловно горные проходы, стоявшіе имъ прежде столько крови, и нѣсколько укрѣпленныхъ пунктовъ, и тѣ же суліоты изъ первыхъ отозвались на призывъ его.

Али-паша палъ, но греки удержались. Начало было сдѣлано. На голосъ свободы, присущій душѣ всякаго райи болѣе, чѣмъ голосъ этеріи, отделинулись пелопоннезцы. Этотъ полуостровъ, со своими неприступными скалами и ущельями, служитъ природною крѣпостью. Напрасно султанъ посылалъ своего лучшаго воина и дипломата Кушридь-пашу, который еще недавно строилъ пирамиды изъ срубленныхъ головъ несчастныхъ сербовъ, чтобы силою или ласкою склонить пелопоннезцевъ положить оружіе — греки не поддавались; они сами лукавы, и знаютъ съ кѣмъ имѣютъ дѣло.

Поднялась Сѳакія, и за нею вся Кандія. Турки, застигнутые въ распахъ, бѣжали съ острова. Кандія имѣетъ свои «бѣлыя горы», Бѣлогорье, которое для нея, да и для всего Архипелага тоже, что Черногорія на Балканскомъ полуостровѣ; Кандію можно подавить на время, но покорить нельзя. Она останется грозою Турціи, пока не будетъ свободна. Черногорія сбросила съ себя постылое иго рабства и ратуетъ за другихъ. Кандія съ перваго возстанія не переставала сопротивляться насилию турокъ; если она, по временамъ, опускала оружіе, то только для того, чтобы перевести духъ; и теперь ея Бѣлогорія ведетъ отчаянную борьбу на смерть! Христіане дерутся одинъ противъ десяти, и это въ виду всей христіанской Европы!

Затѣмъ поднялась вся Греція. Монтескье говоритъ: «Деспотическія державы походятъ на дивихъ, которые рубятъ дерево, чтобы достать плодъ». Турки, при завоеваніи христіанскихъ областей поступали также; они истребляли цѣлыя селенія или для того, чтобы завладѣть ихъ имуществомъ, или изъ опасенія возмездія, или просто по животному инстинкту разрушенія и по жаднѣ крови побѣжденнаго врага. Но корни срубленнаго дерева остались, пустили новые ростки и вѣтви, которыя разрастаются все гуще и гуще, и, поднявшись высоко, готовятся въ свою очередь заглушить плевела, заслоняшія имъ свѣтъ. Время жатвы близко, благо почва сильно утучнена кровью и трупами.

Вскорѣ послѣ легкомысленнаго вторженія Ипсиланти въ Молдавію и почти одновременнаго возстанія въ Греціи, началась въ Константинополѣ извѣстная страшная рѣзня грековъ, а частію и другихъ христіанъ православнаго исповѣданія, напоминавшая Вареломеевскую ночь. Ни полъ, ни возрастъ, ни духовный санъ, — ничто не спасало отъ изувѣрства турокъ. Окровавленная, истерзанная тѣла патріарха и епископовъ, были преданы евреямъ, и въ день самой Пасхи, съ позоромъ влачились по улицамъ Константинополя во всеувидѣніе, въ укоръ христіанскому міру. Къ несчастію, Ипсиланти, въ своихъ письмахъ къ сербскому князю Милошу, перехваченныхъ турецкимъ правительствомъ, навелъ подозрѣніе и на самого Милоша и на многихъ изъ русскихъ подданныхъ; а потому послѣднихъ особенно преслѣдовали. Тщетно баронъ Строгановъ, бывшій нашъ посланникъ, возставалъ и протестовалъ противъ наглого насилія и позора, совершающагося въ глазахъ всѣхъ представителей европейскихъ державъ. Выставки у воротъ серала головъ и ушей, этихъ жалкихъ трофеевъ, привозимыхъ изъ Морей, по прежнему возбуждали народный фанатизмъ мусульманъ. Также бесполезно требовалъ онъ вывода турецкихъ войскъ изъ княжествъ Молдавіи и Валахіи,

безчинствовавшихъ и грабившихъ страну уже вполне успокоенную и не подававшую никакого повода къ продолженію военнаго занятія. Требовалъ онъ и возвращенія сербскихъ воеводъ, содержавшихся въ заточеніи въ противность международныхъ правъ. Но всѣ его протесты, столь законные и основанные на силѣ трактатовъ, были отклоняемы, а иногда, съ дерзостью, возвращаемы. Баронъ Строгановъ, наконецъ, послалъ свой ультиматумъ Портѣ, назначивъ осмидневный срокъ для отвѣта.

Положеніе нашей миссіи было тяжелое; нужна была вся сила характера Строганова, чтобы бороться съ нимъ. Онъ находился въ Буквдерѣ, своемъ лѣтнемъ пребываніи; орта ¹⁾ янычаръ съ нѣсколькими офицерами, приставленными турецкимъ правительствомъ, сторожили всѣ его движенія; не допускали къ нему ни прислуги, ни вещей изъ Константинополя. Министры шведскій и датскій одни оказывали ему сочувствіе, но были до того безсильны, что не могли ему даже доставить необходимыхъ для него предметовъ; ихъ люди были задерживаемы, и протесты въ нарушеніи правъ посланника оставляемы безъ удовлетворенія. Недавно прибывшій англійскій посланникъ, принятый съ необыкновеннымъ торжествомъ, былъ совершенно на сторонѣ Порты и даже приставилъ своего соглядатая за дѣйствіями русской миссіи. Французскій повѣренный въ дѣлахъ находился подъ вліяніемъ англійскаго посланника. Австрійскій интернунцій, гр. Литцовъ, хотя по личнымъ отношеніямъ съ барономъ Строгановымъ не могъ отказать ему въ нѣкоторомъ вниманіи, но ничего не дѣлалъ въ защиту его международныхъ правъ.

Наступилъ рамазанъ. Въ народѣ ходили слухи, что въ это время бѣшеннаго фанатизма мусульмане вырѣжутъ нашу миссію. Баронъ Строгановъ зналъ это и писалъ управляющему министерствомъ иностранныхъ дѣлъ: «Что бы ни случилось, будьте увѣрены въ одномъ, что честь Россіи никогда не запятнается дѣйствіями и слабостью русской миссіи». Съ тѣмъ вмѣстѣ, Строгановъ укладывалъ и отправлялъ архивы, послалъ совѣтнику посольства Дашкову, осматривавшему наши консульства въ Левантѣ, приказаніе немедленно вернуться въ Константинополь; спасалъ и отправлялъ на корабляхъ въ Россію тайно, съ большою опасностью, несчастныхъ подданныхъ нашихъ, грековъ, отъ явной опасности. Не получивъ отвѣта въ назначенный срокъ, баронъ Строгановъ со всѣмъ посольствомъ и остатками православныхъ христіанъ выѣхалъ, наконецъ, изъ Константинополя.

Присланный въ послѣдствіи отзывъ Порты, исполненный все-

¹⁾ Т. е. рота.

возможныхъ хитросплетеній, указывающихъ на участіе иностранцевъ въ составленіи его, вмѣстѣ съ тѣмъ заносчивый и дерзкій, полученъ былъ Александромъ I, въ августѣ 1821 г., во время пребыванія государя въ Царскомъ Селѣ. Онъ послалъ немедленно за графомъ Каподистрію. Это было вечеромъ. Мы передаемъ часть разговора со словъ Каподистріи, имъ самимъ записанныхъ, сколько для разъясненія послѣдующихъ обстоятельствъ и поученія дипломатовъ, столько для пополненія характеристики императора Александра I. Государь былъ взволнованъ; его заботилъ этотъ отвѣтъ, не самъ по себѣ, но по своимъ послѣдствіямъ; не войны съ Турціей опасался онъ, но другихъ, болѣе угрожающихъ событій.

— Если мы будемъ отвѣчать войной, сказалъ государь, — то парижскій революціонный комитетъ восторжествуетъ, и тогда ни одно правительство не удержится на ногахъ. У меня вовсе нѣтъ охоты давать волю врагамъ порядка. Всѣми мѣрами надо стараться избѣгнуть войны съ Турціей. Поразмыслите объ этомъ хорошенько и представьте дѣльный трудъ по этому жгучему вопросу.

— Ваше величество, позвольте мнѣ изложить съ полною откровенностью свое мнѣніе, отвѣчалъ я (пишетъ графъ Каподистріа).

— Затѣмъ я и пригласилъ васъ.

— Допустимъ, государь, что въ Парижѣ или въ другомъ мѣстѣ дѣйствительно существуетъ комитетъ, неуспынно работающій надъ разрушеніемъ существующихъ правительствъ; допустимъ, что у правительствъ нѣтъ иныхъ средствъ составиться съ этимъ внутреннимъ врагомъ и побѣдить его, кромѣ матеріальной силы; допустимъ, наконецъ, что другіе государи прибѣгнутъ къ вашему величеству, прося помощи войсками; — даже и при этомъ предположеніи, развѣ ваше величество не достаточно сильны, чтобы подать просимую помощь и съ тѣмъ вмѣстѣ заставить турокъ опомниться, двинувъ войска на Прутъ, а если понадобится, то и на Дунай. Съ другой стороны, предавая христіанъ изуврству турокъ, не потворствуемъ ли мы тѣмъ самымъ преступнымъ замысламъ революціонныхъ дѣятелей, вмѣсто того, чтобы нанести имъ ударъ. Несомнѣнно, что если только у нихъ есть составленный планъ, то именно въ томъ духѣ, чтобы подорвать всякое довѣріе къ правительствамъ и возбудить къ нимъ презрѣніе и ненависть народовъ. Греки, преданные въ жертву магометанамъ, будутъ сопротивляться съ отчаяніемъ. Тогда случится одно изъ трехъ: или Грецію послѣдуетъ теперешняя участь Дунайскихъ Княжествъ, или она навсегда сброситъ иго Турціи,

или, наконецъ, борьба будетъ длиться съ переменнымъ счастьемъ. Въ первомъ случаѣ — союзные кабинеты станутъ сообщниками турецкаго правительства; во второмъ, они вынуждены будутъ признать тотъ порядокъ вещей, который до этого времени отвергали; въ третьемъ, они подадутъ поводъ къ самому соблазнительному для народовъ примѣру, который, конечно, всего менѣе способенъ обратить умы ихъ къ сповойствію и порядку. Заставить турокъ образумиться путемъ дипломатическихъ сношеній — тщетная надежда! Опыты вѣковъ и собственные наши должны убѣдить въ томъ. Только силою оружія, пока еще есть время, можно умиротворить Левантъ; этимъ мы нисколько не нарушимъ Союза, а еще болѣе укрѣпимъ его связи, которыя значительно послабили отъ переговоровъ въ Тропау и Лайбахѣ.

Государь не соглашался съ послѣднимъ заключеніемъ; напротивъ, утверждалъ, что хотя Англія и уклонилась отъ Союза, онъ, однако, еще сильнѣе скрѣпился между остальными государствами.

Это противорѣчіе нисколько не помѣшало государю выслушать милостиво до конца предположеніе Каподистрії; сущность его заключалась въ слѣдующемъ: при содѣйствіи черноморскаго флота, прогнать силою турокъ изъ Княжествъ, занявъ ихъ своими войсками. Причемъ объявить манифестомъ, что такая мѣра принимается въ видахъ умиротворенія Княжествъ, и что въ опасеніи постоянныхъ нарушеній международнаго права, мы требуемъ отъ Турціи болѣе прочныхъ гарантій, какъ для Молдавіи и Валахіи, такъ для Сербіи и грековъ.

Мы обяжемся не нарушать ничьей территоріальной собственности, не требовать для себя ни пяди земли и сохранить въ данномъ случаѣ полное *statu quo*. Заявленіе нужно сдѣлать циркуляромъ не только европейскимъ державамъ, но и православнымъ христіанамъ, подданнымъ Турціи, даже Персіи; и кто пожелаетъ, можетъ присоединиться къ Россіи, для исполненія этого подвига, основаннаго единственно на желаніи спасти христіанъ отъ окончательнаго истребленія; въ противномъ случаѣ — мы одни можемъ порѣшить дѣло.

— Да, конечно, все это было бы прекрасно, — отвѣчалъ государь, — но планъ вашъ нельзя иначе привести въ дѣйствіе, какъ по взаимному, полному соглашенію съ союзными кабинетами; постараемся же нашими переговорами съ Турціей выиграть время, необходимое для взаимныхъ соглашеній.

— Государь, выигрывая время, мы теряемъ его безвозвратно. Революція сдѣлается столь общою, что невозможно будетъ совладать съ нею. Когда пожаръ одолеваетъ, тогда нельзя ту-

шить его, а надо ломать зданіе. Что теперь такъ сильно волнуетъ общественное мнѣніе въ пользу христіанъ, въ послѣдствіи утратить свое нынѣшнее значеніе и будетъ истолковано иначе. Къ тому же, весьма сомнительно, чтобы союзныя державы дѣйствовали за-одно, единодушно съ вашимъ величествомъ; они слишкомъ боятся второстепенной роли; вы сами въ томъ убѣдились: союзъ противъ Бонапарта могъ составиться только на полѣ битвы, силою неизбѣжныхъ обстоятельствъ, а потому и удался. Напротивъ, всѣ тѣ коалиціи, которыя обсуживались въ кабинетахъ и обуславливались дипломатіею, рушились ранѣе, чѣмъ успѣли составиться. Ваше величество съ береговъ Дуная легко устроите участь Леванта; не только европейскія государства, даже южная Америка, возставшая противъ метрополи, чувствуетъ благодѣтельное вліяніе вашей политики; но ничего добраго нельзя ожидать, если мы ограничимся пересылкою депешъ: нужно дѣйствовать!

Государя, однако, не могли поколебать всѣ убѣжденія, продолжавшіяся до поздней ночи. Революція, какъ страшное видѣніе, возстала во многихъ мѣстахъ: въ Испаніи, въ Неаполѣ, въ Пиемонтѣ. Ее выставляли даже тамъ, гдѣ ея не было, утверждая, что революціонеры только и ждутъ какого-нибудь столкновенія между правительствами, чтобы накинуться на нихъ, на каждое порознь, и потому государь видѣлъ спасеніе только въ согласіи, въ союзѣ державъ между собою. Если Каподистрія утверждала противное, то были и такіе, которые старались его поддержать въ установившемся убѣжденіи, и раздражать воображеніе, потрясенное великими событіями.

Александръ окончилъ тѣмъ, что приказалъ своему статсъ-секретарю составить *agenda* (какъ онъ называлъ свои памятные записки), присовокупивъ, чтобы онъ не увлекался одними своими идеями исключительно.

Я уже имѣлъ случай сказать, какой исходъ имѣлъ для графа Каподистрії этотъ вопросъ; но въ дипломатіи ему было суждено не скоро кончиться; онъ запутывался съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе, пока, наконецъ, одинъ мечъ могъ разрѣшить его.

II.

Турецкая имперія не упоминается ни въ одномъ изъ обще-европейскихъ трактатовъ 1814 и 1815 гг., и потому мы по прежнему не допускали ничего посторонняго вмѣшательства въ дѣла наши съ Турціей, которыя обусловливались особыми взаимными договорами; но въ 1821 г., Александръ, вѣрный «Священному союзу», добровольно отступилъ отъ пріобрѣтеннаго кровью права, которое слѣдовало бы оберегать ревностно.

Убѣжденный въ правотѣ своихъ дѣйствій, онъ выставилъ ихъ на видъ европейскимъ державамъ, призвалъ ихъ къ участию въ переговорахъ и требовалъ отъ нихъ содѣйствія въ понужденіи Порты къ выполненію его законныхъ и самыхъ умѣренныхъ требованій. Но тутъ онъ вполнѣ убѣдился, какъ мало могъ онъ полагаться на содѣйствіе ихъ, когда рѣчь шла объ интересахъ Россіи, и какъ безвозмездно и напрасно потрачены были средства наши въ пользу союзниковъ. Одна Пруссія изъявила искреннее желаніе свое присоединиться къ намъ для защиты и поддержки правоты дѣла. Франція, заявляя свое сочувствіе, выражалась не совсѣмъ опредѣлительно, хотя и готова была настаивать у Порты объ облегченіи участи христіанъ. Англія, удалившись изъ союза, заняла особое, самостоятельное мѣсто въ дѣлахъ материка; заявляя гласно о невмѣшательствѣ своемъ во внутреннія дѣла государствъ, она втайнѣ покровительствовала возмущавшимся народамъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ пріобрѣтала все большее и большее вліяніе съ распространеніемъ на нихъ ига промышленности и мануфактуръ, которыя, въ силу повсемѣстныхъ внутреннихъ потрясеній, приходили въ упадокъ въ другихъ государствахъ. Что касается до Австріи, то она начала дѣйствовать смѣлѣе въ пользу Турціи.

Князь Меттернихъ, въ полномъ сознаніи своего авторитета, говорилъ тѣмъ, которые опасались войны съ Турціей и пагубныхъ ея послѣдствій, что Александръ не рѣшится на войну, что онъ за это ручается. Въ отвѣтахъ своихъ русскому кабинету, онъ постоянно совѣтовалъ добиваться исполненія своихъ требованій путемъ переговоровъ, постоянно обѣщалъ содѣйствіе вѣнскаго кабинета, а между тѣмъ поддерживалъ Порту (гдѣ совѣты его принимались весьма охотно) упорствовать въ своемъ отказѣ, и посылалъ австрійскихъ офицеровъ на флотилію Ибрагимъ-паши, опустошавшаго берега Греціи. Князю Меттерниху нужно было выиграть время для того, чтобы турки могли покончить безпрепятственно съ возстаніемъ въ Греціи. И время

тянулось, депеши, ноты, меморандумы по турецкимъ дѣламъ писались во всѣхъ кабинетахъ.

Протоколь Веронскаго конгресса не привелъ ни къ какимъ положительнымъ результатамъ. Онъ только раздражилъ противъ насъ грековъ. На свиданіи двухъ императоровъ въ Черновицѣ, куда Александръ прибылъ послѣ смотра войскъ южной арміи, государь показалъ еще болѣе уступчивости. Изъ всѣхъ нашихъ требованій Турція исполнила только одно, и то въ видахъ пользы Англіи и по настоянію ея посланника, лорда Странтфорда: она отмѣнила тѣ стѣснительныя мѣры при проходѣ купеческихъ судовъ черезъ Босфоръ, которыми убили было совершенно нашу торговлю въ Черномъ морѣ. Австрійскій кабинетъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы настаивать у императора Александра возобновить наши прямыя сношенія съ Портой въ Константинополѣ, такъ какъ со времени отъѣзда барона Строганова, мы не имѣли своего представителя. Государь рѣшился послать туда, впрочемъ не болѣе, какъ въ качествѣ агента для покровительства торговли и защиты русскихъ подданныхъ, терпѣвшихъ бѣдственную участь, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Минчаки, назначеннаго консуломъ въ Дунайскихъ княжествахъ, бывшаго долгое время въ томъ же званіи въ Мореѣ и коротко знакомаго съ дѣлами Турціи.

Заступничество Минчаки за несчастныхъ христіанъ и его настоянія у иностранныхъ представителей, не могло облегчить участь ни славянъ, ни грековъ, ни румыновъ. Можно положительно сказать, что со времени покоренія ихъ, они никогда такъ не страдали, какъ въ эту памятную для нихъ эпоху, а они ли не натерпѣлись! Султанъ объявилъ священную войну за вѣру; вслѣдствіе чего рѣзня происходила почти съ одинаковымъ остервененіемъ на улицахъ Константинополя, какъ и на поляхъ битвъ въ Мореѣ, Кандіи и другихъ островахъ, находившихся въ полномъ возстаніи. Въ княжествахъ, гдѣ запуганные и забитые жители не смѣли шевельнуться, турецкіе солдаты, прогнавши господарей, замѣнили всѣ законныя власти своими штыками, предавались безнаказанно грабежу, убійствамъ и всякаго рода насилію. Сербскіе депутаты все еще томились въ Константинополѣ. Жители Ионическихъ острововъ, находившіеся подъ властію Англіи, терпѣли всякаго рода угнетенія; они готовы были взяться за оружіе и, конечно, сдѣлали бы это, если бы перемѣна англійскаго кабинета не измѣнила ихъ положенія. Министерство виковъ, съ Каннигомъ во главѣ, замѣнило министерство Лондодери. Оно не противилось болѣе сочувствію народа, доходившему до энтузіазма къ судьбѣ несчастныхъ грековъ, и отмѣнило

многія стѣснительныя мѣры, принятыя прежнимъ министерствомъ какъ относительно возстанія грековъ, такъ и Ионическихъ острововъ. Хотя явно оно еще не высказывалось въ пользу возставшихъ, но уже можно было предвидѣть, что оно рѣшится на болѣе дѣйствительныя мѣры.

Невольно сжимается стыдомъ и соболѣзнованіемъ сердце при чтеніи этой массы бумагъ въ періодъ времени отъ 1821 до смерти Александра Павловича по восточному вопросу. Чтò же долженъ былъ чувствовать государь, еще недавно такъ самостоятельно и повелительно стоявшій во главѣ Европы! Мы, однако, сильно ошиблись бы и впади въ несправедливое увлеченіе, если бы такое терпѣливое выжиданіе времени и медленность въ принятіи рѣшительныхъ мѣръ отнесли безусловно къ нравственной слабости, къ упадку силъ и духа Александра. Прежде произнесенія такого строгаго приговора, мы должны глубже всмотрѣться въ направленіе и характеръ государя. Предъ нимъ еще носилась грозная фигура Наполеона во всеоружіи брани, достигшая преобладанія власти однимъ мечемъ. Для сохраненія этой власти, онъ не опускалъ своего меча во все время царствованія и держалъ его поднятымъ надъ трепетной Европою. И чѣмъ окончилось его владычество, и чтò оставило оно по себѣ! Пожарища селъ, развалины городовъ, опустошеніе государствъ! У семейнаго очага бѣдной избы, какъ и у разрушенныхъ троновъ низвергнутыхъ государей, слышались ненависть и проклатіе памяти великаго завоевателя. Александръ не разъ видѣлъ поле битвы, видѣлъ его и въ то время, когда, оставленное побѣдителями и побѣжденными, оно представляло страшную картину смерти и разрушенія. Тутъ узналъ онъ всѣ ужасы войны. Какъ человекъ, какъ христіанинъ, онъ желалъ, онъ надѣялся извѣстия отъ нее родъ человѣческой. Онъ готовъ былъ жертвовать своимъ личнымъ вліяніемъ, не искалъ, но скорѣе избѣгалъ блеска военной славы; пренебрегая своей жизнію, онъ щадилъ жизнь другихъ и думалъ рѣшать всѣ возникающіе въ Европѣ споры судомъ государей. Убѣдившись въ суетности стремленій Наполеона, который пронесся духомъ брани надъ Европой, онъ искалъ славы миротворца. Однимъ словомъ, онъ увлекался теперь, какъ увлекался не разъ, увлекался, конечно, самыми благородными побужденіями, но отъ нихъ терпѣли наши собственные интересы, терпѣло народное чувство, уязвленное въ его лучшихъ побужденіяхъ; отъ нихъ страдало наше вліяніе въ Европѣ. Дошли, наконецъ, до того, что Порта, не только не удовлетворяла нашихъ домогательствъ, но въ дерзкихъ выраженіяхъ требовала отъ насъ

выдачи спасшихся отъ константинопольской рѣзни, и большею частію пріѣхавшихъ съ барономъ Строгановымъ, христіанъ.

Конечно, война—наибольшее зло, какое люди могли придумать на собственную пагубу, и если бы дипломатія могла предупредить его или заговорить, какъ заговариваютъ знахари нѣкоторыя болѣзни, она была бы благодѣтельницей человѣческаго рода; но дѣло въ томъ, что въ знахарей не всегда вѣрують, да и самыя цѣли дипломатіи бывають не всегда миротворныя. Во всякомъ случаѣ, эти цѣли должны быть съ точностію опредѣлены, и къ нимъ необходимо стремиться съ отвагою и смѣлостію, которыя одинаково должны быть присущи какъ воину, такъ и дипломату, стремиться во чтобы то ни стало, хотя бы въ концѣ пути былъ вонженъ мечъ, за который пришлось бы схватиться, чтобы защитить права свои. Только въ такомъ случаѣ голосъ дипломата будетъ звучать отчетливо и внушать уваженіе, а не дребезжать страхомъ и нерѣшительностію, только въ такомъ случаѣ дипломатія достигнетъ цѣли; взявшись за мечъ, можетъ быть, ей не придется обнажить его. Иначе ея письменный трудъ будетъ походить на работу бѣлки въ колесѣ, которая, какъ ни силится, не подвигается ни на шагъ впередъ; на болѣзненные, судорожныя страданія родильницы, которой физическіе недостатки препятствуютъ родамъ; женщина благоразумная и рѣшительная скорѣе согласится на всякую операцію, хотя бы то было и цесарское сѣченіе, чѣмъ оставаться въ страхѣ и нерѣшительности до тѣхъ поръ, пока уже никакая помощь невозможна.

Къ прискорбію, нивого не было близъ Александра, чтобы поддержать его въ эту пору тяжкихъ испытаній, изнеможенія нравственнаго и физическаго. Мы уже имѣли случай упомянуть, какъ исчезали дѣятели славной эпохи его царствованія, и не даромъ сказали, что потеря Каподистрії была чувствительнѣе проиграннаго сраженія. Правда, оставался Поццо-ди-Борго, но онъ былъ далеко, и, по принятой имъ системѣ осторожности, выражалъ свое мнѣніе только тогда, когда его спрашивали. Его отвѣтная депеша, вызванная вполнѣдствіи по требованію государя, была пророческимъ словомъ; но она послужила путеводною нитью уже для преемника Александра. Въ ту же пору вліяніе Меттерниха тяготѣло всѣмъ своимъ гнетомъ надъ русскимъ кабинетомъ, и представитель нашей политики въ Вѣнѣ былъ его почитателемъ. Когда, наконецъ, дѣла заходили слишкомъ далеко и истощали терпѣніе Александра, или чувствовались сильнѣе удары; наносимые горстью греховъ войскамъ турецко-египетскимъ, тогда князь Меттернихъ изъ Вѣны и лордъ Странфордъ

въ Константинополѣ разрѣшали Портѣ нѣкоторыя уступки нашимъ требованіямъ, но Турція всегда обуславливала ихъ разными стѣсненіями, которыя, конечно, уничтожали все ихъ значеніе. Она, наконецъ, назначила господарей въ Дунайскія княжества, но съ такимъ вопіющимъ нарушеніемъ правъ народныхъ и нашихъ трактатовъ, что мы должны были протестовать, а мѣстные жители почувствовали надъ собою двойное иго — пашей и господарей.

III.

Есть люди, которые силою своего генія возвышаютъ обстоятельства, дѣйствія и окружающую ихъ среду до той высоты, на которой сами стоятъ; есть другіе, которые великими событіями времени и случаемъ выдвигаются на эту высоту, и все ихъ достоинство состоитъ въ томъ, чтобы цѣлко держаться на ней: князь Клементій фонъ-Меттернихъ принадлежитъ къ послѣднимъ. Въ молодости онъ учился плохо, какъ свидѣлствуютъ его майнцскіе и страсбургскіе товарищи; впоследствии онъ могъ только забыть и то, чему учился, а нисколько не развить себя; ему некогда было ни читать, ни призадуматься о томъ, что дѣлается вокругъ, ни углубиться въ самого себя. Онъ жилъ со всею силою страсти и чувства, предаваясь наслажденіямъ и порокамъ и отличаясь своею распутною жизнью даже въ такомъ безнравственномъ обществѣ, какимъ было въ его время вѣнское. Ловкій, вкрадчивый, искательный, блистательный въ разговорѣ, «самого милаго нрава, отличнѣйшій кавалеръ», какъ писалъ о немъ нѣкогда Кауницъ, съ большими связями и пользовавшійся особенно покровительствомъ женщинъ, онъ безъ труда шелъ по лѣстницѣ возвышеній, и достигнувъ извѣстной высоты, гдѣ уже эти качества были недостаточны, онъ мастерски умѣлъ приладиться къ своему положенію, такъ что его не могли исполнѣ ни проникнуть, ни разоблачить. Чувствуя, что ему не подъ силу тогдашніе великіе вопросы, онъ, такъ сказать, дробилъ ихъ на мелочь, запутывалъ въ кабинетныя или придворныя интриги и съ рѣдкою изворотливостію умѣлъ сдѣлаться необходимымъ, чтобы руководствовать въ томъ лабиринтѣ, который созидалъ. Онъ тратилъ огромныя суммы, чтобы вывѣдывать тайны кабинетовъ, дворовъ, наконецъ семейныя, и, владея ими, являлся всевѣдущимъ чародѣемъ, наводя ужасъ на однихъ, дѣлаясь необходимымъ для другихъ и въ томъ числѣ для своего государя, который полагалъ, что въ этомъ и состоитъ искусство государственнаго управленія; презирая его лично по нравственнымъ ка-

чествамъ, онъ считалъ этого новаго Мазарини необходимымъ для государства.

Князь Меттернихъ не затруднялся ни въ выборѣ людей, ни въ выборѣ средствъ. Такимъ образомъ онъ приобрѣлъ дорогою цѣною Генца; блестящій талантъ этого государственнаго чловека и обширныя свѣдѣнія равнялись только съ его пороками, передъ которыми иногда даже самъ Меттернихъ призадумывался, но потомъ, махнувъ рукой, говаривалъ со своей обычной милой улыбкой: — Пусть его! Чѣмъ невозможное онъ для другихъ, тѣмъ крѣпче будетъ держаться за меня.

Князь Меттернихъ поглотилъ несмѣтныя суммы и своего государства, и другихъ, и собственныя свои. Гервинусъ исчислялъ въ нѣсколько милліоновъ суммы, полученныя имъ отъ Франціи въ 1814 году, и выгоды отъ французскаго займа 1817—18 годовъ. А вознагражденія за многочисленныя мирныя и торговыя трактаты; за доставленіе свѣдѣній великимъ державамъ и покровительство малыхъ; а пенсіи и подарки такіе, напримѣръ, какъ Іоганнисбергъ! Независимо отъ всего этого, онъ довелъ расходы на тайную полицію, внутреннюю и внѣшнюю, до 13 милліоновъ гульденовъ въ годъ, въ которыхъ никому не отдавалъ отчетовъ. Наполеонъ назвалъ его въ глаза взяточникомъ; Александръ зналъ это лучше другихъ; король прусскій, Веллингтонъ, Россель, Каннингъ, Штейнь, Каподистрія отзывались о немъ съ негодованіемъ и презрѣніемъ¹⁾.

Неистощимый въ изворотливости, князь Меттернихъ въ крайнихъ случаяхъ прибѣгалъ подъ защиту конференцій или конгрессовъ. Тутъ онъ стоялъ на почвѣ болѣе твердой. Для него конгрессы важны были еще потому, что происходили на германской почвѣ и большею частію въ австрійскихъ владѣніяхъ, а это придавало ему особое значеніе; и на этотъ разъ онъ предлагалъ собрать конференцію въ Вѣнѣ, но, по настоянію императора Александра, рѣшено было вести переговоры въ Петербургѣ.

Австрія, Франція и Пруссія изъявили немедля свою готовность участвовать въ конференціяхъ; но Англія медлила. Съ одной стороны, кабинетъ Каннинга не желалъ связывать своей политики никакими обязательствами, ни входить въ коллективныя

¹⁾ Изъ книгъ, напечатанныхъ о Меттернихъ, можно составить цѣлую библіотеку. Въ числѣ панегиристовъ, не отвергающихъ, впрочемъ, его господствующихъ пороковъ, назовемъ Биндера; въ противоположность ему, Гормайра (Kaiser Franz und Metternich, 1848). Любопытны секретныя акты, захваченныя при взятіи Милана и издачныя итальянцами.

соглашенія; съ другою — ему не хотѣлось допустить Россіи до войны съ Турціей. Конечно, въ этомъ случаѣ Меттернихъ стоялъ зоркимъ стражемъ у *высокаго порога Порты*, но Каннингъ, не вѣрилъ Меттерниху и боялся его измѣны. При такихъ обстоятельствахъ, англійскій кабинетъ рѣшился дать согласіе своему представителю только присутствовать при конференціяхъ, не участвуя въ рѣшеніяхъ и, принимая ихъ къ свѣдѣнію (*ad referendum*), сообщать обо всемъ происходящемъ въ Лондонѣ; это значило наложить тормозъ на весь ходъ дѣла, которое и безъ того, по своему составу, не могло идти быстро. Не смотря на то, Александръ согласился открыть переговоры, надѣясь, что проработавъ, наконецъ, восторжествуетъ; канцелярія работала усердно: отвѣтъ англійскаго кабинета послѣдовалъ только въ декабрѣ 1823 года; а въ началѣ 1824 года (9 генв.) уже была составлена и разослана членамъ конференціи записка по дѣламъ Греціи. — Представители своихъ дворовъ, не исключая и англійскаго, остались довольны умѣренностію требованій императора Александра и не могли не согласиться, что основаніемъ ихъ служила одна мысль — облегчить участь христіанъ на Востоцѣ, совершенно чуждая всякихъ личныхъ, честолюбивыхъ замысловъ. Александръ требовалъ независимости Греціи въ дѣлахъ внутренняго управленія, невмѣшательства въ нихъ со стороны турокъ, и наконецъ того, чтобы правители греческихъ областей избирались изъ своей среды; онъ не думалъ отдѣлять Грецію отъ общаго состава владѣній султана, но хотѣлъ дать ей устройство, подобное тому, какое существовало въ Придунайскихъ княжествахъ.

Повидимому, начало благопріятствовало дипломатической работѣ. Каннингъ объявилъ нашему послу въ Лондонѣ, графу Ливену, что если мы возобновимъ непосредственныя сношенія съ Константинополемъ, отправивъ своего представителя къ Портѣ, то онъ уполномочитъ Бегота при с.-петербургскихъ конференціяхъ. Въ то же время, онъ сообщилъ, что Порта торжественно заявила англійскому послу свое обѣщаніе вывести войско изъ княжествъ. Желая скорѣе достигнуть положительныхъ результатовъ, императоръ согласился назначить посланника въ Константинополь, и конференціи, въ которыхъ принялъ участіе и Беготъ, торжественно были открыты 5 іюня 1824 года.

Назначенный посланникомъ въ Константинополь, Рибоьеръ, былъ, однако, остановленъ кабинетомъ въ Петербургѣ сколько потому, что турки все еще не приступали къ исполненію обѣщаній относительно княжествъ, столько и потому, что въ это время были получены извѣстія о взятіи турецко-египетскими войсками Писары. Оно сопровождалось такими неслыханными

варварствами, что даже самые туркофилы были поражены ужасомъ и какимъ-то недоумѣніемъ. Только князь Меттернихъ не останавливался передъ подобными событіями; онъ, напротивъ, усилилъ свою тайную работу въ Петербургѣ, и послѣдствіемъ ея было то, что, подѣ предлогомъ успѣшнаго дѣйствія въ Константинополѣ, а въ сущности, въ угоду австрійскаго и англійскаго кабинетовъ, императоръ поручилъ аккредитовать находившагося въ Константинополѣ Минчаки повѣреннымъ въ дѣлахъ при Портѣ, впредь до отправленія Рибоьера. За тѣмъ, государь отправился въ дальнюю свою поѣзду на Уралъ.

По возвращеніи своемъ, онъ нашелъ дѣла измѣнившимися, — но еще къ худшему. Во первыхъ, — во всѣхъ англійскихъ, а потомъ и французскихъ журналахъ, былъ помѣщенъ урывками, въ искаженномъ видѣ, извѣстный меморій, отъ 9 января 1824 года, по греческимъ дѣламъ. Онъ былъ напечатанъ съ видимою цѣлю возбудить противъ Россіи негодованіе христіанъ, которые возлагали на нее всѣ надежды, и дѣйствительно цѣль была достигнута. Греки протестовали противъ вмѣшательства союзниковъ и просили покровительства и помощи исключительно одной Англій. Во вторыхъ, — кабинетъ Каннинга дѣйствовалъ иначе. Онъ не приносилъ въ жертву Турціи интересовъ Греціи, но увлекаемый народнымъ движеніемъ, старался снискать ея симпатію. Правда, онъ не зналъ, на что ему рѣшиться въ подобномъ положеніи, не желая предпринять что-либо въ пользу грековъ, безъ союзниковъ, но никакъ не желалъ уступить кому нибудь первенствующую роль въ этомъ дѣлѣ. Дѣйствія же Беготи онъ рѣшительно порицалъ и заявилъ, что оставляетъ конференціи. Самая цѣль поѣздки въ Россію Стратфорда-Каннинга, назначеннаго посломъ въ Константинополь вмѣсто Странфорда, которымъ были недовольны въ Лондонѣ, также приняла другой оборотъ; сначала ему, какъ лицу близкому къ первому министру по родственнымъ и служебнымъ отношеніямъ и уже знакомому съ дѣлами Турціи, гдѣ онъ былъ секретаремъ посольства, поручалось заѣхать въ Петербургъ, именно съ тѣмъ, чтобы придти къ какому либо соглашенію между двумя кабинетами въ дѣлахъ восточныхъ и дѣйствовать за одно въ Константинополѣ: такъ доносилъ Ливень изъ Лондона; но потомъ ограничили его порученіе только дѣлами по протесту Англій относительно нашего американскаго берега. Стратфордъ-Каннингъ, которому суждено было играть такую важную и пагубную роль въ дѣлахъ Востока, пріѣхалъ въ Петербургъ именно въ то время, когда открылись новыя конференціи, безъ участія Англій (въ февралѣ 1825 г.); недовольный исходомъ возложен-

наго на него порученія по американскимъ колоніямъ, онъ уже тогда, своимъ положеніемъ, которое сразу занялъ по уму и знаніямъ въ дипломатическомъ корпусѣ, дѣйствовалъ на ходъ конференціи, хотя, конечно, неявно. Какъ бы-то ни было, но предложеніе нашего кабинета, состоявшее въ томъ, чтобы предъ-явить извѣстное уже рѣшеніе обоимъ враждующимъ націямъ— Турціи и Греціи, и, въ случаѣ несогласія какой либо изъ двухъ сторонъ, прервать съ нею всѣ сношенія и даже понудить къ соглашенію, — это предложеніе не было принято ни одною изъ державъ, вслѣдствіе чего Александръ приказалъ объявить, что конференціи прекращаются, и онъ предоставляетъ себѣ полную свободу дѣйствовать, какъ сочтетъ нужнымъ, помимо союзниковъ.

Казалось бы, послѣ этого, не оставалось другого образа дѣйствій, какъ прибѣгнуть къ оружію; такъ думали многіе, и въ Европѣ даже утверждали, что поѣздка Александра въ Таганрогъ служила только предлогомъ для осмотра южной арміи, готовой къ выступленію. Но государь, повидимому, еще ни на что не рѣшился и приказалъ спросить мнѣніе нѣкоторыхъ изъ своихъ представителей при иностранныхъ державахъ — именно, Поццо-ди-Борго, Ливена, Алопеуса и Татищева.

IV.

Таково было положеніе дѣлъ турецкихъ, и едва ли не худшее — дѣлъ персидскихъ, когда на престолъ вступилъ императоръ Николай Павловичъ, который, до того времени, изъ всѣхъ отраслей государственнаго управленія, конечно, менѣе другихъ занимался иностранной политикой. Онъ, однако, изъ первыхъ представленныхъ ему работъ министерства удостовѣрился въ односторонности его направленій, нерѣшительности и внѣшнемъ влияніи иностранныхъ державъ, а потому обратился къ самымъ источникамъ, — депешамъ нашихъ посланниковъ при иностранныхъ державахъ. Къ счастью, одною изъ первыхъ попался ему отвѣтъ нашего посла при французскомъ дворѣ на циркуляръ графа Нессельроде, — отвѣтъ, полученный за нѣсколько дней до смерти Александра. Въ ней отразился весь свѣтлый умъ Поццо-ди-Борго. Какъ соколъ, спущенный наконецъ съ руки охотника, онъ понесся прямо и неудержно къ цѣли; съ высоты, недосыгаемой для другихъ, окинулъ онъ поле дѣйствія, и указывая на враговъ, поражалъ ихъ перомъ своимъ. Онъ писалъ, что Россія, въ томъ положеніи, въ которомъ заявила себя передъ Европой, уклонившись отъ нея и предоставивъ себѣ полную свободу дѣйствій,

конечно, поставить ее въ недоумѣніе, но это только на первое время. Европейскія державы, руководимы княземъ Меттернихомъ, проникающимъ во всѣ тайны кабинетовъ путями темными, ему одному доступными, скорѣе поймутъ настоящее значеніе «нашей свободы дѣйствій»; если она, хотя временно, обратится въ бездѣйствіе, они будутъ очень довольны имъ, и постараются воспользоваться обстоятельствами, чтобы отучить Европу обращаться за разрѣшеніемъ международныхъ вопросовъ въ Россію. А что однажды утрачено, то не легко возвращается. Положеніе наше на материкѣ не то, что Англіи на острову; при томъ же, у нея есть и другіе пути преобладанія — ея богатства, торговля, узаконенія, соблазняющія другіе народы. У насъ только одна сила матеріальная. Нужно, чтобы негодование наше противъ союзниковъ выразилось не однимъ пассивнымъ молчаніемъ, но и мѣрами болѣе существенными.

Поццо-ди-Борго, вмѣстѣ съ тѣмъ, радовался временному разрыву нашему съ Союзомъ, который принесъ существенную пользу для другихъ, но не для насъ: Англія, напимѣръ, пользуясь затишьемъ, охраняемымъ союзниками, не только устроила и умиротворила взволнованное и потрясенное состояніе страны, но успѣла развить свою торговлю и промышленность до того, что не только уплатила важную часть изъ несмѣтныхъ долговъ, но опять стала изобиловать накопившимися капиталами.

Австрія ни минуты не стѣсняется обязательствами Союза, когда рѣчь идетъ не о ея матеріальныхъ пользахъ, или не задѣты ея политическія цѣли; такимъ образомъ, она оставила на рукахъ другихъ дѣла Португаліи и Бразиліи. Въ распрѣ же нашей съ Турціей, въ кровавомъ уничтоженіи грековъ, она стала ревностной сторонницей Турціи, и, если участвуетъ въ конференціяхъ и старается продлить ихъ, то только для того, чтобы удержать насъ отъ болѣе рѣшительныхъ мѣръ и дать время Портѣ расправиться съ несчастными христіанами. Она составляетъ для турокъ планъ кампаніи, посылаетъ къ нимъ своихъ офицеровъ, въ качествѣ руководителей и наставниковъ, даетъ такія инструкціи своему флоту на Адриатическомъ морѣ, которыя возмущаютъ весь христіанскій міръ. Поццо-ди-Борго, подобно Каподистріи, вполне проникъ двуличную политику князя Меттерниха; зорко слѣдя за нимъ, онъ указалъ, что еще при началѣ греческаго возстанія, въ бытность англійскаго короля въ Ганноверѣ, Меттернихъ видѣлся съ нимъ и съ Кестельри и условился не допускать Россію къ вмѣшательству въ дѣла Греціи. Извѣстно также было, что во время самыхъ конференцій въ Петербургѣ, онъ, подѣ предлогомъ болѣзни жены, пріѣзжалъ въ

Парижъ и старался всячески возбудить французскій кабинетъ противъ предложенія Александра. Священный союзъ служилъ Австріи щитомъ отъ внутреннихъ потрясеній и вѣшнихъ враговъ; пользуясь только имъ, она приобрѣла такое сильное вліяніе въ Европѣ, которое рушилось, какъ скоро отклонился отъ нея главный союзникъ.

Пруссія также воспользовалась поддержкою Союза. Оставаясь въ сторонѣ отъ пожертвованій, которыя онъ требовалъ отъ другихъ, она успѣла залечить раны, нанесенныя кровопролитною и продолжительною войною, и совершить свои обширныя и общепользныя реформы внутри государства.

Что касается до Франціи, то Союзъ ей напоминаетъ времена ея униженія; она охотно оставила бы его, но слабость и нерѣшительность кабинета и двора не дозволяютъ ей слѣдовать самостоятельной политикѣ.

Если Поццо-ди-Борго не говоритъ, что Россія, стоявшая въ послѣднее десятилѣтіе на стражѣ спокойствія Европы, въ полномъ вооруженіи, такъ дорого ей стоявшемъ, не только не извлекла нивакой пользы отъ своего союза, какъ ясно показали турецкія дѣла, но возбудила явное негодованіе народовъ и скрытую зависть правительствъ, — если Поццо-ди-Борго не высказываетъ этой мысли, то ясно даетъ ее выразумѣть.

Затѣмъ, онъ обращается непосредственно къ мѣрамъ, которыя Россія обязана принять — «для возстановленія достоинства, правъ и интересовъ, поправныхъ насиліемъ Турціи». Онъ предлагаетъ представить Портѣ ультиматъ, назначивъ самый короткій срокъ для отвѣта, а въ случаѣ отказа въ удовлетвореніи нашихъ требованій — двинуть войска въ княжества, и выгнать оттуда турокъ. Такъ какъ въ этомъ случаѣ не со стороны Турціи можно ожидать серьезнаго сопротивленія и преграды, но отъ вмѣшательства европейскихъ державъ, то Поццо-ди-Борго, со всею тонкостію ума и знаніемъ дѣла, разбираетъ ихъ политику и военныя силы, и приходитъ къ тому заключенію, что ни одна изъ державъ не заинтересована достаточно, не приготовлена къ тому, чтобы рѣшиться дѣйствовать противъ насъ открыто, кромѣ развѣ Австріи, которая, конечно, приметъ дипломатическія мѣры для удержанія нашихъ войскъ отъ перехода черезъ Прутъ и, можетъ быть, станетъ вооружаться, а потому, Поццо совѣтуетъ, оставивъ на Дунаѣ только обсерваціонный корпусъ, быть на-готовѣ на юго-западной границѣ, чтобы ринуться всѣми силами на Австрію и съ разу порѣшить съ нею, прежде чѣмъ начать дальнѣйшія военныя дѣйствія противъ Турціи. Но онъ заранѣе предсказываетъ, что вѣнскій кабинетъ не

допустить до этого и ограничить свои дѣйствія изворотливостью, интригами и, такъ-называемой, нравственной поддержкой или тайной помощью Турціи, что, конечно, не принесетъ ей существенной пользы противъ такого врага, какъ Россія.

Полученный въ то же время отъ графа Ливена отвѣтъ служилъ подтвержденіемъ убѣдительныхъ доводовъ Поццо-ди-Борго; нашъ посолъ въ Лондонѣ положительно доказывалъ, что Англія не рѣшится дѣйствовать силою, въ случаѣ войны съ Турціей. Алопеусъ, бывший тогда въ Петербургѣ, ручался за союзъ Пруссіи, да и самъ государь вполне былъ въ немъ увѣренъ. Только отъ Татищева, изъ Вѣны, получены были свѣдѣнія неопредѣлительныя, уклончивыя; онъ говорилъ, что, конечно, Австрія будетъ поражена объявленіемъ войны съ Турціей, что война задѣнетъ ближайшіе ея интересы, но что едва ли императоръ рѣшится двинуть войска на защиту своей союзницы; вообще, прибавляетъ онъ, *трудно предвидѣть все случайности* этого неожиданнаго оборота дѣлъ.

Императоръ Николай I, со всею впечатлительностью ума, чуждаго политическихъ предубѣжденій, усвоилъ себѣ воззрѣніе Поццо-ди-Борго. Онъ ожидалъ обычнаго, по случаю восшествія на престолъ, съѣзда представителей европейскихъ державъ, зная, что въ числѣ ихъ будутъ вліятельнѣйшіе люди государствъ; съ ними хотѣлъ онъ предварительно обусловить нѣкоторыя обстоятельства сдѣланныхъ имъ рѣшеній. Къ тому же, онъ не могъ не замѣтить перемѣны въ дѣйствіяхъ англійскаго кабинета, начинавшаго склоняться къ нашей политикѣ въ греческомъ вопросѣ и предвидѣлъ возможность воспользоваться ею.

Два обстоятельства содѣйствовали къ такой перемѣнѣ: во-первыхъ, англійскій кабинетъ былъ особенно возмущенъ одною изъ варварскихъ мѣръ Порты, которая рѣшилась переселить часть египтянъ на земли Греціи, на мѣста истребленныхъ и выселенныхъ въ Азію и Африку ея жителей, и такимъ образомъ грозила образовать со временемъ новое мусульманское государство въ центрѣ Европы. Во-вторыхъ, продолжительная борьба грековъ волновала единовѣрныхъ имъ жителей Ионическихъ острововъ — а главное, начинала сильно вредить ея торговлѣ на Средиземномъ и Черномъ моряхъ; наконецъ, покровительство, котораго просили отъ нея греки, хотя и льстило ея тщеславію, тѣмъ не менѣе налагало на нея нѣкоторыя нравственныя обязанности. Отказавшись отъ фактическаго вліянія на страну, правительство, увлекаемое общественнымъ мнѣніемъ всей страны, могло оставаться въ бездѣйствіи. Былъ и еще одинъ поводъ ижеженія. Каннингъ, подобно императору Александру I-му въ

послѣдніе годы его царствованія, смотрѣлъ съ недовѣріемъ, негодованіемъ—чтобы не сказать болѣе—на двуличную политику князя Меттерниха и желалъ окончательно расторгнуть Священный союзъ. Вотъ что, между прочимъ, писалъ онъ къ лорду Ливерпулю: «Ясно, что князь Меттернихъ не признаетъ никакой законности, и что съ нимъ рука-объ-руку идти нельзя; можно быть заранѣе и вполне увѣреннымъ, что онъ измѣнитъ намъ; это не только его обычный способъ дѣйствій, но, въ данномъ случаѣ — его гордость и счастье» ¹⁾).

Желая изгладить непріятныя впечатлѣнія, возбужденныя въ нашемъ кабинетѣ послѣдними сношеніями англійскихъ представителей и поднять греческій вопросъ, Каннингъ рѣшился предложить предстоявшее экстренное посольство въ Петербургъ герцогу Веллингтону, столь высоко стоявшему въ общественномъ мнѣніи всей Европы, русскому фельдмаршалу, лично извѣстному императору Николаю, который пользовался его радушнымъ приемомъ и руководствомъ во время пребыванія въ Лондонѣ. Веллингтонъ, не смотря на противность своихъ убѣжденій съ кабинетомъ виговъ, принялъ это порученіе, ради его цѣли, и по чувству глубокой привязанности къ усопшему императору, праху котораго желалъ отдать послѣдній долгъ.

Не менѣе разборчивости въ выборѣ своихъ представителей показали и другія державы, чтобы почтить память великаго императора. Такимъ образомъ, петербургскій съѣздъ представлялъ самый удобный случай для политическихъ переговоровъ. Князь Меттернихъ, подозрѣвая, что герцогъ Веллингтонъ можетъ имѣть какія либо особыя порученія, настоялъ, чтобы былъ противопоставленъ достойный ему соперникъ, и выборъ палъ на герцога Фердинанда Эстъ, внука Маріи Терезіи, пользовавшагося извѣстностью умнаго и ловкаго дипломата, участника войнъ противъ Наполеона, въ которыхъ онъ, впрочемъ, ознаменовалъ себя только несчастіями. Король Фридрихъ Вильгельмъ III, этотъ вѣрный и преданнѣйшій другъ Александра, отправилъ сына своего Вильгельма (брата императрицы), особенно привязаннаго къ императору Николаю Павловичу. Послѣ него пріѣхалъ герцогъ Мекленбургъ-Шверинскій; мужъ сестры императрицы, Леопольдъ, впоследствии герцогъ Баденскій, ближайшій родственникъ овдовѣвшей Елисаветы; онъ не успѣлъ за распутицей встрѣтить ее на возвратномъ пути и уже привѣтствовалъ гробъ ея! Принцъ Оранскій, впоследствии король Голландіи, мужъ великой княгини Анны Павловны, пріѣхалъ по собственному искреннему влеченію;

¹⁾ Stapleton, Canning and his times.

онъ, можно сказать, обожалъ покойнаго императора. Представителемъ Франціи былъ Сенъ-При (Saint-Priest); Баваріи — извѣстный фельдмаршалъ князь Вреде; не станемъ называть другихъ.

Скажемъ вкратцѣ, что изъ всѣхъ посѣтителей, привѣтливѣе и съ болѣею любовью принимали какъ въ обществѣ, такъ и въ народѣ, принца Оранскаго. Еще помнили его недавній пріѣздъ въ Петербургъ, дружбу къ нему Александра; видѣли его глубокую скорбь и безусловно сочувствовали ей. Веллингтонъ, въ своемъ русскомъ фельдмаршалскомъ мундирѣ, очень неловко на немъ сидѣвшемъ, привлекалъ къ себѣ общее вниманіе; но его некрасивый видъ и еще болѣе сухіе, холодныя, гордые приемы не снискивали ему большого расположенія ¹⁾.

Переговоры между Нессельроде и герцогомъ Веллингтономъ велись тайно, хотя и дѣятельно, судя по обширнымъ меморіямъ, представляемымъ англійскимъ посломъ при собственноручныхъ запискахъ и не менѣе пространныхъ отвѣтахъ. Но за этими переговорами велись другіе, болѣе существенныя, личныя, между государемъ и герцогомъ Веллингтономъ. А потому, если политическій миръ и былъ изумленъ неожиданностью посланной отъ русскаго двора и переданной Портѣ изъ рукъ Минчаки рѣшительной ноты, то вовсе не противодѣйствовалъ ей, не зная, что за нею находится другой дипломатическій актъ. Напротивъ, Стратфордъ-Каннингъ и особенно Меттернихъ побуждали верховнаго визиря согласиться на умѣренныя требованія русскаго кабинета, — благо, что въ нихъ ничего не говорилось о Греціи, отъ которой всячески старались отклонить вліяніе Россіи. На этотъ разъ, Турція отвѣчала очень любезно. Княжества были, наконецъ, очищены отъ ея войскъ, и несчастныя сербскіе депутаты, томившіеся столько времени въ заточеніи, освобождены. Болѣе того, рѣшено было назначить съѣздъ обоюдныхъ уполномоченныхъ для окончанія вопросовъ, возбужденныхъ неопредѣлительностью бухарестскаго трактата, заключеннаго въ 1812 году наскоро, по случаю тогдашней европейской войны; о нихъ заявлялъ уже нѣсколько разъ Портѣ баронъ Строгановъ, въ бытность свою въ Константинополѣ.

Уполномоченными назначены были съ нашей стороны Новоросійскій генераль-губернаторъ графъ Воронцовъ и Рибопьеръ, со стороны Турціи — Мегемедъ-Хади и Ибрагимъ-Афеть. Мѣстомъ съѣзда избранъ пограничный городъ Акерманъ.

Графъ Воронцовъ, съ обширнымъ образованіемъ, умомъ тон-

¹⁾ Histoire intime de la Russie etc., par J. H. Schnitzler. Par. 1847.

кимъ, гибкимъ, соединялъ въ себѣ качества англійскаго джентльмена и русскаго вельможи. Онъ былъ дипломатъ, если не по службѣ, то по способностямъ. Александръ Павловичъ хорошо зналъ это, поручая ему щекотливую обязанность командующаго русскимъ отрядомъ въ занятой послѣ примиренія европейскими войсками Франціи. Графъ Воронцовъ доказалъ вполне, что оба государя не ошиблись въ выборѣ. Стремясь достигнуть исполненія существа дѣла, онъ съ ловкостью избѣгалъ всего, что могло унижить гордость турокъ какъ въ изложеніи своихъ домогательствъ, такъ и въ обращеніи съ представителями Порты. Конечно, 80,000 армія поддерживала его требованія, но все-таки быстрое исполненіе возложеннаго на него порученія превзошло ожиданіе. Достоинство Россіи было восстановлено; покровительство наше надъ тремя княжествами упрочено; сербскіе депутаты не только были освобождены, но турецкіе министры должны были войти съ ними въ сношенія для разбора ихъ жалобъ; довѣріе христіанъ въ Россіи возвратилось. Потери нашихъ подданныхъ по торговлѣ, или непосредственно отъ грабежей турокъ происшедшія, должны были вознаградиться Портой въ самомъ непродолжительномъ времени. Наконецъ, опредѣлены пограничные пункты по западную сторону Чернаго моря. Что же касается до восточной азіатской границы, то рѣшено было устроить ее впоследствии, по обоюдному обсужденію.

Порта согласилась на всѣ эти условія *совершенно добровольно*, даже по *собственному побужденію*, желая доказать полное согласіе со своимъ добрымъ сосѣдомъ и постоянную въ нему дружбу, а между тѣмъ возбуждала Персію къ открытой противъ насъ войнѣ и, конечно, готова была воспользоваться всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы прервать эту *постоянную* дружбу; но, въ то время, какъ увидимъ, она была слишкомъ занята у себя дома, а потому ей необходимо было обезопасить себя со стороны Россіи.

Какъ скоро ратификованы были эти условія, сдѣлался извѣстнымъ и протоколъ, подписанный между герцогомъ Веллингтономъ и графомъ Нессельроде, 23 марта (4 апрѣля) 1826 года, почти наканунѣ выѣзда Веллингтона изъ Петербурга (онъ выѣхалъ 6 апрѣля). Этотъ протоколъ относился собственно до устройства греческихъ дѣлъ и послужилъ основаніемъ извѣстной конвенціи 1827 г., въ которой приступила и Франція.

Князь Меттернихъ былъ внѣ себя отъ негодованія, когда узналъ о существованіи этого протокола: депеша его къ Лебцельтерну ясно свидѣтельствуетъ о томъ. Если онъ не препятствовалъ амерманскимъ переговорамъ, то только въ увѣренности,

что Россія навсегда устранила себя отъ дѣлъ Греціи. Онъ попытался—было повторить русскому кабинету рутинную фразу, которою привыкъ пугать монархическія правленія, что греки—бунтовщики своего законнаго повелителя, и покровительствуя имъ, мы потворствуемъ революціонерамъ вообще и своимъ особенно; но государь былъ увѣренъ, что покончилъ со своими навсегда, и Меттернихъ потерпѣлъ сильное дипломатическое пораженіе. Австрія очутилась по дѣламъ Греціи единственнымъ союзникомъ Турціи, которой не могла оказать существенной помощи.

Прежде, однако, чѣмъ приступимъ къ изложенію дѣлъ въ Греціи, мы, слѣдуя, по мѣрѣ возможности, хронологическому порядку, должны обратиться къ враждебнымъ дѣйствіямъ, уже обнаруженнымъ Персией.

V.

Къ несчастію, для насъ «восточный вопросъ» не ограничивается одною турецкою имперіей, но простирается на Персію, переходитъ въ среднюю Азію и нѣкогда разразится на крайнемъ востокѣ. Онъ и теперь раздѣдаетъ, какъ ржавчина, самостоятельность двухъ сильныхъ государствъ, съ тѣмъ, чтобы сдѣлать ихъ предметомъ европейскаго соперничества, и намъ, можетъ быть, придется выдерживать и тамъ сильную борьбу общей къ намъ зависти и недоброжелательства.

Вліяніе на Персію тѣсно связано съ нашими интересами. Не матеріальная сила ея имѣетъ для насъ значеніе, ни даже ея частыя предательства, и не тѣ, наконецъ, религіозныя и племенные отношенія, которыя мы призваны защищать въ Турціи. Въ Персіи только армянское населеніе связано съ нами религіозными узами, признавая главою своей церкви Эчміадзинскаго патріарха-католикоса; но ихъ не болѣе 100 тыс., и они пользуются отъ правительства совершенной свободой исповѣданія; если ихъ нужно защищать, то развѣ отъ миссій—католическихъ и реформатскихъ.

Персія, не смотря на свое десяти-милліонное населеніе, разсѣянное на огромномъ пространствѣ, но связанное единствомъ религіи ¹⁾, не смотря на свою постоянную армію, часть которой, подобно турецкой, устроена по наружному виду по-европейски, усиліями Франціи и Англіи, не смотря на постоянныя субсидіи, выдаваемыя послѣднею при всякой войнѣ съ нами,—Пер-

¹⁾ Изъ числа 10 м. магометанъ можно считать 7 м. шиитовъ и менѣе 3 м. суннитовъ; гебровъ, армянъ, евреевъ и др. менѣе полу-милліона.

сія, сама по себѣ, представляетъ сосѣдство еще менѣе опасное, чѣмъ Турція. Между османами сохранился религиозный фанатизмъ, которымъ, какъ опиумомъ, разжигаютъ дикія страсти, хотя временно; еще осталась суевѣрная привязанность къ династии и вѣра въ ея сверхъ-естественное происхожденіе. У персіанъ и того нѣтъ: мечемъ пріобрѣтается право на престолъ, и слабостію утрачивается оно; такъ было не разъ. Народъ не принимаетъ участія въ переворотахъ и покоряется первому смѣльчаку, которому удастся захватить шахскую казну, главнѣйшее, если не единственное выраженіе верховной власти въ Персіи. Случалось шаху оставлять народную вѣру и обращаться въ суннитство, столь ненавистное для персіанъ, и народъ покорялся иновѣрцу. Если бы Иранъ не имѣлъ своихъ страницъ исторіи, своихъ остатковъ цивилизаціи, его можно было бы причислить къ тѣмъ средне-азіатскимъ ханствамъ, которыя, подобно движущимся пескамъ пустынь въ Африкѣ и Азіи, по волѣ вѣтра, переносятся съ мѣста на мѣсто, измѣняя свою форму и сбивая съ пути довѣрчиваго путника. Персія, то расширялась до предѣловъ Индіи, внося въ нее разрушеніе, подчиняя себѣ Бухару, Хиву, Белуджистанъ и др. (при Надиръ-шахѣ), то, терзаемая на клочки сосѣдними ханствами, сжималась и едва держалась въ своихъ внутреннихъ провинціяхъ.

Персія имѣетъ для насъ значеніе иного рода. Во-первыхъ, опираясь на южное побережье Каспійскаго моря, на судоходство по которому съ завистью засматриваются англичане, она можетъ соблазниться иностранными предложеніями. Правда, въ силу трактатовъ, мы одни имѣемъ право свободнаго на немъ плаванія, какъ бы на морѣ, внутри имперіи находящемся; но что значать трактаты для азіатцевъ! Во-вторыхъ, по географическому положенію своему, она не могла не имѣть въ то время вліянія на наши закавказскія владѣнія, находившіяся въ постоянномъ броженіи, и можетъ современемъ дѣйствовать на наши новыя средне-азіатскія владѣнія, еще не окрѣпшія въ своихъ границахъ, особенно черезъ посредство туркменскихъ ордъ, подданныхъ обоимъ государствамъ, но, въ сущности, признающихъ то, которое считаютъ для себя въ данную минуту болѣе выгоднымъ, или не признающихъ никакого. Въ-третьихъ, въ настоящее время Персія служитъ препятствіемъ къ слитію во едино огромнаго магометанскаго населенія сунни, которое бы безъ того простиралось сплошною массою до внутреннихъ провинцій Индіи, гдѣ нашло бы до 15. мил. своихъ единовѣрцевъ, и въ Китай, гдѣ, по послѣднимъ извѣстіямъ, число магометанъ достигаетъ той же цифры. Христіанскому міру уже

грозила опасность таковаго слитія. Надиръ - Шахъ питалъ мысль соединить мусульманъ въ одно цѣлое, и для этого присоединился въ большинству вѣройсповѣданій, оставивъ религію предковъ. Въ глазахъ же англичанъ, Персія представляла наибольшую важность для насъ, какъ единственный будто бы путь въ Индію. Они не могутъ забыть союза консула Бонапарта съ императоромъ Павломъ I, въ силу котораго русскія войска должны были двинуться въ Индію; и вѣрять въ непогрѣшимость расчета «великаго генерала», по которому русскія войска, опираясь на Астрабадъ у Каспійскаго моря, могутъ оттуда достигнуть въ 40 дней предѣловъ индійскихъ владѣній: вотъ причина той раздражительности, соперничества, наконецъ, всей политики Англій, которая тщетно усиливается приобрѣсти тоже вліяніе въ Тегеранѣ, какъ и въ Константинополѣ, тѣхъ щедрыхъ субсидій, которыя расточала она Персіи во время ея частыхъ войнъ съ нами.

Теперь это послѣднее значеніе утратило прежнюю важность. Наши владѣнія уже не отдѣляются отъ англійской Индіи прежними безводными пустынями, и если остались между ними громады горъ, то путешествіе въ Кашгаръ и изслѣдованія замѣчательнаго и въ высшей степени предприимчиваго молодого человѣка, въ несчастію такъ рано умершаго Велиханова, со стороны Россіи, и Шлигентвейта со стороны Индіи (въ Кашгаръ же, гдѣ онъ погибъ), и послѣдовавшія открытія русскихъ путешественниковъ убѣдили, что эти горы не непроходимы. Такимъ образомъ, является другой путь, тотъ путь, о которомъ мечталъ еще великій Петръ, снаряжая свою экспедицію для открытія на югѣ Азіи сокровищъ металловъ, и отыскивая новые пути для привлеченія въ Россію торговли.

Прежняя, еще недавняя политика, обусловленная петербургскимъ и лондонскимъ кабинетами, состояла въ томъ, чтобы между азіатскими владѣніями обоихъ государствъ оставались огромныя, такъ сказать, нейтральныя пространства съ ихъ полуочующими дикими обитателями. Политика эта, возможная только въ теоріи, рушилась. Условія дипломатіи уступили мѣсто непреложному закону природы. Цивилизація подвигаясь съ юга, со стороны Индіи, и съ сѣвера, съ нашихъ границъ, мало по малу вытѣсняетъ варварскія племена, или водворяетъ между ними гражданственность, повсюду за собою прокладываетъ пути торговли, оберегая ихъ военною силою и такими обязательствами взаимной безопасности, которымъ, волею или неволею, должны подчиняться самые ханы, жившіе до сихъ поръ грабежами сосѣдей, насиліемъ и истязаніемъ своихъ подданныхъ. Обѣ великія

державы, противъ воли, какъ бы по закону притяженія, идутъ на встрѣчу другъ другу. Какія будутъ политическiя послѣдствiя таковаго географическаго сближенія — неизвѣстно; но, во всякомъ случаѣ, человѣчество и образованiе отъ этого много выиграеть.

VI.

Персидскiй вопросъ перешель по наслѣдству императору Николаю Павловичу отъ предшествовавшаго царствованiя и, по времени, относится въ таковой же далекой давности, какъ и турецкiй. Причины, породившия оба вопроса, на этотъ разъ были довольно тождественны. Гюлистанскiй трактатъ, подобно буварестскому, заключень былъ на-скоро въ 1813 году; хотя онъ послѣдовалъ за славной войной съ Фетъ-Али-Шахомъ, и мы могли вполне удовлетворить свои требованiя, но то время было для насъ исполнено иныхъ, болѣе существенныхъ тревогъ и заботъ, а потому, какъ и трактатъ буварестскiй, онъ носитъ на себѣ всѣ слѣды работы спѣшной, неудовлетворительной; въ немъ оставались нѣкоторые пробѣлы, въ которые противная сторона могла вносить всякiя толкованiя, сообразно съ своими выгодами.

Въ 1816 году, персидское посольство прибыло въ Петербургъ, желая уладить по-своему пограничный вопросъ и, силою разныхъ изворотовъ и толкованiй гюлистанскаго трактата, добыть себѣ хоть часть земель со стороны карабахской области. Государя еще не было въ Россiи, а когда онъ вернулся, то все было въ такомъ упоенiи славы и величiя, кромѣ развѣ самого государя, который приписывалъ одному провидѣнiю *побѣду свѣта надъ мракомъ*, что тогда рѣшительно было не до переговоровъ, всегда продолжительныхъ съ азиатцами. Александръ рѣшительно готовъ былъ отдать имъ клочекъ земли, о которомъ шла рѣчь, но никто не хотѣлъ вникнуть въ сущность дѣла и не понималъ хорошенько, какое значенiе можетъ имѣть земля, Богъ-знаетъ гдѣ лежащая, а потому очень были рады, что нашли возможность отдѣлаться отъ навязчиваго носольства, не разрѣшая вопроса. Еще прежде рѣшено было отпустить наконецъ съ Кавказа устарѣлаго Ртищева, который давно просился оттуда. Отправляя новаго военнаго губернатора, астраханской, кавказской и грузинской губернiй и командира отдѣльнаго кавказскаго корпуса генерала-отъ-инфантерiи Алексѣя Петровича Ермолова 1-го, уполномочили его, разсмотрѣвъ дѣло на мѣстѣ, ѣхать чрезвычайнымъ посланникомъ въ Тегеранъ и порѣшить этотъ вопросъ, какъ признаетъ лучше, только безъ нарушенiя нашихъ дружескихъ

отношеній съ Персїей, и никакъ не посягая на расширеніе нашихъ владѣній.

Ермоловъ встрѣтился въ Тифлисѣ съ персидскимъ посольствомъ, принятымъ въ Петербургѣ очень милостиво и возвращавшимся съ большими надеждами. Выступая на дипломатическое поприще, онъ отбросилъ всѣ принятія условныя формы и началъ съ того, что совратилъ составленное для него посольство и опредѣленные для того издержки. Самъ писалъ большею частию бумаги, какъ къ персидскимъ властямъ, такъ и въ Петербургъ, и никогда не сдерживалъ негодованія, возбуждаемаго первыми, ни въ бумагахъ, ни при личномъ свиданіи. Ермоловъ первый заставилъ шаха отиѣнить тотъ унижительный этикетъ, которому подвергались посланники, объявивъ на отрѣзъ, что ни за что не подчинится ему. Представитель Александра дѣйствовалъ вліяніемъ его могущества, о которомъ, конечно, персидское посольство, видѣвшее приѣмъ государя по возвращеніи его изъ-за границы, успѣло поразсказать, и грозою своего имени, своей величественной фигуры и поступковъ, исполненныхъ силы, энергіи, твердости и благородства. Онъ достигъ цѣли: устрашилъ шаха, но не ублажилъ его. Онъ неуступилъ ни пяди земли, не сдался ни по одному вопросу, — шахъ радъ былъ только избавиться отъ него.

Конечно, система дѣйствія страхомъ и угрозою самая дѣйствительная на Востокѣ, гдѣ напрасно станете вы прибѣгать къ убѣжденіямъ или обращаться къ благоразумію, разсудку, логикѣ: для азіятцевъ понятны только сила и слабость — всякія доказательства, доводы признаются за выраженіе слабости. Система Ермолова, въ данномъ случаѣ, вполне удалась; но за то глубоко затаенная злоба накоплялась болѣе и болѣе, униженіе правительства иноземцемъ явилось во всеувидѣніи, и если въ народѣ сохранилась хотя малѣйшая доля самосознанія, она должна была, со временемъ, пробудиться и возстать въ неудержимой мести. Но Ермоловъ не питалъ большого уваженія къ человѣчеству вообще, и къ персіянамъ въ особенности; онъ ихъ глубоко презиралъ, и это чувство не могло не выражаться въ его дѣйствіяхъ во время управленія краемъ и способствовать, хотя частию, къ той катастрофѣ, которая впоследствии разразилась.

Петербургскій кабинетъ имѣлъ, однако, въ виду предупредить, если возможно, враждебныя столкновенія съ Персїей. Мы не могли прослѣдить, съ каковаго времени начинаются не совсѣмъ пріязненныя сношенія Ермолова съ управлявшимъ тогда министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, но знаемъ, что онѣ возникли именно по поводу персидскихъ дѣлъ. Еще въ послѣдній годъ царствованія Але-

ксандра Павловича, Нессельроде, недовольный донесеніями и дѣйствіями нашего повѣреннаго въ дѣлахъ въ Персіи, статскаго совѣтника Мазаровича, назначеннаго на этотъ постъ по указанію Ермолова и имъ поддерживаемаго, убѣдилъ государя отозвать его и предлагалъ вмѣсто его барона Мейендорфа, бывшаго въ то время въ Мадритѣ; но государь находилъ нужнымъ послать въ Тегеранъ лицо военное, одного изъ своихъ генераль-адъютантовъ съ большимъ уполномоченіемъ, такъ какъ онъ находилъ, подобно Нессельроде, что личная неприязнь Ермолова съ Аббасъ-Мирзой препятствовала переговорамъ. Онъ даже рѣшился сдѣлать нѣкоторыя уступки персіянамъ, чтобы покончить всѣ ихъ домогательства и возобновить согласіе между обѣими державами.

Императоръ Николай, слѣдуя той же миролюбивой политикѣ, отправилъ въ первые дни своего царствованія (въ январѣ 1826 года) въ Фетъ-Али-Шаху чрезвычайнымъ посланникомъ генераль-маіора князя Меншикова, какъ для обычнаго извѣщенія о вступленіи своемъ на престолъ, такъ, главное, для того, чтобы окончить пограничные вопросы и предупредить войну, хотя бы это стоило уступки съ нашей стороны части талышинскаго ханства. Нессельроде извѣстилъ, отъ 31-го января, Ермолова, что обязанности Мазаровича, какъ повѣреннаго въ дѣлахъ, прекращаются; а генераль Ермоловъ недовольный министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, просилъ избавить его на будущее время отъ всякаго вліянія на нашихъ дипломатическихъ агентовъ въ Персіи, и чтобы они, на будущее время, непосредственно сносились съ петербургскимъ кабинетомъ и вели переговоры съ министрами шаха, только по его инструкціямъ.

Между тѣмъ, все болѣе и болѣе тревожные слухи разными путями доходили изъ Персіи. Ермоловъ, извѣщая о нихъ, просилъ поспѣшнѣе прислать подкрѣпленіе. Вооруженныя, нестройныя толпы стекались къ Аббасъ-Мирзѣ, и присоединялись къ его регулярнымъ полкамъ, которые служили зерномъ этой рыхлой и непрочной массы; агенты персидскіе, разсѣявшись по нашимъ магометанскимъ провинціямъ, всюду проповѣдывали религиозную войну, возбуждали къ фанатизму и сопротивленію русскимъ властямъ. Наконецъ, въ іюлѣ того же 1826 года, огромныя полчища (въ числѣ 25-ти тысячъ) Аббасъ-Мирзы перешли Аравсъ и вторглись въ русскіе предѣлы, увлекая за собою магометанскіе народы, уже подготовленные къ возстанію противъ нашего владычества. Истребивъ нѣсколько передовыхъ постовъ, сынъ шаха паткнулся на стѣны Шуши, защищаемыя горстью храбрыхъ подъ начальствомъ полковника Реута, и не овладѣвъ ею, не смотря на всѣ усилія, двинулся къ Ели-

саветполю, и занялъ его безъ сопротивленія. Нельзя было отвѣчать за спокойствіе Грузіи и особенно Кахетіи. Тифлисъ былъ въ страхѣ, тѣмъ болѣе, что сердаръ Эриванскій съ другимъ отрядомъ подвигался со стороны крѣпости Гумры, которую оставилъ нашъ гарнизонъ, успѣвъ соединиться съ прочими мелкими постами.

Князь Меншиковъ, еще въ Тавризѣ принятый съ должными почестями, достигнувъ лагеря въ Султаніе, гдѣ находился дворъ, очутился внезапно въ безвыходномъ положеніи. Едва добился онъ аудіенціи у шаха, подвергшись самымъ тяжелымъ испытаніямъ, какъ будто на немъ хотѣли вымѣстить своеобразные приемы посольства Ермолова. Когда, представляясь шаху, кн. Меншиковъ хотѣлъ поднести ему собственноручное письмо государя, согласно своему предварительному условію съ персидскими министрами, изъ рукъ въ руки, и уже подходилъ къ трону, одинъ изъ министровъ взялъ письмо и повергъ его къ ногамъ шаха. Оскорбленный такимъ поступкомъ, кн. Меншиковъ, при выходѣ, отказался отъ предложенной ему по обычаю въ подарокъ отъ шаха лошади. Если еще персидское правительство соблюдало нѣкоторыя приличія въ отношеніи къ русскому посольству, то только потому что желало воспользоваться заключеннымъ съ Англіею трактатомъ. Въ силу этого трактата, Англія обязалась, въ случаѣ войны, возбужденной противъ Персіи какою нибудь европейскою державою (главнымъ образомъ, разумѣется, имѣлась въ виду Россія), уплачивать шаху по 200,000 томановъ въ годъ¹⁾. Но поведеніе Персіи въ этомъ случаѣ было до такой степени возмутительно, что представитель Англіи Вилловъ, находившійся въ это время въ Султаніе, объявилъ шаху, что Англія не только откажетъ въ субсидіи, но и отзоветъ своихъ офицеровъ изъ персидской арміи, если дѣло дойдетъ до войны. Между тѣмъ, послѣ тяжелыхъ переговоровъ съ министрами, кн. Меншиковъ, въ отвѣтъ на всѣ свои предложенія, получилъ короткое приглашеніе оставить Султаніе и возвратиться въ Россію, безъ всякой аудіенціи у шаха. Но не смотря на непривосновенность званія представителя государя, кн. Меншиковъ былъ задержанъ сначала въ Тавризѣ, а потомъ въ Эривани, около мѣсяца, окруженъ стражею и содержался словно плѣнникъ; его отдѣлили отъ членовъ посольства, отняли даже прислугу; сообщенія съ нимъ были прерваны, и онъ никакъ не могъ увѣдомить Ермолова ни о томъ, что узналъ дорогою о замыслахъ Аббасъ-Мирзы, ни о собственномъ своемъ положеніи, такъ что

¹⁾ Секретный трактатъ Англіи съ Персіею, 24 ноября 1814 г., п. 4.

не только въ Петербургѣ, даже въ Тифлисѣ не знали, живъ ли онъ. Когда, наконецъ, ему удалось вырваться изъ Эривани, его не допускали соединиться съ русскимъ отрядомъ, намѣреваясь ограбить дорогою. Виллоузъ, сопутствовавшій шаху до Арбедила, порицалъ явно поступки персидскихъ министровъ въ отношеніи Меншикова и содѣйствовалъ его освобожденію.

Слишкомъ явны и побудительны были причины для объявленія войны съ Персіей; тѣмъ не менѣе, императоръ Николай, въ пространной деклараціи управлявшаго министерствомъ иностранныхъ дѣлъ (16-го сентября), изложилъ со всею подробностію всѣ дѣйствія петербургскаго кабинета, при немъ и его предшественникѣ, для сохраненія мира. Государь видимо желалъ отнять всякій поводъ сомнѣваться въ искренности его политики и заподозрить его въ самолюбивыхъ видахъ, столь свойственныхъ въ молодомъ государѣ, едва вступившемъ на престолъ и обладавшемъ многочисленною и готовою къ войнѣ арміею.

Между тѣмъ какъ Ермоловъ принималъ энергическія мѣры противъ столь неожиданнаго нападенія, на него собиралась гроза съ другой стороны. Въ Петербургѣ были недовольны имъ еще прежде случившагося событія. Въ военномъ кругу — говорили, что онъ распустилъ войска, что въ нихъ нѣтъ порядка, знанія службы, выправки, нѣтъ даже дисциплины, что и одѣты они не по формѣ и съ виду не походятъ на солдатъ. Въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ — упрекали его въ крутыхъ и жестокыхъ мѣрахъ съ персіянами, а равно и съ владѣтелями покоренныхъ народовъ. Приписывали ему планы, которыхъ онъ никогда не имѣлъ. Наконецъ, упрекали его въ томъ, что онъ не принялъ никакихъ мѣръ на границахъ, не успѣлъ соединить разбросанныхъ постовъ, не усилилъ гарнизоновъ въ пограничныхъ вѣрѣстцахъ.

Конечно, на Кавказѣ войска не такъ обучены фрунтовой службѣ, какъ внутри Россіи; оно и понятно: имъ некогда; но знаніе боевой службы, своего рода образованіе солдата существовало, то образованіе, какое, по крайней мѣрѣ, по началамъ своимъ, признали нынче у насъ за единственное раціональное; Ермоловъ, въ этомъ случаѣ, былъ учителемъ опытнымъ и свѣдущимъ, въ чемъ нельзя не сознаться. Въ томъ же духѣ была и дисциплина, правда, своеобразная и въ то время можетъ быть поражавшая людей, не привыкшихъ къ ней, но теперь она кажется естественной.

Мы уже указали на его систему дипломатическихъ дѣйствій съ азіятцами вообще; скажемъ нѣсколько словъ о послѣднемъ обвиненіи. Дѣйствительно, ходила молва о сборѣ Аббасъ-Мирзой несмѣтныхъ будто бы полчищъ за Араксомъ; но на Востока такъ

привыкли недовѣрять слухамъ, которые обыкновенно, по мѣрѣ отдаленія, растутъ съ необыкновенною силою и изъ комва превращаются въ глыбу, что не мудрено, если не вполне вѣрили имъ, да и какъ можно было предположить, чтобы во время совершеннаго мира, безъ всякаго повода, даже безъ предлога, безъ предварительнаго объявленія, тогда какъ посланникъ нашъ съ мирными предложеніями находился при дворѣ шаха, когда онъ принимался съ почетомъ тѣмъ же Аббасъ-Мирзой (въ передній его путь),—этотъ принцъ крови, признанный наслѣдникомъ престола, въ противность международнымъ, даже общечеловѣческимъ правамъ, внезапно вторгнется съ нѣсколькихъ сторонъ въ наши области и, обхвативъ грабежемъ и убійствомъ мирныхъ жителей, станетъ истреблять захваченные врасплохъ посты. Ермоловъ, однако, писалъ объ опасномъ положеніи дѣлъ въ Петербургъ; требовалъ объясненій отъ Аббасъ-Мирзы въ его поступкахъ и вообще готовился къ набѣгамъ со стороны Персіи; но такого внезапнаго, быстро и въ такихъ силахъ, нападенія онъ не ожидалъ, тѣмъ болѣе, что изъ пограничныхъ мѣстъ получались свѣдѣнія хотя тревожныя, но неугрожавшія еще общею войною; при томъ же, при малочисленности вообще войскъ въ то время на Кавказѣ, при ненадежномъ состояніи горскихъ народовъ, при трудности передвиженія отрядовъ, не легко было и соединить ихъ въ одномъ мѣстѣ въ достаточномъ числѣ, особенно, если самый пунктъ нападенія неизвѣстенъ.

Впрочемъ, когда бы ни возникло негодованіе противъ Ермолова, на какихъ бы причинахъ не основывалось оно, какими бы обстоятельствами ни сопровождалось, ему не слѣдовало просить о своемъ увольненіи отъ занимаемаго поста, даже въ тѣхъ неопредѣленныхъ словахъ, какъ писалъ онъ ¹⁾: не то было время! Когда весь край въ пламени, тогда не до личныхъ отношеній, и какъ бы ни было уязвлено его тщеславіе, ему слѣдовало, по

¹⁾ Вотъ его письмо государю:

«Не имѣвъ счастья заслужить довѣренность В. И. В., долженъ я чувствовать, сколько можетъ беспокоить В. В. мысль, что, при теперешнихъ обстоятельствахъ, дѣла здѣшняго края поручены человѣку, не имѣющему ни довольно способности, ни дѣятельности, ни доброй воли. Сей недостатокъ довѣренности В. И. В. поставляетъ и меня въ положеніе чрезвычайно затруднительное. Не могу я имѣть нужной въ военныхъ дѣлахъ рѣшительности, хотя бы природа и не совсѣмъ отказала мнѣ въ оной. Дѣятельность моя охлаждается тою мыслию, что не буду я умѣть исполнить волю Вашу, Всемилостивѣйшій Государь!

«Въ семъ положеніи, не видя возможности быть полезнымъ для службы, не смѣю, однако же, просить объ увольненіи меня отъ командованія Кавказскимъ корпусомъ; ибо въ теперешнихъ обстоятельствахъ можетъ это быть приписано желанію уклониться отъ трудностей войны, которыхъ я совсѣмъ не почитаю непреодолимыми; но устранивъ всѣ вида личныхъ выгодъ, всеподданнѣе осмѣливаюсь представить

нашему мнѣнію, оставаться на Кавказѣ, пока не смѣнили бы его помимо просьбы. Славный примѣръ Барклай-де-Толли, бывшаго начальника Ермолова, долженъ былъ остановить его.

Какъ бы то ни было, но при первыхъ неблагоприятныхъ извѣстіяхъ съ Кавказа, государь, во время смѣтра, подовзвалъ въ себѣ генераль-адъютанта Паскевича и объявилъ ему, что онъ долженъ поспѣшнѣе собираться въ дорогу на Кавказъ, куда онъ назначается въ помощь генералу Ермолову. — Паскевичъ до того времени извѣстенъ былъ государю, какъ храбрый офицеръ и точный исполнитель своихъ обязанностей. Императоръ Николай, въ бытность свою великимъ княземъ, на себѣ испыталъ его строгое требованіе исполненія служебныхъ обязанностей. Однажды, въ качествѣ бригаднаго начальника, онъ получилъ отъ него жесткое замѣчаніе, которымъ былъ тогда очень недоволенъ ¹⁾. На Кавказѣ суждено было Паскевичу обнаружить свои военныя способности.

Встрѣча его съ Ермоловымъ была весьма не дружелюбна. Послѣдній зналъ, что Паскевичъ имѣлъ приказаніе писать обо всемъ въ Петербургъ помимо его, и уже смотрѣлъ на него, какъ на своего преемника. Тѣмъ не менѣе, Ермоловъ собралъ отрядъ во сколько могъ, никакъ не желая подвергать личнымъ расчетамъ успѣха и славы нашего оружія. Онъ не отправился самъ съ отрядомъ — и это ставятъ ему въ вину или ошибку, но пусть вспомнятъ тогдашнее положеніе края: въ самомъ Тифлисѣ, угрожаемомъ Аббасъ-Мирзою съ одной стороны, и сердаремъ эриванскимъ съ другой, не было войска, и только одно имя Ермолова, стоившее арміи, удерживало порядокъ. Паскевичъ съ малымъ отрядомъ не рѣшился дѣйствовать одинъ и двинулся на соединеніе съ Мадатовымъ, который, еще до его пріѣзда, успѣлъ разбить на-голову и прогнать изъ Елисаветполя десятитысячный передовой отрядъ Аббасъ-Мирзы. По соединеніи отрядовъ (25 сентября), у Паскевича, принявшаго начальство надъ ними, было всего 6,000 пѣхоты, 2,000 кавалеріи и нѣсколько орудій, т. е. втрое менѣе, чѣмъ у Аббасъ-Мирзы. Съ этими силами онъ атаковалъ непріятеля, и русскія войска разгромили на-голову персидскую армію, которой остатки въ разбродѣ, бросая багажъ и орудія, бѣжали за Араксъ. Участъ кампаніи была рѣшена, какъ доносилъ о томъ самъ Ермоловъ.

Вашему Императорскому Величеству мѣру сію, какъ согласную съ пользою общен, которая была главною цѣлю всѣхъ моихъ дѣйствій».

3-го марта 1827 г.

Тифлисъ.

¹⁾ Histoire de la vie et du règne de Nicolas, par P. Lacroix

Не смотря на блистательный успѣхъ, неудовольствія между Паскевичемъ и Ермоловымъ росли болѣе и болѣе; образовались двѣ партіи: вредное вліяніе ихъ соперничества отражалось особенно на внутреннемъ управленіи враемъ. Присланъ былъ генераль-адъютантъ Дибичъ 1-й съ обширнымъ уполномочіемъ для разбора дѣла. Встрѣча съ нимъ Ермолова была далеко не такъ не дружелюбна, какъ съ Паскевичемъ; но онъ уже несомнѣвался въ послѣдствіяхъ его порученія. На мѣсто Ермолова назначенъ былъ генераль-адъютантъ Паскевичъ. Дибичъ сообщил волю государя императора Ермолову, сухимъ формальнымъ отношеніемъ, отъ 29 марта 1827 г. (№ 105), поручивъ ему сдать должность своему преемнику.

VII.

Разставаясь съ этою замѣчательною личностью, которой долго еще суждено было жить, но которая навсегда сходила съ поля дѣйствія и только передъ закатомъ своимъ еще мельнула какъ бы для того, чтобы напомнить о себѣ народу, чтившему въ немъ героя,—разставаясь съ нею навсегда, мы, по принятому нами правилу, окинемъ хотя бѣглымъ взглядомъ его славную дѣятельность.

Изъ ряда людей, прославленныхъ отечественною войною, изъ тѣснаго круга дѣятелей государственныхъ возвышается величавая фигура, выдающаяся изъ-за всѣхъ другихъ. Мужественная голова, со смѣлою и гордою посадкой на мощныхъ плечахъ, привлекательное очертаніе лица, соразмѣрность членовъ и самыя движенія свидѣтельствуютъ о великой нравственной и физической силѣ Ермолова, этого необыкновеннаго человѣка. По времени своей жизни, онъ захватывалъ еще екатерининскаго славнаго вѣка. Начавъ военное образованіе въ шеолѣ Суворова, изъ рукъ котораго получилъ Георгіевскій крестъ, онъ окончилъ его у Кутузова и Барклай-де-Толли, при которыхъ уже нерѣдко являлся самъ учителемъ. Кутузовъ очень любилъ его, особенно въ началѣ, и оставилъ въ немъ слѣды своего воспитанія не только военнаго, но и нравственнаго. Однажды, глядя съ высоты на отступленіе французовъ и несущагося за ними, какъ гнѣвъ небесный, Ермолова, Кутузовъ съ самодовольствіемъ указалъ на него многочисленной свитѣ своей: «еще этому орлу я не даю полету». Нѣсколько разъ потомъ онъ повторялъ: «Il vise au commandement des armées»,—а проницательный, опытный старикъ рѣдко ошибался.

Алексѣй Петровичъ Ермоловъ по рожденію принадлежалъ къ небогатой, но старинной дворянской фамиліи Орловской губер-

ни¹⁾. Отецъ его имѣлъ нѣкоторое значеніе въ послѣднее время царствованія Екатерины II; онъ состоялъ правителемъ канцеляріи при графѣ Самойловѣ, бывшемъ въ то время, какъ говорилось, въ случаѣ, а потому сынъ его, записанный по тогдашнему обыкновенію на службу чуть не съ пеленокъ, поступилъ прямо въ чинѣ капитана адъютантомъ въ Самойлову на 16 году отъ рожденія. Выдержавъ блестящій экзаменъ, онъ былъ переведенъ въ артиллерію въ 1794 году и участвовалъ въ войнѣ противъ поляковъ. Его не могли не замѣтить по службѣ и возлагали на него порученія, не по лѣтамъ важныя. Его посылали въ Италію, потомъ прикомандировали къ австрійской арміи, съ которой онъ дрался противъ французовъ. Оттуда отправили его въ войска, дѣйствовавшія противъ персіянъ; здѣсь Ермоловъ участвовалъ во взятіи Дербента. Но по восшествіи на престолъ императора Павла Петровича война была прекращена, и Ермоловъ возвратился въ Россію.

Такая подготовка, казалась, сулила ему славную будущность; но случилось иначе: она только повредила ему. Ермоловъ приобрѣлъ нѣкоторую самостоятельность; понималъ многіе предметы шире и глубже, чѣмъ другіе, привыкъ разсуждать по собственнымъ понятіямъ, а главное, отвыкъ отъ фронта и не зналъ ни формы, ни выправки, которой тогда слѣдовало съ педантической точностью. Вскорѣ по возвращеніи, онъ попалъ въ крѣпость; выпущенный оттуда, какъ ни въ чемъ не виновный, онъ, по новому донесенію своего начальства въ неблагонадежности, сосланъ былъ на постоянное жительство въ Кострому, гдѣ нашелъ много такихъ же, какъ и онъ, опальныхъ, и въ томъ числѣ славнаго Платова, съ которымъ очень сблизился.

Императоръ Александръ, по восшествіи на престолъ, освободилъ и возвратилъ государственной службѣ, въ числѣ многихъ другихъ, и Ермолова. Въ царствованіе этого государя дѣятельность Ермолова достигла въ полномъ блескѣ своего развитія и прервалась въ самомъ разгарѣ вмѣстѣ съ жизнью Александра. Они были однихъ лѣтъ и оба сошли съ поля дѣйствія, почти въ одно время, — одинъ въ могилу, другой — обреченный невольному бездѣйствію *на покой*, для него мучительный. Если онъ еще и оставался нѣкоторое время на Кавказѣ по смерти Александра, то нетрудно было предвидѣть, что звѣзда его угасла вмѣстѣ съ жизнью покойнаго государя.

Ермоловъ обладалъ необыкновенной силой характера, закалившагося еще болѣе въ огнѣ безпрестанныхъ битвъ и нравствен-

¹⁾ Родился въ 1777 году.

ной борьбѣ; это былъ человекъ несокрушимой воли и энергіи, но съ тѣмъ вмѣстѣ и безпредѣльнаго честолюбія, не того суетнаго честолюбія, которое хлопочетъ изъ-за личныхъ мелкихъ страстей или какихъ нибудь служебныхъ выгодъ, но которое стремится приобрести общественное вліяніе, народную извѣстность, которое хочетъ передать имя свое потомству. Прибавьте къ этому отличное военное образованіе, умъ свѣтлый, понимающій вещи съ разу, даръ слова увлекательный и всѣмъ извѣстное мужество, и вы убѣдитесь, что Кутузовъ былъ правъ въ своемъ сужденіи о немъ, и что дѣйствительно Ермоловъ былъ рожденъ, чтобы командовать арміями на полѣ битвы. Но чтобы достигнуть командованія, надо пройти самому по лѣстницѣ подчиненности: этого-то и не умѣлъ Ермоловъ. Онъ постоянно чувствовалъ свое превосходство передъ другими, не признавалъ военной іерархіи, обращался съ старшими съ пренебреженіемъ, осыпалъ ихъ колкостями и меткими замѣчаніями. Его остроты, особенно на нѣмецкихъ генераловъ, помнятъ и теперь. Когда онъ былъ еще полковникомъ, одинъ изъ генераловъ замѣтилъ: «Хоть бы его скорѣе произвели въ генералы, авось тогда онъ будетъ обходительнѣе и вѣжливѣе съ нами». За то онъ былъ идиоломъ подчиненныхъ, особенно молодежи. Онъ очаровывалъ своимъ обращеніемъ; только немногіе, изъ болѣе опытныхъ и перегорѣвшихъ въ жизни, угадывали, что тутъ есть что-то не свое, неестественное, не прямо истекающее отъ сердца, а прошедшее чрезъ процессъ мышленія. Выразимся точнѣе: тутъ было не безъ затаенной мысли, не безъ хитрости. Великій Князь Константинъ Павловичъ, питавшій въ нему истинную дружбу, писалъ и нерѣдко говорилъ ему: «Я люблю васъ искренно; знаю что и вы меня любите, — но *съ обманцемъ*». Отъ проницательности Александра не скрылось также это свойство Ермолова.

Пушкинъ, посѣтившій его, уже отставного, въ Орлѣ, описываетъ такъ: «Лице круглое, огненные сѣрые глаза, сѣдые волосы дыбомъ, голова тигра, на геркулесовомъ торсѣ. Улыбка непріятная, потому что неестественная; когда же задумывается и хмурится, то онъ становится прекраснымъ и разительнo напоминаетъ поэтической портретъ, писанный Доу».

Ермоловъ имѣлъ множество враговъ въ высшихъ слояхъ, чему способствовалъ самъ своимъ неудержимымъ на колкости языкомъ; всесильный Аракчеевъ является однимъ изъ главнѣйшихъ. Во время смотра, на замѣчаніе его, что лошади дурны, Ермоловъ отвѣчалъ, при многихъ другихъ, — къ сожалѣнію, участь наша часто зависитъ отъ скотовъ.—Вражда къ нему графа Иллариона Васильевича Васильчикова, этого рыцарски честнаго челе-

вѣба, а также Паскевича, велась едвали не съ дѣла на Раевскомъ редутѣ во время бородинской битвы, гдѣ двоимъ послѣднимъ приписана часть славы его, хотя Барклай-де-Толли свидѣтельствовалъ вполне о мужественномъ подвигѣ Ермолова. Генералы, носившіе иностранныя фамилии (особенно Вить и Витгенштейнъ), и нѣмцы вообще не терпѣли его, потому что онъ съ особеннымъ ожесточеніемъ преслѣдовалъ ихъ своими островами. Этимъ онъ льстилъ тогдашнему направленію общества. Но Александръ умѣлъ оцѣнить его необыкновенныя способности и употребить въ дѣло. Онъ имѣлъ случай вполне убѣдиться въ нихъ, когда назначилъ его начальникомъ штаба 1-й арміи, поручивъ ему писать прямо къ себѣ обо всемъ происходившемъ на театрѣ войны ¹⁾. Впослѣдствіи, государь часто видался съ нимъ, особенно за границей, во Франціи, гдѣ Ермоловъ уже командовалъ гренадерскимъ корпусомъ; былъ всегда милостивъ къ нему, и при первомъ важномъ назначеніи вспомнилъ объ немъ. Когда рѣшились послать войска наши въ Италію, командуящимъ ими, по его выбору, назначенъ былъ Ермоловъ. Извѣстно, что походъ не состоялся, и Ермоловъ возвратился на Кавказъ.

Мы не коснемся здѣсь блистательной дѣятельности Ермолова во вѣренномъ ему краѣ. Описаніе ихъ принадлежитъ исторіи покоренія Кавказа. Но говоря объ его характерѣ вообще, не можемъ не упомянуть объ одномъ свойствѣ этого характера, развитомъ въ высокой степени: я не назову его безкорыстіемъ, — безкорыстіе еще не большая добродѣтель, — это страсть, заботливость сохранить, гдѣ можно, государственныя деньги, которая нерѣдко заглушала въ немъ собственныя нужды; даже при крайней необходимости въ деньгахъ, онъ постоянно отказывался отъ денежныхъ наградъ, и когда государь Александръ Павловичъ назначилъ ему довольно значительную аренду, онъ убѣдилъ взять назадъ уже подписанный указъ, хотя ровно ничего не имѣлъ. Враги его толковали, что это уловка, хитрость со стороны Ермолова, что въ этомъ отказѣ вѣрно кроется какая-нибудь задняя мысль, желаніе получить болѣе современемъ. Жаль, что они сами не прибѣгали къ той же уловкѣ; отъ этого наши финансы, конечно, много бы выиграли. Что же касается до Ермолова, то онъ какъ пріѣхалъ въ Тифлисъ въ простой кибиткѣ, такъ и выѣхалъ, послѣ десятилѣтняго управленія вра-

¹⁾ Эти письма, переданныя государемъ Кутузову, когда тотъ вступилъ въ командованіе арміей, по смерти его попали въ руки Барклая и надѣляли много непріятностей Ермолову. Онъ *современемъ* составляетъ важный матеріалъ для исторіи.

емъ, въ такой же кибиткѣ, да еще встрѣчаясь дорогой съ самыми мелочными затрудненіями.

Въ поступкахъ Ермолова оставалась какая-то жесткая складка, которая впрочемъ принадлежала столько же вѣку и той бивуачной жизни, которую онъ постоянно велъ, сколько ему самому. Такимъ образомъ, онъ очень наивно рассказываетъ, какъ избилъ своеручно *колома* почтаря и потомъ далъ ему червонецъ; какъ, въ бытность свою въ Персіи, приказалъ онъ одного француза наполеоновской арміи, служившаго полковникомъ въ персидскихъ войскахъ, наказать палками и т. д.

Мы сказали, что Ермоловъ одною ногою еще касался вѣка Екатерины; другою онъ твердо упирался въ эпоху Александра. Въ царствованіе Николая онъ перенесенъ былъ какъ бы случайно, безсознательно, потокомъ времени, и очутился въ немъ не живымъ дѣятелемъ, но памятникомъ прошедшаго, какимъ-то *memento mori* тицеты людской. Наконецъ, съ восшествіемъ на престолъ нынѣ царствующаго государя императора, мелькнула на горизонтѣ и его звѣзда—мелькнула и затаялась навсегда ¹⁾.

Мы должны отмѣтить здѣсь другую личность, которая возникла близъ Ермолова, поучалась отъ него, и впоследствии во многомъ слѣдовала его примѣру. Намъ придется не разъ упоминать объ этой личности: это молодой капитанъ генеральнаго штаба, уже ознаменовавшій себя въ то время многотрудною и опасною экспедиціей въ Туркменію и Хиву, Николай Михайловичъ Муравьевъ. Превосходное описаніе его путешествія и нынѣ служитъ лучшимъ источникомъ для изученія тѣхъ странъ ²⁾.

За эпохой конференцій, конгрессовъ, политическихъ сдѣлокъ, дипломатическихъ переписокъ, возбудившихъ восточныя дѣла до высшей степени натянутости, началась эпоха войнъ, которыя, по крайней мѣрѣ на то время, разрубили этотъ гордіевъ узелъ; къ описанію ихъ — мы перейдемъ впоследствии.

Ег. Бовалевскій.

¹⁾ Ермоловъ умеръ въ 1861 г. апрѣля 12, въ Москвѣ.

²⁾ «Путешествіе Муравьева въ Туркменію и Хиву въ 1819 и 1820 годахъ, посланнаго въ сія страны для переговоровъ»; съ 5 портретами и картами, 2 ч. Москва; въ 4 долю. — Оно нынче составляетъ библиографическую рѣдкость.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ

НА

КАСПІЙСКОМЪ МОРЪ.

Въ западной Европѣ, гдѣ очень плохо знаютъ русскую исторію, вѣрятъ или, по крайней мѣрѣ, считаютъ полезнымъ для себя вѣрить не хитро придуманному подлогу, — завѣщанію Петра Великаго. Мы знаемъ, что преобразователь не оставилъ завѣщанія на бумагѣ; но великіе историческіе дѣятели оставляютъ завѣщаніе на дѣлѣ: ихъ дѣятельность, ихъ начинанія и указанія служатъ программю, которая выполняется въ послѣдствіи, иногда въ продолженіе очень долгаго времени. Дѣло, начатое великимъ человѣкомъ, оканчивается иногда, спустя столѣтіе и болѣе, послѣ его смерти. Такъ, мы другое уже столѣтіе выполняемъ не на бумагѣ написанное завѣщаніе Петра Великаго относительно Востока.

Мы привыкли представлять внѣшнюю дѣятельность знаменитаго императора обращенною на западъ, къ берегамъ звѣтнаго Балтійскаго моря, гдѣ въ устьяхъ Невы онъ устроилъ себѣ *парадизъ*. Но при этомъ Петра нельзя упрекнуть въ односторонности: употребляя всѣ усилія, чтобъ добить шведа и взять у него балтійскіе берега, Петръ не спускалъ глазъ съ Востока, ибо зналъ хорошо его значеніе для Россіи, зналъ, какъ можетъ обогатиться бѣдный русскій народъ, если станетъ посредникомъ въ торговомъ отношеніи между Европою и Азіею. Утверждаясь на берегахъ Балтійскаго моря, Петръ рылъ каналъ для соединенія его съ Каспійскимъ, и какъ только прекратилась война

на западѣ, у Балтійскаго моря, Петръ переноситъ свою дѣятельность въ Каспійскому. Еще съ XVI вѣка, когда русскія границы достигли устьевъ Волги чрезъ покореніе Астрахани, Россія, волею-неволею, должна была вмѣшиваться въ дѣла кавказскихъ народовъ. Интересы трехъ большихъ государствъ: Россіи, Турціи и Персіи сталкивались на перешейкѣ между Чернымъ и Каспійскимъ морями, среди варварскаго, раздробленнаго, порозненнаго въ вѣрѣ народонаселенія, части котораго находились въ постоянной борьбѣ другъ съ другомъ. Россія, призываемая на помощь христіанскимъ народонаселеніемъ, не могла позволить усилиться здѣсь магометанскому вліянію, особенно турецкому; а теперь, въ эпоху преобразованія, имѣвшую дѣлію развитіе промышленныхъ силъ народа, въ интересамъ религіознымъ и политическимъ присоединялся интересъ торговый, стремленіе обезпечить русскую торговлю въ странѣ, издавна обогащавшей купцовъ московскихъ.

Турецкая война (1711 г.) и потомъ безпрестанное опасеніе, что она возобновится, должны были обращать вниманіе Петра на Кавказскій перешеекъ. Кубанской ордѣ, зависѣвшей отъ султана, хотѣли противопоставить Кабарду, и съ этою цѣлю въ 1711 году отправился туда князь Александръ Бекевичъ Черкасскій, который увѣдомилъ Петра, что черкесскіе владѣльцы, прочтя царскую грамоту, изъявили готовность служить великому государю всею Кабардой. «По этому увѣренію, писалъ Черкасскій, я ихъ въ присягѣ привелъ по ихъ вѣрѣ». Турки дѣйствовали съ своей стороны. Въ 1714 году, тотъ же Черкасскій далъ знать, что посланцы крымскаго хана склоняютъ въ турецкое подданство вольныхъ князей, владѣющихъ близъ горъ, между Чернымъ и Каспійскимъ морями, обѣщая имъ ежегодное жалованье. Въ Большой Кабардѣ ханскіе посланцы не имѣли успѣха; но князя кумыцкіе прельстились ихъ обѣщаніями, вслѣдствіе чего встало волненіе въ странѣ. Черкасскій писалъ, что турки намѣрены соединить подъ своею властію всѣ кавказскіе народы вплоть до персидской границы: «и ежели оное турецкое намѣреніе исполнится, то когда война случится, могутъ не малую силу показать, понеже оный народъ лучшій въ войнѣ, кромѣ регулярнаго войска. Ежели ваше величество соизволите, чтобы оный народъ не допустить подъ руку турецкую, но паче привести подъ область свою, то надлежитъ, не пропуская времени, о томъ стараться; а когда уже турки ихъ подъ себя утвердятъ, тогда уже будетъ поздно и весьма невозможно того чинить. А опасности никакой въ превращеніи ихъ не будетъ, понеже народъ тотъ вольный есть и никому иному не присутствуетъ, но паче вамъ есть при-

чиненный: напредь сего, изъ тѣхъ кумыцкихъ владѣльцевъ шевкаловъ въ подданствѣ для вѣрности вашему величеству и дѣтей своихъ въ аманаты даывали; токмо незнаіемъ или неискусствомъ воеводъ вашихъ сей интересъ государственный по сіе время оставленъ. И ежели ваше величество соизволите приклонить тѣхъ народовъ пригорныхъ подъ свою область, не малый страхъ будетъ въ Персидѣ во всей, и могутъ во всемъ вашей волѣ послѣдовать».

Черкасскій отправился въ Хиву и тамъ погибъ. Въ сношеніяхъ съ народами Кавказскаго перешейка явился другой, болѣе искусный и счастливый дѣятель: Артемій Петровичъ Волинскій.

Въ 1715 году, Волинскій отправленъ былъ посланникомъ въ Персію, чтобъ быть при шахѣ впредь до указа на резиденціи. Онъ получилъ инструкцію:

«Будучи по владѣніямъ шаха персидскаго, какъ моремъ такъ и сухимъ путемъ, всѣ мѣста, пристани, города и прочія поселенія и положенія мѣстъ, и какія гдѣ въ море Каспійское рѣки большія впадаютъ, и до которыхъ мѣстъ по онымъ рѣкамъ можно пхатъ отъ моря, и нѣтъ ли какой рѣки изъ Индіи, которая-бъ впала въ сіе море ¹⁾, и есть ли на томъ морѣ и въ пристаняхъ у шаха суды военныя или купеческія, такожъ какія крѣпости и фортеціи — присматривать прилежно и искусно и провѣдывать о томъ, а особливо про Гилянъ, и какія чоры и непроходимыя мѣста кромъ одного нужнаго пути (какъ сказываютъ) отдѣлили Гилянъ и прочія провинціи, по Каспійскому морю лежащія отъ Персиды, однако-жъ таеъ, чтобъ того не признали персіяне, и дѣлать о томъ секретно журналъ повседневною, списывать все подлинно. Будучи ему въ Персіи, присматривать и развѣдывать, сколько у шаха крѣпостей и войска и въ какомъ порядкѣ, и не вводятъ ли европейскіихъ обычаевъ въ войскѣ? Какое шахъ обхождение имѣетъ съ турками, и пѣтъ ли у персовъ намѣренія начать войну съ турками, и не желаетъ ли противъ нихъ съ кѣмъ въ союзъ вступить. Внушать, что турки главные непріатели персидскому государству и народу, и самыя опасныя сосѣди всѣмъ, а царское величество желаетъ содержать съ шахомъ добрую сосѣдскую пріязнь. Смотрѣть, какимъ способомъ въ тѣхъ краяхъ купечество россійскихъ подданныхъ размножить, и нельзя ли чрезъ Персію учинить купечество въ Индію. Склонять шаха, чтобъ повелѣно было армянамъ весь свой торгъ шелкомъ-сырцомъ обратить провѣдомъ въ россійское государство, предъявляя удоб-

¹⁾ Напечатанное курсивомъ написано собственною рукою Петра В.

ство водянаго пути до самаго С.-Петербурга, вмѣсто того, что они принуждены возить свои товары въ турецкія области на верблюдахъ, и буде не возмозетъ то словами и домогательствами сдѣлать, то нельзя ли дать чего шаховымъ ближнимъ людямъ; буде и симъ нельзя будетъ учинить, не мочно-ль пренятія какова учинить смирскому и аленскому торгомамъ идъ и какъ? Развѣдывать объ армянскомъ народѣ, много ли его и въ которыхъ мѣстахъ живеть, и есть ли изъ нихъ какіе знатные люди изъ шляхетства или изъ купцовъ, и каковы они къ сторонѣ царскаго величества, обходиться съ ними ласково и склонять въ пріязни, также освѣдомляться, нѣтъ ли какихъ иныхъ въ тѣхъ странахъ христіанскихъ или иновѣрныхъ съ персами народовъ, и ежели есть, каковы оныя состояніемъ?»

Въ мартѣ 1717 года, Волинскій пріѣхалъ въ Испань, претерпѣвши на дорогѣ большія трудности и непріятности: «Уже меня рѣдкая бѣда миновала», писалъ онъ канцлеру. Въ Испани сначала онъ былъ принятъ недурно, но чрезъ нѣсколько дней, не объявляя ничего, заперли его въ домѣ, приставивъ таковой вѣрнопій караулъ, что пресѣкли всякое сообщеніе, и это продолжалось полтора мѣсяца, а когда узнали о прошлогоднемъ приходѣ князя Черкаскаго на восточные берега Каспійскаго моря и о строеніи вѣрпостей, то заперли еще вѣрпче; пошли слухи, что нѣсколько тысячъ русскаго войска впало въ Гилянъ, и что множество калмыковъ находится около Терека. Три раза Волинскій былъ у шаха Гуссейна, имѣлъ нѣсколько конференцій съ визиремъ; съ персидской стороны соглашались, повидимому, на всѣ предложенія посланника, и вдругъ позвали его на послѣднюю аудіенцію и объявили отпускъ. Всѣ представленія Волинскаго остались тщетными; онъ возражалъ, что не можетъ ѣхать, не окончивъ дѣлъ; ему отвѣчали, что дѣла будутъ кончены по его желанію, только бы теперь взялъ шахову грамоту къ царю.

«Этому трудно вѣрить, писалъ Волинскій, ибо здѣсь такая нынѣ глава, что онъ не надъ подданными, но у своихъ подданныхъ подданный, и что рѣдко такого дурачка можно сыскать и между простыхъ, не токмо изъ коронованныхъ; того ради самъ ни въ какія дѣла вступать не изволить, но во всемъ положился на своего намѣстника Эхтимать-Девлета, который всякаго скота глумлѣе, однако у него таковой фаворитъ, что шахъ у него изо-рта смотритъ, и что велить, то дѣлаеть. Того ради здѣсь мало поминается и имя шахово, только его, прочіе же всѣ, которые при шахѣ ни были поумнѣе, тѣхъ всѣхъ изогналъ, и нынѣ, кромѣ его, почти никого нѣтъ, и такъ дѣлаеть что хочеть, и таковой дуракъ, что ни дачею, ни дружбою, ни разсужденіемъ по-

дойти не возможно; какъ уже я пробовалъ всякими способами, однако же не помогло ничто. Какъ я слышалъ, они такъ въ консилиі положили, что меня здѣсь долго не держать, того ради чтобъ не узналъ я состоянія ихъ государства: но хотябъ еще и десять лѣтъ жить, больше уже не о чемъ провѣдывать и смотрѣть нечего и дѣлъ никакихъ не сдѣлать, ибо они не знаютъ, что такое дѣла, и какъ ихъ дѣлать; притомъ лѣнны, о дѣлѣ ни одного часа не хотятъ говорить; и не только постороннія, но и свои дѣла идутъ у нихъ безпутно, какъ попалось на умъ, такъ и дѣлаютъ безъ всякаго разсужденія; отъ этого такъ свое государство разорили, что, думаю, и Александръ Великій, въ бытность свою, не могъ войной такъ разорить. Думаю, что сія корона въ послѣдному разоренію приходитъ, если не обновится другимъ шахомъ; не только отъ непріятелей, и отъ своихъ бунтовщиковъ оборониться не могутъ, и уже мало мѣстъ осталось, гдѣ бы не было бунта; одинъ отъ другого всѣ пропадаютъ, а тутъ и я съ ними не знаю, за что пропадаю: не пьянствомъ, не излишествомъ, но самою нищетою нажилъ на себя по сіе время четырнадцать тысячъ долгу. Думаю, меня Богъ опредѣлилъ на погибель, потому что и сюда съ великимъ страхомъ ѣхалъ, а отсюда еще будетъ труднѣе по здѣшнему безстрашію. Поѣду чрезъ Гилянъ, хотя тамъ теперь и моровое повѣтріе, поѣду, чтобъ тотъ край видѣть. Другого моимъ слабымъ разумомъ я не разсудилъ, кромѣ того, что Богъ ведетъ къ паденію сію корону, на что своимъ безумствомъ они насъ влекутъ сами; не дивлюсь, видя ихъ глупость, думаю, что это Божія воля къ счастью царскому величеству; и хотя настоящая война наша (шведская) намъ и возбраняла-бъ, однако, какъ я здѣшнюю слабость вижу, намъ безъ всякаго опасенія начать можно, ибо не только цѣлою арміею, но и малымъ корпусомъ великую часть въ Россіи присовокупить безъ труда можно, къ чему удобнѣе нынѣшняго времени не будетъ, ибо если впредъ сіе государство обновится другимъ шахомъ, то, можетъ быть, и порядокъ другой будетъ».

Волынскій выѣхалъ изъ Испагани 1 сентября 1717 года, заключивъ предъ отъѣздомъ договоръ, по которому русскіе купцы получили право свободной торговли по всей Персіи, право покупать шелкъ-сырецъ повсюду, гдѣ захотятъ и сколько захотятъ. Посланникъ зимовалъ въ Шемахѣ, и здѣсь имѣлъ досугъ еще лучше изучить состояніе персидскаго государства и характеръ его народонаселенія. Сознаніе своей слабости наводило сильный страхъ предъ могущественною Россіею, ждали неминуемой войны и вѣрили всякимъ слухамъ о сосредоточеніи рус-

скихъ войскъ на границахъ. Въ началѣ 1718 года, въ Шемахѣ съ ужасомъ рассказывали другъ другу, что въ Астрахань царь прислалъ 10 бояръ съ 80,000 регулярнаго войска, что при Терекѣ зимуютъ нѣсколько сотъ кораблей. Шемахинскій ханъ пользовался этими слухами, чтобы не выходить съ войскомъ на помощь шаху, и когда Волынский замѣчалъ, что ханъ можетъ поплатиться за это, то ему отвѣчали: «Хану ничего не будетъ, у насъ никому наказанія нѣтъ, и потому всякій дѣлаетъ, что хочетъ: когда нѣтъ страха, чего бояться?» Въ Шемаху пріѣхалъ къ Волынскому грузинецъ Фарседанъ-беѣ, съ которымъ посланникъ видался въ Испагани. Этотъ Фарседанъ-беѣ служилъ у грузинскаго князя Вахтанга Леоновича, который, по принятіи магометанства, сдѣланъ былъ главнымъ начальникомъ персидскихъ войскъ. Вахтангъ прислалъ Фарседанъ-беѣ съ просьбою къ Волынскому, чтобы тотъ благодарилъ царя за милости, оказанныя въ Россіи его родственникамъ, и просилъ, чтобы православная церковь не предала его, Вахтанга, проклятію за отступничество: онъ отвергся Христа не для славы міра сего, не для богатства тлѣннаго, но только для того, чтобы освободить семейство свое изъ заключенія, и хотя онъ принялъ мерзкій законъ магометанскій, но въ сердцѣ остается всегда христіаниномъ, и надѣется опять обратиться въ христіанство съ помощію царскаго величества. «Пора, говорилъ Фарседанъ, государственныхъ дѣла дѣлать, пиши чрезъ меня Вахтангу, какъ ему поступать съ персіянами, и если ты пробудешь здѣсь въ Шемахѣ до осени, то Вахтангъ въ тому времени совсѣмъ управится». Фарседанъ говорилъ такъ, какъ будто Волынский присланъ воевать съ персіянами. Посланникъ замѣтилъ ему: «Я присланъ не для войны, а для мира; я былъ бы совершенно сумасбродный человѣкъ, еслибъ сталъ воевать, имѣя при себѣ одинъ свой дворъ». — «Въ Персіи не такъ думаютъ, отвѣчалъ Фарседанъ, говорятъ, что ты и городъ здѣсь въ Шемахѣ себѣ строишь». Въ это время въ Шемахѣ узнали, что отправленный Волынскимъ въ Россію, для доставленія государю слона, дворянинъ Лопухинъ едва спасся отъ напавшихъ на него лезгинцевъ, и Фарседанъ говорилъ по этому случаю Волынскому: «Конечно, царское величество не оставитъ отомстить горскимъ владѣтелямъ за такую пакость; надобно повончить съ этими бездѣльниками, пора христіанамъ побѣждать басурманъ и искоренять ихъ». Фарседанъ говорилъ, что шахъ своимъ войскамъ денегъ не платитъ, отчего они служить не будутъ, а Узбекскому хану послано въ подарокъ 20,000 рублей на русскія деньги за то, что узбеки или хивинцы убили князя Александра Бекевича Черка-

скаго. Волынской взялъ письмо отъ Вахтанга для доставленія теткѣ его, царицѣ Имеретійской, жившей въ Россіи; но самъ остерегся войти въ письменныя сношенія съ главнокомандующимъ персидскою арміею.

Въ началѣ 1719 года, Волынской возвратился въ Россію, и въ томъ же году былъ сдѣланъ астраханскимъ губернаторомъ. 22 марта 1720 года, новому губернатору Петръ далъ наказъ въ слѣдующихъ пунктахъ: 1) Чтобъ принца грузинскаго искать склонить, такъ чтобъ онъ въ потребное время былъ надеженъ намъ, и для сей посылки взять изъ грузинцевъ дому Арчилова. 2) Архіерея для всякихъ тамъ случаевъ, чтобъ посвятить донскаго архимандрита. 3) Офицера выбрать, чтобы или туды или назадъ идучи сухимъ путемъ, отъ Шемахи вѣрно осмотрѣлъ путь, удобенъ ли? Также, живучи въ Шемахѣ, будто для торговыхъ дѣлъ (какъ положено съ персы) всего присматривать. 4) Чтобъ неудобный путь отъ Терека до Учи сыскать, какъ миновать, а, буде нельзя землею, то-бъ моремъ, для чего тамъ надобно при морѣ сдѣлать крѣпость и по малу строить магазейны, анбары и прочее, дабы въ удобномъ случаѣ за тѣмъ не было остановки. 5) Суды наскоро дѣлать прямыя морскія и прочее все что надлежитъ къ тому по малу подъ рукою готовить, дабы въ случаѣ ни за чѣмъ остановки не было, однакожъ все въ великомъ секретѣ держать.

Въ сентябрѣ того же года отправленъ былъ въ Персію капитанъ Алексѣй Баскаковъ съ наказомъ: «ѣхать въ Астрахань и оттуда въ Персію подъ какимъ видомъ будетъ удобнѣе и поступать такимъ образомъ: 1) ѣхать отъ Терека сухимъ путемъ до Шемахи для осматриванія пути, удобенъ ли для прохода войскъ водами, кормами конскими и прочимъ. 2) Отъ Шемахи до Апшерона и оттуда до Гиляни смотрѣть того же, освѣдомиться также и о рѣкѣ Курѣ. 3) О состояніи тамошнемъ и о прочихъ обстоятельствахъ насматриваться и навѣдываться и все это дѣлать въ высшемъ секретѣ».

Въ 1721 году, Волынской ѣздилъ въ Петербургъ; неизвѣстно, былъ ли онъ вызванъ, или самъ пріѣхалъ, узнавши о возможности прекращенія Сѣверной войны и, слѣдовательно, о возможности начать войну персидскую. Какъ видно, онъ возвратился изъ Петербурга въ ожиданіи скорой южной войны и пріѣзда царскаго въ Астрахань, потому что 23 іюня писалъ царицѣ Евкатеринѣ:

«Вашему величеству всепокорно доношу. Въ Астрахань я прибылъ, которую вижу пусту и совсѣмъ разорену, по истинѣ, такъ, что хотя бы и нарочно разорять, то бѣ больше сего невозможно. Первое, крѣпость здѣшняя во многихъ мѣстахъ развалилась, а

худа вся; въ полкахъ здѣшнихъ въ пяти ружья только съ 2000 фузей съ небольшимъ годныхъ, а прочее никуда не годится; а мундиру какъ на драгунахъ, такъ и на солдатахъ, кромѣ одного полку, ни на одномъ нѣтъ, и ходятъ иные въ балахонахъ, которыхъ не давано лѣтъ болѣе десяти, а вычтену у нихъ на мундиры съ 34,000 рублей, которые въ Казани и пропали; а провіанту нашель я только съ 300 четвертей. И тако, всемилостивѣйшая государыня, однимъ словомъ донестъ, и знаку того нѣтъ, какъ надлежитъ быть пограничнымъ крѣпостямъ, и на что не смотрю, за все видимая бѣда мнѣ, которой и миновать невозможно; ибо ни въ три года нельзя привести въ добрый порядокъ; а куда о чемъ отсюда написано, но ни откуда никакой резолюціи нѣтъ, и уже по истинѣ, всемилостивая мать, не знаю, что и дѣлать, понеже вижу, что всѣ останутся въ сторонѣ, а мнѣ одному бѣдному отвѣтствовать будетъ. Не прогнѣвайся, всемилостивѣйшая государыня, на меня, раба вашего, что я умедлил присылкою къ вашему величеству арапа съ арапкою и съ арапченкою, понеже арапка беременна, которая, чаю, по двухъ или по трехъ недѣляхъ родить, того ради боялся послать, чтобъ въ дорогѣ не повредила, а когда освободится отъ бремени и отъ болѣзни, немедленно со всѣмъ заводомъ отправлю къ вашему величеству».

Обезопасивъ себя этимъ письмомъ, на счетъ могущихъ быть упрековъ въ дурномъ состояніи ввѣреннаго ему города, Волынской продолжалъ писать Петру о необходимости дѣйствовать въ Персіи и на Кавказѣ вооруженною рукою, а не политивою. Какъ видно, въ Петербургѣ внушено было Волынскому, что до окончанія шведской войны трудно начать непосредственно войну персидскую, но что онъ можетъ ускорить распаденіе Персіи поднатіемъ зависѣвшихъ отъ нея народовъ кавказскихъ. 15 августа, Волынской писалъ царю:

«Грузинскій принцъ (Вахтангъ) прислалъ ко мнѣ и въ стрѣ своей съ тѣмъ, чтобъ мы обще просили о немъ ваше величество, дабы вы изволили учинить съ нимъ милость для избавленія общаго ихъ христіанства и показываетъ къ тому способъ: 1) чтобъ ваше величество изволили къ нему прямо въ Грузію ввести войскъ своихъ тысячь пять или шесть и повелѣли засѣсть въ его гварнизоны, объявляя, что онъ видитъ въ Грузіи несогласіе между шляхетствомъ, и ежели войска ваши введены будутъ въ Грузію, то уже и по неволѣ принуждены будутъ многіе его партію взять. 2) Чтобъ для лучшаго ему увѣренія изволили сдѣлать десантъ въ Персію тысячахъ въ десяти или больше, чтобы отобрать у нихъ Дербентъ или

Шемаху, а безъ того вступать въ войну опасенъ. 3) Просилъ, чтобъ изволили сдѣлать крѣпость на рѣкѣ Терекѣ между Кабарды и гребенскихъ казаковъ и посадить русскій гарнизонъ для свободной съ Грузіею коммуникаціи и для его охраненія. И какъ видится, государь, по моему слабому мнѣнію, всё его предполагаемыя резоны не безсильны. Вахтангъ представляетъ о слабомъ нынѣшнемъ состояніи персидскомъ и какая будетъ вамъ собственная изъ оной войны польза, и какъ персіане оружію вашему противиться не могутъ; ежели вы изволите противъ шаха въ войну вступить, онъ Вахтангъ можетъ поставить въ поле своихъ войскъ отъ 30 до 40,000 и обѣщаетъ пройти до самой Гиспагани, ибо онъ персіанъ бабами называетъ.

Считая резоны одного грузинскаго принца не безсильными, Волынской не совѣтовалъ сближаться съ владѣльцами другихъ, иновѣрныхъ народовъ Кавказа, и указывалъ на оружіе, какъ на единственное средство держать ихъ въ страхѣ и подчиненіи русскимъ интересамъ. О владѣльцѣ тарковскомъ, шевкалѣ Алдигирѣ, Волынской писалъ Петру:

«На него невозможно никакой надежды имѣть вамъ, ибо весьма въ сторонѣ шаховой; вижу по всѣмъ дѣламъ его, что онъ плутъ, и потому злѣю опасно ему ваше намѣреніе открывать, чтобъ онъ прежде времени не далъ о томъ знать двору шахову, и для того я не намѣренъ имѣть съ нимъ конгрессъ, какъ ваше величество мнѣ повелѣли. И мнѣ мнится здѣшніе народы привлечь политикою къ сторонѣ вашей не возможно, ежели въ рукахъ оружія не будетъ, ибо хотя и являются склонны, но токмо для однихъ денегъ, которыхъ (народовъ), по моему слабому мнѣнію, надобно бы такъ содержать, чтобъ безъ причины только ихъ не озлоблять, а вѣрить никому не возможно. Также, кажется мнѣ, и Даудбекъ (лезгинскій владѣлецъ) ни къ чему не потребенъ: онъ отвѣтствуетъ мнѣ, что конечно желаетъ служить вашему величеству, однакоже чтобъ вы изволили прислать къ нему свои войска и довольное число пушекъ, а онъ отберетъ города у персіанъ, и которые ему удобны, то себѣ оставитъ (а именно Дербентъ и Шемаху), а прочіе уступаетъ вашему величеству, кои по той сторонѣ Куры рѣки до самой Испагани, чего въ рукахъ его никогда не будетъ, и тако' хочеть, чтобъ вамъ былъ трудъ, а его польза».

Прежде мѣстность Ендери, слышная у русскихъ подъ именемъ Андреевой деревни, и Аксай принадлежали таркамъ, но одинъ изъ шевкаловъ тарковскихъ подѣлилъ ихъ между своими сыновьями, и въ описываемое время въ Андреевой деревнѣ было семь владѣльцевъ, отличавшихся разбойничьимъ характеромъ.

«Мнѣ мнится, писалъ Волынскій, весьма бы надобно учинить отмщеніе Андреевскимъ владѣльцамъ, отъ чего великая польза: 1) они не будутъ имѣть посмѣянія (надъ нами) и впредь смиреннѣе жить будутъ. 2) Оная причина принудитъ многихъ искать протевціи вашей и всѣ тамошніе народы будутъ оружія вашего трепетать и за тѣмъ страхомъ вѣрнѣе будутъ. Однако же видится нынѣ къ тому уже прошло время, идти туда не съ кѣмъ и не съ чѣмъ. Надѣялся я на Аюку хана (калмыцкаго), однакожь отъ него ничего нѣтъ, ибо, какъ вижу, худа его зѣло стала власть. Такожъ многократно писалъ я къ яицѣимъ и къ донскимъ казакамъ; но яицѣе не пошли, а донскіе хотя и были, токмо инога ничего не сдѣлали вромѣ паюности: оставя прямыхъ непріятелей, Андреевскихъ владѣльцевъ, разбили улусъ Нагайскаго владѣльца, Салтана Махмута, зѣло вашему величеству потребнаго, котораго весьма озлобили; потомъ пошли въ Кабарду по призыву Арасланъ-бека и князь Александровыхъ братьевъ (Александра Бековича Черкаскаго), понеже у нихъ двѣ партіи, и тако у противной разбили нѣсколько деревень, также и скотъ отогнали, чѣмъ больше привели ихъ между собою въ ссору, и, въ томъ ихъ оставя, а себя не богаты, возвратились на Донъ».

Въ сентябрѣ, Волынскій получилъ извѣстіе, которое, по его мнѣнію, должно было непремѣнно побудить царя къ началію войны. Распаденіе Персіи началось и съ сѣвера, и сопровождалось страшнымъ урономъ для русской торговли, въ пользу которой Петръ хлопоталъ и дипломатическимъ путемъ, въ пользу которой единственно готовъ былъ и воевать. Мы видѣли, что лезгинскій владѣлецъ Даудбекъ хотѣлъ подняться на шаха съ помощію Россіи. Но такъ какъ Волынскій не подалъ ему никакой надежды на эту помощь, то онъ рѣшился не упускать благоприятнаго времени и начать дѣйствіе съ Казыкумыцѣимъ владѣльцемъ Сургаемъ. 21 іюля, Даудбекъ и Сургай явились у Шемахи; 7 августа, взяли городъ и стали жечь и грабить знатныя дома. Русскіе купцы оставались покойны, обнадеженные завоевателями, что ихъ грабить не будутъ; но вечеромъ 4,000 вооруженныхъ лезгинъ и кумыбовъ напали на русскія лавки въ гостиномъ дворѣ, прикащиковъ прогнали саблями, нѣкоторыхъ побили, а товары всѣ разграбили, цѣною на 500,000 рублей; одинъ Матвѣй Григорьевъ Евреиновъ потерялъ на 170,000, въ слѣдствіе чего этотъ богатѣйшій въ Россіи купецъ въ конецъ разорился. Отъ Волынскаго пошло немедленно письмо къ царю:

«Мое слабое мнѣніе доношу: по намѣренію вашему къ начинанію законнѣе сего уже нельзя и быть причины! первое, что изволите вступить за свое; второе, не противъ персіянъ, но про-

тивъ непріятелей ихъ и своихъ; къ тому-жь и персіянамъ можно предлагать (ежели они бы стали протестовать), что ежели они заплатятъ ваши убытки, то ваше величество паки имъ отъдать можете (т. е. завоеванное), и такъ можно предъ всѣмъ свѣтомъ показать, что вы изволите имѣть истинную къ тому причину. Также мнится мнѣ, что ранѣ изволите начать, то лучше, и труда будетъ меньше, и пользы больше, понеже нынѣ оная бестія еще вѣ состояніи и силы; паче всего опасуюсь и чаю, что они конечно будутъ искать протекціи турецкой, что имъ и сдѣлать, по моему мнѣнію, прямо резонъ есть; что если учинятъ, тогда вашему величеству уже будетъ трудно не токмо чужаго искать, но и свое отбирать; того ради, государь, можно начать и на предбудущее лѣто, понеже не великихъ войскъ сія война требуетъ, ибо ваше величество изволите уже и сами видѣть, что не люди, своты воюють и разоряють; инфантеріи больше десяти полковъ я бы не желалъ, да къ тому кавалеріи четыре полка, и тысячи три нарочитыхъ казаковъ, съ которыми войски можно идти безъ великаго страха, только-бъ была исправная аммуниція и довольное число провіанта».

Сѣверная война прекратилась, и новому императору ничто не мѣшало обезпечить русскую торговлю на берегахъ Каспійскаго моря. Въ декабрѣ, Петръ отвѣчалъ Волынскому:

«Письмо твое получилъ, въ которомъ пишете о дѣлѣ Даудбега, и что нынѣ самый случай о томъ, что вамъ приказано предуготовлять. На оное ваше мнѣніе отвѣтствую, что сего случая не пропуститъ зѣло то изрядно, и мы уже довольною часть войска къ вамъ маршировать велѣли на квартиры, отколь весною пойдутъ въ Астрахань. Что же пишете о принцѣ грузинскомъ — онаго и прочихъ христіанъ, ежели кто къ сему дѣлу желателенъ будетъ, обнадеживайте, но чтобъ до прибытія нашихъ войскъ ничего не зачинать (по обыкновенной дерзости тѣхъ народовъ), а и тогда поступали бы съ совѣту».

Въ это время Волынскаго занимали дѣла въ Кабардѣ, гдѣ безпрестанно ссорившіеся другъ съ другомъ князьки требовали посредничества астраханскаго губернатора. Отъ 5 декабря, онъ писалъ царю:

«Я сюда въ казачьи верхніе гребенскіе городки прибылъ, куда нѣкоторые кабардинскіе князьки еще до меня прибыли, затягивая меня къ себѣ, чтобъ противную партію имъ чрезъ меня искоренить, или, по послѣдней мѣрѣ, противныхъ князей выгнать вонъ, а имъ въ Кабардѣ остаться однимъ; однако я имъ отказалъ, и что я неволею мирить не буду, а призывалъ противную имъ партію ласкою, и такъ сдѣлалось, что при-

ѣхалъ и дядя ихъ, съ кѣмъ у нихъ ссора, и оный первенство во всей Кабардѣ имѣеть, котораго съ великимъ трудомъ изъ Кабарды я выманилъ, ибо онъ зѣло боялся отъ того, что крымскую партію держалъ, также при немъ пріѣхали мало не всѣ лучшіе уздени; и хотя я сначала имъ довольно выговаривалъ для чего они, оставя протекцію вашего величества, приводили въ Кабарду крымцевъ, однакожъ напоследокъ то отпустилъ имъ и по прежнему милостію вашего величества обладежилъ и потомъ помирилъ ихъ, однакожъ съ присягою, чтобъ имъ быть подъ протекцію вашею, и притомъ и со взятіемъ вѣрныхъ аманатовъ. И тако вся Кабарда нынѣ видится подъ рукою вашего величества; токмо не знаю, будетъ ли имъ изъ моей медиации впредь польза, понеже между ими во вѣки миру не бывать, ибо житье ихъ самое звѣрское, и не токмо посторонніе, но и родные другъ друга за бездѣлицу рѣжутъ, и я чаю таково удивительнаго дѣла мало бываетъ или и никогда, понеже по изслѣдованію дѣла не сыскался виноватый ни одинъ и праваго никого нѣтъ, а за что первая началась ссора, то уже изъ памяти вышло, и тако за что дерутся и рѣжутся, истинно ни одинъ не знаетъ, только уже вошло у нихъ то въ обычай, что и перемѣнить невозможно. Еще жѣ приводитъ ихъ къ тому нищета, понеже таеъ нищи, что нѣкоторые князья во мнѣ затѣмъ не ѣдутъ, что не имѣютъ платья, а въ овчинныхъ шубахъ ѣхать стыдно, а кушитъ и негдѣ и не на что, понеже у нихъ монеты никакой нѣтъ; лучшее было богатство скотъ, но и то все крымцы обобрали, и нынѣ князей кормятъ уздени, и всего ихъ мерзкаго житья и описать невозможно; только одно могу похвалить, что всѣ—такіе воины, какихъ въ здѣшнихъ странахъ не обрѣтается, ибо, что татаръ или кумыковъ тысяча; тутъ чересовъ довольно двухъ сотъ».

Въ началѣ 1722 года, когда дворъ находился въ Москвѣ, получено было извѣстіе отъ русскаго консула въ Персіи, Семена Аврамова, что афганцы, возставшіе противъ шаха Гуссейна подъ начальствомъ Магмуда, сына Мирвезова, 18 февраля стояли уже только въ 15 верстахъ отъ Испагани. Шахъ выслалъ противъ нихъ войско; но оно было поражено, и первый побѣжалъ любимецъ шаха, главный визирь Эхтимать-Девлетъ; побѣдитель, 7 марта, подошелъ къ Испагани и расположился въ предмѣстіяхъ. Гуссейнъ, по требованію народа, назначилъ намѣстникомъ старшаго сына своего, но персіяне обнаружили неудовольствіе, и шахъ назначилъ втораго сына; когда и этотъ не поправился, то назначенъ былъ третій сынъ, Тохмасъ-Мирза. Но эти распоряженія не поправили дѣла; послѣ второй проиг-

ранной битвы, персіяне совершенно потеряли духъ, а жулфинскіе армяне, называвшіеся такъ по имени предмѣстія, гдѣ жили, всё передались на сторону побѣдителя. Потомъ изъ Константинополя было получено извѣстіе, что афганцы овладѣли Испанью, и старый шахъ попался въ плѣнъ.

При такихъ извѣстіяхъ медлить было нельзя, тѣмъ болѣе, что турки прежде всего могли воспользоваться паденіемъ Персіи и утвердиться на берегахъ Каспійскаго моря, которое Петръ считалъ необходимымъ для Балтійскаго моря. 18 апрѣля, Петръ писалъ изъ Москвы въ генераль-маіору Матюшкину, завѣдывавшему приготовленіемъ судовъ на верхней Волгѣ: «Увѣдомьте насъ, что лодки, мая къ пятому числу, поспѣютъ ли, также и ластовыхъ судовъ къ тому времени сколько можетъ поспѣть? И достальныя ластовыя суда сколько къ которому времени могутъ поспѣть—о томъ чаще къ намъ пишите и въ дѣлѣ поспѣшайте». Матюшкинъ долженъ былъ доставить суда въ Нижній къ 20 мая, причемъ общалъ и недодѣланныя суда взять съ собою и додѣлывать дорогою. Часть гвардіи отправилась изъ Москвы 3 мая на судахъ внизъ по Москвѣ-рѣкѣ. 13 мая, выѣхалъ самъ императоръ сухимъ путемъ въ Коломну, гдѣ соединились съ нимъ генераль-адмиралъ графъ Апраксинъ, Петръ Андреевичъ Толстой, котораго Петръ бралъ съ собою для переписки, и другіе вельможи; въ Коломну же пріѣхала и императрица Екатерина Алексѣевна, отправлявшаяся вмѣстѣ съ мужемъ въ походъ. Изъ Коломны Петръ, со всѣми своими спутниками, отправился Овою въ Нижній, куда пріѣхалъ 26 мая и пробылъ до 30 — дня своего рожденія. День этотъ Петръ праздновалъ такимъ образомъ: рано пріѣхалъ онъ съ своей галеры на берегъ и пошелъ къ Апраксину въ его квартиру; побывъ здѣсь нѣсколько времени, поѣхалъ верхомъ въ соборную церковь къ литургіи; послѣ обѣдни, вмѣстѣ съ императрицею, пошелъ пѣшкомъ къ архіерею при колокольномъ звонѣ, продолжавшемся полчаса; послѣ звона началась стрѣльба въ городъ изъ тринадцати пушекъ; послѣ городской стрѣльбы стрѣляли у Строганова на дворѣ изъ нѣсколькихъ пушекъ, затѣмъ началась пушечная стрѣльба съ судовъ. Стрѣльба окончилась ружейнымъ залпомъ, причемъ полки разставлены на луговой сторонѣ по берегу. Отъ архіерея императоръ и императрица поѣхали въ домъ Строганова, гдѣ обѣдали вмѣстѣ съ прочими господами; послѣ обѣда, въ 6-мъ часу, отправились къ жуццу Пушникову, а оттуда Петръ переѣхалъ на свою галеру, и въ 9-мъ часу отправился далѣе Волгою въ Астрахани.

18 іюля, Петръ съ Екатериною отплылъ изъ Астрахани, и

на другой день вышелъ въ море съ пѣхотою; конница шла сухимъ путемъ. 27 іюля, въ день гангудской побѣды, войска высадились на берегъ въ Аграханскомъ заливѣ; Петръ ступилъ на землю первый: его перенесли на доскѣ четыре гребца, потому что за мелководіемъ шлюпка не могла пристать къ берегу. На мѣстѣ высадки немедленно устроили ретраншементъ. Въ тотъ же день было получено непріятное извѣстіе, что бригадиръ Ветерани, отправленный для занятія Андреевой деревни, былъ въ ущельи осыпанъ стрѣлами и пулями непріятельскими; растерявшись, Ветерани, вмѣсто того, чтобъ какъ можно скорѣе выбираться изъ ущелья, остановился и вздумалъ отстрѣливаться, тогда какъ непріятель, скрытый въ лѣсу на горахъ, былъ невидимъ; вслѣдствіе этого потеряно было 80 человекъ; тогда полковникъ Наумовъ, видя ошибку бригадира, согласился съ остальными офицерами, бросился на Андрееву деревню, овладѣлъ ею и превратилъ въ пепель.

5-го августа, войско выступило въ походъ въ Таркамъ, и на другой день Петру былъ представленъ владѣлецъ тарвовскій Адильгирей. Императоръ принялъ его, стоя передъ гвардіею. Адильгирей объявилъ, что до сихъ поръ служилъ русскому государю вѣрно, а теперь будетъ особенно вѣрно служить. Когда бывший государь, князь Кантемиръ перевелъ эти слова, Петръ отвѣчалъ: «За службу твою будешь ты содержанъ въ моей милости». Въ тотъ же день были представлены государю султанъ Махмудъ Аксайскій съ двумя другими владѣльцами; увидавши императора, они пали на колѣни и объявили, что желаютъ быть подъ покровительствомъ его величества; Петръ обнадежилъ ихъ своею милостію и покровительствомъ. 12-го августа, войско приблизилось къ Таркамъ съ распущенными знаменами, барабаннымъ боемъ и музыкою и стало лагеремъ подъ городомъ. За пять верстъ до города встрѣтилъ государя Адильгирей, когда Петръ ѣхалъ передъ гвардіею въ строевомъ платьѣ. Шевкаль сошелъ съ лошади, низко поклонился императору и поздравилъ съ прїѣздомъ. Государь снова обнадежилъ его своею милостію и увѣрялъ, что подданнымъ его не будетъ никакой обиды отъ русскаго войска. Потомъ шевкаль подошелъ къ каретѣ императрицы, поклонился низко и поцѣловалъ землю. На другой день Петръ ѣздилъ для гулянья въ тарвовскія горы въ сопровожденіи трехъ драгунскихъ ротъ, осматривалъ старинную башню, откуда, по просьбѣ Адильгирей, отправился къ нему въ домъ; сначала гости были въ двухъ большихъ комнатахъ съ каменными фонтанами, потомъ хозяинъ повелъ ихъ въ комнату, гдѣ живутъ жены, убранную коврами и зеркалами; вошли двѣ жены шев-

кала въ сопровожденіи другихъ знатныхъ женщинъ, поклонились въ землю и цѣловали правую ногу императора, а послѣ, по ихъ просьбѣ, допущены и къ рукѣ. Принесли скатерть, поставили разныя кушанья и фрукты; шевкаль налилъ въ чашку горячаго вина и поднесъ государю. Петръ сейчасъ же обратилъ вниманіе на множество ценной посуды въ домѣ шевкала, и спросилъ, откуда ее берутъ; Адильгирей отвѣчалъ, что ее дѣлаютъ въ персидскомъ городѣ Мешетѣ. На прощаньи хозяинъ подарилъ гостю сѣраго аргамака въ золотой сбруѣ. 14-го августа, обѣ жены шевкала были у императрицы, цѣловали ногу и руку и поднесли шесть лотковъ винограду. 15-го августа, въ Успеневъ день, государь и государыня слушали всенощную и обѣдню въ церкви Преображенскаго полка; по окончаніи обѣдни, Петръ самъ размѣрилъ около того мѣста, гдѣ стояла церковь и положилъ камень; тоже сдѣлали императрица и всѣ присутствовавшіе, и такимъ образомъ быстро набросанъ былъ курганъ въ память русской обѣдни передъ Тарками.

16-го августа, войско выступило въ походъ къ Дербенту. Султанъ Махмудъ Утемишскій вздумалъ сопротивляться; но былъ пораженъ, и столица его, мѣстечко Утемишъ, состоявшее изъ 500 домовъ, обращена въ пепель; 26 человекъ плѣнныхъ казнены смертію. Дербентъ не сопротивлялся: 23-го августа, императоръ былъ встрѣченъ наибомъ дербентскимъ за версту отъ города; наибъ палъ на колѣни и поднесъ Петру два серебряные ключа отъ городскихъ воротъ. Императрица такъ описывала Меншикову походъ: «Мы отъ Астрахани шли моремъ до Терка и отъ Терка до Аграхани, а тамъ, выбрався на землю, дожидались долго кавалеріи, и потомъ дошли во владѣнныя салтана Мамута Утемышевскаго. Оной ни чѣмъ къ намъ не отозвался; того ради августа 19-го числа поутру послали къ нему съ письмомъ трехъ человекъ донскихъ казаковъ, и того же дня, третьяго часа пополудни, сей господинъ нечаянно нашихъ атаковалъ, которому гостю зѣло были рады, и принявъ, проводили его наши до его жилища, отдавая вонтравизитъ, и побывъ тамъ, сдѣлали изъ всего его владѣнныя фейерверкъ для утѣхи имъ. Маршъ сей хотя не далекъ, только зѣло труденъ отъ безворности лошадямъ и великихъ жаровъ».

Сенаторы писали Петру изъ Москвы, что—«по случаю побѣды въ Персіи и за здравіе Петра Великаго, всерадостно пили». Но Петръ, желавшій взглянуть на завѣтный Востокъ, отъ котораго ждалъ обогащенія для своей Россіи, желавшій, какъ всегда, ознакомиться съ дѣломъ на мѣстѣ, не имѣлъ намѣренія долге участвовать въ походѣ: это не была Сѣверная война, которая,

по своей важности, могла извинять долгое отсутствіе государя изъ отечества. Занятіе безъ выстрѣла Таровъ и Дербента подавало надежду, что и Бабу послѣдуетъ ихъ примѣру, и лейтенантъ Лукинъ отправился на шнавь склонять жителей ея къ подданству; но затруднительность въ продовольствіи войска заставила приостановить походъ. Надобно было выгрузить муку изъ 12-ти ластовыхъ судовъ; но передъ выгрузкою, ночью, всталъ жестокой сѣверный вѣтеръ, отъ котораго суда начали течь; до полудня выливали воду, наконецъ, потеряли силы, и оставалось одно средство — пуститься къ берегу и посадить суда на мель. Суда выгрузили, но мука подмокла и испортилось ея много. Ждали еще изъ Астрахани 30-ти судовъ, нагруженныхъ провіантомъ; но командовавшій ими капитанъ Вильбоа даль знать, что онъ пришель въ Аграханскій заливъ, а далье идти боится, потому что суда въ плохомъ состояніи, и по открытому морю на нихъ плыть трудно. Петръ созвалъ военный совѣтъ, на которомъ было рѣшено, что такъ какъ провіанта станетъ только на одинъ мѣсяцъ, то надобно, оставя въ Дербентѣ гарнизонъ, возвратиться въ Аграханъ. Войска двинулись въ обратный походъ; въ Дербентѣ оставленъ былъ гарнизонъ подъ начальствомъ полковника Юнкера; потомъ на мѣстѣ, гдѣ рѣка Аграханъ отдѣляется отъ рѣки Сулака, Петръ заложилъ новую крѣпость св. Креста; крѣпость эта должна была прикрывать русскія границы вмѣсто прежней Терской крѣпости, положеніе которой государь нашель очень неудобнымъ. Въ то время, когда полагалось основаніе новой крѣпости, атаманъ Краснощекій съ донцами и калмыками ударилъ, въ концѣ сентября, на утемышскаго султана Махмуда, который не переставалъ враждовать къ Россіи: Краснощекій разорилъ все, что осталось отъ прежняго погрома или возникло вновь, много порубилъ непріятелей, взялъ въ плѣнъ 350 человекъ и захватилъ 11,000 шт. рогатаго скота, кромѣ другой добычи. У аграханскаго ретраншемета Петръ сѣлъ на суда и отплылъ въ Астрахань, куда прибылъ 4-го октября благополучно; но генераль-адмиралъ, плывшій сади, вытерпѣлъ четырехдневный страшный штурмъ. 6-го ноября, Петръ проводилъ отрядъ войска, отплывшій изъ Астрахани въ Гилянъ подъ начальствомъ полковника Шипова, а 7-го числа отправился въ Москву, куда 13-го декабря имѣлъ торжественный въѣздъ.

Вмѣстѣ съ движеніемъ войскъ шли переговоры съ персидскимъ правительствомъ. Еще 25-го іюня, въ Астрахани, Петръ велѣлъ отправить слѣдующіе пункты русскому консулу въ Персіи, Семену Аврамову: «Предлагай шаху старому или новому, или вого сыщешь по силѣ кредитива, что мы идемъ къ Шемахѣ

не для войны съ Персією, но для искорененія бунтовщиковъ, которые намъ обиду сдѣлали, и ежели имъ (т. е. персидскому правительству), при семъ крайнемъ ихъ разореніи, надобна помощь, то мы готовы имъ помогать и очистить отъ всѣхъ ихъ непріателей, и паки утвердить постоянное владѣніе персидское, ежели они намъ уступятъ за то нѣкоторыя по Каспійскому морю лежащія провинціи, понеже вѣдаемъ, что ежели въ сей слабости останутся и сего предложенія не примутъ, то турки не оставятъ всею Персією завладѣть, что намъ противно, и не желаемъ не только имъ, но себѣ оною владѣть; однакоже, не имѣя съ ними (персіянами) обязательства, за нихъ вступиться не можемъ, но токмо по морю лежащія земли отберемъ, ибо турокъ тутъ допустить не можемъ. Еще же сіе имъ предложи: ежели сіе вышписанное не примутъ, какая имъ польза можетъ быть, когда турки вступятъ въ Персію? Тогда намъ крайняя нужда будетъ берегами по Каспійскому морю овладѣть, понеже турковъ тутъ допустить намъ невозможно, и такъ они, пожалѣя части, потеряютъ все государство».

Аврамовъ получилъ эти пунеты, находясь въ Казвинѣ, и обратился къ наслѣднику шахову Тохмасу, съ предложеніемъ помощи; для чего долженъ быть отправленъ къ императору посоль. О вознагражденіи за помощь Аврамовъ не сказалъ ничего, чтобы не встрѣтить препятствія дѣлу въ «замерзлой спѣси и гордости» персіянъ. Увидавъ при этомъ, что Тохмасъ чловѣкъ молодой и непривычный къ дѣламъ, Аврамовъ вошелъ въ переговоры съ вельможами, предложилъ, чтобы отправленъ былъ посоль съ полномочіемъ договариваться о вознагражденіи, если императоръ потребуеть его за помощь. Персіяне согласились. Давая знать о результатѣ своихъ переговоровъ, Аврамовъ доносилъ, что персидское государство въ конецъ разоряется и пропадаетъ: Алимерданъ-ханъ, на котораго полагались всѣ надежды, измѣнилъ и ушелъ къ турецкой границѣ; афганцы безпрепятственно разоряли мѣста, оставшіяся за шахомъ; курды опустошали окрестности Тавриза; наслѣдникъ престола Тохмасъ не могъ набрать больше 400 чловѣкъ войска. Измаиль-Бекъ, назначенный посломъ въ Россію, со слезами говорилъ Аврамову: «Вѣра наша и законъ въ конецъ пропадаютъ, а у нашихъ господъ жи и спѣси не умалается».

Между тѣмъ, полковникъ Шиповъ, благодаря сильному сѣверному вѣтру, неожиданно скоро проплылъ пространство между устьями Волги и устьями Кура, въ концѣ ноября 1722 года вошелъ въ эту рѣку, и потомъ, въ качествѣ шахова союзника, занялъ большой городъ Рящъ, куда губернаторъ нѣхота впустилъ

русское войско, не имѣя средствъ къ сопротивленію. «Опасаясь я жителей Ряца, писалъ Шиповъ: слышно, что противъ насъ и войско собирають; лѣсу даютъ рубить на дрова съ великою нуждою и причитають себѣ въ обиду:—У насъ-де съ лѣсу шаху подать дають, и мы-де васъ не звали. — Я обхожусь съ ними ласково и уговариваю какъ можно; но они намъ не ради и желаютъ насъ выжить. Всѣ богатые люди здѣсь въ великой вонфузіи, не знаютъ, куда склониться, и ежели-бъ нашихъ людей было больше, то, надѣясь на нашу защиту, они бы къ намъ склонились; а нынѣ, видя насъ малолюдныхъ, очень боятся своихъ, чтобы за то ихъ не разорили». Ежедневно увеличивалось въ городѣ число вооруженныхъ персіянъ, и Шиповъ, узнавъ отъ грузинскихъ и армянскихъ купцовъ, что войска набралось уже 15,000, да пришли еще два сосѣднихъ губернатора, велѣлъ укрѣпить караванъ-сарай, гдѣ жилъ съ своимъ отрядомъ. Губернаторъ прислалъ спросить его, зачѣмъ онъ это дѣлаетъ? Шиповъ отвѣчалъ: «Европейскія воинскія правила требуютъ такой предосторожности, хотя и нѣтъ никакой явной опасности». Въ концѣ февраля 1723 года, три губернатора, по шахову указу, прислали объявить Шипову, что они въ состояніи сами защищать себя отъ неприятелей, въ его помощи не нуждаются, а потому пусть онъ уходитъ. Шиповъ отвѣчалъ, что онъ присланъ императоромъ, безъ указа котораго назадъ не двинется; да если-бъ и хотѣлъ уйти, такъ не на чемъ: изъ судовъ, на которыхъ онъ приплылъ, два ушли въ Россію съ шаховымъ посланникомъ Измаиль-Бевомъ, и потому ему нужно сначала перевести въ Дербентъ всѣ тяжести, и когда суда возвратятся, ѣхать на нихъ съ войскомъ. Персіяне успокоились, думая, что Шиповъ сначала отошлетъ артиллерію, которой боялись больше всего. Суда, привезшія Шипова, дѣйствительно начали готовиться къ отплытію, потому что начальствовавшій ими капитанъ-лейтенантъ Соймоновъ окончилъ возложенное на него порученіе, описавъ мѣста при устьѣ Кура. 17-го марта, Соймоновъ, оставивши три судна въ устьяхъ Кура, съ остальными вышелъ въ море, но не взялъ съ собою ни одной пушки. Узнавши объ этомъ, персіяне начали опять приступать къ Шипову, чтобы вышелъ изъ Ряца; но полковникъ не двигался; персіяне начали обстрѣливать караванъ-сарай, убили одного офицера; Шиповъ молчалъ и дожидался ночи: когда стемнѣло, онъ велѣлъ одной гренадерской ротѣ выйти изъ караванъ-сарая въ поле и, обошедъ кругомъ, напасть на неприятеля съ тыла, а двумъ другимъ ротамъ велѣлъ выступить изъ переднихъ воротъ и напасть на персіянъ въ лицо. Непріятель, увидѣвши, что на

него нападаютъ съ двухъ сторонъ, совершенно потерялъ духъ и бросился бѣжать; русскіе преслѣдовали бѣгущихъ по всѣмъ улицамъ города и порубили больше тысячи человѣкъ. Также удачно сто человѣкъ русскихъ отразили 5,000 персіянъ, напавшихъ на три судна, оставленныя Соимоновымъ.

Когда, такимъ образомъ, Шиповъ удержался въ Рящѣ, въ іюлѣ 1723 года генераль-маіоръ Матюшкинъ приплылъ съ четырьмя полками изъ Астрахани въ Баку и послалъ сказать начальствовавшему въ городѣ султану, что явился взять городъ въ защиту отъ бунтовщиковъ и прислалъ письмо отъ персидскаго посланника Измаиль-Бека, который писалъ о томъ же. Изъ Баку отвѣчали, что жители города, вѣрныя подданные шаха, четыре года умѣли отбиваться отъ бунтовщика Дауда и не нуждаются ни въ какой помощи и защитѣ. Матюшкинъ высадилъ войско, прогналъ персіянъ, хотѣвшихъ помѣшати высадѣ и началъ приготовляться къ приступу, но бакинцы послѣшили сдать городъ. Оставивши въ Баку комендантомъ бригадира князя Барятинскаго, Матюшкинъ отплылъ назадъ въ Астрахань. Петръ очень обрадовался взятію Баку и написалъ Матюшкину: «Письмо ваше я получилъ съ великимъ довольствомъ, что вы Баку получили (ибо не безъ сомнѣнія отъ турковъ было), за которые ваши труды вамъ и всѣмъ при васъ въ ономъ дѣлѣ трудившимся благодарствуемъ и повышаемъ васъ чиномъ генераль-лейтенанта. Не малое и у насъ бомбардированіе того вечера было, когда сія вѣдомость получена».

17-го сентября, Петръ писалъ новому генераль-лейтенанту: «Поздравляю со всѣми провинціями, по берегу Каспійскаго моря лежащими, понеже посоль персидскій оныя уступилъ». Договоръ былъ подписанъ въ Петербургѣ 12-го сентября 1723 года, и состоялъ въ слѣдующихъ главныхъ статьяхъ: «1) его императорское величество всероссійское обѣщаетъ его шахову величеству Тохмасибу добрую и постоянную свою дружбу и высоко-монаршеское свое сильное вспоможеніе противъ всѣхъ его бунтовщиковъ, и для усмиренія оныхъ и содержанія его шахова величества на персидскомъ престолѣ изволить, какъ скоро токмо возможно, потребное число войскъ въ персидское государство послать, и противъ тѣхъ бунтовщиковъ дѣйствовать, и все возможное учинить, дабы оныхъ ниспровергнуть, и его шахово величество при спокойномъ владѣніи персидскаго государства оставить. 2) А наспротивъ того его шахово величество уступаетъ его императорскому величеству всероссійскому въ вѣчное владѣніе города Дербентъ, Баку со всѣми къ нимъ принадлежащими и по Каспійскому морю лежащими землями и мѣстами, такожде

и провинціи: Гилянъ, Мазандеранъ и Астрабатъ, дабы оными содержать войско, которое его императорское величество къ его шахову величеству противъ его бунтовщиковъ въ помощь посылаетъ, не требуя за то денегъ.»

Петръ уже хозяйничалъ въ уступленныхъ областяхъ; въ маѣ 1724 года написалъ пункты Матюшкину:

«1) Крѣпость св. Креста додѣлать по указу; 2) въ Дербентѣ цитадель сдѣлать къ морю и гавань дѣлать; 3) Гилянъ уже овладѣли, надлежитъ Мазандераномъ также овладѣть и укрѣпить; а въ Астрабатской пристани ежели нужно сдѣлать крѣпость, для того работныхъ людей, которые опредѣлены на Куру, употребить въ вышеписанныя дѣла; 4) Баку укрѣпить; 5) о Курѣ развѣдать, до которыхъ мѣстъ можно судами мелкими идти, чтобъ подлинно вѣрно было; 6) сахаръ освидѣтельствовать и прислать нѣсколько, также и фруктовъ сухихъ; 7) о мѣди также подлинное свидѣтельство учинить, для того взять человѣка, который пробы умѣетъ дѣлать; 8) бѣлой нефти выслать тысячу пудовъ или сколько возможно; 9) цитроны, сваря въ сахарѣ, прислать: однимъ словомъ, какъ владѣніе, такъ сборы всякіе денежные и всякую экономію въ полное состояніе привести. Стараться всячески, чтобы армянъ призывать и другихъ христіанъ, если есть, въ Гилянъ и Мазандеранъ, и оживать (поселять), а басурманъ зѣло тихимъ образомъ, чтобъ не узнали, сколько возможно, убавлять, а именно турецкаго закона (суннитовъ). Также когда осмотрится, даль бы знать, сколько возможно тамъ русской націи на первый разъ поселить. О Курѣ подлиннаго извѣстія не имѣемъ: иные говорятъ, что пороги, а нынѣ прїѣзжалъ грузинецъ, сказываетъ, что отъ самой Ганжи до моря пороговъ нѣтъ, но выше Ганжи пороги; объ этомъ, какъ о главномъ дѣлѣ, надлежитъ освѣдомиться, и кажется лучше нельзя, какъ посылкою для какогонибудь дѣла въ Тифлисъ къ пашѣ. Сіе писано, не зная тѣхъ сторонъ; для того дается на ваше разсужденіе: что лучше—то дѣлайте, только чтобъ сіи уступленные провинціи, особливо Гилянъ и Мазандеранъ, въ полное владѣніе и безопасность приведены были.»

Но «уступленные провинціи» были уступлены только на бумагѣ, въ Петербургѣ. Для ратификаціи договора, заключеннаго Измаиль-Беемъ, отправились въ Персію Преображенскаго полка унтеръ-лейтенантъ князь Борисъ Мещерскій и секретарь Аврамовъ. Въ апрѣлѣ 1724 года, вѣхали они въ персидскія владѣнія, и встрѣча была дурная, на нихъ напала вооруженная толпа; къ счастью, выстрѣлы ея никому не повредили. Когда Мещерскій жаловался на такую встрѣчу, ему отвѣчали: «Ребята играли;

не изволь гнѣваться, мы ихъ същемъ и жестоко накажемъ». Шахъ принялъ Мещерскаго съ обычною церемоніею, но этимъ все дѣло и кончилось: посланникъ не могъ добиться никакого отвѣта и принужденъ былъ уѣхать ни съ чѣмъ; на возвратномъ пути въ горахъ подвергся непріятельскому нападенію; было узнано, что персидское правительство хотѣло именно погубить Мещерскаго и дѣйствовало по внушеніямъ шекала Тарковскаго, который доносилъ о слабости русскихъ въ занятыхъ ими провинціяхъ. По возвращеніи Мещерскаго, императорскіе министры подали мнѣніе, чтобъ Матюшкинъ написалъ шаху или его первому министру съ представленіями, что между Россіею и Турціею заключенъ договоръ на счетъ персидскихъ дѣлъ; что Персія можетъ спастись единственно принятіемъ этого договора и погибнетъ, если вооружить противъ себя соединенныя силы такихъ могущественныхъ государствъ. Министры считали необходимымъ увеличить число регулярнаго войска въ ново-занятыхъ областяхъ, чтобъ, съ одной стороны, распространить русскія владѣнія и военными дѣйствіями утратить персіанъ, а съ другой—удерживать турокъ. 11 октября, въ Шлюссельбургѣ подано было Петру мнѣніе министровъ, и онъ далъ такую резолюцію: «Нынѣ посылать къ шаху непотребно, потому что теперь отъ него никакого полезнаго отвѣта быть не можетъ; пожалуй, объявятъ и то, что они договоръ подтвердятъ, и потребуютъ помощи не только противъ афганцевъ, но и противъ турокъ: тогда хуже будетъ. Надобно стараться, чтобъ грузины, которые при шахѣ, какъ нибудь его увезли, или, по крайней мѣрѣ, сами отъ него уѣхали; для того писать къ Вахтангу и устраивать это дѣло чрезъ его посредство. Писать къ генераль-маіору Кропотову, чтобы онъ искуснымъ и пристойнымъ способомъ старался поймать шекала за его противные поступки». Относительно умноженія русскихъ войскъ императоръ объявилъ, что развѣ прибавитъ нерегулярныхъ полковъ, о пропитаніи которыхъ пусть подумаютъ министры».

Лучшимъ средствомъ для закрѣпленія занятыхъ провинцій за Россіею, Петръ считалъ усиленіе въ немъ христіанскаго населенія и уменьшеніе магометанскаго. Мы видѣли, что императоръ прямо указывалъ на армянъ. Въ XVII вѣкѣ, между этимъ народомъ и Россіею происходили сношенія по дѣламъ чисто торговымъ; съ начала XVIII вѣка пошли сношенія другого рода. Въ концѣ іюня 1701 года, въ Смоленскѣ изъ-за литовскаго рубежа явились три иностранца; одинъ назывался Израиль Оріа, другой Оруховичъ, третій былъ римскій ксендзъ. Представленный боярину Головину, Оріа объявилъ себя армя-

ниномъ знатнаго происхожденія, разсказалъ, что онъ уже 20 лѣтъ живетъ въ западной Европѣ, и теперь, снесшись съ армянскими старшинами, находящимися въ Персіи, составилъ планъ освободить своихъ соотечественниковъ отъ тяжелаго ига персидскаго; императоръ и курфирстъ баварскій охотно соглашаются помогать этому дѣлу, но признаютъ необходимымъ содѣйствіе царя русскаго.

«Наши начальныя люди — говорилъ Орія — будутъ употреблять всѣ свои силы, чтобъ поддаться великому царю московскому; больше пятнадцати или двадцати тысячъ человѣкъ войска намъ не надобно, потому что у невѣрныхъ нѣтъ войска въ Великой Арменіи, есть пять губернаторовъ, каждый живетъ въ неукрѣпленномъ городѣ съ отрядомъ въ полтора ста человѣкъ, и какъ скоро наши начальныя люди услышатъ о приближеніи русскихъ войскъ, то въ 24 часа выгонятъ невѣрныхъ и въ 15 дней овладѣютъ всею землею. Грузины желаютъ того же самаго для себя. Содержаніе царскимъ войскамъ будутъ доставлять наши начальныя люди; у меня бѣлый листъ за десятью печатами: о чемъ ни договорюсь съ царскимъ величествомъ, все будетъ исполнено». Видя, что царь занятъ шведскою войною и не можетъ отдѣлать значительную часть войскъ своихъ для освобожденія армянъ, Орія подалъ предложеніе, чтобъ послано было 25,000 войска, составленнаго изъ казаковъ и черкесовъ: такъ какъ тѣ и другіе живутъ на границѣ, то походъ будетъ безподозрителенъ и безъ слуха; на знаменахъ войсковыхъ должно быть изображено съ одной стороны распятіе, а съ другой — царскій гербъ; войско должно идти на Шемаху, потому что это городъ большой, торговый, но не укрѣпленъ, населенъ армянами и занять его будетъ легко, а Шемаха — ключъ къ армянской землѣ. Армянскіе начальныя люди съ войскомъ своимъ соберутся въ городѣ Нахичевани и, взявши царскія знамена, пойдутъ на непріятелей. Городъ Эриванъ взять легко, потому что тамъ живетъ много армянъ; пороховая казна и другіе военные припасы въ рукахъ армянскихъ. А когда войско овладѣетъ Тавризомъ, городомъ богатѣйшимъ, то можетъ пустить загоны на всѣ четыре стороны и великую добычу получить, потому что села богатыя. Извѣстно, какъ Стенька Разинъ съ 3,000 казаковъ овладѣлъ Гилянью и держалъ ее много лѣтъ, шахъ ничего не могъ ему сдѣлать; и теперь казаки пойдутъ въ этотъ походъ охотно, потому что добыча имъ будетъ громадная. Въ армянской странѣ 17 провинцій, съ которыхъ соберется 116,000 человѣкъ войска, да грузинскаго войска соберется съ 30,000; турецкіе армяне придутъ на помощь персидскимъ, и разумъ не

можетъ обнять, сколько богатства у всѣхъ армянъ тамошнихъ; а шахъ персидскій не можетъ собрать больше 38,000 человекъ, а какъ лишится армянъ и грузинъ, то не останется у него и 20,000, и тѣ заняты войною съ бухарцами. Теперь самое удобное время воевать персовъ, потому что они не готовы, и всѣ христіане на нихъ возстали по причинѣ великаго гоненія.

Оріа написалъ письмо самому государю: «Безъ сомнѣнія, вашему царскому величеству извѣстно, что въ армянской землѣ въ старину былъ король и князья христіанскіе, а потомъ отъ несогласія своего пришли подъ иго невѣрныхъ. Больше 250 лѣтъ стонемъ мы подъ этимъ игомъ; и какъ сыны Адамовы ожидали пришествія Мессіи, который бы избавилъ ихъ отъ вѣчной смерти, такъ убогій нашъ народъ жилъ и живетъ надеждою на помощь отъ вашего царскаго величества. Есть пророчество, что въ послѣднія времена невѣрные разсвирѣпѣютъ и будутъ принуждать христіанъ къ принатію своего пресвернаго закона: тогда придетъ, изъ августѣйшаго московскаго дома, великій государь, превосходящій храбростію Александра Македонскаго; онъ возьметъ царство армянское и христіанъ избавить. Мы видимъ, что исполненіе этого пророчества приближается».

Такъ какъ Оріа называлъ себя посланцемъ курфирста баварскаго, принимавшаго такое живое участіе въ судьбѣ армянъ, то ему отвѣчали, что царское величество, будучи занятъ шведскою войною, не можетъ отправить значительнаго войска въ Персію, но пусть курфирстъ пришлетъ на помощь свое войско съ добрыми инженерами, офицерами и со всякими воинскими припасами; а въ Персію государь пошлетъ, подъ видомъ купца, вѣрнаго человека для подлиннаго увѣренія и рассмотрѣнія тамошнихъ мѣстъ. Оріа отвѣчалъ, что русскій человекъ ничего тамъ не провѣдаетъ; лучше послать гонца, съ которымъ поѣдетъ онъ самъ и повесть царскую обнадеживательную грамоту къ армянскимъ старшинамъ, что они будутъ приняты подъ русскую державу со всякими вольностями, особенно съ сохраненіемъ вѣры; такую же обнадеживательную грамоту надобно послать и къ грузинамъ, и пусть ее напишетъ находящійся въ Россіи имеретинскій Арчилъ Вахтанговичъ. Обнадеживательную грамоту армянамъ послать прилично, потому что подобныя же грамоты уже отправлены имъ отъ цесаря и курфирста баварскаго.

На этомъ остановилось дѣло въ 1701 году; весною 1702 года, Оріа было объявлено, что царское величество принимаетъ его предложеніе благопріятно, начать и совершить предпріятіе не отрицается, только не теперь, потому что теперь идетъ война шведская и начинать другую войну трудно; а когда шведская война

кончится, то освобожденіе армянъ будетъ предпринято непременно. Это объявляется Орїи и товарищу его словесно, а они могутъ обнадежить старшинъ своего народа письменно. Осенью 1703 года, Орїя поднесъ Петру карту Арменїи: «Изъ этого чертежа, писалъ онъ, можно видѣть, что во всемъ государствѣ нѣтъ другой крѣпости, кромѣ Эривани. Богъ да поможетъ войскамъ вашимъ завоевать ее, и тогда всю Арменїю и Грузїю покорите; въ Анатолиі много грековъ и армянъ: тогда увидятъ турки, что это прямой путь въ Константинополь. Я здѣсь ничего не дѣлаю, и потому прошу отпустить меня къ цесарю и курфирсту освѣдомиться, какую помощь они могутъ подать; прошу также дать мнѣ чинъ полковника карабинернаго, чтобъ тамъ удобнѣе могъ я набрать всякихъ оружейныхъ художниковъ». Просьба была исполнена. Въ 1707 году, полковникъ Орїя, возвратившись изъ западной поѣздки, отправленъ былъ въ Персію подъ видомъ папскаго посланника, но умеръ на возвратномъ пути въ Астрахани.

Въ Россїи остался товарищъ Орїи, архимандритъ Минасъ Вартапетъ. Въ ноябрѣ 1714 года, онъ подалъ предложеніе: «Израиль Орїя, въ бытность свою въ Персію, склонилъ армянскаго патріарха и нѣсколько армянскихъ духовныхъ ѣхать съ собою въ Москву; но когда онъ умеръ въ Астрахани, то патріархъ и всѣ другіе духовные возвратились назадъ. Я нашель слѣдующій удобный способъ привести армянъ подъ покровительство Россїи: на Каспійскомъ морѣ есть удобная пристань, называемая Низовая, между двухъ рѣкъ; значительныхъ поселеній тутъ нѣтъ, только много деревень; для того, чтобъ царскимъ войскамъ можно было безопасно тутъ пристать, пусть государь пошлетъ грамоту къ шаху, чтобъ позволено было построить здѣсь армянскій монастырь, а строятся обыкновенно эти монастыри обширно и могутъ замѣнять крѣпости; и на построение этого монастыря изволилъ бы царское величество помочь деньгами. Для отвлеченія подозрѣнія отъ меня, государь благоволитъ приказать построить армянскую церковь въ Петербургѣ: тогда будетъ ясно, что я занимаюсь только ностроеніемъ церквей».

Въ началѣ 1716 года, Вартапетъ отправился въ Персію и повезъ письмо отъ Шафировъ въ Волинскому такого содержанія: «Въ данной вамъ инструкціи помануто, что, будучи въ Персію, навѣдаться о народѣ армянскомъ, какъ онъ тамъ многолюденъ и силенъ, и склоненъ ли къ сторонѣ царскаго величества; теперь для того же ѣдетъ изъ Москвы въ Персію извѣстный вамъ Минасъ Вартапетъ будто для отысканія пожитковъ, оставшихся послѣ умершаго Израїля Орїи: оказывайте ему нужную помощь, только не возбудите подозрѣнія». Варта-

петъ возвратился въ архіепископскомъ чинѣ и привезъ грамоту отъ армянскаго патріарха Исаи, живущаго въ монастырѣ Канзасарѣ. Въ грамотѣ говорилось: «Когда ваше величество свои воинскія дѣла начать изволите, тогда приважите насъ напередъ увѣдомить, чтобъ я съ моими вѣрными людьми, по возможности и по требованію вашему, могъ служить и приготовиться». Что же касается главнаго патріарха, живущаго въ Эчміадзинѣ, тотъ на словахъ обѣщаль служить вѣрно, но письмо далъ въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, что Вартапетъ у него былъ и говорилъ съ нимъ о дѣлахъ, которыя приняты любительно и пріятно. Эчміадзинскій патріархъ объявилъ, что онъ не можетъ обязаться вѣрностію царю, опасаясь персіянъ и нѣкоторыхъ армянъ. Въ 1718 году, Вартапетъ подалъ пункты, въ которыхъ просилъ, отъ имени всѣхъ армянъ, освободить ихъ отъ басурманскаго ига и принять въ русское подданство; объявлялъ, что теперь время приниматься за это дѣло, потому что варвары бѣдствуютъ извнѣ и внутри; что этому дѣлу много доброжелателей, но есть и противники, между прочими и епископъ армянскій, находящійся въ Казани; изъ всего видно, что онъ и пріѣхалъ въ Россію для провѣдыванія, и если возвратится въ Персію, то всѣ вѣрныя пропадутъ, и патріарху можетъ грозить смерть: поэтому епископа и слугу его надобно посадить въ монастырь, держать честно, но не позволять ни съ кѣмъ имѣть сношенія.

Неизвѣстно, какъ было поступлено съ епископомъ; но извѣстно, что, въ началѣ 1722 года, посажены были по монастырямъ священникъ армянскій Араратскій и армянинъ Адамъ Павловъ, которому священникъ открылъ тайну сношеній русскаго двора съ армянами, а священнику открылъ эту тайну Вартапетъ. Считая виновникомъ своей бѣды Вартапета, Араратскій подалъ императору просьбу, въ которой указывалъ, что Вартапетъ — католикъ, ограбилъ армянскую церковь въ Москвѣ и подговаривалъ его, Араратскаго, чтобъ онъ всѣхъ армянъ обращалъ въ католицизмъ; когда русскія дѣвушки выходили за армянъ замужъ, то Вартапетъ вѣнчалъ ихъ по католическому обряду. Этотъ доносъ, какъ видно, не повредилъ Вартапету, и въ концѣ года тифлисскій армянскій епископъ писалъ ему, что сто тысячъ вооруженныхъ армянъ готовы пасть къ стопамъ императорскимъ, и чтобъ русскія войска спѣшили въ Шемаху; если же до марта 1723 года не будутъ, то армяне пропадутъ отъ лезгинъ. По прошествіи означеннаго срока, уже патріархъ армянскій Нерсесъ обратился прямо къ императору съ просьбою о заступленіи, «какъ пророкъ Моисей освободилъ Израиля отъ рука Фараоно-

ныхъ». Вслѣдствіе этой просьбы отправлена была «императорская милость и поздравленіе честному народу армянскому, обрѣтающемуся въ Персіи». Въ грамотѣ объявлялось, что армяне могутъ безпрепятственно пріѣзжать въ Россію для торговли; повезъ ее армянинъ Иванъ Карапетъ, которому велѣно было снабдить армянскій народъ императорскою милостью, увѣрить въ готовности государя принять ихъ подъ свое покровительство и освободить изъ подъ ига невѣрныхъ; но прежде всего русскимъ нужно утвердиться на Каспійскомъ морѣ, овладѣвъ прибрежными мѣстами, и потому пусть армяне подождутъ короткое время; если же главнымъ армянамъ нельзя оставаться въ ихъ странѣ, то пусть переѣзжаютъ въ города, занятые русскими войсками, а народъ останется въ своихъ жилищахъ и поживетъ спойно, пока русскія войска приготовятся къ его освобожденію.

Въ началѣ 1724 года, Карапетовъ пріѣхалъ въ монастырь Канзасаръ къ патриарху Исаи, около котораго собралось 12,000 армянскаго войска. Восемь дней праздновали армяне, узнавши, что русскій государь принимаетъ ихъ подъ свое покровительство, и объявили, что если императорское величество не изволитъ прислать къ нимъ войско на помощь, то они просятъ, чтобъ позволено было имъ поселиться у Каспійскаго моря, въ Гиляни, Сальянѣ при Баку и Дербентѣ, потому что они подъ игомъ басурманскимъ болѣе быть не хотятъ, хотя и персы и турки зовутъ ихъ къ себѣ. Въ одной карабахской провинціи армянъ будетъ со 100,000 дворовъ, а въ другой провинціи Капанъ еще болѣе армянъ, и всѣ они одинаково хотятъ быть подъ покровительствомъ Россіи. Въ октябрѣ того же 1724 года, два патриарха, Исаи и Нерсесь, прислали Петру новую грамоту: «О всѣхъ нашихъ пуждахъ черезъ четыре или пять писемъ мы вашему величеству доносили, но ни на одно отвѣта не получили; находимся въ безнадежности, какъ будто мы вашимъ величествомъ забыты, потому что три или четыре уже года живемъ въ распущенности, какъ овцы безъ пастыря. До сихъ поръ, имѣя непріятелей съ четырехъ сторонъ, по возможности оборонялись; но теперь пришло множество турецкаго войска и много персидскихъ городовъ побрало; просимъ съ великими слезами помочь намъ какъ можно скорѣе, иначе турки въ три мѣсяца все возмуть и христіанъ погубятъ.

Петръ не получилъ уже этой грамоты; но онъ и безъ армянской просьбы всего болѣе опасался турокъ; мы видѣли, что онъ приказывалъ населять новозанятія области армянами и удалять магометанъ турецкаго закона. Интересы Россіи и Турціи необ-

ходимо сталкивались по отношенію въ Персіи; Петръ спѣшилъ занять прикаспійскія области Персіи также и потому, чтобъ не дать утвердиться здѣсь туркамъ; если христіанское народонаселеніе Персіи, армяне, грузины прибѣгали подъ покровительство русскаго императора, то магометанское народонаселеніе Закавказья, особенно лезгинцы, овладѣвши Шемахою, изъ боязни предъ русскими, должны были отдаться подъ покровительство султана. Въ 1722 году, въ то время, когда Петръ готовился въ Москвѣ къ походу персидскому, русскій резидентъ въ Константинополѣ, Неплюевъ, давалъ ему знать, что лезгинцы, провозглашая себя настоящими мусульманами, одного съ турками закона, прислали просить покровительство султана; признавая его своимъ верховнымъ государемъ, они объявили, что въ знакъ подданства уже чеканятъ монету съ именемъ султана Ахмета и каждую пятницу молятся за него въ мечетяхъ, и требовали, чтобъ Порта немедленно отправила къ нимъ пашу для управленія. Порта содержала это дѣло въ большой тайнѣ, потому что въ то же время находился въ Константинополѣ и персидскій посоль; съ другой стороны, она заботливо озиралась на Россію, и зная, что, при взятіи Шемахи, лезгинцы враждебно поступили съ русскими, довѣдывалась у нихъ, какъ было дѣло. Лезгинцы, разумѣется, оправдывали себя, рассказывали, что русскимъ купцамъ было велѣно собираться въ одно мѣсто со всѣми своими пожитками, и если бы они такъ сдѣлали, то не потерпѣли бы ни малѣйшаго вреда; но они, увлекшись корыстолюбіемъ, стали брать почти у всѣхъ шемахинцевъ дорогія вещи на сохраненіе, что было имъ именно запрещено; тогда войско, видя себя лишеннымъ добычи, и узнавъ, что все лучшее спрятано у русскихъ, бросилось на нихъ, побило и ограбило. Порта дала такой отвѣтъ лезгинскимъ посланнымъ, что султанъ не подастъ противъ нихъ помощи шаху, но принять ихъ въ покровительство хотя и желаетъ, но не можетъ, ибо это будетъ подозрительно и Персіи и Россіи, которая раздражена погромомъ купцовъ своихъ въ Шемахѣ.

21 апрѣля, Неплюевъ былъ у визиря и объявилъ ему, что персидскіе бунтовщики побили въ Шемахѣ русскихъ купцовъ и разграбили ихъ товары, за что императоръ требуетъ отъ шаха удовлетворенія, а бунтовщики, какъ говорятъ, боясь мести со стороны Россіи, обратились къ Портѣ съ просьбою о покровительствѣ. Визирь отвѣчалъ, что дѣйствительно были у нихъ какіе-то люди съ устною просьбою о покровительствѣ, обѣщаясь быть въ зависимости отъ Порты, подобно крымскому хану, но что Порта потребовала отъ нихъ письменнаго заявленія ихъ желаній. «Мы знаемъ, продолжалъ визирь, что эти бунтовщики

не малую сдѣлали обиду русскимъ купцамъ, потому, если и письменно будутъ просить у васъ покровительства, то мы ихъ защищать не будемъ, пока вашъ государь не получитъ полного удовлетворенія». Французскій посоль говорилъ Неплюеву, что если русскіе ограничатся только прикаспійскими провинціями, а не будутъ со стороны Арменіи и Грузіи приближаться къ турецкимъ границамъ, то Порта останется равнодушною, а, быть можетъ, что нибудь и себѣ возьметъ со стороны Вавилона. Неплюевъ отвѣчалъ, что его императоръ не желаетъ разрушенія персидскаго государства и другихъ къ тому не допустить. Французъ замѣтилъ на это: «Такъ всегда говорятъ въ началѣ; а я говорю, какъ добрый другъ, что ни вы туркамъ, ни турки вамъ воспрепятствовать не могутъ; но лучше къ турецкимъ границамъ не приближаться, а преслѣдовать свою цѣль и посворѣй овладѣть прикаспійскими областями. Донесите вашему государю, чтобъ онъ письменно не заявлялъ Портѣ, что не хочетъ никакихъ завоеваній въ Персіи, да и сами вы здѣсь на словахъ отходите, потому что нынче обяжетесь на письмѣ, а завтра явятся такія обстоятельства, которыя заставятъ совершенно иначе дѣйствовать».

Скоро Неплюевъ долженъ былъ сообщить своему двору тревожное извѣстіе: шахъ, стѣсненный Магометомъ Мирвенсомъ, прислалъ въ Константинополь съ просьбою о помощи; но въ Диванѣ рѣшили, что нельзя подавать помощи шииту противъ суннита Магомета, а надобно объявить послѣднему, что Порта не будетъ препятствовать ему овладѣть Персією, если онъ признаетъ зависимость свою отъ султана. Съ другой стороны, англійскій посоль внушалъ визирю, что Россія хочетъ объявить войну Даніи и сближается съ Вѣнскимъ дворомъ, что русскій императоръ хочетъ женить своего внука, великаго князя Петра, на племянницѣ цесаря; но, если эти двѣ сильныя имперіи соединятся, то будетъ дурно и Англии и Портѣ; кромѣ того, посоль англійскій, венеціанскій и резидентъ австрійскій разглашали, что русскій государь вступилъ въ Персію со 100,000 войска, а когда возьметъ провинціи Ширванскую, Эриванскую и часть Грузіи, тогда турецкіе подданные, грузины и армяне сами вступятъ подъ русское покровительство, а оттуда близко и къ Трапезунту, отчего, современемъ, можетъ быть турецкой имперіи крайнее разореніе. Французскій посоль далъ знать, что жители той области, гдѣ главный городъ Тифлисъ, просили помощи у турокъ, и эрзерумскому пашѣ велѣно защищать ихъ, занять подъ этимъ предлогомъ Тифлисъ, а съ другой стороны Эривань. Неплюевъ писалъ: «По моему мнѣнію, весьма нужно для персид-

снихъ дѣлъ посла французскаго наградить; а мнѣ очень трудно отъ внушеній другихъ министровъ: внушаютъ Портѣ, что русскій государь уменъ и турокъ обманываетъ миромъ; теперь возьметъ персидскія провинціи, и. если султанъ не воспрепятствуетъ ему въ этомъ оружіемъ, то онъ съ той стороны нападетъ на Турцію».

Когда вниманіе всѣхъ было поглощено персидскими дѣлами, пріѣхалъ польскій интернунцій со своимъ страхомъ предъ раздѣломъ: «Король и республика прислали меня сюда — говорилъ онъ визирю, узнавъ, что между Россіею и Портою заключенъ тайный союзъ: — обѣ державы согласились овладѣть Польшею и раздѣлить ее пополамъ, и я присланъ въ Портѣ увѣдомиться объ этомъ». Визирь отвѣчалъ: «У насъ намѣренія такого и договора съ государемъ русскимъ не бывало; напротивъ, въ договорѣ нашемъ съ Россіею утверждено охранять вольность республики и никому не вступать съ войскомъ въ ея предѣлы, кромѣ тѣхъ случаевъ, если вы сами введете чужія войска въ свою землю, или пожелаете корону сдѣлать наслѣдственною». Въ августѣ мѣсяцѣ, секретарь рейсъ-еффенди сообщилъ по секрету переводчику русскаго посольства Мальцеву, что если императоръ не будетъ распространять своихъ завоеваній въ Персіи далѣе Шемахи, которою имѣетъ право овладѣть, за причиненныя здѣсь лезгинцами обиды русскимъ купцамъ, то Порта этому не воспрепятствуетъ, хотя ей и будетъ непріятно; но если русскій государь, по взятіи Шемахи, вознамѣрится взять подъ свою державу имеретинцевъ и грузинъ, то этого Порта никакъ позволить не можетъ, ибо она хочетъ присоединить грузинъ, находящихся подъ персидскимъ владычествомъ, къ тѣмъ, которые уже находятся подъ ея властію, потому что, если персидскіе грузины отойдутъ къ Россіи, то, въ случаѣ разрыва ея съ Портою, и турецкіе грузины отойдутъ къ ней же. Порта будетъ дожидаться, что произойдетъ нынѣшнимъ лѣтомъ, ибо ей со всѣхъ сторонъ внушаютъ, что русскія войска будутъ имѣть большіе успѣхи въ Персіи, и это, современемъ, будетъ опасно для Турціи. Черезъ нѣсколько времени <другой другъ> сообщилъ въ посольство, что Портѣ извѣстно о пребываніи русскаго войска въ Дагестанѣ и о построеніи новой крѣпости, извѣстно и о томъ, что нѣкоторые народы склоняются къ Россіи, и именно грузины и червесы, что подаетъ явную причину къ разрыву между Россіею и Турціею. Порта не препятствовала вступленію русскаго войска въ персидскія владѣнія, думая, что государь русскій хочетъ только принудить лезгинцевъ къ уплатѣ вознагражденія за убытки, а не намѣ-

ренъ овладѣть областями. Визирь пригласилъ къ себѣ Неплюева; при немъ вынулъ изъ мѣшка донесенія крымскаго хана, азовскаго пашы и лезгинцевъ, и началъ говорить:

— Вашъ государь, преслѣдуя своихъ непріятелей, вступаетъ въ области, зависящія отъ Порты: это развѣ не нарушеніе вѣчнаго мира? Если бы мы начали войну со шведами и пошли ихъ искать чрезъ ваши земли, то чтобъ вы сказали? И къ лезгинцамъ по такому малому дѣлу не слѣдовало твоему государю собственной особю съ великими войсками идти, могъ бы удовлетвореніе получить и чрезъ наше посредство. Мы видимъ, что государь вашъ сорокъ лѣтъ своего управленія проводитъ въ постоянной войнѣ: хотя бы на малое время успокоился и далъ покой и друзьямъ своимъ; а если желаетъ онъ нарушить съ нами дружбу, то могъ бы и явно объявить намъ войну; мы, слава Богу, въ состояніи отпоръ сдѣлать.

— Не могу вѣрить, отвѣчалъ Неплюевъ, чтобъ государь мой вступилъ въ предѣлы Оттоманской имперіи; что же касается лезгинцевъ, то государь мой заблаговременно далъ знать султану о движеніи своихъ войскъ противъ нихъ, потому что получить удовлетвореніе можно только оружіемъ: шахъ доставить удовлетвореніе не въ силахъ.

Визирь увернулся въ сторону, объявилъ, что большія обиды турецкимъ подданнымъ отъ казаковъ, особенно отъ старшины ихъ Ивана Хромаго, и Порты имѣетъ право требовать за это удовлетвореніе. Разговоръ, начавшійся жесткими словами, кончился очень дружелюбно. Неплюевъ увѣрялъ, что дружба между обѣими высшими имперіями, какъ храмина, построенная на камнѣ, которой вѣтры не поколеблютъ; а визирь объявилъ, что Порта желаетъ заключить съ Россією оборонительный и наступательный союзъ, безъ всякихъ исключеній: «Этимъ союзомъ — говорилъ визирь — будемъ страшны всѣму свѣту; цесарь римскій съ Польшею и Венеціею въ союзѣ, и объ этомъ дали намъ знать для показанія силы своей стороны; и хотя мы турки съ русскими разной вѣры, но это не препятствіе, потому что вѣра относится къ будущей жизни, а на этомъ свѣтѣ союзы заключаются не по вѣрѣ, а по государственному интересу».

Чрезъ нѣсколько времени отъ Порты дано знать Неплюеву, что грузины, подданные персидскіе, имѣющіе столицею Тифлисъ, взбунтовались противъ персидскаго шаха и дѣлаютъ набѣги на подданныхъ Порты: поѣтому рѣшено въ Диванѣ, чтобъ эрзерумскій паша съ 50,000 войска вступилъ въ персидскую Грузію, и сдержалъ ея жителей; Порта дѣлаетъ это, охраняя себя и вмѣсто шаха персидскаго, а не для того, чтобъ овладѣть Грузіею.

«Вида здѣшнія замѣшательства — писалъ Неплюевъ — я обѣщаль визирскому кегаѣ и рейсъ-ефенди по тысячѣ червонныхъ, чтобъ они постарались сохранить дружбу, пока Порта получить отвѣтъ вашего величества черезъ своего посланнаго, къ вамъ отправленнаго. Турецкія дѣла и слова непостоянны: можетъ произойти бунтъ, или визирь перемѣнится, или къ татарамъ склонится, или татары самовольно нападутъ на русскіе предѣлы, и отъ подобнаго случая можетъ произойти ссора; поэтому соизвольте на границахъ остерегаться и приготовляться къ войнѣ. Порта принимаетъ въ свое подданство Даудъ-Хана, и хочетъ сначала овладѣть персидскою Грузіею, а потомъ вытѣснить русскія войска изъ Дагестана. Разсуждаютъ здѣсь какъ знатные люди, такъ и простой народъ, чтобъ имъ двинуться всею силою противъ Россіи; безпрестанно посылается аммуниція и артиллерія въ Азовъ и Эрзерумъ. Вида все это, я письма нужныя черныя сжегъ, а инныя переписаль въ цифры, а сына моего поручилъ французскому послу, который отправилъ его въ Голландію. Самъ я готовъ варварскія озлобленія терпѣть и послѣднюю каплю крови за имя вашего величества и за отечество пролить; но повели, государь, послать указъ въ Голландію князю Куравину, чтобъ сына моего своею протекціею не оставилъ, повели опредѣлить сыну моему жалованье на содержаніе и ученіе и отдать его въ Академію для сціенціи учиться иностраннымъ языкамъ, философіи, географіи, математикѣ и прочихъ историческихъ книгъ чтенію; умиловствися, государь, надъ десятилѣтнимъ младенцемъ, который со временемъ можетъ вашему величеству заслужить».

Въ началѣ ноября, кегаей великаго визира сообщилъ Неплюеву приказаніе Порты, писать императору, чтобъ вышелъ изъ персидскихъ владѣній, потому что пребываніе здѣсь русскихъ войскъ внушаетъ сильное подозрѣніе всѣмъ окрестнымъ государямъ, и турецкій народъ покоенъ быть не можетъ. Особенно встревожило Порту извѣстіе, что русскій императоръ находится въ дружескихъ сношеніяхъ съ персидскимъ шахомъ: сейчасъ же заключили, что между Россіею и Персіею готовится союзъ противъ бунтовщиковъ. Въ то же время татары подвинули самому султану бумагу, въ которой упрекали его за неосмотрительность: «Министры тебя обманываютъ—говорилось въ бумагѣ—ты и не узнаешь, какъ русскій царь разорить половину твоего государства». Султанъ сильно смутился, хотѣлъ казнить визира, противъ котораго готовился и бунтъ въ народѣ; но визирь сохранилъ жизнь и мѣсто тѣмъ, что велѣлъ войскамъ двинуться въ Грузію. Также пошелъ слухъ въ Константинополь, что лезгинцы нанесли страшное пораженіе русскому войску, и самъ Петръ

едва спасся моремъ въ Астрахань: догадывались, что слухъ пущенъ нарочно для успокоенія народа. Впрочемъ, основаніемъ слуху служило дѣйствительное отплытіе Петра въ Астрахань. Неплюевъ узналъ, что между Портою и Хивою происходятъ сношенія о союзѣ оборонительномъ и наступательномъ противъ Россіи. Рагоци, въ интересахъ котораго было сохраненіе мира и пріязни между Россіею и Турціею, составилъ проектъ примиренія интересовъ обоихъ государствъ. Турки—говорилось въ проектѣ—по единовѣрію, хотятъ взять себѣ Дагестанъ, но по тому же единовѣрію Россія должна взять себѣ персидскую Грузію и для торговыхъ выгодъ гавань на Каспійскомъ морѣ; когда Россія и Турція подѣлятъ такимъ образомъ кавказскія области, то примуть на себя посредничество между персидскимъ шахомъ и Мирвенсомъ (такъ обыкновенно называли Мирвеизова сына, Магомета).

Въ концѣ года, когда получено было достовѣрное извѣстіе, что Петръ изъ Дербента возвратился назадъ, великій визирь прислалъ объявить Неплюеву, что этимъ возвращеніемъ уничтожены всѣ подозрѣнія, и Порты желаетъ сохраненія и усиленія установленной съ Россіею дружбы; но, въ тоже время, Порты снѣшила воспользоваться удаленіемъ русскаго императора, чтобъ какъ можно выгоднѣе устроить свои дѣла на Кавказѣ. Къ Даудъ-беку отправлена была жалованная грамота, по которой онъ принимался въ подданство Порты на правахъ крымскаго хана, давался ему титулъ ханскій и власть надъ двумя областями—Дагестаномъ и Ширвенномъ; при этомъ ему внушалось, чтобъ онъ старался покорить и другія ближайшія персидскія провинціи, которыя также поступаютъ въ его владѣнія; внушалось, чтобъ онъ всѣми средствами старался вытѣснить русскій гарнизонъ изъ Дербента и изъ другихъ тамошнихъ мѣстъ; послано къ нему 30,000 червонныхъ, и обѣщано вспоможеніе войскомъ. Неплюевъ за 100 червонныхъ досталъ копію съ грамоты къ Дауду и съ инструкціи, данной посланному къ нему.

Петръ, еще не зная объ этомъ, поручилъ Неплюеву предложить Портѣ согласиться на счетъ персидскихъ дѣлъ. Въ февралѣ 1723 года, великій визирь пригласилъ къ себѣ русскаго резидента и объявилъ ему, что соглашаться не въ чемъ: «Магометъ, или, какъ обыкновенно его называютъ отцовскимъ именемъ, Мирвеизъ, овладѣлъ персидскою столицею Испаганью и большею частію провинцій; съ другой стороны—Ширвенномъ, Ардебѣлемъ и Арменіею овладѣлъ Даудъ-бекъ лезгинскій, который теперь вступилъ въ подданство къ Портѣ, да и Мирвеизъ скоро долженъ послѣдовать его примѣру; русскому государю слѣдовательно опасаться теперь нечего: всѣ эти народы теперь под-

данные турецкіе, русское купечество у нихъ будетъ вполне безопасно. Неплюевъ замѣтилъ, что со стороны Россіи война начата для полученія удовлетворенія за оскорбленіе, нанесенное русскимъ подданнымъ въ Шемахѣ. Визирь отвѣчалъ, что удовлетвореніе уже получено, потому что императоръ прошелъ съ войскомъ до Дербента и разорилъ все на пути; правда, Порта обѣщала не принимать въ подданство Дагестанъ, но она обѣщала это тогда, когда просьбы отъ его жителей не получала, а теперь они просили принять ихъ по единовѣрію, и отказать имъ было нельзя, и если русскій государь нынѣшнимъ годомъ вступить съ войскомъ въ персидскія владѣнія, то Даудъ, Мирвезъ и всѣ тамошніе народы противъ него соединятся, и Порта, по единовѣрію, какъ защитница магометанскихъ народовъ, принуждена будетъ также вооружиться. Слѣдствія войны неизвѣстны, и если бы даже вашему государю удалось завладѣть нѣкоторыми провинціями, то удержать ихъ не можетъ, потому что всѣ тамошніе народы магометане, и будутъ стараться русскихъ отъ себя выгнать, а Шевкала Тарковскаго Даудъ принудитъ, по единовѣрію, поддаться Портѣ. Визирь окончилъ свою рѣчь словами: «Всякій бы желалъ для себя большихъ пріобрѣтеній, но равновѣсіе сего свѣта не допускаетъ: на примѣръ и мы бы послали войско противъ Итали и прочихъ малосильныхъ государей, но другіе государи не допустятъ; потому и мы за Персією соотримъ».

На третій день послѣ этого разговора, къ Неплюеву пріѣхалъ переводчикъ Порты и объявилъ, что на общемъ совѣтѣ постановлено сообщить русскому государю чрезъ его резидента, что если онъ считаетъ себя въ правѣ искать чего на лезгинцахъ или Мирвезѣ, то долженъ съ своими требованіями обращаться къ Портѣ, потому что Персія теперь въ подданствѣ у Порты, и русскій государь долженъ вывести свои войска изъ персидскихъ областей, въ противномъ случаѣ, Порта принуждена будетъ вступить съ нимъ за Персію въ войну. Переводчикъ Порты сообщилъ Неплюеву по секрету, что надняхъ англійскій посоль подаль Портѣ меморіаль на турецкомъ языкѣ, гдѣ говорится, что, по сообщеніямъ отъ персидскаго двора, русскій государь собираетъ огромное войско и хочетъ выступить въ походъ противъ Дагестана и распространить свои владѣнія до Чернаго моря. Порта, говорилось въ меморіалѣ, должна беречься Россіи, бороться съ которою легко, ибо русскій государь не въ дружбѣ ни съ однимъ изъ европейскихъ государей, всѣ они ему злодѣи. Неплюевъ повидался съ французскимъ посломъ, де-Бонавомъ, и тотъ ему сказалъ: «Донесите своему двору, что все дѣло въ двухъ словахъ: сохранять миръ съ Турцією — не вступаться въ

персидскія дѣла; продолжать войну въ персидскихъ областяхъ— разорвать съ Турціею».

Диванъ собственно не хотѣлъ войны съ Россіею и только стращаль, выставляя нравственную для себя необходимость воевать; нравственной необходимости не было: Персія не была въ подданствѣ у Порты, Мирвеизъ не думалъ признавать свою зависимость отъ султана; въ Константинополѣ хлопотали не о защитѣ новаго, правовѣрнаго персидскаго шаха, но хотѣли прежде всего овладѣть христіанскою Грузіею, чтобъ не перепустить ее въ русскія руки и не быть отрѣзанными отъ магометанскихъ народовъ Кавказа. Турки угрозами надѣялись заставить русскаго императора оставить кавказскія страны; но Петра трудно было напугать, особенно, когда приобрѣтеніе Каспійскаго побережья онъ считалъ необходимымъ дополненіемъ въ приобрѣтенію побережья Балтійскаго. 4 апрѣля, онъ сдѣлалъ нужныя приготовленія къ войнѣ съ турками, назначилъ князя Михайла Михайловича Голицына главнымъ начальникомъ украинской арміи; полки были отпущены съ работъ на квартиры, и велѣно имъ быть въ готовности; посланъ указъ не высылать малороссійскихъ казаковъ для рытья Ладожскаго канала, воротить тѣхъ, которые уже вышли и быть имъ готовыми на службу; а 9 апрѣля, Петръ велѣлъ написать Неплюеву: «Наши интересы отнюдь не допускаютъ, чтобъ какая другая держава, чья-бъ ни была, на Каспійскомъ морѣ утвердилась; а что касается Дербента и другихъ мѣстъ, въ которыхъ наши гарнизоны находятся, то они никогда во владѣніи персидскихъ бунтовщиковъ, ни лезгинцевъ, ни Мирвеиза не бывали, а по собственному ихъ письменному и словесному прошенію, какъ то бывшему при дворѣ нашемъ турецкому посланнику явно доказано, подъ покровительство наше добровольно отдались; и если Порта, въ противность вѣчному миру, принимаетъ подъ свое покровительство лезгинцевъ, нашихъ явныхъ враговъ, то тѣмъ менѣе должно быть противно Портѣ, если мы принимаемъ подъ свое покровительство народы, неизмѣющіе никакого отношенія къ Портѣ и находящіеся въ дальнемъ отъ нея разстояніи, на самомъ Каспійскомъ морѣ, до котораго намъ нивакою другую державу допустить нельзя. Если Порта, безъ всякой со стороны нашей причины, хочетъ нарушать вѣчный миръ, то мы предаемъ такой беззаконный поступокъ суду Божию, и къ оборонѣ своей, съ помощію Божіею, потребные способы найдемъ». Но въ это время, когда продолженіе военныхъ дѣйствій на берегахъ Каспійскаго моря условливало войну турецкую, Петръ былъ обезпокоенъ однимъ явленіемъ, касавшимся интересовъ дорогой ему русской торговли;

императоръ узналъ, что въ Италію привезено много икры изъ Константинополя, тогда какъ эта страна обыкновенно снабжалась икрою изъ Россіи. Немедленно отправляется порученіе къ Неплюеву — развѣдать, откуда пошла эта икра, приготовлена ли она въ Турціи, или доставлена русскими купцами, и, въ послѣднемъ случаѣ, изъ какихъ мѣстъ.

Русскія войска поплыли къ Баку, а Турція не объявляла войну Россіи, не смотря на внушенія англійскаго посланника, что его король вмѣстѣ съ датскимъ королемъ хочетъ напасть на Россію. Туркамъ хотѣлось прежде утвердиться въ Арменіи и Грузіи. Петру это очень не нравилось. 14 и 18 іюля и 8 августа, происходили конференціи между Неплюевымъ, рейсъ-эффенди и де-Бонакомъ, который былъ приглашенъ въ качествѣ посредника. Неплюевъ объявилъ, что его императоръ, не смотря на убытки, причиненные лезгинцами русской торговлѣ, не пошлетъ противъ нихъ своихъ войскъ, если Порта запретитъ лезгинцамъ нападать на тѣ города, въ которыхъ находятся русскіе гарнизоны, и не будетъ вводить своихъ войскъ въ персидскія провинціи, Арменію и Грузію до тѣхъ поръ, пока между Россією и Турцією будетъ все улажено на счетъ персидскихъ дѣлъ. Рейсъ-эффенди отвѣчалъ, что Порта имѣетъ право не только на Грузію и Арменію, но и на всѣ прикаспійскія области, а Россія на послѣднія не имѣетъ никакого права, особенно потому, что народы, здѣсь обитающіе — магометанской вѣры; недавно шекаль Тарковскій и другіе владѣльцы писали Портѣ, чтобы, по едино-вѣрью, освободила ихъ изъ русскихъ рукъ. Неплюевъ возражалъ, что это разсужденіе политическимъ правамъ противно; вѣра не служитъ опредѣленіемъ границъ, ибо если бы опредѣлять границы по вѣрѣ, то во всемъ свѣтѣ мира не было бы: сколько христіанскихъ народовъ подъ властію Порты, а магометанскихъ подъ властію Россіи. Неплюевъ объявилъ рѣшительно, что императоръ не допуститъ къ Каспійскимъ берегамъ никакой другой державы, и особенно Турціи.

Между тѣмъ англійскій посланникъ продолжалъ внушать Портѣ, что война съ Россією не опасна, что внутри новой имперіи происходятъ замѣшательства. Посоль завелъ сношенія и съ человѣкомъ, который, въ случаѣ войны, могъ быть полезенъ туркамъ: то былъ извѣстный Орликъ, называвшійся гетманомъ войска Запорожскаго. Орликъ, приведенный Карломъ XII въ Швецію, теперь пріѣхалъ оттуда въ турецкія владѣнія и жилъ въ Солоникахъ, откуда, посредствомъ одного шведа, жившаго при англійскомъ послѣ, передавалъ Портѣ разныя предложенія: онъ домогался, чтобъ султанъ вызвалъ его въ Константинополь, объ-

чая, въ случаѣ войны съ Россіею, поднять противъ нея казаковъ. Визирь потребовалъ, чтобы онъ изъяснилъ обстоятельно, какимъ образомъ надѣется возмутить Украйну, и имѣеть ли съ русскими казаками сношенія? Неплюевъ писалъ, что до объявленія войны Орлика въ Константинополь не вызовутъ.

Въ концѣ года, по указу отъ своего двора, Неплюевъ, въ новой конференціи съ рейсъ-эффенди и де-Бонакомъ, предложилъ остановить военныя дѣйствія съ обѣихъ сторонъ. Порта, уже овладѣвшая Тифлисомъ, отвѣчала, что она готова остановить свои войска, но не прежде, какъ они овладѣютъ городами Эриванью и Ганджею; согласились однако съ обѣихъ сторонъ послать начальствующимъ войсками, чтобы они поступали между собою дружески, пока дѣло не рѣшится на дальнѣйшихъ конференціяхъ въ Константинополь. Въ это время Порта узнала о договорѣ, заключенномъ между Россіею и Персіею въ Петербургѣ. На конференціи 23 декабря, рейсъ-эффенди выразилъ свое удивленіе: въ Персіи государя нѣтъ, и потому она, естественно, переходитъ во владѣніе Порты, а между тѣмъ, государь русскій публикуетъ какой-то договоръ, заключенный съ человекомъ, Портѣ неизвѣстнымъ. Резидентъ отвѣчалъ, что въ Персіи есть государь Тохмасибъ, который наследовалъ престолъ законнымъ образомъ послѣ отца. Съ этимъ-то законнымъ шахомъ заключенъ у Россіи договоръ съ обѣщаніемъ помогать ему противъ бунтовщиковъ, а шахъ, за эту помощь, уступилъ Россіи извѣстныя земли. Такимъ образомъ, Порта знаетъ теперь, чѣмъ Россія владѣетъ; извѣстно и русскому императору, чѣмъ Порта въ Персіи овладѣла; и такъ какъ Персія обоимъ государствамъ сосѣдственна, то, для уничтоженія всякихъ подозрѣній, императоръ предлагаетъ, чтобы оба государства не распространяли больше своихъ владѣній въ Персіи, оставались при томъ, чѣмъ дѣйствительно въ настоящее время владѣютъ, чтобы турецкія войска не переходили рѣку Куръ; въ Шемахѣ пусть владѣетъ Даудъ-бекъ, но чтобы турецкихъ войскъ въ этомъ городѣ никогда не было и городъ не былъ укрѣпленъ. Рейсъ-эффенди твердилъ свое, что Персія вся принадлежитъ султану, что Тохмасибъ не можетъ быть законнымъ шахомъ, потому что отецъ его живъ, хотя и въ неволѣ. И какая польза русскому государю отъ договора съ Тохмасибомъ, который принужденъ бѣжать въ Араратскія горы и живетъ тамъ, какъ дикій человекъ; скоро вся Персія покорится туркамъ, и всѣ тамошніе народы, естественно, возстанутъ противъ русскихъ и выгонятъ ихъ вонъ, потому что тамъ искони нога христіанская никогда не бывала; въ договорѣ съ Тохмасибомъ, русскій государь обязался стоять

за него противъ всѣхъ его непріятелей, слѣдовательно и противъ турокъ: значить, вѣчный миръ у Россіи съ Портою нарушенъ. Въ конференціи 30 декабря, рейсъ-эффенди сказалъ, что султанъ объявилъ о русскихъ требованіяхъ своимъ министрамъ, духовенству и воинскому чину, и всѣ единогласно отвѣчали, что объ этихъ требованіяхъ слышать не могутъ, но готовы кровію своею защищать Персію, которая теперь, не имѣя своего государя, принадлежитъ Портѣ, и нога христіанская въ Персіи никогда не бывала; поэтому дается указомъ султанскимъ послѣднее рѣшеніе, договариваться о тѣхъ мѣстахъ, гдѣ теперь находятся русскіе гарнизоны, а до другого ни до чего русскому государю дѣла нѣтъ. Неплюевъ отвѣчалъ, что онъ остается при прежнихъ своихъ предложеніяхъ. Этимъ кончились переговоры въ 1723 году. 2 января 1724 года, переводчикъ Порты пріѣхалъ въ Неплюеву съ вопросомъ: принимаетъ ли онъ условія Порты или нѣтъ? Неплюевъ отвѣчалъ, что безъ указа государя своего этихъ условій принять не можетъ. — «Въ такомъ случаѣ, сказалъ переводчикъ, объявляется война, и ты долженъ выбрать одно изъ трехъ: или возвратиться въ отечество, или быть при визирѣ въ походѣ, или жить въ Цареградѣ простымъ человѣкомъ, ибо Порта, съ этой минуты, не признаетъ тебя больше за министра. Хотя у насъ и нѣтъ обычая при такихъ случаяхъ оставлять министровъ на свободѣ, однако для тебя дѣлается исключеніе за твое доброе поведеніе». Неплюевъ, разумѣется, выбралъ возвращеніе въ Россію. Онъ послалъ немедленно же за паспортомъ, но ему паспорта не дали, а между тѣмъ де-Бонакъ дѣлалъ Портѣ представленія, что война ей въ Персіи будетъ тяжела, ибо тамошній народъ враждебенъ туркамъ, и Мирвенза, какъ человѣка диваго, надобно опасаться; Россія увеличитъ число враговъ, а, быть можетъ, русская дружба, со временемъ, Портѣ пригодится; правда, что русскій государь много земель себѣ забираетъ, но въ турецкимъ границамъ не приближается, и отъ французскаго посла при петербургскомъ дворѣ, Камиродона, есть вѣрныя извѣстія, что Россія не начнетъ войны, если Порта первая не нарушитъ мира. Благодаря этимъ внушеніямъ, султанъ рѣшилъ: войны Россіи не объявлять, но приговляться къ ней.

Въ слѣдъ затѣмъ, Неплюевъ имѣлъ приватную аудіенцію у великаго визиря въ присутствіи де-Бонака. Резидентъ началъ говорить, что все недоразумѣніе произошло отъ предложеній слишкомъ общихъ и неопредѣленныхъ; а еслибъ откровенно сообщили другъ другу, чего кто желаетъ, то давно бы дѣло было кончено. Визирь сказалъ на это: «Резидентъ говоритъ совер-

шенную правду, и Порты объявить, чего желаетъ. Положимъ, что у шаха Гуссейна было три сына: одинъ турецкій государь, другой русскій, а третій, меньшей, Тохмасибъ; по смерти Гуссейна каждому изъ нихъ слѣдуетъ имѣть свою часть. Русскій государь взялъ уже себѣ долю; теперь слѣдуетъ Портѣ получить свою, и пусть французскій посоль, какъ посредникъ, выдѣлитъ каждому надлежащую часть, чтобъ никому обидно не было». — «Очень благодаренъ за такую честь, отвѣчалъ де-Бонавъ: только по моему раздѣлу наибольшая часть слѣдуетъ младшему, и я буду держать его сторону, какъ самаго слабого». Визирь началъ — было дѣлежъ, уступалъ Россіи берега Каспійскаго моря до слиянія рѣки Аракса съ Куромъ, отсюда должны были начинаться турецкія владѣнія: но Неплюевъ и де-Бонавъ объявили, что, безъ новыхъ указовъ изъ Россіи дѣла рѣшить нельзя, и французскій посоль предложилъ отправить за этими указами въ Петербургъ плѣмянника своего Дальона. Визирь согласился, прибавивъ, что желаетъ заключенія оборонительнаго и наступательнаго союза между Россією, Турцією и Францією; объ Англіи же турки прямо говорили, что въ угоду ей нельзя ссориться съ Россією: въ прошлыхъ годахъ Англія обязалась помогать Швеціи противъ Россіи, а какъ помогла? Не смотря на то, со стороны Англіи продолжались внушенія, что русскій государь хочетъ овладѣть не только персидскою, но и всею восточною торговлею, вслѣдствіе чего товары, шедшіе прежде въ Европу чрезъ турецкія владѣнія, пойдутъ черезъ Россію, и тогда англичане и другіе европейцы выйдутъ изъ Турціи, въ великому ущербу казны султановой. Поэтому Порты оружіемъ должна остановить успѣхъ русскихъ на Востоцѣ; и если Порты объявитъ Россіи войну, то получить денежное вспоможеніе не только отъ короля, но и отъ всего народа англійскаго.

Въ началѣ мая, Дальонъ возвратился изъ Россіи вмѣстѣ съ русскимъ вурьеромъ, и у Неплюева начались конференціи съ турецкими министрами. Резидентъ сейчасъ же замѣтилъ перемиѣну въ тонѣ у турокъ. Они не хотѣли слышать объ ограниченіи своихъ будущихъ завоеваній въ Персіи, и визирь притворялся, что забылъ объ условіяхъ, имъ самимъ прежде предложенныхъ. Еще болѣе удивило Неплюева то, что де-Бонавъ, получившій передъ тѣмъ 2,000 червонныхъ отъ Россіи, явно бралъ сторону турокъ, и однажды сказалъ Неплюеву: «Развѣ вы хотите послушаться указа государя своего, что моихъ совѣтовъ не принимаете? Или подозрѣваете меня во враждѣ къ Россіи? Но государь вашъ не такъ смотритъ на дѣло: онъ своеручно изволилъ мнѣ писать, чтобъ настоящіе переговоры какъ можно ско-

рѣе приводить въ концу, и во всемъ положился на меня; если вы не отступите отъ своего требованія, то я слагаю съ себя посредничество». Въ другой разъ де-Бонакъ сказалъ резиденту, что не хочетъ съ нимъ болѣе говорить, и выслалъ его изъ своего дома. Донося о трудностяхъ, какія онъ претерпѣлъ при заключеніи договора, Неплюевъ писалъ: «Больше того нынѣ безъ войны получить было нельзя; но хотя не очень ясно, однако сущность дѣла вся внесена. Отъ французскаго посла, вмѣсто помощи, были только одни препятствія; проектъ трактата разъ десять переправляли; я желалъ, чтобъ все ясно было, а французскій посолъ при туркахъ прямо говорилъ, что резидентъ спорить не дѣльно, въ турецкомъ проектѣ разумѣтся все то, чего онъ требуетъ; а племянникъ его Дальонъ, какъ ребенокъ, при переводчикѣ Порты; сказалъ: «Не знаешь ты, что мы имѣемъ изъ Россіи проектъ за подписаніемъ министерскимъ, и во всемъ уполномочены», и нѣкоторыя слова о лезгинцахъ говорилъ; но переводчикъ Порты этого туркамъ, по моей просьбѣ, не сказалъ. Дальонъ, по приѣздѣ въ Царьградъ, не выдавшись съ посломъ, прямо взялъ былъ къ визирю, и тамъ, невоздержаніемъ ребяческимъ, сказалъ, что ваше величество на всѣ турецкія предложенія склонился, кромѣ самыхъ неважныхъ пунктовъ, но тѣ резидентъ имѣетъ право устранить; сказалъ также, что вы сильно желаете мира.»

Разъ десять исправленный договоръ, наконецъ, былъ составленъ такимъ образомъ: Шемаха остается подъ владѣніемъ вассала Порты, Дауда. Пространство отъ города Шемахи по прямой линіи къ Каспійскому морю раздѣляется на три равныя части; изъ этихъ трехъ частей, двѣ, лежація къ Каспійскому морю, должны принадлежать Россіи, а третья, ближайшая къ Шемахѣ, будетъ находиться во владѣніи Дауда, подъ верховною властію Порты. Шемаха не будетъ укрѣплена, и въ ней не будетъ турецкаго гарнизона, исключая тотъ случай, когда владѣлецъ тамошній воспротивится власти султана или между жителями произойдетъ смута: и тогда турецкія войска не прежде перейдутъ рѣку Куръ, какъ увѣдомивъ о своемъ движеніи русскихъ комендантовъ, и по утишеніи смуты ни одинъ человекъ изъ турецкаго войска не долженъ оставаться въ Шемахѣ. Императоръ всероссійскій обѣщаетъ склонять шаха Тохмасиба къ уступкѣ Турціи занятыхъ ея войскомъ персидскихъ провинцій; если же шахъ не захочетъ уступить Россіи или Портѣ выговоренныхъ ими провинцій, то Россія и Порта дѣйствуютъ противъ него за одно. Договоръ былъ подписанъ 12 іюня 1724 г.

Для размѣны ратификацій отправленъ былъ въ Константи-

нополь бригадиръ Александръ Румянцевъ въ званіи чрезвычайнаго посланника. На него было возложено также разграниченіе, вмѣстѣ съ комиссарами Порты, русскихъ и турецкихъ владѣній на Кавказѣ. Относительно этого разграниченія, Петръ собственноручно написалъ Румянцеву слѣдующую про memorію:

1) Смотрѣть накрѣпче мѣстоположенія, а именно, отъ Баки до Грузіи какаѣ дорога, сколь долго можно съ войскомъ идти, и можноть фуражъ имѣть, и на сколько лошадей, и путь каковъ для войска. 2) Можноть провіанту сысвать. 3) Армяне далеколь отъ Грузіи и отъ того пути. 4) Которыхъ пошлетъ въ Азовъ, чтобъ тогожь смотрѣли дорогою возлѣ Чернаго моря, такожь христіяна послѣдніе далеколь живутъ отъ Тамани или Кубани. 5) Курю рѣкою возможноть до Грузіи идти судами хотя малыми. 6) Состояніе и силу грузинцевъ и армянъ.

Румянцевъ отправился. Думаѣ, что онъ уже въ Константинополѣ, Петръ велѣлъ послать къ нему рескриптъ: «Пріѣхали къ намъ армянскіе депутаты съ просьбою защитить отъ непріятелей; если же мы этого сдѣлать не въ состояніи, то позволить имъ перейти на житье въ наши новопріобрѣтенныя отъ Персіи провинціи. Мы имъ объявили, что помочь имъ войскомъ не можемъ въ слѣдствіе заключеннаго съ Портою договора, а поселиться въ прикаспійскихъ нашихъ провинціяхъ позволили и нашу обнадеживательную грамоту послали. Если турки стануть вамъ объ этомъ говорить, то отвѣчайте, что мы сами армянъ не призывали, но они насъ, по единовѣрью, просили взять ихъ подъ свое покровительство; намъ, ради христіанства, армянамъ, какъ христіанамъ, отказать въ томъ было нельзя, какъ и визирь самъ часто объявлялъ, что по единовѣрью просящимъ покровительства отказать невозможно; надобно смотрѣть только, чтобъ земли принадлежали тому, за кѣмъ выговорены въ договорѣ, а народамъ не надобно препятствовать переходить въ ту или другую сторону. Портѣ еще выгоднѣе будетъ, когда армяне выйдуть, потому что она тогда безъ сопротивленія землями ихъ овладѣетъ. Прибавъ, что если Порта захочетъ перезывать къ себѣ басурманъ изъ приобрѣтенныхъ нами отъ Персіи провинцій, то намъ это не будетъ противно; стануть требовать письменнаго обнадеживанія — дайте».

Это было послѣднее рѣшеніе Петра по восточнымъ дѣламъ.

С. Соловьевъ.

САТИРА КРЫЛОВА

И ЕГО

ПОЧТА ДУХОВЪ.

Семьдесятъ шесть лѣтъ тому назадъ; въ февралѣ 1792 г., подписчики крыловскаго журнала «*Зритель*» прочли въ немъ слѣдующія строки: «Что есть достойнаго человѣка? Что можетъ онъ произвести не подверженное разрушенію вѣковъ? Его слово, его мысли, вотъ одно твореніе, дающее цѣну человѣку и избавляющее его отъ совершеннаго разрушенія; вотъ одно произведеніе, которое борется съ вѣками, ... торжествуетъ надъ ними и всегда пребываетъ столь же ново и сильно, какъ и въ ту минуту, когда рождено оно человѣкомъ... Слово, подобно безсмертному духу, имѣетъ даръ, не раздѣляясь, во многихъ мѣстахъ пребывать въ одно время. Единый мудрецъ, торжествуя надъ смертію, похищаетъ право говорить съ позднѣйшимъ своимъ потомствомъ»¹⁾).

Такъ говорилъ Крыловъ 24-хъ лѣтъ отъ роду. И кто болѣе его оправдалъ собою смыслъ этихъ строкъ? Служеніе мысли и слову было задачею всей его тихой и скромной жизни; ими одними достигъ онъ блестящаго мѣста въ исторіи русскаго просвѣщенія. Своими баснями, написанными уже въ позднемъ возрастѣ, затмилъ онъ всѣ прежніе свои труды, и это подало его біографу²⁾ поводъ остроумно замѣтить, что Крыловъ родился

¹⁾ «*Зритель*», ч. 1, стр. 77.

²⁾ Плетневъ, въ известной статьѣ его: «Жизнь и сочиненія И. А. Крылова».

для насъ только въ 40 лѣтъ. Такъ могъ говорить его современникъ; но потомство должно принять во вниманіе и прежнія его произведенія. На басни его нельзя смотрѣть, какъ на что-то отдѣльно-стоящее въ его литературной дѣятельности; можно ли предположить, чтобы писатель, прославившійся во второй половинѣ своего поприща превосходными созданіями, но писавшій почти съ дѣтства, не произвелъ въ лучшіе годы жизни ничего замѣчательнаго? Предположить это о Крыловѣ тѣмъ труднѣе, что его родомъ, собственно говоря, всегда была сатира; онъ въ разное время мѣнялъ только ея форму. Сначала у него является сатирическая аллегорія въ прозѣ, потомъ онъ избираетъ своимъ орудіемъ комедію; наконецъ, переходитъ къ баснѣ. Не естественно ли, что между всѣми его сочиненіями должна быть тѣсная связь? Дѣйствительно, басни Крылова тысячами нитей примыкаютъ къ болѣе раннимъ его трудамъ, и только въ этихъ послѣднихъ можно найти разгадку того, чѣмъ онъ сдѣлался позднѣе, — только съ помощію другихъ его сатирическихъ сочиненій можно вполне объяснить значеніе его, какъ баснописца.

Сатирическое свое поприще началъ онъ тамъ же, гдѣ и кончилъ его, т. е. въ Петербургѣ. Здѣсь жилъ онъ уже шесть лѣтъ, когда похоронилъ свою мать - вдову. Ему было тогда не болѣе 20-ти лѣтъ. Онъ рѣшился оставить службу, въ которой ему совсѣмъ не везло, и посвятить себя журнальному дѣлу. Въ Петербургѣ однимъ изъ самыхъ предприимчивыхъ литераторовъ былъ тамбовскій дворянинъ, капитанъ Ив. Герас. Рахманиновъ, содержавшій типографію и печатавшій въ ней свое еженедѣльное изданіе «Утренніе часы». Онъ извѣстенъ нѣсколькими переводами, между прочимъ, изъ Вольтера, издалъ переведенное имъ же соч. академика Миллера о русскомъ дворянствѣ, и былъ, по свидѣтельству современниковъ, человекъ умный, трудолюбивый, но угрюмый и упрямый ¹⁾. Съ нимъ какъ-то сблизился Крыловъ и, можетъ быть, участвовалъ даже въ его журналѣ. Но въ концѣ 1788 г., будущій баснописецъ, увлеченный, вѣроятно, примѣромъ Рахманинова, или, можетъ быть, еще болѣе успѣхомъ Новикова, рѣшился самъ издавать сатирической журналъ. Вспомнимъ, что сатирическое направленіе у насъ особенно оживилось при Екатеринѣ II, что, конечно, было слѣдствіемъ общаго возбужденія умственной жизни, вызваннаго либеральнымъ духомъ новаго царствованія и характеромъ авторской дѣятельности самой гениальной императрицы. Горячая пора нашей журнальной сатиры продолжалась, правда, только пять лѣтъ (1769—1774 г.); въ те-

¹⁾ Жихаревъ, въ «Дневникъ чиновникъ»: Отеч. Зап. 1855, т. CI, стр. 138.

ченіе этого времени рождались и умирали, одно за другимъ, изданія этого рода, между которыми перломъ, по справедливости, считается «*Живописецъ*» Новикова. Но эти явленія, какъ ни были они эфемерны, бросили на почву нашей литературы сѣмя, которое нивогда не вымирало вполне, и во все продолженіе XVIII-го столѣтія повторялись отъ времени до времени подобныя же изданія. Важнѣйшимъ изъ нихъ былъ «Собесѣдникъ» княгини Дашковой, въ составѣ котораго значительное мѣсто заняли сатирическія *Были и небылицы* царственной сотрудницы. На театрѣ всѣхъ блистательнѣе служилъ тому же направленію фонъ-Визинъ. Но въ журнальной литературѣ, въ послѣднее десятилѣтіе царствованія Екатерины, задремавшую сатиру снова разбудилъ Крыловъ. По практическому и насмѣшливому свойству его ума, намъ понятно, почему такая заслуга принадлежитъ именно ему, и тѣмъ понятнѣе, что будучи тогда 20-ти-лѣтнимъ молодымъ человѣкомъ, онъ, вѣроятно, и не подумалъ о томъ совѣтѣ, съ которымъ Новиковъ, приступая къ изданію «Живописца», обратился къ самому себѣ: «Требую отъ тебя, чтобы ты въ сей дорогѣ никогда не разлучался съ тою прекрасною женщиною, ... которая называется *Осторожностью*»¹⁾. Впрочемъ, можетъ быть, Крылову казалось, что онъ исполнилъ всѣ требованія благоразумія, спрятавшись въ своемъ журналѣ за невидимыхъ гномовъ и силфовъ, которые его перомъ пишутъ изъ преисподней письма о Плутонѣ, Прозерпинѣ, о ихъ любимцахъ и министрахъ.

Такая форма сатиры не была новостью. При появленіи у насъ первыхъ сатирическихъ журналовъ, ровно за 20 лѣтъ передъ тѣмъ, Федоръ Эминъ издавалъ «*Адскую почту, или переписку хромоногаго бѣса съ кривымъ*», которые, въ свою очередь, очевидно, вели свой родъ отъ Лесажева *Le Diable Boiteux*. Но почему даровитый Крыловъ взялъ за образецъ именно этотъ журналъ, произведеніе очень посредственнаго писателя? Кажется, имъ болѣе руководило случайное обстоятельство, нежели обдуманнѣйшій выборъ. Въ то самое время «*Адская почта*» вышла 2-мъ изданіемъ²⁾: попавши въ руки Крылова, она могла показаться ему счастливой разгадкой недоумѣнія, какую форму избрать для задуманнаго изданія. Въ концѣ 1788 г., прочли въ Петербургскихъ Вѣдомостяхъ, что въ книжной лавкѣ Миллера, въ Луговой Милліонной, раздаются безденежно подробныя печатныя объяв-

¹⁾ *Живописецъ*, Листъ 2: «Авторъ къ самому себѣ». Стр. 12 (изд. 1864).

²⁾ Въ 1788 г., на изд. Платона Бекетова, подъ нѣскольکو измѣненнымъ заглавіемъ: «*Адская почта, или курьеръ изъ ада съ письмами*». Ф. Эминъ умеръ уже въ 1770 г. Съ сыномъ его, Ник. Фед., Крыловъ былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ.

ленія о вновь предпринятомъ ежемѣсячномъ изданіи «*Почта Духовъ, или ученая, нравственная и критическая переписка арабскаго философа Маликульмулька съ водяными, воздушными и подземными Духами*»¹⁾. Дѣйствительно, съ слѣдующаго года Крыловъ сталъ ежемѣсячно издавать по книжкѣ этого журнала, который, впрочемъ, какъ и всѣ другіе тогдашніе сборники этого рода, только по своему періодическому появленію и можетъ заслуживать такое названіе. Въ содержаніи ничего свойственнаго журналу не было, кромѣ развѣ повторявшихся довольно часто выходовъ противъ того или другаго современнаго сочиненія или автора.

Въ концѣ извѣщенія, приложеннаго въ 1-й книжкѣ сборника, Крыловъ извиняется, что она вышла не въ срокъ. «Слухъ-де носится—говоритъ онъ—что нѣкоторые изъ издателей собираютъ по подпискамъ деньги и прячутся съ ними, не издавая обѣщанныхъ книгъ, или когда и выдаютъ, то въ теченіе изданія прерываютъ оныя, ни мало не страшась справедливаго порицанія публики;... а потому-де онъ, издатель сихъ листовъ,.. паче тѣмъ, что по обѣщанію своему не выдалъ перваго сего мѣсяца (т. е. первой книжки) къ 1-му числу января и очень можетъ быть подозрителенъ; то въ оправданіе себя увѣряетъ, что онъ... не на корыстолюбіи основалъ свое предпріятіе, но въ удовольствію, а если можно, и въ пользѣ своихъ соотечественниковъ. Неисполненіе же обѣщанія случилось по непривычному еще его искусству въ Гадательной Наукѣ, отъ чего не могъ онъ предузнать послѣдовавшихъ обстоятельствъ, намѣренію его воспрепятствовавшихъ; но впредь обѣщается въ исходѣ каждаго мѣсяца во все теченіе года выдавать изданія сего по одной книжкѣ, переплетенной въ бумажку».

Если «*Почта Духовъ*» Крылова съ внѣшней стороны отзывалась подражаніемъ, то, спрашивается, не было ли того же и въ содержаніи? Важно и любопытно опредѣлить внутреннее отношеніе ея къ прежнимъ сатирическимъ журналамъ. Сравнивая съ ними «*Почту Духовъ*», мы находимъ, что она часто преслѣдовала тѣже недостатки, на которые они нападали, напр., французское воспитаніе, пустоту и мотовство щеголей, или, какъ ихъ

¹⁾ *См. Вѣдом.* 1788 г. № 95-й (28-го нояб.), № 97-й (5-го дек.) и № 100 (15-го дек.). Тутъ сказано было, что объявленія раздаются «съ подробнымъ объясненіемъ о предметѣ и расположеніи вновь выходящаго изданія» и проч., «на которое началась нынѣ въ той лавкѣ подписка и будетъ продолжаться по февраль мѣсяць будущаго 1789 г.» Къ сожалѣнію, самое объявленіе это не сохранилось. Оно въ измѣненномъ видѣ перепечатано при первой книжкѣ «*Почты Духовъ*»; при 2-мъ же изданіи этого сборника, въ 1802 г., значительно укорочено и искажено.

тогда называли, «петиметровъ», спѣсь и невѣжество дворянъ, взяточничество и казнокрадство, порочность судей, произволъ и т. п. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя не замѣтить, что тогда какъ прежніе журналы, выставляя главнымъ образомъ бытовую сторону общества, ограничивались описаніемъ существовавшихъ золь, Крыловъ заглядывалъ въ ихъ причины, обнажалъ нравственныя язвы, изъ которыхъ они происходили. У него сатира глубже, рѣзче и разнообразнѣе. Она обнимаетъ всѣ слои общества, всѣ сословія, и потому принимаетъ характеръ вполне общественный. Къ этому надобно прибавить и то, что зависитъ собственно отъ таланта писателя: Козицкій, Новиковъ, Эминъ и др. были только умными наблюдателями, Крыловъ является уже возникающимъ художникомъ. Въ немъ уже виденъ эпическій рассказчикъ, часто облакающій мысль въ выпуклый или яркій образъ. «Почта Духовъ» представляетъ намъ пеструю картину свѣта, въ которой сцена безпрестанно мѣняется, и передъ нами проходятъ всѣ страсти, всѣ темныя и смѣшныя слабости человѣчества.

Во «Вступленіи» къ «Почтѣ Духовъ» Крыловъ рассказываетъ, будто онъ, однажды, въ ненастный осенній день, возвращался рассерженный отъ его превосходительства г. Пустолоба, къ которому 8 мѣсяцевъ ходилъ по одному дѣлу и который въ 115-й разъ очень учтиво просилъ его пожаловать *завтра* (черта нравовъ, которую вообще любить выставлять наша старинная сатира). Тутъ является вдругъ волшебникъ, ученый и знатный Маликульмулька; онъ беретъ автора къ себѣ въ секретари, превращаетъ полуразвалившійся домъ въ богатые хоромы и даритъ ихъ новому своему знакомцу, но вмѣстѣ объявляетъ, что только самъ жилецъ будетъ наслаждаться ихъ пышностью; всѣмъ же гостямъ его эти комнаты будутъ казаться такими же, какъ были, т. е. пустыми сараями. «Оставь, другъ мой, думать людей», говоритъ волшебникъ, «что ты бѣденъ, и наслаждайся своимъ богатствомъ: истинное состояніе человѣка не по тому называется богатымъ или бѣднымъ, какъ другіе о немъ думаютъ, но по тому, какъ онъ самъ себя почитаетъ». Авторъ, пораздумавъ, согласился съ этимъ мнѣніемъ. «Итакъ», говоритъ онъ, «я рѣшился остаться въ томъ домѣ: пусть люди будутъ меня почитать бѣднымъ; что мнѣ до того за нужда! Довольно, если я для себя кажусь богатымъ». Здѣсь уже выразилась сущность практической философіи Крылова, реализмъ его житейской мудрости, которому онъ навсегда остался вѣренъ.

Мы не послѣдуемъ за Крыловымъ въ письмахъ невидимыхъ корреспондентовъ Маликульмулька; но извлечемъ изъ нихъ, въ сокращенномъ видѣ, нѣсколько характеристическихъ рассказовъ,

которые знакомятъ насъ со взглядами молодого писателя на русское общество. Увидимъ при этомъ, что притча уже тогда была любимой формой сатиры Крылова. Но мы не должны забывать, что его сатира относится къ давнопрошедшему времени: если она не всегда примѣнима къ настоящему, тѣмъ лучше для насъ, потомковъ сатирика. Его современники, находя въ ней личные намеки, могли оскорбляться ею: для насъ она утратила эту сторону своей язвительности.

Богатый купецъ Плуторѣвъ ¹⁾ угощаетъ на своихъ именинахъ вельможу, трехъ придворныхъ и нѣсколькихъ начальниковъ города. За роскошнымъ обѣдомъ вельможа выхваляетъ любовь къ отечеству, судья ставитъ выше всего честь, купецъ хвалитъ безкорыстіе; всѣ же согласны въ томъ, что законы слишкомъ строго наказываютъ за плутовство, и что надобно смягчить ихъ жестокость. Вельможа обѣщаетъ подать голосъ объ уничтоженіи увѣчныхъ и смертныхъ наказаній, которымъ подвергаются плуты и грабители, за что многіе изъ гостей, а особливо судья Тихо-владовъ и самъ хозяинъ Плуторѣвъ, очень его благодарятъ. Потомъ рѣчь заходитъ о хозяйскомъ сынѣ и выборѣ ему рода службы. Каждый изъ гостей предлагаетъ вывести его въ люди въ томъ званіи, къ которому самъ принадлежитъ. «Другъ мой», сказалъ придворный, «оставь это на мое попеченіе: изъ дружбы къ тебѣ я не совѣщусь занимать у тебя деньги и быть должнымъ, а потому ты не можешь сомнѣваться въ участіи, какое я принимаю въ судьбѣ твоего сына. Дѣло только въ томъ, чтобъ ты далъ мнѣ въ руки 20 т., которыя будутъ употреблены въ его пользу: я помѣщу его имя въ списокъ отборнаго военнаго корпуса, сдѣлаю его дворяниномъ и потомъ пристрою его во дворю... Сколько же такое состояніе блистательно, ты самъ это знаешь, и надобно только имѣть глаза, чтобъ видѣть насъ во всемъ нашемъ великолѣпіи, на усовершеніе котораго портные, брильянщики и др. художники истощаютъ все свое искусство, чтобы тѣмъ показать цѣну нашихъ достоинствъ и дарованій. Богатыя одежды, сшитыя по послѣднему вкусу, прическа, пристойная сановитость, важность и уклончивость, соразмѣрныя времени, мѣсту и случаю, возвышеніе и пониженіе голоса, походка, приемы и тѣлодвиженія отличаютъ насъ въ нашихъ заслугахъ и составляютъ нашу службу. Граматы предковъ нашихъ явно всѣмъ доказываютъ, что кровь, текущая въ нашихъ жилахъ, издавна

¹⁾ «Почта Духовъ», ч. I, стр. 107 (письмо 11). Представляя здѣсь сокращенно содержаніе нѣкоторыхъ писемъ, удерживаю языкъ подлинника только въ той мѣрѣ, въ какой это соединимо съ моею цѣлью.

преисполнена была усердіемъ въ пользу отечества; а наши ливреи и экипажи вѣложно свидѣтельствуютъ о важности нашихъ чиновъ въ государствѣ. Правда, что философы почитаютъ насъ мучениками, однакожь это несправедливо; за то и мы ихъ считаемъ безумцами, которые пустою тѣнью услаждаютъ горестную и бѣдную свою жизнь. Итакъ, другъ любезный, что тебѣ стоитъ 20 т.? Не суцая ли это бездѣлка въ сравненіи съ тѣмъ счастьемъ твоего сына, которое я сильнѣйшимъ своимъ представительствомъ обещаю ему доставить, а знакомые мои, танцмейстеръ, актеръ, портной и парикмахеръ, въ короткое время пособятъ мнѣ сдѣлать изъ твоего сына блистательную особу въ большомъ свѣтѣ!» Въ свою очередь другой гость, драгунскій капитанъ Рубакинъ, совѣтуетъ Плуторѣзу записать сына въ военную службу. По его мнѣнію, это первѣйшее въ свѣтѣ состояніе: военному человѣку нѣтъ ничего не позволеннаго; ему нуженъ больше лобъ, нежели мозгъ, а иногда больше нужны ноги, нежели руки. Затѣмъ въ разговоръ вмѣшивается судья Тихокрадовъ и, улыбаясь, возражаетъ Рубакину: «Я могу коротко сказать, что службѣ моей обязанъ я знатнымъ доходомъ, состоящимъ изъ 10 т.; вступая же въ нее, не имѣлъ я ни полушвы; итакъ, одно это довольно могло бы доказать, что жеро гораздо полезнѣе шпаги... Статскій человѣкъ имѣетъ еще то преимущество, что, не подвергая себя видимой опасности, каковой подвергается воинъ, можетъ ежедневно обогащать себя и присваивать вещи съ собственнаго согласія ихъ хозяевъ, которые за немалое еще удовольствіе себѣ поставляютъ служить ими и почитаютъ за отмінную въ нимъ благосклонность, если отъ нихъ такія вещи принимаешь. Сверхъ того, статскій человѣкъ можетъ производить торгъ своими рѣшеніями точно также, какъ и купецъ, съ тою только разницею, что одинъ продаетъ свои товары по извѣстнымъ цѣнамъ на аршины или на фунты, а другой измѣряетъ продажное правосудіе собственнымъ своимъ размѣромъ и продаетъ его, сообразуясь съ обстоятельствами. Если вы скажете, что все это не позволено законами, то, по крайней мѣрѣ, должны признаться, что въ свѣтѣ обыкновенія столь же сильны, какъ и самые законы». Наконецъ, рѣчь заводитъ находящійся тутъ же въ числѣ гостей художникъ Трудолюбовъ. «Любезный Плуторѣзъ», говоритъ онъ хозяину, «если ты хочешь доставить сыну своему счастье какимъ нибудь художествомъ, то или пошли его для работы въ чужіе края, или не вели ему ни за что приниматься, потому что здѣшніе жители своихъ художниковъ и ихъ работу ни за что почитаютъ, а уважаютъ одно привозимое изъ за моря». — «Нѣтъ, милостивые государи», сказалъ хозяинъ, «я

свое состояніе всѣмъ прочимъ предпочитаю, и оставляю навсегда въ немъ своего сына. Правда, я не дворянинъ, но деньги все мнѣ замѣняютъ!» Я увидѣлъ, заключаетъ сатирикъ, что онъ говоритъ правду; потому что, процвѣтая въ избыткѣ, живетъ онъ какъ маленькій царекъ!

Мы видѣли, что одинъ изъ гостей выразилъ глубокое презрѣніе къ философамъ, т. е. къ людямъ мысли и слова. Какъ, въ послѣдствіи, въ своихъ басняхъ, такъ уже и въ прозаической сатирѣ, Крыловъ является горячимъ поборникомъ просвѣщенія. Но хотя онъ и часто съ ироніей отзывается о незавидномъ положеніи писателя въ тогдашнемъ обществѣ, о неуваженіи дворянъ, военныхъ и вельможъ къ умственному труду, однакожь не надобно думать, чтобъ онъ оставлялъ въ покоѣ тотъ классъ людей, въ которому самъ принадлежалъ, т. е. пишущую братью вообще, разумѣя и литераторовъ и ученыхъ. Еслибъ, говоритъ онъ, авторы, вмѣсто изслѣдованія различныхъ состояній, захотѣли вникнуть только въ состояніе ученыхъ и философовъ, то и тогда могли бы примѣтить, какъ далеко простирается слабость человѣческаго разума ¹⁾. Онъ жалѣетъ, что большая часть ученыхъ руководствуются болѣе тщеславіемъ и славолюбіемъ, нежели искреннимъ желаніемъ распространять добро и истину. Особенно же упрекаетъ онъ ихъ въ томъ, что каждый старается превозносить до небесъ ту науку, которою самъ занимается, и желалъ бы при прославленіи ея помрачить всѣ другія науки. Ученые думаютъ, продолжаетъ онъ, что если люди будутъ болѣе уважать ту науку, въ которой они себя отличили, то чрезъ то и въ нимъ самимъ будутъ имѣть больше почтенія; философъ увѣренъ, что чѣмъ болѣе философія будетъ въ почетѣ, и онъ болѣе будетъ уважаемъ. Историкъ, стихотворецъ и риторъ такія же имѣютъ мысли. Однакожь, въ заключеніе, Крыловъ проситъ снисхожденія къ ученымъ, потому что соревнованіе, которое они одинъ противъ другого чувствуютъ, поощряетъ ихъ производить многія прекраснѣйшія творенія! А притомъ, прибавляетъ онъ, надобно сказать и то, что не всѣ ученые люди любовь къ славѣ и странное желаніе, чтобъ о нихъ съ похвалою говорили, простираютъ до крайности. Хотя совершенная правда, что всѣ жаждутъ безсмертія, однакожь не всѣ въ достиженію его употребляютъ одинакіе способы, и не всѣ желаютъ его купить за одинакую цѣну.

Въ современной ему литературѣ Крыловъ не разъ клеймитъ насмѣшкою тѣхъ мнимыхъ сочинителей, которые, въ сущности,

¹⁾ П. Д., ч. II, письмо 40.

не что иное, какъ плохіе переводчики ¹⁾. Описывая сцену въ книжной лавкѣ, врываясь, послѣ ухода дѣйствующихъ лицъ, спрашиваетъ книгопродавца, который жаловался на худой сбытъ своего товара: «Отчего же здѣсь мало хорошихъ книгъ?» — «Оттого, сударь, отвѣчалъ тотъ, что здѣсь множество авторовъ занимаются не тѣмъ, чтобъ что-нибудь *написать*, но чтобы что-нибудь *напечатать* и поспѣшить всенародно объявить, что они невѣжи. Страсть къ стихотворству здѣсь сильнѣе нежели въ другихъ мѣстахъ, но страсти въ истинѣ и въ красотахъ очень мало въ сочинителяхъ; оттого - то здѣсь нѣтъ хорошихъ книгъ, но множество лавокъ завалено бредными худыхъ стихотворцевъ!»

Между своими братьями-писателями Крыловъ бичуетъ не только бездарныхъ описцевъ и вообще пристрастныхъ льстецовъ, скрывающихъ пороки своихъ единовѣсцевъ, но и тѣхъ, по его словамъ, гнусныхъ сатириковъ, которые бранятъ свое отечество безъ всякой другой причины, кромѣ желанія показать остроту своего пера ²⁾. Тоже патріотическое чувство, которое выразилось въ этихъ словахъ, заставляло Крылова преслѣдовать съ особенною настойчивостію то легкомысліе, съ какимъ русское общество, прельстясь обманчивымъ лоскомъ французскаго образованія, надолго отдалось въ руки западно-европейскихъ выходцевъ. Извѣстно, какое значеніе французы приобрѣли у насъ тогда въ общежитіи, въ воспитаніи и въ торговлѣ. Эта сторона русскихъ нравовъ сдѣлалась одною изъ любимыхъ темъ Крылова во всѣхъ его сатирическихъ сочиненіяхъ. Къ моднымъ лавкамъ, часто служившимъ притонами порчи нравовъ и всякаго обмана, возвращался онъ часто и, наконецъ, посвятилъ этому предмету извѣстную комедію. Послѣдствія французскаго воспитанія выставлены имъ въ комедіи «*Урокъ дочкамъ*», а въ послѣдствіи и въ нѣкоторыхъ изъ лучшихъ его басенъ. Противъ этого зла направлены также многія мѣста «*Почты Духовъ*». Французы, по его замѣчанію ³⁾, удивляются просвѣщенному ввусу туземцевъ, но смѣются имъ въ глаза и собираютъ съ нихъ деньги; они принудили здѣшнихъ жителей, не объявляя имъ войны и не имѣя никакихъ къ тому правъ, платить себѣ столь тяжкую подать, какой не собиралъ Римъ съ своихъ подвластныхъ народовъ во время корыстолюбивѣйшихъ своихъ правителей. Это политическое покореніе туземцевъ французами, пишетъ Крыловъ, такъ хитро произведено въ дѣйство, что я не могу этого разобрать подробно. Об-

¹⁾ П. Д., ч. II, письмо 30.

²⁾ П. Д., ч. I, п. 9.

³⁾ П. Д., ч. II, п. 32.

разчиномъ ихъ нахальства и болтовни выставленъ парикмахеръ ¹⁾. «Едва успѣлъ онъ взять въ руки гребенку, какъ заговорилъ о политикѣ. Онъ перебиралъ правительства разныхъ народовъ, дѣлалъ заключенія, давалъ рѣшенія и съ такою же легкостію вертѣлъ государствами, какъ пудреною кистью. Вся министерія была ему открыта; и когда дѣло доходило до утверженія какихъ нибудь изъ его рѣшеній, тогда этотъ незастѣнчивый человѣкъ, нимало не краснѣя, говорилъ, что съ такимъ и такимъ его мнѣніемъ согласенъ таковой-то министръ, таковой-то сенаторъ и таковой-то генералъ, которымъ онъ чешетъ головы. Онъ увѣрялъ о себѣ безстыднымъ образомъ, что многіе вельможи, производа при немъ ежедневно соврѣненнѣйшія дѣла государства, не рѣдко совѣтуются съ нимъ о важнѣйшихъ пунктахъ министеріи и часто дѣлають свои рѣшенія по его мнѣніямъ.»

Достойнымъ ученикомъ подобныхъ господъ, изъ которыхъ многіе попадали въ Россію съ галеръ или изъ-подъ висѣлицы, является въ «*Почтѣ Духовъ*» русскій салонный щеголь графъ Припрыжкинъ ²⁾. Этотъ 20-ти лѣтній повѣса проводитъ всю свою жизнь въ шалостяхъ, которыми утѣшаетъ своихъ родителей, нлѣняетъ женщинъ, разоряетъ легковѣрныхъ заимодавцевъ и т. д. Тѣмъ не менѣе, во многихъ знатныхъ домахъ его уважають и удивляются его разуму, учености и дарованіямъ; часто ничего незначущее привѣтствіе, сказанное имъ, почитаютъ за острое слово, и если онъ улыбается, то всѣ начинаютъ хохотать во все горло, ожидая терпѣливо, когда онъ откроетъ причину своей улыбки. Съ такими качествами Припрыжину легко было сдѣлаться женихомъ богатой невѣсты. Онъ отправляется за покупками въ свадьбѣ; его сопровождаетъ сатирикъ, который и рассказываетъ объ этой прогулѣ по Гостиному двору. Одинъ купецъ объясняетъ имъ причину дороговизны, въ которой полагается главное достоинство товара: «Его сіятельство, говоритъ онъ, вздумалъ жениться: ему необходимо запастись множествомъ мелочей; деньги на нихъ онъ долженъ взять съ своихъ 400 душъ крестьянъ. Въ одну минуту посылаетъ онъ приказъ: собрать съ нихъ въ будущемъ году 80 т. р. Мужики, не надѣясь однимъ хлѣбопашествомъ доставить своему господину такую сумму, оставляють свои селенія и бредутъ въ города, гдѣ, обыкновенно, можно заработать болѣе денегъ: вмѣсто сохи и бороны берутъ они лопаты и топоры, становятся каменщиками, плотниками и разнощиками, днемъ работаютъ, а по ночамъ, чтобъ лучше собрать свой оброкъ,

¹⁾ П. Д., ч. I, п. 9.

²⁾ П. Д., ч. I, п. 9 и 17.

взыскиваютъ его съ прохожихъ... Отъ такихъ-то гостей становится все дорого. Мужики стараются вымещать это на ремесленникахъ, ремесленники на купцахъ, купцы на господахъ, а господа опять принимаются за своихъ крестьянъ. Къ концу года, крестьяне возвращаются въ свои жилища съ деньгами, отдають 80 т. р. господину, а на остальные 10 т. посылають въ городъ купить себѣ хлѣба, котораго становится мало до будущаго года. Итакъ, города терпятъ недостатокъ, деревни голодъ, граждане дороговизну, а его сѣятельство остается при новомодныхъ галантерейныхъ вещахъ, и празднуетъ нѣсколько дней великолѣпно свадьбу съ своею почтенною невѣстою, которая, съ своей стороны, щегольствомъ такую же приноситъ пользу государству».

Отыскивая всему мѣсто въ движеніи общественнаго строя, сатирикъ не забываетъ и значенія женщинъ. «Женщины играютъ въ политикѣ не малое лицо: онѣ движутъ всѣми пружинами правленія и черезъ нихъ дѣлаются самыя большія и малыя дѣла. Хотя ты съ перваго взгляда и подумаешь, что мужчины всѣмъ правятъ, а женщины ничего не значатъ, но очень ошибешься и, посмотря хорошенько, увидишь, что мужчины не что иное, какъ ходатаи и правители ихъ дѣлъ и исполнители ихъ предпріятій¹⁾». Эти слова взяты изъ разговора Плутона съ Прозерпиной. Калигула — говоритъ она между прочимъ — сдѣлалъ свою лошадь сенаторомъ, и всѣ римляне оказывали ей невозможнѣйшее уваженіе. Теперь этому смѣются, не примѣчая, что потомки калигулина коня, не теряя своей знатности, размножаются по свѣту. Можетъ быть, будущіе вѣка будутъ такъ же смѣяться нынѣшнему вѣку, какъ этотъ прошедшему. Обыкновенно, такимъ образомъ новые вѣка хохочутъ надъ дурачествами старыхъ, получая оныя отъ нихъ себѣ въ наслѣдство; послѣдній вѣвъ только одинъ можетъ похвалиться, что не будетъ осмѣянъ.

Чтобы показать, какъ Крыловъ смотрѣлъ на извѣстныя стороны нравовъ современнаго ему русскаго общества и въ то же время дать понятіе, какъ онъ разработывалъ однѣ и тѣ же темы въ сатирѣ и въ баснѣ, приведу изъ «Почты Духовъ» еще одну замѣчательную притчу²⁾. Въ судейскую залу толстый купецъ втащилъ бѣдняка, крича, что тотъ укралъ у него платокъ, и требуя, чтобъ его судили по всей строгости законовъ. Судьи опредѣлили бѣдняка повѣсить. Приговоренный объясняетъ, что онъ, умирая съ голоду, дѣйствительно укралъ платокъ. Имѣя врожденный талантъ къ живописи, онъ усовершенствовался въ

¹⁾ П. Д., ч. II, п. 34.

²⁾ П. Д., ч. I, п. 12.

чужихъ вряхъ и надѣялся найти въ отечествѣ безбѣдное содержаніе. Что-жъ вышло? «Мои картины, говоритъ онъ, хотя всѣми были здѣсь одобряемы, но ихъ порочили тѣмъ, что онѣ не были апеллесовы, рубенсовы, рафаэлевы, или, по меньшей мѣрѣ, не были иностранной работы, и потому никто не хотѣлъ имѣть ихъ въ своихъ галереяхъ. Это меня лишило бодрости, и повергло въ отчаяніе и нищету... Итакъ, разсмотрите теперь, я ли виновенъ, что по необходимости прибѣгнулъ къ пороку, или вы, гнушающіеся талантами своихъ соотечественниковъ?» Между судьями завязался споръ. Вдругъ отворились двери залы и вошелъ богато-одѣтый господинъ; всѣ судьи передъ нимъ встали и просили его сѣсть. Этотъ богачъ, узнавъ предметъ спора, далъ выкупъ за живописца и предложилъ ему размалевать паркетъ въ своей прихожей. Живописца выпустили, и этотъ рѣдкій художникъ, который могъ бы сдѣлать честь своему отечеству, дожидался своего избавителя, чтобъ идти за нимъ рисовать холсты для обтиранія ногъ пьяныхъ слугителей. — «Кто это, спросилъ сатирикъ у одного изъ стоявшихъ вблизи, — кто это такъ щедро выкупилъ живописца и передъ кѣмъ судьи такъ благоговѣютъ?» — Это одинъ преступникъ, отвѣчалъ ему тотъ на ухо, который судится въ похищеніи и грабительствѣ, и вотъ уже лѣтъ двадцать, какъ это дѣло тянется... На него донесено, что онъ покралъ изъ государственной казны нѣсколько милліоновъ, и разграбилъ цѣлую врученную ему область. — «Пропадный же онъ человѣкъ, сказалъ сатирикъ, — его, конечно, уже замучаютъ жесточайшими казнями». — «Напротивъ того, былъ отвѣтъ: онъ уже оправдался передъ правосудіемъ, и это ему стѣитъ одного милліона, а, чтобъ оправдаться въ глазахъ народа, онъ дѣлаетъ такіе выкупы, какимъ освобожденъ живописецъ, и вносить на содержаніе сиротъ не малыя суммы денегъ, и чрезъ то въ мысляхъ нѣкоторыхъ людей почитается честнымъ, сострадательнымъ и правымъ человекомъ... Но я вижу, продолжалъ онъ, что вы недавно пріѣхали на нашъ островъ; поживите-тео у насъ по-долѣ, такъ и увидите всего по-болѣ.»

Кто не узнаетъ въ этой притчѣ почти то же содержаніе, какъ въ баснѣ о Вороненѣ, который, по примѣру орла, хотѣлъ украсть лучшаго барана въ стадѣ, но запутался когтями въ его шерсти —

И кончилъ подвигъ тѣмъ, что самъ попалъ въ полонъ; —

изъ чего баснописецъ выводитъ такое заключеніе:

Нерѣдко у людей тожъ самое бываетъ,
Коль мелкій плутъ

Большому плуту подражаетъ:
 Что сходитъ съ рукъ ворами, за то ворешекъ бьютъ.

Но сатирикъ освѣщаетъ свою мысль еще болѣе общимъ выводомъ, обнаруживающимъ любопытный, хотя и не радостный взглядъ Крылова на духъ всего тогдашняго общества. Это ясно изъ продолженія приведеннаго разговора въ судейской палатѣ. Посѣтитель суда удивлялся тому, что видѣлъ. Новый знакомецъ его, объяснивъ, что только грубое воровство запрещено закономъ и подвергается наказанію, рассказать ему слышанное отъ дѣда: «Пристрагіе къ плутовству есть природное свойство здѣшнихъ жителей, и мои земляки уже давно имъ промышляютъ. Въ старину, оно было во всей своей силѣ; но какъ просвѣщеніе начало умножаться, то наши промышленники приняли на себя разные имена: первостатейные сдѣлались *старшинами* и *законниками*, другіе *кутцами*, а третьи *ремесленниками* и *поселянами*; но, перемѣняя званія, жители не перемѣнили своихъ склонностей, и плутовство никогда столько не владычествовало надъ ними, какъ послѣ сей перемѣны, такъ что наконецъ оно превратилось въ совершенный грабежъ, которому однакожь даны самыя честныя виды; одно только старое воровство запрещено, а впрочемъ, кто чѣмъ болѣе крадетъ, тѣмъ онъ почтеннѣе. Опасно лишь тому, кто въ семь хранить умѣренность: украденное яблоко можетъ стоять головы, а миллионы золота принесутъ уваженіе».

Этотъ взглядъ не вполне измѣнился у Крылова и въ старости. Довозательство тому можно видѣть въ небольшой его баснѣ *Купецъ* (1830 г.), для которой выписанный сей часъ разговоръ можетъ служить лучшимъ комментариемъ. Вотъ эта басня или, вѣрнѣе, поэтическая притча:

Поиди-ка, братъ Андрей!
 Куда ты тамъ запалъ? Поиди сюда скорѣй
 Да подивуйся дядѣ!
 Торгуй по-моему, такъ будешь не въ накладѣ,—
 Такъ въ лавкѣ говорилъ племяннику купецъ:
 Ты знаешь польскаго сукна конецъ,
 Который у меня такъ долго залежался,
 Затѣмъ что онъ и старъ и подмоченъ и гниль.
 Вѣдь это я сукно за англійское сбылъ!
 Вотъ, видишь, сей динь часъ взялъ за него сотняжку:
 Богъ блушка послалъ.
 — Все это, дядя, такъ, племянникъ отвѣчалъ:
 Да въ олухи-то, я не знаю, кто повалъ;
 Взглядись-ко: ты вѣдь взялъ фальшивую бумажку.
 Обмануть, обманулъ купецъ! въ томъ дива нѣтъ;
 Но если кто на свѣтъ

Повыше лавокъ взглянеть, —
 Увидать, что и тамъ на ту же стать идетъ,
 Почти у всѣхъ въ умѣ одинъ расчетъ:
 Кого кто лучше проведетъ
 И кто кого хитрѣй обманетъ.

Такимъ образомъ, сатира Крылова часто развивается съ большею полнотою и ясностью тѣ же мысли, которыя мы позднѣе встрѣчаемъ въ его басняхъ. Иногда въ послѣднихъ попадаются образы или черты, уже знакомые намъ изъ его сатирическихъ сочиненій. Такъ въ «*Почты Духовъ*»¹⁾, и въ «*Мысляхъ философа по модѣ*»²⁾ мы находимъ первообразъ «*Слона и Моськи*». Представляя въ смѣшномъ видѣ блестящаго молодого человѣка, который шутитъ надъ важными истинами, не понимая ихъ, Крыловъ говоритъ: «*При всей мелкости своего ума, онъ тогда такъ милъ, какъ болонская собачка, которая бросается на драгунскаго рослаго капитана и хочетъ разорвать его, между тѣмъ какъ онъ равнодушно куритъ трубку, не занимаясь ея гнѣвомъ. Какъ мила и забавна смѣлость этой собачонки, такъ точно забавна смѣлость вашего ума, когда огрызается онъ на вещи, передъ воими онъ менѣе, нежели болонская собачка передъ драгунскимъ капитаномъ*». Идея басни, сравнивающей мѣшокъ, наполненный червонцами, съ откупщиками или игроками, разбогатѣвшими съ грѣхомъ пополамъ, высказана первоначально въ слѣдующемъ размышленіи «*Ночи*»³⁾: «*Многіе поселяне, оставляя нивы, стали подъ покровительствомъ моимъ собирать съ проѣзжихъ оброкъ, а потомъ переселялись совсѣмъ въ города, и тамъ, воруя сперва въ присутствіи моемъ, наконецъ, подъ названіемъ откупщиковъ и подрядчиковъ, стали безопасно уже воровать и днемъ, не помышляя ни о серпѣ, ни о нивѣ*». Первое начертаніе басни о гусяхъ, хвалящихся тѣмъ, что предки ихъ спасли Римъ, встрѣчается въ слѣдующихъ строкахъ «*Почты Духовъ*»⁴⁾: «*Мѣщанинъ добродѣтельный и честный крестьянинъ для меня во сто разъ драгоценнѣе дворянина, считающаго въ своемъ родѣ до 30 дворянскихъ колѣнъ, но не имѣющаго никакихъ достоинствъ, кромѣ того счастья, что родился отъ благородныхъ родителей, которые также, можетъ быть, не болѣе его принесли пользы своему отечеству, только умножая число бѣзплодныхъ вѣтвей своего родословнаго дерева*».

1) Ч. 1, п. 9.

2) «*Зритель*», ч. II, стр. 288.

3) «*Зритель*», ч. 1, стр. 149.

4) П. Д., ч. II, п. 37.

Въ примѣрѣ образовъ, повторяющихся въ сатирѣ и въ басняхъ Крылова, можно также привести обезьяну, кривляющуюся передъ зеркаломъ¹⁾. Тема басни «*Вельможа*», направленной, такъ какъ и многія изъ прежнихъ его басенъ, противъ дурныхъ судей и ихъ секретарей, часто занимаетъ его уже въ «*Почты Духовъ*». Одно цѣлое письмо²⁾ посвящено изображенію примѣрнаго судьи и такого же секретаря. Мы видимъ, какъ рано возникли въ душѣ Крылова и какъ долго носились въ ней многіе изъ тѣхъ идей и образовъ, которымъ онъ далъ окончательное развитіе въ послѣдній періодъ своей дѣятельности; можно сказать, что нѣкоторые изъ нихъ онъ воспитывалъ въ себѣ съ тѣхъ поръ, какъ помнилъ себя. Оттого, для многихъ его басенъ мы напрасно стали бы искать источника въ современныхъ событіяхъ и лицахъ; происхожденіе ихъ часто объясняется гораздо проще: малѣйшій поводъ, ничтожный случай пробуждалъ въ его душѣ давно устоявшіеся въ ней наблюденія и выводы, которые творческая фантазія его легко одѣвала въ новые образы. Вотъ чѣмъ объясняются та естественность и зрѣлость, которыя такъ изумляютъ насъ въ вымыслѣ и формѣ басенъ Крылова. — Въ «*Почты Духовъ*» и другихъ сатирическихъ сочиненіяхъ его какъ-бы предчувствуется уже будущій баснописецъ; онъ проглядываетъ и въ любимой формѣ крыловскаго разсказа, часто принимающаго характеръ то сказки, то притчи. Таковъ, напр., весь его разсказъ: «*Ночи*»; такова и восточная повѣсть «*Камбѣ*», гдѣ мастерски обрисованы отношенія рабочаго дивана и народа къ своему каліфу; въ этой сказкѣ уже встрѣчается и басенька, — первый опытъ Крылова въ этомъ родѣ: полотно, на которомъ написана картина, вздумало приписывать себѣ ея успѣхъ; паукъ говоритъ ему: — Ты напрасно гордишься; еслибъ не вздумалось славному художнику покрыть тебя блестящими красками, то ты давно бы истлѣло, бывъ употреблено на обтирку посуды. — Въ «*Мысляхъ философа по модѣ*» неисправимость людей на переکورъ сатирѣ сравнивается съ упорствомъ стараго осла, который съ терпѣніемъ слушаетъ попуканія и брань своего хозяина, зная, что это одинъ пустой звукъ, и продолжаетъ свой путь по прежнему тихимъ шагомъ, оставляя хозяина въ надеждѣ, что онъ когда нибудь его уговоритъ. Но всего замѣчательнѣе, какъ отдаленное предзнаменованіе перехода Крылова къ баснѣ, слѣдующія строки одной изъ послѣднихъ страницъ «*Почты Духовъ*»³⁾: «Нравоучительныя пра-

1) П. Д., ч. I, п. 10.

2) Ч. I, п. 18.

3) Ч. II, п. 49.

вила должны состоять не въ пышныхъ и высокопарныхъ выраженiяхъ, а чтобъ въ короткихъ словахъ изъяснена была самая истина. Люди часто впадаютъ въ пороки и заблужденiя не отъ того, чтобъ не знали главнѣйшихъ правилъ, по которымъ должны они располагать свои поступки, но отъ того, что они ихъ позабываютъ, а для сего-то и надлежало бы поставлать въ число благодѣтелей рода человѣческаго того, кто главнѣйшiя правила добродѣтельныхъ поступковъ предлагаетъ въ короткихъ выраженiяхъ, дабы они глубже впечатлѣвались въ памяти».

Призванiе изучать человѣческое сердце и пружины общественной жизни Крыловъ созналъ въ себѣ чрезвычайно рано. На свѣтъ смотрѣлъ онъ какъ на обширное училище, открытое для всѣхъ желающихъ научиться; ему казалось, что заблужденiя, замѣчаемыя нами въ другихъ, могутъ служить намъ лучшими уроками, и что изображенiе ихъ достойно пера мыслителя, желающаго употребить съ пользою свои дарованiя¹⁾. Но не однѣ врожденныя способности помогли юношѣ-Крылову стать твердою ногой на поприщѣ писателя. Извѣстно, что полученное имъ швольное образованiе было чрезвычайно скудно; между тѣмъ сатира его показываетъ въ немъ большую начитанность; ему знакомы произведенiя лучшихъ умовъ древняго и новаго мира. Извѣстно также, что умная мать рано внушила Крылову охоту въ чтенiю и самодѣтельности, и онъ, мало по малу, ознакомился со многими великими писателями. Всматриваясь вообще въ дѣятельность нашихъ литературныхъ знаменитостей прошлаго вѣка, мы замѣчаемъ, что большая часть изъ нихъ почерпнули главное свое образованiе изъ того же источника — изъ чтенiя. Великие писатели — вотъ та школа, въ которой преимущественно образовались Сумароковъ, Державинъ, фонъ-Визинъ, Карамзинъ и еще въ не столь далекое время Пушкинъ. И мы должны сознаться, что этотъ важный элементъ образованiя значительно ослабѣлъ въ нашу, болѣе суетливую эпоху, когда прилежное чтенiе газетъ, лихорадочное участiе въ общественной жизни и налагаемая духомъ вѣка обязанность *слѣдить за вѣстк*, уносятъ такъ много времени. Кто, кромѣ великихъ писателей, могъ развить въ сынѣ бѣднаго армейскаго офицера, въ маленькомъ провинциальномъ чиновникѣ, тѣ благородные и высокiе помыслы, съ которыми онъ уже на 22 году жизни является наставникомъ общественной нравственности и смѣло обращается ко всѣмъ сословiямъ?

Но однѣ книги не могли доставить ему того глубокаго знанiя свѣта, какое мы замѣчаемъ уже въ юношескихъ трудахъ его.

¹⁾ П. Д. ч. II, п. 28.

Въ «Почтѣ Духовъ» есть мѣсто, раскрывающее намъ, кажется, черту біографіи самого автора и вмѣстѣ тайну его ранняго знакомства съ наукою жизни и сердца человѣческаго. — Одинъ изъ подземныхъ жителей, по имени Зоръ, вздумалъ узнать изъ книгъ нравы и обычаи описываемаго имъ государства; но у писателей этой страны онъ не нашелъ истины и потому рѣшился не въ кабинетѣ своемъ судить о духѣ государства, а вмѣшаться въ общество; чтобъ получить обо всемъ вѣрное понятіе, онъ выбралъ себѣ въ проводники одного молодого и знатнаго повѣсу, съ которымъ могъ имѣть входъ во многіе дома. Человѣкъ, выбранный Зоромъ для его цѣли, есть уже знакомый намъ графъ Припрыжинъ, который и посвящаетъ его въ тайны большого свѣта. Изъ этого мѣста мы можемъ съ вѣроятіемъ заключить, что самъ Крыловъ, такъ хорошо понимавшій, какую услугу Припрыжинъ могутъ оказывать писателю, не гнушался знакомства съ подобными господами. Но, посѣщая свѣтъ, Крыловъ, подобно Карамзину, понималъ также, что писатель долженъ заглядывать въ общество, а жить въ кабинетѣ¹⁾. Нѣкоторое отчужденіе отъ людей считалъ онъ благотворнымъ въ каждомъ званіи. «Пусть осуждаютъ, сколько хотятъ — писалъ онъ²⁾ — грубость и странные по мнѣнію нѣкоторыхъ людей поступки мизантроповъ; я буду всегда утверждать, что почти невозможно быть совершенно честнымъ человѣкомъ, не бывъ нѣсколько имъ подобнымъ. Если бы при дворахъ государей находилось нѣкоторое число мизантроповъ, то какое счастье послѣдовало бы тогда для всего народа! Каждый государь, внимая гласу ихъ, познавалъ бы тотчасъ истину... Министры, судьи, вельможи, однимъ словомъ, всѣ тѣ, коимъ ввѣрено благосостояніе народное, трепетали бы при единомъ названіи мизантропа... «Ничто, сказали бы они, не можетъ остановить сего ужаснаго провозвѣстника истины. Скоро гласъ его раздастся повсюду и, достигнувъ престола, извѣститъ государя о всѣхъ тайныхъ нашихъ дѣлахъ».

Почти ту же тему развиваетъ Крыловъ въ другомъ мѣстѣ, рассматривая, кто истинно честный человѣкъ въ каждомъ сословіи³⁾. «Великая разность — говорить онъ — между честнымъ человѣкомъ, почитающимся таковымъ отъ философовъ, и между честнымъ человѣкомъ, такъ называемымъ въ обществѣ... Послѣдній

¹⁾ Слова Карамзина въ статьѣ: «Отъ чего въ Россіи мало авторскихъ талантовъ». Вѣстн. Европы, 1802, ч. 4, № 14, стр. 120 — 128.

²⁾ П. Д., ч. I, п. 4.

³⁾ П. Д., ч. II, п. 24.

часто не что иное, как хитрый обманщикъ... или человѣкъ, который, хотя не дѣлаетъ никому зла, однакожъ и о благодѣяніи никакого не имѣетъ попеченія.... Истинно-честному человѣку надлежитъ быть полезнымъ обществу во всѣхъ мѣстахъ и во всякомъ случаѣ, когда только онъ въ состояніи оказать людямъ какое благодѣяніе». Потомъ сатирикъ переходитъ къ отдѣльнымъ состояніямъ и говоритъ, наприм., о судѣ: «Въ обществѣ, называется честнымъ человѣкомъ тотъ судья, который, не уважая ничьихъ просьбъ, дѣлаетъ скорое рѣшеніе дѣламъ, не входя ни мало въ подробное ихъ разсмотрѣніе»; по мнѣнію философовъ, этого мало: «Судья хотя бы былъ праводушенъ и безпристрастенъ, но производства судебныхъ дѣлъ совсѣмъ незнающій, въ глазахъ философа тогда только можетъ назваться честнымъ человѣкомъ, когда безпристрастіе его заставитъ почувствовать, сколько онъ долженъ опасаться всякаго обмана, чтобъ по незнанію не сдѣлать неправеднаго рѣшенія, и побудитъ его отказаться отъ своей должности. Ежели бы всѣ судьи захотѣли заслужить истинное названіе честнаго человѣка, то сколько бы присутственныхъ мѣстъ оставалось порожними! И если бы для занятія сихъ мѣстъ допускались только люди совершенно достойные, то число искателей гораздо бы поуменилось».

Не смотря на талантъ, выказанный Крыловымъ въ «*Почтъ Духовъ*», изданіе это не имѣло успѣха. Судя по припечатаннымъ при немъ именамъ подписчиковъ, оно расходилось только въ числѣ 80 экземпляровъ. Это и не удивительно: молодой издатель не имѣлъ еще никакой извѣстности, а охотниковъ даже и на книги, которыхъ авторы успѣли пріобрѣсти громкое имя, было не много. О равнодушіи публики къ литературѣ часто говорится въ «*Почтъ Духовъ*»; напр. въ одномъ мѣстѣ¹⁾ замѣчено, что въ большомъ свѣтѣ почитается невѣжествомъ не знать по названіямъ вновь выходящихъ сочиненій или не знать именъ современныхъ писателей; но читать ихъ произведенія считается потерю времени, а имѣть знакомство съ авторами—униженіемъ; ибо въ такихъ случаяхъ сравниваются они съ ремесленниками, которые, однакожъ, несравненно болѣе выигрываютъ въ своей жизни, нежели ученые. Если «*Почта Духовъ*» и не достигла своей нравоучительной цѣли, не оставила плодотворнаго слѣда ни въ общественной жизни, ни въ литературѣ, за то она имѣла великое образовательное значеніе для самого автора: она была школой его наблюдательности и сатирическаго таланта, важною для его будущей литературной дѣятельности.

¹⁾ П. Д. ч. I, п. 9.

Недостатокъ подписчиковъ на «*Почту Духовъ*», вѣроятно, и былъ причиною того, что это изданіе не дожило даже до конца года; оно прекратилось 8-ю, августовскою книжкой, и въ томъ же году уже продавалось какъ книга по 1 р. 80 к. за два тома, тогда какъ годовая цѣна при подпискѣ была прежде объявлена въ 5 р. ¹⁾ Но какъ ни мало читался журналъ Крылова, изъ разныхъ его мѣстъ можно заключить, что стрѣлы его сатиры не пропадали даромъ, что были люди, которые принимали ихъ на свой счетъ и обвиняли его въ личностяхъ. Что Крыловъ, однакожъ, не имѣлъ серьезныхъ неприятностей за «*Почту Духовъ*», доказывается тѣмъ, что онъ черезъ 2 года выступилъ опять сатирикомъ въ журналѣ «*Зритель*», и подписывая свои статьи полнымъ своимъ именемъ, сталъ иногда высказывать еще болѣе рѣзкія истины, нежели прежде. Дѣло въ томъ, что при возвышенности исповѣдуемой имъ морали, при чистотѣ своихъ политическихъ воззрѣній, своихъ понятій о гражданскомъ долгѣ, Крыловъ и не могъ, безъ несправедливости, подвергнуться гоненію. Свидѣтельствомъ, что «*Почта Духовъ*» не осталась незамѣченною въ нашей литературѣ, служитъ то, что въ началѣ нынѣшняго столѣтія, въ 1802 г., она была, съ позволенія цензуры, перепечатана вторымъ изданіемъ, безъ всякихъ соображеній. Менѣе счастливъ былъ этотъ сатирическій сборникъ въ 40-хъ годахъ, когда въ тагъ-называемое «*Полное собраніе сочиненій Крылова*», изданное вскорѣ послѣ его смерти, вошла далеко не вся «*Почта Духовъ*» ²⁾, даже не вся та часть ея, которая въ этомъ

¹⁾ *Слб. Вѣдом.* 1789, окт. 2, № 79.

²⁾ Въ превосходной статьѣ покойнаго П. А. Плетнева, которою начинается изданіе 1847 года (стр. XXII), сказано: «Въ нынѣшнемъ собраніи сочиненій Крылова напечатаны всѣ статьи, принадлежащія собственно его перу и помѣщенныя имъ въ тогдашнемъ его журналѣ». Сравненіе этого изданія съ полною «*Почтою Духовъ*» показываетъ, что изъ составляющихъ ее 48-ми писемъ въ собраніе сочиненій Крылова вошло только 18, т. е. не много болѣе одной трети, и именно одни тѣ письма, которыя означены именами *Зора*, *Буристана* и *Въстодава*. Да и изъ писемъ *Зора* пропущено одно (12-е),—откуда заимствована мною притча о судѣ надъ живописцемъ и богачемъ. Выходитъ, что всѣ остальные письма, отмѣченныя въ «*Почтѣ Духовъ*» именами *Дальновидца*, *Свѣтовидца*, *Астарота*, *Выспрепара*, *Эмпедокла*, *Боренда* и самого *Маликульмулька*, по мнѣнію издателей 1847 г., писаны не Крыловымъ, а другими лицами. Преданіе считаетъ сотрудниками его въ этомъ журналѣ *Рахманинова* и *Ник. Эмиана*. *Рахманинову* принадлежала типографія, въ которой печаталась «*Почта Духовъ*», что и означено, на оборотѣ заглавнаго листа ея, вензелемъ его имени *И. Р.*, выставленнымъ, такъ же точно на журналѣ «*Утренніе Часы*». Плетневъ говоритъ, что Крыловъ соединился съ *Рахманиновымъ*, «чтобы на общемъ издѣніи содержать типографію и печатать въ ней свой журналъ», и потѣмъ, черезъ нѣсколько строкъ, называетъ ихъ «журналистами, которые явились въ публику съ «*Почтою Духовъ*». Болѣе онъ ничего не сообщаетъ объ участіи въ этомъ журналѣ *Рахманинова*; повидимому, оно огра-

изданіи признана несомнѣнно принадлежащею перу Крылова. Это тѣмъ неожиданнѣе, что еще не задолго до того вполне безукоризненное направленіе всѣхъ сочиненій Крылова было торжественно засвидѣтельствовано тогдашнимъ министромъ народнаго

нчивалось только веденіемъ матеріальной части изданія. Что касается до Н. Эмина, то Плетневъ вовсе не упоминаетъ о его сотрудничествѣ въ «*Почты Духовъ*», и мысль о томъ есть, вѣроятно, одно недоразумѣніе, возникшее изъ смѣшенія Н. Эмина съ отцомъ его, издававшимъ «*Адскую Почту*». Далѣе, биографъ Крылова, отзываясь съ величайшею похвалою о его сатирѣ, замѣчаетъ, что онъ «набросилъ на ѣдкія свои изображенія покрывало писемъ *Зора, Буристана и Всподава*», которыя, по словамъ того же критика, «составляютъ одну картину». Читая «*Почту Духовъ*», нельзя не признать, что и всѣ ея письма *составляютъ одну картину*, въ которой трудно отличить участіе разныхъ авторовъ: вездѣ одни и тѣже приемы, одинъ языкъ, одинъ взглядъ на міръ и общество, частое повтореніе тѣхъ же образовъ и мыслей, словомъ, общая связь и внутреннее единство содержанія. Трудно представить себѣ, чтобы такіа сатирическія письма могли быть писаны нѣсколькими лицами; но если и предположить это, то спрашивается: гдѣ же явные признаки, по которымъ можно было отдѣлить письма Крылова отъ остальныхъ? Еслибъ онъ самъ, при жизни, указалъ на свою долю труда, то, вѣроятно, издатели не упустили бы опереться на такое важное свидѣтельство. Но такъ какъ нѣтъ ни такихъ признаковъ, ни такого свидѣтельства, а между тѣмъ извѣстно, что Крыловъ признавалъ «*Почту Духовъ*» за свой трудъ, и во всякомъ случаѣ былъ главнымъ ея редакторомъ, то приходится включить всю ее въ составъ его сочиненій. Къ внутреннимъ доказательствамъ единства ея происхожденія присоединяются еще слѣдующія внѣшнія, чрезвычайно важныя, на мой взглядъ, указанія. Въ извѣщеніи объ изданіи «*Почты Духовъ*», Крыловъ называетъ себя *секретаремъ* ученаго Маликульмулька, рѣшившимся выдавать переписку этого волшебника съ равными духами, и прибавляетъ, что такъ какъ онъ самъ не имѣетъ достаточныхъ средствъ для напечатанія сихъ писемъ (ибо-де мѣсто секретаря у ученаго человѣка очень безприбыльно), то и проситъ публику подписываться на этотъ сборникъ. Извнявша потому въ несвоевременномъ выходѣ первой книжки, мнимый секретарь Маликульмулька заявляетъ себя «издателемъ сихъ листовъ», изданіе же ихъ называетъ «своимъ предпріятіемъ», и ссылается на свою «непривычность», или, другими словами, неопытность. Въ такомъ же точно смыслѣ написано общее «Вступленіе» къ письмамъ, въ которомъ опять идетъ рѣчь объ *одномъ* секретарѣ, т. е. одномъ авторѣ или, по крайней мѣрѣ, редакторѣ писемъ «*Почты Духовъ*». Съ этимъ согласно и свидѣтельство Быстрова, который, со словъ Крылова, говоритъ, что Рахманновъ, бывъ его товарищемъ по изданію «*Почты Духовъ*», *давалъ ему матеріалы*. (Сѣв. П ч. 1845, № 208.)

Тѣ письма «*Почты Духовъ*», которыя перепечатаны въ «*Полномъ собраніи соч. Крылова*», отмѣчены тамъ подъ рядъ цифрами I, II, III и т. д., какъ будто бы между ними не было никакихъ пропусковъ. Не бесполезно будетъ отмѣтить здѣсь, какое мѣсто они занимаютъ въ расположеніи первоначальнаго изданія крыловскаго сборника (Римская цифра означаетъ порядокъ писемъ въ изданіи 1847 г., а арабская, заключенная въ скобкахъ,—порядокъ ихъ въ самомъ журналѣ): I (1), II (3), III (6), IV (9), V (11), VI (14), VII (16), VIII (17), IX (21), X (23), XI (26), XII (30), XIII (34), XIV (36), XV (39), XVI (42), XVII (44), XVIII (46). Остальныя 30 писемъ исключены изъ изданія 1847 г.

Жаль также, что языкъ Крылова въ прозаической части изданія 1847 г. значительно подновленъ, на что въ первый разъ было указано въ статьѣ моей: «*Карамзинъ въ исторіи русскаго литературнаго языка*» (*Журн. Мин. Нар. Просвѣщ.* 1867 г., апрѣль,

просвѣщенія, графомъ С. С. Уваровымъ¹⁾. Но извѣстно, въ какихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ находилась, въ 40-хъ годахъ, наша литература. Тогда почти повторилось то отношеніе ея къ цензурѣ, которое Крыловъ въ 1824 г. сравнилъ съ положеніемъ соловья подъ лапами кошки, въ баснѣ, поясненной гравоученіемъ:

Худыя пѣсни соловью
Въ когтяхъ у кошки.

Еще недавно, на нашей памяти совершилась въ этомъ отношеніи перемѣна. Въ «*Почтъ Духовъ*»²⁾ есть разсказъ о вступленіи на престолъ, въ какомъ-то восточномъ царствѣ, молодого государя, который, въ числѣ привѣтствующихъ его при этомъ случаѣ, допускаетъ въ себѣ также писателя и, выслушавъ его правдивую рѣчь, обращается къ прочимъ лицамъ съ словами: «*Этотъ человекъ кажется мнѣ не такъ безуменъ и злобенъ, какъ вы мнѣ о немъ говорили; я беру его подъ мое покровительство и приказываю, чтобъ никто не дерзалъ дѣлать ему ни малѣйшаго оскорбленія*»³⁾. Не переносятъ-ли насъ эти слова лѣтъ за 12 назадъ, когда русская литература нашла могущественнаго двигателя въ самомъ Монархѣ, даровавшемъ ей въ послѣдствіи первый законъ объ ограниченіи цензуры? Высочайшій указъ 6-го апрѣля 1865 года, знаменательно подписанный въ день всенароднаго торжества въ память русскаго писателя, составляетъ важную эпоху въ исторіи нашей литературы. Не свидѣтельствуетъ ли все ея прошлое, что она наиболѣе процвѣтала всякій разъ, когда слову предоставлялась законная доля свободы, и что если въ литературѣ случались прискорбныя уклоненія отъ здравыхъ началъ, то это бывало, по большей части, слѣдствіемъ болѣзненнаго раздраженія долго

ч. СХХХІV). Кромѣ того, нельзя не пожалѣть, что вообще изданіе это нисколько не удовлетворяетъ критическимъ требованіямъ; такъ напр., при басняхъ не только не показано постепенное умноженіе числа ихъ по изданіямъ, но не означено даже раздѣленіе ихъ на 9 книгъ по послѣднему, при жизни Крылова, въ 1843 г. напечатанному изданію ихъ. Очень желательно, чтобы лица, которыми надолго пріобрѣтено исключительное право изданія сочиненій нашего народнаго писателя, серьезно взвѣсили важность своей отвѣтственности, въ этомъ случаѣ, передъ обществомъ.

1) На обѣдѣ 2 февраля 1838 года, министръ, предложивъ тостъ за здоровье Крылова, сказалъ между прочимъ: «Да будетъ его литературное поприще, всегда народное по своему духу, всегда чи стое въ нравственномъ своемъ направленіи, примѣромъ для возрастающихъ талантовъ, поощреніемъ для современниковъ, радостнымъ воспоминаніемъ потомству» (Шлегель, «жизнь и сочиненія И. А. Крылова».)

²⁾ П. Д., ч. II, п. 45.

³⁾ П. Д., ч. II, п. 45.

подавленной мысли? Въ свѣтлый періодъ царствованія Екатерины II явились вдругъ даровитые писатели съ благородно-смѣлою рѣчью; проводя въ общество новыя либеральныя идеи, они содѣйствовали правительству въ его великодушныхъ стремленіяхъ. Къ числу такихъ людей принадлежалъ и Крыловъ. Подобное оживленіе литературы произошло, по той же причинѣ, въ началѣ царствованія Александра I, и, наконецъ, въ наше время — коренныхъ преобразованій, когда русскій писатель получилъ нѣкоторое право голоса въ обсужденіи важнѣйшихъ общественныхъ вопросовъ, и тѣмъ приобрѣлъ такое значеніе, какого онъ нивогда еще не имѣлъ. Прилично вспомнить о томъ — нынѣ, при празднованіи памяти человѣка, который почти 80 лѣтъ тому назадъ оцѣнилъ призваніе русскаго писателя. — Помянемъ Крылова и желаніемъ, чтобы въ этомъ званіи, какъ и во всякомъ другомъ, по его идеѣ, каждый былъ достоинъ имени честнаго человѣка не только въ глазахъ общества, но и въ мнѣніи строгаго мыслителя. Такимъ истинно честнымъ человѣкомъ былъ самъ Крыловъ. — Воздадимъ же должную честь не одной славной старости его, когда онъ во всемъ блескѣ проявилъ свой талантъ подъ безопаснымъ покровомъ басни, — воздадимъ честь и его забытой юности, когда онъ смѣло вышелъ въ путь съ бичемъ сатиры въ рукахъ, еще не помышляя о томъ комарѣ, который хотѣлъ предостеречь *настуха* отъ *змии*, но былъ раздавленъ его рукой, и тѣмъ навелъ баснописца на такое размышленіе:

Коль слабый сильному, хоть движимый добромъ,
Открыть глаза на правду покусится,
Того и жди, что то же съ нимъ случится,
Что съ комаромъ.

Я. Гротъ.

Январь, 1868.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ РУССКИХЪ БЫЛИНЪ

VI*).

САДКО.

Между всѣми русскими былинами, былина о Садкѣ едва-ли не та, о которой у насъ всего болѣе говорено и писано до сихъ поръ, но почти всѣ изслѣдователи повторяютъ о ней одно и то же. Существенной разницы взгляда между ними не оказывается. Всѣ, писавшіе о Садкѣ, сходятся на одномъ: а именно на томъ, что пѣсни объ этомъ «гостѣ» заключаютъ вѣрнѣйшій портретъ древняго Новгорода, древняго новгородскаго купечества и древней новгородской жизни.

«Никогда еще, говорятъ одни изъ изслѣдователей, жизнь Новгорода, со своими представителями, поименно названными, съ предприимчивостью своихъ торговыхъ гостей, съ отвагою своей молодежи-повольницы, съ рѣками, озерами, морями и ихъ подводнымъ царствомъ, не являлась въ такихъ живыхъ краскахъ, какъ въ пѣсняхъ о Васильѣ Буслаевѣ и Садкѣ»¹⁾. — Другіе говорятъ, что немного осталось у насъ народныхъ созданий, гдѣ-бы съ такою яркостью и очертанностью являлся старинный нашъ языческій антропоморфизмъ, смѣшанный съ христіанскими вѣрованіями нашего народа; что купецъ въ народномъ воззрѣніи принималъ образъ эпическаго богатыря, но историческая

*) См. выше, т. I, стр. 169—221, и 637—706.

1) Замѣтка г. Безсонова въ I-й части Рыбникова, стр. III.

дѣйствительность проглядываетъ сѣвозъ самую затѣйливую пестроту вымысла 1). — «Типъ купца полу-воина, предводителя своей особой дружины, пишутъ третью, ясно сказывается въ Садѣѣ богатомъ, съ его послушливою дружиною храброю, людьми наемными, подначальными. Богатство, а съ нимъ и сребролюбіе оказывается свойственнымъ новгородскимъ богатырямъ. Въ стараніи Садѣи отличить себя отъ дружины золотымъ жеребемъ, видно уже начало барства, господства, неминуемо оказывающееся вездѣ, гдѣ крупно развивается личность. И это — начало варяжское» 2). — «Былины о Садѣѣ, разсуждаютъ еще иные, кромѣ миѣической основы, имѣютъ еще и бытовое, такъ сказать, историческое содержаніе. Народный эпосъ, сильно пропикнутый мѣстными интересами, восходитъ до торжественной пѣсни во славу великаго и богатаго Новгорода. Непомѣрный богачъ вздумалъ было тягаться со всѣмъ Новгородомъ, но тотчасъ же изнемогъ въ своей борьбѣ и смирилъ личную гордость передъ колоссальнымъ величіемъ своей славной родины. Такова глубокая мысль объ искренней, чистой любви къ своей родинѣ въ этомъ простомъ, сказочномъ разсказѣ» 3). — Правда, тѣ же изслѣдователи замѣчаютъ, что — «нѣкоторые мѣологическіе мотивы въ пѣсняхъ о Садѣѣ составляютъ достояніе до-владиміровскаго эпоса», но тутъ же слѣдуетъ прибавить, что — «отношеніямъ Садѣи къ Морскому-царю позднѣйшая новгородская жизнь дала свойственное ей, *истинное примѣненіе*» 4). — Наконецъ, высказывали даже прямо мнѣніе, что новгородскія пѣсни, и по содержанію и по изложенію, гораздо менѣе древни, чѣмъ пѣсни временъ князя Владиміра: при сравненіи живо чувствуешь это 5). — Но всего болѣе останавливаетъ вниманіе твердая увѣренность нашихъ изслѣдователей, что пѣсни о Садѣѣ особенно дороги для исторіи русской литературы, *«какъ образецъ мѣстнаго развитія эпической поэзіи, во всей ея чистотѣ, безъ малѣйшей примѣси вліянія чужихъ мѣстностей»*. Этому способствовало то счастливое обстоятельство, что онѣ до настоящаго времени сбереглись, въ устахъ народа, тамъ, гдѣ была новгородская область, и слѣдовательно *записаны тамъ, гдѣ онѣ возникли, процвѣтали и видоизмѣнялись»* 6). — Точно столько же, наконецъ, достойно примѣчанія и

1) Н. Костомаровъ, «Сѣверно-русскія народоправства», II, 246—247.

2) Ор. Миллеръ, «Опытъ истор. обозр. русской словесн.», изд. 2-е, 269, 273.

3) Ф. Буслаевъ, «Русскій богатыр. эпосъ», Русскій Вѣстн. 1862, V, 544.

4) Ф. Буслаевъ, «Историч. очерки русск. народн. словесн. и искусства», I, 419.

5) К. Аксаковъ. Сочиненія, I, 834.

6) Ф. Буслаевъ, «Русскій богатыр. эпосъ», Русск. Вѣстн., 1862, V, 543.

то мнѣніе, что въ лицѣ Садки является намъ «образецъ своеобразнаго богатыря торговли, *возможнаго лишь въ Новгородѣ*»¹⁾.

При тѣхъ матеріалахъ, которые намъ теперь доступны, оказывается, что надо оставить совершенно въ сторонѣ всѣ эти прекрасные выводы и соображенія, какъ невѣрные и фантастическіе.

У насъ пѣсенъ о Садкѣ — три. Мы разсмотримъ ихъ всѣ, одну за другою, но начнемъ наше разсмотрѣніе не съ первой, и даже не со второй, а съ третьей. Я вынужденъ въ этому тѣмъ обстоятельствомъ, что у меня, въ настоящее время, въ распоряженіи гораздо болѣе матеріала для изслѣдованія третьей пѣсни, чѣмъ для остальныхъ двухъ, такъ что я могу приступить къ разбору этихъ двухъ пѣсенъ, первой и второй, послѣ того уже, когда напередъ положу въ основаніе разсмотрѣніе третьей пѣсни. Самъ читатель увидитъ ниже, что при нынѣшнихъ моихъ матеріалахъ мнѣ нельзя было поступить иначе. Впрочемъ, отъ этого ничего не проигрывается, потому что въ концѣ изслѣдованія рассказовъ о Садкѣ, всѣ три пѣсни сводятся у меня вмѣстѣ, въ настоящемъ своемъ порядкѣ.

Итакъ, приступимъ къ третьей пѣсни. Содержаніе ея слѣдующее.—Собрался однажды въ морское путешествіе Садко, богатый гость новгородскій. Дружина его строитъ ему корабли великіе, нагружаетъ ихъ товарами драгоцѣнными, и они всѣ вмѣстѣ отправляются въ путь. Вотъ ѣдутъ они по морю, вдругъ остановились корабли, стали и нейдутъ съ мѣста. Тогда Садко обращается къ своимъ товарищамъ: «Ай-же вы, дружинишка храбрая! Вѣкъ мы по морю ѣздили (вариантъ: 12 лѣтъ мы по морю ходили), а Морскому—царю дани не плачивали. Видно, онъ отъ насъ теперь дани требуетъ». И вотъ, онъ велитъ бросить въ море бочку-сороковку чистаго серебра: нѣтъ, нейдутъ корабли съ мѣста; бросаютъ тогда въ море бочку-сороковку чистаго золота — все-таки корабли съ мѣста не трогаются. «Ну, говоритъ Садко, видно живой головы требуетъ себѣ въ море царь-Морской!» — И онъ велитъ своей дружинѣ метать жеребьи въ море: чей жеребій потонетъ, тотъ и правъ. Самъ онъ бросаетъ жеребій тяжелый (по одному пересказу — золотой, по другому — булатный), остальные его товарищи бросаютъ жеребьи легкіе (по одному пересказу — ветляные, по другому — волжаные), но тонутъ эти легкіе жеребьи, а тяжелый Садковъ всплываетъ на верхъ. Тогда онъ пережѣняетъ гаданье, велитъ снова метать жеребьи въ море, съ такимъ уговоромъ, что чей жеребій всплыветъ, тотъ

¹⁾ Замѣтка г. Безсонова къ V-му выпуску Кирѣвскаго, стр. LXVII.

человѣкъ и правъ. Садко бросаетъ жеребій легкій, а товарищи его бросаютъ жеребьи тяжелые — всплываютъ тяжелые жеребьи товарищей, а легкій Садковъ жеребій уходитъ въ воду. Тутъ Садко говорить: «Это по меня смерть пришла, это меня требуетъ къ себѣ царь-Морской, за то, что много лѣтъ хожу я по морю, а царю-Морскому не давалъ никогда дани-пошлины, въ его море хлѣба съ солью не опускавалъ». И беретъ Садко свои гусли золото-струнные, велитъ спустить на море доску (въ одномъ пересказѣ, она названа шахматницей съ золотыми тавлеями), и только онъ сходитъ со своего корабля и садится на эту доску, въ то же мгновенье всѣ корабли снимаются съ мѣста и безпрепятственно плывутъ далѣе. Между тѣмъ, оставшись одинъ на волнахъ, Садко опускается на дно морское и находитъ тамъ палату бѣлокаменную, и видитъ въ ней Морского-царя. — А, вотъ и ты, Садко, богатый гость! говоритъ ему царь-Морской. Давно ужъ я тебя жду. Ты, сказываютъ, на гусяхъ играть мастеръ: ну-ка, поиграй, потѣшь меня! — И сталъ Садко Морского-царя тѣшить, заигралъ въ гусли звончатая, а Морской-царь зачалъ скакать, зачалъ плясать, а Садка угощалъ питьями разными. Играетъ Садко уже третій день, и оттого сильная буря стоитъ на морѣ, стало разбивать много кораблей, стало много гинуть имѣнья, стало много тонуть народа. Принялись люди молиться Николѣ Можайскому, и тогда вдругъ очутился передъ Садкой старикъ сѣдатый: онъ останавливаетъ и говоритъ ему: — Не играй ты больше на гусяхъ! Сине-море всколебалоса, быстры рѣки разливалися, много тонетъ по-напрасну народа православнаго. Разорви ты струны на своихъ гусяхъ, выломай ты шпечки, и если станеть спрашивать Морской-царь, говоря, что не на чемъ тебѣ больше играть. И если станеть тебѣ сватать царь-Морской въ синемъ морѣ дѣвицу-красавицу, пропусти ты первыя триста дѣвиць, пропусти ты потомъ и другія триста дѣвиць, и третьи триста дѣвиць: позади идетъ дѣвица-красавица Чернава — ту и бери за себя замужъ. Только, какъ ляжешь спать въ первую ночь, не твори съ женою блуда въ синемъ морѣ; и если не сотворишь блуда, будешь опять въ Новѣгородѣ. А на свою бесчетную казну построй церковь соборную Николѣ Можайскому (по одному особенному пересказу, всѣ эти наставленія и приказанія даетъ Садкѣ царица Подводная или Поддонная). — Садко исполняетъ данное ему приказаніе: сломалъ свои гусли, пересталъ играть, а потомъ, когда Морской-царь сталъ ему сватать дѣвицу-красавицу, онъ пропустилъ сначала первыя триста дѣвиць, потомъ другія и третьи триста дѣвиць, и взялъ себѣ замужъ дѣвицу-красавицу Чернаву, которая шла позади

всѣхъ. Но въ первую ночь онъ не творилъ съ нею блуда, и, проснувшись утромъ, очутился въ Новѣгородѣ, «на крутомъ бряжу надъ рѣкой» (по инымъ редакціямъ, самъ Морской-царь «поставилъ Садка на его корабль»). Поглядитъ, а тутъ бѣгутъ по Волхову всѣ корабли, съ которыми онъ, въ началѣ пѣсни, ѣхалъ. Между тѣмъ, и жена Садкина, и дружина его вѣрная не чаяли уже болѣе увидать Садка: «Остался Садко въ синемъ морѣ! Не бывать Садкѣ со синя-моря!» говорили они. А онъ тутъ какъ разъ на крутомъ бряжу и стоитъ. И тогда зарадовалась жена его, брала Садка за руки, цаловала въ уста сахарныя. Началъ Садко выгружать съ кораблей имѣнье: безсчетную золотую казну, и какъ выгрузилъ, построилъ церковь соборную Николѣ Можайскому, и не сталъ болѣе ѣздить на сине-море, сталъ поживать Садко въ Новѣ-градѣ ¹⁾).

Во всемъ этомъ разсказѣ, кромѣ нѣкоторыхъ, совершенно вѣшнихъ подробностей обстановки, нѣтъ ничего не только новгородскаго, но даже вообще русскаго, по коренному происхожденію и по деталямъ. Тутъ нѣчего искать ни Новгороду, ни Волхову, ни русскаго моря, ни русскихъ купцовъ, ни русскихъ вообще людей. Все чужое, все пришло въ нашу пѣсню — съ Востока.

Мы можемъ представить довольно много азіатскихъ пересказовъ только-что приведенной пѣсни о Садкѣ, потому что, по-видимому, это сказаніе было столько же любимо, сколько и распространено по древнему Востоку. Начнемъ же съ пересказовъ брахманскихъ, какъ болѣе древнихъ. •

Въ очень древней и неразвитой формѣ, нашъ разсказъ о Садкѣ встрѣчается въ Гариванзѣ, какъ преданіе о происхожденіи поколѣнія Ядавовъ. Здѣсь мы читаемъ слѣдующее: «Однажды, царь Яду поѣхалъ прогуливаться по морю, въ сопровожденіи благородныхъ женъ своихъ, подобный богу Мѣсяца, окруженному созвѣздіями. Онъ увлекся слишвомъ далеко, и, не смотря на свою силу, былъ быстро похищенъ Дхумаварной, царемъ Навговъ (змѣевъ), который повлекъ его сквозь волны въ свою столицу. Столбы, двери, дома этого города были изъ драгоценныхъ камней, со всѣхъ сторонъ висѣли жемчужныя гирлянды: глаза были поражены красотой тысячей разныхъ раковинъ, сверкающихъ блескомъ алмазовъ, великолѣпнѣмъ удивительныхъ деревьевъ, у которыхъ листья и вѣтви были коралловыя. Всѣ улицы были наполнены множествомъ женщинъ изъ змѣянаго подвод-

¹⁾ Древн. рос. стихотвор., 337—344.—Рыбниковъ, I, 374—380, 368—370; III, 241—251.—Кирѣевскій, V, 34—47.

наго народа. Свезозъ прозрачныя волны Яду сталъ разсматривать этотъ Змѣиный городъ, построенный столь же прочно на водѣ, какъ-бы на сушѣ. Безъ всякаго страха, онъ вступилъ въ этотъ городъ, и тогда пришелъ ко дворцу, по виду похожему на облако, и наполненному женщинами-змѣями. Ему поставили великолѣпное сѣдалище, все изъ драгоценныхъ камней, украшенное лотосовыми листьями, и съ золотымъ лотосовымъ листомъ на верху. Когда онъ сѣлъ, доблестный Дхумаварна, царь Змѣевъ, сказалъ ему: «Твой отецъ поднялся уже на небо (умеръ), создавъ славу своего народа и родивъ такого сына, какъ ты. Ты долженъ идти по его слѣдамъ. Ты будешь отцемъ Ядавовъ, и отецъ твой навсегда основалъ славу этого поколѣнія, богатаго героями. Ты видишь, царь, моихъ пятерыхъ дочерей; онѣ молоды и непорочны. Женись на нихъ и я дамъ тебѣ даръ, сообразный съ твоимъ достоинствомъ: твое поколѣние разросется въ семь знаменитыхъ вѣтвей». Итакъ, Дхумаварна отдалъ этому Яду, молодыхъ царевенъ, и бракъ сопровождался возліаніями, предписанными закономъ. Царь Змѣевъ, счастливый этимъ бракомъ, далъ своему зятю обѣщанный даръ. Онъ далъ также великолѣпное приданое каждой дочери своей. А отецъ Ядавовъ, богатый такою будущностью, взялъ съ собою новыхъ женъ, и вышелъ изъ воды подобно мѣсяцу, поднимающемуся изъ глубины морей. Герой появился, среди пяти царевенъ, словно свѣтило ночи, блестящее посреди созвѣздія изъ пяти звѣздъ. Онъ снова увидалъ свой гаремъ, а самъ былъ одѣтъ въ брачныя одежды и украшенъ божественными гирляндами. Увидавъ Яду, всѣ его жены почувствовали новую жизнь, точно будто при возвращеніи огня животворящаго. Полный счастья, этотъ царь возвратился въ свою столицу, гдѣ его ожидали еще новыя удовольствія»¹⁾.

Но, въ формѣ уже вполне развитой, и какъ-бы послужившей оригиналомъ для послѣдующихъ, болѣе позднихъ редакцій, мы находимъ этотъ рассказъ въ сборникѣ Сомадевы (брахманской эпохи), въ числѣ походовъ богатыря-брахмана Видушаки. «Послѣ одного долгаго странствія, рассказываетъ Сомадева, брахманъ Видушака, родомъ изъ города Уджаини, пришелъ въ городъ Тамралиптику, лежавшій недалеко отъ восточнаго моря. Тамъ онъ сошелся съ однимъ купцомъ, по имени Скандадазой, собиравшимся ѣхать на противоположный берегъ морской. Нагрузили корабль многочисленными драгоценностями купца, и тогда Видушака пошелъ съ купцомъ подъ парусами по морю. Но когда они были уже на срединѣ моря, корабль вдругъ

¹⁾ Harivansa, I, 398—400.

сталъ неподвижно^а на всемъ ходу, какъ будто кто-нибудь его остановилъ и держитъ. Они принялись-было умиловать море, бросая туда въ даръ драгоценныя каменья, но корабль все-таки не трогался съ мѣста, и тогда огорченный купецъ сказалъ: «Кто высвободитъ мой ставшій корабль, тому отдамъ полимѣнья и дочь въ замужество». Услыхавъ это, Видушака сказалъ съ рѣшимостью: «Я спущусь въ море, посмотрю, что тамъ такое, и живо высвобожу корабль. Обвяжите меня веревками и спустите меня на нихъ, а когда корабль сойдетъ съ мѣста, то вы меня поднимите на тѣхъ же веревкахъ». Обрадованный этими словами, купецъ обѣщался сдѣлать все, какъ сказано: корабельщики обвертѣли Видушаку вокругъ тѣла веревкой, и, крѣпко такимъ образомъ обязанный, онъ спустился въ море. Онъ призвалъ мечъ бога Агни¹⁾, взялъ его въ руку, и пошелъ прямо подъ корабль, посреди водъ: тамъ онъ увидалъ спящаго человѣка-великана, и замѣтилъ, что его нога держитъ корабль; онъ тотчасъ же отрубилъ ему ногу, и въ то же мгновеніе корабль, освобожденный отъ помѣхи, снялся и пошелъ. Увидавъ это, негодный купецъ велѣлъ отрубить веревки, на которыхъ держался Видушака, потому что, по его жадности, ему стало жаль обѣщанной награды, и тогда онъ поѣхалъ на освобожденномъ кораблѣ къ другому берегу. Замѣтивъ предательскій поступокъ купца, Видушака, для своего спасенія, садится на отрубленную имъ ногу великана, и ѣдетъ на ней по морю, какъ на лодкѣ, а самъ гребетъ руками. Въ это время раздался съ неба голосъ: «Отлично, отлично! Нѣтъ никого мужественнѣе тебя, Видушака! Я доволенъ тѣмъ, что ты такой рѣшительный и такъ все выносишь; и потому слушай вотъ что: Ты прежде приносилъ мнѣ много жертвоприношеній, за то я благосклоненъ къ тебѣ: по моему велѣнью, ни голодъ, ни жажда не будутъ мучить тебя, ступай же смѣло къ своей цѣли!» Послѣ этихъ словъ голосъ умолкъ, а Видушака, съ почтительнымъ благоговѣніемъ, преклонился передъ богомъ огня, потомъ пустился въ путь. Впослѣдствіи, отыскивая по цѣлому свѣту небесную дѣву Бхадру (съ которою имѣлъ одно время любовную связь, и которая потомъ вдругъ исчезла), Видушака попадаетъ однажды къ подошвѣ горы Удаи, на верху которой стоитъ волшебный замокъ: тамъ, по словамъ помогающаго ему Равшазы (того самаго демона-великана, что останавливалъ корабль въ морѣ), находится жилище

¹⁾ Богъ огня, Агни, въ награду за благочестивыя подвиги Видушаки, даровалъ ему волшебный мечъ, который появлялся у него въ рукѣ всякій разъ, какъ только онъ его вспоминалъ.

небесныхъ дѣвъ, и красавица Бхадра теперь именно тамъ. Видушака въ раздумьи, какъ ему туда попасть; въ это время изъ замка выходитъ цѣлая толпа дѣвицъ-красавицъ, у каждой въ рукѣ по золотому ведру, онѣ идутъ за водой къ прелестному озеру, лежащему у подошвы горы. Видушака спрашиваетъ ихъ, узнаетъ, что дѣйствительно здѣсь въ замкѣ живетъ Бхадра, и что всѣ онѣ пришли за водой для ея купанья, и тогда Видушака опускаетъ свое золотое кольцо въ ведро одной изъ дѣвъ, которая попросила его поднять ей ведро на плечо. Бхадра узнаетъ по кольцу, что Видушака тутъ, призываетъ его къ себѣ и тогда, полная страсти къ своему возлюбленному, говоритъ ему: «Муженѣкъ ты мой любезный, на чтѣ мнѣ еще теперь пріятельницы и волшебная сила? Ты моя жизнь! Своею доблестью, о властелинъ мой, ты купилъ меня себѣ въ рабыни!» Видушака отвѣчаетъ: «Тогда пойдемъ со мной, дорогая моя! Покинь эти небесныя утѣхи, и станемъ жить вмѣстѣ на моей родинѣ!» Бхадра тотчасъ соглашается, и тотчасъ же покидаетъ волшебную силу, точно будто это была только ничтожная трава. Видушака проводитъ у ней ночь, а на другое утро, спустившись съ горы, садится съ нею на плечо Ракшазы, и тотъ несетъ ихъ по воздуху съ чудесною быстротой. Дорогой, въ разныхъ царствахъ, Видушака забираетъ всѣхъ женщинъ, доставшихся ему въ разное время въ видѣ награды за его подвиги; на берегу моря онъ находитъ того купца, чтѣ обрубилъ веревки, когда онъ спускался въ море, беретъ у него всѣ его сокровища и дочь, обѣщанную за освобожденіе корабля, «потому что онъ думалъ, что потеря всѣхъ сокровищъ будетъ этому жадному человѣку все равно, что смерть». Наконецъ, Равшаза съ неимовѣрною быстротою переноситъ его въ родной городъ. «Видушака, стоя на великанскомъ Равшазѣ, блиставшемъ красотой женщинъ, сидѣвшихъ на его плечѣ, явился людямъ точно мѣсяцъ, когда онъ восходитъ надъ восточною горою. Царь Адитязена (его тесть, отецъ первой его жены), узнавъ объ его чудесномъ явленіи отъ удивленнаго и испуганнаго народа, и вышелъ за городъ; увидавъ своего тестя, Видушака торопливо спустился съ Ракшазы и почтительно поклонился царю, а этотъ радостно поздоровался съ нимъ. Потомъ Видушака снялъ всѣхъ своихъ женъ съ плеча Ракшазы, и отпустилъ его, а самъ пошелъ со своими женами и тестемъ въ царскій дворецъ и обрадовалъ тамъ своимъ возвращеніемъ первую свою жену, царскую дочь, которая долго ждала его съ большимъ нетерпѣніемъ. Выслушавъ разсказъ Видушаки о его похожденияхъ, царь отдалъ ему полцарства своего, обрадованный храбростью и могуществомъ своего

зятя, и тотъ, получивъ царскую власть, мало по малу завладѣлъ всею землею, всѣ цари цѣловали ему ногу, и онъ потомъ долго жилъ въ удовольствіи со своими женами, а онѣ, будучи довольны и счастливы, ничуть не ревновали»¹⁾).

Таковы пересказы этой легенды въ источникахъ брахманскаго происхожденія. Въ буддійскихъ пересказахъ она во многомъ получаетъ уже новый характеръ, новыя подробности и краски.

Такъ, въ одномъ мѣстѣ «Дзанглуна» (сочиненія, извѣстнаго намъ по тибетской редакціи, но происходящаго собственно изъ сѣверной Индіи, судя по мѣсту дѣйствія *всѣхъ* рѣшительно разсказовъ и *по всѣмъ* вообще подробностямъ), мы находимъ повѣсть слѣдующаго содержанія.—Сынъ богатаго брахмана изъ города Барута, Джинпа-Ченпо, будучи еще въ юношескомъ возрастѣ, задумалъ совершить морское путешествіе, для того, чтобъ добыть чудный камень Чинтамани, доставляющій всевозможныя на свѣтѣ сокровища: этими сокровищами онъ хочетъ помогать бѣднымъ и страждущимъ, такъ какъ всѣхъ богатствъ его отца, уже на двѣ трети имъ растроченныхъ, ему мало на это дѣло. Долго родители не соглашались; но, наконецъ, побѣжденные его неотступными просьбами, позволяютъ ему ѣхать. «Тогда онъ пошелъ со двора и объявилъ большой толпѣ народа:—Я собираюсь ѣхать въ море, добывать драгоцѣнности; кто хочетъ, приходи ко мнѣ, поѣдемъ всѣ вмѣстѣ, я буду начальникомъ поѣздки, издержки на мой счетъ! — Тогда набралось около 500 человекъ, и они поѣхали съ нимъ. Еще на сухомъ пути на нихъ напали разбойники, и ограбили ихъ до-чиста. Тогда Джинпа-Ченпо пошелъ къ одному брахману, чтобъ занять у него 1,000 унцій золота. Брахманъ не только далъ ему эти деньги, но еще предложилъ свою дочь въ замужество; а она, едва услышала, что Джинпа-Ченпо подошелъ къ ихъ дверямъ, еще даже не видавъ его, объявила, что ни за кого не пойдетъ за-мужъ, кромѣ него. Но Джинпа-Ченпо отлагаетъ это до своего возвращенія, и отправляется къ берегу моря. Тутъ онъ садится на корабль и ѣдетъ со своими спутниками въ страну драгоцѣнностей; тамъ онъ набираетъ этихъ драгоцѣнностей великое множество, и нагружаетъ ими корабль свой. Но, когда уже всѣ стали собираться въ путь, Джинпа-Ченпо сказалъ купцамъ: «Я не поѣду теперь съ вами, и не ворочусь домой, пока не добуду изъ дворца царя Зиѣвѣвъ камень Чинтамани, исполняющій всѣ желанія.» Сильно опечалились и смутились купцы, и стали говорить со слезами:

¹⁾ Brockhaus, Katha-Sarit-Sagara, 92—95.

—Вотъ мы, купцы, пошли за тобой, своимъ головой, какъ слуги; если ты теперь насъ бросишь и не побѣдешь съ нами, то мы ужъ больше не попадемъ домой, и все будемъ блуждать.—Джинпа-Ченпо отвѣчалъ:—Чтобъ вы, купцы, безъ всякихъ бѣдъ воротились домой, я произнесу пожелательную молитву.—Сказавъ это, онъ взялъ кадильницу въ руку, принесъ жертву всѣмъ четыремъ странамъ свѣта, и проговорилъ:—Что я набираю драгоценности на помощь нуждающимся—этого еще мало: добродѣтельное теперешнее мое приношеніе даровъ въ жертву имѣеть цѣлью достиженіе совершенства Будды. Если то, что я говорю, правда, и моя молитва должна исполниться, то пусть эти купцы со всѣми своими драгоценностями достигнуть счастливо и безбѣдственно своей родины. Послѣ произнесенія этой молитвы, подняли канатъ, натянули паруса, и они счастливо и бодро поплыли по направленію къ своей родинѣ. Послѣ ихъ отъѣзда, Джинпа-Ченпо спустился въ море. Послѣ первыхъ семи дней, вода доходила ему только немного повыше колѣнъ; еще черезъ семь дней она доходила ему до пояса; потомъ, спустя еще семь дней—до плечъ; наконецъ онъ поплылъ». Здѣсь ему повстрѣчались въ морѣ Ракшазы (демоны); но, узнавъ о цѣли его путешествія, не сдѣлали ему никакого зла, перенесли его черезъ далекія пространства по воздуху, и поставили на землю. Тутъ онъ увидалъ серебрянный замокъ, окруженный семью рвами съ ядовитыми змѣями, и обвитый у основанія двумя драконами. Джинпа-Ченпо благополучно пробирается сквозь всѣ препятствія, находитъ въ замкѣ—царя Змѣевъ, и тотъ, удивясь приходу смертнаго, «встаетъ со своего трона, идетъ къ нему на встрѣчу, принимаетъ съ почетомъ и поклонами, сажаетъ на тронъ изъ драгоценныхъ камней, и всячески угощаетъ его». Узнавъ потомъ о цѣли его прибытія, царь Змѣевъ упрасиваетъ Джинпа-Ченпо погостить у него мѣсяць, угощаетъ его все это время всевозможными кушаньями, и забавляетъ музыкой, а самъ выслушиваетъ у него правила буддійскаго вѣроученія, наконецъ, отпускаетъ съ честью, вручивъ камень Чинтамани, помѣщавшійся у него на макушкѣ головы, поверхъ пучка волосъ. Тоже самое повторяется въ замкѣ изъ лапись-лазули, а потомъ въ золотомъ замкѣ: въ первомъ Джинпа-Ченпо проживаетъ 2 мѣсяца, во второмъ — 4 мѣсяца, и уходитъ оттуда, получивъ въ каждомъ замкѣ отъ новаго царя Змѣевъ по камню Чинтамани. Перелетѣвъ потомъ, по воздуху, силою этихъ волшебныхъ камней, на другой берегъ, Джинпа-Ченпо ложится на землю и засыпаетъ. Во время сна его, меньшіе морскіе цари Змѣевъ крадутъ у него камни Чинтамани. Онъ просыпается и начинаетъ подозрѣвать, что это морскіе

Змѣи совершили у него эту кражу. Ему хочется воротить назадъ свои камни; для этого, онъ идетъ къ берегу морскому и принимается обѣими руками вычерпывать море. Замѣтивъ его намѣреніе, одно морское божество старается отговорить его, увѣряя, что трудъ его напрасенъ, но Джинпа-Ченпо не слушается и продолжаетъ вычерпывать море съ такою ревностью, что многіе боги удивились и, чтобъ ему помочь, стали макать свое платье въ море. Тогда Змѣи испугались, и возвратили ему драгоцѣнные камни. Джинпа-Ченпо полетѣлъ по воздуху къ себѣ на родину, и тамъ тотчасъ же спросилъ: «Что, здѣсь купцы, мои прежніе спутники? Счастливо они воротились?» А эти спутники, благополучно возвратившіеся купцы, радовались всѣ вмѣстѣ, были полны удивленія. Когда же они пришли къ дверямъ брахмана, и тотъ узналъ, что Джинпа-Ченпо воротился изъ моря, всѣ домашніе вышли къ нему на встрѣчу съ превеликимъ ликованіемъ; и послѣ того устроили большой пиръ, какъ для него, такъ и для его спутниковъ». Джинпа-Ченпо наполнилъ кладовыя брахмана драгоцѣнностями, а этотъ, богато надѣливъ свою дочь, отдалъ ее въ супружество Джинпа-Ченпу. Наконецъ, въ заключеніе всего, созвали всѣхъ жителей страны и Джинпа-Ченпо, силою волшебныхъ камней Чинтамани, низвелъ на нихъ, подобно дождю съ неба, исполненіе всѣхъ ихъ потребъ и желаній, и сдѣлалъ всѣхъ счастливыми ¹⁾.

Эта же самая легенда разсказывается еще и въ другомъ мѣстѣ «Дзанглуна» (такія повторенія въ азіятскихъ поэмахъ и сборникахъ не рѣдкость), но съ нѣкоторыми новыми, весьма существенными подробностями. Здѣсь герой уже не брахманскій, а царскій сынъ. Его зовутъ Гедонъ, и у него есть братъ Дигдонъ, который постоянно ему во всемъ завидуетъ, вездѣ слѣдуетъ за нимъ, и всегда старается силою завладѣть братниными приобрѣтеніями. Гедонъ, точно также какъ и Джинпа-Ченпо, рѣшается ѣхать въ морское путешествіе для того, чтобъ добыть себѣ возможность помогать бѣднымъ, несчастнымъ и страждущимъ. Родители отпускаютъ его лишь съ величайшимъ затрудненіемъ; и онъ набираетъ себѣ толпу охочихъ людей, 500 кущовъ, желающихъ ѣхать съ нимъ собирать драгоцѣнные камни. Но прежде, чѣмъ ему пуститься въ путь, царь, его отецъ, послушавшись его просьбы, велитъ ѣхать съ нимъ старому слѣпому кормчему: этотъ уже много разъ ходилъ прежде по морю. «Пріѣхавъ въ страну драгоцѣнныхъ камней, царевичъ, великій знатокъ въ нихъ, сталъ учить кущовъ, какія въ нихъ дурныя и хорошія каче-

¹⁾ Schmidt, Dsanglun, 230—251.

ства, которые изъ нихъ обыкновенные и которые рѣдкіе, и послѣ того они всѣ отправились на поиски. А царевичъ и старый кормчій сѣли въ лодочку, и оставили купцовъ на якорѣ». Вотъ ѣдутъ они, проѣзжаютъ мимо серебрянной, лапись-лазулевой и золотой горы, и выходятъ на берегъ. «Старый кормчій говоритъ: Одолѣла меня старость, нѣтъ у меня силушки дальше идти! И какъ я вотъ кончу на этомъ самомъ мѣстѣ свою жизнь, ступай ты дальше: и придешь ты въ замку, выстроенному изъ семи драгоценностей. Дверь замка будетъ заперта, но тутъ около двери есть алмазная колотушка: этой колотушкой стукни ты въ дверь, и тогда изъ замка выйдутъ 500 богинь. У каждой будетъ въ рукѣ по драгоценному камню—тебѣ въ подарокъ. Одна изъ нихъ выйдетъ въ тебѣ съ голубымъ камнемъ: это-то и есть выполняющій всѣ желанія Чинтамани: ты бери его и держи крѣпко, чтобъ онъ не вырвался у тебя, а потомъ бери драгоценные камни и отъ прочихъ дѣвицъ. Но смотри, владейъ всѣми своими чувствами, и не разговаривай съ ними! А когда я вотъ, совершенно истощенный, кончу здѣсь свою жизнь,—то вспомни мое благодареніе, похорони мои косточки на этомъ самомъ мѣстѣ, и ужъ потомъ ступай дальше!» Тотчасъ послѣ этихъ словъ старый кормчій умеръ, царевичъ похоронилъ его въ золотомъ пескѣ, пошелъ далѣе и встрѣтилъ на пути замокъ. Тутъ онъ ударилъ алмазной колотушкой въ дверь, дверь отворилась сама собой, и тогда къ нему вышли оттуда 500 богинь, одна за другою: у каждой было въ рукѣ по драгоценному камню, ему въ подарокъ; самая передняя держала голубой Чинтамани въ рукѣ. Какъ ему было приказано, онъ взялъ камень, завернулъ его въ подолъ кафтана, и тотчасъ же воротился назадъ. Между тѣмъ, послѣ ухода царевича Гедона, царевичъ Дигдонъ велѣлъ купцамъ набирать какъ можно больше драгоценныхъ камней. По этому приказанію, они набрали слишкомъ много камней, такъ что корабль сталъ тонуть, наконецъ уже и совсѣмъ пошелъ ко дну и больше не показывался: не погибъ одинъ царевичъ Гедонъ, такъ какъ у него былъ выполняющій всѣ желанія камень Чинтамани. Царевичъ же Дигдонъ, видя свою бѣду, сталъ, въ отчаяніи и страхѣ, звать на помощь Гедона, и тогда этотъ, схвативъ Дигдона, переплылъ съ нимъ море. Потомъ, во время сна Гедонова, Дигдонъ выкололъ ему глаза, взялъ Чинтамани, и убѣжалъ. Далѣе слѣдуютъ походы царевича Гедона въ видѣ слѣпота, которыя мы опустимъ. Скажемъ только, что одна царевна влюбляется въ него, и заставляетъ своего отца дать согласіе на ея бракъ съ Гедономъ; послѣ того этотъ царевичъ снова получаетъ зрѣніе, и тестъ и жена узнаютъ, на-

конецъ, кто онъ таковой. Между тѣмъ отецъ Гедоновъ узнаеть, черезъ волшебную птицу, что его сынъ живъ, посылаетъ за нимъ посольство, Гедонъ возвращается съ женой въ отцово царство, его принимаютъ съ великимъ торжествомъ, и онъ, по великодушію, прощаетъ преступнаго своего брата, котораго отецъ хотѣлъ-было на-вѣки держать въ темницѣ. Наконецъ, Гедонъ отрываетъ изъ земли волшебный камень Чинтамани, зарытый туда его братомъ, силою его наполняетъ драгоценностями казнохранилище отца своего, и низводитъ съ неба, подобно дождю, потоки всевозможныхъ даровъ на жителей своей страны ¹⁾.

Еще съ большимъ религіознымъ отбѣнкомъ является этотъ рассказъ въ индѣйской буддѣйской легендѣ о Самгхѣ-Ракшитѣ. Пятьсотъ купцовъ, собираясь въ морское путешествіе, уговариваютъ ѣхать съ собой достопочтеннаго духовнаго, Самгху-Ракшиту, живущаго въ индѣйскомъ городѣ Сраvasti: они желаютъ, чтобъ онъ ихъ въ дорогѣ поучалъ закону. Они строятъ корабль, нагружаютъ его всѣми своими богатствами, и пускаютъ въ океанъ. «Когда они доѣхали до середины океана, Наги (морскіе Змѣи) схватили ихъ корабль. Тогда они начали умолять божества:—Пусть божество, вскричали они, которое живетъ въ морѣ,—будь это Дивъ, Нага или Якша (демонъ), скажетъ намъ, чего оно хочетъ?—Тутъ вышелъ голосъ изъ глубины океана:—Отдайте намъ Самгху-Ракшиту.—Купцы отвѣчали: Аріи (достопочтенный) Самгха-Ракшита однихъ съ нами лѣтъ, онъ родился въ одно время съ нами, онъ игралъ съ нами въ пыли, онъ намъ довѣренъ своимъ наставникомъ, достопочтеннымъ Сарипуттрой, и уступленъ Бхагаватомъ (Буддой). Намъ лучше погибнуть, чѣмъ повинуть Арія Самгху-Ракшиту.—Услыхавъ эти слова, Самгха-Ракшита сказалъ:—Что это вы говорите, друзья мои?—Они ему рассказали. Тогда онъ подумалъ про себя:—Вотъ исполненіе словъ Бхагавата: ты долженъ пройти сквозь многія опасности и трудныя обстоятельства.—И потому, взявъ свой сосудъ для милостыни и свою одѣжу, онъ бросился въ океанъ. Увидавъ это, купцы закричали:—Что ты это дѣлаешь, Самгха-Ракшита? Что это будетъ?—Но пока они кричали, тотъ былъ уже въ морѣ. Тогда корабль тотчасъ освободился, а Наги схватили Арія и повели его въ свой дворецъ». Тамъ онъ принялся преподавать имъ правила вѣры, а послѣ нѣкотораго времени, когда онъ сказалъ имъ, что хочетъ воротиться на родину, вдругъ передъ нимъ очутился корабль тѣхъ купцовъ, и Наги бросили его туда. Купцы чрезвычайно обрадовались ему, они всѣ вмѣстѣ пустились въ даль-

¹⁾ Тамъ же, стр. 262—281.

нѣйшій путь, и, высадясь на берегъ, всѣ заснули. Утромъ, купцы уѣхали на корабль, не видя Самгху-Равшиту, а онъ, проснувшись и не найдя ихъ, отправился въ дорогу одинъ. Сначала онъ приходитъ въ лѣсъ, гдѣ видитъ разныя чудеса и превращенія, а потомъ приходитъ въ пустынножительство, населенное пятью стами пустынниками, которые не хотятъ оказать ему гостепрѣимства. «Быль въ этомъ пустынножествѣ одинъ отшельникъ, добродѣтельнаго нрава:—Зачѣмъ это вы не оказываете гостепрѣимства этому почтенному человѣку? сказалъ онъ пустынникамъ. Вы этимъ грѣшите, — вы не что иное, какъ только болтуны. Я тотчасъ же дамъ тебѣ убѣжище, почтенный духовный, развѣ, что ты повелишь мнѣ что иное. — Отшельникъ, отвѣчалъ Самгха-Равшита, да будетъ по твоему слову. — Тогда отшельникъ пустился одинъ на поиски, и нашелъ маленькую незанятую хижину. Онъ сказалъ Самгхѣ-Равшитѣ:— Ложись тутъ, въ этой хижинкѣ. — Достопочтенный Самгха-Равшита принялся поливать, чистить, подметать хижинку, и устлавъ полъ свѣжимъ коровьимъ валомъ. Прочіе пустынники, увидавъ это, стали говорить другъ другу:— Да, эти Сраманы, сыновья Будды, любятъ-таки чистоту. — А Самгха-Равшита, умывъ себѣ ноги внѣ хижинки, вошелъ туда и сѣлъ, сѣрестивъ ноги, держа тѣло прямо, и поставилъ память свою передъ своимъ умомъ. Богиня, обитавшая въ пустынножествѣ томъ, пришла къ хижинѣ Самгхи-Равшита въ первую треть ночи, и подойдя сказала:— Самгха-Равшита, излагай законъ. — Блаженна ты, богиня! отвѣчалъ ей Самгха-Равшита, развѣ ты не видишь, я получилъ пристанище только потому, что самъ все приготовилъ? Неужели ты меня прогонишь вонъ? — Богиня подумала про себя:— Тѣло его утомлено; пусть его себѣ спить; я приду ужъ, во вторую треть ночи». Это самое повторяется во вторую и третью треть ночи; наконецъ, утромъ онъ встаетъ, выходитъ изъ хижины и идетъ излагать законы тамошнимъ пустынникамъ-брахманамъ. Его проповѣдь такъ успѣшна, что они объявляютъ ему свое намѣреніе перейти въ буддїйство. Онъ велитъ имъ схватиться за край его одежды, и тогда, «подобный царю лебедей съ распростертыми крыльями, онъ понесся по воздуху силою своего сверхъестественнаго могущества, покинулъ тѣ мѣста и полетѣлъ. Въ это самое мгновеніе, тѣ 500 купцовъ (о которыхъ говорено выше) выгружали свои товары. Они замѣтили тѣнь, падающую на нихъ, и увидали Самгху-Равшиту. — Такъ ты воротился, достопочтенный Самгха-Равшита? закричали они. — Да, я воротился. — Куда-жь ты теперь? — Вотъ эти 500 человѣкъ, отвѣчалъ онъ, хотятъ вступить въ духовное званіе, передъ лицомъ самого Бхагавата, и принять законъ препросла-

вленный; они требуют посвященія и духовной степени. — И мы тоже, Самгха-Ракшита, сказали купцы, пойдемъ въ монахи. Спустись-ка сюда къ намъ, мы только разгрузимъ свои товары. — Достопочтенный Самгха-Ракшита спустился, и купцы разгрузили свои товары. Тогда онъ взялъ съ собой всѣхъ тысячу человекъ и направился съ ними туда, гдѣ тогда находился Бхагавать¹⁾. Тамъ они и получаютъ свое посвященіе¹⁾.

Этихъ трехъ примѣровъ, кажется, вполне достаточно для того, чтобъ убѣдиться, что приведенная выше пѣсня о Садкѣ создана не въ нашемъ отечествѣ, а на Востоку; что она не оригинальное созданіе русскаго народнаго творчества, она разсказъ древнихъ легендъ, издревле ходившихъ по Востоку въ разнообразныхъ видахъ и редакціяхъ.

Нашъ новгородскій купецъ Садко есть не что иное, какъ являющійся въ русскихъ формахъ индѣйскій царь Яду, индѣйскій богатырь-брахманъ Видушака, тибетскій брахманъ Джинпа-Ченпо, тибетскій царевичъ Гедонъ, индѣйскій монахъ Самгха-Ракшита.

Новгородская купецкая дружина Садкова — это толпа купцовъ, идущихъ охотой сопровождать индѣйскихъ и тибетскихъ: царевича, брахмана, купца, монаха, въ ихъ морскихъ предпріятіяхъ.

Нашъ царь-Морской, или царь-Водяникъ — это царь Наговъ, царь Змѣевъ, Ракшаза индѣйскихъ и тибетскихъ легендъ.

Въ приведенныхъ восточныхъ поэмахъ, сказкахъ и легендахъ мы видимъ покровительствующее (часто сверхъестественное) существо, которое предостерегаетъ героя или совѣтуетъ ему: по однимъ разсказамъ, это богъ Агни, котораго голосъ раздается съ неба, по другимъ, слѣпой старикъ-кормчій, по третьимъ — буддѣйскій отшельникъ: у насъ всѣ они превратились въ св. Николу Можайскаго, являющагося подъ видомъ «старика сѣдатаго», или «старчица невнай-себя».

Наши морскія дѣвицы, дочери Морского-царя, и съ одною, что лучше всѣхъ, изъ числа которыхъ Садко, по предложенію Морского-царя, долженъ выбрать себѣ невѣсту, — это дочери царя Змѣевъ, по однимъ восточнымъ источникамъ; дѣвицы съ золотыми ведрами, прислужницы небесной дѣвы Бхадры, по другимъ; богини съ камнемъ Чинтамани, по третьимъ; богиня пустынножительства, по четвертымъ.

Музыка Садки въ подводномъ царствѣ — это проповѣдь правой вѣры, буддѣйскимъ героемъ, въ царствѣ Змѣевъ, злыхъ духовъ.

Рамки-же разсказа уцѣлѣли въ нашей пѣсни довольно полно.

¹⁾ Eug. Burnouf, Introduction à l'histoire du Bouddhisme indien. Paris, 1844, I, 315—327.

Какъ въ восточныхъ разсказахъ, такъ и въ русскомъ, герой самъ себѣ строить корабли, съ помощію купецкой дружины своей, и пускается съ этою дружиною въ море. Тамъ, вдругъ, корабли, или корабль его, останавливаются на всемъ ходу: какая-то невѣдомая сила задерживаетъ ихъ. Герой думаетъ умиловать богатыми приношеніями (золотомъ, драгоценными камнями или вообще драгоценностями), бросаемыми въ море, то божество, которое мѣшаетъ кораблямъ идти; но ничто не помогаетъ, и тогда самъ герой спускается въ море. Тутъ онъ видитъ замокъ или дворецъ — тамъ живетъ враждебное сверхъестественное существо, причина остановки; онъ остается здѣсь нѣсколько времени въ гостяхъ, занимая подводное вредное существо пріятнымъ для него образомъ (музыкой = вѣрученіемъ); потомъ получаетъ отъ этого существа, въ подводномъ царствѣ, драгоценный даръ (волшебную дѣву = волшебный камень); при добытій этого драгоценнаго дара является на сценѣ толпа дѣвъ и благопріятное существо (сверхъестественное или духовное), которое подаетъ герою добрые совѣты. Герой имъ слѣдуетъ, и, наконецъ, возвращается на свою родину, сверхъестественнымъ, необыкновенно-быстрымъ образомъ, при чемъ онъ вдругъ овазывается *стоящимъ на высотѣ*, около своего жилища и именно въ этомъ положеніи его впервые видятъ снова его близкіе родственники. Въ это же время возвращается тоже на родину и его дружина купецкая, которая встрѣчаетъ его съ большою радостью; но еще съ большею радостью встрѣчаетъ его жена, оставшаяся все это время дома. Несутъ съ кораблей (только въ *одномъ* разсказѣ замѣненныхъ демономъ-Ракшазой) новопріобрѣтенныя драгоценности, герой входитъ въ свой домъ и принимается жить благополучно. Все это есть равно и въ восточныхъ пересказахъ, и въ русскомъ.

Особенно важно во всемъ этомъ то, что большинство подробностей русской пѣсни болѣе сближается съ позднѣйшими восточными редакціями, буддѣйскими, нежели съ болѣе ранними, брахманскими: пѣсня о Садѣ гораздо болѣе подходит къ разсказамъ Дзангуна и легендѣ о Самгхѣ-Раешитѣ, чѣмъ въ разсказамъ Гариванзы и Катха-Саритъ-Сагары.

Но всего поразительнѣе то, что большинство первоначальныхъ, основныхъ мотивовъ дѣйствія, исчезло или искажено, подобно тому, какъ мы это уже видѣли въ другихъ мѣстахъ настоящаго изслѣдованія. Такъ наприм., сошествіе Садки въ море и пребываніе его у Морского-царя лишено у насъ всякаго значенія и цѣли, и, сверхъ того, является чѣмъ-то въ высшей степени непослѣдовательнымъ и безсвязнымъ: Садко спускается въ

море въ видѣ жертвы, чтобъ умилостивить морское божество, а между тѣмъ это божество вовсе не принимаетъ его какъ свою жертву, повидимому, забываетъ даже объ этомъ значеніи Садки, и только потѣшается его музыкой, да еще угощаетъ его дѣпьяна, а потомъ женить на своей дочери, и послѣ того Садко возвращается снова на землю. Далѣе, въ пѣсни остается совершенно невысказаннымъ, почему именно, по совѣту благодѣтельнаго старца, Садко долженъ взять за себя не одну изъ первыхъ, вторыхъ и третьихъ трехсотъ дѣвицъ, а ту, которая идетъ послѣ нихъ всѣхъ. Наконецъ, вообще говоря, Садко спускается въ море и выходитъ оттуда безъ всякихъ результатовъ: онъ только спасается отъ опасности, грозившей ему. Но и опасность эта, и преодоленіе ея, ровно ни къ чему не ведутъ. Въ восточныхъ оригиналахъ совсѣмъ иное дѣло. Какъ эти, такъ и всѣ остальные мотивы приведенныхъ разсказовъ вполнѣ ясны, и всякій разъ имѣютъ свое основаніе.

Такъ, въ самомъ древнемъ изъ этихъ разсказовъ, находящемся въ Гариванзѣ, герой долженъ совершить свое сошествіе въ море для того, чтобъ получить себѣ въ супружество дочерей царя Змѣевъ, отъ которыхъ должны въ послѣдствіи произойти пять сыновей, родоначальниковъ новыхъ индѣйскихъ поколѣній, описываемыхъ далѣе въ Гариванзѣ. Другія, менѣе древнія редакціи, какъ наприм., сборникъ Сомадевы, заставляютъ героя сходить въ море для того, чтобъ уничтожить помѣху, препятствующую кораблямъ идти: онъ этого достигаетъ, но въ послѣдствіи окончательнымъ результатомъ походовъ героя оказывается (какъ и въ Гариванзѣ) — приобрѣтеніе супруги чудной красоты и божественнаго происхожденія. Въ еще болѣе позднихъ восточныхъ редакціяхъ (Дзангунъ), цѣль и результатъ сошествия въ замки драконовъ или змѣевъ — проповѣдь буддѣизма, приобрѣтеніе красавицы въ супружество и вседарующаго волшебнаго камня Чинтамани. Наконецъ, въ другихъ позднихъ восточныхъ редакціяхъ (о Самгхѣ-Ракшитѣ), цѣль и результатъ походовъ героя — распространеніе буддѣизма и торжество его надъ брахманизмомъ, обращеніе въ буддѣйскую вѣру какъ Змѣевъ, такъ и людей.

Совѣты благодѣтельнаго существа герою также не случайны и не простая безпричинная арабеска волшебнаго разсказа: они имѣютъ свое основаніе въ глубочайшихъ корняхъ брахманской и буддѣйской религіи. Св. Никола Можайскій появляется въ нашей пѣсни безъ всякихъ причинъ, условливающихъ его самого и его совѣты: богъ Агни, богиня пустынножителства, мудрый брахманъ-совѣтникъ, слѣпой ворччій — являются и подають свои совѣты восточнымъ героямъ для того, что всякій

разъ индѣйской или тибетской поэмѣ и сказкѣ надо указать, какъ благочестіе, подвижничество и добродѣтель никогда не остаются безъ награды и помощи со стороны небесныхъ силъ.

Наша пѣсня говоритъ про жену, которую получилъ себѣ въ подводномъ царствѣ Садко, но потомъ объ этой женѣ ничего уже болѣе не упоминается. Это явно происходитъ оттого, что при переносѣ разсказа изъ восточныхъ оригиналовъ въ русскій текстъ, у насъ не могло быть рѣчи о многоженствѣ героя, и потому пѣсня въ концѣ разсказа возвратилась въ *первой* женѣ его, а новую — просто выпустила совсѣмъ вонъ.

Мы привели нѣсколько восточныхъ разсказовъ, передающихъ легенду о человѣкѣ, спускавшемся въ море въ демонамъ и вынесшемъ оттуда на землю сокровища. Мы прослѣдили ихъ нить сквозь періоды брахманскій и буддѣйскій, и нашли старѣйшимъ изъ нихъ тотъ, который помѣщенъ въ «Гариванзѣ». Но есть еще разсказъ о томъ же, явно превосходящій древностью повѣсть «Гариванзы»: въ древности его нельзя сомнѣваться въ виду того, что онъ имѣетъ вполне характеръ стихійный и космическій.

Въ Магабгаратѣ (почти въ самомъ началѣ ея, т. е. тамъ, гдѣ сосредоточено наибольшее количество разсказовъ космическихъ) мы находимъ эпизодъ слѣдующаго содержанія.—Брахманъ Утанка получаетъ отъ жены своего учителя повелѣніе достать ей драгоценныя серьги одной царицы. Такъ какъ ученикъ обязанъ повиноваться и своему учителю и его женѣ, Утанка отправляется въ путь. Тутъ онъ встрѣчаетъ, по дорогѣ, колоссальнаго вола, на которомъ сидитъ человѣкъ великанскаго роста. Этотъ человѣкъ говоритъ ему:—Утанка, ѣшь калъ моего вола!—Утанка исполняетъ это, и еще на придачу пьетъ урину вола, потомъ поспѣшно встаетъ, полощетъ ротъ и продолжаетъ путь. По приходѣ въ той царицѣ, Утанка проситъ у нея серегъ, и, такъ какъ брахманамъ никто не можетъ отказывать въ ихъ просьбахъ, подъ страхомъ проклятія, она отдаетъ ему свои серьги, но совѣтуетъ быть осторожнымъ, потому что Такшава, царь Змѣевъ, давно уже добивается этихъ серегъ, и, пожалуй, отниметъ ихъ у него. Утанка идетъ домой, и дорогой видитъ нищаго, который то покажется, то скроется. Придя къ одному озеру, Утанка кладетъ серьги на землю, и принимается дѣлать свои омовенія въ озерѣ. Въ это время нищій, тихо подравшись, ловко схватываетъ серьги и убѣгаетъ съ ними. Утанка кончаетъ омовеніе и замѣчаетъ тогда покражу: онъ пускается въ догонку за похитителемъ, почти нагоняетъ его, но въ это время нищій сбрасываетъ съ себя нищенскій образъ, и, принявъ настоящій свой видъ змѣя Такшаки, исчезаетъ въ большой разсѣлинѣ земли,

и входить въ свой змѣиный дворець. Утанка начинаетъ шарить своей палкой (принадлежностью каждаго брахмана) въ землѣ, но понапрасну. Индра, видя его тщетныя усилія, велитъ своему Перуну помочь ему. Молнія сходитъ съ неба на землю, и разверзаетъ ее. Тогда Утанка черезъ это новое отверстіе спускается въ царство Змѣевъ, и находитъ его наполненнымъ великолѣпными дворцами, храмами, портиками, башнями. Онъ произноситъ похвалы Змѣямъ, но ему все-таки не отдають серегъ. Тутъ онъ видитъ двухъ женщинъ, сидящихъ за пальцами чудной красоты, и ткущихъ — одна черными, другая бѣлыми нитками. Онъ увидалъ также колесо о 12-ти спицахъ, которое ворочаютъ шесть молодыхъ мальчиковъ, и еще — человекъ съ великолѣпнымъ конемъ. Утанка произноситъ похвалы имъ всѣмъ, и человекъ сказалъ ему: — Я доволенъ тобой, проси себѣ чего хочешь! — Утанка отвѣчалъ ему: Отдай мнѣ во власть Змѣевъ. — Подуй въ задъ моего коня, сказалъ человекъ. — Утанка исполнилъ это, и тогда вдругъ изъ всѣхъ отверстій коня дохнуло пламя и поглотило весь міръ Змѣевъ. Ихъ царь Такшака пришелъ въ ужасъ, и поскорѣе отдалъ Утанкѣ серьги; а такъ какъ этотъ не зналъ, какъ ему воротиться на землю, то Такшака далъ ему коня, который, въ одно мгновеніе ока, перенесъ его на землю, въ домъ его наставника. Жена наставника давно уже ждала его, и въ своемъ нетерпѣніи хотѣла даже произнести противъ него проклятіе: увидавъ его, она очень обрадовалась. Она и мужъ ея стали спрашивать Утанку о его похожденияхъ. Утанка рассказываетъ ихъ, и тогда мудрецъ-наставникъ объясняетъ ему значеніе видѣнныхъ имъ чудесъ. Двѣ правшія женщины — это божества Дхата и Видхата; тванья ими черныя и бѣлыя нитки — это ночи и дни; колесо о 12-ти спицахъ — годъ; 6 молодыхъ мальчиковъ, вертѣвшихъ колесо — 6 временъ года; человекъ — самъ богъ Индра; его конь — богъ огня Агни; волъ — царь слоновъ, Айравата; сидѣвшій на волѣ человекъ — опять-таки богъ Индра; калъ вола — амврозія боговъ, и только черезъ нее Утанка остался цѣлъ и невредимъ въ міръ Змѣевъ. Послѣ этого объясненія, Утанка прощается со своимъ наставникомъ и его женой, и идетъ основать себѣ новое жилище ¹⁾.

Въ этомъ разсказѣ Магабгараты мы находимъ всѣ главныя составныя части и даже подробности нашей пѣсни о Садкѣ. Герой Магабгараты отправляется добывать драгоценности: нашъ Садко ѣдетъ на кораблѣ также добывать ихъ. Утанка встрѣчаетъ препятствіе у воды: Садко встрѣчаетъ препятствіе на

¹⁾ Fauche, Le Mahabharata, I, 79—89.

водѣ; въ обоихъ случаяхъ, водный элементъ играетъ важную роль. Чтобъ устранить препятствія отыскать утраченную драгоценность, Утанка спускается въ подземное царство: чтобъ устранить препятствіе и получить дорогой даръ, Садко спускается въ преисподнюю, въ подводное царство. Утанка находитъ тамъ великолѣпные дворцы и храмы царя Змѣевъ: Садко находитъ дворецъ Морского-царя. Утанкѣ помогаетъ совѣтами самъ высшій богъ Индра: Садкѣ помогаетъ совѣтомъ Никола Можайскій. Въ подземномъ царствѣ, Утанка видитъ волшебныхъ дѣвъ: въ подводномъ царствѣ, Садко видитъ волшебныхъ дочерей Морского-царя. Одна изъ этихъ послѣднихъ — *Чернава*: въ этомъ имени, ровно ничего здѣсь значащемъ, мы находимъ отголосокъ той подземной дѣвы, видѣнной Утанкой, которая прядетъ *черными нитками*; такимъ образомъ, оказывается, что наша Чернава есть не что иное, какъ олицетвореніе Ночи, при чемъ изъ нашей быliny, неизвѣстно почему, исчезло параллельное съ нею олицетвореніе Дня, и эта одна свѣтлая дѣва, превратилась у насъ въ цѣлую толпу свѣтлыхъ дѣвъ. Подземный царь Змѣевъ вручаетъ Утанкѣ драгоценность, и потомъ этотъ въ одно мгновеніе переносится на землю, гдѣ его встрѣчаетъ нетерпѣливо ожидающая его женщина: Садко точно также получаетъ драгоценный даръ отъ Морского-царя (дочь его), и потомъ въ одно мгновеніе переносится на свою родину, на землю, гдѣ его встрѣчаетъ нетерпѣливо ожидающая его жена. Буря, крушеніе и гибель, испытанныя множествомъ людей оттого, что Садко играетъ у Морского-царя на гуслихъ—это передѣланный рассказъ о гибели Змѣевъ оттого, что Утанка подулъ въ задъ мѣлическому коню, и изъ него дохнуло пламя.—Такимъ образомъ, рассказъ Магабгараты указываетъ намъ на первоначальное происхожденіе нашей быliny изъ разныхъ восточныхъ преданій о человѣкѣ, спустившемся въ море за драгоценностью, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, объясняетъ настоящее значеніе многихъ подробностей, искаженныхъ временемъ при переходѣ этой легенды отъ одного народа къ другому. Но примѣчательно, что только въ одной русской пѣсни уцѣлѣлъ намекъ на первоначальные стихійные и космические мотивы этой легенды. Правда, у насъ уже ничего не говорится о символическихъ образахъ круглаго года, шести временъ его, божественной амврозіи и т. д.: это доказываетъ, что наша былина не произошла ни отъ одного изъ извѣстныхъ намъ и приведенныхъ здѣсь восточныхъ пересказовъ; она имѣетъ съ ними, конечно, много сходства, какъ съ одними изъ посредствующихъ ступеней между самыми древними и болѣе новыми редакціями рассказа; но еще гораздо болѣе сходства будетъ она, безъ со-

мнѣнія, имѣть съ тѣми восточными редакціями (если только онѣ будутъ открыты), которыя непосредственно предшествовали нашей былинѣ.

Въ заключеніе, мы можемъ еще указать здѣсь, какъ далеко распространился, въ незапамятныя еще времена азіатской древности, рассказъ о человѣкѣ, отправлявшемся отыскивать драгоценности въ неземныя страны.

Этотъ самый рассказъ мы встрѣчаемъ, въ очень первоначальномъ видѣ, *во-первыхъ*, у даяковъ, дикихъ обитателей острова Борнео. Здѣсь извѣстна слѣдующая легенда. — «Давно — давно, въ тѣ времена, когда люди ничего другого еще не ѣли, кромѣ грибовъ, росшихъ на гнилыхъ деревьяхъ, и не было еще никакихъ хлѣбныхъ растений для того, чтобъ питать и укрѣплять сердце человѣческое, — партія даяковъ, и съ ними одинъ человѣкъ, по имени Си-Юра, пустились въ море: они плыли нѣсколько времени, пока пріѣхали къ одному мѣсту, гдѣ услышали ревъ далекаго водоворота, и, къ своему удивленію, увидали передъ собою толстое плодовое дерево, корнями стоявшее въ небѣ, и оттуда висѣвшее внизъ, такъ что вѣтви касались воды. По просьбѣ товарищей, Си-Юра полѣзъ въ вѣтви, чтобъ набрать плодовъ, бывшихъ тутъ въ изобиліи; очутившись тамъ, онъ почувствовалъ желаніе подняться выше по стволу, и посмотрѣть, какъ-это дерево растетъ въ такомъ странномъ положеніи. Онъ такъ и сдѣлалъ, и поднялся такъ высоко, что его товарищи въ лодкѣ потеряли его изъ виду, и, подождавши его еще немного, уѣхали съ грузомъ плодовъ. Си-Юра увидѣлъ сверху, что они уѣзжаютъ, и ему ничего другого не осталось, какъ лѣзть еще выше, въ надеждѣ добраться до какого-нибудь мѣста. Онъ и полѣзъ, и скоро очутился промежду ворней дерева: тутъ онъ увидалъ новую страну, а именно страну Плеядъ (*волшебныхъ дѣвъ, перенесенныхъ на небо въ видѣ звѣздъ*). Тамъ онъ встрѣтился съ существомъ въ образѣ человѣка, по имени Си-Кира: этотъ повелъ его къ себѣ въ домъ и сталъ угощать варенымъ рисомъ. Си-Кира научилъ его, какъ растить и употреблять въ пищу рисъ, какъ ходить за лѣсомъ, рубить его и употреблять на топливо, какъ узнавать будущее по полету птицъ, какъ праздновать жатву; а потомъ, спустилъ его на длинной веревкѣ на землю, около отцовскаго дома» ¹⁾. Читатель легко замѣтитъ, что единственное, существенное, впрочемъ не очень важное, измѣненіе состоитъ здѣсь въ томъ, что герой не *спустился внизъ*, а

¹⁾ *St. John, Forests of the far East* (2-е изданіе) London, 1863, I, 213. — *Taylor, Researches into the early history of mankind.* London, 1865, стр. 345.

поднялся вверхъ: все остальное вполне соответствуетъ подробностямъ другихъ, извѣстныхъ намъ азіятскихъ пересказовъ. Водный элементъ на первомъ планѣ; герой отдѣляется отъ толпы товарищей, и они, какъ наша Садкова дружина, уѣзжаютъ на своей лодкѣ; онъ же попадаетъ въ невѣдомую страну волшебныхъ дѣвъ (наши дочери Морского-царя, волшебныя дѣвы «Дзанглуна» и Сомадевы); ему встрѣчается человекъ, который подаетъ ему полезныя совѣты (Никола Можайскій русской быliny, кормчій «Дзанглуна», брахманъ легенды о Самгхѣ-Равшитѣ), и, наконецъ, онъ возвращается домой съ богатыми новыми пріобрѣтеніями. Замѣтимъ, что въ даяльской легендѣ уцѣлѣло космическое, *саттовое* значеніе дѣвъ невѣдомой страны: въ нашей былинѣ одна изъ нихъ названа «Чернавой»; въ Магабгаратѣ, это дѣва, *черными* нитками «ткущая ночь»; въ «Дзанглунѣ», это дѣвы съ волшебнымъ камнемъ *соптящимъ* *отъ* *темноты* (какъ мы увидимъ ниже); въ легендѣ съ острова Борнео всѣ дѣвы, встрѣчаемыя героемъ, суть «дѣвы-звѣзды», живущія въ небѣ.

Этотъ же рассказъ мы встрѣчаемъ, *со-сторыхъ*, и въ Америкѣ, которая, какъ нынче вообще признано, въ доисторическія времена приняла цивилизацію, міеологію и обряды изъ Азіи. У племени чиневаевъ (краснокожихъ) есть легенда о маленькомъ мальчикѣ, нисколько не росшемъ, по обладавшемъ страшною силой. Онъ совершилъ разные богатырскіе подвиги, и, однажды, бросился въ озеро, воскликнувъ: «Эй ты, красноперая! проглоти меня!» Тотчасъ подплыла великанская рыба и поглотила его. Видя сестру свою, стоящую на берегу, въ отчаяніи, онъ закричалъ ей, и она бросила въ воду старый мокасина (обувь), привязавъ его на длинной веревкѣ къ дереву. Мальчикъ научилъ рыбу проглотить мокасина, и потомъ за веревку притянулъ себя съ нею въ берегъ. Сестра взрѣзала рыбу, услышала братнинъ голосъ и высвободила его изъ рыбей утробы, а онъ научилъ ее, какъ разрѣзать и высушить рыбу, такъ какъ она можетъ надолго послужить имъ въ пищу¹⁾. Въ этомъ рассказѣ многое уже измѣнилось и утратилось подъ вліяніемъ времени и далекой мѣстности, но главныя, коренныя первоначальныя черты остались въ цѣлости. Герой легенды опускается въ глубину водную, и его схватываетъ великанское существо (здѣсь — рыба, въ азіятскихъ разсказахъ — царь Змѣевъ, въ нашей былинѣ — царь-Морской); на сушу герой возвращается

¹⁾ *Schoolcraft*, Historical and statistical information respecting the history of the Indian Tribes of the United States, Philadelphia, 1851, III, 318 — 328.—*Taylor*, Researches, 336.

съ богатою добычею (тѣло рыбы, полезное для пищи, по чиневайской легендѣ; вседарующій камень Чинтамани, по «Дзангуну»; невѣста, по Сомадевѣ); послѣ совершенія подвига, герой снова соединяется съ женщиной, оставшейся на сушѣ и ожидавшей его съ нетерпѣніемъ. Въ заключеніе, обратимъ вниманіе на то, что американская легенда, гдѣ играетъ важную роль проглатывающая рыба, указываетъ на связь и сходство рассматриваемыхъ здѣсь азіатскихъ легендъ съ библейскою исторіей Іоны, спущеннаго товарищами съ корабля въ море и проглоченнаго рыбой.

Мы рассмотрѣли, изъ числа пѣсень о Садкѣ — третью, первыхъ какъ самую существенную и притомъ такую, которая, по всей вѣроятности, составляла первоначально, у разныхъ народовъ, со временъ глубокой древности, отдѣльное, самостоятельное цѣлое, а вмѣстѣ такую, гдѣ пункты сравненія съ восточными первообразами, многочисленнѣе, ближе и очевиднѣе, такъ какъ мы имѣемъ тутъ для сравненія множество разнообразныхъ восточныхъ оригиналовъ, разныхъ временъ и народовъ. Теперь обратимся къ двумъ другимъ.

Содержаніе первой изъ нихъ слѣдующее. — Жилъ въ Новгородѣ Садко; не было у него никакого имущества, были у него однѣ гусли, и съ ними ходилъ онъ по всѣмъ пирамъ. Вдругъ перестали его звать на пиры: соскучился Садко, пошелъ на Ильмень-озеро, и началъ тамъ играть на гуселькахъ своихъ — вода вдругъ всколебалась. Три раза, одинъ за другимъ, это съ нимъ случалось; на третій разъ, когда вода всколебалась, вышелъ оттуда самъ царь-Морской, и говоритъ ему: «Ай, Садко, чѣмъ мнѣ тебя пожаловать за твою утѣху, игру нѣжную? А-ли золотой казной? Не-то вотъ что: ступай въ Новгородъ, побейся съ купцами о великій закладъ, поставь свою буйную голову, а съ нихъ выржай лавки товара краснаго. Спорь, что въ Ильмень-озерѣ есть рыба золоты-перья. Какъ ударишь о великій закладъ, пріѣзжай ловить въ Ильмень-озеро; я дамъ тебѣ три рыбины золоты-перья, тогда ты, Садко, счастливъ будешь.» (По другому пересказу, не царь-Морской изъ воды вышелъ, а «приходилъ отъ Ильмень-озера удалой добрый молодецъ», и научилъ его, идти съ работниками новгородскими на Ильмень-озеро, замечывать неводы: будетъ ему отъ того божья милость.) Ударившись объ закладъ, Садко забрасываетъ неводы, и рыбы вылавливаются несчетное множество. По однимъ пересказамъ, онъ трижды вылавливаетъ рыбу золоты-перья, и три купца новгородскіе, бывшіе съ нимъ о закладъ, отдаютъ ему проигранный закладъ свой — каждый по три лавки товара краснаго. И сталъ Садко

поторговывать, нажилъ барыши великіе. По другимъ пересказамъ (гдѣ ничего уже не говорится о какомъ бы то ни было закладѣ), Садко зоветъ новгородскихъ башлыковъ (работниковъ), закидываетъ съ ними три невода, и налавливаетъ столько рыбы, что отъ нея ломаются у него погреба. Но, на другой день, когда Садко пошелъ посмотрѣть свой уловъ, оказалось, что вся рыба превратилась въ несмѣтную кучу денегъ. Разбогатѣвъ, Садко строить себѣ великолѣпныя палаты ¹⁾.

Эта пѣсня служитъ нашимъ изслѣдователямъ поводомъ къ такого рода соображеніямъ, что здѣсь, въ лицѣ Садки, представленъ типъ нашихъ древнихъ гусларовъ. «Сами бѣдные, они питались отъ своего искусства, но вмѣстѣ пользовались уваженіемъ. Въ понятіи народа, ихъ даръ и умъ приближали ихъ къ таинственному міру чудеснаго; древнія божества отъливались имъ; гуслары даромъ пѣсни вызывали животворныя силы, скрытыя въ нѣдрахъ природы, и добывали себѣ отъ нихъ значеніе и могущество» ²⁾. Другіе изслѣдователи и этотъ рассказъ признаютъ сказаніемъ, основаннымъ на «мѣстныхъ преданіяхъ» ³⁾.

Во второй пѣсни о Садкѣ, рассказывается слѣдующее.—Разбогатѣвъ отъ чуднаго рыбнаго лова, Садко вступилъ въ новгородскую купецкую братчину-Никольщину. Однажды на пиру сталъ онъ похваляться, что своею безсчетною казною выкупить «всѣ товары новгородскіе, худые товары и добрые, чтобъ въ Новѣ-градѣ товаровъ болѣе въ продажѣ не было». Ударился онъ по этому дѣлу со всѣми «новгородскими мужиками» и двумя настоятелями (начальствующими) новгородскими, и на другое утро послалъ свою дружину купецкую скупать товары по всему Новгороду, а самъ пошелъ прямо въ гостинный рядъ, и выкупилъ на свою безсчетную казну всѣ товары новгородскіе. Встаетъ онъ на другое утро, опять самъ идетъ въ гостинный рядъ: вдвойнѣ новыхъ товаровъ навезено; онъ и тѣ опять всѣ выкупаетъ. Наконецъ, на третій день идетъ, и видитъ: снова навезли новыхъ товаровъ, да еще тройнѣ. Тогда, по однимъ пересказамъ, онъ и въ третій разъ скупаетъ весь товаръ новгородскій, не оставивъ уже болѣе его и на денежку; а по другимъ, онъ придумывается, теряетъ надежду выкупить всѣ товары въ Новгородѣ и говоритъ: «Нѣтъ, не я, видно, богатый купецъ новгородскій, побогаче меня будетъ славный Новгородъ!» и послѣ

¹⁾ *Рыбниковъ*, I, 370—372. — Древн. росс. стихотв. 267—270. — *Киреевскій*, V, 47—50.

²⁾ *Н. Костомаровъ*, Сѣверно-русскія народоправства, II, 248—249.

³⁾ *Ө. Буслаевъ*, «Русск. богатыр. эпосъ»: Русск. Вѣстн., 1862, V, 544.

того отдастъ проигранный закладъ свой настоятелямъ новгородскимъ ¹⁾.

Въ этомъ разсказѣ наши изслѣдователи видятъ важный историческій смыслъ, потому что, по ихъ мнѣнію, выраженная здѣсь борьба индивидуальной силы, поддерживаемой кружкомъ приверженцевъ противъ массы, это «колебаніе между личною свободою, доходившею до владычества произвола, и строгимъ могуществомъ общества—составляетъ отличительную черту новгородской общественной жизни: въ первомъ вариантѣ (о скупаніи всѣ три раза товара Садкою, такъ что не осталось его потомъ и на денежку) беретъ перевѣсъ первое, во второмъ (объ уступкѣ Садкѣ купечеству)—другое». «Не мудрено, прибавляютъ изслѣдователи, что поэтический народный геній новгородскій далъ такіе различные исходы подвигамъ своего героя» ²⁾.

Но я не могу видѣть въ только-что приведенныхъ двухъ пѣсняхъ о Садкѣ всего «историческаго», что въ нихъ открыто и замѣчено нашими изслѣдователями, потому что имѣю въ рукахъ доказательства ихъ чужеземнаго, и вовсе не *мѣстнаго*, новгородскаго происхожденія.

Мы видѣли, что каждая изъ обѣихъ пѣсенъ существуетъ у насъ въ двухъ редакціяхъ, представляющихъ значительныя разницы. По одной редакціи, въ первой пѣсни разсказывается о томъ, какъ Садко бьется объ закладъ насчетъ трехъ золотыхъ рыбъ, и потомъ, добывъ ихъ изъ Ильмена, получаетъ большія богатства отъ новгородскихъ купцовъ; по второй, онъ ни съ кѣмъ не бьется объ закладъ, и просто добываетъ изъ Ильмена много рыбы, черезъ которую становится богатъ. Вторая пѣсня представляется намъ также въ двухъ редакціяхъ: по одной, Садко расчванился своимъ богатствомъ, расхвастался имъ до такой степени, что взялся скупить весь товаръ съ цѣлаго Новгорода; но это ему не удалось, и онъ долженъ былъ, наконецъ, отступить, признавшись, что Новгородъ богаче его; по другой редакціи, онъ, напротивъ, успѣваетъ скупить товаръ въ цѣломъ Новгородѣ и какъ бы одерживаетъ верхъ надъ всѣмъ новгородскимъ купечествомъ, вмѣстѣ сложеннымъ. Что означаетъ эта огромная, діаметрально противоположная разница редакцій, какимъ образомъ могли существовать, одновременно, столько противорѣчащія одно другому изложенія одного и того же мотива? Это объясняется очень просто: не «поэтическій народный геній»

¹⁾ Рыбниковъ, I, 372—374; 367—368.—Древн. рос. стихотвор., 271—274.—Кирневскій, V, 50—53.

²⁾ Н. Костомаровъ, Сѣверно-русскія народоправства, II, 246, 253.

Новгорода *создалъ* два разныхъ исхода похожденіямъ своего героя, а наши пѣсни происходятъ отъ разныхъ пересказовъ, идущихъ съ Востока, и изъ нихъ одни старше, а другіе моложе. Изъ нихъ старшіе — лучше, эпичнѣе, естественнѣе и логичнѣе. Къ нимъ мы относимъ: въ первой пѣсни, тотъ пересказъ, гдѣ герой становится богатъ не вслѣдствіе выиграннаго заклада, а вслѣдствіе счастливаго, чуднаго лова, который дѣлается источникомъ его богатства; во второй пѣсни — тотъ пересказъ, по которому герой, чудеснымъ образомъ разбогатѣвшій, скупаетъ весь товаръ въ своемъ городѣ и тѣмъ беретъ верхъ надъ остальнымъ купечествомъ, но все это не изъ хвастовства и не изъ чванства, а потому, что такое необыкновенное скупаніе нужно ему для предпріятія необыкновеннаго: онъ предпринимаетъ особенно-значительную, необыкновенную поѣзду купецкую за море, съ огромной толпой купцовъ, снесшихъ вмѣстѣ свои товары.

Другіе же два мотива: разбогатѣніе черезъ закладъ и скупаніе товара съ цѣлаго города только изъ-за хвастовства и чванства, я признаю не инымъ чѣмъ, какъ позднѣйшимъ измѣненіемъ первоначальныхъ эпическихъ мотивовъ.

Къ такимъ соображеніямъ приводитъ сравненіе старѣйшихъ (по моему мнѣнію) пересказовъ двухъ первыхъ былинъ о Садѣѣ съ однимъ произведеніемъ Востока, гдѣ легко замѣтить очень большое сходство мотивовъ съ нашими разсказами.

Это произведеніе Востока — индѣйская легенда о купцѣ Пурнѣ. Легенда эта извѣстна намъ въ редакціи буддѣйской, и имѣетъ отъзвонъ исключительно-религіозный, какъ и очень многіе пересказы временъ буддѣйскихъ. Подобныя легенды и повѣсти, передавая мотивы эпохи брахманской или временъ еще болѣе древнихъ, представляютъ ихъ часто въ формахъ, до того передѣланныхъ, согласно требованіямъ буддѣйства, до того пропитанныхъ намѣреніемъ все рѣшительно влонить въ одному только торжеству и повсемѣстному утвержденію буддѣйской религіи, что иногда очень трудно открыть, подъ этими новыми религіозными покровами, первоначальныя черты древняго сказанія. Такъ случилось и съ легендой о Пурнѣ. Но, не смотря ни на что, здѣсь все-таки можно очень явственно различить, что вторая половина легенды есть не что иное, какъ буддѣйско-религіозная переименовка того самого древне-восточнаго разсказа о человѣкѣ, спускавшемся въ море, и котораго разнообразныя пересказы мы встрѣтили въ Гариванзѣ, въ сборникѣ Сомадевы, и т. д.

Въ этой второй половинѣ легенды о купцѣ Пурнѣ разсказывается, что 500 купцовъ и старшій братъ купца Пурны ѣдутъ по морю, добывать богатствъ. Вѣтеръ приноситъ ихъ къ лѣсу,

наполненному драгоценнымъ сандалнымъ деревомъ, и они принимаются рубить его. Тотъ Якша (демонъ), которому принадлежитъ лѣсъ, поднимаетъ страшную бурю, чтобъ утопить и купцовъ и ихъ корабль. Они, въ своемъ ужасѣ, начинаютъ молиться Пурнѣ (сдѣлавшемуся изъ богатыхъ купцовъ однимъ изъ великихъ подвижниковъ и любимцевъ Будды); благопріятныя Пурнѣ божества пересказываютъ все это ему самому, и тогда, силою благочестивой своей мысли, онъ вдругъ очутился на океанѣ, и сидитъ, скрестя ноги, на краю корабля. Буря успокоивается и Пурна спасаетъ своего брата, уже тонувшаго. Злобный Якша не можетъ понять, что значить это внезапное утишеніе поднятой имъ бури, глядитъ во всѣ стороны, и видитъ, наконецъ, Пурну, сидящаго на краю корабля. Онъ гнѣвно обращается къ нему, но тотъ объясняетъ, что въ немъ пребываетъ сила Будды; Якша покоряется, купцы нагружаютъ свой корабль драгоценнымъ деревомъ и благополучно возвращаются домой. Пурна строитъ великолѣпный храмъ Буддѣ, и въ молитвѣ приглашаетъ его на освященіе и пирь. Будда склоняется на призывъ своего любимца, и идетъ въ новый храмъ; его сопровождаетъ огромная толпа духовныхъ его послѣдователей; по дорогѣ къ нему выходятъ на встрѣчу 500 вдовъ-отшельницъ: онѣ проносятъ ему хвалы, и просятъ его даровать что нибудь имъ на память. Будда даетъ имъ обрѣзья своихъ волосъ и ногтей, и онѣ строятъ часовню, чтобъ тамъ сохранять эти священные предметы. Тутъ же водружаетъ въ землю свою вѣтку та богиня, которая жила въ лѣсу Будды и сопровождала Будду все время съ этой вѣткой въ рукѣ, вмѣсто зонтика и опахала. Далѣе идетъ рассказъ о торжествѣ и пирѣ Будды въ новой, ему посвященной хранинѣ, въ присутствіи безчисленныхъ массъ благочестиваго народа. Наконецъ, одинъ изъ ближайшихъ послѣдователей Будды, достопочтенный Мага-Маудгалияна проситъ своего учителя дать ему свидѣться съ возрожденною въ новомъ существованіи матерью своею, помолодѣвшею и получившею имя Бхадры-Кани, для того, чтобъ и ее присоединить къ буддизму. Будда соглашается, переноситъ его въ ту страну, гдѣ живетъ помолодѣвшая его мать: происходитъ радостное свиданіе матери съ сыномъ, и она обращается въ буддизму, а Будда, взявъ потомъ ученика своего, въ одно мгновеніе ока возвращается въ обычное мѣсто-пробываніе свое ¹⁾.

Этотъ рассказъ, представленный здѣсь мною въ самомъ сжатомъ видѣ, почти затеривается, въ подлинникѣ, въ огромной

¹⁾ Burnouf, Hist. du Bouddhisme indien, 255 — 272.

массѣ религиозныхъ рѣчей, благочестивыхъ размышлений и безвѣчныхъ разсужденій буддійскаго содержания. Но все-таки мы здѣсь узнаемъ, не смотря на множество измѣненій, ту же самую тему, что и въ вышеприведенныхъ легендахъ: злой демонъ мѣшаетъ поѣздѣ купцовъ, какъ въ разсказѣ Гариванзы, Сомадевы и русской быliny; Пурна спасаетъ своего брата изъ воды точно также, какъ царевичъ Гедонъ своего брата Дигдона въ Дванглунѣ; морское божество покоряется герою, и купцы возвращаются счастливо домой точно также, какъ въ большинствѣ тѣхъ разсказовъ; толпа дѣвицъ съ золотыми ведрами или волшебными камнями превратилась здѣсь въ благочестивыхъ вдовъ; одна чудесная и волшебная красавица-дѣва — въ мать отшельника и подвижника Мага-Маудгалияны, и, что особенно примѣчательно, имя ея, вопреки остальнымъ измѣненіямъ и передѣлкамъ, удержалось въ прежнемъ видѣ: у Сомадевы эта небесная дѣва называется «Бхадра»; въ легендѣ о Пурнѣ, «Бхадра-Канія» называется та женщина, которая заняла ея мѣсто; самъ герой раздѣлился здѣсь на двѣ отдѣльныя личности: въ началѣ повѣсти постоянно дѣйствуетъ самъ Пурна, а въ концѣ о немъ уже нѣтъ болѣе рѣчи, и выступаетъ на сцену замѣнившій его отшельникъ Мага-Маудгалияна, такъ-что уже у этого послѣдняго, а не у Пурны (какъ бы должно) происходитъ свиданіе съ любимой и ожидающей его женщиной (здѣсь эта женщина — мать героя, а въ болѣе древнихъ разсказахъ — жена героя).

Мы вошли въ ближайшее разсмотрѣніе этой легенды для того только, чтобъ показать несомнѣнное тождество ея скелета, или основы, съ разобранными выше пересказами легенды о челоуѣкѣ, спускавшемся въ море съ корабля. Но, что намъ особенно важно въ этой легендѣ — это первая часть ея. Убѣдившись, что *вторая* часть близко родственна послѣдней пѣсни о Садеѣ, мы воспользуемся *первою* ея частью для того, чтобъ показать, откуда идутъ первыя наши двѣ пѣсни о Садеѣ. Если вторая часть легенды о Пурнѣ есть только позднѣйшій, искаженный, буддійскій пересказъ многочисленныхъ восточныхъ повѣствованій, восходящихъ до временъ глубокой азіатской древности, и имѣющихся у насъ на лицо, — то, безъ сомнѣнія, и первая половина исходитъ отъ точно такихъ же древнѣйшихъ восточныхъ первообразовъ. Къ сожалѣнію, этихъ древнѣйшихъ первообразовъ у насъ нѣтъ, покуда, подъ руками, и мы должны довольствоваться однимъ этимъ слабымъ эхомъ первоначальныхъ оригиналовъ.

Главные черты первой половины легенды о Пурнѣ слѣдую-

ція.—У одного богатаго купца въ городѣ Сурпарака, въ Индіи, было три сына отъ законной жены, и еще четвертый, младшій сынъ отъ наложницы. Послѣ смерти отца, старшіе братья раздѣлили между собою отцовское имѣніе: одинъ сынъ взялъ себѣ домъ и землю, другой лавку и торговое заведеніе въ чужихъ краяхъ, старшій же взялъ себѣ незаконнорожденнаго младшаго брата своего, Пурну, какъ на все способнаго и умѣлаго — это ему совѣтовалъ еще отецъ. Обиженному и лишенному всего Пурнѣ не осталось никакихъ средствъ существованія; мало того: онъ долженъ еще заботиться о семействѣ старшаго брата. Однажды, жена этого брата послала его на рынокъ, чтобъ онъ досталъ чего-нибудь поѣсть дѣтямъ, и дала ему на то самую мелкую монету. «Тамъ былъ въ это время одинъ человѣкъ, несшій на плечахъ куски дерева, выброшенные моремъ на берегъ; онъ чувствовалъ чрезвычайный холодъ и шелъ, дрожа всѣмъ тѣломъ. Пурна увидѣлъ его и спросилъ:—Эй, любезный, что ты это дрожишь?—Человѣкъ сказалъ: Ничего не знаю; но только-что я нагрузилъ себѣ эти дрова на плечи, я вдругъ почувствовалъ вотъ этакій холодъ.—Пурна, искусный въ распознаваніи дерева, принялся разсматривать ношу этого человѣка, и узналъ, что это у него сандалное дерево изъ породы «госирша»¹⁾. Тогда онъ сказалъ носильщику:—Любезный другъ, за сколько ты отдашь это дерево?—За 500 каршапановъ²⁾, отвѣчалъ тотъ.—Пурна взялъ его ношу за эти деньги, пошелъ на рынокъ и отпиллъ отъ дерева четыре куски, которые и продалъ за 1000 каршапановъ одному покупщику: тому это дерево нужно было для благовоннаго порошка. Потомъ изъ 1000 каршапановъ Пурна отдалъ 500 носильщику, а на остальные деньги купилъ двухъ рабовъ, быка и корову, одежды и другія житейскія потребности, а потомъ взялъ варенаго рису и накормилъ брата и невѣстку. Все семейство было въ великой радости. Черезъ нѣсколько времени послѣ того, сурпаракскій царь заболѣлъ горячкой. Врачи велѣли ему лечиться сандаломъ изъ породы госирша. Вотъ царскіе совѣтники (министры) и принялись искать этого сандала. По слухамъ, они узнали про то, что происходило на рынокѣ. Они пошли къ Пурнѣ и говорятъ ему:—Есть у тебя сандалъ изъ породы госирша?—Есть, отвѣчалъ онъ.—А за сколько

¹⁾ Въ примѣчаніи къ этому мѣсту Бюрнуфъ замѣчаетъ, что въ первыя времена буддизма было очень распространено мнѣніе, будто бы сандалное дерево имѣетъ свойство холодить, такъ что даже животныя во время зноя ищутъ сандалныхъ рошей для прохлады. Поэтому въ тѣ времена, горячки и другія болѣзни, требовавшія «прохлажденія крови», лечились сандалнымъ деревомъ.

²⁾ По исчисленію Бюрнуфа, 500 каршапановъ составляютъ, на нынѣшнія деньги, 28 франковъ 45 сантимовъ; 1000 каршапановъ = почти 57 франковъ.

ты его уступишь?—За 1000 каршапановъ.—Министры взяли его за эту сумму. Царю сдѣлали изъ него мазь, и онъ выздоровѣлъ. Пожелавъ имѣть у себя такое могучее средство, царь призвалъ Пурну, и тотъ продалъ ему три куска сандала за три лака суварновъ ¹⁾, а четвертый подарилъ царю. Царь, изъ благодарности, спросилъ его, какой милости онъ себѣ отъ него хочетъ,—и Пурна потребовалъ, чтобъ никто въ томъ царствѣ не смѣлъ наносить ему оскорбленій. Царь такъ и велѣлъ. «Между тѣмъ пріѣхали въ ихъ городъ Сурпараку 500 купцовъ: они возвращались изъ морского путешествія, и привели свой корабль цѣлымъ и невредимымъ. Купечество того города постановило такое правило:—Надо всѣмъ намъ не раздѣляться, и никто изъ насъ не долженъ ходить одинъ, въ новоприважимъ купцамъ. Если кто пойдетъ, тотъ заплатитъ 60 каршапановъ пени, и купечество захватитъ товаръ.—Нѣкоторые сказали:—Дадимъ же знать объ этомъ постановленіи Пурнѣ!—А другіе сказали:—На чтѣ говорить этому негодяю?—Въ это время Пурна уже вышелъ изъ своего дома. Онъ услышалъ, что 500 купцовъ пріѣхали въ ихъ городъ, на возвратномъ пути изъ путешествія, съ кораблемъ цѣлымъ и невредимымъ. Не заходя снова въ городъ, онъ пошелъ къ нимъ и сказалъ:—Господа, чтѣ у васъ за товаръ?—Купцы отвѣчали: такой-то и такой-то.—Какая цѣна?—Купцы отвѣчали:—Голова купецкій, вѣдь ты бывалъ далеко и въ чужихъ брѣяхъ, значить у тебя надо спрашивать про цѣну.—Ну, пусть такъ, а все-таки скажите вашу цѣну.—Купцы назначили 18 лаковъ суварновъ. Пурна отвѣчалъ:—Господа, возьмите въ задатокъ вотъ эти 3 лака, и дайте мнѣ товары, а я вамъ заплачу остальное, какъ ворочусь въ городъ.—Ладно, сказали иностранцы.—Онъ и отдалъ 3 лака, которые съ нимъ были, и поставивъ на товарѣ оттисекъ своей печати, ушелъ. Послѣ того, купечество городское послало слугъ навѣдаться про товаръ иностранцевъ. Эти люди пришли туда и спросили:—Что это за товаръ?—Такой-то и такой-то.—У насъ тоже есть кладовыя и сарай, полные товара.—Пусть они полны или пусты, а этотъ товаръ проданъ.—Кому?—Пурнѣ.—Вамъ будетъ только убытокъ съ Пурной; мы даемъ больше.—Купцы отвѣчали:—Да вы и всего-то столько не дадите, сколько онъ далъ задатка.—Чтожь онъ далъ?—Три лака суварновъ.—Услыхавъ это, братья Пурны почувствовали великую зависть. Они пошли къ купечеству сурпараекскому, и рассказали, какъ и что было. Купцы тоже почувствовали зависть. Они велѣли призвать Пурну, и сказали

¹⁾ По исчисленію Бурнуфа, лакъ суварновъ (т. е. золотыхъ) составляетъ на нынѣшнія деньги 3,526,000 франковъ.

ему:—Купечество постановило, что никто не долженъ идти одинъ скупать товары, не-то, купечество захватить купленное.—Зачѣмъ же ты ходилъ скупать одинъ?—Господа, отвѣчалъ Пурна, когда вы постановили это правило, развѣ вы повѣстили меня или моего старшаго брата? Вы это положили между собой, такъ вы одни его и исполняйте.—Но купцы, полные зависти, выставили его на солнечный припѣкъ, чтобъ заставить его заплатить 60 каршавановъ (пеню). Царскіе люди увидали, что происходило, и пошли сказать царю.—Позвать купцовъ, сказалъ царь.—Когда они пришли, царь сказалъ имъ:—Зачѣмъ это вы держите Пурну на солнцѣ?—Государь, отвѣчали они, купечество постановило правило: никто не долженъ ходить одинъ скупать товары; а онъ пошелъ одинъ.—Тогда Пурна сказалъ:—О царь, соблаговоли спросить ихъ: когда они положили то правило, увѣдомили-ли они меня или моего старшаго брата?—Нѣтъ, ихъ не увѣдомляли, отвѣтили купцы.—Тогда царь сказалъ:—Пурна дѣло говоритъ, — и купцы со стыдомъ отпустили его. Черезъ нѣсколько времени послѣ того, царю повадился одинъ товаръ. Онъ позвалъ купечество и сказалъ:—Купцы, мнѣ вотъ этого нужно, достаньте.—Этотъ товаръ есть у Пурны, сказали купцы.—Мнѣ нечего приказывать Пурнѣ; это вы должны купить у него тѣ вещи, а потомъ доставить мнѣ.—Вотъ они послали разсылнаго къ Пурнѣ, сказать ему:—Пурна, купечество хочетъ говорить съ тобой.—Пурна отвѣчалъ:—Я не пойду.—Все купечество собралось и пошло къ Пурнову дому, и ставъ у дверей, послало къ нему разсылнаго, сказать ему:—Выходи, Пурна, все купечество стоитъ у твоихъ дверей.—Тогда Пурна, котораго одолѣвало тщеславіе, вышелъ, гордый тѣмъ, что вотъ, что захочетъ, то и дѣлаетъ. Тутъ купечество сказала ему:—Голова купецкій, отдай намъ свой товаръ по цѣнѣ, по какой самъ купилъ.—Хорошъ бы я былъ купецъ, сказалъ Пурна, когда бы сталъ продавать товаръ по той цѣнѣ, что самъ купилъ!—Ну, отдай намъ его за двойную цѣну, сказали купцы; уважь купечество!—Пурна подумалъ:—Купечество почтенно, отдамъ я имъ товаръ по этой цѣнѣ,—и онъ уступилъ имъ свой товаръ за двойную цѣну противъ того, что самъ купилъ. Потомъ самъ снесъ иностранцамъ 15 лаковъ, а остальное положилъ дома. Послѣ того онъ подумалъ про себя:—Можно ли одной росинкой наполнить цѣлый сосудъ? Нѣтъ, мнѣ надо пуститься въ великое море.—Вотъ онъ и велѣлъ объявить съ колокольнымъ звономъ по всему городу Сурпаравъ:—Слушайте, купцы сурпаравскіе! Пурна, голова купецкій, идетъ въ море. Кто изъ васъ хочетъ ѣхать съ нимъ, съ изъятіемъ отъ всякихъ таможенныхъ, провозныхъ и впускныхъ пошлинъ за свой товаръ, готовъ на это путешествіе то,

что хочетъ брать съ собой.—Тутъ 500 купцовъ собрали товаръ, назначенный ими для путешествія, и Пурна, голова купецкій, призвавъ на свое предпріятіе благословеніе и милость съ небеси, пустился въ море, съ 500 купцами. Потомъ онъ воротился съ кораблемъ, цѣль и невредимъ, и пускался въ путешествіе шесть разъ. Оттого-то повсюду и разнесся слухъ: — Вотъ Пурна шесть разъ ѣздилъ въ море, и всегда возвращался съ кораблемъ цѣль и невредимъ. — Купцы изъ Сравасти (мѣстопребываніе Будды), набравъ грузъ, пріѣхали однажды въ Сурпараку. Отдохнувъ отъ усталости, они пошли къ Пурнѣ, и сказали ему: — Голова купецкій, поѣдемъ въ море. — Пурна отвѣчалъ: — Когда вы это видали или слышали, господа, чтобъ человѣкъ, шесть разъ побывавшій въ морѣ, и воротившійся съ кораблемъ цѣль и невредимъ, поѣхалъ еще въ седьмой разъ? — Да вѣдь, отвѣчали они, мы это для тебя пріѣхали изъ такихъ далекихъ мѣстъ. Если ты не поѣдешь, ты одинъ и будешь въ отвѣтъ. — Пурна подумалъ про себя: — Мнѣ нѣтъ никакой нужды въ богатствахъ; однако я поѣду для пользы этихъ людей. — И онъ поѣхалъ съ ними въ море. — Далѣе, въ легендѣ этой слѣдуетъ разсказъ о томъ, что Пурна, услыхавъ, какъ купцы пѣли на кораблѣ гимны и религиозныя пѣсни, сталъ спрашивать ихъ объ этихъ пѣсняхъ, и купцы разсказали ему про Будду и его религію, и, послѣ того, воротясь изъ путешествія снова цѣль и невредимъ, Пурна бросилъ торговлю и свои богатства, и сдѣлался буддійскимъ отшельникомъ¹⁾.

Такимъ образомъ, въ этой первой половинѣ легенды, герой изображенъ въ своей до-буддійской жизни. Во второй половинѣ, излагается жизнь Пурны, уже отшельника и подвижника, и здѣсь, въ числѣ многого другого, разсказанъ приведенный уже выше эпизодъ о бурѣ, спасеніи купцовъ Пурной, и о свиданіи его съ ожидавшею его въ отечествѣ женщиной, эпизодъ, соответствующій разсказу о человѣкѣ, спускавшемся въ море.

Первая половина легенды о Пурнѣ представляетъ намъ, какъ замѣчено выше, формы исключительно буддійскія, неминусемо исказившія болѣе древніе разсказы, вошедшіе въ ихъ раму; тѣмъ не менѣе, онъ представляетъ для насъ особенную важность, потому что тутъ мы имѣемъ передъ глазами подробности и цѣльные разсказы, которыхъ мы (по крайней мѣрѣ до сихъ поръ) нигдѣ болѣе не находили, но на которые есть намеки въ нашихъ былинахъ о Садѣѣ.

И, во-первыхъ, мы имѣемъ здѣсь три момента изъ жизни купца, слѣдующихъ одинъ за другимъ въ томъ самомъ порядкѣ,

¹⁾ Burnouf, Introd. à l'hist. du Buddh. indien, 235—250.

въ какомъ мы ихъ находимъ въ нашей пѣсни о Садкѣ: сначала чудесное разбогатѣнiе, далѣе — скупанiе всѣхъ товаровъ въ городѣ на свои несмѣтныя богатства, и наконецъ — поѣздка по морю, разныя необыкновенныя здѣсь событiя и окончательное возвращенiе. Во-вторыхъ, мы встрѣчаемъ разнообразныя черты сходства, существующiя между первыми двумя нашими пѣснями о Садкѣ и первой половиною легенды, о Пурнѣ.

Какъ въ индѣйской легендѣ, такъ и въ русской пѣсни герой очень бѣденъ и обиженъ, и именно въ слѣдствiе этихъ причинъ принимается добывать себѣ богатство.

Въ легендѣ, сокровища и драгоценности, послужившия къ разбогатѣнiю героя, изображены подѣ видомъ сандалнаго дерева, составляющаго одну изъ главныхъ статей торговли въ Индiи, и выброшеннаго моремъ: въ нашей былинѣ — посредствомъ рыбы, добытой изъ Ильмена-озера, и принадлежащей къ числу предметовъ новгородской торговли.

Въ легендѣ, Пурна получаетъ эти сокровища отъ чловѣка, идущаго съ моря: въ русской былинѣ, Садко получаетъ ихъ отъ «удалого добраго молодца», пришедшаго съ Ильмена, или отъ самого Морского-царя.

Во второмъ моментѣ легенды, оба героя, и индѣйскiй и русскiй, богатые купцы, члены особой купеческой гильдiи или общины: Садко — членъ «братчины никольщины» въ Новгородѣ, Пурна — членъ «купеческаго общества» (*coûrре des marchands*, по Бюрнуфу) въ Сурпаракѣ,

Противниками Пурны, завидующими его богатству, и ненавидящими его, являются — все купечество сурпараксое и два брата Пурны: противниками Садки, бьющимися съ нимъ о завладѣть, являются всѣ «мужики, люди новгородскiе», и два «настоятеля».

Пурна скупаетъ за огромныя деньги (нѣсколько миллюновъ) весь товаръ, привезенный изъ-за моря: Садко скупаетъ на «безсчетную казну» свою весь товаръ, также привозимый въ Новгородъ изъ чужихъ мѣстъ.

Разбогатѣвшiй Пурна становится гордъ и тщеславенъ, старается унизить остальное купечество, но, наконецъ, уступаетъ ему, сказавъ себѣ: можно ли одной росинкой наполнить цѣлый сосудъ (т. е. можно ли мнѣ одному со всѣми съ ними сладить)? Точно такъ Садко, разбогатѣвъ, становится кичливъ и хвастливъ и старается унизить остальное купечество, но, наконецъ, уступаетъ, сказавъ себѣ:—Нѣтъ, не я видно богатый купецъ новгородскiй, богаче меня великiй Новгородъ!

Послѣ этого необычайнаго скупанiя, Пурна созываетъ куп-

цовъ-товарищей, и въ первый разъ въ жизни пускается въ море: онъ совершаетъ это благополучно, и шесть разъ повторяетъ путешествіе, черезъ что богатѣетъ еще болѣе. Въ русской былинѣ нѣтъ прямого разсказа объ этой первой поѣздкѣ, но изъ третьей пѣсни о Садеѣ мы узнаемъ, что, разбогатѣвъ, Садео цѣлыхъ 12 лѣтъ ѣздилъ съ своей дружиной купецкой по морю, и тѣмъ еще болѣе разбогатѣлъ. Что такое была эта «дружина купецкая» — этого мы изъ русской пѣсни не можемъ узнать; но индѣйскій оригиналъ (а также тибетскій Дзанглунъ, въ повѣсти о Гедонѣ) объясняетъ намъ это очень удовлетворительно: это была толпа купцовъ, добровольно сходявшихся вмѣстѣ, вслѣдствіе всенародныхъ объявленій, — складывавшихъ вмѣстѣ свои товары и отправлявшихся въ далекія торговыя путешествія подъ начальствомъ одного главнаго, начальствующаго купца, купецкаго головы ¹⁾).

Наконецъ, послѣ всего этого слѣдуетъ третій, уже выше разсмотрѣнный нами моментъ разсказа: повѣсть о *послѣднемъ* въ жизни морскомъ путешествіи героя. Здѣсь описывается внезапная остановка кораблей или корабля на морѣ, сошествіе героя въ море, буря, поднимающаяся и потомъ утишенная героемъ, добытіе послѣднихъ, высочайшихъ сокровищъ (въ одномъ случаѣ матеріальныхъ, въ другомъ — религіозныхъ), возвращеніе на родину и свиданіе съ любимой и ожидающею женщиною (женою или матерью), и, наконецъ, оставленіе *навсегда* прежней жизни.

Изъ сравненія разныхъ восточныхъ оригиналовъ третьей пѣсни о Садеѣ мы вынесли убѣжденіе, что лишь въ позднія времена герой этого разсказа является купцомъ, и его похождения имѣютъ купеческій характеръ. Въ болѣе древнихъ разсказахъ онъ представленъ то въ видѣ царевича, то царя, то брахмана, то существа уже вполне міеологическаго, и похождения его имѣютъ характеръ то религіозный, то міеологическій, и даже стихійный. Тоже самое надо предполагать и о герояхъ первыхъ моментовъ легенды и былины: по всей вѣроятности и онъ тоже, въ болѣе древнихъ разсказахъ, являлся не купцомъ, а царевичемъ, брахманомъ, существомъ міеологическимъ, и то, что представлено намъ, въ позднихъ редакціяхъ, буддѣйской и русской,

¹⁾ Кромѣ сборника «Сомадевы» и «Зап. о западн. странахъ» мы встрѣчаемъ тому примѣры и въ индѣйскихъ повѣстяхъ, въ очень древнія времена переведенныхъ на китайскій языкъ. См. Les Avadanas, Contes et apologues indiens, trad. du chinois par Stan. Julien. Paris, 1859, I, стр. 127, 187, 209. Почти всегда говорится, что путешествія купцовъ совершаются на островъ Цейлонъ, за драгоценными каменьями. Тамъ же, I, 128, 210, и приведенны выше мѣста «Сомадевы», «Записокъ» и «Дзан-мунъ».

подъ видомъ чуднаго разбогатѣнія его и скупанія потомъ товаровъ, имѣло въ началѣ совсѣмъ иной характеръ. Чѣмъ позднѣе является легенда, тѣмъ болѣе затеривается и искажается первоначальный, всегда вполне осмысленный рассказъ, — и тотъ мотивъ, котораго мы теперь болѣе не знаемъ, но который, навѣрное, имѣлъ вполне удовлетворительное эпическое значеніе, въ легендѣ о Пурнѣ является уже рассказомъ о купцѣ, который становится гордъ и старается насолить цѣлой корпораціи купеческой — изъ мщенія за дурные съ нимъ поступки, а въ русской былинѣ представляется еще болѣе модернизированнымъ рассказомъ о купцѣ-самодурѣ, расхваставшемся своимъ богатствомъ, и безъ цѣли и резона употребляющемъ его на безалаберное дѣло.

Въ заключеніе, необходимо сказать нѣсколько словъ о нѣкоторыхъ подробностяхъ нашей былины.

Въ пѣсни о Садкѣ говорится, что, воротясь изъ подводнаго царства, и выгрузивъ безсчетную казну съ кораблей, нашъ богатый гость построилъ на нее соборную церковь Николѣ Можайскому¹⁾; въ другомъ мѣстѣ говорится, что Садко, разбогатѣвъ, строилъ одну за другою церкви: во имя Стефана архидиакона, во имя Софіи Премудрая и Николы Можайскаго²⁾. Эти указанія считаютъ у насъ очень важными и сближаютъ ихъ, какъ несомнѣнные историческіе факты, со словами нашихъ лѣтописей (I-й и III-й Новгородской, I-й Псковской и Софійскаго Временника) о построеніи «Садкомъ Богатымъ» церкви Бориса и Глѣба въ Новгородѣ въ XI или XII вѣкѣ³⁾. Ничего нѣтъ мудренаго въ томъ, чтобъ разбогатѣвшіе купцы древняго времени строили, какъ и купцы нашего времени, церкви на своей родинѣ. Безъ сомнѣнія, этотъ фактъ всегда существовалъ и повторялся. Но, когда уже достаточно доказано, что вся пѣсня о Садкѣ не заключаетъ ничего ни русскаго вообще, ни новгородскаго въ особенности, нѣтъ повода ожидать, чтобъ и рассказъ о построеніи церквей имѣлъ въ себѣ что-нибудь дѣйствительно историческое и русское. И на самомъ дѣлѣ, обращаясь къ тѣмъ же самымъ источникамъ, которые мы видѣли выше, мы находимъ, что церкви нашего разсказа выражаютъ собою не новгородскія, не русскія, даже не христіанскія церкви, а тѣ храмы, которые упоминаются въ восточныхъ первообразахъ. Буддійскія легенды, гдѣ рассказываются

1) Рыбниковъ, I, 380.

2) «Др. рос. стихотвор.» 272—273. — Киртевскій, V, 52.

3) Предисл. Калайдовича къ «Древн. рос. стихотвор.», стр. XVIII—XIX. — Замятка г. Безсонова къ V-му выпуску Киртевского, LVII—LXIII.

путешествія купцовъ за драгоцѣнностями, обыкновенно кончаются тѣмъ, что, воротясь на родину, купецкѣй голова, начальникъ экспедиціи, приноситъ дары Буддѣ и изъ барышей своихъ строить ему ступу, т. е. храмикъ или часовню¹⁾. Что же касается до подробнаго разсказа объ украшеніи Садкой выстроенныхъ имъ цервей: «кресты, маковицы золотомъ золотилъ, мѣстныя иконы изукрашивалъ, изукрашивалъ иконы, чистымъ жемчугомъ усадилъ, царскія двери вызолочивалъ»²⁾, то это, безъ сомнѣнія, не что иное, какъ переложеніе на русскіе христіанскіе нравы повѣствованій объ украшеніи героями буддійскихъ легендъ (купцами, царями, царевичами и т. д.), выстроенныхъ ими, послѣ благополучныхъ морскихъ путешествій, буддійскихъ ступъ или храмовъ. Въ легендѣ о Пурнѣ, послѣ разсказа объ укрощеніи имъ бури, спасеніи брата и благополучномъ возвращеніи всѣхъ купцовъ съ богатымъ грузомъ сандала, говорится, что Пурна тотчасъ же построилъ Бгагаватту (всевышнему Богу) «храмину изъ сандалнаго дерева, изукрашенную сандалными гирляндами. По прибытіи туда, по приглашенію Пурны, Будда превратилъ этотъ храмъ въ хрустальный»³⁾.

Во-вторыхъ, обратимъ вниманіе на игру Садки на лютнѣ. Какъ уже выше замѣчено, у насъ находили, что въ Садкѣ мы имѣемъ «типъ древняго нашего гусляра.» Предшествующее изложеніе показываетъ, что герой не-русскій, значить нечего искать національнаго типа въ самой основѣ созданія. Но, кромѣ того, довольно странно было бы предполагать здѣсь превращеніе гусляра въ купца. Не говоря уже о томъ или другомъ восточномъ оригиналѣ, даже и въ русскомъ текстѣ герой былъ нигдѣ не названъ гусляромъ. Былина называетъ каждую вещь своимъ именемъ, ничего не утаиваетъ: князя такъ и называетъ княземъ, богатыря богатыремъ, змѣя змѣемъ и т. д.; будь Садко гусляръ, былина навѣрное назвала его, и много разъ, этимъ именемъ. Но этого мы не встрѣчаемъ, и только уже наши изслѣдователи, по своимъ соображеніямъ, нашли необходимымъ вывести заключеніе, что Садко — гусляръ, и даже типъ древне-русскихъ гусляровъ. На самомъ дѣлѣ мы находимъ совсѣмъ другое: Садко не гусляръ, не скоморохъ, а просто бѣдный человѣкъ, дѣлающійся потомъ богатымъ купцомъ. Что же касается восточныхъ первообразовъ, то ни въ одномъ изъ нихъ

¹⁾ *Stan. Julien, Mém. sur les contrées occident., 475—476.—Burnouf, Introduction, 161, 258.*

²⁾ «Древн. рос. стихотвор.», 272—273. — *Киреевскій, V, 52.*

³⁾ *Burnouf, Introduction, 258, 268.*

не только не говорится, чтобъ герой настоящаго сказанія былъ музыкантъ по ремеслу, но даже чтобъ онъ тутъ вообще производилъ музыку; напротивъ, въ одной изъ восточныхъ редакцій (въ Дзанглунѣ) не герой забавляетъ музыкой Морского-царя, а Морской-царь велитъ потѣшать спустившагося къ нему героя музыкой. Тутъ вообще дѣло состоитъ не въ ремеслѣ, не въ званіи героя, а въ общеизвѣстной миеологической связи музыки съ водою, и игры на струнахъ съ бурєю. Поэтому, какіе бы ни были открыты впоследствии еще новые восточные оригиналы настоящей легенды, кажется, во всякомъ случаѣ, можно съ достовѣрностью предполагать, что нигдѣ герой не окажется музыкантомъ по ремеслу, гусларомъ. Гусли нашихъ сказокъ и пѣсенъ — это лютня и «вина» (родъ арфы) индѣйскихъ и тибетскихъ рассказовъ. На лютнѣ и винѣ играютъ тамъ, очень часто, цари, царевичи, царевны, брахманы, отшельники, купцы и т. д. Знаменитый индѣйскій царь Удаяна самъ учитъ свою невѣсту, царевну Васавадатту, пѣнію и игрѣ на лютнѣ, и въ этомъ занятіи проводитъ цѣлые дни; ему самому волшебная лютня подарена царемъ Змѣевъ; звуками этой лютни онъ умиряетъ и притягиваетъ къ себѣ дивныхъ слоновъ¹⁾; царица Васавадатта и сынъ ея, царевичъ Нараваханадатта въ запуски играютъ на лютнѣ, кто лучше²⁾; по выволоціи глазъ, царевичи Гедонъ и Кунала принимаются играть одинъ на лютнѣ, другой на винѣ³⁾. Наконецъ, игрою на лютнѣ отличается знаменитый отшельникъ и мудрецъ Нарада, и онъ не только играетъ на лютнѣ, но даже потѣшаетъ многочисленную публику буфонствомъ и комическими выходками⁴⁾. Всѣ эти лица и безчисленное множество другихъ, въ восточныхъ поэмѣхъ, пѣсняхъ и сказкахъ, много играютъ на инструментахъ у себя и въ людяхъ, а все-таки они не гуслары. Такъ точно и Садео.

Въ заключеніе, укажемъ на то, что представленіе расхлывшагося, бурнаго моря подъ видомъ чего-то пляшущаго, и иногда подъ видомъ пляшущаго человѣка, не есть исключительная принадлежность русской былины о Садеѣ: напротивъ, это одна изъ любимѣйшихъ и употребительнѣйшихъ фигуръ восточныхъ поэмъ. Такъ, въ рассказѣ Магабгараты о великомъ потопѣ говорится: «Море, пляшущее волнами, ревущее водой», а въ другомъ мѣстѣ, въ рассказѣ Арджуны: «Я увидѣлъ море; пѣнистая, громоздя-

¹⁾ *Brockhaus*, *Katha-Sarit-Sagara*, 48, 35, 44, 47.

²⁾ *Brockhaus*, *Berichte*, 1860, 159—160.

³⁾ *Dsanglun*, 274.—*Stan. Julien*, *Mémoires sur les contrées occident.*, 158.

⁴⁾ *Harivansa*, I, 561—562; II, 101.

щіяся его волны ходили точно пляшущія горы»¹⁾; въ эпизодѣ о пари двухъ сестеръ, Кадру и Винаты, много разъ говорится: «Море, царь рѣкъ, прыгаетъ и пляшетъ своими движущимися волнами»²⁾. Иногда, олицетвореніе моря идетъ такъ далеко, что море представляется не только «пляшущимъ», но даже «улыбающимся волнами»³⁾.

VII.

СОРОКЪ КАЛИКЪ СО КАЛИКОЙ.

Содержаніе этой былины слѣдующее. — Сорокъ каликъ собираются идти со своимъ атаманомъ или головой во святую землю, «свѣтой святынѣ помолитися, во Иорданѣ рѣкѣ покупатися». При этомъ они владутъ на себя таковой зарокъ: кто въ дорогѣ украдетъ или солжетъ, или сотворитъ блудъ, и атаманъ это узнаетъ, того закопать по-поясъ въ землю, среди поля, и вынуть у него очи косицами (черезъ виски), языкъ теменемъ. Идутъ калики, и приходятъ въ Кіевъ, къ князю Владиміру. Тамъ они просятъ себѣ милостыни такимъ богатырскимъ голосомъ, что отъ него, въ первый разъ, при встрѣчѣ съ княземъ въ полѣ, дрогнула матушка сыра-земля, и богатыри съ коней попадали, а потомъ, во второй разъ, когда они пришли къ княгинѣ, Владиміровой женѣ, съ теремовъ верхи повалилися, съ горницъ охлопья попадали, въ погребѣхъ литья всколебалися. Такихъ страшныхъ гостей спѣшать угостить на славу и обдѣлать на дорогу золотомъ и серебромъ. Но молодой княгинѣ понравился одинъ изъ каликъ, молодой атаманъ, красавецъ. Она призываетъ его къ себѣ въ покой, и старается склонить его на удовлетвореніе своего желанія. Онъ отказывается, ссылаясь на данное ими всѣми обѣщаніе. Тогда въ груди княгини загорается гнѣвъ и жажда мщенія: она велитъ тайно вложить въ странническую суму атамана — дорогую княжескую чашу, и когда калики отошли уже довольно далеко отъ города, посылаетъ за ними погоню, требуя украденной, будто бы, мужниной чаши. Каликъ настигаютъ посланные, всѣхъ ихъ обыскиваютъ, и чаша оказывается въ сумкѣ атамана. Тогда, исполняя условіе, калики зарываютъ по-поясъ въ землю своего

¹⁾ Bopp, Die Sündfluth, nebst drei anderen Episoden des Mahabharata. Berlin, 1829, 8, 125.

²⁾ Pavie, Fragm. du Mahabharata, 68, 69, 70.—Holzmann Indische, Sagen, II, 129.

³⁾ Pavie, Ibid. 233.

атамана, вынимають у него очи восицами, языкъ теменемъ, и сами, горько заплакавъ, продолжаютъ свой путь къ святымъ мѣстамъ. Но спустя долгое время, проходя на возвратномъ пути тѣми же мѣстами, они слышатъ издали голосъ своего прежняго молодого атамана, идутъ на этотъ голосъ, находятъ атамана цѣлымъ и невредимымъ: за его правоту самъ Господь послалъ двухъ ангеловъ съ небеси (или птичку райскую) возвратитъ ему очи и языкъ. Тогда, исполнившись радости, они берутъ его, потомъ всѣ вмѣстѣ опять идутъ къ князю Владиміру, въ Кіевъ, спрашиваютъ про княгиню, и Владиміръ едва можетъ, отъ горя, рассказать имъ, что съ самыхъ тѣхъ поръ, что они ушли, молодая княгиня мучится страшною болѣзнью, лежитъ въ гною. Атаманъ идетъ къ ней, она кается въ своей напрасной клеветѣ, онъ ее исцѣляетъ, и послѣ того, снова попиравъ у ласковаго князя Владиміра, калики уходятъ въ свои мѣста ¹⁾).

Былину эту обыкновенно принимаютъ у насъ за одну изъ характернѣйшихъ картинъ древне-русской жизни и быта, за одно изъ вѣрнѣйшихъ изображеній древнихъ русскихъ личностей и событій. Здѣсь находятъ вѣрнѣйшее описаніе временъ князя Владиміра, и нисколько не сомнѣваются въ томъ, что изображенные здѣсь калики представляютъ намъ древнѣйшихъ русскихъ странниковъ ко святымъ мѣстамъ, со всѣми ихъ привычками и обычаями, со всѣми точнѣйшими, историческими подробностями ихъ тогдашней обстановки. Вообще же въ нашихъ каликахъ видятъ представителей былыхъ временъ періода стихійнаго, броженія и кочеванія на Руси ²⁾. Сверхъ того, высказывали мнѣніе, что пѣсня о каликахъ имѣетъ своимъ основаніемъ повѣствованіе объ Іосифѣ съ братьями и Путифаровой женѣ; все это перенесено на событія и подробности Владимірова времени ³⁾; атаманъ сорока каликъ, говоритъ одинъ изслѣдователь, «является второ-образомъ Прекраснаго Іосифа, ибо вся исторія сорока каликъ со каликою есть перелицовка исторіи Іосифа, изъ еврейской мѣстности пересаженной на русскую, изъ исторіи священнон въ дѣйствительную и бытовую» ⁴⁾.

Но разсмотрѣніе созданій восточной поэзіи и литературы приводитъ къ заключенію, что въ этой былинѣ мы не должны

¹⁾ «Древ. рос. стихотвор.», 226 — 241. — *Кирѣевскій*, III, 81 — 99. — *Рыбниковъ*, I, 237 — 240; II, 87 — 92.

²⁾ Замѣтка г. Безсонова: къ I-му тому Рыбникова, стр. XII; къ III-му выпуску Кирѣевского, стр. IV.

³⁾ *Калайдовичъ*, «Предисл. къ древн. росс. стихотвор.», Москва, 1818, стр. XIX—XX.

⁴⁾ Замѣтка г. Безсонова къ IV-му выпуску Кирѣевского, стр. I.

искать ни Владимірова времени, ни исторической картины той эпохи, ни живописанія относящихся къ ней личностей, ни перифразировки, въ русской народной формѣ, библейскихъ текстовъ. Оказывается, что наша былина о сорока каликахъ со каликой появилась въ устахъ нашихъ дѣйствительныхъ каликъ переходящихъ, всегда странствовавшихъ и донинѣ странствующихъ по Руси, вовсе не въ слѣдствіе ихъ христіанскаго благочестія, потому что имѣеть не христіанское, а прямо восточное происхожденіе.

Разсказъ о замужней женщинѣ, соблазняющей молодого человека, неуспѣвшей въ своемъ любострастномъ намѣреніи и потомъ тщетно старающейся отомстить добродѣтельному юношѣ—одинъ изъ самыхъ распространенныхъ по всему Востоку съ древнѣйшихъ временъ. Въ сборникѣ Сомадевы (брахманскаго происхожденія) онъ повторенъ нѣсколько разъ.

Вотъ первый разсказъ: «Брахманъ Вишнусвами, знающій во всѣхъ наукахъ и знатокъ Ведъ, имѣлъ много учениковъ, стекавшихся къ нему изъ разныхъ странъ. Между ними былъ одинъ юноша, именемъ Сундарака, красавецъ собой и ярко блиставшій добродѣтелями и познаніями. Однажды, во время отсутствія Вишнусвами, жена его Каларатри, будучи влюблена въ Сундараку, стала соблазнять его, когда осталась съ нимъ наединѣ вдвоемъ. Но Сундарака, не смотря на горячія ея просьбы, отъ всей души воспротивился грѣху, и убѣждалъ. Только онъ удалился, Каларатри, въ бѣшенствѣ, сама стала рвать на себѣ тѣло зубами и ногтями, разодрала свои одежды, распустила въ беспорядкѣ волосы и плакала, пока не воротился домой мужъ. Когда онъ вошелъ, она ему сказала:—На, вотъ, посмотри, что со мной сдѣлалъ Сундарака: онъ силой хотѣлъ меня обезчестить!—Услыхавъ это, учитель пришелъ въ сильную ярость, и, встрѣтя вечеромъ Сундараку въ домѣ, бросился на него, тотчасъ же сталъ его бить, съ прочими учениками, кулаками, потомъ ногами, и колотилъ палками; потомъ, все еще недовольный, велѣлъ ученикамъ вытолкать его безъ всякой жалости на улицу». Впослѣдствіи, Сундарака, получивъ волшебную силу, дѣлается могучъ и богатъ, а въ концѣ разсказа, царь страны узнаетъ всю правду, и изгоняетъ изъ своего царства Каларатри, а Сундарака получаетъ отъ него великій почетъ¹⁾.

Другой разсказъ: «Одинъ царевичъ, хотя и молодой и красивый, избралъ въ долгу себѣ странническую жизнь нищенствующаго монаха. Однажды онъ пришелъ въ домъ въ одному купцу; его увидала молодая купцова жена, и такъ была поражена красо-

¹⁾ Brockhaus, Katha-Sarit-Sagara, 104—106.

той глазъ, что сказала ему: — Зачѣмъ ты, этакой красавецъ, выбралъ себѣ такое противное занятіе? Блаженна женщина, на которую ты взглянешь любовными глазами! — Послѣ этихъ словъ, монахъ вырвалъ себѣ одинъ глазъ, взявъ его въ руку, и сказалъ купцовой женѣ: — Вотъ, смотри на него хорошенько: это отвратительный комокъ мяса и крови. Если онъ тебѣ нравится, возьми его. Точно такъ сдѣланъ и другой глазъ; ну, скажи, что тутъ хорошаго въ нихъ?—Купцова жена, видя это, пришла въ совершенное отчаяніе и восклицала: — О горюшко, горе! Экой я грѣхъ надѣлала, легкомысленная!—Я вотъ теперь виновата, что ты вырвалъ у себя глазъ!—Тогда монахъ сказалъ:—Не печалься, женщина! Ты мнѣ даже оказала благодареніе: я укрѣпился въ добродѣтели.—Сказавъ это колѣнопреклонной передъ нимъ купцовой женѣ, благочестивый монахъ пошелъ далѣе 1).»

Въ третьемъ разсказѣ, купецкая жена требуетъ отъ одного царскаго придворнаго, чтобъ онъ исполнилъ ея любовныя желанія; онъ не соглашается, и тогда она пробуетъ отравить его, давъ ему выпить чашу съ ядомъ, но это не удается 2).

Въ четвертомъ разсказѣ, жены двухъ братьевъ влюбились въ младшаго брата своихъ мужей и хотѣли втянуть его въ прелюбодѣяніе, но онъ отказался отъ этого, и тогда онѣ наклеветали на него своимъ мужьямъ. Эти, въ своей ярости, велѣли ему раскопать муравыную кучу, надѣясь, что тутъ ему и будетъ конецъ. Но, вмѣсто того, онъ нашелъ въ кучѣ сосудъ съ золотомъ, и въ своей честности снесъ находку братьямъ. Но и это не подействовало на нихъ, и онѣ послали наемныхъ убійцъ умертвить младшаго брата. Однакоже, эти люди не убили его, а только отрубили ему руки и ноги. Онъ и тутъ не разсердился на братьевъ, и тогда боги, видя такую добродѣтель, велѣли его рукамъ и ногамъ снова прирости къ нему 3).

Въ Шахъ-Намѣ этотъ же разсказъ является подъ видомъ эпизода о царевичѣ Сіавушѣ и царицѣ Судабѣ. Дѣйствіе происходитъ при царѣ Кей-Каусѣ, скоро послѣ смерти Сограба. Царица Судабѣ, жена Кей-Каусова, влюбляется въ пасынка своего, Сіавуша, вскорѣ послѣ смерти его матери, заставляетъ своего мужа прислать его въ себѣ въ гаремъ, и тамъ старается склонить его на свои желанія. Сіавушъ не согласенъ, и когда первый ея приступъ остается напрасенъ, она думаетъ запугать его своимъ мщеніемъ. Сіавушъ остается непоколебимымъ. Тогда

1) *Brockhaus, Analyse des VI Buches des Somadeva, 115.*

2) Тамъ же, 160.

3) Тамъ же, 147.

она пробуетъ еще разъ уговорить его, плѣнить его полнымъ зрѣлищемъ своей красоты. Но все понапрасну, ничто не дѣйствуетъ на царевича; однако-же онъ не хочетъ выдать ее своему отцу, и сохраняетъ ее предложеніе втайнѣ. Оскорбленная Судабэ, полная страсти, досады и мщенія, потерявъ надежду удовлетворить свои желанія, клеветаетъ на Сіавуша Кей-Каусу, увѣряетъ его, что царевичъ хотѣлъ изнасиловать ее. Кей-Каусъ приговариваетъ его въ смерти, но тутъ все объясняется, царь мирится съ невиннымъ сыномъ, и удаляетъ отъ себя преступную жену¹⁾.

Но самымъ для насъ важнымъ и едва-ли не самымъ древнимъ, между всѣми этими рассказами, является рассказъ, встречаемый нами въ «*Запискахъ о западныхъ странахъ*», переведенныхъ на китайскій языкъ съ индѣйскаго, въ VII вѣкѣ, Хиуэнь-Тцангомъ, и въ одной индѣйской легендѣ, содержащей «*Жизнь царя Асоки*», самаго знаменитаго, горячаго и могущественнаго распространителя буддѣйства въ древней Азіи. У этого царя былъ сынъ Кунала, и ему приписываются съ древняго времени разсматриваемыя нами событія. Въ «*Запискахъ о западныхъ странахъ*» рассказывается слѣдующее. — У царевича Куналы мать была законная жена царская, именемъ Падмавати; лицо его было исполнено прелести, и онъ рано сталъ отличатся своею благосклонностью и человѣколюбіемъ. Когда умерла законная царица, мачихой ему стала гордая и развратная жена царская. Слушаясь только своей слѣпой страсти, она стала втайнѣ уговаривать царевича, чтобъ онъ склонился на ея желаніе. Этотъ заплакалъ, приписалъ всю вину самому себѣ, и удалился, каюсь въ своихъ прежнихъ грѣхахъ. Мачиха, получивъ отказъ, пришла еще въ большій гнѣвъ. Она подкараулила такое время, когда царь былъ, свободенъ и спокойно сказала ему: — Кому поручить управленіе города Такшасилы²⁾, какъ не твоему собственному сыну? Вотъ теперь царевичъ сталъ знаменитъ своимъ человѣколюбіемъ и сыновнею преданностью. Онъ любитъ мудрыхъ, онъ имъ покровительствуетъ, и имя его въ устахъ у всѣхъ. — Царя соблазнили такія рѣчи, и онъ благосклонно принялъ эту коварную затѣю. Тогда онъ тотчасъ же сообщилъ свои приказанія царевичу и далъ ему такія наставленія: «Я получилъ высшую власть въ наслѣдство, и обязанъ передать ее во всей цѣлости моему преемнику. Я только того и боюсь, какъ бы не уронить ее, и какъ бы не обезчестить предковъ моихъ, царей. Вотъ я

¹⁾ Moil, Schah-Nameh, II, 209—245.

²⁾ Городъ Такшасила, въ сѣверо-западной Индіи, всегда управлялся однимъ изъ царскихъ сыновей.

поручаю тебѣ нынче управленіе Такшасилой, приведи въ повиновеніе возмутившихся подданныхъ этого царства. Государственная дѣла очень важны, но часто людскія чувства лживы и обманчивы. Не предпринимай ничего легкомысленно, чтобъ не нанести вреда своему вѣнцу. Всякій разъ, что получишь отъ меня приказаніе, хорошенько разсмотри на печати оттискъ моихъ зубовъ. Моя печать — въ собственномъ моемъ рту. Обманетъ ли она тебя?» Послѣ того, царевичъ принялъ повелѣнія своего отца и отправился возстановлять порядокъ. Спустя долгое время, его мачиха, Тишпиракшита, которой ярость все только увеличивалась, изготовила подложное письмо отъ царя и запечатала его краснымъ воскомъ; потомъ, дождавшись, чтобъ царь уснулъ, потихоньку оттиснула на печати его зубы, и тогда, поскорѣе послала къ Куналѣ гонца съ письмомъ, будто бы отъ царя. Прочитавъ его, стоя на колѣняхъ, совѣтники (министры) переглянулись, не зная, на чтѣ рѣшиться. Царевичъ спросилъ ихъ, о чемъ они плачутъ. «Царевичъ, сказали они, царь прислалъ указъ. Вотъ въ этомъ письмѣ онъ дѣлаетъ выговоръ царевичу, и велитъ намъ вырвать у него оба глаза, выгнать его вонъ, кинуть одного на горѣ, или на долині, и оставить съ женой на произволь судьбы, пусть живутъ или умираютъ вмѣстѣ. Но хотя и есть такой указъ, мы все-таки еще не можемъ его послушаться. Теперь надо снова спросить царя, и вести тебя къ нему въ цѣпяхъ, прежде чѣмъ казнить». — Царевичъ сказалъ имъ: — Когда батюшка присудилъ меня на смерть, то какъ же я осмѣлюсь отказываться? Впрочемъ, на печати оттиснуты его зубы, значить тутъ нѣтъ ни подлога, ни ошибки. — Тогда онъ велѣлъ палачу вырвать у себя глаза. Потерявъ зрѣніе, онъ сталъ просить милостыню, себѣ на пропитаніе. Бродивши тамъ и сямъ, онъ пришелъ въ царскую столицу къ своему отцу. Его жена сказала ему: — Вотъ мы и въ царскомъ городѣ. — Ахъ, возразилъ онъ, какъ я мучусь отъ холода и голода. Былъ я прежде царскимъ сыномъ, а теперь сталъ нищимъ! Хотѣлосьбы мнѣ, чтобъ меня выслушали и узнали, кто я таковъ. Дайка я снова расскажу прежніе свои проступки. — Потомъ онъ придумалъ хитрость. Онъ вошелъ въ царскую конюшню, и, въ послѣднюю половину ночи, началъ испускать вопли и пѣть жалобнымъ голосомъ, аккомпанируя себѣ на винѣ ¹⁾. Царь былъ въ это время на верху, въ бесѣдкѣ, услыхалъ эти благородныя пѣсни, слова которыхъ были полны горечи и тоски. Онъ удивился, и сказалъ про себя: — Кажись, по этимъ звукамъ вины, это мой сынъ; но какъ же это онъ сюда попалъ? — И тотчасъ онъ спро-

¹⁾ Струнный инструментъ.

силъ у воиншеннаго сторожа:—Кто это тамъ поеть?—Тогда этотъ привелъ слѣпого, и поставилъ его предъ царемъ. Увидѣвъ царевича, Асока сталъ со слезами спрашивать его:—Кто это тебя изуродовалъ? Теперь, этимъ жестокимъ несчастіемъ, мой возлюбленный сынъ лишенъ свѣта, онъ ничего болѣе не видитъ. Какъ онъ будетъ видѣть и разсматривать свой народъ? О небо, небо! Вотъ какъ добродѣтель выродилась!—Царевичъ сталъ со слезами благодарить его, и отвѣчалъ ему:—Дѣло все въ томъ состоитъ, что у меня недостало сыновней любви, и за то я наказанъ небомъ. Въ такомъ-то году, такого-то мѣсяца и числа, я однажды получилъ приказаніе отъ нѣжной моей матери: не было у меня никакого средства извиниться, и я не посмѣлъ избавиться отъ наказанія.—Царь понялъ, въ глубинѣ сердца своего, преступленіе, совершенное его второю женою, и, не начиная никакого слѣдствія, подвергнулъ ее самому высшему наказанію». Этотъ рассказъ оканчивается тѣмъ, что, по царевой просьбѣ излѣчить его сына, одинъ мудрецъ собираетъ въ сосудъ слезы всего народа, сошедшагося слушать его проповѣдь, этими слезами омываетъ глаза царевичу, и царевичъ снова прозрѣваетъ ¹⁾.

Этотъ самый рассказъ встрѣчается и въ «Жизни царя Асоки», изложенной, на основаніи индѣйскихъ источниковъ, Бюрнуфомъ въ его исторіи буддѣизма ²⁾. Мы его не приводимъ здѣсь по причинѣ значительнаго его объема. Разница между обоими рассказами заключается лишь въ самыхъ мелкихъ подробностяхъ. Но замѣтимъ, что въ «Жизни Асоки» только иначе рассказано испѣленіе царевича: зрѣніе возвращается ему само собою, въ ту самую минуту, когда онъ упрашиваетъ отца своего не мстить его мачихѣ: тѣмъ не менѣе, царь велитъ предать ее пыткамъ, и ее сожигаютъ.

Во всѣхъ этихъ пересказахъ основаніе вездѣ одно и то же: молодой человѣкъ отвергаетъ любострастныя предложенія замужней женщины; она старается потомъ, понапрасну, отомстить ему, и, наконецъ, его добродѣтель награждается блистательнымъ образомъ. При этомъ, въ главныхъ рассказахъ вездѣ говорится, что герой на время лишенъ зрѣнія и потомъ снова получаетъ его; сверхъ того, въ иныхъ рассказахъ даже мелькаетъ подробность о чашѣ (3-й и 4-й рассказъ Сомадевы). Самаго коренного, самаго древняго рассказа, ходившаго по Востоку, и послужившаго прототипомъ для послѣдующихъ, мы не знаемъ, но самымъ полнымъ, самымъ эпическимъ, покуда, является легенда,

¹⁾ *Stan. Julien, Mém. sur les contr. occident., 154—161.*

²⁾ *Burnouf, Introd. à l'hist. du Buddh. indien, I, 405—413.*

въ «*Запискахъ о западныхъ странахъ*», о жизни царя Асоки. Разсказъ Шахъ-Намъ, конечно, содержитъ мотивы очень древніе, но не въ полномъ ихъ составѣ, а только нѣкоторыя части, и притомъ весь разсказъ переполненъ риторическою, искусственною орнаментистикою поздняго, сравнительно, времени. Напротивъ, въ легендѣ «*Записокъ*», коренной мотивъ является въ настоящемъ свѣтѣ и значеніи, въ формѣ простого историческаго разсказа изъ круга древне-индѣйской жизни. Изъ числа прочихъ разсказовъ особенно важенъ тотъ, гдѣ изложена повѣсть о царевичѣ-отшельникѣ и купецкой женѣ. Здѣсь, кромѣ близости всего вообще разсказа, для насъ интересна та подробность, что юноша, герой повѣсти — царскій сынъ, молодой красавецъ, избравшій долю странствующаго, нищаго монаха.

Эта подробность служитъ намъ прямымъ переходомъ къ разсмотрѣнію нашей русской былины, уже не въ главныхъ только ея чертахъ, а въ ея характеристическихъ особенностяхъ.

Что такое наши калики? Неужели въ самомъ дѣлѣ надо признавать ихъ точно такими же калѣвами, какіе съ незапамятныхъ временъ ходятъ по святымъ мѣстамъ русскимъ и поютъ духовныя пѣсни? Нѣтъ, это не простые увѣчные, изуродованные и безобразные слѣпыя нищѣ, которыхъ ремесло — выпрашиваніе милостыни. Они всѣ, въ настоящей былинѣ, совсѣмъ напротивъ, не что иное, какъ могучіе, крѣпкіе, но переодѣтые богатыри. Сама пѣсня называетъ ихъ «*молодцами*», «*дородными молодцами*», «*удальми добрыми молодцами*»¹⁾; у нихъ у всѣхъ «*рѣзвыя ноги*»²⁾; двое изъ нихъ, атаманъ и его братъ, постоянно получаютъ названіе «*молодыхъ*», а самъ атаманъ — красавца: «*отъ лица его молодецкаго, какъ бы отъ солнышка отъ краснаго, лучи стоятъ великіе*»; «*на его лицо молодецкое не могутъ зрѣть добры молодцы, а и кудри на немъ молодецкія до самаго пояса*»³⁾; отъ ихъ голоса богатырскаго «*дрогнула матушка сыра-земля, съ деревъ вершины попадали, подъ вяземъ вонь окорачился, а богатыри съ коней попадали*»; «*съ теремовъ верхи повалилися, а съ горницъ охлопья попадали, въ погребехъ питья всеолобалися*»⁴⁾; княгиня сажаетъ ихъ обѣдать «*въ столовую богатырскую*»⁵⁾; они побиваютъ посылаемыхъ за ними въ погоню богатырей⁶⁾; наконецъ, въ одной пѣсни имъ даже прямо гово-

¹⁾ Др. рос. стихотвор., 226, стихи: 77, 116, 241, 272, 64; 18; 60, 258.

²⁾ Тамъ же, ст. 360.

³⁾ Тамъ же, стихи: 113—115; 271—273.

⁴⁾ Тамъ же, ст.: 58—56, 87—89.—*Рыбниковъ*, I, 236.

⁵⁾ *Рыбниковъ*, II, 88.

⁶⁾ Тамъ же, 90; I, 289.

рять: «Не калики есте переходящїе, есть вы русскїе могучїе богатыри»¹⁾. Всѣ эти черты указываютъ намъ ясно на то, что калики этой пѣсни имѣютъ мало общаго съ простыми каликами, съ каликами-нищими всѣхъ странъ и всѣхъ временъ, съ каликами-странниками, какіе въ нашей землѣ всегда были и есть по сію пору. Это калики переряженные, калики-богатыри.

Но особенность эта не есть опять-таки самостоятельная черта древне-русской жизни: въ настоящей пѣсни мы встрѣчаемъ только повтореніе одной особенности, принадлежащей востоку, и притомъ исключительно востоку брахманскому и буддійскому.

Поэмы, легенды, пѣсни, сказки этого происхожденія наполнены рассказами о томъ, какъ цари, царевичи и богатыри идутъ въ духовное званіе²⁾, переряжаются нищими и идутъ по свѣту странствовать. Такъ, въ Магабгаратѣ знаменитые братья-богатыри Пандавы, одѣтые нищими, питаются милостыней³⁾; индійскій царь Викрамадитія и съ нимъ 500 воиновъ переодѣваются странствующими нищими, чтобъ проникнуть въ столицу врага⁴⁾; богатырь Гессеръ-Ханъ очень часто переряжается нищимъ, и даже иногда нарочно представляется слѣпымъ⁵⁾; индійскій царскій министръ Яугандхараяна и царскій другъ Вазантака, желая освободить изъ заключенія своего царя Удаяну, наряжаются нищими и калѣками⁶⁾, и т. д. Даже сами боги и цари Змѣевъ иногда принимаютъ на себя образъ нищихъ; такъ, напр., царь Змѣевъ Такшака воспользовался этимъ, чтобъ украсть женскія серьги, соблазняяшя его⁷⁾. Ключомъ къ объясненію этого факта служить то необыкновенное уваженіе, которымъ пользуется нищенство и нищенствующее сословіе по брахманскому и буддійскому ученію; можно было-бы привести безчисленное множество мѣстъ изъ поэмъ, легендъ и сказокъ, гдѣ видно, какъ высоко стояло во всеобщемъ мнѣніи нищенство и нищенское званіе, и въ одномъ изъ очень древнихъ памятниковъ индійской литературы, въ «Панчатантрѣ», мы даже встрѣчаемъ слѣдующее замѣчательное сопоставленіе богатыря съ монахомъ: «Два человѣка

¹⁾ Рыбниковъ, I, 237.

²⁾ Бюрнуфъ говоритъ: «Священные книги буддистовъ всего чаще представляютъ намъ кшатрія (человѣка царской породы), идущаго въ пустынники» и т. д. *Bernouf*, *Introd.*, 575.

³⁾ *Th. Pavie*, *Fragm. du Mahabharata*, 202, 223. — *Fauche*, *le Mahabharata*, II, 139, 161.

⁴⁾ *Brockhaus*, *Berichte*, 1862, II—III, 219—220.

⁵⁾ *Schmidt*, *Bogda Gesser-Chan*, 138, 141, 230, 245 и т. д.

⁶⁾ *Brockhaus*, *Somadeva*, 48.

⁷⁾ *Th. Pavie*, 16. — *Fauche*, I, 84.

на этомъ свѣтѣ, сказано тамъ, проникають сквозь солнечный кругъ: живущій благочестіемъ монахъ, и богатырь, павшій съ раною напередѣ»¹⁾. Даже сами боги и божества изъявляютъ нерѣдко желаніе вступить въ духовное званіе²⁾. Въ буддѣизмѣ, одна изъ главныхъ чертъ его характера—это безвѣчное, безпредѣльное его сердоболіе, милосердіе, откуда и вытекаетъ милостыня съ одной стороны, и нищенство съ другой. Древнеиндѣйскіе духовные, или тѣ, которые переряжались такими, постоянно описываются странствующими и нищенствующими большою толпою. Такъ, наприм., въ Магабгаратѣ на выборъ жениха (сваямвару) знаменитой царевной Драопади, стекаются со всѣхъ сторонъ цари, царевичи, богатыри, музыканты, плясуны, борцы, и туда же отправляется цѣлая толпа брахмановъ, чтобъ посмотрѣть на праздники и попользоваться подачею³⁾. Въ священныхъ и историческихъ книгахъ острова Цейлона, извѣстныхъ подъ именемъ «Магаванзо» или «Магаванзи» нерѣдко упоминаются толпы странствующихъ духовныхъ нищихъ, въ 100 и въ 400 тысячъ человѣкъ⁴⁾; въ «Дзанглунѣ», можно сказать, на каждомъ шагѣ является на сценѣ такая же толпа, обыкновенно въ 500 человѣкъ.

Но, кромѣ главной цѣли—подачи и угощенія (которая отчасти является мотивомъ и въ нашей былинѣ о Сорока каликахъ со каливой), у древнихъ азіатскихъ странниковъ была еще, обыкновенно, и другая цѣль странствія: посѣщеніе святыхъ мѣстъ, для того, чтобъ поклониться священнымъ зданіямъ съ заключенными тамъ священными предметами и искупаться въ священныхъ водахъ. Смыслъ этого омовенія былъ тотъ, что погруженіе въ священныя воды омываетъ всѣ грѣхи и преступленія⁵⁾. Предпринимая подобное путешествіе, странники обыкновенно налагали на себя обѣтъ бѣдности, цѣломудрія и воздержанія⁶⁾. Соблюденіе цѣломудрія—вообще одинъ изъ первыхъ обѣтовъ и законовъ буддѣизма для всякаго духовнаго⁷⁾; а для того ряда буддѣйскихъ духовныхъ, которые составляютъ нѣчто среднее между духовными и свѣтскими людьми, существуютъ пять

¹⁾ *Benfey*, *Pantschatantra*, Leipzig, 1859, II, 87.

²⁾ *Schmidt*, *Dsanglun*, 40—41.

³⁾ *Th. Pavie*,—199—201.—*Fauche*, II, 140—141.

⁴⁾ *The Mahavanso etc.*, translated from the Singalese by *E. Upham*. London, 1833, I, 152.

⁵⁾ *Stan. Julien*, *Mém. sur les contr. occid.*, 217, 230—231, 281, 490.

⁶⁾ *Th. Pavie*, 128, 131.—*Fauche*, I, 194, 196, 198.—*Holtzmann*, *Ind. Sagen*, 1854, I, 157, 162.—*Benfey*, *Pantschatantra*, II, 262, 328.

⁷⁾ *Burnouf*, *Introd.*, 141—142.—*Köppen*, *Die Religion des Buddha*. Berlin, 1857, 330.

главныхъ религіозныхъ правилъ: 1) не убивать никакого живого существа, 2) не красть, 3) не прелюбодѣйствовать, 4) не лгать, 5) не пьянствовать; 1) и, по буддѣйской казуистикѣ, четыре первые грѣха—грѣхи незагладимые, непрощаемые 2). Окончивъ свое благочестивое путешествіе, странники эти обыкновенно возвращались въ монастыри, лѣса и пустыни, откуда вышли на странствіе, и гдѣ проводили всю свою жизнь.

Всѣ эти черты вполнѣ повторены въ нашей былинѣ о Сорочка каливахъ со каликой. По этой пѣсни, калики живутъ въ монастырѣ, въ пустынѣ, и оттуда отправляются въ свое странствіе, а, по окончаніи его, снова возвращаются въ монастырь: «А изъ пустыни было Ефимьевы, изъ монастыря изъ Боголюбова, начинали калики наряжаться ко святому граду Іерусалиму»; а въ концѣ: «Собрались они и въ путь пошли, до своего монастыря Боголюбова, и до пустыни Ефимьевы» 3). Цѣль ихъ странствія: «сватою святынѣ помолитися, Господню гробу приложитися, въ Ердань-рѣкѣ искупатися» — это, переложенныя на христіанскіе нравы, черты изъ обычаевъ индѣйскихъ монаховъ-странствователей. Отправляясь въ благочестивое свое путешествіе, калики нашей быliny налагаютъ на себя зарокъ, который заключаетъ въ себѣ (согласно требованіямъ дальнѣйшихъ событій въ пѣсни) три изъ приведенныхъ выше главнѣйшихъ обѣтовъ: «А въ томъ-то вѣдъ заповѣдъ положена: кто украдетъ, или кто солжетъ, али кто пустится на женскій блудъ» 4). — По дорогѣ, наши калики заходятъ въ гости къ князю Владиміру, и не столько просятъ, сколько *требуютъ* страшнымъ богатырскимъ голосомъ, угощенія, какъ чего-то привычнаго, должнаго: и это, во-первыхъ, потому, что имъ присуща натура богатырей, всегда и во всемъ употребляющая насиліе, а во-вторыхъ, потому, что, по заведенному обычаю, восточные странствующие духовные-нищіе неперемѣнно всегда бываютъ угощаемы царемъ, княземъ, или вообще всякою свѣтскою правительственною властью.

Впрочемъ, не только эти главныя черты, но и второстепенныя подробности быliny указываютъ намъ здѣсь на привычки древне-восточной жизни. Такъ, наприм., вырываніе глазъ и закапываніе по-поясъ въ землю—это чисто восточныя казни и наказанія. Примѣры вырыванія глазъ безчисленны, какъ въ собственно-историческихъ, такъ и поэтическихъ книгахъ Востока:

1) Schmidt, Dsanglan, 131. — Burnouf, Intr., 231. Kppen, — 334.

2) Burnouf, Introd., 301.

3) «Древн. рос. стихот.», 226, стих.: 1 — 4, 367 — 369.

4) Древн. рос. стихотвор., 226, стихи: 22—24.

нѣсколько примѣровъ мы видѣли при разсмотрѣніи сказки о Еруслаѣ Лазаревичѣ, былинь о Садѣ и о Сорока каликахъ; сверхъ того можемъ привести здѣсь очень характеристическій рассказъ изъ «*Записокъ о западн. странахъ*»: «Во время оно, въ царствѣ Сравасти шайка разбойниковъ изъ 500 человекъ опустошала деревни и посады, грабила города и царства. Царь Прасенаджитъ захватилъ ихъ всѣхъ, вырвалъ у нихъ глаза и покинулъ въ густомъ лѣсу. Разбойники, мучимые болѣю, обратились къ Буддѣ и умоляли его о состраданіи. Онъ услышалъ ихъ жалобные вопли, растворилъ сердце свое милосердію, и велѣлъ подуть чистому вѣтру, который принесъ со снѣжныхъ горъ цѣлебныя растенія. Пустота ихъ глазъ наполнилась этими растеніями, они снова получили зрѣніе и увидѣли передъ собой Будду. Они предались радости и поклонились ему въ ноги. Потомъ бросили свои палки и ушли. Эти палки остались воткнуты въ землю и пустили тамъ корни» 1).—Закапываніе же въ землю есть наказаніе весьма употребительное на Востокѣ, въ особенности за прелюбодѣяніе; мы его встрѣчаемъ уже и у сербовъ и у новыхъ грековъ, поэтическія созданія которыхъ носятъ столь сильныя слѣды восточныхъ вліяній; такъ, наприм., въ пѣсняхъ сербскихъ богатырь Новаковичъ Грую, убѣдась въ невѣрности своей возлюбленной, Максиміи, зарываетъ ее по-поясъ въ землю, а потомъ, обмазавъ ее горючими составами, зажигаетъ какъ свѣчу 2); въ одной греческой сказкѣ, палачи ведутъ замужную женщину, обвиненную въ прелюбодѣяніи, въ лѣсъ, закапываютъ ее до самыхъ плечъ въ землю, и оставляютъ тамъ на произволъ судьбы 3). Эта казнь не вышла изъ употребленія на Востокѣ и до настоящаго времени: по свидѣтельству Базинера и Вамбери, въ Хивѣ до сихъ поръ женщину, за прелюбодѣйство, зарываютъ по-поясъ въ землю, и потомъ побиваютъ камнями 4).

Подробности костюма и внѣшней обстановки нашихъ каликъ равномѣрно указываютъ на восточное происхожденіе рассказа о нихъ. Обратимъ вниманіе на четыре пункта: 1) одежду, 2) палку, 3) сумку, и 4) внигу нашихъ каликъ.

Какъ настоящая пѣсня, такъ и многія другія приписываютъ каликамъ: кафтаны, штаны, иногда бархатныя, шубы соболиныя, шапки земли греческой, лапти семи шелковъ: ясно, что

1) *Stan. Julien, Mém. sur les contr. occid.*, 308—309.—Конецъ напоминаетъ слова нашей былины: «Остановившись, калики взяли посохи въ землю потыкали».

2) *Kapper, Gesänge des Serben*, I, 133.

3) *Hahn, Griech. u. alb. Märchens*, I, 142.

4) *Basiner, Reise nach Chiwa, St.-Petersb.*, 1848, 249.—*Вамбери*, Путеш. по Средней Азіи. Спб., 1865, 73.

тутъ мы не можемъ искать никакой дѣйствительно исторической древней одежды; это все подробности или позднія, или вымышленныя. Напротивъ, гораздо болѣе соотвѣтствуютъ описываемому времени тѣ пересказы, гдѣ говорится, что на каликахъ надѣта «гуня»¹⁾, т. е. «худая, ветхая, истасканная одѣжа, заплатанниязъ, ветошь, обносье, тряпье»²⁾; эту «гуню» наши былины зовутъ «сорочинской», т. е. иноземнаго, восточнаго происхожденія. И дѣйствительно, еслибъ былины разумѣли, что костюмъ каликъ состоялъ не только изъ хорошихъ, но роскошныхъ кафтановъ, шубъ, шляпъ, и т. д., то зачѣмъ было бы богатырямъ переряжаться въ каличье платье, а это часто случается въ пѣсняхъ? Вѣдь у богатырей тоже всегда описываются кафтаны, шубы и т. д. Такимъ образомъ, кажется, всего вѣроятнѣе будетъ считать настоящею каличьею одеждою — «гуню». Но именно такая гуня — коренной, постоянный костюмъ буддѣйскихъ монаховъ, странниковъ и нищихъ: по основному правилу буддѣйства, они всегда должны носить на себѣ лишь самое худое платье, родъ рубахи и плаща, изъ шерстяной матеріи, въ лохмотьяхъ, и изъ сшитыхъ вмѣстѣ обношенныхъ кусковъ, выброшенныхъ людьми и валяющихся на навозныхъ вучахъ³⁾. — Далѣе, всегдашняя принадлежность нашихъ каликъ — палка въ рукѣ: это не только предметъ, вообще необходимый для странниковъ и стариковъ, но и предписанный брахманскими и буддѣйскими правилами вѣры, безразлично и старымъ и молодымъ людямъ. Въ законахъ Ману читаемъ: «Брахманъ долженъ носить палку изъ дерева вильва или палаза; у кшатрія она должна быть изъ дерева вата или хадира; у купца — изъ дерева пилу или удумбара. Палка брахмана должна достигать вышины его волосъ, у кшатрія — вышины его лба, у вансія — вышины его носа. Всѣ эти палки должны быть прямыя, чистыя, хорошія, со всей своей корой и не обожженныя»⁴⁾. Что касается до буддѣйцевъ, то палка была предписана ихъ духовнымъ лицамъ въ особомъ дисциплинарномъ трактатѣ⁵⁾. Поэтому-то палка часто упоминается въ брахманскихъ и буддѣйскихъ разсказахъ при описаніи ихъ духовныхъ, особенно странствующихъ, какъ наши калики. Въ Магабгаратѣ и Гариванзѣ всѣ аскеты являются съ палками, все

1) *Рыбниковъ*, III, 29, 33, 37.

2) *Даль*, Толковый словарь. I, 362.

3) *Burnouf*, *Introd.*, 234, 305, 311. — *Köppen*, 340.

4) *Lois de Manou*, trad. par *Loiseler des Longchamps*. Paris, 1833, 35. — *Köppen*, 345.

5) *Burnouf*, *Introd.*, 39.

равно, старые они или молодые ¹⁾, и даже въ числѣ благочестивыхъ дѣйствій аскета упоминается то, что онъ «опирается на палку» ²⁾. Въ «*Запискахъ о западн. странахъ*» говорится, что одни купцы, тонувшіе на кораблѣ во время бури, призвали имя Будды, и тотчасъ появились въ воздухѣ сраманы (странствующие аскеты), съ палкой въ рукѣ, шедшіе въ нимъ на помощь; въ другомъ мѣстѣ тутъ же сказано, что три срамана, пускаясь въ путь, взяли въ руки «палки духовныхъ» ³⁾. У буддѣйскихъ монголовъ и татаръ Сибири, ихъ ламы и духовные также всегда описываются съ палками ⁴⁾. — Въ-третьихъ, наши былины говорятъ про сумки каликъ переходящихъ: «Клюки-посохи въ землю потыкали, а сумочки изповѣсили». Эти сумки, по всему вѣроятію, появились очень поздно въ нашихъ былинахъ и это доказывается уже тѣмъ, что онѣ всегда описываются какъ «бархатныя». Кажется ихъ слѣдуетъ считать не чѣмъ инымъ, какъ передѣлкой на русскій ладъ тѣхъ горшечковъ для собиранія денегъ, милостыни и съѣстныхъ припасовъ, которые всякій нищенствующій брахманъ и странствующій монахъ-буддистъ обязанъ носить по предписанію закона ⁵⁾: они очень часто описываются во всѣхъ брахманскихъ и буддѣйскихъ легендахъ, поэмахъ и проч. ⁶⁾. Иногда у индѣйскихъ нищихъ прямо упоминается и сумка, носимая на боку ⁷⁾. — Наконецъ, въ нашей былинѣ встрѣчается еще одна, очень примѣчательная подробность: книга, которую носить съ собою атаманъ каликъ, и съ которою справляется, когда хочетъ знать, что надо дѣлать, что предпринять. По испѣленіи атамана и княгини, калики сидятъ и пируютъ у князя Владимира; «втапоры молодой Касьянъ сынъ Михайловичъ вынималъ изъ сумы книжку свою, посмотрѣлъ и число показалъ: что много мы, братцы, нѣмъ-ѣдимъ, прохлаждаемся, уже третій день въ

¹⁾ *Fauche*, I, 84, 106; III, 196; IV, 524; V, 41.

²⁾ Тамъ же, IV, 273.

³⁾ *Stan. Julien*, *Mém.*, 475, 379.

⁴⁾ *Schmidt*, *Gesser-Chan*, 245. — *Schiefner*, *Minuss. Tataren*, 318, 341.

⁵⁾ *Manou*, II, 38. — *Burnouf*, *Introd.*, 39, 311.

⁶⁾ *Th. Pavie*, 85, 215. — *Harivansa*, I, 282. — *Benfey*, *Pantschatantra*, II, 169—171. — *Burnouf*, *Introd.*, 74, 96, 176, 179, 200, 317, 367, 420. — Нельзя не замѣтить здѣсь, что вся обстановка древнихъ восточныхъ странниковъ, столько схожая съ обстановкой каликъ-переходящихъ нашихъ былинъ, сохранилась на Востоку и до нашего времени. Вамбери описываетъ свой маленькій караванъ, точно будто нашихъ каликъ. Въ путь они пошли, надѣвъ «свою дорожную одежду, состоявшую изъ тысячи тряпокъ, связанныхъ у пояса веревкой». Въ рукахъ у старыхъ и молодыхъ были посохи, за спинами мѣшки съ припасами, деньгами и проч., на ноги надѣли обувь пѣхоты (наши лапти?). Они шли бодро и весело, дорогой пѣли пѣсни, священные гимны, разсказывали свои похождения (*Вамбери*, *Путеш. по Средн. Азій*, 13—16).

⁷⁾ *Burnouf*, *Introd.*, 199, примѣч. 1.

доходѣ идетъ, и пора намъ, молодцы, въ путь идти»¹⁾. Эта подробность опять напоминаетъ намъ буддійскихъ странниковъ-монаховъ. По словамъ ламы Галсанъ-Гомбоева, буддійскіе духовные и до сихъ поръ «постоянно носятъ при себѣ, за пазухой, небольшую тетрадь, состоящую изъ статей разныхъ названій, чтобы, въ случаѣ просьбы мірянъ, совѣтоваться съ нею, и дать отвѣтъ на вопросъ»²⁾, а въ индѣйскихъ буддійскихъ источникахъ упоминаются точно такія же, какъ у нашихъ каливъ, справки странствующихъ монаховъ съ книгой. Такъ, напр., въ Панчатантрѣ рассказывается, что когда нѣсколько странствующихъ брахмановъ пришли однажды на распутіе, и не знали, по какой дорогѣ идти, то одинъ изъ нихъ посмотрѣлъ въ книгу, и они потомъ выбрали себѣ дорогу. Идутъ они далѣе, находятъ на владбищѣ мертваго осла: второй брахманъ глядитъ въ свою книгу, и узнаетъ тамъ, какъ надо понимать эту встрѣчу. Еще далѣе идутъ они, видятъ верблюда: третій брахманъ глядитъ въ свою книгу, ищетъ объясненія новой своей встрѣчи. Наконецъ, приходятъ они въ деревню, и тутъ жители предлагаютъ имъ вкусную пищу: тогда и четвертый брахманъ принимается глядѣть въ свою книгу и искать тамъ объясненія своему недоразумѣнію³⁾. Ясно, что книги нашихъ каливъ — удѣлѣвшее воспоминаніе этихъ книгъ буддійскихъ странствующихъ монаховъ: во времена князя Владиміра, или еще и того ранѣе, книги и грамотность не имѣютъ у насъ никакого значенія, особливо для какихъ-то каливъ-нищихъ.

И вотъ, посреди такой, вполне восточной, даже, точнѣе сказать, по преимуществу буддійской обстановки, является рассказъ о молодой замуженной женщинѣ, тщетно старавшейся соблазнить добродѣтельнаго юношу — рассказъ, древне-восточное происхожденіе котораго наврядъ-ли можетъ быть оспариваемо. На связь же такой *обстановки* съ *легендою* указываетъ повѣсть Сомадевы о царевичѣ, пошедшемъ въ монахи-странники и потомъ соблазнаемомъ купеческою женою. Кажется, не можетъ подлежать сомнѣнію тотъ фактъ, что если бы наша былина имѣла происхожденіе христіанское, библейское, тогда въ ней не было-бы всѣхъ тѣхъ восточныхъ, частью богатырскихъ, частью религіозно-буддійскихъ подробностей, которыя сами собой бросаются тутъ въ глаза, и которыхъ вовсе нѣтъ въ библейскомъ повѣствованіи.

Влад. Стасовъ.

¹⁾ «Древн. рос. стихотв.», ст. 226, 354 — 359.

²⁾ Этнографич. Сборникъ, VI, 1864: «Шидди-Куръ», 71, примѣч.

³⁾ *Benfey, Panchatantra*, II, 335 — 336.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

СЕКТАТОРЫ-КОЛОНИСТЫ

ВЪ Р О С С І И.

(Историческіе очерки.)

II.

САРЕПТА.

Колонія Радичевъ ¹⁾, какъ явленіе, содѣлавшееся давно уже достояніемъ исторіи, и потому вовсе неизвѣстное современному русскому обществу, не могло возбудить ни чьихъ личныхъ воспоминаній. Иное дѣло колонія, о которой мы намѣрены говорить теперь. При одномъ имени Сарепты, многіе навѣрное вспомнятъ о кратковременномъ пребываніи своемъ, проѣздомъ, въ интересномъ мѣстечкѣ дальняго низоваго поволжья, умѣвшемъ среди болѣе или менѣе безотрадной мѣстности создать крошечный оазисъ, предлагающій во всякое время усталому путнику, особенно состоятельному или почетному, такія удобства жизни, какія трудно найти въ любомъ изъ нашихъ губернскихъ городовъ, не говоря уже о городахъ уѣздныхъ и селеніяхъ. Лица, бывавшія за-границею, при взглядѣ на наружную обстановку Сарепты и ея жителей, невольно сопоставляли, конечно, колонію съ тѣмъ или другимъ уютнымъ уголкомъ Германіи, гдѣ повседневно жизнь совершается какъ сегодня, такъ и завтра, по неизмѣнно однажды навсегда установившемуся

¹⁾ См. выше, т. I, стр. 256 — 300.

порядку, тихо, повидимому, безмятежно, въ матеріальномъ довольствѣ и даже съ извѣстнаго рода роскошью. Бунинъ навѣрное и о Сарептѣ, какъ въ свое время о Радичевѣ, не задумался бы сказать, что «братство живетъ, благоденствуя въ житіи, прославляя Бога и государя и т. д.» Картины изъ сарептскаго быта давно вошли и въ наши школьныя хрестоматіи прежняго времени. По одному этому, и по поводу другихъ подобныхъ отзывовъ нашихъ туристовъ о Сарептѣ, въ памяти нѣкоторыхъ читателей, и не бывавшихъ въ ней, возникнуть, быть можетъ, мечты давно минувшаго дѣтства, когда воспримчивая наша фантазія пыталась дорисовывать себѣ идиллическое общество, быть котораго вызывалъ самыя восторженныя изліянія даже серьезныхъ лицъ, а въ глазахъ школьника такими являются всѣ пишущіе печатно. Но, безъ всякаго сомнѣнія, найдется не мало и такихъ личностей, которыя имѣютъ совершенно иной взглядъ на Сарепту, и едва ли не съ ненавистью относятся къ ея существованію въ данныхъ условіяхъ. Такіе взгляды и чувства, правда, нигдѣ еще не выражались печатно: они высказывались частью только въ личныхъ бесѣдахъ, частью же въ официальныхъ бумагахъ, такъ какъ представителемъ такихъ отношеній къ Сарептѣ являлось долгое время, по преимуществу, мѣстное чиновничество.

Противоположность взглядовъ на Сарепту имѣетъ, безъ всякаго сомнѣнія, свои причины. Если восторженный отзывъ инога туриста доказываетъ только поверхностность, съ которою мы часто относились къ явленіямъ своей жизни, способность удовлетворяться наружными фактами, схваченными на-лету, и отсутствіе наблюдательности и глубины серьезнаго анализа, — то противоположное мнѣніе указываетъ, съ одной стороны, на нѣкоторую нетерпимость чиновъ мѣстной власти къ проявленіямъ самостоятельной, самобытной жизни подначальнаго населенія, а съ другой — и на условія, которыя дѣйствительно трудно согласовать съ потребностями и возрѣніями окружающей Сарепту среды. Исключительныя условія Сарепты стали особенно осязательны со времени введенія у насъ земскихъ учрежденій; они выступаютъ еще рѣзче съ повсемѣстнымъ открытіемъ дѣйствія новыхъ судебныхъ установленій. Поэтому, болѣе или менѣе близкое знакомство съ устройствомъ этой колоніи — не лишено, по нашему имѣнію, живого современнаго интереса.

Колонія Сарепта, въ Царицынскомъ уѣздѣ Саратовской губ., есть не что иное, какъ крайній на востокъ форпостъ религіозно-экономической ассоціаціи, извѣстной подъ наименованіемъ:

общества Евангелическихъ братьевъ, Brüderunität. Общество это, въ настоящей его организаціи, сформировалось впервые подъ непосредственнымъ руководствомъ и покровительствомъ графа Николая Людвигъ Цинцендорфа ¹⁾, въ имѣніи его — Бертельсдорфѣ, въ верхней саксонской Лузаціи. Здѣсь, въ 1722 г., небольшое общество бѣжавшихъ съ родины мораво-богемскихъ братьевъ основало, по приглашенію графа, колонію Гернгутъ. Мало по малу стали собираться сюда изъ Богеміи и Моравіи послѣдователи различныхъ сектаторскихъ толковъ, укрываясь отъ преслѣдованій, которымъ они подвергались на родинѣ.

Такимъ образомъ, мы снова встрѣчаемся съ Богемією и Моравією, служившими издавна, — въ теченіе значительнаго періода средневѣковой жизни Запада, — главнѣйшимъ центромъ тяготѣнія всѣхъ реформаціонныхъ движеній въ сферахъ религіозной, общественно-экономической и политической. Здѣсь, чехи и мораване, на крайнемъ западномъ рубежѣ славянской семьи, вели вѣковую, отчаянную борьбу противъ латинства съ его папою, и противъ союзниковъ папы — нѣмцевъ, съ ихъ мадыаро-нѣмецкими королями и императорами во главѣ; здѣсь они отстаивали свою автономію политическую, какъ самобытной славянской народности, свое устройство общественное, основанное частью на религіозныхъ вѣрованіяхъ, частью же, если не по преимуществу, на унаслѣдованныхъ отъ отцовъ обычныхъ понятіяхъ; и наконецъ, свою свободу совѣсти и вѣры, несомвѣстную съ духомъ и сущностью ученія латинской церкви о верховномъ главенствѣ папы. Здѣсь же, въ борьбѣ двухъ національныхъ элементовъ — славянскаго и германскаго, — и въ присущихъ имъ коренныхъ различіяхъ въ отношеніи религіозно-соціальныхъ и общественно-политическихъ воззрѣній слѣдуетъ искать, по нашему мнѣнію, главнѣйшій корень тѣхъ общинно-экономическихъ комбинацій, представителями которыхъ являются извѣстная уже намъ радичевская община, евангелическое братское общество и т. д. Въ продолженіе многихъ вѣковъ, начиная съ вальдензеровъ и альбигойцевъ, всѣ недовольные на Западѣ находили въ Богеміи и Моравіи не только вѣрное убѣжище отъ преслѣдованій за вѣру, но вообще и самое горячее сочувствіе. Только здѣсь слагалась окончательно ихъ программа, и

¹⁾ Графъ Н. Л. Цинцендорфъ (род. въ 1700 г. и умер. въ Гернгутѣ въ 1760 г.) всю жизнь свою посвятилъ интересамъ общества евангелическихъ братьевъ. Въ этихъ видахъ, онъ не только отдалъ въ пользу общества свое имѣніе, Бертельсдорфъ, но и предпринималъ продолжительныя путешествія по всей Европѣ, приобрѣлъ степень кандидата богословія и былъ посвященъ въ проповѣдническій санъ. Графъ издалъ въ свѣтъ болѣе 100 своихъ сочиненій.

ученія сектаторовъ развивались въ болѣе или менѣе законченныя системы, обнимавшія уже весь социальный строй человѣческаго общежитія. Только здѣсь именно, а не среди нѣмецкихъ или романскихъ народностей, тиролецъ Гуттеръ могъ основать свою общину; отсюда же горсть бѣглецовъ, скрываясь въ подобную, уже въ то время полуонѣмеченную славянскую землю — Лузацію, могла осуществить ту общинную комбинацію, какую мы находимъ въ обществѣ евангелическихъ братьевъ. Но мы увидимъ, что подобное же общинно-религиозное устройство отстаивали самые усердные защитники славянской народности въ Богеміи и Моравіи. Но окончательная кодификація устава евангелическаго братскаго общества состоялась уже по смерти графа Цинцендорфа, дѣятельность котораго въ общинно-имущественномъ устройствѣ общества была, повидимому, только страдательная. Онъ смотрѣлъ на это дѣло исключительно съ абстрактной, богословско-христіанской точки зрѣнія, по духу же и плоти своей народности, онъ былъ чуждъ общинному принципу.

Если глубже вникнемъ въ смыслъ всего сектаторства, то невольно родятся предъ нами вопросы: не существуютъ ли здѣсь прямыя связи съ сельско-общиннымъ землевладѣніемъ, какъ основнымъ принципомъ общеславянскаго государственнаго и социальнаго устройства? Не суть-ли общины, по правиламъ Гуттера и евангелическаго общества, болѣзненные протесты славянской народности противъ осилившаго лужичанъ, чеховъ и мораванъ, въ лицѣ нѣмцевъ, иного имущественно-поземельнаго и государственнаго принципа? Не руководило ли въ этомъ случаѣ сектаторами преемственное, хотя и смутное воспоминаніе о давно минувшихъ для нихъ дняхъ иного, болѣе родственнаго общественнаго устройства, и не надѣялись ли они возвращеніемъ къ утраченнымъ порядкамъ избавиться отъ тяготѣвшихъ надъ ними результатовъ чуждаго имъ принципа? Мы обратили вниманіе на эти вопросы именно потому, что настоящей очеркъ Сарепты представляетъ, по нашему мнѣнію, наглядный примѣръ того, какъ дитя борьбы двухъ народныхъ элементовъ, будучи пересажено къ намъ, на родственную почву свою, преобразовывается постепенно, и даже вопреки основнымъ принципамъ общества, возвращается мало по малу къ своему прототипу—общинному устройству нашихъ крестьянъ и горожанъ.

Связь ученія Гуттера и др. съ духомъ славянства — объясняется самой исторіею мораво-богемскихъ братьевъ, которой потому и коснемся здѣсь въ главнѣйшихъ чертахъ. Извѣстно, что послѣдователи Гусса и Иеронима Прагскаго распались на двѣ партіи: одна партія каликстинцевъ, или умѣренныхъ; дру-

гая—партія таборитовъ, или радикаловъ. Последняя, во время высшаго ея развитія, покрывала страну сѣтью общинъ, главнымъ центромъ которыхъ служила крѣпость на горѣ Таборѣ или Фаворѣ. Эта крѣпость, состоя въ органической связи и въ полной солидарности со всѣми остальными, менѣе значительными таборитскими общинами, имѣла базисомъ безусловную имущественную общность и патриархально-коммунальное устройство. Еслибъ придать извѣстной уже читателю радичевской общинѣ несравненно болѣе широкіе размѣры; еслибъ применить въ ней извѣстное число второстепенныхъ, подначальныхъ поселеній, и весь этотъ союзъ общинный поставить на военное положеніе, то мы получили бы нѣчто весьма близкое къ крѣпости таборитовъ.

Въ началѣ гусситскихъ войнъ, главнѣйшія чехо-моравскія партіи, каликстинцы и табориты, — обѣ, не смотря на религиозно-соціальныя разногласія между ними, стояли дружно противъ общаго врага — римскихъ папъ и римско-нѣмецкихъ императоровъ: борьба велась одновременно не только за свободу вѣры, но и за славянскую народность, за ея политическую автономію. И едва ли бы удалось латинству и нѣмцамъ одолѣть своихъ противниковъ, еслибъ они не успѣли внести рознь въ нѣдра чехо-моравскаго народа. Съ одной стороны, они болѣе или менѣе удачно маскировали свои притязанія на германизацию славянъ щитомъ церковнаго раздора, съ другой — такъ называемые пражскіе компактаты, 30 ноября 1433 г., дѣлали нѣкоторыя уступки гусситамъ по вопросамъ вѣры, а главное — давали послѣднимъ обманчивую надежду на возможность, путемъ мирныхъ переговоровъ съ папскимъ престоломъ, достигнуть полного признанія новаго ученія. Послѣдствія показали, что эти уступки не были искренни и имѣли скорѣе значеніе искусной ловушки. Такъ понимали дѣло и табориты, и потому они отвергли компактаты. Но каликстинцы, т. е. большинство утомленныхъ вѣковой борьбою чехо-моравянъ, жаждали успокоенія; они приняли сдѣлку, разошлись окончательно съ таборитами, и, наконецъ, соединившись съ католиками, помогли послѣднимъ даже уничтожить своихъ прежнихъ союзниковъ въ битвѣ при Бѣмишбродѣ, 30 мая 1434 г.

Вотъ, остатки этихъ-то гусситовъ-таборитовъ, главнѣйшихъ и ревностнѣйшихъ защитниковъ славянскаго элемента, удалились къ границамъ Силезіи и Моравіи. Тамъ, преимущественно въ помѣстьяхъ извѣстнаго въ исторіи Георга Подибрада, они образовали, около 1457 г., особая общества, именуя себя: братствомъ закона Христова, братьями или братскимъ обществомъ.

Сначала Георгъ Подибрадъ, бывшій прежде, до компактатовъ, въ довольно близкихъ сношеніяхъ съ таборитами, оказывалъ покровительство и послѣдователямъ ихъ, спасшимся послѣ бѣмшбродской катастрофы. Но видя, что политическая роль таборитовъ кончена, и будучи избранъ въ 1451 г. земскими чинами намѣстникомъ Богеміи, Подибрадъ присоединился окончательно въ партіи валиктинцевъ, а въ 1461 г., по жалобамъ католиковъ и въ угоду папѣ, издалъ даже повелѣніе объ окончательномъ изгнаніи изъ предѣловъ королевства какъ таборитовъ, такъ и иныхъ мелкихъ сектъ.

Не смотря однако на гоненія, скромныя общины братьевъ не ослабѣвали: по мѣрѣ усиленія внѣшняго гнѣта, онѣ приобретали все болѣе и болѣе внутренней стойкости и силы, а безукоризненная нравственность братьевъ привлекала на ихъ сторону большое число послѣдователей. Вскорѣ братскія общины нашли себѣ новые центры соединенія и опоры въ Моравіи, среди помѣстнаго дворянства. Отличительная особенность вѣрованій братства заключалась, по преимуществу, въ томъ, что оно, отвергая пресуществленіе въ таинствахъ св. причастія, признавало лишь духовно-мистическое присутствіе Спасителя при совершеніи самаго таинства. Вообще, все догматическое ученіе мораво-чешскихъ братьевъ они основывали исключительно на ветхозавѣтныхъ пророкахъ и буквѣ новаго завѣта. Удаляя изъ среды общины неисправимо порочныхъ членовъ; примѣняя, въ видѣ исправительной мѣры, церковное отлученіе въ трехъ степеняхъ; признавая принципъ безусловной имущественной общности; поддерживая въ общежителности строгое раздѣленіе пѣловъ, и подраздѣляя своихъ членовъ вообще на начинающихъ, успѣвающихъ и совершенныхъ, братство имѣло цѣлью возстановить въ своей средѣ «истинное христіанство въ первоначальной чистотѣ и простотѣ его». Но эта цѣль вызвала необходимость самаго бдительнаго надзора за частною, даже за домашнею жизнью каждаго изъ членовъ. Отсюда, въ свою очередь, истекала необходимость во множествѣ различныхъ общинныхъ чиновъ, какъ-то: епископовъ, сеньоровъ и консеньоровъ, пресбитеровъ или проповѣдниковъ, діаконовъ, эдильей и т. д. Между этими лицами распредѣлялось веденіе общинныхъ дѣлъ — церковныхъ и гражданскихъ. Первый епископъ братства былъ посвященъ въ этотъ санъ епископомъ мораво-чешскихъ общинъ вальдензеровъ. Тѣмъ не менѣе, прямого и полнаго слитія этихъ двухъ братствъ не послѣдовало. Въ 1548 г., вслѣдствіе стѣсненій и преслѣдованій, до 1000 братьевъ эмигрировали въ Польшу и Пруссію, гдѣ, на основаніи сандомірскаго договора 1570 г. и постановленія польскаго сейма

1572 г., они слились постепенно съ мѣстными лютеранами и реформатами. Другая часть братьевъ, въ началѣ XVII столѣтія, ушла въ Венгрію и тамъ обратилась въ католичество. Въ такомъ положеніи застала братьевъ 30-тилѣтняя война. Несчастнѣйшій для чехо-моравскихъ протестантовъ исходъ этой войны повелъ, между прочимъ, почти къ полному истребленію въ Моравіи и Богеміи братскихъ общинъ. Съ этого времени скудные остатки послѣднихъ продолжали здѣсь свое существованіе только тайно, и мало по малу ослабляясь-выселеніями въ другія государства, они, сколько намъ извѣстно, тамъ вовсе исчезли. Даже епископъ ихъ, Іоганъ-Амосъ Коменіусъ (т. е. Коменскій, мораванинъ, род. 1592 г., ум. 1671 г.), вынужденъ былъ бѣжать въ Польшу, гдѣ въ Лиссѣ сталъ во главѣ мѣстнаго братскаго общества. Такіе же бѣглецы, какъ уже сказано, основали Гернгутъ, въ имѣніи графа Цинцендорфа.

Около того же времени заглохла народная жизнь чеховъ и мораванъ, и только текущему столѣтію суждено было вызвать ее на новыя заявленія въ пользу поправныхъ правъ своихъ.

Епископъ Коменскій былъ однимъ изъ послѣднихъ ветерановъ чехо-моравской народности. Онъ пользовался во всей Европѣ ученою славою и особеннымъ авторитетомъ въ дѣлахъ воспитанія и народнаго образованія. Всѣ лучшія его сочиненія писаны на народномъ чешскомъ языкѣ. Въ виду тогдашняго обыкновенія ученыхъ писать исключительно по-латыни, употребленіе Коменскимъ своего роднаго языка уже само по себѣ изобличаетъ основной складъ и задушевные стремленія автора ¹⁾. Въ его исторіи евангелическаго общества сохранились свѣдѣнія о первыхъ попыткахъ братства проникнуть въ Россію. Онъ повѣствуетъ, что, въ 1474 г., «старая братская церковь» отрядила въ разныя страны четырехъ депутатовъ съ цѣлью убѣдиться «о состояніи христіанства вообще», и въ томъ именно: «существуетъ ли гдѣ свободная отъ ложныхъ ученій церковь, основанная и устроенная строго по ученію Христа и проникнутая жизненностію, дабы можно было братству соединиться съ нею». Всѣ депутаты, изъ коихъ одинъ, Маврусъ Гаконецъ, былъ въ Москвѣ и другихъ славянскихъ земляхъ, возвратились съ отрицательнымъ отвѣтомъ.

Сто лѣтъ спустя, мы снова встрѣчаемъ въ Россіи одного изъ братьевъ, а именно: консенъора богемскихъ братьевъ въ Польшѣ, Іогана Рокиту. Въ качествѣ проповѣдника, онъ сопро-

¹⁾ Подробныя свѣдѣнія объ этой замѣчательной личности можно найти: Monatschrift der Gesellschaft des Vaterländischen Museums in Böhmen. 1829. Palazky.

вождалъ посольство короля Сигизмунда-Августа II къ царю Ивану Васильевичу IV. Но попытки Рокиты найти въ Россіи пріютъ для братства были тщетны. Наконецъ, въ преданіяхъ сохранились свѣдѣнія о потомкахъ моравскихъ братьевъ, изгнанныхъ въ 1481 г. изъ Венгріи и ушедшихъ будто бы чрезъ Трансильванію, Молдавію и Турцію въ Кавказскія горы ¹⁾.

Дальнѣйшія сношенія братства съ Россією, окончательно установившіяся съ основаніемъ колоніи Сарепты, возвращаютъ насъ въ Гернгутъ. Сюда стали стекаться не только мораво-богемскіе братья, но и послѣдователи другихъ сектъ, подвергавшихся одинаковому съ ними преслѣдованію. Всѣ они равно пользовались покровительствомъ графа Цинцендорфа, и такое безразличіе само по себѣ доказываетъ, что церковно-догматическія убѣжденія графа выросли на иной почвѣ, имѣли иной индивидуальный складъ и источникъ. Гернгутская колонія усилилась вскорѣ до того, что настояла надобность организовать ея внутреннее управленіе. Прежде всего, предстояло придти къ соглашенію между послѣдователями различныхъ толковъ по дѣламъ вѣры. Подъ непосредственнымъ руководствомъ графа такое соглашеніе состоялось относительно основныхъ существеннѣйшихъ положеній Христова ученія. Въ то же время было принято за правило вовсе не касаться тѣхъ «частныхъ» вопросовъ, по коимъ расходились во мнѣніяхъ послѣдователи разныхъ толковъ. Но въ числѣ этихъ «частныхъ» вопросовъ, былъ и принципъ имущественной общности, т. е. вопросъ, по которому нельзя было бы согласить гернгутеровъ. Сознавая такую невозможность, они оставили вопросъ этотъ нетронутымъ и, такъ сказать, молча ввели у себя порядокъ общинно-церковнаго управленія, примѣняясь къ тому, какой существовалъ у мораво-чешскихъ братьевъ, и какой находимъ въ Сарептѣ.

12 мая 1727 г., всѣ жители Гернгута, и каждый изъ нихъ за себя лично, дали торжественный обѣтъ подчиняться новымъ статутамъ, и такимъ образомъ было положено начало новаго братскаго общества, наименовавшагося евангелическимъ. Оно допускаетъ въ свою среду послѣдователей трехъ толковъ: моравскаго, лютеранскаго и реформатскаго. Дѣти слѣдуютъ толку своихъ родителей, и вообще переходъ отъ одного изъ этихъ тол-

¹⁾ Въ послѣдствіи, со стороны Сарепты дважды (въ 1768 и 1797 гг.) были снаряжаемы особія экспедиціи для розысканія этихъ братьевъ на Кавказѣ; но попытки эти кончились ничѣмъ. Равнымъ образомъ, Сарепта входила въ сношеніе съ радичевскою общиною (въ 1774 — 1776 и 1797 гг.), но объединеніе между ними не состоялось по тому самому догматическому несогласію, которое еще въ Богеміи и Моравіи препятствовало полному слитію общинъ мораво-чешскихъ братьевъ и вальденверовъ.

вовѣ въ другому ни въ какомъ случаѣ не обязательнъ для членовъ братства, такъ какъ «сущность христіанства заключается вовсе не въ тѣхъ или другихъ церковныхъ и догматическихъ опредѣленіяхъ». Вообще же, братское общество не желаетъ вовсе считаться религіозною партіею, въ конфессіональномъ смыслѣ; оно не придерживается исключительно ни одного изъ существующихъ толковъ или исповѣданій. Особенность свою общество находитъ въ стремленіи «осуществить истинно-благочестивую жизнь по ученію Спасителя и его апостоловъ».

Новое братство, какъ мы замѣтили уже, въ отношеніи внутренняго общиннаго устройства своего примѣнилось къ порядкамъ бывшихъ мораво-чешскихъ общинъ. Но имущественная общность, какъ догматъ или принципъ безусловный, была обойдена. Коммунальная собственность поставлена совершенно независимо отъ личности. Взаимныя экономическія отношенія общинной экономіи къ членамъ общины приняты приблизительно тѣ же, какія существуютъ между человѣколюбивымъ капиталистомъ-заводчикомъ и его рабочими. Эти отношенія, ставя повсюду на первый планъ интересы хозяина-капиталиста, не отрицаютъ, однако, въ принципѣ, ни вообще личной собственности, ни возможности различныхъ по обстоятельствамъ экономическихъ комбинацій. Но, для полноты и ясности нашего сравненія, необходимо добавить, что братья лично связаны съ общинною экономіею принципомъ круговой поруки, чего нѣтъ во взаимныхъ отношеніяхъ капиталиста и его рабочихъ. На такихъ основаніяхъ населеніе Гернгута было раздѣлено по поламъ, возрастамъ и другимъ условіямъ, на отдѣльныя корпораціи (Chor), такъ что образовались корпораціи: дѣтская, мальчиговъ, дѣвочекъ, холостыхъ братьевъ, незамужнихъ сестеръ, вдовцовъ и вдовъ. Каждая отдѣльная корпорація получила свое общежительное помѣщеніе и особую экономію (Diasonie), своего попечителя (Chorpfleger), обязаннаго духовнымъ призрѣніемъ и надзоромъ за нравственностью, и старшину (Chorvorsteher) вѣдущаго внѣшними дѣлами и экономіею корпораціи. Въ женскихъ корпораціяхъ, эти двѣ послѣднія должности замѣщаются лицами женскаго пола, но въ засѣданіяхъ общинныхъ совѣтовъ — мѣсто ихъ заступаютъ лица изъ братьевъ, назначенныя имъ на этотъ случай въ помощь. Только семейные братья проживаютъ въ частныхъ домахъ; они называються «приватными» (die Privaten) и подчиняются непосредственному надзору главныхъ общинныхъ начальниковъ (Arbeiter). Высшее общинное управленіе (Aeltestenconferenz) составляютъ: 1) общинный попечитель (Gemeinhelfer), который, какъ глава или старшина обще-

ства, предсѣдательствуетъ въ засѣданіяхъ конференціи; 2) проповѣдникъ; 3) общинный старшина (Gemeinvorsteher) и 4) корпорационные попечители и старшины. При конференціи состоитъ коллегія надзирателей (Aufsehercollegium). Къ вѣдѣнію ея отнесены главный надзоръ за продовольственной частью и наружная полиція, а также разбирательство и разрѣшеніе мелочныхъ между обывателями ссоръ. Для совѣщаній по чрезвычайнымъ дѣламъ, коллегія надзирателей, усиливаясь по выбору общины новыми членами, составляетъ общинный совѣтъ.

Въ церковно-іерархическомъ отношеніи общество признаетъ: 1) епископовъ; преимущественное посвященіе ихъ въ санъ ведется въ неразрывной связи отъ епископовъ прежнихъ мораво-чешскихъ братствъ; только епископъ можетъ совершать посвященіе въ епископскій или другой духовный санъ, но никакой другой власти ему не предоставлено, развѣ онъ сдѣлается членомъ одного изъ учрежденій общественнаго управленія; 2) пресвитеровъ или проповѣдниковъ, состоящихъ либо при обществѣ, либо внѣ его въ качествѣ миссіонеровъ; и 3) діаконовъ, служащихъ помощниками проповѣдниковъ, если посвященіемъ уполномочены на совершеніе св. таинствъ.

Не смотря на обстоятельность этого устава, онъ во всемъ объемѣ вступилъ въ дѣйствіе только по смерти графа Цинцендорфа, т. е. послѣ 1760 года. Графу гернгутская община была обязана всѣмъ — и первоначальнымъ матеріальнымъ пособіемъ, и постояннымъ покровительствомъ, и защитою со стороны непріязненныхъ дѣйствій извнѣ. Облеченный чрезвычайнымъ званіемъ ординаріуса, онъ сосредоточивалъ въ своемъ лицѣ высшую власть по всѣмъ частямъ общественнаго управленія. Только на синодальныхъ собраніяхъ 1764 и 1769 гг., когда братство считало уже въ своемъ составѣ, кромѣ Гернгута, не мало другихъ подобныхъ общинъ, уставъ былъ пересмотрѣнъ, дополненъ и окончательно введенъ въ дѣйствіе.

Главнѣйшія дополненія устава состояли въ томъ, что для высшаго центрального управленія дѣлами всѣхъ общинъ братства установлена особая дирекція (Unitätsältestenconferenz Directorium), пребывающая съ 1789 г. въ Бертельсдорфѣ. Дирекція эта раздѣляется на департаменты: а) попечительства и воспитанія, б) финансовъ и инспекціи, и в) миссіонерства. Во главѣ каждаго департамента стоятъ епископъ, какъ директоръ, и четыре члена-проповѣдника. Члены всѣхъ департаментовъ, подъ предсѣдательствомъ особаго президента-епископа, соединяясь въ общія засѣданія, образуютъ дирекцію. По всѣмъ важнѣйшимъ дѣламъ братскія общины обязаны испрашивать разрѣшенія центральной

дирекціи. Она же замѣщаетъ должности проповѣдниковъ и главныхъ общинныхъ начальниковъ. Какъ ни обширны полномочія дирекціи, но и она, какъ власть по преимуществу исполнительная, отвѣтственна предъ синодальнымъ собраніемъ, которое и есть высшая представительная власть всего братства. Синоды собираются по мѣрѣ надобности, обыкновенно одинъ разъ въ каждыя 7 — 12 лѣтъ, и состоятъ изъ членовъ центральной дирекціи и депутатовъ отъ общинъ и ихъ мѣстныхъ управленій. Синодальные протоколы (Synodalverlass) сообщаются для свѣдѣнія всѣмъ общинамъ, и, предъ закрытіемъ засѣданій, синодъ производитъ всегда новый выборъ президента и членовъ центральной дирекціи.

Центральная дирекція заботится о поддержаніи взаимной связи и солидарности между всѣми общинами. Съ этой цѣлью она издаетъ еженедѣльный журналъ, ежемѣсячные отчеты — (Memorabilien) о положеніи дѣлъ всего братства, и годичныя 'рописанія' (Lösungen) текстовъ св. писанія для каждодневнаго въ теченіе года назиданія въ общинахъ. Эти назиданія совершаются вечеромъ, въ молитвенномъ домѣ и заключаются: въ объясненіи текстовъ св. писанія, въ чтеніи жизнеописанія знаменитыхъ въ области церкви дѣятелей, а равно миссіонерскихъ отчетовъ; въ молитвѣ и пѣніи псалмовъ и гимновъ. По воскреснымъ днямъ, сверхъ того, совершается литургія и произносится проповѣдь. Кромѣ общихъ назиданій и молебствій, совершаются иногда еще частныя молебствія по корпораціямъ. Общество празднуетъ память разныхъ историческихъ событій, какъ-то: день основанія старыхъ братскихъ обществъ (1-го марта); тотъ же день новаго братства (13-го августа), и день смерти Гусса (6-го іюля). Каждая корпорація имѣетъ свой корпоративный праздникъ. Ежемѣсячно совершается св. таинство причащенія, которому предшествуютъ, въ видѣ приуготовленія, душеспасительныя бесѣды съ попечителями и такъ называемая исповѣдная рѣчь. За нѣсколько часовъ до причащенія св. таинъ, общество, по примѣру агаповъ ¹⁾ древнеапостольской церкви, совершаетъ такъ называемую трапезу любви (Liebesmahl), причемъ съ молебствіемъ и пѣніемъ разносятъ чай и печеніе. Каждый, вновь наступящій годъ встрѣчается въ молитвенномъ домѣ полуночнымъ бдѣніемъ, молитвою и чтеніемъ отчетовъ центральной дирекціи. Смерть

¹⁾ «Агапы» называлась въ древнеапостольской церкви вечерняя трапеза христіанской общины по примѣру тайной вечери (I посл. къ Коринѣ. 11, 20 — 33). На эти трапезы болѣе состоятельные члены общины, движимые любовью къ ближнему (*ἀγάπη*) дѣлали приношенія въ пользу нуждавшихся христіанъ.

каждаго члена оповѣщается общинѣ съ колокольни трубами, исполняющими гимнъ, напѣвъ котораго обусловленъ на этотъ случай каждой корпораціи особо. Траура не бываетъ. Подъ звуки трубъ, тѣло усопшаго, въ свѣтло-выкрашенномъ гробѣ, переносится на кладбище, т. е. въ садъ или паркъ, съ отлично содержимыми аллеями, клумбами цвѣтовъ и т. д. Утромъ, на зарѣ, въ день Свѣтлаго Воскресенья, все общество отправляется съ хоромъ музыки на кладбище и, выражая тамъ радость и вѣру свою въ воскресеніе Спасителя, молитъ о воспріятіи имъ въ лоно свое всѣхъ усопшихъ сочленовъ братства.

Вотъ краткій очеркъ того, что, въ главныхъ чертахъ, можно найти во всякой общинѣ евангелическаго братства, не исключая и Сарепты. Впрочемъ, въ частности нѣкоторыя общины имѣютъ свои, несущественныя впрочемъ, особенности, вызванныя мѣстными условіями. Поселенія братства раскинуты по всей сѣверной и средней Германіи, во многихъ столичныхъ и другихъ важнѣйшихъ городахъ континентальной Европы. По числу и торгопромышленной дѣятельности своей, особенно значительны колоніи братства въ Англіи (Фульнекъ, Ферфильдъ, Окброкъ и др.), въ Ирландіи (Грапечиль и др.), и въ сѣверной Америкѣ. Въ послѣдней колоніи братства отличаются наибольшимъ богатствомъ и развитіемъ (Виолеемъ, Назаретъ, Литицъ, Салемъ и многіе др.). Въ 1850 г., братство содержало 286 миссіонеровъ на 70 различныхъ пунктахъ земного шара: среди негровъ Западной Индіи, на островахъ св. Томы, св. Креста, св. Іоанна, Ямаикѣ и многихъ другихъ; среди индѣйскихъ племенъ Канады, Георгіи, Гвіаны, Гренландіи и Лабрадора, среди кафровъ и готтентотовъ мыса Доброй Надежды и т. д. Миссіи братства отличаются отъ миссій другихъ исповѣданій главнѣйше въ томъ отношеніи, что они допускаютъ къ св. крещенію исключительно такихъ только повообращенныхъ, которые перемѣною образа жизни и примѣрнымъ поведеніемъ осязательно заявляютъ объ искреннемъ воспріятіи ученія Христа. Воспріавшихъ св. крещеніе язычниковъ при означенныхъ миссіяхъ считалось въ 1850 году болѣе 68,000 человекъ; само же братство имѣло въ своемъ составѣ до 11,000 человекъ въ Европѣ, и до 7,000 въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ.

Повсюду братья упрочи за собою славу мирныхъ и полезныхъ гражданъ; торгово-промышленныя фирмы братскихъ общинъ пользуются довѣріемъ и кредитомъ, такъ какъ всѣ эти поселенія и миссіонерства обезпечены взаимною по имуществу круговою порукою во всѣхъ условіяхъ ихъ существованія, не исклю-

чая и тѣхъ торгово-промышленныхъ дѣлъ, которыя ведутся на собственный счетъ общинныхъ экономій.

Вотъ — ассоціація, однимъ изъ членовъ которой состоитъ и наша Сарепта.

Еще въ царствованіе императрицы Елисаветы, графъ Иванъ Чернышевъ приглашалъ братьевъ, въ Гернгутѣ, устроить колонию въ подмосковномъ имѣніи его. Но предложеніе это, по особому синодальному рѣшенію, было отклонено на томъ основаніи, что— «не въ обычаѣ братьевъ водворяться на чужбинѣ безъ прямого согласія, или, даже вопреки прямой воли законнаго правительства». По восшествіи на престолъ Екатерины II, графъ Чернышевъ возобновилъ свое приглашеніе. Но братство, руководясь во всѣхъ своихъ колонизаціонныхъ предпріятіяхъ преимущественно цѣлями миссіонерскими, и на этотъ разъ отклонило предложеніе графа, какъ несовмѣщавшее въ себѣ этого условія. Въ то же время, дирекція братства обратила вниманіе на степи низоваго Поволжья. Тамъ, въ губерніяхъ Саратовской и Астраханской, воевали въ то время, какъ частью и нынѣ, языческія орды киргизъ-кайсаковъ и калмыковъ. Загнечъ среди этихъ племенъ свѣточъ христіанства, лучи котораго могли бы проникнуть постепенно на Кавказъ и въ среднюю Азію,—эта цѣль несравненно болѣе, или даже вполне, совпадала съ видами братства, тѣмъ болѣе, что оно справедливо могло надѣяться принести тамъ и себѣ, и краю, существенную пользу, какъ представитель гражданственности и хозяйственно-промышленной дѣятельности.

Въ октябрѣ 1763 г., двое уполномоченныхъ отъ дирекціи, епископъ Лайрицъ и братъ Лорецъ, прибыли въ Петербургъ для предварительныхъ переговоровъ о колонизаціи. Они представили императрицѣ, на аудіенціи, подробный отчетъ о положеніи общества, его установленіяхъ и т. д. Особая коммиссія, состоявшая изъ графа Орлова и члена св. синода, новгородскаго митрополита Димитрія, разсмотрѣла этотъ отчетъ во всей подробности, и особенно уставъ братства въ догматическомъ отношеніи. На основаніи заключенія коммиссіи, вполне благопріятнаго для братства, св. синодъ призналъ, что уставъ и церковное устройство евангелическаго общества, въ догматическомъ и дисциплинарномъ отношеніяхъ, примѣняются болѣе или менѣе къ порядкамъ первоначальныхъ христіанскихъ общинъ. Такимъ образомъ, устранилось главное препятствіе для переговоровъ, и успѣхъ ихъ казался несомнѣннымъ, тѣмъ болѣе, что правительство безъ затрудненія высказывало готовность даровать братству всевозможныя гарантіи политическія и гражданскія. Но уполномоченные, опираясь на § 6 п. 1-й всемилостивѣйшаго манифеста 1763 г.,

стали указывать на миссіонерскую дѣятельность среди калмыковъ, кавказскихъ горцевъ и среднеазиатскихъ народовъ, какъ на главнѣйшую колонизаціонную цѣль общества. Они выговаривали себѣ положительное право на такую дѣятельность со включеніемъ о томъ въ условія договора. Это требованіе возбудило новое затрудненіе: святѣйшій синодъ настаивалъ на томъ, чтобы братьямъ положительно была воспрещена всякая миссія, даже среди инородцевъ. Съ другой стороны, уполномоченные Лайрицъ и Лорецъ, руководствуясь своей инструкціею, заявили не менѣе рѣшительно, что безъ послѣдняго права они не могутъ принять и предложенныхъ имъ политическихъ и гражданскихъ льготъ и привилегій.

Это разногласіе едва не привело къ перерыву дальнѣйшихъ переговоровъ. Но получивъ словесное завѣреніе, «что братьямъ нечего опасаться препятствій къ обращенію язычниковъ, такъ какъ ея величеству весьма желательно просвѣтитъ ученіемъ Христовымъ всѣхъ языческихъ подданныхъ своихъ», уполномоченные убѣдились, что въ договорѣ съ обществомъ не будетъ включено ни дозволенія, ни прямого воспрещенія миссіонерской дѣятельности. Въ этомъ они увѣрились окончательно изъ именного указа, 11-го февраля 1764 г., въ которомъ сообщалось во всеобщее свѣдѣніе заключеніе св. синода о догматическомъ ученіи общества, и его уставахъ, и разрѣшалось братьямъ поселеніе во всей имперіи, съ правомъ свободно отправлять свою вѣру и принимать присягу по своимъ обычаямъ.

Однако, ни уполномоченные, ни сама дирекція общества не находили себя въ правѣ заключить окончательный съ правительствомъ договоръ, и потому предварительныя условія были предложены на разрѣшеніе состоявшагося въ томъ же 1764 г. синодальнаго собранія. Послѣднее, одобливъ мысль объ учрежденіи между Астраханью и Царицынымъ центрального для язычниковъ того края миссіонерскаго поста, назначило, для заключенія съ нашимъ правительствомъ окончательнаго договора, брата-магистра Петра Конрада Фриса, снабдивъ его инструкціею и полною довѣренностью, а гражданскимъ и духовнымъ старшиною новаго поселенія опредѣлило брата-пресвитера Даніэля Генриха Фива.

Переговоры агента Фриса чрезвычайно интересны какъ по сущности дѣла, такъ, въ особенности, и по дипломатической ловкости, съ которой они велись со стороны первого. Исходною точкою переговоровъ служили: указъ 11 февраля 1764 г. и прошеніе Фриса, поданное на высочайшее имя. Во-первыхъ, агентъ ходатайствовалъ ¹⁾, чтобы по землѣ, которая имѣла быть пожа-

¹⁾ Полн. Собр. Зап. Т. XVII, 1765 г. № 12411.

лована братскому обществу, оно пользовалось «всеми правами, вольностями и преимуществами въ равномъ совершенствѣ, какъ пользуются своими землями другіе свободные владѣльцы имперіи», а именно, чтобы никто другой, кромѣ «братьевъ евангелическаго общества» владѣть его землею не могъ, само же общество было въ правѣ: а) дѣлить и дробить свою землю «по собственному его учрежденію», съ однимъ лишь обязательствомъ—платить казнѣ «поземельныя или поголовныя деньги»; б) строить на своей землѣ города, села и деревни, «какъ братья сами, для наилучшей для себя пользы, заблагоразсудить, а также церкви съ колокольнями и колоколами, публичныя училища», и «такіе дома, гдѣ по духовному ихъ обряду чинить имъ пристойныя распоряженія и содержать не только молодыхъ дѣтей, но и взрослыхъ мужскаго и женскаго пола мѣщанъ (Bürger—гражданинъ)—каждый по особу—въ общемъ домостроительствѣ, до времени вступленія ихъ въ бракъ»; в) пользоваться гражданскими правами, «безъ всякаго изъятія и съ полною свободою», а именно: производить «мѣщанскіе промыслы, торговлю, всякое ремесло и искусство», заводить фабрики и мануфактуры; варить пиво и курить вино для своего употребленія; строить мельницы, пользоваться рыболовными водами и охотою на звѣрей и птицъ, рубить лѣсъ и т. д. За все эти права агентъ, именемъ своего общества, обязывался «платить все, по справедливости, налагаемыя подати, только бы оныя назначены были нынѣ, ибо ни на что неизвѣстное братья поступить не намѣрены». Все изложенныя права правительство утвердило за братствомъ съ условіемъ, чтобы оно «ни малѣйшей части» данной ему земли, никому изъ постороннихъ, не принадлежащихъ къ обществу людей, не продавало и ни подъ какимъ видомъ не уступало, и чтобы братья платили подати, «изображенныя въ 12-мъ артикулѣ»¹⁾, употребляли хлѣбное вино «единственно въ

¹⁾ 12-й артикулъ: § 1) въ разсужденіе того, что братья евангелическаго общества намѣрены поселиться особыми мѣстечками, или колоніями, то, по силѣ публикованнаго о иностраннхъ манифеста 6 артикула 2 пункта, отъ всѣхъ податей, какъ поселянскихъ, такъ и мѣщанскихъ, увольняются 30 лѣтъ, считая отъ времени приѣзда ихъ на мѣсто поселенія; а какъ люди сіи назначиваютъ только извѣстное количество земли для всѣхъ своихъ поселян вообще, не объявляя числа оныхъ, и просятъ притомъ, чтобы все взымкаваемо было отъ начальниковъ колоніи, а не отъ каждаго поровнъ, то и слѣдуетъ считать льготныя годы отъ построенія перваго ихъ поселенія, а время сіе опредѣляется, по ихъ прошеніямъ, остатокъ нынѣ текущаго и весь будущій 1766 г., слѣдовательно льготныя годы начнутся съ 1767 г. января съ 1 числа; подати же въ Россіи поселянскія общія съ гражданскими и гражданскія особливо суть слѣдующія: 1) Подушнхъ съ каждаго мужскаго пола человѣка въ годъ по 70 к.; 2) оброчнхъ по 1 р. 50 к. съ души, но отъ сей подати братья евангелическаго общества, яко

своихъ селеніяхъ, не вывозя ничего и ни подъ какимъ видомъ изъ-за границъ дачной земли своей, виноградныя же вина, вишневья и прочіе сему подобныя напитки, неналивные хлѣбнымъ

гражданинъ, въ разсужденіе платимыхъ по купечеству и фабрикамъ пошлинъ и проскождающей отъ того пользы увольняются; 3) за поставку рекрутъ деньгами, полагая поборъ сей какъ съ посредственнаго числа и времени со 120 душъ чрезъ пять лѣтъ, за каждаго рекрута 150 руб., за драгунскую лошадь 45 руб., а за подъемную 30 руб., да вмѣсто платя рекрутскаго, обуви, провіанта, фуража и соли, съ души по 20 к. въ годъ, а всего сихъ общихъ податей учинить съ каждой мужскаго пола души на годъ по 1 р. 27½ к.; какъ высочайшимъ указомъ единожды уже повелѣно иностранцамъ удобной земли давать на каждую семью противъ однодворцевъ по 30 дес.; въ каждомъ же однодворческомъ дворѣ считается мужскаго пола 4 души, следовательно, съ такого участка, т. е. съ каждыхъ 30 дес. земли, по прошествіи льготныхъ лѣтъ *должна будетъ колонія* братскаго евангелическаго общества *платить въ казну* по 5 р. 10 к. въ годъ, а со всей имъ въ дачу произведенной удобной земли, что по исчисленію причтется; 4) всѣ російскіе купцы платятъ въ казну подушныхъ денегъ по 1 р. 20 к. съ души въ годъ, поселане же только по 70 к.; следовательно, излишнія 50 к. берутся съ нихъ за право гражданское; а какъ въ каждую фамилію, по посредственной пропорціи, для избѣжанія многихъ трудностей, 4 души налагать опредѣлено, о чемъ и выше сказано, то, по содержанію извѣстнаго о иностранныхъ манифеста 8 артикула, *повинны будутъ братья* евангелическаго общества *платить въ казну* лѣтъ, *платить въ казну*—съ каждыхъ 30 дес. по 2 р. въ годъ за право гражданское; но какъ агентъ Фрисъ, въ канцеляріи опекунства иностранныхъ, прося о убавкѣ сихъ податей, словесно въ резонъ представилъ, коимъ образомъ не малая часть жителей заводимаго селенія по главному ихъ наміренію работать будутъ на фабрикахъ, не пользуясь въ самомъ дѣлѣ правомъ гражданскимъ, и что по сему обстоятельству оказана имъ будетъ справедливость, когда работники ихъ фабричныя освобождены будутъ отъ податей за такое преимущество, коимъ они пользоваться не могутъ; *въ разсужденіе чего платить имъ за право гражданское съ каждою участку* вмѣсто 2 р., *по 1 р. 40 к. въ годъ, да сверхъ того, послѣ льготныхъ же лѣтъ, платить они должны по рублю* съ каждыхъ 30 дес. *за увольненіе ихъ отъ всѣхъ земскихъ службъ, постоевъ, дачи, вмѣсто ямскихъ, уѣздныхъ лошадей и всякихъ случайныхъ поставокъ и чрезвычайныхъ подмогъ; и такъ обою рода податей обязана будетъ колонія* братскаго евангелическаго общества *платить, по прошествіи 30 льготныхъ лѣтъ, ежегодно за каждою 30 дес. удобной земли по 7 р. 50 к., а за одну десятину причтется 25 к.;* что же принадлежитъ до портовой и пограничной съ товаровъ пошлины, то оное оставляется на основаніи манифеста, ибо сіи доходы совсѣмъ другаго рода, нежели поминутыя подати.

§ 2. Прошлаго 1763 г. декабря 15 дня, именнымъ указомъ повелѣно: со всѣхъ вѣдомства мануфактуръ-коллегіи на фабрикахъ становъ съ каждаго брата по 1 р., а съ прочихъ фабрикъ, на которыхъ становъ нѣтъ, положить съ употребляемаго капитала по одному проценту; *вслѣдствіе сего обязана и будущая колонія* братскаго евангелическаго общества *платить въ казну, по прошествіи льготныхъ лѣтъ, съ каждою стану по рублю въ годъ, а за такія фабрики, на которыхъ становъ нѣтъ, съ употребляемаго на оныя капитала по одному проценту, а объявленіе о употребляемомъ капиталѣ оставляется на ихъ отъру.*

§ 3. Со всѣхъ мельницъ, кромѣ пильныхъ, которыя отъ всякихъ оброковъ освобождаются, *платить въ казну, по прошествіи льготныхъ лѣтъ, точно такіе оброки, какіе берутся съ мельницъ прочихъ російскихъ подданныхъ.*

виномъ, но перегонные въ клейменный кубъ, могутъ брать и съ собою въ дорогу, для собственнаго же своего только употребленія». Во-вторыхъ, Фрисъ просилъ присвоить каждому городу, селу и деревни братства право «учреждать внутреннюю свою полицію и правленіе по ихъ благоизобрѣтенію, съ тѣмъ, чтобы воинскимъ и гражданскимъ управленіямъ отнюдь не вступаться ни въ какія ихъ распоряженія, договоры, наслѣдства, завѣщанія, опекунскія и прочія, сему подобныя дѣла; но они сами имѣютъ избирать между собою такихъ людей, которымъ поручено будетъ учредить полицію, содержать добрый порядокъ и чинить судъ и расправу по гражданскимъ россійскаго государства узаконеніямъ, подъ единственнымъ надзираніемъ мѣстнаго губернатора». Это условіе было равнымъ образомъ узаконено, и постановлено, что выморочныя имѣнія умершихъ братьевъ «оставляются въ общую пользу всей колоніи», но съ тѣмъ, что начальникъ общества обязанъ уплатить изъ общественныхъ суммъ всѣ долги за умершаго. Въ третьихъ, наконецъ, правительство узаконило еще слѣдующія заявленія агента: а) на земляхъ братства никому изъ стороннихъ не возводить какихъ бы то ни было строеній, «не исключая ни харчевень, ни кабаковъ, ни соляныхъ анбаровъ, и ничего не заводить, ниже селиться тамо и житьствовать», и

§ 4. За рыбныя ловли въ такихъ водахъ, которыя отдаются на откупъ, или состоятъ на оброкахъ, напередъ ничего подлиннаго назначить не можно; но *братья евангелическаго общества*, какъ скоро поселятся въ Россіи, то, *яко вѣрноподданные Императорскаго Величества*, получаютъ и право пользоваться рыбными ловлями на такомъ же точно основаніи, какъ и прочіе вѣрноподданные, но безъ льготныхъ льготъ.

§ 5. Извѣстно, что винная продажа составляетъ значную часть государственныхъ доходовъ, то, кажется, справедливо, чтобъ и отъ выѣзжающихъ въ Россію на поселеніе иностранцевъ, чрезъ употребленіе ими вина, приносима была также казѣ прибыль, какъ и отъ прочихъ россійскихъ подданныхъ; а хотя селеніямъ евангелическаго общества, *въ разсужденіе чайной отъ нихъ особливой пользы въ приращеніи мануфактуръ, фабрикъ и коммерціи*, и дается дозволеніе курить вино для собственнаго своего употребленія, однакожь не вовсе исключительно отъ умноженія сихъ государственныхъ доходовъ, но съ посредственною между дворянствомъ и прочими нижняго состоянія людьми льготою, а именно: *кубовъ имѣть имъ можно сколько похотѣть, но ѣмать ихъ одинакою мѣрою въ 6 ведеръ, а казаны въ 12 ведеръ, которые ежегодно, или конечно чрезъ 2 года, клеймить въ Астраханской губернской канцеляріи, а въ казну платить за сію привилегію съ того времени, какъ заклеимы будутъ кубы и казаны, каждый годъ за кубъ по 75, а за казанъ по 175 р.*

§ 6. По указу Императорскаго Величества 1763 г., должны всѣ, живущіе въ городахъ, отъ мала до велика платить въ казну за вареніе пива съ каждой четверти хлѣба по 20 к.; *слѣдовательно, и братья евангелическаго общества обязаны платить по стольку же, объявляя о числѣ употребленнаго на вареніе пива и полтива хлѣба, но прошествіи каждаго года, въ Астраханской губернской канцеляріи, что также оставляется на ихъ совѣсть.*

только общество имѣеть право: россійскихъ подданныхъ допускать для работъ въ колоніи по паспортамъ, а изъ «такихъ вольныхъ людей, кои какъ по рожденію своему, такъ и отъ всякихъ обязательствъ свободны, принимать къ себѣ кого похотятъ и отпускать отъ себя—кого заблагоразсудятъ, не давая въ томъ отчета никому; всѣмъ же поселянамъ-наслѣдникамъ и дальнему потомству ихъ имѣть всегда свободу и власть имѣніе свое употреблять по своей волѣ и выѣзжать изъ областей россійскихъ, когда пожелають, и брать съ собою, куда бы они ни поѣхали, все свое имѣніе, отдавая въ казну изъ нажитаго въ Россіи: кто жилъ отъ 1 до 5 лѣтъ—пятую, отъ 5 до 10 и далѣе лѣтъ—десятую часть»; б) братьямъ всегда, когда ни пожелають, выдавать паспорта какъ для проѣздовъ внутри имперіи, такъ и для выѣзда за границу; в) «никого изъ братьевъ, кои поселятся нынѣ и впредь въ областяхъ россійскихъ, ниже дѣтей ихъ и потомковъ не брать никогда противъ воли ихъ ни въ военную, ни въ гражданскую службу; также отъ городовъ ихъ, отъ селъ и отъ деревень и всякаго ихъ жительства не требовать никогда ни квартиръ для солдатъ, ни рекрутъ, ни подводъ, ниже иной какой поставки»; при чемъ Фрисъ пояснялъ, что уставъ общества ни подъ какимъ видомъ не дозволяетъ братьямъ содержать какіе либо постои, «отъ чего они отъ всѣхъ державъ, подъ защищеніемъ которыхъ находятся, освобождены и въ прошлую тяжкую войну отъ воюющихъ государей отъ того уволены были, содержаніе же ямовъ вовсе на себя принять не намѣрены»; г) всѣмъ поселяющимся въ Россіи братьямъ даровать 30-ти-лѣтнюю льготу отъ податей, вообще же «не требовать ничего и ни отъ кого изъ братьевъ ихъ общества особо, а единственно отъ всегдашнихъ начальниковъ ихъ, а они уже будутъ всѣ подати платить въ свое время и гдѣ надлежитъ»; д) на первоначальное устройство и обзаведеніе колоніи отпустить потребные матеріалы, мастеровыхъ людей для постройки домовъ и денежную безпроцентную ссуду, съ обязательствомъ уплаты этой ссуды, по прошествіи со дня полученія ея 10-ти лѣтъ, въ три года по равнымъ частямъ; и е) содержать въ С.-Петербургѣ одного изъ братьевъ «въ чинѣ агента», который имѣлъ бы попеченіе обо всемъ, касающемся пользы колоніи, и право представительства общества какъ предъ канцелярією опекунства иностранныхъ, такъ и «персонально», предъ императорскимъ величествомъ; дому же, въ которомъ будетъ жить агентъ, предоставить всѣ преимущества, присвоенныя церковнымъ домамъ протестантскаго исповѣданія.

Всѣ изложенныя условія вошли въ выданную обществу 27-го

марта 1767 г. ¹⁾ особую всемилостивѣйшую грамоту. Но законъ этотъ сохранялъ полную силу только въ теченіе 30-ти льготныхъ лѣтъ, т. е. за то только время, когда статьи его, касавшіяся фискальныхъ обязательствъ поселенцевъ, были парализованы льготою и не могли имѣть практическаго значенія. Данная, въ 1797 г., колоніи Сарептѣ новая грамота, дѣйствующая по настоящее время, измѣнила весьма существенно вышеприведенный договоръ 1765 г. Поэтому, отлагая до времени ближайшее сопоставленіе этихъ двухъ актовъ, ознакомимся предварительно съ ходомъ колонизаціоннаго дѣла, предпринятаго евангелическимъ братствомъ при такихъ благопріятныхъ для него условіяхъ.

Еще въ томъ же іюнѣ 1765 г., прибылъ въ С.-Петербургъ, а за тѣмъ, въ августѣ, и въ Саратовскую губернію, первый транспортъ братьевъ, подъ руководствомъ брата Вестмана. Ему дано было порученіе окончательно избрать мѣсто для поселенія и исполнить первоначальныя работы по учрежденію новой колоніи. Ни женщинъ, ни дѣтей въ составѣ этого транспорта не имѣлось. Изъ Саратова мѣстный воевода откомандировалъ съ братьями землемѣровъ и казачій конвой, и въ такомъ сообществѣ они прибыли въ Царицынъ. На югъ отъ этого города надлежало, по указаніямъ дирекціи, избрать пожалованную обществу землю.

Осматривая край, братья пришли-было въ уныніе. Особенно смутило ихъ безлѣсіе и маловодность мѣстности. Они ожидали встрѣтить, какъ въ Америкѣ, дѣвственные лѣса, вырубка которыхъ доставляла бы строительный матеріалъ и топливо, рѣку и проточныя воды, способныя для ирригаціи и другихъ хозяйственныхъ цѣлей. Наконецъ, послѣ нѣкотораго колебанія, мѣсто поселенія было избрано въ 30-ти верстахъ ниже гор. Царицына, при впаденіи въ Волгу р. Сарпы или Сарефы, по обѣ стороны которой и побережью р. Волги нарѣзана земельная дача колоніи Сарепты, въ количествѣ 4,443 удобныхъ и 11,377 неудобн. десят. Въ отводѣ этотъ вошелъ островъ при устьѣ Сарпы, пространствомъ въ 1,000 дес. съ сѣнными повосами и лѣсомъ. Въ исходѣ августа, прибылъ по Волгѣ плотъ казеннаго лѣса, отпущенный на первоначальное устройство колоніи, и, не теряя времени, братья приступили къ постройкѣ временныхъ жилыхъ и хозяйственныхъ помѣщеній, распланировали усадьбу колоніи, устроили запруду на Сарпѣ, огородъ и въѣздъ съ Волги, сдѣлали засѣвъ овимой ржи, и подняли часть степи для яровыхъ

¹⁾ Пол. Собр. Зак. 1767 г. № 12,852.

посѣвовъ. Дальнѣйшія работы приостановила зима, которую провели на мѣстѣ только 6 братьевъ, подъ охраною 6 солдатъ и 2 казаковъ.

Тѣмъ временемъ, центральная дирекція, устроивъ официальное агентство въ Петербургѣ, приобрѣла и въ Москвѣ домъ для подобной же, но частной агентуры братства. Въ Сарепту былъ отправленъ новый транспортъ братьевъ и сестеръ, который, въ числѣ 51 человекъ, прибылъ туда въ сентябрѣ 1766 г.

Всѣ члены поселенія, считаясь какъ-бы въ услуженіи братства, получали за свои работы опредѣленную плату, и за плату же, по таксѣ, пользовались всѣми жизненными потребностями изъ общинныхъ заготовленій. Въ 1768 г., когда возведены были необходимые общежительные и частные дома, все населеніе размѣстилось въ нихъ корпоративно, и, по правиламъ общества, каждая корпорація получила свое особое хозяйство и опредѣленные занятія. Такимъ образомъ, на первыхъ же порахъ устроились въ корпораціяхъ мастерства портняжное, сапожное, башмачное, столярное, плотничное, кузнечное, горшечное и пекарное. За счетъ общинной экономіи былъ открытъ магазинъ, и, въ связи съ нимъ, состояли зачатки табачной фабрики, гостинницы съ постоялымъ дворомъ и кондитерской съ пряничнымъ печеньемъ. Осенью того же 1768, въ январѣ и ноябрѣ 1769 г., прибыли еще три транспорта, въ числѣ до 160 братьевъ и сестеръ, такъ что все населеніе колоніи образовало уже болѣе 200 обоего пола душъ.

Съ этого времени, община начала видимо упрочивать и улучшать свой матеріальный бытъ. Къ упомянутымъ мастерствамъ и промысламъ присоединились заводы свѣчной и кожевенный, красильна и бойна. Табачная фабрика устроилась вполнѣ, и всѣ издѣлія и производства Сарепты находили удобный сбытъ, возраставшій изъ года въ годъ, въ особенности на мѣстѣ, среди калмыцкихъ ордъ. Далѣе, подъ фирмою и за счетъ общинной экономіи, были учреждены постепенно торговые склады и магазины въ главныхъ городахъ и мѣстечкахъ низоваго Поволжья, а также въ Москвѣ и Петербургѣ. Напротивъ того, хлѣбопашественное хозяйство, какъ равно скотоводство въ большихъ размѣрахъ, оказались убыточными: — первое, по случаю частыхъ засухъ и слабосилія почвы, а второе—по невозможности выдержать конкуренцію съ калмыками. Поэтому, обѣ эти отрасли были ограничены въ размѣрахъ одного фольварочнаго хозяйства. Болѣе успѣшными оказались табаководство и садоводство—плодовое и виноградное, которыми братья и занялись усердно.

По мѣрѣ улучшенія общиннаго хозяйства, прежнія деревян-

ныя строенія замѣнялись каменными изъ жженого кирпича. Первыми такими зданіями были корпуса, возведенные въ 1769 г. для гостинницы съ номерами (черезъ Сарепту пролегаетъ почтовый трактъ въ Астрахань), и въ 1771, женскіе корпораціонные корпуса и зданія винокуреннаго завода, съ конюшнями для откармливанія скота. Кромѣ того, общество выстроило деревянный молитвенный домъ, и изъ-за нѣсколькихъ верстъ провело въ колонію родниковую воду, съ устройствомъ на церковной площади фонтана. Вездѣ, около домовъ, на площади и особенно на кладбищѣ разводились во множествѣ всякихъ породъ деревья, кустарники и цвѣтники.

Но не безъ тревогъ и серьезныхъ опасностей упрочивалась и развивалась Сарепта. Правда, сношенія ея съ калмыками были самыя оживленныя; послѣднихъ можно было встрѣтить здѣсь повседневно, особенно въ лѣтніе мѣсяцы, когда орды привочевывали и становились въ сосѣднихъ степяхъ. Въ самой колоніи, или же въ собственныхъ становищахъ, дикари эти вели себя дружески, надѣдая только выпрашиваніемъ разныхъ подарковъ. Но другое дѣло — въ степи; тамъ нельзя было встрѣтиться съ ними безнаказанно. Равнымъ образомъ не признавали калмыки границъ владѣнія, и, нисколько не стѣсняясь, травили сарептскія хлѣбныя поля и сѣнные покосы, истребляли лѣсъ и т. п. Вслѣдствіе жалобъ общества и по настояніямъ правительства, Сарепта получила отъ хана особую охранительную грамоту. Но мало помогла эта грамота. Только благодаря благосклонности одного изъ калмыцкихъ зайсанговъ, Сарепта достигла болѣе дѣйствительной защиты отъ вторженій въ ея владѣнія. Тохмутъ — такъ именовался этотъ зайсангъ — принадлежалъ къ Дербетской или Малой Ордѣ, которая кочевала въ то время по правому берегу Волги, тогда какъ Ханская, или Большая Орда пребывала на той сторонѣ рѣки и переходила ее только изрѣдка. Тохмутъ полюбилъ Сарепту со времени излеченія его тамъ однимъ изъ братьевъ, отъ тяжкой болѣзни; онъ постоянно ограждалъ колонію отъ разныхъ злоумышленій своихъ одноплеменниковъ, дѣлавшихъ хищническіе набѣги даже на лежащія далеко къ сѣверу нѣмецкія колоніи. Отсюда калмыки угоняли скотъ, а въ 1768 г. похитили даже нѣсколько человѣкъ колонистскихъ дѣтей. Въ слѣдующемъ году, послѣ возвращенія ордынцевъ съ войны противъ кубанскихъ татаръ, между ними обнаружилось сильное броженіе, особенно среди главнѣйшаго потребителя сарептскихъ произведеній — Большой Орды, проходившей, въ теченіи безъ малаго цѣлой недѣли, черезъ Сарепту, и переправлявшейся обратно за Волгу. Въ январѣ 1771 г., Тохмутъ присвакалъ пре-

дупредить братьевъ, что Большая Орда рѣшилась бѣжать изъ Россіи въ Азію, приглашала съ собою и Дербетскую и ждетъ только замерзанія Волги, чтобы предъ уходомъ своимъ разорить и разграбить города и селенія по обѣ стороны рѣки. Братство тотчасъ донесло объ этомъ, по эстафетѣ, въ Царицынъ и Астрахань, но едва ли бы правое побережье, и въ томъ числѣ Сарепта, избѣгли грозившей опасности, еслибъ, къ счастью, Волга не оставалась въ тотъ годъ вскрытою долѣе обыкновеннаго, а орда, провѣдавъ о распоряженіяхъ къ приостановленію ея, не поднялась ранѣе, нежели предполагала. Разоривъ одинъ лѣвый берегъ, орда еще въ томъ же январѣ успѣшила удалиться за Яикъ.

Такимъ образомъ, прежняя жизнь низоваго Поволжья неожиданно и сразу пришла въ параличное состояніе. Обстоятельство это отразилось, конечно, и на процвѣтаніи Сарепты, торговля которой только съ трудомъ могла оправиться отъ этого удара. Оставалась одна Дербетская орда; но она была малочисленна и бѣдна. Ко всему этому *присоединились набѣги кавказскихъ племенъ, которыя, особенно во время нашихъ войнъ съ Турціею, большими отрядами доходили не одинокъ разъ (въ 1769 и 1771 годахъ) даже до окрестностей Сарепты. Въ то же время образовывались по Волгѣ вооруженныя шайки рѣчныхъ разбойниковъ въ 100 и болѣе человекъ¹⁾, а по лѣвому берегу Волги стали набѣгать киргизъ-байсацкіе барантовщики.*

При такихъ условіяхъ, общество, еще съ осени 1768, приступило на свой счетъ къ укрѣпленію мѣстечка, и подъ руководствомъ даннаго отъ правительства инженера, окопалось съ трехъ открытыхъ сторонъ глубокими рвами и обнеслось валомъ съ палисадами и 6-ю батареями. Изъ Царицына, подъ начальство мѣстнаго старшины, прибыли 12 орудій съ прислугою, и прежній гарнизонъ былъ усиленъ еще 20-ю строевыми нижними чинами.

Такимъ образомъ, Сарепта обратилась въ маленькую крѣпость, что легло, однако, не малымъ бременемъ на общинную экономію. Среди такихъ тревожныхъ внѣшнихъ условій, внутренняя организація Сарептскаго общества не могла, конечно, установиться безусловно по образцу заграничныхъ общинъ братства. Необходимость отступленій должна была отразиться прежде всего на общинной экономіи. Одна изъ важнѣйшихъ за-

¹⁾ Въ 1773 г. была взята около Царицына шайка въ 60 человекъ; но еще въ томъ же году образовалась новая, болѣе 100 человекъ, имѣвшая свой станъ въ 10 верстахъ ниже Сарепты на одномъ изъ волжскихъ острововъ; она владѣла между прочимъ шлюпками съ пушками и т. д.

ботъ общиннаго начальства состояла, между прочимъ, въ томъ, чтобы обезпечить казнѣ возвратъ въ свое время ссуднаго, по водворенію, долга. Еще до наступленія времени срочныхъ платежей было постановлено образовать особый фондъ, съ тѣмъ, чтобы можно было погасить этотъ долгъ, по желанію правительства, либо сразу внесеніемъ капитальной суммы долга, либо процентами съ фонда, въ видѣ установленныхъ срочныхъ уплатъ. Въ этихъ видахъ, часть ремесленныхъ производствъ, производившихся до того времени въ счетъ общинной экономіи, была передана въ собственность отдѣльныхъ личностей изъ числа «приватныхъ», съ отчисленіемъ на нихъ, соотвѣтственно оцѣночной стоимости каждаго промысла или ремесла, части казеннаго долга и съ обязательствомъ вносить въ общинную кассу по 6% съ этой суммы на составленіе фонда погашенія. Корпорации братьевъ и сестеръ, по ихъ производствамъ, были поставлены въ такія же отношенія къ общинной экономіи. Такимъ образомъ, къ 1769 г. оставались собственностью общины: фольварочное хозяйство, торговый магазинъ, табачная фабрика, свѣчной и кирпичный заводы, лѣсопильная и мукомольная мельницы на Сарпѣ. Сюда же, какъ увидимъ ниже, присоединились впоследствии еще нѣкоторые другіе промыслы. Во главѣ каждаго общиннаго производства стояли мастера изъ братьевъ на жалованьи, доходы же обращались, съ одной стороны, на образованіе вышеупомянутаго фонда погашенія по извѣстному уже расчету, а съ другой, на покрытіе общиннаго бюджета, въ пользу котораго поступала еще личная со всѣхъ взрослыхъ работниковъ подать, *соразмѣрявшаяся съ потребностями* общины, т. е. съ балансомъ приходо-расходной общинной смѣты.

Во главѣ общиннаго управленія стояли: епископъ Ничманъ, который съ 1766 г. соединялъ въ своемъ лицѣ высшую власть по всѣмъ дѣламъ внутреннимъ и внѣшнимъ, а также духовное попечительство о корпорациі «приватныхъ», т. е. семейныхъ членовъ. Братъ Даниилъ Фикъ, въ качествѣ «форштегера» или старшины, являлся представителемъ общины собственно во внѣшнихъ дѣлахъ, въ сношеніяхъ съ властями и правительствомъ; онъ же завѣдывалъ внутреннею юрисдикціею и полиціею, а братья Гассе и Вестманъ, въ качествѣ его помощниковъ, общинною экономіею — каждый отдѣльною частію. Въ томъ же родѣ были организованы управленія корпоративныя, и общее засѣданіе этихъ должностныхъ лицъ, подъ предсѣдательствомъ епископа, составляло совѣтъ старшинъ (Aeltestenconferenz). Въ болѣе важныхъ случаяхъ приглашались въ совѣтъ, по экономическимъ вопросамъ, до 25 выборныхъ отъ общины, а по вопро-

самъ церковнаго и нравственнаго благочинія — корпорационные духовные попечители. Для ближайшаго завѣдыванія дѣлами по надвору за частною жизнью братьевъ и по контролю корпоративныхъ экономій, состояла особая коллегія надзирателей, приговоры которой приводились въ исполненіе не иначе, какъ съ разрѣшенія общиннаго совѣта. Она же объявляла новые законы, указы и предписанія правительства. По званію члена коллегіи, никакого вознагражденія или жалованья непроизводилось.

Юрисдикцію въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, особенно по спорамъ и искамъ между братьями и лицами сторонними, вѣдало и вѣдаетъ до настоящаго времени правленіе общества, состоящее изъ форштегера или старшины, юстиціаріуса и двухъ (вслѣдствіи трехъ) засѣдателей.

Всѣ эти должности и управленія снабжались спеціальными инструкціями, утвержденными всей общиною и центральною дирекцію, а копіи съ нихъ были сообщаемы для свѣдѣнія правительству.

Въ 1772 и 1773 гг., для народившагося уже въ Россіи повольтніа, были открыты первыя два училища — одно для мальчиковъ, другое для дѣвочекъ. Въ 1774 году, состоялась первая формальная визитация или ревизія общины со стороны Гернгута. Послѣдній вообще поддерживалъ самую оживленную связь съ Сарептою при посредствѣ столичныхъ агентовъ, визитаций со стороны центральной дирекціи, постоянныхъ пріѣздовъ въ Россію новыхъ братьевъ и возвращенія другихъ обратно за границу.

Существованіе общества могло считаться вполне обезпеченнымъ; оставалось только ожидать внѣшней безопасности и спокойствія. Къ несчастію, именно ихъ не доставало. Противъ хищническихъ попытокъ со стороны калмыковъ и набѣговъ кавказцевъ колонія была, правда, защищена своими укрѣпленіями и гарнизономъ. Но съ 1771 г. начались бунты среди яицкихъ казаковъ, и вскорѣ разразилась во всей силѣ пугачевщина, наполнившая, какъ извѣстно, убійствами, грабежами и пожарами весь Заволжскій край, а затѣмъ, и все правое побережье Волги. 17 августа 1773 г., прибыли въ Сарепту первые бѣглецы изъ Царицына, а съ ними и наказъ царицынскаго коменданта, чтобы братство озаботилось укрыться заблаговременно отъ приближавшихся шаекъ Пугачева. Оставался одинъ исходъ — бѣжать въ Астрахань. 110 женщинъ и дѣтей, подъ защитою нѣкотораго числа братьевъ и епископа, были посажены на дощаники и поплыли по Волгѣ. Болѣе никакихъ судовъ не было, и негдѣ было набрать. Другой транспортъ братьевъ, вооружившись и собравъ болѣе цѣнную движимость, отправился по тому же направленію,

сухимъ путемъ. Въ самой Сарептѣ оставались старшина Фикъ и остальные братья, съ цѣлю скрыть въ землѣ и подвалахъ имущества и оградить колонію до послѣдней возможности отъ грабежа и разоренія. Гарнизонные солдаты и русскіе работники, равнымъ образомъ остававшіеся на мѣстѣ, вскорѣ отказали старшинѣ въ дальнѣйшемъ повиновеніи. Сосѣдніе калмыки захватили было весь общественный скотъ, и только часть его удалось отбить у нихъ силою. 19-го августа, гарнизонъ, по требованію коменданта, ушелъ въ Царицынъ, зарывъ предварительно 12-ть казенныхъ крѣпостныхъ орудій въ землѣ. Мѣсто гарнизона заняли сами братья съ 9-ю общинными орудіями малаго калибра. Фольварекъ и его имущество охраняли работники изъ колонистовъ сѣверо-приволжскихъ колоній, которые, при помощи крѣпостныхъ орудій, отбили 20-го августа нападеніе калмыцкой шайки, около 100 всадниковъ. На другой день шайка эта снова возвратилась, но, къ счастью для Сарепты, она наткнулась на казачій патруль, съ которымъ и перестрѣливалась до поздней ночи. Вечеромъ того же дня одинъ изъ братьевъ, ѣздившій для развѣдокъ въ Царицыну, доставилъ извѣстіе, что Пугачевъ обстрѣливалъ этотъ городъ, но, не успѣвъ взять его, подвигается къ Сарептѣ. Пришло время окончательно бросить колонію, и 65 братьевъ, съ работниками и уцѣлѣвшимъ скотомъ, отправились наудачу въ степь. Въ мѣстечкѣ оставались старшина Фикъ и двое братьевъ. Но и они, увидавъ бивачные огни пугачевскихъ шайкъ въ 4-хъ верстахъ отъ колоніи, въ ту же ночь послѣдовали за остальными братьями. Впрочемъ, здѣсь уже судьба наступала Пугачева, и въ 40 верстахъ ниже Сарепты шайки его были окончательно разбиты нашими войсками. Уже къ 14 сентября все сарептское общество собралось обратно въ колонію, которая, къ счастью, не была подожена. Повсюду видѣлись однако слѣды грабежа и насилія: всѣ двери, мебель, печи, полы и окна въ домахъ были разрушены и разломаны; подполья разрыты и комнаты наполнены кучами обломковъ и земли. Вся посуда и съѣстные припасы исчезли, фабричныя и заводскія машины, а также промысловые и ремесленные инструменты были частью разломаны, частью разбросаны въ кучахъ разнаго хлама; погреба взломаны, а склады торговаго магазина, запасы гостинницы и свѣчнаго завода — расхищены и перепорчены. Отъ аптеки оставались одни черепки разбитыхъ стклянокъ; хлѣбъ въ зернѣ, мука и пухъ изъ перинъ и подушекъ покрывали землю по всей колоніи. Въ церкви оказались сорванными ванделябры и драпировки; органъ и фортепьяно были разбиты въ дребезги, а цер-

ковная утварь и другія принадлежности похищены; довольно значительная бібліотека расхищена и т. д.

Изъ Царицына были присланы двое офицеровъ для освидѣтельствванія состоянія колоніи. Но, еще до ихъ прибытія, братья принялись за восстановленіе порядка, и тѣмъ съ большимъ усердіемъ, что осень была на дворѣ. Задача предстояла не легкая. Убытокъ общества былъ оцѣненъ при освидѣтельствваніи въ 70,000 руб., въ томъ числѣ приходилось на долю «приватныхъ» 32,500 руб., и они оказались наиболѣе въ затруднительномъ положеніи. Что же касается до общинной экономіи, то ее озабочивало только приближеніе срока уплаты казеннаго долга, а въ этихъ обстоятельствахъ община была лишена всякой возможности къ тому. Впрочемъ, это затрудненіе устранило вскорѣ само правительство, отсрочивъ уплату долга на 10 лѣтъ, съ обязательствомъ вносить до того времени одни проценты на капитальную сумму, по 6 на сто, а затѣмъ проценты и части капитала, всего по 3,000 руб. въ годъ. На этомъ основаніи, весь долгъ имѣлъ быть погашенъ въ 17 лѣтъ. Но правительство не ограничилось этимъ. Оно даровало Сарептѣ продолженіе льготы, сверхъ 30-ти, еще на 9 лѣтъ, т. е. по 1806 г. Около 12,000 руб. добровольныхъ пожертвованій поступили изъ заграничныхъ братскихъ общинъ; эти деньги были розданы «приватнымъ» безвозвратно. вмѣстѣ съ тѣмъ, общинная экономія возвратила приватнымъ всѣ взносы ихъ на погашеніе казеннаго долга, оставивъ весь этотъ долгъ на своей отвѣтственности; за право же пользованія для жительства общинно-семейными дворами была установлена особая подать или оброкъ.

Въ 1776 году, вслѣдствіе синодальнаго постановленія, происходила новая визитація Сарепты со стороны центральной дирекціи. Результатомъ ея были важныя перемѣны въ порядкѣ внутренняго управленія. Высшая гражданская власть, принадлежавшая до того времени епископу, была ввѣрена правленію и старшинѣ, какъ его предсѣдателю и главному представителю общества. Личный составъ правленія былъ увеличенъ еще однимъ засѣдателемъ, и въ кассу его стали поступать всѣ казенныя подати, оброкъ съ усадебъ, судебныя пошлины и взносы на уплату казеннаго долга. Къ вѣдомству правленія отошли: выдача паспортовъ, дѣла опекунскаго и наслѣдственнаго; разбирательство споровъ и исковъ между братьями, если дѣло не получало окончанія въ коллегіи надзирателей, какъ первой инстанціи, и всѣ дѣла со сторонними лицами. Общинная экономія получила самостоятельнаго старшину, въ вѣдѣніе котораго поступили: табачная фабрика, гостинница съ постоялымъ дворомъ, винокуренный

и пивоваренный заводы, а также заводы свѣчной и мыловаренный; 3 водяныя и 1 вѣтряная мельницы, рыболовныя воды по Волгѣ и Сарпѣ, мучной складъ, фольваркъ, плантаціи виноградная и фруктовая, лѣсное хозяйство и аптека. Всѣ ремесла и остальные производства оставались въ вѣдѣніи корпорацій и «приватныхъ». Однако указанные правленію ресурсы оказались недостаточными, особенно для содержанія гарнизона ¹⁾, возвратившагося въ Сарепту и остававшагося здѣсь до 1799 г. Для покрытія дефицита, въ 1785 г. перешли еще въ вѣдѣніе правленія: винокуренный и пивоваренный заводы, мельницы и фольварочное хозяйство.

Въ средѣ частныхъ, къ прежнимъ ремесламъ и промысламъ, постоянно распространявшимъ свою дѣятельность, присоединялись новыя. Такъ, стало производиться тканье сарпинки ²⁾, чулковъ и колпаковъ, достигшее вскорѣ весьма значительныхъ размѣровъ; явились: золотыхъ дѣлъ мастерство, красильное заведеніе, суконное производство и выдѣлка горчицы и горчичнаго масла. Въ отношеніи послѣдняго производства, Сарепта и до сего времени удерживаетъ за собою первенство, или, нѣкоторымъ образомъ, даже монополію. Соответственно развитію частной и общественной дѣятельности, воздвигались постоянно новыя каменные зданія, въ томъ числѣ не мало двухъ-этажныхъ. Самое видное мѣсто занимали, конечно, корпуса корпораціонныя и вообще общинныя постройки. Но къ 1800 г. прибавились и 21 домъ для жительства семейныхъ братьевъ или частныхъ.

Изъ этого видно, что если уходъ въ Среднюю Азію большой калмыцкой орды и погромъ пугачевскій ставили Сарепту въ затрудненія, то эти затрудненія были только временныя, и сами по себѣ не могли воспрепятствовать постепенному развитію и успѣхамъ колоніи. Особенно съ 1788 г. всѣ отрасли торгово-промышленной и ремесленной дѣятельности братства достигли полного развитія. Издѣлія колоніи находили, по прежнему, безостановочный сбытъ на мѣстѣ и при посредствѣ вѣнскихъ комиссіонерствъ. Къ тому же времени степи стали болѣе и болѣе населяться осѣдло; спокойствіе въ краѣ и безопасность путей сообщенія упрочивались. Въ самой колоніи, въ садахъ, на кладбищѣ и плантаціяхъ всѣ лѣсныя насажденія развились самымъ роскошнымъ образомъ. Около 1800 г., Сарепта, залитая зеленью и цвѣтами, представляла своего рода оазисъ среди пустыни, приводившій въ не-

¹⁾ 16 чел. пѣхоты, 6 артиллеристовъ и 6 казаковъ.

²⁾ Бумажная матерія, получившая свое наименованіе отъ Сарепты, какъ мѣста перваго ея производства въ Россіи.

вольный восторгъ всякаго проѣзжаго. Контрастъ чистенькой, уютной, свѣжей Сарепты съ безотрадными, до гла выжженными въ лѣтнее время, степями между Царицынымъ и Астраханью слишкомъ разителенъ, чтобы не оставить по себѣ самое отрадное впечатлѣніе. Обстоятельство это, уже само по себѣ, приобрѣтало Сарептѣ всегда особенное расположеніе со стороны навѣщавшихъ край правительственныхъ лицъ и путешественниковъ. Слава колоніи росла и многимъ случалось дѣлать кругъ въ нѣсколько сотъ верстъ, только затѣмъ, чтобы имѣть возможность утвердительно отвѣтить на вопросъ: «А были вы въ Сарептѣ?»

Училищное дѣло постоянно обращало на себя вниманіе общества, какъ въ учебномъ, такъ особенно и въ воспитательномъ отношеніи. Въ 1780 г., школа для мальчиковъ была раздѣлена на два класса. Въ высшемъ классѣ преподавались, между прочимъ, языки латинскій и русскій, исторія и географія. Съ 1793 г. открытъ и третій классъ, со введеніемъ въ программу преподаванія математическихъ и естественныхъ наукъ, какъ-то: физики, механики, химіи, ботаники и т. д. Учебными пособиями служили: лабораторія аптечная, бібліотека, гербарій, а также мѣстные заводы и промышленныя производства.

Около того же времени были учреждены еще двѣ элементарныя школы — одна для взрослыхъ работниковъ изъ приволжскихъ колоній; другая — для дѣтей тѣхъ изъ нихъ, которые проживали въ Сарептѣ съ семействами. Число этихъ работниковъ доходило около этого времени постоянно до 300 — 400 человекъ. Многие изъ нихъ проживали тамъ десятками лѣтъ, находя хорошій заработокъ и обучаясь ремесламъ и промышленнымъ производствамъ. Отсюда только приволжское колонистское водвореніе снабжалось долгое время учителями и заимствовалося ремесленно-промышленными знаніями; только здѣсь и изъ иногородныхъ сарептскихъ магазиновъ огромный край снабжался безъ обмана, «*grich fixe*», солидными товарами, предметами домашняго обихода и прихоти. Особеннымъ довѣріемъ и извѣстностью пользовались врачи и аптека въ Сарептѣ. Ко всему этому присоединился родникъ минеральныхъ водъ, открытый въ 1775 г. въ 8 верстахъ отъ Сарепты, внѣ земельного владѣнія ея. Главныя составныя части этой воды составляютъ соли: глауберова, горькая и поваренная. Отсюда Сарепта добывала глауберовую соль и магнезію, которыя, долгое время, составляли одинъ изъ предметовъ ея торговли. Независимо отъ того, водами родника стали пользоваться отъ разныхъ болѣзней.

Въ 1776 году, бывший оренбургскій генераль-губернаторъ Якоби съ женою пользовался здѣсь курсомъ водолеченія, и хро-

ника Сарепты увѣряеть, что они получили облегченіе — одинъ отъ 5-тигѣтней лихорадки, а другая — отъ хроническаго ослабленія. Съ этого времени число больныхъ, или посѣтителей на лѣтній водный сезонъ, стало быстро возрастать. Въ 1796 г., оно доходило даже до 300 человекъ, такъ что въ самой Сарептѣ не было достаточныхъ для гостей квартиръ, и многіе изъ нихъ, по необходимости, размѣщались въ сосѣднемъ русскомъ селѣ. Въ числѣ гостей своихъ за это время Сарепта насчитываетъ не мало именитыхъ семействъ, какъ-то: вназей Григорія Орлова — брата канцлера; Вяземскаго — генераль-прокурора; Голицына и Гагарина; графа Воронцова и многихъ другихъ.

Понятно, если такіе успѣхи и истекавшія отсюда выгоды навели общество на мысль присоединить родникъ минеральныхъ водъ, съ окружающей его мѣстностію, въ своимъ владѣніямъ. Къ тому же, мѣстность эта представляла лишь ничтожный влочекъ огромной, бездоходной для казны степи, тогда какъ, для поддержанія водолечебнаго заведенія, представлялось необходимымъ возвести при родникѣ соотвѣтственныя его назначенію постройки. Въ этомъ отношеніи планы общества, какъ видно изъ сохранившагося проекта, успѣли принять обширные размѣры. Предполагалось развести въ окрестности родника и вплоть до берега р. Волги паркъ съ аллеями, фонтанами, прудами и павильонами и выстроить молитвенные дома — православный и протестантскій, а также помѣщенія для лѣтняго и даже зимняго жительства пользующихся водами гостей. Въ этихъ видахъ общество стало ходатайствовать объ уступкѣ означеннаго участка въ его владѣніе, на что, при содѣйствіи вліятельныхъ Kurgäste, не замедлило послѣдовать всемилостивѣйшее соизволеніе. Переговоры объ этомъ велъ, въ С.-Петербургѣ, уполномоченный отъ общества, товарищъ старшины Іоанъ Яковъ Лорець. Онъ былъ посланъ туда тотчасъ по восшествіи на престолъ императора Павла, съ порученіемъ исходатайствовать новую конфирмацію правъ и привилегій общества. Старанія уполномоченнаго, при содѣйствіи генераль-прокурора Вяземскаго, и въ этомъ отношеніи увѣнчались такимъ успѣхомъ, какой едва ли ожидало даже само общество. Упомянутая уже нами всемилостивѣйшая грамота 4-го августа 1797 г. подтвержденная впоследствии императорами Александромъ I и Николаемъ I¹⁾, и вошедшая отдѣльными статьями въ Св. Зак. (Уст. о вол. ч. 2. Т. XII) есть нынѣшняя Magna Charta сарептскаго общества. Въ актѣ этомъ

¹⁾ Въ томъ и другомъ случаѣ, особыми грамотами 1801 и 1826 гг.

²⁾ Пол. Соб. Зак., Т. XXIV, № 18.011.

говорится, между прочимъ: «Снисходя на просьбу колоніи Сарепты, населенной братьями евангелическаго общества, отличившимися отиѣннымъ трудолюбіемъ, тщательнымъ домостроительствомъ, благопріемъ и примѣрнымъ своимъ поведеніемъ, всемилостивѣйше благоволили мы сею императорскою нашею жалованною грамотою нетовко утвердить все ихъ прежнія права и преимущества, но для возбужденія въ нихъ вѣщней ревности къ трудолюбію и продолженію начатыхъ ими полезныхъ заведеній, и для внушенія охоты къ подражанію и въ прочихъ иностранныхъ поселенцахъ, даровать еще и новыя выгоды». Далѣе повторяются въ настоящемъ актѣ условія договора 1765 года въ самыхъ точныхъ и обстоятельныхъ выраженіяхъ; колонія изъята изъ вѣдѣнія губернатора и поручена «въ опеку токмо главному судѣ Саратовской конторы опекунства иностранныхъ» вновь учрежденной въ 1797 г. «Правленію же евангелическаго общества дозволяется имѣть особую свою печать, а въ разсужденіе отношенія къ прочимъ присутственнымъ мѣстамъ почитать оное наравнѣ съ городскими магистратами, только съ тѣмъ различіемъ, что оно не подчиняется никакому мѣсту присутственному по мѣстоположенію своему, да нието изъ военныхъ и гражданскихъ начальниковъ не долженъ и не можетъ присвоить себѣ какой либо личной власти надъ онымъ и вмѣшиваться въ его дѣла».

Независимо отъ того, Сарептѣ дарованы «новыя выгоды»; и, прежде чѣмъ разсматривать сущность этихъ выгодъ, мы желали бы уяснить себѣ вопросы: какое юридическое значеніе имѣютъ права и преимущества Сарепты? Существуетъ ли, въ юридическомъ же смыслѣ, разница между привилегіями 1765 г. и «новыми выгодами», дарованными грамотой 1797 г.? Въ чемъ именно сущность «новыхъ выгодъ»?... Полное уясненіе этихъ вопросовъ, по нашему мнѣнію, особенно желательно потому, что они имѣютъ непосредственное соотношеніе къ современному положенію колоніи, и ими сильно занято мѣстное земство, среди котораго Сарепта есть явленіе ненормальное и, при данныхъ условіяхъ, даже не совсѣмъ удобное.

Прежде всего приходитъ на мысль, что дарованныя Сарептѣ *исключительныя привилегіи вовсе не имѣютъ безусловнаго, безотносительнаго значенія*. Несомнѣнно то, что правительство, даруя эти привилегіи, имѣло въ виду — развить ремесленную и промышленно-торговую дѣятельность низоваго Поволжья. Само братство, въ лицѣ своихъ агентовъ, всячески старалось поддерживать эту надежду правительства. Не напрасно же оно выговаривало себѣ право «заводить города, мѣстечки и всякаго званія

селенія; провладывать дороги», даже чрезъ смежныя владѣнія — казенныя и частныя. Правда, агентъ пояснялъ словесно, что — «онъ не знаетъ: будутъ ли братья въ состояніи строить города, и обѣщать сего не можетъ»; но, тѣмъ не менѣе, надежда подавалась, если и не въ видѣ прямого, положительнаго обязательства, то все же какъ весьма вѣроятная возможность. Это обстоятельство, при тогдашнемъ положеніи дѣлъ, весьма существенно вліяло на уступчивость правительства въ пользу братства. Вообще же, нисколько не сомнѣваясь въ добросовѣстности агентовъ общества, мы однако не откажемъ имъ въ замѣчательной дипломатической ловкости, съ которой они вели переговоры, и, сами не обязываясь почти ни въ чемъ, приобрѣтали право за правомъ, привилегію за привилегіею. Основные мысли, руководившія правительствомъ, а также характеръ заявленій агента, выражаются наглядно и ясно въ вступительныхъ словахъ всеподданнѣйшаго по переговорамъ 1765 г. доклада.

«Пріемля во уваженіе», сказано тамъ, «будущую пользу для государства отъ мануфактуръ и фабрикъ, *которыя братское евангелическое общество, поселясь въ Россіи, завести намъ-рено*; не меньше того и чаяемое отъ сихъ искусныхъ людей *поправление коммерціи чрезъ Каспійское море*, по той причинѣ, что избираютъ они для поселенія своего способное къ тому мѣсто, *упоминая въ одномъ мѣстѣ (просьбѣ?) о поподкахъ въ Персію*; равнымъ образомъ и то, что ссудныхъ денегъ просятъ только на строеніе и покупку немногихъ инструментовъ, обѣщая словесно большей частию привозить оныя съ собою, что и самымъ дѣломъ уже исполнять начали, канцелярія онекуинства и т. д.»

Таже мысль высказана и въ граматѣ 1797 г. Вступительныя слова граматы: «Отличившимся отиѣннымъ трудолюбіемъ, тщательнымъ домостроительствомъ, благонравіемъ и примѣрнымъ своимъ поведеніемъ» — доказываютъ, что правительство, въ виду разныхъ неблагопріятныхъ условий, затруднявшихъ успѣхъ Сарепты и лежавшихъ внѣ ея возможности, было совершенно удовлетворено тѣми результатами, которые колонія предъявляла къ исходу прошлаго вѣка. Но этого было мало, и итогъ достигнутыхъ обществомъ успѣховъ былъ далекъ отъ того, что оно само подавало поводъ ожидать. И вотъ, въ надеждѣ, что будущія условия края будутъ благопріятнѣе для осуществленія плановъ общества, правительство предоставляетъ сарептянамъ, такъ сказать, отсрочку для оправданія данныхъ обѣщаній, и не-только сохраняетъ за ними прежнія права и привилегіи, но, для «возбужденія въ нихъ вѣщей ревности» даруетъ и «новыя еще выгоды».

Изъ всего этого, по нашему мнѣнiю, нельзя не вывести заключенiя, что Сарепта только въ такомъ случаѣ *добросовѣстно* пользуется данными преимуществами, если она оправдала возложенныя на нее надежды, которыя вызваны были заявленiями полномочныхъ ея агентовъ.

Далѣе. Если условiя 1765 г. были установлены въ порядкѣ добровольнаго соглашенiя правительства съ евангелическимъ обществомъ, и если эти условiя, пока были въ силѣ, имѣли болѣе или менѣе значенiе договора обоюдо-обязательнаго, то совершенно въ иныхъ отношенiя вступили правительство и общество на основанiи грамоты 1797 г. Эта грамота, по формѣ и сущности своей, не имѣетъ ничего общаго съ частнымъ обоюдо-обязательнымъ договоромъ. Она есть всемилостивѣйшiй актъ самодержавной, законодательной власти, который, какъ и всякой законъ, отжившiй свое время, можетъ быть измѣняемъ или даже вовсе отмѣненъ той же самодержавной властью. Такъ понимаютъ значенiе грамоты и сами сарептяне; иначе они не возбуждали бы ходатайства о подтвержденiи ихъ правъ въ 1801, 1826 и 1856 годахъ, т. е. въ каждое новое царствованiе.

Первое измѣненiе, встрѣчаемое въ грамотѣ 1797 г., противъ прежнихъ условiй съ Сарептою, есть то, что братья, сохраняя за собою право произносить въ судейскихъ дѣлахъ присягу, согласно ихъ правиламъ, произнесенiемъ изустнаго «да», обязываются однако присягу на вѣрность подданства *«читать единообразно со всеми вѣрноподданными»*. Затѣмъ, изъ вѣдѣнiя сарептскаго начальства изъяты всѣ дѣла уголовныя, о которыхъ въ прежнихъ условiяхъ вовсе не упоминалось. Но оба эти пункта могли казаться братству скорѣе стѣсненiемъ, нежели «новою выгодою». Выгоды, вновь присвоенныя Сарептѣ, состоятъ въ отводѣ во владѣнiе общества новаго земельного участка съ цѣлительнымъ колодцемъ, въ разсрочкѣ уплаты казеннаго долга, въ дарованiи дополнительной льготы отъ платежа поземельной подати, а главное — въ п. 5 новой грамоты, въ которомъ сказано: «Какъ всѣмъ нынѣ въ колонiи живущимъ братьямъ, такъ и впредь на поселенiе приѣзжающимъ, всемилостивѣйше жалуетъ всѣ права гражданства не только въ ихъ колонiи, но и во всей имперiи нашей, дозволяя имъ вообще, или каждому особенно, производить внутреннюю и внѣшнюю торговлю, съ платежемъ пошлинъ по тарифу, и не принуждать братьевъ записываться въ руссiйское купечество, яко уволенныхъ отъ податей и службъ онаго и имѣющихъ свободу производить всякiя ремесла, художества и промыслы, заводить и содержать у себя всякiя фабрики, мануфактуры и заводы; строить всякаго рода мельницы,

и, по праву владѣнія, свободно и безпрепятственно пользоваться въ дачахъ своихъ всѣми угодьями, рыбною, звѣриною и птичьею ловлею; варить пиво и курить хлѣбное вино какъ для собственнаго употребленія, такъ и на продажу проѣзжающимъ и временно въ ихъ колоніи живущимъ, съ тѣмъ, чтобы внѣ земель, братству принадлежащихъ; ни вина, ни пива не вывозить и не продавать, но виноградныя вина, дѣлаемую изъ нихъ водку и всякіе, винограднымъ, а не хлѣбнымъ виномъ налитые фрукты и напитки дозволяется развозить изъ колоніи для вольной продажи по всѣмъ россійскимъ городамъ». Одинъ этотъ пунктъ далъ Сарептѣ такія широкія права по торговлѣ и промысламъ, что всякая конкуренція въ этомъ отношеніи съ обществомъ казалась бы невозможною.

Въ условіяхъ 1765 г. проводится послѣдовательно и неуклонно мысль правительства: *освобождая братьевъ отъ всякихъ натуральныхъ повинностей, не избавлять ихъ однако отъ равноправнаго участія въ нихъ и во всѣхъ сборахъ въ пользу казны и земства — деньгами.* Оставаясь вѣрнымъ этому началу и смотря на евангелическихъ братьевъ, по роду ихъ занятій, какъ на горожанъ или мѣщанъ (Bürger), правительство «въ разсужденіе платимыхъ ими по купечеству и фабрикамъ пошлинъ» признало ихъ неподлежащими платежу ни общей подушной, ни оброчной за землю податей, которыми облагались въ то время, какъ и нынѣ, сельскія податныя сословія. Но оно сочло сарептянъ обязанными: 1-е, платить ту подушную подать «за право гражданское», какую вносило купечество; 2-е, нести деньгами повинность рекрутскую со всѣми принадлежащими къ ней дополнительными сборами; и 3-е, отбывать деньгами же всѣ «земскія службы, постоя и ямы», а равно «всѣ случайныя поставки и чрезвычайныя подмоги». По переложеніи всѣхъ этихъ повинностей, — соотвѣтственно тогдашней стоимости ихъ, сперва на деньги, а за тѣмъ, полученнаго оклада повинностей, вмѣстѣ съ существовавшимъ подушнымъ окладомъ, — на землю, опредѣлился нормальный окладъ поземельной подати для Сарепты въ 7 р. 50 к. съ каждаго 30 дес. или по 25 к. съ каждой дес. надѣла. Но ни въ первоначальныхъ условіяхъ съ Сарептою, ни въ данной ей за тѣмъ граматѣ нигдѣ положительно не оговорено, что исчисленный на этихъ основаніяхъ окладъ поземельной подати долженъ оставаться неизмѣнно и навсегда одинъ и тотъ же. Изъ этого и изъ самого существа общихъ податей и повинностей, замѣненныхъ для сарептянъ поземельною податью, слѣдуетъ, что окладъ этой подати подлежалъ и подлежитъ увеличенію въ томъ же размѣрѣ, въ какомъ возрастали и возрастаютъ,

съ одной стороны, мѣщанскій подушный окладъ, а съ другой — стоимость отбываемыхъ городскимъ населеніемъ повинностей.

Независимо отъ поземельной подати, сарептское общество обязывалось, по первоначальнымъ условіямъ—платить въ казну, на общемъ основаніи, установленные сборы, пошлины и акцизы— съ фабрикъ, мануфактуръ и заводовъ, за торговлю и промыслы, съ мельницъ, за рыболовныя воды, за право курить вино, варить пиво и продавать эти напитки, и наконецъ, за производство внутренней и внѣшней торговли. Во всѣхъ этихъ налогахъ Сарептѣ даже не было дано льготы, такъ какъ «сверхъ гражданскихъ правъ, дарованы братьямъ еще такія выгоды и преимущества, съ которыхъ собираемые государственные доходы въ число податей не включаются». Поэтому, братья освобождались на 30 лѣтъ «единственно отъ податей, а не отъ платежа акцизовъ и пошлинъ».

Отъ всѣхъ только-что исчисленныхъ нами «акцизовъ и пошлинъ» пунктъ 5 всемилостивѣйшей грамоты 1797 г. вовсе освободилъ сарептянъ, но сохранилъ, и по настоящее время сохраняетъ за обществомъ и лично за каждымъ членомъ его всѣ «гражданскія» права по торговлѣ, промысламъ и т. д. Только въ недавнее время впервые допущено исключеніе; именно: высочайше утвержд. 7 января 1863 г. мнѣніемъ госуд. совѣта хотя и сохраняется за сарептскимъ обществомъ и его членами, по прежнему, право курить вино и варить пиво, но уже не иначе, какъ на основаніи общихъ правилъ положенія 4 іюля 1861 г. о пит. сборѣ.

Ознакомившись съ правами, преимуществами и матеріальными способами, дарованными Сарептѣ, посмотримъ теперь, какъ она ими воспользовалась и осуществила ли она, наконецъ, широкій планъ, который дважды былъ развиваемъ Обществомъ предъ глазами правительства.

Чтобы не возвращаться болѣе къ проекту о водолечебныхъ заведеніяхъ при извѣстномъ родникѣ, названномъ Екатерининскимъ, скажемъ теперь же, что изъ этого дѣла ничего не вышло. Послѣ 1797 г. число посѣтителей стало быстро уменьшаться, а въ 1801 г. былъ уже всего только одинъ, и при томъ послѣдній больной, пользовавшійся водами. «Въ чемъ именно заключалась причина столь быстрого упадка—говоритъ г. Гличъ въ своей исторіи Сарепты—въ перемѣнахъ ли врачей, въ измѣненіи ли вешнею водою свойствъ родника; въ конкуренціи ли входившихъ въ славу кавказскихъ водъ—опредѣлить затруднительно». Мы же спросимъ: не кроется ли, хотя отчасти, причина такого результата въ томъ, что наплывъ въ Сарепту массы

стороннихъ людей, вносившихъ, конечно, свои понятія, свои нравы и обычаи, никакъ не совпадалъ съ стремленіемъ братства въ изолированію? Таковы, по крайней мѣрѣ, сущность и духъ установленій общества, которыя никакимъ образомъ не въ силахъ выдерживать прямыхъ, непосредственныхъ соприкосновеній съ «свѣтской» жизнью, какая только и мыслима на водахъ и вообще тамъ, гдѣ собирается обыкновенное человѣчество отдохнуть, повеселиться, а между прочимъ — и полечиться.

Но не въ одномъ этомъ дѣлѣ Сарепта потерѣла неудачу. Въ концѣ прошлаго вѣка колонія достигла наиболѣе блестящаго развитія всѣхъ отраслей ея дѣятельности. Съ этого же времени намъ приходится лишь слѣдить за постепеннымъ паденіемъ общественнаго хозяйства братьевъ.

Главный сбытъ сарептскихъ произведеній, послѣ ухода большой калмыцкой орды въ Азію, направился на сѣверъ. Но здѣсь стала являться конкуренція со стороны сѣверо-приволжскихъ колонистовъ. Въ нихъ Сарепта воспитывала себѣ опасныхъ соперниковъ. Мало-по-малу колонисты эти, возвращаясь изъ Сарепты въ свои колоніи, стали устраивать у себя дома тѣже промысловыя и ремесленныя производства, въ которыхъ сарептское братство до того времени пользовалось какъ-бы монополією. Конкуренція эта становилась изъ года въ годъ все сильнѣе, и пришло время, что издѣлія приволжскихъ колонистовъ стѣсняли, а во многихъ отрасляхъ и вовсе вытѣснили съ рынковъ произведенія сарептянъ. Сколько послѣдніе ни расширяли своихъ производствъ, но удовлетворять возрастающей потребности они не были въ силахъ уже потому, что большинство производствъ и ремеслъ были приобрѣтены «приватными» въ однѣ руки, въ видѣ личнаго права, носившаго въ самой колоніи монополичный характеръ. Открытіе тамъ, рядомъ съ существующимъ, новаго въ томъ же родѣ ремесленнаго или промышленнаго заведенія либо вовсе не допускалось, либо разрѣшалось только въ видѣ рѣдкаго исключенія. Другое послѣдствіе такого порядка были — дороговизна сарептскихъ издѣлій и обнаруживавшаяся постепенно отсталость ихъ: мастера и производители, увѣровавъ въ безусловное достоинство своихъ работъ и издѣлій, не обращали вниманія на новѣйшія усовершенствованія и не прилагали стараній ни къ удешевленію своихъ издѣлій, ни къ приспособленію ихъ къ современнымъ требованіямъ потребителей.

При такихъ условіяхъ конкуренція приволжскихъ колонистовъ начала тяготѣть надъ Сарептою. Въ періодъ съ 1802—1823 г., т. е. до постигшаго колонію большого пожара, она

поддерживала въ болѣе или менѣе одинаковыхъ размѣрахъ всѣ свои ремесла и производства. Но изъ года въ годъ дѣла шли хуже, а нѣкоторыя отрасли, особенно съ 1820 г. стали приносить даже убытокъ. Въ той же степени, какъ росли затрудненія Сарепты, развивались шире и шире убыточныя для братства производства въ приволжскихъ колоніяхъ, преимущественно на нагорной сторонѣ Волги. Здѣсь, при полной свободѣ частной предприимчивости, обращались на нѣкоторыя отрасли, какъ напр. на тканье сарпинки, чулковъ, колпаковъ и т. д. весьма значительные капиталы, а свободная конкуренція удешевляла товары и издѣлія до такихъ цѣнъ, за которыя сарептiane дѣйствительно не могли работать. Съ 1820 г., чулочное и суконное производства въ Сарептѣ вовсе прекратились, а сарпиночное находилось въ крайнемъ упадкѣ. И хотя общество пыталось поддержать его устройствомъ ткацкаго заведенія въ центрѣ саратовскихъ колоній¹⁾, т. е. среди главныхъ конкурентовъ своихъ, но напрасно. Отрядное исключеніе представлялъ одинъ горчичный заводъ, который постоянно расширялся, сдѣлавъ своего хозяина едва-ли не миллионеромъ.

Ко всему этому присоединились случайныя несчастія. Такъ, пожаромъ 1803 г. были истреблены лѣсопильный заводъ и двѣ мукомольныя на Сарпѣ мельницы съ жилыми и хозяйственными при нихъ постройками, по оцѣнѣ на 30,000 р. Въ 1812 г., сгорѣли дальняя на Сарпѣ мельница, и въ самой колоніи семь «приватныхъ» усадебъ, горшечный заводъ, общинныя цекарня и ткацкая. Съ 1806 по 1823 г., содержался въ Сарептѣ карантинъ по случаю чумы, появившейся въ Астрахани; нѣкоторое время были прекращены всякія сношенія между городами и селеніями. Въ 1805, 1808 и 1812 гг. свирѣпствовала сютскій падежь. Равнымъ образомъ, упадокъ денежнаго курса отыгрывался особенно сильно на Сарептѣ, такъ какъ она поддерживала постоянныя торговыя сношенія съ заграничными общинами братства. Во время пожара 1812 г. въ Москвѣ общество потеряло убытокъ до 400,000 р.

¹⁾ Центръ саратовскихъ колоній—Сосновскій округъ, Камышинскаго уѣзда, 3234 сем. въ составѣ 15,054 рев. муж. пола душъ. Здѣсь, рядомъ съ земледѣліемъ, скотоводствомъ, огородничествомъ и т. д., какъ главными занятіями, въ 1866 коммерческомъ году (отъ Макарья до Макарья) въ числѣ всякаго рода ремеслъ и промысловъ существовали: а) 69 сарпиночныхъ фабрикантовъ; на нихъ работали до 6.000 становъ; переработано пряжи до 8 тыс. пуд. красной на 472,000 р., до 20,300 пуд. бѣлой—на 62,900 руб. и 13½ пуд. шелку на 7,560 р.; всего изготовлено разнаго рода платковъ, матерій и т. д. на 1,156,000 р.; б) 42 красильныхъ фабрикъ, окрасившихъ въ 1866—67 г. одной бумажной пряжи на сумму до 486,000 р.; в) 52 кожевенныхъ заводовъ, выдѣлавшихъ въ 1866 г. кожь на сумму до 120,000 р. и т. д.

Вслѣдствіе этихъ несчастій, общество накопило къ 1815 г. долгу болѣе 600,000 р., къ погашенію котораго ежегодныя пособія со стороны центральной дирекціи — были недостаточны. Сарептѣ грозила несостоятельность; но дѣла успѣли принять иной оборотъ. Изъ центральной дирекціи разомъ были получены 120,000 р. безвозвратнымъ пособіемъ. Въ тоже время дирекція разсрочила уплату состоявшаго, по ея счетамъ, на Сарептѣ долга и, сверхъ того, выдала ей 100,000 р. въ видѣ возвратной оруды. Торговые дома въ Петербургѣ, Москвѣ и самой Сарептѣ съ 1815 г. начали вновь давать значительныя выгоды. При помощи такихъ средствъ и крайней экономіи по внутреннему управленію, удалось, наконецъ, Сарептѣ возстановить въ 1820 г. равновѣсіе въ своемъ бюджетѣ. Однако, не надолго; уже въ 1821 г. общество постигло новое несчастіе. Саратовское комиссіонерство оказалось несостоятельнымъ на такую сумму, которая разомъ поглотила всѣ денежныя средства, полученныя изъ-за-границы. Наконецъ, большой пожаръ 9-го августа 1823 г., истребившій почти всю Сарепту, довершилъ разстройство общиннаго хозяйства. 37 жилыхъ и фабричныхъ домовъ, въ томъ числѣ всѣ лучшія зданія и церкви, и около 160 надворныхъ и хозяйственныхъ строеній—обратились въ кучи пепла и развалины; 350 человекъ лишились работы и пристанища; всѣ ремесленныя и промышленныя производства разомъ прекратились.

Убытокъ, понесенный отъ пожара, достигалъ громадныхъ цифръ. Такъ напр., экономіи—общинная и холостыхъ братьевъ понесли уронъ—первая на 400,000, а вторая—на 200,000 р. Вообще, положеніе общества было самое отчаянное. Главное затрудненіе состояло въ невозможности произвести срочныя платежи ни казнѣ и центральной дирекціи на погашеніе долговъ, ни по торговымъ обязательствамъ общества въ Россіи и, особенно, за границую. Отъ этихъ главныхъ кредиторовъ, и прежде всего, разумѣется, отъ центральной дирекціи, зависѣло рѣшить—быть или не быть Сарептѣ.

Вскорѣ послѣ пожара начали поступать отъ дирекціи денежныя пособія. При помощи ихъ оказалось возможнымъ обезпечить дневное содержаніе погорѣльцевъ, возстановить на скорую руку до 20 жилыхъ помѣщеній и аптеку съ принадлежностями, и пускать въ ходъ столярную мастерскую и кирпичный заводъ. Вопросъ—возстановить ли Сарепту?—со стороны дирекціи и состоявшагося синодальнаго собранія былъ разрѣшенъ въ пользу возстановленія. Прежде всего дирекція, снабженная отъ синодальнаго собранія неограниченнымъ кредитомъ, озботи-

лась войти въ соглашеніе съ заграничными кредиторами Саре-
пты. Дѣло это уладилось къ обоюдному удовольствію, тѣмъ бо-
лѣе, что вся уступка, просимая обществомъ, заключалась въ
разсрочкѣ долговыхъ обязательствъ. Собственныя требованія цен-
тральнаго управленія, которыя считались въ долгу на Сарептѣ
по водворенію и ссудамъ, дирекція обратила въ долгъ отвер-
женный, обязавъ колонію ежегодною уплатою однихъ процен-
товъ на капиталъ. Изъ собранныхъ, начиная съ 1823 по 1848
годъ, по заграничнымъ общинамъ добровольныхъ пожертвованій
на долю Сарепты, въ видѣ безвозвратнаго пособія, пришлось
до 163,000 р. Наконецъ, само правительство выдало Сарептѣ
100,000 р., съ тѣмъ, чтобы уплата этой ссуды производилась
по истеченіи 6 лѣтъ, въ послѣдующія десять лѣтъ, по равнымъ
частямъ.

Но эти пособія сами по себѣ еще не могли обезпечить суще-
ствованіе Сарепты. Представилась необходимость и въ преобра-
зованіи всѣхъ частей ея внутренняго управленія.

Въ мартѣ 1824 года, Сарепта получила изъ центральнаго
управленія указаніе — принять при возобновленіи колоніи въ ру-
ководство: 1) чтобы общество вполне обезпечивало свой бюд-
жетъ текущихъ расходовъ собственными средствами, рассчиты-
вая на пособіе со стороны центральнаго управленія единственно
лишь въ той суммѣ, какая требовалась на уплату процентовъ по
внѣшнимъ долгамъ, и чтобы, сверхъ того, бюджетъ собствен-
ныхъ доходовъ общества давалъ, по возможности, нѣкоторый
излишекъ на погашеніе капитальнаго долга; 2) централизовать,
по возможности, общинную и корпоративныя экономіи и,
въ этихъ видахъ, произвести ликвидацию экономіи холостыхъ
братевъ, сливъ ее съ общинною; 3) своевременную уплату ка-
зеннаго долга обезпечить, по преимуществу, нѣкоторымъ возвы-
шеніемъ поземельной подати; содержаніе полиціи и пожарной
части отнести на счетъ сбора за производство ремеслъ и про-
мысловъ, а расходы на правленіе покрывать, по возможности,
судебными пошлинами; на всѣ же остальные статьи расхода по
общественному управленію обратить сборъ съ работниковъ, до-
ходы съ земель и тѣхъ заведеній, которыя будутъ работать за
счетъ общинной экономіи; 4) поступающія добротныя по-
жертвованія обращать безусловно на погашеніе капитальнаго
долга, полученную же отъ казны ссуду исключительно на по-
стройку общинныхъ зданій и заведеній; 5) предоставить «при-
ватнымъ» обзаводиться жилыми и усадебными постройками на
собственныя средства, въ личную ихъ собственность; а изъ про-
мышленныхъ производствъ оставлять за общинной экономіею

только тѣ, которыя представляютъ самыя положительныя задатки выгоды своей; 6) при постройкахъ не выходить изъ предѣловъ крайне необходимаго и выгоды, устраняя всякую роскошь; 7) торговые магазины и склады преобразовать, отдѣливъ отъ нихъ совершенно ткацкое, табачное и т. д. производства; сократить соответственно сему личный составъ и жалованья мастеровъ и прикащиковъ, и обратить означенныя магазины и склады, или въ частную собственность, или въ отвѣтственные комисіонерства за счетъ и подъ фирмою общины, смотря по мѣстнымъ условіямъ; и 8) личный составъ управления, а также служебное содержаніе сократить, соединяя разныя должности, по крайней возможности, въ однихъ лицахъ.

Всѣ полученныя указанія общество въ точности выполнило, и уже 1825-й годъ доказалъ ихъ правичность. Долги мало по малу уплачивались, а въ 1862 г. общинная экономія успѣла не только обончательно уплатить долги, но, сверхъ того, сберечь и запасные фонды, обезпечившіе общину на будущее время отъ равныхъ случайностей.

Сарепта, по виду построекъ, по условіямъ жизни и дѣятельности ея населенія, носитъ характеръ скорѣе города или мѣстечка, нежели селенія. Дома выстроены здѣсь одинъ отъ другаго въ 5—10 саж., и центръ колоніи образуетъ площадь, кругомъ обсаженную высокими, тѣнистыми тополями. По срединѣ площади церковь съ колокольнею и фонтанъ съ резервуаромъ прекрасной ключевой воды. Кругомъ, по краямъ площади, вышаются дома правленія, пастората и врача, аптека, гостиница, торговые магазины, корпуса корпораціонныя: братьевъ, сестеръ и вдовъ, а также дома наиболѣе зажиточныхъ «приватныхъ». Всѣ эти строенія каменные и, по преимуществу, двухэтажныя. Главная часть колоніи, 9-ть кварталовъ, окружена прежнимъ крѣпостнымъ валомъ, за чертой котораго образовались новыя кварталы въ видѣ предмѣстій. Въ чертѣ вала, кромѣ каменныхъ, иныхъ построекъ возводить не дозволяется. Всѣ улицы, по примѣру площади, обсажены тополями и другими породами тѣнистыхъ деревьевъ; предъ каждымъ домомъ и въ промежуткахъ разведены сады и цвѣтники. Всего имѣется въ колоніи 85 каменныхъ и 221 деревянныхъ дома и хозяйственныхъ строеній. Колокольня снабжена общественными часами, а церковь — отличнымъ органомъ.

Къ 1 января 1865 г. состояло въ Сарептѣ 231 муж. и 239 жен. пола душъ. Сверхъ того, въ предмѣстьяхъ проживаетъ постоянно отъ 500 до 550 лицъ рабочихъ, преимущественно изъ приволжскихъ колонистовъ.

Сарпа запружена большою плотиною съ шлюзами, чрезъ которую пролегаетъ Саратовско-Астраханскій почтовый трактъ. Вверхъ по берегамъ рѣчки тянутся огороды и табачныя плантаціи; для полива ихъ изъ рѣчки устроены водоподъемныя машины. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ волоніи, въ такъ называемомъ Чапурниѣ, разведены плодовые и виноградныя сады, плантаціи и т. д.

Главное занятіе населенія составляютъ какъ прежде, такъ и нынѣ, ремесла, промыслы, фабрики и торговля ¹⁾. Въ Сарептѣ имѣются:

1) Два паровыя горчичныя завода. Одинъ заводъ братьевъ Гличь перерабатываетъ ежегодно до 25,000 пудовъ сѣмени въ горчицу нѣсколькихъ сортовъ, и въ масло. Другой — брата Кноблоха, хотя меньшихъ размѣровъ, но произведенія его получили на Парижской всемірной выставкѣ 1867 г. медали.

2) Заводы свѣчной и мыловаренный; обороты ихъ довольно ограничены.

3) Пекарня съ производствомъ пряничнымъ и кондитерскимъ; сбытъ ея болѣе и болѣе ограничивается, тогда какъ прежде сарептскіе пряники и печеня расходились въ огромной массѣ въ окрестностяхъ и во всѣхъ городскихъ магазинахъ общества.

4) Аптека, пользовавшаяся въ прежнее время заслуженнымъ довѣріемъ. При ней производятся въ небольшихъ количествахъ масла: касторовое, мятное и кипарисное, паровой шеволадъ, помада и тому подобныя предметы.

5) Паровая химическая лабораторія брата Лангерфельда, занятая производствомъ извѣстнаго сарептскаго бальзама, эфирнаго горчичнаго масла и т. п. Владѣлецъ, принявъ участіе въ Парижской всемірной выставкѣ 1867 г., получилъ за свои издѣлія медаль.

6) Заводы: кожевенный, горшечный и кирпичный, и мастерства: 2 часовенныхъ, 2 столярныхъ, 2 телѣжныхъ, 1 слесарное, 1 кузнечное, 2 мѣдно-жестяныхъ, 2 башмачно-сапожныхъ, 1 портняжное, 1 ткацкое, 1 чулочное и 1 бойня; — и

7) Одинъ большой и два меньшаго размѣра торговыхъ магазина, обороты которыхъ поддерживаются пробѣжающими, жителями ближайшихъ мѣстъ и, особенно, ордынцами.

¹⁾ Крайне сожалѣемъ, что у насъ нѣтъ въ виду возможно подробныхъ свѣдѣній объ оборотахъ существующихъ въ Сарептѣ производствъ и ремесленныхъ заведеній. Едва-ли подлежитъ сомнѣнію, что, за исключеніемъ одного лишь горчичнаго — всѣ остальные производства совершенно ничтожны. Мы съ благодарностью приняли бы всякія ближайшія въ этомъ отношеніи заявленія съ мѣста, но, конечно, съ условіемъ, чтобы эти заявленія были подкрѣплены фактическими, числовыми данными.

Всѣ эти производства и заведенія, за исключеніемъ табачной фабрики, составляютъ личную собственность «приватныхъ», и «приватнымъ» же принадлежатъ торговые магазины въ гг. Самарѣ, Саратовѣ, Дубовѣ, Царицынѣ и Астрахани.

Изъ состоящихъ во владѣніи общинной экономіи производствъ: табачную фабрику и винокуренный заводъ предполагается упразднить; первую, по невозможности выдерживать съ успѣхомъ конкуренцію стороннихъ производителей, а второй, вслѣдствіе новаго акцізнаго положенія. Затѣмъ, за общинною экономіею оставались бы только гостинница съ постоялымъ дворомъ, мельница на Сарпѣ, хозяйство фольварочное, и два торговыхъ магазина въ Москвѣ и Петербургѣ. Но если принять во вниманіе, что въ двухъ послѣднихъ магазинахъ, подъ фирмою и гарантіею общества, поступаютъ въ продажу почти одни издѣлія собственно сарептскихъ приватныхъ и заграничныхъ производствъ, то общинная экономія является здѣсь не чѣмъ инымъ, какъ отвѣтственнымъ комиссіонеромъ, солидный кредитъ котораго поддерживаетъ частную дѣятельность, личную предприимчивость и производительность.

Ежегодный бюджетъ расходовъ Сарептской общинной экономіи на содержаніе общественныхъ управленія и учрежденій простирается отъ 8 до 10 тысячъ рублей, т. е. до 40 руб. на каждую муж. пола душу. Изъ этого огромнаго расхода въ пользу казны поступаетъ всего только 325 руб. (по $7\frac{1}{4}$ воеп. съ удобной дес. надѣла), или около 1 р. 40 к. съ наличной муж. пола души. Другихъ издержекъ ни въ пользу казны, ни въ пользу земства Сарепта не знаетъ, а между тѣмъ причитается въ ней на душу пожалованной земли: удобной болѣе 19, всего же удобной и неудобной—свыше 68 дес.

Но, спросить читатель, что же случилось съ главною цѣлью евангелическаго братства—съ миссіонерствомъ? Постановка этого вопроса уже извѣстна намъ изъ первоначальныхъ переговоровъ общества съ правительствомъ. Во всякомъ случаѣ, положеніе братьевъ въ этомъ отношеніи было слишкомъ сомнительное, чтобы не навести ихъ на раздумье. Съ другой стороны, дарованныя обществу политическія и гражданскія преимущества, представлялись на столько цѣнными, что рисковать ими не могло не казаться всякому, по меньшей мѣрѣ, не разумнымъ. Но работа въ пользу миссіи—являлась дѣломъ совѣсти, и потому совершенное отреченіе, или хотя бы только болѣе или менѣе сознательное уклоненіе отъ этой цѣли, — признавались тяжкимъ грѣхомъ, измѣною христіанскому долгу и главнѣйшей задачѣ братства. Впрочемъ, по нашему мнѣнію, единственная причина, вызывав-

шая временныя въ этомъ отношеніи угроженія совѣсти въ сарептянахъ, заключалась только въ отсутствіи положительнаго запрета на миссіонерскую дѣятельность. Безъ этого запрета, религиозное рвеніе братьевъ успокоилось бы въ самомъ началѣ ихъ поселенія также легко, какъ легко и почти безслѣдно оно исчезло у нихъ въ послѣдствіи. Дѣло въ томъ, что если Сарепта, изъ видовъ благоразумія и по политическимъ соображеніямъ, воздерживалась всегда отъ такихъ мѣръ, которыя бы клонились въ пользу миссіи, какъ *главной цѣли общества*, то все же въ средѣ его постоянно находились отдѣльныя личности, посвящавшія себя миссіонерскому призванію. Правда, не смотря на бурныя обстоятельства Поволжья въ теченіе второй половины прошлаго столѣтія, сарептское общество не упускало ни одного случая для болѣе тѣснаго сближенія съ калмыцкими ордами. Но такое сближеніе совпадало столько же съ видами экономическими, сколько и съ интересами миссіонерскими. Поэтому, трудно рѣшить — какими, по преимуществу, соображеніями руководилось, въ этомъ случаѣ, общество. Мы склонны думать, что не будь прямого, политическаго и коммерческаго интереса, однѣ миссіонерскія цѣли не привели бы начальство колоніи къ сближенію съ ордынцами. Но въ данныхъ условіяхъ понятно, что ордынскіе ханы, зайсанги, и даже простые калмыки находили всегда самый радушный пріемъ въ колоніи. Они снабжались здѣсь всѣми потребностями жизни и предметами роскоши, лечили своихъ больныхъ и т. д. Въ свою очередь и депутаціи братства, иногда весьма не малочисленныя, гостили въ ханскихъ ставкахъ. Такимъ образомъ, взаимныя связи устанавливались, повидимому, на прочныхъ началахъ; но удаленіе большой орды въ Азію, а малой — далѣе къ югу отъ Сарепты и частью за Волгу къ Астрахани, разомъ подорвало прежнія торговныя связи, а съ тѣмъ вмѣстѣ и миссіонерскія. Къ тому же братья нашли въ калмыкахъ далеко не такихъ грубыхъ язычниковъ, каковыми являются африканскіе негры, готтентоты и кафры, или американскіе индѣйцы. Напротивъ, племя это исповѣдуетъ вѣру, основанную на философскихъ началахъ, возведенныхъ въ правильную систему и обусловленныхъ, въ смыслѣ правтческаго приложенія къ жизни, твердыми, соответствующими народному духу порядками и обрядностью.

Съ 1769 г. двое братьевъ—миссіонеровъ, изучивъ калмыцкій языкъ, поселились среди малой Дербетской орды, подъ покровительствомъ благопріятеля ихъ, зайсанга Тохмута; но попытка эта не имѣла успѣха. Калмыки, и даже гелунги, или духовенство ихъ, съ удовольствіемъ бесѣдовали о религіи; но въ отвѣтъ на

разсказы изъ Евангелія о вѣчныхъ истинахъ, они всегда имѣли въ запасѣ подобныя же повѣствованія изъ собственныхъ религіозныхъ книгъ. На вопросъ нѣсколькихъ знатныхъ калмыковъ, гдѣ христіане сохраняютъ своего Бога, братья объяснили, разумѣется, что Богъ христіанъ не отъ рукъ человѣческихъ, а исповѣдываютъ они единого, животворящаго, невидимаго Бога, создавшаго небо, землю и людей. — «Вы правы, отвѣтили калмыки, нѣтъ иного Творца, какъ только указываемый вами». Въ такомъ родѣ оканчивались обыкновенно всѣ религіозныя бесѣды. Но подобныя попытки со стороны отдѣльныхъ братьевъ возобновлялись довольно не рѣдко, и въ началѣ 20-хъ годовъ казалось даже, что труды ихъ дадутъ положительные результаты. Такъ, въ 1822 г., на принадлежащемъ обществу островѣ на Волгѣ, образовалась маленькая миссіонерская колонія. Нѣсколько калмыцкихъ семействъ привыкали здѣсь къ осѣдлой, земледѣльческой жизни и обучались закону вѣры. Въ виду этихъ успѣховъ, обнаруживавшихся отчасти даже въ средѣ самой орды, сарептское общество послѣшило обратиться къ правительству съ просьбою разрѣшить братству: 1-е, учредить среди калмыковъ христіанскую миссію; 2-е, вновѣ обращаемыхъ допускать къ св. крещенію и соединять общинами по правиламъ братства; 3-е, учреждать въ этихъ общинахъ школы; 4-е, продать обществу участки земли для новыхъ общинъ; 5-е, оказывать послѣднимъ, чрезъ посредство мѣстныхъ властей, защиту и покровительство; и 6-е, оставлять обращенныхъ въ прежнихъ подданническихъ отношеніяхъ къ хану, принявъ, однако, мѣры къ огражденію ихъ отъ преслѣдованія калмыцкихъ гелунговъ. Въ ожиданіи послѣдствій этого ходатайства, братья-миссіонеры продолжали начатое дѣло. Но успѣхи ихъ не замедлили вызвать противодѣйствіе калмыцкихъ начальниковъ и духовенства. Послѣднее успѣло даже подвигнуть толпу фанатиковъ-калмыковъ на открытыя насилія противъ миссіонерскаго поселенія на островѣ. Наконецъ, предписаніе правительства — обратить воспитанниковъ изъ калмыковъ въ христіанство по догматамъ православной церкви, прекратило всякія дальнѣйшія въ этомъ направленіи попытки братскаго общества, тѣмъ болѣе, что возобновленныя имъ въ послѣдствіи, по настояніямъ дирекціи, ходатайства о дарованіи права миссіонерства остались, по прежнему, безъ послѣдствій.

Но если Сарептѣ неудалось осуществить свою главную цѣль, то спрашивается: имѣетъ ли она, и какое именно, значеніе въ гражданственномъ и эконоическомъ отношеніяхъ? Соответствуютъ ли результаты дѣятельности Сарепты тѣмъ значительнымъ

преимуществамъ, которыми она пользовалась постоянно и пользуется до настоящаго времени?

Нѣтъ сомнѣнія, что до исхода первой четверти текущаго столѣтія Сарепта играла весьма видную роль въ ремесленномъ, промысловомъ и торговомъ отношеніяхъ всего низоваго Поволжья. Можно положительно признать, что первыми зачатками и послѣдующими успѣхами въ ремеслахъ и промыслахъ сѣверо-вожскія колоніи обязаны прежде всего Сарептѣ. Здѣсь обучались ихъ первые мастера и промышленники; отсюда они долгое время заимствовали своихъ сельскихъ учителей и вообще всякія улучшения, и здѣсь же остается имъ еще поучиться горчичному производству. Но едва ли судьба горчичнаго производства неразрывно связана съ существованіемъ самой Сарепты въ нынѣшнихъ ея условіяхъ. Если же забыть это дѣло и нѣкоторое значеніе Сарепты для степного, ближайшаго крестьянскаго населенія, то во всемъ остальномъ общество это представляется намъ пенсіонеромъ, которому, какъ-бы въ вознагражденіе за прежнія заслуги, обеспечивается почетная старость.

Насколько соотвѣтствуютъ льготы колоніи оказаннымъ ею краю услугамъ — это другой вопросъ, въ разсмотрѣніе котораго мы не вдаемся; но намъ кажется не лишнимъ высказать здѣсь нѣсколько мыслей о настоящемъ положеніи и условіяхъ будущаго преуспѣянія Сарепты.

Бросивши взглядъ на весь ходъ внутренняго развитія этой колоніи, два факта останавливаютъ на себѣ наше вниманіе. Во-первыхъ, Сарепта, устроившись первоначально по образцу заграничныхъ братскихъ общинъ, т. е. въ строгомъ смыслѣ братскаго религіозно-соціального устава, убѣждалась мало по малу въ несостоятельности этого устройства и, какъ замѣчено уже въ началѣ очерка, нашлась въ необходимости сблизиться, путемъ внутреннихъ преобразованій, съ общинными порядками нашихъ мѣстечекъ и городовъ. Въ началѣ поселенія, сарептская община, или общинная экономія, являлась, какъ мы видѣли, безусловнымъ владѣльцемъ и распорядителемъ всякаго рода собственности, ремеслъ, промысловъ и т. д. Исключеніе допускалось развѣ только въ отношеніи движимости, которую, какъ личную собственность, не воспрещалось имѣть «приватнымъ». Общинная экономія, если и пользовалась и распоряжалась услугами своихъ членовъ, то не иначе какъ за опредѣленную плату. Равнымъ образомъ, «приватные», снабжаясь всѣми потребностями изъ запасовъ общинной экономіи, ничего не получали даромъ. Корпорации находились въ подобныхъ же отношеніяхъ къ общинной экономіи. Поэтому, постепенная уступка и запродажа въ личную собствен-

ность отдѣльныхъ членовъ братства — права на производство ремесль и промысловъ, а въ заключеніе и большей части торговыхъ магазиновъ внутри и внѣ колоніи—являются весьма важнымъ уклоненіемъ отъ основного принципа братскаго общества. Вѣрность этого заключенія подтверждается тѣмъ, что уступки эти въ пользу личной собственности осуществлялись только вынужденно, въ силу крайней невозможности спасти общину инымъ путемъ отъ несостоятельности. Съ одной стороны, въ неотрицаніи по уставу братства права членовъ его, на владѣніе личной собственностью, хотя бы только въ движимомъ имуществѣ, а съ другой, — въ возможности расширенія этого личнаго права на ремесла, промыслы и торговлю, лежитъ отчасти та существенная разница между двумя общинами — Радичевскою и Сарептскою, которая служила препятствіемъ въ сліянію послѣдователей этихъ двухъ религіозныхъ толковъ. Здѣсь же, по нашему мнѣнію, вновь обнаруживается полная, въ практическомъ смыслѣ, несостоятельность не только Радичевского имущественно-поземельнаго устройства, но даже и той комбинаціи сельскаго устройства, которую евангелическое братское общество пыталось осуществить въ Сарептѣ. Радичевцы — кончили внутреннимъ разладомъ и совершеннымъ разореніемъ. Сарепта существуетъ только благодаря привилегіямъ въ податяхъ и повинностяхъ, неистощимой поддержкѣ изъ-за границы, а прежде и главнѣе всего — уклоненіямъ отъ принципа — безусловной имущественной общности. Насколько рациональна нынѣшняя постановка въ Сарептѣ правъ личной собственности, по отношенію къ общинѣ-землевладѣльцу, объ этомъ не будемъ распространяться; но нельзя не замѣтить, что въ настоящихъ условіяхъ существованіе Сарепты вполне обеспечено. Какъ владѣлецъ весьма значительнаго и, по закону не отчуждаемаго земельного участка, община имѣетъ столько довѣрія, что кредитъ ея, обращенный въ видѣ торговыхъ комиссіонерствъ въ пользу торгово-промышленныхъ оборотовъ членовъ ея, т. е. въ пользу личнаго, частнаго труда и предпріимчивости, обезпечиваетъ за послѣдними возможность полнѣйшаго и прочнаго развитія и преуспѣянія въ экономическомъ отношеніи.

Другое обстоятельство, обращающее на себя наше вниманіе, — это то, что въ Сарептѣ — за 100-лѣтній періодъ ея существованія, мы находимъ тотъ же застой въ народненіи населенія, какой обнаружился и въ Радичевѣ. По среднему выводу, за весь этотъ періодъ времени, число рожденій относится къ смертности, какъ 50: 49, тогда какъ всякій сарептянинъ, въ похвалу гигиеническихъ условій колоніи, готовъ съ особеннымъ удовольствіемъ и во всякое время подтвердить, что тамъ, кромѣ обык-

новенныхъ болѣзней, не знаютъ ни объ одной эпидеміи. Ни въ 30-хъ, ни въ 40-хъ годахъ, между сарептскимъ братствомъ не было даже холернаго случая. Въ теченіе того же періода изъ-за границы прибыло братьевъ и сестеръ 1,145 человекъ; выѣхало же обратно только 677. Слѣдовательно, на долю мѣстнаго народженія приходится крайне ничтожный процентъ.

Этотъ фактъ дѣлается тѣмъ разительнѣе, что колонисты, поселившіеся одновременно въ той же Саратовской губ., но на 250 — 400 верстъ сѣвернѣе, почти уdesатерились, и росли они въ такой прогрессіи исключительно собственными силами. Тамъ уже съ 1770 г. всякія приселенія и даже всякія съ заграницею сношенія были прерваны. Только послѣ пугачевского погрома, населеніе этого водворенія вполнѣ успокоилось. Изъ первой, состоявшейся въ 1788 г. народной переписи (5-й по имперіи), и изъ послѣдующихъ ревизій видно, что число саратовскихъ колонистовъ возрастало:

Отъ 5-й до 6-й ревизіи въ 1798 году за 10 лѣтъ на 26,67%						
> 6-й > 7-й	>	1816	>	18	>	54,89
> 7-й > 8-й	>	1834	>	18	>	78,20
> 8-й > 9-й	>	1850	>	16	>	50,97
> 9-й > 10-й	>	1857	>	7	>	20,78

т. е., въ періодъ 70-ти лѣтъ, изъ 2,878 семействъ этихъ колонистовъ, въ числѣ 9,289 муж. и 9,350 жен. пола душъ, образовалось къ 1857 г.—10,435 сем.: 57,451 муж. и 55,394 жен. пола душъ. Сверхъ того, выходцы изъ среды этого водворенія образовали въ теченіе того же періода нѣсколько новыхъ колоній на Кавказѣ; но эти выселенцы въ приведенный расчетъ не входятъ. Наконецъ, саратовскіе колонисты всегда были стѣснены по землевладѣнію: у нихъ приходилось на душу 6-й ревизіи по 15, 5 дес.; на душу 7-й по 10, 4 дес.; на душу 8-й — по 5, 6 дес.; на душу 9-й—по 3, 8 дес.; на душу 10-й—по 3,2 дес. Въ то же время, они еще съ 1809 г. вполнѣ уравниены въ податяхъ и повинностяхъ съ мѣстными крестьянами, за исключеніемъ повинностей рекрутскихъ и военно-постоянной. На этомъ основаніи, саратовскіе колонисты, въ 1866 г., внесли въ казну однихъ подушныхъ и оброчныхъ по 4 руб. 50¹/₂ к. съ души, и, тѣмъ не менѣе, они всегда бывали исправными плательщиками и никогда еще не обращались за пособіемъ къ правительству.

Спрашивается, гдѣ же причина такого крайне неуспѣшнаго народженія населенія въ Сарептѣ? Ни въ климатическихъ, ни въ экономическихъ условіяхъ причинъ этихъ не существуетъ и существовать не можетъ. Остаются причины фізіологическія и

соціальныя. Въ фізіологическомъ отношеніи одно изъ главнѣйшихъ условій успѣшнаго воспроизведенія есть правильное смѣшеніе и освѣженіе крови. Если-бъ Сарепта не пользовалась постояннымъ наплывомъ свѣжихъ силъ изъ-за границы, то можно бы допустить, что неуспѣхъ ея въ народоумноженіи составляютъ замѣнутость, браки между близкими по крови и вообще неосвѣженіе расы. Но непрерывный и болѣе или менѣе значительный наплывъ новыхъ членовъ изъ Германіи, какъ равно выѣздъ другихъ обратно изъ Россіи, лишаютъ насъ всякой возможности остановиться на этомъ заключеніи. Такимъ образомъ, остается одно — соціальное устройство Сарепты, общинно-церковный уставъ и неразрывно связанная съ нимъ общественная и частная жизнь ея.

И дѣйствительно: выше мы указали, какъ отрадно дѣйствуетъ Сарепта съ ея зеленью, цвѣтами, солидностью построекъ, опрятностью и чистотою улицъ и жилищъ — даже на самаго прихотливаго человѣка. Слѣдуя по полудикимъ и безлѣснымъ степямъ стараго калмыцкаго кочевья и вообще царицынскаго уѣзда, при первомъ шагѣ въ колонію убѣждаешься въ возможности здѣсь отдохнуть и тѣломъ и душою. Но эта, такъ сказать, лицевая сторона для самого сарептянина не существуетъ. Жизнь мѣстная, при ближайшемъ знакомствѣ съ нею, является до безконечности монотонною, щепетильною, подавленною. Вогнать индивидуальность человѣка въ рамку, какою Сарепта ставитъ ей на каждомъ шагу, въ каждомъ словѣ, да если-бъ было возможно, даже въ каждомъ помысленіи, такое полное пренебреженіе къ самымъ естественнымъ потребностямъ свободы для человѣческой природы не можетъ не сказываться.

Нѣтъ факта — безъ причины, и чѣмъ уродливѣе фактъ, тѣмъ уродливѣе, ненормальнѣе причина, его породившая. Изъ настоящаго очерка мы имѣли уже возможность убѣдиться, что весь религіозно-общественный строй братскаго общества проникнутъ тенденцію — охватить всего человѣка, какъ дѣятеля не только общественнаго, но и частнаго. Вся жизнь Сарепты за 100 лѣтъ есть болѣе или менѣе явный протестъ человѣческой личности противъ преобладанія общиннаго начала, доведеннаго до крайнихъ предѣловъ, если не въ матеріальной, то хоть въ нравственной сферѣ. Протестъ этотъ наглядно проявлялся, по преимуществу, только въ сферѣ матеріальныхъ, имущественныхъ интересовъ; здѣсь благопріятствовали тому случайныя общественныя несчастія, и была до извѣстной степени даже легальная возможность къ заявленію личностью своихъ правъ. Мало по малу личное начало брало верхъ. Но, упрочивая имущественную самобытность личности, послѣд-

ная и по настоящее время не успѣла достигнуть того же въ сферѣ религіозно-соціальной, хотя успѣхъ въ одномъ, не могъ, конечно, не привести къ успѣху и въ другомъ отношеніи. Было время, что браки въ Сарептѣ зависѣли безусловно отъ усмотрѣнія общиннаго начальства; самый выборъ невѣсты опредѣлялся по жребію. Разрѣшая браки только тѣмъ изъ братьевъ, которые сдѣлались самостоятельными мастерами или хозяевами, и дозволяя, въ свою очередь, только въ рѣдкихъ исключительныхъ случаяхъ устройство, рядомъ съ существующимъ, новаго подобнаго же ремесленнаго и промышленнаго заведенія, начальники колоніи, или вѣрнѣе, уставъ общества, стѣсняли до крайности заключеніе брачныхъ союзовъ. Съ другой стороны, жребій сводилъ лицъ разныхъ возрастовъ, вопреки ихъ личнымъ наклонностямъ. И сколько старыхъ холостяковъ и отцвѣтшихъ сестеръ сходили въ могилу, не получивъ права даже мечтать о бракѣ! Не мудрено, что изъ частной, закулисной жизни корпораціонныхъ домовъ намъ самимъ удавалось слышать не мало мелодраматическихъ разсказовъ о томленіяхъ любви, сердечныхъ страданіяхъ и перепискахъ, тайныхъ свиданіяхъ и похиженіяхъ, которыя не всегда оканчивались благополучно. Не удивительно, что сарептская молодежь, каждый шагъ которой долженъ бы состоять подъ строжайшимъ контролемъ, находить, тѣмъ не менѣе, возможнымъ давать себѣ просторъ въ секретныхъ попойкахъ среди тѣнистыхъ садовъ и рошъ чапурника, въ случаяхъ же весьма не рѣдкихъ кончаетъ пьянствомъ, изгоняется изъ колоніи и т. д. Все это дѣлается весьма понятнымъ, если сообразить, что въ самой колоніи—а гласно, и нигдѣ въ другомъ мѣстѣ,—членъ общества не долженъ позволить себѣ ни музыки, танцевъ, или театра, ни какой-либо игры и развлечения, не имѣющихъ прямого религіознаго характера; ни наконецъ лишняго шага, лишнихъ смѣха или шутокъ. Все это подобаешь лишь «мірянину», а не доброму «брату» или «сестрѣ», которыхъ весь интересъ, всѣ помыслы должны быть сосредоточены на одномъ «славословіи Творца».

По мѣрѣ успѣховъ эманципации личности въ сферѣ экономической, появлялись въ Сарептѣ, сами собою, и задатки освобожденія ея отъ общинно-соціальнаго гнета. Какъ причины политическія и экономическія по отношенію къ правительству удерживали общество отъ усиленной миссіонерской дѣятельности, такъ давно уже, и съ каждымъ годомъ все болѣе, подобныя же соображенія вынуждаютъ снисхожденіе общины къ «приватнымъ»—собственникамъ. И въ самомъ дѣлѣ,—не выгонять же изъ общества какого нибудь Глича, и ему подобныхъ, за коскакія нарушенія дисциплинарныхъ правилъ, если вмѣстѣ съ та-

кими мѣрами должны бы покинуть колонію сотеннотысячные, если не миллионные капиталы. Ну, и выходить, что Гличь и подобные ему подчиняются требованіямъ церковно-общинной дисциплины лишь на столько, на сколько они сами признаютъ это разумнымъ и справедливымъ. Примѣры подобнаго снисхожденія — дѣлаются, какъ само собою разумѣется, болѣе и болѣе нормальными, ограждая до извѣстной степени отъ деспотическаго почительнаго гнета и остальныхъ, менѣе состоятельныхъ членовъ общины. Такимъ образомъ, готовится, мало по малу, и кризисъ религіозно-соціальный. Но какъ переживетъ его Сарепта?... Это вопросъ весьма гадательный, особенно, если правительство признаетъ необходимымъ привлечь братство, на общемъ основаніи, къ платежу всѣхъ повинностей, какъ о томъ настаиваетъ мѣстное земство.

По нашему убѣжденію, обложение Сарепты въ пользу земства и казны сборами, на общемъ основаніи съ населеніемъ нашихъ городовъ, могло бы прежде всего повести къ болѣе нормальной постановкѣ внутреннихъ общественныхъ и частныхъ отношеній братства, вынуждая общину сразу въ подобнымъ же въ пользу эманципации личности уступкамъ въ сферѣ религіозно-соціальной, какія она сдѣлала уже въ дѣлахъ имущественныхъ подъ давленіемъ случайныхъ-экономическихъ затрудненій. Одно лишеніе общества возможности содержать такую дорогую администрацію должно-бы повести къ ослабленію неумѣстнаго попечительства о личности, которое душитъ и давитъ ее, а все остальное довершила бы сама жизнь. Много-ли, мало-ли времени, но Сарепта имѣла свой періодъ, когда нельзя было не признавать ее за свѣточъ среди мрака мѣстной жизни. Но то время миновало навсегда. На почвѣ торговой, промышленной и мануфактурной—звѣзда Сарепты, постепенно блѣднѣя, не могла устоять и склонилась къ горизонту, во многихъ отношеніяхъ даже ниже его. Тоже самое грозитъ ей теперь на аренѣ гражданственности. И напрасно общество стало бы прятаться за привилегіи; стѣна эта едва-ли надежнѣе прежнихъ крѣпостныхъ сооружений ея. Вглядываясь внимательно въ вѣяніе окружающей колонію новой жизни, общество не можетъ не убѣдиться, что ему предстоитъ теперь дилемма: или войти въ общій строй мѣстной жизни и, оставивъ свою изолированность, приобрести этой цѣною вновь «всѣ права гражданскія»; или, замкнувшись до послѣдней крайности въ своихъ стѣнахъ, сдѣлаться окончательно темною точкою на свѣтломъ фонѣ грядущаго блага дня, провозвѣстники котораго — уничтоженіе крѣпостной зависимости,

земское самоуправленіе и гласный судъ—уже начали освѣщать русскую землю.

Только въ этихъ ненормальностяхъ внутренняго и внѣшняго быта Сарепты, въ прямомъ разладѣ ея съ природою человѣка и со всею окружающею колонію средой слѣдуетъ искать, по нашему мнѣнію, истинныя причины, подсѣвавшія до сего времени въ самомъ корнѣ нравственныя и физическія силы сарептянъ. Но тѣже причины убѣждаютъ насъ, что радичевская и сарептская комбинаціи сельскаго устроенія, какъ болѣзненные плоды средневѣковаго хаоса и борьбы на смерть двухъ началъ—личнаго и начала ассоціи или, по-русски, мірскаго, общиннаго—стремившихся взаимно поглотить одно другое, не соотвѣтствуютъ ни результатамъ вѣковаго опыта, ни конечнымъ требованіямъ и условіямъ соціально-политическаго строя современнаго общества, а потому комбинаціи эти, даже при самыхъ льготныхъ законодательныхъ гарантіяхъ, будущности не имѣютъ и имѣть не могутъ.

Нельзя не сознать и самому братству, что положеніе дѣлъ въ Россіи совершенно измѣнилось со времени основанія Сарепты, что настала пора сведенія итоговъ взаимныхъ услугъ и обязательствъ, и что непроницаемый покровъ, за которымъ скрывается колонія, можетъ вредить при этихъ расчетахъ прежде всего ей самой, вводя русское общество лишь въ ошибочныя, быть можетъ, заключенія.

А. Клаусъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

МОЦАРТЪ

НА

ПЕТЕРБУРГСКОЙ СЦЕНѢ.

Донъ-Жуанъ и Свадьба Фигаро.

Два наиболѣе совершенныя драматическія произведенія Моцарта: «Донъ-Жуанъ» и «Свадьба Фигаро», были поставлены у насъ въ минувшемъ сезонѣ съ особенной тщательностью. Этотъ фактъ самъ по себѣ заслуживаетъ вниманіе. Улыбшевъ говоритъ, что ему ни разу не удалось видѣть Донъ-Жуана «въ самомъ дѣлѣ», что онъ только чтеніемъ партитуры могъ осуществлять передъ собою чудный міръ, созданный могучимъ гениемъ вѣнскаго композитора. Этотъ извѣстный біографъ и цѣнитель Моцарта выражаетъ при этомъ мнѣніе, что едва ли даже когда либо возможно обставить это произведеніе такъ, чтобы оно явилось достойнымъ себя, чтобы исполненіе его соотвѣтствовало вдохновенному содержанію. Зависитъ это, въ практическомъ отношеніи, отъ художественной законченности самаго творенія Моцарта: «за исключеніемъ Мазетто, — говоритъ Улыбшевъ — тутъ нѣтъ второстепенныхъ ролей»; и въ самомъ дѣлѣ, типы Моцарта такъ живы и каждый изъ нихъ такъ необходимъ и для драматическаго смысла, и для музыкальной полноты этой оперы, что партіи ея должны быть распределены между первостепенными пѣвцами и пѣвицами труппы, да и то не было еще той труппы на свѣтѣ, въ которой можно было бы найти вмѣстѣ донъ-Жуана, донну Анну, донну Эльвиру, Церлину, Лепорелло, донъ-Оттавіо—соотвѣтствующихъ идеалу, который непременно составился въ головѣ всякаго, кому знакома музыка Моцарта.

Одно изъ качествъ Моцарта — именно, опредѣленность, недопускающая разнаго изображенія. Можно понимать или не понимать его,

передавать его вѣрно или фальшиво, но нельзя передавать его различно, и—Боже сохрани—передѣлывать его. То, что мы говоримъ о «Донъ-Жуанѣ», примѣняется и къ «Свадьбѣ Фигаро», хотя въ меньшей степени.

Вотъ почему, повторяемъ, попытка представить намъ великія произведенія Моцарта съ возможно-совершенною обстановкою, заслуживаетъ полнаго вниманія. Попытка эта отчасти удалась. Особенно опера «Донъ-Жуанъ» явилась передъ нами почти въ удовлетворительномъ видѣ. Конечно, нельзя сказать, что г. Граціани вполне соответствовалъ типу донъ-Жуана, созданному поэтомъ Да-Понте и маэстро Моцартомъ. Для этого въ его игрѣ недоставало подвижности, не хватало отбѣнокъ, а для передачи главной, музыкальной части задачи—недоставало звучности голоса; вообще же, ему недоставало одушевленія, энтузіазма къ избранной партіи, а безъ энтузіазма нельзя передать великаго творенія, безъ вѣры въ геній нельзя служить ему истолкователемъ. За то Церлина была превосходно передана г-жою Луккою; донна Эльвира явилась передъ нами въ первый разъ живою въ лицѣ г-жи Вольпини; Цуккини, хотя положительно не умѣлъ играть, былъ драгоцененъ для музыкальнаго исполненія партіи Лепорелло, для которой сколько нибудь подходящихъ исполнителей теперь нѣтъ; Кальцолари въ роли и партіи донъ-Оттавіо довольно близокъ къ совершенству. Всѣ же остальные артисты, начиная отъ г. Граціани, представлявшаго главное лице драмы и оперы, и до г. Анджелини, который съ похвальнымъ уваженіемъ къ искусству взялъ на себя ничтожную по положенію для артиста роль командора, столь однако трудную и важную по основной мысли Моцартова творенія—были, говоря относительно, довольно хороши, ничего не портили и дали возможность людямъ, не бесѣдовавшимъ съ Моцартовымъ произведеніемъ наединѣ, не узнавшимъ его тайнъ прямо отъ него, приблизиться нѣсколько къ этимъ тайнамъ, столь долго сокрытымъ подъ искаженіями нѣкоторыхъ изъ нашихъ *italianissimi*. Нѣтъ сомнѣнія, что Лаблашъ былъ лучшій Лепорелло, чѣмъ Цуккини, что у Тамберлика было нѣчто такое, чего недостаетъ Кальцолари, что Эверарди едва ли не болѣе удовлетворительный донъ-Жуанъ, чѣмъ Граціани; но эти артисты являлись зато при иной обстановкѣ. Смѣло можно сказать, что такъ хорошо, какъ въ нынѣшнемъ сезонѣ, «Донъ-Жуанъ» не былъ еще исполненъ у насъ, и что въ настоящее время онъ нигдѣ не можетъ быть исполненъ лучше.

Относительно обстановки «Свадьбы Фигаро» пришлось бы сдѣлать гораздо болѣе оговорокъ. Эта опера много потеряла отъ сухости и безжизненности голоса г. Анджелини и отъ неспособности г-жи Джюваннони къ роли Розины Альмавива. За то г. Граціани здѣсь былъ

удовлетворительнѣе, чѣмъ въ «Донъ-Жуанъ». Что касается Лукки, то здѣсь, какъ и тамъ, она одна исполнила свою партію въ совершенствѣ.

Но оцѣнка исполненія этихъ оперъ не составляетъ избраннаго нами предмета. Обѣ совершеннѣйшія оперы Моцарта были даны въ нынѣшнемъ году для того, чтобы, воспользовавшись возможностью нѣкотораго ансамбля, оживить нашъ мимолетный репертуаръ безсмертными произведеніями прошлаго столѣтія. Если мы не ошибаемся, такова была именно мысль тѣхъ, кто предложилъ сопоставить въ нынѣшнемъ сезонѣ «Свадьбу Фигаро» съ «Донъ-Жуаномъ». Съ этой же, или съ подобной цѣлью, набросанъ этотъ взглядъ на Моцарта и его двѣ важнѣйшія оперы. Мы хотѣли напомнить нынѣшнимъ читателямъ, перёдъ которыми являются нерѣдко самыя фантастическія сопоставленія художниковъ звука, мастеровъ гармоніи, и часто выступаютъ образы, преднамѣренно раздутые и заслоняющіе Моцарта, или наивно намалеванные яркими красками, безъ соблюденія перспективы, указываемой вѣчной справедливостью искусства, — напомнить этимъ читателямъ о томъ геніѣ, котораго никакія потребности минуты не въ силахъ развѣнчать, о художественныхъ образахъ, созданныхъ тѣмъ полнымъ властелиномъ музыки, къ которому, по сравненію съ нѣкоторыми слышкомъ превозносимыми современниками, можно вполне примѣнить наивныя, но глубоко вѣрныя слова Мартина Лютера о Жоскенѣ, одномъ изъ отцовъ музыки: «Josquin ist der Noten Meister, die habens müssen machen wie er wollt; die andern Sangmeister müssen machen, wie es die Noten wollen haben ¹⁾».

Моцарта не разъ сравнивали съ Гёте. Сходство есть. Моцартъ — тотъ же чистый, но болѣе страстный художникъ, нежели Гёте. Въ его время, въ искусство еще не проникъ говоръ общественныхъ думъ, страстей; общество, какъ личность, какъ организмъ еще не являлось передъ художникомъ. Французская республика еще не была провозглашена, когда умеръ Моцартъ; борьба общественная еще не коснулась его генія. Человѣчество только-что начинало носиться съ той міровой думою, которая обратила дальнѣйшую жизнь его въ борьбу, а жизнь позднѣйшихъ его представителей въ страданіе, смягчаемое только сознаніемъ своего торжества надъ духомъ тьмы и неволи. Свобода еще не возставала, чтобы тотчасъ же пасть скованною къ ногамъ великаго завоевателя. Упованія, возбужденныя ею и вскорѣ заглушенныя кровью, еще не обладали полемъ искусства. Поэзія еще не бросила перчатки всему призванію человѣчества и его жадѣ счастья, какъ у Байрона. Любовь еще не стонала отъ того внутренняго раскола, который вдохновлялъ Гейне и Альфреда Мюссè.

¹⁾ «Жоскенъ—властитель нотъ; онѣ должны дѣлать какъ онъ хочетъ; другіе мастера должны дѣлать, какъ хотятъ ноты».

Музыка тогда жила во храмѣ недостигаемомъ для той великой толпы, которая называется человѣчествомъ; въ этомъ храмѣ былъ культъ искусства, а не та новая Одиссея, которая изображаетъ поиски человѣчества за истинною, опасности его среди Сциллы и Харибды, и въ которой любви отведено только мѣсто эпизодическое, какъ въ исторіи странствія троянскаго героя.

Наслѣдовавшій Моцарту, послѣдній членъ того великаго триумвирата, который создалъ новую музыку, поставивъ ее на высоту еще ни кѣмъ не превзойденную,—триумвирата Гайдна, Моцарта, Бетховена, былъ уже обуреваемъ страстью своего времени. Въ Бетховенѣ уже является поэзія борьбы идей, стремленіе духа выше и выше къ истинѣ и блаженству, борьба его съ несчастіями и препятствіями, страданія его отъ разрозненности и, наконецъ, какъ въ пасторальной симфоніи,—примиренія человѣка съ его долею. Въ этомъ примиреніи, необходимомъ для стройности и законченности художественнаго творенія, есть еще уступка идеалу искусства, уступка, на которую вскорѣ художники перестали соглашаться, которую они стали презирать, какъ недостойную слабость, какъ отреченіе, какъ успокоительную и самообольщающую ложь.

Моцартъ не зналъ ничего этого. Онъ былъ — пѣвецъ любви, любви безъ оглядки, любви безъ раскаянія, любви безъ боязни, что въ какуюнибудь минуту ей придетъ мысль:—А вѣдь ты, правду сказать, жалкое ничего недѣланіе. Ты — не призваніе человѣка, не цѣль его; ты — Дидона, а Эней убѣгаетъ отъ Дидоны; ты — Калипсо, а Телемакъ, увлекаемый мудрымъ Менторомъ, бросается въ житейское море и тѣмъ спасается отъ Калипсо!—

Если бы Моцартъ такъ думалъ, онъ не создалъ бы «Донъ-Жуана», ни «Свадьбы Фигаро», ни «Волшебной Флейты», короче, онъ не былъ бы Моцартомъ. Онъ не жилъ жизнью общества, или лучше сказать, само общество еще не жило сознательно или едва начинало жить, а лепетанье его задач не могло отклонить жреца искусства отъ того алтаря, которому онъ служилъ. Алтарь этотъ былъ алтарь поклоненія красотѣ. «Донъ-Жуанъ» — произведеніе совершенно романтическое по сюжету, предудивнѣе самое появленіе такъ называемой романтической школы, но по мысли — чисто классическое, эллинское или римское произведеніе. Моцартъ — Анакреонъ музыки, мысль «Донъ-Жуана» — мысль овидіевыхъ метаморфозъ.

Влеченіе къ красотѣ въ ея самомъ могущественномъ воплощеніи—женщинѣ, вотъ поэзія, глубоко запечатлѣвшая «Донъ-Жуана», и отражающаяся почти на всѣхъ драматическихъ произведеніяхъ Моцарта. «Свадьба Фигаро» была не только по работѣ художника, но и по мысли его — предвѣстіемъ «Донъ-Жуана». Пажъ Херувимъ, «еще самъ незнающій, что онъ чувствуетъ», это — донъ-Жуанъ только-что

вышедшій изъ колыбели, или, какъ характерно замѣчаетъ Улыбышевъ, донъ-Жуанъ въ скрипичномъ ключѣ. «Пусть — говоритъ онъ — у Керубино отрутуть і gran mustacchi, которые предсказываетъ ему Фигаро, и тогда горе Альмавивѣ или ему подобнымъ, если они встрѣтять его на своемъ пути». Сузанна въ «Свадьбѣ Фигаро» ужь говоритъ о пажѣ-херувимчикѣ, что всѣ женщины ему покорятся. Улыбышевъ замѣчаетъ о донъ-Жуанѣ: «Это такой человекъ, котораго одно приближеніе ставитъ въ опасность честь женщинъ и жизнь мужчинъ». Такимъ образомъ, упонительныя любовныя пѣсни донъ-Жуана: серенада и, въ особенности, чудная мелодія: *Discendi o gioja bella!* въ трио, предшествующемъ серенадѣ, естественно вытекаютъ изъ двухъ арій пажы въ «Свадьбѣ Фигаро», этихъ прелестныхъ и, повидимому, наивныхъ признаній невѣдѣнія въ любви, но въ дѣйствительности уже смущающихъ покой Розины Альмавивы, несмотря на ребячество пѣвца, и несмотря на искреннюю любовь ея къ мужу. Такъ много въ этихъ аріяхъ той жгучей таинственности, того заражительнаго невѣдѣнія, которое, хотя и наивно, но уже виновно, виновно своимъ любопытствомъ, своимъ непреодолимымъ стремленіемъ къ знанію.

Но есть ли донъ-Жуанъ простой типъ вивѣра и бреттѣра, не есть ли онъ не что иное, какъ блестящій Боккингамъ, съ подкладкою Гузмана, *qui ne connait pas d'obstacle*? Это былъ бы типъ тривиальный. Героевъ въ этомъ родѣ было много на свѣтѣ, да и теперь есть не мало пожалуй въ кавалерійскихъ полкахъ любой арміи. Нѣтъ, донъ-Жуанъ неизмѣримо выше этого пошлаго типа. Геній положилъ на него свою печать и сдѣлалъ изъ него человека необыкновеннаго, съ глубиною и жгучестью чувства, а вмѣстѣ съ ненасытностью и алчностью, которыя вмѣютъ въ себѣ вѣчто идеальное. Не только подвиги донъ-Жуана недоступны обыкновеннымъ людямъ, но и тѣ размѣры чувства, та поэзія, которая изъ любви сдѣлала почти какую-то идею, которая донъ-Жуана обратила какъ бы въ «вѣчнаго жида» любви, жаждущаго вѣчной переменны, вѣчнаго странствія, вѣчной борьбы и побѣды, въ силу какого-то рока, — все это дѣлаетъ изъ донъ-Жуана типъ поэтической, отчасти таинственный, во всякомъ случаѣ роковой (*fatal*), — болѣе чѣмъ, какъ-то говоритъ Улыбышевъ, — идею!

Въ этомъ отношеніи, Гоффманъ, въ своемъ знаменитомъ разсказѣ образцоваго исполненія моцартовой оперы вовсе не такъ ошибся, какъ то показалось Улыбышеву. Гоффманъ представляетъ этого героя чѣмъ-то въ родѣ Фауста, одареннаго необыкновенною природою для стремленія къ обладанію чистою истиною и чистою красотой. Фаустъ готовъ отравиться и отравился бы, еслибы ему не явился на выручку Мефистофель. Такъ донъ-Жуанъ, по мнѣнію Гоффмана, отравляется, впадая въ

развратъ, въ которомъ растрчиваетъ и жертвуетъ необыкновенныя силы своей природы. Улыбывшеся съ негодованіемъ отвергаетъ этого метафизическаго донъ-Жуана; для него донъ-Жуанъ полонъ силъ и умственнаго здоровья, онъ дѣйствуетъ по своей природѣ, а не искажаетъ ее. Гоффманъ, конечно, не правъ, онъ не правъ въ томъ, что подтачиваетъ художественный типъ къ нравственнымъ категоріямъ добродѣтели и порока. Отсюда у него является необходимость объяснить всеокрушающую страсть донъ-Жуана паденіемъ его, подобно тому, какъ паденіемъ объяснено стремленіе чловѣка къ свободѣ и познанію и страданія его въ борьбѣ за достиженіе этихъ благъ. Но Гоффманъ совершенно правъ и согласенъ съ типомъ донъ-Жуана у Моцарта, когда онъ видитъ въ лицѣ донъ-Жуана нѣчто роковое, идею увлекающую его безотчетно, однимъ словомъ, когда онъ объясняетъ его характеръ призваніемъ, и это призваніе выводитъ метафизически, и видитъ въ дѣйствіяхъ донъ-Жуана роковую необходимость. Донъ-Жуанъ есть осуществленіе не отдѣльнаго чловѣка, не драматическій характеръ, не индивидуальный организмъ, однимъ словомъ, а — представитель, образъ одного изъ стремленій чловѣчества — стремленія къ наслажденію. Сравненіе съ Фаустомъ въ этомъ отношеніи совершенно вѣрно. Фаустъ до перваго своего превращенія и до той перемѣны, того обезличенія, которое замѣчается въ немъ во второй части Гётевой поэмы, послѣ эпизода съ Гретхенъ — представляетъ тотъ типъ, который усвоенъ ему въ народной былинѣ; онъ изображаетъ стремленіе къ познанію, къ истинѣ, если угодно. Во второй части, Фаустъ уже возвышается (вопросъ еще, возвышеніе ли это? но, по мысли и по духу самого Гёте, это было такъ) до полной объективности, до той спокойной гармоніи, въ которой чловѣческая жизнь, жизнь всего чловѣчества, т. е. исторія и жизнь природы являются только предметами спокойнаго наблюденія, въ которомъ познаніе добывается безъ борьбы, и борьба утратила свой смыслъ.

Но что мы видимъ при первомъ превращеніи Фауста? Чего просить онъ у Мефистофеля: познанія истины? Нѣтъ — молодости, наслажденія, обладанія красотою.

Der grosse Geist hat mich verschmäht,
Vor mir verschliesst sich die Natur.
Des Denkens Faden ist zerrissen;
Mir ekelt lange vor allem Wissen.
Lass in den Tiefen der Sinnlichkeit
Uns glühende Leidenschaften stillen!
In undurchdrungenen Zauberhüllen
Sei jedes Wunder gleich bereit!

Со стороны доктора Фауста это — паденіе. Но представьте себѣ Фауста, созданнаго прямо на эту тему, Фауста, котораго призваніе — не

стремленіе къ знанію, а къ обладанію всѣмъ, чѣмъ возможно обладать посредствомъ наслажденія, и вотъ вы будете имѣть передъ собою легендарнаго донъ-Жуана.

Но спросятъ, какъ могъ возвыситься до такого пониманія донъ-Жуана—аббатъ Да-Понте, вѣнскій poeta di corte, стоящій какъ поэтъ ниже своего предшественника Метастазіо, который и самъ былъ только сладкозвученъ, а не силенъ мыслію? Отвѣтимъ: Лоренцо Да-Понте и не создалъ этого типа; его создалъ геній Моцарта. Въ либретто Да-Понте донъ-Жуану мѣстами вложены въ уста изрѣченія самаго пошлаго, казарменнаго характера; взглядъ свой на этого героя поэтъ выразилъ самымъ обозначеніемъ его въ либретто: Don-Giovanni — giovane estremamente licenzioso (молодой человѣкъ чрезвычайно распутный). Вотъ все, что думалъ Да-Понте о донъ-Жуанѣ, котораго пересоздалъ Моцартъ, котораго композиторъ обратилъ въ нѣчто непредвидѣнное поэтомъ. Какимъ образомъ могло совершиться это превращеніе? Здѣсь являюся два вопроса: во-первыхъ, какъ могъ Моцартъ сдѣлать изъ донъ-Жуана то, что онъ хотѣлъ, оставаясь однако въ рамкахъ либретто Да-Понте, работая по его канвѣ; и во-вторыхъ: почему именно Моцарту донъ-Жуанъ явился въ своемъ легендарномъ величіи, почему именно мастеръ Вольфгангъ сумѣлъ создать въ музыкѣ этотъ типъ-идею такъ, какъ никому еще не удалось создать въ музыкѣ другой подобный типъ, типъ Фауста.

Чтобы отвѣчать на эти вопросы, мы должны вовлечь въ наше объясненіе не только геній Моцарта и его личность, съ которою мы должны познакомиться поближе, но еще одинъ геній, геній Мольера.

Замѣчательно, что Улыбышевъ, въ своемъ превосходномъ изслѣдованіи, не отвелъ должнаго мѣста вліянію французскаго драматурга. Онъ указываетъ на испанское происхожденіе пьесы, цитируетъ авторовъ, у которыхъ Да-Понте заимствовалъ сюжетъ, говоритъ объ el Combidado de pietra, Тирсо - де - Молина, но не указываетъ на пьесу Мольера, какъ на главный источникъ пьесы Да-Понте.

Между тѣмъ вліяніе пьесы Мольера на Да-Понте и мысли Мольера на самого Моцарта очевидно. Можно сказать, что либретто прямо выкроено изъ пьесы Мольера, хотя расположеніе ея иное, и есть сцены удобныя для музыки, которыхъ нѣтъ у Мольера. Такъ, эпизода съ командоромъ у Мольера нѣтъ, но либреттисту не было нужды отыскивать его въ легендѣ, такъ какъ эпизодъ этотъ упоминается въ пьесѣ Мольера. Донны Анны въ ней нѣтъ, и введеніе этого лица дало важный матеріалъ для усиленія трагическаго элемента въ оперѣ. Но всѣ остальные лица: Лепорелло (Sganarelle), Мазетто (Pierrot), Церлина (Charlotte), донна Эльвира, статуя Коммандора—находятся у Мольера и обрисованы въ томъ смыслѣ, въ какомъ они поняты въ оперѣ, хотя далеко не такъ полно и не такъ поэтично, какъ они являются одѣтые

въ лучи моцартова вдохновенія. Нѣкоторые разговоры и нѣкоторыя сцены просто переведены буквально либреттистомъ изъ пьесы Мольера; напримѣръ: увѣщанія, съ которыми Лепорелло обращается къ своему господину; сцена на кладбищѣ съ приглашеніемъ статуи къ ужину, наконецъ сцена за ужиномъ (она взята у Мольера изъ четвертаго акта и дополнена появленіемъ привидѣнія въ концѣ пятаго акта). За то у Мольера нѣтъ бала, который подаетъ поводъ къ знаменитому финалу перваго акта, нѣтъ сцены обмана донны Эльвиры и т. д. Однимъ словомъ, Да-Понте обработалъ и очень удачно обработалъ пьесу Мольера для музыкальнаго либретто, выкинувъ изъ нея лишніе персонажи: отца донъ-Жуана, братьевъ донны Эльвиры, *monsieur Dimanche* и проч. Но что онъ пользовался именно пьесою Мольера, въ этомъ ручается, повторяемъ, буквальный переводъ нѣкоторыхъ мѣстъ ея.

Что касается вліянія Мольера на Моцарта, то оно тоже замѣтно. Мольеръ понималъ типъ донъ-Жуана въ томъ смыслѣ, какъ его понималъ Моцартъ, но не такъ глубоко. У него донъ-Жуанъ—лицо необыкновенное, не тривиальный *coureur d'aventures*. Вотъ, что донъ-Жуанъ говоритъ о себѣ у Мольера: «Я не могу отказать въ своемъ сердцѣ ни одной красавицѣ, которую встрѣчаю, и если бы у меня было *десять тысячъ сердецъ*, я всѣ бы роздалъ. Чувствуешь необыкновенное наслажденіе, стараюсь покорить всевозможными угожденіями красивую дѣвушку; наслажденіе слѣдить за успѣхами, которые мало-по-малу одерживаешь надъ нею, бороться съ порывами, слезами и вздохами, съ невинной скромностію души, которая колеблется, шагъ за шагомъ одерживать побѣду надъ сопротивленіями, которыми она съ нами борется; торжествовать надъ возраженіями ея добродѣтели, которыми она гордится, и вести ее постепенно къ полной покорности.... Однимъ словомъ, нѣтъ ничего сладостнѣе, какъ побѣда надъ сопротивленіемъ красавицы, и я въ этомъ отношеніи чувствую въ себѣ честолюбіе завоевателей, которые вѣчно стремятся отъ побѣды къ побѣдѣ и не могутъ ограничить своихъ желаній. Ничто не можетъ остановить пылкости желаній моихъ, я ощущаю въ себѣ сердце готовое любить весь міръ, и какъ Александръ, я желаю бы, чтобы были еще другіе міры, на которыя я могъ бы распространить мои любовныя завоеванія».

Вотъ какъ очертилъ Мольеръ своего героя. Моцартъ понималъ его въ этомъ смыслѣ; хотя либреттисту эта исповѣдь донъ-Жуана показалась только забавною, а потому онъ вложилъ ее, за донъ-Жуана, въ уста лакея его, въ каррикатурномъ видѣ (*il catalogo*), такъ что композитору не предстояло случая изложить характеръ героя отъ его же лица, но онъ *на дѣлѣ* обрисовалъ своего героя именно въ смыслѣ программы Мольера, только со всею тою разницею, которая должна была быть между реалистомъ французомъ и германскимъ мечтателемъ, — между

холодною прозою Мольера и жгучею, волшебною поэзіею звуковъ Моцарта.

Есть еще одна черта общая донъ-Жуану Мольера и Моцарта, это—непокорность сверхъестественному вмѣшательству. Но у Мольера донъ-Жуанъ является только какъ *esprit fort* конца XVII вѣка (его пьеса написана въ 1665 году), у Моцарта же, въ силу германскаго генія, донъ-Жуанъ не отрицаетъ сверхъестественной силы, а противится ей. Онъ долженъ ей противиться потому именно, что его призваніе неодолимо. Онъ представляетъ безусловное стремленіе къ наслажденію, стремленіе столь же вѣчное въ человѣчествѣ, какъ и понятіе его о силѣ сверхъестественной, вмѣшивающейся въ его судьбу. Донъ-Жуанъ столь же мало можетъ быть утрашенъ и остановленъ привидѣніями, какъ Фаустъ, потому именно, что призваніе ихъ роковое. Въ стремленіи къ наслажденію, возведенномъ на степень идеи, какъ у Моцарта, есть свой трагизмъ, какъ во всякой силѣ, дѣйствующей безусловно. Донъ-Жуанъ можетъ быть уничтоженъ сверхъестественною силою, какъ лицо, но онъ не можетъ отступить передъ ней, какъ идея. До такого образа пониманія типа донъ-Жуана не возвысился не только Да-Понте, но и самъ Мольеръ. У Да-Понте исходъ драмы, по его мысли, самый тривіальный. Это обнаруживается самымъ заглавіемъ (вторымъ) пьесы: *Don Giovanni ossia il dissoluto punito* (или наказанный развратникъ). Такимъ образомъ, по мысли итальянца, весь смыслъ драмы состоитъ въ томъ, что «дурныя дѣла рано или поздно влекутъ за собою наказаніе». Это отношеніе къ сюжету видно и изъ пошлыхъ словъ, вложенныхъ либреттистомъ въ уста героя, когда ему угрожаетъ командоръ, въ послѣдней сценѣ: *No, vecchio infatuato!* (Нѣтъ, взбалмошный старикъ!), и въ тѣхъ мало значущихъ остальныхъ словахъ, которыя онъ далъ допъ-Жуану въ этой грозной сценѣ, и которыя единственно въ музыкѣ Моцарта получаютъ великое трагическое значеніе.

У Мольера, донъ-Жуанъ, какъ человѣкъ необыкновенный, разумѣется—*esprit fort*, но не болѣе. Въ грозной сценѣ конца, его возраженія привидѣнію слабы: «*Non, non, rien n'est capable de m'imprimer de la terreur*» и далѣе: «*Non, non, il ne sera pas dit, quoiqu'il arrive, que je sois capable de me repentir.*» Итакъ, здѣсь *esprit fort*, донъ-Жуанъ, изъ тщеславія не хочетъ покориться сверхъестественной очевидности, и сцена выходитъ нелѣпая. Тщеславный *esprit fort* можетъ отрицать сверхъестественность сколько угодно, не только за веселымъ пиромъ, но и на смертной постелѣ. Но смѣшно отрицаніе его, когда сверхъестественность въ-очюю стоитъ передъ нимъ. Вотъ почему слабы и тривіальны слова Донъ-Жуана у Мольера въ послѣдней сценѣ, и Станарелла (Депорелло) основательно заключаетъ пьесу Мольера словами: *l'impïété de mon maître punie par le plus épouvantable châtement du*

monde,—слова, которыя даютъ исходу пьесы тотъ самый ограниченный смыслъ, какой онъ имѣетъ въ либретто Да-Понте.

Какъ неизмѣримо выше трагизмъ этой сцены у Моцарта! Съ самаго перваго обращенія его донъ-Жуана къ сверхъестественности, которой нельзя не вѣрить, когда она является реально, какое истинно-трагическое отношеніе къ ней этого героя-идеи! Въ сценѣ на кладбищѣ, послѣ глумленія надъ статуею командора, жертвы роковой шпаги донъ-Жуана (кстати замѣтимъ еще сходство его съ Фаустомъ: дуэль съ командоромъ имѣетъ совершенно тоже значеніе, какъ поединокъ Фауста съ Валентиномъ, братомъ Гретхенъ), когда несомнѣнные признаки говорятъ о присутствіи сверхъестественной силы, донъ-Жуанъ самъ обращается къ статуѣ съ вопросомъ: Verrete a sena? Этотъ вопросъ имѣетъ въ музыкѣ значеніе вызова: натуральное *ut* сходящее на *la dièze* въ спокойныхъ четвертяхъ, — вотъ твердая, мужественная постановка вопроса, подчеркиваемая совокупленіемъ тѣхъ же нотъ въ двойномъ аккордѣ оркестра. Затѣмъ таже фраза: Verrete a sena? но уже измѣненная; пониженная на кварту, она вдругъ поднимается квинтою (съ *mi naturel* на *si*). Въ этомъ вы положительно слышите вызовъ. Самое повтореніе вопроса съ его твердой постановкой, въ этой транскрипціи, представляетъ поразительный эффектъ: вы чувствуете, что донъ-Жуанъ признаетъ сверхъестественность, но не только не думаетъ покориться ей, а надменно возстаетъ передъ нею; вы слышите, что сила вызываетъ силу, и понимаете, что на эту борьбу съ сверхъестественнымъ рѣшается нѣчто тоже роковое. Здѣсь донъ-Жуанъ обнаруживается во всемъ своемъ значеніи *идеи*, значеніе, которое, легче можно упустить изъ виду въ его любовныхъ кантиленахъ, несмотря на ихъ ѣдкій, гибельный ароматъ, напоминающій чарующій, но смертельный запахъ цвѣтовъ пресловутаго «дерева смерти».

Таже неподвижность въ своихъ замыслахъ и то же горделивое отношеніе къ сверхъестественности еще съ большею силою выступаютъ въ послѣдней сценѣ, при появленіи привидѣнія за ужиномъ. Повтореніе страшныхъ вступительныхъ аккордовъ увертюры, гробового хора командора, испугъ, обнаруживаемый переливающимися безнадежно гаммами всего оркестра и трепещущими триолетами его басовъ, вся эта чудная фантазмагорія загробнаго міра представляетъ намъ сверхъестественную реальность, которую не можетъ не признавать донъ-Жуанъ. И вотъ этой-то поэмѣ смерти, этой-то слишкомъ ясной угрозѣ страшнаго міра, онъ бросаетъ свои великолѣпные вопросы:

Parla dunque, che chiedi, che vuoi?

«Чего ты хочешь, зачѣмъ ты пришолъ», спрашиваетъ онъ у представителя міра смерти, который сокрушить его. Эти звуки: *che chiedi, che vuoi*, съ настойчивостью усиливающіе вызовъ—звуки потрясающіе;

они сами сверхъестественны. Привидѣніе приглашаетъ его выслушать приговоръ:

Parlo, ascolta, più tempo non ho....

Тогда герой жизни, герой наслажденія бросаетъ смерти снова свой вызовъ въ видѣ вопроса: «Говори-же, я готовъ выслушать» —

Parla, parla, ascoltando ti sto.

Эта, необыкновенно эффектная, фраза, въ верхнихъ нотахъ которой слышенъ вызовъ уже грозный, этотъ чудный отказъ жизни въ повиновеніи смерти, является уже съ ритмомъ болѣе живымъ, чѣмъ вызовъ на кладбищѣ: *Vegete a cena?* Полная жизненной силы фраза эта произносится *forte* и даже съ усиленіемъ голоса, вначалѣ, что зависитъ отъ самой ея формаціи, и еще болѣе одушевляется подвижностью акомпанимента, который какъ бы выноситъ ее изъ всего діалога, и даетъ ей особое значеніе.

Сколько философіи здѣсь въ построеніи каждой фразы, въ инструментовкѣ и многообразныхъ модуляціяхъ! Сколько психическаго анализа и какой глубокой, ясно обдуманной драматизмъ въ развитіи. Вотъ, что сдѣлалъ Моцартъ изъ плохихъ словъ, но великолѣпной рамки, данной ему либреттистомъ. Въ эту рамку, назначенную для салонной картины, для изображенія тривиальной морали въ лицахъ, онъ вмѣстилъ два міра. И сколько ни портить ему дѣло Да-Понте своими будничными словами, какъ напр. (на кладбищѣ):

Bizarra è inver la scena,
Verrà il buon vecchio a cena

или пошлыми шутками (за ужномъ) Лепорелло, въ родѣ:

Oibb, tempo non ha, scusate!

великій мастеръ звуковъ—*der Noten Meister*, по выраженію Лютера—превозмогаетъ все это силою своего вдохновенія.

Такимъ образомъ, донъ-Жуанъ выходитъ у него совсѣмъ не *Giovane estremamente licenzioso, ne dissoluto punito, ne indegno cavaliere* — какимъ его рекомендуетъ Да-Понте, не только Александромъ любви, и тщеславнымъ *esprit fort*, какъ онъ представлялся Мольеру, который не могъ возвыситься до олицетворенія въ своемъ героѣ полной, широкой идеи, и тутъ же испортилъ едва начертанный имъ съ легенды образъ, заставивъ своего донъ-Жуана прикидываться ханжой (въ сценѣ съ отцомъ) и обманывать кредиторовъ (въ сценѣ съ *M. Dimanche*), какъ бы съ цѣлью сдѣлать его «весьма и весьма достойнымъ наказанія», — а духъ наслажденія, идущій къ нему чрезъ трупъ, чрезъ насиліе, чрезъ всѣ священныя связи, наперекоръ всему земному и въ видѣ вызова сверхъестественному міру.

Теперь объяснимъ, почему именно Вольфгангъ Моцартъ былъ болѣе способенъ, чѣмъ кто-либо, создать этотъ типъ, при помощи своего гения. Для этого намъ надо вникнуть въ характеръ и жизнь самого композитора. При этомъ случаѣ, и чтобы дополнить нашъ очеркъ, не прерывая лишній разъ нити разсказа, мы сдѣлаемъ здѣсь паузу и разскажемъ вмѣстѣ нѣсколько чертъ, характеризующихъ всю дѣятельность Моцарта.

Жизнь Вольфганга Моцарта протекла безъ особенныхъ, необыкновенныхъ приключеній. Предѣлы нашего очерка не дозволяютъ изложить его біографію, довольно впрочемъ извѣстную большинству читателей. Жилъ онъ постоянно въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, перебивался своимъ трудомъ и съ трудомъ. Такъ, «Волшебную флейту» онъ долженъ былъ отдать за безцѣнокъ. Былъ онъ сначала концертмейстеромъ за 12 гульденовъ съ нѣсколькими крейцерами жалованья, и никогда не добился сколько нибудь обеспеченнаго положенія. Уже умирая, всего тридцати пяти лѣтъ отъ роду (Моцартъ родился 1756 г., умеръ 1791 г.), онъ лежа на постелѣ, съ которой ему не суждено было подняться, и очень хорошо понимая это послѣднее обстоятельство, получилъ извѣстіе о назначеніи его директоромъ музыки въ вѣнскомъ соборѣ св. Стефана и горько жаловался, что ему приходится умирать: «Теперь, когда я обеспеченъ, когда я могъ бы работать, не дѣлая болѣе уступокъ прихотямъ публики, когда я могъ бы быть полезенъ семейству, теперь я, въ силѣ молодости, оставляю жену свою и своихъ дѣтей, и умираю»....

Признавъ Моцартъ современниками не былъ, и только его «Волшебная флейта», опера-шутка, написанная въ стилѣ чисто-нѣмецкомъ, была популярна въ Германіи. Эта опера, также какъ и «Титъ» (la Clemenza di Tito) написаны имъ въ годъ смерти, передъ знаменитымъ «Requiem», которымъ онъ простился съ міромъ. Истощенный работою, надъ которою онъ сидѣлъ до совершеннаго изнеможенія, принялся онъ за «Тита», и думалъ, что эта новая работа разсвѣтъ его мрачныя мысли, успокоитъ его раздраженные нервы. Онъ самъ принялся за нее съ охотою, но она еще болѣе обезсилила его. «Идоменей», опера, написанная подъ вліяніемъ Глюка и представленная въ Мюнхенѣ въ 1785 году, имѣла тамъ большой успѣхъ. «Похищеніе изъ серала», опера, представленная въ Вѣнѣ въ 1782 году и написанная по заказу Іосифа II, имѣла успѣхъ только при дворѣ и обратила на него особенное вниманіе императора, который и далъ ему затѣмъ сюжетомъ комедію Бомаршэ: «Свадьба Фигаро». Эта опера, вмѣстѣ съ «Донъ-Жуаномъ», составляетъ вѣнецъ Моцарта, какъ опернаго композитора. Здѣсь онъ явился свободнымъ отъ всякаго вліянія и слилъ всѣ роды, употребивъ ихъ какъ средство, создавъ изъ нихъ свой родъ, ставъ законодателемъ всемірной музыки. Здѣсь воспользовался онъ и своимъ знакомствомъ съ итальянскою шко-

лю, во вкусѣ которой писалъ оперы для миланской сцены, будучи еще почти мальчикомъ, и успѣхами, которые сдѣлала драматическая музыка, благодаря Глюку, и нѣмецкой школѣ.

Но въ Вѣнѣ, ни «Nozze di Figaro», ни «Don Juan», не имѣли успѣха. «Свадьба Фигаро», представленная въ 1785 году, пала, вслѣдствіе дурного исполненія, зависѣвшаго частью отъ неспособности итальянскихъ пѣвцовъ, а частью и отъ интригъ оберъ-директора музыки, итальянца Салиери, который, въ тоже время, поставилъ никому неизвѣстную нынѣ свою оперу «Cosa гага», которая «затмила» произведеніе Моцарта. За то въ Прагѣ «Свадьба Фигаро» имѣла огромный успѣхъ. Непривычный къ успѣху, Моцартъ былъ такъ тронутъ этимъ, что сказалъ: «Если чехи меня такъ хорошо понимаютъ, то напишу же я оперу особо для нихъ». И написалъ — «Донъ-Жуана». «Донъ-Жуанъ» былъ представленъ въ Прагѣ 4 ноября 1787 года, и имѣлъ колоссальный успѣхъ. Въ Вѣнѣ же и онъ не особенно понравился; его «затмила» опять новая опера бездарнаго Салиери: «Ахиг».

Такъ-то боролся этотъ геніальный человѣкъ съ нуждою и съ невѣжествомъ. Но если оставить въ сторонѣ эти тяготѣвшія надъ нимъ внѣшнія обстоятельства, то можно, пожалуй, признать его счастливымъ въ жизни, по крайней мѣрѣ въ томъ, что зависѣло отъ его собственной природы и отъ близкихъ его связей. Онъ нѣжно любилъ своего отца, почтеннаго капельмейстера и композитора, который долго держалъ сына въ строгой, но согрѣтой любви, опекалъ. Письма Моцарта-сына къ отцу представляютъ богатый матеріалъ для уразумѣнія внутренней жизни этой геніальной природы. Онъ любилъ жену, любилъ дѣтей, имѣлъ друзей, и вообще былъ счастливо обставленъ связями.

Да нельзя было и не любить взаимно Вольфганга Моцарта. Тайна его творчества заключается именно въ обидѣ любви, которая проникла и, можно сказать, составляла всю его природу. Рассказываютъ, что, будучи ребенкомъ, онъ иногда спрашивалъ всѣхъ окружающихъ: любятъ ли они его, и если получалъ отъ кого-либо, хотя бы въ шутку, отвѣтъ отрицательный — горько плакалъ. Этотъ геніальный и величайшій поэтъ любви и анализаторъ всѣхъ ея видовъ былъ самъ — весь любовь.

Это была натура артистическая, многосторонняя или, если хотите — многострунная. Усиленная работа и величіе помысловъ и образовъ, которые онъ въ себѣ носилъ, не препятствовали ему быть тѣмъ, что называется: «веселымъ мальчмъ.» Онъ любилъ шумную бесѣду съ друзьями, за виномъ; сочувствіе къ его идеямъ, энтузіазмъ къ его произведеніямъ повергали его въ упоеніе. Сыновняя и супружеская любовь не исключала въ немъ любви *симоной*, той любви, которой заманчивость и ѣдкую сладость онъ такъ мастерски изобразилъ въ величайшихъ своихъ операхъ. Это вовсе не значить, что онъ былъ разврат-

никъ. Нѣтъ, развратникъ всегда бываетъ бездушнѣе и неспособнѣе къ высокой, чистой привязанности. У Моцарта это было просто результатъ многосторонней, плодотворной природы, жадной во всѣмъ родамъ наслажденія, хотящей жить полною жизнью и не кастрирующей себя во имя долга, который онъ исполнялъ, коль скоро временныя его связи и минутныя наслажденія не нарушали въ немъ постоянной, искренней и чистой любви.

Вотъ тотъ человѣкъ, который былъ особенно способенъ къ созданію пажа Керубино и своего героя—донъ-Жуана. Онъ олицетворилъ въ нихъ стремленіе, которое самъ ощущалъ, но которому не позволялъ увлекать себя. Въ нихъ, въ этихъ типахъ, онъ изобразилъ его безусловно, какъ вѣчное стремленіе человѣчества. Ошибаются тѣ, которые видятъ въ типѣ донъ-Жуана нѣчто демоническое. Нѣтъ—это чисто человѣческое стремленіе, только возведенное на степень безусловности, обращенное въ идею и, при гениальности творца его, получившее характеръ колоссальности, которая только своими размѣрами и своей безусловностью похожа на нѣчто сверхъестественное.

Любовь во всѣхъ ея подраздѣленіяхъ: любовь платоническую, «иъ-щанскую» фантастическую Моцартъ влилъ во всѣ свои оперы и представилъ еѣ въ каждой нѣсколькими лицами. Въ «Свадьбѣ Фигаро», въ «Донъ-Жуанѣ», въ «Волшебной флейтѣ» есть цѣлыя квартеты и секстеты любви, всевозможныхъ характеровъ.

Теперь понятно, почему именно Моцартъ былъ наиболѣе способенъ для того, чтобы создать вѣчный типъ стремленія къ наслажденію. Затѣмъ, является вопросъ, откуда же бралась у этого «веселаго человѣка» такая бездна трагизма, почему въ его произведеніяхъ поэма наслажденія постоянно граничитъ съ трагедіею?

Быть можетъ, далеко не для всѣхъ покажется страннымъ, если мы скажемъ, что въ такой впечатлительной, внутренне развитой, вѣчно мечтающей и вѣчно чувствующей природѣ, какъ у Моцарта, рядомъ съ инстинктомъ любви и наслажденія, его уму вѣчно, почти ни на моментъ не отставая, была присуща мысль о смерти. Вотъ почему творецъ величайшей изъ поэмъ любви—«Донъ-Жуана», былъ также творцомъ величайшей, бессмертной поэмы смерти: «Реквіема». Всѣмъ извѣстна таинственная исторія сочиненія этого «Реквіема». Моцартъ самъ открыто говорилъ, что пишетъ его для себя, и окончивъ это произведеніе, умирая повторялъ еще: «Не говорилъ ли я вамъ, что «Requiem» пишу для себя?» И это было не результатомъ болѣзненнаго настроенія пзмученнаго работою артиста. Нѣтъ, это было только какое-то инстинктивное сознаніе, что приближается тотъ часъ, о которомъ онъ давно думалъ, который мелькалъ въ его помислахъ за стаканомъ вина, въ веселой бесѣдѣ, и производилъ въ его тайной творческой душѣ страшное *tuba miram* «Реквіема», рядомъ съ комическою пѣснью Папа-

гено (то и другое написано въ одномъ году). Моцартъ такъ освоился съ идеею смерти, столько разъ бесѣдовалъ съ нею, узнавая ея языкъ и частью, насколько позволяли человѣческія средства, передавая его въ своихъ мрачныхъ картинахъ, отъ которыхъ на самую любовь у него вѣтъ чѣмъ-то гибельнымъ, еще болѣе раздражающимъ ѣдкость и жгучесть ея изображенія, — что смерть какъ-бы подсказала ему ясно послѣдній его часъ.

Но онъ гораздо равнѣ познакомился съ нею и подчинился ея вдохновенію въ самыхъ своихъ веселыхъ грѣзахъ. Въ то время, какъ онъ писалъ «Донъ-Жуана», эту драма giocoso, съ такимъ страшнымъ началомъ и такимъ страшнымъ концомъ, вотъ какое признаніе послалъ Моцартъ своему отцу: «Не стану объяснять вамъ, съ какимъ нетерпѣніемъ я ожидаю успокоительнаго извѣстія отъ васъ; надѣюсь, что получу его, хотя привыкъ предвидѣть во всемъ худшее. Такъ какъ, въ сущности, смерть есть истинная цѣль жизни, то я, вотъ уже года два, такъ освоился съ мыслью объ этомъ истинномъ и лучшемъ другѣ человѣка, что образъ его, не только мнѣ не страшенъ, но, напротивъ, дѣйствуетъ на меня успокоительно и утѣшаетъ меня. И я благодарю Бога за то, что онъ научилъ меня видѣть въ смерти ключъ истиннаго нашего счастья. Я никогда не ложусь спать, не подумавъ, что завтра, быть можетъ, меня не будетъ болѣе, несмотря на мою молодость. И однакожъ, никто изъ знающихъ меня не скажетъ, что я печаленъ или въ дурномъ расположеніи; за эту-то милость я ежедневно благодарю моего Создателя и отъ души желаю, чтобы она была дарована всѣмъ людямъ.» Письмо это писано 4 апрѣля 1787 года; 28 мая отецъ Моцарта умеръ, а 4 ноября было первое представленіе «Донъ-Жуана». Смерть отца сильно подѣйствовала на Моцарта и природное расположеніе его бесѣдовать съ самимъ собою «о такихъ предметахъ» обратилось на нѣкоторое время почти въ галлюцинацію траурныхъ образовъ. Можно себѣ представить, съ какой грозной рельефностью подробностей они ему представлялись и какая была инструментовка у этой внутренней, никому неизвѣстной симфоніи! Но подвижная, именно въ силу своей многосторонности и жизненной силы природа Моцарта, скоро вывела его изъ печальной тюрьмы, въ которую было-замкнула его, слишкомъ близкая сердцу, катастрофа. Онъ возвратился въ кружокъ пріятелей, и наслажденіе жизнью вступило въ свои права. Но впечатлѣніе, произведенное на него смертью отца, сказалось съ неподражаемымъ краснорѣчіемъ въ одномъ мѣстѣ задуманнаго произведенія.

Мы сказали, что Моцартъ работалъ до изнеможенія. Но работа, которой онъ отдавался страстно, была работа внутренняя. Механическую часть работы: изложеніе мыслей на бумагу, онъ не любилъ и всегда откладывалъ ее до-нельзя. Вдова его, впоследствии вышедшая

за перваго его біографа, г. Ниссена, рассказывала, что увертюру къ «Донъ-Жуану» онъ написалъ въ одну ночь. Моцартъ сочинялъ и писалъ «Донъ-Жуана» въ уединеніи, на дачѣ, лѣтомъ. На свободѣ и подъ вліяніемъ солнечныхъ лучей создалъ онъ эту великую драму. Но когда все было готово, все уже было прорепетировано нѣсколько разъ и наступилъ каунтъ представленія, увертюра еще не была написана. Моцартъ сидѣлъ вечеромъ съ друзьями и пилъ и толковалъ о вѣроятностяхъ успѣха. Наконецъ ему напомнили, что безъ увертюры не пойдетъ завтра опера. Онъ ушелъ на ночь въ кабинетъ и сѣлъ за скучную работу выраженія точками по линейкамъ своихъ готовыхъ мыслей. Работа была спѣшная и непривлекательная. Онъ писалъ и подкрѣплялъ себя пуншемъ. Наконецъ, его стало неодолимо клонить ко сну. Голова его постоянно приближалась къ бумагѣ, и онъ едва не засыпалъ, а все, дѣлая надъ собою усилія, продолжалъ писать. Для удержанія себя отъ сна, онъ просилъ жену рассказывать ему въ это время дѣтскія сказки: о «Замарашкѣ» и тому подобное; и такъ, среди пунша, полусна и сказокъ, онъ написалъ наконецъ то превосходное произведеніе, которое называется увертюрою «Донъ-Жуана.» Здѣсь первые же аккорды открываютъ мысль всей драмы; за ними, за эпизодомъ послѣдней сцены, тутъ изложеннымъ, начинается цѣлая исторія приключеній героя, обрисованная съ великою обдуманностью; она была готова въ головѣ, а написать ее можно было и въ полуснѣ. Утромъ стали переписывать, а вечеромъ положили музыкантамъ на пюпитры едва высохшія страницы, засыпавшія пескомъ. Оркестръ сыгралъ увертюру *à livre ouvert*. Этотъ пражскій оркестръ, исполняющій увертюру «Донъ-Жуана» *à livre ouvert*, былъ достоинъ того произведенія, которое ему было поручено. Судьба благопріятствовала Моцарту и въ пѣвцахъ. Партію донны Анны исполнила въ первый разъ Тереза Сапорети, партію донъ-Оттавіо — теноръ Бальони, партію Донъ-Жуана молодой баритонъ двадцати двухъ лѣтъ, и замѣчательной красоты — Басси. По преданію, Басси былъ первымъ и послѣднимъ донъ-Жуаномъ, то-есть, обольстительная его личность никогда не могла быть замѣнена въ этой роли.

Въ этой «веселой драмѣ» страшны и начало и конецъ. Первые аккорды увертюры — тѣ же самыя, которыми обозначается въ послѣднемъ актѣ катастрофа. Первый выходъ донны Анны, преслѣдующей въ темнотѣ донъ-Жуана, это чудное тріо, въ которомъ полная бури фраза оркестра прерывается жгучими воплями женщины, мстящей за похищеніе на ея честь, поспѣшными увѣщаніями донъ-Жуана къ ней, чтобы она замолчала, и «фономъ» страха Лепорелло, на которомъ отражается вся эта сцена насилія — прямо покоряютъ слушателя композитору. Въ словахъ этихъ:

Non sperar se non m'accidi...
 Donna folle, invan tu gridi...
 Che tumulto, o ciel, che gridi!...

нѣтъ рѣшительно никакого вдохновенія; здѣсь, какъ вездѣ, Да-Понте создалъ только положеніе, въ которое затѣмъ вложилъ жизнь Моцартъ, жизнь вполне отъ него зависѣвшую. Увивающимися кольцами двувязныхъ нотъ захватывала, задерживала злодѣя борющаяся фраза донны Анны. Речитативомъ, жалкими воплями, полутонами сходятъ призывные крики ея о помощи. *Gentil Servi!* Первая фраза борьбы, возвращается за тѣмъ, но уже въ болѣе рѣзкомъ видѣ, въ видѣ речитатива: *Ti sarò perseguitar;* и подъ этимъ всѣмъ дрожаніе Лепореллова баса, которому такія штуки не въ диквинену, но котораго все-таки пробираетъ страхъ, такъ-что онъ бормочетъ про-себя что-то какъ будто и шутовое, но съ сознаниемъ, что такія шутки не къ добру.

Но вотъ является старикъ-отецъ на защиту своей дочери; онъ уже слабъ, но онъ рыцарь, онъ командоръ, и вотъ въ нетвердой рукѣ его блещитъ шпага. Какою твердостью звучитъ его вызовъ: «Оставь ее, негодный! сразись со мною»; какимъ величіемъ—его преднамѣренное оскорбленіе: «Ты хочешь бѣжать!» Эти аккорды *tutti* оркестра даютъ оскорбленію именно характеръ величія: слышно, что оно исходитъ отъ судьи, отъ отца, что въ немъ говоритъ кровная обида и священное право, а не заносчивость или увлеченіе. Затѣмъ сраженіе совершенно наглядно изображено звуками, можно даже сосчитать «смертельные ходы» шпаги убійцы; ихъ три: на первомъ *si* боккеръ; затѣмъ еще два раза скрипки идутъ по тону выше, а басъ по тону ниже, пока, наконецъ, онъ замираетъ на воспроизведеніи, въ басовомъ ключѣ, того аккорда, который въ скрипичномъ ключѣ изобразилъ первый смертельный ходъ шпаги донъ-Жуана.

За этой борьбою слѣдуетъ страшное тріо басовъ: убійцы, умирающаго и свидѣтеля — Лепорелло. Отрывистые звуки, въ которыхъ выдыхается жизнь командора, видѣляющаяся фраза *legato* донъ-Жуана: *Ah, già cade il sciagurato,* фраза, запечатлѣнная горечью, несмотря на свою твердость и связность, обнаруживающія самообладаніе этого грознаго завоевателя любви; наконецъ, тихіе, ровные, смертные тріолеты аккомпанимента, послѣдовавшіе за только-что кончившеюся упорною и страшною борьбою, въ которой донъ-Жуанъ такъ неумолимо наносилъ ударъ за ударомъ, ускоряя темпъ — все это представляетъ едва ли не самое патетическое мѣсто въ оперѣ. Эта грозная, съ яркостью Рембрандта, съ мрачностью Мурильо написанная картина производитъ на слушателя потрясающее дѣйствіе въ самомъ началѣ. Затѣмъ слушатель, хотя и знаетъ, что ему предстоитъ драма *giocoso*, исторія любви кавалера де-Теноріо и забавныхъ приключеній его слуги

Лепорелло, но онъ уже подготовленъ къ чему-то болѣе. Вотъ почему его потомъ вовсе не удивляетъ, когда статуя на конѣ, въ самомъ дѣлѣ, наклоняетъ голову на призывъ донъ-Жуана, хотя самого героя драмы это и удивляетъ. «Веселая драма» съ самаго начала переступаетъ черезъ трупъ.

За этою сценою является еще другая патетическая, дышащая страданіемъ, сцена, когда доннѣ Аннѣ, бѣгущей съ женихомъ на помощь къ отцу, представляется уже холодный трупъ старика-командора. *Ei non respira più...* Глубоко краснорѣчива повѣсть этого страданія, хотя и коротка:

Quel sangue, quella piaga, quel volto...

речитативъ, прерываемый жалобными, протяжными септинами нѣжныхъ инструментовъ оркестра. Но когда рыдающая дочь произноситъ фразу:

Tinto e coperto dal pallor di morte...

и голосъ ея, падая, замираетъ въ безнадежномъ отчаяніи, а оркестръ, послѣ короткаго траурнаго *tremolo*, откликается на это тремя ровными, какъ-бы равнодушными, полузаключительными трехзвучіями, точно констатирующими совершившійся фактъ, то сердце сочувствующаго слушателя надрывается. Онъ вполне понимаетъ тотъ пронзительный крикъ, которымъ, наконецъ, разражается донна Анна (верхнее *la bémol*) и съ которымъ совпадаетъ прямо изъ гроба выходящій, мрачный, почти въ диссонансъ, отзывъ басовъ.

Эта сцена горя дочери надъ убитымъ отцомъ — цѣлая поэма, великая поэма. Видно, что нѣжно-любимый Моцартомъ отецъ умеръ у него въ то время, какъ онъ писалъ это гениальное воспроизведеніе скорби.

Дуэтъ: *Fuggi crudele*, достойно заключаетъ эту поэму. Донна Анна на моментъ забывается, она принимаетъ даже своего донъ-Оттавіо за злодѣя. Донъ-Оттавіо нѣжными словами напоминаетъ ей, кто онъ. Въ этомъ дуэтѣ, вообще донна Анна преобладаетъ всѣмъ величіемъ своего трагизма надъ донъ-Оттавіо, который только нѣженъ. Но за то, сколько нѣжности въ его убѣжденіяхъ, въ его утѣшеніяхъ. Напрасно донъ-Оттавіо презираютъ; любовь его такъ сильна, такъ деликатна и такъ всеильна надъ нимъ, что любящаго человѣка, хотя бы и обыкновеннаго, но озареннаго такимъ свѣтомъ, презирать нельзя. Въ дуэтѣ, о которомъ мы говоримъ, донъ-Оттавіо, если бы онъ былъ даже человѣкъ дѣятельный и съ страстями, столь же пылкими, какъ у донъ-Жуана, не могъ бы говорить иначе, какъ онъ говоритъ. Нѣжный, аккордъ утѣшенія:

... *Lascia o cara*
La rimembranza amara

и затѣмъ переходъ голоса на септиму внизъ, съ остановкою на ней:

Hai padre esposto in me

совершенно естественны и не означаютъ какого-либо личнаго свойства жениха донны Анны: здѣсь слышно только желаніе его утѣшить возлюбленную и относительное его спокойствіе. Вѣдь не его же отецъ убить; сверхъ того, онъ — мужчина и, въ данную минуту, ему прежде всего представляется задача этой минуты: привести въ себя донну Анну, изстуженную отъ горя. Онъ общается замѣнить ей отца и общается это съ такою нѣжною преданностью, что слова его дѣйствуютъ утѣшительно даже въ такую страшную минуту. Сцена заключается безсмертнымъ *allegro*: *Che giuramento, o Deil*

Трагическій элементъ ярко выступаетъ затѣмъ въ сценѣ на кладбищѣ, которая сама по себѣ такъ весела: онъ проявляется здѣсь сперва единственно колоратурою, инструментовкою того хора, который исполняетъ статуя. Тутъ сливаются въ грозные, сверхъестественные, глубоко-печальные аккорды тромбонъ усиливающей основныя ноты акомпанимента и фэготъ, съ гобоями и кларнетами, издающіе протяжные, унылые звуки.

Что сказать о прелестяхъ финала перваго акта, начиная съ тріо масокъ, продолжая минуэтомъ, и его переходомъ тономъ выше, и кончая той страшной бурей, которая разражается въ проклятіяхъ надъ головою преступника въ *allegro*, въ *ut majeur*:

Trema, trema scelerato....

и въ *tutti*:

Odi il tuon della vendetta
Che ti fischia intorno, intorno;
Sul tuo capo in questo giorno
Il suo fulmine cadrà.

Мы не можемъ распространяться до анализа хотя бы однихъ важныхъ мѣстъ партіици «Донъ-Жуана» и «Свадьбы Фигаро». Да это и не нужно. Все, что можно о нихъ сказать, уже сказано другими, лучше чѣмъ бы могли сказать мы. Наша цѣль — только дать очеркъ творчества Моцарта, и цитируемые нами мѣста приводятся только какъ примѣры.

«Свадьба Фигаро», какъ мы уже говорили, была написана за два года до «Донъ-Жуана», написана не по произвольному выбору композитора, а по заказу. Артисты, которымъ пришлось исполнять эту оперу въ первый разъ, назывались: г-жи: Стораче, Ласки, Мандини, Руссани, Готлябъ и пѣвцы: Бенуччи, Мандини, Оккели, Руссани. Пѣвцы второстепенные, за-исключеніемъ одной Стораче, которой была поручена трудная партія графини. Невыгодность сюжета комедіи Бомарше для музыкальной обработки, безталанность артистовъ и преднамѣренно-

дурное исполненіе сдѣлали то, что опера эта, какъ мы уже сказали, пала въ Вѣнѣ. Моцартъ даже жаловался императору на пѣвцовъ, и императоръ велѣлъ сдѣлать имъ выговоръ. Но, нѣтъ сомнѣнія, что самъ сюжетъ былъ отчасти причиною неуспѣха. Надо было имѣть всю добрую волю пражцевъ и ихъ высокое музыкальное развитіе, чтобы оцѣнить съ перваго раза прелести музыки «Свадьбы Фигаро», не смотря на неудобство ея сюжета.

Нѣтъ сомнѣнія, что Моцартъ самъ не избралъ бы его; онъ былъ ему навязанъ потому, что комедія Бомарше пользовалась европейскою славой и была въ модѣ при германскихъ дворахъ, заботливо копирувавшихъ въ то время французскіе обычаи и подчинявшихся безусловно литературному законодательству Парижа. Комедія Бомарше въ самомъ дѣлѣ прелестна; но все ея достоинство теряется въ музыкальной обработкѣ. Для оперы нужна простая сценическая программа, представляющая нѣсколько ясныхъ драматическихъ положеній. Дѣйствіе должно быть сжато въ этихъ положеніяхъ, а не происходить въ разговорахъ. Между тѣмъ, въ пьесѣ Бомарше, интрига до крайности запутана и вся сущность дѣйствія, вся обрисовка характеровъ заключается именно въ разговорахъ. Все это необыкновенно подвижно и блестяще — но все это пропадаетъ въ музыкѣ.

Комедію Бомарше передѣлалъ въ оперу тотъ же аббатъ Да-Понте и, надо отдать ему справедливость, сдѣлалъ все возможное, чтобы сохранить достоинства оригинала, передать бойкость пьесы, хотя и былъ принужденъ пожертвовать важными ея частями, напримѣръ, знаменитымъ монологомъ Фигаро и нѣкоторыми лицами, именно: Brid'oison, Grippe-soleil, Double-main, безъ которыхъ сцена суда теряетъ всю свою веселость и перестаетъ быть сатирою. Въ характерѣ Бартоло, Да-Понте отступилъ отъ Бомарше и особенно настоялъ на его абыдничествѣ. Онъ характеризовалъ этотъ типъ въ очень удачныхъ стихахъ:

Se tutto il codice dovessi volgere
 Se tutto l'indice dovessi leggere...
 Con un equivoco, con un sinonimo
 Qualche garbaggio si troverà
 Coll'astuzia, coll'arguzia,
 Col giudizio, col criterio...
 Si potrebbe... E il birbo Figaro
 Vinto sarà.

Эта арія Бартоло: *La vendetta, oh, la vendetta!*—одна изъ самыхъ драматическихъ въ музыкѣ «Свадьбы Фигаро». За восклицаніемъ всего оркестра тянется пронзительная фраза скрипокъ, повторяемая басами въ обратномъ слѣдованіи тоновъ.

У Да-Понте трудно сказать, кто главное лицо въ пьесѣ; всѣ характеры кажутся второстепенными, потому что имъ нельзя было дать

развитія, и всё равными. Отсюда и для Моцарта истекла невозможность расположить ихъ въ подчиненіи, необходимомъ для представленія нѣсколькихъ типовъ законченныхъ. И онъ соблюлъ равенство между ними. Такимъ образомъ, явилась необходимость развивать ихъ попарно; и, въ самомъ дѣлѣ, въ оперѣ Моцарта—семь дуэтовъ. У Бомарше преобладающій типъ — самъ Фигаро, ловкій дѣлецъ и остроумный сатирикъ: *Las de nourrir un obscur pensionnaire, on me met un jour dans la rue; et comme il faut diner quoiqu'on ne soit plus en prison, je taille encore ma plume et demande à chacun de quoi il est question: on me dit que pendant ma retraite économique, il s'est établi dans Madrid un système de liberté sur la vente des productions qui s'étend même à celles de la presse; et que, pourvu que je ne parle en mes écrits ni de l'autorité, ni du culte, ni de la police, ni de la morale, ni des gens en place, ni des corps en crédit, ni de l'Opéra, ni des autres spectacles, ni de personne qui tienne à quelque chose, je puis tout imprimer librement, sous l'inspection de deux ou trois censeurs.*

Годится ли для музыки такая пьеса, въ которой политическая сатира занимаетъ не менѣ мѣста, какъ остроуміе интриги? Вотъ почему Фигаро у Моцарта вышелъ только разбитнымъ малымъ. Двѣ самыя популярныя аріи въ оперѣ: *Se vuoi ballare, signor continuo*, имѣетъ характеръ веселаго минуэта, другая: *Non più andrai, farfallone amogoso* — (цитируемая донъ-Жуаномъ и Лепорелло за ужиномъ, какъ-бы модный современный имъ мотивъ) — характеръ военной пѣсни. Обѣ онѣ одушевлены веселостью пересмѣшника. Характеръ донъ-Базиліо совершенно вѣрно обрисованъ въ аріи *in quegli anni* съ минуэтомъ, гдѣ этотъ ползучій интриганъ рассказываетъ, какъ выгодно прикрываться ослиною шкурою (эта арія у насъ пропускалась). Характеръ графа Альмавивы и графини тоже скопированы Моцартомъ вѣрно съ Бомарше. Въ дуэтѣ съ Сузанною: *Crudel, perchè finora*, и въ аріи: *Vedrò, mentr'io sospiro*, выражается снѣдающая возмужалого Альмавиву страсть къ Сузаннѣ, которая въ сущности капризь, но обращается въ страсть именно препятствіями. Здѣсь, особенно въ аріи, выражается радость человѣка предвидящаго успѣхъ, но радость омраченная облакомъ угрызенія совѣсти. Самыя драматическія мѣста оперы именно тѣ, въ которыхъ дѣятелемъ является графъ, особенно оба тріо: *Cosa ventò!* (гдѣ сверхъ великолѣпнаго тройнаго произнесенія главной фразы замѣчательно еще ядовитое напоминаніе донъ-Базиліо), когда графъ находитъ пажа у Сузанны, и *Susanna, or via sortite*, когда графъ подозрѣваетъ его запертымъ у своей жены. Характеръ Розины Альмавивы нѣсколько напоминаетъ характеръ донны Эльвиры, но имѣетъ болѣе меланхоліи и болѣе благородства (аріи: *Porgi amor, и Dove son i bei momenti*).

О типѣ пажа - херувимчика, мы уже говорили выше. На немъ

именно съ особеннымъ увлеченіемъ остановился пѣвецъ любви. Онъ, по условіямъ текста, не могъ дать ему полного развитія, преобладанія. Но онъ такъ многозначительно, такъ глубоко обрисовалъ его двумя аріями, романсами, что въ произведеніи Моцарта, можно сказать рѣшительно, преобладаетъ не Фигаро, какъ у Бомаршэ, а именно нажъ Керубино. Какая прелесть, какое томленіе любви изображено въ арии Non so più cosa son, cosa faccio! Мелодія наивная, дѣтская, во сколько скрыто сокровищъ опаснаго, упительнаго чувства въ ней, какая нѣга въ ласкахъ басоваго акомпанимента, который какъ-бы качаетъ мысль виновную, дитя грѣха. Еще яснѣе выступаетъ эта жгучая поэзія грѣшнаго любопытства, эротическаго инстинкта, въ соблазнительной сценѣ переодѣванія Керубина у его крестной матери, Розины, при Сузаннѣ:

Voi che sapete,
Che cosa è l'amor,
Voi mi direte,
S'io l'ho nel cor.

Это усиленіе эффекта разнообразною модуляціею, эта трепещущая отъ волненія мысль — совершенство эротической поэзіи. Надо отдать справедливость г-жѣ Луккѣ: она исполнила обѣ эти арии такъ, какъ будто самъ Моцартъ научилъ ее любить.

Увлечателенъ тотъ геній, котораго творчество вдохновлялось двумя сильнѣйшими ощущеніями человѣческой души: стремленіемъ къ наслажденію и грозой смерти, которому вѣчно присущи были первая и послѣдняя тайны человѣческой судьбы: любовь и смерть. р.

ЗЕМСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ЗЕМСТВО НА ЮГѢ РОССІИ, ВЪ БОРЬБѢ ЕГО СЪ СУСЛИКАМИ.

(Объ одной изъ причинъ голода.)

Представьте себѣ крестьянина, который весной занимаетъ у промышленника пять мѣръ пшеницы, для того, чтобы возратить осенью цѣлую четверть; онъ собирается сѣять, послѣ зимы, въ которую питался пшеничными лепешками, вмѣсто хлѣба. Скотъ его худъ, орудія чуть держатся, податей впереди много, а недоимки еще больше. Онъ сѣетъ, идутъ дожди, расти бы хлѣбу. Но нѣтъ!... Въ іюнѣ и іюлѣ стоятъ на полѣ только стебли уничтоженныхъ колосѣвъ; поле покрыто какою-то спутанною соломой; поплачетъ надъ нимъ крестьянинъ и станетъ собирать, хотъ плохой кормъ скоту. А бываетъ и такъ, что *чернѣетъ* посѣвное поле: все на немъ уничтожено, не осталось и соломъ....

Такую картину представляли поля крестьянъ и землевладѣльцевъ за послѣдніе пять лѣтъ въ Александровскомъ уѣздѣ Екатеринославской губерніи, въ слѣдствіе сотенъ милліоновъ сусликовъ (овражковъ), которые какъ-бы вытѣснили хозяевъ изъ наслѣдія отцевъ. Почему бы не истреблять этихъ животныхъ?... Причинъ къ состраданію къ нимъ много: во 1-хъ, пресловутая южная лѣнь; во 2-хъ, суевѣріе, считающее за грѣхъ касаться бича божія; и въ 3-хъ, опасеніе того, что придется лить воду въ рѣшето—если я буду истреблять сусликовъ, а сосъдь будетъ сидѣть сложа руки! Истреблять-то ихъ легко и водой, и ловушками и отравой; но дѣло въ томъ, что для успѣха дѣла необходимо не упустить первыхъ дней весны, такъ какъ одна самка выводитъ за годъ до 25 дѣтенышей, и первый пометъ ея уже порождаетъ опять новое поколѣніе. Слѣдовательно, для успѣха истребленія, необходимо взяться за дѣло *одновременно*, на огромномъ пространствѣ и, по возможности, *раньше* весной; необходима еще *душа* въ дѣлѣ.

Послѣ всего сказаннаго понятно, что вопросъ объ истребленіи сусликовъ долженъ составить главную задачу земскихъ учреждений; прекращеніе этого бѣдствія, угрожающаго самому существованію земства, должно составить славу едва подрастающаго самоуправленія также точно, какъ равнодушіе къ нему легло бы позоромъ на земскія учрежденія. Намъ кажется даже, что не только степняковъ, которыхъ морозъ по кожѣ подираетъ при всякомъ свистѣ вѣтра, можетъ интересовать вопросъ объ истребленіи сусликовъ. Мы думаемъ, что къ этому вопросу должны отнестись внимательно всѣ люди практическіе и всѣ тѣ, которые желали бы поближе познакомиться съ одною изъ самыхъ плодотворныхъ отраслей дѣятельности земства. Вотъ почему мы изложимъ эпизодъ изъ исторіи истребленія сусликовъ земствомъ, на столько откровенно, сколько то возможно при существующихъ узаконеніяхъ.

Въ Александровской уѣздной земской управѣ, переписка которой съ административными лицами не составляетъ тайны, получено въ октябрѣ прошлаго года слѣдующее отношеніе начальника Екатеринбургской губерніи:

«Изъ полученнаго мною, 12 сего октября, протокола бывшаго въ совѣтѣ Александровскаго уѣзднаго земскаго собранія, 24 минувшаго сентября, усмотрѣно мною, что собраніе установило на будущій 1868 годъ обязательное, для всѣхъ землевладѣльцевъ и сельскихъ обществъ, истребленіе сусликовъ, въ опредѣленномъ собраніемъ, по отношенію къ размѣру землевладѣнія, количествѣ.

«Вполнѣ раздѣляя необходимость принятія всѣхъ возможныхъ мѣръ къ истребленію сусликовъ, я не могу однакоже не принять во вниманіе: что обязательное истребленіе сусликовъ составляетъ особый видъ натуральной повинности, *не предусмотрѣнный въ уставѣ о земскихъ повинностяхъ*; между тѣмъ земскія учрежденія, по ст. 24 временныхъ для нихъ правилъ, не имѣютъ права вводить *новыхъ* родовъ или видовъ натуральной повинности, кромѣ существующихъ уже нынѣ; что если земское собраніе признавало необходимымъ изыскать средства содѣйствія, согласно пункту VIII ст. 2 Полож. о земскихъ учр., къ истребленію сусликовъ, наносящихъ вредъ хлѣбнымъ посѣвамъ, то оно въ правѣ было лишь установить на эту потребность, опредѣленнымъ въ Положен. о земск. учрежд. порядкомъ, денежный сборъ; при невозможности же установленія этого сбора, *истребленіе сусликовъ* посредствомъ натуральной повинности могло составлять лишь *предметъ годатайства* о семъ со стороны земскаго собранія къ *начальнику губерніи*, власти котораго по закону принадлежитъ принятіе чрезвычайныхъ мѣръ въ случаяхъ общественныхъ бѣдствій; что, наконецъ, установленіе Александровскимъ земскимъ собраніемъ обязательнаго истребленія сусликовъ, какъ *веденіе новаго вида натуральной повинности*,

можетъ возбуждать не только жалобы, но даже противудѣйствіе со стороны сельскихъ обществъ и землевладѣльцевъ распоряженіямъ управы, чему и были уже примѣры, какъ видно изъ протокола Александровскаго земскаго собранія 24 минувшаго сентября (?), и полиція лишена будетъ возможности оказать содѣйствіе къ исполненію этихъ распоряженій, какъ неимѣющихъ законныхъ основаній.

«Я, по вышеприведеннымъ соображеніямъ, и на основаніи ст. 9 Полож. о земск. учрежденіяхъ, признаю постановленіе Александровскаго земскаго собранія, объ установленіи имъ вышеозначеннаго новаго вида натуральной повинности, не дѣйствительнымъ. О чемъ сообщая земской управѣ.»

Не приступая теперь же къ *подробному* разсмотрѣнію всѣхъ обстоятельствъ, указанныхъ въ протестѣ г. губернатора, я ограничусь пока указаніемъ на сущность мнѣнія г. губернатора, состоящую въ томъ, что земскія учрежденія не въ правѣ требовать представленія отъ извѣстнаго числа десятинъ извѣстнаго числа убитыхъ овражковъ, и предположу подробному анализу всѣхъ доводовъ административной власти краткій историческій очеркъ о судьбахъ вопроса объ истребленіи сусликовъ въ Александровскомъ уѣздѣ.

Не со вчерашняго дня суслики истребляютъ наши хлѣба, и люди истребляютъ сусликовъ въ нашемъ уѣздѣ; съ давнихъ поръ палата государственныхъ имуществъ обязывала государственныхъ крестьянъ къ представленію извѣстнаго числа убитыхъ сусликовъ *отъ ревизской души*; такія же мѣры принимались и мировыми учрежденіями, но для *землевладѣльцевъ* истребленіе сусликовъ никогда не было *обязательно*. Административные циркуляры, по этому предмету, обыкновенно выражались, что податныя сословія слѣдуетъ «*обязать*» къ истребленію, а землевладѣльцевъ «*приласить*» къ содѣйствію. Такого же рода отношеніе г. губернатора Барковскаго къ предводителю дворянства Александровскаго уѣзда было получено въ Александровскѣ и доложено, въ первый разъ съѣхавшемуся, земскому собранію около 2-хъ часовъ пополудни 10 апрѣля 1866 года; между тѣмъ, двумя часами раньше былъ рѣшенъ вопросъ объ истребленіи сусликовъ самимъ собраніемъ. Въ протоколѣ 10 апрѣля 1866 года, не опротестованномъ нынѣ протестующимъ начальникомъ губерніи и напечатанномъ съ его разрѣшенія, значится: «Во время засѣданія получено и доложено собранію отношеніе начальника Екатеринославской губерніи, къ Александровскому предводителю дворянства, о принятіи мѣръ къ истребленію овражковъ; *предлагаемая съ этой бумаги мѣра надаютъ исключительно на податныя сословія*. Уже по этой причинѣ земское собраніе не находитъ возможнымъ принять предложенія начальника губерніи и единогласно постановляетъ: перейти къ очереднымъ заня-

тіямъ, такъ какъ вопросъ объ истребленіи сусликовъ, съ *земской точки зрѣнія*, имъ уже рассмотрѣнъ и рѣшенъ».

Административная борьба съ сусликами не давала результатовъ, не спасала посѣвовъ, это извѣстно каждому изъ здѣшнихъ жителей. Если же искать причинъ такихъ недостаточныхъ результатовъ, то, кромѣ тѣхъ невыгодъ, которыя неразлучны со всякими мѣропріятіями, не истекающими изъ самоуправленія, слѣдуетъ, прежде всего, остановиться на томъ, что истребленіе сусликовъ не было обязательно для *всѣхъ*, но только для податныхъ сословій уѣзда. Александровскому земству принадлежитъ честь *перваго* заявленія полнѣйшей равноправности всего населенія въ борьбѣ съ общественнымъ бѣдствіемъ. Такая постановка вопроса и дала собранію право сказать, какъ мы видѣли, что оно рѣшило вопросъ «съ *земской точки зрѣнія*»; но съ этой точкой зрѣнія слѣдуетъ ознакомиться ближе, поэтому припомнимъ хоть кратко исторію этого дѣла въ нашемъ собраніи, существующемъ съ апрѣля 1866 года.

Наше уѣздное земское собраніе имѣло уже три сессіи, но еще не было одной, въ которую вопросъ объ истребленіи сусликовъ не занималъ гг. гласныхъ и не подвергался всестороннему обсужденію. Въ первый разъ съѣхались гласные, для земскаго дѣла, 5 апрѣля 1866 г. и уже 9 апрѣля вопросъ объ огражденіи посѣвовъ отъ хищничества овражковъ занялъ большую часть засѣданія собранія. Не раздалось тогда, какъ и послѣ, ни одного голоса въ защиту сусликовъ, ни одного голоса *противъ* истребленія ихъ, *ни одного голоса противъ обязательности истребленія ихъ, для всѣхъ сословій безъ изъятія*; но мнѣнія расходились въ выборѣ наилучшихъ средствъ къ уничтоженію враговъ нашихъ полей: одни предлагали денежный налогъ на всѣ имущества, для того, чтобы изъ вырученной суммы уплачивать за всякаго истребленнаго овражка, или съ тою же цѣлью затратить часть продовольственнаго, или же ссуженнаго правительствомъ капитала; 2) другіе оспаривали установленіе новаго *денежнаго* налога, указывая на всеобщее безденежье и опасаясь, что плата за каждаго представленнаго въ управу убитаго овражка, можетъ не вызвать торговли ими въ такомъ размѣрѣ, чтобы истребленіе овражковъ сдѣлалось *повсемѣстнымъ*, т. е. достигло своей цѣли. Послѣднее мнѣніе, послѣ продолжительныхъ диспутовъ, взяло перевѣсъ, и 42 гласныхъ противъ 13 постановили: «обязать всѣхъ къ доставленію извѣстнаго числа овражковъ отъ десятины». Самый подесятинный размѣръ истребленія сусликовъ былъ разработанъ въ особой комиссіи изъ 18 гласныхъ; въ числѣ копѣхъ было 8 гласныхъ изъ крестьянъ. 10 апрѣля, утверждена собраніемъ особая таблица, устанавливающая число овражковъ, обязательное къ истребленію отъ извѣстной нормы землевладѣнія; по этой таблицѣ, которую защищали въ комиссіи и собраніи *гласные изъ*

крестьянъ, число овражковъ, требуемыхъ отъ десятины, уменьшается сообразно увеличенію числа десятинъ владѣемой земли.

Всѣ эти постановленія не встрѣтили тогда возраженій со стороны г. начальника губерніи, нынѣ протестующаго противъ буквального повторенія ихъ, и приведены въ исполненіе.

Во вторую сессію собранія, т. е. въ засѣданіе перваго *очереднаго* собранія 24 октября 1866 года, оставлены собраніемъ неизмѣненными основныя начала предпринятаго имъ истребленія сусликовъ: а) обязательность подесятиннаго истребленія сусликовъ для лицъ всѣхъ сословій, и б) регрессивность подесятиннаго размѣра истребленія сусликовъ пропорціонально увеличенію землевладѣнія. Въ этомъ засѣданіи была утверждена собраніемъ болѣе точная разработка послѣдняго вопроса: уѣздъ раздѣленъ на 20 участковъ, избраны 20 попечителей изъ гласныхъ для наблюденія за истребленіемъ сусликовъ, и опредѣлены подробности о способѣ доставки и счета овражковыхъ хвостиковъ, представляемыхъ въ доказательство о числѣ истребленныхъ каждымъ животныхъ. Постановленіе 24 октября 1866 года, также приведено въ исполненіе, такъ какъ не встрѣтило возраженій со стороны того начальника губерніи, всѣ доводы протеста котораго мы теперь призваны обсудить.

Наконецъ, 20 сентября 1867 года съѣхались гг. гласные въ третій разъ, и это второе очередное собраніе постановило, какъ видно изъ сличенія протеста съ прежними протоколами, напечатанными съ разрѣшенія губернатора, истреблять овражковъ, какъ и прежде, т. е. на основаніи того постановленія, которое было повтореніемъ опредѣленія перваго чрезвычайнаго собранія 1 апрѣля 1867 года, и поэтому уже *дважды* было исполняемо, такъ какъ *дважды* оставалось безъ возраженій со стороны того самаго начальника губерніи, который нынѣ не соглашается на третье повтореніе такого постановленія, между тѣмъ какъ оно два раза признавалось имъ законнымъ. 20 сентября 1867 года, собраніе сдѣлало, если вѣрить слухамъ, къ прошлогоднему постановленію нѣсколько дополненій, не встрѣтившихъ возраженій со стороны начальника губерніи, который оспариваетъ, какъ видно изъ протеста, лишь тѣ основныя принципы истребленія, на которые *онъ два раза изъявлялъ свое согласіе*, такъ какъ по статьѣ 94 полож. о земскихъ учр., если въ узаконенные сроки не послѣдуетъ отзыва начальника губерніи противъ постановленій собранія, то, какъ выражается законодатель, «постановленія собранія считаются получившими *согласіе* начальника губерніи»: но г. начальникъ губерніи имѣлъ еще и иной случай, не только молчаніемъ, но и дѣлствомъ, выразить свое согласіе на то, чтобы земство требовало отъ извѣстнаго числа десятинъ, извѣстнаго числа убитыхъ овражковъ, противъ чего онъ нынѣ возражаетъ, находя, что такая мѣра устанавливаетъ новый видъ натураль-

ной повинности, чего земскому собранію не предоставлено по закону. Этотъ случай представился г. начальнику губерніи при движеніи вопроса о штрафахъ за *неистребленіе* сусликовъ.

Вопросъ объ установленіи, въ законодательномъ порядкѣ, штрафа за неистребленіе сусликовъ долженъ былъ весьма естественно возникнуть одновременно съ установленіемъ обязательности истребленія сусликовъ, такъ какъ ничто не обязательно, пока неисполненіе его не карается закономъ. Таково и было происхожденіе вопроса о штрафахъ за *неистребленіе* сусликовъ въ Александровскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи: 10 апрѣля 1866 года, нашимъ собраніемъ постановлено ходатайствовать объ установленіи, въ *законодательномъ* порядкѣ, штрафа по одной коп. сер. за всякаго неистребленнаго овражка изъ *обязательной*, для землевладѣльца, *нормы*. Г. начальникъ губерніи не усмотрѣлъ въ то время, въ назначеніи подесятинной овражковой нормы истребленія сусликовъ, новаго вида натуральной повинности, какъ нынѣ, и изъявилъ согласіе на постановленіе собранія не только молчаніемъ, но дѣйствіемъ: его превосходительствомъ представлено ходатайство нашего уѣзднаго земскаго собранія на разсмотрѣніе вышшаго правительства, чего бы онъ не сдѣлалъ, если бы и тогда, какъ нынѣ, онъ полагалъ, что штрафами за неистребленіе сусликовъ собраніе желало обезпечить исполненіе такого постановленія, которымъ собраніе превысило власть, предоставленную по закону, и вышло изъ круга дѣйствій, указанныхъ ему положеніемъ. Министерство внутреннихъ дѣлъ не только не находило, чтобы Александровское земское собраніе нарушило законъ требованіемъ извѣстнаго числа овражковъ отъ десятины земли и стремилось оградить это свое незаконное постановленіе ходатайствомъ о штрафѣ, за неисполненіе его, но сочло нужнымъ передать это ходатайство нашего собранія на предварительное заключеніе Екатеринославскаго губернскаго земскаго собранія. По статьѣ 9 Полож. о земск. учр. право приостанавливать исполненіе постановленій собранія принадлежитъ не только губернатору, но г. министру внутреннихъ дѣлъ. Отзыва отъ г. министра не послѣдовало; слѣдовательно, г. начальникъ губерніи протестуетъ нынѣ противъ буквального повторенія такого постановленія, которое считается получившимъ согласіе г. министра внутреннихъ дѣлъ. 1866 года сентября 22, губернское собраніе постановило большинствомъ 39 голосовъ, противъ одного, повторить отъ губерніи ходатайство Александровскаго уѣзднаго земскаго собранія о штрафахъ за неистребленіе сусликовъ. И это ходатайство о наказаніи за неистребленіе тѣхъ сусликовъ, число которыхъ опредѣлено уѣзднымъ земскимъ собраніемъ, для каждаго сельскаго общества и землевладѣльца, представлено вышшему правительству тѣмъ же начальникомъ губерніи, который нынѣ возражаетъ противъ того права нашего уѣзднаго собранія, которое

ограждалось представленнымъ имъ ходатайствомъ нашимъ. Если спра-ведливо, что 24 сентября 1867 года, Александровскимъ уѣзднымъ земскимъ собраніемъ вновь постановлено ходатайствовать объ уста-новленіи въ законодательномъ порядкѣ штрафовъ за неистребленіе сусликовъ, такъ какъ о рѣшеніи этого вопроса собранію ничего не было сообщено за полтора года, то на этотъ разъ ходатайство собра-нія, которое два раза представлялось г. начальникомъ губерніи, имъ опротестовано, такъ какъ имъ признано «недѣйствительнымъ» (какъ выразился г. губернаторъ) все постановленіе объ истребленіи овраж-ковъ, отъ 24 сентября 1867 года, въ составъ котораго входило и озна-ченное ходатайство; здѣсь слѣдуетъ упомянуть впрочемъ о томъ, что на основаніи закона постановленіе собранія, въ слѣдствіе протеста губернатора, дѣлается недѣйствительнымъ лишь временно, т. е. прио-станавливается въ исполненіи, но не отмѣняется г. губернаторомъ (статьи 95 и 96 Полож. о земс. учрежд.).

Представленный мною историческій очеркъ доказываетъ, что Александровское уѣздное земское собраніе всегда относилось къ вопросу объ истребленіи сусликовъ, какъ къ одному изъ самыхъ существенныхъ; но, быть можетъ, никогда не отнеслось оно къ нему такъ живо, какъ въ тотъ самый день, въ который состоя-лось рѣшеніе, вызвавшее возраженіе г. губернатора. И почему? Потому въ особенности, что собраніе было поощрено добытыми ре-зультатами, было поощрено успѣхомъ и полагало, что достигло именно того момента, когда число овражковъ на столько уменьшилось, благо-даря усиліямъ земства, что дружныя и настоятельныя усилія могутъ совершенно истребить ихъ. Первое истребленіе сусликовъ, какъ на-чатое только послѣ созыва земства, т. е. въ маѣ, слишкомъ поздно, не дало большихъ результатовъ; однако истреблено 1,994,890 овраж-ковъ въ уѣздѣ. Въ 1867 году, т. е. въ первый же годъ послѣ от-крытія земскихъ учрежденій въ Александровскомъ уѣздѣ, всѣ мѣры къ истребленію приняты въ январѣ, т. е. во-время, чего мы те-перь не въ силахъ были сдѣлать, благодаря протесту г. губернатора. Результаты истребленія соотвѣтствовали принятымъ мѣрамъ: по десяти-ной нормѣ, опредѣленной собраніемъ, должны были быть представлены 5,543,631 овражковъ, а поступило 5,949,237 овражковъ, то есть 402,606 овражковъ *болше* того, сколько требовало собраніе, которые и зач-тены въ прошлогодию, довольно значительную недоимку. Всего слѣ-довательно истреблено усиліями Александровскаго земства за полтора года 7,941,127 овражковъ; если же принять во вниманіе то, что $\frac{3}{6}$ этого количества истреблены въ 1867 году, и къ тому же именно раньше появленія первыхъ дѣтенышей, то можно смѣло сказать, что земствомъ истреблены *десятки* милліоновъ овражковъ. Всѣ цифры за-имствуются мною изъ нашихъ печатныхъ протоколовъ и дѣлъ управы

и потому имѣютъ характеръ неопровержимой достовѣрности. Всѣ мы помнимъ также, что въ прошломъ, 1867 году, мы, наконецъ, пользовались урожаемъ, и что этому урожаю, съ открытiемъ весны, угрожали мириады овражковъ. Что будетъ въ настоящемъ году, если земству помѣшаютъ истреблять сусликовъ и примутся за административныя мѣры истребленiя, испытанныя въ теченiи десятилѣтiй?... Но, неостанавливаясь на такой мрачной картинѣ, рассмотримъ подробно всѣ обстоятельства, подавшiя поводъ къ возраженiямъ начальника губернии; обратимся къ отзыву г. губернатора. Доводы этого отзыва состоятъ въ слѣдующемъ:

1) Г. начальникъ губернии полагаетъ, что «обязательное истребленiе сусликовъ составляетъ особый видъ натуральной повинности, не предусмотрѣнный въ уставѣ о земскихъ повинностяхъ; между тѣмъ земскiя учрежденiя по статьѣ 24-й временныхъ правилъ не имѣютъ права вводить новыхъ родовъ или видовъ натуральной повинности, кромѣ существующихъ уже нынѣ». Г. начальникъ губернии, называя истребленiе сусликовъ *натуральною* повинностию, не подкрѣпляетъ этого мнѣнiя никакими доказательствами; но мы, позволяя себѣ усумниться въ справедливости такого воззрѣнiя, постараемся выяснитъ причины нашего сомнѣнiя. Прежде всего предлагаемъ себѣ вопросъ, что слѣдуетъ разумѣть подъ именемъ *натуральной* повинности. Натуральною повинностию слѣдуетъ называть какуюнибудь обязательную *работу* на пользу общую, или же *поставку* чегонибудь натурой на пользу общую: такъ, дорожная повинность обязываетъ къ работѣ, постоянная и подводная — къ доставленiю необходимыхъ предметовъ натурой. Натуральная повинность, какъ всякая повинность вообще, въ извѣстномъ дѣйстви податной единицы предполагаетъ *прежде всего* пользу *общественную*, изъ которой уже посредственно вытекаетъ польза самой податной единицы. Такъ, напримѣръ, если я выѣхалъ въ волостное правленiе на два дня съ парю лошадей, то отъ этого, прежде всего, выигрываетъ все общество, и затѣмъ и я самъ приобретаю выгоду, такъ какъ безпрепятственный проѣздъ служащихъ поддерживаетъ правильный ходъ административнаго дѣла. Точно также, если я доставилъ квартиру проходящимъ войскамъ, то прежде всего выигрываетъ *все общество* отъ моего содѣйствiя къ существованiю войска въ государствѣ, и затѣмъ уже и я самъ, какъ членъ этого общества, ограждаемого войскомъ. Таково ли, между тѣмъ, дѣйстви обязательнаго истребленiя овражковъ?... Отнюдь нѣтъ: истребляя овражковъ на *своемъ собственномъ* посѣвномъ полѣ, я прежде всего, и гораздо болѣе другихъ, выигрываю *самъ*; я служу и обществу, но косвенно — только тѣмъ, что ограждаю сосѣда своего отъ вредныхъ животныхъ, которые могутъ перейти и къ нему. Но овражки, имѣющiе норы на моей землѣ, не перейдутъ къ сосѣду, пока мой собственный

хлѣбъ цѣль; они прежде всего съѣдятъ мой хлѣбъ, т. е. ближайшій къ ихъ мѣсту жительства, съѣдятъ его весь и, если его довольно, то могутъ и вовсе не перейти къ сосѣду; слѣдовательно, истребляя овражковъ, я служу почти исключительно себѣ самому. Поэтому, признавая истребленіе овражковъ за повинность, пришлось бы сказать, что эту *повинность*, я отбываю въ пользу *самого себя*, а мыслима ли подобная повинность? Очевидно, что установленіе обязательности истребленія овражковъ не есть установленіе повинности въ строгомъ смыслѣ слова, но только вынужденіе каждаго хозяина заботиться о самомъ себѣ, отъ чего выигрываетъ и общество. Впрочемъ, мы должны оговориться, не забывая о томъ, что и истребленіе овражковъ могло бы обратиться *въ натуральную* повинность въ извѣстныхъ случаяхъ. Такъ, напримѣръ, Константиноградское земство обязало всѣхъ крестьянъ уѣзда выходить на работу, для истребленія овражковъ съ тѣмъ, чтобы рабочіе передвигались изъ одного конца уѣзда въ другой, истребляя овражковъ на пути своемъ, истребляя ихъ не на *своей* землѣ, но на *чужихъ* земляхъ. Въ такомъ постановленіи, не опротестованномъ однако полтавскимъ губернаторомъ, для насъ очевидно установленіе обязательной работы на пользу общую, т. е. установленіе натуральной повинности. Но такъ ли поступило наше собраніе въ постановленіи, опротестованномъ г. губернаторомъ, не говоря уже о томъ, что оно было лишь повтореніемъ той резолюціи, на которую два раза соглашался г. министръ и начальникъ губерніи, нынѣ протестующій?

Развѣ собраніе наше возлагало на жителей извѣстную работу, или доставку чего бы то ни было натурой?... Правда, что овражковые хвостики представлялись натурой, но вѣдь не для пользованія ими, но для сожженія; а всякая повинность должна доставлять какойнибудь приходъ, должна представлять какое либо поступленіе, предназначаемое, конечно, не для сожженія. Правда и то, что истребленіе овражковъ требуетъ труда и работы. Но на кого же наше земство возлагало этотъ трудъ и эту работу?... *Только на желающіихъ*, такъ какъ мы никому не мѣшали покупать овражковые хвостики, для представленія ихъ въ управу, вмѣсто того, чтобы трудиться самому надъ истребленіемъ овражковъ. Достоверно извѣстно, что дѣйствительно такая торговля существовала и въ довольно обширныхъ размѣрахъ; въ собраніи было даже заявлено, какъ рассказываютъ, о торговлѣ овражковыми хвостиками на базарахъ. Неужели работу хозяина, спасающаго свое собственное поле отъ овражковъ, возможно называть натуральною повинностію; неужели трудъ тѣхъ лицъ, которые истребляютъ овражковъ для того, чтобы торговать хвостиками ихъ на базарѣ, есть основаніе причислить къ натуральной повинности? Или обязательное страхованіе каждымъ своего жилья также повинность; или обязательное, для каждаго жителя, представленіе въ управу свѣ-

дѣній объ имуществѣ также *натуральная* повинность, *новый видъ* ея, не предусмотрѣнный въ уставѣ о земскихъ повинностяхъ?...

Намъ кажется, что мы доказали, что обязательное истребленіе овражковъ, установленное Александровскимъ земскимъ собраніемъ, производившееся двѣ весны сряду съ согласія министра и начальника губерніи, не составляетъ повинности въ строгомъ смыслѣ слова и, тѣмъ менѣе, можетъ быть названо натуральною повинностію, такъ какъ для всѣхъ желающихъ оно становится денежнымъ расходомъ на покупку овражковыхъ хвостовъ и никого не обязываетъ къ работѣ, или поставкѣ чего либо натурой, съ тѣмъ, чтобы общество пользовалось поставленнымъ плательщиками. Для того, однако, чтобы лучше усвоить себѣ точку зрѣнія г. начальника губерніи, согласимся на время съ его мнѣніемъ; будемъ считать обязательное истребленіе овражковъ натуральною повинностію и перейдемъ ко второму доводу его превосходительства.

2) Г. начальникъ Екатеринославской губерніи, назвавъ обязательное истребленіе сусликовъ *новымъ* видомъ натуральной повинности, полагаетъ, что при неудобствѣ установленія денежнаго сбора, для истребленія сусликовъ (привожу слова его превосходительства буквально) «*истребленіе сусликовъ посредствомъ натуральной повинности* могло составлять лишь *предметъ ходатайства* о семъ со стороны земскаго собранія къ *начальнику губерніи*, власти котораго, по закону, принадлежитъ принятіе чрезвычайныхъ мѣръ въ случаѣ общественныхъ бѣдствій». Остановимся прежде всего на внѣшней формѣ этой части отзыва, которая на этотъ разъ не лишена значенія. Въ приведенныхъ нами строкахъ идетъ рѣчь о ходатайствѣ земскаго собранія «къ начальнику губерніи», т. е. у начальника губерніи, между тѣмъ какъ по пункту XII, статьи 2-й Положенія, земское собраніе обращается съ ходатайствами не къ начальнику губерніи, но къ высшему правительству «*черезъ губернское начальство*». Изъ редакціи приведенной нами части отзыва должно, слѣдовательно, заключить, что г. губернаторъ считаетъ губернское начальство уполномоченнымъ по закону къ истребленію сусликовъ посредствомъ натуральной повинности. Но какъ согласить съ этимъ мнѣніе, выраженное г. губернаторомъ въ первомъ пунктѣ отзыва, что обязательное истребленіе сусликовъ есть *новый видъ* натуральной повинности, не предусмотрѣнный закономъ. По ст. 11-й тома IV Свод. Зак. тотъ «кто дозволить себѣ, безъ надлежащаго законнаго разрѣшенія, установить, или *допустить* новую повинность», подлежитъ уголовной отвѣтственности. Въ силу этой статьи, если только обязательное истребленіе сусликовъ есть *новый видъ* повинности, то не только земство, но и администрація не въ правѣ установить ея, подъ угрозой уголовной отвѣтственности; если только г. начальникъ губерніи правъ на этотъ разъ, протестуя противъ истребленія сусли-

ковъ земствомъ, то двукратное допущеніе имъ этого «новаго вида» повинности въ Александровскомъ уѣздѣ подводило бы дѣйствія его подъ вышеприведенную 11-ю статью IV тома, чего мы, однако, вовсе не думаемъ. Очевидно, что если по какимъ бы то ни было соображеніямъ, возможно считать истребленіе сусликовъ натуральною повинностію, не навлекая на предъидущую дѣятельность свою кары закона, то отнюдь не новымъ, а старымъ, т. е. *узаконеннымъ* видомъ ея. Если же обязательное истребленіе сусликовъ есть натуральная повинность, допускаемая по закону, то раскладка оной и общій надзоръ за нею принадлежатъ не администраціи, но земскимъ учрежденіямъ, по статьѣ 22-й времен. правилъ; ясно, что и съ этой точки зрѣнія, съ которою мы, впрочемъ, не можемъ согласиться, Александровское уѣздное земское собраніе не нарушило закона, не превысило власти. Мы ужъ потому не можемъ согласиться считать истребленіе сусликовъ натуральною повинностію, что если бы это было такъ, то земскія учрежденія, по закону, были бы полнымъ хозяиномъ дѣла. Между тѣмъ, въ пунк. VIII, ст. 2-й Полож., мы читаемъ, что на земскія учрежденія возлагается «содѣйствіе» къ истребленію вредныхъ животныхъ. Предполагается, что часто побѣда надъ чрезвычайными бѣдствіями можетъ превзойти силы земства, что поэтому и правительственные органы обязаны бороться съ ними. Законодатель предполагалъ несомнѣнно, что въ этомъ дѣлѣ земство и администрація пойдутъ рука объ руку, помогая другъ другу. Не считая истребленія сусликовъ чьею-либо неприкосновенною привилегіею, такъ же точно рассуждало и собраніе; потому оно и постановило, 24 октября 1867 года, просить о содѣйствіи начальника губерніи къ тому, чтобы становые пристава немедленно исполняли законныя требованія 20-ти участковыхъ попечителей, избранныхъ собраніемъ, для наблюденія за истребленіемъ сусликовъ въ уѣздѣ. Отвѣта на это ходатайство не послѣдовало, хотя можно было усмотрѣть косвенный отвѣтъ на это заявленіе собранія, въ перепискѣ г. губернатора съ управою въ началѣ 1867 года, извѣстной журналистикѣ. Впрочемъ, взглядъ г. начальника губерніи на содѣйствіе полиціи къ исполненію постановленія собранія объ обязательномъ истребленіи сусликовъ выраженъ со всею точностію въ третьемъ и послѣднемъ доводѣ отзыва его, къ которому мы и переходимъ.

3) Въ числѣ причинъ, побуждающихъ г. Екатеринославскаго губернатора не согласиться на постановленіе собранія, его превосходительство указываетъ на то, что это постановленіе «можетъ возбуждать не только жалобы, но даже противудѣйствіе со стороны сельскихъ обществъ и землевладѣльцевъ распоряженіямъ управы, чему и были уже примѣры, какъ видно изъ протокола Александровскаго земскаго собранія 24 сентября (1867 года), и полиція лишена будетъ возмож-

ности оказать содѣйствіе къ исполненію этихъ распоряженій, какъ не имѣющихъ законныхъ основаній». Историческій очеркъ, съ котораго мы начали нашу статью, уже доказываетъ, что въ средѣ гласныхъ вопросъ объ истребленіи сусликовъ возбуждалъ всегда всеобщее сочувствіе, что противодѣйствія въ самомъ собраніи никогда не встрѣчались; между тѣмъ земскіе гласные—не случайно съѣхавшіеся люди, но члены многочисленнаго собранія (60), мнѣніе которыхъ возможно считать общественнымъ мнѣніемъ, такъ какъ въ земскомъ собраніи всѣ сословія имѣютъ своихъ представителей. Три сессіи Александровскаго земскаго собранія прошли безъ того, чтобы когданибудь ктонибудь высказался противъ истребленія сусликовъ, или указалъ на какіянибудь послѣдствія этой мѣры, кромѣ самыхъ благодѣтельныхъ. Но остановимся въ частности на тѣхъ двухъ общественныхъ группахъ, на которыя указываетъ отзывъ г. начальника губерніи, на отношеніи къ обязательному истребленію сусликовъ сельскихъ обществъ и землевладѣльцевъ.

Что касается первыхъ, то уже потому трудно ожидать отъ нихъ ропота противъ установленнаго собраніемъ истребленія овражковъ, что дѣло это для нихъ не ново: и до открытія земскихъ учреждений имъ предписывалось истребленіе сусликовъ администраціею; но разница, для крестьянъ, между бывшими и настоящими распоряженіями касательно уничтоженія овражковъ, въ томъ, что теперь, послѣ того что завѣдывали дѣломъ управа и участковые попечители, встрѣчается гораздо менѣе злоупотребленій со стороны сельскихъ начальствующихъ лицъ и самое истребленіе сусликовъ происходитъ гораздо исправнѣе: сельскія общества могли слѣдовательно только выиграть отъ распоряженій земства, но никакъ не проиграть. Для того, чтобы еще лучше опредѣлить отношеніе ихъ къ этому вопросу, припомнимъ, какъ гласные изъ крестьянъ высказывались о немъ въ средѣ нашей, интересовались ли они тѣмъ, чтобы собраніе приняло самую энергическую мѣру противъ давнишнихъ враговъ. Вотъ, что говорятъ факты: во вторую сессію собранія вовсе не было преній объ истребленіи сусликовъ, такъ какъ предложенія одного изъ гласныхъ, развившія предъидущее постановленіе, принято безъ преній, *единогласно*, т. е. и 17-ю гласными изъ крестьянъ, прибывшими для занятія во вторую сессію собранія (20 — 28 октября 1866 г.). Въ первую же сессію собранія, когда дѣло устранивалось и въ третью сессію, когда собраніе было подъ впечатлѣніемъ уже послѣдовавшихъ результатовъ, и когда были пренія о вопросѣ, гласные изъ крестьянъ приняли въ нихъ самое живое участіе; такъ, въ двухъ сессіяхъ 12 различныхъ гласныхъ изъ крестьянъ высказывались по этому вопросу, и большинство ихъ не одинъ разъ. Въ засѣданіи 9 апрѣля 1866 года, участвовали въ преніяхъ гг. Штахъ, Шелестъ, Петренко, Гавриленко; въ засѣданіи 24

октября 1866 года, высказывались по вопросу, кромѣ нѣкоторыхъ изъ поименованныхъ, гг. Блохудоре, Безверхій, Сугуровъ, Ясенъ; членами специальной комиссіи, для разработки вопроса, были избраны 8 гласныхъ изъ крестьянъ и въ числѣ ихъ, кромѣ нѣкоторыхъ уже поименованныхъ, гг. Ольмазовъ; Миллеръ, Гибертъ, Галовко. Изъ 12 лицъ крестьянскаго сословія, говорившихъ въ собраніи, никогда никто не выражалъ ничего иного, кромѣ самого теплаго сочувствія распоряженіямъ собранія. Правда, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ своевременное и энергическое истребленіе овражковъ шло успѣшно только потому, что населеніе ожидало штрафа за неистребленіе. Но, не говоря уже о томъ, во 1-хъ, что тамъ же гласнымъ выражалась признательность за энергію въ истребленіи сусликовъ, и во 2-хъ, о томъ, что управою получены письменныя заявленія такого же рода, неужели возможно мечтать о такомъ времени, когда всѣ безъ изыатія правильно поймутъ свою пользу; вѣдь выжидать такого времени значило бы мечтать о тѣхъ блаженныхъ дняхъ, когда не будетъ преступленій. Если бы кто и вѣрилъ въ возможность такого порядка вещей, то онъ, вѣроятно, согласился бы съ тѣмъ, что не намъ дожидаться того, такъ какъ, до наступленія счастливыхъ временъ, суслики уничтожатъ хлѣбъ, а безъ хлѣба нельзя жить! Если бы и встрѣчалось противодѣйствіе распоряженіямъ собранія, то такія явленія могли бы повторяться только въ видѣ рѣдкихъ исключеній. На первое и, дасть Богъ, послѣднее изъ такихъ исключеній указываетъ и г. начальникъ губерніи, вѣроятно, ссылаясь на протоколъ 24 сентября 1867 года. Говорятъ, что заявлено о противодѣйствіяхъ *одного* изъ гласныхъ изъ крестьянъ истребленію овражковъ и устройству школъ; но говорятъ также и то, что съ негодованіемъ посѣщали отнестись прочіе гласные изъ крестьянъ къ заблужденіямъ своего собрата; поэтому, я считаю излишнимъ доказывать, какъ мало убѣждаетъ меня указаніе г. губернатора въ томъ, что собраніе встрѣтитъ противодѣйствіе сельскихъ обществъ стараніямъ его истребить сусликовъ. Скажу только, что отъ противодѣйствія *одного* лица до противодѣйствія сельскаго *общества*, какъ выражается г. губернаторъ, еще далеко; добавлю къ этому, что если описанный нами случай, на которомъ остановилось вниманіе начальника губерніи, считать за зловѣщій признакъ, который долженъ приостановить дѣятельность собранія, то придется отречься не только отъ истребленія сусликовъ, но и отъ устройства школъ; между тѣмъ, мы знаемъ, какъ это дѣло у насъ подвигается и не по приказу, а исключительно по сочувствію сельскихъ обществъ. Обращаясь ко второй общественной группѣ, на возможность сопротивленія которой указываетъ г. губернаторъ, къ землевладѣльцамъ, я скажу только нѣсколько словъ: не въ Александровскомъ уѣздѣ ожидать сопротивленія землевладѣльцевъ такимъ мѣрамъ, которыя служатъ къ пользѣ всего земства. Сами землевладѣльцы пред-

ложили переложеніе натуральной подводной повинности въ денежную, сами же они *пероме* заявили о необходимости привлеченія всѣхъ сословій къ истребленію сусликовъ; только *содѣйствія*, а не противодѣйствія можемъ мы ждать отъ нихъ. Наконецъ, если бы и допустить вѣроятность противодѣйствія сельскихъ обществъ стремленіямъ земства уничтожить овражковъ, то есть ли основаніе не допустить такого же ихъ противодѣйствія и мѣрамъ администраціи? Скажу болѣе: противодѣйствіе не должно было бы никогда остановить собраніе въ его благотворной дѣятельности, и мы всегда были бы въ правѣ рассчитывать на помощь правительства нашимъ благимъ начинаніямъ; всякая недомыслие въ податяхъ есть своего рода противодѣйствіе, а безъ взиманія податей мы не можемъ существовать. Я доказываю, что легче годъ или два прожить безъ уплаты налоговъ, если есть остатки прежнихъ сборовъ, чѣмъ за годъ или два наводнить уѣздъ сусликами, послѣ чего самое взиманіе податей можетъ надолго стать невозможнымъ. Понятно, что для полнаго успѣха отъ мѣръ собранія къ истребленію сусликовъ необходимо содѣйствіе правительства, такъ какъ всегда и вездѣ найдутся люди, которые не поймутъ своей собственной пользы и жестокостію по отношенію къ самимъ себѣ, пренебреженіемъ къ плодамъ собственнаго труда, нанесутъ ущербъ обществу.

Въ разсматриваемомъ нами отзывѣ г. начальника Екатеринославской губерніи, онъ говоритъ, что полиція будетъ лишена возможности оказать содѣйствіе къ исполненію распоряженій управы объ истребленіи сусликовъ, согласно постановленію собранія, какъ не имѣющихъ законнаго основанія. До сихъ поръ старался я доказать, что постановленіе Александровскаго уѣзднаго земскаго собранія объ истребленіи сусликовъ вполне законно; поэтому, не могу я согласиться и съ тѣмъ, чтобы полиція не могла содѣйствовать къ осуществленію этого постановленія. По статьѣ 29-й устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, подлежатъ отвѣтственности всѣ, не исполняющіе законныхъ постановленій земскихъ собраній, а не опротестованное постановленіе собранія входитъ въ законную силу, т. е. получаетъ силу закона. Такимъ путемъ получили силу закона постановленія собранія объ истребленіи сусликовъ въ апрѣлѣ и въ октябрѣ 1866 года, а въ сентябрѣ 1867 года законъ, существовавшій полтора года съ согласія министерства и губернскаго начальства, пересталъ быть закономъ, такъ какъ послѣдовалъ отзывъ начальника губерніи противъ третьяго повторенія того самого постановленія, на которое онъ два раза изъяснялъ свое согласіе.

Читатели могли до сихъ поръ убѣдиться въ томъ, на сколько протестъ губернатора нарушаетъ интересы земства; но, по нашему мнѣнію, этотъ протестъ прежде всего нарушаетъ ту 9-ю статью Положенія о земскихъ учрежденіяхъ, на которую онъ ссылается. Въ силу этой

статьи закона, не предоставлено губернатору право приостанавливать исполненіе *всякаго* постановленія собранія, по благоусмотрѣнію; эта статья уполномочиваетъ губернатора возражать только противъ тѣхъ постановленій, которыя противны *закону* или *государственной пользѣ*. Врядъ ли кто нибудь станетъ доказывать, что дружныя усилія земства противъ сусликовъ противны пользамъ государства; если же такого абсурда доказать нельзя, то трудно не прийти къ заключенію, что вышеприведенный нами отзывъ губернатора направленъ не въ защиту, но въ ущербъ государственнымъ пользамъ; намъ, по крайней мѣрѣ, кажется несомнѣннымъ, что парализовать борьбу земства съ общественными бѣдствіями — значитъ наносить вредъ пользѣ государства. Кроме того, намъ кажется яснымъ до очевидности, что рассмотрѣнный нами протестъ начальника губерніи не защищаетъ и закона, будто бы нарушеннаго земскимъ собраніемъ. Мы слишкомъ уважаемъ земскія учрежденія для того, чтобы допустить, что три раза 60 гласныхъ совѣщались о дѣлѣ, и ни одного разу никто не догадался о томъ, что, истребляя сусликовъ, они совершаютъ беззаконіе. Мы слишкомъ уважаемъ и высшую администрацію, которая, какъ мы говорили, *два раза* выражала свое согласіе на распоряженіе земства, для того, чтобы допустить, чтобы она не только не возражала противъ незаконнаго постановленія, которымъ, по словамъ губернатора, земство превысило предоставленную ему власть, но подвергала на обсужденіе губернскаго собранія такое постановленіе уѣзднаго собранія, которымъ земство вышло изъ круга дѣйствій, предоставленнаго ему по закону.

Остается еще указать на одно изъ существеннѣйшихъ послѣдствій протеста: распоряженія объ истребленіи сусликовъ, довольно сложныя (раздѣленіе уѣзда на 20-ть участковъ, назначеніе центральныхъ пунктовъ въ каждомъ участкѣ, расчетъ того, сколько овражевыхъ хвостиковъ слѣдуетъ отъ cadaго землевладѣнія, и сколько состоитъ недомки за каждымъ, высылка книгъ для счета поступающихъ овражевыхъ хвостиковъ и проч.), должны быть сдѣланы управою въ декабрѣ, или, по крайней мѣрѣ, въ самыхъ первыхъ числахъ января, такъ какъ первымъ срокомъ для представленія убитыхъ сусликовъ бывало 1 апрѣля; назначеніе позднѣйшаго срока вовсе не достигнетъ цѣли. Между тѣмъ время теперь уже упущено и, каковъ бы ни былъ исходъ этого грустнаго недоразумѣнія, уже успѣло пошатнуться только что начинавшее укореняться убѣжденіе населенія въ необходимости *повсемѣстнаго, одновременнаго и возможно ранняго* истребленія сусликовъ. Не дай Богъ быть пророкомъ въ этомъ дѣлѣ; не дай Богъ того, чтобы вновь мы посѣдали весною—*для сусликовъ*, какъ это дѣлалось пять лѣтъ сряду. А что, если это случится? Кто вознаградитъ насъ!... Въ виду возможности такихъ серьезнѣйшихъ послѣдствій отъ личнаго усмотрѣнія, не пора ли оказывать большее довѣріе къ общественной совѣсти и

сознанію 60 представителей всѣхъ сословіи и общественныхъ группъ, которыя посвятили три сессіи самой тщательной разработкѣ такого вопроса, который они, съ перваго дня призыва ихъ къ самоуправленію, считали краеугольнымъ камнемъ вѣрннана имъ земскаго хозяйства, вопросомъ о жизни и смерти.

Земское дѣло — многотрудное дѣло! Легко глумиться надъ ошибками начинающихъ, легко ставить въ вину всѣмъ ошибки не многихъ, легко упрекать земство въ томъ, что не видно осязаемыхъ результатовъ отъ дѣятельности его; легко, наконецъ, упрекать земскія учрежденія въ томъ, что онѣ преднамѣренно ищутъ столкновеній съ администраціей. Все это гораздо легче, чѣмъ подъ-часъ земству приходится дѣйствовать. Скажемъ однако и, совершенно искренно, опираясь на совершившіеся факты: мы вполне довѣраемъ высшему правительству и вполне убѣждены въ томъ, что оно никогда не дастъ заглушить земскимъ учрежденіямъ. Но, добавимъ къ этому, что уже теперь проявляются серьезныя симптомы, которые заслуживаютъ всего вниманія его: почти вездѣ едва могли состояться очередныя собранія изъ-за неявки гласныхъ. Неужели это объясняется однимъ *безпричиннымъ* равнодушіемъ ихъ къ дѣлу? Вы скажете, что не стѣбитъ тотъ быть дѣятелемъ, у кого слишкомъ скоро руки падаютъ. Правда, скажу вамъ въ отвѣтъ, но добавлю: вспомните, давно ли эти руки развязаны? Тогда и вы вѣроятно повторите за мною: такъ недавно, что въ *интересъ правительства* заинтересовать людей предстоящимъ имъ дѣломъ, т. е. дать имъ возможность *дѣйствовать*, извиняя даже то, если иной *наговоритъ* и такого, что образовало бы диссонансъ въ однообразной гармоніи стараго порядка, которому навсегда нанесенъ ударъ настоящимъ царствованіемъ. *Какъ опытъ*, настоящій порядокъ можетъ имѣть значеніе; но не забудемъ также и того, что слишкомъ продолжительный опытъ можетъ повести къ дурнымъ обычаямъ, которые искореняются гораздо медленнѣе, чѣмъ удается водворить ихъ въ общество, весьма воспримчивомъ; оно еще мало ходило не на помочахъ и мало выработало изъ себя самого. Вспомнимъ кстати и о томъ, что нѣтъ возможности всего переиспытать самимъ, и что, заводя у себя дѣло, давно существующее у другихъ, возможно съ пользою заглядывать въ исторію для того, чтобы не терять времени на бесполезныя опыты.

ВАР. Н. КОРЪ.

3-го февраля, 1868 г.

Александр. уѣздъ Екатериносл. губ.

ОБОЗРѢНІЕ СУДЕБНОЕ.

ПОДСУДИМЫЕ И ПРЕСТУПЛЕНІЯ.

Если дѣла, разсмотрѣнныя нами въ послѣднемъ обзорѣннѣи ¹⁾, имѣютъ большое значеніе для того, чтобы уяснить приемы, съ помощью которыхъ старый и новый судъ отличаютъ, наприм., преступника отъ больного, то они, тѣмъ не менѣе, не могутъ еще служить для полной характеристики присяжныхъ и судей, и выразить ихъ взглядъ на уголовное правосудіе. Случай, хотя и не исключительные, но все же и не обыденные, не годятся для такихъ общихъ выводовъ. Нужно для этого брать не отдѣльные факты, не того или другого подсудимаго, а всю эту разнохарактерную толпу лицъ, сидѣвшихъ, до сихъ поръ, на скамьѣ подсудимыхъ, въ новыхъ судахъ, съ которой одни выходили на свободу, а другіе шли по тюрьмамъ, острогамъ и на каторгу.

До сихъ поръ еще нѣтъ систематическихъ отчетовъ объ уголовной дѣятельности новыхъ судовъ, этихъ первыхъ официальныхъ отчетовъ, въ которыхъ, можно надѣяться, впервые явится не какая нибудь официальная ложь, но дѣйствительно правдивыя данныя, годныя для статистическихъ выводовъ. Но не нужно дожидаться этихъ отчетовъ, чтобы знать,—какая среда выставила наибольшее число подсудимыхъ. Русское общество не представляетъ какихъ нибудь особенныхъ, необыкновенныхъ условий для того, чтобы у него являлись данныя, противныя выводамъ уголовной статистики другихъ странъ, въ которыхъ невѣжество и нищета матеріальная и умственная выставляютъ наибольшее число жертвъ каторги и тюрьмы. При этомъ, преступленія грубыя, открытыя, какъ разбой, грабежъ, кража со взломомъ и у насъ остаются достояніемъ подсудимыхъ изъ простого народа, а преступленія, въ которыхъ главную роль играетъ ловкость и хитрость, а не

¹⁾ См. выше, т. I, стр. 372 и слѣд.

грубая сила, какъ, напримѣръ, подлогъ, совершаются большею частію подсудимыми изъ болѣе образованнаго класса. Женщинъ на скамьѣ подсудимыхъ является меньше, нежели мужчинъ. По возрасту подсудимыхъ можно будетъ и у насъ сдѣлать тѣ же выводы, которые Н. Неклюдовъ ¹⁾ дѣлаетъ изъ уголовной статистики Франціи, характеризуя слѣдующимъ образомъ преступленія, свойственныя каждому изъ возрастовъ: 1) дѣтство (отъ 1 до 16 л.) отличается наклонностію къ кражѣ и зажигательству по глупости и неразумію; 2) юность (отъ 16 до 21 г.) имѣетъ наклонность къ преступленіямъ плотскимъ; 3) молодость (отъ 21 до 30 л.) наклонна къ сопротивленію и неповиновенію власти, къ насилію, или оскорбленію правительственныхъ чиновниковъ, затѣмъ къ дѣтубійству, изгнанію плода, сокрытію рожденія младенца, похищенію женщинъ, тѣлеснымъ поврежденіямъ, убійству, грабежу, принужденію къ обязательствамъ, злоупотребленію довѣренности, фальшивой монетѣ, поддѣлкѣ банковыхъ билетовъ и, наконецъ, къ уклоненію отъ повинности военной службы; 4) зрѣлый возрастъ (отъ 30 до 40 л.) отличается наклонностію къ преступленіямъ политическимъ, злостному банкротству, подлогу, отравленію, отцеубійству; 5) пожилой возрастъ (отъ 40 до 50 л.) имѣетъ, повидимому, склонность къ лжесвидѣтельству, зажигательству, изгнанію плода, лишенію свободы, многобрачію; 6) старость (отъ 50 до 65 л.) наиболѣе наклонна къ взяткамъ, разрушенію или поврежденію чужой собственности, къ растлѣнію; и 7) дряхлость (отъ 65 до 100 л.), какъ періодъ разложенія или упадка всѣхъ силъ организма, не имѣетъ никакихъ свойственныхъ ей преступленій: какъ силы этого возраста упадаютъ до наименьшей величины, такъ и наклонности къ преступленіямъ достигаютъ въ немъ своего минимума. Наконецъ, — по временамъ года: число преступленій противъ лицъ увеличивается лѣтомъ, а зимою усиливаются преступленія противъ собственности, вслѣдствіе увеличивающихся потребностей нуждающагося населенія. Послѣднее особенно замѣчается въ мировыхъ судахъ Петербурга и Москвы. Тутъ, впрочемъ, можно еще подмѣтить особое явленіе: зимою не рѣдко дѣлаются мелкія преступленія для того, чтобы только попасть въ тюрьму. Въ такомъ случаѣ подсудимый тотчасъ же сознается въ преступленіи, изъявляетъ удовольствіе на приговоръ судьи и, довольный, идетъ въ тюрьму, надѣясь имѣть, въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, теплый уголь и пищу. Этотъ нѣмой, но выразительный протестъ пролетаріата противъ сытаго и обеспеченнаго общества, вызываетъ, конечно, на размышленіе.

¹⁾ «Уголовно-статистическіе этюды». Этюдъ первый. Статистическій опытъ изслѣдованія физиологическаго значенія различныхъ возрастовъ челоѣческаго организма, по отношенію къ преступленію. С.-Петербургъ, 1865.

Само общество, говоритъ Кетле ¹⁾, приготовляетъ преступленіе: преступникъ является только необходимымъ его орудіемъ; неся голову на плаху, преступникъ представляется лишь очистительной жертвой извѣстнаго общественнаго порядка, и его преступленіе есть не что иное, какъ послѣдствіе тѣхъ обстоятельствъ, среди которыхъ онъ былъ поставленъ.

Если мнѣніе это справедливо — а ошибочность его еще нигдѣ и нѣгдѣ не доказана, — то становится понятнымъ, какое огромное значеніе должны имѣть приговоры самого общества надъ совершающимися въ его средѣ преступленіями. Приговоры эти выражаются въ вердиктахъ присяжныхъ, призываемыхъ въ судъ не для того только, чтобы, выслушавъ обвиненіе и защиту, сказать — совершилъ ли подсудимый извѣстный поступокъ, запрещенный закономъ, но чтобы и отвѣтить на вопросъ: виновенъ ли подсудимый въ взводимомъ на него обвиненіи. Въ этихъ-то отвѣтахъ и высказываются взгляды общества на нарушенія закона, нарушенія, которыя оно можетъ признавать для себя опасными или нѣтъ, и, въ послѣднемъ случаѣ, можетъ парализовать силу устарѣвшаго закона, неудовлетворяющаго его потребностямъ; въ нихъ видны стремленія общества оградить себя отъ такихъ нападеній, которыя, по его понятіямъ, грозятъ его свободѣ или безопасности. Для такой дѣятельности общества все равно: участвуютъ ли въ судѣ большое число свободныхъ гражданъ, составляя вполнѣ народное учрежденіе, какимъ являлись дикастеріи въ древней Греціи, или общество посылаетъ въ судъ нѣсколькихъ своихъ членовъ для произнесенія, по совѣсти, приговора о виновности, или невинности подсудимаго. Въ томъ и другомъ случаяхъ, значеніе постановленныхъ приговоровъ будетъ одинаково. Сравнивая дикастеріи и дикасты, этотъ первообразъ современнаго института присяжныхъ въ древнихъ Аѳинахъ, съ судомъ присяжныхъ Англій и Америки, Гротъ, въ своей «Исторіи Греціи», приписываетъ имъ равныя достоинства и недостатки. «И присяжный и дикастъ — говоритъ Гротъ — представляютъ собою нормальнаго человѣка своего времени и своего края, человѣка, дѣйствительно чуждаго корыстныхъ видовъ и личнаго страха, и рѣшающаго дѣло согласно съ тѣмъ, что онъ считаетъ за справедливость, или съ какимъ нибудь искреннимъ чувствомъ безпристрастія, милосердія, религіи или патриотизма, которое для него, въ настоящемъ случаѣ, замѣняетъ справедливость. Но онъ не чуждъ разнымъ сочувствіямъ, антипатіямъ и предразсудкамъ, которые тѣмъ могущественнѣе дѣйствуютъ, что онъ не сознаетъ ихъ присутствія, и что они, въ его понятіяхъ, нераздѣльны съ простымъ здравымъ смысломъ. При-

¹⁾ Sur l'homme et le développement de ses facultés, ou Essai de physique sociale, par Quetelet. Brux., 1836. t. II, p. 341.

сяжные опредѣляютъ приложеніе закона къ отдѣльнымъ случаямъ по общему чувству, или общему образу мыслей публики, иногда, конечно, не всей, но только одной особой части ея; судъ ихъ обезпечиваетъ общество противъ всего того, что хуже чувствъ и понятій большинства, въ особенности же отъ той склонности къ подкупу и къ раболѣпству передъ властью, которая такъ часто образуется въ лицахъ, имѣющихъ официальное положеніе, но онъ не можетъ никакъ стать выше окружающаго общества¹⁾. Онъ станетъ даже ниже этого общества тамъ, гдѣ званіе присяжнаго составляло бы привилегію одного какого либо сословія или незначительной части общества.

Наши присяжные засѣдатели, если и не могутъ считаться представителями всего русскаго общества, то, по крайней мѣрѣ, значительной его части. Званія присяжнаго лишены лица, не состоящія на службѣ государственной или общественной и не владѣющіе землею въ количествѣ 100 десятинъ, или другимъ недвижимымъ имѣніемъ цѣною въ столицахъ менѣе 2,000 рублей, въ губернскихъ городахъ и градоначальствахъ менѣе 1,000 рублей, а въ прочихъ мѣстахъ менѣе 500 рублей, или же получающіе жалованье, или доходъ отъ своего капитала, занятія, ремесла или промысла въ столицахъ менѣе 500, а въ прочихъ мѣстахъ менѣе 200 рублей въ годъ. Такимъ образомъ, у насъ званіе присяжнаго обуславливается цензомъ, который никакъ не можетъ быть названъ низкимъ. Напротивъ того, если бы цензъ этотъ былъ еще возвышенъ, то присяжные перестали бы являться представителями народной совѣсти, которая осуждаетъ или оправдываетъ извѣстныя дѣйствія безъ всякаго лицензіята.

Но, независимо отъ характера той среды, изъ которой выбираются присяжные, на правильность ихъ приговоровъ вліяютъ еще другія обстоятельства, среди которыхъ они дѣйствуютъ. Если судьи не настолько самостоятельны, чтобы могли слѣдовать своему убѣжденію, то они будутъ пристрастно управлять ходомъ судебныхъ преній. Если правительство смотритъ на прокуроровъ, какъ на слѣпыхъ исполнителей воли министра, и не заботится о томъ, чтобы въ должность прокурора избирались только лица, соединяющія въ себѣ знаніе законовъ и искусство съ энергіей характера и челоуколюбіемъ, то поведеніе прокуроровъ въ судѣ будетъ отличатся пристрастіемъ и вредно дѣйствовать на присяжныхъ: безхарактерные присяжные уступятъ вліянію прокурора и произнесутъ несправедливый приговоръ; напротивъ, энергическіе присяжные, раздраженные пристрастіемъ прокурора, будутъ склоняться къ оправданію подсудимаго. Такимъ образомъ, справедливость приговоровъ присяжныхъ опредѣляется слѣдующими условіями: простотою и удобопонятностью судебныхъ преній, устраненіемъ

¹⁾ Изъ «Исторія Греція», Грота. Перев. Неварокова. С. Петербургъ, 1860.

всѣхъ обстоятельствъ, могущихъ ввести присяжныхъ въ заблужденіе, обстоятельнымъ и безпристрастнымъ изложеніемъ оснований въ пользу и противъ обвиненія, полной свободой защиты, свойствомъ вопросовъ, на которыя присяжные должны дать отвѣтъ, и, главнѣе всего, поведеніемъ предсѣдателя, отъ котораго зависитъ управленіе преніями, наставленіе присяжныхъ и то впечатлѣніе, подъ вліяніемъ котораго присяжные приступаютъ къ совѣщанію. Наконецъ, огромное вліяніе оказываетъ на присяжныхъ характеръ уголовного судопроизводства и законодательства: тайное производство предварительнаго слѣдствія, при которомъ подсудимый лишень защитника—а обвинительная власть, если не прямо, то косвенно можетъ вліять на производство слѣдствія—продолжительное лишеніе подсудимаго свободы до рѣшенія дѣла, и, наконецъ, несоразмѣрно жестокія наказанія, опредѣляемыя въ законѣ, вредно дѣйствуютъ на присяжныхъ, стѣсняя ихъ совѣсть и заставляя всѣми средствами заботиться объ облегченіи участи подсудимаго.

Судъ присяжныхъ не является, впрочемъ, единственнымъ дѣятелемъ всего русскаго уголовного правосудія. По уставамъ 20 ноября 1864 года, съ участіемъ присяжныхъ рѣшаются только дѣла о преступленіяхъ и проступкахъ, влекущихъ за собою лишеніе или ограниченіе правъ состоянія, при чемъ изъ вѣдѣнія ихъ исключены дѣла о государственныхъ преступленіяхъ. Въ этихъ послѣднихъ дѣлахъ, также, какъ и въ менѣе важныхъ уголовныхъ процессахъ, разсматриваемыхъ безъ присяжныхъ, вопросъ о виновности или невинности подсудимаго рѣшается самимъ судомъ, при чемъ, въ первомъ случаѣ, т. е. въ дѣлахъ о государственныхъ преступленіяхъ, къ составу суда присоединяются, какъ представители общества — губернской и уѣздной предводители дворянства, городской голова и волостной старшина.

Но кѣмъ бы ни произносился приговоръ о виновности подсудимаго—самимъ ли обществомъ, въ лицѣ присяжныхъ засѣдателей, или судьями—во всякомъ случаѣ, наказаніе за преступленіе опредѣляется закономъ. Законъ этотъ, конечно, можетъ перечислить всѣ поступки, которые онъ запрещаетъ подъ страхомъ наказанія, можетъ правильно распредѣлить различныя наказанія за различныя преступленія, можетъ затѣмъ указать—какія обстоятельства должны уменьшать и какія увеличивать наказаніе, но какъ бы положительный законъ близко ни выражалъ требованій общества, для котораго онъ постановленъ, онъ не можетъ охватить всѣхъ явленій жизни во всей ихъ многообразности. Допуская, что не всегда то нравственно, что законно, слѣдуетъ допустить и обратное. Нерѣдко можно встрѣтить поступокъ не безнравственный, но запрещенный закономъ, даже и въ такихъ обществахъ, гдѣ законы являются продуктомъ общественныхъ потребностей. Бываютъ, наконецъ, поступки безнравственные и противозаконные, но совершенные подъ вліяніемъ исключительныхъ обстоятельствъ, кото-

рия парализовали свободную волю чловѣка и, не смотря на присущее въ немъ сознание въ противузаконности и безнравственности извѣстнаго поступка, заглушили въ немъ чувство самосохраненія и какъ-бы вткнули его въ преступленіе. Преступленіе это доказано. Подсудимый признанъ виновнымъ. Но слѣбное примѣненіе къ такому исключительному случаю общаго положительнаго закона представлялось бы если и правильнымъ, то не правосуднымъ. «Правосудіе», говоритъ бывшій министръ юстиціи, извѣстный И. Лопухинъ ¹⁾, «выше законовъ. Оно есть дѣйствіе истины, вѣчной и непремѣнной. Законы суть только его орудія. И ежели случится такое, по обстоятельствамъ своимъ, дѣло, что общій на него законъ не сообразенъ самому существу правосудія, то постановленіе новаго, на случай сей, закона или рѣшеніе непосредственное такого дѣла есть обязанность и лучшее право законодательной власти, которая долженствуетъ быть священнымъ гласомъ правосудія, изрекающимъ оное въ судахъ и законахъ».

Измѣненіе общаго, положительнаго уголовного закона не можетъ принадлежать суду. Отъ суда требуется возстановленіе нарушеннаго права, а не милости. Присяжные или судьи могутъ признать или не признать подсудимаго виновнымъ въ взводимомъ на него обвиненіи, но, признавъ подсудимаго виновнымъ, судъ не можетъ освободить его отъ наказанія, или приговорить къ наказанію, опредѣленному закономъ за другое преступленіе. Судъ имѣетъ право смягчать наказаніе въ предѣлахъ, опредѣленныхъ закономъ, но переступать за эти предѣлы судъ не долженъ потому, что, въ противномъ случаѣ, онъ ставилъ бы свое личное усмотрѣніе, т. е. произволь, выше закона, а это было бы противно общественному порядку, который держится закономъ, но не произволомъ. Измѣненіе же закона, — будетъ ли это уменьшеніе опредѣленнаго закономъ наказанія, или совершенное освобожденіе виновнаго отъ наказанія, т. е. полное помилованіе, — можетъ исходить только отъ верховной власти, въ чьихъ бы рукахъ власть эта ни находилась: въ рукахъ ли одного лица, или нѣсколькихъ лицъ.

Кому бы ни принадлежало право помилованія, во всякомъ случаѣ, оно всегда имѣетъ одну цѣль: соглашеніе справедливости, какъ она высказывается исторически въ законахъ, со справедливостью, какъ она опредѣляется въ живомъ общественномъ сознаніи народа. При этомъ, какъ всякое измѣненіе закона, или отступленіе отъ него, оно не можетъ быть обращено въ обыкновенное средство государственнаго управленія и должно быть употребляемо только въ крайнихъ случаяхъ, съ величайшею разборчивостью.

Въ государствахъ монархическихъ, право помилованія составляетъ

¹⁾ «Воля стариннаго судьи», И. В. Лопухина. Читен. Моск. общ. исторіи и древн. росс., 1862 г., кн. 2.

право, до того свойственное главѣ государства, какъ личному представителю верховной власти, что нельзя даже и представить себѣ монарха безъ права помилованія. Стоя высоко надъ отдѣльными партіями, не связанный законами, а потому вполне отвѣтственный передъ своею совѣстью—глава государства является самымъ пригоднымъ органомъ права помилованія. Отвѣтственность же передъ короною и передъ обществомъ лежитъ, въ этомъ случаѣ, на тѣхъ учрежденіяхъ и лицахъ, которымъ предоставлено право ходатайствовать у верховной власти о милосердіи къ тѣмъ преступникамъ, которые такого милосердія дѣйствительно заслуживаютъ. Поэтому-то корона, какъ источникъ милосердія, въ правѣ требовать, чтобы къ ней доходили только тѣ дѣла, которыя милосердія достойны, чтобы просимое смягченіе наказанія не нарушало бы справедливости, или частныхъ интересовъ постороннихъ лицъ, чтобы, наконецъ, ей не представлялись недостойныя уваженія ходатайства, отказывая въ которыхъ корона являлась бы менѣе милосердною, нежели учрежденія или лица, рѣшившіяся на такое ходатайство. И если, поэтому, лица и учрежденія, имѣющія право представлять коронѣ судебныя приговоры, по которымъ признается несправедливымъ примѣнить къ подсудимымъ установленное закономъ наказаніе, не будутъ пользоваться этимъ правомъ съ величайшею осторожностью и только въ случаяхъ исключительныхъ, не будутъ при этомъ относиться со всею строгостью и разборчивостью къ тѣмъ основаніямъ, по которымъ признается невозможнымъ примѣнить къ подсудимому общій законъ или будутъ просить о замѣнѣ тяжкаго наказанія другимъ, до того слабымъ, что это будетъ равносильно прощенію преступника, который прощенія недостойнъ,—то они будутъ виновны въ оскорбленіи короны, навлекая на нее обвиненіе въ жестокости или слабости. «Въ такомъ случаѣ», говоря словами Бентама, отвергающаго вообще помилованіе, какъ нарушеніе справедливости, кромѣ политическихъ преступленій, «право помилованія будетъ тяжело для руки, которыми оно дѣйствуетъ. Блескъ этого драгоцѣннѣйшаго преимущества короны угаснетъ, если, вмѣсто того, чтобы доставлять коронѣ любовь подданныхъ, оно будетъ подвергать его капризамъ мнѣній, оно будетъ ставить корону въ такое положеніе, что она не можетъ уступить просьбамъ безъ того, чтобы не подвергнуться подозрѣніямъ въ слабости и не можетъ показать себя неумолимою безъ того, чтобы не быть обвиненною въ жестокости»¹⁾.

Перехода отъ этихъ теоретическихъ разсужденій къ практикѣ нашего уголовного правосудія, слѣдуетъ напомнить, что у насъ помилованіе принадлежитъ исключительно верховной власти и можетъ быть

¹⁾ «Избранныя сочиненія Іереміи Бентама». Переводъ А. Пыпина и А. Невѣдомскаго. «Основныя начала уголовного кодекса», стр. 571.

лишь дѣйствіемъ монаршаго милосердія. При этомъ, сила и пространство дѣйствія милосердія, какъ изъятіе изъ законовъ общихъ, опредѣляются въ томъ самомъ высочайшемъ указѣ, которымъ смягчается участь виновныхъ или даруется имъ совершенное прощенье, взысканіе же за вредъ и убытокъ, нанесенный частному лицу преступленіемъ, и въ случаѣ помилованія и прощенья не прекращается, также, какъ и церковное покаяніе, къ которому присужденъ виновный, и которое продолжается, или прекращается, по усмотрѣнію духовнаго начальства.

Никому, конечно, не запрещается прибѣгать къ монаршему милосердію. Но право ходатайствовать, въ чрезвычайныхъ случаяхъ, о смягченіи наказанія подсудимымъ, заслуживающимъ особаго снисхожденія, при прежнемъ судебномъ порядкѣ, было предоставлено судамъ, хотя при этомъ имъ не дано было права представлять коронѣ ходатайства о совершенномъ прощеньи преступника. Дѣла этого рода вносились въ правительствующій сенатъ и оттуда восходили на высочайшее усмотрѣніе, или черезъ государственный совѣтъ, или прямо черезъ министра юстиціи.

Уставы 20 ноября 1864 года даровали новымъ судамъ право ходатайствовать, въ чрезвычайныхъ случаяхъ, не только объ уменьшеніи опредѣляемаго закономъ наказанія даѣе предѣловъ, въ которыхъ предоставлено самому суду смягчать наказаніе подсудимымъ, заслуживающимъ снисхожденія; но и ходатайствовать о совершенномъ помилованіи преступника, признаваемого достойнымъ монаршаго милосердія. Такіе приговоры суда представляются коронѣ черезъ министра юстиціи, который, такимъ образомъ, наравнѣ съ судомъ несетъ на себѣ отвѣтственность передъ короною и обществомъ за представленіе приговоровъ неосновательныхъ, за ходатайства о помилованіи такихъ преступниковъ, которые помилованія не заслуживаютъ.

Приговоры эти имѣютъ большое значеніе. Если въ вердиктахъ присяжныхъ засѣдателей выражаются воззрѣнія общества на подсудимаго и преступленіе, въ которомъ онъ обвиняется, то въ рѣшеніяхъ суда по дѣламъ, разсматриваемымъ имъ безъ участія присяжныхъ, а еще болѣе въ ходатайствахъ его о помилованіи, должны выразиться сами судьи, — ихъ стремленія, убѣжденія и взгляды на справедливость.

Характеристика современнаго русскаго общества была бы неполна, если бы мы, возобновляя въ памяти тѣ уголовныя дѣла, въ которыхъ наиболѣе ярко обрисовался судъ присяжныхъ, не перечислили всѣхъ, извѣстныхъ намъ до сихъ поръ, случаевъ, когда судьи прибѣгали необходимымъ прибѣгнуть къ монаршему милосердію.

Начиная съ преступленийъ, угрожающихъ человѣческой жизни, мы остановимся прежде всего на преступленіи противъ жизни при самомъ ея началѣ, — именно на дѣтоубійствѣ.

До сихъ поръ намъ извѣстны четыре случая, въ которыхъ подсудимыя обвинялись въ убійствѣ рожденныхъ ими дѣтей, и *все* признаны присяжными въ этомъ преступленіи *не* виновными. Припомнимъ эти дѣла:

Крестьянка Аграфена Артемьева (26 л.) родила незаконно прижитого младенца. Самое рожденіе, по показанію Артемьевой, происходило въ хлѣвѣ, причѣмъ она два раза впадала въ безпамятство и, въ промежутокъ между однимъ обморокомъ и другимъ, выронила ребенка, который не подавалъ голоса, за перегородку, гдѣ находились свиньи, вѣроятно и растерзавшія трупъ. Основываясь на томъ, что ребенка не существуетъ, что нѣтъ положительныхъ указаній на рожденіе младенца не живымъ, и что предположеніе о нечаянномъ паденіи его въ свинной хлѣвникъ невѣроятно, — обвинительная власть требовала признанія Артемьеву виновною въ намѣренномъ, хотя и безъ предумышленія, причиненіи смерти незаконнорожденному своему младенцу при самомъ разрѣшеніи имъ отъ бремени. По судебно-медицинскому освидѣтельствованію обнаружено, что роды были своевременные. На судебномъ слѣдствіи, спрошенный въ качествѣ эксперта, уѣздный врачъ Протопоповъ, нисколько не разъяснилъ дѣла своими показаніями, изъ которыхъ нѣкоторые положительно обнаруживали незнакомство его съ предметомъ, о которомъ его спрашивали ¹⁾. Въ своей обвинительной рѣчи, товарищъ прокурора долго доказывалъ тяжесть такого преступленія, какъ дѣтоубійство и при этомъ произнесъ тираду, значеніе которой объяснится ниже: «Преступленіе это тяжело потому, что убійца — мать, лишаящая жизни своего беззащитнаго младенца, и при томъ въ такую минуту, когда она чувствуетъ можетъ быть болѣе, чѣмъ когда либо, кровную связь съ своимъ ребенкомъ». Защитникъ подсудимой, указывая на отсутствіе доказательствъ жизни ребенка и умерщвленія его матерью, просилъ судъ, предложить присяжнымъ не одинъ вопросъ о виновности Артемьевой въ лишеніи ребенка жизни, какъ этого требовалъ товарищъ прокурора, но еще и другой вопросъ о томъ: не виновна ли подсудимая въ сокрытіи трупа мертваго младенца. Присяжные, отвѣтивъ отрицательно на первый вопросъ, отвѣтили утвердительно на второй вопросъ, и Артемьева приговорена судомъ къ заключенію въ тюрьмѣ на 6 мѣсяцевъ.

Финляндская уроженка Елена Карваненъ (25 л.) родила, по ея по-

¹⁾ Показаніе это подробно разобрано въ «Архивѣ судебной медицины», 1867 г., № 2, въ ст. «Перечень уголовныхъ дѣлъ, разсматривавшихся съ участіемъ врачей-экспертовъ».

казанію, незаконно прижитого ребенка въ дровяномъ сарайчикѣ и видя, что онъ не дышетъ, думала, что онъ мертвъ и бросила его въ отхожее мѣсто. По судебно-медицинскому изслѣдованію акушера и врача оказалось, что найденный въ отхожемъ мѣстѣ ребенокъ былъ доношенъ и способенъ къ жизни, родился живымъ и умеръ отъ попавшей въ ротъ и носъ жидкости изъ нечистотъ отхожаго мѣста. Также, какъ и въ предъидущемъ дѣлѣ, по просьбѣ защитника подсудимой, присяжнымъ засѣдателямъ ¹⁾ было предложено два вопроса, и они, отвѣтивъ отрицательно на первый вопросъ—виновна ли Карваненъ въ лишеніи жизни рожденного ею ребенка, признали ее виновною въ сокрытіи трупа мертваго младенца, но, по обстоятельствамъ дѣла, заслуживающему снисхожденія. На этомъ основаніи петербургскій окружный судъ приговорилъ Карваненъ къ заключенію въ тюрьмѣ на два мѣсяца. Но дѣло Карваненъ не кончилось въ окружномъ судѣ. Прокурорскій надзоръ нашелъ неправильнымъ предложеніе вопроса о томъ — виновна ли подсудимая въ сокрытіи трупа мертваго младенца, такъ какъ на это преступленіе не было указанія въ обвинительномъ актѣ, и судебное слѣдствіе не измѣнило вовсе обстоятельствъ, послужившихъ основаніемъ для выводовъ обвинительнаго акта. По протесту прокуратуры, дѣло дошло до кассационнаго сената, который протестъ этотъ призналъ неосновательнымъ, потому, что разрѣшеніе, въ каждомъ данномъ случаѣ, вопроса о томъ, измѣнилось ли, при судебномъ слѣдствіи, свойство обвиненія, по которому подсудимый былъ преданъ суду, вполне зависитъ отъ того судебного мѣста, которое разсматриваетъ дѣло по существу. Изъ суда дѣло Карваненъ перешло въ печать и органъ министерства юстиціи. «Судебный Вѣстникъ» упрекалъ прокурорскій надзоръ въ томъ, зачѣмъ онъ не обвинялъ Карваненъ «въ предумышленномъ дѣтоубійствѣ». Основаніемъ къ этому, по мнѣнію газеты министерства юстиціи, должно было служить: «полное отсутствіе какихъ-либо приготовленій въ ожиданіи разрѣшенія отъ бремени, постоянное отрицаніе факта беременности и сокрытіе родового процесса». На сколько это мнѣніе газеты министерства юстиціи разумно, мы увидимъ ниже.

14 марта 1867 года, въ городѣ Суздалѣ, въ проруби рѣки Каменки, найденъ былъ мертвый младенецъ, завязанный въ тряпку съ перерѣзанною шею и ушибленною головою. Врачъ, производившій осмотръ, заключилъ, что ребенокъ этотъ былъ доношенъ и рожденъ живымъ, смерть же послѣдовала ему отъ прекращенія дыханія и кровоизліянія, вслѣдствіе порѣза шеи, дыхательнаго горла и сосудовъ ихъ при сотрясеніи мозга отъ ушиба, нанесеннаго въ лѣвую, заднюю сторону головы.

¹⁾ Въ составѣ присяжныхъ засѣдателей находилось: четверо дворянъ и чиновниковъ, четверо купцовъ и четверо мѣщанъ и крестьянъ.

Подозрѣніе въ совершеніи преступленія пало на суздальскую мѣщанку Ольгу Гусеву (16 л.), бывшую незадолго передъ тѣмъ беременною, которая показала, что она родила мертваго ребенка, завернула его въ тряпку и спрятала сначала на чердакѣ, потомъ бросила въ прорубь, но ребенка не убивала. Слѣдуетъ замѣтить, что предварительное слѣдствіе вовсе не изслѣдовало принадлежность убитаго ребенка Гусевой и тождественность его съ тѣмъ, котораго она родила. Спрошенный въ судѣ, въ качествѣ эксперта, врачъ Мензе, ничего не могъ разъяснить въ этомъ отношеніи, и повторилъ сказанное въ актѣ осмотра. Также, какъ и въ первыхъ двухъ случаяхъ, присяжные не признали Гусеву виновною въ лишеніи жизни своего незаконнорожденнаго ребенка, а только виновною въ скртіи трупа мертворожденнаго ребенка вслѣдствіе страха и стыда. За это Владимірскій окружной судъ приговорилъ Гусеву къ заключенію въ тюрьмѣ на 2 мѣсяца.

Дочь причетника, Агаѣя Виноградова (24 л.), будучи беременна, и почувствовавъ, какъ она говорила, боли, выбѣжала ночью изъ избы, гдѣ спала съ отцомъ и матерью и родила въ сѣнникѣ, стоя, незаконно ею прижитою ребенка, который и выпалъ на ледъ; почувствовавъ за тѣмъ сильныя боли, Виноградова ушла въ хлѣвъ и, уходя, слышала, что ребенокъ разъ пять крикнулъ, но когда она вернулась изъ хлѣва и подошла къ ребенку, то онъ уже не былъ живъ. Послѣ того она спрятала ребенка сначала въ пустое мѣсто за лѣстницей, а потомъ въ вырытую въ подпольи избы яму. Судебно-медицинское изслѣдованіе трупа ребенка удостовѣрило, что у него двѣ раны на головѣ и черепъ раздробленъ, по мнѣнію врача, ударомъ, нанесеннымъ съ значительною силою, твердымъ острымъ орудіемъ, отъ чего и послѣдовала смерть ребенка. Спрошенный на судебномъ слѣдствіи, въ качествѣ эксперта, врачъ Коссака объяснилъ, что раны, нанесенныя ребенку, не могли произойти при его паденіи на полъ сѣнника, гдѣ родила Виноградова. Товарищъ прокурора, обвинявшій Виноградову (онъ же обвинялъ и Гусеву), много и долго говорилъ о возмутительности преступленія, совершеннаго, «по его глубокому убѣжденію», Виноградовою. За отсутствіемъ уликъ онъ даже нашелъ возможнымъ воспользоваться плачемъ подсудимой и, указывая на рыдавшую, на скамьѣ подсудимыхъ, дѣвушку, увѣрялъ присяжныхъ, что это «не слезы невинной жертвы, а слезы, вызванныя страхомъ за послѣдствія своего преступленія». Все это нисколько не подѣйствовало на присяжныхъ¹⁾; отъ которыхъ товарищъ прокурора «требовалъ» признанія подсудимой виновною²⁾ и они

1) Составъ присутствія присяжныхъ состоялъ преимущественно изъ однихъ чиновниковъ, двухъ крестьянъ и двухъ купцовъ.

2) Достоинно замѣчанія, что обвинительная власть, опровергая показанія подсудимой о смерти ребенка отъ паденія, такъ какъ, по объясненію Виноградовой, она

на предложенный имъ вопросъ: виновна ли Виноградова въ томъ, что лишила жизни своего незаконнорожденного ребенка, при самомъ его рожденіи, отъ стыда и страха, безъ заранѣе обдуманнаго умысла, отвѣтили: «нѣтъ, не виновна.» Въ этомъ дѣлѣ, второго вопроса, относительно скрѣтія Виноградовой мертворожденного ребенка, присяжнымъ предложено, не было, и, благодаря этому, подсудимая, вѣроятно, подверглась вторичному преслѣдованію за это преступленіе.

Эти оправдательные приговоры присяжныхъ, одинаково рѣшавшихъ болѣе или менѣе однородныя дѣла, въ разныхъ мѣстностяхъ и въ различномъ составѣ, не могли не повліять на обвинительную власть, вынуждая обвинительныя камеры передавать суду присяжныхъ только такіе случаи, въ которыхъ есть положительныя доказательства дѣтубійства. Только эта крайняя осторожность и объясняетъ, почему московская судебная палата не рѣшилась обвинять передъ присяжными итальянскую подданную Юлію Баронъ въ дѣтубійствѣ, хотя обстоятельства этого дѣла мало отличаются отъ приведенныхъ четырехъ случаевъ. Марія Баронъ (21 года), будучи беременна въ первый разъ, показала, что почувствовала внезапно страданія, она ушла въ темный чуланъ, гдѣ страдала стоя, опершись рукой въ стѣну; послѣ сильныхъ болей она, чтобы ускорить рожденіе, невольно схватила младенца за голову, начала тянуть его, и онъ вскорѣ вышелъ, но, скользя изъ рукъ, упалъ на полъ, а она потеряла сознаніе. Послѣ того Баронъ спрятала мертвого ребенка въ коммодъ и сказала сама объ этомъ, на другой же день, когда ее стали спрашивать. Профессоръ медицины, Минъ, вскрывавшій трупъ, пришелъ, между прочимъ, къ выводамъ, что младенецъ родился вполне зрѣлымъ, къ продолженію жизни былъ способенъ, дышалъ и умеръ не въ актѣ родовъ, а отъ задушенія руками. Медицинскій же совѣтъ, не отвергая вообще возможности происхожденія смерти младенца во время акта родовъ, объясненнымъ въ показаніи дѣвицы Баронъ способомъ, не нашелъ однакожъ основанія, чтобы, въ данномъ случаѣ, признать вѣроятность происхожденія смерти младенца такимъ именно способомъ. Не смотря на такое условное заключеніе медицинскаго совѣта, московская судебная палата не признала возможнымъ видѣть въ дѣйствіяхъ Баронъ не только умысленаго дѣтубійства, но даже и такого, явно неосторожнаго поступка, въ которомъ бы сознательно участвовала ея свободная воля, «ибо осторожность, выражая собою обдуманность дѣйствій, возможна только въ спокойномъ состояніи духа и совершенно немыслима при томъ стра-

родила стоя, не старалась прежде всего выяснить присяжнымъ, при допросѣ эксперта, что роды, особенно же въ первый разъ, по всѣмъ до сихъ поръ произведеннымъ научнымъ наблюденіямъ, въ прямомъ стоячемъ положеніи невозможны. (Lehrbuch der Geburtshilfe v. Hohl, s. 573).

дальсесомъ и безпомощномъ положеніи, въ какомъ находилась дѣвица Баронъ.» Но, отвергая фактъ умышленного дѣтоубійства, судебная палата предала ее суду московскаго окружнаго суда, безъ участія присяжныхъ засѣдателей, за то, что она, подѣ влияніемъ стыда и страха, старалась скрыть тѣло умершаго, во время родовъ, младенца. Московскій же окружный судъ, разбиравшій дѣло 11 января 1868 года, и въ послѣднемъ обвиненіи оправдалъ Баронъ на томъ основаніи, что въ дѣйствіяхъ ея, хотя и положившей тѣло ребенка въ коммодъ, но объявившей о томъ хозяину дома, не заключается признаковъ преступленія, предусмотрѣннаго въ уложеніи о наказаніяхъ.

Всѣ эти рѣшенія присяжныхъ и суда существенно отличаются отъ нашего стараго уголовного правосудія. Въ нихъ видно больше чело-вѣчности. Но справедливы ли эти рѣшенія, правильны ли они — вотъ вопросы, на которые прежде всего слѣдуетъ дать отвѣтъ.

Конечно, на присяжныхъ, рѣшавшихъ участь подсудимыхъ, обвинявшихся въ дѣтоубійствѣ, не могла не вліять, до извѣстной степени, чрезмѣрная строгость нашего уголовного закона, хотя, сравнительно, менѣе жестокаго, чѣмъ уголовный законъ Франціи и другихъ государствъ Европы. За непредумышленное дѣтоубійство уложеніе о наказаніяхъ подвергаетъ женщину лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе. Но не одна тяжесть наказанія вынуждала у присяжныхъ оправдательные приговоры. Самый характеръ этого преступленія совершенно особенный; требуется крайняя осторожность для того, чтобы обвинить въ немъ женщину. Ближайшее знакомство съ характеромъ этого преступленія должно показать, насколько неумѣстны были различные способы, къ которымъ прибѣгала обвинительная власть, требуя отъ присяжныхъ обвинительнаго вердикта, и насколько разумными и правильными являются оправдательные приговоры присяжныхъ.

По мнѣнію извѣстнаго англійскаго юриста Уильяма Уильза, изъ всѣхъ преступленій, дѣтоубійство представляетъ, можетъ быть, наибольшія затрудненія въ опредѣленіи состава преступленія. Если трудно доказать, — была ли, въ данное время, женщина беременна, то еще труднѣе доказать — родился ли ребенокъ живымъ или нѣтъ: плавающія на водѣ легкія ничего въ этомъ случаѣ не удостовѣряютъ — ребенокъ во время родовъ можетъ сдѣлать одинъ вздохъ и тотчасъ же умереть съ легкими, наполненными воздухомъ. Скрытіе беременности и родовъ, служившее когда-то признаками дѣтоубійства, объясняется, въ настоящее время, и въ теоріи и въ практикѣ, естественнымъ чувствомъ стыда, желаніемъ отдалить минуту открытія позора. Случайности, неизбежно связанныя съ родами, даже и при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, безконечно увеличиваются особыми затрудненіями, сопровождающими незаконные и тайные роды, лишенные всякаго по-

собія, вслѣдствіе побужденія стыда и страха, желанія скрыть то, что происходитъ, недостатка помощи и сочувствія со стороны другихъ, а отчасти и вслѣдствіе неумѣнья сохранить жизнь дитяти ¹⁾. Самныя средства, къ которымъ прибѣгаетъ женщина подъ вліяніемъ сильнаго страха и боли съ тою цѣлю, чтобы облегчить рожденіе, часто дѣлаются причинами неумышленнаго умерщвленія дитяти.

На этомъ основаніи, раны и другіе признаки насилія не могутъ считаться вѣрными уликами умышеннаго злодѣянія и не представляютъ основанія для заключенія объ умышенномъ убійствѣ, если другія обстоятельства не доказываютъ ясно, что эти раны нанесены съ умысломъ ребенку, родившемуся живымъ. Наконецъ, говоря объ умыслѣ, нельзя не обратить вниманія на то психическое расстройство, въ которое впадаетъ женщина при наступленіи родовъ. Въ сочиненіяхъ акушеровъ и учебникахъ судебной медицины мало говорится о случаяхъ безпамятства, потери сознанія, бѣшенства и изступленія, которымъ подвергаются женщины во время родовъ. Но по словамъ знаменитаго профессора акушерства Голя ²⁾, ученаго въ этомъ отношеніи вполне авторитетнаго, это объясняется только тѣмъ, что такіе случаи бывають преимущественно съ женщинами, рождающими тайно безъ помощи врачей и акушерокъ. Еще въ 1834 году извѣстные врачи, Монгомери, Юнгъ, Патерсонъ, замѣчали временную потерю сознанія у рождающей женщины. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ эта потеря сознанія сопровождается судорогами и можетъ перейти въ изступленіе. Если наступленіе такого безсознательнаго состоянія, говоритъ Голь, возможно у родильницъ, окруженныхъ заботами и ласкою, то, конечно, у тайно рождающихъ оно еще возможно. Женщина, при началѣ родовъ, испытываетъ волненіе и страхъ, и ей, подобно тому, какъ это бываетъ съ животными, ищущими скрытаго мѣста для родовъ, осо-

¹⁾ Всѣмъ акушерамъ извѣстно, какъ необходима помощь во время родовъ, и какъ часто ребенокъ, родившійся живымъ и способнымъ къ жизни, можетъ умереть, если различными способами не будетъ возбуждена или поддержана начинающаяся самостоятельная жизнь ребенка. Достаточно, напримѣръ, указать, что замедленіе нѣсколькими минутами выхожденія плечей послѣ рожденія головы ребенка, или выхожденія головы послѣ родившагося туловища можетъ окончателно убить ребенка послѣ того, какъ начинается его первое дыханіе. Равнымъ образомъ, ребенокъ можетъ умереть отъ того, что первое дыханіе его было несовершенно, вслѣдствіе засоренія дыхательныхъ путей и отсутствія необходимыхъ при каждахъ родахъ пособій. При родахъ обыкновенныхъ, не скрываемыхъ, женщина никогда не остается въ этомъ критическомъ положеніи одна—ей всегда дается, болѣе или менѣе, опытная помощь, но и не смотря на это, «смерть отъ упущенія» встрѣчается очень не рѣдко. Что же сказать про тѣ случаи, гдѣ женщина разрѣшается отъ бремени одна, болшею частью въ первый разъ.

²⁾ Lehrbuch der Geburtshülfe mit Einschluss der geburtshülftlichen Operationen und der gerichtlichen Geburtshülfe, von Dr. Anton Friedrich Hohl, O. Ö. Professor und Director des Königl. Entbindungsinstituts zu Halle. Leipzig. 1855.

бенно, если она знаетъ, что роды откроютъ ей тайну, что съ рожденіемъ на свѣтъ ребенка ихъ обонхъ ожидаетъ жалкая участь, упреки и насмѣшки безжалостнаго общества,—также свойственно желаніе отыскать скрытое отъ людей мѣсто. И вотъ тутъ, гдѣ нибудь вдали отъ людей и ихъ помощи, предоставляя себя на произволъ судьбы, принужденная сдерживать все усиливающіяся страданія съ постоянною мыслью, что первый крикъ ея или ребенка выдастъ обонхъ, и смутною надеждою, что ребенокъ родится не живой,—въ послѣднія минуты родовъ, женщина приходитъ въ такое состояніе душевнаго разстройства, въ которомъ умъ ея помрачается, сознаніе исчезаетъ, и она легко впадаетъ въ вступленіе. Невольно она направляетъ руки къ предмету боли, къ головѣ ребенка. И съ окончаніемъ родовъ не тотчасъ еще возвращается сознаніе и потерянные временно умъ и воля.

Такое состояніе бываетъ, конечно, не у всѣхъ тайно рождающихся, и тутъ-то является обязанность врача-эксперта отличить, въ показаніяхъ подсудимой, правду отъ лжи. Для этого, говоритъ Голь, врачъ долженъ справиться о прошедшей жизни подсудимой, о цѣли, которую она могла имѣть въ преступленіи, о вліяніи беременности на ея здоровье, о ея нравственномъ и религіозномъ настроеніи. Онъ долженъ обратить вниманіе на ея темпераментъ, характеръ, большую или меньшую чувствительность къ страданіямъ, ея умственное развитіе въ виду того, что у слабыхъ умомъ животная сторона, особенно при сильныхъ боляхъ, проявляется сильнѣе, сопровождаясь потерей сознанія и бѣшенствомъ. Но такъ какъ въ однихъ случаяхъ подобное разстройство душевныхъ способностей бываетъ кратковременно, а въ другихъ оно проходитъ не вдругъ, то врачъ-экспертъ долженъ изъ хода родовъ, изъ способа, какимъ было совершено покушеніе на жизнь ребенка, изъ поведенія подсудимой послѣ родовъ, выяснить передъ судомъ — была ли въ данномъ случаѣ потеря сознанія продолжительна, или она миновала скоро. Наконецъ, относительно жизни ребенка, врачъ долженъ выводить свое заключеніе главнымъ образомъ изъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ роды, а никакъ не ограничиваться положеніемъ дыхательныхъ органовъ, развѣ, если онъ желаетъ и можетъ, положеніемъ этихъ органовъ, доказать, что послѣ родовъ ребенокъ не дышалъ.

Если бы мы захотѣли найти отвѣты на всѣ эти вопросы и сомнѣнія, возникающія въ процессахъ о дѣтубійствахъ въ дѣлахъ, рѣшенныхъ нашими присяжными, то мы не только не нашли бы этихъ отвѣтовъ, но даже очень скоро бы убѣдились, до какой степени показанія нашихъ врачей-экспертовъ были по большей части неясны, сбивчивы и даже противорѣчили одно другому. Насколько неудовлетворительны были показанія врачей-экспертовъ, на столько же представляются слабыми тѣ улики, на которыхъ строила обвинительная власть свои обвиненія, обнаруживая въ нихъ болѣе усердія къ исполненію мнимой

своей обязанности обвинить во что бы то ни стало, нежели знакомство съ судебной медициной, этой необходимой вспомогательной наукой для каждаго юриста. Этотъ послѣдній упрекъ мы дѣлали представителямъ обвинительной власти по дѣлу Протопопова и повторяемъ его теперь, въ надеждѣ, что, быть можетъ, рядъ неудачныхъ обвиненій въ дѣтоубійствѣ приведетъ нашихъ юристовъ къ тому сознанию, о которомъ говоритъ извѣстный криминалистъ, слѣдователь, адвокатъ и судья—Пильсъ:—«Мнѣ становилось северно, когда я, съ видомъ чело-вѣка смыслящаго, списывалъ результаты судебного медицинскаго изслѣдованія, понимая ихъ такъ же мало, какъ мало понимаетъ монахиня псалтирь, по которому молится»¹⁾. Упрекъ этотъ относится, впрочемъ, не къ однимъ представителямъ обвинительной власти. По дѣлу крестьянки Матрены Тачкиной, обвинявшейся въ ярославскомъ окружномъ судѣ за преднамеренное убійство, отъ стыда и страха, своего незаконнорожденнаго ребенка, предсѣдательствовавшій въ судѣ, судья, въ заключительномъ словѣ присяжнымъ, между прочимъ, сказалъ:—«Докторъ-экспертъ показалъ, что при осмотрѣ онъ нашель, что ребенокъ родился живымъ и былъ задушенъ; предположеніе или заключеніе это онъ основалъ на томъ, что легкія были въ такомъ состояніи, что видно, что онъ дышалъ. Но я обязанъ сказать, что тутъ можно ошибиться, такъ какъ медицинская наука говоритъ, что ребенокъ можетъ дышать въ послѣднее время еще въ утробѣ матери. О томъ, въ какой степени безусловно вѣрно это предположеніе, судить вамъ». Присяжные признали Тачкину невиновною въ убійствѣ. Но, по протесту товарища прокурора, дѣло это перешло въ кассационный департаментъ сената, который приговоръ суда и рѣшеніе присяжныхъ отмѣнилъ²⁾ на томъ основаніи, что предсѣдательствовавшій судья, дѣлая юридическую оцѣнку показаній экспертовъ, позволилъ себѣ изложить такихъ обстоятельствъ, которыя не были предметомъ ни судебного слѣдствія, ни заключительныхъ преній, и, прибавимъ мы отъ себя, показываютъ совершенное его незнакомство съ начальными понятіями физиологіи.

Въ виду всего этого нельзя не отнестись съ полнымъ уваженіемъ и признательностью къ приговору общественной совѣсти, такъ разумно и осторожно выразившемуся въ рядѣ оправдательныхъ вердиктовъ нашихъ присяжныхъ, отказавшихся признать достовѣрнымъ преступленіе, противное чело-вѣческой природѣ и не доказанное ясными и достовѣрными уликами.

¹⁾ «О необходимости для юристовъ изученія судебной медицины». Статьи професс. берлинск. универс. Лимана. Изд. Н. И. Ламянскаго.

²⁾ Рѣшеніе кассационнаго уголовного департамента сената 8 ноября 1867 г. Сборн. рѣшен. ст. 605.

Намъ до сихъ поръ неизвѣстно еще ни одного случая, въ которомъ бы присяжнымъ пришлось разрѣшать вопросъ по обвиненію въ преступленіи, сходномъ съ дѣтоубійствомъ, — именно, по обвиненію женщины въ изгнаніи плода. Но, судя по приговорамъ въ дѣлахъ о дѣтоубійствѣ, трудно думать, чтобы и въ этихъ обвиненіяхъ присяжные были менѣе осторожны и склонны къ оправданію. Предположеніе это подтверждается и тѣмъ, что доказать умышленное изгнаніе плода почти невозможно. Лучшіе современные врачи-акушеры признаютъ, что всѣ существующія, такъ называемыя абортивныя средства, за исключеніемъ средствъ механическихъ, на столько лишь дѣйствительны, на сколько, въ данномъ случаѣ, женщина имѣетъ предрасположеніе къ потерѣ плода, вслѣдствіе болѣзненнаго состоянія извѣстныхъ органовъ. Поэтому, случается, что одной женщинѣ достаточно выпить какого нибудь невиннаго настоя, чтобы произвести изгнаніе плода, между тѣмъ, какъ въ другомъ случаѣ, самыя сильныя приемы этихъ средствъ не произведутъ никакого результата. Одной женщинѣ достаточно чихнуть, танцовать, оступиться, принять теплую ванну, — и плодъ изгнанъ; въ другихъ случаяхъ безнаказанно переносится верховая ѣзда, прыжки и т. п. Никто не будетъ считать ванну или танцы абортивнымъ средствомъ и на нихъ строить обвиненіе въ умышленномъ изгнаніи плода, а между тѣмъ всѣ внутреннія абортивныя средства, едва ли болѣе дѣйствительны, чѣмъ эти, повидимому, невинныя удовольствія.

Трудно, конечно, сказать навѣрное, по какимъ причинамъ оправдываются присяжными лица, обвиняемыя въ дѣтоубійствѣ: отъ того ли, что они обращаютъ должное вниманіе на особую трудность доказать это преступленіе, или отъ того, что присяжные, въ самомъ дѣлѣ, склонны оправдывать женщинъ, уличенныхъ въ этомъ преступленіи ясными доказательствами. Несомнѣнно только, что и уголовная практика Англіи, Франціи и Германіи представляетъ весьма часто оправдательныя приговоры присяжныхъ по обвиненіямъ въ дѣтоубійствѣ и однородныхъ съ нимъ преступленіяхъ. На сколько въ этомъ случаѣ представляется справедливымъ уголовный законъ, преслѣдующій такія преступленія тяжкими наказаніями, можно вывести заключеніе изъ словъ англійскаго юриста Уильза, обращенныя имъ къ приговорамъ англійскихъ присяжныхъ, но которыя могутъ относиться и къ нашимъ присяжнымъ засѣдателямъ. «Неоднократно заявлялось — говорить Уильзъ, — что въ случаяхъ подобнаго рода чувство человѣка беретъ верхъ надъ требованіями строгой справедливости и допускаетъ пустяги и натянутыя предположенія для объясненія обстоятельствъ, представляющихъ несомнѣнныя улики. Если это мнѣніе справедливо, то оно представляетъ важный упрекъ отправленію уголовного правосудія

и показываетъ, что въ этомъ случаѣ законъ противорѣчитъ общественному чувству».

Отъ преступленія, грозящаго человѣческой жизни при самомъ ея началѣ, отъ опасностей, которымъ подвергается рождающійся ребенокъ отъ своей матери, представляется естественнымъ переходъ къ преступленіямъ, совершающимся въ чертѣ семейнаго союза, къ тѣмъ семейнымъ драмамъ, которыя разыгрываются въ русскомъ обществѣ между отцами и дѣтьми, между мужьями и женами.

Не нужно долго углубляться въ изученіе русскаго общества для того, чтобы убѣдиться, что главными источниками этихъ преступленій являются, съ одной стороны, невѣжество и неразвитость, а съ другой то, далеко не нормальное положеніе, въ которое иногда ставится у насъ отношеніе мужчины къ женщинѣ.

Уголовный законъ преслѣдуетъ, какъ преступленіе, связь мужчины съ женщиной, не освященную церковью, и, подвергая виновныхъ наказанію, онъ возлагаетъ на мужчину обязанность обезпечить участь ребенка, родившагося отъ такого незаконнаго союза. Все это ставитъ, тѣмъ не менѣе, несчастную женщину, оставленную человѣкомъ, съ которымъ она жила, въ крайне тяжкое положеніе. Поддавшись увлеченію, не предвидя, быть можетъ, всѣхъ тѣхъ невзгодъ, которыя грозятъ ей самой и ея дѣтямъ среди общества, снисходительно дозволяющаго обходить законъ, не имъ самимъ установленный, но неумолимо преслѣдующаго явное, открытое нарушеніе закона, женщина вступаетъ въ связь съ мужчиной, не прибѣгая къ санкціи церкви. Отъ этой связи рождаются дѣти. Забота объ нихъ лежитъ на матери; но она не въ силахъ одна выдержать всю тягость этихъ заботъ, часть которыхъ, конечно, должна лежать и на отцѣ. Но отецъ уже бросилъ эту, непризнанную закономъ и обществомъ, семью. Законная жена можетъ явиться въ *гражданскій судъ* и потребовать помощи отъ мужа, средствъ на содержаніе себя и дѣтей, и судья обязанъ удовлетворить ея требованіе. Этому праву не имѣетъ другая: она сначала должна доказать, путемъ *уголовнаго слѣдствія*, что она находилась въ преступной, по закону, связи съ отцомъ своихъ дѣтей. Доказывая это, она становится тотчасъ же во враждебное къ нему отношеніе. Если этотъ человѣкъ недостаточно добросовѣстенъ, то онъ употребляетъ всѣ усилія, чтобы съ своей стороны доказать, что женщина, съ которою онъ жилъ, была продажная, что она жила не съ нимъ однимъ, что, наконецъ, ея дѣти — не его дѣти. При такомъ порядкѣ вещей не удивительно, что только крайняя нужда и совершенное отсутствіе средствъ къ жизни могутъ вынудить женщину къ тому, чтобы начинать дѣло. Это доказываютъ и происшедшіе до сихъ поръ процессы. Въ нихъ не являлось женщинъ скольконибудь обез-

печенныхъ. Но за то нельзя сказать, чтобы мужчины, къ которымъ они предъявляли свои требованія, были сами бѣдны. Мы не помнимъ ни одного случая, чтобы въ такихъ дѣлахъ являлись крестьяне; по большей части это были лица весьма достаточныхъ сословій. Такъ какъ наказаніе за пребываніе въ союзѣ, не освященномъ церковью — незначительно и не влечетъ за собою никакого лишенія или ограниченія правъ, то дѣла этого рода рѣшаются судомъ безъ участія присяжныхъ засѣдателей. При этомъ уголовный судъ, рѣшая вопросъ о виновности или невинности подсудимаго, опредѣляетъ и размѣръ той суммы, которую, по своимъ средствамъ, обязанъ давать отецъ на содержаніе своихъ незаконныхъ дѣтей и ихъ матери. Опредѣлить этотъ размѣръ бываетъ всегда трудно, потому что виновный употребляетъ всѣ усилія, чтобы доказать свою бѣдность, и если это не всегда удается исполнѣ, то все же, въ большей части извѣстныхъ намъ случаевъ, размѣръ этого содержанія былъ вообще не высокъ.

Отъ незавидной участи незаконныхъ дѣтей и ихъ матерей, обратимся къ законной семьѣ, къ законнымъ дѣтямъ, матерямъ и отцамъ, мужьямъ и женамъ.

Какое основаніе лежитъ прежде всего въ отношеніяхъ родителей и дѣтей?

Положеніе дѣтей въ семьѣ зависитъ исполнѣ отъ родителей. Родительская же власть такъ обширна, что даже по достиженіи дѣтми совершеннолѣтія, они могутъ, по одному требованію родителей, подвергнуться довольно тяжкому наказанію. Такая, почти неограниченная, безконтрольная власть, уже успѣла проявить себя въ новыхъ судахъ самымъ яркимъ образомъ. Въ нѣсколькихъ процессахъ, рѣшенныхъ присяжными, общество могло видѣть несостоятельность такого положенія, изъ котораго дѣти могли выйдти только однимъ путемъ — путемъ преступленія. Произнося обвинительный приговоръ, присяжные не только обвиняли виновныхъ, но они тѣмъ самымъ обвиняли тотъ порядокъ вещей, при которомъ совершаются подобныя преступленія.

Дворяне Владиміръ и Екатерина Умецкіе, землевладѣльцы тульской губерніи, не только показали всю чудовищность звѣрства, которое можетъ господствовать въ отношеніяхъ родителей къ дѣтямъ, но еще и всю безнаказанность такого звѣрства. Эта почтенная чета владѣла населеннымъ имѣніемъ въ Тульской губерніи. Каковы должны были быть отношенія у нихъ къ крестьянамъ, если они изъ 22 бывшихъ у нихъ дѣтей, сохранили въ живыхъ только пять, обращаясь съ ними самымъ безчеловѣчнымъ образомъ: голодъ, холодъ и побой — вотъ все, чѣмъ пользовались дѣти въ родительскомъ домѣ. Дочь, четырнадцати лѣтъ Ольга, не выдержала такой жизни. Она готовилась къ самоубійству и рѣшилась на поджогъ. За него-то она судилась въ тульскомъ

окружномъ судѣ. Присяжные, въ составѣ 7 дворянъ, 1 купца и 4 крестьянъ, признали Ольгу Умецкую невиновною въ поджогѣ, но признали родителей ея виновными въ томъ, что, злоупотребленіемъ родительской власти, вовлекли малолѣтнюю дочь свою въ совершеніе поджоговъ, не приводили ее къ исповѣди по достиженіи 7-ми лѣтняго возраста, и, кромѣ того, мать Ольги, въ нанесеніи ей поврежденія безъ заранѣе обдуманнаго намѣренія. При этомъ, трудно сказать, изъ какихъ побужденій присяжные признали обоихъ подсудимыхъ заслуживающими снисхожденія, но, судя по другимъ случаямъ, можно думать, что они боялись чрезмѣрной строгости уложенія о наказаніяхъ. Въ такомъ случаѣ, опасенія ихъ оказались напрасными: въ уложеніи не нашлось наказанія для родителей, даже звѣрски злоупотребляющихъ своею властію, и окружный судъ не приговорилъ Умецкихъ къ наказанію за вовлеченіе дочери ихъ въ преступленіе злоупотребленіемъ родительскою властію, а только подвергъ ихъ, за неприводъ дочери къ исповѣди, внушенію отъ духовнаго и замѣчанію отъ гражданскаго начальствъ, да за нанесеніе Екатериною Умецкою дочери своей поврежденія, повидимому, впрочемъ гораздо менѣе значительнаго, чѣмъ побой отца, — подвергнулъ ее заключенію въ тюрьмѣ на 6 мѣсяцевъ.

Напрасно было бы видѣть въ дѣлѣ Умецкихъ исключительный случай, такъ же какъ и выводить изъ него общее правило. Но оно заслуживаетъ вниманія въ томъ отношеніи, что доказываетъ возможность злоупотребленія родительскою властію, слишкомъ неограниченной закономъ, даже въ средѣ достаточнаго, такъ называемаго, образованнаго класса.

Если такія дѣла могутъ твориться въ образованномъ классѣ, то, конечно, въ массѣ неразвитаго, простаго народа еще болѣе преобладаетъ господство грубой, физической силы. Но тутъ, съ теченіемъ времени, положеніе мѣняется. Если въ достаточномъ классѣ члены семьи расходятся, по мѣрѣ достиженія дѣтьми возраста, при которомъ они начинаютъ жизнь отдѣльно отъ родителей, то въ крестьянской семьѣ часто этого не бываетъ. Дѣти вырастаютъ, женятся, но продолжаютъ жить съ своими родителями. Родители старѣются, дряхлѣютъ, теряютъ силы и уже физически не могутъ господствовать надъ всею семьей. Тогда не рѣдко случается, что дѣти, приобрѣтая въ свою очередь силу, начинаютъ обнаруживать господство надъ родителями. Битые въ малолѣтствѣ сами, дѣти отплачиваютъ тѣмъ же родителямъ.

До сихъ поръ, если не ошибаемся, не было еще дѣлъ, начатыхъ по жалобамъ крестьянскихъ дѣтей на своихъ родителей; по крайней мѣрѣ намъ неизвѣстно ни одного случая въ этомъ родѣ, похожаго на дѣло дворянъ Умецкихъ. Въ московскомъ окружномъ судѣ началось-было дѣло о крестьянѣ Лузерѣ Абрамовой, обвинявшейся въ покушеніи на убійство дочери своей Пелаген, которую она бросила

въ печь послѣ ссоры съ мужемъ, но оно осталось нерѣшеннымъ потому, что при судебномъ слѣдствіи обвинительная власть вмѣстѣ съ защитникомъ подсудимой признали необходимымъ освидѣтельствовать, черезъ экспертовъ, душевное состояніе Абрамовой.

Но, если до сихъ поръ намъ неизвѣстно еще дѣлъ о злоупотребленіи родительскою властью въ крестьянской семьѣ надъ малолѣтними дѣтьми, то все же изъ другихъ дѣлъ достаточно ясно обрисовались тѣ грубыя, ненормальныя отношенія, которыя господствуютъ въ крестьянской семьѣ между взрослыми дѣтьми и ихъ родителями.

Въ нѣсколькихъ процессахъ, сыновья обвинялись не только въ дурномъ обращеніи съ родителями, преимущественно отцами, но даже въ нанесеніи имъ такихъ побоевъ, отъ которыхъ слѣдовала смерть. Изъ этихъ дѣлъ, большею частію, при судебномъ слѣдствіи обнаруживалось, что драку начиналъ отецъ, по привычкѣ бить сына и, забывая, что физическая сила болѣе не на его сторонѣ, иногда платился, за свою старую привычку — жизнью.

Ошибочно было бы при этомъ думать, что на такія, повидимому, ужасныя преступленія, способны только дурныя дѣти и глубоко безнравственныя натуры. Во многихъ случаяхъ присяжные признавали смягчающія вину обстоятельства, а одно дѣло доходило до верховной власти, по ходатайству суда о смягченіи преступнику опредѣленнаго закономъ наказанія.

Это послѣднее дѣло разсматривалось 16 октября 1867 года въ московскомъ окружномъ судѣ. Судился крестьянинъ Иванъ Харитоновъ за убійство отца. Присяжные признали его виновнымъ въ томъ, что, безъ обдуманнаго заранѣе намѣренія, а въ запальчивости или раздраженіи, хотя и не случайно, нанесъ отцу своему, Харитону Антонову, рану въ животъ, отъ которой послѣдній умеръ; вмѣстѣ съ тѣмъ присяжные признали, что преступникъ, по обстоятельствамъ дѣла, заслуживаетъ снисхожденія. Судъ приговорилъ Ивана Харитонова къ опредѣленному уложеніемъ наказанію — лишенію всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ, правъ и преимуществъ, заключенію въ исправительныя арестантскія роты гражданскаго вѣдомства на 3 года и 6 мѣсяцевъ и къ отдачѣ затѣмъ его подъ надзоръ общества, если оно пожелаетъ его принять, на 4 года. Но при этомъ судъ обратилъ вниманіе на то, во-первыхъ, что, по отзывамъ свидѣтелей и околныхъ людей, Харитоновъ всегда былъ хорошимъ семьяниномъ и покорнымъ сыномъ, и самое преступленіе совершилъ единственно подъ вліяніемъ сильнаго раздраженія отъ нанесенныхъ ему отцомъ побоевъ; во-вторыхъ, что Харитоновъ болѣе десяти мѣсяцевъ, до рѣшенія дѣла, содержался подъ стражею и, въ третьихъ — на бѣдственное состояніе семейства Харитонова, состоящаго изъ жены и трехъ малолѣтнихъ дѣтей, которыхъ онъ пропитывалъ своими трудами.

На основаніи этихъ обстоятельствъ окружный судъ призналъ возможнымъ ходатайствовать объ облегченіи участи Ивана Харитоновъ тѣмъ, чтобы, лишивъ его всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ ему, правъ и преимуществъ, заключить въ исправительныя арестантскія роты гражданскаго вѣдомства на 1 годъ, а затѣмъ отдать его подъ особый надзоръ общества на 4 года. Это ходатайство суда уважено верховною властью 23 ноября 1867 года.

Другое дѣло, также доходившее до верховной власти, еще болѣе обрисовываетъ тѣ отношенія, въ которыя становятся члены семьи, и которыя вызываютъ преступленія.

Безсрочно-отпускной рядовой Іосифъ Курятинъ признанъ присяжными виновнымъ въ умышленномъ удушеніи своей тещи, крестьянки Ефимовой, и 7 сентября 1867 г. московскимъ окружнымъ судомъ приговоренъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжную работу въ крѣпостяхъ на 8 лѣтъ, а по прекращеніи этихъ работъ—къ поселенію въ Сибири навсегда. Постановивъ этотъ, основанный на законѣ приговоръ, судъ не могъ не обратить вниманія на особія обстоятельства этого дѣла. Курятинъ, по показанію свидѣтелей, спрошенныхъ подъ присягою на судебномъ слѣдствіи, человѣкъ права самаго кроткаго и тихаго, въ буйственныхъ поступкахъ и какихъ-либо преступленіяхъ никогда замѣченъ не былъ. Убилъ Ефимову Курятинъ за то, что она была виновницею невѣрности любимой имъ жены, которую теща подстрекала къ обману мужа и отговаривала ее исполнять его добрые совѣты. Совершивъ преступленіе, Курятинъ не только не скрылъ его, хотя имѣлъ къ тому полную возможность, но тотчасъ же послѣ убійства самъ добровольно объявилъ о немъ. Эти-то обстоятельства привели окружной судъ къ убѣжденію въ необходимости ходатайствовать объ облегченіи участи Іосифа Курятина, и, согласно съ этимъ ходатайствомъ, участь его облегчена тѣмъ, что онъ лишенъ правъ состоянія и сосланъ въ отдаленныя мѣста Сибири на поселеніе.

Длинный рядъ уголовныхъ дѣлъ обрисовалъ со всѣхъ сторонъ отношенія мужа и жены въ различныхъ слояхъ общества. По большей части, лица, такъ называемаго благороднаго сословія, или даже просто достаточные, требовали въ подобныхъ случаяхъ суда при закрытыхъ дверяхъ, стыдись, передъ людьми, обнаружить тѣ возмутительные поступки, которые дѣлались у себя дома, съ глазу на глазъ. Въ дѣлахъ между крестьянами, вѣроятно, даже и не знающими, что можно просить о закрытомъ судѣ, все это обнаруживалось во всей наготѣ, рельефно и просто. Въ этихъ-то дѣлахъ особенно замѣчательны приговоры присяжныхъ потому, что въ нихъ вполне долженъ былъ отразиться тотъ взглядъ, какой имѣетъ само общество на семейныя отношенія

своихъ сочленовъ. Дѣла эти еще интересны и тѣмъ, что въ нихъ, смотря по характеру лицъ, участвующихъ въ брачномъ союзѣ, видны тѣ пути, на которые обращаются эти лица неразрывностью церковнаго брака.

Молодой крестьянинъ, двадцати лѣтъ, Ефремъ Королевъ женился на молодой дѣвушкѣ 18-ти лѣтъ, Пелагеѣ Демьяновой. Уже черезъ 6 недѣль послѣ свадьбы онъ началъ бить свою жену, женщину тихую, скромную, работающую. Билъ онъ ее безъ всякой причины тѣмъ, что попалъ — кулакомъ, кнудомъ, науздемъ, которыми привязываютъ лошадей. Билъ ее и при людяхъ; чужіе его унимали, а мать его заставляла еще жену просить у него прощенія. Несчастливая женщина рѣшилась, наконецъ, освободиться отъ такой жизни и — повѣсилась. Но ее во-время сняли съ петли и привели въ чувство. А мужа ея, Королева, предали суду за жестокое обращеніе съ женою, вынудившее ее на самоубійство. Дѣло это разсматривалось въ Рязанскомъ окружномъ судѣ 16 декабря 1867 года, и въ составъ присутствія присяжныхъ вошли 4 купца, 5 крестьянъ и 3 чиновника. При судебномъ слѣдствіи нѣкоторые изъ свидѣтелей отвергали даже жестокое обращеніе Королева съ женою, и изъявляли удивленіе тому, «что будутъ сажать въ острогъ мужа за то, что онъ жену побьетъ». Подсудимый желалъ навести сомнѣніе на нравственность своей жены, а защитникъ его объяснялъ побои, ревностью и возрѣніемъ той среды, въ которой жилъ подсудимый, на неограниченную власть мужа. Но все это не подѣйствовало на совѣсть присяжныхъ, и они признали Королева виновнымъ въ томъ, что, пользуясь принадлежащею ему надъ женою властью, неоднократно билъ ее и такимъ злоупотребленіемъ власти, соединеннымъ съ жестокостью, довелъ ее до рѣшимости на самоубійство. За это Королевъ приговоренъ къ тюремному заключенію на 4 мѣсяца. Было замѣчено, что, послѣ объявленія приговора, въ публикѣ выражали опасеніе за участь женщины, которая снова остается подъ властью своего жестокаго мужа. Опасеніе это вполне справедливо. Мужъ, конечно, въ тюрьмѣ не исправится, а сдѣлается еще хуже, и Пелагеѣ Демьяновой остается только выбрать одно изъ тѣхъ средствъ, къ которымъ до сихъ поръ прибѣгаютъ мужья и жены, не желающіе жить вмѣстѣ.

Крестьянка Устинья Филиппова дала-было клятву никогда не выходить замужъ, но родители уговорили ее, и она, по ихъ просьбѣ, вышла за крестьянина Дмитрія Семенова. Съ первыхъ же дней супружества она почувствовала къ мужу непреодолимое отвращеніе, которое все расло и, наконецъ, достигло такой степени, что она, по ея словамъ, готова была «купить мужу смерть». Она дѣйствительно купила ядъ, и, чтобы отравить мужа, спекла двѣ лепешки съ мышьякомъ. Во-время она удержалась отъ преступленія, и только по несча-

стному случаю лепешку съѣлъ, вмѣсто, мужа ямщикъ, Арсеній Степановъ, и умеръ отъ отравы. Смерть Степанова открыла покушеніе Филипповой, и за него она судилась въ кашинскомъ окружномъ судѣ. Присяжные засѣдатели, въ составѣ 11 крестьянъ и одного купца, признали Филиппову, во всемъ созвавшуюся, виновною только въ томъ, что приготовила лепешки съ ядомъ, чтобы отравить мужа, но удержалась отъ покушенія на убійство по собственному побужденію и раскаянію. При этомъ они признали ее заслуживающею снисхожденія, и судъ приговорилъ ее къ заключенію въ тюрьмѣ на два мѣсяца и церковному покаянію, по распоряженію духовнаго начальства.

Крестьянинъ Василій Катковъ въ молодыхъ лѣтахъ, по призванію своихъ родителей и противъ собственной воли, вступилъ въ бракъ съ Евфросиньею Яковлевою. Съ первыхъ же дней супружества Евфросинья стала отличаться худымъ поведеніемъ, и это заставило Каткова, чтобы избавиться отъ нея, вступить въ военную службу. Катковъ сдѣлался матросомъ. Съ 1844 по 1851 годъ, онъ не имѣлъ о женѣ никакихъ извѣстій, а жена его, въ отсутствіе Каткова, прижила нѣскольکو дѣтей. Въ теченіе 20-ти лѣтъ несъ Катковъ безпорочную службу и, при живой первой женѣ, вступилъ во второй бракъ съ крестьянкою Лукерьею Михайловою. Быть можетъ, счастье ожидало его въ этомъ новомъ союзѣ, но его поступокъ открылся въ іюнѣ 1864 года, и онъ посаженъ въ тюрьму. По счастью для него, онъ судился не старымъ судомъ. Дѣло о немъ затанулось, и только 19 сентября 1867 года онъ судился присяжными засѣдателями въ петербургскомъ окружномъ судѣ. При очевидности преступленія, оправдательный приговоръ былъ невозможенъ. Но, признавая отставнаго матроса Василія Каткова виновнымъ въ томъ, что при живой женѣ, Евфросиньѣ Яковлевои, онъ вступилъ во второй бракъ, съ Лукерьею Михайловою, присяжные вмѣстѣ съ тѣмъ признали, что по обстоятельствамъ дѣла онъ заслуживаетъ снисхожденія. Съ своей стороны, судъ, приговаривая Каткова къ опредѣленному закономъ наказанію—лишенію всѣхъ особенныхъ правъ состоянія и отдачѣ въ исправительныя арестантскія роты гражданскаго вѣдомства на три года, нашелъ, что наказаніе это превышаетъ мѣру вины Каткова, и ходатайствовалъ передъ верховною властью объ облегченіи участи Каткова тѣмъ, чтобы, по снятіи съ него медалей и лишеніи его всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ, правъ и преимуществъ, заключить въ арестантскія роты на 1 годъ, по освобожденіи изъ которыхъ отдать на 4 года подъ особый надзоръ полиціи, и предать его церковному покаянію по усмотрѣнію духовнаго начальства. Это ходатайство суда высочайше уважено 28 октября 1867 г.¹⁾

¹⁾ Въ старой судебной практикѣ не рѣдки бывали случаи второго брака при живой первой женѣ. Одно изъ такихъ дѣлъ въ 1854 году восходило изъ государствен-

Къ сожалѣнію, враждебныя отношенія мужа и жены порождаютъ не одни, приведенныя нами, преступленія. Жизнь съ нелюбимымъ человекомъ продолжается иногда слишкомъ долго; ей нѣтъ конца, изъ нея нѣтъ, кажется, другого исхода, кромѣ смерти. Рядъ убійствъ мужей женами и женами мужей, сопровождаемыхъ нерѣдко жестокостью и обдуманностью, подтверждаетъ эту мысль. Такія убійства случаются едва ли не чаще, нежели убійства съ корыстною цѣлью грабежа. Стбить взять любой сборникъ уголовныхъ процессовъ, въ которыхъ помѣщаются наиболѣе важныя уголовныя дѣла, рѣшенныя до сихъ поръ присяжными, чтобы убѣдиться въ этомъ. Въ недавно изданномъ сборникѣ г. В. Леонтьева ¹⁾, который не обнаруживаетъ никакого поползновенія угождать страсти публики къ скандалу, изъ десяти уголовныхъ дѣлъ помѣщены слѣдующія пять: мѣщанина Верентина, обвиненнаго въ нанесеніи женѣ своей тяжкихъ побоевъ и истязаній, причинившихъ ей смерть; крестьянина Василья Горлова, обвиненнаго въ утопленіи жены своей; крестьянина Иванова, обвинявшагося въ убійствѣ жены своей, и крестьянки Волоховой, обвинявшейся въ убійствѣ своего мужа, но оправданныхъ по бездоказательности обвиненія, и, наконецъ, канцелярскаго служителя Алексѣева, обвиняемаго въ предумышленномъ убійствѣ жены своей, но дѣло о которомъ еще не рѣшено, вслѣдствіе возбужденнаго сомнѣнія о душевномъ его разстройствѣ ²⁾.

наго совѣта на высочайшее воззрѣніе, съ ходатайствомъ объ уменьшеніи слѣдовавшаго по закону наказанія. Дѣло это объ отставномъ полковникѣ Александрѣ Тимоеевѣ (78 л.), признанномъ виновнымъ во вступленіи во второй бракъ при жизни первой жены и въ скрытіи для того существованія прежняго брака. За это Уложеніе подвергнуто Тимоееву лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылки въ Сибирь на поселеніе. Но, принявъ во вниманіе долговременную службу Тимоеева, воинскія заслуги и глубокую его старость, государственный совѣтъ ходатайствовалъ объ уменьшеніи слѣдовавшаго Тимоееву наказанія и согласно съ этимъ ходатайствомъ наказаніе Тимоееву ограничено заключеніемъ его, на остатокъ дней жизни, въ монастырь безъ лишенія принадлежащихъ ему правъ и преимуществъ. (Сборникъ Высочайше утвержденныхъ мнѣній государственнаго совѣта, по дѣламъ о подсудимыхъ, участь которыхъ была смягчена по какимъ-либо особеннаго вниманія заслуживающимъ обстоятельствамъ, съ 1846 по 1863 г.).

¹⁾ «Оправданные, осужденные и укрывшіеся отъ суда». В. Н. Леонтьева. Сиб., 1868.

²⁾ Всѣ эти дѣла болѣе или менѣе извѣстны читательской публикѣ. Последнее дѣло, — Алексѣева, особенно долго занимало нашу печать, благодаря тому, что московская медицинская газета (№ 25, 1867) и «Москва» (№ 110) возстали на судъ за то, что онъ приостановилъ рѣшеніе дѣла до изслѣдованія душевнаго состоянія подсудимаго. Медицинская газета обнаружила только свое незнакомство съ предметомъ, о которомъ вѣдалась судить, какъ это и доказано въ «Архивѣ судебной медицины», 1867 г., кн. 4. Но почтенная газета «Москва» (которой возражалъ докторъ Чеховъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», 1867 г. № 256 и «Архивъ», 1867 г., № 4) дошла до заключенія, «что на мѣстѣ судей должны сѣсть врачи», и «надъ острогами вывѣшена надпись «домъ умалшенныхъ».

Пожалуй, скажутъ, что всѣ преступленія, совершаемыя въ крестьянской семьѣ, имѣютъ своимъ источникомъ только грубость и жестокость нравовъ, а не нормальныя отношенія въ бракѣ мужчины и женщины. Но довольствоваться такимъ выводомъ было бы крайне близкоуко. Въ такъ-называемомъ образованномъ и даже просто достаточномъ классѣ, легче находить выходъ изъ брачнаго союза, когда онъ становится ненавистенъ, не прибѣгая къ преступленію. Мужъ и жена иногда добровольно расходятся, иногда, не расходясь, обзаводятся на сторонѣ повою семьею, и потомъ являются въ судъ уголовный доказывать прелюбодѣйную жизнь супруга или обращаются къ полицейской власти, и, при ея помощи, получаютъ право на отдѣльное жительство. Въ крестьянскомъ быту семья связана общимъ хозяйствомъ; мужъ и жена, по необходимости, живутъ и работаютъ вмѣстѣ, и у каждаго изъ нихъ нѣтъ въ селѣ другой дѣятельности, кромѣ дѣятельности въ семьѣ и хозяйствѣ. Жить порознь имъ мѣшаютъ извѣстныя религіозныя вѣрованія и совершенно особыя условія домашней жизни. Оттого-то простому человѣку нѣтъ того выхода, какой устроили себѣ, на подобный случай, люди достаточнаго класса. Къ тому же, натура неразвитая, какъ-то неохотно соглашается на сдѣлку и не любитъ прибѣгать къ среднимъ мѣрамъ, никогда никого не удовлетворяющимъ; она хочетъ прямо и открыто уничтожить препятствія къ достиженію желаемаго блага, и изъ каторги семейной жизни идетъ на каторгу въ рудникахъ и заводахъ.

Уже и теперь можно изъ новой уголовной практики указать дѣла, которыя подтверждаютъ, что отношенія супруговъ въ средѣ достаточнаго и, такъ называемаго, образованнаго класса подь-часъ не лучше, чѣмъ въ крестьянскомъ быту. Припомнимъ дѣло отставнаго поручика Слицына, хотя и оправданнаго петербургскимъ окружнымъ судомъ по обвиненію въ угрозахъ лишить жизни свою жену, но признаннаго виновнымъ въ жестокомъ съ женою обращеніи и за это приговореннаго къ тюремному заключенію на 10 мѣсяцевъ и церковному покаянію ¹⁾. Другое дѣло, которое должно было разсматриваться въ петербургскомъ окружномъ судѣ, съ участіемъ присяжныхъ, 21 минувшаго февраля, но неизвѣстно почему отложено, краснорѣчиво по одному своему названію. Это — дѣло о прапорщикѣ Николаѣ Разнатовскомъ, обвиняемомъ въ покушеніи на убійство жены, — нѣсколькими выстрѣлами изъ револьвера.

¹⁾ Въ послѣдствіи рѣшеніе окружнаго суда и судебной палаты, отмѣнившей это рѣшеніе, уничтожены кассационнымъ департаментомъ сената на томъ основаніи, что по мѣсту совершенія важнѣйшаго преступления дѣло о Слицынѣ должно производиться въ судебныхъ мѣстахъ Царства Польскаго (Рѣш. уголов. кас. департ. Прав. сената 1867 года 15 февр. № 46).

Всѣ эти преступленія, совершаемыя супругами другъ надъ другомъ кажутся ужасными, — преступники — злодѣями и извергами. Но поговорите объ этомъ съ судьями, слѣдователями и адвокатами, и они скажутъ, что нерѣдко эти люди, совершающіе ужасныя преступленія, люди очень обыкновенные, даже добродушные. И вовсе эти люди не думаютъ, чтобы совершенное ими преступленіе — хорошее дѣло; они его большею частью совершили необдуманно, случайно. Это вполне понятно, если принимать за источникъ преступленія не инстинкты или характеръ человѣка, а тѣ ненормальныя отношенія, въ которыя онъ поставленъ къ окружающимъ его людямъ. Само собою разумѣется, что чѣмъ эта ненормальность сильнѣе, тѣмъ чаще совершаются преступленія. Трудно, кажется, не видѣть въ этомъ рядѣ преступленій, совершаемыхъ супругами другъ надъ другомъ, — громкаго протеста, конечно, не противъ брака, но противъ того положенія, въ которое они поставлены иногда по отношенію другъ къ другу. Это понимается самимъ обществомъ уже давно. Это высказалъ и человѣкъ, глубоко нравственный и религіозный, искренно любившій человѣчество и мечтавшій о преобразованіи людскихъ отношеній въ обществахъ, обновленныхъ переворотомъ, или молодыхъ по своей политической жизни. Мы говоримъ о Бентамѣ, котораго возмущало положеніе общества въ старомъ европейскомъ мірѣ, и который много работалъ, въ надеждѣ примѣнить выработанныя имъ, во благо человѣчества, теоріи, сначала въ революціонной Франціи, которая даровала ему званіе французскаго гражданина ¹⁾, а потомъ въ Америкѣ и Россіи, приготовлявшейся къ преобразованіямъ императоромъ Александромъ I, съ которымъ Бентамъ долгое время былъ въ перепискѣ ²⁾.

¹⁾ Для Франціи — Бентамъ начерталъ планъ новаго устройства французскихъ судищъ и проектъ объ усовершенствованіи тюремнаго заключенія. За этотъ проектъ Бентамъ удостоился званія французскаго гражданина въ 1792 году, когда званіе это дано было другимъ замѣчательнымъ людямъ: Песталоцци, Вашингтону, Клоштокку, и проч.

²⁾ Желая составить для всѣхъ свободныхъ націй общій кодексъ законовъ (Codification Proposal, addressed by J. B. to all Nations professing liberal opinions, or Idea of a proposed all-comprehensive Body of Law), Бентамъ входилъ въ переписку съ сѣверо-американскими властями (Маддиссономъ и Снейдеромъ) и императоромъ Александромъ I (Papers relat. Codification and Publ. Instruction incl. Correspondence with the Russian Emperor and diverse authorities in the Americ. Unit. States). Но, не по волѣ Бентама, усилія его и труды остались безъ примѣненія. Въ перепискѣ своей съ Снейдеромъ, губернаторомъ Пенсильваніи, онъ съ желчью отзывался объ американскихъ легистахъ и ихъ вліянію приписывалъ отказъ пенсильванскаго сената въ принятіи его предложеній. А въ одномъ изъ писемъ къ императору Александру, благодарившему Бентама за его готовность быть полезнымъ Россіи и предлагавшему ему войти въ сношеніе съ комиссіей составленія законовъ, Бентамъ говорилъ о бесполезности подобныхъ сношеній, указывая на нерасположеніе къ нему членовъ комиссіи, имѣющихъ, по его мнѣнію, интересъ по возможности долѣе тянуть вѣтренное имъ дѣло и,

Вотъ, что говоритъ Бентамъ о бракѣ:

«Пожизненный бракъ есть самый естественный, наиболѣе соответствующій потребностямъ и условіямъ семейной жизни, наиболѣе благоприятный для отдѣльныхъ лицъ и вообще для всѣхъ. Если бы законы не устанавливали пожизненности брака, т. е., если бы законы ограничивались только тѣмъ, что давали бы санкцію договору, то и въ такомъ случаѣ пожизненные браки были бы всегда самые обыкновенные, потому что наиболѣе соответствуютъ интересамъ обонхъ супруговъ. Любовь со стороны мужа, любовь и предусмотрительность со стороны жены, просвѣщенная мудрость родителей и заботливость ихъ о дѣтяхъ, все содѣйствуетъ тому, чтобы брачный договоръ былъ пожизненный.

«Но, что должны мы были бы подумать, если бы женщина включила въ договоръ такую статью: «Мнѣ не дозволено будетъ оставить тебя, если бы мы возненавидѣли другъ друга даже съ болѣею силой, чѣмъ съ какой теперь любимъ другъ друга». Такое условіе показалось бы просто безумнымъ; въ немъ есть нѣчто противорѣчащее и нелѣпое, что поражаетъ съ перваго взгляда: не готовъ ли былъ бы каждый признать, что подобный обѣтъ есть слѣдствіе необдуманности, и что человѣколюбіе требуетъ его уничтожить.

«Но это жестокое и нелѣпое условіе не требуется женщинами, не составляетъ предмета желанія и для мужчины, а налагается на обонхъ брачующихся, какъ неизбѣжность. Законъ неожиданно вмѣшивается между договаривающимися сторонами, застигаетъ ихъ въ минуту разгара страстей юности, когда въ будущемъ ничего не видно, кромѣ счастья, и держитъ къ нимъ такую рѣчь: «Вы вступаете въ бракъ въ надеждѣ, что будете счастливы; а я объявляю вамъ, что вы вступаете въ тюрьму, и какъ только вступите въ нее, дверь за вами будетъ замуравлена. Я буду безчувственъ къ вашимъ воплямъ, и если бы даже вы стали бить другъ друга вашими оковами, я не допущу вашего освобожденія.

«Если бы законъ не иначе позволялъ брать себѣ опекуна, управляющаго, товарища, какъ съ условіемъ, чтобы онъ оставался такимъ на вѣки, то не сказалъ ли бы каждый, что это — тираннія,

наконецъ, на доказанную, въ глазахъ Бентама, бездарность членовъ комиссіи, которая объясняетъ нежеланіе ихъ воспользоваться содѣйствіемъ иностраннаго сотрудника. Но это не мѣшало перелискѣ Бентама лично съ самимъ императоромъ, который питалъ къ нему глубокое уваженіе. При этомъ, желаніе Бентама—принести пользу, было всегда до такой степени безкорыстно, что едва ли можно отвергать достоверность факта, на который указываютъ его биографы: получивъ отъ императора Александра I подарокъ, какъ зналъ особаго къ нему расположенія, Бентамъ даже не раскрылъ ящика, въ которомъ былъ присланъ этотъ подарокъ и возвратилъ его назадъ, чтобы не потерять независимость своихъ мнѣній.

безуміе. Мужъ есть вмѣстѣ и опекунъ, и управитель, и товарищъ, и даже болѣе, а между тѣмъ въ болѣе части цивилизованныхъ странъ не иначе можно взять себѣ мужа, какъ на вѣки.

«Замѣтимъ, наконецъ, что когда смерть становится единственнымъ средствомъ освобожденія, то столь страшное положеніе не должно ли вводить въ страшныя искушенія и преступленія? Число печальныхъ примѣровъ, оставшихся неизвѣстными, можетъ быть еще гораздо значительнѣе, чѣмъ число извѣстныхъ».

Противодившіяся до сихъ поръ уголовныя дѣла объ убійствахъ и насиліяхъ могутъ навести на мысль, что человѣческая жизнь и личность подвергаются серьезной опасности отъ постороннихъ членовъ общества менѣе, нежели въ семейномъ союзѣ. За исключеніемъ тѣхъ случаевъ, въ которыхъ убійство и насиліе являлись только средствомъ для приобрѣтенія чужого имущества, было немного, сравнительно, дѣлъ о нападеніи на человѣческую жизнь подъ вліяніемъ страсти, запальчивости, въ дракѣ. Эти причины, вызывающія преступленія, дѣйствуютъ не одинаково на людей образованныхъ и неразвитыхъ: большинство преступниковъ, въ дѣлахъ этого рода, являлось изъ простаго народа. Это объясняется обстановкою крестьянской жизни, которая ведетъ къ тому, чтобы человѣкъ въ ней огрубѣлъ, ожесточился или пропалъ въ покорномъ отчаяніи. Такія крайности выказываются въ крестьянскомъ сословіи рѣзко и рельефно. Но не слѣдуетъ думать также, чтобы такъ называемый образованный классъ обладалъ всѣми средствами для правильного развитія. И тутъ не мало обстоятельствъ, воспитывавшихъ до послѣдняго времени отсутствіе уваженія къ личности и правамъ другихъ и вырабатывающихъ натуры, способныя къ насиліямъ. Нужно при этомъ еще сказать, что пьянство нерѣдко играетъ въ этихъ преступленіяхъ такую же роль, какъ и страсти, одинаково заглушая въ человѣческомъ сознаніи всякія нравственныя понятія.

15 сентября 1865 года, въ Москвѣ, въ ренсковомъ погребѣ, сынъ чиновника, Николай Орвидъ, будучи очень пьянъ, сначала ругалъ бывшихъ въ погребѣ Фолькмана, Рейнсена и Вигонда, а затѣмъ схвативъ какой-то ножъ, нанесъ всѣмъ троемъ раны. Первые двое отдѣлялись легкими поврежденіями, а Вигондъ, черезъ девять дней умеръ въ больницѣ. За нанесеніе раны, отъ которой послѣдовала смерть, Орвидъ, рѣшеніемъ московскаго окружнаго суда, приговоренъ къ лишенію всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и къ ссылкѣ на житье въ Томскую губернію, съ воспрещеніемъ отлучки изъ мѣста, назначеннаго для его жительства въ продолженіе года и выѣзда въ другія губерніи и области Сибири въ продолженіе двухъ лѣтъ. Но такъ какъ на смерть Вигонда, кромѣ нанесенной раны Орвидомъ, имѣли вліяніе, какъ это обнаружено было показаніями экспертовъ при судебномъ слѣдствіи, и другія побочныя

обстоятельства, и Орвидъ, до произнесенія надъ нимъ приговора долгое время находился подъ стражею, то окружный судъ ходатайствовалъ объ облегченіи участи Орвида съ тѣмъ, чтобы, по лишеніи нѣкоторыхъ лично и по состоянію присвоенныхъ ему правъ и преимуществъ, заключить его въ смиренный домъ на 2 года. Ходатайство это Высочайше уважено 27 іюля 1867 года.

Другое дѣло, объ убійствѣ также въ средѣ образованнаго класса, въ которомъ подсудимымъ явился шестнадцати-лѣтній мальчикъ, окончилось весьма тяжкимъ для него наказаніемъ. Дѣло это происходило въ Новгородѣ. Гимназистъ Ламбинъ, 16½ лѣтъ, застрѣлилъ своего товарища, 19 лѣтъ, Труфанова, котораго онъ считалъ, какъ это можно вывести изъ судебного слѣдствія, счастливымъ соперникомъ своей юношеской любви. Защитникъ подсудимаго старался доказать, что выстрѣлъ изъ пистолета послѣдовалъ случайно, безъ умысла со стороны Ламбина. Но улики были слишкомъ ясны. Присяжные, въ составѣ 7-ми крестьянъ, 2-хъ мѣщанъ, 2-хъ купцовъ и одного чиновника, признали Ламбина виновнымъ въ умышенномъ убійствѣ и въ совершеніи его съ полнымъ разумніемъ. На этомъ основаніи новгородскій окружный судъ приговорилъ Ламбина къ лишенію правъ состоянія и каторжнымъ работамъ на 8 лѣтъ. Нѣкоторымъ, замѣтили Новгородскія губернскія вѣдомости, рѣшеніе это показалось слишкомъ строгимъ. Но въ виду обстоятельствъ дѣла едва ли можно было ожидать иного приговора отъ суда, не имѣющаго права миловать. Можно было только развѣ надѣяться, что судъ на этотъ разъ воспользуется своимъ правомъ и обратится съ ходатайствомъ о милости къ верховной власти.

Въ теченіе минувшихъ двухъ лѣтъ, только одинъ разъ пришлось присяжнымъ произнести свой приговоръ о преступленіи, весьма строго до сихъ поръ наказывавшемся, не смотря на то, что общество всегда относилось къ нему снисходительно.

Между маіоромъ Тугановымъ и отставнымъ штабсъ-ротмистромъ Щербовымъ произошла ссора. Первый нѣсколько разъ обругалъ Щербова подлецомъ и, получивъ за это ударъ по лицу, вызвалъ его на дуэль. Поединокъ этотъ состоялся въ присутствіи двухъ секундантовъ, корнета Кушелевскаго и отставнаго поручика Свистунова. Противники сдѣлали по три выстрѣла, при чемъ Щербовъ промахнулся, а Тугановъ ранилъ его въ ногу. Вслѣдствіе этого возникло дѣло, разсматривавшееся 25 апрѣля 1867 года въ ржевскомъ окружномъ судѣ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей. При этомъ обвинялись: маіоръ Али Пшемахъ Тугаловъ въ томъ, что онъ вызвалъ на поединокъ Щербова, нанесъ ему рану, отнесенную врачами къ тяжелымъ поврежденіямъ; корнетъ Кушелевскій и отставной поручикъ Свистуновъ въ томъ, что, принявъ на себя обязанность секундантовъ, допустили противниковъ до поединка; поручикъ Шагаровъ въ томъ, что принесъ

вызовъ Туганова на поединокъ къ Щербову, и, не успѣвши примирить ссорившихся, не объявилъ о томъ своему начальнику; отставной штабсъ-ротмистръ Щербовъ въ томъ, что, принявъ сдѣланный ему вызовъ, употребилъ оружіе противъ своего противника, хотя съ его стороны поединокъ кончился безъ кровопролитія. Присяжные признали всѣхъ подсудимыхъ невиновными, за исключеніемъ Туганова, признаннаго ими виновнымъ въ нанесеніи на поединкѣ легкой раны, но по обстоятельствамъ дѣла, заслуживающимъ снисхожденія, и приговореннаго судомъ къ содержанію на гауптвахтѣ въ продолженіе шести мѣсяцевъ.

Всякій, кто помнитъ прежніе судебные приговоры, по которымъ иногда тяжкими наказаніями поплачивались люди за то только, что они подчинялись господствующимъ предрасудкамъ о поединкѣ, тотъ не можетъ не согласиться, что рѣшеніе присяжныхъ и суда, по которому подвергся наказанію только виновникъ поединка, вполне соответствуетъ справедливости. Оно, какъ нельзя болѣе, согласуется съ мнѣніемъ императрицы Екатерины II: «О поединкахъ не бесполезно здѣсь повторить то, что утверждаютъ многіе и что другіе написали: что самое лучшее средство предупредить сіи преступленія есть наказывать наступателя, сирѣчь того, кто подастъ случай къ поединку, а невиноватымъ объявить принужденнаго защищать честь свою, не давши къ тому никакой причины!»).

Наибольшее число дѣлъ о личныхъ оскорбленіяхъ не доходило до суда присяжныхъ; они большею частію производились и рѣшались въ мировыхъ судахъ. Общество, привыкшее къ кулачной расправѣ, выработавшее даже пословицу — брань на вороту не виснетъ, не могло не породить, особенно же на первыхъ порахъ, цѣлую массу подобныхъ процессовъ. Станнымъ казалось многимъ господамъ, что они не въ правѣ обругать слугу; притѣсненіемъ считали хозяева, что съ нихъ берутъ штрафы за какой нибудь тычекъ, данный работнику или работницѣ. Сначала даже вопль негодованія раздавался со всѣхъ сторонъ противъ новаго порядка, при которомъ ни драться, ни ругаться, по крайней мѣрѣ даромъ, — не позволялось. Но уже теперь, съ небольшимъ въ два года, нравы нѣсколько измѣнились и дѣлъ о личныхъ оскорбленіяхъ стало въ мировыхъ судахъ замѣтно меньше. Изъ этой первой поры, когда во всей своей неприкосновенности обнаружались наши привычки и нравы, осталось въ памяти одно дѣло, о которомъ въ то время много говорилось и печаталось, но которое достойно вниманія и теперь — до такой степени оно представляетъ

1) Наказъ Екатерины II, данный комисіи о сочиненіи проекта новаго уложенія, ст. 234.

«знаменіе времени». Мы говоримъ о дѣлѣ протоіерея Борисоглѣбскаго. Обстоятельства этого дѣла не многосложны и слишкомъ извѣстны.

Мировой судья, выслушавъ въ этомъ дѣлѣ обѣ стороны и свидѣтелей, призналъ фактъ оскорбленія г-жи Штофъ протоіереемъ Борисоглѣбскимъ въ публичномъ мѣстѣ. За тѣмъ, принявъ въ соображеніе высокое положеніе обвиняемаго, обязывавшее его быть болѣе строгимъ и разборчивымъ въ своихъ поступкахъ, судья приговорилъ протоіерея Борисоглѣбскаго къ высшей мѣрѣ наказанія, опредѣленнаго 131 ст. уст. о нак. нал. мир. суд., т. е. аресту на одинъ мѣсяць, съ тѣмъ, что рѣшеніе это предварительно должно быть сообщено духовному вѣдомству. При производствѣ дѣла у мирового судьи самъ Борисоглѣбскій, сколько намъ помнится, не возбуждалъ сомнѣнія о томъ, что онъ не подсуденъ мировому суду. Къ тому же неопредѣленность выраженной консисторскаго устава, опредѣляющаго кругъ дѣятельности судовъ духовныхъ — можетъ возбуждать въ этомъ отношеніи безконечные споры. Мировой сѣздъ, которому жаловался Борисоглѣбскій на приговоръ судьи, разрѣшая только вопросъ о подсудности этого дѣла, 10 іюля 1867 года, призналъ, что оно подлежитъ разсмотрѣнію духовнаго суда и, отмѣнивъ приговоръ мирового судьи 5 участка, дѣло по обвиненію протоіерея Борисоглѣбскаго передалъ для законнаго распоряженія мѣстному епархіальному начальству ¹⁾. Спустя полгода, въ газетахъ напечатанъ слѣдующій указъ петербургской духовной консисторіи:

Санктпетербургская духовная консисторія, разсмотрѣвъ дѣло о протоіерей церкви, что при Демядовскомъ домѣ призрѣнія трудящихся, Дмитріѣ Борисоглѣбскомъ, обвиняемомъ въ нанесеніи оскорбленія словами женѣ кандидата Штофъ (бывшій содержатель филантропической читальни, по высочайшему повелѣнію, закрытой), Екатерины Штофъ, между прочимъ находитъ, что 1) г. мировой судья 5 участка, у котораго разбиралось это дѣло, вопреки закону, принялъ къ своему разбирательству дѣло, ему неподсудное, что признано уже самимъ мировымъ сѣздомъ и разъяснено опубликованными по подобнымъ же дѣламъ рѣшеніями кассационнаго департамента правительствующаго сената; 2) производилъ разбирательство пристрастно и односторонне, не обративъ никакого вниманія на неправомерный поступокъ самой г-жи Штофъ, который былъ первымъ поводомъ къ неправомерному столкновенію съ нею протоіерея Борисоглѣбскаго, и въ нарушеніе 138 ст. уст. о нак. нал. мир. суд., подвергъ протоіерея Борисоглѣбскаго наказанію унижительному и тяжкому, совпадающему, для священнослужителя, съ временнымъ лишеніемъ правъ (какое лишеніе можетъ завлечь только отъ епархіальнаго епископа) священнослуженія и публичнымъ униженіемъ его нанесъ оскорбленіе не только ему самому, но въ лицѣ его духовному сану и цѣлому сословію духовенства,—консисторія опредѣляетъ: предоставить протоіерею Борисоглѣбскому, какъ непосредственно потерпѣвшему отъ такихъ дѣйствій мирового судьи, искать съ него, если пожелаетъ, удовлетворенія себѣ, гдѣ и какъ слѣдуетъ отъ дѣла

¹⁾ Руководство для мировыхъ судей. Н. Неклюдова. Уставъ уголовного судопроизводства, стр. 71.

сего особо, о чемъ для объявленія Борисоглѣбскому, послать указъ мѣстному благо-
чинному, самое же дѣло, считая рѣшоннымъ, сдать по порядку въ архивъ.

Печатавъ этотъ указъ, нѣкоторые усомнились въ его достовѣрности и повѣрили его существованію только потому, что послѣ появленія его во многихъ газетахъ, содержаніе его не было опровергнуто консисторіею. Это сомнѣніе понятно. Въ два года наше общество успѣло уже отвыкнуть по крайней мѣрѣ отъ явнаго нарушенія закона и превышенія власти.

Изъ опредѣленія мирового съѣзда извѣстно, что съѣздъ передалъ епархіальному начальству дѣло по обвиненію протоіерея Борисоглѣбскаго въ оскорбленіи г-жи Штофъ. Что дѣло это разсматривалось консисторіею, это видно изъ начала приведеннаго указа. Но за тѣмъ изъ того же указа оказывается, что консисторія разсматривала еще правильность дѣйствій мирового судьи, хотя такое дѣло къ ней попасть не могло. Остается слѣдовательно думать, что это одно и то же дѣло и что въ самой консисторіи дѣло по обвиненію г. Борисоглѣбскаго превратилось въ дѣло по обвиненію мирового судьи. Не останавливаясь на томъ, признаетъ ли духовное начальство поступокъ протоіерея Борисоглѣбскаго съ г-жею Штофъ приличнымъ или нѣтъ, нельзя не замѣтить въ указѣ консисторіи если не превышенія власти, то по крайней мѣрѣ, неправильное толкованіе закона. Въ немъ, между прочимъ, говорится, что мировой судья принялъ къ своему производству дѣло, ему неподсудное по закону, «какъ это разъяснено опубликованными по подобнымъ дѣламъ рѣшеніями кассационнаго департамента сената». Какой законъ нарушенъ судьей, — въ указѣ не сказано; въ немъ не указаны также и рѣшенія кассационнаго сената по «подобнымъ дѣламъ». Сколько намъ извѣстно, — рѣшеніе кассационнаго сената по дѣлу капитанъ-лейтенанта Панютина, жаловавшагося на священника Лихачева за клевету¹⁾, представляло, до дѣла Борисоглѣбскаго, *единственный* случай, въ которомъ разрѣшался вопросъ о подсудности лицъ духовнаго званія мировымъ учрежденіямъ. Далѣе — на основаніи какого закона консисторія почла себя въ правѣ разсуждать о дѣйствіяхъ мирового судьи, лица, какъ должно быть извѣстно консисторіи, не духовнаго званія и потому ей неподсуднаго, — и за тѣмъ признавать разбирательство судьи пристрастнымъ и одностороннимъ, тогда, какъ даже мировой съѣздъ не разсматривалъ вовсе приговора мирового судьи по существу дѣла. Что касается предоставленія консисторіею протоіерею Борисоглѣбскому права искать съ мирового судьи удовлетворенія «гдѣ и какъ слѣдуетъ», зачисленія дѣла рѣшеннымъ и сдачи его въ ар-

¹⁾ Рѣшеніе уголовн. кассационнаго департамента правительствующаго сената 10 мая 1867 года, № 181.

живъ, то во всемъ этомъ рѣшеніи можетъ имѣть значеніе только «сдача дѣла по порядку въ архивъ», потому, что не существуетъ такого судебного мѣста, для котораго было бы обязательно представленіе консисторіею Борисоглѣбскому какого-то иска объ удовлетвореніи. О томъ, на сколько правильны разсужденія консисторіи, будто бы рѣшеніе мирового судьи нанесло оскорбленіе не только самому протоіерею Борисоглѣбскому, но, въ лицѣ его, духовному сану и цѣлому сословію духовенства,—объ этомъ распространяться нечего. Слѣдующая аргументація консисторіи придется признать, что всякое рѣшеніе суда, если оно отменяется высшею инстанціею, наноситъ оскорбленіе не только тому лицу, противъ котораго первоначальное рѣшеніе было постановлено, но и всему сословію, къ которому оно принадлежитъ. Мы недумаемъ также, чтобы являлось что-нибудь подобное по дѣламъ, рѣшаемымъ консисторіями въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣшенія консисторій признаются неправильными святѣйшимъ синодомъ.

Похвально, конечно, членамъ сословія ревниво оберегать достоинство своего сословія. Въ такомъ случаѣ петербургской консисторіи слѣдуетъ обратить свою дѣятельность въ другую сторону и наблюдать за тѣмъ, чтобы лица, духовнымъ саномъ облеченныя, носили его съ достоинствомъ. Служитель церкви не чиновникъ, дѣятельность котораго теряется въ сотнѣ другихъ подобныхъ. На священника устремлены взгляды цѣлаго прихода, иногда нѣсколькихъ сотенъ и тысячъ человекъ, которые мнѣніе свое объ одномъ лицѣ нерѣдко переносятъ на все сословіе, къ которому онъ принадлежитъ. Общее понятіе о духовенствѣ давно уже составлено въ нашемъ обществѣ. «Мы съ прискорбіемъ видимъ — говорила еще императрица Екатерина II—что народъ нашъ простой весьма удаленъ еще отъ должнаго направленія, такъ, что и самые многіе священники, пастырскій санъ на себѣ носящіе, не токмо не вѣдаютъ истиннаго пути къ просвѣщенію народному, но и будучи сами часто малограмотные, нерѣдко простому народу служатъ собственнымъ примѣромъ къ поврежденію»¹⁾. Къ несчастію «подобные примѣры къ поврежденію» остаются еще и теперь. Скоро послѣ рѣшенія мирового съѣзда по дѣлу Борисоглѣбскаго, судился въ томъ же съѣздѣ священникъ Шишовъ за нанесеніе полпцейскому служителю удара по лицу, и приговоренъ къ аресту на 1½ мѣсяца; жалоба же Шишова на этотъ приговоръ оставлена кассационнымъ департаментомъ сената, 10 января 1868 г., безъ уваженія. А въ калужскомъ окружномъ судѣ, 25 ноября 1867 г., священникъ Богоявленскій признанъ виновнымъ въ оскорбленіи миро-

¹⁾ Инструкція комисіи для окончательнаго устройства церковныхъ имѣній, 29 1762 г.— О движимыхъ имуществѣхъ духовенства въ Россіи, изслѣдованіе В. Милутина, стр. 557.

вого судьи, при исполненіи имъ обязанностей службы, ругательными и неприличными словами, произнесенными въ пьянствѣ. Если къ этимъ прискорбнымъ случаямъ прибавить еще тѣ печальные факты объ отношеніяхъ мѣстнаго духовенства къ нижегородской консисторіи, о которыхъ говорилось недавно въ газетѣ «Современный Листокъ», гдѣ въ письмѣ къ редактору выяснялись всѣ злоупотребленія и притѣсненія, дѣлаемые священникамъ въ консисторіи и поборы съ нихъ и со всѣхъ тамъ взимаемые, — то сама собою выяснится та дѣятельность, которая требуетъ всей энергіи духовнаго вѣдомства, если оно дѣйствительно проникнуто желаніемъ оберегать достоинство своего сословія.

Нападеніе человѣка на чужую собственность — съ цѣлью истребленія ея, или приобрѣтенія ея себѣ, для улучшенія матеріальнаго своего благосостоянія, — выражается въ большинствѣ уголовныхъ дѣлъ, производившихся, до сихъ поръ, въ мировыхъ и общихъ судахъ. Накопленіе въ окружныхъ судахъ огромнаго числа дѣлъ о присвоеніи чужого имущества, посредствомъ кражи со взломомъ, вызвало даже предположеніе объ измѣненіи существующаго порядка судопроизводства и о передачѣ дѣлъ, о кражахъ со взломомъ, внутреннимъ мировымъ судьямъ, которые, по уставамъ 20 ноября 1864 года, рѣшаютъ только дѣла о простой кражѣ, на сумму ниже 300 рублей, совершаемой въ первый или второй разъ лицами непривилегированныхъ сословій. Мы не будемъ останавливаться на этомъ предположеніи и доказывать его несостоятельность. Это уже сдѣлалъ раньше насъ К. К. Арсеневъ ¹⁾ и трудно, конечно, вмѣстѣ съ нимъ не признать, что для ускоренія дѣлопроизводства, нельзя жертвовать такой гарантіей правительнаго приговора, какимъ являются въ окружныхъ судахъ присяжные, которыхъ нѣтъ въ мировыхъ учрежденіяхъ.

Нападеніе на чужую собственность, имѣющее цѣлью не приобрѣтеніе этой собственности, а только поврежденіе ея, выражалось, по большей части, поджогомъ. Конечно, пускается «красный пѣтухъ» иногда для того, чтобы воспользоваться въ общей суматохѣ чужимъ добромъ, но едва ли еще не чаще, по крайней мѣрѣ, въ минувшіе два года, суду присяжныхъ приходилось рѣшать вопросъ о виновности подсудимыхъ, обвинившихся въ поджогѣ изъ мести, изъ желанія отплатить кому-нибудь за сдѣланное зло. При той трудности, съ которою вообще сопряжено производство слѣдствія о поджогахъ, не удивительно, что въ большинствѣ дѣлъ, присяжнымъ приходилось рѣшать вопросъ о виновности по немногимъ указаніямъ и уликамъ.

¹⁾ Спб. Вѣд. 1868, № 10.

Отъ того-то въ этихъ дѣлахъ, присяжные, въ своихъ приговорахъ, выражались крайне осторожно и, быть можетъ, какъ многимъ казалось, слишкомъ снисходительно. Но напрасно было бы на это жаловаться. И если присяжные сами, по большей части, собственники или, по крайней мѣрѣ, люди обеспеченные, признавали, по совѣсти, справедливымъ оправдать подсудимаго, нападавшаго огнемъ на чужую собственность, то, значить, должны быть особыя причины, косвенно влѣвшія на такіе приговоры.

До сихъ поръ мы не помнимъ, чтобы въ поджогѣ обвинялось лицо, принадлежащее къ образованному классу. Всѣ подсудимые были крестьяне или мѣщане. Въ числѣ обвиняемыхъ были и женщины, обвинявшіяся въ поджогахъ имущества своихъ мужей изъ мести и злобы. Этотъ фактъ, въ виду того, что говорилось выше о супружескихъ отношеніяхъ, не подтверждаетъ ли приведенное нами мнѣніе Бентама. Въ числѣ обвинявшихся были и дѣти.

Крестьянинъ Иванъ Глазовъ съ малолѣтства, какъ говорили свидѣтели, отличался лѣнью. За это его былъ отецъ, но побоя не помогали; бросить Иванъ работу, да и уйдеть себѣ изъ села на нѣсколько дней, Богъ знаетъ куда. Не веселое ему было житье: женился онъ 20-ти лѣтъ, но женѣ надобно его безпутное поведеніе, и она ушла отъ него, а онъ возненавидѣлъ свое село и своихъ односельцевъ. Не разъ онъ самъ просилъ, чтобы общество его куда-нибудь услао. Но общество не исполнило его просьбы и дорого за это поплатилось. Сначала Глазовъ попадался въ легкихъ воровствахъ, а наконецъ поджегъ село и, во время суматохи, укралъ у односедки своей 111 р. 50 к., со взломомъ сундука. Поджогъ, по сознанію самого Глазова на предварительномъ слѣдствіи, которое онъ, впрочемъ, отвергалъ въ судѣ, онъ сдѣлалъ закурною папиросою, которую бросилъ въ ворохъ сухого хвороста у забора. Отъ поджога сгорѣло 48 домовъ и истреблено пожаромъ недвижимаго имущества на 4,183 р. и движимаго на 1,885 рублей. Глазовъ обвинялся въ умышенномъ поджогѣ и кражѣ во время пожара въ московскомъ окружномъ судѣ. Присяжные признали Глазова виновнымъ въ неосторожномъ обращеніи съ огнемъ, отъ чего произошелъ пожаръ, и въ кражѣ во время пожара. За это судъ приговорилъ его къ лишенію всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и къ отдачѣ въ арестантскія роты гражданскаго вѣдомства на 3 года и 1 мѣсяць.

Крестьянка Анна Бѣленовская, плохая была жена и дурная мать; отчего не любила она мужа и дѣтей, осталось неизвѣстно. Свидѣтели показывали только, что мужъ ея былъ человекъ тихій, хорошій, а она давно уже пьянствовала и развратничала. И какъ ни просилъ ея мужъ бросить пьянство, ничто не помогало. Наконецъ, 24 мая 1867 года, Бѣленовская пришла въ мужнина сѣноваль, закурила сигару и бро-

сила ее въ сѣно. Это было днемъ, и пожаръ скоро потушили. За это Бѣленовская (42 л.) обвинялась въ рязанскомъ окружномъ судѣ въ умышенномъ поджогѣ. Присяжные, въ составѣ 3 купцовъ и 9 чиновниковъ, признали Бѣленовскую виновною въ умышенномъ поджогѣ и она приговорена къ лишенію правъ состоянія и ссылке на поселеніе въ Сибирь.

Крестьянинъ Іонъ Павловъ обвинялся въ московскомъ окружномъ судѣ въ поджогѣ риги и амбара, принадлежавшихъ помѣщицѣ Аникѣевой. Уликами противъ подсудимаго приводилось то, что возлѣ риги, не задолго до пожара, видѣли человѣка похожаго на Павлова, что были замѣтны слѣды ногъ отъ риги къ тому мѣсту, гдѣ спалъ Павловъ, и наконецъ, что онъ дѣлалъ, передъ пожаромъ, угрозы управляющему имѣніемъ, къ которому принадлежала рига и амбаръ. Присяжные, въ составѣ 3 чиновниковъ, 2 купцовъ и 7 крестьянъ, признали Павлова невиновнымъ.

Крестьянка Оекла Антонова, 17 лѣтъ отдана была замужъ за крестьянина Ивана Нефедова. До свадьбы женихъ и невеста даже не знали другъ друга — дѣло было слажено стариками по ихъ экономическимъ расчетамъ. Оекла попала въ большую семью, взыскательную на работу, зажиточную и скупую, которая смотрѣла на Оеклу, какъ на рабочую силу. Мужъ, хотя и молодой, но простоватый и забитый, не имѣющій голоса въ семьѣ, не могъ внушить къ себѣ любовь Оеклы. Это ему не нравилось, онъ жаловался сосѣдамъ. Вскорѣ послѣ свадьбы Оекла занемогла, у нея отерывалась рана на ногѣ. Но ни семья, ни мужъ не обращаютъ на это вниманія. Оекла ходитъ лечиться къ матери въ другую деревню и на лекарство распродаетъ свое приданое. Все это не нравится въ семьѣ мужа, и Оеклѣ запрещаютъ ходить къ матери. Настаетъ рабочая пора: отъ жару и пыли въ незаживленной, открытой ранѣ, заводятся черви. Потихоньку Оекла рѣшается идти къ матери за помощію; свекоръ замѣтилъ это и посылаетъ за Оеклой мужа, который и ворочаетъ ее домой наспльно. Но Оекла — женщина съ характеромъ; она сознаетъ свое право и идетъ жаловаться старшинѣ на мужа и на семью, которая ее не лечитъ и не пускаетъ лечиться. Видно, права была Оекла, если старшина призвалъ къ себѣ свекра и мужа и уговаривалъ ихъ отпустить Оеклу полечиться. Но свекоръ не соглашается. — «Вздоръ, теперь рабочая пора, надобно работать, лѣниться можно послѣ», отвѣчаетъ онъ. Проснулось въ старшинѣ чувство состраданія къ бѣдной женщинѣ, и онъ, помимо воли свекра и мужа, отпускаетъ Оеклу къ матери. Болѣе недѣли живетъ она тамъ; но не успѣла еще поправиться, какъ уже свекоръ ѣдетъ за ней и привозитъ домой. Какую глубокую ненависть ко всѣмъ окружающимъ должна была воспитать въ Оеклѣ эта жизнь въ семьѣ мужа въ теченіе перваго года замужства!

Спустя два дня послѣ того, какъ Ѳеклу насильно привезли домой, — въ деревнѣ пожаръ. На другой день — опять пожаръ. Спустя нѣсколько дней, четыре раза загоралась въ разныхъ мѣстахъ деревня, и всякій разъ, очевидно, отъ поджога. Сначала не знали въ деревнѣ, — на кого и подумать; всѣ Ѳеклу знали за женщину честную, хорошую. Но, наконецъ, подозрѣніе пало на нее, когда пожаръ начался отъ того мѣста, отъ той постройки, отъ которыхъ шла Ѳекла. Это было въ сентябрѣ 1864 года. Ѳеклу арестовали и посадили въ тюрьму. Старымъ, формальнымъ порядкомъ производилось слѣдствіе 3 года, собирались доказательства для обвиненія, между тѣмъ мужъ Ѳеклы умеръ, а она все сидѣла въ острогѣ. Наконецъ, 21 марта 1867 года, ее привели въ рязанскій окружной судъ для обвиненія въ семи умышленныхъ поджогахъ. Полтора часа совѣщались присяжные, въ составѣ 2 дворянъ, 3 купцовъ, 1 мѣщанина и 6 крестьянъ, и признали Ѳеклу Антонову невинною въ вводимыхъ на нее обвиненіяхъ.

13-лѣтній мальчикъ Алексѣй Незнакомовъ явился на свѣтъ въ бѣдномъ крестьянскомъ семействѣ, въ которомъ и безъ него было тѣсно и голодно. Скоро, послѣ его рожденія, умерла мать, и отецъ его взялъ другую жену. Не весело жилось мальчику подъ игомъ мачихи. Онъ лишенъ всякихъ заботъ не только о его нравственномъ, но даже и физическомъ воспитаніи. Предоставленный самому себѣ, какъ хищный звѣрь, восьмилѣтній мальчикъ самъ снискиваетъ себѣ пропитаніе. Голодный ребенокъ нищенствуетъ, а когда ему не подаютъ милостыни, — онъ крадетъ хлѣбъ, кашу, лепешки, — все, чѣмъ можетъ онъ утолить голодь. Не любитъ его за это деревня. Отецъ его наказываетъ, — сажаетъ на цѣпь, но не кормитъ. Мальчикъ продолжаетъ красть что попадется подъ руку и начинаетъ красть деньги. Ему за это достается, и начинается глухая борьба между маленькимъ и хитрымъ воромъ и окружающими его людьми. Борьба эта кончается, въ 1865 году, двумя поджогами. При предварительномъ слѣдствіи было признаніе 11-лѣтняго мальчика въ этихъ поджогахъ, но признаніе, вынужденное довольно обманнымъ образомъ: одинъ разъ былъ подосланъ къ нему знакомый ему крестьянинъ, обѣщавшій взять его къ себѣ въ работники и дать рубль, если онъ сознается; а въ другой разъ другой крестьянинъ выманилъ у него это признаніе кускомъ пирога. Почти два года Незнакомовъ просидѣлъ въ тюрьмѣ прежде, нежели былъ преданъ суду рязанскаго окружнаго суда по обвиненію въ двухъ поджогахъ, совершенныхъ съ полнымъ разумѣніемъ. Подсудимый въ судѣ отказался отъ прежняго своего признанія. Кромѣ этого признанія, улики оставались слабыя. Присяжные, въ составѣ 7 дворянъ, 1 купца и 4 крестьянъ и мѣщанъ признали Незнакомова невиннымъ.

По объявленіи этого приговора, предсѣдательствовавшій судья обратился къ Незнакомому съ вопросомъ: «Мальчиѣ! Куда же ты теперь пойдешь, есть ли у тебя здѣсь родные?— «Я не знаю», отвѣтилъ Незнакомовъ также просто, какъ онъ, въ началѣ засѣданія, отвѣтилъ на вопросъ о томъ, сколько ему дѣтъ. Одинъ изъ присутствовавшихъ, священникъ села Любичъ, отъ Некрасовъ, сжалился надъ несчастнымъ, заброшеннымъ существомъ и объявилъ суду, что онъ возьметъ его на свое попеченіе.

Сколько несовершеннолѣтнихъ преступниковъ, сидѣвшихъ до сихъ поръ на скамьѣ подсудимыхъ, — а ихъ ужъ сидѣло много — могутъ позавидовать Незнакомому! Съ нимъ не случилось того, что съ нимъ. Если присяжные и оправдали ихъ и тѣмъ доставили удовольствіе жадостливой публикѣ, то они нисколько не измѣнили бы судьбу подсудимыхъ, если бы ихъ и обвинили. Ихъ жизнь и среда въ тюрьмѣ и на свободѣ одинаковы; въ обоихъ случаяхъ она ихъ приведетъ опять на скамью подсудимыхъ. Представитель обвинительной власти сказалъ про Незнакомова, что онъ «видитъ въ немъ человѣка, въ которомъ кроются задатки великихъ преступленій». Это правда. Но вѣдь Незнакомовыхъ у насъ тысячи, и неужели общество, въ лицѣ своихъ присяжныхъ, обвиняющее и оправдывающее этихъ своихъ маленькихъ враговъ, только этимъ и ограничить свою дѣятельность, не пожелаетъ даже вдуматься, — откуда, изъ какой среды выходятъ эти маленькіе нравственные уроды. А вѣдь вдуматься въ это слѣдуетъ, хотя бы изъ чувства самосохраненія.

Прослѣдите жизнь ребенка, какимъ былъ Незнакомовъ, особенно, если онъ рождается не въ деревнѣ, а въ городѣ, въ семействѣ рабочаго класса. Тутъ дѣти остаются не только безъ малѣйшаго образованія, но даже безъ призора. Въ семьѣ господствуетъ пьянство и нищета. Сбережъ нечего изъ трудовыхъ копѣекъ — онѣ пропиваются. Ребенокъ голодаетъ и начинаетъ нищенствовать; этимъ онъ даже облегчаетъ своихъ родителей — онъ самъ зарабатываетъ себѣ хлѣбъ. Быть можетъ, онъ и радъ былъ бы работѣ, какъ обрадовался ей и Незнакомовъ, съ радости даже сболтнувшій о своемъ поджогѣ, но работы онъ скорѣе не достанетъ, его ничему не учатъ, онъ, какъ Незнакомовъ «ничего не знаетъ». Привыкнувши ловко стаскивать, что плохо лежитъ, онъ достигаетъ, наконецъ, того возраста, когда онъ дѣлается членомъ того общества, среди котораго родился. Вступая въ общество, онъ считаетъ себя въ правѣ пользоваться отъ него известною долей известныхъ благъ, составляющихъ достояніе всѣхъ его членовъ. За это, быть можетъ, онъ и самъ готовъ былъ бы стараться объ увеличеніи общей суммы благъ, находящихся въ распоряженіи этого общества; но онъ ничего не получаетъ отъ общества. Какое чувство,

кромѣ злобы, ненависти, должно при этомъ явиться у личностей, въ родѣ Незнакомова. Ихъ давить сила, они сначала не смѣютъ рѣшиться на открытое нападеніе на общество. Начинается обманъ, притворство, ожесточеніе на все окружающее. Подъ страхомъ голодной смерти, съ безпрестаннымъ опасеніемъ остаться безъ куска хлѣба, они всѣ силы употребляютъ на хитрость, на обманъ. Истинныя начала честности и права такая жизнь не вырабатываетъ. За то мошенничество кажется имъ ловкимъ подвигомъ, подлогъ — ловкой штукой. Въ открытой борьбѣ съ обеспеченнымъ обществомъ, они кичатся смѣлостью своихъ нападеній, тяжестью наносимыхъ ими общественной безопасности ударовъ. Спросите защитниковъ подсудимыхъ, присяжныхъ-повѣренныхъ, и они вамъ скажутъ, какъ приобрѣвшіе себѣ извѣстность воры и мошенники тщательно скрываютъ отъ своихъ товарищей, если они попались на мелкомъ воровствѣ. Ему стыдно явиться даже въ судъ — онъ въ этомъ видитъ торжество своихъ враговъ. Ни въ одномъ преступленіи эта борьба неразвитаго развращеннаго ничетою и невѣжествомъ люда не проявляется такъ ярко, какъ въ преступленіяхъ противъ собственности — въ кражѣ. Начиная по мелочамъ, эти бывшіе Незнакомовы все спокойнѣе и спокойнѣе налагаютъ свою руку на чужое добро. Что за дѣло, что оно чужое. Они этого не знаютъ, или не хотятъ знать, какъ въ былое время не звали, сколько имъ лѣтъ, и есть ли у нихъ отецъ и мать. Развѣ ихъ кто-нибудь училъ различать свое отъ чужого; развѣ ихъ кто-нибудь научилъ приобретать честно, открыто свое. И этотъ отдѣльный міръ живетъ бокъ-о-бокъ съ образованнымъ и сытымъ обществомъ, ведя съ нимъ неустанную борьбу, съ опасностью попасться ему въ руки. Хорошо еще, скажетъ иной, какъ попадешься съ чѣмъ-нибудь порядочнымъ, а то вдругъ съ пустяками:—«Пожалуйста, вы до поры до времени никому не говорите, особенно смотрителю, что я попался въ кражѣ съ взломомъ банки съ вареньемъ; вѣдь это срамъ, мнѣ стыдно въ глаза-то всѣмъ смотрѣть. Магазины на десятки тысячъ обчищаютъ, и съ рукъ сходило, подозрѣніемъ отдѣлывался. А тутъ вдругъ за банку варенья въ судъ съ архангелами поведутъ». Такъ просилъ одинъ арестантъ своего защитника, желая хоть нѣкоторое еще время скрыть отъ своихъ товарищей позоръ — попасться съ банкой варенья, и хоть въ теченіе нѣсколькихъ недѣль сохранить за собою репутацію «дѣльнаго» чловѣка.

Отчего же зависить дальнѣйшая жизнь этого особаго міра, какъ не отъ той среды, не отъ тѣхъ условій, которыя постоянно готовятъ ему новыхъ членовъ. Вѣдь не родятся же одни люди «съ задатками великихъ преступленій», а другіе безъ нихъ. Напротивъ того, нельзя ли, послушавши нѣсколько процессовъ въ родѣ Незнакомова, придти къ заключенію, что если бы теперешніе судьи, обвинители,

защитники и присяжные, родились и воспитывались въ той средѣ, въ какой родился и воспитывался Незнакомовъ, то и онѣ бы всѣ стояли во главѣ противузаконнаго ремесла, и въ силу самаго своего превосходства и искусства уже подверглись бы тюремному заключенію или ссмылѣ.

«Надѣюсь, — писалъ Робертъ Овэнъ въ 1812 году, — что теперь не найдется человѣка, на столько невѣжественнаго, который бы предполагалъ, что человѣческая природа, проявляющаяся въ дитяти нищеты, бѣдности и наклонностей, ведущихъ къ преступленіямъ и наказаніямъ, совсѣмъ не та природа, которая создаетъ поклонника моды, ожидающаго славы отъ ея безумія и произвола. Надѣюсь, что никто не думаетъ, что какой-то неопредѣленный, слѣпой, бессознательный процессъ самой природы, независимо отъ воспитанія, образуетъ чувства и привычки купца, земледѣльца, юриста, духовнаго, военнаго, моряка, частнаго и незаконнаго грабителя общества; не думаемъ, что человѣческая природа различна въ различныхъ обществахъ, напри- мѣръ, въ обществѣ евреевъ, и во всевозможныхъ религіозныхъ сектахъ, существовавшихъ прежде, или существующихъ въ настоящее время. Нѣтъ! человѣческая природа, за исключеніемъ мелкихъ различій, встрѣчающихся во всѣхъ сложныхъ явленіяхъ природы, вездѣ одна и таже. Она, безъ исключеній, повсюду пластична, и съ помощію разумнаго воспитанія можно образовать изъ дѣтей какого угодно сословія, людей совершенно другого класса; можно приучить ихъ считать истиннымъ и добродѣтельнымъ, и даже умирать въ защиту такого образа дѣйствій, который ихъ родители привыкли признавать ложнымъ или порочнымъ, и въ борьбѣ съ которымъ также охотно пожертвовали бы своею жизнью.

«Измѣненіе человѣческаго характера возможно при перемѣнѣ той общественной обстановки, въ которой живетъ человѣкъ. Эта послѣдняя перемѣна должна быть совершена посредствомъ улучшенія матеріальнаго быта массъ и посредствомъ воспитанія новыхъ поколѣній на совершенно новыхъ началахъ» ¹⁾.

Въ производившихся до сихъ поръ уголовныхъ дѣлахъ объ убійствахъ, съ цѣлью грабежа, подсудимыми являлись преимущественно лица необразованнаго класса; эти убійства совершались иногда надъ родственниками и отцами, чтобы ускорить полученіе ожидаемаго на-

¹⁾ Объ образованіи человѣческаго характера. Спб., 1865.

слѣдства. Сколько намъ извѣстно, въ теченіе минувшихъ двухъ лѣтъ въ новыхъ судахъ являлся только одинъ подсудимый, изъ образованнаго класса, виновный въ убійствѣ и грабежѣ. Это былъ—Даниловъ, приговоренный московскимъ окружнымъ судомъ къ лишенію правъ состоянія и каторжнымъ работамъ на 9 лѣтъ.

Изъ дѣлъ этого рода въ одномъ случаѣ, вслѣдствіе ходатайства суда, наказаніе преступника было уменьшено милосердіемъ верховной власти.

Отставной рядовой Герасимъ Прохоровъ, признанный присяжными засѣдателями виновнымъ въ предумышленномъ убійствѣ крестьянина Тихона Васильева, съ цѣлью воспользоваться его лошадьми и санями, 20 мая 1867 года приговоренъ московскимъ окружнымъ судомъ къ снятію съ него медалей, лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжную работу въ крѣпостяхъ на 10 лѣтъ, а по прекращеніи работъ, за истеченіемъ срока или по другимъ причинамъ, къ поселенію въ Сибирь навсегда.

Но, при этомъ вызванные на судебное слѣдствіе, эксперты признали крайнюю степень слабоумія подсудимаго, какъ въ настоящее время, такъ и во время совершенія имъ убійства, вслѣдствіе чего, подсудимый не могъ сознавать ни всей важности содѣяннаго имъ преступленія, ни тяжести слѣдующаго за это наказанія. Кромѣ этого показанія экспертовъ, въ указѣ объ отставкѣ Прохорова сказано, что онъ уволенъ отъ военной службы въ 1864 году по болѣзни и несообразности въ поступкахъ, не уступающей леченію. Поэтому, согласно съ ходатайствомъ окружнаго суда, участь Герасима Прохорова облегчена тѣмъ, что, по снятіи съ него медалей и лишенія всѣхъ правъ состоянія, онъ сосланъ на поселеніе въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири.

На сколько преступленія противъ собственности вызываются крайней нуждой и бѣдственнымъ положеніемъ преступниковъ, это всего болѣе видно изъ производившихся, въ окружныхъ судахъ, дѣлъ о простой кражѣ и кражѣ со взломомъ, совершенныхъ лицами привилегированныхъ сословій, которыя, какъ извѣстно, наказываются за это преступленіе строже—они всегда лишаются принадлежащихъ имъ по состоянію правъ и преимуществъ.

До сихъ поръ намъ извѣстно не болѣе 30-ти случаевъ, въ которыхъ дворяне и чиновники обвинены въ присвоеніи чужого имущества; изъ нихъ, по крайней мѣрѣ, 20 подсудимыхъ сдѣлали кражу на сумму менѣе 50-ти рублей. Такіе преступники, какъ дворянинъ Федоръ Сноксаревъ, виновный въ кражѣ со взломомъ разныхъ съѣстныхъ припасовъ и денегъ 1 руб. 31 коп. ¹⁾, или Петръ Сафоновъ, ви-

¹⁾ Судился въ Устюжскомъ окружномъ судѣ 3 ноября 1867 года и приговоренъ

новный въ кражѣ ночью муки и мѣшеа у крестьянина, всего на 5 рублей ¹⁾, или, наконецъ, коллежскій секретарь Ивановъ, похитившій изъ прихожей комнаты Псковскаго губернскаго правленія пальто и другія вещи и признанный присяжными совершившимъ это преступленіе по крайности и неимѣнію никакихъ средствъ къ пропитанію ²⁾, — совершенно ясно показываютъ тѣ побужденія, изъ которыхъ нерѣдко нарушаются права собственниковъ.

Присяжные, — сами, если не всегда собственники, то, по крайней мѣрѣ, люди болѣе или менѣе обеспеченные, понимаютъ это очень хорошо; ихъ напрасно было бы упрекать, что въ дѣлахъ этого рода обнаруживаютъ излишнюю строгость и боязнь за свои карманы и имущества. Такого упрека наши присяжные не заслуживаютъ. Это доказываютъ самые приговоры ихъ, въ разныхъ мѣстностяхъ и въ различномъ составѣ, въ которыхъ они безъ особыхъ, повидимому, обстоятельствъ, вызывающихъ снисхожденіе къ преступнику, признавали его заслуживающимъ снисхожденія, а иногда даже оправдывали лицъ, обвиняемыхъ въ кражѣ, послѣ собственнаго признанія подсудимыхъ.

По одному дѣлу о кражѣ, судъ призналъ возможнымъ ходатайствовать о пониженіи наказанія, передъ верховной властью.

Вдова коллежскаго секретаря Дарья Никитина, признанная присяжными засѣдателями виновною въ кражѣ бѣлья, оцѣненнаго въ 85 копѣекъ, но по обстоятельствамъ дѣла заслуживающею особаго снисхожденія, петербургскимъ окружнымъ судомъ приговорена къ лишенію всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ ей правъ и преимуществъ и къ заключенію въ тюрьмѣ на 1 мѣсяць. Но такъ какъ стоимость похищеннаго составляла всего лишь 85 копѣекъ, все похищенное возвращено владѣльцу, и Никитина содержалась по этому дѣлу подъ стражею болѣе года, такъ, что срокъ предварительнаго заключенія несравненно превосходилъ тотъ, который ей слѣдовалъ по закону, за совершенное ею преступленіе, то окружный судъ ходатайствовалъ объ облегченіи участи подсудимой. Облегченіе это, по предположенію суда, могло состоять въ томъ, чтобы при приведеніи надъ Дарьею Никитиною приговора въ исполненіе въ отно-

къ лишенію всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ ему правъ и преимуществъ и ссылки на житье въ Тобольскую губернію.

¹⁾ Судился въ Устюжскомъ окружномъ судѣ 19 ноября 1867 года и приговоренъ къ лишенію всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и заключенію въ тюрьмѣ на 1½ мѣсяца.

²⁾ Судился въ псковскомъ окружномъ судѣ 10 іюня 1867 года и приговоренъ къ лишенію всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и заключенію въ тюрьмѣ на 1 мѣсяць.

неніи тюремнаго заключенія, она не была лишена присвоенныхъ ей правъ и преимуществъ. Ходатайствуя о такомъ облегченіи, окружный судъ поступалъ не согласно съ прежней уголовной практикой, по которой кража принадлежала всегда къ преступленіямъ, имѣвшимъ, для лицъ привилегированныхъ сословій, а для дворянъ въ особенности, неминуемымъ послѣдствіемъ лишеніе присвоенныхъ состоянію правъ и преимуществъ. По высочайшему повелѣнію, послѣдовавшему вслѣдствіе ходатайства окружного суда, Никитина освобождена отъ дальнѣйшаго тюремнаго заключенія, но подвергнута лишенію всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ ей правъ и преимуществъ.

Если въ большинствѣ преступленій противъ собственности, посредствомъ похищенія чужого имущества, подсудимыми являлись люди изъ необразованнаго класса и нерѣдко вовлекавшіеся въ преступленіе крайнею нуждою и безвыходнымъ положеніемъ, то этихъ заключеній нельзя вывести изъ проявлявшихся до сихъ поръ дѣлъ о воровствѣ-мошенничествѣ и, преимущественно, о подлогахъ. До сихъ поръ присяжнымъ приходилось судить за подлогъ часто не крестьянъ и нищихъ, а людей принадлежащихъ къ привилегированному сословію и при томъ такихъ, которыхъ не голодъ вовлекалъ въ преступленіе. Быть можетъ это отчасти объясняетъ, почему въ приговорахъ по этимъ дѣламъ присяжные рѣдко выказываютъ такое снисхожденіе къ подсудимому, какое мы до сихъ поръ встрѣчали при другихъ обвиненіяхъ.

Извѣстный въ старыхъ судебныхъ мѣстахъ ходатай по дѣламъ, Александръ Бильбасовъ, признанъ былъ присяжными виновнымъ въ томъ, что получилъ отъ князя Сергѣя Гагарина, черезъ графа Петра Шувалова и повѣреннаго его, Адольфа Дмоховскаго, деньги и документы, на сумму болѣе 30,000 рублей, для передачи ихъ женѣ штабсъ-ротмистра Надеждѣ Кушниковой, но вмѣсто того присвоилъ эти деньги и документы себѣ. При этомъ для того, чтобы получить эти деньги и документы отъ князя Гагарина и графа Шувалова, Бильбасовъ употребилъ подложно составленную отъ имени Кушниковой росписку. За эти преступленія Бильбасовъ, рѣшеніемъ петербургскаго окружнаго суда, приговоренъ къ лишенію особенныхъ правъ состоянія и ссылки на житье въ Томскую губернію ¹⁾.

Отставной маіоръ князь Иванъ Трубецкой (62-хъ лѣтъ), черезъ 20 дней послѣ смерти 80-лѣтней вдовы премьеръ-маіора Авдотьи Евлашевой, представилъ 30 марта 1856 г. въ бронницкій земскій судъ два

¹⁾ Это рѣшеніе суда и присяжныхъ, вслѣдствіе несоблюденія нѣкоторыхъ формъ уголовного судопроизводства, отмѣнено кассационнымъ департаментомъ сената 26 января 1868 года, и Бильбасовъ вновь будетъ судиться по обвиненію его въ мошенничествѣ и подлогѣ, въ другомъ отдѣленіи петербургскаго окружнаго суда.

документа о принятіи отъ него Евлашевою, 10 іюля 1855 года, на сохраненіе полуимперіаловъ на 8,240 р. и кредитныхъ билетовъ на 12,000 руб. Въ этихъ сохранныхъ роспискахъ значилось, что по просьбѣ Евлашевой онѣ писаны коллежскимъ регистраторомъ Васи́ліемъ Косидоровымъ, и послѣ его подписи слѣдовала подпись Евлашевой и свидѣтелей Конобровскаго и Цвѣтнева. Черезъ три дня Трубецкой взялъ изъ земскаго суда эти росписки назадъ, а мѣсяца два спустя объявилъ, что эти росписки имъ потеряны въ Москвѣ. Въ декабрѣ же 1856 года, Трубецкой вновь представилъ ко взыскаію двѣ росписки Евлашевой, такого же содержанія, какъ и прежнія, но только съ другимъ числомъ, не 10 іюля, а 2 іюля 1856 года и безъ подписей писавшаго ихъ и свидѣтелей. При этомъ въ поданномъ прошеніи Трубецкой заявилъ, что потеряныя имъ росписки Евлашевой отъ 10 іюля были писаны вмѣсто росписокъ отъ 2 іюля, и что эти послѣднія росписки должны бы считаться не дѣйствительными, еслибы онъ не затерялъ первыя. Долго розыскивали черезъ публикаціи гг. Косидорова, Конобровскаго и Цвѣтнева, но нигдѣ ихъ не нашлось. А между тѣмъ дѣло о взыскаіи Трубецкимъ съ наслѣдниковъ Евлашевой все танулось, и только десять лѣтъ послѣ того, какъ оно началось, указомъ сената 1866 года дѣло это обращено къ уголовному производству, вслѣдствіе заявленія наслѣдницею Евлашевой о подлогѣ представленныхъ Трубецкимъ росписокъ. Въ новыхъ судахъ дѣло пошло быстрѣе. Вызванные къ судебному слѣдователю эксперты, сличавшіе почеркъ на сохранныхъ роспискахъ съ почеркомъ Трубецкого, нашли что оба почерка схожи. Тогда Трубецкой заявилъ, что вслѣдствіе болѣзни память у него слаба, но что онъ припомнилъ о томъ, что дѣйствительно сохранныя росписки писаны имъ, Трубецкимъ, но по просьбѣ Евлашевой. Затѣмъ 4 декабря 1867 года, князь Трубецкой обвинялся въ московскомъ окружномъ судѣ за поддѣлку двухъ сохранныхъ росписокъ и представленіе ихъ ко взыскаію. На судебномъ слѣдствіи новые эксперты показали, что подпись Евлашевой на сохранныхъ роспискахъ сходна съ другими, несомнѣнными ея подписями. Но свидѣтели, люди служившіе у Евлашевой, показали, что они не слышали никогда, чтобы Косидоровъ, Конобровскій и Цвѣтневъ были у Евлашевой; а Трубецкого она чуждалась до того, что приказывала запираеть окна и говорить, что она больна, при приближенія его экипажа. Присяжные, въ составѣ 6 чиновниковъ и 6 кушцовъ не признали князя Трубецкого виновнымъ въ поддѣлкѣ сохранныхъ росписокъ, но—въ представленіи ко взыскаію поддѣльныхъ росписокъ, зная, что подписи на нихъ поддѣланы. За это судъ приговорилъ князя Ивана Трубецкого къ лишенію всѣхъ особенныхъ правъ состоянія и ссылкѣ на житье въ Тобольскую губернію.

27 іюня 1867 года, въ петербургскомъ окружномъ судѣ судился домашній учитель дворянинъ Мпханлъ Прудниковъ, 40 лѣтъ, за подлогъ. Средства къ жизни подсудимаго были скудныя — онъ жилъ уроками итальянскаго языка и литературнымъ трудомъ, состоявшимъ между прочимъ въ писаніи политическихъ брошюръ, изъ которыхъ защитникъ его просилъ обратить вниманіе на двѣ: «Чего хочетъ Польша» и «Польскій катихизисъ», написанныя въ 1863 году. Кромѣ того Прудниковъ поднесъ Государю Императору стихотвореніе къ портрету Его Величества, за которое ему объявлена высочайшая благодарность, и императрицѣ программу своего сочиненія о расколѣ. Подлогъ Прудникова заключался въ томъ, что онъ въ 1863 же году приготовилъ книгу, выданную будто бы женой тайнаго совѣтника Ольгѣ Федоровнѣ Голицыной для записыванія пожертвованій въ пользу вдовъ и сиротъ офицеровъ и солдатъ, убитыхъ при усмирении польскихъ мятежниковъ въ царствѣ польскомъ; въ книгѣ этой онъ подписался за петербургскаго предводителя дворянства графа Шувалова, его секретаря Арцымовича и приложилъ печать. Съ этою книгою Прудниковъ ходилъ по Петербургу и собиралъ въ свою пользу деньги; всего имъ было уже собрано 650 рублей, когда онъ попался полиціи 4 декабря 1863 года.

Присяжные засѣдатели (въ составѣ 4 дворянъ, 2 купцовъ, 5 мѣщанъ и 1 крестьянина) признали Прудникова виновнымъ въ составленіи подложной книги для записыванія пожертвованій и въ выманиваніи, подъ видомъ благотворительныхъ приношеній, въ свою пользу, денегъ, но совершившимъ это преступленіе по крайности и неимѣнію никакихъ средствъ къ пропитанію и работѣ. За это преступленіе Прудниковъ приговоренъ судомъ къ лишенію всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и къ ссылке на житье въ губернію Томскую или Тобольскую.

Но при этомъ окружной судъ, какъ сказано въ приговорѣ, «принимая во вниманіе: а) полное раскаяніе и чистосердечное сознаніе, высказанныя подсудимымъ во все время производства о немъ дѣла; б) вполнѣ подтвердившуюся при предварительномъ слѣдствіи актомъ осмотра, занимаемой подсудимымъ квартиры, а на судебномъ слѣдствіи присяжнымъ свидѣтельскимъ показаніемъ, крайнюю бѣдность подсудимаго, которая и вовлекла его въ совершенныя имъ преступленія; в) официально объявленную подсудимому въ 1866 году высочайшую благодарность за поднесеніе на высочайшее Его Императорскаго Величества имя литературнаго произведенія; г) милостивый отзывъ Государыни Императрицы о представленномъ въ 1857 году, на благосклонное возрѣніе Ея Императорскаго Величества, учено-литературномъ трудѣ подсудимаго; д) что со времени совершенія Прудниковымъ преступленія протекло 3½ года и онъ дважды содержался по этому

дѣлу подъ стражею; е) что послѣ освобожденія его въ 1864 году изъ-подъ стражи, какъ выше сказано, онъ удостоился получить высочайшую благодарность, и, кромѣ того, по засвидѣтельствованію митрополита Месопотамскаго Макарія, у коего Прудниковъ находился домашнимъ секретаремъ, при отличномъ поведеніи и ревностномъ исполненіи возлагаемыхъ на него порученій, много содѣйствовалъ его высокопреосвященству къ устройству во вѣренной ему метрополиі училищъ; ж) что такимъ образомъ раскаяніе Прудникова представляется истиннымъ, и поступками своими онъ доказалъ свое исправленіе», — признавъ справедливымъ ходатайствовать передъ Императорскимъ Величествомъ о смягченіи участи Михаила Прудникова тѣмъ, что, вмѣсто слѣдующаго ему по закону наказанія, сдѣлать ему отъ суда внушеніе».

Это ходатайство суда высочайше уважено 12 октября 1867 года, при чемъ вмѣнено Прудникову въ наказаніе время, проведенное имъ подъ стражею во время производства о немъ дѣла. Внушеніе отъ суда сдѣлано Прудникову въ публичномъ засѣданіи, 3 ноября 1867 года.

Мы далѣе не будемъ продолжать обзора различныхъ преступленій, противъ частныхъ лицъ и ихъ имуществъ, разсматривавшихся въ новомъ уголовномъ судѣ, такъ какъ уже и въ рассказанныхъ до сихъ поръ дѣлахъ довольно отчетливо обрисовались судьи и присяжные, ихъ рѣшенія и приговоры.

Мы не станемъ спѣшить различными выводами изъ этого обзора, такъ какъ двухлѣтняя уголовная практика слишкомъ коротка, чтобы представлять довольно данныхъ для общихъ заключеній. Да и не это имѣли мы цѣлью въ началѣ обзорѣнія. Мы хотѣли только показать нашему обществу различныхъ подсудимыхъ и нѣкоторыя изъ преступленій, которыя оно порождаетъ, привести тѣ приговоры, которое оно само произноситъ надъ подсудимыми, въ лицѣ присяжныхъ засѣдателей. Приговоры эти, по нашему убѣжденію, могутъ слѣжить отвѣтомъ какъ тѣмъ, кто обвинялъ нашъ судъ присяжныхъ въ какомъ-то трусливомъ обереганіи собственности, такъ и тѣмъ, кто хотѣлъ видѣть, въ этихъ приговорахъ, опасность для существующаго порядка.

Но нашъ обзоръ былъ бы неполонъ, если бы мы не упомянули, въ заключеніе, о томъ впечатлѣніи, которое выносятъ сами присяжные изъ суда, и преимущественно изъ дѣлъ о нарушеніи правъ собственности. Уже теперь, послѣ двухлѣтнаго опыта, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ присяжные засѣдатели увидѣли, что еще не все ими сдѣлано произнесеніемъ обвинительнаго или оправдательнаго приговора, и что со стороны обезпеченнаго въ своихъ нуждахъ общества, нужна еще

и другая дѣятельность. Присяжные уже имѣли время убѣдиться въ томъ, что какъ ни важно произнесеніе надъ виновнымъ — осудительнаго, и надъ невиннымъ — оправдательнаго приговора, но еще важнѣе не бросать подсудимыхъ, обвиненныхъ и оправданныхъ, на произволь судьбы, а ввести ихъ въ среду людей нравственно свободныхъ, вырвать изъ той жизненной обстановки, которая явилась для нихъ источникомъ преступленія, и съ неотразимою, для нихъ собственными средствами, силою втянуть ихъ снова, приведетъ въ тюрьму и посадить на скамью подсудимыхъ.

Съ этою цѣлью, присяжные засѣдатели города Петербурга, уже заявили, какъ мы слышали, въ нѣсколькихъ сессіяхъ окружнаго суда, свое желаніе устроить рядомъ съ судомъ другое учрежденіе, имѣющее цѣлью принять на себя попеченіе надъ тѣми, изъ бывшихъ подсудимыхъ, которые или оправданы, или выдержали заключеніе по судебному приговору, и отъ которыхъ общество отворачивается въ то именно время, когда они въ немъ всего болѣе нуждаются. Слышно было также, что на устройство такого попечительства готовятся пожертвованія по мѣрѣ возможности и средствъ каждаго.

Многіе скажутъ, что эта мѣра палліативная, что она не улучшитъ матеріальнаго быта массы, что она не пресѣчетъ въ корнѣ источника преступленія, — матеріальную и умственную нищету. Все это, конечно, справедливо, и спорить противъ этого нельзя.

Но нельзя также не признать, что тамъ, гдѣ дѣло идетъ о спасеніи людей, лучше сдѣлать хоть что нибудь, нежели ничего.

В. И.

ЕЖЕМЪСЯЧНАЯ ХРОНИКА.

1-го марта, 1868.

Промышленное развитіе силъ какого бы то ни было народа есть результатъ распространенія въ немъ знаній, образованности. Но насъ стараются въкоторыя увѣрить, что знаніе и образованность не одно и то же, что реальныя гимназіи могутъ сообщить массу знаній, но не образованность, что классическія гимназіи даютъ именно образованность, которая не можетъ быть достигнута въ реальныхъ гимназіяхъ. Развивая подобную тему до конца, «Московскія Вѣдомости» дошли надняхъ сами, въ одной изъ своихъ передовыхъ статей, до того, до чего, по ихъ мнѣнію, дошли защитники реального образованія. «Это было—говорятъ они о послѣднихъ—возмутительное наругательство надъ истинной, это было безсовѣстное искаженіе фактовъ и извращеніе понятій, это была оргія обмановъ». А вотъ, по ихъ мнѣнію, въ чемъ состоитъ истина. Реальная гимназія, —объявляютъ они самымъ категорическимъ образомъ — есть именно то, что «нѣмцы называютъ *Bürgerschule*, т. е. *мѣщанская школа*, или школа для образованія будущихъ ремесленниковъ, будущихъ лавочниковъ» (sic!) и т. п. Не это ли оргія обмановъ? Увѣрить себя и увѣрять другихъ, что у нѣмцевъ образованіе дѣлится по сословіямъ, и что одни дѣти народа воспитываются въ *мѣщанскихъ* школахъ, а другія дѣти того же народа отдаются въ *не-мѣщанскія* школы; подъ послѣдними разумѣются именно классическія гимназіи. Но этимъ не ограничиваются наши классики: открывъ, наконецъ, ту истину, что реальныя школы есть собственно мѣщанскія школы, и потому гимназія не можетъ быть реальная, такъ какъ это повело бы къ названію гимназіи мѣщанскимъ заведеніемъ, «Московскія Вѣдомости» вмѣстѣ съ тѣмъ даютъ точнѣйшее опредѣленіе реальному образованію. «Вмѣсто реального образованія, утверждаютъ они, скажите—образованіе поверхностное, лишенное внутренней силы, образованіе средней руки, предоставленное людямъ не предназначеннымъ себя для высшихъ спеціальностей знанія и обществен-

ной дѣятельности». И такъ, нѣмецкія превосходныя *Bürgerschule*, эти *мѣщанскія* школы, гдѣ господствуетъ реальное образованіе, есть не что иное, какъ заведенія, гдѣ получается «поверхностное образованіе», «образованіе, лишенное внутренней силы», «образованіе людей, которые не могутъ быть послѣ допущены ни до какой общественной дѣятельности»! Но не назовутъ ли такія разсужденія — «возмутительнымъ поругательствомъ надъ истиной», «безсовѣстнымъ искаженіемъ фактовъ и извращеніемъ понятій»?

Мы не коснулись бы этого вопроса классицизма и реализма, если бы въ истекшемъ мѣсяцѣ классики, объяснившіе намъ значеніе реального образованія, какъ образованія мѣщанскаго, не пустили въ ходъ истинно печальный слухъ о томъ, будто бы «новый уставъ нашихъ гимназій и прогимназій подлежитъ въ настоящее время пересмотру». Для успокоенія нашихъ читателей, мы можемъ противопоставить этому «слуху» два факта, опровергающіе его.

Въ первомъ номерѣ (1868) журнала, издаваемого на счетъ министерства народнаго просвѣщенія, мы читаемъ «Извлеченіе изъ всеподданнѣйшаго отчета министра народнаго просвѣщенія за 1866 годъ». Этотъ отчетъ открывается слѣдующимъ основоположеніемъ, которое, повидимому, ограждаетъ насъ отъ упомянутаго слуха: «Смѣю думать, говорить г. министр народнаго просвѣщенія, что при ясно созннанной и указанной правительствомъ системѣ народнаго образованія, главнѣйшая дѣятельность министерства (народнаго просвѣщенія) должна заключаться не столько въ составленіи новыхъ законодательныхъ работъ, сколько въ тщательномъ примѣненіи на дѣлѣ одобренныхъ главныхъ началъ. Къ счастью, менѣе всѣхъ другихъ вѣдомствъ, можетъ министерство народнаго просвѣщенія поставить себѣ преимущественною задачею достигать необходимыхъ улучшеній путемъ законодательнымъ и письменнымъ порядкомъ: вся жизнь его—въ школѣ и на самомъ дѣлѣ, въ лицахъ, которымъ ввѣряются важныя обязанности учителей народа» и т. д. А извѣстно, что послѣдняя система народнаго образованія выражена у насъ въ уставѣ 19 ноября 1864 года, и эта, именно, система признается «ясно созннанною и указанною правительствомъ»; намъ говорятъ весьма компетентные люди, что для министерства народнаго просвѣщенія нѣтъ надобности «въ составленіи новыхъ законодательныхъ работъ». Но вотъ и другой фактъ, опровергающій слухъ о какихъ-то новыхъ законодательныхъ работахъ по министерству народнаго просвѣщенія. Недавно обнародовано высочайшее повелѣніе о преобразованіи учебныхъ заведеній на Кавказѣ и за Кавказомъ, и государственный совѣтъ, по этому поводу, мнѣніемъ положилъ, чтобы новый учебный уставъ на Кавказѣ былъ составленъ, «примѣняясь въ главныхъ началахъ къ общему уставу 19 ноября 1864 года». Если правительство, въ дальнѣйшихъ своихъ реформахъ, требуетъ «примѣненія въ глав-

ныхъ началахъ» къ послѣднему уставу, то слухъ о новомъ колебаніи этого устава едва ли заслуживаетъ вѣроятія. Дѣйствительно, на Кавказѣ теперь утверждено имѣть 6 гимназій: изъ нихъ только одна чисто-классическая (въ Ставрополѣ); три—съ однимъ латинскимъ языкомъ и двѣ — реальныя.

Откуда же могъ, однако, пойти тотъ странный слухъ? Вѣроятно, поводъ къ нему подало другое мѣсто въ томъ же «Отчетѣ» мин. нар. проsv. за 1866 годъ, гдѣ говорится, что получены заключенія попечителей округовъ, «касательно тѣхъ измѣненій, которыя слѣдовало бы произвести въ немъ», т. е. въ уставѣ. Но не смотря на это «слѣдовало бы», мы продолжаемъ вѣрить прежде высказаннымъ началамъ объ излишествѣ «новыхъ законодательныхъ работъ» по мин. нар. проsvщенія, и что *не слѣдуетъ* терять время на новую перестройку, новыя комитеты и т. п.

Тотъ же самый «Отчетъ» успокоиваетъ всѣхъ относительно того взгляда на реальное образованіе, по которому оно является *мѣщанскимъ*, какъ въ «Недорослѣ» Фонъ-Визина обозвана спеціально географія: «Во всѣ предшествующія Вашему Императорскому Величеству царствованія, обращалось почти исключительное вниманіе правительства на высшія и среднія учебныя заведенія; къ образованію же массы народа, для которой высшее и среднее образованіе, говоря вообще, недоступно, приложено было мало заботъ, отчасти потому, что около половины крестьянскаго сословія находилось въ крѣпостномъ правѣ... Я смѣю думать, что отличительная черта просвѣтительнаго царствованія Вашего Императорскаго Величества, по вѣдомству всемиловѣйшаго ввѣреннаго мнѣ министерства, должна состоять въ образованіи народа, Вами, Всемиловѣйшій Государь, освобожденнаго и призваннаго пользоваться благами новыхъ учреждений, вызывающихъ *потребность знанія, для извлеченія изъ нихъ наибольшей пользы*». Могутъ ли говорить такимъ образомъ признающіе необходимость «знанія для извлеченія наибольшей пользы изъ новыхъ учреждений», какими являются именно земскія учрежденія, судебный институтъ,—и въ то же время утверждать, что къ знанію, особенно полезному для земскихъ учреждений и судебного института, относятся исключительно греческій и латинскій языкъ, а лавочники могутъ ограничиться грамотностью? Мы только спрашиваемъ это, и напоминаемъ читателямъ отрывокъ изъ рѣчи Лоу, 11 января, приведенной нами въ послѣдней хроникѣ: «Членамъ палаты общинъ, говоритъ онъ, классическое образованіе можетъ быть нужно для цитатъ, но среднему классу нужны познанія, которыя приучаютъ къ наблюдательности, къ ясному, точному пониманію вещей, къ сужденію на основаніи фактовъ, къ самостоятельной работѣ; классическое образованіе—такъ говорятъ нынѣ въ Англіи — не можетъ дать ничего этого».

Мы должны однако сознаться, что какъ, не смотря на мысль объ излишествѣ новыхъ законодательныхъ работъ, оказалась возможность замѣтить, что все-таки *слѣдовало бы* заняться нѣкоторыми законодательными работами, такъ и по этому вопросу, хотя заботы о народномъ образованіи признаны торжественно славою нашего времени, но, оказывается въ другихъ мѣстахъ «Отчета», что нужно «подвигаться впередъ осторожными, но твердыми шагами». Въ чемъ же должна состоять осторожность, при содѣйствіи правительства успѣхамъ народнаго образованія, и въ чемъ замѣчена неосторожность западныхъ правительствъ? Западные правительства тратятъ огромныя суммы на одни субсидіи по народному образованію; Англія въ теченіе 30-ти лѣтъ издержала 2½ милл. фунт. стерл. на одно приготовленіе учителей, и въ Пруссіи на одинъ этотъ предметъ издерживается *третья* часть всей суммы, отпускаемой на народныя училища. Въ нашемъ министерствѣ народн. просвѣщ. находятъ, что «было бы не рационально (?) и даже практически невозможно слѣдовать этому примѣру». У насъ въ 1866 году, изъ нѣсколькихъ милліоновъ, отпускаемыхъ на министерство народнаго просвѣщенія, было издержано собственно на народное просвѣщеніе 200,000 рубл.; «а въ 1867 г.,—замѣчаютъ въ «Отчетѣ» — и эта сумма должна значительно уменьшиться!» По тому значенію, которое придано въ «Отчетѣ» для нашего времени народному образованію, поставленному выше средняго и высшаго, странно встрѣтиться съ цифрою 200,000 и съ извѣщеніемъ объ уменьшеніи ея. У насъ—говорить «Отчетъ»—«принимая въ соображеніе теперешнія потребности нашего народнаго образованія, едва ли слѣдуетъ, съ цѣлію подвинуть его впередъ, прибѣгать къ тѣмъ способамъ, которые употребляются въ другихъ европейскихъ государствахъ. У насъ, *на первыхъ порахъ*, необходима, кромѣ религіознаго образованія, разумная грамотность, то-есть, отчетливое чтеніе и письмо, и основныя начала счисленія». Но кто можетъ взять на себя смѣлость—мы исключаемъ фельетонистовъ—раздѣлить развитіе народа на первую пору, вторую и т. д., и сказать: «вы, русскіе мужички, вамъ, *на первыхъ порахъ*, довольно читать и писать, а тамъ увидимъ, можно будетъ и еще что набудъ прибавить».

Мы не полагаемъ, чтобы правительство должно было себя обременить всѣми расходами по народному образованію; конечно, можетъ быть есть возможность дешевле администрировать, или во всякомъ случаѣ не дѣлать администрацію дороже самого производства; быть можетъ, найдутъ непомѣрною роскошью издавать журналъ на счетъ министерства и тратить на него чуть не 1/10 часть того, что тратится на образованіе 70 милліоновъ народа, и т. п. Но необходимо для правительства ожидать многого отъ частной предприимчивости и только помогать ей. Между тѣмъ, мы встрѣчаемъ въ «Отчетѣ» ту мысль, что

приготовление учителей для народных школъ — роскошь, а это-то и есть собственно настоящее дѣло. Намъ говорятъ, что — «не существуетъ другого средства разрѣшить столь важную задачу, какъ обратиться къ содѣйствию духовенства, которое стоитъ ближе всѣхъ къ народу» и т. д. Но оно уже давно стоитъ близко къ народу, а результаты таковы, что мы теперь начинаемъ только мечтать, нельзя ли какъ нибудь распространить у насъ хоть грамотность. Земство дѣлаетъ, дѣйствительно, одно попытки къ приготовленію учителей. Какъ отнеслось къ этимъ попыткамъ министерство народнаго просвѣщенія: «Министерство—сказано въ «Отчетѣ»—относится вполнѣ *доброжелательно* къ подобнымъ попыткамъ, и *старается* содѣйствовать имъ». Нельзя вмѣнять доброжелательности въ заслугу себѣ, когда рѣчь идетъ о государственномъ учрежденіи, каково земство; а что касается до *старанія* содѣйствовать ему, то едва ли это стараніе было велико, потому что оно противно убѣжденіямъ министерства, которое положительно выражается, нѣсколько страницъ ниже, что «приготовление учителей для начальныхъ училищъ *не можетъ служить пока предметомъ особой заботы для правительства и земства*». Въ какой же степени можно стараться содѣйствовать земству въ приготовленіи учителей, и въ тоже время про себя думать, что это не можетъ служить предметомъ заботы ни земства, ни правительства? Приходится стараться о томъ, въ бесполезности чего мы убѣждены, и притомъ на основаніи мысли, что у насъ «существуютъ въ наличности готовныя для сего силы». Эти «въ наличности готовныя для сего силы» — уже названы выше; подъ ними разумѣется духовенство. Католичество не страдаетъ упрекомъ въ недостатокъ образованности, а въ какой степени вредно народное образованіе, предоставленное духовенству, даже и образованному, — объяснять эту истину не нужно тому, кто не зараженъ духомъ папизма и католичества. Таково наблюденіе исторіи, котораго нельзя опровергнуть; и мы сами знаемъ кое-что о вредномъ вліяніи на народную образованность духовенства, даже и весьма образованнаго. Бороться съ зломъ клерикальнаго образованія въ одномъ углу, и въ другомъ стоять на клерикальной точкѣ зрѣнія — едва ли безопасно въ будущемъ. Кто читалъ у насъ выше изслѣдованіе А. Н. Попова о доводахъ католическаго духовенства въ пользу необходимости возлагать народное образованіе на духовныхъ, какъ стоящихъ ближе къ народу и его совѣсти, тотъ не очень увлечется подобными же заблужденіями въ другихъ случаяхъ, и скажетъ:

Timeo Danaos, et dona ferentes!

Постоянная недостаточность средствъ у насъ къ народному образованію можетъ почти равняться случайному недостатку нивѣшней зимы къ народному продовольствію. Можно сказать, что въ отношеніи народ-

наго образованія мы испытываемъ также голодъ, если менѣе мучительный физически, то не менѣе опасный. Въ одномъ изъ большихъ центровъ населенія, въ Москвѣ, въ истекшемъ году было отказано въ поступленіи въ гимназію 229 лицамъ!!... Развѣ это нельзя назвать голодомъ? Еще недавно, въ такомъ городѣ, какъ Рязань, цѣлый годъ нельзя было учиться—и чему!—русскому языку, а въ Калугѣ, два года нѣтъ учителя русскаго языка. Въ виду такихъ фактовъ, едва ли придетъ въ голову заботиться о новыхъ законодательныхъ работахъ. Конечно, современное бываетъ результатомъ предъидущаго времени; но г. министръ утверждаетъ, что среднія учебныя заведенія составляли до сихъ поръ исключительное вниманіе правительства; безъ сомнѣнія, это же выражалось и въ тогдашнихъ отчетахъ по министерству народнаго просвѣщенія; но при всемъ томъ мы находимся, какъ будто неожиданно, въ состояніи голода по народному образованію, какъ неожиданно, негаданно, очутились нынѣшній разъ въ состояніи голода по народному продовольствію.

Мы имѣли уже случай говорить о послѣднемъ въ февральской хроникѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ учреждена, по предсѣдательствомъ Государя Наслѣдника, «Коммиссія для доставленія пособій жителямъ Россіи пострадавшимъ отъ неурожая» (высочайшее повелѣніе объ этомъ послѣдовало 23 января), фактъ голода признанъ официально и евфемизмы лишились своего утѣшительнаго дѣйствія даже въ сферѣ самыхъ солидныхъ и осторожныхъ людей.

Официальныя свѣдѣнія о дѣятельности «Коммисіи» показываютъ, что отъ голода пострадали наиболѣе губерніи: Архангельская (вся), Смоленская (вся) и Финляндія, а сверхъ того часть еще девяти губерній, именно: Вологодской, Витебской, Могилевской, Новгородской, Олонецкой, Орловской, Петербургской, Псковской и Тверской. Вотъ какую широкую полосу охватило бѣдствіе! Извѣстія о немъ потекли теперь рѣкой, со всѣхъ концовъ охваченной зломъ огромной мѣстности. Изъ Кемі (Арханг. губ.), въ которой числится всего 1,670 душъ населенія, сообщаютъ, что туда пришло болѣе 1,000 человекъ голодныхъ; понятно, что нельзя же не дѣлиться съ ними хлѣбомъ, независимо даже отъ чувства человѣколюбія, такъ какъ ѣсть подлѣ голоднаго не всегда удобно. Чтобы представить себѣ, до какой степени уже достигло зло, достаточно припомнить, что въ Архангельскѣ еще въ ноябрѣ хлѣбные торговцы продавали послѣдніе остатки запасовъ хлѣба, а въ Финляндіи уже въ то время народъ голодалъ, пробавляясь хлѣбомъ съ различною примѣсью.

Не останавливаясь на отдѣльныхъ фактахъ, возьмемъ итоги:

Въ Финляндіи жителей считается около	. 1 мил. 799 тыс.
» Архангельской губерніи около 284 »
» Смоленской губерніи около 1 » 135 »

Всего . 3 мил. 218 тыс.

Итакъ, въ тѣхъ губерніяхъ, въ которыхъ голодъ признанъ общимъ бѣдствіемъ всѣхъ мѣстностей, находится населеніе слишкомъ въ 3 мил. 118 тыс. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ не сообщено свѣдѣній о томъ, какія именно части остальныхъ 9 губерній страдаютъ отъ голода.

Населеніе 9 исчисленныхъ выше губерній составляетъ слишкомъ 8 мил. 232 тысячи ¹⁾.

Такимъ образомъ, бѣдствіе простирается на губерніи, въ которыхъ числится слишкомъ 11 мил. 350 тыс. душъ. Правда, голодъ въ 9 губерніяхъ не является зломъ повсемѣстнымъ, такъ что нельзя отнести всѣ ихъ восемь милліоновъ населенія къ голодающимъ. Но если мы возьмемъ хоть треть ихъ населенія, то получимъ цифру—2 мил. 744 тыс., которая съ приведеннымъ итогомъ населенія губерній, повально страдающихъ отъ голода, 3 мил. 118 тыс., представитъ цифру—5 мил. 862 тысячи населенія, которое нуждается въ помощи.

Что значить въ сравненіи съ этой цифрой результаты благотворительности, какъ бы усердна и продуктивна она ни была? Что значить 50 к., даже рубль на человѣка въ мѣстностяхъ наиболѣе страдающихъ? Не рубль и не два надо, чтобы прокормить человѣка до осени, давъ ему еще средства засѣять поле.

Говоря такъ, мы не имѣемъ въ виду навѣсть на читателя уныніе. Дѣло въ томъ, что бѣдствію надо смотрѣть прямо въ глаза, какъ всякому врагу, чтобы совладать съ нимъ. Нынѣшній примѣръ особенно наглядно показываетъ, что значить скрывать отъ самихъ себя факты. Замѣтимъ одно, что совершенно напрасно нѣкоторые возложили всю вину на земство, такъ какъ попеченіе о народномъ продовольствіи возложено на обязанность земскихъ учреждений, которымъ сданы и продовольственные капиталы и поручено завѣдываніе запасными магазинами. Мы не видимъ пользы отъ лицемѣрія и умалчиванія фактовъ въ чью-либо пользу. Что не всѣ земства предусмотрѣли неурожай и своевременно приготовились встрѣтить голодъ, это правда. Такъ, напр., тверское земство по крайней мѣрѣ не сообщало свѣдѣній о голодѣ, и потому можно бы пожалуй подумать, что оно и не занималось имъ вовсе. Но мы лишены права выводить такія заключенія, такъ какъ не вся дѣятельность земскихъ учреждений вообще подлежитъ и подвергается гласности. Во всякомъ случаѣ, намъ могутъ указать на нѣсколько извѣстныхъ примѣровъ распорядительности земствъ въ этомъ отношеніи (напр. новгородскаго). При подобнаго рода упрекахъ обыкновенно забывается, когда, въ какомъ видѣ и въ дѣйствительности ли, а не только на бумагѣ, сдано земству все то, что подлежало сдать ему по числовымъ даннымъ; не было ли въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ этомъ отношеніи, нѣкоторыхъ недоумѣній относи-

¹⁾ Изъ числа населенія Петерб. губ. мы при этомъ исключили населеніе столицы.

тельно исправности и бесплодныхъ поисковъ за цифрами, которыя, продолжая царствовать на бумагѣ давно и, конечно, безъ чьей-либо вины, а по запутанности счетовъ, обращались въ мнѣн? Достаточно для того указать, напр., на факты въ отчетѣ бывшей петербургской земской управы относительно продовольственного капитала.

Изъ журнальныхъ постановленій «Коммиссія», видно, что первымъ рѣшеніемъ ея было — собрать отъ начальниковъ губерній, по совѣщанію ихъ съ предводителями дворянства, предсѣдателями земскихъ управъ и «другими могущими быть полезными лицами»; точныхъ свѣдѣній о степени неурожая и нуждахъ населенія. Прежде всего, разумѣется, необходимы вѣрныя и подробныя свѣдѣнія. Впрочемъ, Коммиссія совершенно основательно начала дѣло вспоможенія, не ожидая ихъ, такъ какъ дѣло слишкомъ спѣшно. Нельзя не благодарить «Коммиссію» за то, что, въ противность бюрократическимъ преданіямъ, она, въ число источниковъ для свѣдѣнія, ввела категорію «другихъ могущихъ быть полезными лицъ». Мы утверждали въ послѣдній разъ именно о важности частныхъ свѣдѣній и указали на редакціи, какъ на главные ихъ центры. Намъ не поняли, и возразили намъ невозможностью посылать корреспондентовъ во всѣ концы Россіи. Дѣло не въ посылкѣ корреспондентовъ, а въ живой связи редакціи съ своими читателями, чѣмъ такъ сильны редакціи заграничныхъ газетъ. Сильныя обвиненія на администрацію все-таки отзывались убѣжденіемъ, что не мы-моль виноваты, а она; другими словами: «мы ждемъ всего отъ одной администраціи!»

«Коммиссія» не рѣшилась ограничиться административными свѣдѣніями, любопытный образецъ которыхъ представляетъ «Нижегородскій Сборникъ», изданный оффиціальнымъ статистическимъ комитетомъ. Въ Нижегородской губерніи въ десять лѣтъ воровство увеличилось на 179%, грабежи на 274%, убійства на 56% и поджигательства на 61%. Цифры краснорѣчивыя и, замѣтимъ еще разъ — оффиціальныя. Стоило изслѣдовать такое замѣчательное явленіе, и вотъ, стали собирать свѣдѣнія. Министерство внутреннихъ дѣлъ, лѣтомъ 1864 года, обратило на этотъ предметъ вниманіе мѣстной администраціи. Вслѣдствіе того, нижегородскій губернаторъ предписалъ губернскому правленію «войти въ ближайшее и подробнѣйшее изысканіе дѣла». Изысканіе было поручено одному совѣтнику. Совѣтникъ, какъ человекъ основательный, «прежде всего занялся необходимымъ собраніемъ различныхъ данныхъ за 10 лѣтъ отъ уѣздныхъ судовъ, магистратовъ, полицейскихъ управленій» и проч. Собиралъ эти данныя совѣтникъ, а потомъ умеръ; умеръ уже въ январѣ 1865 года. Тогда, въ мартѣ 1866 года, губернское правленіе препроводило все дѣло къ секретарю статистическаго комитета, прося его о составленіи записки съ мнѣніемъ. Итакъ, дѣло объ изысканіи мѣръ для

возстановленія безопасности края пошло въ статистическій комитетъ». Любопытно при этомъ наблюдать за наблюденіями официальныхъ лицъ. Предводители дворянства, мировые посредники и исправники сказали, что причиной всему — освобожденіе крестьянъ; нѣкоторые мировые посредники приписали умноженіе разбоевъ увеличенію заработковъ (1), развитію пароходства по Волгѣ, и «вообще развитію промышленныхъ силъ губерніи». Духовенство же объяснило увеличеніе воровства и грабежей: «освобожденіемъ крестьянъ, уничтоженіемъ тѣлесныхъ наказаній, расколомъ» и т. п.

Между тѣмъ, ясное сознаніе истинныхъ причинъ голода необходимо, какъ вѣрнѣйшее средство къ предупрежденію подобнаго бѣдствія въ будущемъ. Во всякомъ случаѣ, атмосферическія причины голода относительно не могутъ быть важны. Предъ нами общій фактъ тотъ, что земледѣліе въ Россіи, независимо отъ всякихъ атмосферическихъ явленій, находится далеко не въ блестящемъ положеніи. Но какіе изъ этого слѣдуетъ дѣлать выводы? Есть люди, которымъ по этому поводу приходятъ самыя оригинальныя мысли; иные едва-едва не договариваются до необходимости возстановленія крѣпостного права.

Какъ ни велика была бы общественная благотворительность, но на нее опереться въ настоящемъ случаѣ нельзя. При всей раціональности дѣйствія «Коммиссій» въ Петербургѣ и въ Москвѣ, ихъ средства далеко не равносильны злу. Пруссія представила доказательство необходимости государственныхъ мѣръ въ подобныхъ случаяхъ. Къ этому мы можемъ присоединить и собственный опытъ во время голода у насъ въ 1833 году, когда были поражены бѣдствіемъ весь югъ и нѣсколько сѣверо-западныхъ и среднихъ губерній, однимъ словомъ, пространство съ населеніемъ до 14½ милл. душъ. Наибольше пострадали тогда губерніи: Екатеринославская, Херсонская, Полтавская, Воронежская и Кавказская область. Правительство раздѣлило нуждавшіяся губерніи на классы и примѣнило къ нимъ, по мѣрѣ нужды, цѣлый рядъ энергическихъ мѣръ, а именно: ослабило мѣры взыскапія недоимокъ по 17 губерніямъ и областямъ; сложило пени за недоимки съ помѣщичьихъ имѣній во вторую половину 1834 года по 13 губерніямъ, вывело въ инныя мѣста большую часть войскъ изъ Новороссійской и Полтавской губерній; перенесло закупку провіанта для войскъ въ Остзейскія губерніи; разрѣшило безденежную выдачу паспортовъ; усилило работы по добыванію соли, «до такого количества, на какое можетъ явиться рабочихъ»; отсрочило платежи по займамъ изъ государственныхъ кредитныхъ учрежденій и банковъ подъ залогъ имѣній, съ прощеніемъ процентовъ за время отсрочки; разсрочило казенныхъ долговъ слѣшкомъ на 1 милл. руб.; отсрочило рекрутскій наборъ и народную перепись въ 13 губерніяхъ и областяхъ; возвысило контрактную плату содержателямъ почтъ, плату за продовольствіе рекрутскихъ

партій и командъ; назначило пособие деньгами и хлѣбомъ канцелярскимъ чиновникамъ и писцамъ, служащимъ въ духовныхъ правленіяхъ, сиротамъ духовнаго вѣдомства, отставнымъ солдатамъ и вообще нуждающимся; разрѣшило безпошлинный ввозъ иностраннаго хлѣба, котораго и было привезено около 700 т. четв., но вывоза хлѣба не оставлявало; послало довѣренныхъ лицъ для раздачи 180 т. р. прямо на руки бѣднымъ, наконецъ, что всего важнѣе—назначило сумму 29 милл. 768 слишкомъ тысячъ рублей на покупку хлѣба и денежныхъ ссуды изъ казны, разныхъ мѣстныхъ капиталовъ и заимообразно изъ банковъ. Сверхъ этой суммы были отпущены изъ военныхъ магазиновъ съ возвратомъ и безъ возврата около 57,000 четв. Для собранія свѣдѣній и исполненія мѣръ по оказанію помощи, была основана дѣлая организація, состоявшая изъ особыхъ уѣздныхъ продовольственныхъ комиссій, которыя еще раздѣлялись на попечительства. При закупкахъ хлѣба было принято за правило не дѣлать ихъ вдругъ и въ большихъ размѣрахъ въ одной мѣстности. Операція по закупкѣ огромныхъ партій хлѣба за границу для Петербурга была даже поручена, въ видѣ частнаго предпріятія, торговому дому Штиглицъ и сохранялось въ великой тайнѣ, что операція эта была совершена насчетъ правительства.

Нѣтъ сомнѣнія, что правительство приметъ «противъ нынѣшняго голода или неурожая», — какъ ни называй бѣдствіе, все равно, — мѣры государственныя, при чемъ примѣръ 1833 года будетъ, конечно, у него въ виду. Различіе положенія администраціи въ этомъ отношеніи, въ то время и нынѣ, заключается въ существованіи нынѣ земскихъ учреждений. Но это различіе только для администраціи, а не для государства. Во-первыхъ, земства не могутъ принять ни одной мѣры, зависящей отъ власти законодательной; во-вторыхъ, средства ихъ скудны. Но земства все-таки существуютъ, и этотъ фактъ, не снимая съ государства обязанности принять государственныя мѣры въ облегченію бѣдствія, можетъ значительно облегчить государству примѣненіе ихъ. Довольно уже того, что учрежденная нынѣ комиссія обращается къ земству за свѣдѣніями и предоставляетъ въ распоряженіе земства часть суммъ собранныхъ частной благотворительностью. Намъ кажется, что земство, въ этомъ случаѣ, призвано впервые показать, что сверхъ своего, такъ сказать, воспитательнаго характера и своего постоянного, регулирующаго мѣстное хозяйство дѣйствія, оно можетъ, въ годину испытаній, явиться рычагомъ народнаго самосохраненія. Въ обществѣ и прессѣ уже поднимается вопросъ о займѣ для оказанія дѣйствительной помощи отъ голода. Но заемъ есть только видъ собранія денегъ; на кого же падеть неизбѣжный результатъ займа—налогъ? Въ послѣднее время предлагали налогъ на капитальную ренту, т. е. на проценты, получаемые каждымъ владѣтелемъ разнаго рода государственныхъ бумагъ.

Предлагали, чтобы правительство для продовольствия народа, удержало хотя бы за одинъ годъ 10% изъ всей суммы процентовъ, платимыхъ имъ по внутреннимъ займамъ, что уже съ однихъ выигрышныхъ займовъ дало бы миллионъ рублей. Считая справедливымъ подвергнуть пошлинѣ всю вообще капитальную ренту, говорятъ, что полпроцента съ миллиарда и болѣе бумажныхъ фондовъ государственныхъ и разныхъ обществъ (промышленныхъ) было бы прочнымъ основаніемъ дѣла о помощи. Въ подтвержденіе этой мысли, ссылаются на подать съ доходовъ въ Англіи.

Нельзя не согласиться, что мысль о подобномъ налогѣ на капитальную ренту—обращаетъ во всякомъ случаѣ на себя особое вниманіе. Она тѣмъ особенно практична, что дала бы возможность, установивъ поспѣшно предлагаемый налогъ, отпустить тотчасъ же, съ возвратомъ этимъ путемъ, значительные капиталы на оказаніе пособій въ большихъ размѣрахъ, въ видѣ успленія общественныхъ работъ, и въ видѣ ссудъ. Но внезапный налогъ въ 10% со всего дохода получающихъ проценты слишкомъ великъ; потребовать, наприм., съ капиталиста, получающаго 5,000 руб., ренты—500 руб., и именно только съ капиталиста, значило бы не подвести его подъ общій уровень плательщиковъ податей, а просто взвалить на него одного помощь въ данномъ случаѣ потому только, что съ него легко взять, такъ какъ капиталъ его въ рукахъ правительства, или же можетъ быть извѣстенъ правительству изъ книгъ акціонерныхъ компаній. Сверхъ того, надо имѣть въ виду, что въ отношеніи собственно къ кредиторамъ государства эта мѣра имѣла бы значеніе пониженія ренты на 10%, что, разумѣтся, отозвалось бы и на цѣнности процентныхъ бумагъ, какъ то было вездѣ, гдѣ подобная операція (*réduction de la rente*) была совершена, хотя и по инымъ соображеніямъ, именно вслѣдствіе паденія капитальной ренты вообще въ государствѣ. Но пониженіе государственной ренты съ 4% до 3 или съ 3% до 2 совершалось съ предоставленіемъ рентнерамъ права взять свои вклады обратно.

Такимъ образомъ, налогъ на капитальную ренту, вообще, кажется намъ мѣрою весьма практическою, но правительство, въ отношеніи своихъ обязательствъ, находится здѣсь въ щекотливомъ положеніи. Положимъ, вы — человекъ торговый, и рѣшились пожертвовать сами значительную сумму въ помощь бѣдствующимъ; это — хорошо! но что скажутъ, если въ видѣ вашей собственной жертвы, вы объявите вашимъ кредиторамъ, что заплатите имъ, положимъ, хотя бы только разъ, въ первый ихъ срокъ полученія съ васъ процентовъ, на одну десятую менѣе, чѣмъ слѣдуетъ, въ томъ предположеніи, что они не посѣтуютъ за доставленіе имъ такимъ образомъ участія въ вашей благотворительности? Скажутъ ли они вамъ, какъ сказали палаты прусскому правительству: «Не стѣсняйтесь и этой суммою; понадобится, такъ берите и больше!»

Вотъ въ такихъ-то случаяхъ, въ минуты нужды народной, земства могутъ оказать пользу не только какъ простые исполнители. Право правительства предлагать земствамъ вопросы не ограничено закономъ. Нѣтъ сомнѣнiя, что если бы созвать комитетъ изъ членовъ отъ земства, отъ акціонерныхъ компаній и отъ банковъ, — по той же мысли, по которой призваны въ тарифную комиссію депутаты отъ промышленныхъ сословій, и какъ прызывались депутаты отъ землевладѣльческаго сословія въ редакціонныя комиссіи по крестьянскому дѣлу, и предоставить такому комитету рѣшить вопросъ о чрезвычайномъ налогѣ по случаю голода, то опираясь на рѣшеніе этого комитета, правительству легко было бы узнать, на что именно удобнѣе можетъ пасть налогъ (быть можетъ и нѣсколько видовъ налога); а если бы налогъ палъ на кредиторовъ государства, то щекотливость рѣшенія этого вопроса для одного административнаго пути была бы устранена.

Въ ожиданіи мнѣнiя такого комитета, на чей счетъ и въ какой мѣрѣ отнестъ издержку по случаю голода, правительство теперь же могло бы оказать пособіе изъ своихъ наличныхъ средствъ, или путемъ займа, предоставивъ съ этою цѣлью нѣкоторыя суммы въ распоряженіе именно земствъ (съ обязательствомъ отчетовъ), такъ какъ имъ ближе всего извѣстны мѣстныя нужды, и такъ какъ депутатамъ отъ нихъ пришлось бы потомъ участвовать въ изысканіи средствъ для покрытія этого чрезвычайнаго расхода. Земства, такимъ образомъ, явились бы полезными посредниками между нуждами населенія и средствами, на которыя можно разсчитывать.

Если голодъ представилъ случай наблюдать надъ благотворительностью, какъ народною чертою нашего характера, то мы имѣли въ тоже время возможность замѣтить, что у насъ склонность къ благотворительности не исключаетъ сильнаго развитія въ личныхъ интересахъ на счетъ общественной пользы. Не вездѣ оказывается такое стремленіе одного класса жить въ ущербъ другимъ, и надобно согласиться, что это послѣднее наше свойство приноситъ *постоянно* гораздо болѣе вреда, чѣмъ можетъ принести пользы вся наша склонность къ благотворительности, въ ея *временныхъ* проявленіяхъ. Что значить наша благотворительность въ сравненіи съ вредомъ, о которомъ хлопочутъ наши фабриканты-протекціонисты, отстаивая свои выгоды, и съ насиліемъ здравому смыслу стараюсь доказать, что дань, которую платитъ имъ страна, находится въ интересахъ всей страны. Громадные барыши, реализуемые нашими бумагопрядильщиками — не есть ли это тяжелый налогъ на всю страну, такъ какъ наши хлопчатобумажныя издѣлія преимущественно назначены для внутренняго сбыта? Плата сами за хлопокъ не болѣе 10-ти рублей за пудъ, они употребляютъ на производство пряжи 5-ть рублей, и продаютъ товаръ по 18-ти рублей. Итакъ, съ cadaго пуда они имѣютъ чистаго ба-

рыша по меньшей мѣрѣ 3 рубли. На нѣсколько сотъ пудовъ пряжи, изготовляемой на большой фабригѣ въ день, это представляетъ тройную сумму въ рубляхъ. А между тѣмъ, именно эти фабриканты едва ли не болѣе всѣхъ кричатъ противъ пониженія тарифа, которое и предполагается - то только съ фискальной цѣлью, да всего на 25 процентовъ.

По словамъ нашихъ протекціонистовъ, малѣйшее прикосновеніе къ этимъ громаднымъ барышамъ отзовется прежде всего на рабочихъ; фабрики закроются, рабочимъ нечего будетъ ѣсть. Вотъ къ такого-то рода благотворительности мы еще болѣе способны, чѣмъ къ подаянію.

Возьмемъ другой примѣръ, изъ преній тарифной комисіи: закавказскій край снабжаетъ Россію 150-ю тысячами пудъ керосину, а сѣверныя и западныя губерніи наши потребляютъ его 550-тысячъ пудъ. Между тѣмъ, закавказскіе производители нефти и керосина требуютъ повышенія пошлины на привозную нефть и керосинъ, требуютъ пошлины въ 1 рубль на пудъ очищеннаго керосина. Итакъ, не будучи даже въ состояніи ни добыть все потребное количество этого продукта, ни доставлять его на сѣверъ по громадности разстоянія, они требуютъ, чтобы одна часть Россіи платила возвышенную пошлину съ важнаго предмета потребления для того только, чтобы у нихъ на мѣстѣ возвысилась цѣна его и возрасли ихъ барыши, а другая часть осталась бы совсѣмъ безъ освѣщенія, такъ какъ потребность превышаетъ въ пятеро внутреннее производство. Комиссія не согласилась на это баснословное требованіе и ограничилась пошлиной съ очищеннаго керосина въ 55 коп. Но почему это сдѣлала комиссія? Она сдѣлала это съ фискальною цѣлью; она отказалась дать премію закавказскимъ производителямъ потому только, что это уменьшило бы доходъ государства. Но не ясно ли, что надо же будетъ коснуться вопроса о пересмотрѣ тарифа и съ цѣлью прямо-экономическою, и нельзя не пожалѣть, что дѣло это, по необходимости, снова отложится лѣтъ на десять, если не болѣе.

Изъ журнала тарифной комисіи по 1-му отдѣлу (жизненные припасы) мы видимъ, что она рѣшила совсѣмъ отиѣнить пошлины на хлѣбъ всякаго рода въ зернѣ. Это не составитъ важнаго измѣненія ни въ смыслѣ фискальномъ, такъ какъ весь пошлинный сборъ съ зерноваго хлѣба составлялъ не болѣе 10 т. руб. въ годъ, ни въ смыслѣ шага къ освобожденію отъ ига протекціонизма, такъ какъ ввозный хлѣбъ, конечно, не составляетъ конкуренціи нашему. Но замѣчательно сознаніе самой комисіи, что временная отиѣна пошлинъ съ зерноваго хлѣба, допускавшаяся только въ моменты крайней нужды населенія, не могла предупреждать чрезмѣрнаго вздорожанія хлѣба въ мѣстностяхъ приморскихъ и пограничныхъ.

Какъ образецъ разсужденій нашихъ протекціонистовъ, сошлемся

на мнѣніе, поданное депутатами московскаго мануфактурнаго совѣта и владимірскаго мануфактурнаго комитета, по нѣкоторымъ статьямъ тарифа. Эти депутаты находятъ напр., что предположенное пониженіе пошлины съ привозной горчицы не нужно, такъ какъ оно слишкомъ *незначительно*, а потому, вслѣдствіе его, потребление этого продукта не усилится; да сверхъ того, замѣчаютъ, что привозъ иностранной горчицы и при существующей пошлинѣ значительно *увеличился*. Между тѣмъ, они же доказываютъ, что пошлину съ крѣпкихъ иностранныхъ напитковъ не слѣдуетъ понижать потому, что проектируемое пониженіе слишкомъ *значительно*, и еще потому, что вслѣдствіе его привозъ этихъ продуктовъ (падающій вслѣдствіе внутренней конкуренціи) *не увеличится*; будучи увѣрены въ томъ, что предположенное пониженіе пошлины съ горчицы и крѣпкихъ напитковъ само по себѣ не можетъ усилить ихъ потребления, они между тѣмъ считаютъ необходимымъ напомнить, что необходимо охранять горчичное производство въ Сарептѣ, какъ важную отрасль сельскаго хозяйства, и нашъ хлѣбный спиртъ, который приноситъ акцизный доходъ.

Такъ-то, въ рукахъ нашихъ протекціонистовъ, всякій фактъ обращается въ доводъ, въ защиту ихъ «благотворительности»; бумагопрядильное производство надо поддерживать налогомъ потому именно, что оно сильно развито (участъ тысячъ рабочихъ и т. д.); добываніе нефти необходимо поддерживать именно потому, что оно мало развито (его не хватаетъ и на одинъ южный край); горчицу не трогайте потому, что ввозъ ее и безъ того увеличивается; крѣпкихъ напитковъ не понижайте, потому что они падаютъ; виноградныхъ винъ не впускайте изъ-за границы потому, что у насъ развивается свое винодѣліе.... А не развивается ли у насъ, спросимъ мы, «винодѣліе», т. е. дѣланіе вина, въ тверской губерніи еще болѣе, чѣмъ въ Крыму и на Кавказѣ? Не играетъ ли у насъ, именно благодаря высокой пошлинѣ, недопускающей чистыхъ дешевыхъ сортовъ иностранныхъ винъ, сандалъ—роль винограда? Не служить ли громадное развитіе поддѣлки внутреннихъ винъ, поддѣлки вредной для народнаго здоровья, лучшимъ доказательствомъ, что вмѣсто «очищенія» иностранныхъ винъ чрезмѣрными пошлинами, слѣдовало бы дѣйствительно «очистить» наши вина усиленіемъ конкуренціи для нихъ? Иностранная вина у насъ тоже поддѣлываются самымъ безобразнымъ образомъ, и въ Петербургѣ едва ли можно найти сколько нибудь чистое вино дешевле 1 руб. 50 коп. за бутылку. И чтожь? такъ мы и будемъ продолжать поддерживать это почтенное «винодѣліе» тверской, московской и с.-петербургской губерній высокими налогами?

Быть можетъ протекціонистамъ и эта отрасль отечественной производительности кажется почтенною, потому что она отечественная? Они, пожалуй, и здѣсь готовы забыть, что интересъ потребителей не менѣе «отечественный», и что народное здоровье въ отечествѣ имѣетъ бо-

дѣе правъ на «охраненіе», чѣмъ интересы нашихъ сѣверныхъ «винодѣловъ».

Протекціонисты всегда ссылаются въ подкрѣпленіе своихъ измѣнѣній на Америку. Они даже находятъ, что можно быть протекціонистами и либералами вмѣстѣ, потому что вѣдь вотъ же Соединенные Штаты — республика, стало быть, страна либеральная, а между тѣмъ въ ней существуетъ высокій тарифъ. Этотъ аргументъ прелестенъ по своей наивности. Вѣдь были же Соединенные Штаты республикою, стало быть либеральною страной, и въ то время, когда законы ихъ защищали рабовладѣніе. Что, если бы на этомъ основаніи, кто нибудь изъ противниковъ освобожденія крестьянъ у насъ, сказалъ: «Я могу быть либераломъ и крѣпостникомъ вмѣстѣ; я либераль, но не увлекаюсь безусловными теоріями, не хочу ломать въ силу ихъ родное, выработанное нашею исторіею; взгляните на Соединенные Штаты:—тамъ законъ заботливо охраняетъ родное производство хлопка, основанное на невольничествѣ, а потому охраняетъ и невольничество. Соединенные Штаты — республика, стало-быть либеральная страна, и на что ужъ намъ быть либеральнѣе Соединенныхъ Штатовъ!»

Этотъ либераль-крѣпостникъ говорилъ буквально то же самое, что говорятъ наши либералы-протекціонисты. Ихъ разсужденіе не менѣе наивно. Дѣло въ томъ, что въ законодательствѣ страны могутъ долгое время уживаться принципы совершенно противоположныя; устройство правленія можетъ быть либерально, а социальная организація основана на неравенствѣ, торговое же законодательство на принципѣ олигархіи, монополіи, эксплуатаціи всѣхъ, въ пользу нѣсколькихъ, въ силу фальшиво-понятаго интереса государства. Совсѣмъ другое дѣло въ рациональной теоріи, въ общемъ взглядѣ на начала, благотворныя для общества. Здѣсь предполагается дѣльность, которая недопускаетъ противоположности принциповъ. Либерализмъ есть цѣлая система свободы; но свобода въ общественномъ устройствѣ есть равенство правъ; свобода во всѣхъ отрасляхъ предпріимчивости есть отсутствіе монополіи, вольная конкуренція. Вы можете быть противниками принципа свободы во всей дѣятельности человѣчества, и признавать, что нельзя обойтись безъ вѣчной опеки, регламентаціи всей народной жизни, «покровительства» то «національной обработкѣ хлопка»—въ видѣ невольничества, то «національному земледѣлію»—въ видѣ прикрѣпленія рабочаго къ землѣ, то «національному промышленному труду»—въ видѣ обложенія всего народа податями въ пользу нѣсколькихъ производителей, которые или не хотятъ отказаться отъ громаднѣхъ барышей или взяли за дѣло непригодное при мѣстныхъ условіяхъ—вы вольны думать такъ. Но вы можете имѣть и иной взглядъ на человѣческую дѣятельность, и думать, что свобода—лучшая регламентація во всѣхъ отношеніяхъ потому именно, что естественное взаимно-

дѣйствіе силъ губить только искусственные интересы, а всему здоровому, естественному и потому плодотворному предпріятію служить лучшею опорой... Вы можете избрать то или другое возвращеніе; но выхватывать изъ противоположныхъ системъ части и сопоставлять ихъ произвольно, являться то либералами - рабовладѣльцами, то либералами - протекціонистами, значить обманывать себя самихъ и заслуживать — предполагая искренность — названіе людей *неподумавшихся*.

Замѣтимъ въ заключеніе, что ссылаться на примѣръ Соединенныхъ Штатовъ въ оправданіе протекціонизма, особенно странно теперь, когда въ этой странѣ обнаруживается полный упадокъ и кораблестроительства, и желѣзнаго производства и хлопчато-бумажнаго производства. Примѣръ, по истинѣ, малодоказательный для поддѣрживленія протекціонистской теоріи!

Въ области политики иностранной за послѣднее время обращали на себя особенно вниманіе: вопросъ о мнимыхъ вооруженныхъ шайкахъ на границахъ Молдавіи, переходъ во Францію ганноверскихъ легионеровъ, измѣненія въ англійскомъ кабинетѣ, и пренія во французскомъ законодательномъ корпусѣ по закону о печати.

Вооруженныя шайки въ Румыніи оказались миеомъ; по крайней мѣрѣ никто не могъ указать опредѣленно, въ какомъ именно пунктѣ онѣ находились, и каковъ былъ ихъ составъ. Однако же, подозрѣніе въ ихъ существованіи подало западной дипломатіи поводъ сдѣлать представленія румынскому правительству и вызвало формальное увѣреніе со стороны румынскаго правительства, что такихъ шаекъ вовсе не было, а «если бы онѣ были, то румынское правительство приняло бы противъ нихъ мѣры». Это увѣреніе дано было бухарестскимъ кабинетомъ Франціи. Французскія же оффиціозныя газеты придавали наиболѣе важности слуху о шайкахъ, эксплуатируя его противъ Россіи.

Итакъ, мы видимъ, что положеніе въ восточномъ вопросѣ осталось то же: Россія продолжаетъ, путемъ своего дипломатическаго печатнаго органа, свидѣтельствовать о своемъ миролюбіи, а западная, и особенно французская дипломатія, недовѣрчиво слѣдитъ за самою тѣнью предпріятій, приписываемыхъ Россіи на востокъ, и заботливо располагаетъ свои фигуры для противопоставленія ей «шаха» на каждомъ шагѣ: сперва была, на очереди, Кандія, потомъ сдѣлали ходъ въ Сербіи, наконецъ, повторили его въ Румыніи. Въ виду искренне мирныхъ заявленій нашего правительства и дѣйствительной невѣроятности военныхъ замысловъ со стороны Россіи, при нынѣшнемъ состояніи ея финансовъ, въ этихъ упражненіяхъ французской дипломатіи едва ли не слѣдуетъ видѣть нѣкотораго донкихотства, желанія показать дешевымъ образомъ свое величіе и похвалиться побѣдами надъ соперникомъ, который не борется.

Но въ общемъ положеніи дѣлъ въ Европѣ уже проявилась искра

того коренного несогласія, которое рано или поздно подкпоаетъ коалицію по поводу восточнаго вопроса и дастъ Россіи возможность сдѣлать что нибудь въ пользу турецкихъ христіанъ. Въ послѣдней книжкѣ мы говорили, что дружба Франціи съ Пруссіею не можетъ быть прочною, и что Россія можетъ съ увѣренностью ожидать удобнаго случая двинуть восточный вопросъ хоть на шагъ впередъ. Дѣло о переходѣ ганноверскаго легіона во Францію, дѣло само по себѣ пустое, показало съ тѣхъ поръ, какъ въ самомъ дѣлѣ не прочно было пресловутое сближеніе Франціи съ Пруссіею. Оффиціознымъ французскимъ газетамъ на этотъ разъ пришлось даже опровергать заключеніе союза Пруссіи съ Россіею. Итакъ, «особенная» дружба между Пруссіею и Франціею не выдержала пробы даже одного мѣсяца... Нашъ берлинскій корреспондентъ знакомитъ читателей съ интересами прусской политики и отношеніями берлинскаго кабинета къ вѣнскому и парижскому—подробнѣе, и мы ограничимся въ этомъ случаѣ ссылкой на него.

Измѣненія въ британскомъ кабинетѣ имѣютъ характеръ чисто-случайный: болѣзнь торійскаго премьера графа Дэрби. Давно уже ставили вопросъ о премьерствѣ Дизраэли. Препятствіемъ этой комбинаціи считали только гордость аристократовъ, составляющихъ кабинетъ. Но вопросъ рѣшился наконецъ утвердительно. Четыре герцога, сидящіе въ кабинетѣ, подчинились предводительству неаристократическаго вождя. Кабинетъ не усилится этой переимѣною. Лордъ Дэрби имѣлъ преобладающее вліяніе на палату пэровъ, и несмотря на относительную неважность этого почтеннаго собранія въ нынѣшнемъ политическомъ балансѣ Великобританіи—его надо замѣнить тамъ другимъ leader'омъ. Отсюда необходимость перехода сына его, лорда Стэнли, министра иностранныхъ дѣлъ, въ верхнюю палату. Первый министръ останется leader'омъ общинъ, какъ онъ былъ до сихъ поръ, въ должности канцлера казначейства. Но въ политическомъ мірѣ Англій считается большимъ неудобствомъ отсутствіе, изъ преобладающей въ странѣ палаты общинъ, министра иностранныхъ дѣлъ.

Грустное чувство овладѣваетъ нами, когда намъ приходится быть хотя издали свидѣтелями разработки политическихъ вопросовъ въ современной Франціи. На этой трибунѣ, съ которой нѣкогда бросались въ свѣтъ сѣмена новыхъ идей, съ которой летѣли искры, заживавшія свѣтильничъ свободы въ странахъ самыхъ далекихъ, лепечется теперь азбука общественнаго прогресса; тѣ люди, которые нѣкогда провозглашали послѣднія слова современныхъ стремленій, требуя немедленнаго ихъ прижвненія, должны нынѣ защищать самые первоначальные элементы свободнаго развитія. Дѣятели прежняго, парламентскаго времени являются среди слугъ второй имперіи, какъ тѣни прошлаго, тѣни плачевныя, и потому что люди эти пережили времена свободы, и потому что они являются въ наполеоновской палатѣ, гдѣ нѣкто Шнейдѣръ при-

зываетъ къ порядку Жюль Фавра,—и потому наконецъ, что въ этомъ паденіи Франціи есть доля ея собственной вины. При нынѣшнихъ преніяхъ о положеніи печати, Тьеръ признавался въ своей ошибкѣ стѣсненія печати сентябрьскимъ закономъ 1835 года; но не въ ошибкѣ ему слѣдовало бы признаться, а въ винѣ, въ той деморализаціи, которую онъ и Гизо внесли въ парламентскую жизнь Франціи, въ извращеніи представительнаго правленія, въ замѣнѣ общенароднаго дѣла интересами одного класса, а борьбы идей — интригами личныхъ партій, стрипаньемъ на той кухнѣ, откуда выходили искусственныя коалиціи, пока наконецъ огонь, разведенный для приготовления антиминистерскихъ банкетовъ, не опрокинулъ кастрюлей и не упразднилъ самый вопросъ о томъ, которая изъ нихъ лучше....

Законъ о печати, обсуждающійся въ законодательномъ корпусѣ — результатъ императорскаго письма 19 января прошлаго года. Почему то, что обѣщано въ прошломъ январѣ, теперь еще только обсуждается? Отвѣтъ на этотъ вопросъ объясняетъ вмѣстѣ и тѣ колебанія, ту неувѣренность, которыя замѣчались въ отношеніи правительства и преданнаго ему большинства къ нынѣ обсуждаемому проекту. Г. Персиныи, повѣренному императора, одному изъ авторовъ нынѣшней системы, приписываютъ слова, которыя вполне объясняютъ и письмо 19 января 1867 года, и задержку его исполненія, и нынѣшнія колебанія: «Имперія находится въ такомъ положеніи — сказалъ онъ — что для спасенія ея необходимъ или большой шагъ впередъ или большой шагъ назадъ.»

Который же шагъ избирать? Безвыходность борьбы въ Мексикѣ и торжество Пруссіи указывали на необходимость *увлечь* Францію. Но увлечь Францію можно только впередъ; вотъ и явилось письмо императора 19 января прошлаго года: это былъ шагъ впередъ, къ такъ называемому вѣнчанію зданія. Обѣщано было облегченіе положенія печати, допущеніе политическихъ собраній и т. д. Облегченіе на практикѣ было дано печати фактическою отмѣною предостереженій. Но что, если шагъ впередъ ведетъ къ той пропасти, въ которую брошено было все то, что было лишняго на улицахъ Парижа, на третью ночь послѣ 2 декабря 1851 года? Что если рука, протягиваемая къ примиренію, будетъ сквачена, какъ безоружная? Что если путь утвержденія диктаторства посредствомъ уступокъ свободѣ ведетъ не къ вѣнчанію зданія, а именно къ той пропасти, о которой страшно и вспомнить?

И вотъ, обсужденіе законовъ о печати и правѣ сходовъ откладывается до другой сессіи, а за фактическимъ послабленіемъ прессы слѣдуетъ привлеченіе къ суду десятка главныхъ газетъ....

Но какъ не исполнить императорскаго обѣщанія? Не представить закона о печати нельзя, его и представили. Но въ послушномъ большинствѣ правительство имѣетъ отличную машину, чтобы нейтрализи-

ровать свой порывъ либерализма. Хорошо если лѣвая рука знаетъ, что даетъ правая; но еще удобнѣе, если лѣвою рукою можно отнять то, что даешь правою.

До самаго послѣдняго момента не знали, какая инструкція будетъ дана большинству, и съ какой цѣлью законъ о печати представленъ: для того ли, чтобы онъ былъ утвержденъ, или для того, чтобы онъ былъ отвергнутъ. Наконецъ, государственному министру Руэ, который уже подавалъ въ отставку, удалось успокоить и убѣдить къ послѣдовательности. Руэ самъ откровенно признался (засѣданіе 4 февраля н. с.) въ происходившемъ кризисѣ. Онъ высказалъ убѣжденіе, что сильное правительство никогда не должно отступать предъ исполненіемъ своихъ обѣщаній, и тутъ же увѣрялъ, что правительство не вѣрнѣе въ опасность своего шага; но въ такомъ случаѣ почему же оно хотѣло «отступить»? Какъ бы то ни было, г. Руэ удалось убѣдить императора къ шагу впередъ, и въ тотъ же день императоръ выѣхалъ изъ дворца не въ каретѣ, а верхомъ.

Новый законъ о печати представляетъ, дѣйствительно, важныя для нея облегченія въ сравненіи съ дѣйствовавшимъ до сихъ поръ закономъ 17 февраля 1852 года. Онъ отмѣняетъ необходимость правительственнаго разрѣшенія на изданіе газеты или журнала, систему административной кары посредствомъ предостереженій, понижаетъ штемпельный сборъ съ политическихъ газетъ съ 6 сантимовъ до 5, отмѣняетъ личное заключеніе за проступки по дѣламъ печати. Было бы излишне распространяться о благодѣтельности этихъ облегченій, особенно же того изъ нихъ, которое ставитъ журналиста по отношенію ко взысканіямъ въ общность всѣхъ гражданъ, освобождая его отъ спеціальной юрисдикціи, въ которой одна изъ заинтересованныхъ сторонъ сама изрекаетъ приговоръ надъ другою.

Но законъ этотъ сохраняетъ въ силѣ требованіе залога, возвышаетъ штрафы до огромныхъ суммъ (до половины залога, т. е. до 25 тысячъ франковъ), вводитъ штемпель въ 2 сантима на право печатанія объявленій въ изданіяхъ не-политическихъ, и—главное—предоставляетъ дѣла по проступкамъ печати не суду присяжныхъ, а суду исправительному, наиболѣе зависящему отъ правительства. Остановившись на минуту на этихъ ограниченіяхъ. Требованіе залога съ политическихъ органовъ имѣло значеніе, когда во Франціи система правленія была основана на цензѣ. Если ниущественный цензъ обуславливалъ самое основаніе политической дѣятельности, то онъ могъ существовать и для политическихъ органовъ печати, ограничивая ихъ число, какъ онъ ограничивалъ число избирателей. Но, при системѣ всеобщаго избирательства, требованіе залога утрачиваетъ всякую связь съ политическимъ устройствомъ и является только какъ мѣра предосторожности для осуществленія денежныхъ взысканій. Такимъ об-

равенъ, журналистика и въ этомъ отношеніи ставится внѣ общихъ гражданскихъ правъ. Вѣдь не требуютъ же залога отъ каждаго коммерческаго предпріятія для обезпеченія его солидности, не требуютъ залога отъ сановника, которому поручаются дѣла государства, для обезпеченія взысканія съ него въ случаѣ, если онъ употребитъ во зло оказываемое ему довѣріе.

Неравенство штемпельной подати съ изданій политическихъ и неполитическихъ не имѣетъ рациональнаго основанія. Если подать взимается съ объявленій, то она должна быть равна для всѣхъ изданій, печатающихъ объявленія; если же она взимается (что уже само по себѣ странно) за право заниматься политикою, то съ изданій неполитическихъ ея взимать не слѣдуетъ. Покажемъ, что значить для газетъ во Франціи штемпельный сборъ. «Что платить за свой патентъ самый богатый банкиръ?» спросилъ Гарнье-Пажесъ (засѣданіе 4 февраля). «1,000 франковъ», продолжалъ онъ. «Между тѣмъ, газета, которая печатается въ 10 т. экземплярахъ, платитъ 600 франковъ въ день, то есть 219 тысячъ фр. въ годъ. Газета же, которая печатается въ 40 тысячахъ экземпляровъ—876 тысячъ франковъ. Вотъ, что стоитъ патентъ газеты». Гарнье-Пажесъ напомнилъ далѣе, что въ Пруссіи штемпельный сборъ съ газетъ совсѣмъ будетъ отмѣненъ съ 1869 года.

Объ изъятіи проступковъ по дѣламъ печати отъ суда присяжныхъ говорить нечего. Цѣль этой мѣры слишкомъ понятна, и она есть только одинъ изъ видовъ той системы, которая журналиста ставитъ внѣ гражданского равенства, и отводитъ для него особое мѣсто, впередъ предполагая въ немъ злоумышленника, противъ котораго государство не можетъ быть слишкомъ сильно вооружено.

Общія пренія о новомъ законѣ были отмѣнены молчаніемъ государственнаго министра и краснорѣчивою защитою свободы печати со стороны оппозиціи. Жюль Симонъ сказалъ, что онъ будетъ поддерживать новый законъ, какъ замѣтный шагъ впередъ, хотя самъ убѣжденъ, что печать должна быть безусловно - свободна. Пелльтанъ, въ рѣчи, полной горечи, какъ всегда, разобралъ новый законъ по всѣмъ суставамъ, объявилъ, что онъ предвидитъ столько же осужденій журналистовъ, сколько процессовъ противъ нихъ, что онъ видитъ цѣлую процессію осужденныхъ, которые пройдутъ, не теряя бодрости: Ave Caesar, morituri te salutant!—и заключилъ такимъ напомниманіемъ: «Всѣ правленія сваливали на печать свои неудачи; но спасли ли ихъ мѣры противъ нея? Комитетъ общественной безопасности гильотинировалъ журналистовъ; гдѣ же онъ, этотъ комитетъ? Директорія ихъ смысала; гдѣ директорія? Первая имперія изгоняла ихъ; гдѣ же она сама? Реставрація подвергала ихъ цензурѣ; что осталось съ реставраціей? Печать пережила ихъ всѣ, вѣчно поражаемая, но вѣчно на

ногахъ, идущая впередъ, несмотря на испытанія, роковыми шагами, какъ судьба» (засѣданіе 29 января).

Тьеръ защищалъ свободу печати, какъ свободу мысли. Онъ тоже напомнилъ нынѣшнему правительству, что оно проходитъ чрезъ критическій моментъ: «Для всѣхъ правительствъ — однажды настанетъ рѣшительная минута; всѣ сожалѣли, по очереди, что упустили ее. Исторія смотритъ на насъ: старайтесь, чтобы она не поставила васъ въ ряду тѣхъ, кто упустилъ свой критическій моментъ». Новый министръ внутреннихъ дѣлъ, съ замѣчательною ограниченностью и сухостью, защищалъ законъ. Ж. Фавръ возставалъ противъ стѣсненія печати, между прочимъ привелъ тотъ доводъ, что оно низвело Францію на третестепенное положеніе въ Европѣ (засѣданіе 31-го января). Законъ нашелъ въ министрѣ юстиціи, Барошѣ, болѣе талантливаго и болѣе ловкаго защитника, чѣмъ въ г. Пинарѣ. Онъ первый высказалъ собранію расположеніе правительства соглашаться, по мѣрѣ возможности, съ поправками, которыя будутъ представлены (засѣданіе 1-го февраля).

Мы не станемъ излагать здѣсь всего хода преній. Скажемъ только, что въ засѣданіи 4-го февраля, послѣ рѣчи государственнаго министра, была принята, большинствомъ 215 противъ 7, первая статья закона, заключающая его сущность, именно отмѣну предварительнаго разрѣшенія для изданія журнала или газеты. Мы называемъ это сущностью новаго закона потому, что другое важное постановленіе его — отмѣна административнаго произвола во взисканіяхъ — на дѣлѣ уже не ново, такъ какъ предостереженій, уже почти годъ, не даютъ во Франціи. Малочисленность оппозиціи, вотиновавшей противъ 1-й статьи, тѣмъ болѣе замѣчательна, что послѣ сильныхъ выходовъ служащаго правительству депутата-журналиста Гранбѣ (изъ Кассаньяка) всѣ думали, что законъ, «не велятъ» утвердить, а потому настроеніе всего большинства было положительно враждебно закону. Достаточно было рѣчи министра, чтобы большинство растаяло до цифры *семь*. Это достойные семь — ядро «клуба Аркадской улицы» (черезчуръ преданные слуги).

Большинство однако дало по одному пункту волю своей свирѣпости относительно прессы. Оно возвратило въ комиссію статью закона, отмѣняющую личное задержаніе. Впрочемъ, какъ говорятъ, императоръ самъ расположенъ понизить штемпельный сборъ еще на одинъ или два сантима и провести отмѣну личнаго задержанія. Само собою разумѣется, что большая часть поправокъ представленныхъ либералами, была отвергнута. Сюда принадлежатъ: предоставленіе печати на судъ присяжныхъ, отмѣна запрещенія изгнанникамъ подписывать статьи во французскихъ изданіяхъ, разрѣшеніе свободнаго обсужденія преній

палаты и т. д. Замѣчательно, впрочемъ, что меньшинство, подававшее голосъ за поправки, держалось между цифрами 45 — 60 голосовъ.

Изъ послѣднихъ засѣданій, посвященныхъ преніямъ закона о печати, самое бурное было засѣданіе 24-го (12-го) февраля, происходившее въ годовщину февральской революціи. Крайній ретроградъ, баронъ Жеромъ Давидъ, предсѣдательствовалъ въ этомъ засѣданіи (за болѣзнію президента) и закрылъ его безъ всякой причины, какъ только издатель газеты *Siecle*, Говенъ, хотѣлъ заговорить объ извѣстномъ дѣлѣ Кервегена. Тутъ едва не произошла настоящая схватка, и только загасивъ газъ, могли «очистить» собраніе.

Итакъ, въ нашемъ бѣглому обзорѣ мы возвратились ко дню 24-го февраля 1848 года, тому дню, въ который были опрокинуты кастроли. Мы видѣли, что не только ораторы оппозиціи, но и «страсбургскій и булонскій другъ», герцогъ Персиньи, усматриваетъ въ настоящей минутѣ кризисъ для правительства. Тьеръ подтвердилъ это, а онъ знакомъ съ предвѣстіями. Шагъ назадъ могъ бы обратитъ кризисъ изъ его скрытой формы въ наружное проявленіе. Но вопросъ въ томъ: можетъ ли нынѣшнее правительство рассчитывать на упроченіе иди впередъ; возможно ли забвеніе, возможно ли довѣріе? Все это вопросы, интересные не для одной Франціи, если подумать, что внезапное исчезновеніе нынѣ дѣйствующаго порядка въ этой странѣ не можетъ обойтись безслѣдно для общихъ дѣлъ Европы.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА.

24-го (12-го) февраля.

Въ послѣднее время, во внѣшней политикѣ Пруссіи были два пункта, около которыхъ исключительно вращалось вниманіе здѣшней публики. Ее занималъ, во-первыхъ, *вопросъ* о томъ, какъ отнесутся другъ къ другу въ ближайшемъ будущемъ Пруссія и Австрія, будутъ ли онѣ, въ случаѣ европейской войны, стоять другъ за друга, или другъ противъ друга? Берлинское общество интересовалось также «*Красною книжою*» (то есть, собраніемъ дипломатическихъ документовъ о нѣмецкихъ, римскихъ и восточныхъ дѣлахъ), представленною австрійскимъ правительствомъ своему парламенту и которая, указывая на то, какимъ образомъ *вело* себя это правительство недавно въ своей внѣшней политикѣ, даетъ возможность гадать о томъ, какъ *поведетъ* оно себя въ будущемъ.

Правда, что въ подобныхъ собраніяхъ документовъ и сообщеній, назначенныхъ для обнаруженія, дипломаты не любятъ раскрывать

свои завѣтныя мысли. Изрѣченіе Таллейрана о томъ, что способность говорить дарована человѣку для того, чтобы скрывать свои мысли,—и теперь служить первому заповѣдью дипломатическаго міра, отражаясь въ радугѣ желтыхъ, синихъ и красныхъ книгъ, которыми мы наполняемъ наши бібліотеки изъ желанія поковылять за ходомъ современной исторіи. Дипломаты любятъ подвергать «синія книги» своей редакціи, при томъ случаются многія странныя вещи. Нынѣ почти окончательно успокоившійся, но прежде весьма часто упоминаемый Давидъ Юривартъ, непримиримый противникъ лорда Пальмерстона, котораго онъ открыто называлъ тайнымъ союзникомъ Россіи, находилъ въ свое время столь важныя пропуски и вставки въ синихъ книгахъ, что ихъ нельзя не признать недобросовѣстными. «Красная книга» тоже даетъ очевидныя доказательства своей неполноты, — она совершенно обходитъ, напримѣръ, зальцбургское свиданіе между императорами Наполеономъ III и Францомъ-Иосифомъ. Во время этого свиданія баронъ Бейстъ былъ далеко не въ такомъ миролюбивомъ настроеніи духа, которое онъ столь охотно принимаетъ на себя теперь; къ счастью, графу Андрасси, представителю Венгріи, удалось тогда неоспоримо доказать Наполеону, что для Австріи и Венгріи необходимо сохраненіе мира. Какъ бы то ни было, хотя историческая критика подобныхъ дипломатическихъ изданій должна имѣть въ виду, что ей приходится имѣть дѣло никакъ не съ безусловною истиною, однако эти изданія, благодаря двумъ другимъ обстоятельствамъ, пріобрѣтаютъ все-таки значеніе положительныхъ свѣдѣній. Въ самомъ дѣлѣ, всякая дипломатія, обнародывая подобные документы, имѣетъ въ виду убѣдить общество въ томъ, что она вела свои дѣла умно и въ интересахъ страны, — въ дипломатическихъ изданіяхъ, слѣдовательно, можно замѣтить, съ какой точки зрѣнія, и въ какомъ видѣ желали бы показать дипломаты свой образъ дѣйствій; — это во-первыхъ. Во-вторыхъ и самый искусный дипломатъ нѣтъ-нѣтъ, да и выболтаетъ то, что у него на сердцѣ; пользуясь этимъ обстоятельствомъ, намъ удастся иногда довести его до признанія.

«Красная книга» интересна не только по содержанію, но и по изложенію. Барону Бейсту, изъ-подъ пера котораго выходили важнѣйшіе документы, нельзя не отдать справедливости въ томъ, что писать мы мастера хоть куда, и не будь онъ министромъ, онъ могъ бы быть журналистомъ.

Первая часть «Красной книги» занимается нѣмецкими дѣлами и состоитъ изъ предисловія, въ которомъ излагается сущность того, что напечатано подробно въ дипломатическихъ бумагахъ, и развивается руководящая идея австрійской политики. О стремленіяхъ этой политики предисловіе говоритъ такъ: «Большія пожертвованія, понесенныя Австріею вслѣдствіе событій 1866 года, показали ей, что благо-

получіе ея, какъ въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ, возможно только при твердой рѣшимости преслѣдовать, какъ внутри такъ и извнѣ, политику мира и чистосердечнаго примиренія. Императоръ и всѣ народы его монархіи остались при томъ убѣжденіи, что борьба, которую пришлось предпринять Австріи противъ двухъ могущественныхъ противниковъ, не была ни несправедливою, ни безславною. Но это убѣжденіе свободно отъ всякой мысли о возмездіи, и Австрія, со времени пражскаго мирнаго договора, питаетъ къ Пруссіи и Италіи тѣже миролюбивыя и дружественныя чувства, которыми исполнена она въ своихъ отношеніяхъ со всѣми другими державами.» Это, конечно, благородныя и мудрыя намѣренія. Баронъ Бейстъ полагаетъ, что онъ руководился ими и въ Люксембургскомъ вопросѣ; онъ говоритъ объ этомъ въ другомъ мѣстѣ своего предисловія: «Проектъ присоединенія великаго герцогства люксембургскаго къ Франціи вызвалъ сильныя затрудненія, доходившія въ началѣ апрѣля 1867 года до грознаго несогласія между Франціею и Пруссіею. Хотя потеря историческаго положенія въ Германіи не означаетъ прекращенія всякихъ сочувствій Австріи къ ея прежнимъ сочленамъ по союзу, и хотя въ былыя времена австрійскія войска защищали Люксембургъ противъ Франціи, австрійское правительство не могло все-таки принять сторону Пруссіи въ этомъ спорѣ. Въ дѣлѣ столь далекомъ отъ ея нынѣшнихъ интересовъ, Австрія и не должна была подвергать себя новымъ затрудненіямъ и жертвамъ. Да, со времени разложенія Германіи, положительное международное право уже не представляло никакихъ достаточныхъ основаній для притязаній Пруссіи. Съ другой стороны, правительство императора не желало извлекать своихъ собственныхъ выгодъ изъ войны между Франціею и Пруссіею и заботилось, поэтому, исполнѣ искренно о томъ, чтобы въ умѣ императора Наполеона и французскихъ государственныхъ людей не возникла увѣренность въ содѣйствіи Австріи въ случаѣ войны противъ Пруссіи.» Уже это безпристрастное положеніе, принятое Австріею, должно было, по мнѣнію предисловія «Красной книги», способствовать сохраненію мира, но баронъ Бейстъ пошелъ еще дальше и принялъ на себя посредничество. «Ему (австрійскому правительству) — говоритъ онъ — пришлось при этомъ вооружиться высокою степенью осторожности, ибо оно желало избѣгнуть какъ всякаго давленія на Пруссію, такъ и всякаго подозрѣнія въ томъ, что оно подстрекаетъ Пруссію къ сопротивленію противъ Франціи, съ цѣлью вызвать между ними столкновение». Эта система качанія, признаваемая австрійскимъ государственнымъ канцлеромъ верхомъ дипломатической ловкости, удалась, и усиліямъ барона Бейста слѣдуетъ приписать, по мнѣнію «Красной книги», созваніе лондонской конференціи, которая положила конецъ люксембургской распрѣ. Я не ставлю здѣсь вопроса о томъ, не преувеличиваетъ ли баронъ Бейстъ значе-

ніе своей роли во всемъ этомъ дѣлѣ, и не могли ли Пруссія и Франція придти къ тому же соглашенію и безъ добрыхъ услугъ барона Бейста, руководствуясь просто тѣми фактами, что ни та ни другая изъ нихъ не можетъ рассчитывать на какихъ бы то ни было союзниковъ, и что возможный выигрышъ, ожидаемый отъ данной войны, не находится въ прямомъ соотношеніи съ вѣрнымъ проигрышемъ. Во всякомъ случаѣ, политика подобнаго посредничества дурна уже потому *одному*, что она не приноситъ посреднику ни чьей благодарности, какъ это дѣйствительно случилось и теперь.

Переходя къ разбору самыхъ документовъ съ цѣлью извлечь изъ нихъ все новое и важное въ историческомъ отношеніи, намъ необходимо ихъ пояснять напоминачіемъ объ одновременныхъ событіяхъ и о другихъ, въ различныя времена обнародованныхъ дипломатическихъ актахъ. Всѣхъ молчаливѣе держало себя до сихъ поръ прусское правительство, и нельзя говорить съ полною опредѣлительностью даже о томъ, имѣлъ ли графъ Бисмаркъ какое нибудь серьезное мнѣніе на счетъ войны съ Франціею изъ-за Люксембурга. *Возможность* ея онъ, конечно, сознавалъ и считалъ поэтому необходимымъ поискать союзниковъ на подобный случай. При этомъ онъ осторожно поступалъ къ Австріи—это положительный фактъ, неоспоримо вытекающій изъ обнародованныхъ документовъ,—это важнѣйшій пунктъ всей «Красной книги», имѣющей, быть можетъ, главною цѣлью выставить этотъ фактъ на самомъ видномъ мѣстѣ и тѣмъ посягать начало новой распри между Франціею и Пруссіею.

Первыя положительныя извѣстія о люксембургскомъ дѣлѣ получены въ дипломатическихъ кругахъ въ половинѣ марта мѣсяца, а 22 числа баронъ Бейстъ уже пишетъ объ этомъ предметѣ въ частномъ письмѣ къ князю Меттерниху, австрійскому послу при тюльерійскомъ дворѣ. Онъ говоритъ въ немъ, что обстоятельства въ высшей степени благоприятны для Бисмарка: Люксембургъ принадлежитъ къ таможенному союзу, пруссаки занимаютъ крѣпость,—*beati possidentes!* Во время переговоровъ между кабинетами о судьбѣ народа, признаваемого нѣмецкимъ, Бисмарку легко созвать нѣмецкій патриотизмъ вокругъ прусскаго знамени. Если Франція возбудитъ противъ себя весь нѣмецкій народъ, то это будетъ «*funeste*». Итакъ, первымъ движеніемъ барона Бейста было объявить о томъ, что у Пруссіи есть отличные шансы; этотъ фактъ нужно имѣть въ виду, иначе трудно повяты дальнѣйшее развитіе австрійской политики. Около того же времени въ публику проникли слухи о будто бы совершившейся уже продажѣ великаго герцогства Люксембургъ,—эти слухи возбудили весьма живое движеніе, отразившееся въ прессѣ и потомъ въ сѣверо-германскомъ парламентѣ, гдѣ депутатъ Беннигсенъ сдѣлалъ, 1-го апрѣля, запросъ графу Бисмарку. Беннигсенъ спрашивалъ, извѣстно ли правительству о перего-

ворахъ между Франціею и нидерландскимъ королемъ, и не можетъ ли оно дать парламенту, «всѣ партіи въ которомъ готовы поддержать правительство наисильнѣйшимъ образомъ, для отраженія всякой попытки, оторвать древнюю нѣмецкую область отъ общаго отечества», увѣреніе въ томъ, что «оно рѣшилось, вмѣстѣ съ своими союзниками, обезпечить, не смотря ни на какія опасности, соединеніе великаго герцогства съ остальною Германіею, и въ особенности право Пруссіи содержать свой гарнизонъ въ люксембургской крѣпости!» Беннигсенъ развилъ свой запросъ въ блестящей рѣчи. Бисмаркъ, въ отвѣтъ на нее, сообщилъ палатѣ всѣ дошедшія до него свѣдѣнія о переговорахъ по люксембургскому дѣлу, но не далъ положительнаго отвѣта на вторую часть запроса, потому что выраженія, въ которыхъ сдѣланъ запросъ, «хотя вполне приличны народному представительству, основанному на національной почвѣ»,—не подобаютъ, однако, дипломату до тѣхъ поръ, пока есть какая нибудь возможность удержать международныя отношенія на мирной ногѣ. Поэтому, вмѣсто рѣшительнаго «да» или «нѣтъ», Бисмаркъ сказалъ слѣдующее:— «Союзныя правительства полагаютъ, что ни одна чужеземная держава не станетъ нарушать несомнѣнныя права нѣмецкихъ государствъ и нѣмецкихъ населеній. Они увѣрены, что въ состояніи оберегать подобныя права и защищать ихъ путемъ мирныхъ переговоровъ, не нарушая дружественныхъ отношеній къ сосѣдямъ, сохраняемыхъ Пруссіею до сихъ поръ къ общему удовлетворенію всѣхъ союзныхъ правительствъ». Читая этотъ отвѣтъ въ настоящее время, невозможно понять, какимъ образомъ собраніе пришло отъ него въ восторгъ: Бисмаркъ не сказалъ ничего такого, что могло бы послужить впоследствии орудіемъ укора. Восторгъ этотъ объясняется, по всей вѣроятности, тѣмъ, что собраніе считало права Германіи и Пруссіи на Люксембургъ «несомнѣнными», и было, во всякомъ случаѣ, увѣрено въ томъ, что точно также думаетъ и графъ Бисмаркъ.

Блаженъ кто вѣруеть, тепло тому на свѣтѣ!

Въ первые дни апрѣля мѣсяца, баронъ Бейстъ началъ свою посредническую дѣятельность въ Парижѣ и Берлинѣ. Онъ сдѣлалъ два предложенія: Люксембургъ долженъ или остаться въ рукахъ Голландіи, причемъ прусскія войска обязаны очистить крѣпость, или присоединиться къ Бельгіи, которая отказалась бы за то, въ пользу Франціи, отъ той полосы земли съ мелкими крѣпостями, которыя оставались при Франціи въ 1814 году, но потомъ были отняты отъ нея и отданы Нидерландамъ въ 1815. Замѣчательно, что австрійскіе дипломаты занимались преимущественно этимъ вторымъ предложеніемъ, которое доставляло Франціи нѣкоторое увеличеніе и которое, по увѣреніямъ барона Бейста, было признано графомъ Бисмаркомъ «достой-

ною сдѣлкою». Какъ бы то ни было, императоръ Наполеонъ, потерпѣвъ неудачу въ своемъ первоначальномъ планѣ, не пожелалъ изъ-за ничтожнаго куска земли предстать передъ Европою олицетвореніемъ страсти къ разширенію границъ своего государства и потому отклонилъ это предложеніе. Съ того времени, его единственною цѣлью становится принужденіе пруссаковъ къ очищенію люксембургской крѣпости; для удовлетворенія этого желанія, Наполеонъ рѣшался, повидному, даже на войну. Съ другой стороны, графъ Бисмаркъ не спѣшилъ очищеніемъ. Онъ справился сперва у южно-германскихъ правительствъ, не желаютъ ли они употребить всѣ свои силы на защиту Люксембурга. На этотъ первый вопросъ ему отвѣтили рѣшительнымъ «да». Но когда Бисмаркъ спросилъ ихъ далѣе, готовы ли эти правительства въ военномъ отношеніи, можетъ ли, на примѣръ, Баварія выставить въ поле 80,000 человекъ? ему отвѣчали: «нѣтъ!» Само собою разумѣется, что подобный отвѣтъ значительно ослабилъ поползновеніе Бисмарка довести споръ до крайняго раздраженія. Изъ Мюнхена, между тѣмъ, старались установить союзъ между Австрією и Пруссією. Баварскій посоль при вѣнскомъ дворѣ, баронъ Брай, началъ было, не касаясь прямо животрепещущаго вопроса, объяснять барону Бейсту необходимость сближенія между Германією и Австрією. Южно-германскія государства должны составить между собою по возможности твердый союзъ; этотъ союзъ можетъ соединиться съ сѣверогерманскимъ союзомъ, а оба вмѣстѣ, въ качествѣ новаго германскаго союза, должны войти въ союзныя отношенія съ Австрією. Бейстъ, объясняя эти переговоры въ депешѣ къ Траутманнсдорфу, представителю Австріи въ Мюнхенѣ, не находить «выраженія своему изумленію, что въ Германіи такъ поспѣшно сознали необходимость обратиться къ той самой Австріи, всѣ германскія связи которой были порваны столь рѣшительно, и удаленіе которой изъ германскаго союза было объявлено въ торжественныхъ договорахъ главнымъ условіемъ будущей организаціи Германіи». Бейстъ упрекаетъ посланника по поводу союзныхъ договоровъ, заключенныхъ между южно-германскими правительствами и Пруссією, и заключаетъ вовсе не дипломатическою вѣжливостію, совѣтуя Траутманнсдорфу не поощрять князя Гогенлое къ поступкамъ въ родѣ посредничества 1866 года. Почти невѣроятно, что князь Гогенлое нисколько не смутился передъ этимъ грубымъ отказомъ. Князь послалъ даже — въ половинѣ апрѣля — графа Тауффкирхена сперва въ Берлинъ, гдѣ онъ имѣлъ нѣсколько свиданій съ Бисмаркомъ, и потомъ въ Вѣну, куда графъ явился уже съ нѣкоторыми порученіями и отъ прусскаго министра. Баронъ Бейстъ, между тѣмъ, получилъ уже изъ Берлина кое-какія намеки на то, что Пруссія склонна вступить въ союзъ съ Австрією. Объ этихъ сообщеніяхъ Бейстъ говоритъ въ одной изъ депешъ къ барону Вимпфену, австрій-

скому послу въ Берлинѣ,—депеша эта особенно замѣчательна въ томъ отношеніи, что въ ней разбираются шансы войны между Франціею и Пруссіею вовсе не такъ, какъ въ частномъ письмѣ отъ 22-го марта къ Меттерниху. Бейсть «вполнѣ понимаетъ», что, въ случаѣ войны, Пруссія можетъ внушать могущественное довѣріе «силою и готовностью, одушевленіемъ и превосходнымъ вооруженіемъ своей арміи», но онъ не можетъ не признать важности тѣхъ «соображеній», которыя показываютъ, что война Пруссіи противъ Франціи—дѣло весьма рискованное. Взрывъ до сихъ поръ тщательно подавляемаго недовольства французской націи связанъ съ величайшими политическими и социальными опасностями, и хотя эти опасности общи всей Европѣ, однако, Пруссіи придется въ этомъ случаѣ первой подвергнуться вліяніямъ этой жестокой бури. Рѣшительное преимущество Франціи состоитъ, во-вторыхъ, во флотѣ;—нестьсняемый англійскимъ трезубцемъ, этотъ флотъ окажетъ Франціи небывалую въ прежнія германско-французскія войны услугу и отвлечетъ значительную часть прусскихъ боевыхъ силъ. Эта диверсія воспрепятствуетъ Пруссіи оказать южно-германскимъ государствамъ ту защиту, которая обѣщана имъ по формально заключеннымъ договорамъ. Всѣ эти опасности и неудобства такого рода, что ихъ нельзя предотвратить въ рѣшительную минуту союзомъ съ Россіею». Разобравъ такимъ образомъ всѣ шансы, австрійскій министръ заключаетъ: «Еслибъ мы преслѣдовали политику возмездія противъ Пруссіи, мы должны были бы ощутить нѣкоторое стремленіе скорѣе раздуть опасную искру, чѣмъ затушить ее». Въ той же депешѣ Бейсть объявляетъ, что Пруссіи слѣдовало бы выступить съ положительными предложеніями.

Едва отправили эту депешу въ Берлинъ, какъ графъ Тауффгархенъ появился въ Вѣнѣ. О предметѣ веденныхъ съ нимъ переговоровъ извѣщаетъ Бейсть въ депешѣ къ графу Вимифену, отъ 19 апрѣля. Посредникъ привелъ проектъ такого союза, какіе заключаются обыкновенно между независимыми государствами, и онъ осмѣлился предложить Австріи отъ имени Пруссіи большія выгоды, состоящія въ вѣчной гарантіи нѣмецкихъ и во временной гарантіи не-нѣмецкихъ владѣній Австріи! Бейсть отвѣчалъ на это въ такомъ смыслѣ: Этого недостаточно! А вотъ неудобно ли вамъ уничтожить вполнѣ или отчасти пражскій договоръ и событія войны 1866 года;—если угодно, поговоримъ еще, если нѣтъ—нѣтъ!—На этомъ и покончилась, конечно, попытка достигнуть соглашенія между Австріею и Пруссіею, потому что измѣнить тотъ результатъ войны 1866 года, въ силу котораго Австрія удалена отъ Германіи, и который для Пруссіи гораздо важнѣе присоединенія Ганновера—значило бы, въ глазахъ Бисмарка, совершить надъ собою политическое самоубійство—и притомъ самоубійство постыдное.

Часть дипломатическихъ актовъ «Красной книги» посвящена южно-германскому вопросу. Австрія считаетъ союзные договоры южно-германскихъ государствъ и таможенный парламентъ нарушеніями пражскаго мира, но она не думаетъ ни противорѣчить имъ, ни признать ихъ за нѣчто совершившееся,—она предоставляетъ себѣ такимъ образомъ право найти въ нихъ поводъ къ распрѣ въ какое нибудь время. Но Пруссія, между тѣмъ, раздраженная обнародованіемъ «Красной книги», уже успѣла предупредить Австрію. Позвольте мнѣ теперь, прежде чѣмъ я перейду къ этой новѣйшей фазѣ австро-пруссскихъ препирательствъ, предпослать нѣкоторыя замѣчанія о положеніи Австріи относительно Пруссіи вообще.

Въ недавно появившемся, и уже заслужившемъ всеобщія и справедливыя похвалы, сочиненіи полковника Бланкенбурга о нѣмецкой войнѣ 1866 года (*Der deutsche Krieg im Jahre 1866*), авторъ, развивая свою мысль о характерѣ современныхъ войнъ, приходитъ къ тому заключенію, что войны становятся все болѣе и болѣе народными, то есть такими, въ которыхъ принимаютъ участіе всѣ члены воюющихъ народовъ. На его взглядъ, такъ тому и быть слѣдуетъ. Случилась война, стала война неизбежною въ историческомъ развитіи народа, то ее слѣдуетъ вести серьезно, чтобы побѣда или пораженіе порѣшили спорный вопросъ на многія поколѣнія. Войны, какъ искусство для искусства, изъ-за военной чести, изъ неопредѣленныхъ симпатій и антипатій, или изъ-за прихоти государей и жажды къ славлъ, — такія войны стали почти невозможными, и возможность ихъ слабѣетъ все болѣе и болѣе. Въ народной войнѣ, какъ понимаетъ ее Бланкенбургъ, дѣло идетъ объ окончательномъ уничтоженіи одной изъ воюющихъ сторонъ, объ истребленіи его враждебныхъ силъ на долгое время. Не всѣ войны послѣдняго полулѣтка подходятъ подъ это опредѣленіе народной войны. Многія предпринимались въ этомъ смыслѣ, но не доведены до своего окончательнаго результата. Мирные договоры, слѣдующіе за такими недоконченными войнами, никогда не бывають продолжительными, и вмѣсто одной войны въ этихъ случаяхъ наступаетъ нерѣдко цѣлая военная эра, которая продолжается до тѣхъ поръ, пока не удовлетворятся потребности современной эпохи. Такою, не во-время прерванною войною, была итальянская 1859 года; такою же является и австро-прусская война 1866 года. Многіе предавались по этому поводу многимъ иллюзіямъ въ миролюбивомъ духѣ, но всѣхъ меньше графъ Бисмаркъ. Въ настоящее время мы знаемъ, что въ тѣ жаркіе іюльскіе дни заставило Пруссію отказаться отъ продолженія своихъ побѣдъ, и отъ водруженія прусскаго знамени на башняхъ Вѣны и Пешта. Бисмаркъ высказалъ это недавно въ частномъ разговорѣ съ генераломъ Шурцомъ, бывшимъ прусскимъ революціонеромъ и освободителемъ Кинкеля, возвратившимся изъ Америки посѣтить

свою родину. «Не французы заставили заключить миръ — сказалъ графъ — а холера». Справедливости этого объясненія нельзя не повѣрить, потому что, кто могъ опредѣлить, какое опустошеніе произведетъ эта зараза въ рядахъ войска, уже измученнаго длиннымъ походомъ. Съ пруссаками могло случиться тоже самое, что было во время крымской компаніи съ войсками генерала Эспинасса въ Добруджѣ; — взята на себя подобную отвѣтственность не рѣшился ни одинъ прусскій государственный человѣкъ. Съ тою арміею Пруссія лишилась бы своей главной силы, потому что Пруссія, какъ страна всеобщей обязательной службы, можетъ пополнять свою армію не иначе, какъ съ величайшимъ трудомъ. Во всякомъ случаѣ, война осталась неоконченною и прерванною, и этотъ перерывъ есть только отсрочка. Когда императоръ Францъ-Иосифъ назначилъ своимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ барона Бейста, то въ Пруссіи, Германіи и, можно сказать, по всему міру всѣ заговорили въ одинъ голосъ: это политика возмездія противъ Пруссіи! Бейстъ поспѣшилъ, конечно, объявить это общее мнѣніе грубою клеветою, и многіе люди, отличающіеся несправлимымъ добродушіемъ, — ихъ особенно много въ Германіи — клянутся съ тѣхъ поръ и богомъ и маммономъ, что баронъ Бейстъ успѣетъ, путемъ христіанской любви, примирить зло съ добромъ. Но развѣ возможно, развѣ сообразно съ человѣческою природою, чтобы Бейстъ, бывший въ продолженіи всей своей политической карьеры вѣчнымъ антиподомъ Пруссіи и питающій ненависть къ Бисмарку какъ къ своему счастливому сопернику, — чтобы онъ отказался отъ мысли о томъ, какъ бы поскорѣе и получше восторжествовать надъ своими врагами. Между обоими правительствами господствуетъ, не смотря на дружественныя завѣренія и на случающіяся иногда проявленія доброй воли, глубокое взаимное недовѣріе, и оба они имѣютъ основаніе не довѣрять другъ другу. Будемъ справедливы. Союзъ съ Пруссіею во время шлезвигъ-гольштейнской войны принесъ Австріи только разочарованіе, главнымъ образомъ, впрочемъ, по винѣ до невѣроятности неспособныхъ австрійскихъ государственныхъ людей, — и Австрія имѣетъ, по этому, полное право жаловаться на Пруссію. Но это преимущество омрачено интригами Австріи въ германскомъ сеймѣ и не разъ высказавшимся намѣреніемъ унижить Пруссію. Но и съ удаленіемъ этой причины взаимнаго неудовольствія, одна мысль о Венгріи въ состояніи исполнить Австрію величайшимъ недовѣріемъ къ Пруссіи. Во время войны 1866 года, Пруссія пустила тысячи тонкихъ нитей въ Венгрію, чтобы имѣть тамъ кое-какую опору на всякій случай. Венгрія была тогда исполнена ненавистью къ Австріи. При неожиданно быстромъ окончаніи войны, венгерскій легионъ, формировавшійся въ Пруссіи подъ руководствомъ Клапки, въ дѣйствіе не пошелъ. Въ прошломъ году въ публику попало Богъ-знаетъ какимъ путемъ извѣщеніе прус-

скаго посла въ Вѣнѣ, барона Вертера, о томъ, что Венгрія видитъ въ Пруссіи своего естественнаго друга. Самый фактъ извѣщенія былъ, правда, отвергнутъ прусскою официальною газетою, но въ Австріи знали, вѣроятно, въ чемъ дѣло. Баронъ Вертеръ сталъ съ тѣхъ поръ лицомъ крайне непріятнымъ вѣнскому двору, и хотя австрійское правительство не потребовало прямо отозванія его, однако берлинскій кабинетъ не разъ уже получалъ намеки въ этомъ смыслѣ. Теперь между Австріею и Венгріею уже восстановлены добрыя отношенія, и Венгрія задобрена, но вѣра въ продолжительность этой дружбы слишкомъ слаба даже въ самой Австріи, и не одни фанатическіе центристы только опасаются въ настоящее время, что имъ скоро придется снова выступить противъ Венгріи.

Долго накопывшееся недовольство разразилось съ прусской стороны страшнымъ взрывомъ. Даже, въ послѣднее время, когда при новомъ дислейтанскомъ министерствѣ, либеральные элементы котораго, въ родѣ Бергера, Гербста, Гискры (который, будучи бургомистромъ въ городѣ Брюннѣ, успѣлъ, во время пребыванія тамъ прусскихъ войскъ, заслужить своимъ благоразуміемъ, безстрашіемъ и вѣрнопопданностью, какъ милость короля и дружественное уваженіе Бисмарка, такъ и благодарность и признательность императора), не общали ничего враждебнаго противъ Пруссіи и какъ бы служили доказательствомъ тому, что отношенія между Пруссіею и Австріею должны улучшиться въ будущемъ, — даже теперь внезапное покровительство, оказанное австрійскимъ кабинетомъ ганноверскому иностранному легіону (который получилъ австрійскіе паспорта для отправления во Францію) вызвало здѣсь обильный потокъ самыхъ жестокихъ обвиненій и жалобъ на Австрію, и въ особенности на барона Бейста. Такъ называемый ганноверскій легіонъ, или австро-ганноверскій, какъ любятъ называть его здѣшнія офиціозныя газеты по весьма легко-объяснимой причинѣ, состоитъ изъ такихъ ганноверцевъ, которые, не пожелавъ отправлять прусскую военную службу, бѣжали за границу. Съ самаго начала они получили тамъ весьма значительныя субсидіи, источникомъ которыхъ служить Гитцингъ, — есть даже доказательство тому, что многіе изъ этихъ ганноверцевъ пустились въ бѣгство вслѣдствіе особыхъ заманчивыхъ предложеній. Въ настоящее время легіонъ состоитъ изъ 700 человѣкъ, — сначала онъ пребывалъ въ Нидерландахъ, потомъ въ Швейцаріи, и перешелъ теперь во Францію, гдѣ и размѣщенъ по квартирамъ; однако, до сихъ поръ еще не вполне дознано, удалены ли офицеры отъ солдатъ, то есть, уничтожена ли военная организація легіона. Семьсотъ человѣкъ, впрочемъ, неопасны для Пруссіи, — но они все-таки угроза, они служатъ представителями надеждъ на возвращеніе прежняго порядка въ Ганноверѣ. Для французовъ эти ганноверцы являются живымъ свидѣтельствомъ недовольства присоединенныхъ къ

Пруссія земель настоящимъ положеніемъ Германіи. Это — нравственное оружіе, которымъ можно отлично воспользоваться въ случаѣ войны. Прусское правительство не можетъ не сознаться въ томъ, что оно само много виновато въ этомъ обстоятельствѣ, потому что дало королю Георгу значительныя денежныя средства, пользуясь которыми, онъ ведетъ на всѣхъ пунктахъ безкровную войну противъ Пруссіи. Такъ, на прусскія деньги содержится газета «La Situation», которая имѣетъ въ виду говорить французамъ на всѣ голоса, что угнетенная Германія ждетъ ихъ, какъ своихъ избавителей; на прусскія деньги снова возжигается въ Ганноверѣ уже успокоившаяся, какъ казалось, страсть къ демонстраціямъ; на прусскія деньги нанятъ былъ экстренный поѣздъ въ Гитцингъ для праздновація серебряной свадьбы ганноверской королевской четы; — наконецъ, кто знаетъ, какими еще другими путями истрачиваются прусскія деньги! Графъ Бисмаркъ сочинилъ на своемъ вѣку много гениальныхъ выраженій, но въ его словахъ, произнесенныхъ во время парламентскихъ преній по поводу закона о вознагражденіи низверженныхъ государей, слышится только парадоксъ, будто только бѣдные претенденты могутъ быть опасными; въ несостоятельности этого парадокса Бисмаркъ имѣетъ теперь случай убѣдиться на самомъ дѣлѣ. Я, впрочемъ, не думаю доказывать, что происки ганноверскаго короля опасны, — во всякомъ случаѣ они неприятны. Само правительство почти не чувствовало, въ какое дурное положеніе ставить оно самого себя, потому что, терпѣливо допуская столь открытое посяганіе надъ своими правами, оно лишается уваженія людей, принимающихъ эту терпимость за слабость. Г. Гейдтъ, министръ финансовъ, заявилъ уже въ палатѣ господъ, отъ имени правительства, что если махинація короля Георга не прекратится, и если онъ не перестанетъ злоупотреблять своимъ пребываніемъ въ Гитцингѣ, то правительство наложитъ секвестръ на всѣ его имѣнія и не выдастъ ему ни одного талера ренты до тѣхъ поръ, пока не будетъ честнаго исполненія договора и съ его стороны. Въ тотъ же день король Георгъ подвергъ испытанію справедливость и серьезность этого заявленія, — онъ объявилъ пріѣхавшимъ въ Гитцингъ ганноверцамъ, что онъ увѣренъ, что вернется въ Ганноверъ свободнымъ королемъ и, быть можетъ, подобно своимъ предкамъ, въ болѣе широкій Ганноверъ. До сихъ поръ неизвѣстно, дѣлало ли прусское правительство, по поводу этой рѣчи, какія-нибудь представленія въ Вѣнѣ, гдѣ она и безъ того произвела весьма дурное впечатлѣніе. Объясненіе, конечно, найдется, и въ этомъ случаѣ прибѣгнуть, по всей вѣроятности, къ какой-нибудь тонкости. Въ тотъ самый день, когда король Георгъ произнесъ свою рѣчь, палата господъ еще не изъявила согласія на заключенный договоръ, — этотъ договоръ, поэтому, не былъ утвержденъ вполнѣ, и можно сказать, что онъ нисколько не обязывалъ ганновер-

скаго короля. Прусское правительство полагаетъ, вѣроятно, что послѣ гитцингской демонстраціи королю трудно будетъ выкинуть новую штуку, и что король, получивъ столь ясное предостереженіе, не осмѣлится бросить новаго вызова Пруссіи. Австрійское правительство, впрочемъ, тоже позаботится о томъ, чтобы изъ-за гостепрѣимства, оказываемаго ганноверскому королевскому семейству, не возникали никакія непріятности.

Прусское правительство заслуживало, впрочемъ, большаго уваженія со стороны короля Георга, потому что провести въ парламентъ законъ о вознагражденіи, стоило Бисмарку не малаго труда. Безъ преувеличенія можно сказать, что, какъ въ странѣ, такъ и въ палатахъ, едва ли былъ хотя *одинъ* голосъ за громадную цифру вознагражденія. Сломить это сопротивленіе могло только вліяніе Бисмарка, ссылавшагося на желаніе самого короля и грозившаго, въ случаѣ неудачи, подать въ отставку. Уже по этому поводу правая сторона палаты депутатовъ проявляла нѣкоторое поползновеніе къ оппозиціи противъ министерства;—при другомъ случаѣ, эта оппозиція дошла до открытаго разрыва между консервативною партіею и графомъ Бисмаркомъ.

Дѣло состояло вотъ въ чемъ. Когда въ прошломъ году прѣзжали сюда ганноверскіе депутаты (вызванные на совѣщаніе о будущемъ управленіи Ганновера), министерство объявило имъ о королевскомъ соизволеніи предоставить Ганноверу въ полное распоряженіе особый фондъ на земскія нужды. Капиталъ этого «провинціального фонда» долженъ былъ состоять изъ такой суммы, чтобъ ежегодные проценты съ нея простирались до 550,000 талеровъ. Благодаря этому обѣщанію, принятому въ Ганноверѣ съ восторгомъ, выборы въ Ганноверѣ оказались весьма благопріятными для Пруссіи. Тамъ не избрали ни одного приверженца старыхъ порядковъ. Всѣ ганноверскіе депутаты, принадлежавшіе, кромѣ одного, къ національно-либеральной партіи, поддерживали изъ всѣхъ силъ и вполне политику правительства; во внутреннихъ дѣлахъ они подавали голоса всегда съ лѣвою стороною противъ правительства. Не смотря на то, Бисмаркъ обращался съ ними весьма почтительно;—поведеніе ганноверцевъ, однако, вызвало неудовольствіе со всѣхъ сторонъ палаты. Свои ганноверскія учрежденія эти депутаты находили столь прекрасными, что не желали разстаться ни съ однимъ изъ нихъ; чтобы спасти свои «испытанныя особенности», ганноверцы осаждали трибуны палаты столь упорно, что одинъ изъ ихъ противниковъ сказалъ въ шутку: «Изъ трехъ ораторовъ вы всегда найдете 4 ганноверцевъ, не считая представителя за Штаде». Оппозиція ганноверцевъ противъ внутренней политики разгнѣвала консервативную партію, и въ органахъ этой-то партіи появилась впервые мысль о наказаніи ганноверцевъ лишеніемъ ихъ (то есть, ганноверцевъ) провинціального фонда. Этимъ намекамъ не придавали

сначала особеннаго значенія, но вскорѣ оказалось, что правая сторона стремится наказать не ганноверцевъ только, но и графа Бисмарка.

Причины тому были весьма отдаленныя. Съ тѣхъ поръ, какъ Бисмаркъ научился во Франкфуртѣ, въ качествѣ прусскаго посланника при германскомъ сеймѣ, «высокой дипломатіи», онъ покинулъ узкіе взгляды своей партіи, и эта разница между нимъ и ею росла тихо и незамѣтно все шире и шире. Интереснымъ доказательствомъ этого можетъ служить письмо Бисмарка, посланное имъ въ 1860 году, когда онъ былъ посломъ въ С.-Петербургѣ, къ одному изъ своихъ пріятелей, и которое, впоследствии, было обнародовано вмѣстѣ со многими другими. До него дошелъ слухъ о томъ, что различныя нѣмецкія газеты приписываютъ ему мысль о союзѣ съ Франціею, или, какъ онъ выражается, ведутъ противъ него клеветнической походъ. Онъ возражаетъ на это (въ томъ же письмѣ): «Впродолженіе всего моего пребыванія въ Германіи, я всегда совѣтовалъ полагаться только на собственныя (т. е. прусскія), а въ случаѣ войны и на національныя силы Германіи. Но глупая болтовня нѣмецкой прессы вовсе не замѣчаетъ того, что, нападая на меня, она работаетъ противъ лучшей части своихъ собственныхъ стремленій. Будь я австрійскимъ государственнымъ человѣкомъ, или нѣмецкимъ государемъ и австрійскимъ реакціонеромъ, на подобіе герцога мейнингенскаго, то наша «Крестовая газета» приняла бы и меня подъ свое покровительство. Лживость тѣхъ инструкцій извѣстна всѣмъ нашимъ сторонникамъ; но такъ какъ я являюсь старымъ членомъ партіи, имѣющимъ несчастье въ нѣкоторыхъ мнѣ хорошо извѣстныхъ вещахъ придерживаться *собственныхъ взглядовъ*, то про меня охотно распускаютъ разныя клеветы. Но жестокой судъ въ собственномъ лагерѣ и между друзьями-однокашниками несравненно несправедливѣе такого же суда противъ враговъ». Эти горькія слова показываютъ, что Бисмаркъ уже въ тѣ времена имѣлъ объ Австріи и другихъ предметахъ «собственные взгляды», непривившіеся партіи «Крестовой газеты». Когда, два года спустя, Бисмаркъ вступилъ во главу управленія, его провозглашали, правда, воплощеніемъ консервативнаго начала. Съ тѣхъ поръ, во все продолженіе конституціонной «борьбы», между нимъ и консервативною партіею не было, повидимому, никакихъ несогласій. Консерваторы восторгались каждою стѣснительною мѣрою правительства, допуская всякое смѣлое толкованіе противъ любого изъ параграфовъ конституціи. «Безбюджетное управленіе» прославлялось и въ прозѣ и въ стихахъ, какъ какая-то недосягаемая мудрость и спасеніе государства. Самая жалкая игра словами служила для прославленія Бисмарка, какъ высокаго генія страны. Барабаны реакціи непрерывно били тревогу и звали въ штурмъ противъ «внутренняго Дюппеля», то-есть противъ конституціи и свободы. Но когда графъ Бисмаркъ поссорился съ Австріею, лица консерваторовъ вдругъ вы-

тянулись, но только *однимъ* изъ нихъ, баронъ Герлахъ, выдержалъ характеръ, удалившись отъ политической дѣятельности. Остальные не могли отдѣлиться отъ правительства, — они и теперь продолжали одобрять все, чтó говорилъ и дѣлалъ Бисмаркъ, и тоже поссорились съ Австріею; они подали свой голосъ за присоединеніе новыхъ провинцій, не смотря на то, что пять лѣтъ тому назадъ они не могли досыта накричаться противъ «разбойника Кавура»; они признали ограниченіе верховной власти государей, вступившихъ въ сѣверо-германскій союзъ; они нашли прекраснымъ учрежденіемъ прямую поголовную подачу голосовъ, которая въ прежнее время казалась имъ напугавшимъ изъ всѣхъ ужасовъ. Но, наконецъ, одумались они. Они начали готовить измѣну и кричать. Осинный рой двинулся съ мѣста, зажужжалъ и вылетѣлъ.

Во главѣ заговора стоялъ Бодельшвингъ, бывшій министръ финансовъ и членъ въ министерствѣ Бисмарка до 1866 года, бюрократъ старой школы. Во время «борьбы», онъ придавалъ себѣ видъ, что онъ конституціоннѣ своихъ сотоварищей и имѣеть нѣкоторыя сомнѣнія на счетъ безбюджетнаго управленія государствомъ. Онъ оставался, какъ говорили, на своемъ постѣ только потому, что у него большая семья и нѣтъ никакого имѣнія. Онъ ждалъ открытія вакансіи въ оберъ-президенты (провинцій), — послѣ министерскаго мѣста, оберъ-президентское наивыгоднѣйшее изъ всѣхъ гражданскихъ. Но предъ войною онъ вдругъ покинулъ министерство. Это походило на бѣгство передъ лицомъ врага; такъ понималъ это самъ Бисмаркъ. Избранный въ нынѣшнюю палату депутатовъ, Бодельшвингъ сталъ вождемъ крайней правой стороны. Стремленія этой фракціи не возбуждали серьезнаго опасенія въ правительствѣ до тѣхъ поръ, пока не наступила очередь вопроса о провинціальномъ фондѣ. Въ консервативныхъ кружкахъ и консервативныхъ газетахъ ловко распространяли слухъ о томъ, что правительство съ удовольствіемъ понесетъ поражение закона о ганноверскомъ фондѣ, и что оно раскаявается въ своемъ прошлогоднемъ обѣщаніи. Правительство приказало своимъ органамъ объявить, что всѣ эти слухи невѣрны, но правая сторона палаты продолжала вести себя такъ, какъ будто официальные опроверженія не заключаютъ въ себѣ ничего серьезнаго. Бисмаркъ понялъ, наконецъ, что ударъ направляютъ не на ганноверскій фондъ, а на него самого. При такихъ предзнаменованіяхъ начались пренія о провинціальномъ фондѣ. Крайняя правая сторона и крайняя лѣвая высказались сообща противъ правительства; остальные партіи подали голоса отчасти за правительство, отчасти противъ. Бисмаркъ принялъ на себя главное бремя защиты и нанесъ жестокіе удары правой сторонѣ. Обѣ стороны наговорили другъ другу много неприятныхъ вещей, и, какъ всегда бываетъ при желаніи скрыть свое главное намѣреніе, преувеличили зна-

ченіе спорнаго вопроса. Защитники фонда видятъ въ немъ краеугольный камень децентрализаціи и истиннаго, чисто-нѣмецкаго самоуправленія. Изъ провинцій, говорятъ они, а не изъ общинъ должно исходить самоуправленіе. Лѣвая сторона видитъ, напротивъ, въ децентрализаціи этого рода распаденіе самаго государства; — самоуправленіе говоритъ она, и говоритъ совершенно справедливо, должно исходить изъ общины. Правая сторона недовольна тѣмъ, что правительство, благодѣтельствуя новымъ провинціямъ, обижаетъ старія, которыя остаются при своихъ жалобахъ не смотря на то, что правительство обѣщало даровать такіе же фонды и старымъ провинціямъ. Существенный интересъ представляетъ такимъ образомъ борьба Бисмарка съ правою стороною, которую онъ и погналъ передъ собою, какъ гнѣвный Ахиллъ гналъ троянцевъ. Первою жертвою новаго Ахилла былъ Дистъ, который сказалъ, что если онъ подастъ голосъ въ законѣ о ганноверскомъ фондѣ, то подвергнется упрекамъ своихъ избирателей. Бисмаркъ, обладающій имѣніями въ избирательномъ округѣ Диста, отвѣчалъ ему: «Мнѣ извѣстенъ этотъ избирательный округъ лучше, нежели самому депутату. Если онъ боится упрековъ своихъ избирателей, то я пропишу ему рецептъ противъ этихъ упрековъ. Пусть онъ скажетъ имъ только, что онъ подалъ свой голосъ вмѣстѣ со мною, и они, конечно, простятъ его». Во время преній Бисмаркъ замѣтилъ, что онъ требуетъ отъ правой стороны полной поддержки, что поддержка въ половину бесполезна для правительства. На это отвѣчалъ, на второй день преній, баронъ Браухитцъ, представитель за городъ Эльбингъ. Начавъ свою рѣчь несчастною цитатою изъ рѣчи Цицерона противъ Катилины: «Quousque tandem!» которая, разумѣется, оскорбила Бисмарка, Браухитцъ объявлялъ ему, отъ имени своей партіи, что онъ не намѣренъ пребывать въ безусловномъ повиновеніи у министерства. «Мы—говорилъ онъ при постоянно возраставшемъ одобреніи партіи,—мы стояли за министерство во всѣхъ важныхъ дѣлахъ, мы многимъ жертвовали и готовы вести себя точно также и въ будущемъ, но при одинаковыхъ обстоятельствахъ (*Одобреніе справа*),—но отсюда никакъ не слѣдуетъ, что мы избраны лишь для того, чтобы идти вмѣстѣ съ министерствомъ, — объ этомъ намъ никто не говорилъ до сихъ поръ (*Одобреніе справа*), на это мы несогласны (*Одушевленное одобреніе справа*), и на это мы никогда не согласимся (*Бурное одобреніе справа*). Мы будемъ поддерживать правительство, на сколько дѣятельность его соответствуетъ нашимъ убѣжденіямъ (*Одобреніе справа*), но безусловно говорить намъ: «Вы избраны для того, чтобы поддерживать министерство во всякомъ случаѣ», значить говорить неправду (*Одобреніе справа*), — мы не изъ такихъ (*Одобреніе справа*).»

На это объявленіе войны Бисмаркъ отвѣчалъ блистательною, и то спокойною и убѣдительною, то страшною рѣчью. Сначала онъ спо-

койно объяснилъ, почему ему нужна полная поддержка консервативной партіи, а съ этимъ объясненіемъ согласится всякій политикъ.

«Почти каждое дѣло, сказалъ онъ, можетъ быть начато двумя, тремя и многими путями. Всѣ дороги ведутъ въ Римъ. Можно было и это дѣло начать иначе. Который путь вѣрнѣе, который ошибочнѣе—рѣшить будущее, быть можетъ, позднее будущее, когда насъ не будетъ. Но ошибка, отъ которой гибнуть правительства, заключается въ колебаніяхъ,—сегодня желаютъ этого, завтра того; сегодня это обѣщаютъ, завтра не исполняютъ ни того ни другого. Подобной ошибки я желаю избѣжать во чтѣ-бы то ни стало. Избравъ однажды свой путь, правительство должно идти впередъ, безъ всякихъ колебаній впередъ или назадъ. Если оно не исполнитъ этого, то оно станетъ слабымъ, и отъ этой слабости пострадаетъ цѣлое государство». За тѣмъ, онъ напомнилъ консерваторамъ, какъ онъ три года сряду выдерживалъ въ палатѣ всякія бури, имѣя за собою только 11 приверженцевъ (такъ ничтожна была консервативная партія съ 1862 по 1864 годъ). Бисмаркъ спрашиваетъ консерваторовъ, чтѣ бы стало съ ихъ партією, если бы онъ въ 1862 году, когда король Вильгельмъ призвалъ его въ министерство, сказалъ: «нѣтъ»;—онъ спрашиваетъ ихъ, находились ли бы они теперь въ палатѣ, еслибъ правительство не поддержало ихъ на выборахъ; при этомъ онъ обронилъ весьма важное слово, сказавъ, что правительство, если ему не удастся опереться на консервативную партію безусловно, будетъ вынуждено прискать опору въ другомъ мѣстѣ и образовать, вмѣсто нынѣшняго консервативнаго министерства, «министерство коалиціонное». Въ заключеніе, онъ прибавилъ: «Я не боюсь никакихъ столкновеній, это я доказалъ, честно выдерживая всѣ случайности столкновенія съ палатою впродолженіи трехъ лѣтъ сряду, но я не намѣренъ обращать ихъ въ какое-то національное учрежденіе».

Трудно изобразить то громадное впечатлѣніе, которое произвела эта рѣчь сперва въ палатѣ, а потомъ и во всей странѣ. Пораженіе правой стороны было ужасное, но — и къ этому слѣдуетъ отнести съ уваженіемъ — она не струсила, и подала голосъ противъ фонда. Судьба дня висѣла на волоскѣ. Министерству пришлось сдѣлать уступку и измѣнить свое первоначальное предложеніе посредствомъ поправки одного изъ членовъ свободно-консервативной партіи, г. Кардорфа; — эта поправка даетъ ганноверской провинціи не капиталъ, а только ежегодную ренту въ 500,000 талеровъ. Поправка Кардорфа принята 197-ю голосами противъ 192, то есть, большинствомъ всего въ пять голосовъ; да и эту побѣду правительство обязано полякамъ, которые, не смотря на свою систематическую оппозицію, подали въ этомъ случаѣ свои голоса за правительственное предложеніе, такъ какъ они, по принципу, придерживаются по возможности широкой децентрализаціи въ управленіи. Между людьми, подавшими голосъ противъ правитель-

ства, находится не менѣе 19 ландратовъ, которыхъ считали до сихъ поръ вѣрнѣйшими изъ вѣрныхъ, много государственныхъ совѣтниковъ, камергеровъ и т. п., — короче сказать, консервативная оппозиція оказалась изумительно глубокою и обширною. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что она вполне рассчитывала всѣ шансы на успѣхъ.

Послѣ баллотировки, графъ Бисмаркъ тотчасъ же явился къ королю, представилъ ему отчетъ о засѣданіи и попросился въ отпускъ. Король вполне одобрилъ поведеніе министра и далъ ему отпускъ. Затѣмъ послѣдовало одно изъ тѣхъ событій, которыя придаютъ, отъ времени до времени, конституціонной исторіи Пруссіи нѣкоторую примѣсь патриархальныхъ порядковъ. Въ тотъ же вечеръ состоялся балъ при дворѣ, на который явилось значительное число депутатовъ, принадлежащихъ къ консервативной партіи. Къ каждому изъ тѣхъ консерваторовъ, которые подали свой голосъ противъ министерства, король обращался весьма гнѣвно и осыпалъ ихъ упреками. Онъ сказалъ барону Дензану, одному изъ самыхъ отъявленныхъ реакціонеровъ, произведенныхъ въ дворяне во время коронаціи: «Вы хотѣли прогнать Бисмарка. Если онъ уйдетъ, за нимъ уйдутъ и консерваторы». Другому депутату онъ замѣтилъ: «Если удалится мой первый министръ, съ нимъ вмѣстѣ удалюсь и я». Когда депутатъ Финке сослался, въ отвѣтъ на королевскіе упреки, на собственную совѣсть, король спросилъ: «Неужели вы думаете, что у меня нѣтъ совѣсти?» Даже г. Форкенбекъ, предсѣдатель палаты депутатовъ, уважаемый королемъ за его посредническую дѣятельность при окончаніи конституціоннаго столкновенія съ палатою, — даже Форкенбекъ подвергся упрекамъ короля; но эти упреки были взяты назадъ, когда король узналъ, что Форкенбекъ подалъ свой голосъ за правительство. Свободнымъ консерваторамъ, хотя они высказались за министерство, досталось не мало, — особенно же ихъ вождю, графу Бетузи-Гюку, которому пришлось признаться въ томъ, что своимъ отпаденіемъ отъ правой стороны онъ сталъ причиною всей кутерьмы. Графъ Бисмаркъ тоже былъ на балѣ, не смотря на то, что взялъ отпускъ для поправленія здоровья, и веселился отъ души. И въ самомъ дѣлѣ, видѣть вытянутыя фізіономіи своихъ противниковъ — наслажденіе не малое. До послѣдняго времени консерваторы видѣли личное вмѣшательство короля противъ либераловъ, и имъ всѣмъ нравилось подобное вмѣшательство. Но роли перемѣнились, и консерваторамъ пришлось испытать вмѣшательство короны на собственныхъ своихъ особахъ. Придворный балъ показавъ свое вліяніе на другой день: при вторичной, рѣшительной баллотировкѣ, поправка Кардорфа принята 200 голосами противъ 168; десятка два депутатовъ, слѣдовательно, воздержались вовсе отъ подачи голоса. Восемь дней спустя тотъ же вопросъ предсталъ передъ палатой господъ; этотъ краткій срокъ успѣлъ до того пресмирить «вы-

сокую палату», что въ ней нашлось только 14 членовъ крайней правой стороны, которые подали голосъ противъ ганноверскаго фонда; за фондъ оказалось 127 голосовъ. Консервативная партія надѣется этимъ путемъ возстановить свое согласіе съ Бисмаркомъ, но я сомнѣваюсь въ возможности этого согласія. Знаменитые люди съ реакціонерными убѣжденіями часто измѣняются, вступая въ должность министровъ, и становятся тогда либералами. Исторія представляетъ много такихъ примѣровъ. Подобное политическое обращеніе происходитъ обыкновенно такимъ образомъ, что старья догмы и слова повторяются попрежнему, но практика постоянно противорѣчитъ имъ. Обращенный реакціонеръ защищаетъ радикальныя реформы консервативными аргументами. Окружающій міръ обманывается нѣкоторое время, потомъ начинаетъ замѣчать перемѣну, и, наконецъ, повинуется уже не слову своего вождя, а дѣлу. Такъ и Бисмаркъ. Онъ знаетъ, что ломка и перестройка Германіи невозможна при помощи консервативной партіи. Эта партія смотритъ на прусское государство какъ на свои домны. Къ чему ей германское единство, если это единство сопряжено для консерваторовъ съ пожертвованіемъ ихъ собственнаго могущества? Бранденбургско-померанское министерство пріятнѣе для нихъ, чѣмъ всѣ эти новыя провинціи. Консерваторы не имѣютъ никакого желанія преобразовать Германію, да у нихъ и не появится подобное желаніе. Этимъ-то и рѣшается вопросъ между Бисмаркомъ и консерваторами, и если первому крайне трудно разстаться съ своими консервативными принципами и консервативными партизанами, ему все-таки придется разстаться съ ними, если онъ не желаетъ подвергнуть опасности великое дѣло своей жизни. Кромѣ того, правительство не можетъ не сознавать того, что Австрія своимъ возвышеніемъ рѣшительно либеральной политики во внутреннихъ дѣлахъ ведетъ изумительную пропаганду въ общественномъ мнѣніи всей Германіи, между тѣмъ какъ консервативная политика прусскаго правительства нигдѣ не приобретаетъ друзей и даетъ возможность сепаратизму все смѣлѣе и смѣлѣе поднимать голову. Въ Саксоніи, вслѣдствіе чрезвычайно ловкой агитаціи, настроеніе противъ Пруссіи становится до невѣроятности враждебнымъ и вызывающимъ; въ Баваріи выборы въ общій германскій таможенный парламентъ дали полную побѣду противникамъ единства Германіи; мы видѣли выше, какими надеждами обольщается ганноверскій король, — курфирстъ гессенскій, слѣдуя его примѣру, тоже открыто заявляетъ надежду на скорое возвращеніе въ свои владѣнія. Бисмаркъ можетъ воскликнуть, подобно древнимъ римлянамъ: *Videant consules ne quid detrimenti respublica capiat!*

Въ моей послѣдней корреспонденціи (см. январскую книжку) я подробно изложилъ борьбу за свободу рѣчи въ прусскомъ парламентѣ и о важнѣйшемъ событіи ея, процессѣ депутата Твестена. Въ

настоящемъ письмѣ мнѣ предстоитъ продолжать мой рассказъ. Палата господъ приступила къ преніямъ о предложеніи Ласкера (принятомъ палатою депутатовъ) не ранѣе 15 февраля, — предложеніе Ласкера, какъ извѣстно, толкуеть 84-ю статью конституціи въ смыслѣ полной свободы рѣчи. Политическая и юридическая мудрость почтенныхъ господъ правой стороны измыслила въ этотъ промежутокъ времени изумительный проектъ. Она рѣшила образовать изъ членовъ обѣихъ палатъ особый трибуналъ для суда надъ проступками, совершаемыми посредствомъ рѣчей въ парламентѣ. Приговоры этого трибунала должны приводиться въ исполненіе обыкновенными судами. Кромя того, въ этотъ же трибуналъ должны перейти нѣкоторыя тяжкія преступленія, какъ государственныя измѣны и т. д., которыя обсуждаются не въ обыкновенныхъ судахъ, а въ государственномъ (Staatsgerichtshof) судилищѣ, и которыя вообще не должны прикрываться парламентскою безответственностью. Объ этомъ предложеніи можно сказать словами Шиллера (въ Донъ-Карлосѣ):

Gut ausgedenkt, pater Lamormain,
 Wår ' der Gedanke nicht sogar gescheut,
 Man wår ' versucht ihn herzlich dumm zu nennen!

При тягучести всѣхъ понятій о подобныхъ проступкахъ, парламентъ обратился бы, относительно всякой оппозиціи, въ преддверіи тюрьмы, на которомъ можно было бы написать, какъ на преддверіи Дантовскаго ада:

Lasciate ogni speranza, voi ch'entrate!

Частный человекъ, даже публицистъ, *можетъ* постараться не входить въ столкновение съ закономъ, но депутатъ не можетъ, потому что онъ обязанъ говорить свободно. Рассказывая о какомънибудь несчастномъ положеніи, онъ не можетъ знать, оскорбляютъ ли его заявленія кого-нибудь и даже не клевететь ли онъ, когда въ его жалобу, напримѣръ, вкрадутся какія-нибудь неточности. Отъ него можно требовать только одного — чтобы онъ поступалъ *bona fide*, и чтобы, въ противномъ случаѣ, собраніе осуждало его *нравственно*. Такое осужденіе, заявляемое предсѣдателемъ собранія въ силу данной ему дисциплинарной власти, могло бы вполне удовлетворить чувство справедливости и нравственное сознаніе націи. Дисциплинарная власть предсѣдателя надъ палатою доведена въ нѣкоторыхъ законодательствахъ до права изгнанія членовъ изъ стѣнъ парламента, напримѣръ, въ Англіи, во Франціи при реставраціи и Луи-Филиппѣ, а также въ нѣкоторыхъ мелкихъ нѣмецкихъ государствахъ. Опытномъ доказано, впрочемъ, что такое разширеніе предсѣдательской власти, хотя признается весьма благоразумнымъ въ теоріи, ведетъ на практикѣ къ

самымъ печальнымъ результатамъ. Всемирною извѣстностію пользуются два такихъ случая въ англійскомъ парламентѣ: случай съ Уильесомъ, сдѣлавшійся безсмертнымъ въ письмахъ Юніуса, и случай съ лордомъ Кокрекомъ. Уильесъ былъ избранъ въ парламентъ въ Миддлсексѣ въ 1769 году. Король писалъ первому министру Норту, что изгнаніе Уилькса изъ палаты общинъ было бы весьма «кстати» и должно быть исполнено. Изгнаніе воспослѣдовало вслѣдствіе уильесовскаго пасквиля, признаннаго парламентомъ наглою и неосновательною клеветою. Уильесъ былъ снова избранъ въ члены палаты общинъ, — парламентъ отвѣтилъ на эти выборы признаніемъ ихъ незаконными и допустилъ на свои скамьи кандидата меньшинства. Но уже въ 1782 году эта парламентская резолюція была торжественно вычеркнута изъ парламентскихъ книгъ. Лордъ Кокрекъ пустилъ, въ 1814 году, на лондонской биржѣ слухъ объ отрѣшеніи Наполеона отъ престола съ цѣлію произвести громадную спекуляцію, и былъ приговоренъ судомъ къ большому денежному штрафу, тюремному заключенію и выставкѣ къ позорному столбу. Парламентъ изгналъ его изъ своей среды большинствомъ 140 голосовъ противъ 40. Однако его снова избрали въ Уестминстеръ и онъ опять занялъ свое мѣсто въ палатѣ, не встрѣтивъ никакого сопротивленія. Еще извѣстнѣе изгнаніе Манюеля въ 1827 году изъ французской камеры. Этотъ случай, можетъ быть, способствовалъ болѣе всякаго другому паденію Карла X и Бурбоновъ.

«*Gescheit*» (въ смыслѣ вышеприведенныхъ словъ Шиллера) былъ проектъ господъ потому, что творцы этого проекта рассчитывали на то, что большинство палаты господъ останется навсегда консервативнымъ, и что, слѣдовательно, палата господъ—такъ какъ упомянутый трибуналъ долженъ состоять изъ одинаковаго числа членовъ обѣихъ палатъ—пріобрѣтетъ весьма удобное орудіе противъ либеральной оппозиціи въ палатѣ депутатовъ. Этотъ проектъ, впрочемъ, оказался неудобнымъ даже самой палатѣ господъ, и она отвергла его, не смотря на поддержку новаго министра юстиціи, Леонгардта (изъ чего видно, что этотъ министръ придерживается убѣжденій крайней правой стороны). Но, отвергнувъ этотъ проектъ, палата отвергла также и всѣ другіе, и не пришла ни къ какому положительному рѣшенію. Замѣчательно, однако, что предложеніе о введеніи въ прусскую конституцію постановленій союзной конституціи о свободѣ рѣчи въ парламентѣ (союзная конституція снимаетъ съ депутатовъ всякую отвѣтственность за произнесеніе рѣчей), принятое въ прусской палатѣ депутатовъ, нашло въ палатѣ господъ 40 сторонниковъ; — эта цифра показываетъ, что и въ консервативныхъ кружкахъ мысль о свободѣ парламентской рѣчи пріобрѣтаетъ, наконецъ, нѣкоторое гражданство. Въ процессѣ Твестена, между тѣмъ, судъ (*Kammergericht*) отмѣнилъ свой приговоръ и замѣнилъ двухлѣтнее тюремное заключеніе, при-

сужденное первымъ судомъ, 300 талеровъ штрафу. Это признаніе весьма интересно и важно, потому что судъ объявляетъ, что онъ остается при своемъ мнѣніи относительно покровительственной силы 84 параграфа конституціи, и лишь исполняетъ указъ верховнаго суда. Камеровый судъ ослабляетъ наказаніе, потому что признаетъ смягчающимъ обстоятельствомъ тотъ фактъ, что самъ верховный судъ держался прежде иного мнѣнія и признавалъ 84 параграфъ конституціи охранявшимъ каждого депутата отъ *всякихъ* преслѣдованій за рѣчи, произносимыя въ парламентѣ. Дѣло переходитъ теперь въ верховный судъ, потому что Твестенъ подалъ еще одну апелляцію ради принципа.

Среди либеральной партіи происходитъ такое же разложеніе, какое мы видѣли среди консервативной партіи при разрывѣ между Бисмаркомъ и крайней правой стороною. Старыя взаимныя отношенія между либералами не соотвѣтствуютъ новымъ политическимъ обстоятельствамъ. Крайняя лѣвая сторона въ палатѣ депутатовъ состоитъ, впрочемъ, только изъ одного единственнаго члена, доктора Юганна Якоби. 15 числа, когда государственный бюджетъ подлежалъ окончательной баллотировкѣ, Якоби поднялся съ своего мѣста и сказалъ: «Я заявлялъ уже въ 1864 году, что пока существуетъ настоящее министерство, до тѣхъ поръ я не дамъ моего одобренія государственному бюджету. Приговоръ, произнесенный мною въ то время, нисколько не поколебленъ ни военными, ни дипломатическими или парламентскими успѣхами министерства, и я, потому, какъ тогда такъ и теперь, не желаю доставлять денежные средства для продолженія такого управленія, которое, по моему убѣжденію, приноситъ вредъ какъ прусскому, такъ и германскому отечеству». Затѣмъ только онъ одинъ подалъ голосъ противъ утвержденія бюджета. За двѣ недѣли до того, Якоби высказалъ, въ рѣчи къ своимъ избирателямъ, новую программу своей партіи (которая во всякомъ случаѣ несравненно многочисленнѣе внѣ парламента). Онъ отправляется отъ той мысли, что въ Пруссіи почти нѣтъ ничего такого, на чемъ можетъ развиваться и укрѣпляться истинно конституціонная жизнь, что народная партія недостаточно вѣрна своимъ собственнымъ основнымъ положеніямъ, страдаетъ нерѣшительностью въ борьбѣ и совершенно неспособна на переобразование государственныхъ учреждений. Цѣлью ставить онъ «народное самоуправленіе», а средствомъ къ достиженію ея признаетъ соединеніе соціальной реформы съ политической, а также союзъ демократовъ всѣхъ странъ. Чтò касается до соціального вопроса — это необходимость, признанная всѣми партіями. Несомнѣнно, что по всей западной Европѣ готовится великій общественный переворотъ, который вызывается стремленіемъ рабочихъ классовъ, усматривающихъ, при помощи распространяющагося между ними образованія, ослабленіе неравенства

между ними и высшими классами, — ослабить по возможности и даже окончательно уничтожить и другое неравенство, создаваемое «господствомъ капитала». Поднятіе краснаго знамени французской революціи 1848 года было первымъ насильственнымъ взрывомъ. Соціальная демократія была побита на улицахъ Парижа во время страшныхъ іюльскихъ дней. Подобно французской революціи 1789 года, сперва подавленной на долгое время, но всегда оказывавшей свое вліяніе на весь міръ, революція 1848 года поставила на очередь соціальныи вопросъ. Въ Англии и Германіи это движеніе не такъ бурно и не столь революціонно, какъ во Франціи, но за то оно гораздо разсудительнѣе, тягучѣе и упорнѣе французскаго. Рабочіе все лучше и лучше понимаютъ, какая могущественная сила заключается въ ассоціаціи, и все болѣе научаются пользоваться своими политическими правами; имущественные классы, съ своей стороны, начинаютъ видѣть, что перевѣсъ, доставляемый имъ капиталомъ, несправедливо великъ. Поэтому-то, слѣдуя примѣру нѣкоторыхъ англійскихъ фабрикантовъ, и здѣсь въ послѣднее время сдѣлана попытка однимъ изъ фабрикантовъ ввести своихъ рабочихъ въ общее владѣніе фабрикою. Съ этою цѣлью онъ разложилъ цѣнность своей фабрики на пай; рабочіе, приобрѣтая пай, становятся участниками въ управленіи фабрикою и въ веденіи всего производства. Однако, я не стану теперь излагать всѣ подробности этого дѣла, потому что надѣюсь современемъ, когда поулягутся волны политической жизни, поговорить пообстоятельнѣе о развитіи и настоящемъ положеніи соціального вопроса. Я хочу теперь не больше, какъ указать на «темную точку» на горизонтѣ. Нынѣшнее поколѣніе еще можетъ утѣшаться извѣстною мыслью—«argès nous le déluge!» Однако, настанетъ, наконецъ, то время, когда исполнится соціальная реформа, о которую разобьется безусловное господство капитала, возрастающее съ роковою быстротою до крайней безграничности. И произойдутъ тогда страшные кризисы, среди которыхъ общественный порядокъ приобрѣтетъ новую основу.

Что касается до второго средства Якоби, до союза демократической партіи,—стремленіе къ нему было въ этой партіи и прежде, но союзъ постоянно разбивался о національныя притязанія отдѣльныхъ демократій. Французскіе демократы проявляютъ такую же страсть къ Рейну, какъ шовинисты, и если нѣмцы пожелаютъ послѣдовать совѣтамъ Якоби и перестанутъ вооружаться, то ихъ за-рейнскіе сосѣди не станутъ долго задумываться о томъ, занять ли или не занять тѣ прекрасныя земли, которыя считаются ими сѣздавна ихъ естественною и правомѣрною собственностью. Цѣль Якоби таже, какъ говоритъ онъ самъ, что и женевского конгресса мира, то-есть учрежденіе свободныхъ соединенныхъ государствъ (штатовъ) Европы. Эта мысль, впрочемъ, найдена не женевскимъ конгрессомъ и не г. Якоби. Пер-

внѣ высказалъ эту мысль (но безъ всякаго республиканскаго оттѣнка, приданнаго ей въ программѣ женеваго конгресса), насколько мнѣ извѣстно, Юлій Фрѣбель въ своемъ сочиненіи: «Америка и Европа», которое у васъ, вѣроятно, извѣстно *); оно особенно интересно именно для Россіи. Фрѣбель относится къ Россіи гораздо справедливѣе и сочувственнѣе большинства иностранныхъ писателей, разсуждающихъ о ней самымъ невѣжественнымъ образомъ. Съ независимостью Америки, такъ начинается Фрѣбель свои разсужденія, съ возрастающимъ могуществомъ и значеніемъ Соединенныхъ - Штатовъ произошла въ отношеніяхъ политическаго равновѣсія міра значительная перемѣна, которую не примѣчаетъ до сихъ поръ большинство даже образованныхъ европейцевъ? Нѣсколько времени передъ освобожденіемъ Соединенныхъ - Штатовъ, къ западной Европѣ начала постепенно прирастать русская держава и вмѣстѣ съ тѣмъ исчезала географическая граница Азіи. Но Россія, какъ восточная часть Европы, и какъ нація, политически вторгающаяся въ отношенія европейскаго Запада, должна была вмѣстѣ съ своими азіятскими составными частями считаться скорѣе прибавкомъ европейскаго міра, чѣмъ міромъ совершенно особаго рода. Съ тѣхъ поръ, какъ въ Соединенныхъ - Штатахъ проявился противоположный полюсъ новаго и всемірнаго порядка вещей, въ противоположность ему открывается смыслъ и культурно-географическаго положенія Россіи въ средѣ всего образованнаго человѣчества. Западная Европа, которую ограничивалась въ продолженіи долгаго періода времени государственная система историческихъ націй, составляетъ лишь посредствующее звѣно великой политической *тройки*, въ образѣ которой началъ развиваться образованный міръ. При этомъ развитіи, каждое отдѣльное государство приняло измѣненное положеніе, посвящаемое Фрѣбелемъ двумя схемами. Положеніе *историческихъ* (то-есть исторію творившихъ) державъ до провозглашенія американской независимости, до раздѣленія Польши и распадѣнія Германскаго Союза было слѣдующее:

Англія.	Скандинавія.	Россія.
	Франція.	Польша.
	Германія.	
Испанія.	Италія.	Турція.

Послѣ упомянутыхъ событій, оно обратилось въ слѣдующее:

С.-Америка.		Скандинавія.	Россія.
Англія.	Пруссія.		
	Франція.		
Испанія.	Австрія.		
Ю.-Америка.		Италія.	Турція.

*) Мы имѣли случай познакомить нашихъ читателей съ сочиненіями Юл. Фрѣбеля, въ одной изъ «Литературныхъ хроникъ», см. 1866, т. III, отд. III, стр. 105 и слѣд. — *Ред.*

Въ этой схемѣ есть одна пророческая истина: Фрѣбель предвидѣлъ уже въ то время, когда еще существовалъ Германскій союзъ, будущее разьединеніе между Австріею и Пруссіею, совершившееся лишь въ 1866 году. О дружественныхъ отношеніяхъ между Россіею и Америкою Фрѣбель дѣлаетъ нѣсколько прекрасныхъ замѣчаній. «Не простымъ равнодушіемъ къ отвлеченному вопросу о принципѣ», говоритъ авторъ, «не простою терпимостью только обуславливаются дружественныя отношенія между Соединенными-Штатами и Россіею, не смотря на взаимную противоположность республиканизма и монархіи. Между обѣими политическими крайностями существуетъ также и сочувствіе, основанное на извѣстныхъ общихъ характеристическихъ чертахъ, на извѣстныхъ общихъ особенностяхъ положенія, общихъ интересахъ и общаго направленія силы. Одинаковая юность, хотя не въ одномъ и томъ же смыслѣ, сходныя отношенія въ природѣ широко разстилающихся, и въ значительной части еще новыхъ пространствъ, забираемыхъ во владѣніе, сходныя прогрессомъ постоянно продолжающихся открытій, а также посредствомъ колонизаціи и покоренія грубыхъ народностей; то же сосѣдство слабѣйшихъ и въ распаденіи находящихся государствъ, то же соперничество съ европейскимъ Западомъ развили въ обѣихъ націяхъ одинаковій реальный взглядъ на вещи, одинаковую безпокойную страсть къ странствіямъ, одинаковое стремленіе къ политическому расширенію, одинаковую историческую безправность, одинаковое сознаніе на могущество основаннаго господства надъ другими и одинаковую надежду на великую и славную будущность. Важная разница между ними заключается лишь въ томъ, что въ Соединенныхъ Штатахъ жизнь націи разливается во всей массѣ и даетъ индивидуальную самостоятельность каждой отдѣльной личности. Но Россія и Соединенные Штаты развиваются по сходнымъ путямъ, хотя въ противоположныхъ формахъ».

Между тѣмъ, какъ этотъ нѣмецъ открываетъ Россіи широкое поле блестящей будущности, другой нѣмецъ старается о предѣлахъ нынѣшней русской націи, о великой славянской семьѣ. Заглавіе книги, о которой я намѣренъ сейчасъ говорить, не общаетъ русскому читателю ничего интереснаго, это какія-то «Алеманскія странствованія» (*Alemannische Wanderungen*) Адольфа Бакмейстера или, можетъ быть, Бадмейстера (*Basmeister*). Авторъ ведетъ васъ на прогулку между Инномъ и Рейномъ съ цѣлью осмотрѣть тамъ повсюду разбросанные слѣды кельтовъ и римлянъ (слѣды первыхъ остались теперь только въ названіяхъ мѣстъ); въ своихъ изслѣдованіяхъ онъ встрѣчается съ названіями, которыя наводятъ его хотя на сомнительную, но въ тоже время и въ высшей степени вѣроятную мысль о распространеніи славянскихъ поселеній до самаго Боденскаго озера. Авторъ полагаетъ, однако, что тамонніи славянскія колоніи состояли не изъ свободныхъ людей, но.

изъ военноплѣнныхъ. Что народы селили своихъ военноплѣнныхъ не въ пограничныхъ областяхъ, а внутри собственной страны, такое предположеніе не заключаетъ въ себѣ ничего невѣроятнаго; однако этому противорѣчатъ правы X и XI вѣковъ. Плѣнные обрабатывали поле своего побѣдителя, а послѣдній жилъ всегда въ своемъ имѣніи. Бакмейстеръ видитъ въ названіяхъ (мѣстностей), составленныхъ изъ «Wipidon», то-есть старо-высоконѣмецкаго дательнаго падежа отъ «Wipiden» (венды, славяне) съ присоединеніемъ нѣмецкихъ личныхъ именъ, такія славянскія колоніи, которыя находились въ вѣрнопостномъ состояніи (pflichtig) у нѣмецкихъ господъ. Такъ, въ одной грамотѣ 905 года встрѣчается названіе «Adelharteswinden», въ грамотѣ 1034 года — Ruthhardenwinden, въ 1057 году — Regenhartenwinden, и т. д. Мнѣ кажется гораздо вѣроятнѣе, что здѣсь идетъ дѣло дѣйствительно о самыхъ отдаленныхъ, западныхъ форпостахъ славянскаго племени, уцѣлѣвшихъ отдѣльными островками, послѣ отлива великой волны переселенія народовъ, и сдѣлавшихся потомъ добычею германскаго племени. Въ пользу этого предположенія говоритъ и тотъ фактъ, что Бакмейстеръ прослѣдилъ эти поселенія по длинной цѣпи до самаго Боденскаго озера. Уже 30 лѣтъ тому назадъ, великій изслѣдователь кельтскаго племени, Иоганнъ Каспаръ Цейссъ (Zeuss) доказалъ, въ своемъ трудѣ о «нѣмцахъ и сосѣднихъ племенахъ» (Die Deutschen und die Nachbarstämme), что венды спускались съ высоты Франкенвальда, въ средней Баваріи, до Реднитцы и Айша. Почему бы не дойти имъ и до Боденскаго озера? Въ этомъ предположеніи не окажется ничего удивительнаго, если припомнить сходныя явленія въ средніе вѣка. Такъ, Эмиль де-Боршграве (Borchgrave) доказываетъ, въ своей «Histoire des colonies belges, qui s'établirent en Allemagne pendant le XII-e et le XIII-e siècle», что фламандскія племена распространялись до Трансильваніи.

Первое славянское имя, встрѣтившееся Бакмейстеру на баварской почвѣ, было «Leugast» въ округѣ Тишенпрейтъ-Лейгастъ; по древнимъ документамъ, это Липагастъ, привѣтливый звукъ — цитирую автора слово въ слово — на высотахъ Байришенвальда, ибо онъ обозначаетъ липовую прогулку, или просто «подъ Липами», какъ говорятъ теперь въ нѣкогда славянскомъ Берлинѣ¹⁾. (Авторъ, чисто-кровный южный нѣмецъ, не упускаетъ ни одного удобнаго случая упрекнуть сѣверныхъ нѣмцевъ, и особенно пруссаковъ, напоминаемъ имъ о томъ, что въ дѣйствительности они вовсе не чистые нѣмцы, потому что въ ихъ жилахъ течетъ и славянская кровь.) Подобныя славянскія корчмы существовали, впрочемъ, въ большомъ числѣ въ веселой баварской землѣ, — такъ, близъ Лейгаста было два Шоргаста. Другія положительно славянскія названія въ той мѣстности суть: villa Slopese in

¹⁾ «Unter-den-Linden» называется лучшая улица въ Берлинѣ.

rago Ratensgowe (1024 года), Сельбитцъ (Silewice, по документу 1035 года). Шмёлъцъ въ округѣ Кронахѣ, называвшійся въ грамотѣ 1194 г. Smoulooe,—несомнѣнное сходство съ словомъ «Смоленскъ». Въ Виртембергѣ часто встрѣчается названіе (мѣстностей) Winnenden,—а многія изъ названій составлены съ прилагательнымъ: «windish» (вендскій), напримѣръ: Windish-Boxenfeld, Windisch-Pfedelbach. Первое изъ этихъ названій двойнѣ славянское, ибо Боксенфельдъ происходитъ отъ славянскаго слова «букъ» — буквое поле. Слово Пфедельбахъ остается до сихъ поръ необъясненнымъ. Я не стану входить въ дальнѣйшія подробности объ этимологической части сочиненія Бакемейстера, — для любопытныхъ достаточно и этихъ указаній. Тамъ, на берегу Боденскаго озера, существовали въ незапамятныя времена поселенія обитателей свайныхъ построекъ. Кельты, современные, быть можетъ, Гомеру, сожгли эти поселенія, и потомъ сами жили тамъ въ продолженіи многихъ вѣковъ. Затѣмъ явились римляне и внесли туда свою культуру. Великая волна переселенія народовъ, германскія и съ ними славянскія племена смаяли эту культуру. Только та часть волны, въ которой заключался нѣмецкій элементъ, вошла тамъ въ берега,—славянская доля, стремившаяся покрыть германскую, разбилась объ утесы и покатилаь назадъ.

Глава о славянскихъ поселеніяхъ, впрочемъ, короче всѣхъ другихъ и менѣе всѣхъ обработана; за то въ изслѣдованіи мѣстныхъ названій кельтскаго и римскаго происхожденія авторъ обнаружилъ основательную ученость, много остроумія и извѣстный «школьно-учительскій» юморъ лучшаго качества. Ученою шутливостью этого рода, доступною, впрочемъ, только небольшому кругу ученыхъ, или по крайней мѣрѣ образованныхъ людей, особенно отличался Фальмерайеръ; смѣлыя параллели Моисея въ сущности иногда тоже не что иное, какъ подобныя гелертерскія шутки.

Какъ бы то ни было, Бакемейстеръ не лишенъ ни историко-филологической сноровки, ни фантазій, необходимой для поэта и историка, ни художественной кисти для изображенія историческихъ картинъ. Древніе народы Востока, пишетъ онъ въ своемъ предисловіи, подобно народамъ Запада, любили называть себя первобытными обитателями своихъ странъ, *terra editi*, какъ говоритъ Тацитъ. Но вскорѣ, въ безсознательномъ противорѣчьи съ этою страстью къ самовосхваленію, встрѣчаются уже темныя, неопредѣленныя воспоминанія о томъ времени, когда ихъ отцы двигались по лицу земли, чтобы послѣ долгихъ странствованій осѣсться наконецъ въ новой отчизнѣ. То, о чемъ они мечтательно догадывались, освѣщено теперь свѣтомъ науки и вполне очевидно для новѣйшихъ народовъ. Мы—иностранцы на землѣ, говоритъ библія. И мы дѣйствительно иностранцы; на томъ клочкѣ земли, которую мы называемъ нашею страню. Никто не скажетъ теперь, когда

именно первый германскій воинъ выступилъ черезъ Уралъ и Волгу и водрузилъ свое копье въ европейскую почву, а между тѣмъ, неизвѣстная страна, открывшаяся передъ первымъ германцемъ, была уже населенною. За нѣсколько вѣковъ до нашего лѣтосчисленія, среднюю Европу, отъ Иберійскаго полуострова до Дуная, облегало широкимъ поясомъ кельтское племя, вышедшее, подобно германскому и славянскому, изъ Азии отдѣльною вѣтвью *арійскаю* первобытнаго народа. Южная Германія была тоже населена кельтами. Если бы племена, слѣдуя другъ за другомъ, отпечатывали на забираемыхъ ими земляхъ древнія названія, то намъ легко было бы, при помощи филологической геологій, снимать одну исторію культуры за другою и выставить за стекломъ кабинетныхъ шкафовъ ископаемые предметы филологій. Или, если бы они, по крайней мѣрѣ, падали то, что попадало въ ихъ руки, то мы имѣли бы теперь карту изъ прелестной мозаики кельтскихъ, римскихъ, германскихъ, славянскихъ и другихъ названій. Но племена боролись между собою, побѣждали, угнетали, или терпѣли и мѣшались. Кельты, римляне и германцы жили вмѣстѣ въ разные періоды и въ разныхъ сочетаніяхъ, они уступали свое мѣсто другъ другу весьма медленно, и до настоящаго дня кровь всѣхъ этихъ племенъ течетъ въ швабскихъ жилахъ.

Такъ говорить ученый. Люди, находящіеся среди политическаго движенія, должны также не забывать, въ пылу жаркой борьбы національностей, что развитіе человечества исходитъ не изъ отчужденія и дѣленія народовъ и племенъ, но отъ сближенія и сліянія ихъ между собою. Въ южной и западной Германіи, исследователь повсюду нападаетъ на обильныя воспоминанія о римлянахъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, прилежныя раскопки и изысканія дали возможность возстановить почти полную топографію римскаго періода. Нашъ авторъ набрасываетъ немногими штрихами живую картину того времени: «Въ береговомъ пескѣ Боденскаго озера, долго работала сѣбира свайныхъ обитателей. Затѣмъ на этой военной границѣ подымается новая, дѣятельная жизнь: являются латинская рѣчь и латинское право, римскія добродѣтели и пороки, процвѣтаютъ торговля и ремесла, — въ Аугсбургѣ еврей-купецъ уже предлагаетъ пурпуровыя ткани, итальянское сельское хозяйство смѣняетъ первобытную обработку земли, воздвигаются римскія храмы и римскія бани. Баденъ, эта гордая *Aurelia Civitas Aquensis*, уже въ тѣ времена пользовался своими горами во благо и во зло. Уже въ тѣ времена посѣдѣлый въ битвахъ вождь легіоновъ могъ прохлаждать свои раны подъ защитою *Diana Abnoba*; уже въ тѣ времена римскіе и галльскіе гуляки, *levissimus quisque Gallogum*, и также *levissima quaeque Gallogum* могли посвящать въ тайны великосвѣтской жизни бѣлокурого германскаго юношу. Многія большія дороги, пришедшія теперь въ упадокъ, стонали когда-то подъ мѣрнымъ

шагомъ легионовъ и варварской конницы, двигавшихся со всѣхъ концовъ міра по римской командѣ. Въ Беннингскомъ гарнизонѣ былъ трибунъ родомъ изъ *Sicca Veneria*, что въ Африкѣ, въ Оффенбергѣ въ Баденѣ былъ центуріонъ изъ Арменіи, а въ Шлоссау пограничную линію защищаль центуріонъ изъ Синопа ¹⁾. За римскими легионами слѣдовали варвары. Тамъ, на Рейнѣ, вблизи Боденскаго озера, гдѣ когда-то кельты, истребивъ огнемъ хижины жителей свайныхъ построекъ, оставили за собою глубокіе слѣды, гдѣ многими вѣками позже третій испанскій легионъ врубилъ свое безсмертіе въ гранитъ Шварцвальда, — тамъ, спустя еще нѣсколько столѣтій, на разбитомъ римскомъ мозаичномъ полу строилъ свою избу алеманнъ Гизило, названную сосѣдями (по древне-высоко-нѣмецкому) *da ze der Gizilungen*, превратившюся потомъ, путемъ незначительнаго измѣненія въ звукахъ, нѣкоторой перемѣны въ нравахъ и обычаяхъ, религии и налоговъ, въ нынѣшній Гейсслингенъ».

Мимоходомъ упомяну о появленіи у насъ первой половины біографіи извѣстнаго поэта Гейне, составленной Адольфомъ Штротдманномъ. Авторъ съ большимъ прилежаніемъ собралъ все, что хотя сколько нибудь объясняетъ житейскія отношенія Гейне, и что могло оказывать вліяніе на его умственное и поэтическое развитіе. Біографъ обратилъ особенное вниманіе на вѣрную оцѣнку отношеній Гейне къ іудейству. Не смотря на переходъ въ христіанство незадолго до пріобрѣтенія ученой степени, Гейне былъ связанъ съ іудействомъ всѣми силами своей души и сердца. Глава «О новой Палестинѣ» изображаетъ въ высшей степени замѣчательное духовное возрожденіе евреевъ, возбужденное Моисеемъ Мендельсономъ въ послѣдней четверти XVIII вѣка.

Въ изящной литературѣ не появилось ни одного замѣчательнаго произведенія. Въ литературныхъ и политическихъ газетахъ очень хвалятъ романъ Ганса Гопфена: «Испорченъ въ Парижѣ» (*Verdorben zu Paris*), но въ немъ нѣтъ ничего особеннаго. На здѣшней сценѣ появилась недавно новая нѣмецкая оригинальная опера Лангерта, кобургскаго капельмейстера: «*Die Fabier*», составленная по одноименной драмѣ Густава Фрейтага. Эта опера имѣетъ *succès d'estime*, но она едва ли удержится на сценѣ.

Объ однообразіи и узкости здѣшней общественной жизни трудно составить себѣ хотя какое нибудь понятіе. Я повѣрю, что еще есть люди, которые издерживаютъ больше чѣмъ получаютъ, но эти бѣдняки вовлекаютъ въ несчастіе развѣ своего портного; существуютъ здѣсь и «*galante Damen*»; однако впродолженіи 10-ти лѣтъ только одна изъ нихъ дозволила себѣ такую роскошь, какъ купе и грума. Есть здѣсь мужья, не вполне вѣрные своимъ женамъ, но жены, вѣроятно, не

¹⁾ Всѣ эти подробности извлечены, разумѣется, изъ древнихъ памятниковъ.

ревнивы, потому что уже съ незапамятныхъ временъ не слышно ни объ одной семейной трагедіи. Фельетонистъ можетъ погибнуть у насъ съ голоду въ четыре недѣли, если не умретъ со скуки въ двѣ недѣли. Неудивляйтесь, поэтому, если эта сторона моего письма выходитъ слишкомъ кратко. Хвалить берлинцевъ за это я не намѣренъ. Шиллеръ говоритъ, правда, что тѣ женщины всѣхъ лучше, о которыхъ говорятъ всего меньше. Но я не вѣрю въ добродѣтели Берлина. Онъ былъ уже разъ далеко не добродѣтельнымъ, и не знаю, когда именно исправился онъ. Набожнѣе онъ не сталъ, философичнѣе тоже нѣтъ. Источникомъ здѣшней добродѣтели является флегма, безстрастность. Она недопускаетъ великихъ пороковъ, но за то имѣетъ другое неудобство; она низводитъ добродѣтель въ посредственность. к.

ОЧЕРКИ И ЗАМѢТКИ.

ГОЛОДЪ ВЪ ВОСТОЧНЫХЪ ПРОВИНЦІЯХЪ ПРУССІИ.

(Письмо въ Редакцію.)

М. Г.

Бѣдствіе, обнаружившееся внезапно во многихъ мѣстностяхъ Россіи, вызвало вашу послѣднюю «Ежемесячную Хронику» мимоходомъ къ сравненію съ Пруссіею. Позвольте познакомить вашихъ читателей нѣсколько ближе съ нѣкоторыми подробностями этого дѣла у насъ. — Въ парламентской жизни, каждое важное событіе находитъ себѣ прежде всего обширное поприще для обсужденія, критики, преній въ самыхъ палатахъ. Дѣйствительно, нашъ ландтагъ нѣсколько разъ имѣлъ случай въ послѣднее время заниматься печальнымъ положеніемъ Восточной-Пруссіи, пораженной голодомъ, и успѣлъ найти не мало средствъ къ облегченію тяжелой участи пострадавшихъ провинцій. При этомъ обнаружилась со всею очевидностью вся польза публичности общественныхъ дѣлъ и свободнаго обсужденія вопросовъ въ печати и съ парламентской трибуны, что такъ иногда оспаривается многими. Правда, особенное положеніе политическихъ партій въ настоящую минуту, парламентскія столкновенія съ министерствомъ, сдѣлали пренія, по поводу голода, слишкомъ продолжительными и упорными; особенно борьба шла за вопросъ: кто виноватъ въ томъ, что не довольно своевременно были приняты мѣры противъ наступившаго бѣдствія? Администрація въ Восточной-Пруссіи не могла однако оправдаться въ этомъ отношеніи, такъ какъ всѣмъ было извѣстно, что весьма давно, еще въ августѣ, опытные сельскіе хозяева и нѣкоторыя газеты обращали вни-

маніе на приближающееся зло, но этимъ предостереженіямъ не придали большого значенія. Администрація въ свое оправданіе могла сказать развѣ только то, что послѣднее зло, и неожиданное, а именно, морозы, пришло весьма поздно, и голодъ принялъ вдругъ чудовищные размѣры. Но еще въ октябрѣ правительство начало уже прибѣгать къ нѣкоторымъ мѣрамъ. Помочь было тѣмъ болѣе легко, что въ В.-Пруссіи не могло случиться безусловнаго недостатка въ свѣстныхъ припасахъ — средства къ сообщенію такъ велики, что ежедневно можно доставить потребное количество хлѣба — но можно было бояться за недостатокъ денегъ. Притомъ, причиною голода оказывался не одинъ плохой урожай, не слѣпой случай; причина голода лежала весьма глубоко. Болѣе богатая провинція не досталась бы въ жертву голода такъ легко, вслѣдствіе одного неурожаа. Истинная причина голода въ Восточной-Пруссіи кроется въ слабomъ развитіи промышленныхъ силъ провинціи, предавшейся исключительно земледѣлію. Эта причина разъяснена и превосходно развита въ мемуарѣ, представленномъ еще въ ноябрѣ министру торговли и юстиціи однимъ изъ старѣйшихъ членовъ кенигсбергскаго купечества. Ни одна провинція, въ тяжелую годину испытанія, отъ 1806 до 1814 года, не понесла столько жертвъ для государства, какъ В. и З. Пруссія. Слѣды того не изгладились по сіе время. По наступленіи мира, правительство обратило все свое вниманіе на новыя провинціи, и пренебрегло восточными. Даже Таможенный-Союзъ (Zollverein), который былъ такъ благодѣтеленъ для государства и всей Германіи, легъ тяжелымъ камнемъ на эти послѣднія провинціи. Онѣ были преданы исключительно земледѣлію, и даже умѣренный тарифъ былъ для нихъ потому невыносимымъ гнетомъ. Если, напримѣръ, считать, что поднимется пошлина на желѣзо, въ размѣрѣ не болѣе какъ 20 зильбергрошей на центнеръ, и допустить, что ежегодно требуется на человѣка среднимъ числомъ 30 фунтовъ желѣза, то уже и такое повышеніе пошлины составитъ для восточныхъ провинцій налогъ въ 600,000 талеровъ, которые пойдутъ въ пользу другихъ провинцій, производящихъ желѣзо. Прежде въ Кенигсбергѣ существовало огромное число фабрикъ для рафинированія индѣйскаго сахару. Вслѣдствіе покровительства, которое было оказано свекло-сахарному производству, тѣ фабрики пали. Вышло на одно! Въ отношеніи шоссейныхъ дорогъ, рельсоваго пути и во многихъ другихъ отношеніяхъ, В.-Пруссія стоитъ далеко позади другихъ провинцій. Достаточно нѣсколькихъ цифръ, чтобы указать вообще на степень этого различія. Въ 1864 году, въ Вестфалии, приходилось на каждаго человѣка 11 тал. 18 згр., помѣщенныхъ въ сберегательныя кассы; въ Саксоніи — почти 18 тал.; въ Бранденбургѣ — 4 тал.; а въ В.-Пруссіи — всего только 18 зильбергрошей!! Въ 1860 г., въ обществахъ страхованія отъ огня считалось: въ Бранденбургѣ, на человѣка — 282 тал.;

въ Саксоніи—264 тал., а въ В.-Пруссіи—только 125 талеровъ! Отсутствіе капитала и кредита составляетъ тяжкое бремя для землевладѣльцевъ. Нигдѣ не происходила въ такой массѣ продажа имѣній съ публичнаго торга, какъ въ В.-Пруссіи, и цѣна на землю, которая поднимается въ другихъ частяхъ государства, тамъ пала въ послѣдніе годы отъ 25% до 50%. При такомъ положеніи вещей, до неурожая не далеко.

Первыя мѣры, принятыя правительствомъ, состояли въ томъ, что тарифъ желѣзныхъ дорогъ на перевозку сѣвственныхъ припасовъ былъ значительно пониженъ еще въ октябрѣ, и изъ наличныхъ фондовъ отпущены деньги съ цѣлью открыть въ широкихъ размѣрахъ полезныя публичныя работы, какъ-то постройка шоссеиныхъ дорогъ и т. п.

3/13 ноября собрался ландтагъ, но въ первыя засѣданія онъ мало останавливался на обсужденіи мѣръ противъ ожидаемаго голода. Хотя тронная рѣчь упомянула коротко о стѣснительномъ положеніи В.-Пруссіи, но уже 30 ноября (12 декабря) министръ финансовъ распорядился выдать администраціи въ Кенигсбергъ и Гумбинненъ (близъ русской границы) 1.200,000 талеровъ билетами ссудныхъ кассъ (они были выпущены въ 1866 г. во время войны, и потомъ снова извлечены), которыя не были еще уничтожены, съ тѣмъ, чтобы нуждающіеся землевладѣльцы могли у нихъ занимать безъ процентовъ. Какъ разъ въ это время, только-что успѣли сдѣлать то распоряженіе, раздался въ В.-Пруссіи первый отчаянный крикъ: люди умираютъ съ голоду! Тогда обратились, наконецъ, и къ частной благотворительности, призывая ее на помощь мѣрамъ, принятымъ заранее. 9/20 декабря устроился здѣсь «Vaterländische Frauenverein», которое немедленно организовало сборы и устроило въ страдающихъ провинціяхъ своихъ корреспондентовъ въ Bezirks-Zweig- и Kreis-Vereine.

Одновременно съ тѣмъ, обнаружилась и борьба партій, которая обоплась не безъ крайностей, съ обѣихъ сторонъ. Оппозиція говорила:—Видите! правительство тутъ виновато кругомъ!—Оффиціозныя газеты, напротивъ, долгое время оспаривали вообще существованіе какой бы то ни было опасности, и прибавляли:—Оппозиція хочетъ изъ голода устроить себѣ политической капиталъ!—Одинъ органъ крайней правой стороны выразился въ постыдной статьѣ такимъ образомъ: «Жители В. Пруссіи извѣстны, какъ торговцы лошадьми; и лгать—имъ привычное дѣло!» Болѣе предусмотрительныя оффиціальныя органы рѣшились держаться средняго пути; голодъ уже наступилъ; отрицать его нѣтъ возможности, такъ какъ и само правительство сдѣлало уже воззваніе къ частной благотворительности. Демократическія газеты выступили съ доказательствами, и доставляли извѣстія, отъ которыхъ волосы становились дыбомъ.

Но услуга, которую могутъ приносить въ этихъ случаяхъ газеты,

состоять прежде всего въ тѣхъ *отношеніяхъ*, которыя слагаются между публикою и органами печати; въ этихъ *отношеніяхъ* и заключается вся сила послѣднихъ. Читатели газеты должны быть, такъ сказать, сотрудниками ея, или иначе газета не будетъ имѣть корней. Гдѣ этого нѣтъ, гдѣ газета составляется въ кабинетѣ, тамъ она не можетъ имѣть никакой силы. Вотъ потому я принимаю на себя смѣлость возразить вашему хроникеру, высказавшему упрекъ русскимъ газетамъ за недостатокъ инициативы. Прусскія газеты также не обнаружили инициативы, но ихъ редакціи за то представляютъ постоянную тѣсную связь съ страной. Посмотрите на нихъ! Онѣ наполнены перепискою съ своими же абонентами; изъ городовъ, изъ деревень имъ пишутъ мѣстные жители, кто въ «Zukunft», кто въ «Volkszeitung», другіе въ «Vossische Zeitung» или въ «Nationalzeitung» и т. д.; всякій сообщаетъ свои дѣла, знакомыя ему близко; изъ этого богатаго матеріала пресса вырабатываетъ свои статьи *).

На Рождествѣ начались необыкновенные холода; работа на открытомъ воздухѣ сдѣлалась невозможною; бѣдствіе дошло до крайнихъ предѣловъ. Вышательство политическаго элемента увеличивало обоюдныя обвиненія. Оппозиція утверждала, что деньги, собранныя тѣми «Frauen-Verein», раздавались пристрастно, и при томъ такимъ лицамъ, которыя обѣщали при выборахъ подавать голосъ за правительство. Вслѣдствіе того, въ Гумбинненѣ образовался комитетъ изъ извѣстныхъ членовъ оппозиціи, куда послала свой сборъ вся оппозиція: такъ, «Zukunft», органъ крайней лѣвой стороны, доставилъ туда 23.000 тал., и почти столько же «Vossische Zeitung». Эти комитеты (оба, и правительственный, и оппозиціонный) раздадутъ съѣстные припасы, топливо, одежду, и заботятся о томъ, чтобы доставить нуждающимся работу.

*) Намъ почтенный корреспондентъ дозволить намъ сдѣлать небольшое замѣчаніе въ объясненіе сказаннаго хроникеромъ журнала о русскихъ газетахъ. Мы не думали требовать отъ нашихъ газетъ того, чего не представляютъ и прусскія; мы именно говорили о «кабинетномъ» характерѣ нашихъ газетъ и о недостаткѣ живой связи между ними и публикой. Притомъ мы только указывали на это, какъ на *фактъ*, не входя въ исследование причинъ самаго факта. «С.-Петербургскія Вѣдомости» съ своей стороны возразили намъ, что въ Россіи сношенія редакціи съ своими корреспондентами слишкомъ тяжелы и отвѣтственны; со всѣхъ сторонъ, начали намъ указывать на примѣръ газеты «Москва», которая получила даже второе предостереженіе (въ ноябрѣ) за «преувеличенное изображеніе нужды по случаю бывшаго въ нѣкоторыхъ губерніяхъ неурожая». Мы признаемъ всю силу этихъ доводовъ, но повторяемъ одно, что мы не обвиняли русскія газеты; мы только, какъ говорится, засвидѣтельствовали фактъ, и тѣмъ думали указать на необходимость устраненія мало по малу причинъ, которыя вызываютъ существованіе такого «факта». Намъ замѣтили, что наши «разсужденія хороши, но хороши... для Пруссіи!» Мы думаемъ, наоборотъ: въ Пруссіи наши разсужденія были бы излишни, какъ излишне указаніе на то, что солнце свѣтитъ.

Red.

Въ деревняхъ, пасторы, землевладѣльцы, учителя, принимаютъ на себя заботу о бѣдныхъ. Во всемъ этомъ правительство не участвуетъ, и держится строго того принципа, что забота о бѣдныхъ есть дѣло общинъ, и держится до того, что рѣшительно отказалось отъ мысли учредить общій налогъ въ пользу одной провинціи. Но за то правительство сдѣлало другое, а именно, оно выдало на Кенигсбергскій округъ: 1) 250,165 тал. заимообразно на постройку провинціальныхъ шоссе; 2) на постройку общественныхъ зданій и дорогъ 350,390 тал.; 3) на занятіе работами 480,000, и на помощь бѣднѣйшимъ 55,000 тал.; всего же на работы 988,455 тал. и на бѣднѣйшихъ 55,000 тал.; итого, слишкомъ 1 миліонъ на Кенигсбергскій округъ. Подобнымъ же образомъ раздѣленъ и другой капиталъ въ 1,300,000 талеровъ на округъ Гумбиннена. Кромѣ того, ожидаютъ конца холодовъ, чтобы продолжать дѣятельно желѣзную дорогу изъ Торна въ Инстербургъ. Частной благотворительности мы обязаны также много, и въ половинѣ января опасность голода была уже устранена. Но за то теперь начали тѣмъ тревожнѣе смотрѣть въ будущее, и увидѣли, что главная опасность еще впереди: не только бѣдные, но даже и жители средней руки остались безъ сѣмянъ, и нечѣмъ засѣвать поля. Въ виду такого обстоятельства, наше правительство, которое, какъ извѣстно, избѣгаетъ давно увеличенія расходовъ, ставящаго его въ зависимость отъ палаты, — съ трудомъ рѣшилось, но все же рѣшилось, какъ говорится, раскусить кислое яблоко; долго говорили о необходимости держаться принципа, чтобы каждый помогалъ себѣ (но въ минуту опасности разсуждать такимъ образомъ все равно, что дать кому нибудь утонуть ради того, что принципъ повелѣваетъ, чтобы каждый помогалъ самъ себѣ); но, наконецъ, правительство получило согласіе у ландтага на 3 милліона талеровъ для пріобрѣтенія сѣмянъ въ пользу В.-Пруссіи, и при этомъ выразили, что въ случаѣ надобности оно можетъ пойти дальше. Теперь надобно надѣяться, что несчастная провинція не только спасена въ эту минуту, но и увидитъ скоро лучшую будущность. Печальныя событія дали *естямъ* серьезный урокъ, и поставили на видъ необходимость оживить начало самоуправленія, пострадавшее много отъ застоя нашего законодательства.

Л. К.

Берлинъ, 18/27 февраля, 1868.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ФЕВРАЛЬ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Древности. Труды московскаго Археологическаго общества. Томъ I, выпускъ 1-й, 1865; вып. 2-й, 1867. М.

Древности. Археологическій Вѣстникъ, издаваемый Московскимъ археологическимъ обществомъ подъ редакціей д. чл. А. А. Котляревскаго. М. 1867. 4 вып.

Едва ли можно подвергать сомнѣнію фактъ, что въ нашемъ обществѣ,—въ томъ, для котораго главнымъ образомъ существуетъ литература,—наука и разныя относящіяся къ ней предметы и понятія далеко еще не получили права гражданства, или относительно своей дозволенности (потому что еще многіе изъ научныхъ предметовъ и понятій подвергаются въ этомъ смыслѣ сомнѣнію и даже преслѣдованію), или относительно своей пригодности и интереса (потому что еще многое считается въ этомъ смыслѣ бесполезнымъ, и способнымъ занимать только немногихъ исключительныхъ чудаковъ или специалистовъ). Къ этому послѣднему разряду наукъ, въ ходячихъ понятіяхъ, въ особености относится археологія: къ чему она можетъ служить и какой интересъ она можетъ представлять, этого до сихъ поръ не понимаютъ очень многіе изъ такъ называемыхъ образованныхъ людей.

Понятно, что такого рода представленія о наукѣ археологія составляютъ одинъ изъ тѣхъ,

къ сожалѣнію, слишкомъ многочисленныхъ предрассудковъ, какіе еще съ большою силою держатся въ массѣ нашего общества, и которые надобно назвать предрассудками незнанія или невѣжества,—потому что въ настоящемъ своемъ объемѣ и смыслѣ археологія далеко вышла изъ разряда вещей, способныхъ интересовать только безжизненнаго геллера, или такихъ вещей, о которыхъ можно писать только латинскія диссертации. Но если безучастіе общества къ археологій, равнодушіе къ памятникамъ древности, неумѣнье обращаться съ ними и сберегать ихъ, отсутствіе интереса къ археологическимъ изданіямъ, и составляютъ фактъ весьма чувствительный и прискорбный для археолога, то этотъ фактъ имѣетъ однако свое объясненіе, и вина общества становится не такъ велика, какъ можно думать съ перваго взгляда. Его безучастіе имѣло свои основанія въ томъ положеніи, какое занимала русская археологическая литература.

Современная археологія стала наукою чрезвычайно обширной и разнообразной, такъ что часто трудно опредѣлить ея формальные предѣлы и объемъ ея содержанія. Изслѣдованіе вещественныхъ памятниковъ древняго быта, знаній и искусства уже теперь становится цѣлою исторіей древней человѣческой цивилизаціи и древнѣйшихъ періодовъ въ жизни націй:

изслѣдованіе памятниковъ архитектуры доходить до свайныхъ построекъ и дольменовъ; изслѣдованіе орудій приводитъ въ грубымъ орудіямъ такъ-называемаго каменнаго періода; изученіе древняго быта дѣлаетъ необходимымъ изслѣдованіе существующихъ теперь грубыхъ и первобытныхъ бытовыхъ формъ у дикарей, или вообще у народовъ низшей степени культурнаго развитія, и вмѣстѣ съ тѣмъ оно дѣлаетъ необходимымъ изслѣдованіе внутренней стороны этого быта, слѣдовательно языка, понятій, мифовъ, и т. д. Однимъ словомъ, полное изслѣдованіе археологическаго вопроса влечетъ за собой множество разнообразныхъ изысканій, такъ что археологія постоянно встрѣчается и сливается съ исторіей цивилизаціи, языкознаніемъ, мифологіей, съ различными антропологическими изученіями, наконецъ, даже съ геологіей, потому что древнѣйшіе слѣды человѣка принадлежатъ тѣмъ отдаленнымъ временамъ, о которыхъ говоритъ исторія геологическихъ формацій. Современная археологія затрачиваетъ много подобныхъ вопросовъ, въ высшей степени любопытныхъ исторически, потому что въ этихъ вопросахъ лежитъ начало историческаго развитія, въ которомъ наше время служитъ послѣднимъ звѣномъ. Орудія каменнаго періода раскрываютъ предъ нами почти непонятную для насъ теперь эпоху человѣческой жизни, эпоху, которой и не подозревала прежняя наука; сравнительно-филологическое изученіе языковъ, относительно бытовыхъ предметовъ, металловъ, время-счисления, звѣроловаго или пастушескаго быта, указываетъ на дѣйне продолжительные періоды, въ теченіе которыхъ шла борьба человѣка съ природой, борьба за существованіе, когда совершались трудные подвиги, дѣлались открытія и изобрѣтенія, складывались первыя грубыя понятія и представленія. Археологія въ своихъ различныхъ отрасляхъ мало по малу разъясняетъ намъ эти темные и долги періоды, и въ первый разъ наводитъ насъ на вѣрныя представленія о младенческой порѣ человѣчества и націй. Перехода къ болѣе близкимъ, болѣе историческимъ временамъ, новѣйшая археологія знакомитъ насъ съ древними цивилизаціями Африки и Азіи, объясняетъ памятники Египта, раскапываетъ и реставрируетъ остатки Ниневіи и Вавилона, въ Палестинѣ дѣлаетъ любопытныя открытія по библейской и христіанской

древности и т. д. Изученіе средневѣковыхъ памятниковъ становится все болѣе и болѣе необходимымъ элементомъ историческаго изложенія народныхъ судебъ, потому что въ характерѣ памятниковъ археологія указываетъ характеръ создававшей ихъ мысли и фантазіи, и съ помощію памятниковъ дѣлаетъ болѣе нагляднымъ внутренній историческій ходъ національнаго развитія...

Такъ громаденъ объемъ содержанія, который болѣе или менѣе усваиваетъ себѣ современная археологія,—въ обширномъ смыслѣ, она обнимаетъ необозримый періодъ древнѣйшей жизни человѣчества. Но въ такомъ многообъемлющемъ характерѣ археологія есть наука еще очень новая. Тѣ вспомогательныя званія, которыя помогли ей расширить свою точку зрѣнія, какъ языкознаніе, мифологія, антропологическія изученія, только въ недавнее время приобрѣли то развитіе, при которомъ они способны были оказать археологической наукѣ свои услуги. Строго научное сравнительное языкознаніе, напр., считаетъ свое существованіе всего нѣсколькими десятками лѣтъ, также какъ и мифологія; столько же нова геологія, впервые указавшая научными фактами на истинный возрастъ земли и глубокую древность органической жизни; антропологія опять только теперь, въ эти послѣднія десятилѣтія, приобрѣтаетъ прочную опору въ различныхъ отрасляхъ естествознанія; далѣе, самое фактическое изученіе древнихъ памятниковъ, орудій каменнаго или бронзоваго вѣка, развалинъ Вавилона или Египта, чтеніе гіероглифовъ и гвоздеобразныхъ подписей и т. д., — все это приобрѣтено наукой главнымъ образомъ уже въ нынѣшнемъ столѣтіи. Великіе ученые, положившіе начало этому новому глубокому изученію, еще въ наше время окончили и окачиваютъ свои труды. Христіанская археологія, несмотря на много претрествовавшихъ трудовъ прежлаго времени, также главнымъ образомъ въ нынѣшнемъ столѣтіи приходитъ къ строгой научной формѣ, которую она могла приобрѣсти подъ вліяніемъ болѣе точной исторіи христіанства, которая начинается только въ новѣйшихъ трудахъ исторической геологіи, — и болѣе критическаго и систематическаго изученія искусства.

Такимъ образомъ, археологическая наука коснулась разнообразныхъ и любопытныхъ сторонъ въ исторіи человѣческаго развитія; мало

того, она въ сущности касалась самыхъ основныхъ моментовъ въ этой исторіи, потому что говорила о первыхъ началахъ цивилизаціи, и правильное разрѣшеніе археологическихъ вопросовъ могло оказывать самое существенное вліяніе на дѣльное понятіе историческаго развитія. Сводя миѳическіе періоды къ реальному смыслу, изображая на памятникахъ градаціи человѣческихъ понятій, удаляя всякій фантастическій идеализмъ, археологія давала отличную поделку и для болѣе-реальнаго пониманія всей исторіи.

Но въ этомъ обширномъ своемъ значеніи археологія была до сихъ поръ слишкомъ мало извѣстна большинству обыкновенныхъ читателей, и не только у насъ, но и на западѣ. Какъ наука, археологія еще не пришла къ законченной системѣ, она еще находится въ порѣ своего образованія; можно сказать, что она даже не опредѣлила съ точностью своихъ положительныхъ границъ. Наличный матеріалъ ея разсѣянъ во множествѣ изслѣдованій, не только въ области собственно археологіи, но и въ другихъ смежныхъ съ ней наукахъ, естествознанія, антропологіи, исторіи и т. д. Чтобы объять во всей полнотѣ древнѣйшіе періоды быта, надо владѣть обширнымъ запасомъ различныхъ знаній, рѣдко совмѣщаемыхъ однимъ человѣкомъ; а частныя изслѣдованія становились, по необходимости, слишкомъ спеціальны для читающей массы. Даже въ западныхъ литературахъ рѣдки сочиненія, въ которыхъ бы содержаніе археологическаго знанія излагалось въ его всесторонней полнотѣ,—хотя есть множество превосходныхъ частныхъ трудовъ. И если въ западной литературѣ мало писателей, которые бы обобщили археологическое знаніе, то въ нашей—отсутствіе знакомства съ предметами археологіи было вопіющее. Русскій читатель только изрѣдка имѣлъ возможность прочесть въ журналѣ отрывочную переводную статью о какомъ нибудь частномъ предметѣ, безъ начала и конца. Очень естественно, что онъ не имѣлъ и возможности составить себѣ понятіе объ общемъ смыслѣ науки и о важности ея указаній и выводовъ.

А русская археологія? Эта археологія до самаго послѣдняго времени была въ очень жалкомъ положеніи. Археологическіе вопросы начали занимать нашихъ ученыхъ съ самыхъ первыхъ началъ науки русской исторіи; эти вопросы

поднимались уже въ XVIII-мъ столѣтіи нѣмецкими и русскими учеными, начавшими изслѣдованія по русской исторіи, составлявшими первыя ученые описанія Россіи. Карамзинъ далъ этимъ вопросамъ должное мѣсто въ своей исторіи; но сдѣлано было еще слишкомъ немного; ученые, которые брались за подобные предметы, еще не въ силахъ были одолѣть всей массы матеріала, обращались часто къ вещамъ, слишкомъ маловажнымъ или только оригинальнымъ, и — «банное строеніе», «тмутараканскій камень» входили наконецъ въ пословицу. Конечно, труды нѣмецкихъ академикозъ и нѣкоторыхъ русскихъ ученыхъ еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія доставили много важныхъ указаній, но археологія еще долго не могла стать прочно и пріобрѣсти научную форму. Самые любители древности и изслѣдователи ея, отыскивавшіе у продавцовъ всякаго хлама такъ называемой ими «дичи», не вѣдали должнаго уваженія къ наукѣ и не давали о ней истиннаго понятія: памятники древности оставались въ глазахъ большинства только курьезомъ, и остроты объ «Ярославовыхъ голенищахъ» въ самомъ дѣлѣ не были лишены соли и мѣтвосты. Археологія долго оставалась чисто эмпирическимъ знаніемъ, дѣломъ дилетантскаго любопытства, и считалось возможнымъ трактовать археологическіе вопросы съ прибавкой къ нимъ романическихъ арабесковъ. Такимъ эмпирикомъ былъ, напр., Сахаровъ, впрочемъ человекъ съ своими несомнѣнными заслугами дѣлу; такіа арабески бывали нерѣдки въ сочиненіяхъ г. Снегирева. Описанія памятниковъ, преимущественно церковныхъ, начинаются довольно давно; наша литература насчитываетъ довольно значительное количество описаній церквей и монастырей, но до очень недавняго времени подобныя описанія отличались тѣмъ же эмпирическимъ характеромъ, и слѣдовательно, не имѣли настоящаго научнаго значенія. Въѣтъ памятника опредѣлялся по личной нагадкѣ, по преданіямъ или даже просто на-угадъ: извѣстныя преданія, сохранившіяся благочестивымъ воспоминаніемъ, выдавались безъ всякой повѣрки за положительный фактъ, такъ что иной разъ вещь, сработанная несомнѣнно не раньше XVI-го вѣка, считалась произведеніемъ XI-го, и т. п. Очевидно, что многое въ этихъ описаніяхъ могло стать достояніемъ науки не иначе, какъ послѣ новой повѣрки людьми

болѣе компетентными. Наиболѣе обработанной и правильно освѣщенной частью русской древности была археографія, т. е. описаніе и опредѣленіе памятниковъ письменности. Первые серьезные труды по этой части, совершенные Восточными и Калайдовичемъ, были уже трудами высокаго научнаго достоинства, и послѣ нихъ археографія, хотя и разрабатывалась эмпириками, но имѣла уже свои прочныя основанія.

Такое положеніе вещей еще нельзя назвать прошедшимъ въ нашей археологической дѣятельности. Въ «Вѣстникѣ Европы» еще недавно помѣщенъ былъ разборъ книги, въ которой можно было указать всѣ отмѣченные нами недостатки. Понятно, что подобные труды мало помогаютъ распространенію здравыхъ понятій и свѣдѣній, и самому движенію науки. Наша русская археологія нуждается еще въ объясненіи общихъ научныхъ основаній и критическихъ пріемовъ. Еслибы литература могла распространить такіа здравыя понятія, то масса мѣстныхъ археологическихъ описаній могла бы быть составлена болѣе удовлетворительнымъ и критическимъ образомъ, а наука извлекала бы изъ частныхъ трудовъ болше положительныхъ результатовъ, чѣмъ она извлекаетъ теперь; люди, которые теперь такъ смѣло рѣшаютъ археологическіе вопросы, ссылаясь на преданія или полагаясь на глазомѣръ, могли бы научиться болѣе серьезному обращенію съ наукой. А эта наука, повидимому, должна бы внушать къ себѣ извѣстное уваженіе, когда мы теперь на каждомъ десятомъ словѣ говоримъ о своихъ русскихъ національныхъ началахъ; отрицаемся отъ запада и тому подобное. Чтобы говорить о національныхъ началахъ надо изучить ихъ, и между прочимъ—въ прошедшемъ; если въ своей старинѣ мы видимъ палладіумъ чистой русской стихіи, мы должны познакомиться съ памятниками этой старины, и выучиться обращаться съ ними. Но настоящее изученіе, которое бы дало намъ право призывать, какъ аргументъ, старину и національныя начала, это изученіе совершается дѣйствительно и успѣшно только извѣстнымъ научнымъ путемъ. Этого научнаго пути, къ сожалѣнію, извѣстенъ у насъ очень мало; задорныя фразы опровергаются—въ жизни, большимъ равнодушіемъ, напр., къ памятникамъ старины,—въ литературѣ, продол-

жающимся господствомъ упомянутаго эмпиризма.

Въ такихъ условіяхъ началъ свою дѣятельность Московское Археологическое Общество, основанное въ концѣ 1864 года. Передъ нами лежитъ теперь 1-й томъ его изданій, заключающихъ болѣе или менѣе обширныя археологическія изслѣдованія, и нѣсколько выпусковъ «Вѣстника», гдѣ ведется летопись занятіямъ Общества и помѣщаются мелкія археологическія статьи и замѣтки, библиографія археологической литературы и т. п. Въ уставѣ Общества, вообще сходномъ съ уставами другихъ ученыхъ обществъ, мы замѣтимъ только пунктъ, что обыкновенныя засѣданія Общества происходятъ при постороннихъ посѣтителяхъ, и о нихъ заблаговременно извѣщается въ газетахъ: это, конечно, прекрасная мѣра, которая можетъ способствовать возбужденію въ публикѣ интереса къ занятіямъ Общества, и заслуживаетъ поощренія со стороны тѣхъ, которые не знакомы съ этой мѣрой. Переходимъ къ изданіямъ Общества.

Эти изданія своимъ характеромъ произвели на насъ самое благоприятное впечатлѣніе. Изъ еще немногого, но и изъ этого немногого видно уже совершенно, что Общество (предсѣдатель—графъ А. С. Уваровъ, секретарь—К. К. Герцъ, редакторъ «Вѣстника»—А. А. Котляревскій) стоитъ на уровнѣ той задачи, которая предстоитъ русской археологіи, и что въ немъ есть ученныя силы, хорошо владѣющія методомъ и критикой современной науки. Имя графа А. С. Уварова, — которому, повидимому, принадлежитъ особенно дѣятельное участіе въ трудахъ Общества, — уже давно имѣетъ почетную извѣстность въ области русской археологіи; имена многихъ изъ членовъ основателей и сотрудниковъ въ изданіи Общества (гг. Герцъ, Котляревскій, Аванасевъ, Забѣлинъ, Иловайскій и мн. др.) достаточно извѣстны въ литературѣ, чтобы нужно было говорить объ ихъ ученой компетентности. Изданія, вышедшія теперь, представляютъ уже много любопытнѣйшихъ изысканій, продолженіе которыхъ можетъ оказать самую существенную услугу науцѣ русской археологіи.

Мы не имѣемъ здѣсь возможности подробно знакомить читателя съ содержаніемъ «Древностей», и ограничимся указаніемъ наиболѣе важныхъ статей. Первый выпускъ «Древно-

стей» открывается вступительной рѣчью председателя: «О дѣятельности, предстоящей Московскому Археологическому Обществу», гдѣ гр. Уваровъ, очертивъ, въ немногихъ словахъ, развитіе археологической науки на западѣ, представляетъ очень вѣрную картину тѣхъ трудностей, какія встрѣчаетъ археологія у насъ, при господствующемъ пренебреженіи къ памятникамъ старины и при отсутствіи археологическихъ свѣдѣній. Московское Археологическое Общество поставило себѣ цѣлью заботиться, сколько возможно, о сохраненіи самыхъ памятниковъ, нерѣдко уничтожаемыхъ невѣжествомъ, приводить ихъ въ извѣстность, распространять интересъ къ предмету въ обществѣ и издавать ученые труды русскихъ археологовъ. Между прочимъ, въ своей рѣчи гр. Уваровъ указалъ одну мѣру, которая, по его мнѣнію, можетъ возбудить интересъ къ русской археологіи и существенно содѣйствовать ея успѣхамъ; это—ученые сѣзды. Такое указаніе совершенно справедливо. Нѣтъ сомнѣнія, что еслибы даже первые опыты подобныхъ сѣздовъ и не удовлетворили ожиданіямъ (какъ многіе не удовлетворены, напр., недавнимъ сѣздомъ естественнаго историка въ Петербургѣ), то въ концѣ концовъ, этотъ обычай, въ которомъ столько простаго и серьезнаго смысла, мы полагаемъ, вошелъ бы однако въ правы, и, въ этомъ случаѣ, былъ бы дѣйствительно сильнымъ орудіемъ научнаго образованія. Кромѣ многихъ внѣшнихъ причинъ, затрудняющихъ у насъ введеніе такого обычая, нельзя не сказать, что и ученые правы наши, еще нуждающіеся въ нѣкоторой полировкѣ, могли бы представить въ этомъ отношеніи немалое затрудненіе. Мы полагали бы, однако, что съ теченіемъ времени сѣзды и здѣсь могли бы дѣйствовать съ пользой.

Затѣмъ, слѣдующая статья: «Церковный диптихъ V-го вѣка», также принадлежитъ гр. Уварову. Это трактатъ изъ христіанской археологіи, науки, къ сожалѣнію, слишкомъ мало извѣстной въ нашей литературѣ и однако полной глубокаго историческаго интереса. Изслѣдованіе гр. Уварова можетъ, конечно, показаться слишкомъ спеціальнымъ для обыкновеннаго читателя, — оно бережетъ только отдѣльный памятникъ и обставлено тѣми техническими подробностями, которыя мало знакомы читателю, хотя, при нѣкоторомъ вниманіи, могли бы быть ему достаточно понятны. Диптихъ (слово гре-

ческое) соответствуетъ русскимъ складнямъ, т. е. складнымъ образамъ, и предметъ изслѣдованія составляетъ между прочимъ изображеніе Благовѣщенія, находящееся въ одномъ древнемъ диптихѣ, принадлежащемъ къ собранію графа Уварова. Подобныя изображенія имѣютъ свою исторію, и интересъ ея заключается въ томъ, что эти изображенія отражаютъ собой постоянное развитіе, которое проходила идея изображаемаго церковнаго предмета или событія. Искусство уже очень рано стало служить религиознымъ цѣлямъ христіанства, и западная археологія уже собрала множество своаго матеріала для исторіи этого христіанскаго искусства, его техники и содержанія: каждое изображеніе имѣетъ свою генеалогію, отдѣльные члены которой служатъ представителями отдѣльныхъ эпохъ или ступеней въ развитіи самого понятія или вѣрованія. Гр. Уваровъ, посредствомъ сравненія изображеній на его диптихѣ съ другими извѣстными памятниками этого рода, пришелъ къ выводу, что диптихъ относится къ V-му столѣтію, — между прочимъ, онъ приводитъ указаніе, что Благовѣщеніе стали изображать послѣ 431 года или третьяго вселенскаго собора въ Ефесѣ, когда было положено конецъ несторіанской ереси.

Статья графа Уварова вызвала возраженіе г. Казанскаго, который, впрочемъ, не могъ съ своей стороны опровергнуть положеній, выставленныхъ въ этой статьѣ, и ограничился только одними общими соображеніями о томъ, что Благовѣщеніе было, вѣроятно, изображаемо раньше этого времени, а въ заключеніе подвергъ сомнѣнію и самый способъ археологической критики, принятый въ статьѣ гр. Уварова. Г. Казанскій недоволенъ всего больше тѣмъ, что не было дано рѣшающаго значенія *преданію*, на которое онъ самъ, главнымъ образомъ, опирается. «Вообще, говоритъ онъ, при археологическихъ изслѣдованіяхъ, преданіе есть всегда надежнѣйшій руководитель потому, что оно само есть живая устная археологія. Часто грѣшить противъ этой истины наука въ настоящее время и не безъ крайняго противорѣчія себѣ самой. Она тщательно собираетъ и много цѣнитъ преданія и сказанія народныхъ, сохраняющіяся въ настоящее время, и упорно, вмѣстѣ съ тѣмъ, отвергаетъ древнія преданія, близкія къ временамъ самыхъ событій. Основываясь на немногихъ фактахъ, она издаетъ

свою теорію и упорно отвергаетъ то, что не подходитъ подъ эту теорію....» Г. Казанскій приводитъ въ примѣръ такого легкомыслія геологію, которая, по словамъ его, самоувѣренно доказывала отсутствіе человѣка въ дилувіальную эпоху (?), и наконецъ, должна была сознаться въ своей ошибкѣ. Если г. Казанскій думаетъ, что геологія ошибается, когда не слѣдуетъ преданію, и что эта ошибка заключается въ доказательствѣхъ отсутствія человѣка въ дилувіальную (?) эпоху, то онъ находится по видимому въ недоразумѣніи относительно сущности дѣла. Геологія дѣйствительно расходится съ преданіемъ, но разногласіе заключается не въ этомъ, и ей до сихъ поръ еще не приходилось сознаться въ своей ошибкѣ относительно этого разногласія. Далѣе, г. Казанскій продолжаетъ: «Если не безопасно археологію отрывать отъ древнихъ преданій, то вмѣстѣ съ тѣмъ она не должна терять изъ виду и настоящее. Въ настоящемъ живетъ еще многое древнее. Археологія лишается твердой опоры, когда, разрывая связь съ настоящимъ, углубляется въ древнія времена, не изслѣдовавъ надлежащимъ образомъ ближайшаго прошедшаго. Начиная спускаться въ глубокой мракъ древности съ первыхъ ступеней, археологія удобнѣе замѣтитъ переходъ отъ новой жизни къ древней и мало по малу привыкнетъ различать предметы и въ глубокомъ мракѣ. Когда долгимъ рядомъ наблюденій изслѣдователь убѣдится въ *живучести* нѣкоторыхъ обычаевъ, вѣрований, обстановки жизни; тогда онъ не задумается, встрѣтивъ гдѣ либо *перерывъ свѣдѣтельствъ*, возвести существованіе ихъ и далѣе, чѣмъ доказываютъ монументальныя свѣдѣтельства, тогда онъ оцѣнитъ и всю важность преданія, замѣняющаго вещественныя памятники легко уничтожаемые» и проч. (стр. 219). Г. Казанскій опять въ недоразумѣніи, полагая, что *живучесть* извѣстной вещи мѣшаетъ положительно опредѣлять ея начало, которое когда нибудь именно было; и что *перерывъ свѣдѣтельствъ* можно такъ легко пополнить преданіемъ, когда этотъ *перерывъ* можетъ означать именно несуществованіе вещи. Гр. Уваровъ въ своемъ отвѣтѣ на замѣтку г. Казанскаго, разобравъ самымъ обстоятельнымъ образомъ его возраженія, опираясь на признанные наукою факты, выражаетъ совершенное несогласіе съ г. Казанскимъ относительно значенія преданія, какъ

«надежнѣйшаго руководителя» въ археологію. «Авторъ, замѣчаетъ гр. Уваровъ, ясно оцѣняетъ, о какомъ именно преданіи онъ говоритъ, разумѣя тутъ преданіе «обычаевъ, вѣрований, обстановки жизни». Такое преданіе, нашему мнѣнію, трудно назвать надежнѣйшимъ руководителемъ въ наукѣ, которая нуждается въ положительныхъ данныхъ. Для русской археологіи въ особенности, мы ежедневно употребляемъ въ пагубномъ вліяніи однихъ изустныхъ преданій и поверхностныхъ свѣдѣній о нашихъ старинѣхъ». Мы приводили выше примѣры, какъ какимъ образомъ одинъ и тотъ же памятникъ изъ «обстановки жизни» одинъ изъ нашихъ археологовъ относилъ къ XI-му вѣку, а другой болѣе доказательно, къ XVI-му; этотъ примѣръ дѣйствительно существуетъ въ русской археологіи, и первое опредѣленіе основывалось на преданіи, другое—на положительныхъ данныхъ. «Сколько неосновательныхъ мнѣній о нашихъ древностяхъ, продолжаетъ гр. Уваровъ, прошло и переходитъ обыденно устными преданіями? Сколько неточныхъ описаній, потому что они основаны на одномъ преданіи! Ответственная наша археологія навѣрно стояла на степеняхъ науки, еслибъ доселѣ не возмѣстившись часто одними преданіями, обращались бы къ самимъ источникамъ. Археологія, какъ математика, требуетъ точности въ одной цифрѣ подтверждающихъ выводы, а другая памятники, доведенные ученою работкою и критикою до степени вѣрныхъ и положительныхъ данныхъ; подобно цифрамъ, считать они точною и крѣпкою опорою въ наукѣ» (стр. 228). Съ этими словами нельзя конечно, не согласиться, и нельзя не пожелать, чтобы научная критика имѣла, наконецъ, въ нашей литературѣ подобающее ей мѣсто. Статя гр. Уварова представляетъ прекрасный примѣръ этой научной критики и яснаго пониманія научныхъ требованій.

Статья г. Аванасьева: «Примѣръ вліянія язына на образованіе народныхъ вѣрований и обрядовъ», приводитъ не мало любопытныхъ образеній и отличается обильнымъ и тора богатствомъ указаній въ области мнелогіи. Впрочемъ, рядомъ съ ней, полезно читателю замѣчанія, сдѣланныя на нее во 2-мъ выпускѣ гдѣ г. Потемня приводитъ не мало филологическихъ и мнелогическихъ поправокъ, весь вообще дѣльныхъ и основательныхъ.

го. г. Котляревскій,—ученый писатель, до сихъ поръ еще не ознаменовавшій своей дѣятельностью ни однимъ дѣльнымъ и большимъ трудомъ въ какой ожидается отъ него теперь), но не смодержавъ на то, имѣющей и теперь очень авторитетный голосъ въ русской археологіи,—напечатать въ изданіи Московскаго Общества весьма опытный трактатъ: о «Металлахъ и ихъ работѣхъ въ до-историческую эпоху у племенъ индо-европейскихъ», который можетъ быть прочтенъ съ интересомъ не только записнымъ археологомъ, но и обыкновеннымъ любознательнымъ читателемъ. Г. Котляревскій, съ свойственнымъ ему умѣньемъ, или вѣрнѣе сказать талантомъ, старается свести въ цѣлое изысканія новѣйшей археологіи объ извѣстности и употребленіи металловъ въ древнѣйшую пору европейской цивилизаціи. Свое изслѣдованіе онъ раздѣляетъ на нѣсколько частныхъ вопросовъ, именно: какому народу принадлежатърудя *каменнаго тѣла* въ Европѣ?—названія металловъ у индо-европейскихъ племенъ; археологическіе выводы отсюда;—металлы у скифовъ. Обширное знакомство съ археологической литературой, въ самыхъ разнородныхъ ея отрасляхъ, точность критики, остроуміе выводовъ,—качества, которыми обыкновенно отличаются труды г. Котляревскаго,—являются, конечно, и въ этомъ трудѣ. Это одна изъ лучшихъ статей въ «Древностяхъ».

Далѣе—«Скискія могилы, Чертомлыцкій курганъ», статья г. Забѣлина, весьма занимательный рассказъ о раскопкахъ, которыя производятся въ южно-русскихъ степяхъ и составляютъ много драгоценныхъ (часто въ буквальномъ смыслѣ) матеріаловъ для археологическаго изученія этихъ мѣстностей, гдѣ въ древности скинская жизнь встрѣчалась съ греческой цивилизаціей. Чертомлыцкій курганъ есть одна изъ самыхъ большихъ «могилъ», въ которыхъ обыкновенно находятъ всего больше археологической добычи, еще не растащенной и не перерытой искателями кладовъ. Статья г. Забѣлина даетъ весьма отчетливое понятіе о характерѣ этихъ могилъ, о процессѣ раскапыванія и о положеніи вещей, которыя бывають находимы въ гробницахъ. Статья любопытна тѣмъ болѣе, что г. Забѣлинъ уже много лѣтъ занимается этой археологической практикой и говоритъ съ большимъ знаніемъ дѣла.

Затѣмъ слѣдуютъ еще небольшія изслѣдова-

нія г. Котляревскаго о «Скандинавскомъ кораблѣ на Руси», и г. Иловайскаго о «Вѣчевой степени», т. е. той «степени» или ступени (извѣстнаго возвышенія), которая была принадлежностью вѣча, и вступленіе на которую было знаніемъ достоинства посадника. Г. Котляревскій, въ своей статьѣ, останавливается на томъ чудномъ и изукрашенномъ кораблѣ, который описывается въ былинахъ о Соловьѣ Будимировичѣ и гостѣ Садеѣ: авторъ объясняетъ символическое значеніе этихъ изображеній корабля, и находитъ источникъ ихъ въ скандинавскомъ влганіи.

Мы указали главныя статьи перваго выпуска «Древностей», и изъ этого указанія читатель можетъ видѣть разнообразіе ихъ археологическаго содержанія. Не менѣе занимателенъ и второй выпускъ, вышедшій недавно. Боясь утомить вниманіе читателя, мы назовемъ только главныя статьи.

«Недремлемое око Спасово» (отрывокъ изъ русской символики), гр. Уварова, представляетъ новое изслѣдованіе изъ церковной археологіи, исполненное съ такимъ же знаніемъ дѣла, какъ и упомянутое нами выше. «О Долѣ и сродныхъ ей существахъ», изслѣдованіе г. Потехина: авторъ обнаруживаетъ большія свѣдѣнія въ міеологіи, особенно славянской, и, что у насъ еще очень рѣдко, хорошо знакомъ съ методами сравнительно-филологическихъ изслѣдованій, въ которыхъ наши ученые до сихъ поръ позволяютъ себѣ не мало произвола. Нѣсколько общихъ замѣчаній о значеніи мненческаго воззрѣнія, высказанныхъ авторомъ по поводу мнѣній г. Буслаева, по нашему мнѣнію, очень важны (стр. 164—167). Много вѣрныхъ поправокъ сдѣлалъ также г. Потехина къ статьѣ г. Аванасьева, о которой мы упоминали выше.

За изслѣдованіями, болѣе или менѣе обширными, въ «Древностяхъ» слѣдуютъ и «Археологическія извѣстія», особый отдѣлъ, посвященный небольшимъ замѣткамъ, археологическимъ новостямъ, извѣстіямъ о новыхъ открытіяхъ и т. п.; и наконецъ, отдѣлъ библиографическій. Въ этомъ послѣднемъ въ особенности любопытенъ обзоръ «Новыхъ трудовъ по археологіи Востока, Греціи и Рима», составленный г. Герцемъ. Авторъ извѣстенъ давно своими археологическими трудами, и его обстоятельное обзорѣніе новѣйшей литературы по указанному предмету можетъ быть прочитано съ

интересомъ всякимъ образованнымъ читателемъ. Затѣмъ, въ общей библиографіи представляется весьма полный перечень новыхъ археологическихъ сочиненій въ иностранной и русской литературѣ съ отчетливыми рецензіями.

«Археологическій Вѣстникъ» предназначенъ для изслѣдованій меньшаго объема и для текущихъ занятій общества. Здѣсь также дается мѣсто библиографіи и печатаются протоколы засѣданій. Мы не будемъ останавливаться на этомъ изданіи, потому что общій характеръ его тотъ же, какой мы видѣли въ «Трудахъ».

Вообще, изданія Московскаго Археологическаго Общества производятъ самое благоприятное впечатлѣніе, и мы желаемъ имъ всего успѣха, какой только возможенъ для подобнаго изданія въ нашемъ обществѣ. Археологическіе труды, напечатанные въ изданіяхъ Общества, стоятъ на уровнѣ современной науки, и это ругается за ту пользу, какую принесетъ продолженіе ихъ для русской археологіи, до сихъ поръ ведущей нѣсколько случайное существованіе. Мы находимъ весьма разумнымъ со стороны Общества, что оно даетъ болѣе широкой смыслъ археологическому вопросу, чѣмъ это дѣлалось до сихъ поръ въ нашей литературѣ, и полагаемъ, что разработка археологіи въ этомъ смыслѣ можетъ именно содѣйствовать распространенію лучшихъ понятій о предметѣ въ массѣ общества, отъ которой такъ много зависитъ самое сохраненіе памятниковъ; вмѣстѣ съ тѣмъ это можетъ сообщить и собственно русскимъ изслѣдованіямъ болѣе широкую и болѣе научную точку зрѣнія, чѣмъ какая еще остается въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ нашихъ археологическихъ изысканій (чему примѣръ мы имѣли случай указывать въ статьѣ г. Казанскаго).

Общество понимало также необходимость дѣльнаго систематическаго труда по русской археологіи, который бы могъ служить нѣкоторой точкой опоры для дальнѣйшихъ археологическихъ изысканій или сводомъ собранныхъ доселѣ свѣдѣній. Съ этой цѣлью оно начало собирать и печатать въ своихъ изданіяхъ «Матеріалы для археологическаго Словаря». Такое изданіе, конечно, весьма необходимо; программа его, принятая обществомъ, кажется намъ достаточно обдуманной и полной, — мы думали бы, что Общество могло бы съ большою пользою для дѣла предложить своимъ членамъ обратить особенное вниманіе на эту сторону ихъ общихъ интере-

совъ. Труды подобнаго рода бываютъ вообще очень благотворны для науки. Книга, въ которой всякій желающій удобно можетъ найти необходимыя свѣдѣнія не имѣя надобности тратить время на поиски въ разсыянныхъ статьяхъ и во многихъ изданіяхъ, такая книга, составляющая нѣкотораго рода энциклопедію и общій итогъ существующаго научнаго матеріала — вообще распространяетъ свѣдѣнія гораздо сильнѣе, чѣмъ могутъ это сдѣлать цѣлые ряды частныхъ отдѣльныхъ трактатовъ, идущихъ одинъ за другимъ безъ связи и системы, и вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ служить крайне полезнымъ пособіемъ для самихъ ученыхъ, облегчая справки и сберегая время. Мы понимаемъ очень хорошо всю трудность полного и всесторонняго исполненія такой задачи, при новости русской археологіи, какъ науки, при недостаточномъ числѣ компетентныхъ ученыхъ, и т. д., но мы придаемъ ей огромную важность и полагаемъ, что Московское Общество, такъ прекрасно начавшее теперь свою дѣятельность, еще увеличило бы дѣву своихъ трудовъ, если бы направило свои усилія въ особенности къ этой или подобной задачѣ. Мы знаемъ и другую трудность этого дѣла, которая заключается въ тамихъ ученыхъ: специалістъ, преданный своему дѣлу, не легко берется за работу, выходящую изъ круга его занятій въ настоящую минуту, и нѣсколько скучаетъ дѣломъ вынужденнымъ, какимъ необходимо было бы приготовленіе статей для словаря по требованіямъ алфавита; онъ скучаетъ также и писаніемъ вещей, давно извѣстныхъ въ наукѣ, которыя составляютъ для него рутину, и которыя однако совершенно необходимы въ подобной книгѣ; наконецъ, статья для словаря, руководства, энциклопедіи и т. п., требуетъ всегда особенной точности и нерѣдко можетъ потребовать большаго труда и времени для какихъ нибудь нѣсколькихъ строкъ. Но мы желали бы, чтобы всѣ эти трудности стали, въ глазахъ почтенныхъ ученыхъ, на второй планъ передъ неоспоримой пользою такого изданія, — появленіе котораго было бы въ литературѣ событіемъ.

Наука можетъ успѣшно развиваться въ обществѣ только параллельно съ тѣмъ, какъ распространяются общія понятія этой науки въ массѣ. Для этого распространенія общихъ понятій именно и необходимы изданія общаго, элементарнаго и энциклопедическаго характера.

Европейскія литературы давно уже богаты подобнаго рода изданіями, которыя обыкновенно улучшаются и распространяются параллельно съ движеніемъ самихъ наукъ. У нѣмцевъ, эта потребность — ученому ориентироваться въ наукѣ самому и ориентировать обыкновеннаго читателя, вызвала, наконецъ, кромѣ множества другихъ разнородныхъ изданій, знаменитую, громадную энциклопедію наукъ и искусствъ, Эрша и Грубера. Какъ бѣдны мы въ этомъ отношеніи, страшно сказать; и нѣтъ сомнѣній, что отсутствіе у насъ подобныхъ, даже и несравненно меньшихъ по объему, изданій, съ одной стороны есть слѣдствіе малаго развитія литературы и образованія, а съ другой и причина этого малаго развитія...

Но «Археологическій Словарь», по нашему мнѣнію, еще далеко не составилъ бы всего, что могли бы сдѣлать археологи для успѣха своей науки, и въ обществѣ, и вмѣстѣ для ея собственнаго развитія. Дѣло въ томъ, что наша литература вообще не доставляетъ почти никакихъ способовъ для правильнаго и сколько нибудь обширнаго изученія наукъ, знакомство съ которыми необходимо археологу. Въ этой литературѣ нѣтъ почти совсѣмъ общихъ книгъ и руководствъ по археологій вообще, по исторіи искусства, по міеологій и т. д., не говоря уже о специальныхъ отдѣлахъ этихъ наукъ, которые, однако, въ европейской литературѣ богаты замѣчательными сочиненіями и классическими книгами. И мы не можемъ не призвать ненормальнымъ такого положенія научной литературы, гдѣ она, представляя читателю разработку подробностей, отсылаетъ его за всѣми общими основаніями къ иностранной литературѣ. При такомъ положеніи вещей, научная литература предмета замедляется въ ея собственномъ движеніи, и ученые труды поневодѣ будутъ оставаться только частными попытками, которыя не избавятъ любознательнаго человѣка отъ необходимости интересоваться и руководиться только иностраннымъ, и мало заниматься русскимъ.— тогда какъ тѣ же ученые и заботятся теперь о томъ, чтобы обратиться его къ этому русскому....

Прежде всего, большую пользу оказали бы переводы классическихъ книгъ по археологій, исторіи искусства и т. д.,—потому что русской литературѣ нужно усвоить себѣ содержаніе европейской науки, и для этого ей еще нѣтъ пока необходимости (или, если угодно, въ на-

стоящую минуту даже и возможности) пере-дѣлывать вновь работу, уже сдѣланную, и она можетъ воспользоваться готовымъ содержаніемъ. Такого рода труды многіе считаютъ у насъ ниже своего ученаго достоинства; мы не понимаемъ этого высокоумія вообще относительно европейской науки, и въ частности въ отдѣлѣ археологій. Наша литература, мы сказали, ничего дѣлаго и общаго по этому предмету не имѣетъ, и мы могли бы съ должнымъ «піететомъ» смотрѣть на литературу Европы, которая укажетъ намъ длинный рядъ замѣчательныхъ произведеній по всѣмъ отраслямъ археологической литературы, и соплется напр. въ исторіи искусства на такія имена, какъ Шнаазе, Куглеръ, Дижонъ, Пиперъ, Ваагенъ и т. д. и т. д. Еслибы оказалось, что наши ученые силы довольно значительны и не удовлетворялись бы простой передачей чужого, тѣмъ лучше: иностранныя сочиненія могли бы явиться въ дополненномъ и усовершенствованномъ видѣ, съ большимъ развитіемъ тѣхъ отдѣловъ, которые относятся къ русской археологій, съ указаніемъ новѣйшихъ изслѣдованій, съ описаніемъ аналогическихъ фактовъ, представляемыхъ русской археологій и т. п. Серьезная работа подобнаго свойства равняется самостоятельному труду, но въ общей суммѣ приноситъ большую прибыль литературѣ, потому что содѣйствуетъ распространенію въ обществѣ основныхъ началъ науки, безъ которыхъ разработка ея частныхъ въ отдѣльной, собственно не богатой, литературѣ будетъ оставаться случайной и непрочной. Наша археологій еще такъ молода, что, по нашему убѣжденію, такая забота объ элементарныхъ ея потребностяхъ была бы совершенно уместна. — Московское Археологическое Общество чувствовало такую потребность, когда въ числѣ своихъ задачъ поставило составленіе археологического словаря, и конечно было совершенно право, когда находило нужнымъ собрать существующіи запасъ археологическихъ свѣдѣній и дать русской литературѣ книгу общаго основнаго характера. Мы вполне сочувствуемъ этому предпріятію и думаемъ, что Общество оказало бы литературѣ еще большую услугу, еслибы рядомъ съ этимъ обратило вниманіе и на указанную нами сторону дѣла: русская археологій приобрѣла бы тогда еще болѣе прочную основу.

А. П.—пз.

Библиографическія и Историческія примѣчанія къ баснямъ Крылова. Составилъ В. Кеневичъ. Изданіе Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. Сиб. 1868. Стр. 290. Ц 1 р.

Изданіе этихъ «Примѣчаній» приготовлено было ко дню столѣтней годовщины рожденія Крылова, что было въ февралѣ нынѣшняго года, и это едва ли не лучшее изъ того, чѣмъ русская литература хотѣла ознаменовать годовщину. Г. Кеневичъ уже нѣсколько времени тому назадъ началъ печатать отдѣльныя замѣтки о басняхъ Крылова; теперь онъ собралъ эти замѣтки въ одно цѣлое, расположивъ ихъ по хронологическому порядку самыхъ басенъ. Свои побужденія къ этому труду г. Кеневичъ высказываетъ такимъ образомъ. Крыловъ, говоритъ онъ, почти съ выхода первой его басни сдѣлался любимцемъ публики; за исключеніемъ двухъ-трехъ примѣровъ, литературная критика относилась къ нему только съ похвалами, и у своихъ современниковъ Крыловъ не нашелъ строгой, безпристрастной, правильной оцѣнки. Позднѣйшія статьи о Крыловѣ представляли или біографію писателя, или чисто литературную оцѣнку басенъ, почти не касаясь историческаго значенія его произведеній. Правда, не одинъ разъ была высказана мысль, что почти каждая оригинальная басня Крылова была вызвана какимъ-нибудь современнымъ общественнымъ явленіемъ и событіемъ; но всѣ замѣчанія, какія были только сдѣланы объ этой сторонѣ предмета, были крайне скудны и не представляли достаточно данныхъ для опредѣленія отношеній басенъ Крылова къ современной дѣйствительности.

«Между тѣмъ—говоритъ г. Кеневичъ—многія басни, оторванныя отъ исторической почвы, лишились своего настоящаго значенія, приобрѣтаютъ совершенно другой смыслъ; многіе правоучительные выводы кажутся до того общими мѣстами, что, повидимому, даже не могутъ найти примѣненія къ дѣйствительности. Оно и не можетъ быть иначе: забывъ или вовсе не зная тѣхъ обстоятельствъ, съ которыми связано литературное произведеніе, мы не можемъ ни правильно понять его, ни вѣрно опредѣлить направленіе дѣятельности писателя».

Съ этой мыслью г. Кеневичъ взялся за свой трудъ. Самъ онъ впрочемъ не дѣлаетъ здѣсь никакихъ общихъ выводовъ, и только соби-

раетъ матеріалы для рѣшенія. Прежде всего, онъ приводитъ басни въ хронологическій порядокъ, по тѣмъ прямымъ или косвеннымъ указаніямъ, какія находилъ въ своихъ источникахъ; затѣмъ почти къ каждой баснѣ онъ представляетъ примѣчанія, въ которыхъ опредѣляетъ ея источникъ, сравниваетъ прежнія басни Крылова съ ея прототипами у Эзопа, Федра, Лафонтена и др., приводитъ указанія (если они есть) о поводахъ къ сочиненію басни, указываетъ современныя обстоятельства и т. п.

Однимъ изъ важнѣйшихъ пособій при этомъ трудѣ служили г. Кеневичу рукописи Крылова, находящіяся въ Публичной Библиотекѣ и у г. Савельева, и эти послѣднія въ особенности. Въ этихъ рукописяхъ г. Кеневичъ нерѣдко находилъ указанія на время сочиненія басенъ, и кромѣ того, онъ нашелъ здѣсь множество вариантовъ, по которымъ могъ слѣдить за процессомъ литературной работы у Крылова. Эти варианты приведены г. Кеневичемъ, вмѣстѣ съ тѣми, какія онъ находилъ въ разныхъ перепечаткахъ.

Въ заключеніе книги помѣщенъ въ хронологическомъ порядкѣ списокъ статей о Крыловѣ до настоящаго времени.

Трудъ г. Кеневича исполненъ чрезвычайнаго добросовѣстно. Правда, для обыкновеннаго читателя онъ слишкомъ сухъ, слишкомъ переполненъ цифрами, вариантами и цитатами, въ которыхъ рѣдко можно найти страницу историческаго разсказа; но тѣ, кто ближе интересуется вопросами исторіи литературы, отдадутъ справедливости внимательному труду г. Кеневича и найдутъ въ немъ не одно важное указаніе.

Авторъ «Примѣчаній» совершенно справедливо указываетъ на необходимость объяснить историческія отношенія басенъ Крылова для опредѣленія дѣятельности этого писателя, самъ онъ находитъ пока невозможнымъ рѣшеніе этого вопроса, такъ какъ свидѣтельства современниковъ, собранныя до сихъ поръ, еще очень ограниченны, и самая исторія эпохи, а главнымъ образомъ царствованія Александра I, слишкомъ мало извѣстна. Мы думали бы однако, что рѣшеніе этого вопроса, которымъ должно опредѣлиться мѣсто Крылова въ исторіи общественнаго развитія, если и не можетъ быть сдѣлано теперь со всей точностью, то все-таки возможно въ приблизительной формѣ. Для этого

приблизительнаго рѣшенія достаточно и тѣхъ, хотя немногихъ, но положительныхъ указаній, какія существуютъ относительно нѣкоторыхъ басенъ и до известной степени раскрываютъ отношеніе Крылова къ разнымъ серьезнымъ вопросамъ общественной жизни. Притомъ басни не всегда такъ загадочны по своему смыслу, чтобы для пониманія ихъ нужна была цѣлая ихъ исторія. Въ иныхъ случаяхъ такая исторія освѣщаетъ для насъ смыслъ басни и придаетъ ей особенный, живой интересъ, когда мы узнаемъ, что волекъ въ баснѣ «Волкъ на Псарнѣ» изображаетъ Наполеона, а ловчій Кутузова; или что «Демьянова Уха» изображала чтеніе въ Бесѣдѣ русскаго слова у Державина; но такой интересъ нерѣдко остается только чисто анекдотическимъ. Онъ остается анекдотическимъ и въ другихъ случаяхъ, гдѣ басня отличаетъ общественные пороки и общественные недостатки, взяточничество, казнокрадство, всякаго рода дурные нравы и т. п.,—каковы большая доля въ басняхъ Крылова. Знать дѣйствительные поводы было бы важно тамъ, гдѣ, какъ въ басняхъ «Двѣ бритвы», «Рыбы пляски», «Пестрыя овцы» и т. п., указаніе дѣйствительнаго повода опредѣляетъ степень сатирической силы и смѣлости: общественнаго смысла въ нихъ невозможно не предполагать,—но вопросъ, относятся ли онѣ къ болѣе крупнымъ, или болѣе мелкимъ вещамъ, имѣетъ существенную важность для опредѣленія значенія басни, и можетъ сдѣлать ея смыслъ крупнымъ или некрупнымъ. Здѣсь историческія указанія о первоначальномъ сатирическомъ назначеніи басни были особенно важны; отчасти они и существуютъ, и свѣдѣность ихъ можетъ быть дополнена сличеніями и аналогіями. Наконецъ, еще въ иномъ разрядѣ басенъ, историческое указаніе опять ничего не измѣняетъ въ характеристикѣ возрѣвнн писателя: таковы, напр., по нашему мнѣнію, басни «Водолазы» и «Сочинитель и разбойникъ», для которыхъ мы не находимъ благоприятнаго объясненія, на что и на кого бы они собственно ни мѣтили. Такимъ образомъ, вопросъ о значеніи басенъ Крылова по отношенію къ исторіи общества и общественныхъ понятій намъ кажется довольно разрѣшимъ и въ настоящее время, и надобно желать, чтобы ваши историки-литераторы обратили наконецъ вниманіе на эту сторону дѣла, объясненіе которой въ первый разъ представитъ намъ дѣя-

тельность Крылова въ ея настоящемъ историческомъ свѣтѣ.

А. П.—гг.

Памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ державами иностранными. По Высочайшему повелѣнію изданные II-мъ Отдѣл. собственной Е. И. В. канцеляріи. Т. IX. Сношенія царя и великаго князя Петра Алексѣевича съ римскимъ императоромъ Леопольдомъ въ 1698—1699 гг. Спб. 1868. Стр. 1230. Ц. 2 р.

Съ 1849 г., II-е Отдѣленіе собственной Его Величества канцеляріи предприняло цѣлый рядъ изданій памятниковъ, относящихся къ древней нашей исторіи. Въ 1850 г., начато было изданіе «Дворцовыхъ разрядовъ» и окончено въ 1855 въ чetyрехъ большихъ томахъ съ приложеніемъ особой книги къ 3-му тому, заключающей въ себѣ рукописи разрядовъ, открытыя уже послѣ изданія этого тома. Въ 1853 г. начато и въ 1855 окончено изданіе общихъ «Разрядныхъ книгъ по официальнымъ спискамъ», въ двухъ томахъ, къ которымъ, впоследствии, въ 1865 г. изданъ указатель, съ приложеніемъ нѣсколькихъ снимковъ съ рукописей этихъ книгъ. Изданіе «Памятниковъ дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ державами иностранными», началось съ 1851 г. и продолжается и въ настоящее время. Указывая на эти изданія нельзя не вспомнить съ благодарностію имени графа Д. Н. Блудова, просвѣщенному вниманію котораго они обязаны своимъ появленіемъ. Всѣ эти изданія производились подъ главною редакцію А. П. Попова съ участіемъ въ разныхъ изъ нихъ В. М. Ундольскаго, Н. Д. Бѣльева, А. Ф. Бычкова, А. Ф. Тюриня и И. К. Калугина.

Изданный теперь IX-й томъ заключаетъ первую, по плану издателей, серію этого изданія, въ которую вошли сношенія древней Россіи съ римскими императорами. Въ этомъ томѣ, и въ VIII-мъ, помѣщены всѣ документы, относящіеся къ такъ-называемому великому посольству и къ дипломатическимъ переговорамъ, находившимся съ нимъ въ связи. Это посольство любопытно особенно потому, что въ немъ *инкогнито* или, какъ выражено въ самыхъ памятникахъ—*подъ прикрытельствомъ*—находился самъ Петръ Великій, предпринявшій путешествіе по Европѣ съ цѣлію лично познакомиться съ просвѣщенными странами и для

изученія *корабельнаго дѣла*. Хотя собственно о личной дѣятельности царя, мало свѣдѣній въ этихъ документахъ, однако изъ свободы дѣйствій великихъ пословъ по разнымъ предметамъ, особенно по избранію на польскій престолъ саксонскаго курфюрста, гдѣ она выразилась съ крайнею настойчивостію, изъ постоянной ихъ заботы о наймѣ въ царскую службу корабельщиковъ и разныхъ мастеровыхъ, и изъ распоряженій о приготовленіи и о покупкѣ нужныхъ для судостроенія вещей, ясно выражается та воля, которая давала направление всѣмъ дѣйствіямъ великаго посольства, въ которыхъ отразились всѣ задушевныя мысли и стремленія царя о задуманныхъ имъ преобразованіяхъ въ Московскомъ государствѣ.

Документы, помѣщенные въ IX т., обнимаютъ сношенія царя Петра Алексѣевича съ римскимъ императоромъ Леопольдомъ въ 1698—1699 годахъ, изъ которыхъ наиболѣе любопытны тѣ, въ которыхъ подробно описано пребываніе царскаго посла, думнаго совѣтника Прокофья Богдановича Возницына на съѣздѣ въ Петербургѣ, вмѣстѣ съ уполномоченными отъ союзныхъ государей, куда онъ былъ посланъ для заключенія мира съ турками. Изъ этого описанія оказывается съ одной стороны полное недоброжелательство цесарскихъ и польскаго уполномоченныхъ къ Россіи, стремившихся удалить царскаго посла отъ непосредственныхъ сношеній съ турками, и скрывавшихъ отъ него свои намѣренія и дѣйствія; съ другой, искусство царскаго уполномоченнаго, при всѣхъ окружавшихъ его затрудненіяхъ, и хранити интересы Россіи, и заключить съ турецкими уполномоченными такое перемиріе, каваго требовало тогдашнее положеніе Россіи. Сверхъ того, въ этомъ томѣ помѣщено описаніе пріѣзда въ Москву цесарскаго посланника Игнатія Гаріента, съ порученіемъ отъ императора Леопольда подтвердить прежнюю дружбу съ царемъ, но особенно за тѣмъ, чтобы провѣдать о движеніяхъ царскихъ войскъ и замыслахъ русскаго двора, по заключеніи перемирія съ турками.

Нельзя не обратить также вниманія на расходныя книги великаго посольства, помѣщенные въ приложеніи къ этому тому. Издатель отступилъ въ этомъ случаѣ отъ принятаго въ другихъ томахъ правила, не печатая расходныхъ

посольскихъ книгъ, которыя значительно увеличили объемъ и такъ уже огромнаго изданія. Но мы не можемъ не одобрить, допущенаго въ этомъ именно случаѣ, исключенія правила потому, что расходныя книги посольства, въ которомъ находился самъ Петръ Великій, представляютъ особенный интересъ.

Мы слышали, что вторая серія памятникъ будетъ заключать сношенія съ итальянскими государствами и начнется сношеніями съ испанскимъ дворомъ, гдѣ въ первый разъ появится въ печати статейный списокъ посольства іеронима Поссевина и его переговоры съ Иоанномъ Грознымъ.

Записки адмирала Семена Ивановича Мордвинова. Писанныя собственною его рукою. С 1868. Стр. 78. Ц. 75 к.

Автобиографическія записки Дмитрія Борисовича Мертваго, 1760—1824. Изд. «Рус. Арх.» Москва. 1867 г. Стр. 168. Ц. 1 р.

Литература мемуаровъ у насъ не богата. Русская исторія до-петровскихъ періодовъ совсѣмъ лишена этого важнаго пособія нынѣшней исторіи, разрабатывая эти періоды на основаніи актовъ и лѣтописей, оживляя свой рассказъ только записками иностранцевъ. Мемуары русскихъ дѣятелей XVIII и нынѣшняго вѣка немногочисленны, и хотя въ числѣ ихъ находятся важныя источники, но, за неимѣніемъ нѣтъ такихъ, которые представляли бы полныя картины какой либо эпохи нарисованныя дѣятелями первостепенными. Впрочемъ, втеченіи послѣднихъ лѣтъ дѣятельности появилось въ свѣтъ довольно много мемуаровъ, самое существованіе которыхъ было неизвѣстно; другіе были извѣстны и служили даже источниками при изслѣдованіяхъ, но издавались до времени по той или другой причинѣ.

Къ числу первыхъ принадлежатъ записки Д. Б. Мертваго, въ числѣ вторыхъ—записки адмирала С. И. Мордвинова. Интересъ первыхъ заключается именно въ томъ, что онъ представляетъ картину порядковъ и условій нашей администраціи конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія, начерченную челоукомъ ученымъ и свидѣтелемъ честнымъ; вторые представляютъ только интересъ лѣтописца, но при всей своей сухости и краткости, они важны для исторіи нашего флота.

Адмиралъ С. И. Мордвиновъ былъ отецъ гдѣ извѣстнаго адмирала графа Николая меновича Мордвинова, столь популярнаго свое время члена государственнаго совѣта. Адмиралъ С. И. Мордвиновъ (род. 1701, ум. 17 г.) находился въ числѣ молодыхъ дворянъ, которыхъ обученіемъ и распредѣленіемъ разнымъ отраслямъ службы занимался самъ гръ. Мордвиновъ былъ въ числѣ первыхъ демариновъ посланныхъ за границу и отданъ въ французскую службу, гдѣ даже получилъ чинъ. Достигнувъ высшихъ чиновъ, Мордвиновъ былъ одинъ изъ устроителей нашего русского управленія. Императоръ Петръ III ручилъ ему начальство надъ всѣмъ флотомъ и правленіе адмиралтейскою коллегіею, а императрица Екатерина II, въ день вступленія его на престолъ, послала его, съ адмираломъ изыннымъ въ Кронштадтъ, «для важнаго дѣла», какъ онъ выражается самъ, необясняемая, впрочемъ, въ чемъ оно состояло. Изъ дальнѣйшихъ словъ его, приходится заключить, что оно состояло въ приведеніи флота къ присягѣ. Чтобы показать, какъ относятся записки Мордвинова къ событіямъ, приведемъ слѣдующіе строки: «Юня 18-го призванъ я былъ къ сударю (Петру III) въ Равенбомъ, для нѣкоторыхъ повелѣній. 28-го іюля Государыня императрица Екатерина Алексѣевна вступила на престолъ».... Въ большей части случаевъ, записки Мордвинова представляютъ только терять краткой глгописи; но для историка нашего флота въ нихъ найдется весьма много важныхъ, почему они и были изданы вслѣдствіе спорженія морского министерства, въ архивъ котораго хранится подлинникъ. Текстъ полненъ примѣчаніями, которыя занимаютъ въ книгѣ болѣе мѣста, чѣмъ самыя записки.

Записки Д. Б. Мертваго, обнимающія периодъ 1760—1824 годовъ, представляютъ большой интересъ особенно по участию автора въ военномъ управленіи въ 1807—1810 гг. въ должноти генералъ-провіантмейстера, и по отношеніямъ его къ Аракчееву. Ясная картина злоупотребленій и произвола въ царствованіе императора Павла Петровича и въ началѣ царствованія Александра Павловича въ яркихъ краскахъ возстаетъ подъ перомъ не подкупнаго автора. Дѣятельная служба его относилась только къ первому периоду силы Аракчеева, отъ котораго онъ и

терпѣлъ постоянное гоненіе. Первая глава записокъ Д. Б. Мертваго была напечатана въ «Русскомъ Вѣстникѣ» и затѣмъ, полный текстъ въ «Русскомъ Архивѣ». Вышедшая книга есть только оттискъ изъ этого изданія.

Книжна Тараканова и принцесса Владимірская. Изд. Д. Кожанчикова. П. Мельникова. Спб. 1868 г. Стр. 290. Ц. 1 р. 25 к.

Это только перепечатка статьи «Русскаго Вѣстника» въ прошломъ году, подписанной М.—Г. Мельникову принадлежить нѣсколько статей о томъ же предметѣ въ разныхъ изданіяхъ. Статья, вышедшая теперь отдѣльно, есть сводъ всего, что извѣстно до сихъ поръ о женщинѣ, назвавшей себя княжною Таракановою; самостоятельнаго изслѣдованія она не представляетъ. Это — компиляція, написанная по случаю появленія въ «Чтеніяхъ» Московскаго общества исторіи и древностей свѣдѣній, доставленныхъ о княжнѣ Таракановой графомъ В. Н. Панинымъ. Въ этихъ чтеніяхъ помѣщено было извлеченіе изъ записки, составленной во II Отдѣленіи собственной его величества канцеляріи, съ приложеніемъ многихъ писемъ Екатерины и гр. Орлова и т. д.

Мы имѣли уже случай говорить подробнѣе о статьѣ г-на М. въ Литературной хроникѣ нашего журнала (1867, т. IV, отд. III стр. 36), и потому теперь не останавливаемся на ней.

Замѣтимъ только небрежность, съ какою у насъ нѣкоторые «изслѣдователи» рѣшаются относиться къ предмету своихъ «изслѣдованій». Вотъ статья, съ значеніемъ чисто-компилятивнаго, такъ какъ даже никакой своей мысли въ ней нѣтъ, и эта статья является въ видѣ книги, въ то самое время, когда ее слѣдовало переделывать, потому что за выходомъ въ свѣтъ важныхъ новыхъ свѣдѣній о ея предметѣ, она утратила даже свое значеніе, какъ компиляція. Въ самомъ дѣлѣ, со времени составленія ея вышла въ свѣтъ, сперва въ Берлинѣ по-нѣмецки (см. декабрьскую книжку «Вѣстн. Евр.»), потомъ на русскомъ языкѣ полная записка въ изданіи Русскаго Историческаго Общества. Къ этой запискѣ приложены нѣкоторые документы, оставшіяся неизвѣстными г. Мельникову, (какъ напр. важное письмо Екатерины къ гр. Орлову, 12 ноября 1774, изъ котораго видно, что сама императрица подала мысль завлечь «княжну Тараканову» на русскій корабль). Ме-

жду тѣмъ, авторъ преспокойно отпечатать въ видѣ отдѣльной книги свою статью изъ «Р. В.», безъ всякаго дополненія. Такимъ образомъ, книга его въ настоящее время является компиляціею не всего извѣстнаго о ея предметѣ.

Основныя начала финансовой науки. К. Г. Рау, проф. въ Гейдельбергѣ. Переводъ съ пятого нѣмецкаго изданія, подъ редакціей В. Лебедева. Т. II. Спб. 1868, Стр. 372. Ц. 2 р.

Рау, какъ финансистъ, не имѣетъ того значенія, какое принадлежитъ ему какъ экономисту. Сочиненіе его, переведенное на русскій языкъ (I-й томъ вышелъ подъ редакцію А. Корсака, II-й подъ редакцію В. Лебедева), важно особенно по богатству фактовъ, приводимыхъ въ немъ для примѣра. Поэтому г. Лебедевъ очень хорошо сдѣлалъ, что не «оставилъ всѣ эти» примѣчанія, хотя, по мнѣнію его, высказанному въ предисловіи, нѣкоторые изъ нихъ можно было опустить. Богатство приведенныхъ примѣровъ именно и есть главное достоинство книги. Въ вопросѣ о протекціонизмѣ и свободной торговлѣ Рау, признавая совершенство принципа свободной торговли, оговариваетъ необходимость его постепеннаго примѣненія тамъ, гдѣ промышленность создана высокимъ тарифомъ. Сочиненіе Рау очень полезно какъ справочная книга, тѣмъ болѣе, что въ ней приняты въ соображеніе и факты послѣднихъ годовъ (до 1866 г.)

Опытъ общепонятнаго изложенія нѣкоторыхъ началъ финансовой науки съ примѣненіемъ ихъ къ Россіи. Соч. А. Шипова. Выпускъ I. Спб. 1868. Стр. 124. Ц. 70 к.

Обзоръ основаній рациональнаго тарифа, примененнаго къ потребностямъ Россіи. Соч. А. Шипова. I. Спб. 1868. Стр. 44. Ц. 35 к.

Одинъ изъ нашихъ протекціонистовъ, г. Шиповъ, высказываетъ такое рвеніе въ защитѣ дорогихъ ему началъ, что оба предпріятыя имъ, небольшія сочиненія, имѣющія цѣль полемическую, выпускаетъ по частямъ, брошюрами. Опытъ изображенія «нѣкоторыхъ» началъ финансовой науки, само собой разумѣется, не можетъ имѣть научнаго значенія уже потому, что касается только «нѣкоторыхъ» началъ, да и тѣхъ съ цѣлью исключительно-полемическою. Обзоръ финансоваго управленія и налоговъ въ Англіи и Франціи сдѣланъ не дурно, и въ немъ

вся серьезная часть брошюры. Главными причинами нашихъ экономическихъ затрудненій авторъ выставляетъ: акцизную систему, имѣющую въ виду «развитіе въ народѣ необузданнаго пьянства», *ослободившую* у насъ систему либеральныхъ пошлинъ (!) и нашу кредитную систему. Въ первомъ выпускѣ не окончена еще третья глава, а всѣхъ будетъ пять. Итого, весь опытъ изложенія нѣкоторыхъ началъ финансовой науки составитъ страницъ 200 малаго формата въ $\frac{1}{16}$.

«Обзоръ основаній рациональнаго тарифа» сдѣланъ въ размѣрѣ и съ характеромъ нѣсколькихъ газетныхъ статей. Въ № 35 «Москвича» мы нашли продолженіе книжки, лежащей передъ нами, въ которомъ авторъ приступаетъ къ примѣненію выведенныхъ имъ «рациональныхъ началъ». Все разстройство нашего общественаго и государственнаго хозяйства объясняется «насилственнымъ подавленіемъ вроднаго труда». Вотъ какъ легко опровергать науку: стоитъ только передѣлать ея терминологию, наклеить ярлыки собственнаго произведенія, обратить свободу торговли въ «насилственное подавленіе народнаго труда», а акцизную систему, основанную на «развитіи и народѣ необузданнаго пьянства» назвать «свободною торговлею» виномъ—и дѣло будетъ сдѣлано. «Основаніе рациональнаго тарифа» г. Шипова мы рекомендуемъ, какъ руководство для пріятныхъ jeux de société, для упражненій и инсказанійхъ, ребусахъ, шарадахъ, метаморфозахъ и т. д.

Философія уголовного права въ популярномъ изложеніи. А. Франка, профессора въ Collège de France. Переводъ Д. Слонимскаго. Спб. 1868. Стр. 244. Ц. 1 р.

Г. Франкъ придерживается въ криминальной теоріи ученія либерально-посредствующаго. Онъ исходитъ не изъ физиологическихъ фактовъ, удостовѣренныхъ и признанныхъ положительною наукою, а изъ отвѣченнаго умозрѣнія, изъ ученія о добрѣ и злѣ и значеніи ихъ, какъ понятія прирожденнаго человѣку. Онъ — идеалистъ, но идеалистъ либеральнѣйшихъ много. Онъ отрицаетъ всякое сходство между преступною и большою волею, но отрицая и всѣ основанія права наказанія, придуманныя криминалистическою философіею, и именно: принципъ искупленія, принципъ раз-

номѣрнаго воздаянія зломъ за зло и пр., оставивается на *право самосохраненія*. Между тѣмъ, право самосохраненія уже вовсе не идеальное право, а необходимость, т. е. право естественное. Такимъ образомъ, система, выведенная изъ отвлеченныхъ принциповъ понятія о добрѣ и злѣ, приходитъ къ системѣ устрашенія, которая уже не оправдывается справедливостью, а просто объясняется удобствомъ. Франкъ, какъ всѣ приверженцы посредствующихъ мѣстъ, остается безъ теоріи строго-раціональной. Смертную казнь, зтогъ вѣнецъ системы устрашенія, онъ отрицаетъ.—Книжка, изложенная популярно, во всякомъ случаѣ интересна. Переводъ не дуренъ, хотя можно замѣтить, что нѣкоторые иностранныя слова, какъ напр. «Дебиторъ» и «Законъ Тальона (!)» слѣдовало замѣнить русскими.

Исторія индуктивныхъ наукъ отъ древнѣйшаго и до настоящаго времени. *Вильяма Уэвелла*. Переводъ М. А. Антоновича. Т. III. Сбп. 1868. Стр. 624. Ц. 2 р.

Въ этомъ томѣ превосходный трудъ Уэвелла еще не конченъ. Недостаетъ конца исторіи физиологій, всей исторіи геологій, біографическихъ приложеній и т. д. Издатели хотя бы дополнили слѣдующій, послѣдній выпускъ хронологическимъ указателемъ естественно-научныхъ открытій и бібліографическимъ указателемъ литературы естествознанія. Переводъ цѣлой исторіи естественныхъ наукъ прежде всего требуетъ полнаго знакомства съ ихъ терминологіею. На сколько условіе это выполнено въ переводѣ названнаго нами сочиненія—предоставляемъ судить специалистамъ.

Сочиненія Диккенса и Теккерея. Торговый домъ Домби и сынъ, романъ *Чарльса Диккенса*. Переводъ И. Введенскаго. 2 тома. Спб. 1868. Стр. 544 и 557. Ц. 3 р.

Переводъ И. Введенскаго давно извѣстенъ и пользуется хорошою репутаціею въ литературномъ отношеніи. Нельзя не пожалѣть, что переводчикъ посягнулъ на оригинальность англійскаго слога, и заставилъ «англичанъ» Диккенса употреблять типическія выраженія русскаго языка, какъ бы желая тѣмъ удержать за ними оригинальность подлинника. Во всякомъ случаѣ, Введенскій принадлежитъ къ числу лучшихъ нашихъ переводчиковъ, и послѣ него мы рѣдко встрѣчаемъ его искусство и

Томъ II. — Мартъ, 1868.

талантъ.—Цѣна, по числу страницъ и формату книгъ, относительно, пожалуй, не велика. Но подумайте, что англійскій оригиналъ, изданный не хуже и конечно удобнѣе (въ 3 томикахъ), можно купить здѣсь за 2 рубля, и кромѣ того, русскій переводъ является не новымъ изданіемъ.

Записки о жизни и времени святителя Филарета, митрополита московскаго. Состав. *Н. В. Сушкова*. Съ фотографическимъ портретомъ. Москва. 1868. Стр. 163. Ц. 2 р. 50 к.

Авторъ, въ 1828 г., имѣлъ первый случай узнать ближе покойнаго Филарета, митрополита московскаго. Объясненіемъ личныхъ событій, приведшихъ въ Москву Н. В. Сушкова, начинаются его «Записки». Въ 1863 г., авторъ напалъ на мысль «собрать и сохранить возможно полную свѣдѣнія о жизни м. м. Филарета»; при жизни его, Н. В. Сушковъ «иное рассказывалъ ему для повѣрья, и очень немного читалъ ему». Судя по изданному нынѣ, авторъ успѣлъ собрать весьма разнообразныя матеріалы и присоединилъ къ тому свои личныя воспоминанія, болѣе или менѣе любопытныя. Указываемъ въ особенности на «Приложенія», гдѣ можно встрѣтить не мало весьма интересныхъ документовъ. На первомъ мѣстѣ помѣщены письма протоіерея Соколова, «мистика и мартиниста», духовному надзору котораго авторъ былъ отданъ покойнымъ Филаретомъ въ 1828 году; изъ послѣдующихъ документовъ уважемъ на переписку Филарета, тогда архіепископа московскаго, съ новгородскимъ митрополитомъ Серафимомъ, и письмо А. С. Шишкова, министра народнаго просвѣщенія, къ послѣднему, отъ 21 ноября 1824 г., по тому случаю, что указомъ св. синода типографской конторѣ было предписано остановить печатаніе и продажу катихизиса, сочиненнаго Филаретомъ, только-что за годъ предъ тѣмъ рассмотрѣннаго, одобреннаго св. синодомъ, и изданнаго по высочайшему повелѣнію.

До Филарета, какъ видно, дошелъ еще только слухъ о томъ, и потому онъ пишетъ:

«Непонятно, чѣмъ, и какъ, и почему приведено нынѣ (1824 г.) въ сомнѣніе дѣло (т. е. катихизисъ) столь чисто и совершенно утвержденное всѣмъ, что есть священнаго на земли.

«Не великая была бы забота, если бы сомнѣніе угрожаю только личности человека, бывшаго орудіемъ сего дѣла; но не угрожаетъ ли оно іерархіи? Не угрожаетъ ли церкви?»

«Если сомнительно православіе катихизиса, столь торжественно утвержденного св. синодомъ, то не сомнительно ли будетъ православіе самого святѣйшаго синода? — Допущеніе сего сомнѣнія не потрясетъ ли іерархію до основанія, не возмутитъ ли мира церкви? Не произведетъ ли тяжкаго церковнаго соблазна?»

«Судъ, который надъ дѣяніемъ святѣйшаго синода произнесетъ одинъ священникъ (если то правда, что одному священнику поручено дать мнѣніе о катихизисѣ, синодально утвержденномъ), увѣритъ ли всю церковь и не обнаружитъ ли только разрушеніе іерархическаго порядка чрезъ допущеніе такого суда?»

«Не нужно сказывать В. В., что надъ дѣяніемъ святѣйшаго синода, касательно ученія вѣры, вѣрный и достойный принятія судъ, по правиламъ святыхъ, соборныхъ и апостольскихъ церкви, можетъ быть не иной, какъ судъ чрезвычайный полнаго собора помѣстнаго или вселенскаго, подъ покровительствомъ государя императора» и т. д.

Митрополитъ Серафимъ, въ своемъ отвѣтѣ, замѣтивъ, что «удовлетворительно отвѣчать не можетъ», старается успокоить архіепископа, и заключаетъ письмо словами: «Итакъ, потерпи, пастырь добрый, — терпѣніе не посрамитъ, оно доставитъ Вамъ опытность, которая и въ послѣдствіи времени крайне полезна Вамъ будетъ, что я имѣлъ случай и самъ надъ собою дознать».

Далѣе, мы находимъ: «Письмо м. м. Филарета» къ одному изъ своихъ родственниковъ; «О тѣлесныхъ наказаніяхъ съ христіанскою точкою зрѣнія», и т. д. Въ заключеніе, укажемъ на весьма любопытныя «Воспоминанія, относящіяся къ восшествію на престолъ государя императора Николая Павловича», писанныя 25 лѣтъ спустя м. м. Филаретомъ, по просьбѣ, какъ замѣчаетъ авторъ «Записокъ», одной глубокочтимой митрополитомъ особы. Рукопись была доставлена Н. В. Сушкову преосвященнымъ Леонидомъ 26 августа 1865 г.

POST-SCRIPTUM.

Настоящая книжка нашего журнала кончалась уже печатаніемъ, когда мы получили отъ сенатора М. К. Цеймерна письмо, по поводу присоединенной нами замѣтки къ статьѣ: „Стефанъ Баторій подъ Псковомъ“ (см. февраль, стр. 728, ссылка). Мы помѣстили ту замѣтку безъ всякаго желанія нарушить чей либо интересъ, и только хотѣли слышаннымъ нами пополнить извѣстіе о рукописи, которое было сообщено авторомъ статьи. Если въ наши показанія вкрадывается неточность, мы всегда готовы съ благодарностью помѣстить у себя все, что можетъ содѣйствовать къ возстановленію истины. Вотъ, содержаніе письма:

М. Г.

Въ февральской книжкѣ, 1868 года (стр. 725), издаваемаго подъ вашею редакціею журнала «Вѣстникъ Европы», напечатана статья: «Стефанъ Баторій подъ Псковомъ», по новымъ документамъ, изданнымъ Академіею наукъ, съ слѣдующимъ замѣчаніемъ въ ссылкѣ: «Къ извѣстію г. Кояловича объ исторіи рукописи дневника необходимо сдѣлать дополненіе и вмѣстѣ поправку. А. Н. Поповъ при проѣздѣ своемъ чрезъ Рязань, въ 1854 г., первый узналъ отъ архіепископа Гавріила, что еще въ бытность его въ Могилевѣ, онъ подарилъ сенатору Цеймерну замѣчательные документы, которые онъ желалъ бы сдѣлать общедоступными. А. Н. Поповъ, по возвращеніи своемъ въ Петербургъ, рассказалъ о томъ гр. Блудову, который уговорилъ владѣтеля рукописи пожертвовать ее въ Публичную бібліотеку, а приготовленіе къ изданію было поручено А. Н. Попову. По докладу гр. Блудова, 28 апрѣля 1855 года, мысль объ изданіи и планъ его, съ изложеніемъ всего содержанія рукописи, былъ высочайше одобренъ. Подъ надзоромъ А. Н. Попова, была снята копія текста и приготовленъ русскій переводъ г. Сѣдлецкимъ. Оставалось исправить и сверить окончателно переводъ, но, по докладу барона М. Корфа, 21 іюня 1862 года все дѣло было передано въ Академію наукъ. О судьбѣ русскаго перевода мы ничего не знаемъ».

По поводу этого замѣчанія, необходимо сдѣлать и съ моей стороны дополненіе и вмѣстѣ поправку. Рукопись эту, дѣйствительно, получилъ я отъ покойнаго архіепископа Гавріила, но не въ Могилевѣ, какъ сказано въ дополненіи, а въ Рязани, по слѣдующему случаю: во время ревизіи мною рязанскихъ судебныхъ мѣстъ, зимою 1847 и 1848 гг., я имѣлъ честь познакомиться съ преосвященнымъ Гавріиломъ, который часто бесѣдовалъ со мною о русской исторіи, и въ одну изъ этихъ бесѣдъ показалъ мнѣ хранившуюся у него помянутую рукопись и далъ ее прочесть. Познакомившись такимъ образомъ съ этимъ драгоценнымъ для русской исторіи памятникомъ, я почелъ долгомъ выразить преосвященному свое мнѣніе о необходимости отдачи рукописи въ какое либо публичное хранилище для сбереженія ея и сдѣланія доступною лицамъ, интересующимся отечественною исторіею. По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, проѣздомъ чрезъ Рязань, я посѣтилъ преосвященнаго и, заведя разговоръ о рукописи, вновь намекнулъ о необходимости принять мѣры къ сохраненію этого манускрипта, вслѣдствіе чего преосвященный владыка и отдалъ ее въ мое распоряженіе. Сообразно съ дѣломъ, для которой рукопись была мнѣ передана, я, вскорѣ по возвращеніи моемъ изъ Рязани, дозволилъ сдѣлать изъ нея извлеченія гг. Буссе и графу Шлатеру, изъ коихъ первый помѣстилъ эти извлеченія въ журналѣ «Das Inland» (1853, № 11) и въ повременномъ изданіи «Остзейскаго Общества Исторіи и Древностей» (Mittheilungen aus der Livländischen Geschichte, 1857, Band VIII, Heft 3).

Затѣмъ, обратился ко мнѣ нѣкто (сколько мнѣ помнится, тайный совѣтникъ Бревенъ), отъ имени графа Блудова, прося дозволить снять копію съ этой рукописи, для изданія ея въ свѣтъ, на что я вполне согласился. Но какъ, за тѣмъ, въ теченіе около двухъ лѣтъ, ни рукописи, ни извлеченія изъ нея, въ свѣтъ не появилось, то я, опасаясь за эту вѣренную мнѣ драгоценность, рѣшился взять ее обратно. Получивъ рукопись, уже въ 1855 году, я принесъ въ даръ Императорской Публичной бібліотекѣ, при письмѣ на имя барона М. А. Корфа, въ которомъ я выразилъ желаніе преосвященнаго, «чтобы все, относящееся до Россіи, издано было въ свѣтъ, и приняты были мѣры къ сохраненію самой рукописи, чтобы она была доступна для любителей науки».

Послѣ этого, при встрѣчѣ съ графомъ Дмитріемъ Николаевичемъ, на балѣ у ея императорскаго высочества государыни великой княгини Маріи Николаевны, я рассказалъ ему о такомъ своемъ распоряженіи, и графъ одобрилъ его; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, изъявилъ нѣкоторое сожалѣніе, что рукопись передана не Академіи наукъ.

Настоящимъ хозяиномъ манускрипта я считалъ не себя, а преосвященнаго Гавриила, которому принадлежитъ честь открытія и сохраненія этого драгоценнаго документа, и по этому я внесъ его въ Публичную бібліотеку отъ его имени, и какъ бы по его порученію. Сообразуясь съ моимъ взглядомъ, и начальство бібліотеки за это приношеніе признательность свою изъявило преосвященному, и въ ознаменованіе оной поднесло ему свои изданія. Въ послѣдствіи преосвященный меня благодарилъ за таковыя мои распоряженія.

Изъ этого изволите видѣть, м. г., что рукопись не оставалась у меня въ сокрытіи, что покойный графъ Дмитрій Николаевичъ вовсе не уговаривалъ меня отдавать ее въ Публичную бібліотеку, и что въ подобномъ уговариваніи не было и надобности, ибо самъ я считалъ своею обязанностью заботиться о цѣлостномъ сохраненіи ея на общую пользу.

Покорнѣйше прошу васъ, милостивый государь, напечатать мое письмо въ ближайшемъ № вашего журнала.

Примите и проч.

М. Цеймеръ.

24 февраля, 1868 года.

М. Стасюлевичъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

КАТАЛОГЪ

КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНОВЪ

Д. Е. КОЖАНЧИКОВА.

Въ С.-Петербургѣ, въ Гостиномъ дворѣ, № 4.
Въ Казани, на Воскресенской улицѣ, въ домѣ Апакова.
Въ Варшавѣ, на Новомъ Свѣтѣ, въ домѣ подъ № 1245.

ИСТОРИЧЕСКІЯ МОНОГРАФІИ И ИЗСЛѢДОВАНІЯ

Н. И. КОСТОМАРОВА.

Изд. Д. Е. Кожанчикова, 8 томовъ.

Томъ I и II. — Мысли о федеративномъ началѣ въ древней Руси. — Черты народной южно-русской исторіи. — Двѣ русскія народности. — Легенда о Кровосмѣсителяхъ. — О значеніи Великаго Новгорода. — Должно ли считать Бориса Годунова основателемъ крѣпостного права? — Велико-русскіе релігіозные вольводумцы XVI вѣка. — Иванъ Сусанинъ. — Иванъ Свирговскій, украинскій казакскій атаманъ XVI вѣка. — Гетманство Выговскаго. — Бунтъ Стеньки Разина. — По поводу мыслей свѣтскаго челоуѣка о книгѣ «Сельское духовенство». С.-Петербургъ. 1863 г. Цѣна за 2 тома 3 руб. 50 коп.

Томъ III. — Куликовская битва. — Ливонская война, нападеніе Ивана Васильевича Грознаго на Ливонію и паденіе Ливонскаго ордена. — Южная Русь въ концѣ XVI вѣка: а) Подготовка церковной уніи; б) Бунтъ Кассинскаго и Наливайки; в) Унія. — Ливонская народная поэзія. — Объ отношеніи русской исторіи къ географіи и этнографіи. Спб. 1867 г. Ц. 2 руб.

Томъ IV, V и VI. *Смутное время Московскаго исударства*, въ началѣ XVII столѣтія. — Названный царь Димитрій. — Царь Василій Шуйскій и Воры. — Московское' разореніе. Спб. 1868 г. Ц. за 3 тома 6 руб.

Томъ VII и VIII. *Исторія Новгорода, Пскова и Вятки* во время удѣльно-вѣчеваго уклада. (Сѣвернорусскія Народоуправства). Спб. 1868 г. Ц. за 2 тома 3 р. 50 коп.

Кто былъ Лжедмитрій? Историческое изслѣдованіе Н. И. Костомарова. Спб. 1864 г. Ц. 60 к.

Княжна Тараканова и принцесса Владмирская, соч. П. И. Мельникова. Изд. Д. Е. Кожанчикова. Спб. 1868 г. Ц. 1 р. 25 к.

Графы Никита и Петръ Панины. Опытъ разработки новѣйшей русской исторіи. Соч. П. С. Лебедева. Изд. Д. Е. Кожанчикова. Спб. 1862 г. Ц. 1 р.

Самозванцы и понизовская вольница. Историческія монографіи Д. Мордовцева, 2 тома. Спб. 1867 г. Ц. 2 р. 50 к.

Иезуиты въ Россіи, съ царствованія Екатерины II и до нашего времени, соч. св. Моршвина. Томъ 1-й. Спб. 1867 г. Ц. 2 р. 50 к.

Новиковъ и Московскіе Мартинисты. Исторія Масонства, соч. Лонгинова. М. 1866 г. Ц. 3 р.

Румынскія Государства, Молдавія и Валахія въ историко-статистическомъ отношеніи, соч. С. Н. Палаузова. Спб. 1859 г. Ц. 2 р.

Исторія русской церкви, томы I, II и III. соч. Макарія архіепископа Харьковскаго. Второе исправленное изданіе. Спб. 1868 г. Ц. за 3 тома 4 р. 50 к.; той же исторіи томъ IV и V. Ц. за 2 тома 4 р.

Исторія христіанства въ Россіи, до равноапостольнаго князя Владиміра; соч. Макарія архіепископа Харьковскаго. 2-е исправленное изданіе. Спб. 1868 г. Ц. 1 р. 50 к.

Дѣло патріарха Никона; соч. Н. Субботина. М. 1863 г. Ц. 1 р. 25 к.

Изслѣдованіе о сочиненіяхъ Юсіа Санина, преподобнаго игумена Волоцкаго; соч. И. Хрущова. Спб. 1862 г. Ц. 2 р.

Историческіе очерки поповщины, соч. П. И. Мельникова, съ картин. М. 1864 г. Ц. 1 р. 50 к.

Земство и расколъ, соч. А. Шапова; изд. Д. Е. Кожанчикова. Спб. 1863 г. Ц. 75 к.

Раскольничьи дѣла XVIII столѣтія, замѣствованныя изъ дѣлъ Преображенскаго приказа и тайной розыскныхъ дѣлъ канцеляріи г. Есиповымъ; изд. Д. Е. Кожанчикова. 2 тома Спб. 1863 г. Ц. 1-го тома 2 р. 50 к. и 2-го 2 руб.

Разказы изъ исторіи старообрядства, по раскольничьимъ рукописямъ, переданные С. Максимовымъ, съ портретомъ инова Корнилія; изд. Д. Е. Кожанчикова. Спб. 1861 года Ц. 75 к.

Взглядъ на исторію и этнографію западныхъ губерній Россіи, Р. Эркерта; съ картами. Спб. 1864 г. Ц. 2 р.

Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи о русской исторіи, М. Погодина, 7 томовъ. М. 1859 г. Ц. 10 р.

Исторія Государства Россійскаго, соч. Н. Карамзина 12 томовъ. Спб. 1853 г. Ц. 10 р. Той же исторіи изд. Эйнерлинга 3 тома съ ключемъ. Спб. 1844 г. Ц. 10 р.

Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ соч. С. М. Соловьева, 17 томовъ. М. 1867 г. продаются отдѣльно по 2 р. за томъ.

Историко-этнографическія замѣтки о Великихъ-Лукахъ и его уѣздѣ. М. Семевского. Спб. 1857 г. Ц. 1 р.

Ключъ или Алфавитный указатель къ исторіи Россіи С. М. Соловьева, сост. И. Шиловъ, съ родословными таблицами М. 1864 г. Ц. 3 р.

Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи, соч. А. Ригельмана, съ 30 рисунками. М. 1847 г. Ц. 2 р.

Малороссія въ 1767 г. Эпизодъ изъ исторіи XVIII столѣтія; соч. В. Авсеенко К. 1864 г. Ц. 50 к.

Объ историческомъ значеніи царствованія Бориса Годунова, соч. П. Павлова. Спб. 1862 г. Ц. 50 к.

Повѣствованіе о Россіи Арцыбышева. 3 тома М. 1858 г. Ц. 15 р.

Разказы изъ русской исторіи отъ древнѣйшихъ временъ до паденія великаго Новгорода соч. И. Бѣллева, 2 тома М. 1864 г. Ц. 3 р. 50 к.

Татищевъ и его время, соч. Н. Попова. М. 1861 г. Ц. 2 р. 50 к.

Тысячелѣтіе Россіи. Очеркъ отечественной исторіи П. Павлова. Спб. 1863 г. Ц. 70 к.

Начало и характеръ Пугачевщины, соч. П. Щебальскаго. М. 1865 г. Ц. 75 к.

Чтенія изъ русской исторіи (въ исходѣ XVII вѣка), соч. П. Щебальскаго. 5 выпусковъ. М. 1866 г. Ц. 2 р. 95 к.

Исторія войны 1799 года между Россіей и Франціей въ царствованіе Павла I-го, сост. Д. Милютинъ 3 тома. Спб. 1857 г. Ц. 10 р.

Исторія войны 1812 года, по достовѣрнымъ источникамъ, М. Богдановича; съ картами и планами. 3 тома. Спб. 1860 г. Ц. 10 р.

Исторія войны 1813 г. за независимость Гер-

маніи. М. Богдановича, 2 тома съ картами. Спб. 1863 г. Ц. 7 р. 50 к.

Исторія войны 1814 г. во Франціи и низложенія Наполеона I; соч. М. Богдановича. 2 т. съ картами. Спб. 1865 г. Ц. 4 р.

Война Россіи съ Турціей и польскими конфедератами (1769—1774 г.); соч. А. Петрова. 2 тома съ картами. Спб. 1866 г. Ц. 4 р. 50 к.

Графиня Екатерина Ивановна Головкина и ея время (1700—1791 г.); соч. М. Хмырова. Спб. 1867 г. Ц. 1 р. 50 к.

Закавказье отъ 1803—1806 г. Н. Дубровина. Спб. 1866 г. Ц. 3 р.

Исторія борьбы Московскаго государства съ Польско-литовскимъ 1462—1508 г.; соч. Г. Барпова. М. 1867 г. Ц. 1 р. 50 к.

Борьба за польскій престолъ въ 1773 г.; соч. В. Герье, М. 1862 г. Ц. 2 р.

Исторія польскаго народа. Г. Смита, 3 тома. Спб. 1867 г. Ц. 5 р. 25 к.

Исторія наденія Польши, соч. С. М. Соловьева, М. 1863 г. Ц. 2 р.

Записки о Московіи Герберштейна, пер. И. Анонимова. Спб. 1866 г. Ц. 1 р.

Воспоминанія Ф. Вигеля. 3 тома. М. 1866 г. Ц. 3 р. 50 к.

Дневникъ Іоанна Корба (1698—1699 г.) съ описаніемъ мятежа Стрѣльцовъ, пытокъ и казней надъ ними, а также подробное описаніе внутренняго быта Московскаго государства. Съ 5 рисунками. М. 1868 г. Ц. 3 р.

Дневныя записки малороссійскаго подскарбія генеральнаго Я. Марковича. 2 тома. М. 1856 г. Ц. 3 р. 50 к.

Записки о Россіи при Петрѣ Великомъ Басевича. М. 1866 г. Ц. 1 р. 25 к.

Записки о жизни и службѣ Александра Ильича Вибикова. М. 1865 г. Ц. 1 р. 50 к.

Записки о Петрѣ Великомъ, Виліамса. Спб. 1836 г. Ц. 1 р.

Записки о Екатеринѣ Великой. Грибовскаго. М. 1864 г. Ц. 1 р.

Записки Артиллеріи Матера М. В. Данилова въ 1771 г. М. 1842 г. Ц. 1 р. 50 к.

Записки Г. Р. Державина (1743—1812 г.). М. 1860 г. Ц. 2 р.

Записки А. П. Ермолова (1801—1812 г.). М. 1865 г. Ц. 3 р.

Записки Желябужскаго (1682—1769 г.). Спб. 1840 г. Ц. 1 р.

Записки Дюка Ларійскаго и Барвикскаго (1727—1730 г.). Спб. 1845 г. Ц. 75 к.

Записки И. В. Лопухина. М. 1860 г. Ц. 1 р. 50 к.

Записки Манштейна (1727—1744 г.). М. 1823 г. Ц. 3 р.

Записки графа Минниха, сына фельдмаршала. Спб. 1817 г. Ц. 1 р. 50 к.

Записки В. А. Нащокина. Спб. 1842 г. Ц. 1 р. 50 к.

Записки С. Порошина. Спб. 1844 г. Ц. 2 р. 50 коп.

Записки графа Сегюра (1785—1789 г.). Спб. 1865 г. Ц. 1 р. 50 к.

Записки современника, С. Жихарева (1805—1813 г.). Изд. Д. Е. Кожанчикова. Спб. 1859 г. Ц. 1 р. 25 к.

Записки кн. Я. П. Шаховскаго. Спб. 1821 г. Ц. 1 р. 50 к.

Записки и письма М. С. Щенкина. М. 1864 г. Ц. 1 р. 25 к.

Записки Льва Николаевича Энгельгардта о временахъ Екатерины, Павла и Александра I. Полный по возможности текстъ. М. 1867 г. Ц. 1 р. 50 к.

Маркизь де-ла-Шетарди въ Россіи (1740—1742 г.). П. Певарскаго. Спб. 1862 г. Ц. 1 р. 75 коп.

Памятныя записки А. В. Храповицкаго. М. 1862 г., ц. 1 р. 50 к.

Война съ Турціей и разрывъ съ западными державами въ 1853 и 1854 г. Ег. Ковалевскаго. Съ планами и картою. Спб. 1868 г. Ц. 2 р.

Описание Кіева, соч. Н. Закревскаго. Два большихъ тома, въ 4 д. л., около 1000 стр., и съ отдѣльнымъ альбомомъ картъ, плановъ, чертежей и снимковъ съ древностей Кіева. М. 1868 г. Ц. за 2 т. съ альбомомъ 7 р.

Подробное историческое и археологическое описаніе Москвы съ рисунками, А. Мартынова, текстъ Снегирева. М. 1865 г. Ц. 10 р.

Московская Оружейная Палата. М. 1860 г. Ц. 3. 50 к.

Русская Геральдика, А. Лавіера 2 т. Спб. 1865 г. Ц. 5 р.

Деньги и Пулы древней Руси, великокняжескія и удѣльныя, съ 2 приложеніями, Д. Сонцова. В. 1862 г. Ц. 3 р. 50 к.

Обозрѣніе русскихъ денегъ и иностр. монетъ, употреблявшихся въ Россіи въ древнія времена,

соч. Шодуара, съ рисунками. 2 т. Спб. 1837 г. Ц. 15 р.

Домашній бытъ русск. царей въ XVI и XVII столѣтияхъ, соч. И. Забѣлина. М. 1862 г. Ц. 3 р.

Корсуменскія врата, находящіяся въ новгородскомъ Софійскомъ соборѣ. Ф. Аделунга, съ рисунками. М. 1834 г. Ц. 3. р.

Промышленность древней Руси, соч. Н. Аристова. Спб. 1866 г. Ц. 1 р. 50 к.

Библиографическое обзоріе русскихъ лѣтописей Полѣнова. Спб. 1850 г. Ц. 3 р.

Обзоръ хронографовъ русск. редакціи, А. Попова. М. 1866 г. Ц. 2 р.

Сказаніе о св. Борисѣ и Глѣбѣ. Сильвестровскій списокъ XIV вѣка, съ палеографическимъ снимкомъ всего житія и 41 рисункомъ. Спб. 1860 г. Ц. 6 р.

Сборникъ Муханова. Спб. 1866 г. Ц. 5 р.

Русскій Историческій Сборникъ 7 т. М. 1843 г. Ц. 1 р. за томъ.

Исторія о донскихъ казакахъ А. Ригельмана, съ 19 рисунками. М. 1846 г. Ц. 2 р.

Временникъ Императорскаго Общества Исторіи и древностей Россійскихъ. 25 книгъ. Ц. по 1 р. 75 к. за книгу.

Чтенія въ Императорскомъ обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ за 1853, 1859, 1860, 1861, 1862, 1863, 1864, 1865, 1866 и 1867 годы. Ц. за 4 большихъ т., составляющихъ годовое изданіе, 6 р., а за всѣ 10 лѣтъ 40 большихъ томовъ ц. 60 р.

Русскій Архивъ за 1863 г., большой т. Ц. 5 р. за 1864 г. ц. 5. р., за 1865 г. ц. 6. р., за 1866 г. ц. 6. и за 1867 г. ц. 6 р.

Сборникъ русскаго историческаго общества. томъ 1-й. Спб. 1867 г. Ц. 2 р.

Полное собраніе русскихъ лѣтописей, томы I, II, IV, V, VI, VII, VIII, IX, и XV-й продаются по 2 р. за томъ.

Акты Археографической Экспедиціи. 4 тома Ц. 10 р.

Акты историческіе. 5 томовъ. Ц. 10 р.

Дополненія къ актамъ историческимъ, 8 т. Ц. 16 р.

Документы, объясняющіе исторію западно-русскаго края и его отношеніе къ Россіи и къ Польшѣ, съ 3 картами. Ц. 2 р.

Акты, относящіяся къ исторіи западной Россіи, 5 томовъ. Ц. 10 р.

Акты, относящіяся къ исторіи южной и за-

падной Россіи, томы 1, 2 и 4-й по 2 р. за томъ, а томъ 3-й ц. 3 р.

Акты на иностранныхъ языкахъ, относящіяся къ Россіи, 2 тома, ц. 4 р.

Дополненія къ актамъ на иностранныхъ языкахъ. Ц. 2 р.

Сказанія иностранныхъ писателей о Россіи. одинъ томъ. Ц. 2 р.

Акты юридическіе съ указателемъ. Ц. 2 р. 50 к.

Акты относящіяся до юридическаго быта древней Россіи, 2 тома. Ц. 4 р.

Путешествіе игумена Давіида по св. землѣ, въ началѣ XII вѣка. Ц. 2 р. 50 к.

О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича, современное сочиненіе Котошихина. Ц. 1 р. 50 к.

Граматы, касающіяся до сношеній Сѣверо-Западной Россіи съ Ригію и ганзейскими городами. Ц. 4 р.

Писцовыя книги Новгородской земли, 2 тома Ц. 4 р.

Томе Изморской земли, 2 выпуска съ картою. Ц. 1 р. 50 к.

Письма русскихъ государей и другихъ особъ царскаго семейства. Ц. 2 р.

Лѣтописи занятій Археографической Комиссіи. 3 выпуска. Ц. 1 р. 50 к.

Собраніе Государственныхъ грамотъ и договоровъ, хранящихся въ государственной комиссіи иностранныхъ дѣлъ: 4 большихъ тома, съ гравированными изображеніями печатей и снимками собственноручныхъ подписей. М. 1813—1828 г. Ц. за 4 тома 24 р.

Древнія Россійскія стихотворенія, собранія Киршею Давиловымъ, изд. К. Калайдовича. М. 1818 г. Ц. 4 р

Исторія Льва Діакона Калойскаго и другія сочиненія византійскихъ писателей. Спб. 1820 г. Ц. 2 р.

Софійскій временникъ или русская лѣтопись съ 862—1534 годъ, изд. П. Строевъ. 2 тома. М. 1821 г. Ц. 5 р. 50 к.

Намятники Россійской словесности XII вѣка съ объясненіями, вариантами и образцами почерковъ. К. Калайдовича. М. 1821 г. Ц. 3 р.

Историческій и хронологическій опытъ о посадникахъ новгородскихъ. М. 1821 г. Ц. 2 р. 50 к.

Іоаннъ Экзархъ болгарскій. Исслѣдованіе, объясняющее исторію славянскаго языка и ли-

тературы IX и X вѣка, соч. К. Калайдовича. М. 1824 г. Ц. 6 р.

Кирилль и Месодій, славянскіе первоучители. Историко-критическое изслѣдованіе Госифа Добровскаго. М. 1825 г. Ц. 2 р.

Документы для исторіи дипломатическихъ сношеній Россіи съ западными державами, отъ заключенія всеобщаго мира въ 1814, до конгресса въ Веронѣ въ 1822 г. Изд. министерства иностранныхъ дѣлъ, 2 т. Спб. 1823 г. Ц. 12 р.

Лѣтопись событій въ югозападной Россіи въ XVII вѣкѣ Самуила Величко. К. 1851 г. Ц. 5 р.

Лѣтопись гадяцкаго полковника Гроблянки. К. 1854 г. Ц. 1 р. 50 к.

Материалы для отечественной исторіи. М. Судіенко. 2 тома. К. 1855 г. Ц. 5 р.

Памятники, изд. временною комиссіею для разбора древнихъ актовъ, 4 т. К. 1859 г. Ц. 16 р.

Русское государство въ половинѣ XVII вѣка. 2 тома. М. 1835 г. Ц. 3 р.

Сказаніе современниковъ о Димитрѣ Самозванцѣ, изд. Устрялова. 2 т. Спб. 1859 г. Ц. 4 р.

Сказаніе князя Курбскаго, изд. Устрялова. Спб. 1843 г. Ц. 4 р.

Сочиненія Ивана Песешкова. 2 т. М. 1863 г. Ц. 3 р.

Памятники народнаго быта болгаръ. Каравелова. М. 1861 г. Ц. 1 р. 50 к.

Исторія Сербіи, Л. Ранке. 1857 г. Ц. 2 р. 50 к.

Кирилль и Месодій, какъ православные исповѣдники у западныхъ славянъ, Лавровскаго. Х. 1861 г. Ц. 2 р.

Игры славянскаго язычества. Д. Шеннига. М. 1849 г. Ц. 1 р. 50 к.

Новыя материалы для древнѣйшей исторіи славянъ вообще и для славяно-русовъ. 3 выпуска. Е. Классона. М. 1861 г. Ц. 3 р.

Нумизматическія изслѣдованія славянскихъ монетъ. Д. Сонцева. М. 1865 г. Ц. 2 р.

Иезитическія воззрѣнія славянъ на природу. Опытъ сравнительнаго изученія славянскихъ преданій и вѣрованій въ связи съ мнѣніями сказаніями другихъ родственныхъ народовъ. А. Аванасьева 2 т. М. 1868 г. Ц. 1-му тому 2 р., томъ 2-й ц. 3 р.

Демострой попа Сильвестра. Новое изд. по рукописямъ императорской публичной бібліотеки. Изд. Д. Е. Кожанчикова, подъ редакціею В. Яковлева. Спб. 1867 г. Ц. 1 р. 50 к.

• **Феодоритовомъ словѣ**. Опытъ бібліографи-

ческаго изслѣдованія о дѣуперстіи, соч. свящ. І. Виноградова. М. 1866 г. Ц. 1 р. 50 к.

Введеніе въ православное богословіе, Макарія архіепископа харьковскаго. 3-е изд. Спб. 1863 г. Ц. 2 р.

Православное догматическое богословіе Макарія архіепископа харьковскаго 3-е изданіе. 2 большихъ тома. Спб. 1868 г. Ц. 6 р.

Стоглавъ. Соборъ бывшій въ Москвѣ при царѣ и великомъ князѣ Іоаннѣ Васильевичѣ. Изд. по древнимъ рукописямъ, принадлежащимъ извѣстнымъ любителямъ старины Т. Ѳ. Большакову и Д. Ѳ. Болотову. Изд. Д. Е. Кожанчикова. Спб. 1863 г. Ц. 2 р.

Исторія Выговецкой старообрядческой пустыни. Изд. по рукописи Ивана Филипова, съ соблюденіемъ его правописанія, Д. Е. Кожанчиковымъ. Большой томъ съ 11 портретами знаменитыхъ старообрядцевъ и двумя видами Выговскаго общежительнаго монастыря. Спб. 1862 г. Ц. 3 р.

Три челобитныя. Справщика Савватія, Саввы Романова и монаховъ Соловецкаго монастыря. Изд. по древнимъ рукописямъ Д. Е. Кожанчиковымъ. Спб. 1862 г. Ц. 75 к.

Житіе протопопа Аввакума, имъ самимъ написанное. Изд. по старинной рукописи, подъ редакціею Н. Тихонравова, Д. Е. Кожанчиковымъ. Спб. 1862 г. Ц. 75 к.

Повѣсть о бѣломъ Клобуцѣ и сказаніе о хранительномъ быліи, мерзкомъ зеліи еже есть табакѣ. Изд. Д. Е. Кожанчикова. Спб. 1862 г. Ц. 40 к.

Гражданское развитіе Америки, соч. В. Дрэнпера. Спб. 1866 г. Ц. 1 р. 30 к.

Демократія въ Америкѣ А. Токвиля, 4 тома. К. 1860 г. Ц. 3 р.

Новая Америка, соч. Диксона, съ картинами. Спб. 1867 г. Ц. 4 р.

Исторія Американской войны 1861 — 1865 г., соч. Флетчера. Спб. 1865 г. Ц. 2 р.

Исторія Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, К. Неймана. Спб. 1864 г. Ц. 75 к.

Историческій очеркъ жизни Вашингтона, соч. Гизо. Спб. 1863 г. Ц. 1 р.

Жизнь Франклина, соч. Минье. Спб. 1863 г. Ц. 75 к.

Исторія Австріи, соч. гр. Майлата. М. 1859 г. Ц. 1 р. 50 к.]

- Исторія Германіи**, соч. Кольрауша. 2 т. М. 1860 г. Ц. 3 р.
- Исторія крестьянской войны въ Германіи**, соч. Циммермана. Спб. 1865 г. Ц. 1 р. 25 в.
- Исторія Нидерландской революціи и основаніе республики соединенныхъ провинцій**. Д. Мотлея. 2 тома. Спб. 1867 г. Ц. 5 р.
- Англія въ XVIII столѣтіи**, публичныя лекціи Вызинскаго. 2 тома. М. 1861 г. Ц. 1 р. 50 в.
- Исторія Англійской революціи**. Восшествіе на престолъ Карла 1-го, его смерть, англійская республика и Кроувель (1625—1658 г.). Соч. Гизо, 3 т. Спб. 1860 г. Ц. 3 р.
- Исторія контръ-революціи въ Англіи при Карлѣ II и Яковѣ II**, соч. Ар. Карреля, 2 т. Спб. 1867 г. Ц. 3 р.
- Исторія завоеванія Англіи Норманами**, съ изложеніемъ причинъ и послѣдствій этого завоеванія въ Англіи, Шотландіи и Ирландіи и на материкѣ, до нашего времени. Соч. Ог. Тьерри. 3 т. Спб. 1859 г. Ц. 3 р.
- Исторія Маріи Стюартъ**, соч. М. Минье, 2 части. Спб. 1863 г. Ц. 2 р.
- Исторія Цивилизаціи въ Англіи**, соч. Бокля, пер. Тиблена. 2 т. Спб. 1865 г. Ц. 4 р. 50 в.
- Полное собраніе сочиненій Маколая**. 16 т. Спб. 1867 г. Ц. 25 р. Первые 15 томовъ продаются также отдѣльно по 1 р. 50 в. за томъ, а томъ 16-й (200 портретовъ) 6 р.
- Исторія революціи 1848 г.** Соч. Гарнье-Паже. 3 т. Спб. 1864 г. Ц. за 3 тома 4 р. 25 в.
- Исторія Французской революціи и ея времени (1789—1795 г.)**. Соч. Г. Зибеля. 4 т. Спб. 1867 г. Ц. за 4 тома 6 р.
- Исторія Французской революціи**, соч. Минье. 2 т. Спб. 1867 г. Ц. 3 р.
- Исторія Французской революціи**, соч. Карлейля. М. 1866 г. Ц. 1 р. 50 в.
- Исторія Франціи отъ низверженія Наполеона I, до возстановленія имперіи (1814—1852 г.)**, соч. Рохау. 2 т. Спб. 1865 г. Ц. 3 р. 50 в.
- Исторія Франціи въ XVI вѣкѣ** (эпоха возрожденія), соч. Мишле. Спб. 1860 г. Ц. 1 р.
- Реформа**. Изъ исторіи Франціи въ XVI вѣкѣ, соч. Мишле. Спб. 1862 г. Ц. 1 р.
- Людовикъ XIV и его вѣкъ**, соч. А. Дюма, съ рисунками. 2 т. Спб. 1861 г. Ц. 3 р.
- Исторія цивилизаціи во Франціи**, соч. Гизо, томъ 1. Спб. 1861 г. Ц. 1 р. 50 в.
- Старый порядокъ и революція**, соч. Токвиля. Спб. 1861 г. Ц. 1 р. 50 в.
- Записки Іосифа Гарibaldi**. 3 части. Спб. 1860 г. Ц. 1 р. 50 в.
- Саванарола и Флоренція**. Историческая монографія Н. Особина. 2 части. К. 1865 г. Ц. 1 р. 50 в.
- Исторія царствованія Филиппа II, короля испанскаго**, соч. В. Прескота. 2 т. Спб. 1858 г. Ц. 2 р.
- Борьба Греціи за независимость**. Отъ начала борьбы за независимость до низверженія короля Оттона I. Соч. Е. Феофтистова. Спб. 1863 г. Ц. 1 р. 50 в.
- Галлы въ эпоху Кайя Юлія Цезаря**, соч. А. Георгіевскаго. М. 1865 г. Ц. 2 р.
- Помпея и открытія въ ней древности**, съ очеркомъ Везувія и Геркуланума. В. Классовскаго. Съ планами и рисунками. Спб. 1856 г. Ц. 4 р.
- Римъ**. Начало, распространеніе и паденіе всемірной монархіи римлянъ, соч. В. Вегнера. 2 т. съ 500 рисунковъ въ текстѣ. Спб. 1865 г. Ц. 8 р.
- Римская исторія Момсена**. 2 т. М. 1863 г. Ц. 3 р.
- Многія классической древности**. Г. Штоля. Съ рисунками и полиптиками. 2 т. М. 1867 г. Ц. 1-му тому 2 р. 50 в., 2-му 2 р.
- Олимпъ, или греческая и римская мнелогія въ связи съ египетской, германской и индійской**, соч. Петискуса. Спб. 1866 г. Ц. 2 р.
- Эллада, Картины древней Греціи, ея религія, могущество и просвѣщеніе**, В. Вегнера. 2 т. съ рисунками. Спб. 1868 г. Ц. 4 р. 50 в.
- Археолого-нумизматическій сборникъ**, содержащій въ себѣ сочиненія и переводы относительно Тавриды и Босфора Киммерійскаго. Гр. Спасскаго. М. 1850 г. Ц. 3 р.
- Босфоръ Киммерійскій съ его древностями и достопамятностями**. Гр. Спасскаго. М. 1846 г. Ц. 5 р.
- Воспорское царство**, соч. Ашка, съ рисунками, планами и видами. О. 1846 г. Ц. 12 р.
- Древности Босфора Киммерійскаго**, хранящіяся въ Императорскомъ музеѣ эрмитажа. 2 т. съ атласомъ. Спб. 1855 г. Ц. 70 р.
- Ислѣдованія объ исторіи и древностяхъ Херсонеса**, Кене. Съ рисунками. Спб. 1848 г. Ц. 4 р.
- Ислѣдованія о древностяхъ южной Россіи и**

береговъ Чернаго моря. Гр. А. Уварова. 2 выпуска съ атласомъ. Спб. 1856 г. Ц. по 10 р. за выпускъ.

Бабъ и Бабиды: религиозныя смуты въ Персіи въ 1844—1852 г. Соч. Мирзы-Каземъ-Бека. Спб. 1865 г. Ц. 1 р. 50 к.

Коранъ Магомета, пер. Николаева. М. 1865 г. Ц. 3 р.

Чудеса древней страны пирамидъ. Картины древней жизни Египта. Соч. Оппеля, перев. Н. Страхова. Большой томъ, съ 200 рисунками въ текстъ, съ 10-ю отдѣльными картинами, изъ которыхъ двѣ хромотипическія, и съ планомъ земли пирамидъ и памятниками долины Нила съ птичьяго полета. Спб. 1868 г. Ц. 3 р. 50 к.

Введеніе въ исторію XIX вѣка, соч. Гервинуса. Спб. 1864 г. Ц. 75 к.

Всемирная исторія Шлоесера 12 томовъ (Древняя и средняя). Спб. 1865 г. Ц. 18 р.; того же изданія Новая исторія, 6 томовъ. Ц. 9 р.; томы 13, 14 и 15 выдаются, а на остальные 3 тома получается билетъ.

Исторія XIX вѣка, соч. Гервинуса, отъ времени вѣнскаго конгресса. 3 т. Спб. 1864 г. Ц. 6 р. 75 к.; того же изданія томъ V (Исторія борьбы Греціи за независимость). Спб. 1867 г. Ц. 2 р. (томъ IV еще печатается).

Исторія умственнаго развитія Европы, соч. Дропера. 2 т. Спб. 1866 г. Ц. 4 р.

Исторія среднихъ вѣковъ въ ея писателяхъ и изслѣдованіяхъ новѣйшихъ ученыхъ. М. Стасюлевича. 3 т. Спб. 1865 г. Ц. 1-му т. 1 р. 50 к., 2-му 2 р. 50 к., и 3-му 3 р.

Исторія цивилизаціи въ Европѣ отъ паденія римской имперіи до французской революціи, соч. Гизо. Спб. 1864 г. Ц. 1 р.

Картины средневѣковой жизни, соч. Фрейтага. М. 1868 г. Ц. 2 р.

Картинный атласъ всемирной исторіи, сост. Вейсеромъ. Объяснительный текстъ въ историческомъ и художественномъ отношеніи, сост. Мерцемъ. Полное сочиненіе составить 3 тома, и при нихъ 3 альбома рисунковъ, каждый изъ 50 таблицъ большого формата. Спб. 1868 г. Подписная цѣна полному изданію 36 р.; 2 т., Древняя и новая исторія, выдаются при подпискѣ, а 3 послѣдній по выходѣ.

Опытъ историческаго обзора главныхъ системъ философіи исторіи. М. Стасюлевича. Спб. 1866 г. Ц. 3 р.

Сочиненія Т. Н. Грановскаго съ его портретомъ. 2 т. М. 1867 г. Ц. 2 р.

Очеркъ исторіи Еврейскаго народа отъ заключенія библии до нашихъ временъ; соч. Гехта. Спб. 1866 г. Ц. 1 р.

Иезуиты, полная исторія ихъ явныхъ и тайныхъ дѣяній, отъ основанія ордена до нашихъ временъ, соч. Грезингера, 2 т. Спб. 1867 г. Ц. 3 р. 50 к.

Калѣки переходже. Сборникъ русскихъ народныхъ стиховъ. 6 выпусковъ. М. 1864 г. Ц. по 1 р. за выпускъ.

Народныя русскія сказки А. Аванасьева. 8 выпусковъ. М. 1863 г. Ц. I и II выпуску по 1 р., III и IV по 1 р. 20 к., V и VI выпуски по 1 р. 25 к., VII выпускъ ц. 1 р., а VIII ц. 1 р. 50 к.

Пѣсни, собранныя П. Карѣвскимъ. 6 выпусковъ. М. 1864 г. Ц. за 6 вып. 4 р.

Пословицы русскаго народа, собр. Дала. М. 1862 г. Ц. 3 р. 60 к.

Толковый словарь живого великорусскаго языка, сост. В. И. Даль, 21 выпускъ (окончено вполнѣ). М. 1867 г. Ц. за полный экземпляръ 23 р. 10 к. Послѣдніе 10 вып. продаются отдѣльно по 1 р. 10 к. за выпускъ.

Пѣсни русскаго народа, собр. П. Рыбниковымъ. Т. IV. Изд. Д. Е. Кожанчикова. Спб. 1867 г. Ц. 2 р., а за всѣ 4 т. 8 р. Томы 1, 2 и 4 продаются отдѣльно по 2 р. за томъ.

Сборникъ русскихъ духовныхъ стиховъ, сост. В. Варенцовъ. Изд. Д. Е. Кожанчикова. Спб. 1860 г. Ц. 1 р.

Бытъ студентовъ въ Германіи. Изъ заграничнаго путешествія Л. Н. Модзалевскаго, съ 10-ю рисунками. Спб. 1865 г. Ц. 1 р. 50 к.

Эстетическія отношенія искусства къ дѣятельности. Спб. 1865 г. Ц. 75 к.

Исторія русской словесности. Лекціи С. Шевырева, 4 т. М. 1860 г. Ц. 6 р.

Историческіе очерки русской народной словесности и искусства. Соч. Ѳ. И. Буслаева, изд. Д. Е. Кожанчикова. Два большихъ тома въ большую 8-ю л. д. Великолѣпное изданіе, на веленовой глазированной бумагѣ, съ 212-ю рисунками. Спб. 1861 г. Ц. за оба тома 7 р.

О значеніи формъ русскаго глагола; соч. Н. Некрасова. Спб. 1865 г. Ц. 1 р. 50 к.

Черноморскіе казаки въ ихъ гражданскомъ

и военномъ быту, съ картою Черноморія и рисунками. Спб. 1858 г. Ц. 3 р.

Уральцы. Очерки быта Уральскихъ казаковъ, соч. Желѣзнова, 2 т. М. 1859 г. Ц. 3 р.

Описание Оренбургской губерніи. Черемшанскаго. У. 1859 г. Ц. 3 р.

Этнографическій сборникъ, т. V, изд. Географическаго общества. Большой томъ болѣе 700 стр. Спб. 1862 г. Ц. 2 р. 50 к.; того же изданія томы I, II, III и IV продаются отдѣльно по 1 р. 50 к. за томъ, а томъ VI 2 р. 50 к.

Путевыя письма изъ Новгородской и Псковской губерніи, П. Якушина. Изд. Д. Е. Кожанчикова. Спб. 1861 г. Ц. 75 к.

Поѣздка въ Кирило-Бѣлозерскій монастырь С. Шевырева. 2 части, съ рисунками. М. 1860 г. Ц. 3 р.

Матеріалы для историко-географическаго словаря Россіи, сост. Н. Барсовъ. В. 1865 г. Ц. 1 р. 50 к.

На востокъ. Поѣздка на Амуръ С. Максимова. Спб. 1864 г. Ц. 2 р. 50 к.

Годъ на Сѣверѣ. С. Максимова. Спб. 1864 г. Ц. 2 р. 50 к.

Путешествіе на Сѣверъ вдоль норвежскаго берега, на Нордкапъ, островъ Янъ-Майенъ и Исландію, Берна, Фохта и др. съ рисунками. Спб. 1867 г. Ц. 4 р. 50 к.

Очерки перомъ и карандашемъ изъ кругосвѣтнаго плаванія въ 1857—1860 гг. А. Вышеславцева, съ 27 рисунк. Спб. 1867 г. Ц. 5 р.

Путешествіе вокругъ свѣта, Ч. Дарвина, 2 т. Спб. 1865 г. Ц. 2 р. 50 к.

Путешествіе второй гринельской экспедиціи въ полярныя страны, Кэна. Съ 120 рисунками. Спб. 1865 г. Ц. 3 р.

Фрегатъ Паллада. Очерки путешествія Гончарова. 2 т. Спб. 1862 г. Ц. 3 р.

Путевыя впечатлѣнія на Сѣверѣ и Югѣ, Милюкова. Спб. 1865 г. Ц. 2 р.

Путешествія и открытія Фогеля въ центральной Африкѣ, съ 150 рисунками. Спб. 1861 г. Ц. 2 р. 50 к.

Библиотека путешествій, В. Строева. 8 том. Спб. 1854 г. Ц. 10 р.

Земля и люди, или живописныя путешествія и рассказы изъ быта народовъ, соч. Бернадскаго. Съ рисунками. Спб. 1866 г. Ц. 4 р.

Америка, ея жизнь и природа. Путешествіе Фрбеля. М. 1866 г. Ц. 3 р.

Путешествіе по Замбези и ея притокамъ, соч. братьевъ Ливингстонъ, съ рисунками. 2 тома. Спб. 1867 г. Ц. 4 р.

Путешествія Чуди по Южной Америкѣ. 2 т. съ рисунками. Спб. 1868 г. Ц. 4 р.

Воспоминаніе о путешествіи по Татаріи Гюка. Спб. 1866 г. Ц. 1 р. 50 к.

Путешествіе по сѣверной Персіи И. Березина. Спб. 1852 г. Ц. 3 р.

Путешествіе Ливингстона во внутренней Африкѣ, съ рисунками. Спб. 1868 г. Ц. 2 р. 50 к.

Натурализмъ на Амазонской рѣкѣ; рассказъ о путевыхъ приключеніяхъ, Г. Бюсса. Спб. 1865 г. Ц. 3 р.

Охотничьи рассказы изъ быта африканскихъ и американскихъ племенъ, соч. Майнъ-Ридъ. 10 томовъ. Спб. 1867 г. Ц. по 2 р. за томъ.

Путешествіе по Сѣверо-американскимъ Штатамъ, А. Лакьера. 2 т. съ картою. Спб. 1859 г. Ц. 3 р.

Путешествіе въ верховьямъ Нила, Бекера, съ рисунками. М. 1868 г. Ц. 3 р.

Поѣздка въ южную Россію Аювасьева-Чужбинскаго. 2 т. Спб. 1863 г. Ц. 3 р.

Путешествіе по долинамъ рѣки Усури, Р. Маака. 2 т. съ рисунками. Спб. 1862 г. Ц. 8 р.

Путешествіе по Сибири и прилежающимъ къ ней странамъ. Сост. по Аткинсову, Миддендорфу, Раде и друг., съ рисунками. Спб. 1865 г. Ц. 3 р. 50 к.

Очерки лѣсной и прибрежной жизни въ западной Америкѣ, соч. Герштекера. Спб. 1865 г. Ц. 1 р. 50 к.

Географическо-статистическій словарь Россійской имперіи, сост. П. Семеновъ. 13 выпусковъ. Спб. 1867 г. Ц. по 75 к. за выпускъ.

Новая земля въ географическомъ, естественно-историческомъ и промышленномъ отношеніяхъ, сост. Свенске. Спб. 1866 г. Ц. 2 р.

Всёобщее землеисчисленіе. Географія для чтенія и справокъ, сост. по Бланку. 3 большихъ тома съ 24 гравюрами на стали. Спб. 1866 г. Ц. 16 р.

Великія явленія и очерки природы. Соч. Марша, Бокля, Циммермана и другихъ, съ гравюрами и рисунками. 2 т. Спб. 1868 г. Ц. 1-му т. 1 р. 50 к., а 2-му 2 р.

Достопримѣчательнѣйшія открытія въ обла-

сти землевѣдѣнія и этнографіи, соч. Томаса. Спб. 1862 г. Ц. 1 р. 50 к.

Европа. Карла Риттера. М. 1864 г. Ц. 2 р.
Землевѣдѣніе Азии, К. Риттера. 3 т. Спб. 1861 г. Ц. по 2 р. за томъ.

Магазины землевѣдѣнія и путешествій, Н. Фролова. М. 1860 г. Ц. за 6 томовъ 18 р.

Общее землевѣдѣніе, К. Риттера. М. 1864 г. Ц. 1 р.

Исторія землевѣдѣнія и открытій, К. Риттера. Спб. 1864 г. Ц. 1 р. 25 к.

Товаровѣдѣніе сырыхъ продуктовъ и мануфактурныхъ выдѣлѣй. Состав. Лесгафтъ. Спб. 1864 г. Ц. 5 р.

Желѣзо, В. Ферберна, съ рисунками. Спб. 1864 г. Ц. 2 р.

Практическое руководство къ выдѣлкѣ желѣза и стали посредствомъ puddlingованія. Соч. Ансіо и Мазіонъ. Спб. 1863 г. Ц. 3 р.

Рудникъ и заводъ. М. Повровскаго, съ 100 рисунками. Спб. 1864 г. Ц. 3 р.

Жизнь практической жизни или энциклопедія практическихъ свѣдѣній и современныхъ открытій, Гарцеля. М. 1866 г. Ц. 3 р.

Руководство къ сельскому хозяйству, Пабста. 3 т. Спб. 1864 г. Ц. 3 р.

О разведеніи, содержаніи и употребленіи домашнихъ животныхъ, Баумейстера. 3 т. съ 124 рисунками. Спб. 1865 г. Ц. 3 р.

О разведеніи, содержаніи и употребленіи домашнихъ животныхъ, Веккерлина, пер. проф. Калиновскаго. 3 т. М. 1866 г. Ц. 3 р. 50 к., съ рисунками 4 р.

Руководство къ разведенію крупнаго рогатаго скота, Пабста. Съ 25 рисунками. Спб. 1862 г. Ц. 4 р.

Овцеводство и шерстовѣдѣніе, Ф. Шмидта. Спб. 1862 г. Ц. 2 р.

Руководство къ теоретическому и практическому пчеловодству, Краузе. М. 1860 г. Ц. 2 р.

Огородничество, Люкаса, съ рисунками. М. 1862 г. Ц. 2 р.

Огородъ, садъ и цвѣтникъ, съ рисунками, Муратова. М. 1863 г. Ц. 3 р.

Руководство къ изученію садоводства и огородничества, Рего, съ рисунками. Спб. 1866 г. Ц. 2 р. 50 к.

Лѣсная технология, сост. Шалгуновымъ и Грѣве, съ 122 рисунки. Спб. 1857 г. Ц. 3 р.

Лѣсъ. Соч. Росмеслера, съ примѣненіемъ къ

русскому лѣсному хозяйству, съ рисунками. Спб. 1866 г. Ц. 4 р. 50 к.

Органическая химія, Менделѣва. Спб. 1863 г. Ц. 3 р.

Учебникъ физиологической химіи, Кюне. Спб. 1867 г. Ц. 2 р. 50 к.

Аналитическая химія. Качественный анализъ, Жерара и Панселя. Спб. 1864 г. Ц. 3 р. Тоже Количественная. Спб. 1866 г. Два выпуска. Ц. 4 р. 75 к.

Руководство къ химическому анализу — мѣрою, соч. Мора. 2 т. Спб. 1859 г. Ц. 4 р.

Море въ своихъ физическихъ явленіяхъ, соч. Мора. М. 1861 г. Ц. 2 р.

Физика земнаго шара, соч. Хлѣбникова. Спб. 1866 г. Ц. 3 р. 50 к.

Учебникъ космической физики, Мюллера. Спб. 1860 г. Ц. 5 р.

Царство облаковъ, сочин. Бирбаума. Спб. 1861 г. Ц. 2 р.

Альпійскіе ледники, Тиндала, съ рисунками. М. 1866 г. Ц. 2 р. 50 к.

Исторія земли или геологія на новыхъ основаніяхъ, Мора. М. 1867 г. Ц. 3 р. 50 к.

Геологическія картины, Котты. Спб. 1859 г. Ц. 1 р. 50 к.

Геологическіе очерки, Л. Агасиса, съ рисунками. Спб. 1867 г. Ц. 1 р. 50 к.

Геологическіе этюды, Бурмейстера, 2 т. Спб. 1863 г. Ц. 2 р. 75 к.

Естественная исторія мірозданія, Фохта. М. 1863 г. Ц. 2 р.

Міръ до созданія человѣка или колыбель вселенной, сочин. Циммермана. М. 1865 г. Ц. 3 р. 50 к.

Основные начала геологіи, соч. Ляйбеля, 2 т. М. 1866 г. Ц. 5 р.

Очерки исторіи земнаго шара, Росмеслера, 2 части. Спб. 1865 г. Ц. 2 р. 50 к.

Письма о переворотахъ земнаго шара, Берграна. Спб. 1867 г. Ц. 2 р.

Потоны. Соч. Жуванселя. М. 1866 г. Ц. 2 р.

Практическая геогнозія для сельскихъ хозяевъ, Котты. Спб. 1862 г. Ц. 2 р. 50 к.

Руководство къ геологіи, Фохта. Спб. 1865 г. Ц. 4 р.

Чудеса подземнаго міра, соч. Гартвига. М. 1866 г. Ц. 2 р. 50 к.

Курсъ общей минералогіи, Леймера. Спб. 1861 г. Ц. 3 р.

- Основанія минералогіи, Наумана. Спб. 1860 г. Ц. 4 р. 50 к.
- Лекціи минералогіи, Кошкарлова. Спб. 1863 г. Ц. 5 р.
- Ботаническія бесѣды, Ауерсвальда и Росмеслера. Спб. 1865 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Картины растительности, Рудольфа. М. 1861 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Курсъ ботаники, Бекетова. Спб. 1864 г. Ц. 4 р. 50 к.
- Міръ растений, К. Мюллера, съ рисунками. Спб. 1863 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Московская флора, Н. Кауфмана. М. 1866 г. Ц. 3 р.
- Растеніе и его жизнь, соч. Шлейдена. М. 1862 г. Ц. 3 р.
- Растительное царство, Виммера. Спб. 1864 г. Ц. 3 р.
- Руководство въ опытной фізіологіи растений, Сакса, съ рисунками. Спб. 1867 г. Ц. 4 р.
- О происхожденіи видовъ путемъ естественнаго подбора, Ч. Дарвина, перев. Рачинскаго. М. 1865 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Практическое примѣненіе естественныхъ наукъ къ требованіямъ личнаго существованія, Кленке. Спб. 1866 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Силы природы и ихъ соотношенія, Фарадея. Спб. 1865 г. Ц. 80 к.
- Соотношеніе физическихъ силъ, Грове. Спб. 1865 г. Ц. 1 р.
- Собраніе сочиненій Герберта Спенсера. Спб. 1867 г. 6 выпускъ. Ц. по 1 р. 75 к. за выпускъ.
- Ученіе Дарвина о происхожденіи видовъ, общепонятно изложенное, Ф. Ролле, перев. Усова. М. 1865 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Вода, соч. Росмеслера, съ рисунками. Спб. 1863 г. Ц. 4 р.
- Единство мірозданія, соч. Гартвига, съ рисунками. М. 1865 г. Ц. 2 р.
- Естественная исторія, въ разказахъ для образованныхъ читателей и юношества, Франклина. 2 т. съ крашеными рисунками. Спб. 1862 г. Ц. 6 р.
- Земля и небо, соч. Пуше. М. 1866 г. Ц. 2 р.
- Земля и ея жизнь, Фольгера. 2 т. съ картинами и планами. М. 1861 г. Ц. 5 р.
- Картины природы, А. Гумбольдта. М. 1862 г. Ц. 3 р.
- Книга природы или энциклопедія естественныхъ наукъ, Шодлера, съ рисунками. М. 1867 г. Ц. 6 р.
- Микроскопическій міръ, Г. Эгера, пер. Бекетова, съ рисунк. Спб. 1867 г. Ц. 3 р. 20 к.
- Міръ льдовъ, Балантайна, съ картинами. Спб. 1867 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Море и его жизнь, соч. Гартвига. М. 1867 г. Ц. 3 р.
- Море, жизнь въ морѣ и у моря, Шлейдена. Спб. 1867 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Морской міръ, Фредоля. М. 1866 г. Ц. 3 р.
- На берегу моря. Зоологическіе этюды, Льюиса, съ рисунками. М. 1862 г. Ц. 2 р.
- Начала міра, Жуванселя. Спб. 1862 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Жизнь, соч. Жуванселя. Спб. 1864 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Общая естественная исторія органическихъ тѣлъ, Сентъ-Илера. 2 т. М. 1862 г. Ц. 2 р.
- Очерки природы, Гартвига, съ рисунками. М. 1860 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Природа, соч. Берлина, съ рисунками. М. 1867 г. Ц. 2 р.
- Природа и человекъ на крайнемъ сѣверѣ, соч. Гартвига. М. 1866 г. Ц. 2 р.
- Троическій міръ, соч. Гартвига, съ рисунками. М. 1865 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Человѣкъ и природа на островахъ Великаго Океана, соч. Гартвига, съ рисунками. М. 1866 г. Ц. 3 р.
- Чудеса воднаго міра, соч. Штоля, съ рисунками. М. 1860 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Чудеса подземнаго міра, соч. Гартвига, съ рисунк. Спб. 1863 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Этюды. Соч. Шлейдена, съ рисунками. М. 1862 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Иллюстрированная жизнь животныхъ. Млекопитающіе, А. Брэма. 2 большихъ тома, болѣе 100 печатныхъ листовъ, со множествомъ таблицъ и рисунковъ. Спб. 1866 г. Ц. за оба тома 8 р.
- Исторія земли. Геологія на новыхъ основаніяхъ, соч. Мори. М. 1867 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Простыя бесѣды о научныхъ предметахъ, соч. Гершеля. М. 1868 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Учебникъ физики, курсъ среднихъ учебныхъ заведеній, соч. Краевича. 2 ч. съ 664 политипи. Спб. 1866 г. Ц. 3 р. 25 к.
- Океанъ, его тайны и чудеса, соч. А. Мау жона, пер. съ нѣмецк. съ отпечатанными въ

два тона и хромофотографированными рисунками. М. 1868 г. Ц. 3 р.

Нервобитный миръ въ сравненіи съ современнымъ, соч. Гаргинга, съ предисловіемъ Шлейдена, съ политипажами и хромофотографированными рисунками. М. 1868 г. Ц. 2 р. 50 к.

Введеніе къ полному изученію органической химіи, проф. казанскаго университета А. Бутилова. 3 выпуска. К. 1860 г. Ц. 3 р.

Химическая лабораторія. Руководство къ практическому изученію химіи, безъ помощи учителя, К. Штаммера, большой томъ. Спб. 1864 г. Ц. 1 р. 80 к.

Письма о ботаникѣ, соч. Линдлея, съ 50 рисунками. Спб. 1865 г. Ц. 1 р. 50 к.

На досугѣ. Этюды по естествознанію. А. Острогжскаго. Спб. 1866 г. Ц. 1 р.

Значеніе естественныхъ наукъ въ образованіи и преподаваніи ихъ въ школѣ, соч. Росмеслера. Спб. 1864 г. Ц. 65 к.

Мозгъ и его дѣятельность. Популярный очеркъ физиологической психологіи, соч. Пидерита, съ чертеж. Спб. 1866 г. Ц. 50 к.

Наведеніе, какъ методъ изслѣдованія природы, соч. Ст. Милля и Тэна. Спб. 1866 г. Ц. 1 р. 50 к.

Лѣсныя животныя, звѣри, птицы и пресмыкающіяся, соч. А. Брэма и Росмеслера, пер. Страхова; большой томъ въ 800 стр., съ 20 гравюрами на стали и 71 рисункомъ на деревѣ. Спб. 1867 г. Ц. 6 р.

Жизнь птицъ. Для домашняго и семейнаго чтенія, А. Брэма, перев. Страхова, большой томъ въ 700 стр.; роскошное изданіе съ 24 картинками и 3 хромотипическими таблицами. Спб. 1867 г. Ц. 5 р.

Гнѣзда, норы и трущобы. Постройки, возводимыя безъ помощи рукъ, съ описаніемъ образа жизни, нравовъ, привычекъ и находчивости животныхъ. Соч. Вуда, перев. Страхова, большой томъ съ рисунками. Спб. 1867 г. Ц. 6 р.

Начальныя основанія физики, Криста, съ 291 рисунк. Спб. 1865 г. Ц. 1 р. 25 к.

Общій курсъ физики Шпилера, съ 112 рисунками. Спб. 1865 г. Ц. 1 р.

Общія физическія явленія, Циммермана, съ 185 рисунк. Спб. 1861 г. Ц. 2 р.

Полный курсъ физики, соч. Гано, болѣе 700 рисунк. Спб. 1867 г. Ц. 3 р. 50 к.

Полный курсъ физики, по сочиненіямъ Жамена и Вюльнера. 4 т., съ 1,000 рисунковъ. Спб. 1867 г. Ц. 12 р.

Учебникъ физики, Краевича, 2 части. Спб. 1866 г. Ц. 3 р. 25 к.

Физика и метеорологія, Коппе, съ 167 рисунками. Спб. 1862 г. Ц. 1 р. 50 к.

Школа физики, Крюгера, съ рисунками. Спб. 1861 г. Ц. 3 р.

Звукъ, соч. Циммермана, съ рисунками. Спб. 1862 г. Ц. 1 р.

Ученіе о звукѣ. Изъ физики Дагена, съ рисунками. Спб. 1862 г. Ц. 1 р. 75 к.

Микроскопъ, его устройство и употребленіе, Ганновера. М. 1859 г. Ц. 90 к.

Свѣтъ и его приложеніе, соч. Циммермана. Спб. 1865 г. Ц. 2 р.

Теорія теплоты, изъ физики Дагена. Спб. 1861 г. Ц. 3 р. 50 к.

Галванизмъ, соч. Циммермана. Спб. 1864 г. Ц. 2 р.

Объ электричествѣ и магнетизмѣ. соч. Циммермана. Спб. 1861 г. Ц. 2 р. 25 к.

Примѣненіе электричества къ терапіи, акушерству и хирургіи, къ глазнымъ и ушнымъ болѣзнямъ, со включеніемъ гальваноаустики, по Миддельдорфу и зубной гальваноаутическій методъ по Бруку, О. Ковалевскаго, съ 74 рисунк. Л. 1866 г. Ц. 4 р. 50 к. Тоже томъ 1-й. Ц. 2 р.

Курсъ химіи, основанный на современныхъ теоріяхъ, Наке, съ рисунк. 2 т. Спб. 1867 г. Ц. 4 р.

Курсъ элементарной общей химіи, Кагура. Спб. 1862 г. Ц. 3 р.

Письма о химіи, Ю. Либиха, 2 т. Спб. 1864 г. Ц. 4 р.

Зоологическіе очерки, Фохта. Спб. 1864 г. Ц. 1 р. 50 к.

Зоологическія письма, Бурмейстера. М. 1860 г. Ц. 1 р. 50 к.

Общая естественная исторія насѣкомыхъ, Кэрби и Спенса. М. 1863 г. Ц. 2 р. 50 к.

Руководство къ зоологіи, Брона, 2 т. М. 1861 г. Ц. 4 р. 50 к.

Древность человѣка, соч. Ляйелля. Спб. 1864 г. Ц. 2 р. 50 к.

Человѣкъ и мѣсто его въ природѣ, сочин. Фохта. Спб. 1865 г. Ц. 3 р.

- Человѣкъ и природа, Г. Марша. Спб. 1866 г. Ц. 3 р.
- Человѣкъ или таинственныя явленія нравственной и физической его природы, соч. Циммермана. Спб. 1865 г. Ц. 5 р.
- Атласъ анатоміи человѣка, Бока, съ 36 раскрашенными таблицами. Спб. 1864 г. Ц. 12 р.
- Гистологія Келикера. Спб. 1865 г. Ц. 4 р.
- Начальныя основанія сравнительной анатоміи, Гексли, съ 111 рисунками. Спб. 1865 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Основанія сравнительной анатоміи, Гегенбауера. Спб. 1867 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Краткій учебникъ физиологіи, Германа. Спб. 1865 г. Ц. 2 р.
- Лекціи о физиологіи и патологіи центральной нервной системы, соч. Браунъ-Сакугра. Спб. 1867 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Лекціи физиологіи и патологіи нервной системы. Соч. Клодь-Бернара. 2 тома. Спб. 1868 г. Ц. 4 р.
- Рефлексія мозга. Соч. Сѣченова. Спб. 1867 г. Ц. 1 р.
- Отношеніе между физической и нравственною природою человѣка. Кабаниса. 2 т. Спб. 1865 г. Ц. 3 р.
- Сонъ и сновидѣнія. Соч. Мора. М. 1867 г. Ц. 2 р.
- Ученіе о шнѣцѣ. Соч. Молешотта. Спб. 1863 г. Ц. 1 р.
- Физиологія вкуса. Брилья - Саварева. М. 1867 г. Ц. 2 р.
- Физиологія нервной системы. Сѣченова. Спб. 1866 г. Ц. 3 р.
- Физиологія обыденной жизни. Соч. Льюиса. М. 1864 г. Ц. 3 р.
- Физиологія человѣка. Соч. Дондерса. Спб. 1860 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Физиологическія изслѣдованія о жизни и смерти. Биша. Спб. 1865 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Физиологическія картины. Бюхнера. М. 1866 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Физиологическія письма. Фохта. 3 выпуска. Спб. 1861 г. Ц. 3 р. 30 к.
- Физиологическія эскизы. Молешотта. М. 1865 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Антропологія первобытныхъ народовъ. Вайца. М. 1867 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Пронхожденіе видовъ. Ч. Дарвина, перев. Сѣченова. 2 т. съ рисунками и полиптижами. Спб. 1867 г. Ц. за оба тома 5 р. 50 к. (два выпуска выдаются).
- Физиологія зрѣнія. Соч. Сѣченова. Спб. 1867 г. Ц. 2 р.
- Физиологія человѣка. Соч. Дрѣпера, перев. подъ редакцію Дедулина и Сорокина, съ 300 рисунками въ текстѣ, большой томъ. Спб. 1868 г. подписная цѣна за все сочиненіе 4 р. 50 к.; при подпискѣ томъ 1-й выдается, а по выходѣ тома 2-го въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, цѣна возвысится.
- Душа человѣка и животныхъ. Вундта. Спб. 1865 г. Ц. 3 р.; томъ 2-й поступить въ продажу въ апрѣлѣ мѣсяцѣ.
- Патологія и терапія душевныхъ болѣзней. Грезингера. Спб. 1867 г. Ц. 3 р.
- Целулярная патологія Вирхова. М. 1866 г. Ц. 3 р.
- Частная патологія и терапія, Нимейера. 4 т. Спб. 1866 г. Ц. 7 р. 50 к.
- Руководство къ изученію судебной медицины, Шауэнштейна. М. 1865 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Атласъ Акушерства, Мартини. Спб. 1865 г. Ц. 8 р.
- Справочное карманное акушерство, Орлова. В. 1866 г. Ц. 75 к.
- Краткое руководство къ женскимъ болѣзнямъ, Штенгаузена. Спб. 1866 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Практическое руководство къ изученію женскихъ болѣзней, Черчила. М. 1867 г. Ц. 4 р.
- Руководство къ изученію дѣтскихъ болѣзней, Фогеля. 2 т. Спб. 1865 г. Ц. 4 р.
- Общая и частная хирургія, Вебера. Спб. 1867 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Общая хирургическая патологія, Вильрота. Спб. 1867 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Уходъ за дѣтми, Комба. Спб. 1866 г. Ц. 1 р.
- Человѣкъ и сохраненіе его здоровья, Эстерлена. Спб. 1866 г. Ц. 2 р.
- Введеніе въ науку опытной медицины, Клода-Бернара. Спб. 1866 г. Ц. 2 р.
- Руководство къ изученію практической медицины, Леберта. 4 т. Спб. 1863 г. Ц. 13 р. 10 к.
- Упомянутое. Соч. Шиллинга. Спб. 1866 г. Ц. 2 р.
- Клиническія лекціи объ основаніяхъ медицины и искусства врачеванія. Соч. Д. Беннетта. 4 т. Спб. 1863 г. Ц. 6 р.
- Клиническія лекціи Труссо. 2 т. М. 1867 г. Ц. 3 р. 80 к.

- Медицинскій терапевтическій лексиконъ**, Зигерта. Спб. 1860. Ц. 4 р.
- Книга о здоровьѣ и больномъ человекѣ**, Бока. 2 т. М. 1865 г. Ц. 2 р. 60 к.
- Курсъ клиники внутреннихъ болѣзней**, С. Боткина. Спб. 1867 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Руководство къ патологін** П. Іаз. М. 1865 г. Ц. 2 р.
- Исторія римскаго права**, Пухты. 3 выпуска. М. 1861 г. Ц. 3 р.
- Римское право**, Маккензи. М. 1864 г. Ц. 2 р.
- Русское гражданское право**, Мейера. Спб. 1864 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Смертная казнь**. Миттермайера. Спб. 1865 г. Ц. 90 к.
- Уголовно-статистическіе этюды**, Неклюдова. Спб. 1865 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Уголовное право Англіи**, Стефенса. Спб. 1867 г. Ц. 3 р.
- Учебникъ уголовного права**. Бернара. Спб. 1867 г. Ц. 6 р. 40 к.
- Учебникъ уголовного права**, сост. по лекціямъ Калмыкова, Любавскимъ. Спб. 1866 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Законодательство и юридическая практика**. Миттермайера. Спб. 1864 г. Ц. 2 р. 25 к.
- Исторія судебныхъ инстанцій**, Ф. Дмитриева. М. 1859 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Руководство для мировыхъ судей**, Неклюдова. Спб. 1866 г. 2 т. Ц. 2 р.
- Настольная книга для мировыхъ судей**. Желѣзникова. Спб. 1867 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Объ уголовномъ преслѣдованіи**, Квачевского. Спб. 1866 г. 2 т. Ц. 3 р. 75 к.
- Полный сводъ судебныхъ уставовъ**, Максимова. М. 1866 г. Ц. 3 р.
- Уголовное судопроизводство**, Миттермайера. М. 1864 г. Ц. 2 р.
- Русскіе уголовные процессы**, Любавскаго. 3 т. Спб. 1867 г. Ц. т. I — 3 р. 50 к., т. II — 2 р. 50 к., т. III — 3 р. 50 к.
- Сводъ судебныхъ уставовъ**, Муратова. М. 1867 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Учебникъ римскаго гражданскаго права**, Моренцоля. М. 1867 г. Ц. 2 50 к.
- Объ отношеніяхъ супруговъ по имуществу**, по законамъ, дѣйствующимъ въ царствѣ польскомъ, Голевинскаго. Спб. 1861 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Курсъ русскаго уголовного права**, Соч. д-ра правъ проф., А. Лохвицкаго. Спб. 1868 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Энциклопедія государственныхъ наукъ**, соч. Р. Моля. Спб. 1867 г. Ц. 4 р.
- Юридическіе записки**, Изд. П. Г. Рѣдвенна, томы III, IV и V (томы I и II распроданы). Спб. 1862 г. Ц. по 2 р. за томъ.
- Полицейскія постановленія иностранныхъ государствъ**. 3 т. Спб. 1866 г. Ц. 3 р.
- Рижскія письма о городскомъ управленіи города Риги**. М. 1865 г. Ц. 50 к.
- Взглядъ на историческое развитіе русскаго порядка законнаго наслѣдованія и сравненіе теперешняго законодательства объ этомъ предметѣ съ римскимъ, французскимъ и прусскимъ**. К. Кавелина. Спб. 1860 г. Ц. 50 к.
- Гражданская община античнаго міра**, изслѣдованіе о богослуженіи, правѣ, учрежденіяхъ Греціи и Рима, соч. Фустель де-Куланжа. М. 1867 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Сочиненія К. Кавелина**. 4 тома. М. 1859 г. Ц. 5 р.
- Литературные маюраты**, П. Прудона. Спб. 1865 г. Ц. 80 к.
- Государственный строй Англіи**, Э. Фишеля. Спб. 1863 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Конституціонное начало и его историческое развитіе**. А. Гакстгаузена. Пер. Б. Утина и К. Кавелина. Спб. 1866 г. Ц. 2 р. 60 к.
- Общее государственное право**, Бююнчли. М. 1866 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Война и миръ**, изслѣдованіе о принципѣ и содержаніи международнаго права, соч. Прудона. 2 т., М. 1864 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Исторія новой философіи**, Куно-Фишера. 4 т. Спб. 1865 г. Ц. 10 р.
- Исторія философіи**, Бауера. Спб. 1866 г. Ц. 2 р.
- Исторія философіи**, Льюиса. Спб. 1866 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Система логики**, Д. Милля. 2 т. Спб. 1866 г. Ц. 7 р. 50 к.
- Логика Гегеля**. М. 1860. Ц. 2 р.
- Философія духа**, соч. Гегеля. М. 1864 г. Ц. 2 р.
- Философія естествознанія**, Гегеля. М. 1868 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Нѣмецкая психологія**, соч. Троицкаго. М. 1867 г. Ц. 4 р. 50 к.
- Микрокосмъ**. Мысли о естественной и быто-

вой исторіи человѣка, Г. Лоце. 3 т. М. 1867 г. Ц. I и II том. по 2 р. за томъ, а III Ц. 2 р. 50 к.

Отношеніе между физическою и нравственною природою человѣка, Кабаниса. 2 т. Спб. 1866 г. Ц. 3 р.

Собраніе сочиненій Герберта Спенсера. 7 выпусковъ. Спб. 1867 г. Ц. по 1 р. 75 к. за выпускъ.

Философскіе этюды. Смыслъ исторіи. Вещество и духъ. Н. Неклюдова. Спб. 1865 г. Ц. 65 к.

Исторія индуктивныхъ наукъ соч. Іевеля. Спб. 1868 г. Ц. за 3 тома 7 р.

Критика чистаго разума, Канта. Спб. 1867 г. Ц. 3 р. 50 к.

Начальное образованіе. Его истинныя цѣли и требованія Спб. 1867 г. Ц. 2 р. 25 к.

Объ изученіи характера, Бэна. Спб. 1867 г. Ц. 3 р. 50 к.

Огюсть Контъ и положительная философія. Спб. 1867 г. Ц. 3 р.

Сочиненія В. Бѣлинскаго, съ его портретомъ. 12 томовъ. М. 1862 г. Ц. по 1 р. за томъ.

Полное собраніе сочиненій Н. В. Гоголя, съ его портретомъ. 4 т. М. 1867 г. Ц. 5 р.

Сочиненія Е. Гребенки, съ его портретомъ. 5 т. Спб. 1862 г. Ц. 6 р.

Грибоѣдовъ и его сочиненія, съ портретомъ. Спб. 1858 г. Ц. 3 р.

Сочиненія Е. Губера, съ портретомъ. 3 т. Спб. 1859 г. Ц. 3 р.

Сочиненія Дениса Васильевича Давыдова, съ портретомъ. 3 т. М. 1860 г. Ц. 4 р. 60 к.

Полное собраніе сочиненій В. Дала. 8 т. Спб. 1861 г. Ц. 10 р.

Собраніе сочиненій Державина, съ примѣчаніями Грота, рисунками и портретами автора. 4 т. Спб. 1867 г. Ц. I т. 4 р. II — 3 р. III и IV по 2 р.

Полное собраніе сочиненій Ф. М. Достоевскаго. 3 т. Спб. 1867 г. Ц. 9 р.

Собраніе сочиненій А. В. Дружинина, съ его портретомъ. 8 т. Спб. 1867 г. Ц. по 1 р. 25 к. за томъ.

Собраніе сочиненій Кн. А. Кантемира, съ его портретомъ. Спб. 1867 г. Ц. 2 р.

Полное собраніе сочиненій И. А. Крылова, съ его портретомъ. 3 т. Спб. 1859 г. Ц. 3 р.

Сочиненія Н. Кукольнича. 10 т. Спб. 1853 г. Ц. 10 р.

Собраніе сочиненій И. Лажечникова, съ его портретомъ. 8 т. Спб. 1858 г. Ц. 8 р.

Собраніе сочиненій Лермонтова, съ двумя портретами, 2 т. Спб. 1863 г. Ц. 3 р. 50 к.

Сочиненія Константина Масальскаго. 5 т. Спб. 1845 г. Ц. 5 р.

Полное собраніе сочиненій И. Мятлева, съ его портретомъ, 2 т. Спб. 1857 г. Ц. 4 р.

Сочиненія И. Панаева. 4 т. Спб. 1860 г. Ц. 3 р.

Полное собраніе сочиненій А. Ф. Писемскаго съ портретомъ, 3 т. Спб. 1861 г. Ц. 9 р., или по 3 р. за томъ.

Собраніе сочиненій О. И. Сенковскаго, съ его портретомъ. 9 т. Спб. 1859 г. Ц. 6 р.

Сочиненія В. А. Слѣпцова, 2 т. Спб. 1866 г. Ц. 2 р.

Сочиненія гр. Л. Н. Солмогуба, 5 т. Спб. 1856 г. Ц. 7 р. 50 к.

Сочиненія гр. В. А. Толстаго. 2 т. Спб. 1864 г. Ц. 6 р.

Сочиненія И. С. Тургенева. 5 т. К. 1864 г. Ц. 6 р.

Дымъ, повѣсть И. С. Тургенева (въ полномъ собраніи его сочиненій она не напечатана). М. 1867 г. 1 р. 50 к.

Сочиненія фонъ-Визина. Спб. 1866 г. Ц. 2 р.

Полное собраніе драматическихъ произведеній Шекспира, въ переводѣ русскихъ писателей, изд. Гербеля. 3 т. Спб. 1867 г. Ц. по 3 р. 50 к. за томъ.

Собраніе сочиненій Шиллера въ переводѣ русскихъ писателей, изд. Гербеля. 7 т. Спб. 1865 г. Ц. 8 р. 75 к.

Бродящія силы, двѣ повѣсти Авенариуса (Современная идиллія.—Повѣтріе). Томъ въ 450 стр. Спб. 1867 г. Ц. 1 р. 50 к.

Взбалмученное море, романъ А. Писемскаго. 3 т. М. 1863 г. Ц. 4 р.

Гнилыя болота, романъ А. Михайлова, 2 ч. Спб. 1866 г. Ц. 1 р. 25 к.

Гриша, повѣсть А. Печерскаго, изд. Д. Е. Кожанчикова. Спб. 1861 г. Ц. 40 к.

Преступленіе и наказаніе, романъ Ф. Достоевскаго. 2 т. Спб. 1867 г. Ц. 3 р.

Дѣтскіе годы Багрова-внука, С. Аксакова. М. 1858 г. Ц. 3 р.

Записки оружейнаго охотника Оренбургской губерніи, С. Аксакова. М. 1861 г. Ц. 2 р.

- Записки охотника Восточной Сибири**, А. Чергазова. Спб. 1867 г. Ц. 3 р.
- Кто виноватъ?** Спб. 1866 г. Ц. 1 р.
- Невинные рассказы**, соч. Щедрина. Спб. 1863 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Педалекое прошлое**, повѣсти Н. Дмитриева. Спб. 1865 г. Ц. 2 р.
- Война и миръ**. Романъ, соч. гр. Л. Толстаго, 4 тома. М. 1868 г. Ц. 7 р.
- Иезуитъ**. Романъ, соч. аббата **, автора «Проглятый и монахиня», перев. съ франц. 2 тома. Спб. 1868 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Графиня Менсоро**. Романъ, соч. А. Дюма, перев. съ франц. 4 тома. Спб. 1860 г. Ц. 2 р. 50 коп.
- Паставница или пансіонъ въ Брюсселѣ**, Романъ, соч. Корреръ-Беля, перев. съ англ. Спб. 1860 г. Ц. 1 р.
- Некуда**, романъ Стебницкаго. 3 тома. Спб. 1867 г. Ц. 3 р.
- Обломовъ**, романъ И. Гончарова. 2 т. Спб. 1862 г. Ц. 3 р.
- Острогъ и жизнь**, соч. Н. Соколовскаго. Спб. 1866 г. Ц. 2 р.
- Очерки и рассказы**, Н. Кокорева. 3 тома. М. 1858 г. Ц. 3 р.
- Повѣсти Кохановской**. 2 тома. М. 1863 г. Ц. 2 р.
- Повѣсти и рассказы**, П. Кудрявцева, 2 тома. М. 1866 г. Ц. 3 р.
- Подводный камень**, романъ М. Авдѣева. Спб. 1863 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Романы и повѣсти**, В. Крестовскаго (Н. Д. Хвощинской). 8 томовъ. Спб. 1866 г. Ц. 8 р.
- Сатиры въ прозѣ**, соч. Щедрина. Спб. 1863 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Село Михайловское, или помѣщики XVIII столѣтія**. 4 части. Спб. 1865 г. Ц. 3 р.
- Семейная хроника и воспоминанія С. Аксакова**. М. 1862 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Сынъ**, романъ изъ временъ XVIII вѣка, соч. Н. И. Костомарова. Спб. 1865 г. Ц. 1 р.
- Подляновцы**, соч. Рѣшетникова. Спб. 1867 г. Ц. 1 р.
- Губернскіе очерки**, соч. Щедрина. 2 тома. Спб. 1865 г. Ц. 2 р.
- Домби и сынъ**, романъ, соч. Диккенса, перев. Введенскаго. 2 тома. Спб. 1867 г. Ц. 3 р.
- Пустыня и лѣса**. Рассказы изъ американской жизни, Г. Эмара, 4 тома. Спб. 1867 г. Ц. 8 р.

СОЧИНЕНІЯ
А. И. ОСТРОВСКАГО.

Изд. Д. Е. Кожанчинова.

Томъ I и II:

Семейная картина. — Свои люди — сочтемся. — Утро молодого человѣка. — Бѣдная невѣста. — Не въ свои сани не садись. — Бѣдность не порокъ. — Не такъ живи, какъ хочется. — Въ чужомъ пиру похмѣлье. — Доходное мѣсто. — Праздничный сонъ, до обѣда. — Не сошлись характерами. Спб. 1868 г. Ц. 3 р.

Того же изданія томы III и IV-й:

Свои собаки грызутся — чужая не приставай. — Зачѣмъ пойдешь, то и найдешь. — Старый другъ лучше новыхъ двухъ. — Воспитанница. — Гроза. — Тяжелые дни. — Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ. — Козьма Захарычъ Мининъ Сухорукъ. — Шутники и воевода. Спб. 1866 г. Ц. за 2 тома 3 р. 50 к.

~~~~~

КОБЗАРЬ.

Т. Г. ШЕВЧЕНКО.

СОБРАНІЕ ЕГО СТИХОТВОРЕНІЙ НА МАЛОРОССІЙСКОМЪ ЯЗЫКѢ.

Изд. Д. Е. Кожанчинова.

Большой томъ около 700 стр., на хорошей гласированной бумагѣ, съ портретомъ автора. Спб. 1867 г. Ц. 1 р. 25 к.

Въ этомъ изданіи помѣщены всѣ стихотворенія, напечатанныя въ 1860 г., подъ именемъ „Кобзарь“, а также собраны стихотворенія, которыя напечатаны въ разныхъ изданіяхъ или остались послѣ смерти поэта, и являются теперь въ печати въ первый разъ.

Историческія монографіи и Исследования Николая Костомарова. Смутное время Московскаго государства въ началѣ XVII ст. Т. I и II (т. IV и V). Изд. Д. Кожанчикова. Сиб. 1868. Стр. 396 и 378. Ц. за 3 т. 6 руб.

Нашихъ читателямъ уже хорошо извѣстенъ этотъ обширный трудъ Н. П. Костомарова, изданный въ «Вѣстникѣ Европы» 1866 и 1867 гг. До сихъ поръ этотъ трудъ не называлъ ни одной серьезной, и притомъ критикой, которой вполне заслуживали и интересъ, возбужденный имъ въ обществѣ, и слава имя автора; между тѣмъ, первая часть «Смутнаго времени», а именно, «Названный царь Димитрій» вышла въ журналѣ почти уже два года тому назадъ. Во всякомъ случаѣ, второе изданіе появилось прежде критики на первое. Къ сожалѣнію, мы должны замѣтить, что второе изданіе, имѣя предъ собою печатный текстъ, могло бы быть сдѣлано съ большимъ тщаніемъ. Не говоря уже о томъ, что только при второмъ томѣ помѣщено особое заглавіе его: «Царь Василій Шуйскій и Воры», а при первомъ томѣ забыли на оберткѣ, и даже на заглавномъ листѣ, помѣстить заглавіе тома, и такимъ образомъ, первый томъ явился въ свѣтъ безъ заглавія. Но гораздо хуже еще то, что указанія редакціей «Вѣстника Европы» и весьма важныя опечатки остались неисправленными и въ изданіи Д. Е. Кожанчикова; между тѣмъ какъ опечатки никогда не заслуживаютъ новаго изданія. Стояло только сдать въ типографію корректуры журнала, исправить его предвѣдительно по указаніямъ опечатокъ, которыя были приложены намъ редакціей; но и это послѣднее и самое легкое дѣло не было сдѣлано.

Дневникъ Іоанна Георга Корва, секретаря посланства отъ имп. Леопольда I къ царю Петру I, въ 1698—1699 гг. Перев. съ латинск. В. В. Женева и М. Н. Семева. Изд. Императорскаго Общ. Ист. и Древн. Росс. М. 1868. Стр. 331. Ц. 3 руб.

Не смотря на важное значеніе мемуаровъ Корва для исторіи первой эпохи преобразованій Петра В., мы только теперь приобретаемъ первый полный переводъ этого интереснаго замѣтника для русской исторіи. Къ словамъ путевыхъ замѣткамъ, Корва присоединилъ подробное описаніе возвращенія Петра В. въ чужихъ краяхъ, стрѣльскаго бунта, его усмиренія; съ любопытными замѣтками о внутреннемъ бытѣ «москвитинъ» и вообще нашей цивилизаціи конца XVII вѣка. Переводчики приложили нѣкоторые планы и рисунки, которыми слабѣе оригиналъ, съ описаніемъ ихъ содержания; текстъ объяснили примѣчаніями въ необходимыхъ случаяхъ, и приняли на себя важный въ изданіяхъ подобнаго рода трудъ составить азбучный указатель лицъ.

Редакторъ, сотрудникъ и цензоръ въ русскомъ журналѣ 1755—1764 гг. Акад. П. Пекарскаго. Сиб. 1867. Стр. 88. Ц. 35 к.

Покойный проф. Милютинъ познакомилъ насъ съ содержаніемъ перваго русскаго ежемѣсячнаго журнала, основаннаго при Академіи въ 1755 г., подъ редакціей исторіографа Миллера: «Ежемѣсячныя сочиненія къ пользѣ и увеселенію служащія». Акад. П. П. Пекарскій обратился къ весьма любопытной внутренней жизни редакціи этого первенца русскаго журналистики, съ задушной стороны, и тревоженіямъ, возбужденнымъ цензурными условіями. Источникомъ послѣднихъ были, впрочемъ, распри между силами академиками, и преимущественно вражда Ломоносова къ Миллеру. Отношенія послѣднихъ авторъ описалъ весьма подробно, снабдивъ свой разсказъ новыми документами. Подписная годовая дѣла на журналъ была 2 руб. (на «Сиб. Вѣд.» — 2 р. 50 к.). Сотрудниками журнала являлись какъ академики, такъ и постороннія лица. Изъ содержанія журнала исключались «высокія науки, которыхъ разукрѣтъ невозможно» безъ спеціальнаго знанія. Печатались и стихи; за одинъ «маршгаль Саккѣ, австрійскаго итальянскаго вольнаго театра», редакціи досталось, такъ какъ стихи не поправлялись при дворѣ, а почтенный академикъ не любилъ оперы, думать, что Сакко — варяжская автриса. Вражда къ журналу Ломоносова, а потомъ отъѣздъ Миллера въ Москву положили предѣлъ изданію.

Теорія нравственныхъ чувствъ, или Опытъ исследования о законахъ, управляющихъ сужденіями, естественно составленными нами, сначала о поступкахъ прочихъ людей, а затѣмъ о нашихъ собственныхъ. Соч. Ад. Смита. Перев. П. А. Вилкиовъ. Сиб. 1868. Стр. 515. Ц. 2 р.

Настоящее сочиненіе, по справедливому замѣчанію Бокля, должно быть разсматриваемо, какъ неизбежное дополненіе знаменитаго «Исслѣдованія о природѣ и причинахъ богатства народовъ», доставившее Ад. Смиту славу основателя политической экономіи. «Въ «Теоріи нравственныхъ чувствъ» — говоритъ Бокль — авторъ исследуетъ сочувственную сторону человѣческой природы; въ «Богатствѣ народовъ» — своекорыстную ея сторону. Встрѣчая въ дѣятельности на каждомъ шагѣ, что поступками человѣка руководитъ попеременно то любовь къ себѣ, то любовь къ ближнему, Ад. Смитъ анализировалъ оба эти побужденія къ дѣятельности человѣка, и такимъ образомъ построилъ двѣ отдѣльныя теоріи: теорію симпатій, и теорію богатства. Развѣтій первой теоріи и составляетъ содержаніе настоящаго сочиненія, которое явилось въ подлинникѣ еще въ 1759 г., и теперь въ первый разъ переведено на русскій языкъ. Для сравненія и объясненія присоединены въ концѣ перевода весьма Кордобе съ Кабанусу «О симпатіи».

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЖУРНАЛЬ ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ

выходить въ 1868 году, 1-го числа ежемѣсячно, отдѣльными книгами, отъ 25 до 30 листовъ: два мѣсяца составляютъ одинъ томъ, около 1000 страницъ шесть томовъ въ годъ.

ЦѢНА ПОДПИСКИ

СЪ ДОСТАВКОЮ И ПЕРЕСЫЛКОЮ:

С.-Петербургъ и Москва . Годъ, **15** руб. — Полгода, **8** руб.
Губерніи . . . . . „ **16** „ — „ **9** „

За-границу подписка принимается только на годъ, съ приложеніемъ съ цѣнъ въ губерніяхъ за пересылку по почтѣ въ бандероныхъ: **2** руб. въ Пруссію и въ Германію; **3** руб. въ Бельгію; **4** руб. во Францію и Данію; — **5** руб. въ Англію, Швецію, Испанію и Португалію; **6** руб. въ Швейцарію; — **7** руб. въ Италію и Римъ.

Городская подписка принимается въ Петербургѣ: въ Главной Конторѣ «Вѣстника Европы» (открыта, при князѣ. маг. А. Ф. Базунова, на Невскомъ пр., у Казан. моста, по буднямъ отъ 9 ч. ут. до 9 ч. веч., и по праздникамъ отъ 12 ч. до 3 ч. пополуд.); и въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ Н. Г. Соловьева.

Иногородная и заграничная подписка высылается, но почтой, неключительно: въ Редакцію журнала «Вѣстникъ Европы» (Галъ ав. 20) или прямо въ Газетную экспедицію С.-Петербургскаго и Московскаго Почтамтовъ. — Подписывающіеся лично обращаются въ мѣста, указаннаго для городской подписки.

Подписывающіеся лично въ Главной Конторѣ «Вѣстника Европы», для обезпеченія себѣ правильной и своевременной доставки книжекъ, требуютъ выдачу билета, вырѣзаннаго изъ книгъ Конторы журнала, а не книжнаго магазина, и съ пометкою дня выдачи билета.

Подписка безъ доставки (годъ — 14 р.; полгода — 7 р. 50 к.) принимается въ мѣстахъ, указанныхъ для городской подписки.

ИВ. Редакція отвечаетъ за точную и своевременную сдачу экземпляровъ въ Почтамтъ только предъ тѣми, кто сообщивши ей номеръ и число тисненія: или почтовой квитанціи, или билета, вырѣзаннаго изъ книгъ Главной Конторы «Вѣстника Европы».

Въ случаѣ водворенія Почтамтовъ сланихъ Оу въ поряскъ экземпляровъ, редакция обязуется немедленно выслать новый экземпляръ въ замѣну утраченнаго, равно по помяте, какъ по предълаженіи подписщикомъ свидѣтельства отъ мѣстной Почтовой Конторы, что требуемый номеръ книги не былъ высланъ на его имя въ Газетной Экспедиціи.

Желающіе приобрести полный экземпляръ «Вѣстника Европы» за 1867 годъ (четыре тома: 8 руб. безъ доставки) обращаются въ Главную Контору журнала. — Гг. Иногородные — неключительно въ редакцію (Сиб. Валеріан, 20), съ приложеніемъ 1 руб. дан пересылки годового экземпляра.

1868

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ
ИСТОРИИ ПУЛИТИКИ.

ИЗДАЮЩЕГОСЯ

ТРЕТІЙ ГОДЪ. — КНИГА 4-ая.

АПРѢЛЬ. 1868.

ПЕТЕРБУРГЪ.

Издатель: М. М. Сиверс

Digitized by Google

Digitized by Google

КНИГА 4-ая. — АПРѢЛЬ, 1868.

- ✓ I. — ГЕТМАНСТВО ЮРІЯ ХМЕЛЬНИЦКАГО. — I-VIII. — Н. П. Костомарова.
- II. — ТЫСЯЧА-ВОСЕМЬСОТЪ-ВТОРОЙ ГОДЪ ВЪ ГРУЗИИ. — IV-VI. — П. Ф. Дубровинъ.
- ✓ III. — ПОЗДНѢЙШИЯ ВОЛНЕНІЯ ВЪ ОРЕНБУРГСКОМЪ КРАѢ. — Историческій разсказъ. — I. — П. А. Середы.
- ✓ IV. — ДѢЛО НОВИКОВА И ЕГО ТОВАРИЩЕЙ. — По новымъ документамъ. — I-V. — А. М. Попова.
- V. — ПРОИСХОЖДЕНІЕ РУССКИХЪ БЫЛИНЪ. — VIII. Илья Муромецъ. — IX. Дунай. — X. Васька Вдовкинъ-сынъ. — В. В. Стасова.
- ✓ VI. — ДОНЪ, КАВКАЗЪ И КРЫМЪ. — Изъ путевыхъ воспоминаній. — I. — П. П. Крестовича.
- VII. — ЗАПИСКИ О РОССИИ XVII-го и XVIII-го вѣка, по донесеніямъ голландскихъ резидентовъ. — II. — Посольство Бредероде, Басса и Іоакима въ Россію, и ихъ донесенія Генералшмъ-Штатамъ, 1615—1616 гг. — Перев. съ голланд. рукописи.
- VIII. — ГАБСБУРГСКАЯ СЕМЕЙНАЯ ПЕРЕПИСКА ВЪ XVIII-мъ ВѢКѢ. — П. П.
- IX. — ПОЛИТИЧЕСКАЯ САТИРА ВО ФРАНЦІИ. — VI-XII. — В. Ф.
- X. — АНГЛІЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА. — КНИГА ГЕРЦОГА АРГАЙЛЯ: ЦАРСТВО ЗАКОНА. — Б. Н. Утина.
- XI. — СУДЕБНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — СУДЪ И ПОЛИЦІЯ. — В. П.
- XII. — ЕЖЕМѢСЯЧНАЯ ХРОНИКА ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ.
- XIII. — ИРЛАНДІЯ ПРЕДЪ СУДОМЪ ОБЩЕСТВЕННОГО МНѢНІЯ ВЪ АНГЛІИ. — Л. П.
- XIV. — НОВЫЙ ЗАКОНЪ О ПЕЧАТИ ВО ФРАНЦІИ. — К. К. Арсеньева.
- XV. — ТЕАТРЪ. — ОЖЬЕ И РЕАЛИЗМЪ СОВРЕМЕННОЙ ДРАМЫ. — Е. Ф.
- XVI. — ЛИТЕРАТУРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ. — Мартъ.
- XVII. — ОБЪЯВЛЕНІЯ ВЪ БИБЛОГРАФИЧЕСКОМЪ ЛИСТОКѢ. — Новая книга.

Въ майской книгѣ печатается трагедія "р. А. К. Толстаго: „Федоръ Іоанновичъ“, въ пяти дѣйствіяхъ.

297

ГЕТМАНСТВО ЮРІЯ ХМЕЛЬНИЦКАГО

I 1).

28-го сентября 1659 года, царскій главный воевода князь Алексѣй Никитичъ Трубецкой прибылъ въ Переяславль съ наказомъ, гдѣ ему поручалось утвердить въ Малой Руси гетмана, кого пожелаютъ и изберутъ казаки. Выговскому не отнималась надежда на примиреніе. Трубецкой долженъ былъ и его пригласить на раду, какъ будто бы ничего не было, и даже признать

¹⁾ Настоящая монографія есть, по ходу описываемыхъ въ ней событій, непосредственное продолженіе статьи, напечатанной во II-мъ томѣ «Историческихъ монографій и Исслѣдованій», подъ названіемъ: «Гетманство Выговскаго, и сочиненія: «Богданъ Хмельницкій». Авторъ, какъ то было и прежде, пользуется, главнымъ образомъ, дѣлами бывшаго Малороссійскаго приказа, хранящимися въ Архивѣ Иностранныхъ Дѣлъ и въ Архивѣ Старыхъ Дѣлъ министерства юстиціи. Эти дѣла состоятъ изъ столбцевъ, заключающихъ черновыя грамоты, отписки, письма разныхъ лицъ и копія; эти документы доставляли матеріалъ преимущественно для изученія и описанія дѣлъ какъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ, на лѣвой сторонѣ Дѣшера, въ періодъ времени отъ изгнанія Выговскаго до избранія Бруховецкаго въ гетманское достоинство, т. е. отъ конца 1659 до половины 1663 годовъ. Что касается до правой стороны Дѣшера, то для исторіи этого края въ томъ же періодѣ служили источниками польскіе акты, напечатанные въ третьемъ отдѣлѣ IV-го тома Памятниковъ Кіевской Археологической Коммиссіи, именно письма и донесенія малороссійскихъ гетмановъ на правобережной Украинѣ, Юрія Хмельницкаго и Павла Тетери, а также письма разныхъ польскихъ пановъ, имѣвшихъ сношенія съ казаками. Кромѣ того, какъ добавочный къ этому источникъ, служило сочиненіе Коховскаго: *Annalium Poloniae Cimacteres* etc., гдѣ изложены событія Украины, имѣвшія отношеніе къ польской исторіи, авторомъ-современникомъ описываемыхъ происшествій. Сочиненіе: *Historja panowania Jana Kazimierza przez nieznanego autora*, изданное въ двухъ томахъ въ 1840 г.

Томъ II. — Апрель, 1868.

его въ гетманскомъ званіи, еслибъ этого хотѣли казаки. Но это сказано было, очевидно, для соблюденія вида справедливости и готовности предоставить казакамъ управляться по своимъ правамъ. Впрочемъ, въ этомъ случаѣ правительство могло писать изъ Москвы что угодно, будучи увѣрено по ходу дѣлъ, что Выговскаго никакъ не захотятъ выбирать казаки послѣ того, какъ они его недавно низложили; напротивъ, еслибъ онъ осмѣлился прѣхать въ Переяславль, то казацкая рада притворила бы его къ казни. По прибытіи въ Переяславль, московскій военачальникъ получилъ, чрезъ переяславскаго полковника Тимофея Цыпру, письма отъ Юрія Хмельницкаго, обознаго Носача и семи заднѣпровскихъ полковниковъ¹⁾. Въ нихъ извѣщалось, что на радѣ

Эдуардомъ Рачинскимъ, есть вариантъ сочиненія Коховскаго. Для описанія собственно битвъ подъ Чудновымъ и Слободищемъ служили современныя спеціальныя сочиненія объ этомъ событіи, и важнѣе всѣхъ—дневникъ Свирскаго: *Relatio Historica belli Szeremetici per Septembrem, Octobrem, Novembrem gesti anno 1660*. Составитель этой брошюры, напечатанной въ Замостьѣ въ 1661-году, духовнаго званія, пользовался, какъ самъ говоритъ, свѣдѣніями, доставленными ему отъ участниковъ дѣла. Польскій археологъ Амвросій Грабовскій, въ сборникѣ разныхъ матеріаловъ, изданныхъ имъ подъ названіемъ: *Ouszyste Sprunki*, напечаталъ съ старинной рукописи: *Diaryusz wojny w Szeremetem, i Ciociurą półkownikiem Perejasławskim, która się odprawowała w Miesiącu Wrześniu, Październiku i Listopadzie, roku 1660*. Этотъ дневникъ есть вариантъ и чуть ли не оригиналъ реляціи Свирскаго. Кромѣ этого дневника, существуетъ другое современное сочиненіе для того же событія, писанное Зеленевицкимъ и напечатанное въ 1668 году въ Краковѣ подъ названіемъ: *Memorabilis Victoria de Szeremetho exercitus Moschorum duce cum a duobus cosacorum exercitibus armis et auspiciis serenissimi Joannis Casimiri Polon. et cet. regis potentissimi ad Cudnoviam reportata*. Авторъ, священникъ и деканъ, пользовался также извѣстіями, которыя слышалъ отъ очевидцевъ, но украсилъ слишкомъ свой рассказъ риторикою; вообще, упомянутый прежде дневникъ достоинъ больше довѣрія. Для описанія черной рады въ Нѣжинѣ, гдѣ избранъ былъ Бруховскій, служилъ, кромѣ лѣтописи Самовидца, рассказъ другого очевидца, Гордона, помѣщенный въ его дневникѣ, изданномъ по-нѣмецки г. Поссельтомъ, подъ названіемъ: «*Tagebuch des Generals Patrick Gordon*». Кромѣ этихъ источниковъ, для дѣлъ малороссійскихъ того времени служили источниками: «Лѣтопись Самовидца», лѣтопись Грабянки и лѣтопись Самуила Величка. Изъ нихъ, «Лѣтопись Самовидца», писана человекомъ казацкаго званія и участникомъ описываемыхъ событій, и притомъ съ безпристрастіемъ; въ этого періода, какъ вообще для всей исторіи Малой Руси второй половины XVII вѣка, она есть важный источникъ. Лѣтописи Грабянки—компиляція разныхъ книгъ и рукописей, составленная уже въ XVIII вѣкѣ для этого періода, немного представляетъ важнаго, при имѣніи другихъ болѣе непосредственныхъ источниковъ. Что касается до лѣтописи Величка, то этимъ источникомъ можно пользоваться не иначе, какъ съ крайнею осторожностію, потому что въ немъ попадаетъ много анахронизмовъ и явно-позднѣйшихъ вставокъ. Наконецъ, для изложенія отношеній Малой Руси къ центральной части, служили официальныя грамоты того времени, напечатанныя въ Полномъ Собраніи Законовъ (т. I) и въ III-мъ томѣ Собранія государственныхъ грамотъ и договоровъ.

¹⁾ Черкасскаго Одица, каневского Лизогуба, бѣлоцерковскаго Кравченка, павлоцкаго Богуна, уманскаго Хавенка, и Грицка гуляницкаго (бывшаго нѣжинскаго).

казацкой, происходившей на рѣкѣ Русавѣ, Выговскій низложенъ съ гетманства, и казаки отдали знамя, булаву, печать и всѣ гетманскія дѣла Юрію Хмельницкому. Трубецкой немедленно отправилъ въ заднѣпровскому войску путивльца Зиновія Яцына съ письмомъ, гдѣ уговаривалъ Юрія служить вѣрно государю по примѣру своего родителя, Богдана, а съ тѣмъ вмѣстѣ всѣхъ казаковъ убѣждалъ послѣдовать примѣру лѣвобережныхъ полковъ: принести повиновеніе великому государю въ своихъ винахъ и учиниться у государя въ вѣчномъ подданствѣ по прежнему.

Въ казацкомъ войскѣ послѣ раздѣлки съ Выговскимъ, при неопытности и молодости Хмельницкаго, началъ входить въ силу Сомко, шурина Хмельницкаго. По извѣстію Украинской лѣтописи, онъ внутренно досадовалъ, что выборъ въ гетманы палъ не на его особу, но дѣлать было нечего. За Юрія стоялъ горячѣе всѣхъ Иванъ Сирко, и убѣждалъ казаковъ никого не допускать въ гетманству, кромѣ сына Богданова. Сомко долженъ былъ притворяться довольнымъ и поздравить своего молодого племянника. Войско изъ подъ Бѣлой-Церкви прибыло въ Трехтемировъ, и тамъ, на просторной долинѣ, называемой Жердева, собралось на раду.

Прежде всего всѣ въ одинъ голосъ изъявляли признаніе Юрія въ гетманскомъ достоинствѣ: — Будь подобенъ отцу своему, кричали казаки, будь, какъ онъ, вѣренъ и доброжелателенъ его царскому пресвѣтлому величеству и матери своей Украинѣ, сущей по обѣимъ сторонамъ Днѣпра.

На этой радѣ составлены были статьи, которыя слѣдовало представить царскимъ воеводамъ на утверженіе. Положили просить о томъ, чтобы подтвердили всѣ статьи Богдана Хмельницкаго, а къ нимъ присоединили новыя. Ясно, что ихъ требовала и сочиняла партія казацкихъ старшинъ, хотѣвшихъ удержать и расширить автономію Украины, и, признавая верховную власть цара, насколько возможно охранить независимость своего края отъ тѣснѣйшаго подчиненія Москвѣ. Для этого хотѣли возвысить власть гетмана такъ, чтобъ только онъ, будучи главнымъ правителемъ Украины, велъ сношенія съ Москвою, чтобы мимо его безъ вѣдома его и всей старшины, безъ подписи гетманской руки и безъ приложенія войсковой печати, никакія писанія, присланныя изъ Украины, не были принимаемы у московскаго правительства; чтобы всѣ люди, принадлежащіе въ войску запорожскому, а особенно шляхта, находились подъ его вѣдомствомъ и судомъ, и чтобы ему одному повиновались непосредственно всѣ полковники съ своими полками и отнюдь не выходили изъ его послушанія. Это устанавливалось для того, чтобы не допустить недовольнымъ

обращаться прямо въ Москву и чрезъ то давать поводъ московскому верховному для Украины правительству непосредственно вмѣшиваться въ мѣстныя дѣла; казаки въ такомъ вмѣшательствѣ видѣли нарушеніе своихъ правъ, своей вольности, а главное—боялись послѣдствій въ будущемъ: когда войдутъ въ обычай такого рода отношенія, то мѣстныя выборныя власти потеряютъ и силу и значеніе, и, наконецъ, можетъ дойти до того, что окажутся ненужными. У воеводъ и ратныхъ московскихъ людей были столеновенія съ жителями Украины; поэтому, полагали домогаться, чтобъ напередъ воеводы царскіе были въ одномъ Кіевѣ, а въ другихъ малорусскихъ городахъ ихъ не было вовсе; сверхъ того, чтобъ московское войско, когда придетъ въ Украину, состояло подъ верховнымъ начальствомъ гетмана войска запорожскаго. Гетману слѣдовало предоставить и право принимать чужеземныхъ пословъ безъ ограниченія, посылая впрочемъ въ Москву списки подлинныхъ грамотъ, а въ случаѣ заключенія мира и трактатовъ Россіи съ сосѣдними государствами, особенно съ поляками, татарами и шведами, гетманъ долженъ высылать отъ войска запорожскаго комиссаровъ съ вольнымъ голосомъ и значеніемъ. Гетманъ долженъ выбираться вольными голосами однихъ казаковъ, съ тѣмъ, чтобы при этомъ отнюдь не участвовали въ избраніи лица, не принадлежащія къ войску запорожскому. Право участія въ выборѣ не простиралось на посполство; казаки боялись, чтобы, такимъ образомъ, не было выбрано лицо, не расположенное стоять за интересы казацкаго сословія, или такое лицо, которое окажется слишкомъ угодливымъ верховной власти въ ущербъ мѣстной самостоятельности. Составители статей хотѣли оградить отношенія своего края и въ церковномъ отношеніи: они напоминали, чтобъ церковь малорусская находилась непременно подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ константинопольскаго патріарха, а тѣмъ самымъ заключала отличіе отъ московской церкви, имѣвшей своего мѣстнаго верховнаго патріарха въ Москвѣ. Постановлялось условіе, чтобы митрополитъ кievскій, мимо константинопольскаго патріарха, отнюдь не былъ принуждаемъ къ подчиненію и послушанію иной, какой бы то ни было власти; Москва отнюдь не должна была допускать утверждаться вліянію поставленныхъ при ея помощи іерарховъ: требовалось для этого, чтобы по смерти каждаго кievскаго митрополита, также и другихъ епископовъ, преемники ихъ поставлялись не иначе, какъ по вольному выбору духовныхъ и свѣтскихъ особъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ казаки выговаривали себѣ невозбранное право заведенія школь «всякого языка», гдѣ бы то ни было и какъ бы то ни было. Наконецъ, просили полной амни-

стіи, вѣчнаго «непамятозлюбія и запомненія» всего, что недавно дѣлалось. Видно было ясно, что казаки на этотъ разъ хоть и изъявляли желаніе быть вѣрными Москвѣ, но въ тоже время боялись ее; соглашались находиться въ зависимости отъ нея, но только въ такой зависимости, которая была бы до того слаба, что, при случаѣ, можно будетъ отъ нея избавиться.

Порѣшивши предложить въ такомъ духѣ договоръ, казаки отправили къ Трубецкому обратно присланнаго послѣднимъ Зиновія Яцына, а вмѣстѣ съ нимъ послали своего полковника Дорошенка, изъявить желаніе, чтобы государь велѣлъ казакамъ быть подъ своею рукою на правахъ и вольностяхъ своихъ, какъ это было при покойномъ Богданѣ Хмельницкомъ. Трубецкой вручилъ Дорошенку царскую жалованную грамоту и вмѣстѣ съ нимъ послалъ къ Юрію Сергѣя Владыкина пригласить новоизбраннаго гетмана со старшиною ѣхать къ нему въ Переяславль.

4 октября, казацкая рада отправила къ Трубецкому вмѣстѣ съ Владыкинымъ снова Петра Дорошенка и съ нимъ черкаскаго полковника Андрея Одица и каневского Ивана Лизогуба. Они привезли Трубецкому два письма: одно отъ гетмана, другое отъ всѣхъ полковниковъ, и четырнадцать статей въ смыслѣ составленныхъ на жердевой радѣ условій, которыхъ содержаніе изложено выше. Вмѣстѣ съ тѣмъ они просили боярина и воеводу прибыть за Днѣпръ къ Трехтемировскому монастырю.

Трубецкой, прочитавъ статьи, сказалъ Дорошенку и его товарищамъ: — «Здѣсь есть кое-что новое противъ договора съ Богданомъ Хмельницкимъ, а у меня есть тоже новыя статьи для утвержденія войска запорожскаго, чтобы въ немъ напередъ не было измѣны, и междуусобія и напраснаго пролитія крови христіанской. Мы къ вамъ на раду не поѣдемъ; пусть вашъ новоизбранный гетманъ прибѣдетъ сюда безъ сумнительства вѣручинить и крестъ цѣловать на вѣчное подданство».

Казацкіе послы напрасно уговаривали Трубецкаго поступить по ихъ желанію. Казаки надѣялись, что московскій бояринъ, находясь посреди казацкаго войска, будетъ уступчивѣе. Но это видѣлъ Трубецкой и, напротивъ, стоялъ на томъ, чтобы казацкіе начальники пріѣхали къ нему и принуждены были договариваться посреди московской ратной силы. Дорошенко просилъ, чтобы бояринъ, по крайней мѣрѣ, для увѣренности, послалъ своихъ товарищей въ казацкое войско въ то время, какъ гетманъ со старшиною пріѣдетъ къ нему въ Переяславль. И на это Трубецкой не поддакъ, но согласился однако послать за Днѣпръ товарища своего, окольникчаго и воеводу Андр. Вас. Бутурлина, не въ качествѣ заложника, а для того, чтобы привести къ присягѣ ка-

зацкое войско. Трубецкой сдѣлалъ замѣчаніе, что если казаки будутъ далѣе упрямиться, то онъ пошлетъ на нихъ ратную силу, и Шереметеву изъ Кіева велитъ идти на нихъ въ тоже время¹⁾. Но чтобъ не раздражить казацкихъ полковниковъ до крайности, бояринъ не говорилъ имъ о рѣшительной невозможности принять привезенныя ими статьи, откладывая дѣло до прибытія гетмана и даже подавалъ имъ нѣкоторую надежду, что, быть можетъ, ихъ желаніе исполнится. Тѣмъ не менѣе послы казацкіе, Дорошенко и его товарищи, оставлены были въ Переяславлѣ до тѣхъ поръ, пока придетъ извѣстіе отъ Юрія Хмельницкаго и казацкихъ полковниковъ; къ послѣднимъ посланъ былъ еще разъ Сергій Владыкинъ.

Рѣшительныя заявленія Трубецкаго поставили казаковъ въ такое положеніе, что имъ оставалось только повиноваться. Въ противномъ случаѣ, приходилось воевать съ царскимъ войскомъ, — но на это половина войска не согласилась бы; народъ малорусскій, подъ вліяніемъ свѣжей непріязни къ Выговскому и его шляхетскимъ затѣямъ, былъ бы противъ этого весь. Притомъ, трое полковниковъ были задержаны въ московскомъ станѣ: военачальникъ не выпустилъ бы ихъ. 1 октября, Юрій Хмельницкій извѣстилъ Трубецкаго, что онъ ѣдетъ въ Переяславль.

Трубецкой отпустилъ задержанныхъ чиновниковъ и отправилъ за Днѣпръ, для приведенія къ присягѣ казацкаго обоза, своего товарища Бутурлина, но приказалъ ему только тогда перевозиться на правый берегъ Днѣпра, когда казацкое начальство будетъ уже на лѣвомъ. Онъ не довѣрялъ казакамъ и ему не довѣряли казаки. На другой день, 8 октября, Юрій Хмельницкій увидѣлъ, что Бутурлинъ стоитъ на берегу Днѣпра и не перевозится. Юрій послалъ ему сказать, что пока Андрей Васильевичъ не переѣдетъ на правый берегъ Днѣпра, казацкій гетманъ со старшиною не переѣдутъ на лѣвый. Бутурлинъ отправилъ къ Трубецкому спросить, что ему дѣлать. Трубецкой приказалъ Бутурлину, для успокоенія казаковъ, послать за Днѣпръ своего сына Ивана, а самому отнюдь не ѣхать, прежде чѣмъ гетманъ не перевезется. Такъ поступилъ Бутурлинъ. Казаки увидя, что сынъ Бутурлина уже на правой сторонѣ Днѣпра, успокоились и переѣхали на лѣвый. Тогда и Бутурлинъ, воротивши сына назадъ, самъ переправился на правый берегъ.

Эти обстоятельства показываютъ, какъ мало искренности и довѣрія существовало тогда между обѣими сторонами и, слѣдо-

¹⁾ См. гр. IV, 63.

вательно, напередъ можно было предвидѣть, какъ мало прочно-сти могло быть въ томъ, что между ними будетъ постановлено.

Настойчивость Трубецкаго не всѣхъ сломала. Съ Юріемъ Хмельницкимъ прибыли обозный Носачъ и войсковой есаулъ Ковалевскій: они оставлены при своихъ урѣдахъ и пріѣхали просить прощенія за вины свои. Кромѣ ихъ пріѣхалъ новый войсковый судья Иванъ Кравченко, избранный вмѣсто низложеннаго соучастника Выговскаго—Богдановича-Заруднаго, и писарь Семень Остаповичъ Голуховскій, избранный вмѣсто Груши. Изъ полковниковъ съ праваго берега были въ Переяславлѣ съ Юріемъ—черкасскій Андрей Одинецъ, каневскій Иванъ Лизогубъ (бывшіе уже прежде съ Дорошенкомъ и задержанные Трубецкимъ), корсунскій (начальникъ казацкой артиллеріи) Яковъ Петренко, кальницкій Иванъ Сирко и бывшій прилуцкій Дорошенко, уже тогда по своимъ дарованіямъ, ловкости и воспитанію стоявшій впереди въ дѣлахъ. Но полковники: кievскій Бутримъ, чигиринскій Кирилло Андріенко, брацлавскій Михаилъ Зеленскій, подольскій или винницкій Евстафій Гоголь, паволоцкій Иванъ Богунъ, бѣлоцерковскій Иванъ Кравченко, уманскій Михаилъ Ханенко не пріѣхали въ Переяславль и не хотѣли покориться Москвѣ. Юрій, увидѣвши съ Трубецкимъ, скрывалъ настоящую причину ихъ неприбытія и объяснялъ, что эти полковники не явились по тому, что надобно было оставить ихъ для обороны края противъ поляковъ и татаръ. Онъ объявилъ московскому военачальнику, что имѣетъ право подписаться за нихъ. Со стороны духовенства явился на раду въ Переяславль одинъ только кобринскій архимандритъ Іовъ Заенчовскій. Кромѣ ихъ, прибыло нѣсколько сотниковъ, товарищей и дворовые люди Юрія.

II.

Трубецкой, прежде собранія рады, на которой слѣдовало отъ имени царя утвердить Юрія въ гетманскомъ достоинствѣ и постановить новыя договорныя статьи, написалъ къ Ромодановскому, и въ Кіевъ къ Шереметеву, чтобы и тотъ и другой спѣшили съ ратною силою въ Переяславль, приказалъ съѣзжаться на раду нѣжинскому и черниговскому полковникамъ и рассылалъ грамоты къ войтамъ, бурмистрамъ, райцамъ и лавникамъ городовъ и мѣстечекъ лѣвой стороны Днѣпра, приказавъ имъ ѣхать на раду и объявить посольству, чтобы оно съ ними туда же съѣзжалось. Бояринъ замѣтилъ, что посольство лѣвой стороны не долюбливаетъ казаковъ и расположено къ

московской сторонѣ; онъ, поэтому, надѣялся, при большемъ стеченіи народа, вытребовать отъ казацкихъ начальниковъ то, что было нужно для московскаго правительства, и притомъ такъ, что все будетъ дѣлаться по волѣ большинства народнаго.

Просидѣвъ одинъ день во дворѣ, гдѣ его помѣстили, Юрій отправилъ къ Трубецкому есаула Ковалевскаго просить свиданія. 10 октября, бояринъ приказалъ всѣмъ быть у себя. Бояринъ обошелся съ Юріемъ ласково, сообщилъ ему царскую милость, извѣстилъ, что царь его похваляетъ за то, что онъ желаетъ оставаться въ подданствѣ у великаго государя и побуждалъ подражать своему отцу въ непоколебимой вѣрности царю. Старшины и полковники били челомъ объ отпущеніи своей вины предъ царемъ и говорили, что они отлучились отъ царя по-неволѣ: то были обычныя отговорочныя фразы того времени. Бояринъ объявилъ имъ царское прощеніе за прошлое и проговорилъ наставленіе, чтобы они впередъ оставались подъ высокою рукою царскаго величества на вѣки неотступны. — Великій государь (онъ сказалъ имъ) велѣлъ учинить въ Переяславлѣ раду и на радѣ избрать гетманомъ того, кто вамъ и всему войску запорожскому надобенъ, и постановить статьи, на которыхъ всему войску запорожскому быть подъ рукою его царскаго величества.

Послѣ этого свиданія прошло нѣсколько дней. Московскіе воеводы прибывали одинъ за другимъ съ своими ратами. 13 октября, прибылъ бояринъ Василій Борисовичъ Шереметевъ, 14 — окольный князь Григорій Григорьевичъ Ромодановскій. Переяславль безпрестанно наполнялся людьми различныхъ состояній. Съѣхались около боярина вѣрные царю полковники лѣвой стороны: нѣжинскій Золотаренко, черниговскій Іоанникій Силить, полтавскій Ѳеодоръ Жученко, прилуцкій Ѳеодоръ Терещенко, лубенскій Яковъ Засядко, миргородскій Павелъ Андреевъ съ своими писарями и сотниками; стекались изъ ближнихъ мѣстъ войты, бурмистры и мѣщане.

Пятнадцатаго октября, Юрія и старшину опять позвали къ Трубецкому, который встрѣтилъ ихъ вмѣстѣ съ прибывшими вновь воеводами. Съ ними были дьяки: думный Иларіонъ Дмитриевичъ Лопухинъ и Ѳеодоръ Грибоѣдовъ. Съ Юріемъ и полковниками былъ и наказный гетманъ Безпалый. Казацкой старшинѣ прочитана была царская вѣрующая грамота на имя Трубецкаго: въ ней отъ царя поручалось боярину утвердить новоизбраннаго казацкаго гетмана, постановить статьи и привести всѣхъ къ присягѣ. Потомъ прочитаны были статьи, привезенныя Трубецкимъ: ихъ было два рода, — однѣ старыя, тѣ, на которыхъ присягалъ повойный Богданъ Хмельницкій, другія новыя,

написанныя не вполне въ прежнемъ смыслѣ и прямо противныя тѣмъ, которыя измышляли казаки на жердевской радѣ. Юрій со старшиною, не смѣя опровергать ихъ, не изъявлялъ одобренія, а просилъ только прочитать ихъ на цѣлой радѣ казацкой и сказалъ: на какихъ статьяхъ быть намъ и всему войску запорожскому подъ самодержавною рукою его царскаго величества, мы будемъ бить челомъ на радѣ, чтобы про то все было вѣдомо всему войску запорожскому.

Этими словами показалось, что казацкимъ старшинамъ, руководившимъ молодымъ гетманомъ, не нравятся привезенныя изъ Москвы статьи, и что они все еще, считая себя вольнымъ народомъ, думаютъ договариваться на такихъ условіяхъ, какія сами для себя найдутъ выгодными и представлятъ, а не на такихъ, которыя имъ предложить подъ страхомъ. Трубецкой, можетъ быть, по принятому обычаю запросилъ побольше, чтобы скорѣе получить то, что нужно, сказалъ:

— Великій государь повелѣлъ въ городахъ Новгородѣ-Сѣверскомъ, Черниговѣ, Стародубѣ и Почепѣ быть своимъ воеводамъ и вѣдать уѣзды тѣхъ городовъ, какъ было встарь, оттого что тѣ города изстари принадлежали къ Московскому государству, а не къ Малой Россіи. Такъ и теперь надобно учинить попрежнему, а казаки, которые устроены землями въ уѣздахъ тѣхъ городовъ, пусть живутъ на своихъ земляхъ при воеводахъ (т. е. подъ властью воеводъ, а не гетмана), если ихъ нельзя будетъ помѣстить въ другихъ мѣстахъ.

Такимъ образомъ, бояринъ изъявлялъ притязаніе отнять у гетманской власти значительную часть края. Онъ былъ по историческимъ правамъ справедливъ. Но и у противной стороны были равносильныя права.

Юрій на это отвѣчалъ:

— Въ Черниговѣ, Новгородѣ-Сѣверскомъ и Почепѣ издавна устроено много казаковъ, и за ними много земель и всякихъ угодій. Новгородѣ-Сѣверскій, Стародубъ и Почепъ приписаны къ Нѣжинскому полку, а въ Черниговѣ свой казацкій полкъ. Если вывести оттуда казаковъ, то казакамъ будетъ домовное и всякое разореніе, и права и вольности ихъ будутъ нарушены, а великій государь пожаловалъ войско запорожское, велѣлъ всѣмъ намъ быть подъ его самодержавною рукою на прежнихъ правахъ и вольностяхъ и владѣть всякими угодьями попрежнему; и въ царскихъ жалованныхъ грамотахъ написано, что права казацкія и вольности не будутъ нарушены ни въ чемъ. Если же начать переводить казаковъ изъ тѣхъ мѣстъ, то у нихъ начнутся большія шатости. Пусть государь-царь пожалуетъ насъ: велить

Новгороду - Сѣверскому и Стародубу и Почепу и Чернигову оставаться въ войскѣхъ запорожскомъ.

Трубецкой возразилъ ему:

— Вы говорите, что Новгородъ-Сѣверскій приписанъ къ войску запорожскому, а когда это случилось? Тогда, когда войско запорожское отлучилось отъ польскихъ королей; а когда войско запорожское было за королями польскими, въ тѣ времена Новгородъ-Сѣверскій не былъ прилученъ къ войску запорожскому, а оставался за сенаторами. Казаки тамошніе новопоселенные и съ старыми казаками не живали. Стало быть, если можно будетъ ихъ перевести на иныя мѣста, то переведите; а некуда перевести — пусть тамъ живутъ подъ воеводами.

Юрій и за нимъ полковники стали бить челомъ, чтобы города, о которыхъ идетъ рѣчь, оставались въ войскѣхъ запорожскомъ.— Не говорите объ этихъ городахъ на радѣхъ—сказали они— а если только объявите, такъ будетъ въ войскѣхъ запорожскомъ междуусобіе и безпокойство.

Трубецкой не сталъ болѣе настаивать. 17 октября, устроена была генеральная рада за городомъ въ полѣ. Сходились не одни казаки; толпы мѣщанъ и посольства изъ городовъ, мѣстечекъ и сель привалили туда. Московскіе воеводы ѣхали съ ратными московскими людьми. Трубецкой приказалъ объявить, что онъ велитъ казакамъ при себѣ учинить раду и выбрать по своимъ войсковымъ правамъ гетмана, кого они себѣ излюбятъ, а потомъ пусть останется этотъ гетманъ неотступно въ подданствѣхъ подъ государевою самодержавною рукою со всѣмъ войскомъ запорожскимъ навѣки.

Присутствіе воеводъ и московскаго войска не могло нравиться многимъ. Московскій бояринъ своими поступками возбуждалъ ропоть; жаловались, что онъ считаетъ войско запорожское какъ-бы побѣжденнымъ, а не вольнымъ народомъ, и намѣренъ устроить его судьбу, какъ хочется Москвѣ, а не самому войску. Еще оскорбительнѣе показалось казакамъ, когда Трубецкой приказалъ князю Петру Алексѣевичу Долгорукому съ своимъ отрядомъ приблизиться и окружить мѣсто рады. Такая рада должна была отправиться несвободно, подъ московскимъ оружіемъ, и слѣдовательно, поступать и дѣлать такія постановленія, какія угодны будутъ московской власти.

Сначала произнесли присягу на подданство тѣ заднѣпровскіе старшины и полковники, которые прибыли съ Хмельницкимъ. Лѣвобережные уже прежде присягнули. Потомъ послѣдовалъ выборъ; всѣ безпрекословно огласили гетманомъ Юрія Хмельницкаго: то-есть одобрили въ Переяславлѣ то, что уже было сдѣлано

за Днѣпромъ. Потомъ прочитаны были статьи переяславскаго договора 1654 г.; а потомъ читались новыя статьи, которыя теперь московское правительство сочло нужнымъ дать казакамъ, чтобы поставить ихъ въ зависимость болѣе тѣсную, чѣмъ та, въ какой они находились по условіямъ присоединенія Малой Руси въ Москвѣ при Богданѣ Хмельницкомъ. Гетману воспрещалось принимать иноземныхъ пословъ; гетманъ со всѣмъ войскомъ запорожскимъ обязанъ былъ идти въ походъ, куда будетъ царское изволеніе, слѣдовательно и за предѣлы Малой Руси, тогда какъ по прежнимъ статьямъ служба казацкая ограничивалась только внутри. Гетманъ обязывался не поддаваться никакимъ прелестямъ, не вѣрять никакимъ возбужденіямъ противъ Московскаго государства, казнить смертію тѣхъ, которые стануть возбуждать неудовольствіе противъ Московскаго государства и заводить ссоры съ московскими людьми, а порубежные воеводы будутъ казнить тѣхъ великорусовъ, которые стануть подавать поводъ къ ссорамъ. Гетманъ лишился права ходить съ войсками запорожскими на войну, куда бы то ни было, не могъ никому помогать и не посылать никуда ратныхъ людей безъ воли государя, равнымъ образомъ обязанъ былъ карать тѣхъ, которые пойдутъ для такой цѣли самовольствомъ. Вопреки выраженному въ Жердѣвскихъ статьяхъ желанію избавиться отъ московскихъ воеводъ, въ предъявленныхъ отъ московскаго правительства статьяхъ требовалось, чтобы воеводы московскіе съ ратными людьми находились въ городахъ: Переяславлѣ, Нѣжинѣ, Черниговѣ, Брацлавлѣ, Умани; они, впрочемъ, не должны были вступать въ права и вольности казаковъ; ратные люди должны были кормиться изъ своихъ запасовъ; а въ тѣхъ городахъ, гдѣ московскіе воеводы замѣняли прежнихъ польскихъ, именно—въ Кіевѣ, Черниговѣ и Брацлавлѣ они могли пользоваться тѣми самыми мѣстностями, которыя нѣкогда представлялись на содержаніе польскихъ воеводъ. Реестровые казаки освобождались отъ постоя ратныхъ людей и дачи подводъ. Эти повинности ложились исключительно на посольство. Казакамъ давалось право вольнаго винокуренія, пивоваренія и медоваренія, но съ тѣмъ, что они могли продавать вино въ аренды только бочками, а никакъ не квартами въ раздробь, медъ же и пиво гарнцами, и за самовольное шинкарство подвергались наказанію. Посполитые лишены были этой свободы. Такимъ образомъ выходило, что посольство, которое согнали въ Переяславль съ цѣлію поддержать московскую власть противъ сомнительнаго расположенія къ ней казаковъ, должно было нести тягости, отъ которыхъ освобождались казаки. Въ Бѣлой Руси казакамъ не позволялось находиться, но тѣ, которые тамъ завелись, могли,

если захотятъ, переселиться въ казацкія мѣста, а если не захотятъ, то должны были отбывать повинности, лежавшія на польствѣ. Равнымъ образомъ тѣ, которые въ бѣлорусскомъ краѣ носили званіе полковниковъ и сотниковъ, начальствуя надъ новообразованнымъ тамъ казачествомъ, должны были лишиться своего званія; слѣдовало, между прочимъ, вывести казацкую «залогу» изъ Стараго Быхова, гдѣ тогда засѣли недруги Москвы, Самуилъ Выговскій и Иванъ Нечай, которые умертвили многихъ московскихъ людей, взявши ихъ въ плѣнъ на вѣру: тамъ не должно находиться никакого другого войска, кромѣ государева. Очистить Бѣлую Русь отъ казаковъ требовалось подъ тѣмъ предлогомъ, что въ Бѣлой Руси никогда не было черкасъ, т. е. казаковъ, и притомъ край по сосѣдству съ ляхами: отъ того у казаковъ съ ляхами будутъ нескончаемыя ссоры. Казаки лишены были права безъ доклада государю избирать новаго гетмана по смерти прежняго и перемѣнять живого, хотя бы гетманъ оказался измѣнникомъ. Слѣдовало, въ послѣднемъ случаѣ, извѣстить государя, а государь отправить кого захочетъ учинить сыскъ; и когда обвиненный окажется дѣйствительно виновнымъ, тогда его смѣнять и поставятъ на его мѣсто другого, по выбору казаковъ, но непременно съ царскаго утвержденія. Эта статья, по видимому, охраняла гетманскую власть и вообще мѣстное малорусское правительство отъ безпорядковъ и буйства, но въ тоже время, вопреки домогательству жердевской рады не позволять никому сноситься прямо съ Москвою мимо гетмана, открывала широкій путь такого рода сношеніямъ въ ущербъ мѣстной власти, давая возможность недругамъ гетмана и другихъ начальствующихъ лицъ обращаться къ царю и въ приказы съ доносами, а московскому правительству доставляла возможность слѣдить за тайнами въ Малой Руси, и вмѣшиваться слѣдственнымъ и судебнымъ образомъ въ дѣйствія ея правительства. Гетману воспрещалось безъ рады и совѣта всей казацкой черни избирать лицъ въ полковники и вообще въ начальническія должности. Въ этомъ случаѣ возстановлялось старинное казацкое право, нарушенное въ послѣднія времена Богданомъ Хмельницкимъ. Московскому правительству было выгодно возстановить его, потому что оно надѣялось на преданность себѣ большинства черныхъ людей. Новоизбранный полковникъ долженъ быть непременно изъ своего полка; всѣ начальныя люди должны быть православнаго исповѣданія; даже недавно принявшіе православіе не допускались до начальническихъ должностей. Объявлялось, что это постановляется для того, что отъ иноземцевъ бывали всякія смуты, и простые казаки терпѣли отъ нихъ утѣсенія. Гетманъ не имѣлъ права су-

дѣть и казнить смертію полковниковъ и вообще начальныхъ людей до тѣхъ поръ, пока государь не пришлетъ кого нибудь въ управѣ. Эта статья въ то время обезпечивала такія лица, какъ Тимошей Цыкура или Василій Золотаренко, которые, по поводу недавнихъ событій, нажили себѣ много враговъ, и послѣдніе могли настроить противъ нихъ молодого гетмана; на будущее время, эта статья, на ряду съ другими, усиливала вліяніе московскаго правительства и ослабляла мѣстную верховную власть: а это выгодно было для дальнѣйшихъ государственныхъ видовъ Москвы. Хотя казаки, по прежнему, не лишались права избирать гетмана, но гетманъ обязанъ былъ, по избраніи, явиться въ Москву видѣть царскія очи и не прежде могъ именоваться гетманомъ войска запорожскаго, какъ получивши знамя, булаву и бунчукъ отъ правительства. При гетманѣ должны находиться съ обѣихъ сторонъ Днѣпра по судѣ, писарю и есаулу. Казаки должны были обязаться отдать московскому правительству жену и дѣтей измѣнника Выговскаго, брата его Даніила и всѣхъ Выговскихъ, какіе только есть въ запорожскомъ войскѣ, и впередъ не допускать отнюдь въ раду лицъ, оказавшихъ недоброжелательство въ московскому правительству. Кромѣ Выговскихъ, къ этому разряду относились: Григорій Гуляницкій, Самуилъ Богдановичъ, Григорій Лѣсницкій и Антонъ Ждановичъ. Кто допустить ихъ въ раду, тотъ за это подвергнется смертной казни; равнымъ образомъ, тому же наказанію подвергался всякій изъ старшинъ или изъ простыхъ въ войскѣ запорожскомъ, кто не учинитъ вѣры хранить эти статьи или, учинивши, нарушитъ послѣ.

Въ это время, Малая Русь сдѣлалась притономъ бѣглыхъ людей и крестьянъ изъ Великой Руси. Изъ уѣздовъ Брянскаго, Карачевскаго, Рыльскаго и Путивльскаго, отъ вотчинниковъ и помѣщиковъ бѣгали боярскіе люди и крестьяне въ Малую Русь, составляли шайки около Новгорода-Сѣверскаго, Почепы и Стародуба, нападали на имѣнія и усадьбы своихъ прежнихъ владѣльцевъ и дѣлали имъ всякія «злости и неисправимыя разоренія». По настоящему договору слѣдовало такихъ бѣглецовъ отыскивать и возвращать на мѣсто прежняго жительства.

Казацкая рада, окруженная со всѣхъ сторонъ московскими войсками, должна была безпрекословно соглашаться. Статьи, постановленныя на Жердевскомъ полѣ, привезенныя боярину Трубецкому полковникомъ Дорошенко съ товарищами для утвержденія— не признаны, а дѣйствительными положено признать тѣ, которыя составлены въ Москвѣ и поданы на Переяславской радѣ Трубецкимъ.

18 октября, по призыванію Трубецкаго, Юрій со старшиною,

полковниками и выбранными изъ всѣхъ полковъ казаками ѣхали въ соборной церкви въ городъ. Изъ церкви вышелъ со крестами и образами кобринскій архимандритъ и каневскій игумень Іовъ Заенчковскій, съ нимъ былъ переяславскій протоіерей Григорій Бутовичъ, со священниками и діаконами. Послѣ молебна казаки были приведены въ вѣрѣ по записи, присланной изъ посольскаго приказа. Въ этой записи гетманъ обязался быть на вѣки неотступнымъ подъ царскою рукою, по повелѣнію государеву стоять противъ всякаго недруга, не приставать къ польскому, турецкому и крымскому и другимъ государямъ, служить со всѣмъ войскомъ запорожскимъ царю, царицѣ и ихъ наслѣдникамъ, не подыскивать никакихъ другихъ государей на земли, принадлежащія московскому государю, извѣщать государя о всякомъ злоумышленіи противъ него, ловить и представлять измѣнниковъ, стоять противъ всякихъ непріятелей царскихъ, не щадя головъ своихъ, вмѣстѣ съ московскими ратными людьми, какъ уважетъ государь, держать совѣтъ съ тѣми боярами и воеводами, которыхъ пошлетъ государь при своихъ письмахъ, и утверждать войско запорожское быть въ совѣтѣ и соединеніи съ московскими ратными людьми, не отъѣзжать изъ полковъ въ непріятелю, не учинить измѣны въ городѣ, гдѣ ему случится быть съ царскими полками, не сдавать непріятелю городовъ, не отходить самому въ иное государство, не ссылаться съ недругами его царскаго величества и не приставать въ измѣннику Выговскому и его единомышленникамъ.

Послѣ присяги, бояринъ пригласилъ гетмана, старшину и полковниковъ на пиръ, гдѣ, по обычаю, возносили задравную чашу государеву. Вѣроятно, тутъ же подписаны казацкими начальниками статьи и присяжный листъ, ибо въ статейномъ спискѣ объ этой подписи говорится послѣ извѣстія о пирѣ. Гетманъ изъявилъ согласіе на всѣ требованія московскаго правительства за всѣхъ полковниковъ, которые были въ отсутствіи и оставались на правомъ берегу Днѣпра. Онъ увѣрялъ, какъ и прежде, что они остались для обереганія границъ, и старательно скрывалъ настоящую причину ихъ неприбытія, вѣроятно, надѣясь, что можно будетъ ихъ уговорить.

Такимъ образомъ, Трубецкой обдѣлалъ дѣло въ пользу московской власти искусно. Но это дѣло заключало въ себѣ на будущія времена дальнѣйшія причины измѣнъ, беспорядковъ и народной вражды.

III.

Когда Хмельницкій воротился въ Чигиринъ, и въ собраніи всѣхъ полковниковъ приказалъ прочесть статьи, поднялось негодованіе, ропотъ на Хмельницкаго и на старшинъ, бывшихъ въ Переяславлѣ. Самые старшины, обозный, судья, есаулы и генеральный писарь Голуховскій нарекали на гетмана и другъ на друга. Недовольство охватывало не только тѣхъ, которые прежде были нерасположены къ Москвѣ и боялись ее, но и тѣхъ, которые стояли за вѣрность ей; въ переяславскихъ статьяхъ видѣли нарушеніе казацкихъ правъ, упрекали Москву въ лувавствѣ; многіе тогда же были готовы нарушить этотъ насильственно выжатый договоръ, но прежде рѣшили послать посольство въ царскую столицу просить отмѣны переяславскихъ статей. Посланъ былъ черкасскій полковникъ Андрей Одинецъ съ Петромъ Дорошенкою, Павломъ Охрименкомъ, Остапомъ Фецькевичемъ и Михайломъ Булыгою. Дорошенко изъ хитрости уклонился на этотъ разъ отъ чести быть первымъ лицомъ въ этомъ посольствѣ, тогда какъ, по всему вѣроятію, заправлялъ имъ онъ. Они прибыли въ Москву въ декабрѣ.

На переговорахъ съ боярами они изустно, по данному имъ наказу, домогались измѣненія нѣкоторыхъ статей, постановленныхъ въ Переяславлѣ. «Въ двухъ грамотахъ (сообщали они) отъ его царскаго величества, присланныхъ нѣсколько недѣль тому назадъ, государь обѣщалъ намъ, казакамъ, своимъ милостивымъ государевымъ словомъ содержать свое запорожское войско по прежнему; и мы также обѣщались по присягѣ, данной покойнымъ гетманомъ Богданомъ Хмельницкимъ, служить государю вѣрно и вѣчно. Просимъ, чтобы воеводы царскіе были только въ Кіевѣ и Переяславлѣ, а въ другихъ украинскихъ городахъ не находились и не наѣзжали въ нихъ, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда съ ними будутъ посланы ратные люди на оборону края противъ непріятели, если откроется надобность». Имъ прочитали соотвѣтствующую этому предмету статью новаго переяславскаго договора и отвѣчали, что государь приказалъ быть по статьямъ переяславскимъ, да еще прибавили такое объясненіе: «Въ прежнихъ статьяхъ, постановленныхъ при покойномъ Богданѣ Хмельницкомъ не написано, въ которыхъ городахъ быть московскимъ воеводамъ, таѣ стало быть новыя статьи не нарушаютъ старыхъ.»

Далѣе, посланцы просили, чтобы гетману и судьямъ возвращено было право судить и казнить смертію по закону. Имъ

прочитали соотвѣтствующую статью переяславскаго договора и объявили, что для этого будетъ присылаться отъ царя московскій челобѣеъ въ ихъ суду на исправленіе. Если это оважется по суду виновнымъ, такого казнить, но не иначе, какъ по согласію съ присланнымъ отъ царя. Замѣтили при этомъ, что такъ поступить нужно для того, что измѣнникъ Ивашка Выговскій казнилъ многихъ казаковъ за вѣрную службу государю.

И теперь высказалось, хоть не прямо, то недовѣріе въ боярамъ и дьякамъ, находившимся въ Москвѣ, которое выразилъ когда-то Выговскій опасеніемъ, будто въ Москвѣ нерасположенныя въ малоруссамъ лица читаютъ царю совсѣмъ не то, что присылается изъ Малой Руси. Послы просили, чтобы присылаемыя изъ войска запорожскаго грамоты читались царю при самихъ послахъ. Имъ на это припомнили, что подобнаго требовалъ уже измѣнникъ Ивашка Выговскій, вымышляя, будто его листы не доходятъ до царя, но этого никогда и не бывало и не будетъ. Листы ихъ всегда чтутся царю и государю, и всегда вѣдомо то, что въ этихъ листахъ написано.

Послы просили, чтобъ царь приказалъ не принимать никакихъ листовъ и челобитенъ изъ Малой Руси, мимо гетмана, и не давать приѣма никакимъ посланцамъ, если только не привезутъ съ собою гетманскаго письма, отъ кого бы они ни пріѣхали отъ имени ли войска запорожскаго, отъ старшины или отъ черни, отъ посполства или отъ запорожцевъ, были бы то лица духовнаго или мірскаго званія, — потому что такіе люди пріѣзжаютъ клеветать и другъ на друга и на казацкое правительство, да заводятъ ссоры. На эту просьбу имъ отвѣчали, что если кто пріѣдетъ въ Москву безъ гетманскаго листа, то въ Москвѣ разсмотрятъ, по царскому повелѣнію, за чѣмъ онъ пріѣхалъ: для своихъ ли дѣлъ, или для смуты. Если для своихъ, — то царь дастъ указъ, смотря по этимъ дѣламъ, а если оважется, что онъ пріѣхалъ для смуты, то его царское величество не повѣритъ никакимъ наговорамъ и велитъ объ этомъ написать въ гетману. «Пусть гетманъ ничего не опасается; а быть по вашему прошенію нельзя (сказали бояре), — чрезъ то вольностямъ вашимъ будетъ нарушеніе, и вы сами свои вольности умаляете.»

Отговоры были самыя благовидныя, но онѣ не успокоивали казацкихъ пословъ, потому что, съ правомъ каждому пріѣзжать въ Москву мимо гетмана, неудержимо разрушалась дисциплина казацкаго правительства: ему нельзя было ничего затѣять такого, что бы для Москвы оставалось тайною; оно всегда было подъ страхомъ; оно всегда могло опасаться донощиковъ, которые, подсмотрѣвши, подслушавши или замѣтивши въ Малой Руси что

нибудь такое, что не нравятся въ Москвѣ, располагали бы верховное правительство противъ гетмана и старшинъ. Казацкіе послы просили, чтобы тамъ, гдѣ царскіе послы будутъ договариваться съ польскими королями и съ окрестными монархами, были послы войска запорожскаго и имѣли вольный голосъ. Для малоруссовъ казалось унижительно и оскорбительно, если сосѣди станутъ рѣшать судьбу ихъ отечества, не спрашивая у нихъ самихъ о ихъ желаніи. Они представили въ этомъ случаѣ самое убѣдительное побужденіе. Это требованіе соединялось у нихъ съ вопросомъ, касавшимся вѣры. Шло-дѣло объ епархіяхъ, архимандритіяхъ, игуменствахъ, захваченныхъ уніатами, и вообще о церковныхъ имуществахъ. Нужно было домогаться, чтобы уніаты отдали православнымъ то, что неправильно захватили: по этому-то и казалось необходимымъ, чтобы казацкіе послы, знавшіе мѣстныя обстоятельства и подробности, присутствовали при такихъ сѣздахъ. Московское правительство въ этомъ пунктѣ сдѣлало уступку, дозволивъ, чтобы при сѣздѣ московскихъ пословъ съ польскими паходилось два или три человека отъ войска запорожскаго, но съ тѣмъ, чтобы въ числѣ этихъ лицъ отнюдь не было сторонниковъ Ивашки Выговскаго. вмѣстѣ съ тѣмъ посланцы домогались, чтобы гетману дозволено было принимать иностранныхъ пословъ изъ окрестныхъ государствъ, съ тѣмъ, что эти сношенія не обратятся во вредъ Московскому государству, и гетманъ будетъ обязанъ доставлять царю чрезъ своихъ посланцевъ подлинныя грамоты съ печатями, присланныя отъ иноземныхъ властей. Въ доводъ того, что такія сношенія не будутъ опасны и предосудительны, и что гетманъ со старшиною не употребить во зло этого права, посланцы представили письма, присланныя недавно изъ Крыма.—Изъ нихъ можете уразумѣть (говорили они), какъ иновѣрцы недовольны согласіемъ между христіанами, и какъ, напротивъ, радуются смятенью и враждѣ нашей.—Бояре отвѣчали, что царь похваляетъ гетмана за вѣрность, но тѣмъ не менѣе отказали въ просьбѣ о дозволеніи принимать пословъ, и сообщили, что царь повелѣваетъ оставить все по силѣ переяславскихъ статей, а дозволяетъ сношиться съ валахскимъ и мультавскимъ владѣтелями только о малыхъ порубежныхъ дѣлахъ. Такимъ образомъ, и этого важнаго признака самостоятельности не добились казаки.

Гетманъ явился тогда ходатаемъ въ пользу осужденныхъ за измѣну: просилъ о Данилѣ Выговскомъ, Иванѣ Нечаѣ, Григоріѣ Гуляницкомъ, Григоріѣ Лѣсницкомъ, Самуилѣ Богдановичѣ, Германѣ Ганоновѣ и Ѳеодорѣ Лободѣ, а также и о взятыхъ въ плѣнъ казакахъ Иванѣ Сербинѣ и другихъ, просилъ отпустить ихъ, чтобы

не быть имъ «баннитами», налагалъ на себя условіе, однакожь, не принимать ихъ въ урядъ. На это гетманскимъ посланцамъ отвѣчали, что государь жалуетъ гетмана: этимъ людямъ не быть баннитами, но указъ объ этомъ данъ будетъ тогда, когда гетманъ самъ прибудетъ въ Москву. Насчетъ приѣзда его въ Москву посланцы извинялись, что онъ не можетъ этого сдѣлать скоро, по причинѣ внутреннихъ нестроений, но исполнить царскую волю тотчасъ, какъ скоро успокоится все въ Украинѣ. На это посланцамъ сказали, что когда гетманъ увидитъ государевы пресвѣтлыя очи, а великій государь увидитъ его вѣрное подданство, то пожалуетъ его по достоинству, — лучше было бы, чтобы онъ приѣхалъ нынѣшнею зимою.

Послы еще просили, чтобы на войсковую армату (артиллерию) было отдано староство житомирское; на это отвѣчали и замѣтили, что на армату отданъ уже Корсунъ со всѣмъ уѣздомъ, и слѣдуетъ этому оставаться по силѣ переяславскаго договора.

Гетманскіе посланцы, не добившись совершенно ничего, возвратились съ досадою: неудачная просьба еще болѣе раздражила казаковъ противъ Москвы. Все это подготовило ихъ показать при случаѣ явное нерасположеніе.

IV.

Между тѣмъ, тогда же обращались въ Москву лица и мѣста изъ Малой Руси сами по своимъ дѣламъ, и къ нимъ московское правительство было снисходительнѣе и щедрѣе. Изъ мѣстностей Малой Руси, городъ Нѣжинъ, какъ съ своимъ казацкимъ полкомъ, такъ и съ своимъ мѣщанствомъ, болѣе другихъ былъ поставленъ въ это время въ пріязненное положеніе къ Москвѣ. Полковникъ нѣжинскій Василій Золотаренко былъ однимъ изъ руководителей поворота Украины на сторону Москвы и противодействовалъ Выговскому изъ Нѣжина; протопопъ Филимоновъ сообщалъ въ Москву то, что дѣлается въ Украинѣ; за то Нѣжинъ особенно и пострадалъ во время войны съ Выговскимъ; а между тѣмъ, съ другой стороны, нужно было для нѣжинскаго полка испросить особое прощеніе за участіе казаковъ этого полка въ возстаніи подъ начальствомъ Гуляницкаго. Тогда малоруссовъ пугала мысль, что ихъ за измѣну станутъ переселять: такой слухъ носился еще въ то время, какъ Трубецкой заключалъ договоръ въ Переяславль. Золотаренко отправилъ въ Москву посланцевъ и выпросилъ нѣжинскому полку особую жалованную грамоту;

всѣмъ обывателямъ духовнаго и мірскаго чина и всему мѣщанству и посполству объявлялось прощеніе, царское обѣщаніе не переселять никого съ мѣста жительства и вообще царская милость.

Въ началѣ 1660 г., городъ Нѣжинъ отправилъ въ Москву просьбу объ утвержденіи своихъ городскихъ муниципальныхъ правъ. Тогда и гетманъ Юрій Хмельницкій послалъ отъ себя ходатайство за Нѣжинъ. Полковникъ Золотаренко просилъ за разоренный войною монастырь. Посланъ былъ въ Москву войтъ Александръ Цурковскій съ товарищами отъ мѣщанскихъ чиновъ; они испросили у государя жалованную грамоту на неприкосновенность ихъ городского суда: никто не могъ нарушить ихъ приговора, не допускалась апелляція въ Москву посредствомъ зазывныхъ листовъ. Въ уваженіе понесенныхъ мѣщанами разореній, царь имъ далъ льготы на три года отъ платежа дани, состоявшей въ размѣрѣ двухъ тысячъ польскихъ злотыхъ, взимаемыхъ съ арендъ, шинговъ и мельницъ посредствомъ откупного способа; нѣжинцы въ эти льготные годы освобождались также отъ подводной повинности, но исключая царскихъ посланниковъ и гонцевъ, а также иностранцевъ, ѣдущихъ прямо въ царю. Находившіеся въ этомъ посольствѣ мѣщане испросили для себя каждый особыя льготы и данныя, кто на грунтъ, кто на домъ, кто на мельницу, подъ предлогомъ, что онъ былъ разоренъ въ прошедшую войну. Такія-то просьбы, обращенныя прямо въ Москву, мимо гетманскаго правительства, подрывали невольню, мало по малу, мѣстную автономію Малой Руси; здѣсь завязывались почти тѣ же отношенія, какія нѣкогда были въ Великомъ-Новгородѣ передъ его покореніемъ Москвою; малоруссы находили возможность и выгоду обращаться въ Москву прямо, мимо своего правительства, и ѣздили въ Москву по частнымъ дѣламъ за судомъ. Полковники отправляли свои посольства и сами отъ себя ѣздили. Кто хотѣлъ изъ начальныхъ людей и имѣлъ средства, тотъ и ѣхалъ въ Москву въ надеждѣ получить подарки, льготы или милости. Такъ, изъ дѣлъ того времени видно, что пріѣзжали въ Москву Якимъ Сомѣо, перяславскій полковникъ Тимоѣей Цыцура съ полковою «старшиною»: писаремъ, обознымъ, хорунжимъ, есауломъ и сотниками, и другіе — и всѣ они получили въ Москвѣ соболей, кубки и прочее. Въ мартѣ пріѣхалъ Василій Золотаренко съ товарищами. Они пріѣхали за тѣмъ, чтобы отправиться вмѣстѣ съ московскимъ посольствомъ въ Борисовъ, на предполагаемую коммиссію, которая собиралась для порѣшенія недоразумѣній и споровъ съ Польшею, такъ какъ на участіе въ этомъ дѣлѣ каза-

ковъ согласилось московское правительство, сдѣлавши въ этомъ единственную уступку просьбамъ, привезеннымъ Одинцемъ съ товарищами. Настоящіе посланцы имѣли съ собою инструкціи, вѣроятно, составленныя на казацкой радѣ; тамъ имъ предписывалось приступать не иначе къ миру, какъ только въ такомъ случаѣ, когда поляки согласятся исполнить то, что обѣщали по гадячскому договору, и что утвердили уже на сеймѣ: именно, уничтоженіе церковной уніи — чтобъ оставлена была въ Руси, принадлежавшей Рѣчи-Посполитой, одна греческая вѣра, чтобы церковныя достоинства, то-есть митрополія кievская, епископства, архимандритіи и иныя монастырскія начальства отдавались по вольному избранію безъ всякаго различія людямъ, какъ шляхетскаго, такъ и не-шляхетскаго происхожденія, а митрополитъ былъ бы рукополагаемъ отъ патриарха константинопольскаго; чтобы русскій языкъ былъ удержанъ во всѣхъ судебныхъ и административныхъ мѣстахъ; чтобы посольства къ королю и Рѣчи-Посполитой отъ русскихъ были принимаемы не иначе, какъ на русскомъ языкѣ, а также и отвѣты словесные, письменные были бы даваемы не иначе, какъ на этомъ языкѣ. Таковы были главныя требованія по отношенію къ церкви и общественному устройству соединенныхъ съ Польшею русскихъ областей, заявленныя въ то время Малой Русью въ лицѣ пословъ войска запорожскаго. Кромѣ того, посольство малорусское должно было домогаться суда надъ Тетерею и надъ полковникомъ Пиво. Первый убѣждалъ изъ войска запорожскаго, захвативъ съ собою тысячу червонцевъ, принадлежавшихъ митрополиту Діонисію Балабану, и взявъ съ собою грамоты и привилегіи польскихъ королей и великихъ литовскихъ князей — начиная отъ Гедимина и кончая Іоанномъ Казимиромъ; сверхъ того, увезъ деньги и вещи, принадлежавшія вдовѣ Данила Выговскаго, дочери Хмельницкаго. Его подозрѣвали въ стачкахъ съ іезуитами; посланцамъ поручалось стараться, чтобы всѣ «договоры Тетери, составленные Богъ-знаетъ какимъ мудрымъ слогомъ, на строеніе и собраніе отцевъ іезуитовъ, на влѣшторы (римско-католическіе монастыри) и воспиталища, подрѣпляемые ераденою войсковою казною, не имѣли силы.» На полковника Пиво они жаловались, что онъ опустошилъ межигорскій монастырь и митрополичьи маепности.

На предполагаемомъ съѣздѣ въ Борисовѣ должны были опредѣлиться границы русскихъ земель съ Польшей, у которой эти земли должны быть отняты. Польша старалась удерживать свой бывшій территоріальный размѣръ, а Московское государство хотѣло удерживать за собою все, что добровольно

отдавалось или было завоевано оружіемъ въ послѣднее время. Малая Русь хотѣла соединить во единой цѣлости свой народъ подъ властію Московскаго государства, домогалась присоединенія провинцій, которыя населены были однимъ съ нею народомъ и показывали участіе въ прошедшей борьбѣ противъ Польши. Такимъ образомъ, съ одной стороны предполагалось присоединить къ Московскому государству Бѣлую Русь въ слѣдующихъ границахъ: начиная отъ Динабурга до Друи, отъ Друи шла предполагаемая линія на Дисну, отъ Дисны рѣкою Ушачею до верховьевъ этой рѣки, отсюда до Доскина, отъ Доскина до верховьевъ рѣки Березины до Борисова, отъ Борисова до Свислочи, отъ Свислочи до Позыды рѣки, противъ Зыцина, отсюда рѣкою Позыдою до Припети, а потомъ рѣкою Припетью до Днѣпра. Малая Русь составляла отдѣльный край съ Волинью и Подолью, и польскому королю не слѣдовало вступать въ тѣ земли, гдѣ великаго государя войска запорожскаго люди; край этотъ, подъ именемъ Малой Руси по рѣку Бугъ, долженъ оставаться при Московскомъ государствѣ во вѣки. На такихъ границахъ должны прекратиться взаимныя набѣги, и съ этихъ поръ какъ Польша не должна посылать ратныхъ людей за Бугъ, такъ равно и гетману, и писарю, и полковникамъ и всякаго званія запорожскимъ людямъ не заирать полковъ, не начинать никакихъ военныхъ дѣлъ и не хотѣть имъ никакого лиха. Царь отправилъ на комиссію боярина Никиту Ивановича Одоевскаго, Петра Васильевича Шереметева, впазя Ѳедора Ѳедоровича Волконскаго, думнаго дьяка Александра Иванова и дьяка Василя Михайлова.

Борисовская комиссія, гдѣ долженствовало разграничить Русь съ Польшею, не имѣла никакого значенія. Едва только открылся съѣздъ, какъ начались военныя дѣйствія. Поляки, принявши Выговскаго съ Украиною по гадячскому трактату, тѣмъ самымъ нарушили виленскій договоръ, посягая на земли, еще фактически принадлежащія московской странѣ. Въ Польшѣ явно высказывали, что избраніе Алексѣя Михайловича въ преемники Яну Казимиру было обманъ, и на самомъ дѣлѣ московскому царю не доведется быть польскимъ королемъ. Московское правительство также было убѣждено, что война неизбежна, и, не смотря на борисовскій съѣздъ, не прекращало военныхъ дѣйствій.

Въ Литвѣ было московское войско подъ начальствомъ Хованскаго въ числѣ тридцати тысячъ и князя Долгорукаго, а въ январѣ Хованскій взялъ Брестъ: городъ былъ сожженъ, жители истреблены. Весною Хованскій подошелъ подъ мѣстечко

Ляховицы, принадлежавшее Сапѣгѣ, напалъ на литовскій отрядъ и разбилъ его. Послѣ этой побѣды онъ сталъ станомъ подъ Ляховицами и пытался взять этотъ городокъ. Между тѣмъ собралось литовское войско къ великому литовскому гетману. На мѣсто взятаго въ плѣнъ московскими людьми Гонсѣвскаго, король послалъ туда Чарнецкаго, достигшаго въ ту пору высоты военной славы. У него, говорили, было тысячъ шесть, да за то хорошаго войска. Соединившись съ Сапѣгою, онъ напалъ на Хованскаго, осаждавшаго Ляховицы, которыя уже изнемогали отъ голода въ осадѣ и готовы были сдаться московскому воеводѣ. Хованскій былъ разбитъ и убѣжалъ съ войскомъ. Горячій Чарнецкій хотѣлъ было гнаться за нимъ до Смоленска въ предѣлы Московскаго государства, но Сапѣга остановилъ его, и, по его совѣту, они оба вмѣстѣ пошли на Долгорукаго, который стоялъ подъ Шеловомъ.

Когда вѣсть о разбитіи Хованскаго дошла до Борисова, комиссары съ обѣихъ сторонъ поняли, что имъ разсуждать не о чемъ, если война опять началась, и, слѣдовательно, споръ между Польшею и Русью можетъ рѣшиться оружіемъ, а не словами. Они развѣхались. Такъ и прекратилось дѣло соглашенія.

На югѣ также открылись непріязненные дѣйствія. Такъ, на Украинѣ готовилось большое царское войско подъ начальствомъ боярина Василя Борисовича Шереметева, грозившее идти въ польскіе предѣлы. Съ своей стороны, коронный гетманъ Станиславъ Потоцкій вторгся съ войскомъ на Подоль, не хотѣвшую возвратиться къ Польшѣ; хлопы зарывали хлѣбъ свой въ землю, жгли сѣно и солому и сами бѣжали въ крѣпости и запирались съ казаками. Польское войско лишено было продовольствія и подвергалось всѣмъ неудобствамъ дурной погоды. Пытались взять Могилевъ-на-Днѣстрѣ — не удалось; напали на Шарогродъ — также не было удачи. Съ своей стороны, бояринъ Василій Борисовичъ Шереметевъ, вышедши изъ Кіева, разбилъ и въ плѣнъ взялъ Андрея Потоцкаго съ его отрядомъ. Это было зимою. Съ наступленіемъ весны поляки готовились идти и на завоеваніе Украины и заключили договоръ съ крымцами. Ханъ обѣщалъ послать султана Нураддина съ восьмидесятью тысячами орды. Выговскій дѣятельно подвигалъ поляковъ на Москву. — «Я желалъ бы (писалъ онъ къ коронному канцлеру Пражмовскому), чтобы нашъ милостивый панъ король показалъ свою готовность къ войнѣ созваніемъ посполитаго рупенія; какъ начнетъ расти трава, мы двинемся на непріятели и, безъ сомнѣнія, съ Божіею помощію, при пособіи татарскихъ войскъ, мы поразимъ надломленные казацкія силы; Москва потерпитъ еще разъ пораженіе,

подобное Конотопскому, и будет просить мира.» Между тѣмъ поляки пытались склонить на свою сторону молодого гетмана, и это было возложено на того же Казимира Бенѣвскаго, который успѣлъ составить гадячскій договоръ. Бенѣвскій писалъ къ Юрію и старался расшевелить въ немъ злобу противъ Москвы за смерть зятя его Данила; по словамъ Бенѣвскаго, его страшно замучили: терзали кнутомъ, отрѣзали пальцы, буравили уши, вынули глаза и залили серебромъ. «Еслибъ (писалъ Бенѣвскій), мой большой и любезный пріятель, родитель вашей милости, воскресъ и увидѣлъ это, — не только взялся бы за оружіе, но бросился бы въ огонь. Не Польши бойся; а Москвы, пане гетмане; она скоро захочетъ доходовъ съ Малой Руси и будетъ поступать съ вами, какъ съ другими.» Съ другой стороны, онъ его предостерегалъ, что Польша уже не такъ слаба какъ прежде и, освободившись отъ шведской войны, можетъ обратить на Украину свои всѣ силы. Юрій, хотя уже и былъ недоволенъ Москвою, но не поддался кознямъ Бенѣвскаго и въ февралѣ отвѣчалъ ему: — «Трактуйте, господа, съ его величествомъ царемъ, а не съ нами; ибо мы всецѣло остаемся преданными, вѣрными подданными его царскаго величества, нашего милосердаго государя. Чтò его царское величество съ вами панамы постановить, тѣмъ мы и будемъ довольны, и не станемъ думать о перемѣнахъ. Никто не долженъ полагать и надѣяться, чтобы мы замыслили отдѣлиться отъ его царскаго величества. Пусть Богъ покараетъ того, кто своимъ непостоянствомъ и хитростію не сохранилъ по своей присягѣ вѣрности его царскому величеству и надѣлалъ бѣдъ Украинѣ; ужъ Богъ покаралъ его и еще покараетъ. А Хмельницкій, одинъ разъ присягнувши его царскому величеству и отдавши ему Украину, не подумаетъ отлагаться.» Но въ томъ же письмѣ гетманъ заявлялъ и признаки желанія независимости: «Хотя я и моложе лѣтами Выговскаго и не такъ разуменъ, какъ онъ, не хочу однако, чтобы мое гетманство было утверждено царскими грамотами или королевскими привилегіями; ибо войску запорожскому за обычай по своему желанію имѣть хотъ трехъ гетмановъ въ одинъ день!» Также точно и въ письмѣ своемъ къ Діонисію Балабану, нареченному митрополиту, нерасположенному къ Москвѣ, Юрій писалъ: «Разъ освободившись изъ польской неволи и начавши служить его царскому величеству, мы никогда не подумаемъ измѣнить и отступать отъ нашего православнаго монарха и государя, который — если мы присмотримся лучше къ дѣлу, — больше есть нашъ природный государь, чѣмъ кто нибудь другой. Поэтому, съ упованіемъ на неизреченное милосердіе его, желаемъ, чтобы и твое преосвящен-

ство, недобѣря людскимъ вѣстямъ, послѣшилъ къ осиротѣлой своей каедрѣ. > Діонисій Балабанъ, упорно ненавидѣвшій Москву, былъ очень далекъ отъ того, чтобъ склониться на такія убѣжденія и представленія; да не прочна была преданность Москвы и самого гетмана и вообще всякаго, кто только въ Украинѣ думалъ о политикѣ: казаки готовы были оставаться въ связи съ Москвою, но въ то же время желали какъ можно шире для своего края автономіи, а Москва, напротивъ, хотѣла допустить ее какъ можно менѣе, и какъ можно тѣснѣе привязать Украину къ себѣ наравнѣ съ другими землями русскими, въ разныя времена подчиненными ея власти. Тутъ-то и былъ корень раздоровъ на многія лѣта; и ужъ, конечно, не слабому Юрію можно было разрѣшить такія вѣковыя недоумѣнія.

V.

Польша грозила Московскому государству походомъ въ Украину. Московское правительство поручило боярину Василю Борисовичу Шереметеву защищать эту страну вмѣстѣ съ казаками.

Шереметевъ собралъ совѣтъ на раду подъ Васильевымъ на Кадачѣ. На немъ, кромѣ воеводъ, данныхъ ему въ помощь, были и гетманъ Юрій Хмельницкій, старшина и полковники. Былъ здѣсь молдавскій господарь Константинъ Щербанъ, доброжелатель Москвы за это время. По извѣстіямъ польскихъ лѣтописцевъ и дневниковъ, у Шереметева было тогда 27,000, а казаковъ одиннадцать полковъ. Вопросъ шелъ о томъ, защищаться ли на Украинѣ и ожидать прихода туда поляковъ, или же самимъ идти въ польскія владѣнія. Тимофеей Цыцура поддѣлывался къ надменному и самонадѣянному характеру боярина Шереметева и понуждалъ идти впередъ.

Онъ говорилъ :

— Съ такимъ войскомъ, съ такою силою, какъ можно ждять и только защищаться! У тебя, бояринъ, во всемъ порядокъ: жалованье раздается исправно; ратные люди вооружены, и казны и запасовъ достатокъ, служилые твои никому не въ тягость, не безчинствуютъ какъ поляки, не причиняютъ слезъ бѣднымъ жителямъ, а царскимъ жалованьемъ довольны; нарядъ у тебя большой, подвижной, легкій; пушки искусно приправлены на своихъ мѣстахъ; зелья и свинцу много, ружьевъ разнаго рода безъ числа, топоры, заступы, лукошки, телѣги, гвозди, всякая снасть въ порядкѣ, вьючныхъ лошадей много, да все хорошія, неистомленныя, — играютъ, когда пасутся. Сколько у тебя въ войскѣ бое-

вого запасу, а въ Кіевѣ еще болѣе сберегается. А у ляховъ что? Они отважны только съ тѣмъ, кто ихъ боится; а кто самъ смѣло въ глаза смотритъ имъ, для тѣхъ они не страшны. Мы, казаки, у нихъ Украину отняли; московское войско Литвою завладѣло; шведъ Прусы у нихъ завоевалъ; только и остался у нихъ, что свой польскій уголь, да и тотъ они потеряютъ, какъ только услышатъ о нашей силѣ; у нихъ вѣдь безурядица: шляхта разорена, и жоліѣры ропщутъ, что имъ жалованья не платится, посполство отъ большихъ налоговъ съ голоду умираетъ; теперь-то самое время ихъ дованать. Гдѣ у короля такая сила, чтобы противъ нашей устояла! Мы не только что въ Польшѣ побываемъ, а всю Польшу завоюемъ, и самого короля съ королевою въ полонъ возьмемъ, лишь бы только насъ казаковъ не обдѣлили добычей, если будемъ служить вѣрно и достойно. Я же за себя уступаю все золото и серебро вамъ, пусть только позволятъ мнѣ взять, что понравится изъ дворца королевскаго.

Шереметеву была очень по нраву такая льстивая рѣчь. Но тутъ подалъ голосъ противъ Цыцуры князь Григорій Козловскій, который съ своей ратью стоялъ подъ Уманью, присмотрѣлся къ украинскимъ казакамъ, понималъ духъ ихъ, и съ осторожностію, въ обличеніе Цыцуры, говорилъ такъ:

— А мой совѣтъ, такъ лучше намъ не идти въ Польшу, а стоять за Украину и увѣршить города гарнизонами. Довольно будетъ съ насъ и Украины потрудиться. Мнѣ кажется, войско наше совсѣмъ не такъ прекрасно, какъ описываетъ панъ полковникъ Цыцура, а главное—вѣрность казацкая не такъ крѣпка и тверда; она вертится въ разныя стороны. Къ какому государю не обращались казаки? Кому не поддавались, и кому не измѣняли! Турку кланялись, татары ими недовольны, Ракоци черезъ ихъ измѣну въ Польшѣ потерпѣлъ, да и шведу не очень-то корыстно отозвалась дружба съ ними. И нашъ великій государь, е. ц. в., узналъ уже, что значитъ ихъ гибкая вѣрность. Поэтому нужно намъ не въ Польшу идти, а оставаться на Украинѣ. Когда придутъ сюда поляки съ татарами, легче будетъ намъ обороняться въ краѣ, гдѣ много городовъ, замковъ, гарнизоновъ, чѣмъ въ чистомъ полѣ въ чужой землѣ. Если мы ихъ заведемъ сюда, у насъ будутъ запасы, а ихъ мы запремъ, какъ въ осадѣ, посреди непріязненныхъ имъ городовъ, и поразимъ голодомъ и недостаткомъ. Они сами будутъ хотѣть сражаться и дойдутъ до того, что съ отчаянія начнутъ приступать къ городамъ; тутъ-то мы свѣжими и здоровыми нашими силами потопчемъ примученныхъ и надорванныхъ. А то, когда мы пойдемъ въ ихъ землю, какъ бы они насъ истомленныхъ далекимъ

путемъ гдѣ нибудь не осадили! Мы не знаемъ силы и числа польскаго войска. Какъ можно такъ смѣло думать, что оно и мало и негодно. А если нѣтъ?! А что, если наши силы будутъ слабѣе ихнихъ? Тогда вѣдь намъ бѣда. Поляки не спускаютъ бѣгущему непріятелю. Въ военномъ дѣлѣ малая ошибка большую бѣду дѣлаетъ, словно пожаръ—отъ малой искры загорается да расходится такъ, что никакія человѣческія силы погасить не могутъ.

Но Шереметеву не понравились эти разсужденія, и потому другіе военачальники начали поддерживать Цыцуру. Князь Щербатовъ говорилъ потомъ главному боярину и доказывалъ возможность вести войну и идти съ войскомъ въ глубину Польши. Шереметеву понравились слова Щербатова, и еще болѣе стала противна рѣчь Козловскаго. Онъ не стерпѣлъ, чтобъ не сказать послѣднему грубости, по своему обычаю.

— Такія неразумныя рѣчи умаляютъ достоинство е. ц. в. Какъ хочешь думай, да не говори: черезъ то власть подрывается. Мы идемъ въ Краковъ и завоюемъ Польшу.

— Тебѣ, бояринъ, лучше знать, сказалъ Козловскій, чѣмъ мнѣ; не стану спорить и послушаю; стану на томъ мѣстѣ, гдѣ ты мнѣ укажешь: готовъ защищать его, или мертвымъ лежать на немъ.

Говорилъ ли что нибудь тогда Юрій Хмельницкій, неизвѣстно. Послѣ рады на Кадачкѣ, онъ ушелъ въ Корсунь, и оттуда отправилъ въ Москву посланцевъ, двухъ корсунскихъ сотниковъ, съ грамотою, гдѣ извѣщалъ о радѣ, которая положила идти въ Польшу, и просилъ прислать, вмѣсто Шереметева, другоге воеводу на Украину для обороны ея отъ татарскихъ набѣговъ въ то время, когда Шереметевъ съ московскою ратью и съ казаками отправится въ походъ. Въ ознаменованіе вѣрности гетмана, посланцы его повезли схваченнаго Богущенка, который былъ посланъ Выговскимъ, бывшимъ уже въ званіи кіевскаго воеводы, въ Крымъ. У него отобрали нѣсколько писемъ къ Выговскому отъ хана и отъ разныхъ мурзъ; изъ этихъ писемъ видно было, что Выговскій велъ тогда дѣятельное сношеніе съ Крымомъ и подвигалъ крымскаго хана съ ордами на Москву. Вмѣстѣ съ тѣмъ Хмельницкій просилъ освободить Ивана Нечая, взятаго въ Быховѣ и отправленнаго въ Москву; онъ просилъ этого ради вниманія къ женѣ его, сестрѣ своей.— «Сестра моя проливаетъ слезы кровавыя—писалъ гетманъ—и на меня нарекаетъ и докучаетъ мнѣ, чтобъ я билъ челомъ вашему царскому величеству.» Это была не первая просьба о Нечаѣ.— «Многажды (говоритъ Юрій въ томъ же письмѣ) писалъ я вашему величе-

ству объ Иванѣ Нечаѣ, но никогда не могу счастливымъ быть, чтобъ получить желаемое. Чаю, писанье мое до рукъ вашего царскаго величества не доходило.» Эта послѣдняя просьба молодого гетмана не была уважена. Московское правительство указывало на вины зятя Хмельницкаго: какъ онъ именовалъ себя польскимъ подданнымъ и посылалъ въ разныя мѣста *презрѣтныя* письма, и былъ взятъ въ Быховъ съ оружіемъ. — «Его нельзя отпустить въ войско запорожское — было сказано въ отвѣтъ — потому что учнетъ желать добра польскому королю, а польскій король ведетъ войну съ его царскимъ величествомъ.» Это семейное обстоятельство способствовало недоброжелательству Хмельницкаго къ Москвѣ. Сестра побуждала его мстить за мужа. Полковники и знатные казаки роптали на переяславскій договоръ, жаловались, что Москва хитро забираетъ въ руки войско запорожское, насилуетъ права и вольности казаковъ, и побуждали Хмельницкаго думать, какъ-бы сбросить съ себя «московское ярмо». Бояринъ Василій Шереметевъ раздражалъ гетмана своею невнимательностію и презрѣніемъ къ нему, а полковники указывали ему на это и возбуждали въ немъ досаду. Тогдашній митрополитъ Діонисій Балабанъ, недоброжелатель Москвы, дѣйствовалъ противъ нея па свою паству духовнымъ оружіемъ; вмѣшательство московскихъ властей въ дѣло избранія митрополита, тогда казалось, угрожало малороссійскому духовенству потерю ихъ правъ, порабощеніемъ церкви свѣтской власти царя. Балабанъ, какъ и вообще тогдашніе образованные малоруссы шляхетскаго рода, не смотря на свое православіе, склонялся на польскую сторону, когда приходилось выбирать между Польшею и Москвою. Былъ у него нѣкто Бузскій, проповѣдникъ, котораго онъ употреблялъ въ сношеніяхъ съ королемъ. Этотъ Бузскій, пріѣхавъ отъ короля въ Украину, поселился въ Чигиринѣ и настроивалъ Хмельницкаго па сторону короля, расточалъ ему ласки королевскія и обѣщанія милостей и наградъ.

Шереметевъ, раздражая противъ себя казацкаго старшину, навлекъ нерасположеніе къ себѣ лично и малорусскаго духовенства чрезвычайною надменностію и высокоуміемъ. Говорятъ, дѣлая смотръ на Лыбеди, онъ учредилъ обѣдъ и пригласилъ къ нему настоятелей кievскихъ монастырей. За обѣдомъ, послѣ нѣсколькихъ стопъ крѣпкаго меду, выпитаго въ сопровожденіи грома пушечныхъ и ружейныхъ выстрѣловъ, Шереметевъ началъ превозносить свое войско и сказалъ: — «Отцы честные, слышите: вотъ этими войсками, врученными мнѣ отъ государя моего, я обращаю въ пепель всю Польшу и самого короля представлю государю

моему въ серебрянныхъ цѣпяхъ.» На эту похвалу замѣтилъ ректоръ братскихъ школъ:—«Надобно Богу молиться, а не на множество вой уповать.» Тогда бояринъ сказалъ:—«При моихъ военныхъ силахъ можно съ непріателемъ управиться и безъ помощи Божіей!» Съ ужасомъ услышали малоруссы таковой отзывъ, и сочли его великимъ богохульствомъ, и это разнеслось между духовными и свѣтскими, и вооружало умы противъ «москалей» вообще ¹⁾.

Все, что происходило въ Украинѣ, все это передано было польскимъ военачальникамъ однимъ ловкимъ шляхтичемъ. Коронный гетманъ не разъ посылалъ въ Украину лазутчиковъ, и они ворочались безъ успѣха, но этотъ шляхтичъ отличился за всѣхъ. Онъ умѣлъ хорошо говорить по-украински и легко сошелся съ русскими. Сперва онъ попробовалъ прикинуться «москалемъ», но это не удалось.—«Москаль—толкуетъ современникъ—по своему варварству не допускали къ себѣ въ большую дружбу иноземцевъ, даже и украинцевъ». Удобнѣе онъ затесался между казаковъ, одѣлся бѣдно по-мужицки, выдавалъ себя за дейнека, пьянствовалъ, обращался съ мужичьей грубостію и неловкостію, проклиналъ ляховъ, славилъ казаковъ, пѣлъ казацкія пѣсни, и казаки приняли его за своего брата. Въ продолженіе нѣсколькихъ дней онъ съ своимъ балагурствомъ, съ своимъ знаніемъ казацкихъ обычаевъ, дошелъ до того, что запанибратился съ начальниками, пилъ съ ними медъ и пиво, и вывѣдалъ, насколько нужно было, положеніе московскихъ людей и казаковъ; узналъ навѣрное и то, что казаки въ данное время не терпятъ «москалей», и поляки могутъ воспользоваться этою непріязнію. Сдѣлавъ свое дѣло, онъ исчезъ изъ казацкаго лагеря, и можетъ быть только тогда догадались казаки, кто былъ этотъ гость. Онъ-то принесъ польскимъ военачальникамъ вѣрныя свѣдѣнія о совѣтѣ воеводъ, о ихъ замыслахъ идти на Польшу, о числѣ войска, о недовольствѣ Хмельницкаго на Москву и на Шереметева, о непріязни между великорусскими служилыми и украинцами, и наконецъ, о мѣдныхъ копѣйкахъ, которыми платили тогда жа-

¹⁾ Это извѣстіе находится у Величка. Польскіе современные историки передаютъ этотъ рассказъ еще въ болѣе рѣзкомъ видѣ. Въ «Исторіи Яна Казимира», неизвѣстнаго автора говорится, будто Шереметевъ, обращаясь къ иконѣ Спасителя, воскликнулъ:— Не буду тебя считать Богомъ и Спасителемъ, если ты мнѣ не дашь въ руки польскаго короля, чтобъ я его могъ отдать великому государю.— Когда окружавшіе замѣтили ему, чтобъ онъ не богохульствовалъ, Шереметевъ разгнѣвался на нихъ, а потомъ смѣялся, «какъ будто чтонибудь доброе сдѣлалъ». Сопоставивъ малорусское и польское извѣстіе, окажется вѣроятнымъ, что Шереметевъ чѣмънибудь подаль поведъ къ составленію о немъ такихъ толковъ. (См. Hist. rapow. Jana Kaz. II, 86).

ловапье и московскимъ ратнымъ людямъ и казакамъ. Надобно замѣтить, что даже безропотно покорныхъ своихъ старыхъ подданныхъ Москва выводила тогда изъ терпѣнія принужденіемъ брать мѣдную монету за серебрянную, а украинцевъ тѣмъ болѣе.

Войско польское было тогда подъ начальствомъ короннаго гетмана Станислава Потоцкаго и польнаго гетмана Любомирскаго, прославившаго себя въ шведскую войну. Одна часть съ короннымъ гетманомъ стояла близъ Тарнополя, другая съ Любомирскимъ находилась еще въ Пруссіи. Но когда пришло извѣстіе, что дѣло съ Москвою опять наклонится къ войнѣ, Любомирскій прибылъ къ королю, предъ нимъ и передъ сенаторами требовалъ уплаты жалованья, и въ трогательныхъ выраженіяхъ описывалъ труды и нужды войска. Король и сенаторы положили написать въ сборщикамъ налоговъ приказаніе, поторопиться сборомъ недоимокъ на жалованье войску; само правительство, однако, сознавало тогда же, что это средство ненадежно. Послѣ продолжительныхъ войнъ, средства народа уменьшились, и нельзя было надѣяться на скорую уплату; притомъ самые сборщики въ то время не отличались безкорыстіемъ и часто не пропускали случая погрѣть руки на счетъ общественнаго интереса. Старались успокоить жолнѣровъ и заставить ихъ продолжать службу, не разбойничая и не буйствуя; но удержать жолнѣровъ одними надеждами было трудно; тогда поддержали войско паны частными своими пожертвованіями. Самъ Любомирскій въ числѣ другихъ заплатилъ солдатамъ значительную часть изъ собственныхъ доходовъ. Любомирскій повелъ свое войско на соединеніе съ войсками Потоцкаго на Волинь, и тамошніе владѣльцы, зная, что это войско идетъ для укрощенія казаковъ, слѣдовательно, для безопасности прилежащаго казакамъ края, дали войску квартиры и безденежно снабжали его обильными запасами.

Все польское войско состояло тогда изъ двѣнадцати полковъ пѣхоты и болѣе десяти конныхъ полковъ, снаряженныхъ на счетъ пановъ и находившихся подъ командою снаряжителей; да сверхъ того было два конные полка нѣмецкихъ и артиллерія изъ двѣнадцати орудій, подъ начальствомъ динабургскаго старосты Вульфа. Кромѣ всей этой силы въ войскѣ было большое число служекъ, годныхъ къ бою, и превосходившихъ число самыхъ жолнѣровъ.

Но силы Польши противъ Руси не ограничивались собственнымъ войскомъ. На сторонѣ ея была еще крымская орда, которую тогда привлекалъ болѣе всѣхъ Выговскій, находясь въ званіи кievскаго воеводы. Уже давно крымскій ханъ сердился на Польшу

за то, что она медлила и не дѣйствовала рѣшительно противъ казаковъ и Москвы. Въ письмахъ, писанныхъ къ Выговскому ханомъ и разными сановниками его, выражались о полякахъ въ такомъ смыслѣ:— «Уже намъ словъ не достаетъ: нѣсколько лѣтъ черезъ частыя писанья и разныхъ посланцевъ сообщали мы вамъ, чтобы вы какъ можно скорѣе соединили войска свои съ нашими войсками и наступали на непріятеля. Вы же въ письмахъ своихъ постоянно говорите о великихъ усліяхъ своихъ, а на самомъ дѣлѣ ничего не дѣлаете. Наши войска нѣсколько мѣсяцевъ въ сборѣ ожидаютъ въ Бѣлгородѣ отъ вастъ извѣстія, и стоятъ безъ дѣла. Еще не слыхано, чтобы орда столько времени напрасно стояла; зима прошла, уже и весна минула, лѣто пройдетъ, наступитъ осень, пора дождливая». Когда, наконецъ, собрались поляки и дали знать въ Крымъ о своемъ выступѣ, шестьдесятъ тысячъ крымскихъ и нагайскихъ ордъ съ прибавкою янычаръ выступили въ Украину. Августа 26, Потоцкій двинулся съ своимъ войскомъ изъ подъ Тарнополя на Подолѣ и дошелъ до Ожеховцевъ.

VI.

Когда такимъ образомъ поляки собирались громить Украину, Шереметевъ выступилъ изъ Кіева по направленію на Волынь, и думалъ войти въ Польшу прежде, чѣмъ поляки узнаютъ о его движеніи. Хмельницкій шелъ за нимъ другою дорогою шляхомъ-Гончарихою. Когда московское войско дошло до Могилы Перепетихи, Хмельницкій прибылъ къ боярину. Шереметевъ принялъ его, какъ прежде принималъ, сухо и неуважительно, показывая видъ, что онъ мало нуждается въ его помощи. По извѣстію лѣтописи Величка, когда Юрій ушелъ изъ московскаго лагеря, ему передали, что Шереметевъ, проводивъ его, при многихъ сказалъ, указывая на гетмана:— «Этому гетманшпѣ приличнѣе бы еще гусей пасти, чѣмъ гетмановать.» Такъ, при поджигательствѣ недоброжелательныхъ къ Москвѣ старшинъ, Шереметевъ этою выходкою не только охладилъ Хмельницкаго въ усердію, но еще самъ содѣйствовалъ къ готовности отпасть отъ Москвы, когда придетъ случай.

Московское войско прошло мѣстечко Хвастовъ и двинулось на Котельню. Хмельницкій все продолжалъ идти боковымъ путемъ—шляхомъ-Гончарихою. Когда московскіе люди доходили до Котельни, отправленный на подѣздъ изъ польскаго войска Кречинскій схватилъ нѣсколькихъ казаковъ и повелъ въ польскій

лагерь. Они рассказывали, что Шереметевъ идетъ съ войскомъ въ 80,000, и думаетъ онъ съ Цыпурою, что Потоцкій все еще стоитъ подъ Тарнополемъ, и что у Потоцкаго всего на все какихъ нибудь тысячъ шесть, а о панѣ Любомирскомъ всѣ думаютъ, что онъ далеко гдѣ-то за Вислой. Такое невѣдѣніе непріятеля о польскихъ силахъ было очень пріятно полякамъ. Куда же направляются москали? спрашивали поляки казаковъ. Тѣ отвѣчали, что на Чудново. 9 сентября, военачальники составили военный совѣтъ, и на этомъ совѣтѣ порѣшено было немедленно идти на встрѣчу непріятелю. Войска двинулись по шляху-Гончарихѣ, по которой шель съ казаками Хмельницкій. Правую стороною командовалъ Потоцкій, лѣвою Любомирскій, артиллерія занимала средину; по сторонамъ ихъ шли татары. Они дошли до Гончарскаго поля. Московское войско тѣмъ временемъ доходило до Любара, перваго волынскаго города на границѣ казацкой Украины. — «Когда, говоритъ современный дневникъ, польскія войска проминули мѣсто, означаемое тою примѣтою, что тамъ прежде стояла корчма въ полѣ, оба предводителя поѣхали вмѣстѣ и вѣхали на высокую могилу (насыпь). Оттуда они увидали вдали людей, которые двигались между кустарникомъ близъ Любара. Гетманы послали подѣздъ впередъ провѣдать, что это такое. Отправленный подѣздъ воротился скоро и донесъ, что это непріятельское войско. Тогда Потоцкій послалъ извѣстить Нурадина и приглашалъ его послать передовой отрядъ противъ московской рати, а самъ выслалъ противъ непріятеля два драгунскихъ полка, два полка Выговскаго и польскаго короннаго писаря. Нѣсколько полковъ, кромѣ того, отправилось еще и охотою. Тѣ, которымъ принадлежали эти полки, были тогда съ ними. Выговскому пришлось идти противъ русскихъ. Онъ вступилъ въ битву съ передовыми изъ московскаго войска. Московскіе люди сначала было погнали татаръ, а потомъ отступили отъ польскаго войска. Поляки поймали какого-то раненаго московскаго начальнаго человѣка и нашли у него планъ расположенія войска. Это очень помогло полякамъ. Они узнали, что московскіе люди стали обозомъ и окапываются.»

15 сентября, собрали военный совѣтъ. Смѣлые говорили:— Не давать врагу отдыха, чтобы онъ не устроился; наступать на него немедленно.— Осторожные возражали:— Еще въ намъ не подоспѣли орудія, и пѣхота не пришла и не устроилась. Лучше мы ихъ осадимъ и будемъ ихъ медленно томить.

— Нѣтъ, сказалъ Потоцкій, отъ медленности у насъ охладѣетъ мужество, а у враговъ прибудетъ. Татары подумаютъ, что мы трусимъ.

Рѣшено было дѣйствовать быстро, наступать на непріятеля, не давать ему покоя и мучить частыми приступами. Войско по-двинулось къ московскому обозу. 16 сентября, московскіе люди и казаки вышли изъ табора, сошлись съ правою стороною польскаго войска, но когда бросились на нихъ польскіе кошѣйщики, то подались назадъ. Татары ударили на нихъ съ боку, изъ лѣса. Московскіе люди отступили въ свой обозъ. Поляки подѣзжали къ ихъ окопамъ и кричали:—Трусые негодные! выходите, расправимся въ открытомъ полѣ.—Но московскіе люди не выходили, а отстрѣливались изъ окоповъ. Поляки палили изъ пушекъ въ московскій таборъ и съ удовольствіемъ глядѣли, какъ доставалось боярскимъ шатрамъ, которые издали виднѣлись своею пестротой. Болѣе всѣхъ отличался у нихъ и былъ героемъ этого дня коронный хорунжій Янъ Собѣскій, будущій герой-король Польши.—«Онъ доказалъ, говоритъ современное описаніе, что недаромъ онъ правнукъ великаго Жолѣвскаго». Вечеромъ бой прекратился. Современное извѣстіе (конечно, невѣрное) говоритъ, будто московскихъ людей убито до 1,500, казаковъ 200, а поляковъ только 60, преимущественно изъ полка Собѣскаго. Плѣнные и перебѣжчики изъ польскаго стана рассказали Шереметеву о силахъ польскихъ, да и самъ онъ собственными глазами удосто-вѣрился, какъ ложно описывалъ это войско Цыпура, потѣшая его боярское чванство. Гораздо пріятнѣе было полякамъ отъ вѣстей, сообщенныхъ казаками, перебѣгавшими въ польскій обозъ. Они извѣщали, что вообще казаки не терпятъ «москвитянъ», и очень многіе готовы съ радостію перейти къ полякамъ, лишь бы тѣ имъ простили, что они связались съ «москалями»...

Предводители поручили написать увѣщаніе къ казакамъ Стефану Немиричу, брату убитаго Юрія, пану православной вѣры.

«Вы знаете, казаки — писалъ Немиричъ — кто я таковъ; съ древнихъ временъ домъ Немиричей соединенъ съ русскимъ народомъ и кровью и происхожденіемъ. Мы — дѣти Украины. Я братъ Юрія Немирича, столь преданнаго казакамъ, вашего товарища. Я не хочу для васъ быть хуже моего брата. Если вы, казаки, будете держаться москалей, то васъ будутъ убивать, братъ въ плѣнъ и опустошать дома ваши. Неужели за какихъ нибудь измѣнниковъ-негодяевъ такое множество казацкаго народа будетъ терять своихъ дѣтей, которые принуждены стоять за москалей. Удивляюсь, что вы подружились съ москалями; вамъ изъ этого вездѣ только вредъ, а не выгода. Сравните милости московскаго государя съ благодѣяніями польскаго короля; москали даютъ вамъ вмѣсто золота и серебра мѣдныхъ деньги; всѣхъ васъ разоряетъ и истощаетъ Москва; запугаютъ васъ

въ рабское ярмо; а всемилостивый король отеческою рукою даетъ вамъ свободу, сожалѣть о бѣдствіяхъ, въ которыя вы впали, и которыя вамъ грозятъ впереди; король посылаетъ вамъ прощеніе за нынѣшнія и прошлыя ваши прегрѣшенія. Сами видите, что войско наше сильно; примѣръ Хованскаго показываетъ вамъ, что оружіе польское торжествуетъ не столько числомъ, войска, и храбростію, сколько Божіей милостію. Истощенная междоусобіями и пораженная чужими врагами, Польша была при послѣднемъ издыханіи; уже ее по частямъ дѣлили сосѣди: москаль, шведъ, брандербургець, молдаванинъ, угръ, — но божеское провидѣніе воздвигло своими руками добрыхъ гражданъ. Побойтесь гнѣва Божія. Отступитесь отъ москалей, не слушайте льстивыхъ убѣжденій Шереметева, передайтесь на сторону нашу, къ собственному нашему и вашему войску, и напишите къ Хмельницкому, чтобъ и онъ также думалъ о своемъ собственномъ спасеніи, а не о москаляхъ».

Это письмо прочтено было въ лагерѣ московскомъ казакамъ Цыцуръ. Казаки, говорить современникъ, и готовы были перейти къ полякамъ, и по тогдашнему нерасположенію къ Москвѣ, и по всегдашней привычѣ измѣнять, но никто еще первый не рѣшался идти и показать примѣръ. Цыцуръ еще тогда не считалъ московскаго дѣла потеряннымъ. Съ своей стороны, Шереметевъ прибѣгалъ къ подобнымъ же средствамъ, и написалъ къ султану Нураддину письмо. Онъ писалъ: — «Его царское величество пожалуетъ тебѣ втрое больше подарковъ, если только теперь ты отступишь отъ польскаго короля съ татарами». Нураддинъ не хотѣлъ и слушать объ этомъ и величался передъ поляками своею дружбою къ нимъ. Онъ отдалъ письмо Шереметева Любомирскому, а тотъ поблагодарилъ за него деньгами.

Нѣсколько дней не происходило ничего важнаго, кромѣ незначительныхъ «герцовъ», и еще разъ отличился на нихъ Янъ Собѣскій. Чуть было не схватили его московскіе люди, увидѣвши на немъ золотистый терликъ, и закричали: честной человѣкъ, честной человѣкъ (т. е. знатный)! Но онъ ушелъ отъ нихъ счастливо. Передъ тѣмъ пронеслась вѣсть, что Шереметевъ хочетъ отступить. Шереметевъ какъ будто хотѣлъ показать полякамъ противное: ночью московскіе люди сдѣлали вылазку изъ своихъ окоповъ и хотѣли было неожиданно напасть на польскій станъ. Перебѣжчики были у нихъ вожаками; но поляки въ пору узнали объ этомъ, ударили тревогу, и московскіе люди отступили.

Тутъ окончательной опытъ научилъ Шереметева, что Козловскій одинъ говорилъ правду, когда всѣ прочіе изъ подобострастія къ главному воеводѣ потакали Цыцурѣ. Шереметевъ теперь

озлобился на Цыцуру и раздражилъ его противъ себя. Говорять, что, услышавъ отъ Шереметева нѣсколько неприятныхъ выраженій и видя, что бояринъ не благоволитъ къ нему, Цыцура тотчасъ же задумалъ перейти къ полякамъ, но Шереметевъ, догадавшись о намѣреніи казацкаго полковника, обласкалъ казаковъ и объявилъ имъ награды въ Кіевѣ, если они благополучно убѣгутъ отъ поляковъ. Единственная надежда была на Хмельницкаго, и Шереметевъ съ другими воеводами помышлялъ отступить, чтобы перебраться на шляхъ-Гончариху, гдѣ шель Хмельницкій. 24-го сентября рѣшено было отступить. Воеводы убрали свои палатки, свернули знамена, устроили свое войско. Но прежде, чѣмъ войско сдвинулось съ мѣста, выслали ратныхъ людей съ топорами и бердышами рубить деревья, раскапывать пни и каменья.

Только-что предводители рѣшили отступить, поляки уже знали объ ихъ рѣшеніи отъ перебѣжчиковъ и положили напасть на нихъ во время отступленія, когда они будутъ переходить черезъ заросли и переправы.

На другой день неприятельныя войска не начинали сраженія, и только между охотниками происходили герцы. Польское войско было на-готовѣ, а предводители велѣли дожидаться знака, когда можно двинуться, а сами ожидали, когда тронется съ мѣста ихъ неприятель. Сообразивъ, что неприятель пойдетъ по неудобной дорогѣ, польскіе гетманы расположили войско свое такъ, чтобъ можно было нападать на отступающихъ и спереди, и сзади, и съ боковъ. Коронный гетманъ съ своею половиною долженъ былъ пересѣчь путь московскому войску и не давать ему далѣе хода, а Любомирскій долженъ былъ напирать и преслѣдовать позади. Каждая половина войска раздѣлялась, въ свою очередь, на двѣ части, такъ что одна часть изъ каждой половины должна была охватывать бока неприятельскаго обоза; сверхъ того, изъ обѣихъ половинъ отобрана была еще пятая часть въ резервъ; она должна была, по требованію, послѣдовать на помощь какой-нибудь изъ четырехъ, которыя будутъ въ дѣлѣ и доставлять свѣжихъ воиновъ на мѣсто убитыхъ. «Тогда — по замѣчанію современника Зеленевицкаго — предводители, слѣдуя обычаю древнихъ римскихъ полководцевъ, говорили жолнѣрамъ возбудительную рѣчь такого содержанія:

— «Намъ теперь слѣдуетъ рѣшить, кому владѣть Украиною. Московскій государь безъ всякаго права овладѣлъ этимъ краемъ польской Рѣчи-Посполитой, и черезъ это вы остаетесь и бѣдны, и нищи, и отечество не въ силахъ вознаградить васъ. Мы съ охотою дали вамъ трехмѣсячное жалованье, въ видѣ подарка,

изъ собственныхъ суммъ; это ничто въ сравненіи съ тѣмъ, чѣмъ должно вознаградить васъ польское королевство. Возвратимъ ему эту богатую и изобильную страну—Украину. Тогда мы приложимъ все стараніе, чтобы вамъ были выплачены слѣдующія суммы. Но тутъ дѣло идетъ не объ однихъ нашихъ выгодахъ. Какъ сыны истинной католической церкви, вы сражаетесь, ревнуя о вѣрѣ, которая должна быть вамъ драгоцѣннѣе самой жизни. Видите скорбь истиннаго правослѣвія; греческая схизма торжествуетъ; осквернены священные пороги храмовъ; алтари разорены; святые дары—о ужасъ!—потоптаны святотатственными ногами, храмы отданы для совершенія въ нихъ суевѣрныхъ обрядовъ врагамъ истинной церкви, Христовой. Подвизайтесь за вѣру и свободу, поражайте святохулителей и стяжайте себѣ вѣчную славу въ отдаленномъ потомствѣ.»

Жолнѣры отвѣчали восклицаніями, увѣрили въ готовности храбро сражаться за католическую вѣру и выгоды польскаго государства.

Въ ночь съ двадцать-пятого на двадцать-шестое, московское войско двинулось; оно поставлено было пѣшими колоннами рядовъ въ восемь, внутри четверугольника изъ воевъ; но пройдя немного, увидѣли, что въ восемь рядовъ идти неудобно, и перестроились въ шестнадцать рядовъ. Устройство подвижнаго обоза, довольно сложное, было сдѣлано съ такою быстротою, что поляки изумлялись.

Московскіе люди думали, что поляки узнаютъ объ ихъ отступленіи спустя нѣсколько часовъ, и не воображали, что поляки давно слѣдятъ ихъ каждый шагъ. И не успѣли московскіе люди пройти на выстрѣлъ изъ лука, какъ поляки были передъ ними и за ними. Поляки двинулись по ближайшему направленію прямо черезъ лѣсъ и перерѣзали имъ путь. Сначала путь шелъ черезъ лѣсныя заросли; и тѣмъ и другимъ негдѣ было развернуться. Но когда русскіе потомъ вышли на просторное мѣсто, тутъ поляки ударили на нихъ со всѣхъ сторонъ. Польскіе копѣйщики видались на обозъ. Ратные люди государевы, сидя и стоя на возахъ, недвижимо держали свои длинныя копья, и польскіе всадники натывались на нихъ. Польскія пушки каждую минуту посылали въ обозъ ядра, пули и гранаты; царскіе пушкари безъ торопливости отвѣчали имъ изъ своихъ. Весь обозъ шелъ тихо и спокойно, преодолевая большія трудности, черезъ топи и яры. Хладнокровіе московскихъ людей изумляло поляковъ. Никто изъ обоза не отвѣчалъ на ругательные вызовы и похвалки. Среди грома орудій не раздавались человѣческіе голоса, кромѣ невольнаго стона раненыхъ. Казаки усердно помо-

гали московскимъ людямъ, и не только отражали непріятельскіе налеты, но даже вырывали изъ рядовъ и утаскивали къ себѣ плѣнныхъ и обращали въ тылъ польскихъ удалцовъ.

«Въ этомъ шествіи, московскій обозъ (говорить польскій очевидецъ) походилъ на огнедышащую гору, извергающую пламя и дымъ, и поляки уподоблялись еврейскимъ отрокамъ въ вавилонской печи, ибо ангелъ Господень невидимо осѣнялъ насъ тогда».

Послѣ полудня велѣно было польскому войску остановиться на отдыхъ; между тѣмъ приказали придвинуть къ московскому обозу всѣ орудія, сколько ихъ было у поляковъ. Царскому обозу приходилось скоро всходить на гору: было опасное мѣсто; тутъ-то удобно было полякамъ разорвать четвероугольникъ, а было для нихъ неизбежно разорвать его, и этого-то добивались поляки до сихъ поръ напрасно. Впередъ была отправлена засада подъ начальствомъ Немирича. Любомирскій замѣтилъ, что въ своихъ налетахъ на непріятельскій обозъ, польскіе удалцы болѣе кричали, чѣмъ дѣлали, и отдавалъ предпочтеніе хладнокровію враговъ. Онъ самъ выѣхалъ передъ ряды жоліѣровъ и говорилъ имъ: — «Болтовня и безтолковый крикъ не разломаютъ непріятельскаго обоза; нужнѣе неустрашимый духъ и твердыя руки, владѣющія оружіемъ. Москаль убѣгаетъ отъ насъ не позаячи, а по волчи, оскаливши зубы: видите, какимъ крѣпкимъ оплотомъ онъ оградилъ свое бѣгство. Держитесь согласно хоругви, не выскакивайте безъ толку изъ строя, и дружно всѣ сложите вмѣстѣ руки и груди, сломите непріятельскую ограду въ ея серединѣ, — вы добудете побѣду».

Московскіе люди продолжали идти по прежнему хладнокровно, спокойно, и дошли, наконецъ, до опаснаго мѣста, гдѣ нужно было спускаться въ яръ и всходить на гору. Тогда польскіе предводители замыслили правое крыло своего войска переправить черезъ яръ въ другомъ мѣстѣ, и зайти московскому обозу впередъ; но имъ надобно было переправляться черезъ топкій яръ; отъ этого московскіе люди успѣли уже взвести двѣ части своего обоза на гору, прежде чѣмъ поляки могли ихъ не допустить до этого. Немиричъ завязалъ битву на горѣ, но долженъ былъ отступить и пропустить непріятеля, получивъ самъ рану. За то польское войско съ боковъ и съ тыла наперло на оставшихся внизу московскихъ людей; усилилась пушечная пальба; польскія пушки подошли сколько возможно ближе. Московскіе люди отбивались по прежнему, съ спокойствіемъ пробивали себѣ путь на гору. Русскіе потеряли, по одному извѣстію, семь¹⁾, по другому²⁾, во-

1) Zieliengewicki, 96.

2) Оука. вр. II, 151.

семь пушекъ, да восемьсотъ возовъ съ запасами. Поляки нашли въ нихъ себѣ продовольствія, и очень обрадовались утомленные пѣхотинцы, которые терпѣли недостатокъ. Битва прекратилась вечеромъ. Полилъ сильный дождь. Поляки считали за собою побѣду, несмотря на то, что потеряли много убитыми. Татары не участвовали вовсе въ битвѣ, и ихъ стали даже подозрѣвать въ томъ, что они приняли отъ московскихъ людей подкупъ. Другіе толковали, что татары оттого не ходили въ битву, что вообще имъ несносно слышать громъ огнестрѣльнаго оружія.

Слѣдующая ночь была темная. Дождь лилъ какъ изъ ведра. Оба враждебныя войска стояли въ грязи, безъ крова. Польскія лошади оставались безъ корма. Поляки не могли достать ни дровъ, ни огня; только пѣхота, огибавшая непріятельскіе обозы, была счастливѣе, отнявши возы. Гетманы провели ночь вмѣстѣ, въ одной каретѣ.

Когда взошло солнце, поляки увидали, что московскихъ людей уже не было, и удивились ихъ терпѣнію и неутомимости. — «Не побоялись—говорить современникъ—ни темноты, ни дурной дороги; не мучило ихъ ни безпокойство, ни труды и тревоги прошлыхъ дней».

Русскіе шли ночью, и на разсвѣтѣ приближались къ мѣстечку Чуднову на рѣкѣ Тетеревѣ. Узнавши, что Хмельницкій недалеко, Шереметевъ спѣшилъ сойтись съ нимъ: отъ этого зависѣло единственное спасеніе. Какъ ни были изнурены поляки трудами прошлаго дня, но гетманы рѣшились, во что-бы то ни стало не давать непріятелю отдыха, и приказали немедленно идти за непріятельскимъ обозомъ, чтобы прежде, чѣмъ московскіе люди дойдутъ до Чуднова, захватить чудновскій замокъ. Поляки двинулись, а между тѣмъ, идя по слѣдамъ собирали съ убитыхъ дѣтей боярскихъ металлическихя и жемчужныя пуговицы, и смѣясь говорили, что «москаля» убираются по-бабы.

Когда Шереметевъ увидѣлъ, что поляки его преслѣдуютъ, то приказалъ съѣчь мѣстечко Чудново, ибо самъ не надѣялся удержать его, и боялся, чтобы враги не нашли въ немъ опоры. — «Самъ Богъ навелъ на него такую ошибку» — говорили послѣ поляки.

Потоцкій поскорѣе послалъ занять уцѣлѣвшій отъ огня замокъ, укрѣпленный дубовымъ палисадомъ. — «Здѣсь намъ подручно говорили поляки, занявши замокъ; все видно, а выстрѣлы непріятеля доставать до насъ не будутъ».

Московскій обозъ сталъ на низменномъ мѣстѣ, казаки стояли на возвышеніи. Весь союзный обозъ представлялъ, по растяженію, подобіе греческой дельты. Поляки окружили непріятелей сво-

ихъ со всѣхъ сторонъ, устави́ли пушки и начали палитъ безъ отдыха. Крѣпко поражали они московскихъ людей изъ садовъ разрушеннаго мѣстечка, да съ возвышенія, на которомъ стоялъ замокъ. Кругомъ на равнинѣ раскинулись татары и ловили каждаго русскаго, кто осмѣлится выдти изъ обоза за травкою. Русскіе были лишены пастбищъ. — «Намъ нечего съ ними драться и терять людей» — рѣшили предводители. Пресѣченъ имъ путь къ добыванію живности, голодь заставитъ ихъ безъ боя сдаться». Инженеры принялись копать канавы, чтобъ отвести воду и лишить московскій обозъ этой необходимости.

Такъ прошло время до седьмого октября. Въ этотъ день татары привели плѣнныхъ казаковъ. — «Мы идемъ съ Хмельницкимъ, показали они въ распросѣ, — идемъ на помощь къ Шереметеву. Самъ Хмельницкій и старшины хотѣли бы съ вами соединиться, да посольство не хочетъ. Присягнули за москалей драться до послѣдняго».

По совѣту Любомирскаго, тогда оставлена была вся пѣхота и артиллерія держать въ осадѣ Шереметева. Коронный гетманъ страдалъ лихорадкою, но пересилилъ себя, показывалъ примѣръ терпѣнія и мужества: его водили подъ руки, и онъ трясся отъ лихорадки, но командовалъ и дѣлалъ распоряженія. Любомирскій съ конницею и со многими панами отправился на казаковъ.

VI.

Хмельницкій шелъ медленно по Гончарихѣ. Вокругъ него были благопріятели гадячской коммиссіи: Гуляницкій, Махержинскій, Лѣсницкій, изгнанный изъ рады по царскому повелѣнію. Носачъ присталъ къ нимъ снова. Полковники и сотники, недовольные переяславскими статьями, не хотѣли сражаться. Простые казаки возмущались при мысли брататься съ ляхами. Въ то время, когда одни хвалили гадячскій договоръ, другіе показывали къ нему омерзеніе, ибо этотъ договоръ допускалъ введеніе ненавистнаго для народа шляхетскаго достоинства между казаками, и подрывалъ казацкое равенство. Молодой, безхарактерный гетманъ былъ озлобленъ противъ боярина, былъ недоволенъ царемъ за то, что въ Москвѣ не исполняли его просьбъ, но все еще колебался; посольство проклинали ляховъ; старшины бранили москаля. Въ этой нерѣшимости казацкій обозъ едва двигался, и когда московскій достигъ Чуднова, казаки достигли до мѣстечка Слободища.

Седьмого октября, поляки пришли подъ Слободище, за нѣ-

сколько верстъ отъ Чуднова. Казацкій обозъ стоялъ на возвышеніи, близъ него было разрушенное мѣстечко Слободище: печи, бревна, погребъ и всякаго рода мусоръ преграждали путь черезъ него. Съ другой стороны, тянулся болотистый вязкій лугъ. Любомирскій, какъ только увидѣлъ привычныхъ враговъ польской воины, завричалъ въ голосъ своему войску:

— «А, вотъ они, — вотъ сѣмя преступнаго мятежа, змѣиное изчадіе; вотъ гадины, ихъ же гнуснѣ земля никогда не питала! Теперь, поляки, потребуйте отъ нихъ назадъ свободнаго званія, согните вашимъ оружіемъ шею подлаго холопья: пусть они кровью смоютъ свое дворянство.»

Любомирскій зналъ, что Хмельницкій и старшины вовсе не желаютъ помогать Шереметеву, но зналъ также, что простые казаки ненавидятъ поляковъ, а старшины ихъ не любятъ и только; по временному нерасположенію къ москалямъ, они могутъ стать на сторону Польши, а при малѣйшемъ благопріятномъ вѣтрѣ отъ Москвы всегда предпочтутъ ее Польшѣ. Любомирскій поэтому и хотѣлъ повести дѣло такъ, чтобы потомъ можно было законно уничтожить гадяцкій договоръ и сослаться на то, что казаки пріобрѣтенное своимъ оружіемъ отъ поляковъ, потеряли оружіемъ поляковъ. Негодованіе при видѣ враговъ, отъ которыхъ стались всѣ неисчислимыя бѣды польской націи, закипѣло у пановъ и шляхты. Не вошли еще предводители въ переговоры, а ужъ половина войска, пришедшаго съ Любомирскимъ, принялась мостить плотину черезъ лугъ. Воевода кіевскій, бывшій гетманъ Выговскій, отличался передъ всѣми противъ своихъ прежнихъ соотечественниковъ и прежнихъ подчиненныхъ.

Предпріятіе полякамъ не удалось такъ легко, какъ полагали. Казаки колебались-было при видѣ поляковъ, но увидя, что поляки наступаютъ на нихъ съ оружіемъ, стали защищаться и отбили съ урономъ тѣхъ, которые лѣзли на казацкій таборъ черезъ развалины мѣстечка; а тѣ, которые шли черезъ лугъ, забились въ болото и принуждены были повернуть назадъ, преслѣдуемые казацкими выстрѣлами.

Но въ казацкомъ лагерѣ дѣла направлялись, безъ боя, въ пользу поляковъ. Тамъ поднялась неописанная неурядица; старшины упрекали Юрія, обвиняли одинъ другого, спорили, кричали, совѣтовали, и такъ сбили съ толку гетмана, что онъ, будучи въ добавокъ въ первый разъ въ битвѣ, совсѣмъ потерялся и кричалъ:

— Господи Боже мой! Выведи меня изъ этого пекла; не хочу гетмановать, пойду въ чернецы! Буду Богу молиться. За

что я черезъ вѣроломство другихъ терпѣть буду. Если меня Богъ теперь избавитъ, непремѣнно пойду въ чернецы.

— Отложи пане гетмане, свое благочестіе на будущее время, сказали ему старшины; лучше подумай, какъ спасти себя и всю Украину. О чернечествѣ подумаешь на волѣ, когда опасность пройдетъ, а теперь давай-ка лучше ударимъ сами себя въ грудь, да и пошлемъ къ полякамъ просить мира; пообщаемъ имъ вѣрность и подданство Рѣчи-Посполитой, а москаль пусть себѣ, какъ знаетъ, такъ и промышляетъ.

— Видимо, говоритъ обозный Носачъ, что самъ Богъ помогаетъ польскому королю; лучше заранѣе войти въ милость у короля, а то и душамъ нашимъ кара будетъ, и полякамъ отданы будемъ; пожалѣемъ послѣ, да не воротимъ.

Другіе разсуждали, какъ бы еще сохраняя нѣкоторое сочувствіе въ Москвѣ, но также находя, что обстоятельства вынуждаютъ казаковъ измѣнить ей. — «Если ляховъ побѣдить не можемъ, говорили эти, если здѣсь всѣ погибнемъ, москалямъ отъ этого никакой пользы не станется, а если сохранимъ себя, то послѣ и москалю пригодимся.» Подобнымъ благопріятелемъ для москалей оказывался тогда писарь Семень Голуховскій. Заклятые противники ляховъ изъ черни кричали: — «Здѣсь орда; пошлемъ лучше къ татарамъ; они намъ давнѣе пріятели; они сойдутся съ нами.» По этому совѣту громады, старшины отправили посольство къ Нураддину, съ письменнымъ предложеніемъ отстать отъ поляковъ и пристать къ казакамъ. Неизвѣстно, что и какъ отвѣчалъ имъ Нураддинъ, но письмо казацкое онъ передалъ Любомирскому, и въ другой разъ показалъ, такимъ образомъ, свою преданность, и въ другой разъ получилъ отъ поляковъ вещественную признательность за свои добродѣтели.

Въ то время, когда въ казацкомъ таборѣ бросались на всѣ стороны, а Хмельницкій, потерявшись, перемѣнялъ свои намѣренія каждую минуту, является къ нему посланецъ съ письмомъ отъ Выговскаго, а въ письмѣ было сказано: — «По праву, данному мнѣ надъ тобою отцомъ твоимъ, я, какъ твой попечитель, заклиная тебя душою твоего родителя, довѣрься полякамъ и приведи къ тому же своихъ, и отступи отъ Москвы. Самъ знаешь, сколько зла мы отъ нея видѣли. Теперь силы Шереметева потоптаны, сокрушены; онъ гаснетъ, какъ лампада безъ масла, гдѣ свѣтильня только дымитъ, а ужъ не свѣтитъ. Не ожидай, пока погаснетъ; тогда вся тягость военная обратится на тебя одного. Король милостивъ, проститъ прошлое, и не только все забудетъ, но сохранить и утвердить всѣ права казацкія. Казаки

болѣе могутъ надѣяться отъ великодушія польской націи, чѣмъ отъ московскаго варварства и тиранства.»

Такъ какъ Хмельницкій и старшины не знали навѣрное, чья возьметъ, поэтому и послали разомъ и къ полякамъ, и къ московскимъ людямъ. Къ Шереметеву послали Мороза съ извѣстіемъ, что на казаковъ напали поляки, и просили Шереметева поспѣшить на помощь по направленію къ мѣстечку Пятку. Въ то же время поѣхалъ полковникъ Петръ Дорошенко съ двумя товарищами въ польскій лагерь. Надобно было обходиться съ поляками такъ, какъ будто мирятся съ ними не по принужденію, а по доброму желанію.

Дорошенко былъ допущенъ въ Любомирскому, и говорилъ:

— Что это значить, ваша милость, за что нападаютъ на насъ поляки? Мы вовсе не хотимъ воевать съ вами и только по необходимости должны противъ васъ защищаться, потому что вы нападаете на насъ. Казаки не хотятъ быть врагами поляковъ. Мы пришли сюда затѣмъ, чтобы отвлечь Цыцуру отъ москалей, и теперь готовы соединиться съ вами, если вы примете насъ благосклонно.

Любомирскій, гордый своими подвигами, началъ высокомерно обращаться съ казацкимъ посломъ, а полковникъ принялъ также видъ собственнаго достоинства и сказалъ:

— Панъ гетманъ! забудьте причины старой ненависти и примите притекающихъ къ лону отечества; а иначе на нашей сторонѣ правда, у насъ есть самопалы и сабли. Наше оружіе славно. Смотрите, чтобъ изъ него не выскочилъ такой огонь, отъ котораго затмятся всѣ ваши надежды на побѣду, а то и вовсе стануть дымомъ!

Пріѣхалъ Нураддинъ, и послѣ обычныхъ вопросовъ о здоровьи, обращаясь разомъ и къ Любомирскому и къ казакамъ, онъ сказалъ гетману: — «Панъ гетманъ, уважь казакамъ, не годится отвергать ихъ просьбы; они вѣрные подданные короля. Притомъ же, если будешь на нихъ злиться, — тебѣ это можетъ быть вредно. Счастіе еще не покинуло ихъ. Если ихъ раздражить, то они будутъ кусаться по своему обыкновенію. Не дразните этихъ пчель; лучше съ нихъ медъ получайте. Больше славы будетъ вамъ обратиться на москаля и угостить его, какъ слѣдуетъ угощать такого незваннаго гостя.»

Любомирскій, стараясь, сколько возможно, высказать свою силу и могущество, и тѣмъ вынудить у казаковъ самыя выгодныя для поляковъ условія, сказалъ Дорошенку:

— Хоть казаки за многократные мятежи и измѣны Рѣчи-Посполитой заслуживаютъ, чтобы ихъ карать, но король далъ мнѣ

милостивое приказаніе относительно васъ; притомъ же я уважаю просьбу султана Нураддина и приказываю протрубить прекращеніе военныхъ дѣйствій. Примиряемся съ вами. Пусть Нураддинъ, ходатай за васъ, казаковъ, посовѣтуетъ вамъ не бунтовать болѣе.

Нураддинъ приложилъ руку къ груди и сказалъ:

— Я ручаюсь за казаковъ; они бунтовать не будутъ, и останутся въ повиновеніи Рѣчи-Посполитой.

Потомъ онъ ухватился за рукоятъ своей сабли, и подбѣжавъ въ Дорошенку, скороговоркою произнесъ:

— Казакъ! вотъ эту саблю нашъ татарскій ханъ будетъ вамъ мстить, если вы не будете постоянны и не сдержите вѣрности и послушанія королю.

Любомирскій сказалъ, чтобъ казаки прислали съ своей стороны къ великому гетману для заключенія договора. Самъ онъ тотчасъ уѣхалъ въ главному войску.

Тѣмъ временемъ Шереметевъ, не зная ничего, что дѣлается въ лагерѣ казацкомъ, и получивши черезъ казака Мороза извѣстіе отъ Хмельницкаго, четырнадцатаго октября двинулся далѣе въ путь по направленію къ Пятку. Но только-что прошли московскіе люди съ версту или немного болѣе, какъ увидали, что поляки уже подѣлали шанцы и поставили своихъ копѣйщиковъ, которые, искусными и ловкими движеніями, не разъ были опасны московскимъ пососныимъ людямъ, недавно взятымъ отъ сохи. Русскіе безстрашно шли на нихъ. Но тутъ ударили на нихъ сзади и съ боковъ—съ трехъ сторонъ. Русскіе отбивались, пробивались и сохраняли все свое желѣзное упорство, непоколебимое хладнокровіе, презрѣніе къ смерти;—подъ выстрѣлами, посылаемыми въ нимъ со всѣхъ сторонъ, они силились достигнуть цѣли—соединенія съ казаками. Тяжелъ былъ имъ каждый шагъ. На пути имъ была разоренная деревушка. Тамъ былъ прудъ. Плотина была прорвана. Вода разливалась по лугу. Мостовъ не было. Грязь была до того велика, что нельзя было двинуться и одной телѣгѣ, не только цѣлому обозу. Въ этомъ-то мѣстѣ приударили на нихъ поляки дружнѣе и сильнѣе. Русскій обозъ началъ сходить съ дороги вправо, къ лѣсу, чтобы идти суше, но тутъ появились татары; заиграла султанская музыка, говоритъ очевидецъ, называя такимъ образомъ дикій крикъ и гнѣвъ орды. Татары пустили на московскую рать градомъ свои стрѣлы. Русскіе старались добраться до лѣса, гдѣ думали уврѣпиться снова подъ его защитою. Но польскіе копѣйщики бросились съ своими длинными копьями и такъ поражали русскихъ, что прокалывали однимъ копьемъ разомъ двухъ и трехъ; изъ пу-

шекъ и ружьевъ палили поляки въ московскій обозъ со всѣхъ сторонъ; русскіе отвѣчали горячо и неустрашимо, и, говорить очевидецъ, еще не случалось видѣть такого густого огненнаго дождя. Поляки прорвали обозъ, таскали возы, брали пушки, уносили знамена. Татары понеслись вслѣдъ за поляками, какъ вѣроны на добычу, и стали грабить, что попало. Русскіе собрали послѣднія силы и выбили изъ своего обоза непріятеля. Уже часть обоза ихъ была оторвана, но остальная сомкнулась снова, и подъ выстрѣлами польскихъ пушекъ, изъ которыхъ не лѣнился угощать ихъ генераль Вульфъ, достигла опушки лѣса и тамъ стала окапываться. Тогда нѣсколько сотъ казаковъ, вырвались изъ обоза и убѣжали, но ихъ всѣхъ татары истребили.

Татарамъ досталась карета Шереметева, и въ ней набрали они соболей, золота и серебра вдоволь.

Поляки могли сказать, что побѣдили непріятеля, но эта побѣда обошлась имъ черезъ-чуръ дорого: много они потеряли своихъ людей, а еще болѣе лошадей, такъ что, не смотря на всѣ выгоды, которыя обстоятельства войны представляютъ для ихъ страны, не легко будетъ сломить желѣзное упорство и стойкость царскаго войска. Поляки отправили къ Пятку отрядъ подъ начальствомъ князя Константина Вишневецкаго, перерѣзать впередъ путь отступающему непріятелю.

Хмельницкій слышалъ громъ орудій, когда происходила битва. Послѣ послыши Дорошенка въ обозѣ казацкомъ все еще колебались, и гетманъ не зналъ, на что рѣшиться. Но когда достигло туда извѣстіе, что московское войско разбито, и находится въ безвыходной осадѣ, тогда казаки увидали, что поляки одолѣли, и мириться съ ними неизбѣжно. Они послали комиссаровъ для заключенія договора въ польскій обозъ подъ Чудновымъ.

Когда казацкіе комиссары явились, паны спросили ихъ: — «Что за причина, что вы, казаки, послѣ гадячскаго договора прибѣгли опять къ Москвѣ?»

— Казаки, отвѣчали комиссары, стали недовольны гадяцкими статьями потому, что еро милость король далъ шляхетское достоинство только нѣкоторымъ, а другимъ не далъ; оттого послѣдніе стали досадовать за такую неровность между своими побратимцами, что одни будутъ шляхтичами, а другіе не будутъ, и такъ, на злость другимъ, многіе и отдались москалямъ.

— Это показываетъ, сказали имъ, что княжество русское противно правамъ казацкимъ и свободѣ; поэтому мы оставимъ вамъ всѣ вольности, какъ слѣдуетъ по гадяцкому положенію, а русское княжество уничтожимъ; все войско запорожское и городское украинское приметъ снова гадяцскій договоръ, и будетъ его

держаться, отъ москалей отречется на вѣки и будетъ готово идти на войну; куда пошлетъ его милость король.

Оставить гадячскій договоръ, уничтожить русское княжество значило уничтожить всю сущность гадячскаго договора. Полякамъ несносно было это русское княжество, а на все прочее они легче могли согласиться, такъ какъ все прочее, безъ русскаго княжества, не давало Украинѣ вида самостоятельнаго государства, федеративно связаннаго съ Польшею, а ставило казаковъ въ положеніе одного изъ видовъ войска польской Рѣчи-Посполитой.

— Его милость панъ гетманъ Юрій Хмельницкій, сказали комиссары, не думалъ вовсе отпадать отъ короля, но если случилось, что нарушенъ былъ гадячскій договоръ, то это сдѣлалось не оттого, чтобы онъ и мы всѣ не вѣрили его милости королю, и не желали ему добра, а оттого, что москали сильно напали на насъ. Гетманъ нашъ все-таки не подавалъ руки врагамъ короля, и пришелъ сюда не затѣмъ, чтобы помогать москалю, да и не подалъ ему никакой помощи, а послалъ насъ принести увѣреніе въ своемъ послушаніи и вѣрности королю.

Имъ отвѣчали: — Ихъ милости паны гетманы принимаютъ съ признательностію такія чувствованія пана гетмана».

Комиссары со стороны польской были: брацлавскій воевода князь Михаилъ Чарторыскскій, стольникъ сендомирскій Шомовскій, хорунжій коронный Янъ Собѣскій, и хорунжій львовскій. Семнадцатаго октября былъ составленъ новый договоръ. Гетманы утверждали прежній, гадячскій, исключая всѣхъ мѣстъ, которыя относятся къ русскому княжеству; признано было обоюдно, что русское княжество оказывается мало нужнымъ для казацкихъ вольностей и не служить для прочнаго вѣчнаго мира, а потому оно уничтожалось, а казацкій гетманъ обязывался отослать королю пункты, относящіеся до этого предмета для уничтоженія. Гетманъ казацкій со всѣмъ войскомъ отрекался отъ подданства царю московскому и обязывался обратить оружіе вмѣстѣ съ поляками на пораженіе Шереметева, а впередъ не принимать никакихъ покровительствъ, кромѣ королевскаго. Съ своей стороны польскіе гетманы объявляли прощеніе Цыцурѣ, если онъ оставитъ Шереметева, когда ему приважетъ казацкій гетманъ, его непосредственный начальникъ; также точно полки Нѣжинскій и Черниговскій, которые находятся на московской сторонѣ, должны были отстать отъ нея по приказанію гетмана, а если они не послушаютъ этого приказанія, то казацкій гетманъ будетъ дѣйствовать противъ нихъ какъ противъ непріятелей. Равнымъ образомъ гетманъ обязывался укро-

щать оружіемъ всякое волненіе, которое бы произошло въ Украинѣ или Запорожьи противъ казацкаго договора съ поляками. Положено было плѣнныхъ польскихъ отпустить, и казаки не должны будутъ беспокоить владѣнія крымскаго хана, какъ союзника Рѣчи-Посполитой.

Послѣ составленія и подписи договора послали въ казацкій таборъ двухъ пановъ, князя Константина Вишневецкаго и стольника сендомирскаго Шомовскаго для приведенія къ присягѣ казаковъ. Хмельницкій, 18 октября, прибылъ въ польскій лагерь подъ Чудновымъ.

Его приняли отлично, со знаками уваженія. Гетманы польскіе и Любомирскій пригласили его къ себѣ въ шатеръ; тамъ онъ и ночевалъ у нихъ.

На другой день спокойно и безъ споровъ совершилась обоюдная присяга. Сначала присягнули оба гетмана коротко соблюдать договоры, поставленные коммисією гадячской 6-го сентября 1658 г., и на коммисіи чудновской, 1660 г. 17 октября.

Гетманъ Юрій Хмельницкій въ присягѣ своей обѣщалъ со всѣмъ войскомъ запорожскимъ, отъ старыхъ до меньшихъ, быть въ послушаніи у короля, отречься отъ всѣхъ постороннихъ протевцій, особенно же отъ царя московскаго, не поднимать ружь противъ Рѣчи-Посполитой, не имѣть сношеній съ посторонними государствами, не принимать ни откуда, не отправлять никуда посольствъ безъ вѣдома короля, и быть готовымъ идти на войну противъ всякаго непріятели Рѣчи-Посполитой. Въ добавокъ онъ обѣщалъ усмирять оружіемъ всѣхъ, кто будетъ поднимать бунтъ въ войскѣ запорожскомъ.

Послѣ совершенія обоюдной присяги, Хмельницкаго пригласили на пиръ; веселились вдоволь, пѣли: «Тебе Бога хвалимъ»; играла музыка, палили изъ пушекъ, пили взаимно здоровье и увѣряли другъ друга въ непоколебимой дружбѣ и братствѣ. Послѣ обѣда, окончившагося уже вечеромъ, Хмельницкій послалъ приказаніе Цыцурѣ отступить отъ москалей и присоединиться къ полякамъ.

— Я прошу вашихъ милостей, сказалъ Хмельницкій, обратившись къ польскому гетману, пусть будетъ безопасенъ нашимъ казакамъ переходъ къ королевскому войску, чтобъ татары не напали на вѣрныхъ его величеству королю казаковъ.

Предводители обѣщали разставить польскіе отряды, чтобъ казаки изъ московскаго обоза могли перейти къ полякамъ безпрепятственно отъ своевольной орды. Нураддинъ за свою орду поручился, что казаки будутъ цѣлы.

Цыпура, когда получилъ это извѣстіе, не показалъ его всему

казацкому войску, можетъ быть потому, что тогда бы узнали московскіе люди и стали мѣшать свободному переходу казаковъ, можетъ быть и потому, что ожидалъ отъ простыхъ казаковъ сопротивленія. Онъ промедлилъ одинъ день. 21 октября ему данъ былъ знакъ: выставленъ былъ бунчукъ Хмельницкаго. Тогда Цыпура взялъ свою хоругвь и вышелъ изъ обоза. За нимъ послѣдовало до двухъ тысячъ казаковъ. Тотчасъ же орда, увидѣвъ это, обратилась на нихъ, но тутъ поляки, посланные для обороны казаковъ, стали представлять, что султанъ Нурадинъ поручился за цѣлость казаковъ. Татары, обыкновенно мало послушные въ такихъ случаяхъ, не хотѣли знать этого и начали бить казаковъ; нѣсколько поляковъ, хотѣвшихъ обороняться, были задѣты татарскимъ оружіемъ. Погибло до двухъ сотъ казаковъ. Иные были захвачены въ плѣнъ татарами. Тогда нѣкоторые, видя, что ихъ бьютъ, вмѣсто того, чтобы принимать дружелюбно, повернули назадъ въ московскій обозъ. Только Цыпура съ небольшою горстью своихъ успѣлъ достигнуть польскаго обоза.

VI.

Въ это время московское войско приходило въ крайне отчаянное положеніе. Обозъ былъ со всѣхъ сторонъ окруженъ врагами; они сдѣлали околѣ него валъ, поставили на валъ пушки и палили безпрестанно. Не было выхода для пастбища лошадей; вонь отъ людскихъ и конскихъ труповъ заразила воздухъ до того, что на далекомъ пространствѣ нельзя было не затыкать носа. Не ставало запасовъ, не ставало пороха, и тотъ, какой былъ, отсырѣлъ. Дожди лили какъ изъ ведра день и ночь, въ обозѣ грязь и навозъ повыше колѣнъ, людямъ негдѣ было ни лечь, ни укрыться отъ ненастья и отъ польскихъ пуль и ядеръ. Положеніе московскихъ людей было выше всякаго человѣческаго терпѣнія.

Двадцать-шестого октября, явился въ польскій обозъ изъ московскаго думный человѣкъ, Иванъ Павловичъ Акинѣевъ. Онъ былъ, видно, человѣкъ по-тогдашнему образованный и риторъ. Допущенный къ гетману, онъ говорилъ:

— Заклучимъ, поляки, миръ на взаимныхъ условіяхъ для блага обоихъ народовъ, и русскаго и польскаго; мы происходимъ отъ одного племени, какъ вѣтви отъ одного ствола, говоримъ сходными языками, похожи другъ на друга и по одеждѣ и по нраву; притомъ же мы сосѣди и христіане, искупленные кровію Христовою. Божіе правосудіе покарало насъ: вотъ уже много лѣтъ

мы васъ воюемъ, а вы насъ. Сіе прискорбно ангеламъ Божиимъ, и пріятно врагамъ душъ и тѣлесъ нашихъ. Если бы двѣ руки, вмѣсто того, чтобы ловить волка, стали бы терзать одна другую, то все тѣло досталось бы звѣрю. Такъ и мы, христіане, между собою ссоримся и отдаемъ тѣло Христова народа магометанамъ. А когда бы мы соединенными силами ополчились на врага св. Креста, то освободили бы святую землю, орошенную кровію Христовою, и исполненную всѣхъ утѣхъ Асію, и весь свѣтъ бы себѣ покорили и истребили бы нечестивое сѣмя агарянское.

Ораторъ поправился полякамъ. Онъ свелъ рѣчь на казаковъ и сказалъ такъ:

— Теперь уже и самимъ намъ явно, что казаки есть причина несчастій нашихъ и толикаго кровопролитія. Да будетъ проклято самое имя ихъ, ибо они призывали то насъ противъ васъ, то васъ противъ насъ, — и вамъ и намъ измѣняютъ и въ то же время продаютъ себя инымъ государямъ: и турецкому, и угорскому, и шведскому, и, я думаю, они самому аду продали бы себя, если бы на нихъ явился покушникомъ дьяволъ, ему же они уже и таѣ себя записали.

Иванъ Павловичъ приглашалъ поляковъ разорвать союзъ съ татарами и заключить съ Москвою; доказывалъ невыгоды и непрочность дружбы съ невѣрными, изъявлялъ готовность отступить отъ Украины и выдать всѣхъ казаковъ, которые находятся въ московскомъ войскѣ.

Ему отвѣчали: — «Пусть бояре вышлютъ на переговоры комиссаровъ, а мы вышлемъ своихъ.»

Съ московской стороны выбраны были комиссарами князь Щербатовъ, князь Козловскій, и думный дворянинъ Иванъ Павловичъ Акиноіевъ. Съ польской — воевода бѣльскій князь Дмитрій Вишневецкій, воевода черниговскій Бенѣвскій, подкоморій кievскій Немиричъ и Шомовскій, стольникъ сандомирскій. Отъ татаръ двое мурзъ.

Нѣсколько дней однако прошло въ переговорахъ. 29 октября, съѣхались комиссары и разъѣхались. Такая же неудачная сходка послѣдовала 30 октября. Татары не хотѣли какъ будто вовсе мириться съ Москвою.

Московскимъ людямъ блеснула надежда. Извѣстіе пришло, что Барятинскій съ войскомъ, находящимся въ Кіевѣ, выступилъ на выручку Шереметева. Скоро однако надежда эта исчезла. Барятинскій дошелъ до Брусилова; жители не пустили его и встрѣтили выстрѣлами, а поляки въ пору узнали о Барятинскомъ и послали противъ него отрядъ, которому, однако, не пришлось

биться съ Бяратинскимъ. Послѣдній воротился въ Кіевъ. Впрочемъ у Бяратинскаго было такъ мало войска, что онъ не могъ выручить осажденныхъ. Шереметеву не было исхода: приходилось согласиться на то, что оставляетъ побѣдитель. Когда сходились комиссары, польскіе обращались съ московскими высокоумѣнно. Изъ московскихъ комиссаровъ князь Щербатовъ говорилъ очень униженно: — «Мы просимъ васъ оказать по-христіански милосердіе, ради Христа.» Козловскій не принялъ участія въ этой просьбѣ. Онъ молчалъ съ суровымъ лицомъ, и не боялся раздражать побѣдителей своею благородною выдержкою.

Бенѣвскій говорилъ имъ нравоученія въ такомъ тонѣ:

— Видите, ваши милости, какъ Богъ караетъ несправедливую войну и вѣроломно нарушенный договоръ. Благодарите Бога, что напали на такой великодушный народъ, какъ мы, поляки. Другіе вамъ не простили бы этого.

Московскіе комиссары спросили: на какихъ условіяхъ можетъ быть освобождено московское войско изъ осады? Бенѣвскій сказалъ:

— Хотя бы вы цѣлый адъ призвали себѣ на помощь, и тогда не вырвались бы изъ нашихъ рукъ. Остается вамъ одно: отдаться на милосердіе вашихъ побѣдителей. По обычной милости наяснѣйшаго короля, вамъ даруется жизнь и свободное возвращеніе, но безъ оружія; вы должны отступить отъ казаковъ и вывести московское войско изъ украинскихъ городовъ.

Такое требованіе было выше правъ, какія были у Шереметева. Отказаться отъ цѣлой страны не могъ полководецъ. Но некуда было дѣться московскимъ людямъ: они должны были согласиться на все. Они только выпросили, чтобы побѣдители имъ дозволили взять ручное оружіе. Договоръ былъ составленъ и подписанъ съ обѣихъ сторонъ въ такомъ смыслѣ: московскіе люди всѣмъ таборомъ могутъ выйти и положить оружіе; войска царскія должны выступить изъ городовъ малорусскихъ: Кіева, Чернигова, Нѣжина, Переяславля, и не оставаться отнюдь ни въ одномъ мѣстѣ. Всѣ они должны идти въ Путивль, а пока они не выйдутъ, Шереметевъ со всѣми начальствующими лицами, въ числѣ трехъ сотъ человекъ, должны оставаться заложниками въ польскомъ лагерѣ. Все войско московское должно также до этого времени оставаться въ кіевскомъ воеводствѣ около Котельны въ мѣстахъ, какія укажутъ предводители. Шереметевъ и начальники должны, сверхъ того, присягнуть, что и послѣ ихъ отпуска не будутъ оставаться въ малорусской землѣ. Казаковъ московскіе предводители должны оставить совершенно, и находящіеся въ московскомъ лагерѣ казаки должны выйти, положить оружіе и

знамена въ ногамъ польскихъ гетмановъ, и съ тѣхъ поръ находиться въ ихъ распоряженіи, какъ подданные Польши. Послѣ выхода всѣхъ московскихъ войскъ изъ малорусскихъ городовъ, московскимъ людямъ отдается ихъ ручное оружіе, т. е. ружья, мушкеты, пистолеты, карабины, сабли, запалы, протазаны, алебарды, бердыши и топорки; все это повезется за ними до прежней коронной границы и отдастся московскимъ войскамъ подъ Путивлемъ, а пушки останутся побѣдителямъ. При отпускѣ военно-плѣнныхъ въ отечество, поляки обязывались ихъ не грабить, не побивать, въ плѣнъ не брать, и не дѣлать имъ тѣсноты и безчестья.

Шереметевъ написалъ въ Барятинскому въ Кіевъ письмо, извѣщалъ о происшедшемъ, и требовалъ, чтобы Барятинскій выступилъ изъ Кіева, оставивъ нарядъ въ городѣ. Въ концѣ своего письма Шереметевъ приписалъ собственною рукою: «Крѣпокъ Кіевъ былъ Юріемъ Хмельницкимъ и казаками, а они отступили; теперь города не крѣпки будутъ; можно людей потерять.»

Шереметевъ смотрѣлъ на дѣло такъ, что нечего болѣе добиваться московскому правительству удерживать Малую Русь, когда туземцы показали нежеланіе оставаться подъ властію царя. Но писарь Хмельницкаго, Семенъ Голуховскій, еще до сдачи Шереметева, тайкомъ прислалъ товарищу Барятинскаго Чаодаеву письмо, въ иномъ смыслѣ:

«Хотя я съ паномъ гетманомъ — писалъ онъ — и при-сканулъ королю, но поневолѣ; а я помню присягу его царскому величеству и милости царскія. Пѣшихъ и конныхъ поляковъ 30,000, орды 40,000: пану Шереметеву нельзя вырваться. Его обозъ кругомъ осыпали валомъ. Ради Бога, ваша милость, постарайтесь, чтобы скорѣе ратные люди его царскаго величества были присланы на Украину, ибо непріятель думаетъ посягать на всю нашу землю; пусть царскіе люди по городамъ будутъ осторожны и не вѣрять никому по присягѣ, чтобы не сдѣлали того, что Цыцура, который, по-старому, ляхамъ переданъ. Остерегайтесь, а меня не выдавайте; запасайтесь всякою живностію и не вѣрьте прелестнымъ листамъ, хотя и въ вашей милости писаннымъ.»

Барятинскій изъ этого письма могъ заключить, что въ Малой-Руси еще не все безнадежно потеряно, и что казаки могутъ еще служить царю. Барятинскій не послушалъ Шереметева. Онъ говорилъ:

— Мнѣ царь даетъ указы, а не Шереметевъ.

Татары заартачились. Султанъ созвалъ къ себѣ мурзу. — Что намъ дѣлать? Спрашивалъ онъ. Поляки съ Москвою мирятся. И

намъ развѣ мириться? — Мурзы въ одинъ голосъ сказали: — «Если поляки мирятся съ Мосевою, значить они отступаютъ отъ братства съ ордою.» — Султанъ поѣхалъ въ польскій лагерь и объявилъ, что онъ не согласенъ.

— Какъ можно выпускать Москву — говорилъ онъ — когда она почти въ неволѣ, чуть-чуть-жива, чуть панцири на плечахъ на нихъ держатся, чуть оружіе носить.

Предводители успокоили его нѣсколько доказательствами и, главное, подарками. — Прошло послѣ того еще два дня. Польскіе предводители старались какъ нибудь устроить примиреніе московскихъ предводителей съ татарами. Шереметевъ предложилъ татарамъ выдать всѣхъ казаковъ, которые оставались еще въ обозѣ московскомъ. Московскіе люди злились на казаковъ болѣе, чѣмъ татары. 3 ноября (23 октября ст. ст.), московскіе люди начали выгонять изъ своего обоза казаковъ безоружныхъ. Татары бросились на нихъ и неистовствовали надъ ними; однихъ били, другихъ ловили арканами. Казаки бросались назадъ въ обозъ, но московскіе люди начали палить на нихъ и помогали своему неприятелю. — «Это было (говорить современникъ) настоящее подобіе охоты или скорѣе рыбной ловли. Московскіе люди бѣгали съ криками и арканами, ловили малоруссовъ и продавали татарамъ. Малоруссы были тогда очень дешевы. Голодный московскій человѣкъ, поймавши казака, отдавалъ его татарину за кусокъ хлѣба, за горсть соли или муки, или за одно яблоко. Татары поступали съ казаками по произволу: однихъ связывали и вели въ неволю, другихъ убивали для забавы.»

На другой день, въ четвергъ, 4 ноября (24 окт. ст. ст.), московскіе люди, полагаясь на договоръ и на честь своихъ побѣдителей, отворили сами обозъ, и чахлые, голодные, похожіе больше на привидѣнія, чѣмъ живыхъ людей, стали выходить изъ окоповъ и должны были отдавать оружіе. Коммиссары выѣхали къ нимъ. Немирить, на прекрасномъ конѣ въ богатомъ нарядѣ, изображалъ лицо короля Яна Казимира. Русскіе должны были бросать въ ногамъ его свои алебарды, протазаны, ружья, мечи, топоры, бердыши, знамена и барабаны. Другіе коммиссары съ офицерами вошли въ московскій обозъ и увозили изъ него пушки. — Отдавайте эти орудія намъ, побѣдителямъ, когда не умѣли ими защититься отъ насъ, говорили имъ насмѣшливо поляки. — Шереметевъ съ воеводами явился къ гетманамъ. Они приняли великодушно побѣжденныхъ и пригласили къ столу. Шереметевъ ничего не ѣлъ, и выпилъ только полрюмки вина. Когда зашла рѣчь о казакахъ, бояринъ вспыхнулъ и сказалъ: — Проклятое отродье! истинные дьяволы! они меня погубили и продали: сами въ бѣду ввели и въ бѣдѣ измѣ-

нили. Заведутъ въ пропасть, да потомъ и смѣются! Всему виною Цыпура. Я хотѣлъ въ Кіевѣ оставаться, да послушалъ его и погубилъ царское войско. Я уже два года сидѣлъ въ Кіевѣ, какъ войско наше было въ Украинѣ, и видѣлъ ихъ измѣну и хотѣлъ идти въ столицѣ, — видѣлъ, что мнѣ не отсидѣться между вами и черкасами, а Цыпура бунтовщикъ меня удерживалъ. Онъ и вамъ зла много надѣлалъ. Возьмите у него душу; хоть бы у него было сто душъ, всё у него отнимите! — Поляки любовались печальнымъ расположеніемъ духа и отчаяніемъ побѣжденнаго московскаго вождя. «Вотъ онъ — говорили они — вотъ тотъ, кто чуть съ неба не прыгалъ; теперь смотрите, какъ присмирѣлъ.» Этого не могли они сказать о князѣ Козловскомъ. Онъ хранилъ молчаніе и своею благородною суровостью внушилъ въ себѣ уваженіе.

Татары недовольны были тѣмъ, что имъ только отдали казаковъ. Опять стала роптать вся орда Нураддинова. — У насъ — кричали татары — добыча пропадаетъ! Поляки милостивѣе къ врагамъ своимъ, москалямъ; за столько трудовъ, за столько страданій, за столько крови хоть бы обозъ московскій дали облупить, хоть бы если не соболинныя, такъ овечьи мѣха нашли бы мы тамъ: все-таки было бы чѣмъ отъ холода прикрыться. — Мурзы пришли къ польскимъ предводителямъ и говорили:

— Отдайте намъ обозъ московскій, а не то султанъ Нурадинъ напишетъ къ султану Калгѣ; у него тридцать тысячъ людей, а стоитъ онъ на границѣ Польши.

Гетманы старались умѣрить требованія Нураддина, а между тѣмъ послали пять сотъ человѣкъ нѣмецкой пѣхоты на стражу въ московскій обозъ на ночь, на случай нападенія татаръ.

Но тутъ между польскими жолнѣрами возникъ ропоть. — Какая же теперь награда за наши труды, раны, голодь и нужды? кричали они; нѣтъ ничего! Мы надѣялись, что, по крайности, намъ отдадутъ московскій обозъ.

Предводители собрали совѣтъ:

— Намъ — говорили они — во что бы то ни стало надобно охранить московскій обозъ отъ татарскаго и всякаго нападенія. Помните, что сдѣлалось съ седмиградскимъ войскомъ Ракочи подъ Чернымъ Островомъ. Оно отдалось полякамъ на милость; а потомъ татары взяли всёхъ въ неволю. Это большое безчестіе польской націи. Смотрите, чтобы и теперь того же не случилось. Мы отобрали у Москвы оружіе, будетъ подло отдать ихъ безоружными на рѣзню татарамъ. Изъ христіанскаго состраданія, по правиламъ чести мы должны охранять ихъ и проводить въ безопасное мѣсто. — Другіе возражали: — Несправедливо и

жалко оскорблять орду. Татары всегда готовы подать намъ помощь въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ. Въ продолженіе шести лѣтъ войны, они были безъ хлѣба, безъ крова, безъ жалованья, постоянно сражались противъ враговъ Польши, не взирая на отдаленность пути, на дурныя дороги; не колебали ихъ вѣрности наши военныя неудачи. Терпѣливо они ожидали, что ихъ вознаграждать въ тѣ дни, когда Польша успокоится. И теперь мы ихъ позвали на помощь. Татарину отказать въ грабежѣ и ясырѣ — все равно, что пожалѣть для званнаго гостя хлѣба-соли. Сообразите еще и то, что султанъ Калга можетъ придти и насильно отнять у насъ то, чего мы не хотимъ дать добровольно. Они станутъ съ врагами и начнутъ противъ насъ биться. Непрiятель нашъ даромъ получилъ отъ поляковъ свободу; пусть же онъ ее купитъ у нашихъ союзниковъ.

Послѣднее мнѣніе одержало верхъ. Вѣроятно, поляки услышали, что Барятинскій не думаетъ сдавать Кіева, а слѣдовательно, условіе не исполнялось, и поляки имѣли предлогъ считать себя не связанными, договоръ же не состоявшимся. Послали къ татарамъ сказать, что московскій обозъ отдается имъ на волю.

Татары бросились со всѣхъ сторонъ на московскій обозъ. Стража, поставленная прежде для охраненія его, получила приказаніе отступить. Началось всеобщее разграбленіе и убійство безоружныхъ. Напрасно ратные люди бросались къ ногамъ татаръ и просили пощады. Татары гнали ихъ въ неволю, а тѣхъ, которые оказывали какое нибудь сопротивленіе, убивали. Поляки смотрѣли на эту сцену. Польскій историкъ говоритъ, что имъ жалъ было русскихъ. На другой день татары потребовали Шереметева.

Шереметева отдали Нураддину. Его заковали и отправили въ Крымъ. Онъ сидѣлъ три мѣсяца въ оковахъ, и наконецъ, по просьбѣ своего шеферкази ханъ приказалъ его расковать. Несчастный бояринъ пробылъ въ татарской землѣ двадцать два года. Щербатова, Козловскаго и Акинфіева повезли въ Польшу показать королю. Когда ихъ привезли и представили, имъ приказывали стать предъ польскимъ королемъ на колѣни. Козловскій не согласился на такое униженіе, и поляки толкнули его въ затылокъ, чтобъ онъ упалъ. — Вотъ — говорили они тогда — не хотѣлъ преклонить колѣна, такъ ступнулъ лбомъ. — Козловскій всталъ, оправился, принялъ спокойный и благородный видъ, не говорилъ дерзостей, какъ князь Семень Пожарскій хану, подъ Конотопомъ, но и не унижался предъ иноземнымъ государемъ, врагомъ своего государя.

Н. Бостомаровъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ТЫСЯЧА-ВОСЕМЬСОТЪ-ВТОРОЙ-ГОДЪ

ВЪ

ГРУЗИИ

IV *).

Городской домъ грузина. — Увеселенія и праздники: рождество, новый годъ, масляница, вичава и пасха. — Храмовые праздники и присутствіе на нихъ порочныхъ. — Гадальщицы и знахарки.

Городской домъ грузина нѣсколько отличается отъ знакомаго намъ деревенскаго дома въ Грузіи. Почти каждый имѣетъ балконъ съ деревяннымъ навѣсомъ и огражденъ съ улицы заборомъ. Со всѣхъ же прочихъ сторонъ къ нему плотно пристроиваются дома сосѣдей, различнаго вида и величины; здѣсь также, какъ и въ деревняхъ, нѣтъ никакого однообразія. Небольшія ворота ведутъ на дворъ, весьма рѣдко вымощенный булыжникомъ. Отъ воротъ до самаго дома тянется крытая галлерей, часто до такой степени низкая, что по ней можно пройти только согнувшись. Самое жильё состоитъ изъ одного покоя, столь обширнаго, что изъ него можно было бы сдѣлать нѣсколько комнатъ съ заломъ. Полъ — или земляной, или выложенный кирпичемъ; потолокъ составляютъ или неотесанные брусья или выструганныя доски. Для согрѣванія устроенъ каминъ (бухари), имѣющій большое отверстіе безъ рѣшетки. Вытѣлвиваемый вѣтромъ, дымъ стелется по всей комнатѣ. Въ

---

*) См. выше, стр. 9—52.

комнатѣ подѣланы ниши; будучи прикрыты дверями, онѣ образуютъ шкафы. Вдоль стѣнъ стоятъ низкіе диваны (тахта), покрытые разноцвѣтными коврами. На стѣнахъ висятъ: бубенъ (дайра) и другіе музыкальные инструменты; тутъ же винтовка съ патронташемъ и пороховницаю.

Подъ домомъ устроено темный, съ однимъ отверстіемъ, погребъ, въ которомъ хранятся всѣ съѣстные припасы; сюда лѣтомъ ставятъ воду для прохлады всего жилья.

О переднихъ не имѣютъ и понятія: входныя двери ведутъ прямо въ жилую комнату. Для предохраненія отъ наружнаго холода дверь завѣшиваютъ полостями. Тамъ, гдѣ въ домѣ нѣтъ камина, употребляютъ желѣзную или глиняную жаровню (мангалъ), наполненную угольями и причиняющую очень часто угаръ.

Грузинъ рѣдко сидитъ дома; съ раннаго утра онъ почти всегда уходитъ «въ городъ». По походкѣ и одеждѣ можно сказать, къ какому сословію принадлежитъ грузинъ. Серебряная цѣпочка на груди, крашенные усы и шпоры, составляютъ принадлежность истаго азнаура (дворянина). Цѣпочка массивнѣе, шпоры иногда всѣ серебрянныя — составляютъ принадлежность товади (князя). Грузинъ, принадлежащій къ низшему сословію, при встрѣчѣ съ высшимъ считаетъ невѣжливымъ поклониться первому; онъ ждетъ пока не поклонится ему первымъ князь. Усы въ особенномъ почетѣ у всѣхъ грузинъ. Ихъ привязанность къ усамъ доводитъ иногда до оригинальныхъ случаевъ, весьма хорошо характеризующихъ народный характеръ.

Дѣла днемъ остаются только одни женщины. Грузинки занимаются своимъ туалетомъ и разнощиками (далали), которые таскаютъ по домамъ принадлежности женскаго туалета. Женщины большія балагурки, не прочь посплетничать и будутъ говорить цѣлый день безъ устали. Они готовы въ тихомолку пококотничать, но весьма далеки отъ какой бы то ни было интриги, будучи связаны разными обстоятельствами; ихъ окружаютъ сосѣдки, которыя замѣчаютъ каждое ихъ движеніе. Въ Грузіи не принято входить въ домъ, когда нѣтъ мужчины; нарушить это правило значитъ подвергнуть грузинѣу укорамъ и насмѣшкамъ всѣхъ сосѣдей и знакомыхъ.

Вечеромъ, все населеніе выходитъ изъ саклей и бѣрами располагается или у дверей, или на крышахъ домовъ. Тамъ и сямъ въ лѣтнюю пору видны полураздѣтые туземцы, нѣжащіеся на воярахъ. Среди толковъ, сплетенъ и пересудъ, разряженные дѣвушки, собравшись въ вужовъ, при звукѣ бубна, пляшутъ лезгинку. Лѣтомъ ужинаютъ на крышахъ, гдѣ и располагаются спать.

Съ наступленіемъ холодовъ жизнь не многимъ измѣняется. Все семейство собирается подлѣ *курси* (родъ большого ящика изъ рамъ, покрываемаго одѣяломъ), надъ которымъ ставятся жаровни съ угольями. Сюда грузинки прятуютъ свои ноги. Тамъ, гдѣ нѣтъ *курси*, употребляется *мангалъ*, а у бѣдныхъ просто глиняная чашка, наполненная угольемъ. Грѣться у мангала составляетъ особенное наслажденіе для грузина, и есть своего рода занятіе. Проводить ли туземецъ время въ разговорахъ, занимается ли дѣломъ, онъ, отъ времени до времени, протягиваетъ руки къ мангалу, чтобы погрѣть ихъ. Мангалъ употребляютъ для плавки серебра, онъ же служитъ и очагомъ для жаренія шашлыка. Чадъ отъ угольевъ не причиняетъ головной боли его владѣтелямъ, привыкшимъ къ такому кейфу.

Характеръ грузина высказывается въ праздники. Избалованный роскошною природою, воздухомъ, наполненнымъ ароматомъ цвѣтовъ, туземецъ выбираетъ мѣстность для пира гдѣ нибудь подъ открытымъ небомъ, въ обширныхъ садахъ, подъ сплошною тѣнью фруктовыхъ деревьевъ или въ виноградныхъ бесѣдкахъ, построенныхъ надъ водою въ виду горъ. Какъ полный хозяинъ разнообразной природы, онъ требуетъ, чтобы и вода журчала, и птички пѣли, и съ горъ дышалъ пахучій вѣтерокъ.

Собравшіеся на праздникъ садятся въ кружокъ, на коврахъ; передъ ними разстилаютъ скатерть (супру), на которую выставляется все, что только есть лучшаго у хозяина. Гости сидятъ, или поджавъ подъ себя ноги или полулежа; у каждаго подъ головой мѣтака ¹⁾. Вокругъ разложены цвѣты, ароматическія травы; корзины наполнены фруктами, а на верху ихъ красуется хитро связанный букетъ цвѣтовъ на трехъ ножкахъ. Грузинъ не любитъ пировать дома въ воннатѣ. Часто въ глубокую полночь, пирующие выходятъ на улицу и, разославъ посреди ея скатерть, продолжаютъ кутежъ. Въ праздникъ грузинъ одѣвается щеголевато; любитъ въ компаніи и съ туземною музыкою пройти по базару, посмотреть или самому участвовать на кулачномъ бою. Кулачные бои бываютъ цѣлыми партіями на двѣ стороны. Въ городѣ всегда есть бойцы, извѣстные своею силою и ловкостію. Босые, въ однихъ рубашкахъ съ засученными рукавами, бойцы выступаютъ на арену, окруженную толпою любопытныхъ. Двое-трое дюжихъ мужчинъ ходятъ съ палками, отгоняя зѣваевъ, нарушающихъ порядокъ. Борцы долго кружатся другъ около друга, и наконецъ дѣло завязывается; они переплетаются руками, и послѣ долгихъ усилій болѣе ловкій беретъ

¹⁾ Продолговатая подушка.

верхъ. Охвативъ руками противника, онъ сжимаетъ его или, ловко подставивъ спину и перекинувъ черезъ плечо, растагиваетъ на землѣ; по воскресеньямъ грузины играли въ «*кривы*».

Слово *кривы* означаетъ на грузинскомъ языкѣ драку и сраженіе. Игравшіе раздѣлялись на двѣ стороны. Лѣтомъ это былъ просто кулачный бой (муштись-кривы), происходившій непременно въ улицахъ, а зимою вмѣсто кулаковъ употреблялись пращи и деревянные сабли. Зимнее сраженіе всегда происходило за городомъ и называлось *сардатисъ-кривы* или *каистъ-кривы*.

Кривы имѣло свой уставъ, освященный народнымъ обычаемъ. Отбитое оружіе, кушакъ, шапка, бурка считались законною добычею.

Кривы происходило всегда при огромномъ стеченіи народа и привлекало множество молодежи. Въ глазахъ грузинской женщины, юноша, прославившійся на кривы, пріобрѣталъ особенную прелесть; оттого всѣ юноши слѣзили на кривы, и она была всегда многочисленна по числу участниковъ игры ¹⁾.

При двухъ-стороннемъ боѣ, драку начинаютъ мальчики, потомъ взрослые, но не такъ опытные, и затѣмъ уже идутъ самыя отчаянныя бойцы. Сбивши противника, побѣдитель топчетъ его ногами до тѣхъ поръ, пока его не выручитъ противная партія. Сторона, показавшая тылъ, преслѣдуется на значительное разстояніе, и бой прекращается только передъ вечеромъ. Любители кулачнаго боя дарятъ деньги лучшимъ бойцамъ.

Вообще борьба составляетъ самую лучшую потѣху для грузинъ. Въ праздникахъ общихъ, каждая деревня выставляетъ своего бойца; торжество его составляетъ торжество цѣлой деревни. Помѣщики также выдвигали своихъ искусныхъ бойцевъ, съ которыми и ѣздили на праздники.

Сельскіе жители предаются гораздо больше удовольствіямъ, чѣмъ городскіе. Въ праздники все село высыпаетъ на площадь и занимается играми и плясками. Изъ игръ наиболѣе другихъ употребляемая—прыганіе черезъ спину другого.

Для пляски составляются два отдѣльные ряда. Передъ каждымъ находится пѣвецъ и зурна съ барабаномъ. Пѣвецъ поетъ речитативомъ. Сперва на одной сторонѣ пѣвецъ провозглашаетъ куплетъ, и ему тихо повторяетъ его половина, а другая молчитъ; потомъ второй пѣвецъ поетъ съ своею половиною, а первая молчитъ. Посреди двухъ группъ двигается плясунъ. Онъ

¹⁾ См. Биографію кн. Д. О. Бебутова. 1867 г. стр. 5.—Также Воен. Сборн. 1867 г. № 6 и 7.

идеть сначала медленно и тихо; потомъ, оживляясь все болѣе и болѣе, то присѣдаетъ къ землѣ, то подпрыгиваетъ, то носится въ полусидячемъ положеніи, то перекувырывается или ходитъ довольно долго на рукахъ съ перегнутыми назадъ ногами.

Однимъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ сельскихъ увеселеній являются *перхуми*. Составляется кругъ, причемъ дѣйствующія лица стоятъ другъ около друга съ опущенными руками. Затягиваютъ пѣсни, по содержанію рисующія отношенія грузинъ къ лезгинамъ и подъ звуки этихъ пѣсенъ кругъ медленно подвигается. Вдругъ играющіе сдвигаются плотнѣе, перешлепываются руками и начинаютъ подпрыгивать такъ сильно, «что земля дрожитъ подъ ногами и острые гвозди отъ подковъ глубоко врываются въ землю.»

Кромѣ этихъ общихъ увеселеній, каждый праздникъ, въ особенности годовой, имѣетъ свою особенность, хорошо рисующую характеръ его празднователей.

Утромъ, наканунѣ рождества, грузинки запасаются мѣдными деньгами и прячутъ ихъ подъ *кечу* (войлокъ). Деньги эти назначаются въ подарокъ каждой партіи мальчиковъ, славящихъ Христа. Въ домѣ каждаго грузина печется огромное количество *левашей*, грудю складываемыхъ на *хончахъ* — деревянный подносъ или лотокъ. Съ послѣднимъ закатомъ солнца, каждый домъ освѣщается и передъ образами зажигаются восковыя свѣчи. Толпа мальчиковъ, отъ 10 до 12-лѣтняго возраста, обходитъ каждый домъ и, въ сопровожденіи дьячка, держащаго образъ Божіей Матери, славятъ Христа. Пропѣвъ: «*Рождество твое...*» они поздравляютъ хозяевъ и желаютъ имъ многихъ такихъ же дней. Молодая хозяйка вынимаетъ изъ-подъ *кечи* деньги и даритъ ими мальчиковъ.

Молодые грузины, собравшись также толпою, ходятъ изъ дома въ домъ, славятъ Христа и поздравляютъ хозяевъ съ наступающимъ праздникомъ. Обычай этотъ извѣстенъ подъ именемъ *амло* и сопровождается особою пѣсней, выражающею поздравленіе и просящею въ награду, однажды навсегда опредѣленную часть съ напитковъ и съѣстнаго. Хозяева благодарятъ за поздравленіе, дарятъ поздравителей, и тѣ отправляются въ сосѣднему дому ¹⁾.

Собственно праздникъ рождества не имѣетъ у грузинъ никакихъ особенностей. Почти вся рождественская недѣля праздниковъ служитъ приготовленіемъ къ встрѣчѣ новаго года. Канунъ новаго

¹⁾ Кавк. 1854 г., № 24, 49 и 56. — «Канунъ Рождества и Рождество въ деревнѣ», Изв. Гзелиевъ. Закавказс. Вѣстникъ 1854 года, № 51.

года самый доходный день для торгующихъ сладостями. Каждая хозяйка закупаетъ множество фруктовъ, орѣховъ, изюму, леденцу и меду. Торговцы употребляютъ всѣ ухищренія для того, чтобы заманить къ себѣ щедрыхъ покупателейницъ. Воткнувъ на вонецъ ножа кусокъ сота или зачерпнувъ медъ ложкою, торговецъ вертитъ ихъ надъ головою, бѣгаетъ, прыгаетъ возлѣ лавки, стараясь привлечь къ себѣ покупателей. Другой облизываетъ пальцы, намазанные медомъ, смѣшками, прибаутками выхваляетъ его сладость и тѣмъ заманиваетъ къ себѣ дѣтей съ ихъ матушками. Возвратившись съ базара, хозяйки принимаются за печеніе разныхъ хлѣбовъ. Пекутъ *хлѣбы счастья*, обсыпанные изюмомъ, отдѣльно для каждаго члена семейства; чей хлѣбъ опадетъ, тому умереть непременно въ предстоящемъ году. Пекутъ хлѣбъ *бакила* или *баццла*, одинъ—въ образѣ челоуѣка, въ честь св. Василія Великаго, празднуемаго православною церквію въ день новаго года и называемаго у грузинъ *Баццла*; остальнымъ хлѣбамъ даютъ разную форму: книги, пялецъ, ножницъ или пера, смотря по ремеслу хозяина. Семейство варитъ *гозинахи*—грецкіе или миндальные орѣхи въ меду или сахарѣ—и *авахи*, густо перетопленный медъ. Разложивъ ихъ на нѣсколькихъ *хончахъ*, посылаютъ при встрѣчѣ новаго года къ знакомымъ, съ пожеланіемъ состарѣться въ сладости. Въ отвѣтъ на это получаютъ въ подарокъ яблони, утыканные гвоздикой, леденцы или другія сласти.

Вечеромъ, въ теченіе ночи слышатся повсюду ружейные выстрѣлы—это тѣшится молодежь, провожая старый годъ и встрѣчая новый. Во всѣхъ домахъ растворены двери, чтобы счастье, которое, по вѣрованію грузинъ, разгуливаетъ въ эту ночь по свѣту, не встрѣтило затрудненія войти въ домъ.

Въ самый новый годъ, глава семейства, хозяинъ дома поднимается еще до свѣта. Онъ долженъ прежде всѣхъ посѣтить семейство—такъ заведено изстари, и грузинъ тому слѣдуетъ безпрекословно, вѣря въ то, что, если въ какой нибудь праздникъ нарушить порядокъ, то и въ будущемъ году въ соотвѣтствующій день произойдетъ тоже самое.

На особомъ подносѣ, называемомъ у грузинъ *табла*, онъ уложилъ *хлѣбы счастья*, поставилъ чашку меду и четыре горящія свѣчи, нарочно отлитыя для этого хозяйкою.

— Я вошелъ въ домъ—говоритъ онъ семьѣ, держа въ рукахъ подносъ—да помилуетъ васъ Богъ. Нога моя, — но слѣдъ да будетъ Ангела.

Хозяинъ обходитъ кругомъ комнату съ пожеланіемъ, чтобы новый годъ былъ для него также обилень, какъ тотъ подносъ, который онъ держитъ въ рукахъ.

За хозяиномъ долженъ войти кто нибудь посторонній, и каждое семейство имѣеть завѣтнаго гостя, открывающаго входъ въ жилище, что также, по народному повѣрью, приноситъ особое счастье.

Родственники и знакомые спѣшаютъ другъ къ другу и поздравляютъ съ праздникомъ.

— Да благословитъ васъ Господь Богъ, говоритъ хозяевамъ каждый вошедшій въ домъ. Я пришелъ въ домъ вашъ по стопамъ ангела.

Пришедшаго принимаютъ съ патриархальнымъ радушіемъ; угощаютъ сластями, подчуютъ сладкой водкой и дѣлаютъ подарокъ на счастье. Знакомые, встрѣчаясь на улицахъ, перекресткахъ дорогъ, обнимаются, цѣлуются и наперерывъ другъ передъ другомъ спѣшаютъ достать изъ-за пазухи заранѣе приготовленный леденецъ, сахаръ, конфетку или красное яблочко.

— Желая вамъ также сладко состарѣться, говорятъ они, подавая въ подарокъ яблоко, хотя оно и оказывается въ послѣдствіи кислымъ.

Каждый имѣющій оружіе долженъ въ этотъ день непременно выстрѣлить, въ знакъ побѣды надъ врагами. Въ прежнее время ввязья, являясь къ царю, бросали пулю на столъ, стоявшій передъ нимъ.

— Въ сердце врага твоего! произносили они, поздравляя съ праздникомъ ¹⁾.

Въ день крещенія, толпа народа слѣдуетъ къ рѣкѣ за священникомъ. Мужчины часто идутъ на Иорданъ съ вещами, соотвѣтствующими ихъ занятію. Земледѣлецъ несетъ свои земледѣльческія орудія (*сахнись-саквети*), охотникъ — свои прадѣдовскія пашки и кинжалы. Все это погружается вмѣстѣ съ крестомъ въ воду. Молодые несутъ сосуды за святою водою; позади медленно и осторожно подвигаются женщины.

Пришедшіе за водою съ кувшинами съ нетерпѣніемъ ждутъ погруженія креста, чтобы прежде другихъ зачерпнуть святой воды. Со словами пастыря: «*Во Иорданъ крещающуся*», раздаются ружейные выстрѣлы. Едва крестъ опущенъ въ воду, какъ многіе грузины бросаются туда же или съ береговъ или съ высокаго моста. Сопровождаемые одобрителными восклицаніями народа, набожные пловцы или переплываютъ рѣку, или доплывъ

¹⁾ «Новый годъ у грузинъ», I. Романовъ. Кавк. 1846 г., № 3. — «О святкахъ въ Тифлисѣ и народномъ суевѣрїи въ Грузіи». Кавк. 1847 г. № 3. — «Канунъ Рождества и Рождество въ дерев.» Ив. Гзеліевъ. Закавказск. Вѣстн. 1854 г., № 51. — «Цемаль-куртхева», Ив. Гзеліевъ. Закавказск. Вѣстн. 1855 г., № 3.

до половины возвращаются назадъ. Многіе всадники также спускаются съ отлогихъ береговъ въ воду, непременно ниже того мѣста, гдѣ былъ погруженъ крестъ, и стараются при томъ такъ направить своихъ лошадей, чтобы они грудью встрѣтили волны, только-что освященные крестнымъ погруженіемъ.

Счастливецъ, успѣвшій прежде другихъ зачерпнуть воду, бѣжитъ въ своему дому и, стараясь не уступить въ этомъ нивому первенства, быстро взбирается на крышу дома, гдѣ черезъ отверстіе ея вливаетъ святую воду въ сосудъ съ закваской хлѣба, приговаривая: *моида зети манана* (пришла манна). Подъ отверстіе подносятъ закваску люди, нарочно для этого остающіеся дома.

Во многихъ мѣстахъ Грузіи принято въ этотъ день справлять поминки по умершимъ. Въ преддверіи храма устраивается трапеза, назначенная памяти усопшихъ и называемая *табла*. Благословивъ ее, священникъ дѣлитъ на двѣ части: одну отправляетъ къ себѣ домой, а другую раздаетъ нищимъ. Простой народъ вѣритъ, что *табла* чудеснымъ образомъ доставляется умершему на тотъ свѣтъ. Существуетъ объ этомъ цѣлая легенда, будто бы одна умершая женщина чудеснымъ образомъ воскресла и потомъ рассказывала, что была въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ находятся мертвые.

— Видѣла я тамъ, говорила женщина, всѣхъ своихъ родныхъ и знакомыхъ. Они тоже видятъ и замѣчаютъ все, что между нами происходитъ; рады нашему счастью, сочувствуютъ нашему несчастью. Они чрезвычайно благодарны всѣмъ тѣмъ, которые чаще дѣлаютъ въ честь ихъ поминки. Чѣмъ ихъ поминаютъ здѣсь, все то всецѣло доставляется имъ туда! Я сама видѣла, какъ тамъ около нихъ рѣзались тѣ овцы, коровы и быки, которыхъ здѣсь рѣзали въ память ихъ.

— Слава Богу, приговариваютъ добродушные и легковѣрные грузины, слушая подобные рассказы, если и тамъ такая же жизнь какъ здѣсь¹⁾.

Передъ наступленіемъ масляницы каждое семейство запасается мукою и хорошимъ масломъ, чтобы въ понедѣльникъ напечь на цѣлую недѣлю: *назуки*—простой хлѣбъ, и *када*—сдобный. Многіе пекутъ эти хлѣбы въ четвергъ на масляной недѣли, въ день св. Шіо, отчего они и называются иногда *шіосъ-када*.

Въ каждомъ домѣ устраиваются качели или подъ навѣсомъ, или подъ балкономъ. Дѣвушки, одѣтыя по праздничному, качаясь поютъ пѣсни съ припѣвомъ: *клеріаріа* (такъ называютъ грузины

¹⁾ «Цкаль-куртхева», Ив. Гзеліевъ. Закавказ. Вѣстн. 1855 г., № 3.

масляницу). Вечеромъ собираются на крышѣ дома одного изъ сосѣдей и танцуютъ живую лезгинку подѣ звуки тайры (бубна). Здѣсь же можно видѣть грузинскаго менестреля съ его инструментомъ, похожимъ на волынку. Этотъ странствующій поэтъ-музыкантъ, за нѣсколько грошей поетъ передъ каждымъ домомъ хвалебную пѣснь, и грузины любятъ слушать его импровизацію.

По улицамъ ходитъ мальчикъ, наряженный старикомъ и называемый *берика*. Онъ пляшетъ и кривляется передъ каждымъ проходящимъ и неотступно выпрашиваетъ денегъ. Этотъ же самый *берика* носитъ иногда названіе *дато* (медвѣдь), когда принимается въ хоробы женщины, для смѣха и представленія этого звѣря упоминаемаго въ пѣсняхъ.

Сидѣльцы лавокъ пускаютъ другъ въ друга большой мячъ, съ крикомъ: *клеріаріа*, или навинувъ на себя запыленную рогожу или обрывокъ войлока, бросаются какъ пугало на сосѣда и привѣтствуютъ его съ масляницей. Въ сумерки, въ предмѣстьи города разгарается кулачный бой. Въ деревняхъ играютъ въ *чалчи* (жгутъ).

Нѣсколько человекъ въ чертѣ круга получаютъ ловкіе удары жгутомъ отъ тѣхъ, которые находятся внѣ круга, пока когонибудь изъ бьющихъ не задѣнутъ ногою въ чертѣ; тогда противная партія идетъ въ кругъ испытывать наслажденіе отъ жгута.

Въ деревняхъ, въ первый день масляницы, молодые грузины наряжаются, и ходятъ по улицамъ съ пляскою и пѣніемъ.

Партія наряженныхъ состоитъ изъ *берикееби* и *гори* — свиньи, т. е. человекъ, наряженнаго свиньей. Послѣдній прикрытъ спереди и сзади свиными шкурами, спитыми въ видѣ чахла.

На голову наряженнаго надѣвается свиная голова съ огромными зубами. Толпа замаскированныхъ приходитъ въ каждый домъ, гдѣ нѣтъ траура, и начинаетъ пляску. *Гори* бѣгаетъ вокругъ наряженныхъ и бьетъ ихъ своими клыками, и часто такъ сильно, что на клыкахъ его остаются клочки тулупа. Въ отвѣтъ на это, маскированные бьютъ свинью деревянными саблями, до тѣхъ поръ, пока она не притворится убитою. Берикееби самовольно входятъ въ *марань* ¹⁾ и пьютъ вино, — что имъ не запрещается. Хозяева выносятъ имъ въ подарокъ яицъ, и, передавая наряженнымъ, выщипываютъ изъ бороды берики вѣлосъ и кладутъ его въ курятникъ, чтобы куры въ предстоящій годъ несли побольше яицъ. Маскированные ходятъ всю масляницу изъ деревни въ деревню, и случается, что встрѣтившись съ другою та-

¹⁾ Мѣсто приготовленія и храненія вина.

кою же партією, вступаютъ въ непріязненныя дѣйствія и открытую войну. Побѣдители отнимаютъ все, что только успѣли собрать побѣжденные. Въ послѣдній день масляницы наряженные предаются кутежу и уничтожаютъ все, что было собрано въ теченіе недѣли.

У простого народа, въ четвергъ, на масляницѣ, въ день св. Шіо существуетъ обыновеніе изгонять мышей изъ дому. Взявъ въ одну руку сдобный хлѣбъ, а въ другую пруть шиповника, хозяйка ходитъ вокругъ комнаты, постукиваетъ прутикомъ и приговариваетъ: *мышь, мышь, выходи!*

Обойдя всѣ углы, она передаетъ хлѣбъ и пруть мальчику, который ожидаетъ ихъ у дверей, и, получивъ, бѣжитъ безъ оглядки за деревню — иначе мыши могутъ опять вернуться домой — и тамъ съѣдаетъ хлѣбъ, а борку, воткнувъ на вонецъ прута, бросаетъ.

Въ прежнее время, въ прощальный вечеръ воскресенья на масляной, слуги приходили къ своимъ господамъ съ *палахою* — палка съ веревкою, слабо натянутою отъ одного конца къ другому. Палка эта надѣвалась на босую ногу осужденнаго къ наказанію по пятамъ. Въ этотъ вечеръ господа обязывались полнымъ повиновеніемъ своимъ слугамъ и, чтобы отдѣлаться отъ наказанія палахою, должны были щедро отдариваться¹⁾.

Передъ заговѣнемъ грузины заготавливаютъ роскошный, по средствамъ, ужинъ, приступая къ которому по обычаю умываютъ руки, и, если въ семействѣ есть лицо, не присутствующее на ужинѣ, то при умовеніи рукъ выливаютъ нѣсколько капель воды на землю — какъ долю отсутствующаго члена семейства. Подъ конецъ ужина выливаютъ изъ стакана нѣсколько капель вина на полъ, въ память усопшихъ. По народному повѣрью, послѣ ужина посылаютъ ужинъ волкамъ, т. е. бросаютъ около мякинницы кости, съ увѣренностію, что отъ этого волки въ теченіе дѣлаго года не станутъ трогать скотину²⁾.

Въ чистый понедѣльникъ, у грузинъ бываетъ *кесноба* или *возстаніе шаховъ* — праздникъ, установленный въ воспоминаніе побѣды грузинъ надъ персіянами. Въ прежнее время дѣло рѣшалось между двумя лицами: одинъ изъ нихъ представлялъ шаха, а другой грузинскаго царя. Между ними завязывался бой, въ которомъ шахъ всегда былъ побѣждаемъ; его бросали въ воду, какъ-бы съ намѣреніемъ утопить. Съ зрителей собирали деньги, на которыя толпа игравшихъ пировала³⁾.

¹⁾ Масляница у грузинъ. Кавк. 1846 г. № 6. — «Маскар. грузинской черни». Кавк. 1849 г. № 16.

²⁾ Агелбисъ-гаме (заговѣне), Ив. Гвѣлиевъ. Закавказ. Вѣстн. 1855 г., № 6.

³⁾ «Масляница у грузинъ». Кавк. 1846 г., № 6.

Въ послѣднее время характеръ игры этой измѣнился. Въ Тифлисѣ, напримѣръ, городъ дѣлился на двѣ части; въ каждой выбирали по одному шаху, одѣвали ихъ богато и сажали на тронѣ, на видномъ мѣстѣ, —тавомъ, съ котораго мнимый шахъ могъ бы видѣть всѣхъ проходящихъ и проѣзжающихъ.

«На улицѣ, говоритъ кн. Д. О. Бебутовъ, въ своихъ запискахъ¹⁾, держали богато убраннаго коня для каждаго шаха, и тутъ же были отряды его войска, называвшіеся по именамъ улицъ. Каждая улица имѣла свое знамя; отрядомъ командовалъ знаменитый боецъ. Шахъ приказывалъ брать дань съ каждаго прохожаго, не принадлежавшаго къ его участку. Знаменщикъ, съ нѣсколькими ассистентами, бѣжалъ къ указанному шахомъ прохожему, преграждалъ ему дорогу и, поставивъ передъ нимъ знамя, требовалъ, именемъ шаха, дани. Никто не отказывался и давалъ по мѣрѣ своихъ средствъ. Жертвователя пропускали, провозжали съ триумфомъ, провозглашая его имя и сумму пожертвованія; шахскій казначей заносилъ имя въ списокъ, а деньги на приходъ.»

Такъ какъ шахи избирались обыкновенно на первыхъ дняхъ масляницы, то они ежедневно въ теченіе цѣлой недѣли собирали деньги, употребляя на это утро, а послѣ обѣда прогуливались каждый въ своей части города. Собранная сумма, каждымъ изъ шаховъ, достигала иногда до значительныхъ размѣровъ и употреблялась въ послѣдствіи каждою стороною на кутѣжъ и попойку участниковъ игры. Въ понедѣльникъ, на первой недѣлѣ великаго поста, назначалось обыкновенно окончателное сраженіе между двумя шахами. Поутру, въ прощальное воскресенье открывались переговоры между противниками. Каждый изъ шаховъ употреблялъ различныя хитрости къ тому, чтобы переманить на свою сторону какою либо цѣлѣй отрядъ противника или отдѣльныхъ бойцевъ, и предводителей, пользовавшихся извѣстностію по своей силѣ и ловкости. Если какая нибудь улица, составлявшая отдѣльный отрядъ, оставалась недовольною или шахомъ или дѣлелемъ собранныхъ денегъ, то измѣняла — что было, впрочемъ, весьма рѣдко—или оставалась нейтральною.

Послѣ полудня того же дня, т. е. воскресенья, оба шаха выѣзжали за городъ съ особеннымъ церемоналомъ. Впереди несли знамена каждой улицы, за ними шли сановники шаха, самъ шахъ верхомъ, и наконецъ, его войско съ запасомъ провизіи и напитковъ. Въ головѣ колонъ шли музыканты играя на

¹⁾ Биографія князя Д. О. Бебутова, стр. 6.—См. также Военный Сборникъ 1867 г. № 6 и 7.

зурнахъ, бубнахъ, литаврахъ и большихъ трубахъ; — пѣсенники пѣли военныя пѣсни, импровизаторы рассказывали речитативомъ народу о славныхъ подвигахъ предковъ, и, наконецъ, плясуны и скоморохи довершали картину параднаго шествія.

Выйдя за городъ, каждый изъ шаховъ старался занять тѣ стратегическіе пункты, которые считалъ или выгодными для защиты или же такіе, съ которыхъ предполагалъ начать бой въ слѣдующій день. Разставивъ пиветы, установивъ разѣзды и запасясь лазутчиками, для полученія точныхъ свѣдѣній о намѣреніяхъ непріятели, обѣ стороны пировали весь остальной день и ночь, встрѣчая въ полѣ первый разсвѣтъ великаго поста.

Съ ранняго утра понедѣльника, толпы народа, женщины и дѣти гурьбою спѣшили за городъ и разсыпались живописною вереницею, по высотамъ окружающимъ Тифлисъ.

Завязывался бой, въ которомъ принимали участіе всѣ сословія народа: князья ¹⁾, дворяне, ремесленники, взрослые и дѣти. Послѣднія всегда отрывали военныя дѣйствія метаніемъ камней изъ пращей, въ защиту отъ которыхъ у каждаго бойца была бурка. По мѣрѣ сближенія сторонъ, противники переходили къ бою на деревянныхъ сабляхъ.

«Метаніе камней, пишетъ Д. О. Бебутовъ, и рукопашныя схватки продолжались безъ рѣшительнаго перевѣса на чью-либо сторону. Повидимому, чего-то боялись и чего-то ожидали. Около часу по-полудни вдругъ у непріятели поднялась тревога, отряды начали двигаться въ разныхъ направленіяхъ, а зрители, размѣстившіеся по гребню горы, переходили въ противоположную сторону.

«Наши стали готовиться къ общему нападенію и заняли всѣ приступы и тропинки, ведущія на вершину Сололакской горы ²⁾. Причина тому была слѣдующая: шахъ нашъ отправилъ въ полночь, секретно, одинъ отрядъ въ обходъ Сололакъ, верстъ за шесть, въ деревню Табахмелы. Отряду предписывалось выступить въ понедѣльникъ и къ двѣнадцати часамъ спуститься къ Сололакской горѣ во флангъ непріятели, при чемъ на горѣ отъ Окроканы поставить лучшихъ пращниковъ, для обстрѣливанія врага съ тыла.

«Едва стали показываться передовые люди обходнаго отряда на флангъ у непріятели, младшіе воины уступили поле стар-

¹⁾ Кн. Бебутовъ рассказываетъ объ этой игрѣ, какъ участникъ боя, въ которомъ онъ полатился разсѣченною губою.

²⁾ См. Біографію кн. Дав. Осип. Бебутова. Описываемый бой происходилъ въ промежутокъ времени отъ 1808—1806 года.

шимъ, и послѣдніе начали приступъ къ горѣ. Працники съ обѣихъ сторонъ вышли тысячами, осыпая другъ друга камнями, словно градомъ; раненные отходили, а мѣста ихъ заступали люди все старше и старше. Рубились повсемѣстно, атакующихъ опроверждали и сбрасывали съ горы; товарищи ихъ поддерживали и восстанавливали равновѣсіе. Бой продолжался около часу съ перемѣннымъ успѣхомъ. Нижняя сторона успѣла, однакоже, утвердиться на половицѣ горы, укрываясь, по возможности, отъ летѣвшихъ сверху камней. Въ это время обходная колонна подошла по гребню и завязала бой на флангѣ. Верхняя сторона должна была ослабить себя высылкою лучшихъ бойцовъ своихъ противъ упомянутого отряда.

«Бой былъ въ полномъ разгарѣ, знаменитые бойцы приняли уже въ немъ участіе и дрались на сабляхъ.

«Метаніе камней изъ пращи прекращено, потому что, по правилу боя, когда начинается сабельная рубка между знаменитыми бойцами, тогда употребившій въ дѣло пращу считался трусомъ. Верхняя сторона начала отступать; отряды нижней заняли гору, и непріятель бѣжалъ внизъ по Сололакскому ущелью, преслѣдуемый до самаго дома главнокомандующаго, находившагося хотя и на томъ-же мѣстѣ, гдѣ теперь, но внѣ черты города. Для воспрепятствованія бѣглецамъ ворваться въ городъ, всѣ городскіе ворота были заперты.

«Главновомандующій вн. Циціановъ со свитою вышелъ на балконъ своего дома, чтобы посмотрѣть на сражавшихся. Ему сказали, что причиною неудачи былъ самъ шахъ верхней стороны, оскорбившій знаменитаго своего бойца Саато, тѣмъ, что не далъ ему требованной части денегъ. Саато съ 40 или 50 человѣками отборныхъ бойцовъ согласились не принимать участія въ игрѣ.

«Главновомандующій потребовалъ къ себѣ Саато, и на вопросъ: можетъ ли онъ возстановить честь верхней части города, получилъ удовлетворительный отвѣтъ.

«Принявъ отъ князя Циціанова кошелекъ съ червонцами, Саато бросился на противниковъ вмѣстѣ со своимъ отрядомъ.

«Преслѣдуя врага по пятамъ, Саато взобрался почти уже до вершины Сололака и думалъ сбросить противниковъ въ оврагъ... Въ эту-то минуту працники попалъ ему въ правый глазъ... Саато упалъ. — Завязалась ожесточенная свалка: одни хотѣли унести своего предводителя, другіе не давали и бились упорно.

«Къ мѣсту побоища подбѣжалъ верхомъ вн. Циціановъ. Онъ тотчасъ же разослалъ всю свою свиту и князей съ приказаніемъ прекратить битву и отыскать того працника, который, вопреки законамъ «*криви*», дерзнулъ во время сабель-

ной рубки вышибить камнемъ глазъ Саато. Бой прекратился. Саато остался живъ, но безъ праваго глаза; вѣроломнаго же пращника не нашли. Этотъ день обошелся безъ убитыхъ, ибо сраженіе происходило съ соблюденіемъ правилъ «криви», за исключеніемъ лишь единственнаго, только-что упомянутаго случая. Не мало было впрочемъ разрублено головъ, выбито глазъ, переранено лицъ и носовъ. Добыча была также значительна¹⁾.

Такъ Тифлисъ проводилъ первый день великаго поста. Въ другихъ городахъ и селеніяхъ характеръ *кеенобы* былъ отличенъ отъ тифлисской.

Обыкновенно въ понедѣльникъ утромъ выбирали *кеени* изъ числа лицъ, отличающихся своею бойкостью, веселостію и шутливостію. На выбраннаго надѣвали колпакъ, сдѣланный изъ бурки, шубу на изнанку, лице пачкали сажею, а въ руки давали мечъ, конецъ котораго украшенъ яблокомъ или чѣмъ нибудь подобнымъ. — Ему предоставляли власть царя или шаха, оказывали всевозможныя почести, каждый становился передъ нимъ на колѣни и снималъ шапку — горе тому, кто будетъ замѣченъ въ грубости или неучтивости. Неучтивцу — *кеени* приказываетъ выколоть глаза. Виновнаго хватаютъ, намазываютъ сажею глаза и въ такомъ видѣ представляютъ повелителю.

Часто между шутками приходится нѣкоторымъ грузинамъ испытывать серьезное наѣзание и неприятели.

Верхомъ на ослѣ, сопровождаемый народомъ, музыкою и предшествуемый знаменемъ, *кеени* объѣзжаетъ городскія улицы или сельскія переулки и, достигнувъ возвышеннаго мѣста, садится на скамью, замѣняющую ему тронъ. Каждый проходящій, какова бы званія онъ ни былъ, долженъ остановиться передъ повелителемъ, поклониться и что нибудь подарить. Свита его раздѣляется на двѣ стороны; изъ обѣихъ сторонъ выступаютъ лучшіе бойцы и завязывается кулачный бой, ободряемый и поощряемый криками присутствующихъ, принимающихъ въ немъ живое участіе, ибо, по народному предразсудку, Господь благословляетъ обильнымъ урожаемъ зѣмли той стороны, которая побѣдитъ на кулачномъ бою, бывающему въ этотъ день.

Вечеръ середи страстной недѣли простой народъ посвящаетъ обряду *кудіанеби*, въ которомъ главную роль играетъ нечистая сила.

Существуетъ между грузинами легенда, что однажды ночь застигла трехъ путниковъ, принужденныхъ расположиться на бе-

¹⁾ Биографія кн. Д. О. Бебутова, стр. 8—11. — См. также Воен. Сбор. 1867 г., № 6 и 7.

репу какой-то рѣки. Путники были: Соломонъ премудрый, его жена царица и служитель.

Закинувъ въ воду рыболовную сѣть, они вытащили три рыбы, положили ихъ въ котель, развели огонь и начали варить. Рыба сварилась, — котель снять съ огня.

— Меня называютъ всѣ опоркою мудрости, говорилъ Соломонъ, но я недоумѣваю, когда вспомню сонъ, который я видѣлъ прошлою ночью. Снилось мнѣ, что на моемъ ложѣ спить неизвѣстный человѣкъ; въ головахъ его росла яблоня съ плодами, въ ногахъ — тоже яблоня, но болѣе первой обремененная яблоками. Если это правда, то пусть оживетъ одна изъ пойманныхъ нами рыбъ, въ подтвержденіе моего видѣнія.

Вода въ котлѣ зашумѣла, выскочила одна рыба и исчезла въ рѣкѣ.

Служитель сталъ за тѣмъ рассказывать Соломону, что какой-то вѣщій голосъ твердитъ ему объ убійствѣ Соломона.

— Если мое предчувствіе справедливо, говорилъ онъ, стоя на колѣняхъ передъ своимъ повелителемъ, то одна изъ двухъ сваренныхъ рыбъ пусть возвратится въ жизни и послѣдуетъ за своей подругой, ожившей по твоему слову.

Рыба ожила и погрузилась въ свою стихію; въ котлѣ осталась только одна рыба. — Царицѣ сдѣлалось дурно, она упала въ обморокъ, около нее засуетились, начали тереть ей грудь розовою водою. — Очнувшись, царица призналась Соломону, что она замышляла убить его.

— Двѣнадцать лѣтъ, говорила она, какъ я люблю царя острововъ; справедливость этого подтвердить даже рыба безгласная.....

Послѣдняя рыба выпрыгнула вонъ, и котель опустѣлъ. — Соломонъ потребовалъ въ себѣ *Кундузеля* (островитянина), моурава бѣсовъ. — Кундузель явился.

— У меня есть мѣдный кувшинъ, если возьмешься наполнить его своими подданными, то выиграешь царицу, сказалъ Соломонъ.

Островитянинъ принялъ предложеніе съ восхищеніемъ. Три дня и три ночи шелъ въ кувшинъ потокъ чертей, подвластныхъ островитянину, но онъ все-таки не могъ наполниться до горлышка.

— Полѣзай уже и ты, сказалъ Соломонъ Кундузелю, а за тобою кстати послѣдуетъ и выигранная тобою царица — твоя любовница.

Лукавый влѣзъ, крышку захлопнули, и Соломонъ приложилъ къ ней свою печать. Ововавъ крестообразно, кувшинъ бросили

въ самую глубь моря.— Съ тѣхъ поръ не стало нечистой силы.— Прошло послѣ того пятнадцать вѣковъ, о злыхъ духахъ и помину не было.— Грузины жили спокойно.— Рыболовы вытащили какъ-то, нечаянно, этотъ кувшинъ и, думая найти кладъ, разбили его.— Темной тучей разсыпались черти изъ кувшина.— «Тѣ, которые попали при такой суматохѣ, въ воду, сдѣлались обладателями этой стихіи, т. е. водяными; инымъ удалось достигнуть лѣса и водвориться въ немъ, отчего произошли *льміе*; другіе устремились въ ущелья, въ горы, въ пещеры и пропасти и основались тамъ».

Такимъ образомъ, злые духи завладѣли всею землею. Съ ними вошли въ сношеніе люди и, по понятію грузинъ, преимущественно старухи, которыя, заключивъ контрактъ съ нечистымъ, обращаются въ *кудіанеби*, т. е. въ вѣдьмы и колдуній съ хвостами.

Одинъ разъ въ году, въ страстной четвергъ, всѣ вѣдьмы и отовсюду собираются на гору Ялбузъ (Эльборусъ) на шабашъ. Путешествіе свое туда они совершаютъ на кошкахъ, которыхъ хватаютъ ночью у грузинъ. Чтобы предохранить себя отъ посѣщеній вѣдьмъ, туземцы въ этотъ вечеръ зажигаютъ на дворѣ важдаго дома востры изъ соломы. Всѣ домочадцы, отъ шестидесяти-лѣтняго старца до пяти-лѣтняго ребенка, обязаны перепрыгнуть черезъ костеръ, не менѣе трехъ разъ, при ружейныхъ выстрѣлахъ и съ заклинаніемъ, состоящимъ въ повтореніи словъ: *ари-урули-урули-урули кудіанеби* (фраза непереводимая, но выражающая однако проклятіе надъ кудіанебами). Въ деревняхъ, кромѣ того, заслоняютъ вѣтками шиповника окна, двери и отверстія трубы въ саклѣ.

Простой народъ вѣрится чистосердечно, что, въ ночь съ среды на четвергъ страстной недѣли, *кудіанеби* дѣйствительно тревожатъ тѣхъ, кто не успѣлъ перепрыгнуть черезъ костеръ, называемый *ча-кокона*, и забираются въ тѣ дома, которые не были ограждены вѣтвями шиповника, гдѣ и воруютъ кошекъ, необходимыхъ имъ для путешествія на гору Ялбузъ.— «Попытайте войти, говоритъ корреспондентъ «Кавказа», въ какой угодно домъ или, заглянувъ туда, прислушайтесь повнимательнѣе: вездѣ раздаются жалобныя мяуканья; бѣдныя кошки тщательно заперты въ сундувахъ, изъ опасенія, чтобы ихъ не похватили неприязненные вѣздоки — *кудіанеби*».

На горѣ Ялбузѣ, по преданію грузинъ, томится узникъ, богатырь *Амиранъ*, заключенный туда по слову Божію съ незапамятныхъ временъ. Желѣзная цѣпь, къ которой онъ привязанъ, такъ ерѣпка, что никакія силы не въ состояніи ее разорвать

сразу. Въмѣстѣ съ Амираномъ находится въ пещерѣ собака — единственный сотоварищъ его одиночества. Вѣрнѣйшій пѣсь беззастѣнливо лижетъ оковы своего господина и давно бы ихъ разорвалъ, еслибы грузинскіе кузнецы ежегодно въ утро страстнаго четверга не ударяли три раза о наковальню. Отъ этихъ ударовъ цѣпь пріобрѣтаетъ прежнюю крѣпость, и Амирану суждено освободиться отъ оковъ только въ день второго пришествія ¹⁾...

Грузины соблюдаютъ строго только первую половину великаго поста и тогда почти всѣ говѣютъ и постятся; во вторую же половину, мужчины не придерживаются строгаго воздержанія.

У туземцевъ существуетъ преданіе, что «св. Іосифъ въ страстную пятницу выкопалъ могилу въ чистой скалѣ, до которой не касалось ничто грѣшное; потомъ снялъ со креста святое тѣло Христова, завернулъ его въ свѣжую, чистую и бѣлую бязь, отнесъ на своей спинѣ и похоронилъ въ приготовленномъ мѣстѣ». На другой день, въ страстную субботу, въ сумерки, пришли ко гробу Господню, въ отчаяніи, три святыя жены — небесная и земная царица Марія, Марѳа и Марія, сестры св. Лазаря. Говорятъ, что они въ рукахъ держали красныя яйца. Прійдя оплакивать Христа, жены встрѣтили восторженнаго ангела, объявившаго имъ, что Спаситель воскресъ и всталъ изъ гроба. Жены вернулись и пошли отыскивать Христа.

Отсюда грузины ведутъ, впрочемъ, общій обычай красить въ праздникъ Пасхи яйца и ими поздравлять другъ друга.

У кого не было яицъ, тѣ выдумали средство пріобрѣтать ихъ въ праздникъ Пасхи, — извѣстному у грузинъ подъ именемъ *аидома*, — установленіемъ особаго обычая.

За нѣсколько дней до наступленія праздника, начиная съ пятницы страстной недѣли, мужчины собирались толпами, преимущественно охотники покутить, попить и поѣсть на чужой счетъ. Собравшаяся толпа предавалась предварительно кутежу: пила изъ красныхъ чашекъ или турьихъ роговъ огромныхъ размѣровъ и за тѣмъ обходила всѣ дома селенія, поздравляя хозяевъ съ предстоящимъ праздникомъ пасхи. Обычай этотъ извѣстенъ подъ именемъ *чона* — припѣва къ пѣсни. Въ самой пѣсни желаютъ хозяину, чтобы домъ его былъ также обилень какъ маранъ Шіо, чтобы въ немъ всѣ и все было полно, сыто и счастливо. Поздравляющіе взбираются на кровлю дома и черезъ отверстіе ея

¹⁾ «Кудіанеби» Н. Берзеновъ Кавк. 1854 г. № 28. — «Очерки деревенскихъ нравовъ Грузіи», его же. Кавк. 1858 г., № 28 и 55. — «Кудіаноба», Н. Берзеновъ. Кавк., 1850 г. № 33.

спускаютъ на веревкѣ корзину. Хозяева владутъ въ корзину одно яйцо и отпускаютъ поздравителей. Чонисты, будучи по большей части на-веселѣ, часто не довольствуются поданнымъ.

— *Оролобаа* (двойное), кричатъ они сверху въ отверстіе, высказывая тѣмъ желаніе, чтобы хозяинъ не скупился и положилъ вмѣсто одного, — два яйца.

Собравши такимъ образомъ достаточное количество яицъ, чонисты съ терпѣніемъ ожидаютъ наступленія высокаторжественнаго дня.

Празднованіе пасхи у грузинъ весьма мало отличается отъ празднованія ея у насъ, русскихъ. Въ этотъ день у многихъ хозяевъ и владѣльцевъ выставленъ столъ для убогихъ и нищихъ, и не одна рука спѣшитъ подать милостыню заключеннымъ въ тюрьмахъ.

Грузинъ, впрочемъ, не очень пристрастенъ къ христосованью, къ размѣну яицъ, катаніе которыхъ замѣняетъ игрою въ мячъ. Игра эта особенно въ большихъ размѣрахъ развита въ Имеретіи. Приготавливаютъ мячъ, величиною съ арбузъ, и обшиваютъ его галунами. Народъ дѣлится на двѣ стороны, въ средину между которыми бросаютъ мячъ. Каждая сторона старается завладѣть имъ, поднимается жестокая драка; честь и слава той сторонѣ, которой доставится мячъ, — онъ сулитъ ей, по народному вѣрованію и предрасудку, въ теченіи цѣлаго года изобиліе и удачу во всемъ. Иногда послѣ боя мячъ разрѣзывается на нѣсколько кусочковъ, которые раздаются нѣсколькимъ домохозяевамъ, увѣренными, что храненіе кусочка мяча доставитъ изобиліе ихъ домамъ, урожай и т. п.

Во вторникъ послѣ пасхи, въ Тифлисѣ бываетъ праздникъ *джоджооба* или *додооба* — праздникъ ящерицъ. На Авлабарѣ за Собачьею слободою (дзаглись-убани), подъ крутымъ навѣсомъ скалистаго берега рѣки Куры, существуетъ пещера. Не смотря на то, что путь къ ней труденъ и опасенъ, потому что идетъ по самому краю берега, каждая грузинка считаетъ своею обязанностію, запасшись кускомъ сахару, побывать въ этой пещерѣ, помолиться тамъ и оставить сахаръ на пищу ящерицамъ — жителямъ пещеры. На чемъ основано начало этого обычая — неизвѣстно; преданіе говоритъ только то, что здѣсь жилъ мужъ, имѣвшій способность однимъ прикосновеніемъ руки уничтожать на лицѣ веснушки ¹⁾.

Отпраздновавъ пасху, грузины съ нетерпѣніемъ ждутъ мая мѣсяца. Февраль и мартъ имъ не нравятся. «Февраль дуеть, —

¹⁾ Мга-цминдскій праздникъ, Н. Берзеновъ, Кавк. 1851 г., № 43.

мартъ шубу шьеть, говорятъ они, и если бы одинъ день жизни оставался марту, то и тогда ему довѣрять нельзя: подъ конецъ онъ любить замазывать хвостомъ, чѣмъ производитъ снѣгъ, дождь и слякоть.»

Существуетъ повѣрье, что 7 мая бываетъ такой дождь, отъ котораго вырастаютъ чрезвычайно длинные волосы. Весь этотъ день, молодыя дѣвушки, съ открытыми головами, танцуютъ до упаду на кровляхъ дома, ожидая орошенія своихъ волосъ ¹⁾.

Наканунѣ 1-го мая у одной изъ подругъ собираются дѣвушки и молодыя женщины. Изъ среды себя онѣ выбираютъ одну, которая должна собрать на завтрашній день воды изъ семи разныхъ источниковъ. Вода эта предназначается для *сичакъ* — гаданья.

Избранная дѣвушка встаетъ рано утромъ 1-го мая, такъ рано, что и солнце еще не всходило, и молча отправляется изъ дому. Она не смѣетъ говорить ни съ кѣмъ во все время пути къ источнику и обратно. Если она забудется и станетъ говорить съ посторонними ранѣе, чѣмъ придетъ домой съ водою, то вода потеряетъ свою силу, и дѣвушка, выливъ еѣ изъ кувшина, должна снова идти за сборомъ. Подруги ея, поднявшись также рано, отправляются собирать цвѣты, для украшенія сосуда, въ которомъ будетъ вичавская вода.

Вода собрана и сосудъ украшенъ цвѣтами. Каждая изъ участницъ загадала о томъ, что ей хочется знать въ будущемъ, и на всякій вопросъ опустила въ воду: или кольцо, серьгу или наперстокъ, а за неизмѣнимъ ихъ и просто камушекъ. Въ такомъ положеніи вичавская вода остается до Вознесенья.

Въ день Вознесенья, вичаки оканчиваются, и происходитъ розыгрышъ. Подруги собираются, приглашаютъ маленькую дѣвочку, но непременно такую, которая была бы первенецъ у родителей; она обязана вынимать вещи изъ сосуда. Сосудъ съ вичавскою водою поставленъ посреди комнаты. Около него садится дѣвочка, и во избѣжаніе лицепріятія, закрывается вмѣстѣ съ сосудомъ покрываломъ. Вокругъ нее садятся всѣ участницы игры, въ ожиданіи рѣшенія своей будущей судьбы. Одна изъ дѣвушекъ начинаетъ пѣть особые вичавскіе стихи:

1

Яблоко есть у меня
Разукрашенное;
Братъ просилъ — не дала:
Милымъ оно
Мнѣ въ подарокъ дано.

2

Рѣчка бѣжитъ,
Волнуется;
По рѣчкѣ плывутъ
Два яблочка...
Вотъ и милый мой

¹⁾ Кавк. 1854 г. № 91, стр. 366 примѣч.

Возвращается;
Вижу, какъ рубой,
Шапкой махать онъ.

3

У нашего дома цвѣтеть огородъ
Въ огородѣ тамъ травка растеть;
Нужно травку скосить молодцу,
Нуженъ молодецъ красной дѣвцѣ...

4

Хлѣбъ испекла я изъ пшена,
Показался ячменнымъ онъ мнѣ...
Ахъ, далеко ты отсюда, мой милый!
Но какъ вернешься съ пути —
Рѣчи польются изъ усть,
Словно сахаръ, сладкія. —

Воспѣвая розу, я цвѣты собираю;
Соберу и насыплю цвѣтовъ я въ мѣшокъ,
И мѣшокъ тотъ кругомъ обошью;
И пойду поброжу съ савли на савлю,
И лучше тебя я найду молодца. —

6

Поднялась я на гору крутую,
Мыть бѣлье подвѣчное,
Мыло-жъ было съ позолотою;
На глазахъ же слезы горькія...
Ахъ родные, не горюйте вы, —
На роду мнѣ такъ написано!...

7

Пошла я подъ камень тяжелый, —
И пару лишь платья взяла...
Ахъ, скажите вы роднымъ моимъ,
Доля тяжкая мнѣ досталась.

Послѣ каждаго стиха вынимается изъ сосуда одна вещь, и та, кому принадлежитъ она, выслушиваетъ объясненіе смысла, выпавшаго на ея долю стиха. Первые четыре куплета сулятъ хорошее: долгую жизнь, счастье, скорое возвращеніе милого, исполненіе желанія, свадьбу и проч. Послѣдніе же три, — потерю кого нибудь изъ близкихъ, разореніе или скорую смерть.

На волю гадавшей предоставляется, выслушавъ толкованіе, открыты или нѣтъ собранію то, о чемъ она гадала. Стихи поются до тѣхъ поръ, пока не будутъ вынуты всѣ вещи изъ сосуда. Гаданіе кончено. Хозяйка угощаетъ гостей, и всѣ присутствующіе заключаютъ его рѣзвою лезгинкой, подъ звуки монотонной, но «живой, какъ горный потокъ, *дайры* (бубенъ)», или *томашею* — національною пляскою грузинъ, гдѣ дѣвушка сладострастно плыветъ подъ звуки національной музыки. — Стройныя формы грузинки обрисовываются *кабою* (женская одежда); локоны небрежно падаютъ изъ-подъ шитой *тавксаквари* (головной уборы) и переплетаются съ концами нѣжной *чикилы* — косынки съ опущенными концами, на которую надѣвается тавксаквари.

Мужчины въ день Вознесенія занимаются скачкою. Въ Тифлисѣ скачка происходитъ за городомъ, на мѣстѣ весьма живописномъ. По направленію къ западу тянутся горы, медленно и спокойно течетъ рѣка Кура, кругомъ зеленые сады, перемѣшанные съ землянками. Группы женщинъ въ бѣлыхъ чадрахъ въ разныхъ мѣстахъ покрываютъ возвышенности или сидятъ на плоскихъ крышахъ домовъ. Съ утра раскидываются палатки и балаганы;

въ нихъ сидятъ торговцы съ разными сластями. Въ этой живописной котловинѣ и происходятъ скачки. По двумъ концамъ ристалища собираются всадники, вооруженные пиками, винтовками и *джеридами* — длинная, тонкая палка съ острымъ накопечникомъ. Скачка начинается. «На встрѣчу другъ другу несутся всадники и, подсакавъ довольно близко одинъ къ другому, бросаютъ шесты и, поворотивъ коней во весь опоръ, пускаются назадъ. Ихъ съ крикомъ преслѣдуютъ противники и пускаютъ вслѣдъ ружейные выстрѣлы и палки. Искусные верховые во всё глаза смотрятъ назадъ и на лету ловятъ палки; неопытные же поражаются въ спину и затылокъ.» Громы рукопесканій, столкновеніе и паденіе лошадей, выбиваніе изъ сѣдла, хохотъ и шумъ продолжаются до самаго вечера ¹⁾...

Изъ другихъ праздниковъ замѣчательны у грузинъ праздники Успенія Божіей Матери и *Геристоба*, или праздникъ въ честь св. Георгія.

Народъ по преимуществу чтитъ Богоматерь. Часто грузинъ не знаетъ ни одной молитвы, но всегда призываетъ на себя покровительство Божіей матери. Мѣсяцъ августъ на грузинскомъ языкѣ носитъ названіе *Маріамобисъ-тве*, т. е. мѣсяцъ св. Маріи. Во все продолженіе августа многія женщины ходятъ босикомъ по обѣту. Основаніемъ къ тому послужило то, что св. Нина, просвѣтительница Грузіи христіанскою вѣрою, столь чтимая народомъ, пошла въ Грузію по избранію и указанію Богоматери ²⁾.

Праздникъ Успенія Божіей матери извѣстенъ подъ именемъ *самеба*, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Грузіи празднуется съ особымъ торжествомъ. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательны два праздника: Алѣвскій въ Карталиніи не подалеку отъ г. Душета ³⁾, и Марткопскій ⁴⁾ — въ Кахетіи, въ древнемъ монастырѣ св. Антонія, въ 24 верстахъ отъ Тифлиса.

Подожвы горъ, у храмовъ, въ обыкновенное время пустынные, оживляются въ этотъ день множествомъ богомольцевъ, располагающихся въ палаткахъ, шалашахъ или просто подъ открытымъ

¹⁾ «Грузія и Грузины», Д. Бокрадзе, Кавк. 1851 г. № 15.

²⁾ Въ честь св. Нины бываетъ праздникъ 14-го января. См. Закавк. Вѣстн. 1855 г. № 4. Подробности о жизни и проповѣди св. Нины можно найти въ Закавк. Вѣст. 1849 г. № 12—18, 44 и 45. Грузія и Арменія изд. 1848 г. ч. I, 117—133, 209—217. Историч. изобр. Грузіи, стр. 46.—Маякъ 1844 г. т. XV, смѣсь, стр. 31. 33 и многія другія.

³⁾ См. Алѣвскій успенскій праздникъ въ Карталиніи, Закавк. Вѣст. 1854 г. № 37.

⁴⁾ Закавк. Вѣст. 1845 г. № 4.—Описаніе праздника, см. Кавк.: «Письмо къ брату въ Орелъ 18-го августа 1846 г.» 1846 г. № 34.—Закавказск. край, Гакстгаузена, изд. 1857 г. ч. I, 98—105.

небомъ. Съ наступленіемъ сумерекъ, наканунѣ праздника, гора блистаетъ тысячами огней, оглашается звуками зурны и пѣснями сазандаровъ — поэтовъ - импровизаторовъ.

Въ Карталиніи, въ деревушкѣ *Арбо*, 22-го августа празднуется съ особымъ торжествомъ *Геристоба*—праздникъ въ честь Георгія побѣдоносца.

Грузины признаютъ Георгія подѣ шестидесятью тремя различными названіями: Каппадовійскій, Виолемскій, Квашветскій и проч. Оттого грузинъ, обращающійся съ молитвою въ святому, произноситъ: «Да управитъ Богъ руку нашу, и да сопутствуютъ намъ всегда шестьдесятъ-три святыхъ Георгія.»

Всѣ названія этого святого прописываются въ *авгоровъ* — большомъ листѣ бумаги, на которомъ по краямъ изображенъ святой, и пишется первая глава евангелія Іоанна и разныя молитвы. Чаше же всего на такомъ лоскутѣ бумаги пишется письмо, по преданію, будто бы писанное Іисусомъ Христомъ къ Авгарю царю эдесскому. «Кто его имѣть будетъ при себѣ, сказано въ письмѣ, къ тому не осмѣлятся прикоснуться духъ и какія бы то ни было опасности»... Носящій это письмо застрахованъ отъ нечистой силы. Листъ складывается особеннымъ образомъ, зашивается въ канаусовый мѣшечекъ, носимый на груди вмѣстѣ съ крестомъ, или же пришивается на правомъ плечѣ бешмета, около разрѣзовъ, подѣ мышкой.

Деревня *Арбо* лежитъ неподалеку отъ Патара - Ліахви. Въ центрѣ ея находится церковь во имя святого Георгія, по преданію построенная царицею Тамарою. Въ церкви стоитъ икона св. Георгія, сдѣланная въ видѣ креста изъ позолоченнаго серебра. Близъ храма есть особенное мѣсто, куда богомольцы приводятъ коровъ, овецъ и пѣтуховъ для принесенія въ жертву Георгію. Хозяинъ не можетъ самъ зарѣзать свою жертву, онъ проситъ о томъ *натѣби*—лицо, собственно только для этого избранное. Зарѣзавъ приведенное животное, *натѣби* беретъ за это въ свою пользу половину туловища, голову и шкуру. Послѣ жертвоприношеній и обѣдни начинаются игры. Тутъ появляются и *кадаги*—личности близко подходящія къ тѣмъ, которыя называются у насъ кликушами.

Въ глазахъ простого народа *кадаги* считаются провозвѣстницами гнѣва небеснаго и избранными для обличенія. Простолудинъ полагаетъ, что эти существа болны отъ образа. Грузины толпою слѣдуютъ за *кадагою*¹⁾ и слушая съ полнымъ вниманіемъ ихъ несвязныя рѣчи, съ подобострастіемъ исполняютъ

1) Мужчины рѣдко бываютъ кадагами, это принадлежность женщинъ.

всѣ приказанія, какъ бы тягостны они ни были. Народъ вѣрить словамъ ихъ безусловно. Передъ пророчествомъ такая женщина падаетъ на землю, приходитъ въ изступленіе, корчится, рветъ на себѣ волосы, ударяетъ руками и ногами о скалистую землю, — во рту выступаетъ пѣна, лицо ея искажается, и въ такомъ видѣ начинается пророчество.

— Ты грѣшный человѣкъ, говоритъ кадага, обращаясь къ комунибудь. Прошлаго года, въ такой-то день, передъ вечеромъ, ты затѣялъ богопротивное дѣло. Не отпѣкивайся! ты не помнишь... забылъ... но отъ меня ничего не скрыто—я все знаю. Иди-ка лучше, несчастливецъ, вотъ въ такую-то церковь, помолись тамъ образу, да зарѣжь потомъ корову.

Иногда *кадага* приказываетъ взойти на какую-нибудь высокую гору, гдѣ находятся остатки древняго монастыря, или просто покаяться въ своихъ грѣхахъ въ духавѣ (кабаѣ). Грузинъ, къ которому обращено было подобное обличеніе кадаги, напоминаетъ что разъ дѣйствительно подумалъ о недобромъ дѣлѣ—беретъ деньги и отправляется куда приказано. Послѣ подобнаго пророчества, всякое веселье прекращается; народъ дѣлается унылымъ, повсюду слышатся глубокіе вздохи, удареніе себя въ грудь, сопровождаемые словами: «Очисти насъ Боже, очисти»¹⁾!

Кромѣ этихъ порченныхъ существъ, у грузинъ есть *мкитхави* (гадальщицы) и *екими* (знахарки).

Мкитхави—это женщины, которыя рассказываютъ будущее, не стѣсняясь ни лицомъ, ни званіемъ, но предсказанію ихъ преимущественно подлежатъ только сердечныя стороны и желанія. — *Знахарки* — это туземные доморощенные лекари, къ которымъ грузины часто обращаются за совѣтомъ.

У нихъ существуютъ свои собственныя лекарства. Отъ подагры надо достать лапу зайца, убитаго на канунѣ Рождества, и носить ее нѣсколько дней подъ рубашкою. Если болитъ правая нога, то надо носить лѣвую заачью ногу; если лѣвая — то правую. Отъ ревматизма надо живую змѣю поджарить на сковородѣ, и добытымъ такимъ образомъ жиромъ, производить втираніе, пока не получишь облегченіе или, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ пока не наскучить.

Отъ золотухи ребенка брѣютъ, надѣваютъ на голову холстинную ермолку, пропитанную смолою, и въ такомъ видѣ оставляютъ его на двѣ недѣли. Потомъ, когда смола вопьется въ тѣло, ермолку разомъ срываютъ съ головы. Туземцы полагаютъ, что эта операція помогаетъ росту волосъ.

¹⁾ «Грузинскія гадальщицы», Кавк. 1853 г. № 56; Кавк. 1847 г. № 3.

Лихорадку прогоняють десятию зубками чеснока, который толкутъ, мѣшаютъ съ медомъ и даютъ больному на тощакъ. Цѣлый день больной не долженъ пить, не смотря на сильную жажду— иначе лекарство не подѣйствуетъ.

Отъ бѣлыма толкутъ визиловыя восточки и вдувають въ глазъ; отъ глухоты прикладываютъ къ уху корень травы *харизг-дзири*. «Корень этотъ необходимо держать ерѣпко, ибо онъ имѣетъ такое влеченіе въ больному уху, что можетъ вырваться изъ рукъ и войти внутрь головы больного ¹⁾».

Отъ глаза совѣмъ другой способъ леченія. Взойдя на тахти, знахарка беретъ отъ хозяйки поясъ, и подойдя къ дѣвушкѣ, начинаетъ нашептывать надъ ея головою. Потомъ даетъ одинъ конецъ пояса въ руки пациентки, начинаетъ измѣрять его локтемъ, сопровождая это дѣйствіе вздохами и отчаянными зѣвками. Минуть съ десять продолжается подобное заклинаніе отъ порчи глазомъ. Частое зѣваніе знахарки служитъ знакомъ тому, что дѣвушку сглазили очень сильно, ибо при послѣднемъ третьемъ измѣреніи поясъ оказался не въ мѣру длиненъ—значитъ помочь трудно.

V.

Суевѣрія и предрасудки грузинскаго народа.

Наступаетъ весна въ Грузіи. Черныя шиферныя горы, почти цѣлый годъ мрачныя, одѣваются теперь яркою зеленью, поля покрываются травою; миндальныя деревья укутаны серебромъ, персиковые—пурпуромъ; воздухъ полонъ аромата. Длинныя вереницы журавлей тянутся на нашъ сѣверъ, ласточки щебечуть...

Проснувшись рано утромъ, грузинъ торопится прежде всего выпить глотокъ вина, потому что безъ этого, онъ, по народному повѣрью, не можетъ побѣдить ласточки, а не побѣдивъ её, будетъ страдать цѣлый годъ лихорадкою. Точно также, если онъ услышитъ голосъ кукушки прежде чѣмъ успѣетъ сѣсть кусочекъ хлѣба, онъ уже не можетъ побѣдить её.

Народная легенда заставила грузина уважать эту птицу, и вотъ по какому случаю:

Гдѣ-то далеко, близъ Индіи, есть царство карликовъ, куда попалъ одинъ грузинъ, неизвѣстно, впрочемъ, какимъ образомъ. Карлики ѣли и пили очень мало: одного чурека да полгунги вина имъ хватало на цѣлую недѣлю. Грузинъ, привыкшій въ

¹⁾ «Простонародныя лекарства грузинъ» И. См. Кавк. 1851 г. № 9.

обильной и разнообразной пищѣ, былъ въ отчаяніи. Чужестранецъ сталъ размышлять о томъ, какъ бы ему убраться во-свояси, но рѣшительно не зналъ, какъ это сдѣлать. Пока онъ раздумывалъ, прошло три зимы; тоска по родинѣ замучила бѣднаго странника. Непредвидѣнный случай вывелъ его изъ затруднительнаго положенія.

— Я отправляюсь въ Грузію, не хочешь-ли идти вмѣстѣ со мною, предложилъ ему одинъ изъ карликовъ.

Грузинъ, конечно, обрадовался, и въ началѣ апрѣля, запасясь провизією, они отправились въ путь.

Долго они шли, наконецъ, достигли до границы, гдѣ оканчивалось царство карликовъ.

— Слушай, товарищъ! говорилъ карлигъ грузину, я чуть только перешагну границы нашего царства, тотчасъ превращусь въ птицу,—ту, которую зовутъ у васъ кукушкой. Тогда я не буду ходить, а летать, но полечу медленно, чтобы ты могъ послѣдовать за мною. Смотри же, будь остороженъ, не теряй меня изъ виду, а то не найдешь дороги.

Перешли границу. Не успѣлъ оглянуться грузинъ, какъ карликъ превратился въ птицу. Грузинъ, остолбенѣвъ, смотрѣлъ за полетомъ кукушки. Та полетѣла вдаль, а грузинъ стоялъ, не двигаясь. Кукушка, видя, что путникъ не слѣдуетъ за ней, вернулась назадъ и ударомъ крыла по щекѣ вывела товарища изъ задумчиваго положенія.

Путники пошли далѣе. Въ послѣднихъ числахъ мая, они достигли Грузіи. Грузинъ пригласилъ кукушку къ себѣ въ домъ, хотѣлъ угостить ее, но она, подъ предлогомъ того, что боится кошекъ и ребятишекъ, отказалась, говоря, будто «довольна и тѣмъ, что Богъ далъ ей въ день по одному воробью, которые летаютъ за нею всюду ¹⁾».

Народное суевѣріе заставляетъ грузина побѣждать все вновь появляющееся весной: перелетныхъ птицъ, которыхъ зимою не бываетъ, вновь родившихся животныхъ и домашнихъ птицъ.

Кто обутый увидитъ гусенятъ—тотъ побѣдилъ ихъ; увидавшій ихъ босымъ рискуетъ страдать болѣзною ногъ. Побѣдить утятъ можетъ только причесанный,—это спасеніе отъ головной боли. Слышать крикъ совы надо стоя на ногахъ и на одномъ мѣстѣ, иначе будешь шататься какъ сова, съ мѣста на мѣсто.

Повѣрье это объясняется самою легендою о происхожденіи совъ. Злая мачиха играетъ тутъ первенствующую роль.

¹⁾ «Признаки весны: царство кукушекъ». Кн. Р. Эривостъ, Кавк. 1849 г., № 18.

«У крестьянина было два сына, которыхъ онъ любилъ искренно и нѣжно. Со смертью жены, оставшись вдовымъ, онъ перенесъ свою любовь и привязанность на дѣтей и успѣлъ ихъ на столько привязать къ себѣ, что они забыли о потерѣ матери. Спустя нѣкоторое время, крестьянинъ также позабылъ о потерѣ нѣжно-любимой жены и женился на другой. Съ тѣхъ поръ прошли красные дни для дѣтей. Злая мачиха преслѣдовала ихъ всюду, бранила и била безъ всякой причины. Мальчики обращались съ жалобой къ отцу, но тотъ, будучи слабъ къ молодой женѣ, утѣшалъ дѣтей тѣмъ, что, взыскивая съ нихъ, мачиха желаетъ имъ добра. Дѣти стали избѣгать мачихи, и считали себя счастливейшими когда посылали ихъ въ поле пасти коровъ и телятъ, гдѣ они могли вдоволь наигратъся. Заигравшись однажды, они не замѣтили, какъ день склонялся къ вечеру, не замѣтили и того, что все стадо разбрелось по лѣсу. Собравъ стадо, они недосчитались одного теленка, и какія средства ни употребляли мальчики, но теленка все-таки найти не могли. Становилось все темнѣе и темнѣе. Испуганные темнотою ночи и воемъ шакаловъ, бѣдныя дѣти прижались другъ къ другу и горько плавали. Идти домой они не рѣшались. Угрозы мачихи и ея побои были для нихъ гораздо страшнѣе, чѣмъ всѣ предстоящія опасности въ лѣсу и во время ночи. Скотъ снова разбрелся въ разныя стороны, а это еще болѣе лишало мальчиковъ возможности возвратиться домой. Дѣти просили у Бога, какъ спасенія для себя, чтобы онъ превратилъ ихъ въ птицъ и тѣмъ избавилъ отъ злой мачихи. Молитва ихъ услышана; они сдѣлались совами, которыхъ до этого времени на свѣтѣ вовсе не было. Совы полетѣли въ глубь лѣса, «но страхъ внушенный мачихою былъ такъ великъ, что они, ставъ совами, все еще не забыли о теленкѣ. Да и теперь совы въ лѣсу не усидятъ на одномъ мѣстѣ, а все летаютъ съ дерева на дерево, ища теленка».

— Иповне (нашелъ-ли)? кричитъ одна.

— Вера, вера (нѣтъ, нѣтъ)! отвѣчаетъ другая.

Вообще, надо замѣтить, что суевѣріе у грузинъ проявляется во всей первобытной формѣ.

Прокричить ли пѣтухъ послѣ заката солнца, грузинъ вѣрить, что врагъ собирается на хозяевъ пѣтуха. Если говорить часто о чемъ нибудь, то оно должно совершиться какъ-бы по неволѣ. Повѣрье это выразилось у русскаго народа въ поговоркѣ, — «навликать бѣду».

Неблагословенной сѣтью грузинъ не станетъ ловить рыбу. — Онъ вѣрить, что такую сѣтью, вмѣсто рыбы, будешь таскать камни, а пожалуй вытащишь и бѣсенка.

Грузины имѣютъ множество признаковъ, по которымъ заключаютъ о будущемъ. Объясненіе примѣтъ зависитъ отъ того, кто и какъ на себѣ испыталъ ту или другую примѣту. Для одного чихнуть два раза сразу означаетъ добро, для другого напротивъ. У кого *ираетз* правый глазъ, тотъ надѣется на хорошее, а иной доволенъ и игрою лѣваго глаза. Объ этомъ существуетъ у грузинъ цѣлая рукописная книга: *О тнни членовъ* (!), пользующаяся большою популярностію. Въ книгѣ подробно изложено значеніе игры членовъ человѣческаго тѣла, всѣхъ и каждаго порознь, начиная съ бровей, до ногъ съ ихъ пальцами, суставами и ногтями ¹⁾.

Кто привѣситъ зубъ волва къ лошади, тотъ увеличиваетъ быстроту ея хода. Къ волчьему хвосту прибѣгаютъ для открытія домашняго вора изъ числа нѣсколькихъ подозрѣваемыхъ лицъ. Каждый изъ обвиняемыхъ долженъ перепрыгнуть черезъ зажженный хвостъ; виновный узнается по корчамъ, которыя поражаютъ его при этомъ. Укушенный бѣшеною собакою бросается къ зеркалу, и если въ немъ увидитъ ея морду вмѣсто своего лица, то вѣритъ въ непреложность своей смерти, а если наоборотъ, то считаетъ себя выздоровѣвшимъ.

По народному повѣрью, если лисица повалится на засѣяномъ мѣстѣ, то оно лишается произрастанія. Отъ сообщенія лисы съ псомъ рождается искуситель. Если поймать удода во вторникъ, а въ среду зарѣзать и высушить каждое перышко и косточки птицы — то онѣ обладаютъ множествомъ талисмановъ. Кто имѣетъ въ своемъ кошельѣ гребень удода, будетъ имѣть всегда успѣхъ въ судѣ; владѣющій клювомъ удода и пришившій нижнюю часть его къ рукаву, можетъ когда захочетъ избавиться отъ соперника въ любви и избѣжать всякихъ ссоръ и тревоженій. Носить на рукавѣ правый глазъ удода, значитъ пользоваться всегда расположеніемъ своего господина. Колдовство исчезаетъ, если мозгомъ удода окурить заколдованное мѣсто. «Если беременная женщина носить на рукавѣ сердце этой-же птицы, то она внѣ всякой опасности отъ преждевременныхъ родовъ. Кто на правомъ рукавѣ будетъ носить язычекъ удода, тому нечего бояться отравы. Когда собираешься къ царскому порогу, сдѣлай напередъ мазь изъ крови удода и льняного масла, помажь ею себѣ ноздри и ступай съ Богомъ.»

Всѣ эти любопытныя для себя указанія грузинъ находятъ

¹⁾ «Очерки деревен. нрав. Грузинъ», Н. Берзеновъ. Кавк. 1854 г. № 1, стр. 282, примѣч.

въ рукописномъ лечебникѣ — *Карабадимъ*, въ которому весьма часто обращается во время недуговъ.

Болѣзнь у грузинъ нерѣдко представляется въ видѣ пластическихъ образовъ или духовъ. Болѣзнь оспы, наприимѣръ, не считается физическою, но болѣзнию живою — обществомъ высшихъ разумныхъ духовъ, которые, имѣя власть надъ человѣкомъ, пощѣщаютъ непремѣнно каждаго, и обрекаютъ на смерть того, кто имѣлъ несчастіе навлечь на себя ихъ гнѣвъ. Господство духовъ надъ человѣкомъ послужило основаніемъ къ тому, что ихъ прозвали *батанами* (господинъ) и даже ангелами. Больного, съ самыми первыми признаками оспы, укладываютъ въ саклѣ на самомъ почетномъ мѣстѣ, и около него ставятъ століеъ, уставленный лучшими вещами, имѣющимися въ домѣ. Куски сахара, яблоки, преимущественно краснаго цвѣта, и другіе мѣстные фрукты, стаканъ съ молокомъ, крендели и обрѣзки разноцвѣтныхъ шелковыхъ матерій — все это размѣщается на століеѣ возлѣ больного.

По понятію грузинъ, духи какъ и люди нуждаются въ пищѣ и питьи. Они берутся за приготовленное имъ кушанье въ глубокую полночь, когда повсюду царствуетъ тишина, и всѣ погружены въ мертвый сонъ.

Приготовивъ для духовъ столъ, грузины принимаются за музыку и пѣніе, какъ необходимыя принадлежности хорошаго стола. Если въ домѣ не случится чонгури¹⁾, то достаютъ у соседа и играютъ подлѣ больного, а въ промежуткахъ между музыкою всѣ домашніе считаютъ необходимымъ пѣть пѣсню, слѣдующаго содержанія: «Лилія-баюшки, роза-баюшки, лилія-баюшки-баю! Къ намъ пожаловали батонеби, лилія-баюшки пожаловали и развеселились, лилія-баюшки-баю!»

По увѣренію старухъ, батонеби большіе охотники до пѣнія и музыки. Они, по рассказамъ, сами играютъ на чонгури и поютъ такъ сладко и очаровательно, что пѣніе ихъ можно сравнить только съ ангельскимъ пѣніемъ.

¹⁾ Чонгури — музыкальный инструментъ употребительнѣйшій у грузинъ. Чонгури городской, не то что деревенскій, «городской чонгури это аристократъ, въ сравненіи съ своимъ сельскимъ, буквально неотесаннымъ, собратомъ.» Въ городахъ существуютъ три видоизмѣненія этого инструмента: *тори*, просто *чонури* и *чаури*. Въ деревенскомъ чонгури нѣтъ украшеній, нѣтъ серебрянаго ободочка съ надписью: *лагаю ес океанъ блаженства и очарованія*; струны его не металлическія, а изъ жилъ варѣзанныхъ на тонкія ниточки и навощенныхъ. Грузины любятъ этотъ инструментъ и сложили про него пѣсню: «Чонгури мой чонгури — поетъ селянинъ — вдали вырѣзанный изъ груши (дерева); наслѣдіе моего отца, время моего дѣда.» Вообще о музыкальныхъ инструментахъ см. Кавк. 1850, № 65.

Во все время болѣзни, утромъ и вечеромъ около больного курятъ *базму* — составъ изъ мелко-истолченныхъ грецкихъ орѣховъ, смѣшанныхъ съ хлопчатую бумагою. Составъ этотъ имѣетъ видъ курительныхъ свѣчей желтоватаго цвѣта. Базмѣ приписываютъ волшебную силу. Рассказываютъ, что если оспа изуродовала больного, или лишила его какого-либо органа, то стѣитъ только мѣсяць или два покурить въ саклѣ базму, и тогда больному возвратится прежнее здоровье. Если въ домѣ есть отчаянно больной оспою, то стѣитъ только зажечь базму и поставить ее тайкомъ на кровлѣ сосѣда, гдѣ есть также больной, тогда первый выздоровѣетъ, а послѣдній сдѣлается жертвою батонеби. Къ послѣднему средству прибѣгаютъ, впрочемъ, очень рѣдко.

Во время посѣщенія батонеби никто не смѣетъ плавать по больномъ, ни носить трауръ, пока они не распростятся окончательно съ семействомъ, хотя бы умершій отъ нихъ былъ единственный сынъ у родителей. Нельзя стрѣлять изъ ружья, рѣзать куръ и свиней, потому что батонеби при посѣщеніи считаютъ ихъ, и потомъ, если курица или свинья будетъ зарѣзана, то бѣда всему семейству ¹⁾).

Лихорадка представляется грузинами въ видѣ существа страшно-худощаваго и блѣднаго, въ которомъ нѣтъ и признака животельной крови; тѣло ея одинъ скелетъ, движущійся посредствомъ какой-то невѣдомой силы. Этотъ суровый образъ лихорадки странствуетъ по-бѣлу свѣту и кого навѣститъ, тотъ неминуемая жертва болѣзни.

Раннею весною, по сказанію грузинъ, у главнаго входа въ городъ Гумбри (нынѣшній Александрополь) собираются три брата, гени лихорадки. Откуда они начинаютъ свое путешествіе: одинъ идетъ въ Кахетію, другой — въ Карталинію, а третій — въ Арменію. Съ наступленіемъ зимы, братья опять соединяются въ Гумбри ²⁾). По сказанію «Карабадима», естъ двадцать пять родовъ лихорадки, но противу всѣхъ существуетъ одна молитва: «Аврамъ, Саврамъ, Турманъ, гора лихорадки — лекарственная, сказано въ молитвѣ. Если ты не христіанинъ, а жидъ, то ради имени священника Каіафы; если татаринъ или персіанинъ, то ради Магомета, — удались отъ сего раба Божія. Авгсиръ (?) взобрался на кедръ ливанскій, крича, рыдая и сокрушаясь. Отчего ты плачешь, сила трясущая? Разрѣжу я тебя вдоль и поперегъ и брошу въ пропасть клокочущую, и моя молитва да уничтожить тебя» ³⁾).

¹⁾ «Обрядъ у грузинъ во время болѣзни оспы». Закавъ. Вѣст. 1854 г., № 44.

²⁾ Газ. Кавказъ, 1854 г., № 41.

³⁾ «О грузинской медицинѣ», Н. Березновъ. Кавк. календ. на 1857 г., 490.

Мигрень представляется въ образѣ быка, грызущаго желѣзо. Противъ него надо переписать на лоскутѣ чистой бумаги, потомъ смочить его въ уксуcѣ и приложить ко лбу, слѣдующую молитву: «На краю *сѣнокоса* ¹⁾, завелся *шакеки* (мигрень), грызущій желѣзо, какъ волъ сѣно. Св. Георгій проклялъ его, и на утро онъ исчезъ».

Чесотка, по понятію народа — безродное чудовище, которое выходитъ изъ черныхъ скалъ, входитъ въ тѣло, гложетъ кости и, высасывая кровь, превращаетъ ихъ въ прахъ.

«Гой ты Іело, Іело юродивый, безпріютный! говоритъ заклинаніе. Откуда исходишь и куда входишь?— Исхожу изъ черной скалистой горы, вхожу въ тѣло человѣка, обдираю плоть, гложу кости, пью кровь. — Нѣтъ, да не допустишь тебя Отець, Сынъ и Св. Духъ; не позволю я тебѣ войти въ человѣка; раздроблю тебя на мелкія части, брошу въ мѣдный котелъ, раскалю его огнемъ и жупеломъ сѣрнымъ. Удались, отвяжись отъ раба Божіяго».

Надо трижды прочесть въ день субботній эту молитву надъ больнымъ при двухъ зажженныхъ свѣчахъ. Части тѣла, на которыхъ больше сыпи, намазать мазью изъ толченой сѣры, смѣшанной съ чухонскимъ масломъ, и выздоровленіе несомнѣнно ²⁾.

Вообще у грузинъ почти противу каждой болѣзни есть свои лекарства и различныя заклинанія. Въ нихъ къ чистотѣ религиозной примѣшивается часто народное суевѣріе. Значительная часть необыкновенныхъ въ жизни приключеній, добрыхъ или худыхъ, приписывается вліянію невидимыхъ сверхъестественныхъ силъ, и весьма часто злыхъ. Противодѣйствіе имъ народъ ищетъ въ одной силѣ Творца. Если туземный докторъ не помогаетъ больному, то старухи утверждаютъ, что несчастный болѣнъ отъ образа (хатисъ-ганъ), т. е., что онъ оскорбилъ образъ или словомъ или помышленіемъ. Больного ведутъ въ церковь къ образу, служатъ молебень, приносятъ жертвы и часто оставляютъ на церковномъ помостѣ въ ожиданіи выздоровленія. Особенною извѣстностью пользуется въ этомъ отношеніи тифлисская церковь во имя св. Георгія, называемая Квашветы. Здѣсь часто можно встрѣтить одержимыхъ недугами, пріѣхавшихъ издалека искать защиты и милости этого святого, особенно чтимаго народомъ ³⁾.

Къ молитвѣ и заступничеству святыхъ, грузины прибѣгаютъ и во дни бѣдствій.

¹⁾ Аллегорическое изображеніе головы.

²⁾ «Слѣды прошедшаго». Кавк. 1852 г. № 33.—Кав. кал. на 1857 г., 490.

³⁾ Кавк. 1847 г., № 3.

Простой народъ приписываетъ многія бѣдствія нечистой силѣ. Появятся ли въ посѣвѣ *шардэли* (плевела), онъ говоритъ, что нечистый портитъ ихъ нивы. Простолудинъ вѣрить, и весьма искренно, въ существованіе вѣдьмъ и колдуновъ. Въ случаѣ какого-нибудь бѣдствія онъ хватаетъ нѣсколькихъ подозрѣваемыхъ въ колдовствѣ старухъ, и, часто въ присутствіи князей и духовенства, добивается признанія въ сношеніи съ нечистою силою. Въ 1834 году, въ нѣкоторыхъ деревняхъ случился неурожай гóми и кукурузы. Народъ рѣшилъ, что это продѣлка вѣдьмъ и колдуновъ. Схвативши нѣсколькихъ лицъ, бросали ихъ въ воду, вѣшали за руки на деревья и прикладывали раскаленное желѣзо къ голому тѣлу, выпытывая, какимъ образомъ и отчего произошла неурожай ¹⁾.

Въ самой столицѣ Грузіи, хотя давно не слышно о колдунахъ и вѣдмахъ, но нечистая сила водится однако же и до сихъ поръ. Городскіе жители еще помнятъ о привлеченіи, совершившемся съ одною старою повивальною бабкою, приключеніи, достоверность котораго, по ихъ мнѣнію, не подлежитъ сомнѣнію ²⁾.

Даже въ 1851 году, послѣ бывшаго затмѣнія солнца, между народомъ распространилась вѣсть, что во внутренности всѣхъ тифлискихъ куръ завелись змѣи, и что всѣ онѣ отравлены. Зараженіе объясняли тѣмъ, что куры клевали зерна, спадавшіе съ неба отъ дракона, сражавшагося съ солнцемъ во время затмѣнія. Куры подвергнуты были жестокому гоненію. Ихъ или били или продавали за безцѣнокъ, по 5 копѣекъ, тогда какъ обыкновенная средняя стоимость курицы была отъ 30 до 40 копѣекъ.

«Видитъ ли грузинъ-поселянинъ, что красная полоса, у обозначившейся на горизонтѣ радуги, болѣе и ярче полосы другого цвѣта; онъ заключаетъ, что въ текущемъ году вина будетъ много, и онъ повеселится вдоволь. Падающія звѣзды ему вѣщаютъ смерть его собратій; ибо онъ убѣжденъ, что у всякаго есть своя звѣзда, отъ теченія которой зависитъ участь человѣка, обуславливающая его жизнь, счастливую или несчастную, смотря по тому, подъ какою звѣздою онъ родился на свѣтъ» ³⁾.

Когда западъ горитъ заревомъ кроваваго цвѣта, суевѣрному грузину кажется, что будетъ кровавая война.

Каждый грузинъ непремѣнно суевѣренъ и суевѣренъ съ малолѣтства. Суевѣріе всасывается съ молокомъ матери и переходитъ въ обряды и обычаи.

¹⁾ «О святкахъ въ Тифлисѣ и народн. суевѣрїи въ Грузіи». Кавк. 1847 г., № 8.

²⁾ Тамъ же. — См. также Закав. Вѣст. 1854 г., № 43.

³⁾ Кавказъ, 1853 г. № 34.

Въ Кахетіи, напримѣръ, во время засухи, крестьянскія дѣвочки собираются вмѣстѣ и, надѣлавъ кукулъ, называемыхъ *Лазаре*, ходятъ съ пѣснями по селенію. «Лазаре, Лазаре, поютъ они... Дай Богъ намъ грязи, не хотимъ засухи...» Изъ дому, передъ которымъ поютъ дѣвочки, выходитъ хозяинъ, выноситъ пѣвуньямъ въ подарокъ нѣсколько яицъ или немного муки и обливаетъ водою кукулу, а иногда и самихъ дѣвочекъ. Отъ этого произошла, какъ полагаютъ нѣкоторые, грузинская поговорка: «онъ мокръ, какъ Лазаре».

Дѣвочки ходятъ и поютъ до тѣхъ поръ, пока не выпросятъ у неба облаковъ.

Тучи навопляются, но вмѣсто ожидаемаго дождя пошелъ градъ. Старухи тотчасъ же зажигаютъ свѣчи, сохраненныя отъ праздника пасхи. Нѣкоторыя женщины выносятъ золу и развѣиваютъ ее на воздухъ, приговаривая: «Дай Богъ чтобы такъ развѣялся градъ!» Другіе опровериваютъ на дворѣ вверхъ дномъ котелъ или тазъ, полагая, что градъ превратится въ дождь.

Существуетъ также обыкновеніе *пахать дождь*. Восемь паръ дѣвушекъ запрягаются въ плугъ и тащутъ его къ рѣкѣ. По поясъ въ водѣ, онѣ протаскиваютъ его взадъ и впередъ и затѣмъ мокрыя возвращаются домой ¹⁾.

Дождь запаханъ; онъ оросилъ поля, обѣщающія обильную жатву.

Богатые грузины во время жатвы разбиваютъ въ полѣ палатку. Недостаточные люди жнутъ сами. Богатые нанимаютъ осетинъ или имеретинъ, которые ходятъ цѣлыми толпами отъ одной деревни въ другую. Помѣщики прежде созывали своихъ крестьянъ, и у богатыхъ собиралось иногда нѣсколько сотъ жнецовъ. Жать начинаетъ тотъ, кто славится своею быстрою работою. Съ крикомъ: *опума! опума!* онъ бросается на ниву и идетъ впереди всѣхъ, ловко складывая на обѣ стороны сжатые снопы. Остальные работники слѣдуютъ за нимъ.

Наступаетъ полдень, пора обѣда, и сама хозяйка спѣшитъ на ниву. На встрѣчу ей выходитъ одинъ изъ жнецовъ и подаетъ крестъ сложенный изъ колосьевъ. Хозяйка вынимаетъ пару шерстяныхъ чулокъ, заранѣе приготовленныхъ и даритъ ихъ подателю. Крестообразно сложенные колосья выносятся на встрѣчу каждому, кто только проѣдетъ мимо нивы и работниковъ. По обычаю, привѣтствуемый долженъ отплатить также подаркомъ, но если онъ этого не сдѣлаетъ, то жнецы вправѣ пропѣтъ на его счетъ какой-нибудь сатирической куплетъ, съ припѣвомъ *опума*.

¹⁾ Кавк. 1847 г. № 10.—Кавк., 1854 г. № 52.

Съ окончаніемъ работы жнецы возвращаются въ деревню, гдѣ ожидаетъ ихъ хорошій ужинъ. Особенно отличившійся работою получаетъ отъ хозяина въ подарокъ шапку и голову быка, зарѣзаннаго для угощенія, какъ почетный подарокъ ¹⁾).

Жатва окончена; хлѣбъ убирается, свозится на арбахъ и складывается высокими продолговатыми скирдами (дзна) близъ гумна. Затѣмъ обмолачивается при помощи незатѣйливаго механизма *кеери* ²⁾ и ссыпается въ *ормо* — ровъ, обыкновенно вырываемый на дворѣ дома или на самомъ гумнѣ, въ два или болѣе аршина глубиною. Стѣны *ормо*, для предохраненія отъ сырости, готовятъ слѣдующимъ простымъ способомъ. Вырытую яму наполняютъ сухими дровами или бурьяномъ и зажигаютъ его. Потомъ, выбравъ изъ ямы песокъ и угли, обмазываютъ стѣны ея глиною, толщиною пальца въ два, и опять разводятъ огонь, жаръ котораго высушиваетъ глину. Затѣмъ дно и бока ямы выстилаютъ соломою или тонкимъ тростникомъ и ссыпаютъ туда всякаго рода хлѣбъ въ зернѣ. Сверхъ зеренъ кладутъ слой соломы или сухой мякины, закрываютъ отверстіе досками и надъ ними насыпаютъ конусообразный земляной холмикъ, обозначающій мѣсто хранения хлѣба ³⁾. Въ этомъ отношеніи грузины нисколько не подвинулись впередъ. Какъ молотили и хранили они хлѣбъ въ 1802 году, такъ молотятъ и хранить его и теперъ ⁴⁾).

Мякина и солома искрошенная мелко, отъ самаго способа молотбы, складываются въ *сabdзели* — сараи и служатъ единственнымъ кормомъ для скота и лошадей во время зимы.

За сборомъ хлѣба, слѣдуетъ сборъ винограда ⁵⁾).

Сборъ винограда самое веселое время для грузинъ. По окончаніи работъ и приготовленія вина, достаточные грузины начинаютъ разѣзды другъ къ другу и собираясь цѣлыми компаніями, по нѣскольку дней гостятъ у своихъ знакомыхъ. Кутежъ,

¹⁾ «Очерки деревенскихъ нравовъ Грузія», Н. Берзеновъ. Кавк. 1854 г., №№ 71 и 72.

²⁾ Описаніе устройства *кеери* смотри тамъ же.

³⁾ Записки Буткова, рукоп. Арх. Глав. Шт.—«Описаніе деревенск. нравовъ Грузія», Н. Берзеновъ. — Кавк. 1854 г. №№ 71 и 72.

⁴⁾ Любопытна замѣтка Буткова о способѣ печенія хлѣба въ Грузіи.—«Хлѣбъ пекутъ, ишетъ онъ, въ большихъ глиняныхъ горшкахъ, въ кои входитъ 4 ведра и болѣе. Такой горшокъ вкапываютъ въ землю, либо обливаютъ яму только глиною, потомъ разводятъ въ немъ огонь, отчего онъ скоро раскаляется, тогда вѣшаютъ хлѣбныя лепешки по внутреннимъ стѣнамъ надъ жаромъ, гдѣ они скоро упекаются». Такъ приготовленный хлѣбъ носитъ названіе *чурка*.

⁵⁾ О сборѣ винограда см. «Десять лѣтъ на Кавказѣ», Современникъ 1854 г., т. 47, а также статьи Н. Берзенова, помѣщенныя въ газетѣ Кавказъ.

пыры и веселья служатъ началомъ къ празднои зимней жизни туземца, который любитъ уничтожать зимою то, чѣмъ запасся лѣтомъ....

VI.

Сословное дѣленіе грузинскаго народа.

Въ концѣ XVIII столѣтія, грузины, по сословіямъ, дѣлились: на князей, дворянъ, купцовъ, макалаховъ, домовыхъ служителей и крестьянъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что высшее сословіе народа грузинскаго явилось еще въ то время, когда въ Грузіи не было царей, и страна управляема была мамасакхлисами ¹⁾ или домоначальниками. Роды младшихъ братьевъ мамасакхлисовъ, получая удѣлъ, составили фамиліи товадовъ или князей ²⁾. Царскій титулъ въ Грузіи явился около 300 лѣтъ до Р. Хр. Царь грузинскій (Менѣ) Фарнавазъ I, родомъ персъ, вводя въ Грузію персидскія постановленія, раздѣлилъ всю страну на нѣсколько областей ³⁾. Въ составъ Грузіи входили тогда верхняя Имеретія (т. е. области Рачи, Гуріи), нынѣшній Ахалцыхскій пашалыкъ, Карталинія и Кахетія. Въ каждой области Фарнавазъ установилъ должность эриставовъ ⁴⁾ (нѣчто въ родѣ нашего воеводы). Въ эти званія были опредѣляемы предпочтительно князья грузинскіе. Эриставство раздѣлялось на моуравства или земское начальство, которое было ввѣряемо младшимъ князьямъ, подчиненнымъ эристамъ. Званій этихъ достигали вообще черезъ заслуги. Такое административное управленіе Грузіи продолжалось до исхода VI вѣка по Р. Хр.

Царь Бакаръ III возвысилъ еще болѣе княжеское достоинство тѣмъ, что отдалъ эриставства и моуравства въ управленіе княжескихъ родовъ, что сдѣлало ихъ какъ-бы вассалами царей и полными владѣтелями эриставствъ. Такимъ образомъ явились въ Грузіи намѣстники съ феодальнымъ управленіемъ. Между тѣмъ, фамиліи князей увеличивались или младшими членами царствующей династіи или знатными родами, при присоединеніи къ Грузіи чужихъ владѣній, вмѣстѣ съ ихъ владѣтелями. Такъ, съ

¹⁾ Мамасакхлисъ, въ буквальной переводѣ, означаетъ отецъ дома, т. е. глава семейства, начальникъ рода, племени.

²⁾ Названіе князя, которое на грузинскомъ языкѣ выражается словомъ *товади*, произошло отъ *тади*—голова.

³⁾ Эристи по грузински значитъ народъ, а *тади*—голова.

⁴⁾ Въ запискахъ академика Буткова сказано, что тогдашняя Грузія была раздѣлена на 8 областей. Арх. Главн. Шт. въ С.-Пет.

присоединеніемъ Сомхетіи, присоединились и мелики ея, Орбелиани и друг. Мелики или владѣльцы армянскіе были потомъ переименованы въ тавади.

Владѣтельные князья, получившіе въ управленіе своего рода эриставства, старались во всѣ послѣдующія времена поддерживать свое значеніе и независимость. Мало повинуюсь царямъ, они управляли своими удѣлами почти самовластно. Императоры константинопольскіе, цари и шахи персидскіе, а впослѣдствіи и султаны турецкіе, поддерживали могущество этихъ вассаловъ съ цѣлю, ослабленіемъ власти царя, сохранять свое верховное владычество надъ Грузією. Владѣтельные эриставы отказывались иногда помогать царямъ въ борьбѣ ихъ съ непріателемъ. Царь не могъ доставить полной силы закону, если онъ не подтвержденъ былъ согласіемъ князей, — это не мѣшало, впрочемъ, тѣмъ же князьямъ подчиняться обычаю, по которому царь имѣлъ право каждаго князя лишить жизни, членовъ, выколоть глаза, оставляя въ то же время изувѣченнаго въ княжескомъ званіи и при его владѣніи.

Главные князья ¹⁾ получали отъ шаховъ, вмѣсто ордена, шапку съ перьями, извѣстную подъ именемъ *тачжи*, въ отличіе царской, которая называлась *томарь*.

Царь Ираклій II, пользуясь смутами происходившими въ Персіи, нашелъ возможность стѣснить власть князей, въ особенности карталинскихъ, способомъ, который впослѣдствіи оказался весьма ненадежнымъ. Онъ отнялъ у нѣкоторыхъ сильнѣйшихъ князей, болѣе другихъ опасныхъ по мѣстоположенію, древнее ихъ достояніе и роздалъ его въ удѣлъ своимъ сыновьямъ и внукамъ, которые впослѣдствіи еще менѣе повиновались царю, чѣмъ князья. Мѣра эта была вызвана сколько предполагаемою пользою въ единствѣ и силѣ государства, столько же и потому, что, съ размноженіемъ членовъ царскаго дома, недостаточно было царскихъ доходовъ на приличное ихъ содержаніе.

Князья грузинскіе происходили: 1) отъ царей грузинскихъ; 2) отъ владѣльческихъ княжескихъ сословій, переселившихся изъ другихъ странъ, преимущественно владѣтельныхъ княжескихъ фамилій Арменіи, и 3) возводились въ эти достоинства шахами персидскими и царями грузинскими, изъ дворянъ грузинскихъ и другихъ сословій ²⁾.

¹⁾ Высшее сословіе князей носило иногда названіе *батонисъ-цицилъ*; см. ст. Кипіани: «О томъ, о семъ и между прочимъ о сословіяхъ закавказскихъ». Газ. «Кавк.», 1853 г. № 80, 347. По его мнѣнію, это названіе принадлежитъ дѣтямъ *мтаваровъ* — самаго высшаго и ближайшаго къ царю сословія грузинъ.

²⁾ При заключеніи трактата въ 1783 г., наше правительство требовало свѣдѣній

Условіемъ, освященнымъ закономъ, для княжескаго достоинства признавалось необходимымъ: 1-е, имѣть двѣ или три крѣпости ¹⁾ и столько же деревень; 2-е, такое состояніе, которое давало бы возможность князю содержать себя прилично званію; 3-е, имѣть церковь или монастырь для погребенія членовъ семейства; и 4-е, имѣть въ своей зависимости нѣсколько дворянъ. Безъ этихъ условий, и преимущественно безъ перваго, никто не могъ получить княжескаго достоинства даже и въ позднѣйшее время.

Цари грузинскіе выдавали обыкновенно дочерей своихъ за князей, при чемъ избирали самыхъ богатыхъ, чтобы приданое стоило царю какъ можно меньше. Царицы грузинскія и невѣстки царя были также дочери князей грузинскихъ.

Первые чины военные и гражданскіе, какъ-то: сардарство (высшее военное званіе) и должности мдиванъ-бековъ (судьи) были наслѣдственны въ родахъ князей ²⁾. Если отецъ былъ сардаръ, то и сынъ долженъ быть сардаръ; если отецъ мдиванъ-бекъ, то и старшій сынъ его будетъ тѣмъ же.

Князья почти никогда не дѣлили своихъ имѣній, а вся фамилія жила вмѣстѣ, въ зависимости отъ старшаго въ родѣ, который управлялъ всѣмъ имѣніемъ безъ всякаго прекословія со стороны младшихъ. Онъ получалъ доходы и удѣлялъ часть изъ нихъ на содержаніе младшихъ членовъ своего дома. Если же братья раздѣлялись, то, въ этомъ случаѣ, старшій въ родѣ, сохраняя первенство и власть, пользовался особеннымъ уваженіемъ.

При заключеніи трактата 1783 г., считалось въ Грузіи княжескихъ фамилій: въ Кахетіи 24 и въ Карталиніи 38; въ 1801 году явились новыя фамиліи, не помѣщенные въ трактатѣ, пріобрѣтшія княжеское званіе въ слабое правленіе послѣдняго царя грузинскаго. Въ позднѣйшее время, цари грузинскіе, по недостатку доходовъ, для пріобрѣтенія ихъ, занимались продажею княжескихъ достоинствъ людямъ разнаго званія. Царевичи весьма нерѣдко

о князьяхъ и дворянахъ. Ираклій затруднился уравнивать ихъ старшинство и достоинство. Онъ составилъ 8 списковъ, въ каждомъ помѣстилъ по 8-ми, а въ двухъ по 7-ми фамилій съ такимъ объясненіемъ, что параллельные въ каждомъ спискѣ князья равны между собою.

¹⁾ Отсюда въ Грузіи и до сихъ поръ видно множество замковъ, башенъ и крѣпостей. Происхожденіе ихъ вызвано частыми вторженіями непріятелей, которымъ подвергалась Грузія. Въ это время, изъ товадовъ считался тотъ слабѣйшій и ненадежный, у кого не было воздвигнуто твердыни, на лучшемъ стратегическомъ пунктѣ, у кого не было сильной и хорошо вооруженной крѣпости. Кавк., 1858 года, № 83.

²⁾ Военное сардарство было наслѣдственно въ родахъ князей Амилахваровыхъ, Багратіоновъ-Мухранскихъ, Циціановыхъ, Авдрониковыхъ и проч.

прибѣгали къ такой же продажѣ. Имеретинскій царь, бывши уже подданнымъ Россіи, не отказывался въ такомъ злоупотребленіи власти ¹⁾. Наказанія лишеніемъ правъ, сколько извѣстно, не было въ употребленіи въ Грузіи, по конфискаціи имѣній была въ большемъ употребленіи.

Дворяне или *азнауры* грузинскіе дѣлились на два разряда: дворянъ царскихъ и дворянъ княжескихъ. Происхожденіе этого сословія относится также къ отдаленной древности. Со времени плаванія Аргонавтовъ съ Колхиду, многіе изъ грековъ поселялись на ея берегахъ. Грузины называли ихъ по своему азнаурами ²⁾. Первый царь грузинскій Парнаозъ или Фарнавазъ получилъ, за деньги, отъ колхидскаго владѣтеля войско, къ которому присоединились и многіе изъ азнауровъ. При ихъ содѣйствіи, Парнаозъ выгналъ изъ Грузіи македонянъ, около 300 года до Р. Хр.

Въ признательность къ услугѣ азнауровъ царь удержалъ ихъ при себѣ, далъ имъ земли и помѣстья. Азнауры-то и составили впоследствии въ Грузіи классъ дворянства, уступающій только товадамъ или князьямъ грузинскимъ.

Сынъ Парнаоза лишень былъ господства надъ грузинскимъ народомъ, который желалъ возстановить надъ собою прежнее владычество мамасахлисовъ. Но азнауры возстановили сына Парнаоза на престолѣ и онъ, въ признательность за то, учредилъ изъ нихъ своихъ тѣлохранителей. Съ тѣхъ поръ азнауры пользовались значительнымъ вліяніемъ въ Грузіи. Съ словомъ азнауръ грузинъ соединяетъ понятіе о благородствѣ и образованности. Свободныя науки, благородныя искусства назывались азнаурскими. Сословіе это было самымъ образованнымъ въ Грузіи.

Когда князья сдѣлались самовластными въ своихъ удѣлахъ, то давали своимъ приближеннымъ также названіе азнауровъ. Отъ этого въ Грузіи, съ самыхъ древнихъ временъ, явились азнауры царскіе и азнауры княжескіе.

Раздѣленіе это сохранилось только въ Карталиніи; въ Кахетіи же были только дворяне царскіе. Царь кахетинскій Леонъ, въ началѣ XVI стол., освободилъ дворянъ кахетинскихъ отъ зависимости князей, желая обезсилить этихъ послѣднихъ, такъ

¹⁾ Записки Тучкова (рукоп.), въ Арх. Гл. Штаба.

²⁾ По мнѣнію академика Буткова (см. запис. Буткова, Арх. Глав. Шт. въ С.-Петербургѣ), названіе это произошло отъ Язона, предводителя аргонавтовъ. Бутковъ на этомъ основаніи предполагаетъ, что первоначальное наименованіе этого сословія было азнауры. Г. Д. Кипіани происхожденіе этого слова приписываетъ Азону, одному изъ начальниковъ въ арміи Александра Македонскаго, и потому говоритъ, что первоначальное названіе было Азонауры. — См. Кавк. 1853 г. № 81, 350.

какъ дворяне княжескіе, занимаясь исключительно военнымъ ремесломъ и составляя храбрѣйшихъ и отличнѣйшихъ воиновъ Грузіи, принимали всегда дѣятельное участіе во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда властолюбивые князья противодействовали царской власти.

Дворяне царскіе допускались къ нѣкоторымъ придворнымъ должностямъ, а по службѣ военной достигали иногда до званія минь-баши (полевниковъ), но по большей части предѣломъ ихъ возвышенія былъ чинъ юсь-баши (капитанъ)¹⁾. Выше этихъ чиновъ дворяне не достигали по весьма значительному числу княжескихъ фамилій, занимавшихъ всѣ важнѣйшія мѣста, и тѣмъ препятствовавшихъ ихъ возвышенію. Азнауры пользовались тѣми же правами наследства и старшинства въ родѣ, какъ и князья.

Дворяне, принадлежавшіе князьямъ, католикосу (глава духовенства) и царевичамъ, владѣвшимъ княжескими удѣлами, считались ниже дворянъ царскихъ и были подданными своихъ владѣльцевъ, пользуясь данною имъ землею, населенною крестьянами. Дворяне эти не несли никакихъ повинностей и не располагали своими помѣстьями, и ежели продавали ихъ, то не иначе какъ съ разрѣшенія владѣтеля и притомъ только дворянамъ того же князя.

Князь же имѣлъ право продавать деревню, состоявшую въ вѣдѣніи его азнаура, но тогда азнауръ этотъ и его семейство дѣлались свободными. Княжескіе дворяне имѣли право мѣнять владѣльцевъ, но для этого должны были предварительно приискать князя, который бы желалъ ихъ принять и доставить тѣ удобства, которыя составляли необходимое условіе дворянскаго достоинства.

Приискавъ себѣ новаго владѣльца, азнауръ оставлялъ прежнему владѣльцу землю, домъ и отходилъ къ новому.

Въ военное время азнауры обязаны были вооружаться поголовно и идти съ своими князьями; въ мирное время они сопровождали князей во время охоты, путешествія и исполняли различныя должности въ домашнемъ его быту.

При пожалованіи въ азнауры, царь предварительно доставлялъ возводимому въ это званіе, если онъ не имѣлъ своихъ средствъ, все то имущество, которое составляло необходимое условіе для званія дворянина. Каждый азнауръ царскій имѣлъ свою деревню, крѣпость, или замокъ посреди своихъ владѣній, церковь—для погребенія семейства, на случай похода—палатку, исправное вооруженіе, и такъ какъ служба дворянъ была пре-

¹⁾ Акты Кав. Арх. Ком. т. I, 329.

имущественно конная, то требовалось отъ каждаго азнаура, чтобы онъ имѣлъ, сверхъ употребляемой, одну надежную заводную лошадь съ прислугою.

Князья имѣли право ходатайствовать о возведеніи въ азнауры своего подвластнаго, если только снабжали его изъ своего имѣнія всѣмъ необходимымъ для этого званія.

Возведенному въ дворяне выдавалась царская грамота съ особымъ цереміаломъ. При послѣднемъ царѣ званія эти сдѣлались продажными, какъ и званія князей. По трактату 1783 г. состояло въ Грузіи дворянскихъ фамилій: царскихъ—въ Кахетіи 36, въ Карталиніи 82; въ Карталиніи же княжескихъ 186 и католикосовыхъ тамъ же 13.

Купцы раздѣлялись на три степени: купецъ 1-й степени былъ какъ-бы именитый гражданинъ. Званіе это пріобрѣталось по наслѣдству и вмѣстѣ съ нимъ передавался капиталъ, крестьяне и земля.

Купцами 2-й степени были тѣ, которые сами, торговыми оборотами, пріобрѣтали капиталъ, крестьянъ и земли; и наконецъ, 3-й степени, тѣ, которые имѣли только лавки, въ коихъ и производили торгъ.

Купцы нерѣдко занимали должности въ царскомъ домѣ и, пользуясь равными правами съ царскими дворянами, имѣли преимуществва передъ княжескими.

Мокалаки или мѣщане имѣли почти тѣже права, что и купцы. «Купцы и Мокалаки почти всѣ армяне, ибо грузины за стыдъ почитаютъ торговать»¹⁾.

Амкары или ремесленники дѣлились на цехи: каменщиковъ, плотниковъ, ткачей, портныхъ, золотыхъ, серебряныхъ, мѣдныхъ и желѣзныхъ дѣлъ мастеровъ, иконописцевъ и др.

Споры и несогласія между кастами ремесленниковъ и промышленниковъ повели къ тому, что для защиты отъ притѣсненій постороннихъ и для учрежденія суда между собою, ремесленники начали избирать изъ среды себя начальниковъ, которыхъ и назвали *уста-башами* (головы мастеровъ). Правила для ихъ избранія были утверждены царями. *Уста-баша* имѣло не только одно цѣлое ремесло, но и виды его, такъ напр. водоносы дѣлились: на водоносъ-кувшинниковъ и водоносъ-бурдючниковъ. Каждый отдѣлъ этого ремесла, подчиняясь общему *уста-башу* всѣхъ водоносъ, имѣлъ своего собственнаго уста-баша или старшину. Портные каждаго вида: русскихъ платьевъ,

¹⁾ Письмо Лазарева Кюриягу, 8 марта 1801 г.—Акты Кав. Арх. Ком. т. I, 829.

черкесовъ, чѣхъ и т. д., кромѣ общаго *уста-баша*, имѣли своего особаго, но при этомъ нація не различалась.

Выборъ уста-баша производился всегда возлѣ извѣстной церкви, по большинству голосовъ, изъ мастеровыхъ своего ремесла.

Стараются выбрать человѣка пользующагося всеобщимъ уваженіемъ, опытнаго и умнаго. Въ помощь ему избирають двухъ мастеровыхъ: *шитъ-башъ* (сильная голова), и *ахъ-сажмаъ* (что значитъ: бѣлая борода). Избиравшіе даютъ подписку выбранному въ томъ, что будутъ исполнять всѣ его приказанія и довольствоваться его рѣшеніемъ; потомъ цѣлуютъ ему руку и поздравляютъ съ должностію. При поздравленіи каждый даритъ новому *уста-башу* яблоко, начиненное мелкими деньгами, соразмѣрно состоянію. Уста-башъ есть судья, хранитель мира и добраго согласія артели и оберегатель ея интереса. При царяхъ уста-баша были неограничены, но впоследствии были лишены права наказывать тѣлесно. Никто не можетъ ослушаться его приказанія. Желающій отдать своего сына въ обученіе какому нибудь ремеслу долженъ прежде всего предупредить о томъ уста-баша, на какихъ условіяхъ отдаетъ мальчика и на сколько лѣтъ. По окончаніи срока ученя (отъ 5—6 лѣтъ), уста-башъ, съ двумя помощниками, производитъ ученику испытаніе, и если онъ знаетъ ремесло, и былъ, по свидѣтельству хозяина, хорошаго поведенія, тогда посвящаетъ его въ мастера.

Собравъ со всѣхъ посвящаемыхъ отъ 10—25 руб. съ cadaго, смотря по состоянію, все общество мастеровыхъ отправляется за городъ въ сады и задаетъ тамъ пиръ на славу. Передъ обѣдомъ ученикъ становится на колѣни, священникъ приглашенный изъ того прихода, къ которому принадлежитъ ученикъ, читаетъ надъ нимъ евангеліе, потомъ благословляетъ имъ на добрыя дѣла, и наставляетъ его, исполняя ремесло честно, жить со всѣми въ мирѣ.

Отъ священника ученикъ подходитъ къ уста-башу, который совѣтуетъ ему быть достойнымъ высокаго званія мастера, и затѣмъ всѣ ремесленники заключаютъ наставленіе словомъ: аминь! Тогда уста-башъ, призвавъ на помощь св. Троицу, бьетъ рукою три раза по щекѣ cadaго посвящаемаго и опоясываетъ ихъ шелковыми кушаками или платками, которые и носятъ ими въ продолженіи трехъ дней, какъ знаки ихъ посвященія. По окончаніи обряда, они цѣлуютъ руку уста-баша и всѣхъ присутствующихъ мастеровъ, и затѣмъ начинается пиръ.

Уста-башъ собираетъ подати, повѣщаетъ своимъ подвластнымъ, чтобы они въ высокаторжественные дни присутствовали въ церквахъ, и творить судъ и расправу.

Въ день новаго года каждый мастеръ, поздравляя своего уста-баша, даритъ ему яблоко начиненное деньгами, за что тотъ угощаетъ его фруктами и водкой.

Въ случаѣ ссоры между мастеровыми, уста-башъ призываетъ ихъ черезъ иштъ-баша, разбираетъ дѣло и наказываетъ виновнаго или денежнымъ штрафомъ, или запираетъ его лавку на два и на три дня.

«Если подсудимый вздумаетъ не повиноваться, тогда, какъ напр. между сапожниками, башмачниками, кожевниками,—уста-башъ посылаетъ черезъ своего иштъ-баша яблоко къ уста-башу тѣхъ ремесленниковъ, у которыхъ непослушный покупаетъ товаръ для своей работы, или къ тѣмъ, которые у него берутъ товаръ, и тѣмъ извѣщаетъ, что такой-то мастеръ ему не повинуется и потому проситъ: строго воспретить подвѣдомственнымъ мастерамъ и мясникамъ продавать тому, если онъ кожевникъ, сырую кожу, а если онъ сапожникъ, то кожевникамъ давать ему товаръ. Такимъ образомъ, стѣсненный со всѣхъ сторонъ, онъ принужденъ явиться къ своему уста-башу съ покорностію», просить прощеніе, платитъ штрафъ, и тогда уста-башъ сообщаетъ, что такой-то свободенъ отъ запрещенія ¹⁾).

Уста-башъ постоянно отвлекается, по дѣламъ общества, отъ своихъ занятій, поэтому въ вознагражденіе онъ получаетъ по 1 руб. сер. при рѣшеніи дѣла съ обѣихъ тяжущихся, и по 1 руб. и по шелковому платку съ каждаго ученика, поступающаго въ мастера.

Родственники умершаго ремесленника, приглашаютъ на похороны всѣхъ товарищей по ремеслу, и такъ какъ отвлекаютъ ихъ этимъ отъ дѣла, то даютъ мастеровымъ деньги, на которыя тѣ справляютъ поминки, а остатки обращаютъ въ общественную сумму, куда поступаютъ также и штрафные 60 коп. съ каждаго мастераго, не бывшаго на похоронахъ безъ особенно важныхъ причинъ. Общественная сумма служитъ для помощи бѣднымъ больнымъ мастерамъ, и часто употребляется на похороны бѣдныхъ мастеровыхъ. Одинъ разъ въ году общество покупаетъ барановъ и сарачинское пшено, готовитъ пловъ, шацлыгъ и посылаетъ ихъ съ хлѣбомъ: часть арестантамъ, часть нищимъ, а часть употребляетъ на свой обѣдъ, бывающій обыкновенно въ присутствіи священника.

Между каждымъ родомъ мастеровъ есть свои особыя обыкновенія. Сапожникъ, какъ только появится плодъ персика, доставъ его, приносить своимъ ученикамъ, и тогда они должны

¹⁾ Уста-башъ, Кавк. 1846 г. № 41.

работать по вечерамъ при свѣчахъ ¹⁾); ученикъ, нашедшій весною полевой цвѣтокъ показываетъ мастеру, что значить, что ночи коротки и ихъ слѣдуетъ избавить отъ вечерней работы. Эти обычаи исполняются весьма строго.

Ремесленники, по мѣрѣ увеличенія своего состоянія, переходили въ сословіе купцовъ.

Всѣ вообще, купцы и горожане имѣли право покупать на свое имя крестьянъ и земли, платили подати съ капиталовъ и поголовно, кромѣ дѣлающихъ оружіе и иконописцевъ, изъятыхъ по законамъ отъ налоговъ. Хотя капиталъ каждаго и не приводился въ извѣстность, однако собственный ихъ между собою разборъ опредѣлялъ сколько слѣдуетъ внести каждому, въ составъ наложенной на все общество подати, бывшей по большей части постоянною.

Захури — домовые служители господъ, составляли въ Грузіи особое сословіе между дворянами и крестьянами, нѣчто въ родѣ нашихъ дворовыхъ людей. Захури находились при царяхъ, князьяхъ, дворянахъ и при знатномъ духовенствѣ. Кромѣ домашней услуги, они сопровождали своихъ господъ на войну въ качествѣ тѣлохранителей.

Захури поступали въ это званіе изъ крестьянъ, по волѣ своихъ господъ, цѣлыми семействами и, по принятому обычаю, не могли быть обращены въ первобытное состояніе, кромѣ тѣхъ изъ нихъ, которые возведены въ это сословіе своими владѣльцами. Захури могли покупать крестьянъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, нерѣдко и сами продавались другимъ владѣльцамъ, всегда сохраняя впрочемъ при этомъ свое званіе и привилегіи. Владѣлецъ могъ возводить захури въ азнауры, что и заставляло ихъ усердно исполнять свои обязанности. Повинности этого сословія людей были различны. Нѣкоторые ничего не платили помѣщику, и тогда одинъ или два человѣка изъ семейства находились на службѣ у своего господина ²⁾, другіе исполняли повинности крестьянъ и проч.

Сословіе земледѣльцевъ или такъ называемыхъ *геховъ*, составлялось: изъ грузинъ, армянъ, татаръ, осетинъ, тушинъ, пшавовъ и хевсуръ ³⁾. Одни изъ нихъ принадлежали собственно царю,

¹⁾ Подробности смотри: Кавк. 1846 г. № 42, «Уста-башъ» — О Тифлис. цехахъ, Кавк. 1850, № 93.

²⁾ Въ этомъ случаѣ они обязаны были имѣть свое платье, вооруженіе, лошадей и продовольствіе.

³⁾ Къ сословію геховъ принадлежали: *Мсазури, Маджалале* и *Кма*. См. Кнѣзьянъ: «О томъ, о семь и между прочимъ о сословіяхъ Закавказскихъ». Кавказъ, 1863 г., № 80.

другіе женѣ царствующаго царя, наконецъ, къ церквямъ ¹⁾, помѣщикамъ, князьямъ, дворянамъ и другимъ сословіямъ грузинскаго народа.

Прежде чѣмъ говорить о правахъ этаго класса людей, необходимо сазать о томъ способѣ, который былъ принятъ въ Грузіи при дѣленіи земель.

Надѣлъ крестьянъ землею зависѣлъ отъ владѣльца, но не было въ обыкновеніи отнимать часть земли изъ однажды назначенной во владѣніе какому-либо семейству. Сколько плугъ, запряженный 16-ю быками, могъ взорать въ одинъ день, — такое пространство земли называлось *дгыри* и составляло 60 квадр. саж. или полторы тамошнія десятины. Шестьдесятъ такихъ частей или 90 десятинъ (что называлось *миндорислица*, т. е. полевая земля), полагали необходимымъ имѣть каждому семейству вдали отъ селенія; восемь такихъ же частей или 12 десятинъ считалось необходимымъ имѣть по близости селенія, и кромѣ того, для дальняго сада, отводилось отъ 2 — 3 десятинъ, а для ближняго отъ 1 — 1½ десятины.

Участки эти, вмѣстѣ взятыя, называемые *сакомло* (равнявшееса 106½ десятинъ русскихъ или съ небольшимъ одной квадратной верстѣ) составляли полный надѣлъ для домоводства или земледѣлія, — такое сакомло считалось едва достаточнымъ для семейства, при той многочисленности его членовъ, какое было въ ту эпоху, потому что дѣдъ, отецъ и всѣ члены семьи жили нераздѣльно. Если, при этомъ, въ такой участокъ входило мѣсто удобное для постройки водяной мельницы, то сакомло считалось выгоднымъ. По этимъ сакомло въ Грузіи вели счетъ земли, говорили: такая-то деревня по числу семействъ имѣетъ полное сакомло, въ такой-то на половину, а нѣкоторые деревни имѣли двойное сакомло.

Подобное раздѣленіе земель было только у грузинъ, армянъ и осетинъ. Татары же, кочуя всё лѣто, раздѣленія этого не имѣли.

Для поднятія земли требовалось 8-мъ паръ воловъ и соразмѣрное число погонщиковъ. Очень часто земледѣлецъ не могъ ихъ выставить, поэтому вошло въ обычай заимствовать недостающихъ у сосѣдей и, при взаимной помощи, производить поочередную обработку земли. Татары дѣлали это иначе: они опредѣляли сперва,

¹⁾ Такъ, изъ сохранившейся въ древнемъ Манглискомъ храмѣ грамоты, выданной въ 1404 г. Александромъ I, видно о пожалованіи храму крестьянъ и угодевъ. Въ 1696 г., Назрали-ханъ или Ираклій I, грамотою же освободилъ ихъ отъ всѣхъ казенныхъ податей, кромѣ обязанности идти на войну или на царскую охоту. См. Кавк. календ. 1852 г., 468.

какое количество необходимо для пахоты всего селенія, или аула, работали общими силами, и затѣмъ, по жребію, дѣлили землю соразмѣрно числу работниковъ и воловъ; данныхъ отъ каждой семьи.

Въ случаѣ войны, земледѣльцы обязаны были идти на защиту отечества, имѣя свое оружіе, одежду и лошадь.

Повинности земледѣльцевъ опредѣлялись обычаями, вошедшими въ законъ и не только помѣщики, но и цари не могли требовать того, что не введено обычаемъ, что не исполнялось изстари. Платившіе подать виномъ или десятиною съ произведеній земли, не давали ничего другого, и нарушеніе этого права вело къ побѣгамъ цѣлыми селеніями, а нерѣдко и къ возмущенію ¹⁾).

Повинности земледѣльцевъ были слѣдующія: занимавшіеся хлѣбопашествомъ платили шестую часть урожая со всякаго хлѣба ²⁾, выдѣлывавшіе вино—доставляли своимъ владѣльцамъ пятую часть дохода и проч.

Крестьяне, жившіе въ городахъ и занимавшіеся какимъ-либо ремесломъ, платили *махту*, окладной денежный сборъ или оброкъ, который владѣльцы налагали произвольно, смотря по промышленности рабочихъ; если же крестьяне жили въ городахъ только для поденной работы или торговли и не пользовались землею, то платили подушный сборъ, — *мали*: женатые по 1 р. 20 к., а холостые, имѣющіе возрастъ, позволяющій имъ жениться, по 60 к.

Кромѣ того, всѣ вообще крестьяне, будь это грузинъ, армянинъ или татаринъ, должны были два раза въ годъ, въ день Пасхи и Рождества Христова, принести владѣльцу своему въ подарокъ съѣстного, каждый по своему состоянію. Женитьба помѣщика вызывала крестьянъ на чрезвычайный сборъ, денежный или хлѣбный, смотря по достатку каждаго.

Помѣщики имѣли полное право распоряжаться своею землею, и были полными владѣтелями того, что было въ ея нѣдрахъ. Они имѣли право собирать, въ извѣстной мѣрѣ, пошлыны съ товаровъ, провозимыхъ чрезъ ихъ владѣнія, или запретить провозъ. Могли строить, гдѣ вздумается, на своихъ земляхъ крѣпости, замки и башни.

Въ Грузіи существовалъ обычай весьма выгодный для владѣльцевъ, но разорительный для крестьянъ. Когда царь или князь пріѣзжалъ въ деревню, то крестьяне должны были довольствоваться ихъ безденежно. Отправляясь въ чье-бы то ни

¹⁾ Д. Кипіани приводитъ нѣсколько подробностей о родѣ повинностей и нѣсколько примѣровъ, указывающихъ на несообразность такого порядка. Кавказъ, 1858 г., № 84.

²⁾ Хлѣбная подать вообще называлась *десятиною*.

было имѣніе, въ видѣ гостя, царь или князь предварительно извѣщалъ, объ этомъ и требовалъ, отъ владѣльцевъ или крестьянъ, безденежно,—хлѣба, вина, скотъ на убой и проч. При посѣщеніяхъ царя, одиннадцатая часть доставленнаго принадлежала салтхуцесу и мдиванамъ. Мамасакхлисъ, или старшина деревни, обязанъ былъ приготовить для посѣтителя помѣщеніе и извѣстить обывателей, кому и что именно слѣдуетъ доставить.

По прибытіи царя, каждый несъ ему на деревянномъ лоткѣ свою пищу и нѣсколько глиняныхъ кувшиновъ съ виномъ; ставилъ все это передъ царемъ, сидящимъ съ своимъ слугою, и садился тутъ же самъ.

Смотря по населенію деревни, число приносившихъ угощеніе иногда было очень велико, но сколько бы ихъ ни было, всѣ садились вмѣстѣ, ѣли, пили и разговаривали. Отъ этого крестьяне и имѣли обо всемъ почти такія же свѣдѣнія, какъ ихъ князья или дворяне. Вступая въ разговоръ, каждый считалъ своею обязанностію употреблять все свое краснорѣчіе,—такое, отъ котораго, по выраженію грузинъ, «могъ бы треснуть камень». Изысканныя выраженія, сравненія и уподобленія, существующія у азіатскихъ народовъ, находили и здѣсь мѣсто и считались необходимостію.

Грузинъ свыкъ съ такимъ разорительнымъ обычаемъ. Приѣдетъ ли къ кому-нибудь толпа гостей или путниковъ, хозяинъ тотчасъ же очищаетъ для нихъ домъ, въ которомъ самъ помѣщается съ семействомъ; если окажется его мало, то и всѣ остальные пристройки и службы его незатѣйливой усадьбы. На одинъ ужинъ онъ часто употребляетъ весь годовой запасъ безъ всякаго остатка, и все-таки повторяетъ грузинскую пословицу: «Гость мнѣ дороже друга»—таковъ обычай.

Хотя владѣльцамъ закономъ и воспрещалось отнимать что-либо у своихъ крестьянъ, но на самомъ дѣлѣ они могли взять все, что хотѣли: деньги, оружіе, лошадь и проч.

Конечно, все это бралось въ видѣ подарковъ, но на столько было обязательно, что крестьянинъ не могъ отказать въ требованіи и защищался только тѣмъ, что, узнавъ о приѣздѣ князя, торопился спрятать все лучшее. Отдѣлаться отъ поднесенія подарка было невозможно, изъ опасенія преслѣдованій и дурныхъ послѣдствій.

Доходы помѣщиковъ отъ крестьянъ были незначительны и вознаграждались платою, за разборъ происходившихъ между ими ссоръ и тяжбныхъ дѣлъ. Помѣщики производили въ деревняхъ судъ сами, или въ неважныхъ случаяхъ чрезъ повѣренныхъ своихъ, по общимъ законамъ государства и по мѣстнымъ обычаямъ. Только о важныхъ случаяхъ, какъ напр., объ убійствѣ, разбоѣ

и т. п., они доносили царю или мдиванъ-бекамъ. Князья имѣли право лишать зрѣнія своихъ подвластныхъ, но запрещалось помѣщикамъ имѣть темницы для заточенія преступниковъ. Князь не могъ лишить жизни своего крестьянина, но могъ отнять у него имущество.

Переходъ и бѣгство крестьянъ отъ одного помѣщика къ другому былъ запрещенъ законами; попадавшіеся же въ плѣнъ считались утраченными для ихъ владѣльца. Кто выкупалъ изъ неволи, тому они и принадлежали, но, если крестьянинъ вносилъ за себя, своему новому владѣльцу, все истраченное на выкупъ, то дѣлался свободнымъ.

Крестьяне имѣли право покупать земли и крестьянъ, но безъ письменнаго позволенія владѣльца не могли ихъ продавать. Это же правило распространялось и на другія, значительной цѣны, крестьянскія вещи.

О существованіи въ Грузіи рабовъ, въ концѣ XVII ст., нѣтъ извѣстій, но что они были, доказывается законами страны, изъ которыхъ видно, что рабы происходили: отъ взятыхъ въ плѣнъ непріятелей, отъ купленныхъ иновѣрцевъ или, наконецъ, отъ тѣхъ, которые, женившись на рабѣ, отдавали себя въ рабство ея господину безусловно или по договору.

Свободные люди могли продавать себя въ рабство или своихъ дѣтей, и братьевъ.

Въ Грузіи существовалъ обычай продажи родителями дѣтей, и старшими братьями младшихъ братьевъ. Проданный избавлялся отъ платы отцовскаго долга, если таковой былъ. Часто, не будучи въ состояніи заплатить долга, грузинъ отдавалъ себя въ рабство заимодавцу. Законъ допускалъ также отцамъ, по причинѣ ихъ убожества, продавать дѣтей въ рабство. Въ рабство могъ идти всякій свободный челоуѣкъ. Земледѣлецъ, принадлежащій господину, отдавалъ себя въ рабство ему же, но крестьянинъ одного господина, не могъ продавать себя въ рабство другому.

Рабы не имѣли права приносить жалобъ на своихъ господъ и дурно отзываться о нихъ. Рабы могли быть подвергаемы всякому наказанію, но лишеніе жизни зависѣло отъ царя, какое бы преступленіе ни было ими сдѣлано. Въ неважной винѣ, законъ опредѣлялъ прощеніе рабу, дабы не нарушить выгодъ его владѣльца. Получивъ отъ своего господина землю или другое какое-либо недвижимое имущество, рабъ не имѣлъ права его продать или заложить, и если бы отдалъ кому-либо свое имѣніе и вслѣдъ затѣмъ получилъ свободу, владѣлецъ имѣлъ право имѣніе это отобрать. Рабъ не имѣлъ юридическаго права ни самъ

занять денегъ, ни давать ихъ въ займы кому-либо другому. Владѣлецъ имѣлъ право продавать своихъ рабовъ, дарить, мѣнять, кромѣ тѣхъ, которые куплены отъ родителей по причинѣ ихъ убожества. Такихъ помѣщикъ не имѣлъ права продавать, но потомки ихъ теряли это преимущество.

Рабы дѣлались свободными или выкупомъ, или по волѣ своего владѣльца, но еслибы впоследствии владѣльцы эти обѣднѣли, отпущенникъ обязанъ былъ прислуживать своему бывшему владѣльцу, не укорая его. Законъ и обычаи грузинскіе налагали на такого отпущеннаго обязанность «всегда чувствовать, лично изъявлять и дѣйствіями доказывать благодарность свою къ прежнему своему господину, не говорить о немъ ничего непристойнаго». Свидѣтельства раба, даже и отпущеннаго, ни противъ своего владѣльца, ни противъ его семейства не принимались въ судѣ.

Главою грузинскаго духовенства былъ *католикосъ*, который избирался въ это званіе царемъ и посвящался въ санъ соборомъ архіереевъ.

Въ католикосы избирались преимущественно младшіе сыновья царя или его братья, но могли быть избраны и князья грузинскіе и даже лица низшаго состоянія, по личному достоинству.

Безъ согласія царя, даже и магометанскаго, католикосъ не могъ поставлять епископовъ, архимандритовъ, перемѣщать ихъ съ одного мѣста на другое. Онъ былъ главный распорядитель церковными имѣніями и, для собственнаго своего содержанія, имѣлъ особый удѣлъ, въ которомъ ему были подвластны 13-ть дворянскихъ семействъ, равныхъ по правамъ съ дворянами княжескими. Кромѣ доходовъ съ имѣній, католикосу присвоены были нѣкоторыя статьи доходовъ съ разныхъ откуповъ по государству. Управление духовными имѣніями возлагалось на дворянъ католикоса, и безъ согласія царя нельзя было продавать этихъ имѣній или увеличивать новою покупкою.

Въ *монахи* могли поступать изъ всѣхъ сословій, но въ архіереи избирались преимущественно князья и дворяне, прошедшіе низшія ступени монашества. Запрещалось закономъ помѣщикамъ, при раздѣлѣ имѣній, отдавать часть въ пользу людей духовнаго званія.

Въ бѣлое духовенство поступали не наследственно, по достоинству и по избранію изъ дворянъ и другихъ низшихъ сословій народа, не теряя никакихъ преимуществъ по своему происхожденію.— «Если же, писалъ Лазаревъ ¹⁾, изъ низкаго состоянія

¹⁾ Письмо Лазарева Кюрингу, 8 мая 1801 г.—Акт. Кавк. Ком. т. I, 329.

поступить кто на высшій классъ духовнаго достоинства и въ то мѣсто, кое прежде занималъ князь или дворянинъ, то пользуется тѣми же правами.» Были въ Грузіи въ званіи священниковъ крестьяне, которые и въ этомъ случаѣ не освобождались отъ зависимости своимъ владѣльцамъ, что распространялось и на ихъ дѣтей. Посвященіе въ священники и опредѣленіе церковнаго причта зависѣло отъ епархіальнаго архіерея, причѣмъ запрещалось какъ раздробленіе прихода, такъ и присвоеніе его священникамъ по наслѣдству.

Приходскіе священники и причтъ церковный не пользовались ничѣмъ съ церковныхъ имѣній, а жили собственными трудами и доходами отъ прихода. Что же именно долженъ былъ получать священникъ съ прихожанъ, опредѣлялось закономъ. Причтъ церковный освобождался отъ податей.

По законамъ, домъ, продаваемый священникомъ, долженъ быть купленъ священникомъ же.

Всѣмъ вообще духовнымъ лицамъ запрещалось вмѣшиваться въ дѣла гражданскія, но и духовнаго человѣка не могъ судить свѣтскій, за исключеніемъ важнаго преступленія, какъ напр. убійства, разбоя, дѣланія фальшивыхъ денегъ и проч.

«Вообще же—доносилъ Лазаревъ¹⁾ о всѣхъ сословіяхъ грузинскаго народа — никакихъ особыхъ привилегій не имѣютъ, какъ князь такъ и крестьянинъ равно служатъ; какъ князь такъ и крестьянинъ равно наказываются».

Такова была Грузія, со своими обычаями, нравами, сословными отношеніями — въ тотъ годъ, когда намъ досталось принимать ее въ свои руки. Для дополненія этой общей картины, намъ слѣдуетъ теперь представить такую же своеобразность юридическаго, гражданскаго и военнаго быта Грузіи, въ ту же самую эпоху, чтобы потомъ вполне понять, гдѣ могла заключаться причина, по которой преобразования этой страны, какъ они были задуманы первыми ея русскими управителями, оказались неудачными.

Н. Дувровинъ.

¹⁾ Акты Кавк. Арх. Ком. т. I, 360.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

ПОЗДНѢЙШІЯ ВОЛНЕНІЯ

ВЪ

ОРЕНБУРГСКОМЪ КРАѢ.

(Историческій разсказъ).

I.

Бунтъ государственныхъ крестьянъ челябинскаго уѣзда въ 1843 году ¹⁾.

Если реформа 19 февраля 1861 г. не обошлась, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ нашего обширнаго отечества, безъ печальныхъ явленій, то нельзя удивляться тому, что учрежденіе въ тридцатыхъ годахъ — управленія государственными имуществами, не избѣгло общей участи почти всѣхъ нововведеній, и встрѣчено было мѣстами, какъ всякая реформа, съ недовѣріемъ и даже неудовольствіемъ.

Нечего и говорить, что корень такой враждебности народа ко всякаго рода реформамъ, находящимся въ прямомъ отношеніи къ народному быту, заключался, главнымъ образомъ, въ безучастіи въ этихъ реформахъ самого народа съ одной стороны, и съ другой — въ крайнемъ неразвитіи массы, воснѣющей, за недостаточностью правильно организованныхъ, да и всякихъ

---

¹⁾ Челябинскій уѣздъ, Оренбургской губерніи, считается искони самымъ населеннымъ и самымъ богатымъ уѣздомъ въ губерніи; въ немъ насчитываютъ до 500 деревень и до 100,000 муж. душъ населенія.

сельскихъ школъ, — въ грубомъ невѣжествѣ, всегда представляющемъ, для злонамѣренныхъ людей, удобную почву къ посѣву всевозможныхъ мятежей и сумятицъ въ землѣ русской.

Не было еще той нелѣпости, которой бы не повѣрилъ русскій простолюдинъ, и своимъ легвомыслею не навлекъ бы, въ послѣдствіи, на себя кары закона.

Исторія Челябинскаго бунта 1843 г., послужить лучшимъ и нагляднѣйшимъ доказательствомъ высказанной мною мысли. Грустный фактъ этотъ, изъ жизни нашего народа, поражаетъ тѣмъ болѣе, что его нельзя отнести къ событіямъ давно минувшихъ временъ, такъ какъ ему довелось совершиться лѣтъ двадцать пять тому назадъ, и воспоминаніе о немъ еще живо въ памяти народной.

I

Первыя неудовольствія крестьянъ, и шадринское волненіе, какъ начало бунта.

Въ богатыхъ селахъ и деревняхъ, славящихся хлѣбною промышленностью, многочисленными базарами и ярмарками ¹⁾, хорошо и привольно жило челябинскимъ мужичкамъ, незнакомымъ съ крѣпостнымъ правомъ ²⁾, невѣдавшимъ надъ собою почти никакого начальства, — кромѣ станового въ уѣздѣ, да исправника, судьи, страпчачаго и, пожалуй, доктора въ городѣ. Наѣдетъ, бывало, кто нибудь изъ нихъ, въ село, или деревню, остановится у почетнаго старика, хозяинъ радушно «ублаготворить» его вывоблагородіе чайкомъ съ «честнымъ» ³⁾. Гость соберетъ міръ, побаетъ съ нимъ о чемъ надо было, сядетъ въ повозку, да и былъ таковъ, а міръ разбредется по домамъ, и снова возьмется за прерванную работу, на себя грѣшнаго, да на «царя-бѣткшеу», чтобы по-прежнему отправлять ему повинности свои бездоночно.

¹⁾ Почти во всѣхъ селахъ Челябинскаго уѣзда существуютъ базары, а въ болѣе многочисленныхъ, какъ напр. село Чумляцкое, слободы: Воскресенская и Куртамышинская, — учреждены ярмарки. Обороты Куртамышинской ярмарки превышаютъ обороты городской Челябинской ярмарки. Вообще торговое дѣло развито въ уѣздѣ; даже въ селѣ Петровскомъ, вѣднѣи г. Качко, бываютъ ярмарки.

²⁾ Въ Челябинскомъ уѣздѣ почти нѣтъ помѣщиковъ, кромѣ г. Качко и другихъ мелкопомѣстныхъ дворянъ.

³⁾ «Честнымъ» назывался у крестьянъ обычай, принявъ чиновнаго гостя, угостить чаемъ, или водкой съ положенными на подносіе деньгами, отъ 10 до 25 р. сер. и болѣе, смотря по чину. Если гость не принималъ денегъ, то хозяинъ удвоивалъ куши и даже утروивалъ до тѣхъ поръ, пока гость не принималъ «честнаго».

Такъ жили крестьяне до 1839 г., когда неожиданно-негладно, свалилась въ нимъ, словно съ неба, какъ снѣгъ на голову— незабвенная вѣсточка о томъ, что они поступаютъ въ вѣдѣніе министерства государственныхъ имуществъ.

Наѣхало новое начальство—объявить мужичкамъ волю государеву: о введеніи у нихъ новыхъ порядковъ,—и привазало имъ выбрать изъ среды своей разныхъ чиновниковъ въ волостное правленіе, въ сельскія и волостныя расправы, смотрителей магазиновъ, старость, сборщиковъ податей и прочихъ должностныхъ лицъ. Смугились и опечалились новыми порядками простодушные міряне, но, сообразивъ, что воля государева для нихъ законъ, приступили къ выборамъ. Разумѣется, все, что было по-богаче и имѣло какія либо торговыя дѣла,—все это, подъ разными благовидными предлогами и отступомъ, увильнуло отъ выборовъ, по неразумѣнію своему не вѣдая, что такимъ уклоненіемъ отъ службы обществу, въ недалекомъ будущемъ, навлекало на себя и на все общество бѣду неминуемую! На баллотировку собрались «горе» — а не крестьяне, «голь перекатная», или «проходимцы бездомные», ну и выбрали сами себя въ разные должности.

Понятное дѣло, что какъ только подобные начальники вкусили и разчукали всю силу и прелесть власти, то тотчасъ-же устремились обирать крестьянъ, сдѣлавшись ярами-міроѣдами.

— Бывало прійдетъ къ тебѣ старшина, альбо староста, рассказываютъ старики, и стоитъ у тебя на дворѣ до тѣхъ поръ, пока ты его всѣмъ не ублаготворишь, чаво ему надобно!... А то, еще иной разъ почудится ему, что онъ съ тебя утромъ мало взялъ, такъ еще и вечеркомъ къ тебѣ пожалуетъ, ты, значить, ему «чеснымъ» поклонись!»¹⁾

Безъ сомнѣнія, въ такомъ видѣ нововведеніе не могло нравиться крестьянамъ. Бывало соберутся мужички въ кучу, или въ избу къ кому нибудь, да и ведутъ между собою непригожія рѣчи о новыхъ начальникахъ - «міроѣдахъ». Не стало мочи терпѣть; стали крестьяне жаловаться высшему начальству на лихоѣйствіе сельскихъ властей, а высшее начальство, въ лицѣ «окружного», усматривая въ этомъ неповиновеніе крестьянъ властямъ предержавшимъ, на нихъ же бывало напумить да накричить, и не сдѣлавши никакого разбора, даже не пригрозить озорникамъ. Послѣдніе, видя безнаказанность своихъ поступковъ, еще пуще

¹⁾ Обычай этотъ до такой степени укоренился между крестьянами, что если чиновникъ гость не взялъ «чесного», то домохозяину, у котораго онъ остановился, нельзя было носу на улицу показать, безъ того, чтобы міръ не посмѣялся его неумѣлости принять и угостить гостя какъ должно.

стали міръ обижать. А тутъ, вскорѣ, въ руки этихъ міровѣдовъ, сама палата дала новое оружіе. Случилось это такимъ образомъ.

Оренбургская палата государственныхъ имуществъ, ревнуя о благосостояніи ввѣренныхъ ей попеченію крестьянъ, распорядилась разослать во всѣ волостныя правленія образцы усовершенствованнаго сельскаго хозяйства, какъ-то: хлѣба разныхъ сортовъ, льну и холста, тканаго на широкихъ бердахъ, съ рисункомъ послѣднихъ, предлагая убѣдить крестьянъ, «для выщей ихъ пользы», завести у себя такое хозяйство. Тогда же было предложено учредить въ селеніяхъ запасныя хлѣбныя магазины, и предписано *обязательное* разведеніе картофеля. Къ этому же времени слѣдуетъ отнести увеличеніе податей.

Такое благодѣтельное, въ принципѣ, вмѣшательство новаго начальства въ дѣло усовершенствованія сельскаго хозяйства, понято было крестьянами за стѣсненіе свободы дѣйствій въ ихъ обиходномъ быту. На первыхъ порахъ, неудовольствіе это выразилось тѣмъ, что крестьяне, смотря съ раздражительнымъ недовѣріемъ на нововведенія, стали по ночамъ тайно собирать сходы и толковать на нихъ, какъ-бы отдѣлаться отъ неприванной, по ихъ убѣжденію, опеки. Особенно непріятно подѣйствовали на крестьянъ, въ большинствѣ—раскольниковъ и единовѣрцевъ, настоянія сельскихъ и чиновныхъ высшихъ властей на обязательномъ разведеніи картофеля. — «Зачѣмъ намъ сѣять картофель, отговаривались крестьяне, мы и безъ него не умремъ съ голоду... у насъ большое хлѣбопашество и скотоводство, можемъ прожить и безъ поганаго плода». Но начальство упиралось, и не дешево крестьянамъ стоило откупиться отъ картофеля.

Въ такомъ положеніи находилось дѣло новаго управленія въ теченіи 1840, 1841 и 1842 гг.; стѣсненіе крестьянъ шло прогрессивно, прогрессивно же возрастала къ новымъ порядкамъ и ненависть крестьянъ. Сѣтованіе послѣднихъ на угнетеніе принимало все болѣе и болѣе крупныя размѣры, сходы собирались все чаще и чаще, и на нихъ только и толку бывало — какъ-бы отдѣлаться отъ новаго управленія, всѣ распоряженія котораго признавались мужичьями за тягостныя и клонящіяся во вреду ихъ благосостоянія. А между тѣмъ въ сосѣднемъ Челябинскому, Шадринскомъ уѣздѣ, Пермской губерніи, въ концѣ апрѣля 1842 года вспыхнуло между крестьянами волненіе, вслѣдствіе слуховъ о записи ихъ будто бы въ помѣщичьи крестьяне ¹⁾.

¹⁾ Хотя краткое, но превосходное описаніе шадринскаго волненія помѣщено г. Зыряновымъ — въ Пермскомъ Сборникѣ за 1860 г.

Такъ какъ событіе это имѣетъ прямую и несомнѣнную связь съ бунтомъ челябинскихъ государственныхъ крестьянъ, то я нахожу необходимымъ сказать здѣсь нѣсколько словъ о шадринскомъ волненіи, перешедшемъ, или правильнѣе сказать, повторившемся черезъ одиннадцать мѣсяцевъ въ Зауралѣ, но, къ несчастью, въ болѣе широкихъ размѣрахъ, и имѣвшемъ болѣе серьезныя послѣдствія.

Въ селѣ Тамакульскомъ, Шадринскаго уѣзда, на праздникъ великомученика Георгія бываетъ большой базарный съѣздъ. Въ 1842 г., праздникъ этотъ пришелся въ четвергъ на святой недѣлѣ, и поэтому съѣздъ былъ многолюднѣе прежнихъ; кромѣ торговцевъ, съѣхавшихся сюда съ различнымъ товаромъ, собралось много гостей изъ сосѣднихъ и пограничныхъ шадринскихъ селеній.

Праздникъ начался шумно и весело, но общее веселіе было внезапно нарушено самими крестьянами Тамакульской волости, безчеловѣчно избившими писаря Каналина, который, отъ причиненныхъ ему побоевъ, вскорѣ умеръ. Поводомъ къ такому звѣрскому поступку послужили слухи, распушенные въ народѣ злонамѣренными людьми, что будто бы крестьяне проданы какому-то барину, и что уже сельскія ихъ власти получили приказаніе отъ помѣщика о сборѣ въ его пользу съ крестьянъ непомѣрно огромныхъ повинностей разнаго рода. Приѣхавшіе на базаръ крестьяне быстро разнесли вѣсть о случившемся по окрестностямъ. Распространенію этихъ ложныхъ слуховъ по селеніямъ, не мало способствовали, замѣчаетъ г. Зыряновъ, камышловскіе нищіе, разтѣзавшіе большими ватагами за подаваніемъ. Въ Камышловскомъ уѣздѣ тоже происходило волненіе и по тому же поводу.

Въ селѣ Широковскомъ, Долматской волости, находящемся въ 12 верстахъ отъ села Тамакульскаго, крестьяне, собравшись огромною толпой къ сельскому управленію, требовали отъ старшины—дѣла «о продажѣ ихъ подѣ барина». Безграмотный старшина завѣрялъ крестьянъ всѣми святыми, что въ управѣ нѣтъ, и никогда не было такого дѣла, и что никто ихъ никому не продавалъ и продать не можетъ, — а между тѣмъ послалъ нарочнаго къ долматскому головѣ, съ извѣстіемъ о случившемся. Послѣдній тотчасъ же прибылъ въ село Широковское. Найдя тамъ огромную толпу крестьянъ, голова Иванчиковъ спросилъ ихъ, для чего, и зачѣмъ они собрались? Крестьяне отвѣчали, что ихъ возмутили слухи о томъ, что будто бы всѣ они поступаютъ подѣ барина, о разведеніи картофеля, о посѣвѣ какаго-то запаснаго хлѣба, и что они желали бы знать истину. Голова

былъ мужикъ грамотный, изъ писарей, старался убѣдить народъ въ ложности смутившихъ его слуховъ и, въ доказательство своихъ словъ, читалъ и объяснялъ имъ предписанія начальства о распространеніи картофеля и объ общественныхъ запасахъ. Крестьяне туго подавались на убѣжденія Иванчикова, такъ что голова изыскивалъ средства прекратить волненіе въ началѣ, пригласилъ приходскаго священника и вмѣстѣ съ нимъ увѣщевалъ народъ успокоиться, а для удостовѣренія въ справедливости своихъ заявленій міру, предлагалъ крестьянамъ отправить изъ среды своей нарочнаго къ шадринскому начальству для узнанія истины. На это послѣднее предложеніе головы, крестьяне, повидимому, согласились; но какъ только Иванчиковъ уѣхалъ въ Долматовъ, они послали не въ Шадринскъ, а въ Тамакульское село развѣдать, чтó намѣрены предпринять тамакульцы?

Поздно вечеромъ, возвратился волостный голова Иванчиковъ въ Долматовъ, предполагая образумить крестьянъ своей властью, въ полномъ собраніи ихъ волостнаго схода, на которомъ онъ надѣялся встрѣтить людей здравомыслящихъ.

Въ назначенный головою день (28 апрѣля), толпы народа танулись со всѣхъ сторонъ въ Долматовъ и скоплялись вокругъ волостнаго правленія. Около полудня пришелъ въ правленіе голова, и хотя собравшіеся крестьяне и позывались потолковать съ нимъ о баринѣ, картофелѣ, и т. п., но Иванчиковъ не открывалъ схода, ожидая прибытія широковцевъ, болѣе другихъ волновавшихся.

Наконецъ, въ 2 часа, съ крикомъ и шумомъ появились широковцы. Протолкавшись впередъ, они потребовали отъ головы: «указа за высочайшимъ подписомъ, на трехъ-рублевомъ гербовомъ листѣ, объ отчисленіи ихъ къ какому-то господину, со взысканіемъ съ каждой души, съ мужиковъ по 90 руб. и съ женщинъ по 70 руб., холста и кромѣ того по 6-ти пудъ хлѣба съ души». Потомъ потребовали распоряженія «о разведеніи картофеля и о неприкосновенномъ запасѣ хлѣба». Голова нѣсколько разъ перечитывалъ и объяснялъ бунтующимся послѣднія, но они ему не вѣрили и говорили, что онъ самъ написалъ ихъ. Слова: бунтъ, бунтъ! переносились изъ устъ въ уста и достигли наконецъ до монастыря, гдѣ въ отвѣтъ на нихъ загудѣлъ набатъ, сперва на монастырской волокольнѣ, а потомъ и на Николаевской приходской. Жители Долматова раздѣлились на двѣ половины: одна, подъ вліяніемъ страха, бросилась въ монастырь и заперла за собой ворота; другая, напротивъ, бѣжала къ волостному правленію. Смятеніе стало общимъ. Никто не хотѣлъ слушать разумнаго голоса головы, и ему угрожала опасность.

Нѣсколько разъ, въ короткое время, положеніе головы въ рукахъ мятежниковъ переходило отъ худшаго къ лучшему и на оборотъ. Видно было, что крестьяне еще колебались въ это время; недостойный служитель алтаря, священникъ Николаевской церкви Василій Гвоздевъ, вмѣсто того, чтобы пастырскимъ внушеніемъ образумить волнующихся, кривнулъ толпѣ: «По-дѣломъ вору и мука! бейте его, собаку!» и прибавилъ къ этому, что съ крестьянъ вѣдно собирать на господина съ каждой души по полупуду масла, по 10 фунтовъ маку, и отъ 40 до 100 аршинъ холста. Это слово ободрило бунтовщиковъ, и они стали придумывать самыя ужасныя пытки для головы. Во время крестнаго хода изъ монастыря, предпринятаго съ цѣлью подѣйствовать и отвлечь вниманіе бунтовщиковъ, голова, старшина и писарь были отбиты у караулившихъ ихъ крестьянъ и уведены въ монастырь.

Возмущеніе, переходя изъ села въ село, изъ деревни въ деревню, скоро обняло весь Шадринскій уѣздъ. Болѣе другихъ волновались жители села Широковского, деревень: Тропиной, Нижнеярской, Смирновой, Затеченской, Кривской и села Иванищевского. Въ послѣднемъ, одинъ крестьянинъ, выйдя отъ заутренни изъ единовѣрческой церкви, остановилъ народъ и внушилъ ему мысль о бунтѣ, говоря: «Что за бѣда, если и десять человѣкъ будетъ убито, но вѣдь тысячи въ живыхъ останутся, а на всѣхъ плетей не напасешься!» Повсюду производились розыски несуществующаго указа, страдали головы, старшины, за сѣдатели, писаря, даже чиновники и духовенство. Вездѣ крестьянами заявлялись одни и тѣ же требованія къ сельскому начальству, конечно, не безъ вариантовъ пущенному слуху; — такъ въ деревнѣ Затеченской (въ 4-хъ верстахъ отъ Долматова), крестьяне требовали отъ писаря указа о взысканіи съ нихъ, съ каждой души, только по 70 рублей (а не по 90), кромѣ того, съ женъ ихъ по 20 фунтовъ коровьяго масла и по 25 аршинъ холста съ каждой.

Появленіе въ уѣздѣ части шадринской инвалидной команды и военной команды изъ чувашей, находящейся при временномъ отдѣленіи, и слухи о прибытіи нѣсколькихъ ротъ, навели на крестьянъ панической страхъ, такъ что они изъявили готовность вѣрить чиновникамъ на-слово и сами выдали зачинщиковъ. Взято было до 700 человѣкъ и отправлено въ острогъ для преданія суду. Всѣ они, по мѣрѣ виновности ихъ, приговорены были военнымъ судомъ къ разнаго рода наказаніямъ, но покойный императоръ Николай Павловичъ даровалъ шадринцамъ помилованіе, и только 20 человѣкъ главныхъ зачинщиковъ были наказаны 200

ударами розогъ, вмѣсто опредѣленнаго имъ военнымъ судомъ шпицрутеннаго наказанія и ссылки въ каторжную работу.

Во все время шадринскаго волненія, сношенія челябинскихъ крестьянъ съ сосѣдними шадринскими селеніями не были прекращены, а слѣдовательно и обмѣнъ мыслей крестьянъ обоихъ уѣздовъ не прерывался. Очевидно, что искра едва погашеннаго пожара шадринскаго, занесенная въ Челябинскій уѣздъ, найдя себѣ пищу въ неудовольствіи челябинцевъ на новые порядки, вскорѣ вспыхнула еще съ большею силою.

II.

Воскресенская слобода ¹⁾.

Насталъ 1843 годъ. Къ неудовольствію крестьянъ на новое управленіе присоединились слухи, занесенные, какъ я сказалъ выше, изъ Шадринскаго уѣзда, о поверстаніи всего Челябинскаго уѣзда подъ барина. Озлобленіе крестьянъ перешло въ открытый ропоть. Всѣ мѣры, принимаемыя мѣстнымъ начальствомъ успокоить волненія умовъ, оставались тщетными. Никто не могъ убѣдить крестьянъ въ ложности тревожившихъ ихъ слуховъ. Лишивъ довѣрія своихъ сельскихъ и уѣздныхъ начальниковъ, челябинцы требовали отъ нихъ выдачи указа и, въ противномъ случаѣ угрожали бунтомъ. Священники то же заподозрѣны были народомъ, — и за ними былъ установленъ надзоръ, ограничивавшійся на первыхъ порахъ тѣмъ, что крестьяне слѣдили, какъ священнослужителями записывались новорожденные въ метрическія книги — свободными или крѣпостными. Сходы сдѣлались явными и приняли зловѣщій характеръ.

Воскресенская слобода — волость, заключавшая подъ своимъ волостнымъ правленіемъ до 10,000 душъ мужескаго пола государственныхъ крестьянъ, первая подняла знамя бунта и сдѣлалась скоро сборнымъ пунктомъ жителей прочихъ волостей, Окуневской, Кислянской, Каменной и другихъ. Причиной этому было то, что первую возмутительную бумагу ввезъ въ Челябинскій уѣздъ крестьянинъ Воскресенской волости, деревни Березомыской, Иванъ Ѳедоровъ Фадюшинъ, по прозвищу «*Лосый*», а копіи съ той бумаги списывалъ и развозилъ по прочимъ селеніямъ, съ «*Лосымъ*», крестьянинъ самой Воскресенской слободы Андрей Ивановъ Варушкинъ, частно занимавшійся письмовод-

¹⁾ Лѣтопись отца Льва Инфантьева и Воскресенская рукопись.

ствомъ въ Воскресенскомъ волостномъ правленіи и писавшій иногда прошенія крестьянамъ. Андрей Варушкинъ былъ чело-вѣкъ не глупый и добрый, но пьяница, какъ говорится, безпросыпный! Тайно развозимый Фадюшинымъ по окрестнымъ селеніямъ Варушкинъ, ни на минуту не выходя изъ ненормальнаго состоянія, съ-пьяна писалъ все, что взбредеть ему на умъ; обыкновенно онъ начиналъ тѣмъ, что подписывалъ вверху бумаги сперва «копія», потомъ, «копія съ копій», и наконецъ: «съ перекопіи копія». Вотъ образчикъ подобнаго сочиненія: «Указъ», слѣдуетъ титулъ Его Императорскаго Величества, и затѣмъ идетъ самое содержаніе этого любопытнаго документа. «Вы, государственные крестьяне, поступаете во владѣніе помѣщику Кульневу ¹⁾, вы должны сѣять ему хлѣбъ, сжать, измолотить и доставить въ магазинъ барина. Платить ему еще оброкъ по 100 рублей съ души; отдавать ему половину скота и птицы. А жены ваши должны прясть изъ своей кудели, ткать холсты — для чего выдадутъ имъ отъ барина деревянные станки (красна) и берда широкія мѣдныя. За неисполненіе всего этого будутъ наказывать не какъ нынче розгами, а плетми, да сослать въ Сибирь; а распоряжаться будутъ чиновники подъ названіемъ окружныхъ начальниковъ и волостныхъ правленія, которыя учреждены уже отъ барина, а члены правленія будутъ брать съ васъ же жалованіе, которое назначилъ имъ баринъ».

Люсый, вручивъ съ этой нелѣпицы «копіи» и «перекопіи» своимъ агентамъ для распространенія ихъ въ прочихъ волостяхъ подъ клятвеннымъ секретомъ, внушилъ имъ при этомъ объяснять крестьянамъ, что такія же копіи находятся во всѣхъ волостныхъ правленіяхъ; а Варушкинъ, разѣзжая, рассказывалъ, что «подлинный указъ написанъ на тонкой бумагѣ съ золотыми строчками и золотымъ клеймомъ (печатью), который онъ видѣлъ съ такимъ украшеніемъ у земскаго исправника, въ бытность его (исправника) въ слободѣ Воскресенской, и украдкою читалъ указъ, въ то время, когда исправникъ уходилъ куда-то».

Такъ какъ этимъ дѣломъ руководилъ Люсый, чело-вѣкъ, правда, безграмотный, но хитрый и скрытный, то сельскія власти рѣшительно становились въ тупикъ, и терялись въ догадкахъ, кто могъ внушить крестьянамъ толки о томъ, что они проданы барину, и что палата государственныхъ имуществъ — не палата, а барская контора; чиновники же, какъ-то окружный, его помощникъ и другіе, не царевы слуги, а барскія довѣрен-

¹⁾ Воскресенская рукопись называетъ помѣщика Кульневымъ, и, какъ можно предположить, разумѣетъ героя 1812 года.

ныя лица. Ясно было для всѣхъ одно, что народъ волновался и на частыхъ сходахъ сговаривался и готовился къ возмущенію.

Это было въ мартѣ 1843 года.

Первый взрывъ бунта выразился тѣмъ, что народъ ринулся прямо въ волостныя правленія и требовалъ отъ писарей «указъ, съ золотыми буквами и печатью», въ которомъ, какъ я сказалъ выше, объявлялось всему Челябинскому уѣзду о передачѣ его во владѣніе помѣщику Кульневу. Напрасно писаря старались представить крестьянамъ всю нелѣпость ихъ предположенія, крестьяне не хотѣли имъ вѣрить, называя ихъ «*миропродавцами*», и сами придумали даже цифру суммы, за которую они будто бы были проданы Кульневу своими чиновниками, писарями и даже духовенствомъ. Начались пытки надъ писарями; несчастные подвергались побоямъ, купанью въ прорубяхъ, обливанью холодной водой, заключенію въ оковы и заключенію подъ стражу, въ какое-либо селеніе, гдѣ томились отъ голоду!... Иные изъ писарей скрывались или въ собственныхъ домахъ съ оружіемъ, какъ и станové приставы, или у благонадежныхъ сосѣдей. Малограмотные крестьяне, по требованію бунтующей толпы, рылись въ бумагахъ волостныхъ правленій, и, ничего не видя подходящаго къ искомому ими указу съ золотой строчкой, наконецъ пришли къ тому заключенію: что такая важная бумага должна храниться у духовенства, если не въ домахъ, то въ церквахъ подъ *престоломъ*. Въ бѣшеномъ азартѣ крестьяне врывались въ дома духовенства и въ храмы божьи и требовали отъ священниковъ выдачи «указа». Съ потерей уваженія къ пастырямъ и къ самой святынѣ, бунтовщики не принимали ни кроткихъ увѣщаній, ни угрозъ праведнымъ гнѣвомъ божіимъ и карою закона, и окончательно одурѣли!...

— «Это было ужасное состояніе!» восклицаетъ въ своей лѣтописи отецъ Левъ, «его пойметъ только тотъ—продолжаетъ онъ—кто былъ когда-либо свидѣтелемъ всякаго безначалія! Бунтующіе крестьяне ринулись наконецъ на тѣхъ изъ собратій своихъ, которые не принимали участія въ возмущеніи—безчестили и тиранили ихъ... Оцѣпили караулами дома чиновниковъ, писарей и духовенства. Подать извѣстіе правительству объ такомъ ужасномъ положеніи, не представлялось никакой возможности. Оружный начальникъ въ началѣ возмущенія вѣзжалъ въ уѣздъ, но убѣдившись, что вліятельность его власти давно улетучилась—удралъ въ Челябину. Попытка исправника усмирить крестьянъ, какъ мы увидимъ ниже, тоже не удалась, и самъ онъ черезъ Башкирію едва ушелъ въ городъ; станové приставы сидѣли, запершись въ своихъ квартирахъ, осажденные бунтующими

крестьянами. Ближайшія къ Челябинѣ волости, Бѣлоярская и Чумляцкая, тоже не могли передать точныхъ свѣдѣній о томъ, что дѣлалось въ центрѣ уѣзда.»

Но возвратимся собственно къ проявленію мятежа въ слободѣ Воскресенской. Люсый и Варушкинъ не могли съ перваго раза подѣйствовать на воскресенцевъ, потому что послѣднимъ хорошо были извѣстны дурныя стороны обѣихъ этихъ личностей. И кромѣ того, въ Воскресенской слободѣ имѣли квартиры становой приставъ, лѣсничій, нѣсколько отставныхъ чиновниковъ военнаго и гражданскаго вѣдомствъ, три священника, волостной и расправный писаря и ихъ помощники. Всѣ они, вонечно, старались изо всѣхъ силъ, въ виду личной безопасности, успокоить умы. А потому Люсый и Варушкинъ, при помощи 10 грамотныхъ, жившихъ въ деревнѣ Щучей, неподалеку отъ Воскресенской, запасшись достаточнымъ количествомъ «копій съ копій» вымышленнаго указа, начали свои дѣйствія съ отдаленныхъ селеній, пограничныхъ съ Шадринскимъ уѣздомъ. Съ быстротою молніи возмутительныя бумаги охватили Воскресенскую волость и весь Челябинскій уѣздъ.

Въ мартѣ мѣсяцѣ стали появляться толпы въ самой Воскресенской слободѣ, изъ окрестныхъ селеній и волостей, увлекая за собою нѣкоторыхъ изъ воскресенцевъ. Лучшіе изъ крестьянъ не оказали возмущившимся никакого сочувствія. Обличительное слово *даровитаго* проповѣдника, отца Льва Инфантьева, произнесенное имъ съ церковной каедры, въ недѣлю крестопоклонную, глубоко подѣйствовало на слушателей, которымъ проповѣдникъ умѣлъ представить въ яркихъ краскахъ всю нелѣпость положенія возмущившихся ихъ собратій, и съ этого времени въ дома первыхъ не имѣли доступа никакія бредни. За то и платились воскресенцы осадю со всѣхъ сторонъ, а священникъ Инфантьевъ за свое слово подпалъ большому противу другихъ подозрѣнію и ненависти. Бунтовщики говорили, что «воскресенская уйдетъ на воздухъ», т. е. застращивали пожаромъ, но не исполнили своихъ угрозъ, потому что часть воскресенцевъ принимала участіе въ общемъ мятежѣ.

Начались пытки и побои; схватили волостного писаря А. Ганчикова, его помощника, писаря сельской расправы Д. Дмитріева, засѣдателя волостнаго правленія И. Яшкина и другихъ, били ихъ и съ яростью требовали бумагу «о записи ихъ подѣ барина». Не взирая на слезы и клятвы несчастныхъ, увѣрившихъ, что они не знаютъ никакой бумаги, потащили ихъ утопить въ рѣкѣ Міясѣ, которая только что вскрылась, но кончили тѣмъ, что привязанныхъ къ столбу страдальцевъ обливали водою изъ

рѣви до тѣхъ поръ, пока не лишились они чувствъ! Затѣмъ бунтующіе бросились въ дома лучшихъ воскресенцевъ, которые не приняли участія въ мятежѣ; вязали ихъ къ заплотамъ; на улицахъ была грязь, и несчастныя жертвы народнаго безумія, забрызганныя этою грязью съ головы до ногъ, представляли зрѣлище комико-трагическое. Родной братъ Андрея Варушкина, Д. Варушкинъ, человѣкъ «ярый» и сильный, какъ гласить лѣтопись, привязанный къ заплоту, не смотря на побои, кричалъ во все горло и предвѣщалъ мятежникамъ всю строгость суда и наказанія, обѣщая кому ссылку, кому ваторгу, кому плети, кому внуть, поименно перечисляя главныхъ зачинщиковъ. «Удивительно», восклицаетъ лѣтописецъ, «какъ этотъ человѣкъ, послѣ такихъ жестокихъ побоевъ — остался живъ!»

Паническій страхъ овладѣлъ всѣми, когда бунтующіе бросились въ храмъ божій, въ которомъ требовали обыска, утверждая, что подъ св. престоломъ спрятанъ указъ съ золотыми буквами и печатью; но они воздержались отъ этого святотатственнаго преступленія, когда отецъ Левъ и другіе священники объяснили имъ, что тотъ, кто коснется св. престола, долженъ подлежать смертной казни и вѣчной музѣ!...

Въ этотъ день (3 апрѣля), Воскресенская слобода кипѣла народомъ, отъ наплыва бунтующихъ съ разныхъ волостей; мостъ былъ снятъ, и они съ той стороны Міаса, съ отвагою русскаго человѣка, перебирались по плывущимъ льдинамъ. День склонялся къ вечеру, и бунтовщики, за недостаткомъ помѣщеній въ домахъ воскресенцевъ, расположились бивуаками на церковной площади, разложивъ огни. — Эту тяжелую ночь, говоритъ Инфантьевъ, въ его жизни, онъ провелъ на колокольнѣ съ волостнымъ головою, его предмѣстникомъ и другими, чтобы спастись отъ смерти, которою ему и имъ угрожали. Наступило утро и съ нимъ наступила катастрофа! Пошла расправа, — писаря Ганчикова, засѣдателя Яшкина и прочихъ въ оковахъ повели подъ стражу въ отдаленныя селенія воскресенской волости. Мятежники требовали выдачи имъ священника Инфантьева, волостного головы и другихъ вмѣстѣ съ ними запертыхъ на колокольнѣ. Отецъ Левъ рѣшился сойти и вмѣстѣ съ прочими вошелъ въ храмъ. Самъ онъ вошелъ въ алтарь, и облачился въ священническія одежды, прочіе применили къ алтарю на клиросѣ, потомъ отперты были двери паперти и толпа бунтующихъ хлынула въ храмъ. Изъ алтаря, въ полномъ облаченіи, священникъ Левъ, стоя за престоломъ, объявилъ имъ, что онъ готовъ погибнуть, какъ св. Захарія между алтаремъ и храмомъ; но что кровь его и собратій — будетъ лежать на извергахъ и чадахъ

ихъ, и въ окровавленномъ храмѣ заупустѣть служеніе Богу! «Такъ ли встрѣчаете вы, продолжалъ проповѣдникъ, дни наступающей Страстной недѣли? Вы злодѣи — вторые распинатели Христа!» — Отецъ Левъ замолчалъ. Бунтующіе со скрежетомъ зубовъ оставили храмъ и поплы съ обыскомъ въ домъ Инфантаева, жена котораго выставила на крыльцѣ хлѣбъ-соль и икону Ангела-Хранителя мужа, св. Льва, епископа Катанскаго. Крестьяне требовали у ней искомый ими указъ; но, не найдя ничего, кромѣ простыхъ бумагъ и документовъ, толпа отвалила. Всю страстную седмицу оставался отецъ Левъ въ храмѣ; въ концу этой недѣли бунтующіе изъ селеній воскреснскаго прихода и прочихъ волостей прекратили съѣздъ въ Воскресенскую слободу и бунтовали въ своихъ мѣстахъ.

III.

Волненіе въ волостяхъ: Окуневской, Кислянской, Чумляцкой и Каменной съ прочими. — Неудачныя мѣры къ умиротворенію уѣзда. — Пораженіе Лагранжа и критическое положеніе исправника Деграве въ селѣ Каменномъ ¹⁾.

Опираясь на лѣтописи, можно безошибочно связать, что 1-е число апрѣля 1843 года было условнымъ днемъ возстанія всего уѣзда. Отыскиваніе указа, гоненіе и пытка — писарямъ, головамъ, попамъ и прочему чиновному люду, вездѣ стояли на первомъ планѣ. Поэтому, описывая мятежъ въ другихъ селеніяхъ Челябинскаго округа, я не буду повторять однихъ и тѣхъ же проявленій его, а укажу только на тѣ факты, повѣствованіе о которыхъ не могло войти въ разсказъ о бунтѣ Воскресенской слободы. Такъ, въ селѣ Окуневскомъ бунтъ ознаменовался соженіемъ крестьянами великолѣпнѣйшаго бора съ криками: «Не доставайся наше сокровище барину!» Въ Кислянской волости, отставной поручикъ Шиховъ, не только самъ выразилъ готовность принять на себя обязанности волостнаго писаря, но даже знакомилъ мятежниковъ съ военнымъ искусствомъ. Въ селѣ Толдовскомъ, бунтующіе прилагали особенныя старанія къ розыску своего волостного писаря Н. И. Кудрина (человѣка отъ природы умнаго, много читавшаго и, вслѣдствіе этого, литературно достаточно образованнаго), съ надеждою узнать отъ него всю подноготную, такъ какъ онъ, говорили крестьяне, постоянно скитался съ господами; но Кудринъ давно уже проживалъ въ Бурганѣ, уѣздномъ городѣ

¹⁾ Лѣтописи Чумляцкая, Толдовская и другія.

Тобольской губерніи, куда скрылся вмѣстѣ съ благочиннымъ Авраамовымъ.

Не найдя ни Кудрина, ни священниковъ, толовцы, розыскивая ихъ въ окрестностяхъ, наткнулись на дьячка, котораго тотчасъ-же схватили и готовы были подвергнуть свою жертву разнаго рода истязаніямъ. Находчивый дьячекъ, видя бѣду неминуемую, не потерялся и кричалъ во все горло, что онъ за крестьянъ.

— Чѣмъ же ты намъ докажешь, приступали къ нему бунтовщики, что ты держишь нашу сторону?

— Я вамъ дамъ пушку, отвѣчалъ дьячекъ.

— Какую-такую пушку?... изъ которой палать што-ли? спрашивали крестьяне.

— Изъ которой палать, утвердилъ дьячекъ. Крестьяне согласились, и подъ карауломъ повели плѣнника къ дому, гдѣ, какъ говорилъ онъ, находится обѣщанная имъ пушка. Дьячекъ дѣйствительно вынесъ удивленнымъ бунтовщикамъ дѣтскую пушку въ полъ-аршина и объяснялъ имъ по нѣскольку разъ, куда помещается порохъ и какъ слѣдуетъ ею дѣйствовать, сообщая огонь затравкѣ. Наивный восторгъ толпы не имѣлъ границъ и жертва съ почетомъ и наградой была отпущена на свободу, а крестьяне съ торжествующимъ видомъ важно понесли свою нагоду.

Въ селахъ Чумляцкомъ, Каменномъ и слободѣ Куртамшской волненіе выражается въ нѣсколько иныхъ формахъ и принимаетъ, такъ сказать, нѣкоторую своеобразность, а потому мы признаемъ необходимымъ о проявленіи мятежа въ этихъ селеніяхъ сказать нѣсколько болѣе подробно, чѣмъ о прочихъ мѣстностяхъ волновавшагося уѣзда.

Въ мартѣ мѣсяцѣ послѣдовало распоряженіе, отъ управленія государственными имуществами, объ общественномъ сборѣ, на содержаніе палаты, волостныхъ и сельскихъ управленій, по одному рублю ассигнаціями съ души въ годъ.

Тогда же отъ сельскихъ управленій было объявлено жителямъ для постановленія о сборѣ этихъ денегъ общественныхъ приговоровъ. Чумляцкіе крестьяне, выслушавъ настоящее заявленіе, предварительно отказались постановить объ этомъ приговоръ на томъ основаніи, что сходъ былъ неполный. Поэтому волостной голова назначилъ вновь сходъ, на который требовалъ, чтобы всѣ наличные крестьяне явились непременно. Между тѣмъ, до сельскихъ властей дошли слухи, что жители рѣшительно не хотятъ вносить требуемыхъ съ нихъ денегъ и готовятся къ открытому возстанію, но лишь ожидаютъ «*коми*» съ какою-то

бумаги. Вскорѣ были схвачены и представлены въ головѣ два крестьянина, проговорившіеся сельскому писарю о томъ, что уже прошло три года, какъ они проданы барину. Разумѣется, отъ нихъ были отобраны показанія, и сами они были заключены подъ арестъ, — съ цѣлью положить конецъ нелѣпнымъ разглашеніямъ.

Въ назначенный для схода день, въ волостному правленію собралось чрезвычайно много народу, такъ что съ 10 часовъ утра приступили къ дѣлу и вновь прочтено было жителямъ распоряженіе начальства объ общественномъ сборѣ. На это крестьяне отвѣчали: «Если предписано вамъ (головѣ) собирать съ насъ деньги, то какіе еще требуются отъ насъ приговоры? Кто даетъ, такъ даетъ, а нѣтъ, такъ и только!» Сельскими начальниками предложено было, во всякомъ случаѣ, и объ отказѣ постановить приговоръ. Крестьяне, вмѣсто отвѣта, потребовали отъ писаря отчета въ прежде собранныхъ съ нихъ деньгахъ и о запасномъ хлѣбѣ. Давши требуемыя объясненія, мѣстные власти напрягали всѣ силы ума, чтобы убѣдить крестьянъ въ ложности встревожившихъ ихъ слуховъ, но послѣдніе, не слушая никакихъ доводовъ, кричали только одно: «Мы проданы барину, и васъ *миропродавцевъ* слушать не хотимъ, а выберемъ себѣ новыхъ начальниковъ неграмотныхъ, которые будутъ съ нами за-одно!» Такъ велика была ненависть крестьянъ къ рабству, что страхъ сдѣлаться «барскими», отнималъ у нихъ способности мыслить и рассуждать здраво. Потомъ угрозы главнымъ образомъ были направлены на писаря. Послѣдній, однако, не струсилъ, и, продолжая увѣщевать крестьянъ до 7 часовъ вечера, успѣлъ образумить жителей трехъ деревень: Козеной, Тулманки и Кузнецовой, крестьяне которыхъ тотчасъ же ушли домой, и во все время мятежа, не принимая въ немъ никакого участія, оставались покойны. Въ доказательство же ихъ покорности потребовали, чтобы всѣхъ ихъ по-именно записали въ волостномъ правленіи, — что и было исполнено.

Остальная толпа, отъ такого неожиданнаго успѣха противной стороны, пришла въ величайшее негодованіе, единогласно повторяя: — «Старики!... Ребята! стоять въ одно!» Этимъ кончился сходъ. О возникшихъ беспорядкахъ тою же минутой волостнымъ правленіемъ было донесено: земскому исправнику, окружному начальнику и становому приставу.

10 апрѣля, совершенно неожиданно прибыли въ село Чумлацкое управляющій палатою полковникъ Львовъ, исправникъ и окружной начальникъ. Нѣсколько жителей деревни Калмаковой и другихъ селеній, завинявшихся въ подстрекательствѣ кре-

стьянъ въ бунту, были лично управляющимъ наказаны розгами. По окончаніи этой экзекуціи, чиновники предполагали ѣхать далѣе въ село Каменное, но получили извѣстіе, что тамъ ожидаютъ ихъ огромныя скопища народа, готовые дать имъ отпоръ! Поэтому, оставаясь въ селѣ Чумляцкомъ, полковникъ Львовъ, для уничтоженія этой шайки, распорядился вытребовать экзекуціонную команду, до 250 человекъ, какъ говоритъ чумляцкая лѣтопись, «*татарскихъ казаковъ*», безъ сомнѣнія башкиръ, бывшихъ въ то время войскомъ, и поручилъ командованіе надъ этимъ отрядомъ губернскому лѣсническому Лагранжъ¹⁾.

Отряду дано было приказаніе, слѣдуя окольными дорогами, чрезъ «*татарскія*» селенія, неожиданно явиться передъ бунтовщиками въ селѣ Каменномъ и однимъ ударомъ положить конецъ бунту! Чумляцки на время стихли и выжидали чѣмъ кончится дѣло въ Каменной.

Планъ собравшихся крестьянъ въ село Каменное съ оружіемъ въ рукахъ былъ тотъ, чтобы, въ случаѣ высылки противъ нихъ войска, встрѣтить ихъ, и, нанеся имъ пораженіе, недопустить во внутрь уѣзда.

О движеніи Лагранжа съ отрядомъ, еще за нѣсколько верстъ до села, узнали бунтовщики, и, опираясь на свое превосходство въ силахъ²⁾, приготовились встрѣтить непріятеля. Лагранжъ, потерявъ нѣсколько времени въ бесполезныхъ переговорахъ, рѣшился подѣйствовать на крестьянъ атакою; но многочисленныя толпы послѣднихъ скоро одолѣли и смяли войско лѣсничаго, которое бросилось утекать въ разсыпную; самъ Лагранжъ, благодаря только быстрому бѣгу лошади, бывшей подъ нимъ, спасся отъ смерти. За нимъ крестьяне погнались, но башкиры, стрѣльбою изъ луковъ, удержали побѣдителей отъ дальнѣйшаго преслѣдованія, причѣмъ многихъ поранили стрѣлами, кого въ глазъ, кого въ бокъ, кого въ щеку. Трофеями этой побѣды сдѣлался

¹⁾ Головскій лѣтописецъ говоритъ, что отрядъ «башкиръ и казаковъ» (оренбургскихъ), вытребованный полковникомъ Львовымъ, былъ раздѣленъ на три части: правымъ крыломъ командовалъ лѣсничій *Лагранжъ* и велъ свою часть окольными дорогами; лѣвымъ начальствовалъ исправникъ *Деграве* и шелъ на Каменное чрезъ Карачельское село; а центръ, подъ командою управляющаго палатой, шелъ прямой дорогой на Каменное, и что между начальниками условлено было произвести одновременное нападеніе на бунтующихъ въ назначенный часъ съ трехъ сторонъ разомъ. Но Лагранжъ погорячился, и, прибывъ равнѣ своихъ товарищей, потерпѣлъ пораженіе. Но мы придерживаемся чумляцкой лѣтописи, такъ какъ изъ Чумляцка направлена была эта неудачная экспедиція.

²⁾ Лѣтописи разнѣ показываютъ численность крестьянъ, участвовавшихъ въ бѣгѣ: Чумляцкая говоритъ, что ихъ было до 2,000, а другія увеличиваютъ отъ 5,000 до 7,000 человекъ.

за-урядъ сотникъ Рамазановъ, схваченный крестьянами въ то время, когда онъ слѣзая съ верховой лошади и садился въ парную подводу, бывшую съ его имуществомъ. Башкирскій заурядъ сотникъ былъ старшій знакомый каменскихъ крестьянъ, которые порядкомъ проучили своего знакомаго за забытую имъ, какъ они говорили, хлѣбъ-соль. Они повели бѣднаго плѣнника въ лѣсъ съ ругательствомъ и оскорбленіями, привязали его къ дереву, плевали ему въ лице, тыкали пальцами, толкали въ глаза, и, въ довершеніе своей мести, крестьяне посягнули уничтожить самыя дорогія сердцу азіянца вещи. Передъ глазами страдальца, была въ мелкіе куски разрублена топорами его перина, и пухъ развѣявъ по вѣтру; разбить о дерево самоваръ и въ дребезги разбита шкатулка съ чаемъ и сахаромъ. Натѣшившись вдоволь своимъ плѣнникомъ, крестьяне отпустили его на свободу, совѣтуя, на будущее время, жить съ ними въ согласіи.

Пораженный Лагранжъ, оставивъ свой отрядъ подъ командою другого башкирскаго офицера переночевать въ селѣ Чумляцкомъ, приказалъ ему, на утро, развѣхаться по домамъ, а самъ уѣхалъ въ Челябинскъ.

Покончивъ съ несчастнымъ за-урядъ сотникомъ Рамазановымъ, крестьяне взялись за своего волостного писаря И. Ф. Завьялова. Сначала они, какъ говоритъ лѣтопись, честию просили выдачи имъ «указа съ золотыми строчками и клеймами», но потомъ начались угрозы, а съ ними и неизбѣжныя въ этомъ случаѣ побои. Старшой, или распорядитель, выбранный миромъ, вмѣсто головы, первый панесь оскорбленіе Завьялову, и, видя его упорство и «запирательство», «набольшій», обращаясь къ народу, приказалъ его порядкомъ проучить. Десятка два молодець бросились на писаря; растянули его на землѣ и принялись за расправу, кто трясъ Завьялова за волосы, кто за бороду, кто билъ несчастнаго палкой, кто кулакомъ, словомъ, кто какъ могъ и умѣлъ. — «Да, таки и гораздо ладно и путемъ» пошатѣшились крестьяне надъ своей жертвой, замѣчаетъ лѣтописецъ, но писарь продолжалъ кричать одно: что «никогда не было и не можетъ быть такой бумаги».

Не добившись толку, бунтовщики засадили почти безчувственнаго писаря подъ арестъ.

Едва кончилась расправа съ Завьяловымъ, какъ въ село Каменное вѣхалъ исправникъ Деграве, вѣроятно увѣренный въ полномъ порядкѣ, установленномъ Лагранжемъ. Грозно закричалъ онъ на собравшіяся толпы народа: — «Зачѣмъ здѣсь?!... Подъ судъ заговорщиковъ, въ вапдалы! Гдѣ голова, старики?»

— Нѣтъ ихъ... да и гдѣ они—мы не знаемъ, отвѣчалъ спокойно міръ.

— Кто-же тутъ у васъ есть? гремѣлъ исправникъ.

— Говори, ваше благородіе, чаво тебѣ надо?.. видишь самъ, сколько міру? было отвѣтомъ исправнику.

— Гдѣ писарь?

— И писаря нѣтъ!

— Сейчасъ же розыскать ихъ и привести ко мнѣ, приказывалъ Деграве.

— Не время намъ, отвѣчалъ, смѣясь, міръ.

Исправникъ раскипятился не на шутку.

— Какъ вы смѣете меня не слушать! закричалъ онъ.

— Не горячись, остынешь! отвѣчалъ голосъ изъ народа.

— Кто мнѣ осмѣлился это сказать?... подайте его сюда, горячился исправникъ Деграве, но никто съ мѣста не трогался, всѣ только засмѣялись, и кто-то изъ толпы отвѣчалъ:

— А ты подойди, ваше благородіе, да посмотри по губамъ-то, можетъ и узнаешь, кто тебѣ это сказалъ!

Смѣхъ пуще. Исправникъ окончательно взбѣсился, и готовъ былъ метать въ народъ громы, но крестьяне предупредили его.

— Будетъ тебѣ ерошиться-то, закричали они во много голосовъ; лучше скажи-ка міру-то, какъ вы міръ барину продали?—

Исправникъ оторопѣлъ и сконфузился.

— Что вы такое говорите? удивлялся онъ.

— Оглохъ ты, што-ля? чай слышишь! Что тебя міръ спрашиваетъ, то и говори!..

— Что вы? Богъ съ вами! Ничего подобнаго не было!

— А ты видно забылъ Бога-то, да и продалъ насъ.

Долго исправникъ тратилъ свое краснорѣчіе даромъ, крестьяне рѣшительно отказывались его слушать, и въ концѣ-концевъ потребовали своего писаря (выбраннаго ими грамотѣя), которому приказали прочесть исправнику извѣстную намъ варушкнскую «копію съ перекопіи» золотострочнаго указа. По окончаніи чтенія, крестьяне торжественно предложили Деграве вопросъ:

— Ну, чаво теперь скажешь, господинъ исправникъ?

— Скажу вамъ, что все тутъ прописанное — чепуха, увѣренно отвѣчалъ исправникъ.

— Размазывай — чепуха, усумнился міръ. — Ты и эту бумагу знаешь, только намъ правды сказать не хочешь, вотъ что!

— Я вамъ правду говорю, братцы!

— Ладно, ладно! насмѣшливо отвѣчала толпа. — Видишь, наѣхалъ турусы-на-колесахъ подпускать намъ... такъ сейчасъ тебѣ и повѣрили, держи карманъ-отъ ширше!

Раздались съ разныхъ сторонъ голоса: — «Братцы, господишь исправникъ давича писаря съ головой спрашиваль, такъ какъ бы его къ нимъ свозить... Худого нѣтъ — пусть повидятса», острили крестьяне. — Одинъ изъ толпы подошелъ къ Деграве.

— Ты, давича, ваше благородіе, спрашиваль голову съ писаремъ, почтительно поклонился онъ.

— Да, спрашиваль.

— Если угодно, то мы тебя къ нимъ свозимъ.

Исправникъ струхнулъ.

— Зачѣмъ же мнѣ ѣхать къ нимъ... лучше ихъ сюда позвать, нерѣшительно замѣтилъ онъ.

— По твоему такъ, ваше благородіе, да по нашему не такъ, отвѣчалъ крестьянинъ. — Ей, мѣръ православный! обратился онъ къ народу. — Господишь исправникъ просится къ головѣ и писарю — лошади!...

Живо явилась лошадь... Подскочило къ Деграве челоуѣкъ десять удалыхъ молодцевъ, подхватили исправника и *голаго* посадили на приведенную «*тощую шолудивую кобылицу*», спиной къ лошадиной головѣ; въ руки ему подали, вмѣсто повода, кобылицынъ хвостъ. Увидавши исправника въ такомъ видѣ, въ народѣ закричали: — «Вотъ тебѣ! не продавай міру, да дѣлай правду!» Послѣ этой фразы, начали плевать исправнику въ глаза, бросали въ него грязью, такъ что скоро нельзя было ничего разобрать, и столь опозореннаго возили по селенію съ крикомъ, бранью и разными прибаутками. Наконецъ, поруганнаго Деграве привезли къ мѣсту заключенія головы съ писаремъ, и, втоленувъ его къ нимъ, сказали:

— Вотъ тебѣ голова и писарь, столкуйтесь-ко вмѣстѣ, да и скажите намъ, гдѣ у васъ хранятся бумаги - то? Можетъ ты ихъ уговоришь... а то вишь, мѣръ-то давича бился съ ними болѣе, да такъ и плюнулъ». Исправникъ взмолился къ крестьянамъ:

— Братцы, сказалъ онъ, вѣдь вы знаете, что я всегда за васъ стоялъ... Отпустите меня въ Челябу, а я за васъ тамъ хлопотать буду, никому васъ обидѣть не позволю.

Бунтовщики раскинули умомъ-разумомъ, сообразили, что исправникъ не новаго управленія чиновникъ, и потому имъ не врагъ: отпустили его домой.

Деграве, окольными дорогами, чрезъ башкирскія деревни, добрался до Челябинска.

Присмирѣвшая на-время, Чумляцкая волость не замедлила пристать къ общей сумятицѣ, тотчасъ послѣ пораженія Лагранжа подъ Каменнымъ. Снова, площадь Чумляцкаго села покрылась густыми толпами народа, собравшагося у волостнаго

правленія съ требованіемъ завѣтнаго «указа». Лѣтопись увѣряетъ, что стеченіе народа было такъ велико, что никогда не бывало такого съѣзда на ярмаркахъ, отличающихся въ этомъ селѣ многолюдствомъ. Мужички поднимались на разныя хитрости, чтобы добиться истины. А чтобы не воспрепятствовать имъ дѣйствовать, какъ заблагоравсудится, экзекуціонный отрядъ башкиръ, поставленный лѣсничимъ у нихъ на квартирахъ, было условлено всѣхъ «собаковъ» перерѣзать наступающей ночью. Заговоръ этотъ былъ случайно открытъ однимъ башкирцемъ, зашедшимъ въ избу къ одному изъ крестьянъ, съ намѣреніемъ попросить закусить чего нибудь, такъ какъ квартирныя хозяева морили ихъ голодомъ. Войдя въ сѣни, лагранжевскій воинъ услышалъ нѣсколько голосовъ, угрожавшихъ смертью своему головѣ и «татарскимъ казакамъ». Не оставаясь ни одной минуты, башкирецъ побѣждалъ сообщить слышанное своимъ начальникамъ и головѣ. Не ожидая утра, экзекуціонная команда оставила Чумляцъ, а голова выдержалъ ночью осаду, въ своемъ домѣ, съ тринадцатю преданными ему людьми, выстрѣлы которыхъ заставили бунтующихъ отступить. Тотчасъ по снятіи осады, голова съ своимъ семействомъ тайно бѣжалъ въ Челябинскъ. На утро въ домѣ головы былъ произведенъ крестьянами обыскъ, но всѣ усилія мірянъ отыскать голову, или кого-либо изъ его родныхъ, оказались напрасными.

Не пайда ни писаря, ни головы, крестьяне собрали сходку, на которой рѣшено было идти къ попамъ и требовать отъ нихъ выдачи указа, такъ какъ, по ихъ убѣжденію, сбѣжавшіе не могли взять съ собою такого важнаго документа, и онъ долженъ быть спрятанъ въ поповскихъ амбарахъ, подъ хлѣбомъ.

Депутація явилась къ священникамъ и заявила имъ требованія міра. Мѣстное духовенство отвѣчало, что никто имъ никакой бумаги не передавалъ, и ничего подобнаго у нихъ не хранится. Посланные вернулись къ міру и сообщили ему отвѣтъ священника. Отвѣтъ этотъ пробудилъ народную ярость: — «А!» кричали толпы, «косматые черти не хотятъ путемъ отдать намъ бумагу, такъ мы завтра съ руками у нихъ ее оторвемъ!» Слѣдуетъ сказать, что посольство, явась къ старшему священнику съ цѣлью выпудить признаніе, пустило въ ходъ вотъ какаго рода утку:

— Батюшка, каменскіе и карачельскіе попы выдали слышь мужичкамъ указъ-отъ съ золотой строчкой; такъ вотъ міръ насъ къ тебѣ прислалъ, чтобы и ты не мытарилъ имъ-то, а выдалъ бы намъ бумагу-то...

Священникамъ нечего было выдавать, а почное бѣгство спасло ихъ отъ пытокъ, которыя готовилъ имъ съ разсвѣтомъ

разъяренный народъ. Въ безсильной злобѣ на свои неудачи, кинулись густыя массы мятежниковъ къ волостному правленію и перерыли въ немъ вѣпы дѣлъ и бумагъ. Въ этихъ поискахъ общее вниманіе было остановлено выбраннымъ грамотѣмъ на «Земледѣльческой газетѣ», къ которой были приложены рисунки различныхъ сельскихъ орудій.

— Вотъ, братцы, говорилъ онъ, указывая на борону, это борона... смотрите, будутъ боронить-то на людяхъ, а не на лошадахъ!

— Хитрое дѣло баринъ затѣваетъ, отвѣчалъ мѣръ. Нампередъ выслалъ картинки, а потомъ мало-по-малу все это заведетъ, да и заставитъ насъ ими работать.

Далѣе попадается рисунокъ берда:— «А бабамъ напимъ велятъ на этихъ бердахъ твать!.. Глядите-ка, братцы, удивляются мужички, зубцовъ-то, зубцовъ-то сколько!»

Машина, а подписано подъ нею: молотилка.

— Ну, а это чаво такое? спрашиваютъ крестьяне своего писара.

— Машина написано, отвѣчаетъ онъ.

— А гдѣ же руки-то! восклицаетъ нѣсколько голосовъ, смѣйайте-во, вѣдь нѣтъ! — Мѣръ гурьбой къ столу.

— Нѣтъ, нѣту рукъ! утверждаютъ голоса.

— А это вотъ что, догадываются нѣкоторые: если кто не будетъ работать на барина, такъ того къ этимъ колесамъ пригнать, да ерюкомъ-то и закорючать; небось, не вывернешься!.. И будутъ его злодѣи прикащики, топершныи наши начальники, дуть розгачемъ, али палочьемъ!...

— И въ самомъ дѣлѣ такъ! соглашается мѣръ. Смотрите-ка, вотъ тутъ руки, а епта ноги—куда вывернешься... да ужъ хоть смотри не смотри, а это будетъ!.. Бактъ, привезли бумагу-ту изъ Камышлова, баринъ-то какой-то Кульневъ. Вотъ, гляди, голову-то съ писаремъ подѣластъ управляющими, да прикащиками, вотъ и будутъ баре... дадутъ имъ нашего брата семейки по три, вотъ-те и господа. И будутъ они нами мытарить, то тѣ тягло, то другое давай... Сегодня собери барину денегъ, да завтра баринъ потребуетъ, разсуждаютъ мужики; собирай да посылай, а баринъ-то къ намъ и не поѣдетъ, и будетъ только тамъ въ карты играть на нашъ счетъ, а мы ему денежки готовъ да посылай! Ну, а это што? спрашиваетъ мѣръ, увидавъ новый рисунокъ. Самоучка писаръ разбираетъ по складамъ:

— Самовѣйка.

— Какая-такая самовѣйка?.. ну-ко ладомъ разбери! призываетъ толпа. Долго грамотѣй трудится надъ чтеніемъ и на-

вонецъ объясняетъ:— «Тутъ значитса, что она безъ вѣтру можетъ вѣять».

— Эка штука! удивляются мужики.

— Видно и впрямь баринъ-то нашъ большаротой! острять крестьяне. Видно онъ самъ будетъ дуть за-мѣсто вѣтра.

Въ такихъ занятіяхъ и въ розыскахъ небывалаго указа проводятъ время крестьяне, забывъ о полевомъ хозяйствѣ до самаго конца мятежа.

Изъ слободы Куртамышевской ¹⁾ всѣ должностныя лица, не исключая и становаго пристава, опасаясь преслѣдованія возмущившихся крестьянъ, бѣжали въ деревню Толстопятову, подъ прикрытіе стоявшей тамъ военной команды. Въ слободѣ оставались только волостной голова Іосифъ Собакинъ, да засѣдатель волостного правленія, крестьянинъ деревни Березовой, Егоръ Меньщиковъ. Послѣдній вначалѣ пытался—было, силою своего краснорѣчія, убѣдить крестьянъ—возстановить нарушенный ими порядокъ и разойтись по домамъ, но, не успѣвъ въ этомъ добромъ намѣреніи, и замѣтивши общее противъ себя озлобленіе, рѣшился послѣдовать благому примѣру своихъ сослуживцевъ и тайно уѣхать въ деревню Толстопятову. Намѣреніе засѣдателя не укрылось отъ бунтовщиковъ; на десятой верстѣ отъ слободы, близъ деревни Малетеной, Меньщиковъ былъ остановленъ двумястами гнавшихся за нимъ крестьянъ. Бѣглеца схватили и довели побоями до безчувствія; потомъ Меньщикова привезли мятежники въ деревню Малетену, гдѣ крестьянами былъ произведенъ тщательный обыскъ карманамъ засѣдателя, причемъ найдены были у него два ключа, отъ наружнаго и внутренняго замковъ, которыми былъ запертъ сундучекъ, принадлежавшій волоостному правленію, гдѣ хранились деньги, гербовая бумага и паспортныя блявки. Ключи, какъ вещь нужная, бунтующими были взяты съ собой, а Меньщиковъ, закованный въ конскія желѣза, сданъ подъ надзоръ крестьянъ Егора и Ивана Малетиныхъ. Черезъ двое сутокъ несчастный засѣдатель былъ освобожденъ изъ-подъ ареста, проходившею казачьею командою, подъ начальствомъ хорунжаго Фатѣева, шедшею въ Куртамышъ.

Въ слободѣ Куртамышевской, подвергнувъ разнаго рода жестокостямъ своего голову, крестьяне засадили его въ собственной

¹⁾ Дѣло: о расхищеніи бунтовавшими, въ 1843 г. крестьянами, изъ Куртамышевскаго вол. пр. бумагъ и денегъ на сумму 158 руб. 27½ коп. и питейнаго дома той же слободы 6,380 руб. 91¼ коп., принадлежащихъ откуну.

квартирѣ подъ стражу, а сами густыми толпами ворвались въ волостное правленіе. Здѣсь они перерыли всѣ бумаги, разбили сундучекъ съ деньгами, взяли 153 р., нѣсколько листовъ бланковой паспортной бумаги, и захватили тѣ дѣла, въ которыхъ рассчитывали найти «указъ» или подходящее къ нему распоряженіе начальства. Вотъ списокъ дѣлъ захваченныхъ крестьянами: 1) «О взысканіи съ крестьянъ податей и повинностей за первую половину 1843 г.» 2) «Разныя статистическія свѣдѣнія за 1841, 1842 и 1843 года». 3) «Дѣло объ общественной запашкѣ и разведеніи картофеля за 1841 и 1842 года». 4) «Книга о приходѣ и расходѣ суммъ отпущенныхъ на жалованье волостнымъ и сельскимъ начальникамъ за 1842 г.» 5) «Земледѣльческая газета» и «Сенатскія вѣдомости» за прежнее время. Это происходило утромъ пятого апрѣля; вечеромъ того же дня, между бунтующимися, пронесся слухъ, что у сидѣльца Куртамышевскаго питейнаго дома, безсрочно-отпускнаго солдата Баева, скрывается сельскій писарь (также безсрочно-отпускной солдатъ), Алексѣй Теньковцевъ. Нуждаясь въ хорошо-грамотномъ человѣкѣ и недовольные своимъ выбраннымъ грамотѣемъ, крестьяне рѣшились произвести обыскъ въ питейномъ домѣ Баева. Съ этою цѣлью значительная толпа бунтовщиковъ, предводительствуемая крестьянами Ларіономъ Кокоринымъ, Павломъ Шапкинымъ и Егоромъ Лоскутниковымъ, ворвалась въ питейное заведеніе съ требованіемъ немедленной выдачи имъ писаря Теньковцева.

Сидѣлецъ Баевъ оказался человѣкомъ до тонкостей постигшимъ всю премудрость формальностей, соблюдаемыхъ въ подобныхъ случаяхъ; онъ, въ свою очередь, потребовалъ отъ крестьянъ, чтобы въ обыску были приглашены въ видѣ депутатовъ отъ откупа повѣренные Щепитильниковъ и Петръ Заочаловъ. На это крестьянинъ Кокоринъ отвѣчалъ: что онъ добросовѣстный волостного правленія, и что поэтому не представляется никакой надобности въ другомъ посредникѣ. Тогда сидѣлецъ старался убѣдить крестьянъ, что въ питейномъ домѣ нивого нѣтъ, кромѣ его съ семействомъ, но, разумѣется, всѣ увѣренія его остались тщетными и, избитый мятежниками, онъ былъ вытасченъ вонъ. Не найдя Теньковцева, толпа нашла два мѣшка мѣдныхъ денегъ въ 84 р. с. и спрятанную за печкой шкатулку, въ которой хранилась выручка за истекшій мартъ мѣсяць со всей Куртамышевской дистанціи до 6,330 рублей серебр. ¹⁾ Захвативъ

¹⁾ Изъ дѣла видно, что дистанционный повѣренный Куртамышевской дистанціи челябинскій мѣщанинъ *Старцевъ*, опасаясь нападенія крестьянъ на контору, вѣрнулъ сумми, бывшія въ конторѣ сидѣльцу Баеву, полагая, что бунтовщики не

деньги, крестьяне не упустили случая подрѣшнить свои силы даровымъ виномъ и вышли на улицу. Разбитая шкатулка черезъ три мѣсяца найдена въ гумнахъ дѣтми крестьянина слободы Куртамышевской Ивапа Черноскулова, но виновныхъ, по произведенному слѣдствію, въ захватѣ этихъ денегъ, по не имѣнію свидѣтелей, не оказалось.

На другой день послѣ описанныхъ нами происшествій, порядокъ въ Куртамышѣ былъ восстановленъ пришедшею сюда командою хорунжаго Фатѣева. При командѣ находились становой приставъ и помощникъ окружного начальника Лузинъ, которыми и былъ освобожденъ волостной голова Собакинъ.

Недовольные удалились въ деревню Гагарью, Толовской волости.

IV.

Слухи о движеніи Оренбургскаго в. губернатора Обручева и наказнаго атамана Оренбургскаго казачьяго войска графа Цукато. — Ополченіе въ селѣ Каменномъ и деревнѣ Гагарьей. — Новое движеніе Воскресенской волости. — Походъ Обручева. — Чумляцкая челобитная. — Пораженіе бунтовщиковъ въ селѣ Каменномъ. — Экзекуція и рѣчь отца Льва Инфантьева въ Воскресенской слободѣ. — Движеніе графа Цукато. — Гагаринская битва. — Крестьянинъ Савва Хромцовъ и унтеръ-офицеръ Еланцевъ. — Мищеніе казаковъ. — Пѣсня, сложенная крестьяниномъ Григорьемъ Веснинимъ про бунтъ. — Дознаніе и судъ. — Волненіе въ Курганскомъ уѣздѣ Тобольской губерніи, и два воззванія къ народу генерала Ладженскаго. — Всемилощивѣйшее прощеніе.

Стали до бунтовщиковъ доходить слухи о движеніи противъ нихъ войскъ, по тракту изъ города Челябинска на Воскресенскую, подъ непосредственнымъ начальствомъ командира отдѣльнаго оренбургскаго корпуса генераль-лейтенанта Обручева, и съ линіи на волость Толовскую подъ командою наказнаго атамана оренбургскаго казачьяго войска графа Цукато. Движеніе это было вызвано допесеніемъ гражданскаго губернатора о пораженіи Лагранжа, столь ободрившемъ и увѣрившемъ мятежниковъ въ ихъ непобѣдимости, что они, съ полною вѣрою въ успѣхъ, ожидали своихъ непріятелей.

Въ селѣ Каменномъ и деревнѣ Гагарьей, Толовской волости, собрались многочисленныя скопища крестьянъ, готовые дать отпоръ и Обручеву и Цукато.

На Оомпной недѣлѣ снова вспыхнуло сильное движеніе въ

тронуть интсйпаго дома, какъ и въ другихъ селахъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что сумма переложена изъ ассигнацій на серебро и даже утроена откупомъ по его расчетамъ.

Воскресенской волости; бунтующіе пошли противъ «Самозванца», такъ называли они корпуснаго командира, смѣшивая его со своимъ миеомъ - бариномъ Кульневымъ, котораго не разъ бросались они встрѣчать съ дубьемъ, когда проносился слухъ, что барина этого везутъ къ нимъ въ золотой бочкѣ (каретѣ).

«Стороннему зрителю, говорить лѣтописецъ, надобно было имѣть крѣпкія внутренности, чтобы не захохотаться до спазмъ надъ этой несущейся кавалькадой противъ регулярнаго войска, вооруженной топорами, дубинами, батиками, пешпями, дротиками съ наконечниками изъ шпилей и гвоздей и весьма рѣдко виштовками и ружьями, и то безъ пороху и пуль». Проѣзжая и проходя чрезъ Воскресенскую слободу, бунтовщики, хотя никого уже не тиранили, но, по прежнему, общали, на возвратномъ пути съ побѣды, поднять Воскресенскую на воздухъ! Болѣе недѣли валили они на избранный пунктъ въ волость Каменную. «Женщины до того овладѣли своими одурѣлыми¹⁾ мужиками, что если кто отнѣживался идти на войну, то подвергали того смѣху и оплеванію, и схвативъ ухватъ или кочергу, фехтовали и поддразнивали мужиковъ». Менѣе самообольщенные плелись на бой нехотя.

Въ Воскресенской водворилась тишина, ожидали исхода грознаго похода. А между тѣмъ корпусный командиръ приближался уже къ селу Каменному. Чумляцкіе мужички, прозпавъ о движеніи генерала Обручева, собрали сходку и положили послать къ нему выборныхъ съ челобитной въ видѣ приговора, въ которомъ предполагалось свалить всю бѣду на волостнаго голову. Версты за три до села Чумляцкаго выборные отъ міра встрѣтили корпуснаго командира; на челѣ ихъ шелъ сѣдой маститый старецъ; онъ всталъ на колѣни съ положенной на голову просьбой и ожидалъ, когда приблизится отрядъ.

— Что, старикъ, за бумага? спросилъ корпусный командиръ, поровнявшись съ депутаціей.

— Прошеніе вашему превосходительству, отвѣчалъ старецъ, подавая бумагу и кланяясь до земли.

— Въ чемъ же дѣло?

Адъютантъ прочелъ въ слухъ поданный приговоръ. Крестьяне оправдывались тѣмъ, что они не бунтовали, а только не хотѣли повноваться волостному головѣ, котораго желали смѣнить на томъ основаніи, что онъ ихъ притѣсняетъ. Въ жалобѣ своей они особенно упирали на то, что 1) голова завелъ у нихъ какую-то общественную запашку; чрезъ годъ или два принуждалъ

¹⁾ Лѣтописи: Воскресенская, отца Льва, и Чумляцкая.

крестьянъ освѣжать запасы переменною старою хлѣба новымъ. 2) Выдавалъ для пощву только лицамъ неимущимъ, а у кого зналъ, что есть свой хлѣбъ, въ ссудѣ отказывалъ. 3) Отправляющихся изъ мѣста жительства за тридцать верстъ и болѣе при-неволивалъ брать какіе-то билеты на гербовой бумагѣ 15-ти копѣчнаго достоинства. 4) Насильно заставлялъ разводить картофель, а кто отговаривался неимѣніемъ сѣмянъ, тому насильно всучивалъ изъ запасовъ своихъ. 5) Штрафованныхъ не велитъ пускать на сходки и т. д., все въ этомъ же родѣ; въ прошеніи были перечислены, въ видѣ чего-то гнетущаго, всѣ тѣ мѣры, которыми министерство государственныхъ имуществъ старалось достигнуть народнаго благосостоянія. Этотъ фактъ служитъ лучшимъ доказательствомъ того, какъ часто дурными, неумѣлыми, или вообще недобросовѣстными исполнителями портятся и искажаются у насъ самыя благія предначертанія!

Въ «доброе старое время» любили только *предписывать*, но не толковать съ народомъ, представляя тѣмъ самымъ врагамъ народнаго спокойствія истолковать и извращать, сообразно своимъ цѣлямъ, всякое гуманное распоряженіе высшаго правительства, и нерѣдко служили, такимъ образомъ, краеугольнымъ камнемъ разнаго рода мятежамъ и сумятицамъ въ землѣ нашей.

По окончаніи чтенія, генералъ Обручевъ спросилъ у прочихъ крестьянъ, за чѣмъ они здѣсь? Послѣдніе отвѣчали, что они со старикомъ по одному дѣлу.

— Больше ничего не имѣете сказать мнѣ о притѣсненіяхъ? спросилъ корпусный командиръ.

— Нечего гнѣвить Бога! Больше не на что жалиться намъ, отвѣчали крестьяне.

Военный губернаторъ приказалъ перевязать всю депутацію и сдать въ отрядъ. Въ этотъ же день, въ Чумляцкомъ происходила немилосердная экзекуція главнымъ зачинщикамъ и аресты. Голова былъ восстановленъ въ своихъ правахъ, а на утро генералъ съ отрядомъ двинулся въ село Каменному.

Въ Каменной волости корпусный командиръ напрасно старался подѣйствовать на мятежниковъ словомъ убѣжденія; послѣдніе, зная, что въ этотъ день рѣшается вопросъ: «быть или не быть барскими», упорно отказывались положить оружіе, хотя видѣли предъ собою уже не толпу «татарскихъ казаковъ», а значительный отрядъ пѣхоты съ кавалеріей и 8-ю орудіями. Военный губернаторъ приказалъ открыть холостой огонь артиллеріи. Грохнула отъ вѣка невиданная и неслыханная въ Челябинскомъ краѣ пушка; бунтовщики дрогнули и бросились бѣжать во всѣ стороны; войска облавою ловили утекшихъ въ

лѣса, оцѣпили оставшихся на мѣстѣ и началась экзекуція «лозами»....

«Ночью чрезъ Воскресенскую тучами пронеслись бѣгущіе бунтовщики. Побросавъ свои воинскіе доспѣхи, они укрывались въ лѣсахъ и полевыхъ избушкахъ, искали спасенія въ баняхъ, овинахъ и скотныхъ дворахъ. Слѣдующій пунктъ экзекуціи назначенъ былъ въ Воскресенской слободѣ, въ верстѣ отъ нея, на большомъ травѣ, у рѣчки Боровлянки. — Въ однѣ сутки, гласить лѣтопись, собраны были бунтовавшіе на мѣстѣ экзекуціи и разставлены въ нѣсколько шеренгъ на пространствѣ двухъ верстѣ. Въ два часа по-полудни прибыли войска; день былъ знойный; экзекуція продолжалась часа четыре. Несчастные послѣ наказанія ползали по лугу; одни безсознательно ртомъ рвали траву и жевали, другіе ползли къ Боровлянкѣ — утолить жажду ¹⁾. По окончаніи экзекуціи, корпусный командиръ верхомъ вѣхалъ въ Воскресенскую и, проѣзжая мимо церкви, приказалъ, чтобы зутра была литургія съ молебствіемъ, по окончаніи оной, на церковной площади. Небольшая горсть умныхъ воскресенцевъ стояла отдѣльно отъ тысячъ бунтовавшихъ крестьянъ, оцѣпленныхъ войсками; самъ военный губернаторъ, въ полной парадной формѣ стоялъ отдѣльно отъ своего штаба, шагахъ въ 30 отъ аналоя.

Полный крестный ходъ съ хоругвами, при звонѣ колоколовъ помѣстился прямо противъ входа въ храмъ. По окончаніи водосвятнаго молебна, старшій священникъ Василій Ильинъ доложилъ чрезъ адъютанта корпусному командиру, что священникъ Левъ Инфантьевъ готовъ произнести рѣчь. На это генераль Обручевъ сказалъ: «Если рѣчь ко мнѣ и войскамъ, то излишне, если же слово обращено къ народу, то буду весьма благодаренъ». Рѣчь отца Льва была именно приготовлена къ военному губернатору и его отряду, но даровитый проповѣдникъ сказалъ экспромтъ. Слово Инфантьева было вполнѣ обличительное и сильно тронуло генерала Обручева, такъ что къ концу рѣчи, онъ стоялъ уже предъ самымъ проповѣдникомъ ²⁾. По окончаніи рѣчи пропѣтъ былъ благодарственный молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ и многолѣтіемъ; за тѣмъ окроплены были святой водою войска, добрые и умные воскресенцы и всѣ бунтовавшіе. Привѣтствуя воскресенцевъ ласкою, генераль Обручевъ произнесъ сильное внушеніе бунтовавшимъ. По окончаніи этой

¹⁾ Воскресенская лѣтопись, стр. 25.

²⁾ Рѣчь эту отецъ Левъ, нынѣ соборный челябинскій священникъ, къ сожалѣнію, не могъ доставить, потому что имъ на-скоро былъ написанъ одинъ экземпляръ для г Обручева.

церемоніи, штабъ занялся краткимъ разслѣдованіемъ дѣла, а на слѣдующее утро, въ 8 часовъ, корпусный командиръ со своимъ отрядомъ направился въ волость Окуневскую, гдѣ явился къ нему наказный атаманъ графъ Цукато, усмиравшій со своими войсками прочія волости.

Послѣ каменскаго пораженія, у бунтовщиковъ оставалась одна надежда на успѣхъ шайки, собравшейся въ деревнѣ Гагарьей, Толовской волости, подъ начальствомъ крестьянина Саввы Хромцева, человѣка съ непреклоннымъ характеромъ и желѣзной волей, и плечушки отставнаго гвардіи унтеръ-офицера Еланцева, кавалера во всю грудь увѣшаннаго всевозможными отличіями въ этомъ званіи. Шайкѣ этой предстояло генеральное сраженіе съ графомъ Цукато, шедшимъ изъ станицы Звѣриноголовской для уничтоженія гагарьевскаго скопища.

Наконецъ, рѣшительный часъ наступилъ: графъ стоялъ подъ деревней Гагарьей, и пораженный густыми толпами народа, вооруженнаго чѣмъ ни пошло и высыпавшагося передъ деревней, вступилъ съ бунтовщиками въ переговоры. Наказный атаманъ, оставя свой отрядъ, подѣхалъ верхомъ въ мятежникамъ и спросилъ ихъ:

— Что это за собраніе?

— Мы люди государевы и всегда были ему вѣрны, а теперь вдругъ узнали, что наше начальство продало насъ барину Кульневу, единогласно отвѣчали ему крестьяне.

— Лучше голову и животы положить, чѣмъ намъ барскими быть! закончилъ Савва Хромцевъ.

Графъ началъ разувѣрять мятежныхъ въ ложности подобныхъ слуховъ.

— Вѣрьте мнѣ (говорилъ онъ), что ничего подобнаго нѣтъ; все это выдумалъ Варушкинъ, теперь забитый въ кандалы; вы же оставьте ваши смуты, *покоритесь мнѣ*, падите на колѣни и будете счастливы! Мужики упорствовали. Два раза отъѣзжалъ графъ къ своей «арміи»¹⁾ (говоритъ лѣтопись), и снова возвращался къ бунтующимъ съ словомъ увѣщанія, но никто не внималъ ему. Наконецъ военно-начальникъ пріѣхалъ въ третій разъ и умолялъ народъ покориться, обѣщая помилованіе. Многіе пачали-было колебаться, но въ это время выступилъ впередъ гвардіи унтеръ-офицеръ Еланцевъ и закричалъ толпѣ:

¹⁾ Лѣтопись Гагарьевская.

— Что вы его слушаете, разиня ротъ; вѣдь этотъ прелестникъ подосланъ бариномъ! Не вѣрьте ему, онъ все вретъ!

Энергическая фраза Еланцева магически подѣйствовала на крестьянъ; напрасно генераль тратилъ слова, волненіе не уменьшалось и даже слышны стали угрозы, касающіяся прямо графа. «Тогда, рассказываетъ лѣтописецъ,—графъ Суватовъ (Цувато), сплавнувъ слезно, пріѣхалъ въ армію и приказалъ сдѣлать выстрѣлъ изъ пушки, коя была заряжна ядрами ¹⁾); но хорунжіе Лебедевъ и Черкасовъ упростили графа выкатить ядра и сдѣлали выстрѣлъ холостымъ зарядомъ.»

Потомъ казаки бросились въ атаку, «били народъ пиками и конями топтали», а народъ, видя, что онъ не въ состояніи выдержать напоръ регулярныхъ войскъ, кинулся на «стаю» (родъ навѣса), но, къ несчастію, крыша у стаи обломилась, и люди, стоявшіе на ней, провалились и, такимъ образомъ, достались живьемъ въ руки казаковъ, которые тотчасъ же перевязали ихъ всѣхъ и заперли въ ограду. Затѣмъ началась экзекуція. Графъ Цувато, «слезно плакавшій и жалѣвшій народъ», былъ болѣе жестокъ, чѣмъ генераль Обручевъ. По его приказанію, казаки своими нагайками съ шеи до ногъ отпластывали кожу съ мясомъ у несчастныхъ бунтовщиковъ. «Драли многое множество», и конечно, первый ударъ нанесенъ былъ предводителямъ, которые оба были схвачены. Унтеръ-офицеръ Еланцевъ, послѣ экзекуціи, которую онъ только-что вынесъ, по распоряженію графа Цувато, былъ привязанъ къ публичному столбу, при чемъ графъ, сорвавши съ груди предводителя знаки отличія, билъ ими его до тѣхъ поръ, пока лице несчастнаго не превратилось въ кровавое пятно! По окончаніи экзекуціи, виновные были отправлены на подводахъ въ село Толовское за строгимъ конвоємъ,—а отрядъ двинулся чрезъ село Толовское на соединеніе съ генераломъ Обручевымъ въ Окуневскомъ, ознаменовывая свой путь нещаднымъ драпьемъ нагайками. Казаки были озлоблены противъ крестьянъ тѣмъ, что походъ ихъ былъ совершенно внезапенъ и отняли у домовитыхъ казаковъ дорогое время поствоя.

По предварительному слѣдствію, болѣе 600 человекъ были отправлены въ Челябинскъ для заключенія въ тюремный замокъ и преданія военному суду, въ комиссіи для того парочно составленной, подъ предсѣдательствомъ генераль-маіора Ротъ. Грозная артиллерія осталась на границѣ, отдѣляющей казаковъ отъ крестьянъ въ волости Чумляцкой, а потомъ была пере-

¹⁾ Воскресенская лѣтопись говоритъ, что пушки заряжены были картечью, которою и сдѣланъ былъ выстрѣлъ.

дена въ Бѣлоярскую, откуда только въ 1866 г. выступила въ Ташкентъ. Въ Воскресенской слободѣ, какъ срединномъ пунктѣ уѣзда, на нѣкоторое время оставалась часть оренбургскаго линейнаго № 6 баталіона съ баталіоннымъ командиромъ маіоромъ Тамиловымъ и поручикомъ Огонь-Дагаловскимъ.

Въ уѣздѣ водворился порядокъ. Всѣ низверженныя и бѣжавшія власти восстановлены въ своихъ правахъ; въ запустѣвшихъ храмахъ возносили благодарственные молитвы къ Богу возвратившимися священниками, которые, за исключеніемъ отца Льва Инфантьева (получившаго въ послѣдствіи орденъ св. Владиміра 3-й степени), священниковъ: Мамина, удержавшаго своимъ словомъ Становскую волость отъ участія въ бунтѣ и Андрея Анустина, разбѣжались кто куда могъ.

Неграмотный крестьянинъ деревни Гагарьей (нынѣ уже умершій), Григорій Веснинъ, сложилъ въ воспоминаніе гагаринской битвы и бунта 1843 г. пѣсню, проникнутую бѣдимъ сарказмомъ. Мы не можемъ привести ее здѣсь вполнѣ, потому что конецъ ея исполненъ неудобныхъ для печати выраженій. Вотъ образчикъ этой пѣсни:

Въ 43-мъ году, споемъ пѣсенку нову,
Споемъ пѣсню мы нову, все про веснушку весну,
Какъ мы весну-съ воевали, на Гагарьемъ побывали,
На Гагарьемъ побывали, во загумнахъ мы стояли,
Во загумнахъ мы стояли, огороды изломали,
Огороды изломали — обороны въ руки брали,
Обороны въ руки брали, — казаковъ мы прогнали.
Казаковъ мы не прогнали, только пуще раздражали;
Только пуще раздражали — мы на стаю залѣзали,
Мы на стаю залѣзали — эту стаю изломали.
Эту стаю изломали — мы въ осаду всѣ попали.
Мы въ осадочѣ сидѣли день четырнадцать часовъ,
На 15-й же часъ, прочитали намъ *указъ* ¹⁾:
Худенькимъ по сотнѣ дали, удалымъ по пятисотъ;
Нашъ Кулага ²⁾ господинъ — получилъ семьсотъ одинъ;
Получилъ семьсотъ одинъ, подѣ арестъ онъ угодилъ;
Подѣ арестомъ не держали — намъ подводы наряжали,
Намъ подводы наряжали и въ Челябину провожали,
Во Челябину городокъ, посадили насъ въ острогъ.
Посадили на *недѣлю*, — продержали *крумый годъ!*
Нашъ Кулага господинъ, по острогу проходилъ,
По острогу проходилъ — гагаринцамъ говорилъ:
Гагаринцы молодцы — какъ вѣмецки жеребцы!
Ничего мы не начали — отовсюду мѣръ намчали,

¹⁾ Намекъ на отыскавшійся указъ съ золотой строчкой.

²⁾ Крестьянинъ Савва Хромцевъ.

Къ намъ наѣхало гостей, со пяти-то волостей,
Со пяти-то со шестыми, все вѣдъ стары сошляки...

Лѣтніе жары, тѣснота тюремнаго помѣщенія, гніеніе отплатанныхъ казачьими нагайками ключевъ кожи съ тѣломъ и недостатокъ врачей были причиною значительной смертности между привезенными изъ уѣзда арестантами, такъ что сѣверо-западный уголъ челябинскаго кладбища заваленъ трупами по-истинѣ несчастныхъ мятежниковъ!—Конечно, Иванъ Фадюшинъ «Люсый» и Андрей Варушкинъ «достойно воспріяли мзду свою осужденіемъ на вѣчно въ каторгу, говоритъ челябинскій лѣтописецъ, но прочихъ, вовлеченныхъ ими въ мятежь, жаль до глубины души!» И въ самомъ дѣлѣ, отчего бы тогдашнему оренбургскому начальству не предупредить катастрофы въ челябинскомъ уѣздѣ, такими же мѣрами, какими предупредилъ ее въ томъ же году, въ курганскомъ округѣ и. д. тобольскаго гражданскаго губернатора М. В. Ладыженскій? Онъ двумя воззваніями предостерегъ и удержалъ курганцевъ отъ бунта. Въ первомъ своемъ объявленіи генераль Ладыженскій, обращаясь къ сельскимъ жителямъ съ воскреснымъ привѣтствіемъ, совѣтуетъ жить въ мирѣ и любви другъ къ другу и повиновеніи начальству, не заводя сумятиць и смуть, за которыми слѣдуетъ кара Божія, плачь и уныніе. Во второмъ — онъ пишетъ о полученіи имъ свѣдѣнія, что и между курганскими жителями началось уже сматеніе, а потому уговаривалъ ихъ успокоиться, не вѣрять ложнымъ слухамъ и выждать, чѣмъ кончится дѣло въ сопредѣльномъ Челябинскомъ уѣздѣ. Преданіе говоритъ, что многіе изъ крестьянъ, приходя въ городъ на могилы своихъ родныхъ, оплакивали вмѣстѣ съ ними могилу уѣзднаго врача Жуковскаго, умершаго въ 1840 г., ропща на судьбу отнявшую у нихъ совѣтника, такъ какъ со смертію его, имъ не съ кѣмъ было посоветоваться! Жуковскій, значить, пользовался популярностью въ народѣ, прозваніемъ его своимъ совѣтникомъ и, слѣдовательно, простое слово, во-время сказанное къ народу, могло предостеречь и удержать челябинцевъ отъ бунта. Но слова этого никто не сказалъ.

Вслѣдствіе высочайшаго повелѣнія преданы были военному суду только главные зачинщики, прочимъ же императоръ Николай Павловичъ даровалъ прощеніе. Варушкинъ, Люсый (Фадюшинъ) и Еланцевъ (Хромцевъ умеръ въ острогѣ) были наказаны шпицрутенами черезъ полторы тысячи человѣкъ «одинъ разъ», первые двое въ слободѣ Воскресенской, а послѣдній въ селѣ Павловскомъ, и сосланы въ каторжную работу. Менѣе виновные, по наказаніи розгами, выслены въ Сибирь на поселеніе;

оказавшіе сопротивленіе войскамъ наказаны розгами и водворены въ мѣста жительства, тѣмъ-же, которые вынуждены были приять участіе въ бунтѣ, даровано прощеніе.

Предсѣдатель военно-судной комисіи генераль-маіоръ Ротъ, объѣзжая волости, объявлялъ жителямъ монаршую милость. — «Умилительно было смотрѣть (пишетъ толовскій лѣтописецъ), когда генераль Ротъ объявлялъ всемилостивѣйшее прощеніе крестьянамъ, собираемымъ для того въ волости, на церковныхъ площадяхъ, поставленнымъ въ видѣ четырехугольника съ готовящимся къ молебну духовенствомъ въ срединѣ; предъ началомъ молебствія, являлся обыкновенно генераль, въ полной парадной формѣ, увѣшанный орденами, окруженный свитой чиновниковъ, и обращаясь къ народу, объявлялъ ему радостную вѣсть о помилованіи, по объявленіи которой, служился благодарственный молебенъ съ провозглашеніемъ многолѣтія Государю и всему царствующему дому — и единодушное ура! было отвѣтомъ признательныхъ подданныхъ!» Тѣмъ волостямъ, которыя не принимали рѣшительно никакого участія въ бунтѣ, отъ министра государственныхъ имуществъ разсланы были похвальные листы, съ выраженіемъ монаршаго благоволенія.

Листы эти въ настоящее время висятъ въ присутствіи волостныхъ правленій.

Такъ кончилось возстаніе 1843 г., вызванное превратнымъ толкованіемъ передачи крестьянъ въ вѣдѣніе министерства государственныхъ имуществъ, изъ котораго недавно переданы они въ вѣдомство общихъ мировыхъ учрежденій, какъ-бы въ доказательство мужичкамъ, что рабство и барство отнынѣ немислимы и невозможны въ Россіи.

Н. СЕРЕДА.

Челябинскъ, Оренб. губ.

16-го дек. 1867 г.

ДѢЛО НОВИКОВА

и

ЕГО ТОВАРИЩЕЙ

(По новымъ документамъ.)

Дѣло о Новиковѣ и масонскихъ ложахъ въ Россіи, производившееся въ послѣдніе годы царствованія императрицы Екатерины II, еще не объяснено надлежащимъ образомъ. М. Н. Лопгиновъ, которому принадлежитъ честь подробной разработки этого вопроса, приходитъ ко многимъ недоразумѣніямъ, встрѣчаетъ «несообразности и противорѣчія въ запискѣ и обвиненіи». Дѣйствительно, дѣло вообще о масонахъ окончилось казніемъ собственно *одного* Новикова; потомъ, указъ 1 мая 1792 г. повелевалъ «передать Новикова законному сужденію на основаніи учрежденія» (о губерніяхъ), а между тѣмъ законнаго сужденія дано не было, и дѣло рѣшено административнымъ порядкомъ и тайно.

«Еще въ августѣ 1790 г.—говоритъ г. Лонгиновъ—Радищевъ, за напечатаніе книги возмутительнаго содержанія, былъ, правда, на основаніи жестокихъ тогдашнихъ законовъ, осужденъ на смерть; но осужденъ все-таки по закону и притомъ въ уголовной палатѣ и въ сенатѣ, а по дарованіи ему жизни, сосланъ на жительство въ Сибирь, куда дозволено было пріѣхать къ нему его семейству. Ровно черезъ два года, Новиковъ, по разнымъ, отчасти далеко не доказаннымъ, проступкамъ, вслѣдствіе предполагаемыхъ намѣреній и т. под., отстраненъ отъ законной подсудности, которой сначала хотѣли его подвергнуть, и заключенъ безъ

суда на пятнадцать лѣтъ въ казематъ Шлиссельбургской вѣр-
ности»¹⁾.

«Въ чемъ же состоялъ процессъ Новикова? спрашиваетъ А. Н. Пыпинъ. критикъ сочиненія г. Лонгинова, подробно разсмотрѣвъ всѣ главныя обстоятельства дѣла. «При началѣ дѣла, его предполагали отдать на правильное законное сужденіе; но процессъ ограничился допросами у Прозоровскаго и Шешковскаго; законнаго сужденія не было, и дѣло кончилось заключеніемъ Новикова въ Шлиссельбургъ. Новикову, какъ главному представителю направленія, досталась самая тяжелая участь изъ всего кружка. Его ближайшіе друзья, товарищи и соучастники, иногда по дѣламъ ордена, даже болѣе компрометированные по тогдашнимъ понятіямъ, отдѣлялись легкими взысканіями. Лопухинъ былъ освобожденъ совсѣмъ. Уже это обстоятельство показываетъ, что слѣдствіе для самыхъ предубѣжденныхъ людей не представило достаточнаго повода къ преслѣдованію, и однако же въ рѣшеніи 1 августа 1792 г. о Новиковѣ и его друзьяхъ, хотя эти послѣдніе понесли только легкое взысканіе и въ сущности оставлены были въ покоѣ, — говорится, какъ о преступникѣ и его сообщникахъ, дѣятельность ихъ характеризована какъ — вредныя замыслы, побужденія — духъ любоначалія и корыстолюбія, свойства ихъ послѣдователей, — крайняя слѣпота, невежество и развращеніе, средства — плутовство и обольщеніе»²⁾.

Такой взглядъ на дѣло уже доказываетъ, что обнаруженные до настоящаго времени источники еще не достаточны для его объясненія, и что оно требуетъ еще новыхъ изслѣдованій. Пользуясь вновь обнаруженными документами³⁾, которые еще никому не были извѣстны, мы позволимъ себѣ изложить нѣкоторыя соображенія для болѣшого объясненія этого дѣла, — не думая однако же окончателно разрѣшить вопросы, такъ тѣсно связанные со всѣми другими происшествіями того времени, еще весьма мало обнаруженными и еще менѣе обработанными.

I.

Слѣдствіе о масонахъ и Новиковѣ производилось въ Москвѣ и Петербургѣ. Въ Москвѣ производство этого слѣдствія импе-

¹⁾ Новиковъ и московскіе мартинисты. М. 1867, стр. 337 и 338.

²⁾ Вѣстн. Евр. 1867 г. т. IV: «Русское масонство въ XVIII-мъ вѣкѣ», А. Н. Пыпина, стр. 65.

³⁾ Они изданы во II т. Сборника Русскаго Истор. Общества.

ратрица поручила тамошнему генераль-губернатору князю Прозоровскому. Его взглядъ на Новикова и значеніе масонскихъ ложъ извѣстенъ изъ обнародованныхъ уже документовъ и изслѣдованій о нихъ. Усердный слуга государыни, онъ хотѣлъ дѣйствовать и дѣйствовалъ энергически, но въ тоже время сознавалъ, что не понимаетъ и не можетъ понять ни ученій, ни дѣятельности тѣхъ людей, надъ которыми долженъ былъ производить судебное слѣдствіе. Личность Новикова до такой степени мало имѣла общаго съ нимъ самимъ, что онъ представлялся ему злѣйшимъ ересіархомъ и хитрѣйшимъ революціонеромъ, отъ котораго нельзя добиться правды. Сознывая свое безсиліе въ этомъ случаѣ, онъ постоянно просилъ императрицу прислать ему въ помощь т. сов. Шешковскаго, пресловутаго по опытности въ дѣлахъ, подлежащихъ тайному изслѣдованію ¹⁾. Съ тою же просьбою онъ обращается въ своихъ письмахъ и къ самому Шешковскому, съ которымъ, съ самаго начала слѣдствія, онъ велъ тайную переписку. — «Я сердечно желалъ бы — шипеть онъ — чтобъ вы ко мнѣ пріѣхали, а одинъ съ нимъ (Новиковымъ) не слажу! Эвова плута тонкова мало я видалъ. И такъ бы его допросили; у меня много матеріи, о чемъ его допрашивать. Надо, милостивый государь мой, сему вреду сдѣлать конецъ. Это говоритъ мое усердіе къ ея императорскому величеству и отечеству; увѣренъ, что и вы столько же усердный, какъ и я». Въ другомъ письмѣ онъ также проситъ Шешковскаго: — «Чтобы вы ко мнѣ пожаловали, какъ бы скорѣе пошли дѣла, да и матерія сія сего стоитъ, а я бы искренно возблагодарилъ Бога!» Дѣйствительно, тяжелый камень свалился бы съ его плечъ и облегчилъ бы голову человѣка, принужденнаго изучать сочиненія масоновъ и доискиваться въ нихъ смысла, котораго и сами часто не понимали ихъ сочинители и ихъ поклонники, рыться въ грудѣ масонскихъ бумагъ и отыскивать въ нихъ небывалыхъ политическихъ замысловъ.

Но Шешковскій уклонялся отъ прямого отвѣта на ласковые призывы и изъявлялъ надежду, что *усердіе* кн. Прозоровскаго *къ общему благу* доведетъ его *до желаемого конца*, а если бы и оказались *затрудненія*, то онъ *впру несомнѣнну импѣтъ, что самъ Господь Богъ поможетъ ему ихъ преодолѣть* ²⁾. Императрица точно также не отвѣчала на эту просьбу кн. Прозоровскаго и не отправила Шешковскаго на помощь ему въ Москву.

Почему-же это такъ случилось?

Еслибъ она смотрѣла на масонство и Новикова съ той-же

¹⁾ Лѣтописи русск. литер. и древности, г. Тихонравова. Т. V, отд. 2-е.

²⁾ Письма кн. Прозоровскаго отъ 4 и 18 мая, и Шешковскаго отъ 1 мая.

точки зрѣнія, какъ и вн. Прозоровскій, то объяснить это обстоятельство было бы чрезвычайно трудно. Лечить важный недугъ помощію плохого врача, имѣя подъ рукою самаго искуснаго, совершенно было бы несогласно съ умомъ и вѣрнымъ практическимъ взглядомъ Екатерины. Очевидно, она вовсе не придавала того значенія масонству и не такъ смотрѣла на Новикова, какъ московскій генераль-губернаторъ. Ученія масоновъ и ихъ мистицизмъ, запутанный и поверхностный, не опиравшійся ни на какія твердыя основанія, какъ въ историческомъ, такъ и философскомъ смыслѣ, былъ противенъ строго логическому и холодному ея уму, а ихъ дѣйствія представлялись ей *плутовствомъ* нѣсколькихъ ловкихъ людей, которые завлекали другихъ въ свои сѣти для корыстныхъ видовъ, прикрываемыхъ только благовидными намѣреніями, распространеніемъ просвѣщенія и благотворительностью. Но, противъ этихъ ученій, она считала достаточно дѣйствовать литературными орудіями, опроверженіемъ, сатирою и насмѣшкой ¹⁾, а чтобы положить предѣлъ распространенію издаваемыхъ ими книгъ въ малообразованныхъ слояхъ общества, она прибѣгала къ административнымъ мѣрамъ. Такъ дѣйствовала императрица до 1790-хъ годовъ; но, въ это время, въ виду происшествій во Франціи, имѣвшихъ вліяніе и на всю западную Европу, ко взгляду императрицы на масоновъ присоединилось и опасеніе: масонскія ложи были тайными обществами, находившимися въ связяхъ съ европейскими, и потому казались ей опасными; тогда она рѣшилась положить вонецъ ихъ дѣятельности въ Россіи.

Но для того, чтобы это намѣреніе привести въ исполненіе, былъ совершенно достаточенъ таковой усердный слѣдователь, какъ кн. Прозоровскій, особенно подъ руководствомъ и постояннымъ наблюденіемъ самой императрицы и при участіи Шешковскаго. Точно также достаточенъ былъ и общій порядокъ суда, еще такъ недавно узаконенный *Учрежденіемъ о губерніяхъ*, которое императрица считала однимъ изъ важныхъ памятниковъ законодательства ея царствованія, и которое съ такимъ восторгомъ было привѣтствуемо просвѣщеннымъ обществомъ того времени. Въ этомъ смыслѣ и состоялся указъ 1 мая 1792 г., въ которомъ сказано: «Повелѣваемъ онаго Новикова, на основаніи нашего учрежденія, предать законному сужденію, избравъ надежныхъ вамъ людей; по окончаніи же во всѣхъ судахъ того слѣдствія и заключеній, должны они представить вамъ на ревизію, вы же препроводите на рѣшеніе въ сенатъ.»

¹⁾ Записки Грибовскаго, изд. 1847 г., стр. 23.

Но впоследствии все переменялось: Новиковъ съ большими предосторожностями и въ великой тайнѣ былъ отправленъ въ Шлюссельбургъ, слѣдствіе надъ нимъ вновь поручено было производить Шешковскому, и, безъ суда по общему порядку, онъ былъ приговоренъ, указомъ 1 августа 1792 г., на заключеніе въ Шлюссельбургской крѣпости на пятнадцать лѣтъ.

Какія же были причины такой перемены во взглядѣ императрицы?

Получивъ указъ 1 мая, вн. Прозоровскій нашель невозможнымъ его исполнить, и, 6 мая, съ нарочнымъ отправилъ къ императрицѣ донесеніе, въ которомъ писалъ, что «пріостановился исполнить онаго отдачею Новикова сужденію по учрежденію о губерніяхъ». — «Я теперь, сообщалъ онъ, имѣя въ домѣ его на Никольской подъ стражею, ни съ кѣмъ видѣться не допускаю; а отдавъ его, по законамъ, сужденію уѣзднаго суда, должно его оставить подъ стражей, но свободу дать ему больше. А тогда будетъ имѣть онъ способъ видѣться со собратіей своею, то уже труднѣе будетъ, если повелите всемилостивѣйшая государыня, по бумагамъ его спрашивать. Почему и за лучшее почель о семъ вашему величеству чрезъ нарочнаго сего донести». И далѣе предполагаетъ: «Лучшебъ было нарядить для сего слѣдствія особую комиссію, выбравъ людей способныхъ; а паче потому, что изъ нихъ есть люди умные и проворные и дѣла знающіе; то хотя я опредѣлю надзирателей за производствомъ, но они замѣшивать будутъ дѣло. Новикову же надо будетъ вновь вопросы дѣлать, ибо допросовъ, сдѣланныхъ ему мною и доставленныхъ въ копіяхъ въ вашему величеству, препроводить въ судъ нельзя, какъ въ оныхъ между прочимъ о печатаніи книгъ говорить, что онъ печаталъ не на продажу, а для собратій ихъ масоновъ; то судъ обязанъ спрашивать будетъ, что масоны, а тогда всѣ способы будутъ ему замѣшать оное дѣло». Въ письмѣ въ Шешковскому отъ 13 мая, указывая ему на причины, изложенныя въ этомъ донесеніи императрицѣ, почему онъ не передалъ въ судебныя учрежденія дѣла о Новиковѣ, онъ приложилъ выписку изъ указа 1 мая и противъ подчеркнутыхъ имъ строкъ: «на основаніи нашего учрежденія, предать законному сужденію, избравъ надежныхъ вамъ людей», — собственноручно написалъ: «Прошу объяснить мнѣ сіи подчеркнутыя слова; судить по законамъ, тогда послать его въ уѣздный судъ, то что значитъ избрать надежныхъ людей? я опасаюсь, чтобъ въ чемъ не ошибиться». Конечно, приведенныя строки указа давали поводъ къ недоразумѣнію. Но, вѣроятно, только неправильность изложенія затемнила мысль: слова — «избравъ надежныхъ вамъ людей», отно-

сились въ слѣдователямъ, потому что не могъ же кн. Прозоровскій перемѣнить составъ судовъ по случаю только этого дѣла.

Но не эта одна причина понудила его приостановиться исполненіемъ указа 1-го мая, какъ доказываютъ приведенныя выше его соображенія, выраженныя въ донесеніи къ императрицѣ отъ 6 мая, и просить объясненій. Этихъ объясненій кн. Прозоровскій не получилъ и не могъ получить потому, что императрица, въ указѣ къ нему 10 мая, писала:— «Что вы Новикова по повелѣнію нашему не отдали подъ судъ, весьма апробуемъ, видя изъ вашихъ реляцій, что Новиковъ человекъ коварный и хитро старается скрыть свои дѣянія, а симъ самымъ наводитъ вамъ затрудненія, отлучая васъ отъ другихъ, порученныхъ отъ насъ вамъ дѣлъ; и сего ради повелѣваемъ: Новикова отослать въ Селесбургскую крѣпость, и дабы оное скрыть отъ его сотоварищей, то прикажите вести его на Владиміръ, а оттуда на Ярославль, а изъ Ярославля на Тихвинъ, а изъ Тихвина на Шлюшинъ, и отдать тамошнему коменданту. Вести же его такъ, чтобъ его никто видѣть не могъ, и остерегаться, чтобъ онъ самъ себя не повредилъ».

Читая эти строки, дѣйствительно можно не только подумать, что соображенія кн. Прозоровскаго разубѣдили императрицу въ правильности ея воззрѣній на это дѣло и принудили отказаться отъ предписаннаго ею, въ указѣ 1 мая, порядка его разсмотрѣнія,—но даже придать ему ту политическую важность, которую придавалъ преувеличенный страхъ революціи и ревность, не по разуму, московскаго генераль-губернатора.

Сомнительно, чтобы умъ великой Екатерины могъ войти въ узкіе взгляды кн. Прозоровскаго, и потому мы постараемся болѣе вникнуть въ обстоятельства этого любопытнаго дѣла, чтобы объяснить перемѣну во взглядахъ императрицы.

Указомъ 18 августа, повелѣвалось дѣло о московскихъ книгопродавцахъ *немедленно рѣшить согласно съ законами и о томъ донести*. Вслѣдъ за тѣмъ, указомъ 31 авг., императрица уже предписывала кн. Прозоровскому:— «Учинить, по этому дѣлу, законное рѣшеніе, которое однакожъ, не исполняя, представить» — ей, съ его *мнѣніемъ*. Значеніе этихъ указовъ, вромѣ иныхъ причинъ, на которыя мы укажемъ впослѣдствіи, объясняется и слѣдующимъ обстоятельствомъ: еще въ донесеніи императрицѣ, отъ 24 апр., кн. Прозоровскій писалъ:— «Какъ всѣ сіи книгопродавцы подвергли себя по законамъ жестокому наказанію и ссылкѣ, а какъ ихъ будетъ болѣе 10 человекъ, для того и удержался я отсылать ихъ суду и велѣлъ подробно разобрать ихъ лавки и всѣ непозволенныя книги отобрать. А не соизво-

лите ли повелѣть, всемилостивѣйшая государыня, положить изъ милосердія какой-либо на нихъ штрафъ?» Находя то наказаніе, которому по суду могли подвергнуться книгопродавцы, слишкомъ строгимъ и несоразмѣрнымъ съ ихъ виною, онъ и впослѣдствіи ходатайствовалъ за нихъ передъ императрицею. Въ письмѣ къ Шешковскому, 24 авг., онъ говоритъ, что въ донесеніи императрицѣ— «какъ прежде всеподданнѣйше доносилъ, такъ и теперь доношу, если ихъ отдать въ сужденію; то должно ихъ, яко неисполнителей именныхъ указовъ, бить кнудомъ и сослать въ каторжную работу; ибо имъ объявленъ былъ о запретительныхъ книгахъ именной указъ, а съ нѣкоторыхъ взяты подписки. Ихъ 15 человекъ, то всѣ вышеупомянутымъ наказаніямъ и подвергаются. У нихъ другой цѣли не было, какъ имѣть барышъ и Новикову сдѣлать угодное, какъ онъ имъ давалъ книги въ долгъ. То я докладывалъ ея величеству, не угодно ли будетъ, чтобъ положить имъ повелѣть нѣкоторое наказаніе, не отсылая въ судъ, и лавки распечатать. Потомъ вторично, по просьбѣ ихъ отъ 17-го мая, всеподданнѣйше просилъ ея величество о распечатаніи лавокъ». Не имѣя однако же разрѣшенія императрицы по этому прошенію, онъ обращается къ Шешковскому и проситъ его: «исходатайствовать, согласно съ всенижайшимъ моимъ ея величеству представленіемъ, резолюцію. Паче надеженъ я на милосердіе ея величества, что она изволитъ апробовать мое всеподданнѣйшее представленіе, которое теперь вижу въ генеральпорутчику Лопухину, что она вошла въ его состояніе, яко мать».

Если книгопродавцы, простые исполнители порученій Новикова, будучи преданы суду, подверглись бы одному изъ самыхъ тяжкихъ уголовныхъ наказаній, то не можетъ быть и сомнѣнія въ томъ, что самого Новикова судъ приговорилъ бы къ немалому наказанію. Входитъ суду, какъ указывалъ вн. Прозоровскій, въ разсмотрѣніе масонскихъ ученій и не было никакой нужды; онъ точно также осудилъ бы его «яко неисполнителя именныхъ указовъ», и его приговоръ былъ бы не менѣе грозенъ, какъ и для книгопродавцевъ, и одинаково не соответствовалъ бы винѣ.

Почему же въ одномъ случаѣ князь Прозоровской опасался слишкомъ строгаго приговора суда, а въ другомъ—слишкомъ снисходительнаго? И какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ императрица, повидимому, соглашалась съ его взглядомъ?

Въ отношеніи къ вн. Прозоровскому это противорѣчіе объясняется весьма легко: онъ считалъ масоновъ революціонерами и республиканцами, ихъ ложи — какими-то явобинскими клубами;

вѣрилъ въ ихъ сношенія съ французскими революціонерами ¹⁾ и хотѣлъ именно это открыть и обличить ихъ. Но, отыскивая то, чего не существовало, онъ, конечно, ничего не открылъ и, упорствуя въ своихъ подозрѣніяхъ, опасался, что и судъ ничего не откроетъ, а хитрые преступники ускользнутъ отъ заслуженной кары. Но императрица, давно слѣдившая за дѣйствіями масонствъ, знакомая въ это время уже съ большею частію ихъ тайныхъ бумагъ, конечно, не могла раздѣлять подобнаго взгляда, и поэтому, въ отношеніи къ ней, необходимо искать иныхъ причинъ, которыя побудили ее измѣнить свой взглядъ и свой образъ дѣйствій ²⁾.

«Соображая всѣ данныя, говоритъ г. Лонгиновъ, нельзя, кажется, сомнѣваться, что въ апрѣлѣ 1792 г. государынѣ сдѣлались положительно извѣстны переговоры Новикова съ Баженовымъ о вступленіи мартинистовъ въ сношенія съ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ. Мы не знаемъ, какъ именно это случилось, тѣмъ болѣе, что переговоры по этому случаю происходили за нѣсколько лѣтъ; но бумага касательно этого предмета, переданная Баженовымъ Новикову еще въ 1787 г., какимъ-то образомъ попала въ руки императрицы, и, конечно, вызвала съ ея стороны рѣшеніе принять строгія мѣры» ³⁾.

На чемъ основано такое предположеніе, что именно въ апрѣлѣ мѣсяцѣ императрица узнала о сношеніяхъ Новикова съ наследникомъ престола, мы не знаемъ; но, дѣйствительно, не подлежитъ сомнѣнію, что она узнала объ этомъ до 10-го мая, когда состоялся указъ кн. Прозоровскому объ отправленіи Новикова въ Шлюссельбургъ.

Если вспомнимъ тѣ отношенія, въ которыхъ она постоянно находилась къ своему наследнику, то, кажется, можемъ утвердительно сказать, что не взгляды и доводы кн. Прозоровскаго, но именно это обстоятельство было поводомъ къ тому, что она измѣнила свой взглядъ на дѣло и отступила отъ предписаннаго ею порядка слѣдствія и суда. Этого одного обстоятельства совершенно достаточно для объясненія перемѣны, происшедшей въ императрицѣ, и нѣтъ нужды прибѣгать къ дру-

¹⁾ Лѣт. Русск. лѣт. т. V, отд. 2, № 8.—Записки Лопухина, стр. 42.

²⁾ Императрица очень хорошо понимала личность Прозоровскаго. Когда, по окончаніи уже дѣла о Новиковѣ и его товарищахъ, въ 1793 г., онъ пріѣхалъ въ Петербургъ и представился ей, она обратилась съ вопросомъ къ Храповицкому: «Знаетъ ли онъ самъ, зачѣмъ пріѣхалъ?»—и, не дожидаясь отвѣта, съ насмѣшкою замѣтила: «Онъ пріѣхалъ сирѣчь къ наградѣ за истребленіе мартинистовъ». Записк. Храповицк. 1793, янв. 26.

³⁾ Новиковъ и Моск. мартин., гл. XXI, стр. 313.

гимъ соображеніямъ, которыя, впрочемъ, ни на чемъ, еще положительно извѣстномъ, основаны быть не могутъ.

II.

По отправленіи Новикова въ Шлюссельбургъ, кн. Прозоровскій еще продолжалъ свои изслѣдованія, но онъ имѣлъ дѣло только съ бумагами и книгами масоновъ, задерживая ихъ, не смотря на требованія императрицы прислать ихъ въ Петербургъ. Но, конечно, его вниманіе устремлено было преимущественно на личности; *птица Новиковъ*, какъ онъ выразился о немъ въ письмѣ къ Шешковскому, отъ него улетѣла, и ему хотѣлось наловить другихъ. Въ письмѣ къ Шешковскому, отъ 17-го мая, онъ сообщилъ ему списокъ *злыхъ* товарищей Новикова, съ характеристическими отмѣтками противъ именъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, въ слѣдующемъ родѣ: «Кн. Николай Трубецкой,—этотъ между ними великъ, но сей испугался и плачетъ; братъ Новикова—лихъ и фанатикъ; кн. Юрья Трубецкой—глупъ и ничего не значитъ; Татищевъ—глупъ и фанатикъ», и т. под. Долго ожидая предписаній продолжать слѣдствіе надъ сообщниками Новикова, въ нетерпѣніи онъ писалъ Шешковскому, 22-го іюня,—«Но позвольте мнѣ дружески вамъ сказать: я не понимаю конца сего дѣла; какъ ближайшіе его сообщники, если онъ преступникъ, то и тѣ преступники. Но до нихъ видно дѣло не дошло! Надѣюсь на дружбу вашу, что вы недоумѣніе мое объясните мнѣ; желаю только того, чтобы не было за ними столь бдительнаго примѣчанія, какъ и безъ того, право, хлопотъ бываетъ много». Онъ опасается, что они избѣгутъ наказанія и будутъ оставлены только подъ надзоромъ полиціи. Въ донесеніи императрицѣ, отъ 7-го іюня, онъ выразилъ ей слѣдующее *мнѣніе*:—«Не надѣюсь я, чтобы по коварному расположенію Новикова можно было дойти до откровенности. А думалъ бы я, чтобы ваше императорское величество высочайшимъ указомъ повелѣли прибыть въ Петербургъ кн. Николаю Трубецкому, а спустя нѣсколько дней и бригадиру Тургеневу, что не будетъ видомъ аресту. А по приближеніи къ Петербургу повелѣть ихъ встрѣтить и привести куда, всемилостивѣйшая государыня, повелѣть изволите. А такъ какъ кн. Н. Трубецкой не мудрый, и со времени аресту Новикова въ робости, то изъ него можно всю свѣдать истину, а Тургеневъ хоть и лукавѣе Трубецкаго и напоенъ совершенно роду мыслей Новикова, и онъ всѣ обстоятельства дѣлъ ихъ точно знаетъ. А симъ способомъ, вѣжета, всемилостивѣйшая государыня, все открыть

изволите; какъ по бумагамъ вездѣ есть гіероглифы, то надо ихъ и прочія матеріи, что недостаетъ, чрезъ нихъ пояснить». Масонскіе *гіероглифы*, конечно, для императрицы не представляли такой великой премудрости, какъ для кн. Прозоровскаго, и потому его совѣтъ остался безъ послѣдствій. Напротивъ, послѣ долгихъ ожиданій, кн. Прозоровскій получилъ указъ, 1-го августа, объ осужденіи Новикова, въ которомъ о его главныхъ сообщникахъ кн. Трубецкомъ, Лопухинѣ и Тургеневѣ сказано, что ихъ — «не только признанія Новикова, но и многія писанныя ими заразительныя бумаги обличаютъ въ соучаствованіи ему во всѣхъ законопротивныхъ его дѣяніяхъ; то повелѣваемъ вамъ, призвавъ каждого изъ нихъ, порознь истребовать чистосердечнаго по предлагаемымъ при семъ вопросамъ объясненія, и притомъ и получить отъ нихъ бумаги, касающіяся до заграничной и прочей секретной переписки, которыя, по показанію Новикова, у нихъ находятся. Вы дадите имъ знать волю нашу, чтобы они отвѣты свои учинили со всею истинною откровенностію, не утаивая ни малѣйшаго обстоятельства, и чтобы требуемыя бумаги представили. Когда же они то исполнять съ точностію, и вы изъ отвѣтовъ ихъ усмотрите истинное ихъ раскаяніе, тогда объявите имъ, что мы, изъ единаго человѣколюбія, освобождая ихъ отъ заслуживаемаго ими жестокаго наказанія, повелѣваемъ имъ отправиться въ отдаленныя отъ столицъ деревни ихъ и тамъ имѣть пребываніе, не выѣзжая отнюдь изъ губерній, гдѣ тѣ деревни состоятъ и не возвращаясь къ прежнему противозаконному поведенію, подъ опасеніемъ въ противномъ случаѣ употребленія надъ ними всей строгости закона. А если кто изъ нихъ и послѣ сего дерзнетъ хотя единаго человѣка заманить въ свой гнусный расколъ, таковой не избѣгнетъ примѣрнаго и жестокаго наказанія».

Такимъ образомъ, процессъ былъ оконченъ, и надъ этими лицами приговоръ произнесенъ, а допросы, порученные кн. Прозоровскому, въ предѣлахъ напередъ определенныхъ присланными ему изъ Петербурга вопросами, очевидно были простою формальностію, предписанною съ одной стороны для оправданія приговора, который повелѣвалось объявить по окончаніи допросовъ, а съ другой, для пополненія свѣдѣній о дѣйствіяхъ масонскихъ ложъ. Никого изъ этихъ трехъ лицъ, наиболее близкихъ къ Новикову, императрица не считала въ собственномъ смыслѣ преступниками, а напротивъ честными и добросовѣстными людьми, хотя и увлеченными въ ложное направленіе. Она напередъ была увѣрена, что ихъ показанія будутъ искренни, и что они представляютъ всѣ имѣющіяся у нихъ бумаги, а потому

напередъ произносила приговоръ, далеко не жестокой. Хотя при этихъ допросахъ кн. Прозоровскій и пытался достигнуть своей цѣли, обличить ихъ въ сношеніяхъ съ французскими революціонерами, и даже привлечь къ дѣлу только-что выступавшаго на поприще литературной дѣятельности Карамзина, но его попытки не только остались безуспѣшными, но даже и этотъ крайне снисходительный, по его мнѣнію, приговоръ о *злыхъ* сообщникахъ Новикова, въ отношеніи къ Лопухину былъ, въ непродолжительномъ времени, отмѣненъ совершенно, и ему дозволено оставаться въ Москвѣ при его престарѣломъ отцѣ. О всѣхъ же другихъ членахъ масонскихъ ложъ и вовсе не было предпринято никакого слѣдствія, такъ что предположенія кн. Прозоровскаго рушились окончательно.

Въ допросныхъ пунктахъ, — по которымъ поручалось московскому генералъ-губернатору отобрать показанія отъ кн. Трубецкаго, Тургенева и Лопухина, — составленныхъ въ Петербургѣ при непосредственномъ участіи самой императрицы, въ первый разъ, при слѣдствіи, производившемся въ Москвѣ, указано было на сношенія Новикова съ наслѣдникомъ престола. Въ 4-мъ и 5-мъ пунктахъ имъ предлагались слѣдующіе вопросы: «Какимъ образомъ вы и товарищи сборища вашего заботились уловить въ сѣти *извѣстную особу*, о коей имѣли вы съ принцемъ Гессенъ-Кассельскимъ и переписку? То открытъ вамъ, для чего вы такія вредныя предпріятія имѣли и чему изъ того быть надѣялись, гдѣ объяснить о всѣхъ товарищахъ, въ семь дѣлъ съ вами соучаствовавшихъ и помогающихъ? Бумагу, писанную Бажановымъ архитекторомъ, вы читали, и потомъ сдѣланная изъ оной выписка отдана вамъ. Вы же видя въ ней вымышленныя и непристойныя слова, не только по долгу присяги не донесли, но еще таковую выписку переслали въ Кутузову. Чего ради объяснить вамъ:

1) Для чего о столь вредномъ и вымышленномъ враньѣ правительству не объявили?

2) Чего ради такую вредную бумагу въ Кутузову переслали, и чему вы изъ того быть надѣялись? и —

3) Кто еще изъ товарищей вашего сборища ее читалъ и у себя имѣетъ, ибо она ходила по рукамъ товарищей вашихъ, то и показать о всѣхъ ихъ именахъ и фамиліяхъ?»

Эти допросные пункты были препровождены къ кн. Прозоровскому при особомъ письмѣ Шешковскаго, въ которомъ, безъ сомнѣнія, онъ объяснилъ ему, о какой «извѣстной особѣ» въ нихъ говорится. Къ сожалѣнію, этого письма не сохранилось въ изданныхъ нынѣ бумагахъ; но это подтверждаютъ письма

кн. Прозоровскаго къ Шешковскому, отъ 9 и 14 августа. Но ни въ одномъ изъ его писемъ не упоминается о подлинныхъ отвѣтахъ Новикова на 21 пунктъ предложенныхъ ему вопросовъ. Это обстоятельство даетъ поводъ предполагать, что опытный и осторожный слѣдователь, какъ Шешковскій, конечно, съ одобренія императрицы, и не сообщалъ ихъ кн. Прозоровскому. Оттого ихъ и быть не могло въ московскихъ бумагахъ по этому дѣлу, и дѣйствительно нѣтъ въ той рукописи, которую открылъ въ Москвѣ г. Лонгиновъ и напечаталъ въ приложеніи къ своему сочиненію ¹⁾.

До полученія этихъ вопросныхъ пунктовъ, ни въ одномъ донесеніи къ императрицѣ, ни при одномъ изъ допросовъ и ни въ одномъ изъ секретныхъ писемъ къ Шешковскому, кн. Прозоровскій не указываетъ на сношенія масоновъ съ великимъ княземъ. Очевидно, до этого времени это обстоятельство оставалось ему неизвѣстнымъ. Но этого еще мало. Въ запискахъ Храповицкаго, подъ 26 числомъ мая 1792 года, читаемъ: «Былъ секретный пакетъ отъ кн. Прозоровскаго съ мартинистскими бумагами; меня заставили прочесть изъ него одну только французскую пьесу, чтобъ не выбирать въ грань-пріоры е. в. государя цесаревича, по обстоятельствамъ политическимъ, и что онъ еще не масонъ» ²⁾. Этотъ пакетъ съ бумагами отправленъ былъ кн. Прозоровскимъ при донесеніи къ императрицѣ отъ 20 мая, въ которомъ онъ говоритъ:— «Разбирая бумаги, взятые изъ дому бывшаго графа Гендрикова, въ дѣлахъ Кутузова, что въ Берлинѣ, нашлось одно французское письмо къ покойному Шварцу, которое здѣсь къ вашему императорскому величеству всенижайше представляю. Изъ всего сего видно, что хотѣлось имъ пріобрѣсти къ себѣ людей знатныхъ, но для единой набожности и молитвы, кажется, въ семь нужды имъ не было». По соображеніи числъ, надо предполагать, что это—та самая бумага, о которой говоритъ и Храповицкій. Такимъ образомъ, кн. Прозоровскій попалъ на слѣды того именно обстоятельства въ этомъ дѣлѣ, которое императрица считала и могла считать наиболѣе важнымъ ³⁾. Но онъ не обратилъ на него вниманія, а занятъ былъ какою-то французскою книжкою, найденною имъ въ этихъ же бумагахъ. По случаю этой книжки онъ дѣлалъ особый допросъ Новикову, и распространяется о ней въ этомъ же донесеніи къ

¹⁾ Новиковъ и московскіе мартинисты. Прилож., стр. 0100.

²⁾ Записки Храповицкаго, стр. 267.

³⁾ Лѣтоп. русск. литер. и древн. № 12, стр. 40.

императрицѣ, отъ 20 мая; а объ указанной бумагѣ онъ даже не счелъ нужнымъ потребовать объясненій у Новикова.

Лопухинъ, рассказывая въ своихъ запискахъ о производившемся надъ нимъ слѣдствіи, замѣчаетъ ¹⁾, что въ предложенныхъ ему вопросахъ, *тщательно* составленныхъ, «все мѣтилось на подозрѣніе связей съ тою ближайшею къ престолу особою; прочее же было, такъ сказать, подобрано для расширенія завѣсы». Дѣйствительно, существеннѣйшимъ вопросомъ во всемъ слѣдствіи, произведенномъ Шешковскимъ надъ Новиковымъ и потомъ кн. Прозоровскимъ надъ Лопухинымъ и его товарищами, былъ именно этотъ вопросъ, и потому, естественно, что Лопухину казалось, что «прочіе вопросы сочинены были только для расширенія той завѣсы, которая закрывала главный предметъ подозрѣнія; а предметъ сей столько же казаяся важнымъ, сколько въ основаніи своемъ мечтателенъ былъ». Прочіе вопросы уже достаточно были объяснены, какъ слѣдствіемъ кн. Прозоровскаго, такъ особенно бумагами и книгами, отобранными у Новикова. Впрочемъ, и Лопухинъ придаетъ еще нѣкоторую важность вопросамъ о сношеніяхъ съ герцогомъ брауншвейгскимъ и прусскими масонами. Но если и можно оправдать его взглядъ на вторую половину процесса, то прилагать этотъ взглядъ въ настоящее время ко всему этому дѣлу—ничѣмъ оправдано быть не можетъ.—Очевидно, говоритъ г. Лонгиновъ, что соображенія внѣшней и внутренней политики были главными побужденіями къ строгостямъ, которымъ сочли за нужное подвергнуть Новикова и его друзей, а что прочіе розыски были *второстепенными* и служили только *предлогами*, чтобы поразить окончательно дѣятельность людей, казавшихся опасными въ политическомъ отношеніи. Замѣчательно, что Новикова вовсе не спрашивали объ изданіи книги, которая однао служила главнымъ поводомъ къ его аресту». Но всѣ книги, изданныя Новиковымъ и его товариществомъ, были рассмотрѣны и очень многія изъ нихъ запрещены и даже истреблены; поэтому не представлялось нужды спрашивать о какой-нибудь одной изъ нихъ, хотя бы она и послужила первоначальнымъ поводомъ къ открытію слѣдствія. *Розыски* объ изданіяхъ, которыми распространялись масонскія ученія въ Россіи, и о дѣятельности ложъ вовсе не были *второстепенными* и простыми *предлогами*, но составляли главные предметы слѣдствія, пока оно производилось въ Москвѣ. Безъ сомнѣнія, этотъ процессъ имѣлъ и политическій характеръ, но первоначально только въ томъ смыслѣ, что

1) Записки Лопухина, стр. 41 и 45.

въ виду происшествій, совершившихся въ то время въ западной Европѣ, тайныя общества, какъ масонскія ложи, находившіяся въ сношеніяхъ съ европейскими, по мнѣнію императрицы, *могли сдѣлаться* опаснымъ орудіемъ. Открытыя слѣдствіемъ дѣйствительныя ихъ сношенія съ принцами брауншвейгскимъ, гессен-кассельскимъ и прусскимъ министромъ Вельнеромъ, могли возбудить подозрѣнія, а окончательно ихъ утвердили обнаруженныя сношенія съ великимъ княземъ цесаревичемъ. Съ этого времени характеръ процесса дѣйствительно измѣнился, какъ измѣнился и взглядъ на него самой императрицы. Одинъ только кн. Прозоровскій не измѣнилъ своего первоначальнаго взгляда. Не смотря на то, что перечелъ множество масонскихъ тайныхъ бумагъ и книгъ и не нашелъ въ нихъ ничего революціоннаго, онъ не переставалъ считать мартинистовъ якобинцами и республиканцами. Въ припискѣ къ одному изъ писемъ къ Шешковскому (вѣроятно отъ 14 авг.), кн. Прозоровскій говоритъ:— «Они совершенные іезуиты, слѣдственно всѣ ихъ намѣренія имѣютъ касательно персоны государевой. А чтобъ они противъ не были правительства, то это онъ (Новиковъ) утаилъ, вотъ почему я догадываюсь, какъ сказано въ законѣ, что мы передъ Богомъ всѣ равны. Въ началѣ люди были равны, доколѣ не стали собираться въ обществахъ и правились старшими въ родѣ. Вы изъ бумагъ ихъ видите послѣднее, а законъ они показывали исполнять во всей точности, слѣдственно и есть равенство людей и права человѣка, а еслибъ успѣли они персону привести, какъ и старались на сей конецъ, чтобъ привести конецъ злomu своему намѣренію, тобъ хуже сдѣлали фр. краля» ¹⁾).

И. В. Лопухинъ, начиная свой разсказъ о допросахъ его кн. Прозоровскимъ, говоритъ:— «Портрета кн. Прозоровскаго писать я не буду для того, чтобъ не дать пищи своему пристрастію; ибо онъ такъ много былъ лично противъ меня, какъ только бы можно быть противъ своего злодѣя человѣку, не имѣющему даже понятія о томъ, что должно прощать врага своего; я не только никогда ему зла не желалъ, не дѣлалъ и не могъ дѣлать, да и сердить на него не бывалъ». Мы тоже не желали-бы *писать портретъ* кн. Прозоровскаго, хотя для насъ и не можетъ быть поводовъ, останавливавшихъ Лопухина; но этотъ *портретъ* самъ собою рисуется передъ глазами, во весь ростъ, какъ одной изъ типическихъ личностей нашей администраціи того времени, котораго значеніе такъ вѣрно опредѣлилъ гениальный умъ кн. По-

---

¹⁾ Послѣднія два слова сокращенно написаны и весьма неразборчиво; но, кажется, общій смыслъ приведенныхъ словъ ясенъ.

темкина. Узнавъ о назначеніи кн. Прозоровскаго генераль-губернаторомъ въ Москву, онъ писалъ императрицѣ:— «Ваше Величество выдвинули изъ вашего арсенала самую старую пушку, которая непременно будетъ стрѣлять въ вашу цѣль, потому что своей не имѣетъ. Только берегитесь, чтобы она не запятнала кровью въ потомствѣ имя Вашего Величества ¹⁾». Съ ревностію, достойною лучшаго направленія, не жалѣя труда, кн. Прозоровскій стремился открыть то, чего открыть было невозможно, какъ вовсе несуществовавшаго въ дѣйствительности; не щадя лицъ, тратилъ время, гоняясь за призракомъ, созданнымъ его же испуганнымъ воображеніемъ и упускалъ изъ виду именно то, что въ этомъ случаѣ представлялось особенно важнымъ и должно бы бросаться въ глаза слѣдователю. Законный путь судебного разсмотрѣнія дѣла казался ему недостаточнымъ и даже опаснымъ, и административный произволъ, хотя бы и благонамѣренный — единственнымъ средствомъ предохранить Россію отъ грозящей ей будто-бы опасности. И въ какомъ бы это могло привести гибельнымъ послѣдствіямъ, еслибъ проницательный умъ великой императрицы не охладилъ ревности и не остановилъ порывовъ своего усерднаго, но близорукаго слуги!

III.

Обращаясь къ отвѣтамъ Новикова на 21-й вопросный пунктъ, видимъ, что ему была показана найденная въ его бумагахъ записка Баженова о его представленіи цесаревичу и разговорѣ съ нимъ. Сверхъ того отвѣтъ берлинскихъ масоновъ на письмо Шредера, въ которомъ, какъ видно изъ этого отвѣта, онъ предлагалъ цесаревича назначить великимъ пріоромъ масонскихъ ложъ въ Россіи, а также переписка Шварца, или свѣдѣнія о ней, съ принцемъ гессенъ-бассельскимъ о томъ же предметѣ.

Этихъ послѣднихъ, любопытныхъ документовъ не находится въ изданныхъ бумагахъ, но ихъ содержаніе, въ главныхъ чертахъ, видно изъ отвѣтовъ Новикова. Дѣйствія нашихъ масоновъ въ отношеніи къ цесаревичу Павлу Петровичу и ихъ сношенія съ нимъ до сихъ поръ были извѣстны только изъ показаній кн. Трубецкаго, Лопухина и Тургенева; ими только и могъ воспользоваться г. Лонгиновъ; но они значительно дополняются и объясняются отвѣтами самого Новикова.

Извѣстный архитекторъ Баженовъ пользовался расположе-

¹⁾ Русск. Вѣстникъ 1858 г., № XV, стр. 457.

ніемъ императрицы Екатерины и, состоя художникомъ при кабинетѣ, былъ лично извѣстенъ цесаревичу по своимъ архитектурнымъ работамъ. Впослѣдствіи, по восшествіи на престолъ Павелъ Петровичъ назначилъ его вице-президентомъ Академіи художествъ и осыпалъ своими милостями ¹⁾.

Вѣроятно, по случаю предполагавшейся перестройки Кремля, возведенія дворца въ Царицынѣ и другихъ архитектурныхъ работъ, Баженовъ проживалъ въ Москвѣ. Тамъ онъ познакомился съ масонами и, при содѣйствіи Карачинскаго, уже масона, вступилъ въ ложу Новикова въ 1774 г. Но онъ часто ѣздилъ въ Петербургъ и, по своимъ занятіямъ, всегда представлялся какъ императрицѣ, такъ и цесаревичу. Въ 1775 г., петербургскій книгопродавецъ Глазуновъ, будучи въ Москвѣ, рассказывалъ, что для цесаревича искали въ книжныхъ лавкахъ сочиненія Арндта объ истинномъ христіанствѣ. Какъ эта книга была издана *компанією* Новикова, то, естественно, это извѣстіе, если не было сообщено ему самимъ Глазуновымъ, то немедленно дошло до него и его товарищей. Около этого времени Баженовъ собрался ѣхать въ Петербургъ, по своимъ дѣламъ. «Передъ отъѣздомъ — говорить въ своемъ показаніи Новиковъ — сказалъ онъ мнѣ и Гамалей, что онъ по пріѣздѣ будетъ у той особы, о которой въ бумагахъ говорится, и сказалъ: эта особа ко мнѣ давно милостива, и я у нее буду; а вить эта особа и тебя изволить знать, такъ не пошлете-ли какихъ книжекъ». Новиковъ отвѣчалъ ему, что онъ только представлялъ цесаревичу нѣсколько разъ изданныя имъ книги и потому не думаетъ, чтобы онъ могъ о немъ помнить. Но, весьма естественное, желаніе распространить ученія, въ истинѣ которыхъ онъ былъ убѣжденъ, и пріобрѣсть сильнаго ихъ защитителя и покровителя, остановило Новикова отвѣчать отрицательно на предложеніе Баженова. — «Мы посовѣтуемся съ старшими братьями, сказалъ онъ, объ этомъ, и какъ рѣшимся, посылатъ-ли книги или нѣтъ, я тебѣ послѣ скажу». Посовѣтовавшись между собою, они рѣшились послать книги; но поручили Баженову поступать въ этомъ случаѣ съ крайнею осторожностію, «чтобы онъ самъ отнюдь не высовывался съ книгами, самъ не зачиналъ говорить, а развѣ та особа сама зачнетъ». По возвращеніи изъ Петербурга, Баженовъ далъ знать о своемъ пріѣздѣ Новикову и Гамалею, и первый поспѣшилъ навѣстить его, чтобы разузнать о судьбѣ посланныхъ книгъ. Баженовъ говорилъ, «что онъ у той особы былъ принять милостиво и книги

¹⁾ М. Евгенія, Словарь русск. свѣтск. писателей ч. 1, стр. 7 и слѣд.—Бантышъ-Каменскаго, Словарь достопамят. людей русск. земли, ч. 1, стр. 74 и слѣд.

отдалъ, и кое-что, какъ рассказываетъ Новиковъ, конфузно разсказаль о томъ, что въ бумагѣ писано, сказавъ, что онъ все напишетъ и привезетъ ко мнѣ».

Сообщенныя Баженовымъ свѣдѣнія онъ поспѣшилъ передать кн. Трубецкому и Гамалею. Въ скоромъ времени Баженовъ на письмѣ изложилъ свое свиданіе и разговоръ съ великимъ княземъ. — «Читавши оную бумагу съ Гамалеєю, говоритъ Новиковъ, мы испугались, и ежели-бы не для показанія кн. Трубецкому, то тогда же бы ее сожгли отъ страха, хотя и радовались милостивому принятію книгъ и не вѣрили всему, что написано. Я показаль кн. Трубецкому эту бумагу, ее читали и такъ же видѣли, что онъ много вралъ, и говорилъ своихъ фантазій, выдавая за ученіе орденское. Кн. Трубецкой требоваль у меня этой бумаги; но я сказаль ему, что я нѣсколько оранжирую и переписавъ ему ее отдамъ. Тогда же рѣшились этой бумаги Баженову не отдавать назадъ и протягивать это подъ разными отговорками, въ самомъ же дѣлѣ боялись его болтливости, и чтобъ сколько возможно запретить ему ни съ кѣмъ изъ братьевъ не говорить, кромѣ насъ двоихъ съ Гамалеєю, и чтобы сказать ему, что изъ нашихъ, кромѣ насъ двоихъ, о семъ никто не знаетъ; что я и исполниль, и послѣ часто ему подтверждали и запрещали. Переписывая, я ее сократилъ и, все невѣроятное выкинувъ, отдалъ кн. Трубецкому, а эту оставилъ у себя».

Неизвѣстно какими соображеніями и разсказами описаль Баженовъ въ своей запискѣ свиданіе съ цесаревичемъ, по изъ показаній о ней Новикова и его товарищей возможно предполагать, что при этомъ случаѣ фантазія художника, недавно обращеннаго въ масоны, разыгралась на просторѣ. Новиковъ не хотѣль даже передать эту записку кн. Трубецкому въ подлинномъ изложеніи, но счелъ нужнымъ сократить ее и передѣлать. Конечно, въ ней выраженъ былъ личный взглядъ увлекавшагося Баженова, но это могло только объясниться впоследствии, но съ перваго разу, попавшись въ руки такого слѣдователя какъ Шешковскій, она не могла не возбуждать подозрѣній.

Не смотря на *страхъ*, возбужденный въ Новиковѣ и его товарищахъ запискою Баженова, и опасенія, которыя внушалъ самый личный его характеръ, Новиковъ рѣшился вновь послать съ нимъ книги для поднесенія цесаревичу, когда въ 1777 и 1778 годахъ Баженовъ опять собрался ѣхать въ Петербургъ. Желаніе распространять свои ученія и приобрѣсти въ наслѣдникѣ престола сильнаго защитника и покровителя, очевидно взяли верхъ надъ страхомъ. — «Когда онъ просилъ опять — говоритъ Новиковъ — чтобы съ нимъ послать къ той особѣ книгъ, и тогда, по

совѣту же, дана мною книжка, извлеченіе краткое изъ сочиненій Оомы Кемпійскаго и еще на нѣмецкомъ языкѣ книга о таинствахъ креста, и эту съ тѣмъ, что если угодно будетъ той особѣ читать на нѣмецкомъ языкѣ». Представленіе сочиненій и издаваемыхъ книгъ высокимъ лицамъ было въ обычаяхъ того времени и, конечно, не могло бы имѣть особаго значенія въ глазахъ императрицы и даже слѣдователей, но нельзя было не обратить вниманія на поднесеніе книги на нѣмецкомъ языкѣ, не Новиковымъ изданной и бывшей въ особомъ почетѣ у масоновъ.

По возвращеніи изъ Петербурга, Баженовъ снова составилъ записку о свиданіи съ цесаревичемъ и передалъ ее Новикову. — «Въ ней — по словамъ Новикова — описано было также, что та особа приняла его милостиво, что книги поданы и приняты благосклонно, что разговоръ былъ о книгахъ и о томъ, что увѣренъ ли онъ въ томъ, что между нами нѣтъ ничего худаго? Баженовъ увѣрялъ ту особу, что нѣтъ ничего худаго; а та особа съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ говорила, что можетъ быть ты и не знаешь, а которые старѣе тебя, тѣ знаютъ и тебя самага обманываютъ. Онъ увѣрялъ, что нѣтъ ничего худаго клятвенно. Еще былъ разговоръ о книгахъ поданныхъ; о нѣмецкой книгѣ та особа сказала, что читать ее не можетъ, и не помню, оставлена-ли она или отдана обратно».

Эта записка была короче первой, и въ ней сказано, что разговоръ свой съ Баженовымъ великій князь заключилъ словами: «Богъ съ вами, только живите смирно».

Наконецъ, въ 1792 г., Баженовъ въ третій разъ ѣздилъ въ Петербургъ и передъ отъѣздомъ снова просилъ Новикова дать ему книгу для представленія великому князю. Но на этотъ разъ, быть можетъ въ виду уже готовой разразиться надъ нимъ грозы, Новиковъ не далъ ему никакихъ книгъ, говоря — «что за болѣзнью некогда мнѣ приготовить».

По возвращеніи изъ Петербурга, Баженовъ разсказалъ Новикову, что — «онъ у той особы былъ и принятъ былъ съ великимъ гнѣвомъ на насъ, и что та особа запретила ему и упоминать о насъ; а ему сказала: я тебя люблю и принимаю, какъ художника, а не какъ мартиниста. Объ нихъ же и слышать не хочу, и ты рта не разѣвай о нихъ говорить».

Если къ этимъ показаніямъ Новикова присоединить слѣдующія обстоятельства, то подозрѣніе, составлявшее главную задачу слѣдователей, выступаетъ во всемъ его объемѣ.

Еще прежде носились слухи, что, по примѣру многихъ изъ европейскихъ принцевъ того времени, и цесаревичъ вступилъ въ масонскій орденъ; одни говорили, что посвятилъ его шведскій

король Густавъ III во время пребыванія въ Петербургѣ въ 1777 году, другіе предполагали, что онъ принять въ орденъ за границую, во время путешествія въ 1781 г. Въ его свѣтъ находились кн. А. Б. Куракинъ и С. И. Плещеевъ, ревностные масоны, и въ это же время былъ за границую Шварцъ и хлопоталъ, чтобы освободить русскія масонскія ложи отъ зависимости у иностранныхъ властей и составить изъ Россіи особую самостоятельную провинцію ордена съ особымъ пріоратомъ. Эта цѣль была достигнута на Вильгельмсбадскомъ конгрессѣ масоновъ, и Россія объявлена особою, восьмою провинціею ордена. Устроивая новое управленіе въ 1782 г., московскіе масоны оставили должность провинціального великаго мастера вакантною. «Ее приберегали для наслѣдника престола, замѣчаетъ г. Лонгиновъ, указывая на надежды масоновъ на благоволеніе и покровительство великаго князя. Въ пѣсняхъ масонскихъ ¹⁾ неоднократно встрѣчаются похвалы ему. Шварцъ предлагалъ признать великаго князя провинціальнымъ великимъ мастеромъ русскаго масонства» ²⁾. Это обстоятельство было открыто слѣдствіемъ и, сверхъ того, недавняя переписка Шредера съ берлинскими масонами о томъ же предметѣ. Такимъ образомъ, въ глазахъ слѣдователей, съ одной стороны, открывался цѣлый рядъ попытокъ масоновъ, въ продолженіи десяти лѣтъ, завлечь въ свой орденъ великаго князя, а съ другой, современныя происшествія въ Европѣ и наши отношенія къ нѣкоторымъ государствамъ возбуждали по-

---

¹⁾ Масонскихъ пѣсень сохранилось очень много. Хотя ихъ пѣвцы и не отличаются поэтическими дарованіями; но въ историческомъ отношеніи ихъ пѣсни заслуживаютъ вниманія и изслѣдованія. Въ публичныхъ бібліотекахъ и у нѣкоторыхъ частныхъ лицъ сохраняются рукописныя и тайно напечатанныя разными ложами сборники такихъ пѣсень. Изъ находящихся у насъ выписываемъ слѣдующія строки:

А если обладать душею
Того..., кто участію своею
На свѣтъ превосходитъ всѣхъ —
Съ какимъ примѣромъ не умѣю
Сравнить великій сей успѣхъ?
О старецъ братьямъ всѣмъ почтенный,
Коль славно, Панинъ, ты успѣлъ!
Своимъ премудрымъ ты совѣтомъ
Въ храмъ дружбы сердце царско ввелъ.
Вѣнчанна мира красотою,
Плѣнилъ невинной простотою,
И чтѣ есть смертный — вразумилъ;
Власть пышну — съ дружбою святою
И съ человѣчествомъ смирилъ....

²⁾ Новиковъ и пр., стр. 176 и 77; срав. 107 и 158 и 9.

дозрѣніе, не имѣли ли эти попытки и политическаго значенія. Только подробное изслѣдованіе могло доказать, что между предложеніемъ Шварца, сношеніями Баженова и перепискою Шредера не было никакой связи, и стремленія завлечь въ свой орденъ великаго князя не имѣли никакой политической цѣли, со стороны нашихъ масоновъ.

Что касается до предложенія Шварца, то Новиковъ въ первыхъ отвѣтахъ на вопросные пункты вовсе не говоритъ о немъ, и это молчаніе въ послѣдующихъ отдѣлахъ объясняетъ такимъ образомъ:— «Прежнее намѣреніе Шварцово, по письму принца гессенъ-кассельскаго, у меня и изъ головы вышло, и я объ немъ и вспомнилъ только уже здѣсь, когда показана она мнѣ была; что по истинѣ какъ предъ Богомъ говорю, чтобы думать тогда о введеніи той особы въ орденъ, я бы и помыслить сего не осмѣлился и почиталъ бы то невозможнымъ къ исполненію; но единственно надѣялся только и ожидалъ милостиваго покровительства и заступленія». Нѣтъ никакихъ поводовъ подозрѣвать Новикова въ неискренности въ этомъ случаѣ.

Какъ предложеніе Шварца не имѣло никакой связи съ сношеніями Баженова съ цесаревичемъ, такъ еще менѣе находилось въ связи съ этими происшествіями предложеніе Шредера и отвѣтъ на него. Этотъ иностранецъ, искатель приключеній, какъ и множество другихъ ему подобныхъ, по свойству самого нашего общества, удобно втерся въ него и попалъ въ друзья, довѣренное лицо и даже посредника въ сношеніяхъ съ Берлиномъ и у московскихъ масоновъ. Въ 1787 г., онъ отправился въ Берлинъ. Еще довѣряя ему, кн. Трубецкой далъ ему въ числѣ другихъ бумагъ и сокращенную записку Баженова. Шредеръ, безъ вѣдома и согласія русскихъ масоновъ, сдѣлалъ представленіе тамошнимъ масонскимъ властямъ о назначеніи цесаревича великимъ мастеромъ русской провинціи ордена, которое было ими отклонено, потому что великій князь не былъ масономъ. Шредеръ — «въ представленіи своемъ, какъ показалъ Новиковъ, о которомъ мы узнали только изъ сего отвѣта, между прочимъ писалъ онъ о той особѣ; но что онъ писалъ, о томъ я совершенно не знаю, потому что мнѣ того не показывали и не сказывали, а требовать того не имѣлъ я права. Да думаю, но вѣрно не знаю, что едва зналъ ли о томъ и кн. Трубецкой, потому что онъ, по переводѣ, вручая мнѣ сей отвѣтъ, оказывалъ свое удивленіе о томъ». Дѣйствительно, отправляя Шредера и Кутузова въ Берлинъ, кн. Трубецкой имѣлъ только въ виду, чрезъ ихъ посредство, поучиться тайнствамъ масонской науки, кото-

рыхъ такъ ревностно искали наши масоны и — никакъ не могли найти ¹⁾).

Такимъ образомъ, между дѣйствіями Шварца, Баженова и Шредера ничего не было общаго, кромѣ общаго, конечно, всѣмъ масонамъ стремленія распространять свои ученія и привлекать въ свою среду лицъ, имѣющихъ силу и значеніе въ обществѣ. Въ отношеніяхъ Новикова и его товарищей къ цесаревичу не было никакихъ политическихъ видовъ и намѣреній. «Что, по полученіи бумаги сей Баженовымъ писанной — говоритъ онъ — никакого намѣренія, ниже поползновенія къ какому-нибудь умыслу или безпокойству и смятенію не имѣли, ни въ мысль не входило, сіе предъ самимъ живымъ Богомъ и предъ стопами ея величества исповѣдаю и утверждаю и готовъ кровію моею запечатлѣть». Прочитавъ записку Баженова — говоритъ Новиковъ — «испугался и истинно не повѣрилъ, зная того человѣка, который писалъ оную; но подумалъ, что хотя часть малая справедлива, о милостивыхъ отъзвахъ и милостивомъ принятіи книгъ поданныхъ, то радовался и надѣялся милостиваго покровительства и заступленія. Другова-же никакого подвига при семъ истинно, какъ предъ Богомъ говорю, не было». Дѣйствительно, слѣдствіе не обнаружило никакихъ политическихъ замысловъ масоновъ, несмотря на все усердіе и старанія Шешковскаго. Свѣтлый умъ императрицы это замѣтилъ и понялъ, и потому — она воротилась къ прежнему своему взгляду на масонскія ложи и ихъ значеніе и дѣйствіе въ Россіи.

IV.

Къ такому заключенію приводитъ насъ особенно то обстоятельство, что императрица не только ограничилась незначительными наказаніями или, лучше сказать, простыми мѣрами предосторожности, въ отношеніи къ ближайшимъ товарищамъ и сотрудникамъ Новикова, но и произнесла свой приговоръ въ отношеніи къ нимъ, прежде нежели надъ ними произведено было слѣдствіе, — въ томъ же самомъ указѣ, 1-го августа 1792 г., въ которомъ именно поручалось кн. Прозоровскому допросить ихъ и взять у нихъ бумаги. Ея свѣтлый умъ давно понялъ и рѣшилъ дѣло; но — въ это время, онъ начиналъ уже уступать постороннимъ вліяніямъ. Графъ Платонъ Зубовъ принималъ участіе въ

¹⁾ Лѣтоп. Русс. Литер. и др. т. V, отд. 2, стр. 55.

этомъ дѣлѣ¹⁾; кн. Прозоровскій, какъ мы видѣли, постоянно въ донесеніяхъ императрицѣ и въ письмахъ къ Шешковскому, настаивалъ о необходимости подвергнуть ихъ слѣдствію и наказанію; Степанъ Ивановичъ Шешковскій, вѣжета, также не былъ бы прочь прибрать ихъ къ своимъ рукамъ. Въ его возраженіяхъ на отвѣты Новикова часто встрѣчаются указанія, что для объясненія того или другого вопроса, нужно допросить кого нибудь изъ его товарищей. Эти два взгляда шли, какъ-бы рядомъ, одинъ возлѣ другого и особенно отразились въ указѣ 1-го августа 1792 г. — «Разсматривая—сказано въ немъ—произведенныя отставному поручику Николаю Новикову допросы и взятыя у него бумаги, находимъ мы съ одной стороны вредные замыслы сего преступника и его сообщниковъ, духомъ любоначалія и корыстолюбія зараженныхъ, съ другой же, крайнюю слѣпоту, невѣжество и развращеніе ихъ послѣдователей. На семъ основаніи составлено ихъ общество; плутовство и обольщеніе употребляемо было къ распространенію раскола не только въ Москвѣ, но и въ прочихъ городахъ. Самыя священныя вещи служили орудіемъ обмана. И хотя поручикъ Новиковъ не признается въ томъ, чтобы *противу правительства* онъ и *сообщники* его какое злое имѣли намѣреніе, но слѣдующія обстоятельства обнаруживаютъ ихъ явными и вредными государственными преступниками.... Что касается до сообщниковъ его, то не только показанія Новикова, но и многія писанныя руками ихъ, заразительныя бумаги, облачаютъ въ соучаствованіи ему во *всѣхъ законопротивныхъ* его дѣйствіяхъ...» Послѣ этихъ строкъ невольно ожидаешь, что грозная кара постигнетъ и этихъ лицъ, такъ же какъ Новикова; но вмѣсто того объявляется помилованіе, и напередъ предполагается даже, что они чистосердечно раскаются и отдадутъ находящіяся у нихъ бумаги.

Въ смутномъ положеніи дѣлъ и броженіи мыслей въ то время могли соединиться даже противоположныя взгляды Екатерины и Шешковского.

Взглядъ императрицы выразился также и въ дѣлѣ Невзорова и Колокольникова.

Въ 1788 г., по совѣту Новикова, были отправлены за границу, на счетъ Лопухина, студенты Невзоровъ и Колокольниковъ. Въ одномъ изъ отвѣтовъ на вопросныя пункты, Новиковъ писалъ, «что хотя во взятыхъ у него бумагахъ и находятся предписанія о дѣланіи золота, исканіи философскаго камня и прочихъ химическихъ практическихъ работахъ; но эти предпи-

¹⁾ Записки Храповицкаго, похъ 2 мая, 1792 г.

санія оставались безъ всякаго исполненія, потому что изъ нихъ не было никого еще, кто-бы практическое отправленіе сихъ работъ зналъ. При отъѣздѣ же Кутузова въ Берлинъ сказано было, что онъ будетъ наученъ и наставленъ между прочимъ и въ практическихъ химическихъ работахъ». Впослѣдствіи Кутузовъ извѣщалъ, что онъ дѣйствительно «упражняется въ этихъ практическихъ работахъ». Студенты Багрянскій, Новиковымъ, и Невзоровъ и Колокольниковъ были отправлены съ тою же, между прочимъ, цѣлю. Что касается до двухъ послѣднихъ, то Лопухинъ прямо выражаетъ эту цѣль.—«Они отправлены были въ слѣдующемъ намѣреніи, говоритъ онъ, что когда они выучатся химіи, медицинѣ, натуральной исторіи и прочаго, чтобы по впаденіи ихъ въ розенкрейцеры тѣмъ удобнѣе могли упражняться по методѣ и системѣ онаго ордена и быть у насъ лаборантами, каковыя при кругахъ бывають и коихъ работы служатъ для наблюденія прочимъ членамъ, коихъ большая часть въ томъ не упражняется». Поэтому почти передъ самымъ отъѣздомъ они были приняты въ масоны, *екосскими метрами* той ложи, которая находилась подъ управленіемъ Лопухина.

Конечно, подобнаго рода занятія *тайнствами герметической науки*, въ которую, къ сожалѣнію, вѣрили даже образованнѣйшіе изъ нашихъ масоновъ, не могли бы обратить на себя никакого вниманія императрицы; но посредствомъ Кутузова производились сношенія съ заграничными ложами и особенно съ Вельнеромъ, котораго казались подозрительными. Предполагая, что подобныя же сношенія могли производиться и посредствомъ Невзорова и Колокольникова, ихъ велѣно было арестовать въ Ригѣ, 14 февр. 1792 г., на возвратномъ пути въ Россію. Сверхъ того изъ перехваченной переписки предполагали, не былъ ли Невзоровъ въ Парижѣ и даже въ сношеніяхъ съ членами революціоннаго правительства. Это подозрѣніе было усилено образомъ дѣйствій Невзорова во время допросовъ и нѣкоторыми его словами. Поэтому, въ числѣ допросныхъ пунктовъ, ему былъ предложенъ слѣдующій: «Въ присутствіи Ив. Ив. Шувалова между прочимъ говорили вы, что Лопухинъ писалъ къ вамъ, будто вы были въ Парижѣ и въ народномъ собраніи; то и показать вамъ по самой истинѣ, были-ль вы въ оной или неимѣли-ль какого сообщенія или сношенія съ членами народнаго собранія 1)?»

Мы полагаемъ, что какъ на этотъ, такъ и на всѣ другіе

---

1) Ср. письмо Невзорова къ Поздѣеву. Библ. записки 1858, т. I, № 21, стр. 651 и слѣд., и записки Лопухина, стр. 51 и слѣд.

вопросы, Невзоровъ не далъ письменныхъ отвѣтовъ, которыхъ и не находится въ издаваемыхъ бумагахъ, и полагаемъ, на основаніи слѣдующихъ соображеній:— «Шуваловъ, говоритъ М. А. Лонгиновъ, заступался за Невзорова и Колокольникова, которые между тѣмъ оказались не совсѣмъ здоровыми и ихъ помѣстили въ Обуховскую больницу, гдѣ Колокольниковъ вскорѣ и умеръ. Невзорову, въ видѣ милости, предложили благовидную ссылку, а именно опредѣленіе врачомъ на службу въ *Сибири*. Но онъ отказался отъ такого предложенія подѣ *предлогомъ* болѣзни и долженъ былъ остаться въ больницѣ, которая была—домъ *умалишенныхъ*. Тамъ пробылъ онъ нѣсколько лѣтъ, до воцаренія Павла I-го, и такое *добровольное, но необходимое* для спасенія отъ поѣздки въ Сибирь, заточеніе сильно подѣйствовало на его мораль. Кажется, что съ Невзоровымъ были въ теченіи этого времени изрѣдка припадки, доказывающіе нѣкоторое разстройство умственныхъ способностей и что онъ исцѣлился отъ нихъ только послѣ своего освобожденія»¹⁾. Быть можетъ, при скудности имѣвшихся до настоящаго времени свѣдѣній о слѣдствіи надъ Невзоровымъ, и можно было выразить такой взглядъ; но онъ оказывается совершенно невѣрнымъ.

Вотъ чтò рассказываетъ о своихъ отношеніяхъ къ Невзорову товарищъ его по заграничному путешествію Колокольниковъ, въ собственноручно имъ писанной автобіографіи:— «Получилъ отъ доктора философіи Еммерта (изъ Геттингена, гдѣ находился Невзоровъ), который товарища моего эзерцировалъ почти ежедневно въ нѣмецкомъ языкѣ, письмо, что товарищъ мой отчаянно болѣнъ и ипохондричаетъ въ высочайшей степени. И такъ я въ ту же пору отправился опять въ Геттингенъ; пріѣхавъ, я спрашивалъ причину болѣзни; докторъ Еммертъ и другой докторъ медицины, приставленный къ нему отъ проректора тамошняго, лечившій его и приходившій къ нему по два и по три раза въ день, сказывали, что онъ поелику мало былъ свѣдуецъ въ нѣмецкомъ языкѣ, то ухватился переводить Блуменбахову натуральную исторію на латинскій языкъ, которой и весьма много въ короткое время перевелъ, чтобы и въ нѣмецкомъ языкѣ и въ натуральной исторіи тѣмъ болѣе и скорѣе успѣть, ибо одинъ только годъ оставался доживать въ чужихъ краяхъ. Живущіе въ квартирѣ сказывали и другую причину, которая бы не въ похвалѣ его послужила, еслибъ я ее захотѣлъ здѣсь припомнить, однако есть-ли дѣло изслѣдовано будетъ, то и та причина откроется; то я и ее не хочу утаить. Мнѣ сказывали, что онъ влюбленъ

---

¹⁾ Новиковъ и московск. мартинисты, стр. 355.

былъ въ дѣвку, въ домѣ томъ живущую, потратилъ на нее много денегъ, а склонить не могъ; и такъ потративъ деньги и недовольно успѣвъ въ натуральной исторіи, впалъ въ сію болѣзнь. Я оставляю сіе точнѣйшему изслѣдованію, но другихъ причинъ ни отъ кого тамъ не слышалъ. Онъ, во время бѣшенства, пока оно еще не усилилось, писалъ отчаянное, какъ я слышалъ, письмо въ г. Лопухину, что онъ деньги его пропилъ и промоталъ, однако о пьянствѣ его и безпутной жизни никто мнѣ не сказывалъ, напротивъ того, увѣряли, что онъ честно жилъ. Тогда, какъ начиналъ онъ выздоравливать отъ сей болѣзни, бросилъ прочія книги, началъ читать библію и, между прочимъ, началъ переводить книгу, которой переводъ теперь между другими бумагами находится (о таинствахъ креста). По пріѣздѣ моемъ въ Геттингенъ я нашелъ его выздоравливающимъ, однако-же ни со мною, ни съ приходящими не говорилъ онъ почти ни слова, выходилъ только прогуливаться за городъ, въ садъ хозяйки, у которой жили. Черезъ мѣсяцъ, какъ жары лѣтніе усилились, то онъ опять впалъ въ прежнюю болѣзнь, ночь и день бѣгалъ по комнатѣ скорѣйшимъ образомъ и, потерявши уже всѣ силы, падалъ на короткое время на постелю. Дней черезъ шесть, въ которыя онъ ничего не ѣлъ и не пилъ, насилу я его могъ склонить, чтобы кусокъ хлѣба съѣлъ, въ противномъ случаѣ едва-ли бы могъ живъ остаться».

Этотъ рассказъ товарища Невзорова, который и при допросахъ въ Петербургѣ, оправдывая самого себя, писалъ въ то же время: «за бѣднаго моего товарища *присяжно* ручаюсь, что онъ ничего худого не сдѣлалъ, онъ не противникъ правительству, ни христіанскому закону», — безъ сомнѣнія, нельзя заподозрить въ пристрастіи или преувеличеніи. Напротивъ, онъ даже считаетъ предосудительнымъ поступокъ, за который, конечно, нельзя еще слишкомъ строго винить молодого человѣка, а Невзорову въ то время еще не было и тридцати лѣтъ. О письмѣ къ Лопухину, о которомъ упоминаетъ Колокольниковъ, говоритъ и самъ Лопухинъ въ отвѣтахъ, на предложенные ему вопросные пункты. — «Ихъ письма ко мнѣ — пишетъ онъ — состояли почти только въ просьбахъ о присылкѣ денегъ, и еще въ увѣдомленіяхъ о лекціяхъ, слушаемыхъ въ университетѣ, кромѣ двухъ писемъ Невзоровскихъ, раскаятельныхъ и признательныхъ въ лѣности, нерадѣніи и испорченности нрава его, весьма жарко писанныхъ. Да еще столькихъ же отъ Колокольникова, описавшаго состояніе товарища своего, въ которомъ онъ находитъ дѣйствіе меланхоліи». Эти слова вполне подтверждаютъ справедливость показаній Колокольникова, который о болѣзни Невзорова писалъ

и Лопухину гораздо прежде и, не думая, конечно, что будетъ привлеченъ къ слѣдствію.

Въ такомъ положеніи онъ находился за нѣсколько мѣсяцевъ до его возвращенія въ Россію. Внезапный арестъ, безъ сомнѣнія, оказалъ дѣйствіе на его здоровье. Разсказъ о допросахъ Невзорова Шешковскимъ г. Лонгиновъ почерпнулъ изъ записокъ Лопухина, и соображая его съ докладомъ Шешковского императрицѣ, находящимся въ изданныхъ документахъ, 29-го августа 1792 года, онъ представляется правдоподобнымъ. Изъ этого доклада видно, что Невзоровъ и его товарищъ, какъ лица, происходившія изъ духовнаго званія, были первоначально помѣщены въ Невской лаврѣ и потомъ уже Невзоровъ переведенъ въ крѣпость. Дѣйствительно, онъ не хотѣлъ отвѣчать на вопросы Шешковскаго, не смотря на угрозу тѣлеснаго наказанія, безъ присутствія при допросахъ депутата отъ университета или самого попечителя Ив. Ив. Шувалова. Императрица приказала отвезти его къ Шувалову и допросить въ его присутствіи. На вопросъ: знаетъ-ли онъ его, Невзоровъ отвѣчалъ, что знаетъ, и послѣ увѣщаній Шувалова, сказалъ, что теперь буду отвѣчать. Но, вслѣдъ за тѣмъ, не ожидая вопросовъ, началъ говорить: «Я за товарищей своихъ ученаго общества отвѣчаю головою, такъ какъ и за книгу, которую я переводилъ въ чужихъ краяхъ, что въ ней противнаго греческой церкви ничего нѣтъ, отвѣчаю головою, а она противъ папы и іезуитовъ. А въ Невскомъ монастырѣ всѣ іезуиты и меня душили магницаціею, такъ же и въ крѣпости всѣ іезуиты, и тутъ такъ же его мучать составами Каліюстра, горючими матеріями». Послѣ того, какъ старались доказать ему несправедливость его мнѣній, онъ снова повторялъ: «Тамъ всѣ точно іезуиты, и меня и въ супахъ кормили ядомъ и я хотѣлъ уже выскочить въ окошко. Караульные въ Невскомъ, намѣстникъ, однимъ словомъ — всѣ іезуиты, а солдаты и сержантъ изъ корпуса шпіоны, и могу сказать, что есть и разбойники, которые имена себѣ перемѣнили, а въ крѣпости есть и изъ запорожцевъ». На увѣренія, что это неправда, что солдаты *люди добрые*, и никто не покушается на его жизнь, онъ говорилъ: «Во Франціи, гдѣ прежде бунтъ начался, какъ не въ Бастилии? Вѣдь и здѣсь былъ Пугачевъ, да есть еще какой-то, подобный ему Метѣлкинъ».

На вопросъ, почему онъ, по примѣру своего товарища Колокольникова, не пошелъ на исповѣдь и къ причастію въ Невской лаврѣ? онъ отвѣчалъ: «Я не хотѣлъ. Да и у кого тамъ исповѣдываться; въ Невскомъ, всѣ — мужики и бѣлые попы, они

всякой день играютъ комедіи; а отъ товарища своего, Колокольникова, отрицаюсь потому, что онъ иезуитъ».

Когда, наконецъ, послѣ многихъ увѣщаній, Шуваловъ далъ ему письменное приказаніе отвѣчать на вопросы, которые будутъ ему предложены, то Невзоровъ просилъ, чтобы отвели ему — «другой покой, а въ этомъ покоѣ писать онъ не можетъ; потому что подъ покоемъ, гдѣ онъ сидитъ, множество горячихъ матерій, — да думаю, что тутъ много и мертвыхъ. Ономужъ Невзорову сказано было, чтобъ онъ уотреблялъ порядочную пищу и взялъ бы присланное въ нему бѣлье, такъ какъ и порядочную, по милосердію всемилостивѣйшей государыни, одежду, на что онъ сказалъ: мнѣ ничего не надобно, ибо всякое бѣлье и платье намагнизировано».

Въ заключеніи доклада о допросѣ Невзорова при Шуваловѣ, сказано: — «Его высокопревосходительство Иванъ Ивановичъ съ сожалѣніемъ, по человѣчеству, заключеніе сдѣлалъ таково, что оный Невзоровъ въ умѣ помѣшанъ». Этими словами окончилъ докладъ и Шешковскій, очевидно, соглашаясь съ заключеніемъ Шувалова, съ которымъ, послѣ рассказанныхъ нами обстоятельствъ, и мы должны согласиться. Если Невзоровъ и не былъ вполне сумасшедшимъ, то, во всякомъ случаѣ, находился въ такомъ экзальтированномъ, болѣзненномъ состояніи души, которое граничитъ съ помѣшательствомъ.

По окончаніи слѣдствія надъ Новиковымъ и его товарищами и послѣ допросовъ Колокольникова, ему и Невзорову, по приказанію императрицы, предложено было опредѣлиться на службу докторами; но Невзоровъ отклонилъ это предложеніе. На вопросъ Шувалова: почему онъ не хотѣлъ воспользоваться этою милостію императрицы, онъ отвѣчалъ: «Я можетъ докторомъ-то и быть не хочу, а желаю быть подъячимъ, вѣдь насильно въ должности не опредѣляютъ». Ни въ какихъ доселѣ изданныхъ документахъ нѣтъ и помину о Сибири.

Наконецъ, самъ Невзоровъ, въ письмѣ къ извѣстному масону О. А. Поздѣву, въ 1817 году іюня 23-го, такъ говоритъ о своемъ пребываніи въ Обуховской больницѣ: — «Меня, содержавшагося въ домѣ сумасшедшихъ, (императоръ Павелъ) высочайше благоволилъ посѣтить пять разъ самъ и, въ первый разъ, вскорѣ по вступленіи своемъ на престолъ, съ высочайшею супругою своею, нынѣ вдовствующею государынею императрицею и благополучно царствующимъ нынѣ государемъ императоромъ. Не могъ я тогда быть освобожденъ по причинѣ болѣзни моей, которой милосердому Богу угодно было связать меня въ возмездіе прошедшихъ моихъ грѣховъ и въ подаваніи вѣрной мзды и счастья будущаго. Такъ что я

былъ въ той больницѣ, по восшествіи блаженна и вѣчно-достойна памяти государя императора Павла I-го, годъ и съ небольшимъ пять мѣсяцевъ. По не маломъ же облегченіи отъ болѣзни моея въ 1798 году, въ послѣдней половинѣ апрѣля мѣсяца, препровожденъ я, по высочайшему его императорскаго величества указу, въ Москву, и такъ, какъ я желалъ, къ приснопамятному и единственному благодѣтелю моему И. В. Лопухину и на его отчетъ»¹⁾.

Итакъ, Невзоровъ былъ дѣйствительно болѣнъ, а не пользовался мнимою болѣзнию, какъ *предполагъ* избѣжать *благовидной* ссылки.

По восшествіи на престолъ императора Павла Петровича, когда избавлены были отъ наказаній Новиковъ и его товарищи, обратили вниманіе и на Невзорова. Но, именно, по причинѣ продолжавшейся болѣзни, его нельзя было освободить немедленно, какъ другихъ. Въ изданныхъ вновь документахъ находился листокъ, на которомъ написаны слѣдующія строки: «О свиданіи и разговорѣ священника Орловскаго съ содержащимся въ домѣ сумасшедшихъ студентомъ Невзоровымъ, 9 апр. 1798 г.», съ надписью: *докладыванъ*. Къ сожалѣнію, самой записки не сохранилось; но, вѣроятно, въ это время здоровье Невзорова найдено было въ лучшемъ состояніи, и потому вслѣдъ затѣмъ и послѣдовалъ указъ, 16 апр., на имя генераль-прокурора кн. Курявина, чтобы «студента Невзорова, въ разсужденіи выздоровленія его, отпустить въ Москву къ сенатору Лопухину съ тѣмъ, чтобы онъ за него и за поведеніе его отвѣчалъ».

V.

Мы указали на два различные характера этого процесса, которые соотвѣтствуютъ двумъ эпохамъ его производства, въ Москвѣ и въ Петербургѣ. Политическія соображенія, вслѣдствіе обнаруженныхъ сношеній масоновъ съ заграничными принцами и другими лицами и ложами и ихъ отношенія къ наследнику престола, послужили поводомъ къ тому, что императрица измѣнила взглядъ на масоновъ, перевела производство дѣла въ Петербургъ, и, въ рукахъ Шешковскаго, оно приняло грозный видъ для подсудимыхъ. Но, съ того времени, какъ подробныя изслѣдованія обнаружили, что отношенія къ иностраннымъ ложамъ не имѣли никакого политическаго характера, что сношенія съ на-

¹⁾ Библиограф. записки, М. 1858. т. I. № 21, стр. 653 и 654.

слѣдникомъ престола не имѣли никакихъ вредныхъ послѣдствій и не обнаружили никакихъ злыхъ умысловъ и государственныхъ замысловъ со стороны Новикова и его друзей, — императрица снова возвратилась къ первоначальному взгляду на дѣло, по которому она не считала мартинистовъ людьми преступными или вредными въ политическомъ отношеніи, а напротивъ честными и хорошими гражданами, но увлеченными въ ложныя и нелѣпыя ученія нѣсколькими неблагонамѣренными людьми, и притомъ изъ корыстныхъ цѣлей. Но распространеніе этихъ ученій, посредствомъ изданія книгъ, считала она дѣйствительно вреднымъ, какъ въ отношеніи къ религіи, такъ и наукѣ; а самыя ложи, какъ тайныя общества — такимъ орудіемъ, которое могло сдѣлаться опаснымъ для правительства въ рукахъ неблагонамѣренныхъ людей и при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ. Положить предѣлъ распространенію масонскихъ ученій и уничтожить ложи — къ этому дѣйствительно клонились намѣренія императрицы, а не къ тому, чтобы карать людей, увлеченныхъ ложными ученіями, но безвредныхъ въ политическомъ отношеніи. Такъ она и поступила съ ближайшими сообщниками Новикова, разославъ ихъ по своимъ деревнямъ, и такимъ образомъ разлучивъ ихъ другъ отъ друга, а потомъ отмѣнила даже и этотъ приговоръ въ отношеніи къ Лопухину; такъ намѣревалась она поступить съ Невзоровымъ и Колокольниковымъ, опредѣливъ ихъ на службу врачами и обративъ ихъ на прагматически полезную дѣятельность.

Тотъ же взглядъ императрицы выразился и въ томъ, что она совсѣмъ не дала хода слѣдствію надъ всѣми другими лицами, принадлежавшими къ масонскимъ ложамъ, хотя многіе изъ нихъ по государственной службѣ и своему положенію въ обществѣ могли имѣть значеніе.

Но строгій приговоръ надъ Новиковымъ не соотвѣтствуетъ этому взгляду императрицы. Почему же для него одного было сдѣлано исключеніе? Этотъ вопросъ невольно представляется, при взглядѣ на тяжелое наказаніе, которому онъ былъ подвергнутъ, обращаетъ на себя вниманіе и требуетъ разсмотрѣнія.

Мы не имѣемъ намѣренія ни оправдывать Новикова и порицать дѣйствія императрицы, ни оправдывать императрицу и, во что бы то ни стало, обвинять Новикова. Ни та, ни другой не нуждаются въ оправданіи. Труды Новикова въ дѣлѣ нашего просвѣщенія достаточно извѣстны и оцѣнены, а славнымъ царствованіемъ Екатерины всегда будетъ гордиться Россія. Но, безъ сомнѣнія, возможны ошибки, объясняющіяся особенными временными обстоятельствами, возможны и личныя слабости и заблужденія. Мы желали бы только объяснить явленіе, повиди-

мому, несогласное съ общимъ характеромъ дѣйствій Екатерины. «Кто правъ, г. Лонгиновъ — такъ спрашиваетъ одинъ изъ рецензентовъ его сочиненія ¹⁾), голословно оправдывающій издательскую дѣятельность Новикова—или Екатерина, не открывшая намъ причинъ исключительнаго наказанія, которому она подвергла Новикова; говоримъ исключительнаго потому, что, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, Радищевъ, напечатавшій чрезвычайно рѣзкую книгу противъ правленія императрицы и противъ Потемкина, былъ менѣе строго наказанъ»? Намъ хотѣлось бы только угадать эти *сокрытыя причины* строгости приговора, и, повидимому, слѣдующая записка императрицы нѣсколько приподнимаетъ завѣсу:

«Сіе письмо, кажется, писано тогда, когда многіе изъ нихъ на Новикова сердились и начинали его подозрѣвать въ неправильныхъ *щетахъ*. Сіи щеты и нынѣ еще между ними подають причины къ раздѣленію мысли, одни извиняють его, а другіе обвиняють, но никто его не оправдываетъ.

«Все Тургеневымъ писанное соберите въ одну связь, выведите, что онъ-то *Philus*».

Письма, по поводу котораго написана эта записка, вѣроятно къ Шешковскому, не сохранилось. Но въ вопросныхъ пунктахъ, предложенныхъ Шешковскимъ Новикову, находится слѣдующій: «О скоромъ обогащеніи въ кому писалъ Трубецкой и о комъ?» Въ отвѣтъ на это Новиковъ писалъ: «О скоромъ обогащеніи кн. Трубецкой писалъ однажды ко мнѣ и обо мнѣ, и сіе было еще до составленія дѣйствительно типографической компаніи. Произошло же сіе по неудовольствіямъ на меня барона Шредера. Но о семъ ли письмѣ здѣсь упоминается — не знаю; но другого кромѣ сего, подобнаго не помню». Въ замѣчаніяхъ Шешковского на отвѣты Новикова, подъ этимъ пунктомъ (48-мъ) сказано: «Довольно виднo, что Новиковъ и товарищами своими въ корыстолюбіи былъ замѣченъ».

Вѣроятно, это именно письмо кн. Трубецкого и подало поводъ императрицѣ написать ту записку. Приписка въ ней о Тургеневѣ, котораго орденское имя было *Philus*, нужная для слѣдователя по этому дѣлу, убѣждаетъ насъ, что эта записка писана къ Шешковскому.

Кажется, что императрица подозрѣвала честность Новикова; она полагала, что онъ дѣйствовалъ не безкорыстно, и опиралась въ этомъ случаѣ даже на показанія его друзей, какъ кн. Трубецкой. Впослѣдствіи, 18 окт. 1792 г., слушая рапортъ, читанный ей Храповицкимъ, Симбирскаго губернатора о Турге-

¹⁾ Русс. Вѣстн. 1867 г., май, стр. 401.

невѣ, она сказала ему: «Всѣхъ мартинистовъ обманывалъ бывшій на службѣ поручикъ Шредеръ. Удивисься, кто подписали присягу на его листѣ. Онъ при смерти оставилъ запечатанную духовную, и въ ней точно нашли, что все это обманъ, въ которомъ онъ сознавался. Они до того доходили, что призывали чертей, все найдено въ бумагахъ Новикова, и ему отъ Шредера тысячь шесть досталось» 1).

Къ этому присоединялось еще другое обстоятельство; тотъ же статсъ-секретарь императрицы рассказываетъ еще подъ 15 окт. 1788 г. 2), что при разборѣ внутренней почты она вдругъ обратилась къ нему и сказала: «Новикову не отдавать университетской типографіи, — это фанатикъ». Новикова она считала, и не безъ основанія, главнымъ дѣйствующимъ лицомъ между масонами и притомъ — не безкорыстнымъ. Конечно, это было заблужденіе, но мы не можемъ не замѣтить, что отвѣты Новикова на вопросные пункты были таковы, что не могли его разсѣять. «Характеръ отвѣтовъ Новикова, говоритъ г. Лонгиновъ, можно вообще опредѣлить такъ. Онъ не обманывалъ въ нихъ; но естественно не говорилъ ни слова о томъ, о чемъ его не спрашивали, а допрощикъ, не знавшій хорошо масонскихъ дѣлъ, очевидно, не зналъ иногда, на что можно было обратить свою любознательность. Иногда и память ему измѣняла. Отъ этихъ причинъ происходятъ изрѣдка въ его отвѣтахъ неясности, пробѣлы, даже нѣкоторые анахронизмы и несообразности. Кромѣ того, Новиковъ старался смягчать обстоятельства, которыя могли ему повредить и, напротивъ того, преувеличивать нѣсколько все то, что говорило въ его пользу» 3). Нельзя не согласиться съ этимъ взглядомъ, особенно, если сличить отвѣты Новикова съ показаніями его ближайшихъ сообщниковъ. Не входя въ подробное разсмотрѣніе отвѣтовъ и сравненіе ихъ съ отвѣтами его товарищей, мы обратимъ только вниманіе на ихъ отвѣты на тотъ вопросъ, который, во всемъ дѣлѣ, наиболѣе считался важнымъ, а именно о желаніи привлечь въ масонство великаго князя.

«Признаюсь, писалъ Лопухинъ, когда по любви моей къ упражненіямъ въ связанныхъ мною познаніяхъ, *естественно было желать мнѣ*, чтобы и другіе въ томъ же упражнялись; то особливо неестественно было бы мнѣ не желать того же столь важной и драгоценной особѣ. Но я только желалъ, подвига же къ тому и совѣщанія о семъ никакого не дѣлалъ; я очень мало и смутно о

1) Записки Храп., стр. 276.

2) Тамъ же, стр. 121.

3) Новиковъ и март., гл. XXII, стр. 329.

семь и знаю.... Съ принцемъ гессенъ-вассельскимъ я никогда переписки не имѣлъ, а слышалъ я еще отъ Шварца, что онъ къ нему писалъ, когда заводилось здѣсь благотворительное рыцарство, что здѣсь не намѣрены учреждать великимъ мастеромъ никого изъ иностранныхъ, а изъ здѣшнихъ развѣ ту особу, ежели когда нибудь она то приметъ на себя. Однако же я знаю, что особѣ сей никогда то предлагаемо не было, и она никакъ не участвовала». — «Я, почитая масонство очень хорошимъ дѣломъ, отвѣчалъ Тургеневъ, желалъ бы, чтобы всѣ, а особливо великія особы его защищали и утверждали; а моя забота о сей особѣ состояла только въ мысляхъ, а отнюдь не на дѣлѣ». — «Покойный Шварцъ, говорилъ вн. Трубецкой, предлагалъ намъ, чтобы извѣстную особу сдѣлать великимъ мастеромъ въ масонствѣ въ Россіи. А я передъ Богомъ скажу, что предполагая, что сія особа въ чужихъ краяхъ принята въ масоны, согласовался на оное изъ единого того, чтобы имѣть покровителя въ оной. Но чтобы я старался уловить оную особу, то предъ престоломъ Божиимъ кланусь, что не имѣлъ того въ намѣреніи, и слѣдовательно ни соучастниковъ, ни помощниковъ имѣть въ ономъ не могъ»¹⁾. Отправленіе книгъ къ цесаревичу чрезъ Баженова не находилось ни въ какой связи съ предложеніемъ Шварца, не имѣвшимъ никакихъ послѣдствій, о которомъ поэтому легко было Новикову и забыть. — «Сей поступокъ, писалъ онъ, не имѣетъ никакого сношенія съ письмомъ принца гессенъ-вассельскаго къ профессору ли Шварцу присланнымъ или въ бытность его въ копіи даннымъ, чего совсѣмъ не помню и что, по смерти его, профессора Шварца, и со всею бывшею связью съ герцогомъ брауншвейгскимъ, совсѣмъ изъ головы у насъ вышло, да и при жизни его почитали это намѣреніе вреднымъ для государства, и для исканія нашего по масонству и для насъ самихъ и принимали за фантазію, нивогда сбыться не могущею и потому всегда сему намѣренію противились внутренно». Эти слова Новикова, повидимому, противорѣчатъ показаніямъ его сообщниковъ. Но онъ говоритъ объ избраніи великаго князя главнымъ начальникомъ ложъ, чего быть можетъ и не желалъ Новиковъ и нѣкоторые другіе, хотя и не всѣ, какъ видно изъ словъ князя Трубецкаго, а его сообщники говорятъ о желаніи вообще привлечь его въ масоны. Вообще, характеръ отвѣтовъ Новикова много отличается отъ характера отвѣтовъ его товарищей, хотя въ сущности между ними и нѣтъ противорѣчій. Такъ и въ этомъ случаѣ Лопухинъ, Трубецкой и Тургеневъ не признаютъ ника-

¹⁾ Лѣтоп. рус. литер. и древн. т. V, отд. 2. №№ 16, 17 и 19; стр. 49, 61 и 85.

кой за собою вины, и весьма естественно—въ желаніи убѣдить цесаревича въ истинѣ тѣхъ ученій, которыя они сами считали истинными. Между тѣмъ Новиковъ такъ начинаетъ первый свой отвѣтъ на 21-й пунктъ:—«Не говоря еще ничего, яко совершенный преступникъ, въ истинномъ и сердечномъ моемъ раскаяніи и сокрушеніи, повергаю себя къ стопамъ ея императорскаго величества, яко недостойный никакого милосердія и помилованія, но повинный всякому наказанію, которое воля ея опредѣлитъ». Второй, дополнительный отвѣтъ при новомъ допросѣ по этому пункту онъ начинаетъ такъ:—«По сему пункту ни мыслить, ни писать безъ внутренняго содроганія, искренняго и сердечнаго раскаянія и трепета не могу даже и за перо взяться. Свидѣтель живой Богъ сему. Одна мысль о семъ меня грызеть и съѣдаетъ. Проливаю передъ Богомъ спасителемъ моимъ и предъ ея императорскимъ величествомъ слезы раскаянія и страданія, но что-жь—могу-ли возратить и сдѣлать, чтобы не было сдѣлано то, что сдѣлано». Если къ этому прибавить, что слова: *не помню, забылъ, вспомнилъ* только тогда, когда показали обличающую бумагу, — въ отвѣтахъ Новикова повторяются непрерывно; то, кажется, нельзя не придти къ тому заключенію, что его отвѣты могли казаться императрицѣ неискренними. Конечно, такой характеръ отвѣтовъ Новикова могъ происходить отъ болѣзненнаго состоянія, въ которомъ онъ находился во все продолженіе слѣдствія, и — отчасти отъ робости. Но кто же могъ объяснить ихъ императрицѣ съ этой точки зрѣнія? Конечно, не — слѣдователи.

Князь Прозоровскій вотъ въ какихъ выраженіяхъ говоритъ о немъ въ своихъ тайныхъ письмахъ къ Шешковскому:—«Экова плута тонкова мало я видалъ. Не безъ труда вамъ будетъ съ нимъ, лукавъ до безконечности, безсовѣстенъ, и смѣлъ и дерзокъ. Вѣрю, что вы съ нимъ замучились, я не много съ нимъ имѣлъ дѣло, да по полету уже примѣтилъ, какова сія птичка, какъ о томъ и ея величеству донесъ.» Дѣйствительно, въ донесеніи, отъ 26-го апрѣля, онъ писалъ императрицѣ:—«Такого коварнаго и лукаваго человѣка я, всемилостивѣйшая государыня, мало видалъ. Къ тому-жь человѣкъ натуры острой, догадливый и характеръ смѣлый и дерзкій; хотя видно, что онъ робѣетъ, но не замѣшивается. Весь предметъ его только въ томъ, чтобы закрыть его преступленія»¹⁾. Шешковскій начинаетъ свои возраженія, на отвѣты Новикова, такимъ образомъ: «Заключенія велики и характеръ свой описалъ хорошими красками; но дѣянія его совсѣмъ противны его изрѣченіямъ», и вообще постоянно

¹⁾ Лѣтол. Русс. Литерат. в др. т. V, отд. II, № 8, стр. 17.

обращаетъ вниманіе императрицы на умышленное желаніе скрыть свои дѣйствія и намѣренія, явно, по его мнѣнію, гибельныя для государства. Шешковскій принадлежалъ къ такому же разряду лицъ, какъ и князь Прозоровскій. Геніальный Потемкинъ, такъ мѣтко очертившій въ нѣсколькихъ строкахъ послѣдняго, встрѣчаясь съ Шешковскимъ, постоянно, съ улыбкою, обращался къ нему съ вопросомъ: «Что, Степанъ Ивановичъ, каково кнута-бойничаешь?» — низко кланяясь, Шешковскій отвѣчалъ: «Помаленьку, ваша свѣтлость!»¹⁾

Не смотря на то, что всѣ обстоятельства сложились такъ, что предубѣжденія императрицы противъ Новикова не только не могли разсѣяться, но увеличивались постепенно, она, какъ видно, долго колебалась и не подписывала заготовленнаго о немъ приговора. Подъ 14 іюля, Храповицкій замѣтилъ: «Лежить на столѣ заготовленный указъ о Новиковѣ и вопросныя пункты кн. Трубецкому; ничто не подписано.»²⁾ Этотъ указъ былъ подписанъ 1-го августа.

А. Поповъ.

¹⁾ Библиогр. записки 1859 г. т. II. № 5, стр. 138. — О Шешковскомъ носились слухи, что онъ собственноручно наказывалъ нѣкоторыхъ важныхъ преступниковъ. Собр. анекдотовъ о Потемкинѣ, г. Шубинскаго, прим. 117. — Лопухинъ говоритъ, конечно, по рассказамъ самого Невзорова, что Шешковскій, за упорство отвѣчать на его вопросы, закричалъ: «Государыня приказала бить тебя четвертымъ полѣвномъ!» (Записки Лопухина, стр. 51). Въ докладѣ императрицѣ о Невзоровѣ этотъ фактъ подтверждается. Въ немъ онъ выраженъ слѣдующими словами: «Наконецъ, сказано ему, что есть ли онъ отвѣтствовать не будетъ, то яко послушникъ власти, по повелѣнію ея императорскаго величества, будетъ съченъ.» Такъ допрашивалъ Шешковскій человѣка явно помѣшаннаго.

²⁾ Записки Храповицкаго, стр. 270.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ РУССКИХЪ БЫЛИНЪ

VIII *).

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ.

Илья Муромецъ, по словамъ К. Аксакова, пользуется у насъ общеизвѣстностью больше всѣхъ другихъ богатырей: полный неодолимой силы и непобѣдимой благодати, онъ — представитель, живой образъ русскаго народа. Богатырь-крестьянинъ Илья Муромецъ — это величайшая тѣлесная сила, соединенная съ кротостью и силою духа. Притомъ Илья — первая *человѣческая* сила, въ противоположность другимъ богатырямъ, которыхъ сила не *человѣческая*, а *стихійная*. Илья составляетъ переходъ отъ этихъ стихійныхъ, старшихъ богатырей къ младшимъ, *человѣческимъ* ¹⁾. Многие изслѣдователи наши повторяли и развивали далѣе слова К. Аксакова. Такъ наприм., одни высказывали, что Илья — выборный дружины земской, и никакъ не членъ дружины княжеской; а воэтому, представитель всей земли, міра-народа русскаго ²⁾. Другіе находили, что Илья — могучій представитель силъ простого народа и защитникъ его интересовъ передъ исключительномъ господствомъ дружины ³⁾. Правда, иногда наши

*) См. выше, т. I, стр. 169 — 221 и 637 — 708; т. II, 225 — 276.

¹⁾ Сочиненія К. Аксакова, I, 368—369. — Прилож. къ 1-му выпуску Кирѣвскаго, XXXI — XXXII.

²⁾ Замятка г. Безсонова къ IV вып. Кирѣвскаго, стр. XII, XV.

³⁾ *Буслаевъ*, Очерки русск. нар. словесн. и искусства, I, 418.

ислѣдователи признавались, что на Илью Муромцу перенесены нѣкоторыя черты бога-Громовника, Перуна, Тора, т. е. черты древнѣйшей индо-германской мифологіи¹⁾; но все-таки, общій тонъ и смыслъ истолкованій Ильи Муромца тотъ, что этотъ герой—какой-то символъ и воплощеніе коренныхъ элементовъ русскаго національнаго духа.

Вмѣсто такихъ общихъ разсужденій, удовлетворяющихъ только патріотическимъ чувствамъ, но не научнымъ требованіямъ, постараемся ближе вникнуть въ содержаніе и подробности былинъ объ Ильѣ Муромцѣ.

Въ видѣ одной изъ самыхъ характерныхъ особенностей нашего Ильи выставляють обыкновенно то, что онъ, — богатырь-крестьянинъ. Это считаютъ особенностью чисто-русскою, и на этомъ основаніи Илью Муромца называютъ воплощеніемъ нашего земства. Но это совершеннѣйшее заблужденіе. Восточныя поэмы и легенды заключаютъ много такихъ разсказовъ, гдѣ герой или богатырь—крестьянскаго происхожденія. Такъ наприм., въ цейлонскомъ собраніи религіозныхъ буддѣйскихъ книгъ, извѣстномъ подъ именемъ «Магаванзи» есть цѣлая особая глава, 23-я, гдѣ изложено 10 отдѣльныхъ повѣстей о походженіяхъ 10 богатырей, данныхъ въ товарищи царевичу Гамени²⁾.

Про каждаго изъ нихъ разсказывается особо, что родители его, именемъ такіе-то (часто придворные или вельможи), жили въ такой-то деревнѣ, близъ города такого-то, и занимались сельскими работами; родился у нихъ сынъ, именемъ такой-то, который въ ребячествѣ и отрочествѣ помогалъ родителямъ въ ихъ сельскихъ работахъ, а впослѣдствіи сталъ совершать разные богатырскіе подвиги, и наконецъ, отправившись на царскую службу, по собственному желанію или по царскому призыву, сдѣлался великимъ богатыремъ, и совершилъ на своемъ вѣку такіе-то и такіе-то подвиги. — Итакъ, «крестьянство» Ильи Муромца вовсе еще не есть отличительно-русская черта нашего богатыря.

Далѣе, считается особою, спеціальною принадлежностью нашихъ пѣсенъ то, что Илья Муромецъ «сидѣлъ сиднемъ» цѣлыхъ 30 лѣтъ. Однажды, пока родители его были на работѣ, его самого посѣтили валики-перехожіе, которые напоили его чуднымъ напиткомъ; послѣ того онъ всталъ и пошелъ къ отцу на пожню: приходитъ, а отецъ съ семействомъ отдыхаютъ-спать, и со всѣми работниками своими. И взялъ онъ топоръ, и началъ пожни чи-

¹⁾ Тамъ же, 417.

²⁾ Значительная часть обитателей Цейлона — пришельцы изъ Индіи; историческія и религіозныя книги ихъ возводятся до IV-го столѣтія до Р. Хр.

стить, деревья вытаскивать съ корнями; и столько они всё не начистили въ три дня, сколько онъ въ одинъ часъ. И развалилъ онъ поле великое, и множество лѣсу накопалъ. Проснулись потомъ всё, и встали; видятъ они, что сдѣлано, ужаснулись и вѣрить не хотять, что это все надѣлалъ одинъ Илья-сидѣнь. Скоро потомъ Илья покидаетъ село Карачарово, мѣсто своего рожденья, и отправляется въ первую свою поѣздку богатырскую: ѣдетъ во двору князя Владимира ¹⁾.

Со всёмъ этимъ мы можемъ сравнить нѣкоторыя части изъ указанныхъ выше рассказовъ «Магаванзи» о богатыряхъ-крестьянахъ. Во *второй* изъ этихъ повѣстей говорится, что братья богатыря Суранирмалы, еще мальчики, жаловались отцу, что этотъ младшій братъ ихъ «ничего не дѣлаетъ и сидитъ дома праздный, пока всё они бывають на работѣ». Вслѣдствіе этого, отецъ и велитъ Суранирмалѣ отправляться на царскую службу ²⁾. Въ *четвертой* повѣсти рассказывается: «Богатырь Готимбира былъ необыкновенно силенъ, еще будучи мальчикомъ; но, не смотря на всю свою силу, онъ не хотѣлъ ходить на работу. Прочіе его шесть братьевъ, расчищавшіе поле и рубившіе толстыя деревья, для того, чтобъ потомъ засѣять то поле, оставили часть земли нерасчищенною: пускай, дескать, тамъ поработаетъ младшій братъ. Готимбира пошелъ на поле и вытаскалъ съ корнями всё тамъ стоявшія деревья, точно будто это были какія-нибудь коренья, и обгородилъ то мѣсто бревнами; въ то же время онъ выворотилъ тамъ всю почву мотыкой. Потомъ онъ пошелъ и рассказалъ все братьямъ; тѣ стали смѣяться и не хотѣли сначала вѣрить; но, увидавъ на мѣстѣ, что все правда, они были просто поражены удивленьемъ, благодарили младшаго брата за его чудный подвигъ, и дали ему прозваніе: «Готимбира». Послѣ того онъ отправился на царскую службу ³⁾.—Что касается до долговременнаго сидѣнья Ильи Муромца на одномъ мѣстѣ, то собственно эту именно черту мы встрѣчаемъ еще явственнѣе выраженною въ нѣкоторыхъ другихъ восточныхъ рассказахъ. Такъ напр., въ одной пѣсни минусинскихъ татаръ, богатырь Канакъ-Каленъ рассказываетъ, что «въ дѣтствѣ своемъ онъ пролежалъ 40 лѣтъ на одномъ мѣстѣ, накрытый камнемъ» ⁴⁾. Одна пѣсня сибирскихъ киргизовъ говоритъ, что богатырь Авъ-ханъ 70 лѣтъ просидѣлъ, не вставая съ мѣста ⁵⁾. Такимъ образомъ, въ приве-

¹⁾ Рыбниковъ, I, 34 — 36; II, 4—5. — *Киргизскій*, I, прил. II, XXX.

²⁾ Mahawanse, translated by Upham, I, 127.

³⁾ Тамъ же, 132 — 133.

⁴⁾ Schiefner, Heldensagen, 424.

⁵⁾ Radloff, II, 387.

денныхъ отрывкахъ восточныхъ поэмъ и пѣсенъ заключаются слѣдующія черты: богатырь-мальчикъ, во время ранней молодости, бездѣйственно остается на одномъ мѣстѣ въ продолженіе долгихъ лѣтъ; эта совершенная бездѣйственность кончается тѣмъ, что онъ идетъ на поле и совершаетъ тамъ такіа необыкновенныя работы, разчищая поле отъ деревьевъ и корней, что родственники его приходятъ оттого въ крайнее изумленіе; послѣ этихъ подвиговъ дома, богатырь покидаетъ родину и поступаетъ на службу къ царю своей страны, въ качествѣ богатыря. Все это повторилось, буква въ букву, въ началѣ нашихъ сказаній объ Ильѣ Муромцѣ.

Нашего Илью Муромца выводятъ изъ его бездѣйствія старцы калики-перехожіе, пришедшіе къ нему, пока онъ былъ одинъ дома. Сначала они велѣли ему выпить первое ведро (первую чашу) — онъ выпилъ, и они спросили: — Чтò ты въ себѣ слышишь? — Слышу силу великую, говоритъ онъ. — Они велѣтъ выпить второе ведро (вторую чашу), и опять спрашиваютъ, чтò онъ въ себѣ слышитъ? — Еслибъ, отвѣчаетъ онъ, отъ земли столбъ стоялъ до неба, и въ столбъ ввернуто было бы кольцо, за кольцо бы я взялъ, и поворотилъ бы землю сѣвѣрусскую. — Ну, это много, сказали старцы, и велѣли ему пить третье ведро (третью чашу). — Много ли теперь чувствуешь въ себѣ силушки? — Во мнѣ силушки половина. — Ну, будетъ съ тебя, — сказали калики и ушли. Послѣ ихъ ухода, Ильѣ встаетъ со своего мѣста и идетъ къ своимъ родителямъ, въ поле; тутъ онъ и совершаетъ вышеупомянутыя сельскіе подвиги ¹⁾. Подобнаго эпизода мы до сихъ поръ не знаемъ, во всей его цѣлости и послѣдовательности, въ произведеніяхъ восточной поэзіи, и, слѣдовательно, должны, покуда, оставить его въ сторонѣ. Но, тѣмъ не менѣе, настоящій эпизодъ русскихъ былинъ объ Ильѣ побуждаетъ насъ къ нѣкоторымъ частнымъ соображеніямъ и сравненіямъ. Прибываніе силы отъ напитка — мотивъ очень обыкновенный въ восточныхъ поэмахъ и легендахъ. Такъ въ Гариванзѣ, Рама (воплощеніе бога Вишну), отправляя на богатырскіе подвиги Кришну съ его братомъ Санкаршаною, даетъ имъ выпить молока отъ своей коровы, обыкновенно служащаго ему для жертвоприношеній: отъ этого молока они получаютъ новую силу; въ другомъ мѣстѣ той же поэмы рассказывается, что мать Прадіумны (сына Кришны) давала своему сыну пить чудодѣйственные напитки, отъ которыхъ онъ получилъ необыкновенно быстрый ростъ и силы ²⁾. Въ Ма-

¹⁾ Куртескій, I, 1; IV, 1.—Рыбниковъ, I, 34; II, 2; III, 16.

²⁾ Harivansa, I, 411; II, 160.

габаратъ, богатырь Бхима, выступающій на послѣдній, рѣшительный бой съ богатыремъ Карной, пьетъ напитокъ, который удваиваетъ его силу ¹⁾. Но все-таки, мнѣ кажется, мы не должны еще, на основаніи приведенныхъ данныхъ, выводить заключение, что въ нашей былинѣ представленъ богатырь, во время своей молодости, который много лѣтъ сидитъ на одномъ мѣстѣ сиднемъ, потому что ослабленъ, лишенъ силъ, а потомъ встаетъ и начинаетъ дѣйствовать, получивъ отъ каливъ-перехожихъ силу посредствомъ чуднаго напитка. Мнѣ кажется, въ настоящемъ случаѣ слѣдуетъ принимать дѣло наоборотъ: т. е., что по нашей былинѣ Илья-сидѣнь и сидитъ въ бездѣйствіи—не отъ недостатка, а отъ избытка силъ.

Въ одномъ мѣстѣ Шахъ-Намэ мы встрѣчаемъ рассказъ, который имѣетъ для насъ, въ настоящемъ случаѣ, особенную важность. Во время единоборства Рустема съ Сограбомъ, въ первой схваткѣ побѣдителемъ остается Сограбъ (какъ мы это видѣли при разсмотрѣннн сказки о Ерусланѣ Лазаревичѣ). Тутъ рассказывается дальше слѣдующее: «Рустемъ получилъ первоначально отъ Бога такую силу, что когда становился на камень, обѣ ноги его углублялись туда. Его печалила такая чрезмѣрная сила, и онъ сталъ просить Создателя, чтобы тотъ взялъ у него часть его силы, для того, чтобы ему можно было ходить по дорогамъ. Пресвятой Богъ убавилъ у него силы. Но, находясь теперь (во время единоборства съ неузнаннымъ сыномъ) въ опасности, и одолаваемый страхомъ Сограба, Рустемъ пошелъ къ находившемуся тамъ потоку, выпилъ изъ него воды, омылъ себѣ лицо, тѣло и голову, и потомъ обратился съ такой молитвой къ Богу: О всемогущій и пресвятой Боже! Отдай мнѣ ту силу, какую въ началѣ даровалъ мнѣ! И Богъ отдалъ ему прежнюю силу, и увеличилъ ее на столько же, на сколько прежде убавилъ» ²⁾. Въ этомъ рассказѣ мы опять встрѣчаемся съ обычнымъ восточнымъ мотивомъ прибыванія силы отъ напитка (и именно отъ воды); но, сверхъ того, онъ особенно важенъ для насъ тѣмъ, что здѣсь ясно выраженъ мотивъ не только прибавленія, но и убавленія силы. Какъ мы еще ниже увидимъ, нѣкоторые похож-

---

¹⁾ *Holtzmann, Ind. Sagen, I, 125.* Въ древнѣйшихъ сказаніяхъ индо-европейскихъ племенъ, мы встрѣчаемъ этотъ самый древне-азиатскій мотивъ, у литовцевъ и скандинавовъ. Въ одной литовской сказкѣ, три дѣвы подземнаго царства, чтобы дать герою необыкновенный силы для поднятія волшебнаго меча, велютъ ему выпить дѣльный сосудъ «води силъ» (*Schleicher, Littauische Märchen, 136—137*). Германско-скандинавскій Сигурдъ пьетъ напитокъ, подносимый ему женщинами-эльбами, и черезъ это получаетъ силу, равную силѣ двѣнадцати человѣкъ (*Grimm, Deutsche Mythologie, I, 345*).

²⁾ *Mohl, II, 165—167.*

денія Илья Муромца имѣютъ не мало пунктовъ сходства съ Рустемовыми похождениями, и въ одной пѣсни объ Ильѣ Муромцѣ находимъ слѣдующее. — Однажды, побѣжденный вражескою силою въ бою, «взмолился старъ казакъ Илья Муромецъ угоднику Божьему, Николаю: — Погибаю я за вѣру христіанскую! — И у Ильи послѣ того силы вдвое прибыло, садился онъ на добра коня, и билъ татаръ чуть не до одинаго» ¹⁾. Этотъ эпизодъ вполне соответствуетъ приведенному выше эпизоду о Рустемѣ: съ обоими героями это происшествіе случается, когда они отражаютъ нашествіе иноплемениковъ на своего царя и царство: Рустемъ отражаетъ въ это время нашествіе туранцевъ на царство Кей-Кауса, Илья отражаетъ тутъ нашествіе татаръ на Кіевъ князя Владиміра. Оба героя обращаются къ божеству, ихъ силы послѣ того увеличиваются чуднымъ образомъ, и они оба побѣждаютъ непріятелей. Но если русская былина воспроизводитъ здѣсь, съ такою близостью, окончаніе персидскаго разсказа, и именно объ *увеличеніи* силы героя, то не въ правѣ ли мы искать, въ другихъ мѣстахъ пѣсенъ объ Ильѣ Муромцѣ, воспроизведенія и первой половины персидскаго разсказа, т. е. повѣствованія о случившемся, когда-то прежде, *уменьшеніи* силы героя? И, на наши глаза, изложеніе этого именно событія и заключается въ разсказѣ о калибахъ, приходившихъ къ Ильѣ Муромцу, когда онъ сидѣлъ дома сиднемъ.

Про Святогора-богатыря былины говорятъ, что «грузно ему было отъ силушки, какъ отъ тяжелаго бремени», и еще: «его и земля на себѣ черезъ силу носить». Быть можетъ, были такіе разсказы, гдѣ про Илью разсказывалось въ этомъ же родѣ. Но такихъ разсказовъ до насъ не дошло, а пока они намъ неизвѣстны, мы къ подобнымъ заключеніямъ можемъ прійти даже и изъ рассмотрѣнія тѣхъ разсказовъ, которые у насъ есть на лицо.

Придя къ Ильѣ, калики просятъ у него напитокъ: онъ отвѣчаетъ, что не можетъ встать съ мѣста, потому-что не владѣетъ ни руками, ни ногами. Калики все-таки велютъ ему встать, и тогда онъ тотчасъ «сталъ вставать ровно встрепаный», а потомъ, чтобъ напоить ихъ, сдвинулъ съ мѣста такой чанъ, котораго «семерыма да осьмерыма не могли ни въ кую сторону подати» ²⁾. Все это совершается еще безъ всякаго чуда, раньше чудодѣйственныхъ приказаній со стороны каликъ: у Ильи еще тутъ силы не прибавилось, дѣйствуетъ та сила, которая у него

¹⁾ Куртескій, IV, 46.

²⁾ Куртескій, I, 1; IV, 2.

была и раньше пришествія каликъ, но только онъ рѣшился встать съ мѣста, по приказанію каличьему; одна пѣсня даже говоритъ о его «богатырскомъ сердцѣ» въ ту минуту, когда онъ только начинаетъ пить: «богатырское сердце его разгорѣлося, его бѣлое тѣло распотѣлося»¹⁾. Значить, наврядъ-ли можно сказать, чтобъ наши былины имѣли тутъ въ виду какого-то разслабленнаго, немощнаго, безсильнаго человѣка. По приказанію каликъ Илья пьетъ, и два раза отвѣчаетъ, что у него сила великая: онъ говоритъ лишь про то, *сколько* у него есть въ ту минуту силы, но не говоритъ, чтобъ у него силы *прибыло*. Послѣ третьяго раза у него сила эта убавляется на половину. Такимъ образомъ оказывается, что весь этотъ эпизодъ вполне соотвѣтствуетъ началу разсказа о Рустемѣ: у героя слишкомъ много силы, и до такой степени, что она его тяготитъ и сверхъ-естественное вмѣшательство убавляетъ эту силу до размѣровъ общечеловѣческихъ. Впослѣдствіи же, по простествіи многихъ лѣтъ, герой нуждается въ полной, прирожденной ему силѣ, и, только онъ обратился съ молитвой, въ трудную минуту жизни, къ высшему Создателю, эта сила возвращается къ нему. — Замѣтимъ, что и увеличеніе и уменьшеніе силы равнымъ образомъ связано съ «водою», которую герой долженъ испить.

Таковы главнѣйшія подробности первой молодости Ильи Муромца.

Теперь перейдемъ къ его богатырскимъ походамъ.

Собравшись ѣхать на богатырскіе подвиги, Илья, по приказанію каликъ, проситъ у своего отца коня. Тотъ достаетъ ему молоденькаго жеребчика (или научааетъ, какъ достать его) въ чистомъ полѣ: коня становятъ на три мѣсяца въ срубъ, кормятъ его пшеницей и поятъ ключевой водой, а потомъ выкатываютъ на трехъ зоряхъ въ трехъ росахъ, и оттого жеребчикъ становится сиднымъ и могучимъ богатырскимъ конемъ. Тогда Илья сѣдлаетъ и взнуздываетъ его, принимаетъ отъ родителей благословеніе и пускается въ путь. Дорогой въ Кіевъ, куда онъ ѣдетъ на службу къ князю Владиміру, онъ наѣзжаетъ, въ лѣсу, на Соловья-Разбойника, который сидитъ на семи дубахъ и захватилъ земли семь верстъ: онъ заложилъ дорогу такъ, что нѣтъ пѣшему прохода, конному проѣзда, звѣрю прорыска, всѣхъ онъ побиваетъ вздохомъ единымъ. И какъ сталъ подъѣзжать къ нему Илья, Соловей заревѣлъ звѣремъ по-туриному, засвисталъ по-со-

¹⁾ Рыбниковъ, I, 84.

ловьному, замызгалъ по-собачьему, зашипѣлъ по-змѣнному, захопалъ въ ладоши по-богатырскому. Сначала конь Илья испугался, но плетью и укорами Илья заставляетъ его двинуться впередъ, а потомъ, схвативъ свой лукъ, онъ стрѣлою попадаетъ Соловью-Разбойнику въ правый глазъ; тутъ Соловей полетѣлъ со своихъ семи деревьевъ на землю. Тогда Илья хватается его, привязываетъ въ торовахъ къ коню, и ѣдетъ далѣе. Когда они прѣехали въ дому или гнѣзду Соловьеву, Соловей-Разбойникъ проситъ Илью заѣхать къ себѣ въ гости, и тутъ старшая дочь Соловья вступается за отца, думаетъ убить Илью, но этотъ, схвативъ свою плеть о семи хвостахъ да съ проволокой, ударилъ два раза дочь Соловьеву, и тутъ ей конецъ сдѣлался (по другимъ пересказамъ Илья убилъ ее стрѣлой, или же, ударивъ о-землю). Потомъ Илья прѣзжаетъ въ Кіевъ.—Разсказъ о событіяхъ съ Ильей въ первое же время по прѣздѣ къ Владиміру представляется намъ въ двухъ редакціяхъ. По *одной* изъ нихъ, Илью принимаютъ у Владиміра съ почестью, онъ рассказываетъ о своей побѣдѣ надъ Соловьемъ-Разбойникомъ, и всѣ просятъ, своими собственными глазами увидеть это чудо, своими собственными ушами услышать его голосъ. Илья ведетъ всѣхъ на дворъ, къ своему коню, котораго оставилъ тамъ привязаннаго къ столбу, и показавъ тутъ всѣмъ Соловья, велитъ ему закричать, зашипѣть, засвистать, на потѣху князю Владиміру. Тогда Соловей засвисталъ по-соловьиному, закричалъ по-звѣриному, зашипѣлъ по-змѣиному, такъ что всѣхъ оглушилъ, и верхи съ теремовъ попадали, и всѣ со страха на корачкахъ напользались. Князь Владиміръ проситъ Илью унять Соловья, и тотъ тутъ-же убиваетъ чудовище, а самъ остается на службѣ у Владиміра. По *другой* редакціи, Илью, какъ богатыря, еще никому не извѣстнаго, принимаютъ у Владиміра не только не гостепріимно, не ласково, но даже грубо, — тѣмъ болѣе, что онъ вошелъ въ палату къ князю, не спрашиваясь приворотниковъ и придверниковъ, силою отворилъ дверь. Онъ рассказываетъ потомъ про свою побѣду надъ Соловьемъ-Разбойникомъ, но всѣ присутствующіе насмѣхаются надъ нимъ, и не хотятъ вѣрить. Однакоже, въ подтвержденіе своихъ словъ, и чтобъ доказать, что онъ не лжець, не хвастунъ и не обманщикъ, Илья показываетъ Соловья-Разбойника князю и его богатырямъ, и велитъ Соловью засвистать. Тутъ Соловей засвисталъ по-соловьиному, заревѣлъ по-звѣриному, зашипѣлъ по-змѣиному, забилъ въ ладоши по-богатырскому: всѣ приходятъ въ ужасъ, и Илья, ударивъ его о-камень, убиваетъ до смерти. Испуганный такою силою, князь приглашаетъ Илью на пиръ, однакоже все-таки сажаетъ его на край стола. Илья

петь, одну за другою, огромныя чаши вина, въ нѣсколько ведеръ каждая, и, разминая свои члены, ломаетъ скамьи дубовыя и свая желѣзныя, поставленныя промежь богатырей, чтобъ они, напившись, другъ съ другомъ не стали валились; а гостей онъ всѣхъ прижимаетъ въ уголь. Князь въ ужасѣ; онъ начинаетъ звать Илью къ себѣ на службу, воеводой, но Илья, помня всѣ обиды, отвѣчаетъ: — Не хочу я у васъ ни ѣсть, ни пить, не хочу я у васъ воеводой жить! — и потомъ, вставъ, вынимаетъ свою плеть о семи хвостахъ да съ проволокой, и до смерти убиваетъ всѣхъ до одинаго, не оставивъ никого и на сѣмена. Одинъ князь успѣлъ спрятаться за него ¹⁾).

Я не колеблюсь признать первую изъ этихъ двухъ редакцій позднюю и испорченную. Илья ѣдетъ на службу къ князю Владиміру, тотъ его принимаетъ очень хорошо, всѣ княжескіе приближенные обходятся съ нимъ привѣтливо и ласково, а Илья поступаетъ съ ними со всѣми какъ со врагами, которыхъ хотѣлъ бы унижить: напускаетъ на нихъ таковой страхъ, что они на ворачкахъ наползались; притомъ, весь этотъ грубый и буфонскій мотивъ не имѣетъ даже ровно никакихъ дальнѣйшихъ послѣдствій. Ясно, что тутъ есть какое-то искаженіе какого-то, совсѣмъ иного, первоначальнаго оригинала.

Вторая редація несравненно болѣе удовлетворительна: тутъ есть причина всѣхъ дѣйствій Ильи — мечь за оскорбленіе и обиды.

Съ этою-то второю, по нашему мнѣнію, болѣе древнею и менѣе испорченною редакціею, мы и сравнимъ теперь восточный оригиналъ, гдѣ главная основа та же, что и въ нашей былинѣ, но мотивы дѣйствій еще полнѣе, убѣдительнѣе и, повидимому, первоначальнѣе.

Въ одной пѣсни чернолѣсныхъ татаръ, живущихъ у Телецкого озера (въ южной Сибири), рассказывается слѣдующее: — Печети-ханъ сто-женный вздумалъ добыть себѣ въ жены дочь Баттыя-Кередея. Вотъ онъ и собралъ свой народъ и спрашиваетъ: — Есть между вами такой человѣкъ, который проскачетъ за семь небесъ и добудетъ дочь Баттыя-Кередея? — Нѣтъ, отвѣчали они, такого не знаемъ. — Но одинъ старикъ говоритъ, что у него есть дома младенецъ въ люлькѣ, который совершитъ этотъ подвигъ. Воротясь домой онъ сталъ плакать. Мальчикъ, сынъ его (будущій богатырь Тана), спрашиваетъ, о чемъ онъ плачетъ, и узнавъ, что онъ боится за него, успокоиваетъ отца своего, и

¹⁾ Куртесскій, I, 77, 28, 31, 33.—Рыбниковъ, I, 47, 55; II, 6, 324.—Древн. рос. стихотв., 352.

только просить себѣ коня. Отецъ научаетъ его, какъ достать чуднаго пестраго жеребеночка, пасущагося вмѣстѣ съ матерью, за Молочнымъ озеромъ, на вершинѣ горы Суру-Тага. Мальчикъ беретъ жеребеночка силой, и пока онъ его осѣдлалъ, коню сдѣлалось два года, пока онъ его взнуздаль, коню сдѣлалось три года, пока онъ сѣлъ на него, коню сдѣлалось четыре года. Тана ѣдетъ къ Печети-хану сто-женному, входитъ безъ доклада въ его юрту, садится на желѣзный стулъ, и стулъ подъ нимъ ломается (его товарищъ, тутъ же входя въ палату, проламываетъ желѣзную дверь). Печети-ханъ приходитъ въ ужасъ отъ силы и насилія Таны, и спѣшитъ поскорѣе выпроводить мальчика-богатыря на подвиги. Дорогой Тана наѣзжаетъ на семиголоваго Иельбегена (чудовищевеликанъ): одной головой онъ свистѣлъ на дудочкѣ, другой пѣлъ, третьей вопилъ, четвертой волхвовалъ, пятой ревѣлъ. Онъ останавливаетъ Тану съ войскомъ и спрашиваетъ: — Куда ѣдете? — Доставать дочь Батня-Кередея. — Онъ имъ сказалъ: — Не ѣздите, останьтесь здѣсь; здѣсь есть дѣвушка, дочь царя-богатыря Алтынъ-Эргека: вотъ ея, такъ возьмите. Ваши кони нажрутса огненной травы, напьются огненной воды, и всѣ передохнуть. — А, ты хотѣлъ меня погубить! воскликнулъ Тана, схватилъ свою 8-ми хвостую плетъ и расшибъ ею всѣ семь головъ Иельбегена. Потомъ онъ ѣдетъ дальше, но всѣ ихъ кони, какъ сказалъ Иельбегенъ, околѣваютъ, поѣвши огненной травы и испивши огненной воды. Тутъ является дочь царя-богатыря Алтынъ-Эргека, и оживаетъ коней. Тана не хочетъ ѣхать дальше, и возвращается со всѣми своими назадъ; онъ беретъ себѣ эту дѣвицу въ жены, и поселяется съ нею въ новомъ желѣзномъ домѣ, нарочно выстроенномъ. Но Печети-ханъ сто-женный услышалъ про необыкновенную красоту дѣвушки; онъ призвалъ къ себѣ Тану, и сталъ ему приказывать, чтобъ тотъ отдалъ ее ему. Тана не хочетъ, и они вступаютъ въ бой. Но оба одинакой силы, ни одинъ не можетъ одолѣть другого. — А, такъ я не могъ сладить съ нимъ! говоритъ Тана, хорошо же: я вотъ приведу сюда чернаго вола, пусть онъ проглотитъ его юрту! — И Тана поѣхалъ къ черному волу, спряталъ коня въ кустарникѣ, и сдѣлавъ себѣ самъ копые, поднялся до неба, и копьемъ этимъ пронзилъ верхнюю губу черному волу, а нижнюю крѣпко прикололъ къ землѣ. Потомъ схватилъ вола, и повезъ его къ Печети-хану. Тутъ онъ привязалъ его къ косяку у дверей, а самъ воротился и сталъ ждать, чтó будетъ. Черный волъ навелъ ужасъ на Печети-хана: онъ плавалъ, горевалъ, убилъ семь коней, и сунулъ ихъ въ пасть черному волу: тотъ пожралъ ихъ. Потомъ Печети-ханъ убилъ еще семь быковъ, и тоже сунулъ ихъ въ пасть черному волу:

тотъ и этихъ пожралъ. Тогда Печети-ханъ сказалъ одному служащему у него человѣку: — Поди ты черезъ три дня, и посмотри, что онъ тамъ. — Цѣлыхъ три дня оставался Печети-ханъ у себя дома, потомъ пошелъ посмотрѣть: черный волъ пожралъ и служащаго человѣка, и домъ, и коней, и коровъ, и весь скотъ, и все; наконецъ, пожралъ и самого хана. Тогда, увидавъ смерть Печети-хана, Тана сказалъ: — Ну, вотъ такъ-то хорошо! — воротился домой, и сталъ жить да поживать ¹⁾.

Въ этой сибирской пѣсни мы встрѣчаемъ поразительное сходство со всѣми главными подробностями нашихъ пѣсенъ объ Ильѣ Муромцѣ съ Соловьемъ-Разбойникомъ.

Въ обѣихъ пѣсняхъ, главныхъ дѣйствующихъ лицъ три: богатырь, побѣждаемое имъ чудовище и владѣтельный государь, къ которому богатырь привозитъ чудовище. *Первое лицо* у насъ богатырь Илья Муромецъ: въ сибирской пѣсни, богатырь Тана. *Второе лицо* — Соловей-Разбойникъ на семи дубахъ: въ сибирской пѣсни, Иельбегенъ о семи головахъ (но вмѣстѣ и черный волъ). *Третье лицо* — у насъ, князь Владиміръ: въ сибирской пѣсни, Печети-ханъ.

Событія въ обѣихъ пѣсняхъ также почти совершенно одинаковы, но мотивы дѣйствій до нѣкоторой степени разнятся. Послѣ побѣды надъ Соловьемъ, Илья получаетъ оскорбленіе отъ князя, и, чтобы отомстить ему, наказываетъ сначала его самого и его приближенныхъ страхомъ (заставивъ Соловья закричать и зашвыстѣть), а потомъ до смерти побиваетъ весь дворъ Владиміровъ, такъ что самъ князь насилу спасается. Точно также, послѣ побѣды надъ Иельбегеномъ, Тана получаетъ оскорбленіе отъ Печети-хана (только тутъ дѣло уже идетъ не объ обидѣ самолюбію, а о томъ, что ханъ отнялъ у него жену). Тана употребляетъ для своего мщенія чудовище, чернаго вола, имъ побѣжденнаго, и этотъ пожираетъ все и всѣхъ.

Въ частныхъ подробностяхъ легко также замѣтить много сходства между сибирскою и русскою пѣснью.

Нашему Ильѣ, отецъ помогаетъ добыть себѣ коня: въ сибирской пѣсни, отецъ помогаетъ въ этомъ же богатырю Танѣ.

Въ нашей пѣсни проходитъ нѣсколько времени въ томъ, что жеребчика приготавливаютъ сдѣлаться богатырскимъ конемъ: въ сибирской, проходитъ точно также цѣлыхъ четыре года въ приготавливаніяхъ, прежде, чѣмъ Тана можетъ сѣсть на добытаго уже коня.

— Сила Ильи такъ велика, что вступая въ палаты князя Вла-

¹⁾ Radloff, I, 296—302.

димира, онъ, не спрашиваясь придверниковъ, вламывается въ дверь, а потомъ, усѣвшись за столомъ, ломаетъ подъ собой скамьи дубовыя и свая желѣзныя: точно также Тана, вступивъ въ юрту Печети-хана, садится на желѣзный стулъ и стулъ подъ нимъ ломается (а товарищъ его, входя, проламываетъ желѣзную дверь).

По дорогѣ, Илья встрѣчаетъ Соловья-Разбойника: Тана — Иельбегена. Соловей сидитъ на семи дубахъ: Иельбегенъ, чудовище о семи головахъ. Соловей свиститъ по-соловиному, реветъ по-вѣриному, шипитъ по-змѣиному, мызгаетъ по-собачьему, хлопаетъ въ ладоши по-богатырскому: такъ точно Иельбегенъ разными своими головами свиститъ, поетъ, вопитъ, реветъ, волхвуетъ.

Соловей упрашиваетъ Илью къ себѣ въ гости: Иельбегенъ упрашиваетъ Тану не ѣздить дальше и остаться у него.

Отъ семи-хвостной плети Ильи погибаетъ дочь Соловьева: отъ осьми-хвостной плети Таны погибаетъ самъ Иельбегенъ = Соловей. Перемена эта произошла, вѣроятно, оттого, что у насъ, въ лицѣ Соловья, слиты два чудовища восточныхъ оригиналовъ: Иельбегенъ и черный волъ, и значитъ смерть перваго, случающуюся посреди разказа, пришлось перенести съ Соловья на его дочь. Въ лицѣ этой дочери Соловьевой чувствуется темное и искаженное, но все-таки очень прамое воспоминаніе о той дѣвушкѣ, которую Иельбегенъ = Соловей рекомендуетъ Танѣ.

Илья Муромецъ побѣждаетъ Соловья Разбойника, пронзивъ ему глазъ стрѣлой: Тана побѣждаетъ черного вола, пронзивъ ему губы копьемъ. Послѣ того Соловей падаетъ на землю: къ землѣ же Тана пригвождаетъ черного вола.

Приѣхавъ къ князю Владиміру, Илья привязываетъ Соловья на дворѣ, за дверью: точно также, приѣхавъ къ Печети-хану, Тана привязываетъ черного вола на дворѣ, за дверью.

Чудовище Соловей-Разбойникъ наводитъ такой ужасъ на князя Владиміра и его приближенныхъ, что всѣ они на корачкахъ напоззались: точно такой ужасъ черный волъ наводитъ на Печети-хана, такой ужасъ, что тотъ плакалъ и горевалъ, и просто не зналъ, чѣмъ его умаслить.

Въ самомъ концѣ сибирской пѣсни погибаютъ всѣ: и ханскій скотъ, и ханскіе люди, и ханскій служащій человекъ, наконецъ и самъ ханъ: по русской пѣсни также погибаютъ всѣ окружающіе князя Владиміра, и дворъ его, и богатыри, но самъ князь спасается. Это происходитъ, конечно, оттого, что въ сибирской пѣсни, составляющей отдѣльное, замѣнутое цѣлое, со всеобщюю гибелью кончается пѣсня, и дальше ничего нѣтъ. У насъ же слѣдуютъ тутъ другія еще событія, приписываемыя

Ильѣ Муромцу и князю Владиміру, и слитыя въ одно цѣлое изъ разнообразныхъ восточныхъ источниковъ: значить, надо было князю Владиміру остаться тутъ въ живыхъ.

Одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ былинахъ объ Ильѣ Муромцѣ занимаетъ разсказъ о ссорѣ его съ княземъ Владиміромъ, и отраженіи нашествія иноплеменниковъ. Пересказы объ этомъ эпизодѣ очень разнообразны, но, при сличеніи оказывается, что ихъ можно раздѣлить на четыре главныя группы. Въ первыхъ трехъ находятся на лицо оба мотива: ссора съ княземъ и отраженіе иноплеменниковъ, въ послѣднемъ — одинъ только второй мотивъ.

Первая редакція.— Князь Владиміръ приходитъ въ гнѣвъ на Илью за то, что тотъ не одобряетъ одного незаконнаго его намѣренія (отнять жену у живого мужа), и велитъ посадить его въ глубокой погребъ, или изгоняетъ его изъ Кіева. Съ досады, Ильа склываетъ товарищей, и начинаетъ вести съ ними страшно разгульную, бражническую жизнь ¹⁾. Но черезъ нѣсколько времени къ Кіеву подступаетъ непріятельскій царь Батый Батыевичъ, со своимъ сыномъ (Лоншекомъ или Таракашкой) и любимымъ зятемъ (Сартакомъ или Ульюшкой); съ ними рать несмѣтная, на 60 верстъ во всѣ четыре стороны. Батый выбираетъ огромнаго татарина, выше всѣхъ ростомъ, и съ нимъ посылаетъ къ князю Владиміру письмо, гдѣ высчитываетъ свою силу, и угрозами требуетъ выдачи трехъ главныхъ богатырей Владиміровыхъ. Получивъ такое письмо, Владиміръ приходитъ въ ужасъ, и, посоветовавшись съ ближними своими (также и съ княгиней), находятъ для своего спасенія одно только средство: послать къ Ильѣ Муромцу его крестоваго брата, богатыря Добрыню, для того, чтобъ умилостивить его и вызвать себѣ на помощь. Тутъ Ильа вспоминаетъ, что у нихъ съ крестовымъ братомъ положена заповѣдь великая: другъ друга слушаться и другъ за друга стоять. — Ну, кабы не ты, говоритъ Ильа, никого бы я не послушалъ! Никогда бы не пошелъ къ князю! ²⁾. — И онъ ѣдетъ ко Владиміру, тотъ встрѣчаетъ его съ почетомъ, устраиваетъ для него пиръ, и сажаетъ его за столomъ на большое мѣсто. Тогда Ильа соби-

¹⁾ По нѣкоторымъ текстамъ, ссора произошла изъ-за того, что князь Владиміръ не позвалъ Илью на одинъ пиръ, или не подарилъ его, подаривши остальныхъ богатырей (*Кир.*, I, 67. — *Рыбниковъ*, I, 95). Значить, первый мотивъ какъ-бы связываетъ настоящій эпизодъ съ тѣмъ, который мы только что разсматривали.

²⁾ По инымъ пересказамъ, Владиміръ посылаетъ за Ильей своихъ слугъ.

расть своихъ богатырей товарищей, ѣдетъ съ ними на врага — тутъ же вмѣстѣ съ ними отправляется въ походъ и самъ князь Владиміръ, перереженный поваромъ и вымаравшійся сажей. Они побиваютъ вражескую силу. По нѣкоторымъ пересказамъ, Илья не только побиваетъ все войско княжеское, но убиваетъ и самого князя ¹⁾).

Вторая редакція. — Нашествіе иноплеменниковъ и побѣда надъ ними Ильи Муромца изображены въ иныхъ формахъ. Иноземный царь съ песмѣннымъ могучимъ войскомъ выраженъ посредствомъ фигуры Идолица поганаго: въ немъ длины пять сажень, промежду плечъ коса-сажень, голова его какъ пивной котелъ, глаза какъ чаши питейныя, носище какъ палка древокольная. Попалося это Идолице въ Кіевъ и обнасилничало его, такъ что княжескія гридницы съ боку на бокъ пошатались, ставни въ окнахъ покосились, самъ Идолице сидитъ у князя, держитъ руки у княгини за наухой, а въ Кіевѣ перестали по старому иноць инопить, не велѣно просить милостыни спасеной. Узнавъ о такой бѣдѣ, Илья Муромецъ, уже цѣлыхъ 12 лѣтъ изгнанный изъ Кіева, сжаливается надъ княземъ, обмѣнивается платьемъ съ каликой-перехожимъ, и ѣдетъ въ Кіевъ. Тутъ онъ застаетъ Идолице на пиршескомъ столѣ. Идолице тотчасъ замѣчаетъ его, и Илью спрашиваютъ: кто онъ такой и зачѣмъ пришелъ. Илья обмѣнивается съ Идолицемъ бранными рѣчами, и тогда, разсердившись, Илья схватываетъ съ себя волпавъ пли шлшу земли греческой, однимъ махомъ убиваетъ Идолице ²⁾).

Нѣкоторые изъ нашихъ изслѣдователей придаютъ эпизоду о ссорѣ князя Владиміра съ Ильей Муромцемъ особенно важное значеніе. Въ томъ, что Владиміръ, упрашивая Илью о помощи, умоляетъ его смилоститься если не ради его самого и его княгини, церкви божіихъ и монастырей, то хоть «ради бѣдныхъ вдовъ и малыхъ дѣтей», — въ этомъ, говорятъ они, проявляется особенное свойство Ильиной службы, какъ выборнаго дружини земской, а не члена дружины княжеской. Ссора Ильи съ княземъ, есть ссора и борьба съ дружиной княжеской, со всѣми началами княжескаго порядка вещей ³⁾. Но, рассматривая памятники восточной поэзіи, мы убѣждаемся, что рассказъ о великодушнѣ богатырѣ, обиженнаго царемъ, но прощающаго ему и выручающаго его изъ бѣды, ничуть не есть рассказъ чисто

¹⁾ Карамзинъ, I, 67—70 III, 34—35 — Др. русск. стл. 216—251. — Рубининъ, I, 20—22—23

²⁾ Кар. IV, 19—31 — Рубининъ, I, 28—31

³⁾ Сличеніе съ Библіею въ IV выд. Карбасова, стр. XII XV

русскій: онъ не разъ встрѣчается въ древнихъ восточныхъ повѣствованіяхъ, и благодушіе Ильи вовсе не есть исключительная характеристическая черта нашего Ильи. Въ доказательство, сравнимъ обѣ наши редакціи со слѣдующими пѣснями и поэмами.

Одна телеутская легенда разсказываетъ, что у ойротскаго князя Конгодоя былъ сынъ отъ первой жены, богатырь Шюню, котораго возненавидѣли и замыслили погубить младшіе братья, сыновья второй княжеской жены. Они однажды наклеветали отцу на старшаго брата, и увѣрили его, что этотъ злоумышляетъ на его жизнь. Отецъ послушался ихъ, они напоили Шюню до-пьяна, вырыли яму въ 60 сажень глубины, и столкнули туда пьянаго Шюню. Черезъ нѣсколько времени пришли туда три человѣка съ желѣзными луками и сказали Конгодю: «Кто выстрѣлитъ изъ этихъ луковъ, тому мы станемъ платить дань; а если Конгодой не можетъ стрѣлять, пусть онъ намъ платить дань». Младшіе князіе сыновья не могли даже и поднять-то лукъ; они испугались и сказали: — «Надо за Шюню взяться!» Тогда они поѣхали къ Шюню, и вынули его изъ ямы. Шюню былъ еще живъ. Они обрадовались, убили молодую кобылу, стали его угощать виномъ и мясомъ. Шюню сказалъ: — «Я возьму свой собственный лукъ», и принесъ его. Шюню сталъ стрѣлять изъ своего лука, и насажалъ множество стрѣлъ въ желѣзный порогъ своего отца, потомъ сказалъ: — «Подайте мнѣ тѣ луки». Ему дали тѣ луки, онъ натянулъ всѣ три, выстрѣлилъ и сказалъ: — «Берите прочь эту дрянъ и убирайтесь вонъ!» И тогда тѣ три человѣка пошли прочь и стали платить дань ¹⁾).

Этотъ самый разсказъ существуетъ и у сибирскихъ киргизовъ, лишь съ небольшими измѣненіями въ подробностяхъ. Здѣсь рѣчь идетъ о ханѣ Конгдаиди, царствующемъ на Алтаѣ, и о его сынѣ, богатырѣ Суну. Весь киргизскій народъ боится Суну и завидуетъ ему за необыкновенные его богатырскіе подвиги; вотъ они и клеветаютъ на него хану, увѣривъ его, что Суну изнасиловалъ многихъ женъ и дочерей ихъ. Ханъ Конгдаиди приходитъ отъ этого въ величайшій гнѣвъ, велитъ выкопать яму въ семь сажень глубины и бросить туда Суну, а напередъ отрубить ему руки, вынуть лопатки изъ спины, и снять кожу. Суну говоритъ ему: — «Ой, батька, куда-то ты дѣнешься? Какъ убьешь меня, сгинетъ твоя юрта! На чтѣ Богъ далъ меня тебѣ! Если теперь ты больше не услышишь моего голоса, за то вотъ ужъ, послѣ, ты услышишь его!» Но ханъ ничего не хочетъ знать, и сына его спустили въ яму. Но черезъ три года, принесли къ кирги-

¹⁾ Radloff, Proben, I, 206—207.

замъ изъ Монголіи огромный лукъ, съ такимъ объявленіемъ, что если у киргизовъ натянуть и выстрѣлять изъ этого лука, то монголы будутъ платить дань киргизамъ, а если нѣтъ, то киргизы монголамъ. Напрасно ханъ Конгдаиди собираетъ весь свой народъ: никто не въ состояніи сладить съ лукомъ. Тутъ ханъ вспоминаетъ про сына своего Суну, и плачетъ. Потомъ велитъ отрыть и принести его: Суну еще живъ. Его приносятъ, мажутъ сметаной, кормятъ мозгомъ изъ костей, и онъ снова получаетъ свои силы. Сначала онъ не хочетъ исполнять требуемаго отъ него подвига, и выручать киргизскаго хана изъ бѣды, но потомъ велитъ помазать лукъ сметаной, потому что онъ разохся, и натягиваетъ его съ такою богатырскою силою, что лукъ ломается. — «Несите его къ монголу! говорить Суну, лукъ нигуда не годится, я такую игрушку и натягивать-то не хочу!»¹⁾

Третій примѣръ мы находимъ въ Шахъ-Намэ. Туранскій царь и съ нимъ огромное войско, подъ предводительствомъ Сограба (незнаемаго сына Рустемова), вторгаются въ иранское царство Кей-Кауса. Одинъ изъ пограничныхъ правителей царскихъ, посылаетъ съ нарочнымъ письмо къ Кей-Каусу, гдѣ рассказываетъ про это нашествіе и высчитываетъ силу непріятельскую. Прочитавъ письмо, Кей-Каусъ приходитъ въ ужасъ и тотчасъ-же требуетъ къ себѣ на помощь богатыря Рустема, проживающаго въ Забулистанѣ, своемъ удѣлѣ. Но, вмѣсто того, чтобъ немедленно ѣхать на царскій зовъ, Рустемъ сначала проводитъ цѣлыхъ три дня въ пирахъ и пьянствѣ съ посланнымъ Кей-Каусовымъ (это одинъ изъ царскихъ богатырей). За это Кей-Каусъ приходитъ въ таковой гнѣвъ на Рустема, что когда этотъ появляется наконецъ у него при дворѣ, то царь встрѣчаетъ его жестокими упреками и велитъ повѣсить и его, и посланнаго своего. Но Рустемъ отталкиваетъ отъ себя могучею рукою исполнителей царской воли, и, не признавая надъ собою власти Кей-Каусовой, уѣзжаетъ къ себѣ въ удѣлъ, объявивъ, что отъ сихъ поръ нога его никогда болѣе не будетъ въ Иранѣ. Послѣ его отъѣзда, вельможи Кей-Каусовы упрекаютъ царя, что онъ въ такое опасное время разсердилъ Рустема, единственную надежду ихъ, и умоляютъ его просить Рустема, чтобы онъ воротился. Царь сдается на ихъ убѣжденія, и посылаетъ къ Рустему одного изъ значительнѣйшихъ своихъ приближенныхъ, стараго богатыря Гудерза. Сначала Рустемъ не хочетъ его слушать: — «Что мнѣ за дѣло до Кей-Кауса! говорить онъ. Сѣдло—

¹⁾ Radloff, Proben, II, 382—384.

вотъ мой тронъ; шлемъ—вотъ мой царскій вѣнецъ; кольчуга—вотъ моя царская одежда, и душа моя ни-чутьки не помышляетъ о смерти. Чтò такое Кей-Каусъ передо мною? Горсточка пыли. Чего мнѣ бояться его гнѣва? Развѣ я заслужилъ тѣ неприличныя рѣчи, которыя онъ мнѣ наговорилъ въ своей ярости? А еще я же освободилъ его изъ цѣпей, я же воротилъ ему царскій вѣнецъ и престолъ. Теперь моему терпѣнію конецъ, сердце мое переполнилось, и я никого ужъ не боюсь кромѣ Бога». Но Гудерзъ ловкими рѣчами успѣваетъ уговорить Рустема, толкуя ему, что Кей-Каусъ человѣкъ вѣзлмошный, и прибавляетъ, что если онъ, Рустемъ, не выступитъ противъ туранскаго войска, его навѣрное заподозрятъ въ трусости. Тутъ уже Рустемъ уступаетъ, и ѣдетъ со своими товарищами къ Кей-Каусу. Царь принимаетъ его съ великою радостью, и униженно проситъ у него извиненія; Рустемъ мирится съ нимъ; и послѣ того задаетъ ему великолѣпный пиръ, съ пляской и музыкой, на которомъ всѣ напиваются пьяны. На другой день, Рустемъ, съ царскаго согласія, переряжается туранцемъ и ѣдетъ къ неприятелю, расположившемуся въ захваченномъ у иранцевъ Бѣломъ замкѣ: ему хочется посмотрѣть, чтò за неслышанный и невиданный богатырь такой пришелъ одолевать ихъ страну. Этого богатыря, Сограба, описывали царю такъ: «Ростомъ онъ выше кипариса, и блещетъ какъ солнце въ знакѣ Блинецовъ; грудь его широка какъ у льва, величиной онъ будетъ съ добрый холмъ; голосъ его могучѣ грома, рука его сильнѣ меча: нѣтъ никого ему равнаго по всему Ирану и Турану. Горе тому, кто съ нимъ встрѣтится въ бою, хотя бы онъ былъ такъ крѣпокъ какъ камень: сама земля пожалѣла бы ту скалу, противъ которой онъ пустилъ бы своего коня». Придя тайно въ Бѣлый замокъ, захваченный неприятелемъ, Рустемъ находитъ всѣхъ за пиршествомъ, и принимается разсматривать Сограба. Но его замѣчаетъ Зендехрезмъ, дядя Сограбовъ: онъ идетъ къ Рустему, отличающемуся ото всѣхъ своимъ видомъ, ростомъ и складомъ, и спрашиваетъ:— «Кто ты таковъ? Поди-ка сюда къ свѣту, дай-во на себя посмотрѣть!» Въмѣсто отвѣта, Рустемъ со всей силы бьетъ его кулакомъ по головѣ, такъ что тотъ валится съ ногъ и тутъ же испускаетъ духъ, а Рустемъ возвращается домой. Послѣ того, туранское и иранское войско выступаютъ другъ противъ друга, и, послѣ нѣсколькихъ битвъ, иранцы прогоняютъ со своей земли противниковъ. Но, во время этихъ битвъ, Рустемъ въ единоборствѣ убиваетъ Сограба ¹⁾).

¹⁾ *Mohl*, II, 103—129.

Въ этихъ восточныхъ разсказахъ, мы встрѣчаемъ всѣ черты нашей былины. Князь, ханъ или царь (Конгодой, Конгдаиди, Кей-Каусъ, Владиміръ), вопреки справедливости, распаляется гнѣвомъ на своего главнаго богатыря (Шюню или Суну, Рустема, Илью Муромца), и сажаетъ его въ подземелье или выгоняетъ изъ своего царства. — Богатырь предается пьянству. — Происходитъ нашествіе иноплеменной вражеской силы (*три* человѣка съ желѣзными луками; монголы съ такими же луками; несмѣтное туранское войско съ *тремя* человѣками во главѣ: царемъ Афразіабомъ, Сограбомъ и Зендехрезмомъ; несмѣтное татарское войско, съ *тремя* человѣками во главѣ: царемъ Батыемъ, его сыномъ Таракашкой или Лоншекомъ, и затемъ Улюшкой или Сартакомъ). Объ этомъ нашествіи царь или князь узнаетъ изъ письма, привезеннаго нарочно посланнымъ богатыремъ; въ этомъ письмѣ описывается, какъ велика сила вражеская. — Приведенный въ ужасъ, царь, ханъ или князь, склоняясь на совѣты окружающихъ его людей, посылаетъ за обиженнымъ богатыремъ: этотъ сначала сопротивляется, но потомъ идетъ къ своему владыкѣ и они мирятся. Миръ этотъ скрѣпляется великимъ пиромъ или угощеніемъ. Послѣ того, богатырь переряжается (по Шахъ-Намѣ — туранцемъ, по нашей былинѣ — каликой-перехожимъ, или поваромъ, вымаравшимся въ сажѣ) и идетъ во вражескій станъ, посмотрѣть, каковъ непріятель. Вопреки переряжанью, на него обращаютъ вниманіе, онъ долженъ вступить въ разговоръ со врагомъ, а такъ какъ дѣло начинается дѣлаться для него опаснымъ, то онъ убиваетъ врага, ударомъ кулака или шляпы *по головь*, и ничего не отвѣчаетъ на задаваемые ему вопросы.

Третья редакція. — Подступилъ царь Батый съ несмѣтнымъ войскомъ къ Киеву, и вызываетъ своихъ «бурзовъ-мурзовъ» татаровей, ѣхать въ Киевъ, отвести князю посольный листъ. Всѣ молчатъ, но тутъ высказываетъ впередъ «бурза-мурза» татаровичъ, и берется ѣхать къ князю Владиміру. Батый велитъ ему обойтись въ Киевѣ грубо и дерзко; «бурза-мурза» такъ и сдѣлалъ. Приѣхавъ въ Киевъ, онъ бросилъ коня на дворѣ не привязана, не приказана (никому не порученнаго), вошелъ въ гридню силою, положилъ царскій листъ на столъ, поворотился и ускакалъ назадъ. Сталъ Владиміръ читать со своими богатырями посольный листъ; тамъ Батый приказываетъ Владиміру выдать трехъ главныхъ его богатырей: Илью Муромца, Добрыню и Алѣшу-Поповича. «Не отдашь ихъ самъ — говорить. Батый — боемъ возьму сильныхъ богатырей, князя съ княгиней подъ мечъ склоню, церкви на дымъ спущу, иконы поплавь рѣки, добрыхъ молодець полоню станицами, красныхъ дѣвиць — плѣнницами, добрыхъ воней

табунами». Испуганный Владиміръ не знаетъ, что дѣлать, но ему встрѣчается Илья Муромецъ въ видѣ нищаго калики-перехожаго, и князь умоляетъ его вступить за него и за Кіевъ, и забыть, что ему, Ильѣ, уже 12 лѣтъ «отъ Кіева отказано». Илья сначала сопротивляется, но потомъ прощаетъ князю, и ѣдетъ вмѣстѣ съ нимъ къ Батыю съ подарками, взявъ съ собою Добрыню и Алешу. Они приѣзжаютъ къ Батыю, подаютъ подарки, и просятъ отсрочки на три года; Батый соглашается дать только три дня, и угощаетъ ихъ всѣхъ виномъ. Илья выпилъ единымъ духомъ чашу въ 1½ ведра, сердце его распяется и онъ уѣзжаетъ отъ Батыя. Воротясь въ Кіевъ, Илья сзываетъ всѣхъ богатырей, они раздѣляются на три отряда, изъ которыхъ правую руку даютъ Самсону Колывановичу, лѣвую—Никитѣ Залѣшанину съ Алешей, а Ильѣ осталась середка силы, матица: 12 дней бьются-рубятся богатыри съ татарами. Тогда Ильинъ конь проговорилъ ему человѣчьимъ голосомъ:—«Накопаны у татаръ въ полѣ рвы глубокіе натываны въ нихъ копыя мурзамецкія, сабли остроыя. Изъ перваго подюпа я вылечу, изъ втораго тоже вылечу, а въ третьемъ останемся и ты и я». Въ отвѣтъ на это, Илья бьетъ его плетью, и заставляетъ скакать дальше; но предсказаніе коня сбывается, и Илья, вмѣстѣ съ конемъ, падаетъ въ подкопъ. Его хватаютъ татары, тащутъ къ Батыю; этотъ предлагаетъ Ильѣ послужить ему три года, Илья отказывается, и Батый велитъ разстрѣлять его на лугу стрѣлами. Тогда Илья проситъ, чтобъ ему вмѣсто того отрубили голову, а самъ взмолился къ Николаю угоднику, и тотчасъ-же пришло у него силы вдвое: разорвалъ онъ оковы желѣзныя, схватилъ татарина, и сталъ имъ бить остальныхъ татаръ кругомъ. Подбѣжалъ тутъ къ нему конь, Илья сѣлъ на него и прибилъ всѣхъ татаръ до смерти, чуть не до единаго¹⁾).

Четвертая редакція.—Подошелъ къ Кіеву Калинъ-царь съ безчисленнымъ войскомъ, послалъ къ князю Владиміру татарина съ угрозымъ письмомъ. Не было въ это время никого изъ богатырей въ Кіевѣ, кромѣ Василія пьяницы: этотъ вбѣгаетъ на башню наугольную, стрѣляетъ оттуда и попадаетъ въ правый глазъ зятю Калинину, отчего тотъ и умираетъ. Царь приходитъ въ ярость, и посылаетъ втораго посла, требуя, чтобъ ему выдали виноватаго. Тогда одинъ изъ богатырей Владиміровыхъ — самъ Илья или же, чаще, его племянникъ, Ермакъ Тимоеевичъ, вызывается ѣхать къ татарамъ. Князь Владиміръ долго его отговариваетъ, наконецъ отпускаетъ. Онъ ѣдетъ въ татар-

¹⁾ Куршевскій, IV, 88—46.

свѣй станъ, и дорогой переѣзжаетъ многія поля и горы. Потомъ подѣхавъ къ татарскому стану, онъ сначала поднимается на высокую гору и оттуда высматриваетъ непріятеля, потомъ ложится спать, а потомъ, выспавшись, встаетъ и принимается за силу вражескую. Долго бьетъ онъ ее, а все не прибьетъ всѣхъ, наконецъ совсѣмъ изнемогаетъ; и въ это-то самое время Илья Муромецъ, оставшійся дома, просыпается, чувствуетъ какимъ-то чутьемъ, что племяннику плохо пришлось, и со всѣми богатырями своими скачетъ къ нему на выручку. Они поспѣваютъ въ самое во-время, и общими силами одолеваютъ врага, побиваютъ всю татарскую силу. Между тѣмъ самъ Калинъ-царь спалъ въ своемъ шатрѣ, на кровати рыбій-зубъ, подъ одеяльцемъ соболинымъ. Схватилъ его (Илья или Ермакъ) съ кровати, самъ ему приговариваетъ: — «Васъ-то царей не бьютъ, не взынать и не вѣшаютъ!» — потомъ согнулъ его корчагою, поднялъ выше буйной своей головы, ударилъ о горячъ-камень, и разшибъ въ крохи. Тогда остальные татары на побѣгъ побѣжали ¹⁾).

Этимъ двумъ пѣснямъ придаютъ у насъ обыкновенно особенное историческое значеніе: въ нихъ видятъ изображеніе татарскаго нашествія на нашу древнюю Русь. «Калинъ-царь имѣетъ весь видъ татарскаго хана, его нашествіе дышитъ ужасомъ нашествія татарскаго», говоритъ К. Аксаковъ ²⁾. Г. Буслаевъ, рассматривая эту пѣсню, признаетъ, что она, «явственно отмѣчаетъ періодъ татарскій, когда съ особою энергіей совершился переходъ, въ народной фантазій, отъ мифовъ древнѣйшаго періода къ эпосу собственно историческому ³⁾».

Но мы сравнимъ съ этими двумя редакціями былины объ Ильѣ — отрывки изъ монголо-калмыцкой поэмы «Джангаріада». Здѣсь мы встрѣчаемъ слѣдующій рассказъ. — На западной сторонѣ властвовалъ надъ 70,000 милліоновъ странъ старый Шарро-Гурго. Сидя въ своемъ хапскомъ жилищѣ, онъ заговорилъ однажды собраннымъ князьямъ: — На восточной сторонѣ царствуетъ богатырь Богдо-Джангаръ. Мы безъ труда могли бы отнять у него всѣхъ 12 богатырей, повинующихся его приказаніямъ. Пускай же ѣдетъ къ нему посломъ Бурза-Бекѣ-Цаганъ и скажетъ ему: «Имя твое, могучій Джангаръ, знаменито во всѣхъ странахъ неба. Я оставляю тебѣ твое тѣло и жизнь. Но отдай гнѣдого

¹⁾ Др. рос. стихотвор. 242—251. — *Кир.* I, 58—66. — *Рыбн.* I, 97—119. — Въ нѣкоторыхъ пересказахъ нашихъ Калинъ-царь превратился въ Бабищу-Маману (*Киртаск.*, I, 64—66), но исходъ эпизода тотъ-же, что и въ остальныхъ пересказахъ.

²⁾ Сочиненія К. Аксакова, I, 373.

³⁾ *Буслаевъ*, Очерки. I, 421.

Аранджулу, чтобъ онъ стоялъ на привязи у моего жилища. Отдай мнѣ Ширкесова внука, Хонгора-Краснаго, чтобъ посылать его посломъ къ чужимъ князьямъ. Еще отдай мнѣ князя Алтанъ-Цедши Ассаръ-Суласвича, чтобъ употреблять его въ моей думѣ. Не дашь ты мнѣ этихъ трехъ вещей, я разрушу твой высокій Шарра-Алтай, засыплю широкое твое Шарту-Далай¹⁾, и уничтожу твое имя, Богдо Джангарь!» — Прискакавъ къ Джангару, Бурза оставляетъ коня непривязаннаго и никому непорученнаго на дворѣ; «хочешь держи, хочешь не держи моего коня», говоритъ онъ повстрѣчавшемуся ему на дворѣ одному изъ богатырей Джангаровыхъ, потомъ поднимаетъ полу палатки, и входитъ безъ всякаго позволенія въ серебрянную дверь. Тутъ онъ обращается къ Джангару, и передаетъ ему слова своего владыки. Богатырь Хонгоръ-Красный гнѣвно отвѣчаетъ ему, чтобъ онъ убрался скорѣе домой, и сказалъ бы своему хану, что развѣ тогда выполнятся его требованія, когда напередъ погибнуть всѣ богатыри. Послѣ отъѣзда Бурзы, Джангаръ и всѣ богатыри стараются удержать Хонгора, но тотъ никого не слушается; надѣвается доспѣхи и ѣдетъ. Долго ѣдетъ онъ черезъ горы и долины, съ угрозой упрасиваетъ своего коня скорѣе довести его куда ему нужно; наконецъ, съ одной горы видитъ вражеское жилище. Тутъ онъ ложится спать, чтобъ выждать ночи, а когда пришла темнота, онъ, ползкомъ на колѣняхъ, подкрадывается къ ханскому жилищу и находитъ, что ханъ и его 12 богатырей спятъ, отуманенные виномъ, прислонясь направо и налево. Онъ тушитъ лампаду рукой, идетъ къ хану, покоящемуся головой на золотой подушкѣ, беретъ его подъ голову правой рукой, а подъ ноги лѣвой, и однимъ махомъ выноситъ его вонъ. За нимъ гонятся 15,000 воиновъ; но онъ добѣгаетъ до своего коня, вскакиваетъ на него, хочетъ сказать дальше—вонъ не трогается съ мѣста. Тогда онъ бросаетъ хана о-земь и самъ скачетъ назадъ. Скоро его настигаютъ враги, и начинается бой. Хонгоръ уже изнемогаетъ, но тутъ онъ обращается съ мольбой къ золотому талисману, полученному имъ отъ великаго Ламы и висящему у него на шеѣ, и силою этой молитвы Джангаръ узнаетъ, что Хонгору приходится плохо. Со всѣми богатырями своими онъ спѣшитъ на выручку. Они поспѣваютъ еще во-время, и тутъ завязывается бой ихъ съ 700,000 воиновъ хана Шарра-Гурго: бой длится 72 мѣсяца, Алтанъ-Цедши сражается въ срединѣ, Джангаръ въ

---

¹⁾ Шарра-Алтай—гора, на которой живетъ Джангаръ; Шарту-Далай—море подлѣ той горы.

правой рукѣ, Хонгоръ въ лѣвой. Разсказъ кончается полною побѣдой ихъ надъ непріателемъ Шарра-Гурго ¹⁾).

Близкое сходство нашихъ двухъ пѣсень, о нашествіи Батыя или Калина на Русь, съ этимъ эпизодомъ изъ Джангаріады вполне очевидно. И тамъ и здѣсь разсказъ начинается исчисленіемъ силы вражескаго царя или хана. Потомъ этотъ царь или ханъ вызываетъ человѣка, который-бы ѣхалъ съ посольствомъ. Является богатырь, котораго наша пѣсня называетъ «бурза-мурза», а Джангаріада — «Бурза-Беке-Цаганъ». Названіе «бурза-мурза» ничего у насъ не значитъ, и сначала всякій подумаетъ, что слово «бурза» прибавлено только для рѣимы и обычнаго русскаго удвоенія къ слову «мурза». Но на дѣлѣ оказывается, что надо понимать на-оборотъ: прибавлено для рѣимы и удвоенія слово «мурза» къ коренному тутъ слову «бурза», потому-что это слово есть нечто иное, какъ уцѣлѣвшее у насъ монголо-калмыцкое имя «*Бурза*» (*Бурза-Беке-Цаганъ* значитъ: «Бѣлый-кряпкій-мундштукъ»). Этотъ Бурза отправляется посломъ, и, по приказу своего владыки, дерзко ведетъ себя тамъ, куда посланъ, коня бросаетъ на дворѣ, и входитъ къ князю (Владиміру или Джангару), безъ позволенія, насильно. Тутъ онъ требуетъ для своего хана или царя *трехъ* вещей (по русской пѣсни, трехъ главныхъ богатырей; по монголо-калмыцкой поэмѣ — двухъ богатырей и богатырскаго коня), — иначе грозитъ полнымъ разрушеніемъ владѣній княжескихъ. Получивъ отказъ, вѣстникъ уѣзжаетъ. Тогда снаряжается въ путь, къ вражескому царю или хану, одинъ изъ богатырей Владиміра = Джангара: Илья или Ермакъ = Хонгоръ. Онъ ѣдетъ далеко и долго, черезъ горы и долины, съ одной горы обозрѣваетъ вражескій станъ, а потомъ, подкрѣпивъ себя сномъ, нападаетъ на непріателя, и наноситъ ему страшный вредъ: избиваетъ огромныя полчища его, а соннаго царя или князя (Батыя, Калина, Шарра-Гурго) вытаскиваетъ на рукахъ съ одра или подушекъ, и потомъ бросаетъ о-поль. Во время слѣдующаго потомъ боя, изнемогающій герой (Илья, или Ермакъ = Хонгоръ) обращается съ мольбою къ небесной помощи (у насъ къ Николѣ-Можайскому, въ Джангаріадѣ къ Далай-Ламову талисману): черезъ это у него самого прибываютъ силы, а оставшіеся дома богатыри, его товарищи, вдругъ узнаютъ о его бѣдѣ, цѣлой толпой спѣшаютъ къ нему на помощь, выручаютъ изъ бѣды и окончательно побиваютъ вражеское войско.

Итакъ, всѣ четыре редакціи наши, не смотря на разницу подробностей, и на отсутствіе въ иныхъ, изъ числа ихъ, на-

¹⁾ *Bergmann*, Nomadische Streifereien unter den Kalmücken. Riga, 1805. IV, 190—214.

чальнаго мотива о ссорѣ князя со своимъ главнымъ богатыремъ, имѣють основу совершенно одинакую. Происходить нашествіе иноплеменниковъ на страну. Главный богатырь здѣшній тайно идетъ во вражескій станъ, и тайно высматриваетъ тамъ непріятеля. Лично самъ убиваетъ главнаго человѣка непріятельскаго войска, и, наконецъ, при помощи подоспѣвшихъ товарищей своихъ, истребляетъ все это войско.

Встрѣча и единоборство Ильи-Муромца съ сыномъ, котораго онъ не знаетъ, но котораго прижилъ въ прежнее время съ царицей иноземной, также не есть мотивъ самостоятельно-русскій. Это повтореніе того самого мотива, который разсмотрѣнъ въ первой части настоящаго изслѣдованія, какъ одинъ изъ эпизодовъ сказки о Ерусланѣ Лазаревичѣ: этотъ мотивъ у насъ общій со многими европейскими народами и пришелъ къ намъ съ древняго Востока. Особенное сходство онъ представляетъ съ извѣстнымъ рассказомъ Шахъ-Намэ о Рустемѣ и Сограбѣ. Мы не станемъ повторять здѣсь того, что было уже сказано по этому поводу въ первой части, но замѣтимъ, что въ однихъ былинахъ единоборство Ильи съ сыномъ кончается счастливо ¹⁾, а въ другихъ, и при томъ *въ большинствѣ* — кончается смертью сына ²⁾, и этимъ пѣсни объ Ильѣ Муромцѣ болѣе приближаются къ разсказу Шахъ-Намэ, чѣмъ сказка объ Ильѣ Муромцѣ. Последній исходъ (смерть сына) древнѣе, но въ нашихъ пѣсняхъ онъ почти уже вездѣ утратилъ первоначальныя подробности свои: здѣсь единоборство обыкновенно является не сраженіемъ Ильи съ сыномъ, а Ильи съ какимъ-то неизвѣстнымъ богатыремъ, и только сравненіе съ пѣснями первой редакціи, и всегдашнее называніе противника Ильи — *молодымъ*, въ противоположность Ильѣ, котораго пѣсни тутъ-же постоянно называютъ *старымъ*, убѣждаютъ насъ въ томъ, что рѣчь идетъ здѣсь о сынѣ Ильи Муромца.

Такимъ образомъ, когда получается увѣренность о происхожденіи настоящаго эпизода, со всѣми его подробностями, съ Востока, сами собой падаютъ соображенія нѣкоторыхъ нашихъ изслѣдователей, будто-бы Илья всю свою жизнь остается холостъ и соединяется съ женщинами только грѣхомъ, случаемъ, потому, что «слишкомъ проникнуть началами русской земщины, слыш-

¹⁾ Др. росс. стих. — 864. Рыбн. I, 73. — Кир., I, 2; IV, 17.

²⁾ Кир. I, 4, 6, 51; IV, 12. — Рыбн. I, 65, 80, 85; II, 351; III, 59.

комъ стоевъ, степенень, строгъ и замкнуть»¹⁾. Причины холостой жизни Ильи вовсе не русскія земскія начала, а то, что холостыми являются, въ восточныхъ оригиналахъ, первообразы Ильи, и, какъ одинъ изъ главныхъ въ ихъ числѣ, Рустемъ.

Наконецъ, замѣтимъ еще, что рассказъ о смерти нашего Ильи Муромца также созданъ не у насъ, а на Востоку. Въ однихъ нашихъ пересказахъ глухо говорится, что Илья исчезъ: «Илья-то тутъ былъ и нѣтъ, нѣтъ ни вѣсти, ни повѣсти нынѣ и до вѣку»²⁾; въ другихъ говорится, что «какъ началъ онъ строить церкву пещерскую, тутова старъ и оваменѣлъ»³⁾; наконецъ, въ третьихъ, смерть его описывается такимъ образомъ. Былъ на Сафатъ-рѣкѣ Илья вмѣстѣ съ шестью товарищами-богатырями и долго они бились, конные, противъ силы вражеской, но сколько они ни рубятъ ихъ, все сила вражья растетъ да растетъ вдвое, все на витязей съ боемъ идетъ. Испугались могучіе витязи, побѣжали въ каменныя горы, въ темныя пещеры: какъ побѣжить витязь въ горѣ, такъ и окаменѣетъ, какъ побѣжить другой, такъ и окаменѣетъ; какъ побѣжить третій, такъ и окаменѣетъ. Съ тѣхъ-то поръ и перевелись витязи на Руси⁴⁾. Этотъ послѣдній рассказъ намъ всего важнѣе, такъ какъ онъ намъ кажется кореннымъ. Изъ него произошли, въ видѣ *экстракта*, сокращеніе, первый и второй изъ приведенныхъ рассказовъ. Но въ третьемъ мы открываемъ не что иное, какъ рассказъ о смерти Рустема. Послѣдняя война Рустема — война противъ царя кабульскаго для взыскаія подати; но онъ такъ увѣренъ въ себѣ, что не беретъ съ собою всего войска, а только 100 избранныхъ конниковъ и 100 избранныхъ пѣшихъ воиновъ (= наши 6 богатырей). Царь кабульскій, не имѣя надежды побѣдить, велитъ вырыть, въ долинахъ, по-среди горъ, огромныя ямы, наполненныя рогатинами, копиями и мечами, и накрыть ихъ такъ, чтобъ онѣ были снаружи незамѣтны. Рустемъ со своими товарищами падаютъ въ эти ямы (= наши пещеры) и тамъ погибаютъ съ конями⁵⁾.

¹⁾ Замѣтка г. Безсонова, при IV выш. Кир., стр. XL.

²⁾ *Киртевскій*, I, 86.

³⁾ *Киртевскій*, I, 89.

⁴⁾ Тамъ-же, IV, 108—115.

⁵⁾ *Mohl*, IV, 705—719. Этотъ рассказъ вошелъ частью и въ приведенный выше— о ссорѣ Владимира съ Ильей (3-я редакция). Конь говоритъ Ильѣ, чтобъ онъ остерегся, что «цакочаны въ полѣ у татаръ ямы глубоки, вытканы въ нихъ коня

И, какъ по нашимъ пѣснямъ, со смертью Ильи Муромца «перевелись витязи на Руси», такъ со смертью Рустема кончается въ Шахъ-Намэ легендарная, мифическая часть этой поэмы, и начинаются уже дѣйствительно-историческіе рассказы персидской исторіи, въ поэтической лишь формѣ ¹⁾).

Пересмотрѣвъ такимъ образомъ, одинъ за другимъ, всѣ главнѣйшіе эпизоды пѣсенъ объ Ильѣ Муромцѣ, мы не видимъ, почему онъ въ самомъ корнѣ созданія самый что ни есть *истинно-русскій* богатырь (какъ насъ до сихъ поръ увѣряли), и почему именно онъ болѣе національное воплощеніе русскаго народа, чѣмъ всѣ остальные наши богатыри. Крестьянское происхожденіе его, дѣтство, отрочество, зрѣлые годы и смерть — рассказы обо всемъ этомъ созданы первоначально не у насъ, не въ нашемъ отечествѣ, и никоимъ образомъ не вышли изъ исключительныхъ особенностей русскаго народнаго духа.

IX.

Д У Н А Й.

Про Дуная у насъ существуетъ слѣдующая пѣсня. — Много лѣтъ служилъ богатырь Дунай Ивановичъ у разныхъ царей и королей, въ разныхъ царствахъ и королевствахъ. Однажды онъ, на пиру у короля литовскаго, расхвастался, что королиха его любить и жалуетъ, а королевшина Настасья у души его держитъ. Разгнѣвался король и велѣлъ его казнить, но Настасья услышала его голосъ, когда его вели мимо ея палаты, и спасла его. Потомъ онъ поѣхалъ въ Кіевъ, и поступилъ на службу къ князю Владиміру. Задумалъ однажды князь Владиміръ жениться. Вотъ онъ и посылаетъ Дуная сватомъ въ землю литовскую, гдѣ у короля есть двѣ дочери красавицы. Дунай ѣдетъ, но король литовскій не хочетъ отдавать своей дочери Владиміру. Потомъ, когда Дунай побилъ чуть не всю его рать, онъ даетъ свое согласіе. Дунай идетъ въ теремъ къ королевшинѣ и, найдя двери запертыми, ударомъ ноги выламываетъ ихъ, такъ что разлетѣлись

мурзаеція, сабли вострыя.» Но Илья не слушается коня, бьетъ его плетью, и попадаетъ въ ровъ съ натыканнымъ туда оружіемъ. Такъ точно въ Шахъ-Намэ конь, подѣхавъ съ Рустемомъ къ закрытой ямѣ, гдѣ у кабульцевъ натыканы копыя, мечи и рогатины, не хочетъ ѣхать далѣе. Рустемъ бьетъ копя плетью. Тотъ поневолѣ прыгаетъ и оба попадаютъ въ яму. — Здѣсь, въ русскомъ разсказѣ (*Кир. IV, 45*), Илья все-таки остается цѣлъ и здоровъ.

¹⁾ Spiegel, Avesta. Leipzig, 1852. I. Einleitung, 43—44.

крюки и пробы дверные. Королевишна выскакиваетъ оттуда какъ угорѣлая отъ испуга, и хочетъ цаловать Дуная; но онъ отказывается отъ этого, и везетъ ее въ Кіевъ къ князю Владиміру. Бдучи съ нею домой, наѣзжаетъ Дунай въ поляхъ на бѣлый шатерь: въ томъ шатру почиваетъ красная дѣвица. Дунай стрѣляетъ въ сырой дубъ, и стрѣла его богатырская ломаетъ тотъ дубъ въ черепья ножевые. Словно угорѣлая выдается тутъ на Дуная, изъ шатра, красная дѣвица, но онъ могучею рукой бросаетъ ее на землю, хочетъ уже заколотъ ее, но она проситъ себѣ пощады, и предлагаетъ себя въ жены Дунаю. (По другимъ редакціямъ, Дунай бьется въ полѣ съ татаринѣмъ или богатыремъ-великанѣмъ, и, только побѣдивъ его, узнаетъ, что это женщина, королевишна, и она предлагаетъ себя ему въ жены.) Тутъ обрадованный Дунай везетъ ее съ собою въ Кіевъ и женится на ней, а князь Владиміръ — на ея сестрѣ. Впослѣдствіи, однажды на пиру, Дунай, пьяный, затѣваетъ споръ съ женой своей Настасей или Днѣпрѣй: кто лучше стрѣляетъ изъ лука, онъ или она? Первая стала стрѣлять она, и прострѣлила стрѣлой золотое кольцо, которое Дунай держитъ надъ головой своей. Потомъ пришла очередь стрѣлять и ему, а ей держать кольцо надъ головой: тутъ она начинаетъ просить, чтобъ онъ не стрѣлялъ, потому что, пожалуй, попадетъ въ нее, вмѣсто кольца, а у ней въ утробѣ есть дитя, будущій богатырь, которому не будетъ сопровитника. Но Дунай не слушаетъ ея просьбъ, стрѣляетъ, и когда она упала, пораженная его стрѣлой прямо въ сердце, онъ выхватываетъ свой кинжалъ и разрѣзываетъ ей животъ: тамъ онъ находитъ чудеснаго младенца, ноги по колѣна серебрянныя, руки по локоть золотыя, въ косицахъ частыя звѣзды, во лбу солнце, въ затылкѣ мѣсяцъ. Увидавъ его, Дунай бросается на мечъ свой, оставивъ его рукоятку въ землю. И гдѣ кончилась Дунаева жизнь, тамъ изъ горячей его крови протекла быстрая Дунай-рѣка, а гдѣ пала Дунаева жена, тамъ протекла Настасья или Днѣпра-рѣка. Глубиною рѣка 20 сажень, а шириною рѣка — 40 сажень ¹⁾).

Наши изслѣдователи говорятъ про эту былинку много различнаго. Одни изъ нихъ объясняютъ: «Дунай Ивановичъ, прозвищемъ «Тихій», собственнымъ своимъ именемъ напоминаетъ ту древнѣйшую пору, когда русскіе славяне, за одно съ прочими своими братьями, жили еще при Дунаѣ; сказаніе о смерти его, давшей имя рѣкѣ, роднитъ его съ богатырями стар-

¹⁾ Древн. рос. стихотв., 85—101.— *Киртесскій*, III, 52—69.— *Рыбниковъ*, I, 182—197; II, 44—51; III, 96—108.

шими, но творчество совершенно почти забыло его древность и приурочило ко временам Владимірова времени. Только лишь порою оно даёт замѣтить, что онъ не исконный житель земли кievской, что онъ явился со стороны, что онъ принадлежалъ, до появленія на Руси, и другимъ племенамъ славянскимъ¹⁾. Другіе наши изслѣдователи говорятъ: «Народный нашъ эпосъ воспѣваетъ мифическія и героическія личности Дуная, Днѣпра и проч. не потому только, что въ эпоху образованія поэтическихъ мифовъ у славянъ господствовалъ культъ стихійныхъ божествъ вообще, но и въ частности потому, что рѣки давали особенное направленіе и характеръ древнѣйшему быту славянъ. Въ раннюю эпоху своего мифологическаго броженія, славянскія племена, разнося съ собою общія начала индо-европейской мифологии, разсѣялись по рѣкамъ.... Согласно древнѣйшему быту славянскихъ племенъ, русскій эпосъ воспѣваетъ знаменитыя рѣки, олицетворяя ихъ въ видѣ богатырей старшей эпохи²⁾. Наконецъ, третьи изслѣдователи говорятъ: «Дунай не похожъ на другихъ богатырей: очевидно пришлецъ изъ другихъ странъ, буйный духомъ, онъ отличается какою-то горделивой осанкой.... Удалой дружинникъ Дунай, прежде служившій разнымъ королямъ, остался наконецъ на службѣ у православнаго князя Владиміра, и самъ уже является православнымъ витяземъ³⁾».

Посмотримъ, насколько все это справедливо: насколько тутъ есть «обще-славянскаго», иноземнаго, превращающагося въ «православное», и насколько въ этой былинѣ слѣдуетъ видѣть творчество славянскихъ племенъ въ созданіи богатырскихъ личностей изъ сказаній о славянской рѣкѣ.

Наша былина представляетъ рѣшительно ничѣмъ необъяснимую смѣсь грубости, нелѣпости и чудовищности. Какое значеніе имѣетъ эта стрѣльба въ цѣль, гдѣ спорять о своемъ искусствѣ мужъ и жена? Какой смыслъ можетъ имѣть это убійство жены мужемъ только за то, что она хвасталась? Что такое означаетъ это вырѣзываніе младенца изъ утробы убитой матери? По какой причинѣ и для какой цѣли совершается это непостижимое варварство? Далѣе, когда въ матерней утробѣ найденъ младенецъ, то почему герой, вмѣсто того, чтобъ радоваться, что если уже убита мать, то по крайней мѣрѣ вышелъ на свѣтъ такой волшебный ребенокъ, — вмѣсто этого онъ вдругъ лишаетъ себя жизни? И наконецъ, почему ко всѣмъ этимъ чудовищнымъ дѣламъ при-

¹⁾ Замѣтка г. Безсонова къ III вып. Кирѣвскаго, стр. VI.

²⁾ Буслаевъ, «Русскій богат. эпосъ»: Русск. Вѣст. 1862, II, 31 — 33.

³⁾ Сочиненія К. Аксакова, I, 357.

цѣлено ни съ того ни съ сего сватовство князя Владимира, которымъ начинается былина, и которое, однако же, не имѣетъ далѣе никакихъ послѣдствій? Все это необъяснимо въ нашей былинѣ, а между тѣмъ объясненіе, и очень удовлетворительное — есть.

Между созданіями восточной поэзіи есть нѣсколько такихъ, и притомъ очень древнихъ, гдѣ встрѣчаются рассказы, имѣющіе очень много сходства съ рассказомъ нашихъ пѣсень.

Гариванза рассказываетъ вотъ что:— «Брахма, въ своей высшей мудрости, сдѣлалъ царемъ надъ сѣменами и растеніями, брахманами и водами — Сому (бога луны). Сому торжественно посвятили въ цари этого могущественнаго владѣнія, и всѣ три міра наполнились его несравненнымъ свѣтомъ. Давша, царь патріарховъ, отдалъ ему въ жены 27 своихъ дочерей. Окончивъ требуемое закономъ, послѣ восшествія на престолъ, жертвоприношеніе, Сома заблистала между царями, простирая свѣтъ свой на всѣ 10 странъ свѣта. Но едва онъ получилъ это трудное владычество, какъ его разсудокъ помрачился, пораженный гордостью. Онъ похитилъ преславную жену наставника боговъ, Вригаспати, именемъ Тару: напрасно боги и раджарши ¹⁾ приходили упрашивать его, чтобъ онъ загладилъ это оскорбленіе — онъ на отрѣзъ отказался выдать назадъ Тару. Вригаспати пришелъ въ негодованіе отъ этого поступка и объявилъ ему войну. Узанасъ (правитель планеты «Венера») сталъ въ заднее войско Вригаспати: онъ былъ прежде его ученикомъ. Самъ богъ Рудра (Сива), изъ дружбы къ своему оскорбленному учителю, принялъ начальство надъ этимъ заднимъ войскомъ, и вооружился лукомъ своимъ, называемымъ «Аджагава». Онъ метнулъ противъ боговъ, сторонниковъ Сомы, страшную стрѣлу, называемую «Брахмасирасъ», которая низвергла всю ихъ гордость. Тогда произошелъ страшный бой изъ-за Тары, кровавый бой, одинаково гибельный и Дивамъ (свѣтлымъ богамъ) и Детіямъ (Асурамъ, темнымъ богамъ), и мірамъ. Уцѣлѣвшіе боги явились къ Брахмѣ, своему покровителю, верховному и вѣчному владыкѣ. Онъ остановилъ Узану и Рудру, и самъ отдалъ Тару ея мужу Вригаспати. Но Вригаспати замѣтилъ, что она беременна, и сказала ей:— «Чрево моей жены не должно носить въ себѣ этого плода!» Тогда онъ силою вырвалъ оттуда младенца, который долженъ былъ однажды быть грозенъ своимъ врагамъ: онъ блеснулъ тутъ подобно огню, павшему на пучки камыша. Едва только рожденный, онъ уже обладалъ всею красотой боговъ. Въ эту

¹⁾ Раджарши — мудрые цари, цари-ученые.

минуту Дивы (свѣтлые боги). спросили въ нерѣшимости Тару: — «Скажи правду, чей онъ сынъ, Сомы или Вригаспати?» На этотъ вопросъ боговъ, она не отвѣтила ничего удовлетворительнаго: самъ сынъ хотѣлъ наказать ее проклятіемъ, но Брахма остано-вилъ его, и спросилъ затрудненную жену: — «Тара, скажи правду: чей это сынъ?» — Почтительно поклонившись Брахмѣ, она отвѣчала богу, сыплющему на землю свои дары: «Онъ сынъ Сомы!» Тогда Сома, отецъ и покровитель созданий, обнявъ этого благо-роднаго сына, столь великаго и грознаго: «Вотъ Будда» (мудрецъ)! вскричалъ онъ, и этимъ именемъ сталъ зваться богъ, который долженъ былъ въ послѣдствіи отличатся мудростью. Сома, пора-женный пагубнымъ истощеніемъ, почувствовалъ убыль своихъ силъ, и его дискъ (мѣсяцъ) уменьшился. Онъ пошелъ къ Атри, своему отцу, просить его помощи и защиты. Атри, славный сво-имъ подвижничествомъ, избавилъ своего сына отъ наказанія за-прегрѣшеніе, и Сома, воспріявъ снова силы, заблесталъ по прежнему во всемъ блескѣ своего величія» ¹⁾).

Безъ сомнѣнія, въ промежуткѣ между этимъ астрономиче-скимъ мѣомъ древней Индіи, содержащимъ исторію мѣсяца, — и нашимъ пересказомъ о Дунаѣ, улеглось, въ теченіе долгихъ столѣтій, много разныхъ другихъ пересказовъ, служившихъ пере-ходными ступенями. Ихъ мы теперь, покуда, не знаемъ, и это большая потеря; но все-таки и извѣстный намъ нынѣ рассказъ «Гариванзы» явно былъ однимъ изъ прапредковъ нашей бы-лины о Дунаѣ, и служить объясненіемъ многоаго, что у насъ искажено и потому темно.

Двѣ наши королевисны, изъ которыхъ одна выходитъ за князя Владиміра, а другая за Дуная, это, въ первоначальномъ рассказѣ, жены одного и того же лица: первая 27 женъ Сомы, уступленная добровольно, это первая наша королевисна, уступ-ленная добровольно; вторая его жена, Тара, взятая силой — это вторая наша королевисна, взятая силой. Но такъ какъ въ русской былинѣ, время христіанскихъ, не могло уже быть рѣчи о мно-гоженствѣ, то у насъ первую королевисну отдали въ жены осо-бому лицу, князю Владиміру, и изъ этого произошелъ, безъ сом-нѣнія, весь эпизодъ о сватовствѣ этого князя. Ничего незначи-щая стрѣла, которую у насъ мечутъ Дунай и его жена, и ко-торую, наконецъ, первый убиваетъ послѣднюю, — это божествен-ная стрѣла, которую мечетъ богъ Рудра, защитникъ похищенной жены, Тары, въ мужа-похитителя, Сому. Выниманіе младенца изъ чрева матери не безцѣльно и не безпричинно: это возмути-

¹⁾ Harivansa, I, 113 — 115.

тельной варварство совершается, въ Гариванзѣ, мужемъ похищенной женщины — изъ ревности, потому что онъ предполагаетъ, что этотъ ребенокъ происходитъ не отъ него, а отъ похитителя. Наша пѣсня говоритъ только про то, чѣмъ *могъ бы быть* чудный новорожденный ребенокъ («богатырь, которому не будетъ сопротивника»), чего, однако же, потомъ вовсе не случилось; но рассказъ Гариванзы гораздо логичнѣе и послѣдовательнѣе: тутъ, въ этомъ чудномъ рожденіи, только начало дальнѣйшихъ подвиговъ и жизни героя, о которомъ рассказывается далѣе въ Гариванзѣ, и потому-то въ индѣйской поэмѣ тутъ и сказано, какъ и въ нашей пѣсни, но только съ резономъ: «Этотъ младенецъ долженъ былъ однажды быть грозенъ своимъ врагамъ». Въ нашей пѣсни говорится, что вынутый изъ матерней утробы младенецъ былъ «по колѣни ноженьки въ серебрѣ, по локоть рученьки въ золотѣ, по косицамъ звѣздущи, позади будто свѣтеть мѣсяць, а спереди будто солнышко». Это не что иное, какъ только распространенное описаніе того же самаго, что выражено словами Гариванзы: «Онъ блеснулъ тутъ подобно огню, павшему на пучки камыша». Наконецъ, самоубійству Дуная и потомъ появленію его — какъ-бы возрожденію — въ видѣ быстрой, широкой и глубокой рѣки, этому всему вполне соответствуетъ, въ Гариванзѣ, рассказъ о томъ, что богъ Сома, въ сознаниі своего грѣха, потерпѣлъ великое изнуреніе, потерю силъ, такъ что дискъ его умалился, но потомъ онъ снова получилъ всю свою силу и заблесталъ въ прежнемъ блескѣ и величіи. Замѣтимъ еще, что въ рассказѣ Гариванзы о Сомѣ есть также и повѣствованіе о томъ, что герой рассказа изливается, какъ нашъ Дунай, въ видѣ потока воды; но только это изложено не въ концѣ, а въ началѣ эпизода и не по случаю *смерти*, а по случаю *рожденія* героя. «Добродѣтельный Атри (отецъ Сомы), въ теченіе 3000 лѣтъ предаваясь всѣмъ истязаніямъ подвижничества, стоялъ съ неподвижно устремленными глазами, тутъ однажды тѣло его произвело вещество Сомы: это вещество поднялось до его головы, и подъ видомъ воднаго потока потекло изъ его глазъ»¹⁾. Это объясняетъ очень удовлетворительно причину обращенія нашего героя въ воду: чѣмъ онъ первоначально родился, въ то воплощеніи и обратился.

Мы сравнили здѣсь русскій рассказъ о рѣкѣ съ индѣйскимъ рассказомъ о Мѣсяцѣ. Но у насъ есть подъ руками еще другой рассказъ — легенда объ Огнѣ — который еще древнѣе сказа Гариванзы, и, во многихъ отношеніяхъ, имѣетъ еще бо-

¹⁾ Harivansa, I, 112.

дѣе точекъ сопривосновенія съ нашей былинной. Въ Магабгаратѣ рассказывается слѣдующее. — У мудреца-отшельника Бхригу была возлюбленная супруга Пулома. Она однажды забеременила. Вотъ разъ, когда мужъ ея вышелъ изъ дому для священныхъ омовеній — Ракшазъ (демонъ) Пуломанъ явился у дверей ихъ скита, и, увидавъ Пулomu, влюбился въ нее до безумія. «Она принадлежитъ мнѣ!» сказалъ онъ, полный желанія похитить ее, и тутъ вдругъ вспомнилъ, что онъ сватался за нее раньше Бхригу, но отецъ ея выдалъ ее за Бхригу. Это оскорбленіе навѣкъ осталось въ его сердцѣ. Онъ спросилъ у Агни (бога Огня): точно ли это прежняя его невѣста; тотъ отвѣчалъ, что да. — Тогда Пуломанъ превратился въ кабана, и съ быстротою вѣтра унесъ Пулomu. Беременная мать пришла отъ этого въ такое негодование, что зародышъ выпалъ у нея изъ чрева, и ему дали поэтому имя: *Чавана*, т. е. «выпавшій». Увидавъ это, демонъ бросилъ свою добычу, и самъ палъ, превращенный въ пепель. Между тѣмъ красавица Пулома подняла свой зародышъ и, въ отчаяннн и вся въ слезахъ, пошла домой. Гдѣ она прошла, тамъ капли ея слезъ превратились въ рѣку, которая протекла отъ того мѣста къ скиту ея мужа. Увидавъ эту рѣку, Брахма назвалъ ее «*рпкою жены*». Узнавъ все дѣло, Бхригу провѣлялъ Агни, и огонь исчезъ изъ міра. Но такъ какъ отъ этого происходилъ неимовѣрный вредъ всѣмъ существамъ, то Брахма, по ихъ просьбѣ, велѣлъ Агни снова воротиться къ его дѣятельности ¹⁾.

Въ другомъ мѣстѣ Магабгараты есть еще рассказъ о томъ же, въ очень сокращенномъ видѣ, но съ прибавленіемъ одной новой, очень важной, подробности, которой не было въ предыдущемъ рассказѣ. У знаменитаго въ индѣйскихъ поэмахъ богатыря Арджуны былъ сынъ Абхиманіу; онъ женился на Уттарѣ. Она сдѣлалась матерью зародыша, умершаго до рожденья. Кунти (мать Арджуны, т. е. прабабка этого младенца-эмбриона), приняла этого младенца, по приказанію мудреца Васудевы, который сказалъ: «Я возвращу жизнь этому шестимѣсячному зародышу!» Этотъ младенецъ, рожденный раньше срока, и сожженный огненною стрѣлою еще въ утробѣ матери, сталъ теперь жить собственною жизнью, благодаря обожаемому Васудевѣ, который при этомъ сказалъ: «Онъ родился послѣ гибели своего семейства — *Парикшимай Кулай*—то пусть ему имя будетъ: *Парикшитъ*» ²⁾.

¹⁾ Fauche, Le Mahabharata, I, 94 — 101.

²⁾ Fauche, Le Mahabharata, I, 410.

Эти два разсказа Магабгараты хотя и относятся, повидимому, къ совершенно разнымъ личностямъ, но излагаютъ въ сущности одну и ту же легенду, пополняютъ одинъ другой (какъ это часто мы находимъ въ Магабгаратѣ, Рамаянѣ и другихъ восточныхъ поэмахъ). Центральный пунктъ каждой изъ нихъ, а вмѣстѣ и пунктъ ихъ обоюднаго соприкосновенія — это разсказъ объ эмбрионѣ, недоношенномъ матерью. Частныя подробности при этомъ разныя, но сущность одна и таже. Въ первомъ разсказѣ, эмбрионъ вышелъ изъ чрева матери, потому что мать приведена была въ сильное негодованіе любострастнымъ преслѣдованіемъ; во второмъ, эмбрионъ вышелъ изъ матери, потому что его поразила (по невысказанной тутъ причинѣ) огненная стрѣла. Но ясно, что стихія Огня въ обоихъ разсказахъ является коренною причиною гибели: въ первомъ, «богъ Агни» помогаетъ тутъ Пуломану, и въ такой сильной мѣрѣ, что потомъ подвергается проклятію, но самъ Пуломанъ падаетъ «испеленный»; во второмъ, уже прямо говорится объ «огненной стрѣлѣ».

Теперь, если мы возьмемъ эти совокупленные и пополняющіе одинъ другого, разсказы Магабгараты, то безъ труда увидимъ, что ихъ содержаніе тоже самое, что въ легендѣ Гариванзы и въ русской былинѣ. Миѳическій стихійный герой (Пуломанъ, Сома, Дунай) силою похищаетъ себѣ жену (Пулому, Тару, Настасью или Днѣпру-королевишну); «огненная стрѣла» поражаетъ одного изъ родителей (въ Магабгаратѣ — мать, въ Гариванзѣ — отца, въ русской былинѣ — мать), и послѣ того младенецъ-эмбрионъ силою исторгается изъ чрева матери. Горестъ родителей дѣлается причиною происхожденія на свѣтъ рѣки (въ Магабгаратѣ — рѣка эта образуется изъ слезъ матери, въ Гариванзѣ — изъ слезъ отца, въ русской былинѣ — изъ крови отца и матери). Младенецъ этотъ также заключаетъ въ себѣ стихію огненную (въ Гариванзѣ онъ блеститъ и сіяетъ, въ нашей былинѣ — онъ золотой и серебрянный, и сіяетъ какъ соединенные вмѣстѣ солнце, луна и звѣзды). Похититель же (Пуломанъ и его соучастникъ Агни, Сома, Дунай) наказывается смертью.

Все вмѣстѣ — явно космическій, стихійный миѳъ древней Азіи. Сама Магабгарата называетъ его «древнею легендою» и говоритъ, что содержаніе ея: смерть Огня и рожденіе 6-мѣсячнаго эмбриона ¹⁾, т. е. разсказъ о помертвѣніи природы, вслѣд-

¹⁾ Въ индѣйской поэмі «Бхагавата-Пурана» разсказывается тоже самое, что во второмъ эпизодѣ Магабгараты, но «огненная стрѣла» здѣсь названа «Брахмасирасъ», т. е. это тоже самая стрѣла, о которой говорить Гариванза (Le Bhagavata Purana, trad. par E. Burnouf. Paris, 1840, I, 111).

ствие наступления Зимы, и потомъ воскресеніе ея, рожденія Солнца и Весны. Такимъ образомъ, вся чу- рь разсказа исчезаетъ, и остается содержаніе вполне естественное. На первый взглядъ кажется, будто въ произошли значительныя измѣненія, даже искаженія дѣйствующимъ лицомъ является не Огонь, а Мѣся результатъ разницы нѣтъ. Царство Мѣсяца продолж надъ всею природою, до тѣхъ поръ, пока нарожда царство — царство Солнца. — Въ нашей же былин: уже дѣйствительныя искаженія и смѣшенія: нѣтъ (отдѣльныхъ личностей, мужа похищаемой женщин Вригаспати) и похитителя ея (Пуломанъ, Сома). Ос лись, у насъ, въ лицѣ одного и того же Дуная, по, какъ такія слитія мы замѣчали во многихъ другихъ : линахъ, и это слитіе вмѣстѣ съ другими, искаженны робностями, придаетъ странный и чудовищный видъ в.

Въ разсказахъ Магабгараты и Гариванзы мы встрѣ нѣйшую, намъ доступную брахманскую форму наст: занія. Буддійскихъ формъ, составлявшихъ переходъ нашей былинѣ — я указать, пока, не могу. Но, за н ихъ я приведу здѣсь еще одинъ разсказъ, который хот: лежитъ брахманскому періоду, но значительно уступае ности пересказамъ обѣихъ индѣйскихъ поэмъ. Это — (изъ сборника Сомадевы, гдѣ первоначальная основа множествомъ новыхъ вставокъ и подробностей, а все-та таже; сверхъ того, иное уже нѣсколько болѣе сближа шимъ русскимъ пересказомъ.

Брахманъ Савтидева попадаетъ на островъ, ко: дыба — царь рыболововъ. Его тамъ хватаютъ, сажаютъ хотятъ казнить, но въ него влюбилась царская доч Виндумати: она идетъ и спасаетъ его, а онъ, по ея женится на ней. Впослѣдствіи, преслѣдуя однажды к: канскаго роста, наносящаго великій вредъ ихъ зем дева ранить его стрѣлой, и тотъ скрывается въ пе тидева бросается за нимъ туда-же, и вдругъ видитъ ную рощу, съ дворцомъ по срединѣ. Тутъ къ нему ви лица чудесной красоты: она, вся оторопѣлая, быстро п Онъ спросилъ ее: — Дѣвица-красавица, кто ты такая, испугалась? — Она отвѣчала: — Царь Чандавикрама — в. южными странами, и я его дочь; зовутъ меня: Ви: счастливо жила дѣвушкой въ отцовскомъ домѣ, вдруг: зрѣнный демонъ съ огненными глазами похитилъ м и принесть сюда. Чтобы достать себѣ мяса на ѣду,

то сильный богатырь ранилъ его. Только что его ударила стрѣла, онъ воротился сюда и вотъ только что испустилъ духъ. Тогда я выбѣжала изъ дворца, чтобъ спастись бѣгствомъ, такъ какъ онъ еще не лишилъ меня невинности. — Сактидева отвѣчала: — Чего-же ты боишься? Вѣдь я убилъ кабана, царевна. — Она продолжала спрашивать: — Но скажи мнѣ, кто ты таковъ? — Я брахманъ, а зовутъ меня Сактидева, отвѣчалъ богатырь. — Тогда дѣвушка воскликнула: — Будь-же ты моимъ покровителемъ и мужемъ. — Сактидева согласился, вывелъ дѣвицу изъ пещеры, повезъ ее въ свое жилище, и тамъ все рассказалъ первой своей женѣ Виндумати. Эта согласилась на предложеніе дѣвицы, и Сактидева женился на красавицѣ Виндурекхѣ. Теперь у Сактидевы было двѣ жены, но только одна изъ нихъ забеременела, Виндурекха. Когда пришелъ восьмой мѣсяцъ ея беременности, первая жена Сактидевы, Виндумати, пришла къ нему и сказала: — А помнишь, богатырь, что ты мнѣ прежде обѣщалъ? Вотъ пришелъ восьмой мѣсяцъ беременности твоей второй жены: такъ поди же, разрѣжь ей животъ и вырви оттуда ребенка, потому что надо исполнять данное слово. Сактидева, полный любви и состраданія, а вмѣстѣ съ тѣмъ связанный клятвой, ничего не былъ въ состояніи ей отвѣтить; глубоко огорченный, онъ вышелъ изъ комнаты, и пошелъ къ Виндурекхѣ. Эта, увидавъ, что онъ идетъ къ ней въ болѣзненномъ волненіи, сказала ему: — Что ты это такой печальный нынче, муженекъ? Впрочемъ, я знаю: Виндумати велѣла тебѣ умертвить моего ребенка. Ты непременно долженъ это исполнить, потому что на то есть тайная причина; ты ни минуты не долженъ задумываться, не давай себѣ сожалѣть. — Не смотря на эти слова, Сактидева все-таки боялся согрѣшить, вдругъ раздался съ неба голосъ: — О Сактидева, безъ всякаго состраданія вырывай младенца изъ ея чрева; въ то мгновеніе, когда ты его возьмешь за шею, онъ превратится въ мечъ. — Услыхавъ этотъ небесный голосъ, Сактидева разрѣзалъ Виндурекхѣ животъ, быстро вырвалъ оттуда младенца и взялъ его за шею. Но едва онъ его тронулъ, младенецъ превратился въ мечъ. Въ то же мгновеніе брахманъ Сактидева превратился въ Видіадхара (духа), а Виндурекха исчезла. «Скоро потомъ Сактидева узнаеть, что совершенное имъ дѣйствіе сняло проклятіе съ двухъ женъ его, рожденныхъ дочерьми царя Видіадхаровъ, и рассказъ кончается тѣмъ, что Сактидева получаетъ отъ этого царя санъ царя Видіадхаровъ и поселяется съ женами въ Золотомъ городѣ¹⁾).

¹⁾ Brockhaus, Katha-Sarit-Sagara, 153—157.

щихъ подробностяхъ. Оба женскія дѣйствующія лица — мужнія женщины, а дѣвицы, сестры и притомъ царевны какъ мужъ ихъ — простой богатырь (выше было уже сказано что не объ онѣ выходятъ за-мужъ за Дуная по невозможности *многоженства* въ христіанскую эпоху, такъ что, въ мѣстѣ сдѣлалось необходимо подставное лицо, какъ особы для одной изъ царевенъ). Наша Настасья королевишна, момъ началъ разсказа, спасаетъ Дуная отъ казни, когда онъ находился во владѣніяхъ у ея отца: такъ точно, въ самомъ началѣ разсказа Сомадевы, царевна Виндумати спасаетъ деву отъ казни, когда онъ находился во владѣніяхъ у царя рыболововъ. Въ нашей былинѣ, первая королевишна бросается въ Дунай «хочетъ Дуная въ уста цѣловать», отказывается и отдаетъ ее князю Владимиру: это вполнѣ вѣтствуетъ тому, что Виндумати сама предложила себя въ Сактидеви. Вторая королевишна также сама идетъ въ женоу послѣ того, какъ онъ ее побѣдилъ: это, какъ и всѣ женное до сихъ поръ, вполнѣ соотвѣтствуетъ разсказу деви, гдѣ Виндурекха идетъ за-мужъ за Сактидеву, послѣ какъ онъ побѣдилъ демона. Здѣсь надо замѣтить, что въ этой самой второй королевишнѣ у насъ соединяются: оборотившійся великанскимъ кабаномъ и царевна Виндумати. По этой-то причинѣ мы и находимъ, что въ нашей былинѣ повстрѣчался въ полѣ съ великаномъ - богатыремъ тырь, какъ сѣнна вуча», «татаринъ»), и этотъ великан тырь оказывается потомъ женщиной. — Въ Гариванзѣ упоминается про первыхъ 27 женъ похитителя, и потомъ о нихъ больше нѣтъ рѣчи. Въ Магабгаратѣ нѣтъ ничего имъ соответствующаго. Въ сказкѣ же Сомадевы этимъ 27-ми первымъ соотвѣтствуетъ первая жена Сактидевы, Виндумати, родная вторая жены, и она является тутъ для очень существеннаго она именно и есть причина послѣдующихъ событій — рванія живота второй сестрѣ, Виндурекхѣ. Въ нашей первой женоу героя также приходится сестрой — второй ея и очень можетъ быть, что зависимость главнаго событія первой жены, — подробность до сихъ поръ намъ не вѣдана въ русскихъ былинахъ, еще когда-нибудь въ нихъ можетъ быть. Послѣ вынутія ребенка изъ чрева матери, и въ Сомадевы и въ нашей былинѣ, отецъ — герой разсказа, же перестаетъ быть *человѣкомъ*: у Сомадевы онъ превращается въ духа, у насъ — въ рѣку. Мать же, въ сказкѣ Сомадевы, исчезаетъ, а у насъ умираетъ.

Итакъ, при всемъ недостаткѣ буддійскихъ и вообще позднѣйшихъ редакцій, мы все-таки видимъ, какъ легенда, первоначально космическая и стихійная, стала превращаться въ легенду богатырскую, и какъ изъ нея мало по малу началъ исчезать ея первоначальный смыслъ и содержаніе, такъ что, дойдя до насъ черезъ длинную цѣпь вѣговъ, эта легенда, первоначально простая и многозначительная, превратилась во что-то совершенно бессмысленное и чудовищное.

Общеславянскаго и русскаго тутъ, кажется, только и есть, что собственные имена: ни славянскія, ни русскія рѣки не играютъ здѣсь ровно никакой роли.

Кстати будетъ замѣтить здѣсь, кончая разборъ былинны, что выниманіе ребенка изъ утробы матери было въ поэзіи древней Азіи вообще мотивомъ довольно обыкновеннымъ. Мы его иногда встрѣчаемъ и въ литературныхъ произведеніяхъ буддійской эпохи. Такъ, напримѣръ, въ монгольской поэмѣ, носящей названіе «*Малый Гессеръ-Ханъ*» и существующей у калмыковъ, рассказывается, что, послѣ побѣды надъ 15-ти головымъ Мангушемъ (злымъ духомъ), богатыри Сесе-Шикеръ и Нансонгъ заспорили, кому должна принадлежать его жена, и Гессеръ-Ханъ кончилъ разомъ ихъ споръ, отрубивъ этой женщинѣ голову; потомъ Сесе-Шикеръ разрѣзалъ ей мечомъ животъ, и они всѣ тамъ увидали 9-тимѣсячнаго мальчика Шумну (злого духа). Тогда Сесе сказалъ: «Вотъ сколько бѣдъ надѣлалъ бы этотъ!» И они взяли и сожгли его, а съ нимъ и весь ихъ городъ, а народъ увели въ плѣнъ ¹⁾.

Но часто можно видѣть въ этомъ самомъ мотивѣ не что иное, какъ операцію при трудныхъ родахъ. Такъ, наприм., царица Адрисианти, долго не будучи въ состояніи разрѣшиться отъ бремени, «велѣла разрѣзать себѣ животъ камнемъ»; и тогда родила царя Асмаку ²⁾. Но самый значительный и подробный тому примѣръ мы находимъ въ Шахъ-Намѣ. Царица Рудабѣ, мать Рустема, долго не могла разрѣшиться отъ бремени и сильно мучилась. Тогда отцу Рустемову, Залу, явилась волшебная птица Симургъ, всегда покровительствовавшая ему, и сказала:—«Принеси блестящій кинжалъ и приведи мудреца, искуснаго въ чародѣйствахъ. Ты сначала напои виномъ Рудабѣ, чтобъ избавить ея душу отъ страха и сознанія; потомъ, пускай мудрецъ производитъ свое чародѣйство, чтобъ высвободить львенка изъ темницы. Онъ пронзитъ тѣло кипариса (Рудабѣ) подъ ребрами, безъ всякой боли для нея; онъ вынетъ львенка и обольетъ кровью

¹⁾ *Bergmann*, *Nomadische Streifereien*. Riga, 1804, III, 277-279.

²⁾ *Fauche*, *Mahabharata*, II, 124.

весь бо въ матери, потомъ ты долженъ зашить прорѣзанное мѣсто, и тогда тебѣ нечего больше бояться и безпокоиться. Натри потомъ травы, которую я тебѣ укажу, съ молокомъ и мускусомъ, высуши все это въ тѣни, и помажь рану — больная тотчасъ выздоровѣтъ». Такъ родился Рустемъ ¹⁾).

Наконецъ, что касается до младенцевъ, на половину золотыхъ, на половину серебрянныхъ, то мы очень часто встрѣчаемъ ихъ въ буддійскихъ поэмахъ и пѣсняхъ ²⁾).

Х.

ВАНЬКА ВДОВКИНЪ-СЫНЪ.

Содержаніе единственной, до сихъ поръ извѣстной, былинны о Ванькѣ, слѣдующее. — Приходитъ Ванька Вдовкинъ-сынъ въ царю Волшану Волшанскому свататься за его дочь, Марью Волшановну, и предлагаетъ ему биться объ закладъ вотъ какимъ образомъ: «Стану я, говоритъ онъ, обряжаться (прятаться) — не обряжусь я, сѣки мою буйную головушку, а обряжусь — отдавай за меня свою дочь за-мужъ». Они ударились объ закладъ. Всталъ утромъ рано Ванька, умылся, помолился Николѣ Можайскому, пресвятой Богородицѣ и самому Христу царю небесному: «Вы храните меня, милуйте», — потомъ обрядился горностаемъ, махнулъ въ подворотенку, пришелъ въ палату царскую, къ Марьѣ Волшановнѣ, обернулся тамъ добрымъ молодцомъ, цѣлуетъ ее, съ нею прощается: «Прощай, свѣтъ, моя любезная, смогу-ли я обрядиться!» — потомъ опять обернулся горностаемъ, махнулъ въ подворотенку, пошелъ-поскакалъ по чисту полю, проскакалъ тридевять вязовъ, тридевять цвѣтовъ, зашелъ за единый вязъ, и сидитъ тамъ. Встаетъ утромъ ранешенько царь Волшанъ Волшановичъ, беретъ въ руки книгу волшанскую, и та ему вохвуетъ и рассказываетъ все, что едѣлалъ Ванька Вдовкинъ-сынъ. Тогда проговорилъ царь Волшанъ: «Подите, слуги, и возьмите его!» Тѣ идутъ и приводятъ Ваньку къ царю. Ванька проситъ его смиловаться, и предлагаетъ ему снова биться объ закладъ. Они бьются во второй разъ объ закладъ, происходитъ повтореніе всего предъидущаго, наконецъ, они бьются объ закладъ и въ третій разъ. Ванька, снова помолвившись Николѣ Можайскому, пресвятой Богородицѣ и самому Христу царю не-

¹⁾ Mohl, I. 351.

²⁾ Наприм. Radloff, Proben, I, 62.—Schiefner, Heldensagen, 106.

бесному, и снова обернувшись горностаемъ, опять проскакалъ по-полю тридевятъ вязовъ, тридевятъ цвѣтовъ, выскочилъ у синя моря на крутой бережокъ и прискакалъ къ сырому дубу. Сидятъ тутъ на дубу дѣти Могуль-птицы, всѣ они перезабли, перемокли, переохлоднули. Ванька сьидаетъ съ себя цвѣтной кафтанъ и покрываетъ ихъ. Налетѣла тутъ Могуль-птица, разинула ротину и хочетъ проглотить Ваньку, но дѣтеныши рассказываютъ ей, какъ онъ ихъ прикрылъ отъ холода, не то-бы ихъ ни одного и въ живыхъ-то не было. Могуль-птица распрашиваетъ Ваньку, за чѣмъ онъ сюда зашелъ? Ванька рассказываетъ, и проситъ научить: какъ бы ему обрядиться отъ царя Волшана? И вырвала тутъ птица изъ праваго крыла своего три пера, беретъ огнивецъ и даетъ Ваньгѣ: «Поди ты, Ванька, говоритъ она, къ царю въ палату, и помажь моими перышками царя Волшана Волшановича, а самъ выговаривай: «Помазую я, заклинаю я всѣ твои книги волшанскія, и всѣ твои слова проклятыя». Еще сѣки ты огнивецъ птичье надъ верхомъ царя Волшана, а самъ выговаривай: «Засѣкаю я, заклинаю всѣ твои книги волшанскія, чтобъ та книга не волхвовала, не просказывала про меня, про добра молодца», и потомъ обрядись подъ кровать его, и тогда не найти ему тебя, добра молодца. — Побѣждалъ Ванька горностаемъ, и сдѣлалъ все, какъ велѣла Могуль-птица. Встаетъ утромъ царь Волшанъ, беретъ въ руки книгу волшанскую, и та ему и на этотъ разъ рассказываетъ все, что было съ Ванькой, и какъ онъ теперь вошелъ въ палату, только гдѣ онъ спрятался — того-то она и не знаетъ. Посылаетъ царь своихъ слугъ искать Ваньку: тѣ искали, искали, не могли найти. Разгорѣлось сердце царское: онъ взялъ книгу волшанскую и бросилъ ее въ растопленную печь. — «Ну, говоритъ онъ, обрядился ты отъ меня, Ванька Вдовкинъ-сынъ, выдаю за тебя любезную дочь». Тутъ выскочилъ изъ-подъ кровати царской Ванька, и царь выдалъ за него свою дочь. А какъ преставился потомъ Волшанъ Волшановичъ, посадили Ваньку на мѣсто царское, и началъ Ванька царствовать ¹⁾).

Наши изслѣдователи высказывались объ этой пѣсни такимъ образомъ, что она «становится въ рядъ древнѣйшихъ русскихъ преданій, на ступени еще обще-славянской и до-христіанской ²⁾». «Событія здѣсь взяты по ту сторону сложившагося міра-народа русскаго, не только въ язычествѣ, въ колебаніи стихійнаго вѣросознанія и кочевого быта, но даже при самомъ еще началѣ всего этого. Ванька Вдовкинъ-сынъ представитель Руси, еще

¹⁾ Рыбниковъ, I, 443 — 452.

²⁾ Запѣтка г. Безсонова, при I-й части Рыбникова, стр. V.

не обособившейся от славянскаго племени, и едва выдвигаясь от других племенъ, представляется сыномъ вдовой т. е. сиротой меньшимъ и слабѣйшимъ въ семьѣ раздѣляющей народы; онъ служитъ существу, въ которомъ видите древнѣйшаго, первобытнаго бога, — царю Волшану, котораго имя коренно и однозначуще съ «волхвомъ» и «волшебствомъ».

Съ своей стороны, постараемся и мы тоже вникнуть въ сущность и значеніе настоящей былины.

При первомъ взглядѣ, многія ея подробности кажутся вольно странными, необъяснимыми. Что такое значить, и каковъ основной мотивъ: прятаніе главнаго дѣйствующаго лица? Кому понятенъ тотъ мотивъ, нерѣдко встрѣчающійся въ пѣсняхъ и сказкахъ у очень многихъ народовъ, что дѣвицу выдаютъ замужъ за того, кто превзошелъ всѣхъ соперниковъ храбростью, ловкостью, мужествомъ, умѣньемъ, кто совершилъ самыя трудныя, и сверхъестественныя подвиги, наконецъ, кто отгадалъ трудныя загадки (это послѣднее условіе имѣетъ значеніе религиознаго: но нигдѣ не встрѣчали мы такого страннаго мотива, чтобы вѣнчаніе отдавали замужъ за того, кто умѣетъ хорошо и ловко прятать, и притомъ въ такія прятки, изъ-за которыхъ онъ можетъ лишиться жизни. Точно также, совершенно понятны нѣкоторыя подробности нашей былины: такъ, напримеръ, то, что Ванька поспѣвалъ черезъ тридевять вязовъ, чѣмъ тридевять *«цѣптовъ»*. Что это за цѣпты или цѣпты? Пѣсня не объясняетъ.

Но объясняютъ все это и вполне дѣлаютъ понятнымъ сточные источники. Сличая съ ними нашу былину, находимъ что она отъ нихъ происходитъ, и что многое въ ней явлено темнымъ и страннымъ только потому, что тѣ или другія первоначальныя оригиналовъ измѣнились, при переходѣ къ намъ, а другія выпущены или сокращены.

Наша былина о Ванькѣ Вдовкинѣ-сынѣ, заключаетъ въ себѣ сказъ о тѣхъ самыхъ событіяхъ, которыя образуютъ 4-ю восточно-азиатскую поэму «Гессеръ-Ханъ». Жену этого бога по имени Тюмень-Джиргалангъ, похитилъ и держитъ у себя въ пещерѣ 12-ти-головый великанъ-волшебникъ. Гессеръ-Ханъ хочетъ освободить ее. Прежде всего онъ поднимается на вершинѣ высокой горы, и тутъ обращается къ тремъ духамъ, родившимся отъ одной съ нимъ матери: «О вы, мои родные, скажите, по какому направленію мнѣ ѣхать? Къ вамъ обращаюсь я съ моею мольбой». Послѣ такого призыва, явились эти три духа Гессеръ-Хану въ

1) Замѣтка его же, при III-мъ вып. Кирѣвскаго, стр. XVI, XIX.

птицы кукушки, указали ему путь на востокъ, и предварили объ опасностяхъ, ожидающихъ его на пути. Тутъ начинаются похождения Гессеръ-Хана. Сначала ему встрѣчается колоссальный волъ, который правымъ рогомъ касается неба, а лѣвымъ земли: это одно изъ превращеній 12-ти-головаго волшебника-великана. Гессеръ-Ханъ не можетъ его догнать на своемъ конѣ, и понапрасну разстрѣливаетъ въ него всѣ свои 30 бѣлыхъ стрѣлъ съ бирюзой. Тогда, въ своемъ отчаяннѣ, онъ снова обращается къ тремъ духамъ-покровителямъ, они снова являются ему въ видѣ кукушки, вручаютъ 30 бѣлыхъ его стрѣлъ съ бирюзой, и велѣть ему ѣхать дальше. Но, во время сна Гессеръ-Ханова, подкрадывается колоссальный волъ и слизываетъ гриву и хвостъ у богатырскаго коня, и перья у богатырскихъ стрѣлъ. Гессеръ-Ханъ призываетъ трехъ духовъ, и они все исправляютъ ему по прежнему, и вслѣдъ за тѣмъ, Гессеръ-Ханъ убиваетъ вола стрѣлой. Потомъ онъ благополучно перебирается черезъ волшебную рѣку и разступившіяся скалы, гдѣ долженъ былъ погибнуть и, наконецъ, вступаетъ во владѣніе 12-ти-головаго великана. Тутъ живутъ на скалахъ народы разныхъ цвѣтовъ: сначала *бѣлый*, потомъ *пестрый*, потомъ *желтый*, потомъ *синій*, наконецъ, *черный*. Это все дѣти боговъ, силой захваченныя великаномъ. Гессеръ-Ханъ поочередно подѣзжаетъ къ скалѣ, принимаетъ цвѣтъ живущаго тутъ народа и общается божьимъ дѣтямъ освободить ихъ изъ неволи. Божьи дѣти каждой скалы съ радостью принимаютъ это извѣстіе, посылаютъ всякій разъ Гессеръ-Хана къ божьимъ дѣтямъ слѣдующей скалы, и предваряютъ о грозящихъ ему на пути опасностяхъ: одинъ изъ дѣтей даетъ ему кристаллъ со своей груди, свѣтящійся какъ огонь — онъ будетъ свѣтить богатырю въ дорогѣ. Гессеръ скачетъ далѣе, переѣзжаетъ три рѣки: *бѣлую*, *желтую* и *черную*, и, принявъ на себя видъ нищаго, на паршивой лошаденѣ приѣзжаетъ къ огромному дереву. Дерево это выпускаетъ изъ себя мечи и рубить ими всякаго, кто подступится: это дерево не что иное, какъ еще одно изъ превращеній великана. Гессеръ-Ханъ отпускаетъ своего коня въ небо, превращаетъ свой богатырскій мечъ въ клюку, свое вооруженіе въ нищенскую одежду, и въ такомъ видѣ садится подъ деревомъ, будто бы для того, чтобъ выкопать себѣ кореньевъ на ѣду; обманувъ такимъ образомъ волшебное дерево, онъ мало-по-малу подрѣзываетъ у него всѣ корни и оно падаетъ. Тогда онъ хватаетъ свой мечъ, рубитъ дерево на куски и сожигаетъ его. Такимъ образомъ разрушены два изъ числа главнѣйшихъ превращеній великана. У него отъ этого сильно заболѣваетъ голова. Чтобъ освѣжить себя, великанъ купается въ морѣ

и потомъ засыпаетъ. Во время его сна, Гессеръ-Ханъ оборачивается копчикомъ, и когтами своими садится на лѣвый глазъ великану; тотъ просыпается, хочетъ поймать копчика, но Гессеръ-Ханъ летитъ на вершину горы, и превращается тамъ въ крошечнаго бѣгающаго человѣчка; потомъ, когда великанъ хочетъ схватить его и въ этомъ видѣ, онъ снова оборачивается копчикомъ, летитъ въ морю, и опять оборачивается крошечнымъ человѣчкомъ: является и сюда великанъ. Гессеръ-Ханъ третьимъ разомъ оборачивается копчикомъ и окончательно улетаетъ. Великанъ возвращается домой, жалуется женѣ на головную боль, причины которой онъ никакъ не можетъ понять, рассказываетъ все случившееся, и спрашиваетъ:— Ужъ нѣтъ-ли гдѣ здѣсь Гессеръ-Хана, и все это онъ наноситъ ему вредъ? Но жена отвѣчаетъ, что нѣтъ, и успокоиваетъ его. На другое утро, когда великанъ ушелъ на охоту, Гессеръ-Ханъ на своемъ волшебномъ конѣ перескакиваетъ по воздуху въ замокъ: иначе онъ не можетъ туда попасть, не найдя входа; отпускаетъ своего коня въ небо, а самъ, въ видѣ нищаго съ клюкой, слѣпного на одинъ глазъ, входитъ въ замокъ, и Тюмень-Джиргалангъ тотчасъ же узнаетъ его по голосу. Она въ радости бросается его обнимать, но онъ останавливаетъ ее и велитъ рассказать себѣ всѣ привѣчи и волшебныя тайны великана; онъ держитъ въ головѣ намѣреніе биться съ нимъ не на животъ, а на смерть, чтобъ выручить ее. Но она ничего не можетъ рассказать, сама ничего не знаетъ, великанъ весь день держитъ ее въ заперти, пока самъ бываетъ на охотѣ. Тогда Гессеръ-Ханъ рѣшается спрятаться, для того, чтобъ Тюмень-Джиргалангъ въ его присутствіи вызнала всѣ тайны у великана. Оба они вмѣстѣ вырываютъ яму въ 7 сажень глубины. Гессеръ-Ханъ влѣзаетъ туда, яму закладываютъ сначала бѣлой каменной плитой, сверху ея кладутъ бумажное одѣяло, раскрашенное священными изрѣченіями, на него насыпаютъ тонкій слой земли, потомъ набрасываютъ еще выше зеленую траву; наконецъ, поверхъ всего, становятъ котель съ водой, и вокругъ него раскидываютъ птичьи перья. Вечеромъ, великанъ возвращается домой и по нѣкоторымъ волшебнымъ признакамъ начинаетъ подозрѣвать, что безъ него произошло что-то недоброе, что тутъ есть врагъ. «Давай сюда скорѣе мои волхвующія красныя нитки, кричитъ онъ женѣ. Только смотри, чтобъ онѣ не попали промежъ женскихъ ногъ или подъ собачью голову, не то онѣ правды не скажутъ; да поднеси ихъ мнѣ съ правой стороны.» Тюмень-Джиргалангъ старается успокоить великана, увѣряетъ его въ своей преданности, но дѣлаетъ съ красными волхвующими нитками именно все, что великанъ за-

претилъ, т. е. все то, что дѣлаетъ прорипанія ихъ невѣрными. Наконецъ, она подаетъ нитки великану, и тотъ, сидя на своемъ зеленомъ лошаѣ, принимается разсматривать ихъ. «Бѣда, бѣда! кричитъ онъ, разсмотрѣвъ нитки—Гессеръ-Ханъ здѣсь, онъ спрятанъ подъ моимъ очагомъ, и накрытъ бѣлой каменной плитой, сверху насыпана черная земля!» Тюмень-Джиргалангъ снова успокоиваетъ его, и увѣряетъ, что всѣ его подозрѣнія напрасны. Тогда великанъ разсматриваетъ послѣднюю, еще не разсмотрѣнную волхвующую нитку и говоритъ: «Гессеръ-Ханъ умеръ; онъ лежитъ въ черной землѣ, подъ бѣлой каменной плитой, осыпанной бѣлымъ снѣгомъ. Съ тѣхъ поръ, что онъ похороненъ въ землѣ, высохшая трава свалилась, и выросла свѣжая зеленая трава. Есть большое Мѣдное море, у него на берегу всѣ птицы моютъ свои перья; надъ ними сидятъ сороки и вороны и смѣются надъ Гессеръ-Ханомъ. Ужъ годъ прошелъ съ тѣхъ поръ, что онъ умеръ.» Послѣ того великанъ сошелъ со своего лошака. Тюмень-Джиргалангъ ласкается къ нему, и, вывѣдавъ тайну всѣхъ волшебныхъ его превращеній и средство убить его, передаетъ все это Гессеръ-Хану, а тотъ сейчасъ же преодолеваетъ всѣ волшебныя препятствія съ помощію жены своей и трехъ благодѣтельствующихъ ему духовъ, убиваетъ великана и все его поколѣніе, и вмѣстѣ съ Тюмень-Джиргалангой возвращается домой ¹⁾.

Трудно было бы сомнѣваться въ родствѣ нашей былины съ этою тибетскою легендой. Все въ нихъ сходится.

Въ обоихъ разсказахъ, главныхъ дѣйствующихъ лицъ три: волшебникъ (Волшанъ-Волшановичъ = 2-ти-головый великанъ), находящаяся у него во власти молодая женщина (Марья Волшановна = Тюмень-Джиргалангъ), и герой, добывающій отъ волшебника эту женщину (Ванька = Гессеръ-Ханъ).

Ванька нѣсколько разъ превращается въ горностая, чтобъ его не узналъ Волшанъ, а когда говоритъ съ Марьей, то принимаетъ свой обыкновенный человѣческій видъ: такъ и Гессеръ-Ханъ превращается то въ копчика, то въ крошечнаго бѣгающаго человѣчка, то въ нищаго, чтобъ его не узналъ волшебникъ-великанъ, а когда разговариваетъ съ Тюмень-Джиргалангой, то всякій разъ принимаетъ свой обыкновенный человѣческій видъ.

Въ нашей пѣсни, Ванька, безъ всякаго резона, предлагаетъ Волшану странное пари: спрятаться отъ него такъ, что тотъ его не отыщетъ. Въ восточномъ оригиналѣ, такому прятанію

¹⁾ Schmidt, Bogda Gesser-Chan., 120 — 158.

ныхъ ниткахъ. Сначала книга и нитки говорятъ всю правду, но подь конецъ, въ самую рѣшительную минуту — одну только часть правды, и оттого-то побѣда остается на сторонѣ героя.

Въ былинѣ, Ванька всякій разъ обращается съ мольбою о помощи къ Христу Спасителю, пресвятой Богородицѣ и Николаѣ Можайскому: въ азіятскомъ первообразѣ, Гессеръ-Ханъ обращается къ тремъ буддійскимъ, благодѣтельствующимъ ему, духамъ, изъ нихъ два мужескаго пола: *Боа-Донцонъ-Гарбо* — владыка боговъ; *Арджавалори-Удари* — владыка Змѣевъ; и одно женскаго: *Чамцо-Дари-Удамъ* — владыка женскихъ злыхъ духовъ.

Наконецъ, счастливый результатъ всего разсказа одинаковъ и въ русской пѣсни и въ азіятской легендѣ: герой благополучно добываетъ ту женщину, которую желалъ; Ванька — свою невѣсту Марью Волшановну; Гессеръ-Ханъ — свою жену Тюмень-Джир-галангъ.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ про четыре любопытныя подробности: прятанье, оборачиванье горностаемъ, волшанскую книгу и перья, данныя Могуль-птицей.

Мы сказали выше, что прятанье Ваньки Вдовкина-сына въ нашей пѣсни, подь кроватью Волшана, объясняется *необходимымъ* для Гессеръ-Хана прятаньемъ въ ямѣ, подь котломъ и покрываломъ его врага, волшебника, а также замѣтили, что такое прятанье при сватовствѣ, мотивъ совершенно необычный. Но есть поэтическія произведенія Востока, гдѣ и этотъ мотивъ встрѣчается: это пѣсни буддійцевъ тюркскаго племени. Въ одной пѣсни койбальцевъ говорится, что красавица Ай-Арегъ предлагаетъ своему жениху, богатырю Айдолею, такое условіе: она *три раза* станетъ отъ него прятаться; «если ты меня не найдешь, говоритъ она, тогда твой конь станетъ моимъ, а если найдешь — тогда я твоя. Ты станови на закладъ своего коня, а я поставлю себя самое»¹⁾. По видимому, это прятанье было одною изъ формъ древне-азіятскаго сватовства.

Превращеніе «въ горностаю» — очень обычный мотивъ въ пѣсняхъ и сказаніяхъ южно-сибирскихъ народовъ. Такъ напр., въ одной пѣсни сагайцевъ, молодая дѣвушка-красавица оборачивается «горностаемъ» и прячется «подь очагъ» (какъ Гессеръ-Ханъ)²⁾; а богатырь одной катчинской пѣсни, Ай-Канатъ, точно

¹⁾ *Castren, Versuch einer koibalischen u. karagassischen Sprachlehre, 207. — Schiefner, Heldensagen, 44.*

²⁾ *Radloff, Proben, II, 201, 209.*

управители областей, начальники всѣхъ странъ со своими звѣздочетными *индѣйскими* книгами и таблицами, и старались раскрыть тайны неба ¹⁾).

Что касается до перьевъ птицы Могуль, то это равноѣрно подробность, восходящая до временъ глубокой древности. Какъ на одинъ изъ старѣйшихъ прототиповъ нашей пѣсни, можно указать на разсказъ, въ Шахъ-Намэ, о птицѣ Симургъ и ея перѣ. Когда родился Залъ (впослѣдствіи отецъ Рустемовъ), отецъ его, богатырь Самъ, пришелъ въ ужасъ и негодованіе, увидавъ, что у него волосы на головѣ—бѣлые. Онъ не захотѣлъ держать его при себѣ, и велѣлъ унести куда-нибудь подальше. «Есть на свѣтѣ гора Альборъзъ, продолжаетъ Шахъ-Намэ, она лежитъ близко къ солнцу и далеко отъ толпы людской. Тамъ-то было гнѣздо птицы Симургъ; она жила тамъ вдали отъ міра. Посланные оставили младенца на горѣ и воротились назадъ. Младенецъ пролежалъ такъ цѣлый день и цѣлую ночь безъ покрыва: то онъ сосалъ себѣ палецъ, то кричалъ. Между тѣмъ проголодались птенцы Симурговы; могучая птица поднялась изъ гнѣзда на воздухъ и увидѣла младенца, которому нужно было молоко и который оттого кричалъ». Симургъ сжалилась, снесла его въ свое гнѣздо и тамъ стала воспитывать его вмѣстѣ со своими птенцами. Впослѣдствіи, когда онъ сдѣлался уже юношей, Самъ, вслѣдствіе сна и увѣщанія мобедовъ, пошелъ на гору Альборъзъ и привелъ оттуда съ собою назадъ своего сѣдоволосаго сына Зала. Прощаясь съ нимъ, птица Симургъ дала ему одно перо свое и сказала: «Если когда-нибудь тебѣ будетъ грозить опасность, брось только это перо въ огонь, и ты увидишь мою силу. Я тотчасъ же прилечу чернымъ облакомъ и унесу тебя, цѣла и невредима, сюда». Впослѣдствіи, это перо Симурга пригодилось Залу при рожденіи сына его Рустема. Роды были трудные: мать Рустемова, Рудабэ, почти умирала; тогда Залъ бросилъ въ огонь перо Симурга, птица тотчасъ явилась и научила его, какъ помочь разрѣшенію отъ бремени. Конечно, содержаніе этого разсказа совершенно иное, чѣмъ въ нашей пѣсни о Ванькѣ Вдовкинѣ-сынѣ, но есть нѣкоторые общіе мотивы. Птица Симургъ живетъ со своими птенцами; она впервые видитъ героя разсказа тогда, когда эти птенцы голодны; покровительствуетъ ему, даетъ свое перо, посредствомъ котораго должны совершиться чудеса: все это мотивы, равно встрѣчаемые въ нашей былинѣ и въ Шахъ-Намэ. Ясно, что оба разсказа имѣютъ одинъ

---

¹⁾ *Mohl*, I, 139; IV, 306; IV, 36; IV, 233.

общій источникъ, восходящій до временъ глубокой древности, но что съ теченіемъ времени, подробности измѣнялись, и рассказъ служилъ для разныхъ цѣлей. — Здѣсь можно еще прибавить, что первоначальный рассказъ о призваніи благодѣтельной птицы посредствомъ оставленнаго ею пера, былъ въ послѣдствіи въ большомъ употребленіи въ восточныхъ разсказахъ, особенно въ буддійское время, и здѣсь перо птицы часто уже превращалось въ волосокъ изъ гривы или хвоста коня, въ чешуйку рыбы, въ щетинку животного и т. д.

Для сравненія съ пѣснью о Ванькѣ Вдовкинѣ-сынѣ я могъ представить только одинъ буддійскій рассказъ изъ «Гессеръ-Хана»; но, безъ сомнѣнія, есть редакціи несравненно болѣе старыя, и на нихъ указываютъ уцѣлѣвшія въ нашей былинѣ подробности о волшанской книгѣ и о Могуль-птицѣ.

Разсмотрѣвъ подробно нашу былинку о Ванькѣ Вдовкинѣ-сынѣ, мы имѣемъ теперь возможность сравнить ее съ другою нашею былинкою, а именно съ былинкой о Вольгѣ Всеславьевичѣ ¹⁾. Этой послѣдней думали придать у насъ особенно важное *историческое* значеніе, находя тутъ черты изъ исторіи древняго нашего князя Олега ²⁾. Но она кажется мнѣ не чѣмъ инымъ, какъ только особенною редакціею былинки о Ванькѣ Вдовкинѣ-сынѣ. И здѣсь, какъ и тамъ, главныхъ дѣйствующихъ лицъ *трое*: 1) вражескій царь (Турецъ-Салтанъ, или Салтанъ Бекетовичъ, или индѣйскій царь = Волшанъ Волшановичъ и 12-ти-головый великанъ-волшебникъ); 2) находящаяся у него во власти женщина (царица Панталовна, или царица Давыдьевна, или царица Азвяковна, молода Елена Александровна = Марья Волшановна и жена Гессеръ-Ханова); и 3) богатырь (Вольга Всеславьевичъ = Ванька Вдовкинѣ-сынъ и Гессеръ-Ханъ). Этотъ послѣдній, т. е. богатырь, принимаетъ на себя разныя превращенія (льва, волка, сокола, горностая = горностая, копчика, маленькаго бѣгающаго человѣчка, слѣпого нищаго); онъ бѣжитъ въ могущественному врагу, и подслушиваетъ, спрятавшись, что тамъ про него самого говорится у вражескаго царя съ находящейся у него во власти женщиной (эта подробность исчезла въ былинѣ о Ванькѣ Вдовкинѣ-сынѣ); потомъ онъ разрушаетъ вредныя силы вражескаго царя («тугіе луки Вольга переломалъ, шелковыя тетивочки перервалъ, у валеныхъ стрѣлы желѣзцы повывиналъ» = Гессеръ-Ханъ подрѣзываетъ корни дерева, которое выпускаетъ изъ себя мечи

¹⁾ Рыбниковъ I, 1—17. — Древн. рос. стихотвор., 45—58.

²⁾ Замѣтка г. Безсонова къ I-му вып. Рыбникова, стр. XVII—XIX.

и рубить всякого, кто подступитя: дерево это падаетъ, и съ нимъ уничтожается вся сила волшебника-великана); наконецъ, послѣ всего этого, герой разсказа убиваетъ вражескаго царя, и беретъ себѣ въ жену находившуюся у него во власти женщину. Всѣ же подробности о товарищахъ или войскахъ Вольги Все-славьевича и о выловленныхъ имъ звѣряхъ, птицахъ и рыбѣ— не что иное, какъ не идущій вовсе къ дѣлу и ничѣмъ необъяснимый, ничѣмъ не оправдываемый наростъ быliny. Но гдѣ произошелъ этотъ наростъ: въ русскихъ ли уже редакціяхъ, или еще въ восточныхъ — пока опредѣлить не можемъ.

Мы окончили общій разборъ десяти избранныхъ нами былинъ; слѣдовало бы теперь приступить въ *частному*—т. е. къ разсмотрѣнію и сличенію находящихся въ нихъ подробностей о жилищѣ, одеждѣ, вооруженіи, ѣдѣ и питіи, привычкахъ и т. д. дѣйствующихъ тутъ героевъ и героинь—но мы переносимъ все это въ третью часть, гдѣ такое сличеніе займетъ у насъ довольно важное мѣсто въ числѣ доказательствъ и матеріаловъ для нашихъ выводовъ.

Влад. Стасовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

ДОНЪ, КАВКАЗЪ

И

К Р Ы М Ъ

(Изъ путевыхъ воспоминаній.)

I.

Въ половинѣ февраля мѣсяца 1867 года, взявъ подорожную по частной надобности съ будущимъ, на перекладныхъ, поѣхали мы изъ Харькова въ Тифлисъ. Самое близкое разстояніе между этими городами, на Ростовъ и Ставрополь—всего тысяча триста съ чѣмъ-то верстъ. День морозный. Погода недурная. Снѣгу въ волю. Но съ первыхъ же станцій какъ-то чувствительно становится, что это не старая, давно населенная, а потому, хоть кое-какъ удобная для проѣзжающаго Россія. Это—Новороссійскій край. Лѣтъ 14 тому назадъ, ѣхали мы по этому тракту лѣтомъ. Лѣтомъ все это не такъ замѣтно было, какъ теперь, во время зимы.

Станціи все тѣ-же, построенныя на живую нитку. На каждой изъ нихъ хозяйственныя службы разбросаны по всему большому, занесенному снѣгомъ, двору. Обогрѣться негдѣ, и ѣсть нечего. Впрочемъ, переносить все это неприятно, а и перечислять скучно.

Сначала полагали мы, что это частный беспорядокъ, собирались уже войти о томъ, куда надлежитъ,—но чѣмъ дальше, тѣмъ хуже, а въ такомъ случаѣ думаешь, видно тому такъ слѣдуетъ

и быть. Говорятъ, что, по тракту отъ Оренбурга въ Ташкентъ, не рѣдкость промежутки въ 200 верстъ, гдѣ вовсе нѣтъ станцій — даже въ родѣ новороссійскихъ, а только войлочные шалаши или палатки, хотя движеніе существуетъ. Правда, говорятъ, что тамъ теплѣе, чѣмъ въ Харьковской губерніи, но за то тамъ киргизы нападаютъ иногда на проѣзжающихъ цѣлыми шайками, а тутъ случаи нападенія на дорогѣ гораздо рѣже, и то въ видѣ небольшихъ товариществъ, даже индивидуально, на личный рискъ и страхъ. Дѣятельность этого рода принимаетъ, впрочемъ, болѣе оживленный характеръ по мѣрѣ приближенія къ Ростову, Нахичевани, и далѣе на Ставрополь.

Сравнивая затѣмъ внѣшнее положеніе страны въ разные два періода, между которыми прошло 14 лѣтъ времени, мы не нашли никакихъ рѣзкихъ перемѣнъ. Вся мѣстность лежитъ также пустыремъ теперь, какъ и тогда — ни новыхъ деревень, ни хуторовъ, ничего такого, что могло бы остановить глазъ проѣзжаго. Горизонтъ весьма прѣсторень — все ширь да гладь, хоть бы верстовой столбъ попался, и того нѣтъ. Только и торчатъ по дорогѣ телеграфныя столбы, да проволока на нихъ отъ вѣтра жуужитъ. Донцы воспользовались этими столбами и кой-гдѣ поприбивали на нихъ досочки со счетомъ верстъ.

Впрочемъ, надо отдать справедливость — въ Землѣ Войска Донскаго устроены теперь довольно сносныя, чистыя, хотя и весьма форменныя, деревянныя дома подъ почтовые станціи. Въ прежнее время почтовые станціи по этому тракту отличались необыкновеннымъ разнообразіемъ, что еще теперь можно встрѣтить въ той же Землѣ по инымъ почтовымъ дорогамъ, напр., по тракту отъ Новочеркасска на Царицынъ. Мы помнимъ одну бывшую станцію (кажется, вторая отъ Ростова — Бабинская) просто землянку, въ которую свѣтъ проникалъ сверху, а зимою степныя, почтовые лошади, разлетѣвшись, нерѣдко переѣзжали черезъ крышу этого зданія надъ головами попавшихъ туда пассажировъ. Но — что старое поминать! Теперь этого нѣтъ, даже по тракту на Царицынъ; хотя признаться сказать, шесть мѣсяцевъ спустя, проѣзжали мы этотъ послѣдній трактъ, и въ одно осеннее туманное утро нашъ ямщикъ не на шутку удивился, что телѣга наша не опрокинулась въ рѣку, текущую между Грушевскою и Нижнемокрологскою станціями. На этой рѣкѣ нѣтъ моста; насъ, поэтому случаю — говорилъ онъ — оставляли ночевать на Грушевской станціи, чтобы, если что-нибудь случится — такъ случилось-бы, не ночью, а днемъ. А между тѣмъ ничего не случилось.

Теперь мы ѣдемъ по улучшенному тракту на Ростовъ. Зима.

Дорога скучная, но не такова эта дорога лѣтомъ. Мы живо помнимъ ту мѣстность, хотя и давно проѣзжали по ней. Тогда вся она была покрыта роскошною растительностью. Это — цѣлое море зелени съ островами цвѣтущихъ бурьяновъ. Тогда лѣтній, жаркій былъ день. И среди этой широкой, однообразной, зеленой равнины, нерѣдко, казалось, далеко, пасется стадо-овець. Подъѣзжаете ближе — цѣлая нива ковыля, только кое-гдѣ въ сторонѣ виднѣлся одинокій, крошечный хуторъ; но вѣтеръ покачалъ свои волны по верхушкамъ травы, и снова глазъ ничего не можетъ различать въ дали.

Зимою не то, — овраги забиты снѣгомъ, въ иныхъ мѣстахъ лошади вывозятъ съ трудомъ. Обнаженные, чистые хребты, невысокихъ, впрочемъ, горныхъ кражей, вкются длинными темными полосами, особенно отъ Бахмута и дальше на югъ, то слои известняка, то тонкая, черная полоса каменноугольнаго пласта, то желѣзной руды, проглядываетъ наружу. Загляните дальше въ глубь этой земли, тамъ толстые слои каменнаго угля залегаютъ въ нѣсколько ярусовъ, и о-бокъ съ нимъ желѣзная руда, съ содержаніемъ болѣе чѣмъ достаточнымъ для выгодности производства, только ждетъ энергической, трудолюбивой руки. И среди всей этой богатой природы, пустыремъ вѣетъ со всѣхъ сторонъ. Только лишь изрѣдка верхомъ, на измученной подъ разными тюками, незавидной лошадеи, плетется усталый ѣздокъ. Подъѣзжаете ближе, — это житель, владѣлецъ этой богатой страны. Это донской казакъ. Онъ возвращается на свой кратковременный отдыхъ домой. Вы обогнали его. Онъ своротилъ съ дороги.

Но вотъ длинный обозъ малоруссовъ. На своихъ неповоротливыхъ быкахъ везутъ они каменный уголь въ Бахмутъ на базаръ. Эти люди болѣе свободны располагать собою. Они гдѣ-то нарыли угля и везутъ продать 25—30 пудовой возъ за 50 коп. сер. Уголь хорошъ, въ Бахмутѣ отапливаютъ имъ дома, въ Славянскѣ на немъ вывариваютъ соль. Дешево, да дѣвать некуда. Почему бы въ этой мѣстности не учредить стеклянныя заводы? Въ настоящее время весь южнороссійскій край получаетъ стекло изъ Черниговской, Орловской и другихъ средней полосы губерній — не близко. Товаръ громоздокъ — тяжело и дорого.

Не доѣзжая двухъ станцій до Ростова, повернули мы влѣво, черезъ станицу Салы на Аксай. Уныло смотреть эта степная, въ буквальномъ смыслѣ камышевая станица — Салы. Не пріятливымъ взглядомъ встрѣтилъ насъ почтовый староста. Съ какой-то пытливостью смотритъ онъ на все; видно, что проѣзжій «по частной» — рѣдкій у него гость. Подали тройку, приглашая сѣсть

прежде, тѣмъ усядется ямщикъ, но пока тотъ взбирался на знаменитый облучекъ, лошади понесли прямо въ обрывистый оврагъ. Не легко удалось намъ направить этихъ дивныхъ скакуновъ подъ косогоръ, а затѣмъ черезъ четверть версты вовсе остановить. Только тутъ лицо прибѣжавшаго старосты прояснилось, съ непритворнымъ чувствомъ радости благодарилъ онъ насъ за то, что мы спасли отъ неминуемой, по его словамъ, гибели — телѣгу и лошадей, если бы все это ввалилось въ оврагъ.

Въ Аксаѣ подвезли насъ къ невзрачному, двухъ-этажному домику съ вывѣскою «гостинница». Ямщикъ объяснилъ, что это лучшая изъ двухъ въ станицѣ. Внизу этого домика оказались двѣ комнаты, перегороденныя обоями. Это отдѣленія для различнаго «сорта» гостей. Верхній этажъ общій для всѣхъ посѣтителей, тамъ же биллиардъ и трактиръ. О чистотѣ, мебели, кушаньяхъ, споконствіи — лучше молчать.

Аксаѣйская станица расположена на правомъ нагорномъ берегу Дона. Лѣвый берегъ состоитъ изъ широкыхъ заливныхъ луговъ, поросшихъ, впрочемъ, большею частію камышемъ да бурьянами; а жаль, ширина этого бассейна, понимаемаго ежегодно водою, несущою 10/0¹⁾, т. е. на сто объемовъ одинъ объемъ ила, простирается до двадцати верстъ. Все это пространство находится подъ водою около 30-ти и болѣе дней. Сколько плодотворнаго ила садится на этихъ лугахъ, и для того, чтобы питать камышъ да бурьянъ!

Черезъ Аксаѣ пролегаетъ воронежско-тифлисскій трактъ. Въ 12 верстахъ отъ Аксаѣ — промышленный городъ Ростовъ. Въ 40 верстахъ Новочеркасскъ, куда и устроена изъ Аксаѣ желѣзная дорога въ одинъ рельсовый путь, и далѣе еще на 40 верстъ до грушевскихъ антрацитовыхъ копей. И несмотря на такое благоприятное положеніе, Аксаѣйская, многолюдная станица не отличается промышленнымъ движеніемъ.

Любопытный и вѣстѣ съ тѣмъ характеристическій анекдотъ рассказывали намъ про старину Аксаѣ. Когда основатели нынѣшнихъ торговыхъ конторъ въ Ростовѣ явились первоначально въ Аксаѣ съ предложеніемъ, отвести имъ за плату мѣста для устройства хлѣбныхъ амбаровъ и складовъ, то станичный приговоръ положилъ: «Никакихъ земель иногороднымъ подъ хлѣбные амбары не давать, а то найдутъ черноморцы съ возами и своимъ скотомъ повывьютъ наши камыши». Съ тѣхъ поръ нача-

¹⁾ Мы испытывали эту воду нѣсколько разъ — температура ея была около 3¼°, количество постороннихъ примѣсей, по случаю весенняго половодья, простиралось до одного и нѣсколько болѣе градуса по Боде.

лось промышленное развитие Ростова, и до сихъ поръ Аксай остается почти тѣмъ же, чѣмъ прежде былъ. Мы бы не приводили этого анекдота, если бы точно такой же случай, всего годъ тому назадъ, не вызвалъ точно такого же отвѣта по поводу просьбы 150 иногородныхъ купцовъ, желавшихъ единовременно поселиться въ Калачѣ и просившихъ продать имъ изъ войсковыхъ пустырей по нѣсколько сотъ саженой земли для поселенія. Въ Калачѣ оканчивается линія волгодонской желѣзной дороги и начинается судоходное движеніе по Дону.

Слуста дня два, поѣхали мы въ Новочеркасскъ съ тѣмъ, чтобы познакомиться съ грушевыми антрацитовыми копями. Аксайско-грушевая желѣзная дорога, по которой мы ѣхали, пролегаетъ вдоль берега рѣки Аксая. Хорошъ правый, нагорный, довольно пологій берегъ этой рѣки. Кое-гдѣ попадаются домики, лучшіе, чѣмъ обыкновенно въ томъ краю. Въ другомъ мѣстѣ встрѣчается небольшой фруктовой садикъ, и виноградникъ рядомъ съ нимъ. Растительность свѣжая, здоровая. Невольно подумаешь, смотря на эти крошечныя группы зелени, не явная ли это улика небрежности, а можетъ быть и безвыходнаго положенія тѣхъ, кому принадлежатъ, лежащіе о-богъ съ этими садами, пустыри. А между тѣмъ, климатъ благодатный, и Аксай рѣка въ 50 саженяхъ. Какъ легко поднять здѣсь воду, если бы ее не доставало изъ бьющихъ изъ-подъ горы ключей. Сколько здѣсь можно развести виноградныхъ плантацій, и какъ все это здѣсь легко. Труды крымскихъ татаръ по улучшенію своихъ земель—это труды титановъ сравнительно съ тѣмъ ничтожнымъ количествомъ работы, которое потребовалось бы здѣсь для приведенія этой земли въ самое цвѣтущее состояніе.

Но вотъ мы въ Новочеркасскѣ, расположенномъ на возвышенномъ мѣстѣ. Въ составъ его вошло три станицы; это новый пунктъ управленія Земли Войска Донскаго. Прежнее управленіе сосредоточивалось въ Старочеркасской станицѣ, лежащей на 20 верстѣ выше Аксая на низменныхъ равнинахъ Дона, а потому ежегодно заливаемой полою водою.

Въ то время, когда формировался только складъ общественнаго быта нынѣшняго Войска Донскаго, таковой пунктъ, какъ Старочеркаска станица, пунктъ расположенный въ низменностяхъ и камышахъ, заливаемый ежегодно водою, вообще мало доступный, представлялъ самое безопасное убѣжище для защиты во время нападений. Тутъ же удобнѣе было хранить войсковыя регалии и суммы, отсюда удобнѣе было дѣлать походы на невѣрныхъ. Мѣстность вполне соответствовала первоначальному своему назначенію. Но потопляемая водою, изрытая оврагами,

лежащая въ гниломъ болотѣ, Старочеркасская станція не удовлетворяла въ настоящее время тому значенію, которое, по справедливости, должно принадлежать пункту управленія этой земли.

Взгляните на Новочеркасскъ, это уже теперь довольно большой чистый городъ съ широкими улицами, порядочными каменными домами, водопроводомъ, общественнымъ садомъ, театромъ, двумя корпусами лавокъ, двумя-тремя порядочными гостинницами. Больше замѣчательны—домъ войскового наказнаго атамана, домъ войскового управленія, памятникъ Хомутову. Жаль только, что нѣтъ ни одной книжной лавки.

Желая познакомиться ближе съ грушевскими каменноугольными копями и рыбными промыслами въ устьяхъ Дона, мы обратились къ г. войсковому наказному атаману съ просьбою о дозволеніи и способствованіи намъ въ предпринятомъ нами намѣреніи. На другой день бывший начальникъ грушевскаго рудника, баронъ Андрей Львовичъ Врангель, повелъ насъ показать предварительно только-что создающійся музей при вновь учрежденномъ донскомъ горномъ управленіи.

Самое замѣчательное, на что нельзя не обратить вниманія въ этомъ музеѣ, это подробныя топографическія карты, на которыхъ обозначено количество и направленіе каменноугольных пластовъ, приблизительная глубина залеганія и уклонъ пласта отъ горизонтальной плоскости. Тутъ обозначены во многихъ мѣстахъ параллельно каменноугольнымъ пластамъ залегающіе пласты желѣзной руды, находящейся здѣсь въ изобиліи. Сколько намъ помнится, есть слѣды серебристо-свинцовыхъ рудъ ¹⁾. Будемъ надѣяться, что не далеко то время, когда въ этой странѣ разовьется желѣзное производство. Не менѣе того вѣрно и то, что едва-ли возможно какое-либо прочное производство въ широкихъ размѣрахъ при существованіи общиннаго землевладѣнія. Это мы сейчасъ увидимъ на грушевскомъ антрацитовомъ рудникѣ.

Бывшій начальникъ грушевскаго рудника, баронъ Врангель, былъ такъ внимателенъ, что на другой же день сопровождалъ насъ на самый рудникъ, отстоящій отъ Новочеркасска около 30 верстъ. Все это разстояніе ѣхали мы по желѣзной дорогѣ. Дорога эта устроена хозяйственнымъ образомъ, и, говорятъ, обошлась 42 тысячи руб. сер.; продолженіе ея—около 70 верстъ, и возлѣ самой Грушевки дѣлится она на двѣ вѣтви для того, чтобы объять большее число шахтъ. Полотно дороги проходитъ по широкой, совершенно гладкой, плодороднѣйшей, черноземно-глинистой почвѣ, понимаемой ежегодно вешнею водою. До сихъ поръ

---

¹⁾ Карты эти составлены мѣстными горными инженерами.

равнина эта лежитъ пустыремъ. Говорятъ, что лѣтомъ нерѣдко трава выгораетъ на ней, а между тѣмъ во всю ея длину течетъ рѣчка Грушевка, ложе которой не глубже 2 — 3 аршинъ отъ горизонта, самой высокой точки на этой площади. Вотъ мѣстность, заключающая всѣ условія искусственнаго самаго дешеваго орошенія.

Это лучшее мѣсто для посѣва пшеницы, для мелкихъ фермъ съ посѣвомъ кормовыхъ растений, для свекловичныхъ плантацій. Но кто же примется за это дѣло... вѣдь это куртовая, т. е. общинная земля, а у общинной земли нѣтъ хозяина.

Затѣмъ подѣхали мы къ Грушевскому руднику. Онъ расположенъ на небольшой, нѣсколько холмистой возвышенности, вѣздъ на которую во время таянія снѣга или дождей весьма затруднителенъ, по причинѣ глубокой, илистой грязи. Наружный видъ рудника что-то въ родѣ переноснаго досчатаго городка — то шалаши надъ шахтами, то шалаши съ вывѣсками «распи-вочно и на выносъ».

Предварительно поѣхали мы на шахту Русскаго Общества пароходства и торговли. На протяженіи около 3-хъ верстъ этого пути, вездѣ тѣ же досчатые постройки, груды антрацита, почти столько же, если не больше, каменноугольнаго мусора. Не дурно бы превратить его въ кирпичъ, хотя бы при помощи добытой изъ него же смолы или, по крайней мѣрѣ, высыпать имъ шоссе къ концамъ желѣзной дороги.

Но вотъ передъ нами большое каменное зданіе, далѣе рядъ каменныхъ жилыхъ и вновь строющихся домовъ, предназначенныхъ, повидимому, для рабочихъ — это шахта Русскаго Общества пароходства и торговли. Почти въ полуверстѣ отъ главнаго зданія виднѣтся небольшой, красивенькій домикъ управляющаго работами на этой шахтѣ инженера; онъ насъ и пріютилъ въ своемъ небольшомъ жилищѣ, а затѣмъ съ полною готовностью познакомилъ насъ со всѣмъ устройствомъ и работами по углубленію шахты, какъ на поверхности земли, такъ и внутри на глубинѣ нѣсколькихъ десятковъ саженей.

Не станемъ описывать наружныхъ строеній и вообще всѣхъ приспособленій, исполненныхъ совершенно правтически, но не интересныхъ непосвященнымъ въ тайны строительнаго искусства, и не менѣе того, вполне извѣстныхъ специалистамъ, а попросимъ читателя изъ его сухого, теплаго кабинета перенестись мысленно на шахту и посмотреть на людей, посвятившихъ себя весьма не легкому, сопряженному съ постояннымъ рискомъ за жизнь, труду.

Прежде чѣмъ опуститься въ шахту, нашъ любезный хозяинъ

нарядился весь во фланель, надѣлъ сверху кожаное пальто и кожаную съ широкими, опустившимися полями шляпу. Такой-же костюмъ предложенъ былъ и намъ. Воспользовавшись фланелью и плащемъ, запасшись термометромъ, и повѣсивъ круглый барометръ рабочему на шею, надѣвъ толстыя шерстяныя перчатки (въ лайковыхъ не хорошо — скользять), со свѣчами въ рукахъ, въ сопровожденіи Павла Александровича Вагнера и двухъ рабочихъ, мы намѣрены были опускаться въ шахту, на 35 сажениую глубину. Все было готово, чтобы начать спускаться, какъ клубы густого, пропитаннаго сѣрою дыма, показались изъ колодезя шахты. Это за нѣсколько времени передъ тѣмъ взорвали минами часть породы; надо было обождать, пока очистится воздухъ въ этомъ колодцѣ.

Отъ поверхности до самаго дна, шахта имѣетъ четырехъ-угольный видъ, почти правильнаго квадрата въ поперечномъ сѣченіи. Раздѣлена она на двѣ равныя части толстою, бревенчатою стѣною, начинающеюся отъ самой поверхности и ованчивающеюся около трехъ аршинъ, не достигая дна. Въ одной половинѣ шахты помѣщается водоотливная труба и лѣстницы для спуска внизъ. Другая половина шахты назначена для прохода бади съ землею. Сейчасъ упомянутое, трехъ-аршинное отверстіе внизу шахты служить для свободнаго передвиженія бади по всему дну, и затѣмъ нагруженная бадя проводится въ назначенное для нея отдѣленіе, откуда, помощію паровой машины, подымается въ верхъ. Въ другой половинѣ шахты, какъ сказано выше, помѣщается составная чугунная труба, около 1 аршина въ діаметрѣ. Этой трубой выкачивается изъ шахты вода. Рядомъ съ трубою поставлены, на поперечныхъ перекладахъ, лѣстницы трехъ-саженной длины съ незначительнымъ уклоненіемъ отъ отвѣсной линіи — одна ниже другой — это дорога въ шахту. Г. Вагнеръ объяснилъ намъ, что онъ предпочитаетъ эту прусскую систему лѣстницъ другому способу опусканія людей въ бадьяхъ. Мы не стали добиваться почему, но быть можетъ это имѣетъ связь съ характеромъ рабочихъ. Вывалился изъ бади — «машина виновата», и, дѣйствительно, спасенія нѣтъ. Оборвался съ лѣстницы — «самъ виноватъ» — сверхъ того есть надежда за перегородку зацѣпиться.

Сажений около 10 въ глубь колодезя шахты, бока его закрѣплены деревянной обшивкой — ниже начинаются твердыя породы, не требующія укрѣпленій. Чѣмъ ниже опускались мы, тѣмъ сильнѣе обливало насъ каплями выбивающеюся съ боковъ воды, еще глубже — цѣлый дождь; мѣстами бьютъ ключи — все это съ шумомъ стремится внизъ, откуда слышится странное

храпѣніе водоподъемной трубы и глухіе удары шести молотовъ, которыми находившіеся тамъ рабочіе пробивали плотную каменную породу.

Но вотъ мы на днѣ шахты, съ одной стороны огромнымъ ключемъ лить струя воды, съ другой ворчитъ насосная труба, втягивая вмѣстѣ съ водою не малое количество воздуха, что въ то же время производитъ особенный, довольно сильный свистъ. Съ верху, цѣлый ливень дождя, отъ котораго плохой защитой служить, растянутое въ видѣ полога, какое-то непромокаемое полотно. Все это освѣщается тусклымъ свѣтомъ нѣсколькихъ сальныхъ свѣчей. Среди этой подземной обстановки, шесть человекъ рабочихъ, въ кожаныхъ пальто и такихъ же съ широкими, обвисшими полями шляпахъ, по колѣни въ водѣ стучать молотами по желѣзнымъ ломамъ, пробивая подъ водою скважины въ твердомъ глинистомъ сланцѣ.

Г. Вагнеръ объяснилъ намъ, что когда скважины готовы, то въ нихъ вставляются пороховыя мины, заготовленныя предварительно на верху. Концы минъ зажигаются, и тогда рабочіе по лѣстницамъ поспѣшно уходятъ въ верхъ.

Послѣ взрыва въ шахту опускается другая артель. Она должна очистить дно отъ взорванныхъ камней, пробить новыя скважины, заложить ею же заготовленныя на верху мины, зажечь ихъ и тогда на свое мѣсто отправить первую артель. При такомъ порядкѣ, каждая артель старается приготовить лучше мины, пробуровать по возможности глубокія скважины — однимъ словомъ, взорвать побольше породы, чтобы вторая артель употребила побольше времени на очистку дна шахты и прочее. Въ это время первая артель имѣетъ право ничего не дѣлать — поэтому прямой расчетъ каждой артели задать своей подругѣ какъ можно больше работы.

Доводилось намъ видѣть весьма разнообразныя и трудныя роды работъ, но такой, почти нечеловѣческой работы, до той поры мы не знали. Съ молотомъ, ломомъ и пороховою миною въ рукѣ, подъ постояннымъ ливнемъ дождя, не рѣдко по поясъ въ водѣ, на глубинѣ нѣсколькихъ сотъ футовъ подъ землею — тяжелая работа! Попортилась машина или сломался насосъ — уходи скорѣе по лѣстницѣ, а то залить водою.

Съ полчаса пробыли мы въ шахтѣ, на глубинѣ 35 сажень — 245 футъ. Температура воздуха по Цельз. 10° , температура породы (твердый глинистый сланецъ) $9\frac{3}{4}^{\circ}$. Температура струи воды изъ породы $9\frac{3}{4}^{\circ}$. Барометръ на верху шахты 29,675 дюйма, на глубинѣ 105 футъ 29,800 дюйм., что произошло отъ сгущенія воздуха, произведеннаго за полчаса взрывомъ. Въ

низу, на глубинѣ 245 футовъ, 29,900 дюйма, нѣсколько меньше, чѣмъ слѣдовало ожидать, вѣроятно вслѣдствіе препятствія, производимаго спертыми газами въ средней части шахты. Количество растворенныхъ въ водѣ солей на днѣ шахты между $\frac{1}{2}^{\circ}$ и $\frac{3}{4}^{\circ}$ по ареометру Боле. Цвѣтъ воды въ шахтѣ едва замѣтно бѣловатый, на поверхности отъ прикосновенія воздуха цвѣтъ этотъ становится гуще, что указываетъ на примѣсь сѣрнисто-водороднаго газа. Вкусъ воды едва замѣтный вяжущій, сладковатогорькій, вѣроятно отъ растворенныхъ желѣзномѣдныхъ и свинцовыхъ купоросныхъ солей.

Съ трудомъ выбрались мы на поверхность шахты — внимательный баронъ Врангель вмѣстѣ съ другимъ, состоящимъ на грушевскомъ рудникѣ, инженеромъ ожидали насъ. Всего времени, чтобы спуститься въ шахту, пробыть тамъ полчаса и выбраться наружу, потребовалось $2\frac{1}{2}$ часа. Г. Вагнеръ чуть ли не ежедневно эту дѣлаетъ прогулку.

На другой день вмѣстѣ съ инженеромъ, состоящимъ на грушевскомъ рудникѣ, опускались мы въ бадью въ другую сухую шахту, гдѣ роется 2-й пластъ каменнаго угля. Хозяинъ шахты, англичанинъ, сопровождалъ насъ. Въ этой шахтѣ, 2-й слой каменнаго угля — на глубинѣ около 20 саженой. Толщина пласта до 4 четвертей, такъ что подвигаться впередъ было не совсѣмъ удобно. Съ одной стороны хода, по которому мы пробирались, искусственная каменная стѣна, отгораживающая эту шахту отъ другой выработанной. Съ другой стороны — пластъ угля. Ломка угля по протяженію прямой линіи производится при помощи молота и лома, но въ углахъ приходится употреблять порохъ. Полъ и потолокъ состоятъ изъ сплошной массы плотнаго глинистаго сланца.

Если образуется значительное пустое пространство отъ выломаннаго угля, то потолокъ его подпираютъ деревянными стойками.

Выломанный уголь на ручныхъ тачкахъ подвозятъ къ отверстію шахты, откуда онъ, при помощи бадьи и вѣрота, подымается наружу.

Выбравшись на поверхность земли, поѣхали мы взглянуть на войсковую водокачальную машину, сколько помнится намъ, кажется въ 250 силъ. Цѣль ея — освободить отъ воды нѣсколько десятковъ старыхъ казачьихъ шахтъ, на которыхъ нѣтъ возможности безъ водоотлива доставать 3 и 4 пластовъ антрацита. На машину съ постановкой и зданіемъ предположено было употребить до 100,000 руб. сер. Количество выкачиваемой ежедневно воды превышаетъ 200,000 ведеръ.

Передъ отъѣздомъ съ рудника, просили мы г. Вагнера сообщить намъ подробныя свѣдѣнія о суммѣ издержекъ, употребленныхъ Русскимъ Обществомъ пароходства и торговли на Грушевскомъ рудникѣ, а равно о достигнутыхъ и ожидаемыхъ результатахъ. Въ Тифлисѣ получили мы отъ г. Вагнера письмо, которое помѣщаемъ до слова ¹⁾).

¹⁾ М. г. Исполняя просьбу вашу сиѣшу сообщить вамъ, что предполагаемая на основаніи точныхъ данныхъ глубина шахтъ будетъ слѣдующая:

Отъ поверхности до <i>перваго пласта</i> антрацита <i>толщиною въ 14 вершковъ</i>	32	сажени	2	фут.
Отъ <i>перваго</i> до <i>второго пласта</i> , <i>толщиною въ 1 аршинъ</i>	6	—	5½	—
Отъ <i>второго</i> пласта антрацита <i>до 3, толщиною въ 1, 5 арш.</i>	13	—	8½	—
Отъ 3 до 4 пласта, <i>толщиною въ 1¼ аршина</i>	7	—	3	—
Колодезь для скопленія воды	2	—		
Всего . . . . . 62 сажени.				

Глубина большой шахты, въ которую мы опускались, равняется 35 сажениамъ.

Глубина малой шахты въ настоящее время 33 сажени.

Къ июлю 1868 года, углубленіе обѣихъ шахтъ будетъ окончено, и начнется добыча антрацита, который будетъ стоить руднику отъ 5 до 5½ коп. сер. за пудъ.

Стоимость устройства рудника, который можетъ добывать въ сутки отъ 80 до 45,000 пудъ антрацита, опредѣляется слѣдующими цифрами, взятыми изъ счетовъ и смѣтъ:

Управленіе и присмотръ за работами	50,391	руб. сер.
Углубленіе большой шахты съ устройствами внутри шахты, не считая машинъ и насосовъ	36,492	— —
Углубленіе малой шахты и т. д.	23,738	— —
Покупка машинъ общей силы до 185 лошадей съ ихъ установкою	58,915	— —
Отливка воды на обонхъ шахтахъ въ теченіи 5½ лѣтъ устройства рудника отъ 200 т. до 400 т. ведей въ сутки	46,671	— —
Подъемъ породъ, добываемыхъ въ шахтахъ при ихъ углубленіи.	15,498	— —
На устройство зданія надъ обѣими шахтами	52,800	— —
Постройка 8 домовъ для служащихъ, со службами на рѣчкѣ Отвѣтъ	31,800	— —
Постройка 16 домовъ для рабочихъ	18,164	— —
Постройка 2 магазиновъ, конюшни и кузницы	4,488	— —
Устройство камеръ или 4 нагузныхъ дворовъ на 2 нижнихъ пластахъ	13,557	— —
Соединеніе колодцевъ двухъ шахтъ	640	— —
Проведеніе воздушныхъ ходовъ на 2 пластахъ антрацита для провѣтриванія рудника	13,050	— —
Покупка рудничныхъ тачекъ	3,000	— —
Поверхностныя устройства для разгрузки тачекъ съ антрацитомъ въ штабели около шахты и желѣзные пути на столбахъ	14,865	— —
Движимое имущество	5,017	— —

Затѣмъ, чтобы дать читателю болѣе подробное понятіе о Грушевскомъ рудникѣ, обратимся въ отчету представленному г. военному министру по горному управленію въ Землѣ Войска Донскаго за 1864 и 1865 годы. Изъ этого отчета мы узнаемъ, что еще въ 1724 году, по распоряженію Петра I, выписанъ былъ изъ Англіи мастеръ Ниссонъ съ 4 помощниками для развѣдки и работъ по добыванію угля; что въ 1790 году казавъ Двухженовъ, брался ставить въ Таганрогъ 3,000 пудовъ каменнаго угля; что съ устройствомъ, въ концѣ прошлаго столѣтія, Луганскаго завода дѣлаемы были постоянныя изслѣдованія для опредѣленія мѣстъ и характера залеганія каменнаго угля. Далѣе, что между 1837 — 1839 годами произведены были изслѣдованія, на счетъ Демидова, французскимъ инженеромъ Лепле. Но въ то же время, въ 1836 году, изданъ былъ законъ, по которому мѣста, гдѣ открывался каменный уголь, вымежевывались въ войсковую собственность, а владѣльцамъ отводились иныя, степныя, отдаленныя мѣста. Понятно, какъ подобное постановленіе могло способствовать дѣлу открытія каменноугольныхъ залежей!

Далѣе, до 1856 года добычею каменнаго угля могли заниматься только донскіе казаки, и то, по закону 1840 года, не свыше размѣра 1,500 квадр. саженей на одно лицо.

За то и добыча каменнаго угля достигала не болѣе 50,000 пудовъ. Въ 1856 году, увеличенъ надѣлъ до 5,000 квадр. саже-

Починка инструментовъ	2,495 руб. сер.
Разныхъ расходовъ, не вошедшихъ въ предыдущіе счета, какъ-то: заключеніе контракта съ правленіемъ Войска Донскаго, ремонтъ строеній во время уст- ройства, разныя перевозки и статьи расходовъ не предвидѣнныхъ въ смѣтахъ	23,097 — —

Всего до . . . . 410,000 руб. сер.

Руднику Общества пароходства и торговли отведена для разработки площадь въ 2½ квадратныя версты, въ которыхъ заключается, считая только 2 нижнихъ пласта, антрацита до 400 милліоновъ пудовъ. Площадь, вырабатываемая углубляемыми шахтами, будетъ равняться только 1/6 части всей отведенной площади и заключать въ себѣ только 80 милліоновъ пудовъ антрацита, въ цѣну котораго отъ 5 до 5½ коп. сер. введена 0,5 коп. на каждомъ пудѣ погашенія употребленнаго капитала, что составитъ $80,000,000 \times 0,5 = 400,000$ руб. сер., не считая процентовъ на капиталѣ, уплачиваемый постепенно и проценты.

Изъ этого видно, что всѣ устройства останутся безъ цѣны по выработкѣ 80 милліоновъ пудовъ, и затѣмъ потребуются только расходи на углубленіе новыхъ, болѣе глубокихъ шахтъ, и постройку зданія надъ ними. Машинны же довольно сильныя будутъ, вѣроятно, годиться и для другихъ шахтъ.

Въ цѣнѣ 5 до 5½ коп. сер. заключается 0,5 коп. сер. съ пуда пошлинны въ пользу Войска за право добычи антрацита.

ней на одно лицо. Но въ то же время издано постановленіе, содержащее цѣлый рядъ стѣснительныхъ мѣръ для лицъ и обществъ, которыя пожелали бы разрабатывать каменный уголь. Напр., залогъ въ 30 тысячъ и обязательство черезъ 4 года добывать не менѣе 3 миллионъ пудовъ, съ употребленіемъ всего этого количества только на собственное потребленіе или производство, а отнюдь не для продажи — иначе, всё постройби и залогъ поступали въ войсковую собственность.

Результаты такого *общиннаго* порядка вещей стали слишкомъ очевидны и, благодаря просвѣщенному содѣйствію нѣсколькихъ лицъ войскового начальства, въ 1863 году издано постановленіе, которымъ допускаются въ занятію горнымъ промысломъ въ Землѣ Войска Донскаго всё безъ различія — донскаго и не-донскаго происхожденія. Частнымъ владѣльцамъ и станичнымъ обществамъ предоставляется право собственности на нѣдра ихъ земель. Плата за добываемый уголь понижена до $\frac{1}{4}$ коп. сер. съ пуда. Взносъ 30,000 залога, за отводъ желающимъ значительныхъ площадей, дозволяющихъ правильную разработку — отмѣненъ. И наконецъ, учреждено особое горное управленіе.

Послѣдствія этихъ мѣръ не замедлили обнаружить довольно благоприятные результаты. На Грушевскомъ рудникѣ добыто антрацита, въ 1864 г., 3,586,450 пудовъ. Въ 1865 г., 5,308,747 пудовъ. Во всѣхъ же другихъ — числомъ 20 — рудникахъ Земли Войска Донскаго — добыто, въ 1865 году, 384,718 пудовъ. Съ остатками отъ прошлыхъ лѣтъ состояло на рудникахъ 8 миллионъ пудовъ — продано 7 мил. пудовъ, по цѣнамъ, на Грушевѣ, отъ 6 до 9 коп. сер. Пошлины получено 21,165 р. с. За 1866 годъ сборъ пошлины отданъ за сумму 25,400 р. сер.

Обративъ вниманіе на страшно дорогую цѣну каменнаго угля на самомъ рудникѣ, не трудно придти къ заключенію, что при этой цѣнѣ будущность его далеко не блистательна. Причиной тому недостатокъ рабочихъ рукъ и дорогая плата (около 90 коп. сер. въ день) издалева пришедшихъ рабочихъ.

Обстоятельство это слишкомъ наглядно, чтобы могло ускользнуть отъ вниманія непредубѣжденныхъ лицъ, имѣющихъ вліяніе на это дѣло. Почему еще въ 1864 году донскимъ горнымъ управленіемъ составленъ былъ проектъ бесплатнаго отвода земель на Грушевскомъ рудникѣ подъ усадьбы, для желающихъ поселиться тамъ рабочихъ, и образованія на рудникѣ городского управленія съ мѣстнымъ судомъ для разбирательства жалобъ, школою, лазаретомъ и подлицейскимъ управленіемъ. Къ тому же предполагалось провести желѣзную дорогу между шахтъ и сое-

динить ее съ существующею уже линіею. Это нѣсколько сокра- тить расходы по подвозкѣ антрацита. Если всѣ эти постанов- ленія состоятся, то это будетъ отчасти способствовать увеличе- нію мѣстнаго населенія на рудникѣ, слѣдовательно болѣе де- шевой добычѣ антрацита.

Но при этомъ, скажемъ мы, нельзя не обратить вниманія на то, что нашъ крестьянинъ прежде всего хлѣбопашецъ, а потомъ уже плотникъ, каменщикъ или рудокопъ. Поэтому, ради дарового куска земли подъ усадьбу, едва ли промѣняетъ онъ свое «ржаное поле» и цвѣтистую луговую «поляну» на черныи однообразный трудъ углекопа, тѣмъ болѣе, что тамъ же, на Грушевеѣ, въ теченіи какихъ нибудь 6 мѣсяцевъ онъ зарабо- таетъ гораздо больше, чѣмъ сколько стоить клочъ усадебной земли въ любомъ углу Россіи. Дайте ему столько земли, чтобы онъ сталъ хозяиномъ, и онъ сумѣетъ помирить съ этимъ заня- тіемъ работу рудокопа. Пустырей въ той землѣ много, да курто- вые они.

Чтобы дать понятіе о количествѣ каменнаго угля въ Землѣ Войска Донскаго вообще, скажемъ, что по изслѣдованіямъ, произ- веденнымъ въ Міускомъ округѣ обнаружено 49 каменноуголь- ныхъ пластовъ, изъ которыхъ на 14 производятся работы. По приблизительному исчисленію, общее количество каменнаго угля въ тѣхъ 14 пластахъ равняется 14 миллиардамъ пудовъ. Слѣ- довательно, по всей вѣроятности, во всѣхъ 49 пластахъ можно считать соотвѣтствующее число миллиардовъ пудовъ. Грушевскій и донской антрацитъ съ содержаніемъ сѣры. Міускій спекаю- щійся — безъ сѣры.

Въ настоящее время опредѣляется содержаніе сѣры въ антра- цитѣ, и будетъ ли оно имѣть замѣтное вліяніе, если этотъ антрацитъ употребить для выдѣлки желѣза изъ залегающихъ тутъ же желѣзныхъ рудъ съ содержаніемъ отъ 26 до 50%. Если сѣра не окажетъ дурнаго вліянія на качество желѣза, то желѣзное производство разовьется въ Землѣ Войска Донскаго, въ противномъ же случаѣ—въ Екатеринославской губерніи.

Во время осмотра наружныхъ построекъ на шахтѣ Русскаго Общества пароходства и торговли, мы спросили г. Вагнера, от- куда огнестоянный кирпичъ, которымъ обложены паровики. Г. Вагнеръ сообщилъ, что въ 20 верстахъ отъ Грушевки есть мѣстонахожденіе огнестоянной глины, не уступающей лучшимъ заграничнымъ сортамъ. Вотъ, гдѣ бы развиться стеклянному производству, тѣмъ болѣе, что въ 30 верстахъ отъ Грушевки, на берегу Дона, возлѣ Мелиховской станицы нашли мы отлич- ный песокъ, совершенно годный для лучшихъ сортовъ стекла.

Изъ Новочеркасска поѣхали мы снова черезъ Авсай взглянуть на рыбные промыслы, привившіеся преимущественно въ устьяхъ Дона—въ Гниловской и Елизаветинской станицахъ. По этой дорогѣ лежитъ городъ Нахичевань; про него-то изстари идетъ молва, что въ немъ выдѣлываютъ фальшивые кредитные билеты. Говорятъ, впрочемъ, что будто въ настоящее время это выгодное производство все-таки прекращено. Но намъ доводилось слышать много нехорошаго про эту мѣстность: то на почту нападаютъ близъ Нахичевани, то ямщикъ намъ жалуется, что отъ него ночью чуть тройки лошадей не отняли въ предмѣстіи этого города, и въ заключеніе всѣхъ этихъ невеселыхъ разсказовъ, по городскимъ улицамъ среди бѣлаго дня прохаживаются наши солдаты — по два — это дневной патруль. Самый городокъ довольно грязный, хотя въ немъ много порядочныхъ каменныхъ домовъ.

Проѣхавъ около двухъ верстъ между глубокими оврагами, когда-то въ старину бывшихъ здѣсь укрѣпленій, мы очутились въ новомъ русскомъ городѣ, Ростовѣ, съ широкими, но непроходимыми отъ грязи улицами. Впрочемъ, кое-гдѣ попадаются вновь строящіеся каменные мостовыя. На этотъ разъ мы не остановимся на Ростовѣ.

Къ вечеру того же дня вѣхали мы въ Гниловскую станицу, отличающуюся отъ обыкновенныхъ нашихъ малорусскихъ сель большую разнообразію дворовъ и, если можно такъ выразиться, воздушностью камышевыхъ построекъ, даже плетней. Впрочемъ, казачій дворъ далеко не похожъ на уютный, кругомъ огороженный и крытый дворъ русскаго крестьянина съ его бревенчатую, на мху или павлѣ сложенную, хотя и грязною и курною, но теплою избою. Дворъ здѣшняго казака не похожъ на дворъ малорусскаго простолюдина господаря ¹⁾, съ его бревенчатую, обмазанною глиною снаружи и внутри, хатую, устроенною во дворѣ, огороженномъ красивымъ высокимъ плетнемъ, изъ-за котораго выглядываютъ верхушки сливныхъ да вишневыхъ деревь. Плетень весь обмотанъ зеленою хмѣля, фасоли, мохнатыми широкими листьями тыквы, взобравшейся гдѣ нибудь противъ солнышка на стриху ²⁾. Все это не то!

Домъ здѣшняго казака — нерѣдко красивая досчатая изба съ маленькимъ крылечкомъ. Доски эти почти исключительно барочныя; отверстія, гдѣ были деревянные гвозди, иногда задѣланы, а иногда открыты, пропуская свободно воздухъ во внутрь

¹⁾ Т. е. хозяина.

²⁾ Крыша надъ плетнемъ.

избы. Снаружи все это окрашено, чаще всего желтой и рѣдко бѣлой глиной. Крыльцо разноцвѣтно. Внутри дома—полы. Стѣны оклеены дешевыми обоями. Окна большія, печь съ трубою, столы и лавки чисты. Вблизи порога шкафикъ, гдѣ за стекломъ найдете нѣсколько десятковъ штукъ фаянсовой и фарфоровой посуды, но за разнообразіе не взыщите—одна тарелка не похожа на другую. Величина, достоинство, фасонъ, рисунокъ — все это чрезвычайно различно. Тоже самое можно сказать относительно серебрянной посуды, отличающейся стариною, тяжелой, и вообще весьма хорошаго достоинства; ея здѣсь много, но жаль, что одна ложка не похожа на другую, а вубокъ на вубокъ и подавно не похожъ.

Въ каждомъ домѣ двѣ или три комнаты — въ первой или второй высокая, но короткая кровать съ пуховиками и подушками, чуть не до потолка, вторая или третья комната служить кухней.

Дворъ большой, рѣдко огороженный перекладами или камышевымъ плетнемъ, такъ-что, воспѣваемая въ народныхъ пѣсняхъ удалъ казака, стремящагося къ своей милой черезъ «плетни, огороды», не встрѣчаетъ въ этихъ заборахъ особенныхъ затрудненій.

Такъ какъ Гниловская станица не представляетъ ничего особенно замѣчательнаго относительно рыбнаго промысла, который здѣсь незначителенъ, и намъ удалось только видѣть нѣсколько кибитокъ калмыцкихъ семействъ, приютившихъ со степи чистить тарань по 1 р. с. отъ тысячи, то, не теряя времени, отправились мы по поемному берегу Дона въ Елизаветинскую станицу, лежащую у самыхъ устьевъ Дона, противъ историческаго города Азова—нынѣ весьма незначительнаго городка.

Станица эта заключаетъ въ себѣ 2,500 душъ мужескаго пола, а женскій полъ въ Землѣ Войска Донскаго, по народному обычаю, не считается, хотя вездѣ числительностію превышаетъ мужской. Дома въ ней разбросаны на нѣсколько верстъ по берегу Дона и такъ называемаго казачьяго Эрива. Архитектура ихъ такая же, какъ описано выше — здѣсь только та особенность, что всѣ жилия постройки на сваяхъ, потому, что во время разлива Дона, вся мѣстность, за исключеніемъ немногихъ, весьма крошечныхъ возвышенныхъ пунктовъ, понимается водою. Тогда для елизаветинцевъ е. мя жаркой работы—необходимо наловить столько рыбы, чтобы достало на все въ теченіе цѣлаго года, да еще и старые долги заплатить надо. Въ противномъ случаѣ плохо, потому что елизаветинцы, кромѣ рыбной ловли, ничѣмъ больше не занимаются, не смотря на то, что земли и луговъ и не це-

речтешъ, а времени дѣвать некуда. Рыбные же промыслы бы-
ваютъ періодически и продолжаются недолго.

Впрочемъ, уловъ рыбы годъ отъ году становится скуднѣе—
прибавилось значительно рыболововъ, а рыбы стало меньше. Большая часть рыболововъ состоятъ въ неоплатныхъ долгахъ у
ростовскихъ торговцевъ, снабжающихъ ихъ въ долгъ всѣми ры-
боловными снастями по двойнымъ и выше цѣнамъ противъ дѣй-
ствительныхъ. Понятно, что сколько бы ни поймалось рыбы —
вся она идетъ въ руки этихъ господъ не-рыболововъ, которые,
при маломъ количествѣ, благодаря своимъ цѣнамъ на снасти,
едва-ли въ убыткѣ; но казаетъ въ барышѣ только при весьма
обильномъ уловѣ, большею же частію — не причемъ.

Исторія эта повторяется изъ года въ годъ. Говорятъ, что
за послѣдніе нѣсколько лѣтъ долгъ елизаветинцевъ возросъ до
500,000 руб. сер. Случись одинъ такой уловъ, какіе бывали въ
старину (и притомъ на всѣ 60—70 неводоѣ, а не на 20—30,
какъ въ старину бывало) и весь долгъ пополненъ, но такого
улова нѣтъ, какъ нѣтъ. И весь бытъ этой станицы у моря осно-
вывается на ожиданіи погоды, т. е. обильнаго улова рыбы.

Впрочемъ, не многіе болѣе расчетливые и трудолюбивые на-
чали оставлять эту мечту на даровую поживу, обзавелись хуто-
рами и стали заниматься хлѣбопашествомъ. Дай Богъ, чтобы этому
доброму примѣру послѣдовали другіе. А то едва-ли можно по-
вѣрить—впрочемъ, намъ говорили лучшіе люди въ станицѣ—что
елизаветинцы даже хлѣбъ рѣдко пекутъ сами, а покупаютъ го-
товый на базарѣ отъ азовскихъ торговцевъ. Въ одно время зи-
мою пронесло ледъ по срединѣ Дона, такъ что нельзя было ни
пройти ни проѣхать, и станица три дня была безъ хлѣба, пока
не возстановили сообщенія.

Теперь не трудно представить, какую мы встрѣтили обста-
новку у этихъ несчастныхъ, но довольныхъ собою рыбаковъ.
Оказалось, что пріѣзжій въ Елизаветинскую станицу, если онъ
не ростовскій торговецъ рыбными снастями, явленіе едва-ли воз-
можное. Бываетъ тутъ иногда изрѣдка начальство, чаще всего
сыскной — родъ становаго пристава, но больше-то кому сюда
пріѣзжать, и за чѣмъ?

Намъ отвели квартиру сыскаго; въ ней можно было сидѣть,
но прилечь не на чемъ, такъ какъ находившійся тутъ диванчикъ,
состоявшій изъ деревянной доски, не смотря на нашъ вовсе не
богатырскій ростъ, оказался коротковъ. Сыро и холодно. Топить
ночью старуха, находившаяся при домѣ, не хочетъ—да и не чѣмъ.
Утромъ взглянуть на станицу мы могли не иначе, какъ вер-

хами, а проѣхать въ телѣгѣ не легко; пѣшкомъ только кое-гдѣ возможно.

На другую ночь, воспользовавшись тѣмъ, что хозяйка не пріѣхала съ дальней деревни, мы завладѣли ея коротенькою, но все же лучшею, чѣмъ нашъ диванчикъ, кроватью (сѣна достать было негдѣ); за то на другой день, получили мы приличный выговоръ отъ пришедшей навѣстить старушку тетку 13-ти-лѣтней дѣвочки, племянницы хозяйки дома — выговоръ за то, что *безъ позволенія* посягнули на такое святотатство.

Мы привели этотъ случай, какъ характеризующій донскую женщину-казачку вообще. Растетъ она себѣ привольно среди своихъ широкихъ степей; кромѣ власти матери, далеко, впрочемъ, не деспотичной, она ни чѣмъ не стѣснена. Отца видитъ рѣдко, потому что онъ на службѣ, а въ короткіе промежутки домашнего отдыха занимается хозяйствомъ или въ обществѣ друзей. Братья чуть подросли — къ стаду въ поле или въ училище, а достигши совершеннолѣтія, туда же на службу. Все ея общество — общество ея подругъ; всѣ ея занятія — помогать матери возлѣ дома; въ огородѣ и на полѣ — не много работы, да и та у мало-мальски зажиточной хозяйки отбывается наймомъ. Выросла она, для нее имѣется женихъ.

Донцы не отпускаютъ своихъ молодыхъ казаковъ на службу въ дальнюю сторону холостыми. Передъ походомъ, хотя бы за недѣлю, женать молодого казака. Вотъ онъ оставилъ отцовскій кровъ, родителей, молодую жену и поѣхалъ, Богъ знаетъ, куда на службу. Черезъ три года вернется онъ опять; но жена все это время оставаясь одна, какъ знаешь. Не одну ночь проплачетъ бѣдная женщина, пока время возьметъ свое. Она мать — у ней сыновья. Дорога ихъ извѣстна. — Дочери вступать въ ея колею.

Этотъ семейный строй создаетъ скорѣе одностороннюю внѣшность, со всѣми вытекающими отсюда послѣдствіями, и донская женщина силою вещей должна была подчиниться имъ. У ней нѣтъ той гармонической полноты семейной жизни, какую испытываетъ женщина, поставленная въ другія общественныя условія.

Что же осталось для донской женщины при всей неудовлетворительности внутренняго содержанія — какъ не одна внѣшность — не удивительно, что она отдалась ей вполне. Она любить рядиться, хотя бы въ пищѣ отказывать себѣ, любить чистоту въ домѣ, но это скорѣе для внѣшности. Ея коротенькая кровать — наслѣдство послѣ прабабки — спать на ней нельзя — дольше сохранится. Донская женщина не доросла еще до труда,

выпавшаго на долю сознающей свое значеніе развитой женщины, и не понимаетъ труда, доставшагося въ удѣлъ простой, великорусской женщины. И едва ли по силамъ былъ бы ей одной этотъ трудъ; за то она и не особенно привязана къ нему. Куда же время дѣвать?

Вся обстановка донской женщины способствуетъ развитію въ ней силы характера и воли. Мужъ ея — это гость, она хозяйка. Это чувство сказывается во всемъ. Мужъ — хозяинъ только въ минуты самолюбія, но эти минуты обходятся иногда ему не дешево. Загляните въ начавшіе издаваться въ 1866 году «Труды донскаго статистическаго комитета», въ отдѣлъ уголовныхъ преступленій, вы тамъ найдете на стр. 141 слова, которыя мы приводимъ всецѣло:

«Итакъ, мы видимъ, что въ казачьемъ сословіи, относительно, совершается болѣе убійствъ, чѣмъ въ остальныхъ сословіяхъ, и еще особенно слѣдуетъ замѣтить, что большая часть этихъ убійствъ были совершены казачками — такъ: изъ (всего числа) 80 убійствъ, 43 приходится на долю казачекъ. Желая объяснить причины подобнаго явленія, я перечиталъ нѣсколько уголовныхъ дѣлъ о судимыхъ за убійство и не могъ не замѣтить, что почти всѣ убійства были совершены въ казачьемъ сословіи, вслѣдствіе семейныхъ раздоровъ и несогласій. Изъ 22-хъ уголовныхъ дѣлъ объ убійствѣ видно, что побудительныя причины къ преступленію въ казачьемъ сословіи были двухъ родовъ: 1) Нарушеніе супружеской вѣрности, болшею частію со стороны жены во время нахождения мужа на службѣ; и 2) Несогласіе между супругами, какъ слѣдствіе не добровольнаго вступленія въ бракъ, безъ искренняго согласія вступающихъ».

Итакъ, тутъ женщина преступница вдвойнѣ — и какія преступления. Хорошъ общественный строй, неизбежныя послѣдствія котораго такъ мрачны!

Простившись съ Елизаветинской станицей, поѣхали мы снова въ Авсай. Сырость, холодъ, постоянно рыбная пища, отсутствіе всякаго удобства — не замедлили повліять на непривычное ко всему этому здоровье. Въ Авсай просили мы приготовить намъ мясной обѣдъ, но такого грѣха брать на душу положительно никто не захотѣлъ. И только, благодаря распоряженію доктора, въ которому мы обратились, пища была измѣнена, и мы избѣгли лихорадки или тифа.

И. Кретьвичъ.

Продолженіе слѣдуетъ.)

ЗАПИСКИ О РОССИИ

ХVII-го и ХVIII-го ВѢКА

ПО ДОНЕСЕНІЯМЪ ГОЛЛАНДСКИХЪ РЕЗИДЕНТОВЪ.

II.

ПОСОЛЬСТВО ВРЕДЕРОДЕ, ВАССА И ЮАКИМИ ВЪ РОССИЮ, И ИХЪ ДОНЕСЕНІЕ
ГЕНЕРАЛЬНЫМЪ ШТАТАМЪ *).

Г. канцлеръ ¹⁾ и спутники его, въ первый день (послѣ отъѣзда изъ Нарвы), не могли сдѣлать болѣе 4 миль; за день или за два, до ихъ отъѣзда изъ Нарвы, въ полѣ, окруженномъ лѣсомъ и водою, для посла В. Д. В. была построена крестьянская изба. Канцлеръ довольствовался небольшою палаткою, которую его превосходительство везъ за собою на особой лошади; на другой день доѣхали они до Гдова, маленькаго городка, принадлежащаго въ псковскому воеводству и находящагося не далеко отъ озера Пейпуса, въ 12 миляхъ отъ Нарвы. Въ прошломъ году, король взялъ обратно этотъ городокъ у русскихъ и оставилъ имъ свободное отправленіе ихъ богослуженія и управленіе церковнымъ имуществомъ, не смотря на то, что жители не за-долго предъ тѣмъ, во времена в. в. Шуйскаго, истребили шведскій гарнизонъ, на-

---

*) См. выше, томъ I, стр. 222—255.

¹⁾ Такъ начинается, отдѣльно отъ прочихъ пословъ, донесеніе Юакими, который, какъ сказано выше (см. т. I, стр. 254) отправился, съ особымъ порученіемъ, къ шведскому королю подъ Псковъ въ сопровожденіи его канцлера, между тѣмъ какъ главное посольство Вредероде продолжало свой путь изъ Нарвы къ Новгороду.

ходившійся тамъ и не подозрѣвавшій даже непріятельскаго нападенія. Близъ означеннаго городка, ихъ встрѣтилъ русскій градоначальникъ Ѳедоровъ, такъ какъ король во всѣхъ городахъ, принадлежащихъ ему въ Россіи, содержитъ двухъ градоначальниковъ, одного шведа или нѣмца, а другого русскаго, который однакожь надъ войскомъ власти не имѣеть.

Здѣсь заказаны были другія лошади для поклажи и свиты, такъ какъ мы вступали въ другой округъ; а также и для того, чтобы скорѣе проѣхать въ одинъ день чрезъ опасный лѣсъ, лежащій по этому тракту, простирающійся слишкомъ на 10 миль, и въ которомъ ежедневно умерщвляются, замучиваются и грабятъ по нѣскольکو человекъ русскими, которые приходятъ сюда чрезъ Пейпусское озеро искать промысла изъ Печоры, значительнаго монастыря по ту сторону Пскова. Но, не смотря на то, что канцлеръ и спутники его, дошедши до окрестностей этого лѣса, дали цѣлый день отдохнуть лошадямъ,—они однакожь не могли исполнить своего намѣренія, и были принуждены почевать въ означенномъ лѣсу.

На другой день, т. е. 19-го октября, когда миновали лѣсъ, и поклажа была внѣ опасности, путешественники оставили ее на рукахъ финской конницы, которая подкрѣпила конвой отъ самаго входа въ лѣсъ, и пустились впередъ, чтобы доѣхать въ этотъ же день до лагеря; г. канцлеръ и прочіе—верхомъ, а я, Альбертъ Іоакими, въ королевской каретѣ, которая послана была изъ лагеря во Гдовъ для посланника В. Д. В.; г. шталмейстеръ уѣхалъ впередъ, чтобы увѣдомить короля о нашемъ пріѣздѣ. Канцлеръ увидѣвъ, не доѣзжая полъ-мили до лагеря, что насъ никто не встрѣчалъ, остановился. Е. В. въ это время дѣлалъ нападеніе на городъ съ той стороны, гдѣ часть каменной стѣны была пробита пушками, и отрядъ его войсва началъ пробираться на стѣну, но шведы должны были отступить, потерявъ около 20 убитыхъ и 30 раненыхъ. Городъ Псковъ весьма великъ и многолюденъ, и въ него спаслось много жителей изъ окрестностей. Русскіе сверхъ того умѣютъ лучше защищать, чѣмъ осаждаютъ города, или сражаться въ открытомъ полѣ. Къ тому же осадное войско короля было весьма обезсилено смертностію и болѣзнями, такъ что осталось здоровыхъ не болѣе какъ третья часть того войска, которое было собрано при началѣ осады, что было безъизвѣстно и осажденнымъ; поэтому-то они и защищались бодрѣе, не смотря на то, что голодъ начиналъ тѣснить ихъ. Мы прождали, какъ сказано выше, передъ лагеремъ, часъ или нѣскольکو поболѣе; наконецъ, прибылъ ротмистръ тѣлохранителей Е. В. съ своимъ отрядомъ и повелъ насъ во внутрь лагеря

и въ помѣщеніе короля, гдѣ стояла вооруженная пѣхота, мимо которой г. шталмейстеръ провелъ меня въ назначенную квартиру.

На другой день около 11 часовъ до обѣда (бывъ увѣдомленъ за полчаса до того, что я буду имѣть аудіенцію), я былъ приглашенъ г. государственнымъ совѣтникомъ Филиппомъ Сейхдингомъ (Philips Scheydinck) и вышепомянутымъ ротмистромъ Германомъ Врангелемъ явиться къ королю. Господа эти имѣли при себѣ много дворянъ, латниковъ и солдатъ, всѣ пѣшіе. За его превосходительствомъ слѣдовала королевская лошадь, на которую пригласили меня сѣсть, но мы всѣ вмѣстѣ отправились пѣшкомъ, мимо пѣхотныхъ войскъ, которыя въ оружіи были разставлены до самой залы короля. Зала была довольно велика, и съ другими боковыми покоями недавно для Е. В. построена изъ дерева. Когда я сталъ приближаться къ Е. В., то онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ на встрѣчу посланнику В. Д. В. Поклонившись ему, я сказалъ, что я и товарищи мои, узнавъ волю Е. В. изъ письма, писаннаго къ намъ 18-го сентября, не хотѣли преминуть исполнить ее; что они направили путь къ Новгороду, и что мы всѣ совокупно рѣшили, чтобы я отправился къ Е. В., именемъ всѣхъ свидѣтельствовать почтеніе, предложить услуги и вручить письма отъ гг. Генеральныхъ-Штатовъ и отъ свѣтлѣйшаго, высокорожденнаго князя Морица, принца оранскаго, графа нассаускаго. Е. В. передалъ письма г. канцлеру, который одинъ остался въ залѣ; всѣ же тѣ, которые предъ тѣмъ находились при королѣ, равно и тѣ, съ которыми мы прибыли, удалились, когда я началъ рѣчь свою къ королю. Я изложилъ Е. В. порученіе, данное В. Д. В., товарищамъ моимъ и мнѣ ¹⁾...

На дружелюбный поклонъ, желаніе и предложенія наши, король отвѣтилъ въ краткихъ словахъ, и равномѣрно В. Д. В. и его свѣтлости пожелалъ всякаго благополучія и потребовалъ, чтобы предложенія (о посредничествѣ) нами были ему представлены письменно. Дворяне, которые оставили залу, снова вошли. Тутъ приготовили два стола къ обѣду; къ одному изъ нихъ сѣлъ король подъ балдахиномъ, по-ниже Е. В. и по лѣвую его руку посадили посланника В. Д. В.; возлѣ него г. канцлера, противъ канцлера, вышеупомянутаго государственнаго совѣтника Филиппа Схейдинга, а на концѣ стола капитана Николая ванъ-Бредероде ²⁾. За другимъ столомъ сидѣло много дворянъ и капи-

¹⁾ Не приводимъ самой рѣчи, потому что она чисто официальная и ничего существеннаго не заключаетъ, при всей своей длинѣ.

²⁾ Родственникъ посла.

тановъ, а также и тѣ, которые провожали меня. За столомъ Е. В. много спрашивалъ о военныхъ силахъ Ген. Штатовъ, о дѣлахъ Франціи, объ Остѣ - Индіи и о торговлѣ вообще. Прежде всего король говорилъ объ осадѣ Пскова и о происшествіяхъ предъидущаго дня. Послѣ обѣда, когда король уволилъ меня, вышепоименованные гг. Схейдингъ и Врангель проводили меня на мою квартиру съ прежнимъ церемоніаломъ. Вечеромъ начали бросать гранаты въ городъ, которыя обратили въ пепель около 20 домовъ. На другой день, Е. В. приказалъ открыть батарейный огонь, съ тѣмъ, чтобы осажденные подумали, что онъ намѣренъ дѣлать новый приступъ къ городу; огонь кончился разрушеніемъ одной башни. Король приказалъ бросать гранаты; къ несчастію одно изъ орудій опрокинулось, огонь попалъ въ порохъ, который находился вблизи бомбардира, и отъ взрыва погибъ бомбардиръ и нѣсколько другихъ людей изъ артиллерійской прислуги; 50 или 60 человекъ кромѣ того было ранено. Вечеромъ король приказалъ всю артиллерію нагрузить на суда и сдѣлать распоряженія къ снятію осады, на что онъ рѣшился также и потому, что лагерь былъ ослабленъ и наступила зима....¹⁾

Г. канцлеръ, который былъ занятъ различными дѣлами, не могъ принять меня, чтобы проститься, ранѣ четверга 22-го октября. Его превосходительство тутъ сказалъ мнѣ, по приказанію короля, что Е. В. ничего болѣе не желаетъ, какъ окончанія войны между нимъ и русскими на честныхъ и справедливыхъ условіяхъ, о чемъ Е. В. объявилъ свое мнѣніе г. великобританскому послу, и изъявилъ вмѣстѣ съ тѣмъ желаніе, чтобы это мнѣніе было и мнѣ сообщено, и чтобы мнѣ дано было знать, что король довольствуется уплатою ему 7 милліоновъ риксдалеровъ, соглашаясь за то отказать отъ всѣхъ притязаній, которыя онъ имѣетъ на російское государство и нѣкоторыя его части, и будучи готовъ оставить всѣ города и мѣста, занимаемыя имъ въ Россіи, исключая приморскихъ городовъ и Кексгольма, на счетъ которыхъ король никакого спора допустить не можетъ, какъ принадлежащихъ шведской коронѣ на основаніи особаго условія заключеннаго съ в. в. Шуйскимъ. Г. канцлеръ послалъ узнать мое мнѣніе, считаю ли я поманутыя условія и кондиціи вполнѣ благоразумными, и на какихъ условіяхъ В. Д. В. полагаете, что можно окончить эти раздоры. На это я отвѣтилъ, что Генерал. Штатамъ не вполнѣ извѣстно, въ чемъ именно заключаются

¹⁾ За этимъ слѣдуетъ при дѣлѣ вставка, не имѣющая отношенія ни къ посольству Іоакими, и вообще касается дальнѣйшаго хода самихъ переговоровъ о мирѣ.

споры, а равно не извѣстны также средства, употребленныя какъ одною, такъ и другою стороною, чтобы поддержать права свои, и что потому они не могли дѣлать никакихъ особенныхъ предложеній, и по этой причинѣ поручили и приказали посланникамъ своимъ, разсмотрѣвъ тщательно обстоятельства дѣла, употребить всѣ старанія къ окончанію войны на справедливыхъ и благоразумныхъ условіяхъ, и къ основанію и упроченію новыхъ сношеній между Е. В. и государемъ россійскимъ. Когда-же я за тѣмъ просилъ увѣдомить меня, какія именно мѣста король, подъ именемъ приморскихъ, за собою удержатъ хотѣлъ, то г. канцлеръ отвѣтилъ мнѣ, что уполномоченные Е. В., къ заключенію мира, имѣютъ подробныя по этому предмету инструкціи; что однакожь главная мысль короля заключается въ удаленіи русскихъ отъ Балтійскаго моря и Финскаго залива, потому что торговля, которую русскіе ведутъ въ этихъ странахъ неоднократно подавала поводъ къ недоразумѣніямъ между обѣими націями, и что если король получитъ 7 милліоновъ риксдалеровъ, онъ возвратитъ всѣ города, замки и земли, принадлежащія къ нимъ, со включеніемъ Ивангорода, съ условіемъ, чтобъ крѣпость эта была срыта и новой не строить.

На другой день около обѣда, гг. полковники Сванте Баннеръ и Самуилъ Кобронъ опять приводили меня къ королю. Е. В. сказалъ, что онъ намѣренъ отпустить меня съ тѣмъ, чтобъ я отправился въ Новгородъ къ товарищамъ моимъ, и что онъ въ изъявленіи искреннихъ желаній Генеральныхъ-Штатовъ и въ этомъ важномъ посольствѣ видитъ доказательство особеннаго искренняго и откровеннаго благорасположенія В. Д. В. къ Его Величеству, государствамъ и землямъ его. Король съ своей стороны желаетъ, чтобы Богъ всемогущій даровалъ В. Д. В. всякаго успѣха при постоянномъ и продолжительномъ преуспѣяніи вашего государства, и при этомъ случаѣ изъяснилъ мнѣ готовность свою поддерживать дружбу свою съ В. Д. В. и всегда хранить существующій союзъ. Обстоятельный же отвѣтъ на все то, что Е. В. отъ вашего имени доложено было, король отложилъ до того времени, когда товарищи мои и я, окончивъ дѣло, для котораго мы посланы, возвратимся къ Е. В., и при этомъ случаѣ онъ изъяснилъ надежду, что мы употребимъ всѣ старанія наши къ восстановленію добраго мира между Швеціею и Россіею, пожелалъ всѣмъ намъ счастливаго пути, успѣшнаго окончанія нашего предпріятія и счастливаго возвращенія къ Е. В.—За столомъ пили за здоровье короля, В. Д. В. и принца Морица, и когда я наконецъ откланялся Е. В., то меня обратно проводили на мою квартиру

означенный полковникъ г. Сванте Баннеръ и баронъ Милеръ Бьелькенсъ (Bielkens).

Такъ какъ я намѣренъ былъ отправиться въ Новгородъ 24-го числа, то г. канцлеръ далъ мнѣ знать, что, по мнѣнію короля, мнѣ лучше ѣхать на Старую Русу, чрезъ что я выиграю 24 мили и даже больше; причиною перемѣны маршрута было то, что король получилъ отъ Якова Понтуса-де-ла-Гарди графа Леское, предводителя войскъ Е. В. въ Россіи, извѣстіе о томъ, что онъ и другіе уполномоченные для переговоровъ о мирѣ отправились изъ Старой Русы за 10 миль, въ Осташковъ, гдѣ хотѣли дожидаться русскихъ уполномоченныхъ, и что они рѣшились на это, по настоятельной просьбѣ великобританскаго посла Іоанна Меррика, кавалера и тайнаго содѣльника его великобританскаго величества. Посоль, отправленный королемъ великобританскимъ, чтобы примирить короля шведскаго съ В. К. російскимъ, выѣхалъ изъ Москвы въ концѣ марта 1615 г., и прибылъ чрезъ 3 мѣсяца въ Новгородъ, послѣ чего, его превосходительство отправился въ королю шведскому въ Нарву. Доложивъ о порученіи, данномъ ему королемъ великобританскимъ, онъ вручилъ королю шведскому письмо В. К. московскаго о томъ, чего его царское высочество требовалъ отъ короля шведскаго ¹⁾. Претензіи перваго поддерживаемы были посломъ, который находилъ ихъ весьма справедливыми и защищалъ всѣми возможными средствами и съ большимъ усердіемъ, нежели приличествовало искреннему посреднику; такъ по крайней мѣрѣ полагали король и окружающіе его. Вслѣдствіе того англійскій посоль былъ подозрѣваемъ въ пристрастіи къ русскимъ, и это подозрѣніе увеличилось тѣмъ обстоятельствомъ, что его превосходительство 40 лѣтъ жилъ въ Россіи и долгое время занималъ должность агента англійскихъ купцовъ. Потомуто король великобританскій, полагая, что можетъ быть этотъ посоль не будетъ пріятенъ Швеціи, далъ знать королю шведскому, что если онъ не пожелаетъ посредничества помянутаго Іогана Меррика, то къ нему будетъ посланъ другой. Не смотря на это подозрѣніе, и хотя его превосходительство не привезъ отъ русскихъ условій, на которыхъ можно бы было заключить миръ (кромѣ вышесказаннаго письма, въ которомъ они требовали возвращенія всего того, что занято было королемъ шведскимъ въ Россіи съ вознагражденіемъ за издержки и убытки), Е. В. однакожь въ собраніи, созванномъ въ лагерѣ подъ Псковомъ, при-

¹⁾ Въ донесеніи попеременно царю Михаилу Федоровичу дается титулъ то величества, то высочества.

казалъ своимъ уполномоченнымъ отправиться въ Новгородъ. Уполномоченные, по внушенію означеннаго великобританскаго посла, поѣхали въ Старую Русу и потомъ далѣе во внутрь Россіи, до мѣстечка Романова. Я немедленно далъ знать товарищамъ о желаніи короля, чтобъ я отправился въ Старую Русу, и чтобъ я тамъ ожидалъ ихъ. Я выѣхалъ изъ лагеря 25-го числа около обѣда, потому что приставъ, который долженъ былъ ѣхать со мною и оставаться при посланникахъ нидерландскихъ, до тѣхъ поръ, пока они будутъ находиться во владѣніяхъ Е. В., не успѣлъ приготовиться прежде. Приставъ этотъ былъ баронъ Класъ Классенъ Фуйль (Clas Classen Vuyl), бывший градоначальникъ Нарвы. Трудно было также достать лошадей для меня и свиты моей, а еще менѣе — повозокъ или телѣгъ для провизіи и поклажи, которыя отданы были на руки князю Ивану Ниевичу Мещерскому, соградоначальнику Порхова, и имъ распределены по телѣгамъ разныхъ другихъ князей и бояръ, которые отправились съ нами, и число которыхъ, со включеніемъ прислуги ихъ, доходило до 150 человекъ. Кромѣ ихъ отправились съ нами 5 конныхъ взводовъ и 3 роты пѣхоты, частію въ качествѣ конвой, потому что дороги были очень опасны по причинѣ казаковъ и шипей (Syven) (эти послѣдніе суть крестьяне, скитающіеся въ лѣсахъ, грабящіе и умерщвляющіе пробѣжнихъ), а частію потому, что имъ слѣдовало отправиться на зимнія квартиры.

28-го октября, я вторично далъ знать своимъ товарищамъ, что королю угодно, чтобъ мы всѣ вмѣстѣ съѣхались въ Старой Русѣ. Я писалъ къ нимъ изъ села называемаго Старицею, лежащаго въ прекрасной равнинѣ, куда иногда великіе князья имѣли обыкновеніе отправляться для потѣхи. На этомъ мѣстѣ и въ окрестности жило еще нѣсколько людей. Весь конвой остался тутъ на слѣдующій день, чтобъ дать отдохнуть пѣхотѣ, и чтобъ успѣть исправить гать по порховской дорогѣ, длиною около одной мили.

29-го октября, прибылъ я въ Порховъ, маленький городокъ съ каменными стѣнами и принадлежащій къ большому воеводству Новгородскому. Конвой почти весь оставался за городомъ. Городъ населенъ русскими, кромѣ гарнизона, который содержится королемъ шведскимъ подъ командою нѣмецкаго губернатора. Прежде въ немъ было значительное укрѣпленіе, гдѣ жило много купцовъ и крестьянъ, ибо окружающія его поля весьма пріятны и плодородны. Князь Иванъ Ниевичъ Мещерскій прислалъ мнѣ чрезъ своего сына три бутылки водки и двѣ корзины, одну съ бѣлымъ и другую съ ситнимъ хлѣбомъ.

Когда я отдалъ ему визитъ, то при приходѣ и при уходѣ моемъ онъ далъ мнѣ случай увидѣть свою хозяйку и поговорить съ нею; это у русскихъ почитается за самую большую честь, которую они могутъ оказать друзьямъ своимъ.

1 ноября, я увѣдомилъ товарищей, что отправляюсь въ этотъ день изъ Порхова въ Старую Русу. Гг. градоначальники, вн. Иванъ Никитичъ и баронъ Лаврентій Грассъ, проводили меня со многими дворянами и боярами на полъ-мили за городъ. Изъ вонвоа, пришедшаго съ нами изъ лагеря, пошло далѣе со мною не болѣе одной полуроты рейтаровъ, изъ коихъ 40 человекъ оставили насъ въ 2-хъ миляхъ отъ Порхова. Дорога была не дурна для легкаго войска и для не тяжело нагруженныхъ путниковъ. На этой самой недѣлѣ, шиши захватили въ этой мѣстности 4-хъ рейтаровъ, посланныхъ военачальникомъ съ письмами. Они связали имъ руки на спину, отрубили имъ головы, а двумъ слугамъ этихъ рейтаровъ велѣли бросить между собою жребій, кому изъ нихъ придется отрубить голову другому.

5 ноября, мы прибыли въ Старую Русу, которая лежитъ отъ Порхова въ 18 миляхъ; градоначальники, баронъ Франсуа Дейверъ и князь Андрей...¹⁾, привѣтствовали меня весьма радушно; но содержаніе не было бы хорошо, еслибъ военачальникъ не снабдилъ изъ Романова всѣмъ нужнымъ для кухни и погреба. Въ то самое время какъ я прибылъ, пріѣхалъ человекъ военачальника съ провизіею; такъ какъ онъ отправлялся въ Новгородъ, то и далъ знать товарищамъ моимъ о моемъ пріѣздѣ въ Старую Русу²⁾ . . . . .

Митрополитъ новгородскій, князья и проживающіе бояре въ Новгородѣ и все городское общество были весьма рады узнать, что гг. Генеральнымъ-Штатамъ угодно было до того принять въ сердце дѣла русскія, что они отправили посланниковъ для прекращенія войны между его царскимъ высочествомъ и королемъ шведскимъ. Знатнѣйшіе изъ нихъ выразили свои чувства въ совѣщаніяхъ, которыя мы, Рейнгоутъ, ванъ-Бредероде и Дидрихъ Бассъ, имѣли съ ними, и нѣкоторые изъ нихъ, какъ мы узнали впоследствии, дали знать о пріѣздѣ посланниковъ В. Д. В. его царскому высочеству въ Москву, и были того мнѣнія, что король шведскій снялъ лагерь подъ Псковомъ по внушенію и вслѣдствіе убѣжденій, сдѣланныхъ ему отъ имени В. Д. В. Они совѣтовали намъ письменно просить его царское высочество о присылкѣ

¹⁾ Имя пропущено въ оригиналѣ.

²⁾ За симъ слѣдуетъ продолженіе прерваннаго донесенія голландскихъ пословъ, прибывшихъ въ Новгородъ.

изъ Москвы толмача или переводчика, и полагали притомъ, что чрезъ то мы пріятнѣе будемъ его царскому высочеству и русскому совѣту, и будемъ допущены безъ затрудненія къ дѣламъ о заключеніи мира. Мы приняли совѣтъ ихъ и рѣшились препоручить нидерландскому купцу изъ Зеландіи, по имени Герарду ванъ-деръ-Гейдену (Geerard van der Heyden), который 14 лѣтъ жилъ въ Новгородѣ, доставить письма наши въ Москву. До Новгорода угощали насъ служители (officiëren) короля, а иногда нѣкоторые князья и бояре дѣлали намъ подарки съѣстными припасами. Гг. королевскіе уполномоченные для переговоровъ, узнавъ о пріѣздѣ нашемъ, — въ письмахъ изъ Романова, поздравили насъ съ прибытіемъ и просили насъ настоятельно, если въ Новгородѣ не угостятъ насъ приличнымъ и надлежащимъ образомъ, приписать таковое обстоятельство долговременной войнѣ и трудности, съ которою добываются удобства жизни. 12 числа, выѣхали мы изъ Новгорода, въ сопровожденіи тѣхъ же лицъ, которыя вышли къ намъ на встрѣчу при пріѣздѣ нашемъ. Намъ при отъѣздѣ была отдана та же честь, съ которою насъ встрѣтили при пріѣздѣ. Былъ данъ надлежащій конвой, но за немѣніемъ хорошихъ проводниковъ, мы должны были провести одну ночь подъ открытымъ небомъ. На третій день, мы прибыли на лошадяхъ и въ саняхъ по льду въ Старую Русу, которая въ это время обращена была въ шанецъ, гдѣ король содержалъ гарнизонъ, состоящій изъ рейтаровъ и 1 роты пѣхоты. Прежде городъ этотъ былъ весьма многолюденъ, какъ видно изъ развалинъ каменныхъ церквей и монастырей. Здѣсь прежде добывали много соли изъ колодца, который находился въ городѣ, и отъ этого промысла великій князь получалъ болѣе 40 т. р.; но всѣ варницы (Soutkeetew), кромѣ 8 или 10, и весь городъ сожжены были полявами три года тому назадъ, жители были умерщвлены, и вся окрестность города опустошена полявами и русскими, такъ что король отъ заводовъ никакого не получаетъ дохода, и осталось около 100 жителей, имѣющихъ насущный хлѣбъ. При пріѣздѣ въ шанецъ, насъ встрѣтили градоначальники и почтили пушечными выстрѣлами.

На другой день, 15/5 ноября, мы, посланники В. Д. В., снова соединившись, написали слѣдующее письмо къ великому князю: «Свѣтлѣйшій, державнѣйшій царь и великій князь Михаилъ Ѳедоровичъ, самодержецъ всероссійскій, владимірскій, московскій, новгородскій, царь казанскій, астраханскій, сибирскій, владѣтель Пскова и великій князь смоленскій, тверской, ижорскій, пермскій, вятскій, болгарскій и многихъ другихъ господствъ и земель владѣтель и повелитель!

«Мы во всякое время готовы низжайше служить вашему царскому величеству, свѣтлѣйшій державнѣйшій царь и великій князь.

«Высокіе и могущественные Генеральныя-Штаты Соединенныхъ Нидерландовъ, узнавъ въ прошедшемъ году изъ писемъ В. Ц. В. и изъ устныхъ предложеній царскаго посланника вашего, что ведется война и существуютъ распри между В. Ц. В. и королемъ шведскимъ, не только въ письмахъ къ В. Ц. В., но и въ письменномъ отвѣтѣ, данномъ посланникамъ В. Ц. В. при ихъ возвращеніи, — предложили дружеское посредничество и всевозможную помощь къ прекращенію помянутыхъ раздоровъ и также письмами своими настоятельно просили и убѣждали Е. В. короля шведскаго согласиться на заключеніе мира. Такъ какъ Генеральныя-Штаты недавно узнали изъ письма вышепоименованнаго короля шведскаго, что Е. В. не противится мирнымъ переговорамъ съ В. Ц. В., и что уже на тотъ конецъ, вслѣдствіе содѣйствія посла Е. В. короля великобританскаго, устроенъ съѣздъ уполномоченныхъ обѣихъ сторонъ, то И. Д. В., желая способствовать успѣху означенныхъ переговоровъ, почли за благо къ пользѣ В. Ц. В. и короля шведскаго отправить насъ съ порученіемъ явиться на то мѣсто, которое назначено будетъ для помянутаго съѣзда и именемъ И. Д. В. употребить всѣ возможныя старанія къ заключенію добраго, искреннаго и справедливаго мира между В. Ц. В. и королемъ шведскимъ. На тотъ предметъ мы нижеподписавшіеся были намѣрены отправиться къ В. Ц. В. для врученія кредитныхъ грамотъ нашихъ, но узнавъ, при пріѣздѣ нашемъ сюда, что уже дѣло о переговорахъ дошло до того, что уполномоченные (Commissarissen) обѣихъ сторонъ собрались, чтобы приступить къ занятіямъ, мы предпочли на первый случай отложить путешествіе наше къ В. Ц. В. и отправиться прямо на мѣсто переговоровъ, чтобы принять, какъ то намъ поручено, участіе въ нихъ и, по силамъ, содѣйствовать къ успѣху; путешествіе же наше къ В. Ц. В. помѣшало бы намъ быть вамъ полезнымъ. Потому мы низжайше просимъ В. Ц. В. съ насъ за это не взымать, и, не имѣя при себѣ переводчика (здѣсь же ни одного нейтральнаго толмача найти не можемъ, а желали бы имѣть переводчика нашей націи или другого, на котораго мы бы могли положиться), мы покорнѣйше просимъ сдѣлать намъ честь милостивѣйше даровать свободный пропускъ сюда Исааку Массару ¹⁾ (Isaac Massar) или тому, кого онъ назначитъ вмѣсто себя, въ случаѣ, если онъ самъ будетъ задержанъ законными препятствіями. Мы признаемъ сіе за великую царскую милость

¹⁾ Масса.

и почтемъ себя тѣмъ болѣе обязанными служить В. Ц. В., моля Бога всемогущаго да хранитъ онъ его особу, государства и земли В. Ц. В. во всегдашнемъ благоденствіи и преуспѣяніи. Цижайше остаемся готовые къ услугамъ В. Ц. В.

«Дано въ Старой Русѣ, 5 ноября 1615 по Р. Х.

Мы также просили Исаака Массара пріѣхать къ намъ или, если то ему не возможно, то выслать намъ другого нидерландца, который могъ бы быть переводчикомъ между нами и русскими, и мы отправили съ этими письмами, 16 числа, вышепомянутаго Геррита ванъ-деръ-Гейдена (Gerrit van der Heyden). 17 числа, мы выѣхали и, совершивъ дорогу въ саняхъ по льду, который не былъ еще весьма твердъ, мы 19 числа прибыли, на одну милю отъ Романова, въ то мѣсто, гдѣ помѣщены были шведскіе уполномоченные въ деревянномъ укрѣпленіи (ретраншаментѣ); они выѣхали къ намъ на встрѣчу на озеро, а именно: Яковъ Понтусъ де-ла-Гарди (графъ Лекоскій, баронъ Эйгольмскій, владѣтель въ Колкѣ и Рунзее, шведскій государственный совѣтникъ и военноподполковникъ), Генрихъ Горнъ, Венденскій и Гезлескій, (шведскій государственный совѣтникъ и маршалъ лагеманъ Эландскій), Арфу Тонисенъ Тейстербейскій, намѣстникъ Выборга и верхней Корелии; Лагеманъ Корельскаго округа (Jurisdictu) и Мансъ Мартенсъ (Martens), секретарь его величества, и съ ними одна рота пѣхоты и многочисленная свита. Они привѣтствовали насъ съ большимъ радушіемъ, говоря, что пріѣздъ нашъ имъ весьма пріятенъ, и проводили въ отведенныя для насъ квартиры, состоящія изъ 7 или 8 опустѣлыхъ дымовыхъ избъ, на русскій ладъ. Избы эти были остаткомъ деревни, называемой Милагоною (Milagona), лежавшей на рѣкѣ. Въ одной изъ нихъ люди наши нашли человѣческій скелетъ. Въ избахъ, въ которыхъ мы провели прошлую ночь, мы также нашли остатки 7 или 8 мертвыхъ тѣлъ. Ихъ превосходительства и благородія, извинившись въ неудобствахъ нашихъ квартиръ и предложивъ намъ всё, чѣмъ могли служить, по обстоятельствамъ времени и мѣста, отправились въ свои квартиры, оставивъ на защиту нашу 28 или 30 пѣшихъ служителей, которые были на ночь подкрѣплены 10 или 12 конными; для большей безопасности и въ огражденіе отъ волковъ и другихъ лютыхъ звѣрей, водящихся въ лѣсахъ по сю и по ту сторону озера, равно отъ казаковъ и шипей, квартиры наши были окружены палисадами. Не желая терять времени, мы на другой день явились въ Романовское укрѣпленіе. Когда шведскіе уполномоченные узнали, что мы хотѣли ѣхать далѣе, то они намъ доставили лошадей. Мы ихъ прев-амъ и бл-діямъ объяснили причину нашего прибытія и просили ихъ увѣдомить насъ о на-

стоящемъ положеніи переговоровъ. Они выразили благодарность свою В. Д. В. за благорасположеніе, которое вы питаете къ благоденствію Е. В. короля шведскаго и его государствъ, а доказательствомъ такого благорасположенія служить уже отправленіе пословъ въ качествѣ посредниковъ между Е. В. и русскими. Они благодарили также насъ за то, что мы приняли на себя трудъ столь дальняго и неудобнаго путешествія. Далѣе, они рассказали намъ, что, повѣривъ обѣщаніямъ даннымъ г. англійскимъ посломъ королю шведскому и имъ, а эти обѣщанія однакожь не всѣ были исполнены, они прибыли въ то мѣсто, гдѣ теперь находятся, въ окрестность необитаемую и опустошенную, куда все необходимое для людей и лошадей доставляется съ большимъ трудомъ и великими издержками изъ весьма отдаленныхъ мѣстъ, безъ всякаго обезпеченія взаимной безопасности уполномоченныхъ; — что вовсе не назначено мѣста, гдѣ должны производиться переговоры; — что помянутый посолъ предложилъ мѣстечко, именуемое Селищами (Salioze), лежащее почти на половинѣ дороги между Романовымъ и Полъновымъ (мѣстопребываніемъ главныхъ русскихъ уполномоченныхъ); — что эти послѣдніе были недовольны этимъ распоряженіемъ и требовали, чтобы шведскіе уполномоченные пріѣхали ближе къ нимъ во внутрь Россіи, на берегъ рѣки, находящейся еще болѣе чѣмъ на двѣ мили далѣе означеннаго мѣста (на означенной рѣкѣ въ 1614 г. производился размѣнъ плѣнныхъ); — что, вслѣдствіе того, посолъ предложилъ другое мѣсто, лежащее между обоими вышесказанными мѣстечками и именуемое Дидериномъ (Diderina), на что, для ускоренія дѣла, и согласились шведскіе уполномоченные, и что англійскій посолъ отправилъ къ русскимъ уполномоченнымъ одного изъ слугъ своихъ, чтобы узнать, согласны ли они явиться въ послѣднее мѣсто; — что русскіе уполномоченные за день или за два предъ симъ написали ихъ пр-вамъ и бл-діямъ письмо, исполненное оскорбленіями, что на письмо они (шведы) приготовили отвѣтъ для защиты яести своей, не смотря на то, что посолъ просилъ ихъ оставить означенное письмо безъ отвѣта. Ихъ пр-ства и бл-дія сказали намъ также, что господинъ посолъ питаетъ къ намъ сильную зависть, такъ какъ онъ полагаетъ, что король шведскій снялъ осаду Пскова вслѣдствіе убѣжденій нашихъ, и что онъ опасается, чтобы это обстоятельство не уменьшило кредита его у русскихъ, вслѣдствіе того, что онъ не успѣлъ удержать короля отъ осады означеннаго города. Они одобрили намѣреніе наше безъ отлагательства отправиться къ русскимъ уполномоченнымъ, просили однакожь насъ повременить до возвращенія посланнаго въ нимъ англійскимъ посломъ. Ге-

рардъ ванъ-деръ-Гейденъ, о коемъ мы упомянули выше, былъ еще съ нами и не могъ склонить слугу англійскаго посла, отправиться съ нимъ вмѣстѣ; но онъ однакожъ выѣхалъ вскорѣ послѣ него ¹⁾.

Мы затѣмъ просили шведскихъ уполномоченныхъ поторопиться отправленіемъ тѣхъ, которые должны были принимать присягу въ безопасности и присутствовать при цѣлованіи креста русскими (подобно тому, какъ шведы имѣютъ обыкновеніе присягать на св. Евангеліи, русскіе подкрѣпляютъ свои обѣщанія цѣлованіемъ образа Спасителя на распятіи). Они обѣщали отправить повѣренныхъ своихъ 28 ноября рано поутру, не только съ этимъ порученіемъ, но и съ приказаніемъ условиться съ русскими въ томъ, чтобы обѣ стороны общими силами противодействовали всѣмъ и каждому, который пожелалъ бы препятствовать ходу переговоровъ, или вредить имъ, такъ какъ толмачъ или переводчикъ великобританскаго посла, прибывшій недавно изъ стана русскихъ, привезъ извѣстіе, что польскій полковникъ, по имени Лисовскій, извѣстный въ Россіи своими набѣгами, снова приближается съ 2,000 пятью или шестьюстами рейтаровъ. Шведамъ донесли, что войско его состоитъ изъ 7,000 конницы, и что, служа королю польскому, онъ имѣетъ намѣреніе, воспрепятствовать заключенію мира. Мы надѣялись на то, что онъ не осмѣлится совершить этого предпріятія, и тѣмъ болѣе были въ томъ увѣрены, что весь край во всѣ стороны опустошенъ, и онъ поэтому не найдетъ средствъ къ пропитанію людей и лошадей, а еще менѣе будетъ имѣть возможность получить свѣжихъ лошадей въ замѣнъ негодныхъ къ службѣ. Онъ имѣетъ обыкновеніе оставлять слабыхъ коней, и когда ему удастся достать лучшихъ лошадей, то, подобно молніи, бросается впередъ, уничтожая все, что ему попадетъ и чего онъ не можетъ увести съ собою. Посоль, съ которымъ мы говорили объ этомъ извѣстіи, сказалъ, что Лисовскаго опасаться нечего, потому что великій князь имѣетъ довольно силъ и средствъ, чтобы удержать набѣгъ его, и что уже 3 полковника съ войсками были отражены на тотъ конецъ. Мы послѣ этого узнали, что означенные 3 корпуса не могли поставить болѣе 3 или 4-хъ тысячъ войска, и что Лисовскій, побывъ нѣсколько времени около Торжка, между Москвою и Осташковымъ (Astasko), отправился въ Ростовъ, сжегъ

¹⁾ Здѣсь нами опущены нѣсколько страницъ, въ которыхъ послы рассказываютъ весьма подробно о дошедшихъ до нихъ слухахъ, что англійскій посоль отклоняется сдѣлать имъ визитъ; этотъ вопросъ этикета не относится вовсе къ существу переговоровъ и потому нами не помѣщенъ.

городъ и пустился далѣе мимо Ярославля чрезъ Вологду до Данилова (Danicisco), повидимому, чтобъ взять въ плѣнъ купцовъ и захватить товары, которые шли въ это время съ Архангельской ярмарки въ Москву, и что съ Данилова, поворотивъ на юговостокъ чрезъ Рязань, онъ воротился въ Польшу, но часть аррьергарда его въ этомъ набѣгѣ была уничтожена русскими. Бояринъ, который привезъ намъ письма отъ великаго князя, когда мы изъ Стокгольма возвращались уже въ Нидерланды, рассказалъ намъ, что Лисовскій послѣ того потерялъ много войска въ набѣгѣ на Волынь и Подолію, и что онъ самъ находится въ Смоленскѣ.

Гг. шведскіе уполномоченные сказали, 27 ноября, что англійскій посолъ получилъ письма изъ Москвы о допущеніи насъ въ переговоры.

28 ноября, его пр-ство самъ увѣдомилъ насъ о полученіи писемъ отъ великаго князя изъ Москвы, въ которыхъ его Царское Высочество увѣдомляетъ, что ему весьма пріятно, что мы вмѣстѣ съ англійскимъ посломъ будемъ участвовать въ переговорахъ. Онъ предъявилъ намъ письма эти, которыя состояли въ весьма длинномъ сверткѣ; потомъ онъ предложилъ намъ разные, совершенно излишніе вопросы, какъ-то: были-ли въ 1614 г. посланники великаго князя приглашены пріѣхать изъ Гамбурга въ Нидерланды? Были ли чрезъ нихъ посланы подарки къ великому князю? и проч., наконецъ, привезли-ли мы съ собою деньги, которыми В. Д. В. обѣщали ссудить великаго князя? Мы сомнѣвались въ томъ, сдѣлалъ ли посолъ послѣдній вопросъ по порученію великаго князя, или по собственному своему побужденію, опасаясь, чтобъ В. Д. В. чрезъ этотъ заемъ не успѣли бы доставить голландскимъ торговцамъ выгоды и прибыли, въ ущербъ торговли англичанъ. — Мы отвѣчали, что намъ неизвѣстно, дѣлали-ли В. Д. В. подобное обѣщаніе, а ему самому извѣстно, что В. Д. В. должны еще большія суммы денегъ Е. В. королю Великобританскому, почему трудно было бы ссужать другихъ государей значительными деньгами. Онъ просилъ насъ также сообщить ему то, что далъ знать намъ король шведскій относительно условій, на которыхъ Е. В. согласенъ заключить миръ съ русскими, и спросилъ, не готовъ ли онъ возвратитъ всѣ города, завоеванные имъ въ настоящую войну. Мы подозрѣвали, что переводчики его, которые были при нашей конференціи (такъ-какъ онъ говорилъ съ нами на своемъ родномъ языкѣ), пристрастны къ русскимъ, живши и торговавши съ ними долгое время, и разсудили, что вовсе будетъ бесполезно, если мысль короля шведскаго, сколько она намъ была извѣстна, чрезъ насъ дойдетъ до русскихъ, ибо дѣла о переговорахъ шли еще довольно туго. Мы

отвѣтили на это предположеніемъ, что ему почти столько-же извѣстна мысль короля, какъ и намъ, и вѣроятно, изъ уваженія къ могуществу короля великобританскаго, король шведскій пространнѣе и обстоятельнѣе говорилъ съ нимъ, посломъ англійскимъ, чѣмъ съ посланниками В. Д. В.; но, не смотря на это, намъ и его пр-ству, воль скоро начнутся переговоры, для пользы обѣихъ сторонъ, слѣдуетъ сообщать другъ другу все, что вѣждый изъ насъ по этому предмету будетъ знать.

Между тѣмъ, шведскими уполномоченными отправлены были повѣренныя для передачи охранительныхъ грамотъ короля шведскаго для русскихъ уполномоченныхъ и для полученія отъ Великаго Князя подобныхъ же грамотъ для охраненія шведскихъ уполномоченныхъ. Они также должны были, отъ имени уполномоченныхъ, идти къ присягѣ и присутствовать при томъ, когда русскіе будутъ цѣловать крестъ, по существующимъ обычаямъ. Для большей вѣрности шведскіе уполномоченные привазили форму о присягѣ и цѣлованіи креста изготавить по проекту англійскаго посла, и въ этой формѣ дали великому князю титулъ, который Е. Ц. В. самъ употребляетъ, протестуя при томъ еще разъ, что они этимъ не намѣрены принести ущербъ Величеству короля шведскаго въ правахъ его на верховную власть въ Россіи, надѣясь, что этою уступкою предупредятся всѣ споры, которые иначе русскіе могли бы поднять относительно составленія означенной формы, и такимъ образомъ, можно будетъ приступить, безъ дальнѣйшаго труда, къ начатію главныхъ переговоровъ, которые, по ихъ мнѣнію, весьма удобно можно бы окончить въ 3 недѣли, на каковой лишь срокъ они запаслись провизіею, напитками и фуражемъ изъ Новгорода ¹⁾.

Шведскіе уполномоченные сказали намъ также, что, кромѣ вышеизясненнаго, русскіе уполномоченные хотятъ приписать великому князю титулъ: Новгородскій и Лифляндскій, на что шведы согласиться не могутъ — особенно же ни въ какомъ случаѣ на титулъ Лифляндскій — и никакъ не могутъ уступить русскимъ въ требованіи ихъ совершить присягу и цѣлованіе креста безъ письменнаго акта; что русскіе дѣлаютъ безпрестанныя затрудненія для принятія охранительной грамоты короля шведскаго, потому что въ ней имена короля датскаго и Генеральныхъ-Штатовъ поставлены прежде имени великаго князя; далѣе потому, что въ ней сказано, что переговоры предприняты по убѣжденіямъ королей великобританскаго и датскаго и В. Д. В.,

¹⁾ Здѣсь слѣдуютъ формулы охранительныхъ грамотъ на нѣмецкомъ языкѣ, не представляющія никакого особеннаго историческаго интереса.

и наконецъ потому, что г. Арфу Тонниссонъ Тейстербейскій именуется намѣстникомъ Выборгскимъ и Верхней Корелии, лагеманомъ Корельскаго округа; изъ чего явствуетъ, что русскіе всячески стараются протянуть дѣло, на что шведы никакъ согласиться не могутъ. Поэтому шведскіе уполномоченные рѣшили, чтобы графъ Левоскій (де-ла-Гарди) отправился къ англійскому послу, напомнить ему обо всѣхъ данныхъ имъ (посломъ) шведскимъ уполномоченнымъ общаніяхъ, объяснить всѣ неудобства, проистекающія отъ времени, мѣста и недостатка въ продовольствіи для долгаго продолженія сѣзда, просить посла о совершеніи присяги и цѣлованія креста, на что назначено было слѣдующее воскресенье, и, наконецъ, объявить ему, что иначе они уѣдутъ и бросать все дѣло. Отъ насъ они хотѣли узнать, не будетъ ли лучше для успѣха дѣла, если англійскій посолъ и мы отправились бы къ главнымъ русскимъ уполномоченнымъ, чтобы убѣдить ихъ словесно согласиться на принятую и условленную форму. Мы отъ души согласились на это и объявили, что на другой же день пойдемъ къ англійскому послу, чтобы поговорить объ этомъ съ его пр-вомъ; но мы были освобождены отъ этого труда тѣмъ, что на другой день, 3 декабря, шведскіе уполномоченные дали намъ знать, что англійскій посолъ навздумавъ отвѣчалъ имъ, что все недоразумѣніе произошло отъ того, что переводчики не такъ поняли дѣло и не передали какъ слѣдовало мыслей его.

Великій князь писалъ къ англійскому послу и просилъ, въ случаѣ, если его уполномоченные объявятъ, что на рѣшеніе того или другого могущаго встрѣтиться дѣла, они приказаній не имѣютъ, то чтобы его пр-во пополнилъ ихъ инструкціи по своему благоусмотрѣнію, и что таковыя резолюціи посла будутъ имъ утверждены. Посолъ, посѣтивъ насъ съ приличною свитою, и извинившись въ томъ, что не былъ прежде у насъ по причинѣ дурной погоды, сказалъ намъ, что русскіе главные комиссары писали къ нему, что не могутъ согласиться на титулы, данныя королю шведскому въ проектѣ, и что онъ самъ твердо увѣренъ въ томъ, что они въ этомъ отношеніи не уступятъ; особенно, они никакъ не согласятся на титулъ: «Государь многихъ другихъ земель и государствъ», и что, по его мнѣнію, можно отвратить это затрудненіе тѣмъ, что обоимъ государямъ даны будутъ соращенные ихъ титулы (назвать великаго князя Михайломъ Ѳедоровичемъ, царемъ и самодержцемъ всероссійскимъ, а короля шведскаго — Густавомъ-Адольфомъ, королемъ шведовъ и проч.), или совершеніемъ присяги и цѣлованія креста въ присутствіи двухъ его толмачей или переводчиковъ,

гг. Томаса Смита (Thomas Smith) и Егора Брухузена (George Bruchusen), безъ письменнаго о томъ акта, или, наконецъ, тѣмъ, что гг. посредники уполномочатъ отъ себя означенныхъ двухъ переводчиковъ принять присягу и крестное цѣлованіе отъ обѣихъ сторонъ и дать каждому изъ государей тѣ титулы, которыхъ они пожелаютъ. Англійскій посоль послалъ форму присяги однимъ днемъ ранѣе русскимъ уполномоченнымъ, чѣмъ шведскимъ.

Мы объявили, что, по нашему мнѣнію, почти все равно, пространные ли или краткіе титулы будутъ даны обоимъ государямъ въ актѣ о присягѣ и крестномъ цѣлованіи, но намъ кажется весьма важнымъ, не терять по пустымъ спорамъ времени, чрезъ что безпрестанно отлагаются переговоры. Для того, чтобы рѣшить эти споры и другіе, которые могутъ возникнуть въ предварительныхъ пунктахъ, мы сдѣлали послу тоже самое предложеніе, которое, за нѣсколько дней предъ симъ, мы сообщили двумъ изъ шведскихъ полномочныхъ, а именно: не лучше ли будетъ намъ постараться о томъ, чтобы шведскіе полномочные сообщили намъ свои инструкціи и дали намъ копіи съ нихъ, подъ общаніемъ съ нашей стороны не сообщать ихъ противной сторонѣ прежде, нежели получимъ сообщеніе ихъ инструкціи; затѣмъ, отправиться вмѣстѣ къ русскимъ, чтобы заняться главнымъ дѣломъ, устройство котораго будетъ, можетъ быть, стоить менѣе труда, чѣмъ устраненіе всѣхъ уже бывшихъ споровъ, которые, вѣроятно, еще встрѣтятся при предварительныхъ занятіяхъ; это было бы тѣмъ удобнѣе, что его превосходительство объявилъ, что ему извѣстно, на что, въ главныхъ пунктахъ, великій князь намѣренъ согласиться. На наше предложеніе посоль не отвѣтилъ прямо и откровенно, но сказалъ, что въ тотъ же день еще увидитъ шведскихъ уполномоченныхъ и дастъ намъ на другой день знать, на что они рѣшились; шведы не приняли его предложенія, но 6 декабря объявили ему рѣшительный отвѣтъ и средства, на которыя они согласятся, чтобы покончить этотъ споръ. Они передали отвѣтъ свой на письмѣ, при завѣреніи, что они уйдутъ, если русскіе не примутъ одного изъ ихъ предложеній, и если не будутъ совершены присяга и крестное цѣлованіе въ 9 часамъ будущей среды, т. е. 9 декабря. Ихъ пр-ства и благ-дія сообщили намъ этотъ отвѣтъ на квартиру нашу 7 числа того же мѣсяца, и сказали, что они весьма сожалѣютъ о томъ, что англійскій посоль перешелъ на сторону русскихъ, которые старались приписать великому князю не только титулъ разныхъ владѣній, о которыхъ должны были идти переговоры и такимъ образомъ поднимали снова поконченные уже споры, но хотятъ еще почтить его титуломъ обладателя (obladitel) (что, по объ-

ясненію нашего переводчика, значить: побѣдитель, господинъ, или какъ-бы защищающій или прикрывающій крыльями своими, защитникъ), котораго предъидущіе великіе князья никогда въ сношеніяхъ своихъ со шведами не употребляли; а съ своей стороны королю шведскому и сановникамъ его (officiëren) отказываютъ въ законныхъ или издавна употребляемыхъ титулахъ, что весьма оскорбительно для короля.

Въ четвергъ, 10 декабря, въ обѣдъ, шведскіе уполномоченные, не получивъ никакого извѣстія по сему дѣлу, дали намъ знать, что къ англійскому послу прибыли бояринъ и переводчикъ, посланные отъ русскихъ уполномоченныхъ съ письмами къ намъ. Вечеромъ того же дня, когда начинало смеркаться, прибылъ къ намъ дворянинъ, посланный англійскимъ посломъ съ помянутымъ переводчикомъ; то былъ Дидерихъ ванъ-Немень (Diederich van Nehmen), который находился въ 1614 году съ русскими послами въ Голландіи. Дворянинъ сказалъ намъ, что этотъ переводчикъ, посланный къ намъ русскими главными уполномоченными, принять подъ покровительство англійскаго посла, что онъ принесъ съ собою письмо къ послу и къ намъ, о содержаніи которыхъ его превосходительство желалъ съ нами переговорить ¹⁾.

Въ пятницу, 11 числа, мы отправились на квартиру англійскаго посла, въ сопровожденіи означеннаго переводчика; его однавожь мы не взяли съ собою, проходя по квартирамъ шведскихъ уполномоченныхъ, чрезъ которыя намъ приходилось идти, а велѣли ему обойти кругомъ. Мы узнали, что шведскій военачальникъ (де-ла-Гарди) обижался тѣмъ, что русскіе не хотѣли ставить предъ его именемъ графскаго титула, равно послѣ имени выписывать его чиновъ и званія. Англійскій посолъ, въ защиту мнѣнія русскихъ, сказалъ графу Левоскому (де-ла-Гарди) и прочимъ шведскимъ уполномоченнымъ, что русскіе основываются на той, весьма немаловажной разницѣ, что Данило Ивановичъ (Мезецкій) ведетъ родъ свой отъ князей, а что онъ, Яковъ де-ла-Гарди, недавно еще возведенъ въ графское достоинство. Наконецъ, послѣ долгихъ преній, дѣло рѣшилось слѣдующимъ образомъ: оставить на произволъ русскихъ уполномоченныхъ не упоминать объ именахъ уполномоченныхъ. вмѣстѣ съ тѣмъ положено было, посредникамъ отправиться на мѣсто собранія въ слѣдующій понедѣльникъ, 14-го декабря, чтобы быть тѣмъ ближе къ русскимъ уполномоченнымъ, и съ ними на сло-

¹⁾ Тутъ слѣдуетъ письмо русскихъ уполномоченныхъ къ нидерландскимъ посламъ на нѣмецкомъ языкѣ, которое трактуеть лишь о титулахъ.

вахъ переговорить, если они будутъ дѣлать какія-либо возраженія противъ вышеизложеннаго. О всемъ этомъ мы увѣдомили русскихъ уполномоченныхъ, отвѣтомъ на письмо ихъ чрезъ переводчика Дирка ванъ-Немена ¹⁾.

Отъѣздъ посредниковъ въ назначенный день осуществиться не могъ, потому что англійскій посолъ въ этотъ день и наканунѣ былъ нездоровъ.

Во вторникъ, 15-го декабря, около 9 часовъ вечера, шведскіе уполномоченные приказали сказать намъ чрезъ одного изъ дворянъ своихъ, что русскіе дѣлаютъ затрудненія въ цѣлованіи креста, о чемъ они (шведы) на другой день намѣрены переговорить съ англійскимъ посломъ, и что, поэтому, отъѣздъ долженъ быть отложенъ. Въ среду, гофмейстеръ графа де-ла-Гарди принесъ намъ обстоятельнѣйшія и вѣрнѣйшія извѣстія, а именно, что русскіе насъ знать не желаютъ и не намѣрены включить насъ въ охранительную грамату; почему присяга и крестное цѣлованіе были отложены, и шведскіе уполномоченные, будучи чрезвычайно недовольны этимъ, намѣрены переговорить по этому предмету съ англійскимъ посломъ и желаютъ знать наше о семъ дѣлѣ мнѣніе. Мы объявили, что намъ кажется весьма не честнымъ, не допускать насъ къ дѣлу, котораго едва бы достигли безъ нашего содѣйствія, а предвидя, что мы не будемъ совершенно безопасны на мѣстѣ собранія, мы не желаемъ, чтобъ изъ-за насъ на минуту остановилось дѣло, для успѣха котораго мы присланы повелителями нашими. Шведскіе уполномоченные сами знаютъ, что имъ слѣдуетъ дѣлать. Намъ казалось весьма важнымъ не дать обѣимъ сторонамъ повода спорить о допущеніи насъ къ переговорамъ и о заключеніи насъ въ предварительномъ актѣ, такъ какъ отъ того произошло бы отлагательство въ главномъ дѣлѣ, и мы взяли бы на свою отвѣтственность всѣ неприятели, которыя между тѣмъ могли бы произойти между враждующими сторонами; къ тому же мы надѣялись въ послѣдствіи получить за это должное удовлетвореніе. Тотъ же-гофмейстеръ сказалъ намъ, что англійскій посолъ готовится выѣхать въ тотъ же день, около обѣда, но гр. Левоскій сказалъ намъ, что онъ останется еще до 17-го числа, для того чтобы мы могли имѣть при себѣ конвой, такъ какъ лошади были слишкомъ слабы отъ недостатка корма, чтобы дѣлать большіе или трудные переходы. Графъ де-ла-Гарди приписывалъ всѣ отлагательства англійскому послу, который, послѣ того какъ рѣ-

¹⁾ Отвѣтъ нидерландскихъ пословъ мы опускаемъ, какъ не заключающій никакихъ существенныхъ данныхъ.

шено было отправить повѣренныхъ, просилъ у него сорокъ человекъ крестьянъ, чтобы очистить ему дорогу, по которой однако проѣзжало огромное число саней взадъ и впередъ съ провизіею и фуражемъ для рейтаровъ, состоявшихъ при повѣренныхъ, уполномоченныхъ и ихъ свитѣ. Припасы эти возились въ то мѣсто, гдѣ должна была совершиться присяга.

Въ четвергъ, 17-го декабря, посолъ и мы отправились къ мѣсту, куда уполномоченные должны были съѣхаться. Не далеко отъ Глѣбова, который лежитъ на разстояніи 6 миль отъ Романова, гдѣ мы должны были остановиться, встрѣтился намъ одинъ изъ нашей свиты, Янъ Данкартъ (Jan Danckaert), посланный ротмистромъ Вагенеромъ (Wagenaer) и другими повѣренными шведскихъ уполномоченныхъ уведомить насъ, что русскіе не хотятъ включить насъ въ охранительную грамоту, ни упоминать въ ней вовсе о В. Д. В., угрожая отъѣздомъ, если въ этотъ же день не совершится присяга; о чемъ означенные повѣренные желали узнать наше мнѣніе. Данкартъ говорилъ намъ, что, кажется, будто бы русскіе побуждены были къ тому переводчикомъ англійскаго посла Егоромъ Брухузеномъ (George Bruchusen), который сказалъ, что мы и не требовали того, чтобъ о насъ упоминаемо было въ охранительной грамотѣ. Мы, въ отвѣтъ на это, поручили посланному дать знать повѣреннымъ, что мы сами ѣдемъ, и сообщили въ Глѣбовѣ о случившемся англійскому послу, который жилъ одною верстою далѣе.

Между тѣмъ г. ротмистръ Вагенеръ просилъ отвѣта господъ посредниковъ: приступитъ ли ему и товарищамъ его [Арвидъ Горнъ (Arvidt Horn), Андерсъ Нильсонъ (Andress Nielson), Ларсъ Маркусонъ (Lars Marcusson), и Авраамъ Шпехтъ (Abraam Srecht)], къ присягѣ и крестному цѣлованію или вовсе оставить.—Мы отвѣтили тоже, что отвѣчали 15-го декабря посланному шведскихъ уполномоченныхъ. Присяга и крестное цѣлованіе были совершены въ назначенный день по сокращенной формѣ....

Намъ послѣ того говорили нѣкоторые изъ лицъ присутствовавшихъ, какъ со стороны русскихъ, такъ и со стороны шведовъ, что, при совершеніи присяги и крестнаго цѣлованія, русскіе не дѣлали бы затрудненій упомянуть въ грамотѣ о В. Д. В., еслибъ Томасъ Смитъ и Егоръ Брухузенъ не объявили, что англійскій посолъ уѣдетъ, если о В. Д. В. будетъ упомянуто въ актѣ, и что честь его будетъ оскорблена, когда посланники В. Д. В., которые недавно прибыли, будутъ пользоваться плодами его трудовъ, продолжавшихся почти цѣлый годъ по этому дѣлу.

Увидѣвъ ясно, что насъ стараются сдѣлать ненавистными

главнымъ русскимъ уполномоченнымъ, и что они, какъ казалось, хотѣли отказать намъ въ защитѣ и свободномъ пропускѣ, а въ тоже время, желая точнѣе узнать ихъ расположеніе къ намъ, мы написали къ нимъ письмо....

Англійскій посолъ написалъ также и въ этотъ-же день къ русскимъ уполномоченнымъ, чтобъ узнать когда имъ угодно прибыть въ здѣшнее новое ихъ мѣстопробываніе, ибо онъ затруднялся, не имѣя предварительнаго отъ нихъ извѣстія, назначить съ нами день, въ который слѣдовало собраться обѣимъ сторонамъ. 20-го декабря возвратились Михайло де-Мистъ (Michiel de Mist) и Іорисъ ванъ - Катцъ (Joris-van-Catz), которые были посланы съ вышеозначенными письмами къ главнымъ русскимъ уполномоченнымъ. Упомянутый Катцъ говоритъ по-русски. Они донесли намъ, что были русскими уполномоченными приняты хорошо, и что ихъ повели туда, гдѣ уполномоченные пировали въ честь совершенія крестнаго цѣлованія; имъ подали также рыбы, такъ какъ русскіе за нѣсколько дней до Рождества соблюдаютъ постъ, а пить имъ подали водки, пива и меду. У квартиры ихъ поставленъ былъ караулъ собственно для того, чтобъ они не ушли, а имъ сказали, что караулъ данъ имъ для почести. Они принесли на письмо наше отвѣтъ, которымъ русскіе уполномоченные насъ увѣдомляютъ, что они будутъ въ Пескахъ 14-го декабря, и намъ дадутъ знать, когда могутъ насъ принять.

Мы 21-го числа увѣдомили главныхъ шведскихъ уполномоченныхъ о томъ, что узнали относительно приѣзда русскихъ уполномоченныхъ, и просили ихъ прибыть въ тотъ-же день; то же сдѣлалъ и англійскій посолъ. Онъ вмѣстѣ съ тѣмъ послалъ къ нимъ свидѣтельство ¹⁾ о ихъ протестѣ, о которомъ упомянуто выше; протестъ этотъ сочиненъ былъ имъ на англійскомъ языкѣ, потомъ переведенъ однимъ изъ его домашнихъ людей и подписанъ имъ вмѣстѣ съ нами; безъ такого засвидѣтельствованія, шведы объявили, чрезъ своихъ повѣренныхъ, что не могутъ рѣшиться на отъѣздъ внутрь Россіи, въ мѣсто собранія. Въ тотъ-же день мы писали русскимъ уполномоченнымъ, прося ихъ привезать перевести ихъ вышеупомянутое письмо, такъ какъ у насъ нѣтъ переводчика....

На письмо это письменнаго отвѣта они намъ не прислали, а велѣли только сказать чрезъ означенныхъ де-Миста и Катца,

---

¹⁾ Свидѣтельство на латинскомъ языкѣ опускаемъ, такъ какъ оно заключаетъ лишь удостовѣреніе, что шведскіе уполномоченные, давая великому князю Михаилу Федоровичу извѣстные титулы, протестовали при этомъ, что дѣлаютъ это безъ ущерба правъ короля на владѣніе Россіею.

что въ ихъ канцеляріи не было оставлено отпусковъ означенныхъ двухъ писемъ; а что они пришлютъ на другой день толмача Дирка ванъ - Немена, который переведетъ намъ письма. Князь Данилъ Ивановичъ Мезецкій, Алексѣй Ивановичъ Зюзинъ и Николай Нивитичъ Новоксеновъ, предложили намъ всѣ свои услуги и подарили каждому изъ насъ по одному возу сѣна. Дьякъ Добрыня Семеновъ приказалъ сказать, что и онъ подарилъ бы намъ сѣна, но что у него самого въ сѣнѣ недостатокъ. Диркъ ванъ - Немень извѣстилъ насъ о возвращеніи Геррита фанъ - деръ - Гейдена, посланнаго нами изъ Старой Русы въ Москву. Онъ прибылъ къ намъ 24-го декабря, въ 9-й день по выѣздѣ изъ Москвы, гдѣ его задержали только 5 дней, и откуда его отправили съ письмомъ великаго князя къ намъ. Ему подарили тюкъ, состоящій изъ 40 собольихъ шкуръ. На пути своемъ въ Москву, онъ задержанъ былъ набѣгомъ Лисовскаго, о которомъ упомянуто выше....

Павель Стерлингъ (Paulus Sterlingh), котораго Е. Ц. Величество послалъ къ намъ (въ качествѣ переводчика), происходитъ отъ шотландскихъ родителей и былъ родомъ изъ Дансвика (Danwusk). Онъ былъ взятъ въ плѣнъ русскими, 26 лѣтъ тому назадъ, въ Лифляндіи, и отпущенъ на волю съ тѣмъ, чтобы служить царю переводчикомъ. По приѣздѣ его, мы велѣли присягнуть ему въ томъ, что онъ будетъ вѣрно переводить намъ съ русскаго языка на нѣмецкій и передавать, по приказанію нашему, все, что другіе посланники будутъ говорить на русскомъ языкѣ, и изъ того что онъ услышитъ отъ насъ, не будетъ пересказывать другимъ болѣе, чѣмъ намъ заблагоразсудится.

22-го числа, главные шведскіе уполномоченные препроводили къ намъ письмо на наше имя отъ короля Густава-Адольфа....

24-го декабря, около вечера, прибыли въ Глѣбовъ королевскіе главные уполномоченные: гр. Яковъ де-ла-Гарди, Арфу Тоннесонъ и Монсъ Мартенсонъ¹⁾. Г. Генрихъ Горнъ заболѣлъ горячкою, возвратился въ Новгородъ и не принималъ уже болѣе участія въ переговорахъ. Немного послѣ нихъ, прибыли въ Пески (разстояніемъ на одну милю отъ Глѣбова) гр. главные русскіе уполномоченные, такъ какъ они рѣшились прибыть послѣдніе на мѣсто, потому что полагали, что это почетнѣе для нихъ. Въ тотъ же вечеръ прислали они намъ возъ сѣна и приказали сказать толмачу Павлу Стерлингу, зайти къ нимъ на другой день утромъ. Мы отправили къ нимъ Миста и Катца поблагодарить за присланное сѣно (ибо, по ихъ обычаю, нужно

¹⁾ Здѣсь онъ названъ Martensson, а выше Martensa.

благодарить и за бездѣлицу; если же кто замедлитъ приноше-
ніемъ благодарности, то они напоминаютъ о сдѣланныхъ ими
подаркахъ) и сказать, что Е. Ц. В. прислалъ намъ переводчика,
съ тѣмъ, чтобы мы его оставили при себѣ, а мы полагали,
что ему нельзя ходить взадъ и впередъ, изъ одного лагеря въ
другой, что было бы неприятно шведамъ и во вредъ службы
царю. Посовѣтовавшись между собою о нашемъ мнѣніи, рус-
скіе уполномоченные одобрили его, и велѣли намъ сказать,
что они въ тотъ же день послали бы намъ поклониться и спро-
сить о здоровьи, но такъ какъ они узнали, что мы здоровы,
а поклониться намъ было можно чрезъ нашихъ посланныхъ
(Миста и Катца), то они пошлютъ къ намъ спустя день или
два, и просятъ насъ сообщить имъ, коль скоро мы будемъ имѣть
какія либо свѣдѣнія относительно переговоровъ....

28-го числа, около 10 часовъ до обѣда, пришелъ къ намъ
дворянинъ и переводчикъ Диръ ванъ-Неменъ; они поклонились
намъ отъ русскихъ уполномоченныхъ, поздравили съ прїѣздомъ
и просили отправиться съ ними къ русскимъ уполномоченнымъ
для переговоровъ. Мы заняли у шведскихъ уполномоченныхъ
двое саней, кромѣ тѣхъ, которыя мы уже имѣли. Приближаясь
къ мѣстопребыванію русскихъ, мы узнали, что конвой, выслан-
ный намъ на встрѣчу, по ошибкѣ взялъ не ту дорогу. Въ станѣ
русскихъ поставлена была пѣхота съ оружіемъ. У дома упол-
номоченныхъ, внизу приняли насъ нѣсколько дворянъ, а на
крыльцѣ у дверей встрѣтили сами уполномоченные, т. е. околь-
ничій князь Даніилъ Ивановичъ Мезецкій, намѣстникъ Суз-
дальскій, дворянинъ Алексѣй Ивановичъ Зюзинъ, намѣстникъ
Гжатскій, дьяки Николай Нивитичъ Новоксеновъ и Добрыня
Семеновъ. Послѣ нѣкоторыхъ привѣтствій, князь Даніилъ сѣлъ
у верхняго конца стола, посадилъ перваго изъ насъ по лѣвую
руку, а потомъ другихъ, давъ намъ такимъ образомъ мѣсто выше
прочихъ русскихъ уполномоченныхъ. Затѣмъ изъ комнаты вышли
всѣ, кромѣ толмача Павла Стерлинга и двухъ молодыхъ людей,
изъ которыхъ одинъ былъ на нашей сторонѣ, а другой на сто-
ронѣ его сіятельства и ихъ превосходительства. Князь Даніилъ
спросилъ насъ, не имѣемъ ли что сообщить имъ, на что мы
свидѣтельствовали имъ поклонъ В. Д. В., и увѣрили въ искрен-
ности и откровенности попеченія вашего о благоденствіи Е. Ц.
Величества, его государствъ и подданныхъ.

Русскіе уполномоченные спросили насъ, не имѣемъ ли ка-
кихъ-либо писемъ къ Е. Ц. В. Мы отвѣтили, что имѣемъ, но
прибавили, что они такого рода, что намъ нужно самимъ отдать
ихъ въ собственныя руки Е. Ц. В. Тутъ князь Даніилъ всталъ,

приказалъ встать также прочимъ всѣмъ, и вынулъ изъ-за пазухи свертокъ, либо для освѣженія памяти, либо для того, чтобъ слово въ слово исполнить свое порученіе, ибо иногда случается, что изъ самыхъ важныхъ сановниковъ, иные наказываются розгами и плетью, если только переступать данныя имъ наставленія, что, говорятъ, случилось съ Степаномъ Михайловичемъ Ушаковымъ, когда онъ въ 1614 году воротился съ Семеномъ Саборотскимъ (Semoe Saberotское) изъ посольства къ римскому императору. Князь Давидъ Ивановичъ, сдѣлавъ воззваніе къ Всевышнему и Св. Троицѣ, сказалъ во многихъ словахъ (ибо русскіе многословны въ рѣчахъ своихъ), что по смерти покойнаго царя Іоанна Ѳеодоровича, митрополитами, архіепископами, всѣмъ церковнымъ соборомъ, дворянами и всѣмъ народомъ русскимъ, избранъ царемъ всероссійскимъ Михаилъ Ѳеодоровичъ, Самодержецъ Всероссійскій (всѣ его титулы, сказалъ князь, вы услышите другой разъ); что о вступленіи своемъ на престолъ, царь извѣстилъ брата своего императора римскаго и гг. генеральные штаты Нидерландъ и Голландіи, съ которыми царь доселѣ находился въ дружескихъ сношеніяхъ, что Е. Ц. В. представилъ имъ также, сколько король польскій пролилъ крови въ Россіи, и что умершій и настоящій короли шведскіе отняли много городовъ и крѣпостей у Россіи; что онъ просилъ помощи В. Д. В., которые, вслѣдствіе того, отвѣтили письмами и прислали нѣсколько маловажныхъ подарковъ, которые они тогда имѣли подъ руками; что послѣ того они отправили Исаака Масса, который, бывъ принятъ почетно и узрѣвъ, по желанію своему, ясныя очи Е. Ц. В., снова уѣхалъ назадъ съ милостивымъ отвѣтомъ и подарками, и что съ нимъ уѣхалъ посланный Е. Ц. В. съ письмами, чтобъ просить помощи; далѣе, царь писалъ имъ, что ему весьма пріятно прибытіе посланниковъ для заключенія мира и согласія между Е. Ц. В. и королемъ шведскимъ. Русскіе уполномоченные просили насъ дѣйствовать за одно съ англійскимъ посломъ, княземъ Иваномъ Ульяновичемъ, вмѣстѣ съ нимъ представить шведскимъ уполномоченнымъ всю несправедливость, съ которою шведы поступили съ русскими, побудить ихъ къ возвращенію городовъ и крѣпостей, занятыхъ ими, оружія и другихъ вещей, вывезенныхъ ими изъ Россіи и денегъ (контрибуціи), которыхъ они забрали отъ народа, равно и вознагражденія за всѣ убытки, понесенные Е. Ц. В. въ сей войнѣ; за таковое содѣйствіе ваше, прибавилъ онъ, Е. Ц. В. обѣщавъ доставить еще большее покровительство поданнымъ нидерландскимъ.

На это мы отвѣтили, что прибыли въ качествѣ посредни-

ковъ, и что мы будемъ поступать со всевозможнымъ безпристрастіемъ, ни держать ни той, ни другой стороны, какъ слѣдуетъ и причлствуетъ настоящимъ посредникамъ. Уполномоченные шведскіе и русскіе послѣ того говорили намъ, что англійскій посолъ, когда въ первый разъ былъ у короля шведскаго въ Нарвѣ, предложилъ ему быть посредникомъ (третьею судьею) въ спорѣ между двумя государями. Русскіе главные уполномоченные объявили намъ также, что они съ англійскимъ посломъ положили обѣимъ сторонамъ въ будущій вторникъ, 29-го декабря, раскинуть палатки и начать въ слѣдующій за симъ день (т. е. въ среду, 30-го декабря), переговоры, и просили насъ зайти къ послу, возвращаясь домой и по этому предмету переговорить съ нимъ. Мы отвѣтили, что во всякое время готовы идти къ нему для способствованія переговорамъ, коль скоро онъ того пожелаетъ; но что до сихъ поръ онъ намъ таковаго желанія не объявлялъ и даже не посѣщалъ насъ, послѣ прибытія нашего въ Глѣбовъ. Что же касается до предъидущаго, о чемъ ихъ сіятельство и превосходительство говорили, будто согласились уже съ посломъ (т. е. объ открытіи палатокъ), то мы полагаемъ, не лучше ли будетъ и успѣшнѣе для самаго дѣла, если посредники выслушаютъ обѣ стороны отдѣльно и порознь, нежели если соберутся вмѣстѣ и начнутъ, одна въ присутствіи другой, приносить свои жалобы, что не обойдется безъ обидныхъ и оскорбительныхъ словъ, а это можетъ послужить поводомъ къ замедленію и пресѣченію всего дѣла. — Они отвѣтили намъ, что должны свидѣться съ шведскими уполномоченными; такъ сказано въ ихъ инструкціяхъ, и это такъ водится. Даже въ послѣдующихъ конференціяхъ нельзя было переменить ихъ мнѣнія по этому предмету. — Ихъ пр-ва и бл-дія нѣсколько разъ еще убѣдительно просили насъ, при возвращеніи нашемъ, зайти къ англійскому послу и, выслушавъ съ нимъ обѣ стороны, начать разсуждать о главномъ дѣлѣ. Относительно перваго пункта (посѣщенія великобританскаго посла), мы остались при прежнемъ отвѣтѣ нашемъ; на что они объявили, что пошлютъ къ нему гонца съ просьбою пригласить насъ къ себѣ. Относительно втораго (выслушать обѣ стороны вмѣстѣ), мы повторили прежнія наши заявленія и предложенія, которыя они наконецъ приняли, прося насъ быть посредниками. Для того, чтобъ намъ дѣйствовать вѣрнѣе и смѣлѣе, мы ихъ два раза торжественно просили ясно отвѣтить намъ: хотятъ и просятъ ли они, чтобъ мы были посредниками вмѣстѣ съ англійскимъ посломъ въ переговорахъ о заключеніи мира между Е. В. царемъ русскимъ и королемъ шведскимъ? На что они каждый разъ отвѣчали, что хотятъ и

просить. Ихъ пр-ва и б-дія сказали намъ затѣмъ, что имъ будетъ пріятно, если мы оставимъ квартиру нашу въ шведскомъ станѣ, потому что имъ тогда удобнѣе будетъ посѣщать и снабжать насъ всѣми нужными припасами и напитками. Мы отвѣтили, что уже 5 недѣль тому назадъ, мы имѣли желаніе переѣхать къ ихъ пр-вамъ и б-діямъ, но что исполненіе этого намѣренія отложено было, по совѣту англійскаго посла, до того времени, когда будетъ совершенно крестное цѣлованіе, что мы въ то время имѣли особую отъ шведовъ квартиру, но что послѣ мы просили поселиться въ одномъ съ ними станѣ для безопасности отъ разбойниковъ, и что мы были всегда готовы и теперь еще готовы со всею свитою переѣхать въ ихъ станъ, если то имъ будетъ пріятно. Они сказали намъ въ отвѣтъ, что посмотреть, — не найдется ли гдѣ нибудь въ сосѣдствѣ удобнаго мѣста, гдѣ мы могли-бъ поселиться отдѣльно. Дѣло о квартирѣ нашей тѣмъ кончилось, и о немъ не было болѣе говорено; только гораздо позже, они предложили взять къ себѣ нѣкоторыхъ слугъ нашихъ и содержать лошадей нашихъ въ Осташковѣ (Astasko) или въ окрестностяхъ. Они также, съ 31 декабря до самаго конца сѣзда, посылали намъ всякій день или черезъ два дни нѣсколько сѣстныхъ припасовъ: мяса, рыбы, хлѣба, а изъ напитковъ пива, меду и хлѣбнаго вина, однакожь не въ достаточномъ количествѣ, такъ какъ намъ приходилось гораздо болѣе брать у другой стороны (т. е. шведовъ) для продовольствія нашего и свиты нашей. Дальнее разстояніе мѣстъ, откуда привозилась провизія, могло нѣкоторымъ образомъ служить имъ оправданіемъ. Когда мы разставались съ русскими уполномоченными послѣ описанной выше конференціи, они приказали принести разныхъ напитковъ, между прочимъ настоевъ (brandewyn ower spreserien getogen) разныхъ сортовъ меду и сладкаго хлѣба. Мы, стоя, закусили и потомъ простились съ ними....

Въ этотъ же день, предъ обѣдомъ, русскій секретарь изъяснилъ желаніе поговорить съ нами наединѣ и подалъ намъ записку на русскомъ языкѣ, которою, въ случаѣ, если шведы не захотятъ сойтись съ русскими уполномоченными для переговоровъ и не согласятся возвратить родовыя имѣнія и города отнятыя у царя, просилъ В. Д. В. помочь царю деньгами и порокомъ, не оказывать содѣйствія шведамъ и запретить всѣмъ нидерландскимъ подданнымъ вступать въ службу шведовъ, пока они не помирятся съ Его Царскимъ Величествомъ.

30 декабря, около 9 часовъ до полудня, великобританскій посоль далъ намъ знать, что русскіе уполномоченные увѣдомили его, что будутъ въ 4 часу дня (восхожденіе солнца считается

намъ можно было посоветоваться о томъ, что имъ сказать. Около означеннаго времени прибыли съ большою свитою рейтаровъ и слугъ гг. Алексѣй Ивановичъ Зюбинъ и Николай Никитичъ Новоксеновъ. Посоль и мы приняли ихъ внизу на дворѣ у крыльца, точно такъ, какъ мы всегда встрѣчали шведскаго уполномоченнаго. Послѣ привѣтствія, мы предложили имъ дать шведамъ копію съ ихъ полномочія и сказали, что шведы согласны дать имъ копію съ ихъ полномочія, и что это весьма справедливо и водится такъ во всѣхъ переговорахъ. Они отвѣтили, что это вовсе бесполезно, что они вѣрятъ гг. посредникамъ, которые утверждаютъ, что полномочія имѣютъ надлежащую силу. Секретарь шведскихъ уполномоченныхъ былъ готовъ предъявить ихъ полномочія. Съ большимъ трудомъ посредники могли добиться отъ русскихъ уполномоченныхъ допущенія секретаря къ передачѣ шведскаго полномочія, но никакъ ихъ нельзя было принудить выслушать чтеніе его. Предложеніе составить новую форму полномочія также не понравилось имъ. Они настаивали единственно на томъ, чтобъ раскинуть какъ можно скорѣе шатры и свести уполномоченныхъ обѣихъ сторонъ. На вопросъ нашъ, сколько они намѣрены раскинуть шатровъ и сколько имѣтъ при себѣ, во время собранія, войска, они отвѣчали, что думали для каждаго уполномоченнаго поставить палатку, а потомъ еще палатку царскую, въ которой обѣ стороны и посредники моглибъ разсуждать о дѣлахъ, а что касается до числа рейтаровъ и служителей, то они объявили, что чести царя обидно будетъ, если они приведутъ съ собою менѣе трехъ сотъ человѣкъ. Англійскій посоль обнадѣжилъ-было шведовъ склонить русскихъ на то, чтобъ съ обѣихъ сторонъ уменьшить число рейтаровъ для охраненія уполномоченныхъ; но русскіе и на это не согласились. Видя, что возникаетъ еще множество споровъ, какъ относительно установленія шатровъ, такъ и относительно титуловъ великаго князя, мы пригласили уполномоченныхъ поручить посредникамъ ходъ переговоровъ и отказаться отъ того, чтобы обѣ противныя партіи были собраны для защищенія своихъ претензій одна въ присутствіи другой. Но все было тщетно; они говорили, что это было бы противно принятымъ обычаямъ, противно порученію и приказанію данному имъ отъ великаго князя, — и что въ актѣ о присягѣ и цѣлованіи креста сказано, что обѣ партіи должны сойтись вмѣстѣ для веденія переговоровъ...

За симъ шведскіе уполномоченные пришли въ посредникамъ,

ходили садиться съ русскими уполномоченными въ шатеръ царскій за царскимъ столомъ, а не за ихъ собственнымъ. Гг. посредникамъ же предоставляютъ на произволъ раскинуть свою палатку и сидѣть за собственнымъ столомъ или за царскимъ, все однакожь съ тѣмъ, чтобъ шведскимъ уполномоченнымъ сидѣть, какъ сказано выше; по другимъ пунктамъ, кажется, не было затрудненій, или, если были, то по крайней мѣрѣ весьма не важныя. Русскіе уполномоченные, относительно намѣренія своего назвать великаго князя большимъ титуломъ, основывались на томъ, что при совершеніи вѣстнаго цѣлованія, на которое откомандированъ былъ свидѣтелемъ г. Томасъ Смитъ, въ присутствіи придворныхъ дворянъ обѣихъ сторонъ, на тотъ конецъ назначенныхъ повѣренными уполномоченныхъ, титулъ царя былъ произнесенъ пространно и что то же дѣлалось и на прежнихъ сѣздахъ со шведами въ Тевзинѣ и другихъ мѣстахъ. Они прибавили, что на то имѣютъ точныя приказанія, отъ которыхъ имъ никакъ нельзя отступить. Въ подтвержденіе сказаннаго, они ссылались на древніе обычаи, по коимъ шведскимъ уполномоченнымъ надлежитъ явиться въ палатку царскую и заниматься за столомъ царскимъ. Великобританскій посолъ отвѣчалъ имъ, что шведскіе уполномоченные упрекать будутъ его и насъ, если русскіе уполномоченные станутъ вводить новости противныя обычаямъ, существовавшимъ до настоящаго времени, между обѣими націями; но тѣмъ не менѣе они согласились на то, чтобы мы всѣ вмѣстѣ уговаривали, какъ одну такъ и другую сторону, отступить отъ своихъ притязаній и другъ другу въ чемъ нибудь уступить по означеннымъ пунктамъ. Шведы, узнавъ о предложеніяхъ русскихъ, опять захотѣли ухватъ 2 января; но великобританскій посолъ и мы задерживали ихъ со дня на день, стараясь и не переставая говорить то съ одною, то съ другою стороною и предлагать новыя средства къ соглашенію разныхъ мнѣній. Шведы утверждали, что имѣютъ приказанія отъ короля, не допускать употребленія великимъ княземъ титула «Лифляндскаго»; что имъ велѣно непремѣнно прекратить переговоры, коль скоро русскіе будутъ настаивать на употребленіи этого титула, и что имъ нельзя дѣйствовать противно такимъ приказаніямъ подъ опасеніемъ смертной казни. Они сказали, что очень можетъ быть, что русскіе уполномоченные высказали словесно титулъ «Лифляндскій» при началѣ тевзинскаго договора, но что о томъ нѣтъ слѣдовъ въ актахъ означеннаго трактата, и что в. князь Василій Ивановичъ Шуйскій, договоромъ, заключеннымъ въ Выборгѣ 1609 года, отказался для себя и для наслѣдниковъ и преемниковъ своихъ отъ всѣхъ притязаній на Лифляндію и на

какую либо ея часть. Начиная съ этого времени, какъ поманутый великій князь, такъ и междуцарственное правленіе, и сынъ короля польскаго Владиславъ, по избраніи его великимъ княземъ россійскимъ, воздерживались отъ употребленія означеннаго титула, и предложеніе русскихъ клонится лишь къ тому, чтобъ поднять снова споры, рѣшенные торжественными договорами; относительно же палатокъ, они объявили, что его величеству, королю шведскому слѣдуетъ не менѣ чести, чѣмъ великому князю, и что онъ долженъ имѣть для своихъ уполномоченныхъ свою палатку и свой столъ, и что, кромѣ того, увѣренія русскихъ уполномоченныхъ, будто бы въ Тевзинѣ и другихъ мѣстахъ переговоры происходили въ шатрѣ великаго князя, найдены не соответствующими истинѣ: это они могли немедленно подтвердить показаніями двухъ русскихъ бояръ, людей значущихъ, Григорія Ѳедоровича Болкашина (Bolkatino) и Данила Никитича Ворога (Worogo), которые присутствовали при заключеніи теввинскаго трактата. Бояре эти показали, что въ то время каждая сторона имѣла свою палатку, въ которой и занималась, однако же за однимъ и тѣмъ же столомъ, большая часть котораго находилась въ палаткѣ русскихъ уполномоченныхъ. Они готовы были повторить и подтвердить сказанное въ присутствіи главныхъ русскихъ уполномоченныхъ. Шведскіе уполномоченные опирались на то, что послѣ на рѣѣ Плюсѣ, между Ивангородомъ и Гдовомъ, равно и по рѣѣ Наровѣ, между городомъ Нарвою и Ивангородомъ, русскіе и шведы переговаривались, сидя каждый въ своей палаткѣ; но вмѣстѣ съ тѣмъ согласились, чтобъ споръ былъ рѣшенъ посредниками, которымъ выслушать сперва одну, а потомъ другую сторону, во избѣжаніе ссоръ по этому предмету. Англійскій посоль и мы нѣсколько разъ дѣлали представленія русскимъ; собравшись, 5 января, у нихъ, мы старались уговорить ихъ всѣми средствами и убѣжденіями отступить отъ своихъ притязаній, и, между прочимъ, предложили имъ довольствоваться позволеніемъ выговорить, при началіи переговоровъ, всѣ титулы великаго князя и даже титулъ «Лифляндскій», но не иначе, какъ обращая рѣчь свою въ посредникамъ и въ отсутствіи шведскихъ уполномоченныхъ. Они согласились только на то, чтобы посредники, засѣдая въ собственной своей палаткѣ, открыли собраніе и говорили первые; во всемъ же остальномъ настаивали на своемъ, и говорили, что въ переговорахъ, которые въ тоже время велись подъ Смоленскомъ, русскіе уполномоченные высказали всѣ титулы великаго князя, между прочимъ и «Лифляндскій»; они прибавили, что подъ Смоленскомъ уже условились и согласились на 6 или 7 пунктовъ, о чемъ просили

ворили ихъ согласиться на требованія русскихъ и во всемъ слѣдовать прежнимъ обычаямъ, обѣщая лишь однажды, при началіи переговоровъ, употребить титулъ «Лифляндскій», а потомъ воздерживаться отъ него во всё продолженіе переговоровъ. Мы въ тотъ же день были угощены обѣдомъ у дворянина Алексѣя Ивановича Зюзина вмѣстѣ съ англійскимъ посломъ и русскими уполномоченными. Около 10 часовъ дня, прибыло къ намъ нѣсколько боярѣ, которые просили насъ немедленно пожаловать въ станъ главныхъ русскихъ уполномоченныхъ, куда уже отправился князь Иванъ Ульяновичъ (такъ называли они англійскаго посла), и гдѣ былъ приготовленъ для насъ обѣдъ. Мы поѣхали къ нимъ точно также, какъ и въ первый разъ, т. е. отчасти въ саняхъ, занятыхъ у шведовъ, отчасти въ собственныхъ своихъ. Обѣдъ былъ пышный и состоялъ, по ихъ обычаю, изъ множества блюдъ, которыя подавались одно за другимъ. Напитки были: разсолъ (ressolis), хлѣбное вино, медъ разныхъ сортовъ, пиво и испанское вино. За верхнимъ концомъ стола сидѣли кн. Даниилъ Ивановичъ и англійскій посолъ, по одной сторонѣ стола сидѣли прочіе русскіе уполномоченные, а мы противъ нихъ. Алексѣй Ивановичъ, который давалъ обѣдъ, стоялъ у своего мѣста, чтобъ угощать гостей, а потомъ въ перемежку сидѣло множество русскихъ боярѣ, англичанъ и лицъ изъ нашей свиты. У нихъ существуетъ обычай, по которому, всѣ сидящіе за столомъ, должны встать, коль скоро пьетъ важная особа. Подъ конецъ обѣда, князь Даниилъ предложилъ выпить за здравіе царя и великаго князя и приказалъ всѣмъ встать и отойти отъ стола. Онъ одинъ стоя остался у стола, произнесъ имя царя со всѣми его титулами и выпилъ за его здоровье; послѣ того, подозвавъ англійскаго посла, подалъ ему кубокъ, а потомъ назвалъ насъ каждого по имени и подалъ также кубокъ одному за другимъ....

Вскорѣ, приготовлено было ровное мѣсто по сѣвгу, на разстояніи полувыстрѣла отъ квартиры посла. Прямо противъ фасада означенной квартиры поставлена была поперегъ палатка посредниковъ, обращенная отверстіемъ къ дому. Противъ этой палатки поставлены были въ длину палатки обѣихъ договаривающихся сторонъ, одна возлѣ другой, обращенная каждая по тому направленію, гдѣ лежали ихъ квартиры. Столъ былъ поставленъ однимъ концемъ въ палатку посредниковъ, а другимъ концемъ въ палатку уполномоченныхъ, какъ сказано выше. Положено было собраться въ третьемъ часу дня, что соотвѣтствовало почти 11-ти часамъ утра.

Мы собрались въ извѣстный часъ у великобританскаго по-

Русскіе извинились лишь тѣмъ, что имъ невозможно переступить приказаній ихъ государя, но согласились однакожь возвратиться въ собраніе и поблагодарили Е. В. короля великобританскаго и В. Д. В. за то, что отправили пословъ своихъ, а насъ, посланныхъ, за то, что мы приняли на себя трудъ содѣйствовать въ возстановленію мира между царемъ и великимъ княземъ и королемъ шведскимъ; вмѣстѣ съ тѣмъ просили насъ продолжать тѣ старанія и усилія, которыя мы до сего времени употребили въ этомъ дѣлѣ. Шведы требовали настоятельно, чтобы русскіе, въ благодарственной рѣчи (которую, по справедливости, послѣ произнесенія титула великаго князя они должны были бы начать) произнесли бы снова титулъ великаго князя, на что они никакъ не соглашались, признавая открыто, что произнося имя и титулы великаго князя, они обращались не къ шведскимъ уполномоченнымъ, а къ посредникамъ. Шведы довольствовались этимъ и поблагодарили сначала Е. В. короля великобританскаго и В. Д. В., а потомъ насъ, называя каждого по имени и по титулу; потомъ просили, чтобы посланники продолжали-бъ старанія свои и потомъ торжественно объявили, что они не потерпятъ—если безуспѣшно разойдется съѣздъ—чтобы то, что они услышали отъ русскихъ, или то, что было или будетъ сдѣлано впередъ, послужило бы въ ущербъ королю ихъ, что въ такомъ случаѣ обѣ стороны должны остаться въ настоящемъ ихъ положеніи, и что они подтверждаютъ совершенный ими передъ гг. посредниками протестъ, и что, только по желанію послѣднихъ, они сдѣлали разныя уступки, на которыя они иначе никогда бы не согласились. За тѣмъ русскіе уполномоченные рассказали содержаніе ихъ полномочія, объявили, что они посланы для того, чтобъ съ главными уполномоченными короля шведскаго трактовать о мирѣ, просили англійскаго посла и насъ общими силами представить королю шведскому всѣ неправды, причиненныя имъ Е. Ц. Высочеству и государству русскому, и склонить его на возвращеніе всѣхъ городовъ и крѣпостей, взятыхъ имъ у русскихъ со всѣми орудіями, колоколами и другими вещами вывезенными; затѣмъ уговорить къ уплатѣ въ возвратъ собранныхъ доходовъ царскихъ и забранныхъ у народа денегъ. Требованія эти были отчасти прочтены русскими уполномоченными по свертку, а отчасти высказаны наизусть, такъ что каждый уполномоченный, начиная съ перваго до послѣдняго, высказалъ свою часть. Князь Даниилъ Ивановичъ хотѣлъ прибавить еще кое-что, но англійскій посолъ просилъ его отложить до другого дня. Затѣмъ, первая конференція разошлась съ тѣмъ, чтобъ всѣмъ сойтись снова на слѣдующій день къ 11-ти часамъ....

онъ обязывался заплатить двойную сумму за остальные мѣсяцы, когда войско придетъ въ Москву. Сверхъ того, чрезъ два мѣсяца послѣ вступленія войска въ предѣлы Россіи, крѣпость Кексгольмъ и округъ ея, въ знакъ признательности и благодарности за оказанную помощь и въ вознагражденіе за издержки похода вспомогательнаго войска, должна была быть уступлена королю Карлу и шведской коронѣ въ вѣчное потомственное владѣніе. Вслѣдствіе чего, графъ Яковъ де-ла-Гарди былъ отправленъ королемъ въ качествѣ главнаго начальника съ 5000 хорошо снаряженными шведскими, финляндскими и иностранными рейтарами и солдатами. При слухѣ о приближеніи означеннаго войска, крѣпости Кексгольмъ и Новгородъ, которыя, до того времени, держали сторону Лжедмитрія, сдались царю Василю Ивановичу. Когда графъ де-ла-Гарди достигъ Новгорода, то и Порховъ послѣдовалъ примѣру Кексгольма и Новгорода. Поляки, которые, числомъ до 2,000, подъ начальствомъ полковника Карназинскаго (Carnasinsky), находились въ Старой Русѣ, отступили, при слухѣ о приближеніи шведскаго войска, чрезъ что городъ съ окрестностями поступилъ во власть великаго князя; вскорѣ за симъ фельдмаршалъ Эвертъ Горнъ (Evert Horen), посланный на рекогносцировку непріятеля, обратилъ въ бѣгство 3,000 поляковъ, осаждавшихъ Торжокъ подъ предводительствомъ полковника Зборовскаго (Sborofsky), и освободилъ тѣмъ городъ. Шведское войско и русскіе подъ начальствомъ помянутаго князя Михаила подвигались впередъ и встрѣтились въ открытомъ полѣ съ поляками подъ Тверью и разбили ихъ; три дня спустя, шведскій полководецъ, вопреки совѣту князя Михаила, преслѣдовалъ непріятеля и довершилъ побѣду. Не смотря на то, что часть войска, которую графъ де-ла-Гарди привелъ въ Россію, отправлена была обратно въ Швецію, потому что русскіе не только постыднымъ образомъ бѣжали и оставили шведовъ, но и ограбили ихъ обозы и имущество, онъ все-таки, желая сколько возможно исполнить волю короля, отправился въ Колязинъ (Colasin), гдѣ стоялъ лагеремъ князь Михаилъ Шуйскій и вмѣстѣ съ нимъ двинулся къ Александровой слободѣ и, съ помощію Бога, заставилъ поляковъ, которые имѣли въ полѣ 18 т. войска, не только оставить поле сраженія, но изгналъ ихъ изъ городовъ, крѣпостей и монастырей, наконецъ, принудилъ снять осаду Москвы въ то время, когда они имѣли наиболѣе надежды овладѣть столицею. Изъ всего сказаннаго явствуетъ, что со стороны шведовъ, выборгскій договоръ исполненъ былъ точно и благополучно; русскіе же, напротивъ, не заплатили даже третьей части того, что, въ силу сего договора, имъ заплатить слѣдовало войску,

какъ видно изъ данныхъ и полученныхъ квитанцій и реверсовъ. Далѣе, графъ Яковъ де-ла-Гарди, чрезъ полтора только года послѣ назначеннаго срока, могъ добиться отъ великаго князя приказныхъ грамотъ, по коимъ крѣпость Кевсгольмъ должна была быть сдана королю шведскому. Сдача крѣпости не была совершена; увѣрительныя грамоты не были выданы точно также, какъ не было исполнено русскими условіе, заключенное великимъ княземъ съ военачальникомъ шведскимъ, и по которому царь обѣщаль, если де-ла-Гарди поставитъ большее число вспомогательнаго войска, чѣмъ обѣщанныя 5,000 человекъ, то его Царское Высочество наградитъ Е. К. В. короля шведскаго, за такое вспомошествованіе, еще большимъ числомъ городовъ и крѣпостей; что послѣ сего, графъ Яковъ де-ла-Гарди съ войскомъ своимъ снова отправился съ княземъ Данииломъ Шуйскимъ, полководцемъ русскимъ, изъ Москвы, чтобы освободить Смоленскъ и все государство отъ поляковъ, литовцевъ и русскихъ мятежниковъ; въ этотъ походъ прибыло на помощь великому князю еще 3,000 челов. вспомогательнаго войска, присланныхъ королемъ подъ начальствомъ фельдмаршала Эверта Горна. Войско это начало роптать и требовать платы, угрожая, если не послѣдуетъ удовлетворенія, взять сторону недовольныхъ. По несвоевременной просьбѣ русскаго полководца, освободить воеводу Григорія Валуева (Gregorj Walou), который безразсуднымъ образомъ подвергнулъ себя опасности: съ 5,000 войска попасть въ плѣнъ къ полякамъ или умереть съ голоду,—графъ Яковъ де-ла-Гарди и Горнъ не въ-время пустились въ походъ, не имѣя возможности сперва подѣйствовать на умы недовольныхъ и уговорить ихъ къ поворности. Дошедши до Клушина (Clusin) съ войскомъ, которое въ этотъ день совершило 8 миль переходу, вся неприятельская сила нагрянула на нихъ. Графъ де-ла-Гарди и Горнъ сдѣлали лично съ конницею нѣсколько сильныхъ напоровъ на неприятеля и, вѣроятно, одержали бы верхъ, если бы русскіе, пользуясь удобнымъ временемъ и случаемъ, съ своей стороны сдѣлали атаку. Но наемное, недовольное войско, вида, что русскіе обращаются въ бѣгство, воспользовалось этимъ обстоятельствомъ, чтобы перейти цѣлыми ротами со знаменами къ неприятелю. Одинъ полкъ нѣмецкой пѣхоты, въ которомъ подполковникомъ былъ Конрадъ Линкъ (Conradt Linc) и нѣсколько французскихъ капитановъ, вступили въ переговоры и объясненія съ поляками, и когда де-ла-Гарди и Горнъ снова атаковали съ конницею, которая осталась имъ вѣрна, они силою и заряженными ружьями стали удерживать шведскихъ полководцевъ отъ стычки съ неприятелемъ, принудили ихъ вступить въ сношенія

было, что онъ, де-ла-Гарди, съ войскомъ, которое захочетъ съ нимъ идти, можетъ безспорно выступить изъ Россіи куда ему угодно. Онъ съ 300 чел. конницы, которые оставались у него, отправился въ Новгородъ съ тѣмъ, чтобы въ этомъ городѣ нѣсколько отдохнуть, пока не получитъ изъ Лифляндіи и Финляндіи новыхъ силъ, съ которыми ему возможно было бы снова служить великому князю, надѣясь притомъ на благодарность за благодѣянія и помощь, оказанную новгородцамъ шведскими войсками. Новгородцы же, узнавъ о приближеніи де-ла-Гарди, послали къ нему на встрѣчу и велѣли сказать, что его и войска его знать не хотятъ, что они его будутъ подбивать лишь порохомъ и пулями, и приказали ему, не подступая въ Новгороду ближе чѣмъ на 10 миль, отправляться чрезъ Тихвинъ въ Выборгъ. Они также остановили нѣсколько посланныхъ короля къ фельдмаршалу де-ла-Гарди и приказали жителямъ Нотебурга сдѣлать тоже, и дѣйствительно, въ послѣднемъ городѣ задержано было нѣсколько нарочныхъ, имѣвшихъ при себѣ письма и другія важныя бумаги, между прочими и нѣсколько письменныхъ условій, заключенныхъ между королемъ шведскимъ и великимъ княземъ Василюмъ Ивановичемъ; въ Нотебургѣ было задержано имущество, принадлежащее полководцу и нѣкоторымъ другимъ офицерамъ. Новгородцы взяли кромѣ того въ плѣнъ нѣсколько слугъ графа де-ла-Гарди, которые пошли въ Новгородъ для закупки разныхъ необходимыхъ для господина ихъ вещей; они выслали также потаеннымъ образомъ казаковъ и стрѣльцовъ, съ тѣмъ, чтобъ нападать на шведскихъ фуражировъ и умерщвлять ихъ; между тѣмъ москвитяне измѣнили царю Василю Ивановичу, заключили его въ монастырь, и со дня на день новгородцы начинали болѣе и болѣе волебаться въ своей преданности. Срокъ, въ который надлежало крѣпость Кексгольмъ передать королю шведскому, давно уже миновалъ, и русскіе, которымъ приказано было совершить передачу, затягивали время и собрали болѣе 3,000 чел. войска, чтобъ напасть на шведовъ, которые, вслѣдствіе договора, должны были принять крѣпость. Полководецъ шведскій, желая поддержать право короля на крѣпость и окрестности оной, и предупредить стыдъ и позоръ, которые произошли бы для короля, еслибъ русскимъ удалось коварнымъ образомъ отстранить короля, осадилъ Кексгольмъ и хотѣлъ силою овладѣть имъ. Во время этой осады онъ получилъ отъ намѣстника новгородскаго и товарищей его, равно и отъ воеводы Ивана Салтыкова грамоту, въ которой ему объяв-

ляли, что Новгородъ и всѣ другія русскія земли избрали государемъ Владислава, сына короля польскаго, который, равно какъ и весь русскій народъ, вовсе не былъ намѣренъ хранить и исполнить договоръ, заключенный между царемъ Василиемъ Ивановичемъ и королемъ шведскимъ. Они, вслѣдствіе сего, приглашали шведскаго полководца оставить Кексгольмъ и русскіе предѣлы, объявивъ ему, что иначе они имъ покажутъ дорогу и проводятъ ихъ до Финляндіи съ польскимъ и русскимъ войскомъ. Они увѣдомляли его также, что послали лодки и войско вдоль по Ладожскому озеру для освобожденія Кексгольма. Графъ де-ла-Гарди двинулся послѣ того съ частью войска въ Новгороду для того, чтобы изъ Нотебурга получить обратно людей, бумаги и имущество, задержанныя несправедливымъ образомъ, и для того, чтобъ убѣдиться точнымъ образомъ, чего король могъ ожидать отъ русскихъ. Между тѣмъ, москвитяне, раскаяваясь въ томъ, что избрали сына короля польскаго великимъ княземъ, осаждали поляковъ въ самой Москвѣ, а новгородцы, измѣнивъ равнымъ образомъ своимъ прежнимъ убѣжденіямъ, вступили въ переговоры съ графомъ де-ла-Гарди, возвратили ему людей, бумаги и большую часть имущества, которыя задержали въ Нотебургѣ; бояринъ и сотникъ (Sasnisk) Василій Бутурлинъ, находясь въ Новгородѣ, съ порученіемъ русскихъ думныхъ дворянъ, собранныхъ въ лагерѣ подъ Москвою, вступилъ съ шведскимъ полководцемъ въ переговоры о вспомогательномъ войскѣ на томъ основаніи, что королю шведскому, въ обезпеченіе за уплату денегъ войску, дана будетъ въ залогъ крѣпость Нотебургъ. Король, узнавъ о семъ, написалъ къ русскимъ думнымъ дворянамъ, расположеннымъ подъ Москвою, увѣщевалъ ихъ между прочимъ остерегаться обмановъ поляковъ и папистовъ (papisten), совѣтовалъ имъ быть согласными между собою и избрать изъ среды своей великаго князя, который былъ бы достоинъ сего званія и былъ бы намѣренъ хранить трактаты, заключенные между обѣими державами; что помянутый полководецъ сообщилъ Бутурлину содержаніе письма, писаннаго королемъ къ думнымъ дворянамъ; Бутурлинъ, посовѣтовавшись съ новгородцами, увѣрилъ шведскаго предводителя, что думные русскіе дворяне, узнавъ на опытъ, что не имѣютъ счастья въ выборѣ туземныхъ царей и великихъ князей, и что, не зная никого изъ среды себя, который былъ бы способенъ управлять ими, ничего не желаютъ болѣе, какъ приобрѣсти въ цари и повелители одного изъ сыновей короля Карла IX, т. е. нынѣ царствующаго короля Густава-Адольфа или младшаго брата его величества. Въмѣстѣ съ симъ Бутурлинъ повторилъ просьбу о по-

русскими дружинами дворянства, стоявшими лагеремъ подъ Псковкою, и Бутурлинъ увѣрилъ, что чрезъ 14 дней воспослѣдуютъ на предложенія эти требуемыя подробныя объясненія; но, вмѣсто того, посланные цѣлые два мѣсяца не возвращались. Между тѣмъ заключено было перемиріе между предводителемъ графомъ де-ла-Гарди, съ одной стороны, и Бутурлинымъ и новгородцами съ другой стороны, на честномъ словѣ и на условіяхъ, которыхъ русскіе однакожь не исполнили, такъ какъ они не давали пропуска шведскимъ судамъ, которые съ провіантомъ хотѣли идти мимо Ладоги въ лагерь подъ Кексгольмъ, а когда шведы старались добывать себѣ безъ всякаго насильства продовольствіе, то высланные тайнымъ образомъ изъ Новгорода казаки и стрѣльцы ихъ или убивали, или приводили плѣнными въ городъ и тамъ подвергали наказанію розгами и другимъ истязаніямъ. Шведскій полководецъ, узнавъ о такихъ поступкахъ и замѣтивъ, что его со дня на день обманываютъ тщетными, неисполнимыми предложеніями, и что новгородцы имѣютъ только въ виду поддержать и провести его до того времени, когда большее число войска его пропадетъ отъ голоду и другихъ бѣдствій съ тѣмъ, чтобъ тогда напасть на него или заставить его со срамомъ и стыдомъ отступить, рѣшился вмѣстѣ съ покойнымъ фельдмаршаломъ ¹⁾ и другими офицерами взять городъ приступомъ, чѣмъ неоднократно угрожалъ прежде; но на его угрозы не обращали вниманія, не опасаясь малочисленнаго шведскаго войска, которое, тѣмъ не менѣе, взяло приступомъ городъ и овладѣло одною стороною онаго. Стольникъ же Бутурлинъ съ казаками и стрѣльцами перешелъ чрезъ мостъ на другую сторону города и грабилъ, сколько позволила ему краткость времени, а затѣмъ пустился въ бѣгство. Тѣ же, которые были въ замкѣ, митрополитъ, князь Иванъ Одоевскій и прочія лица свѣтскаго и духовнаго званія, выслали депутатовъ и добровольно заключили со шведами условіе, по коему новгородцы обязались признать короля Карла и преемниковъ его королей шведскихъ покровителемъ всего русскаго государства, а отъ имени его царемъ и великимъ княземъ всероссійскимъ, одного изъ сыновей его величества, такъ какъ уже предложено было вышепоименованнымъ Бутурлинымъ. Затѣмъ, король шведскій занялъ ради выгодъ избраннаго при содѣйствіи русскіхъ великаго князя ²⁾, Нотебургъ и Ладогу. Такъ какъ Новгородъ, Ямъ-Копорье, Гдовъ и все псков-

---

¹⁾ Горнь.

²⁾ Т. е. своего сына.

впередъ собираться въ квартиру англійскаго посла, а всего 300 рейтаровъ и пѣшихъ солдатъ, съ которыми выѣзжали гг. главные уполномоченные въ этотъ день и наканунѣ, положено было имъ имѣть при себѣ только 50 челов. конныхъ и 50 челов. пѣшихъ.

15 января, шведскіе и русскіе уполномоченные собрались въ квартиру великобританскаго посла. Русскіе, въ присутствіи гг. посредниковъ, начали говорить первые и спросили шведовъ, какое имѣютъ порученіе касательно возвращенія городовъ и крѣпостей, неправильнымъ образомъ отнятыхъ у русскихъ. Шведы возразили, что, не смотря на то, что русскіе уполномоченные не хотѣли въ прошедшемъ собраніи отвѣтить на предложеніе ихъ относительно выбора одного изъ сыновей короля Карла IX, царемъ и великимъ княземъ російскимъ, и что, не смотря на то, что они не хотѣли, чтобъ объ этомъ дѣлѣ говорено было, но, тѣмъ не менѣе, выборъ этотъ имѣетъ законную силу, и они твердо полагать должны, что король шведскій не отступитъ отъ требованія своего, развѣ лишь тогда, если ему дано будетъ другое какое-либо удовлетвореніе. Русскіе повторили сказанное ими наканунѣ и прибавили, что они были посланы не для того, чтобъ трактовать о выборѣ принца Карла-Филиппа, но для того, чтобъ вести переговоры о возвращеніи городовъ и крѣпостей, неправильнымъ образомъ отнятыхъ шведами у русскихъ, и чтобъ возобновить миръ и согласіе между его Царскимъ Высочествомъ и королемъ шведскимъ; съ этою же цѣлью и посредники отправлены были ихъ государями-повелителями. При этомъ случаѣ возникли сильныя споры и пренія между княземъ Даниломъ Ивановичемъ Мезецкимъ и графомъ Яковомъ де-ла-Гарди, за то, что князь Данилъ назвалъ графа просто по имени Яковомъ Понтусомъ, безъ всякаго титула, а графъ, съ своей стороны, называлъ князя просто Даниломъ Ивановичемъ. Для того, чтобъ покончить споръ этотъ и снова заняться главнымъ дѣломъ, англійскій посоль рѣшилъ имѣть дѣло съ обѣими партіями порознь, и просить ихъ объявить условія, на которыхъ они согласны заключить миръ. Отъ русскихъ нельзя было добиться, чтобъ они назначили сумму денегъ или другое удовлетвореніе, второе можно бы было предложить шведамъ взамѣнъ ихъ претензій и за возвращеніе занятыхъ ими городовъ и крѣпостей; не смотря на то, мы имъ настоятельно представляли, что нельзя полагать, будто король оставитъ притязанія свои и возвратитъ города и крѣпости, не получивъ взамѣнъ денегъ или другого какого-либо вознагражденія. Они просили посредниковъ

уговорить шведскихъ уполномоченныхъ не упоминать болѣе объ избраніи герцога Карла-Филиппа и сообщить порученія, которыя ими даны касательно возвращенія отнятаго ими у русскихъ. Посредники занялись со шведами отдѣльно, и эти послѣдніе повторили сказанное выше ¹⁾.

17 января, прежде прибытія шведскихъ уполномоченныхъ, русскіе предъявили намъ два письма, полученныя ими отъ великаго князя. Въ одномъ изъ нихъ было сказано, что русскіе два раза поразили отрядъ Лисовскаго, взяли 300 чел. въ плѣнъ, и что онъ самъ бѣжалъ чрезъ Рязань къ польской границѣ, за что его царское высочество приказали принести Богу благодарственное молебствіе. Въ другомъ письмѣ находилось извѣстіе о начатіи переговоровъ между русскими и поляками подъ Смоленскомъ, и что его царское высочество не желаетъ заключить окончательнаго договора съ поляками, не получивъ сначала извѣстія о томъ, какъ окончатся переговоры со шведами. Русскіе уполномоченные внушили намъ, что дѣла шведовъ пойдутъ весьма не хорошо, если царь помирится съ поляками и просили представить это на видъ шведскимъ уполномоченнымъ и предостеречь ихъ....

Когда посредники увидѣли, что отъ личныхъ сношеній и толковъ между обѣими партіями дѣло не идетъ лучше, то они по возможности рѣшились пресѣчь эти прямыя сношенія и достигли, наконецъ, того, что обѣ партіи согласились на другой день, къ 9 часамъ, передать на письмѣ условія, на которыхъ каждая изъ нихъ готова заключить миръ. Посредникамъ предоставлено было, рассмотрѣвъ эти письменныя объявленія, поступать впредь какъ имъ, для успѣшнаго окончанія дѣла, заблагоразсудится ²⁾.

Посредники нашли, что документы эти—такого рода, что невозможно сообщить ихъ спорящимъ сторонамъ безъ явнаго вреда, и, вслѣдствіе того, старались получить дальнѣйшія объясненія и довели, наконецъ, обѣ стороны до того, что онѣ обѣщали объявить 21 числа около полудня послѣднія и рѣшительныя условія, заключенныя въ данныхъ имъ порученіяхъ. Русскіе были готовы лишь къ вечеру. Замедленіе это, а еще болѣе то обстоятельство, что они просили, чтобъ 19 числа не предприняты были

¹⁾ Тутъ слѣдуютъ переговоры посредниковъ съ шведскими уполномоченными, представляющіе лишь одни повторенія, и потому мы ихъ опускаемъ.

²⁾ Тутъ слѣдуютъ записки на нѣмецкомъ языкѣ, поданныя посредникамъ, уполномоченными какъ русскими, такъ и шведскими; но мы ихъ здѣсь опускаемъ, такъ какъ онѣ заключаютъ лишь взаимныя претензіи, которыя читателю уже отчасти извѣстны изъ предшествующаго, и которыя подробно изложены окончательно въ письмѣ нидерландскихъ пословъ къ царю и въ его отвѣтъ.

увѣрены, что русскіе не стараются и не хотятъ подвинуть впередъ дѣла. День или два послѣ этого можно было замѣтить, что они имѣли намѣреніе довести дѣло до того, чтобы посредники, узнавъ рѣшительные отвѣты уполномоченныхъ о томъ, какъ далеко простираются ихъ порученія, были бы вынуждены писать въ обоимъ государямъ прежде, чѣмъ приступить къ окончанію.

25 января, послѣ многихъ трудовъ положено было, чтобъ обѣ стороны искренно и по доброй совѣсти, на другой день, подали посредникамъ на письмѣ рѣшительныя условія, на которыхъ имъ поручено мириться относительно возвращенія крѣпостей и городовъ, денежныхъ требованій, съ тѣмъ, чтобъ этихъ документовъ не сообщать одной партіи безъ предварительнаго на то согласія другой. Шведы представили четыре условія на выборъ русскимъ....

27 числа, объявлено было русскимъ уполномоченнымъ, что ихъ требованія никакъ не могутъ быть пріятны и удовлетворительны для шведовъ, и что посредники дали шведамъ надежду на болѣе умѣренныя претензіи; при этомъ посредники просили русскихъ уполномоченныхъ сдѣлать предложенія поблагоразумнѣе. Русскіе возразили, что данная имъ власть далѣе сказаннаго ими не простирается, и просили, чтобъ гг. посредники, въ случаѣ, если ихъ предложенія не понравятся шведамъ, приняли на себя трудъ увѣдомить его царское высочество о настоящемъ положеніи переговоровъ, увѣрая, что они могутъ получить отвѣтъ отъ царя чрезъ 10 или 12 дней. Предложеніе это одобрено было великобританскимъ посломъ. Мы представили, что для успѣха дѣла лучше будетъ, разсмотрѣвъ всѣ спорные пункты, расположить ихъ по артикуламъ, съ означеніемъ мнѣній русскихъ и шведскихъ уполномоченныхъ, а эти мнѣнія должны быть утверждены ихъ повелителями. Но русскіе возразили, что еще не время толковать объ этомъ, и настаивали по прежнему на томъ, чтобъ посредники уговорили шведовъ, возвратить всѣ города и уменьшить денежные свои требованія. Вслѣдствіе того объявлено было великимъ шведскимъ уполномоченнымъ: русскіе полномочные говорятъ, что имъ не дано никакой власти предлагать или обѣщать что-либо за города и крѣпости, воими король владѣетъ въ Россіи, и что, кромѣ того, посредники напишутъ въ царю въ Москву, изложатъ ему положеніе переговоровъ для того, чтобъ они не пресѣвались, и что они на это письмо могутъ получить отвѣтъ чрезъ 10 или 12 дней. — Секретарь англійскаго посла за день, или за два предъ

этимъ возвратился изъ Англїи съ письмами, и посольъ сказалъ, что онъ получилъ письмо отъ короля великобританскаго къ великому князю, которое, можетъ быть, побудитъ его царское величество предложить королю шведскому извѣстную сумму денегъ или уступить нѣсколько городовъ. Его пр-ство вмѣстѣ съ тѣмъ сказалъ намъ, что королю извѣстно наше посольство, и что посредничество наше въ переговорахъ ему весьма прїятно.—Предложеніе наше не понравилось шведамъ, которые весьма негодовали на то, что русскіе уполномоченные явились на переговоры съ столь ограниченою властію. Они объявили, что ихъ довольно долго уже продержали даромъ, что имъ не ловко, даже невозможно остаться долѣе на переговорахъ, что они, съ своей стороны, ничего болѣе не могутъ сдѣлать для успѣха дѣла, и что если гг. посредники намѣрены писать къ великому князю, то они будутъ ожидать отвѣта въ Новгородѣ. Отъ намѣренія уѣхать въ Новгородъ нельзя было отклонить ихъ. Когда русскіе уполномоченные узнали, что шведскіе комиссары намѣревались ѣхать, и что нельзя уговорить ихъ остаться, чтобъ выждать отвѣта царя изъ Москвы, то они убѣдительно просили насъ отклонить шведовъ отъ такого намѣренія, еще просить ихъ о возвратѣ всѣхъ городовъ и крѣпостей и уменьшить денежное требованіе; на что имъ дано въ отвѣтъ, что посредники употребили всѣ старанія, чтобъ удержать шведовъ, и что послѣдніе твердо намѣрены, кромѣ требуемыхъ денегъ, оставить еще за собою нѣсколько городовъ и крѣпостей. Русскіе сказали, что они всѣ скорѣе готовы отдать шведамъ жизнь, чѣмъ хотя одну горсть земли.

29 числа, мы пригласили шведскихъ уполномоченныхъ къ себѣ и просили ихъ отложить отъѣздъ. Они представили намъ всѣ неудобства времени и мѣста, недостатковъ во всѣхъ припасахъ, особенно же въ кормѣ для лошадей, и сказали, что по этимъ причинамъ имъ невозможно долѣе остаться; они прибавили, что остались бы, пожертвовали бы всѣми лошадьми, зарѣзали и съѣли бы ихъ, если могли бы надѣяться, что русскіе сдѣлаютъ какія-либо благоразумныя предложенія; они двѣ или три недѣли будутъ ожидать въ Новгородѣ отвѣта, который великій князь пришлетъ на письмо посредниковъ....

Во время описанныхъ выше переговоровъ нѣсколько чловѣкъ рейтаровъ и пѣшихъ перебѣжало со стороны шведовъ къ русскимъ; они стояли на караулѣ въ квартирѣ посла великобританскаго и соблазнены были на побѣгъ, что весьма огорчило шведскихъ уполномоченныхъ. Въ ихъ войскѣ обнаружались также признаки неудовольствія по причинѣ тяжкой стоянки въ лагерѣ.

Случилось также въ ночь съ предпоследняго на послѣднее число января, что одинъ изъ бѣжавшихъ въ русскимъ отрѣзалъ кусокъ полотна отъ палатки короля шведскаго, которая стояла возлѣ московской палатки, около дома, занимаемаго англійскимъ посломъ. Перебѣжчикъ взялъ это полотно съ собою, за что сильно негодовали королевскіе уполномоченные.

31 января предъ обѣдомъ, собравшись въ квартиру посла, чтобъ проститься съ нимъ (шведы хотѣли ѣхать на другой день рано утромъ), они жаловались ему на случившееся похищеніе и объявили, что этимъ поступкомъ нарушена была русскими клятва о безопасности уполномоченныхъ, и причинена великая обида не только королю шведскому, но и послу Е. К. В. короля великобританскаго, предъ домомъ и подъ покровительствомъ котораго палатки были поставлены, и предъ домомъ котораго русскіе не гнушаются соблазнять шведскихъ солдатъ (сгускскnechten) дѣлаться шельмами (schelmente werden). Русскіе, какъ только узнали о случившемся, тотчасъ рано утромъ отправили въ послу и въ намъ дворянъ своихъ, которые объявили, что главные уполномоченные царскіе ничего не знали объ этихъ перебѣжчикахъ, что они прикажутъ отыскать ихъ и выдать шведскимъ уполномоченнымъ. Это было сообщено шведскимъ уполномоченнымъ съ просьбою, притомъ, отложить отъѣздъ до обѣда слѣдующаго дня; а въ этотъ срокъ имъ можно требовать выдачи перебѣжчиковъ, если они не будутъ еще выданы. Они согласились, и мы тотчасъ послали объявить объ этомъ русскимъ уполномоченнымъ, прося ихъ постараться отыскать и представить бѣглыхъ. Намъ отвѣтили, что главные русскіе уполномоченные послали нарочно въ Осташковъ (Astasko), чтобъ отыскать перебѣжчиковъ, и что они общаются, какъ только тѣ будутъ пойманы, тотчасъ же отправить ихъ въ шведамъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ГАБСБУРГСКАЯ СЕМЕЙНАЯ ПЕРЕПИСКА

ВЪ XVIII ВѢКѢ.

Maria Theresia und Joseph II. Ihre Correspondenz sammt Briefen Joseph's an seinen Bruder Leopold, herausgegeben von Alfred Ritter von Arneth. 1 Bd. 1761 — 1772. 2 Bd. 1773—1778. 3 Bd. 1778—1780. Каждый въ 400 стр. in 8°. 1-й и 2-й томъ изд. въ 1867, 3-й въ 1868. Wien. Gerold.

Leopold II und Marie Christine. Ihr Briefwechsel (1781—1792), herausgegeben von Adam Wolf. Wien. Gerold, in 8°, 357 стр. 1867.

Имя г. Арнета и вѣнское изданіе можетъ избавить насъ отъ труда, необходимаго при французскихъ изданіяхъ разныхъ корреспонденцій, а именно, обратиться предварительно къ вопросу о подлинности или подложности изданныхъ писемъ. Вѣковая недоступность вѣнскихъ архивовъ неоднократно вызывала справедливые укоры историковъ. Тѣмъ болѣе интересъ возбуждали послѣднія публикаціи изъ этихъ архивовъ, подъ руководствомъ императорскаго архиваріуса. Страннымъ образомъ, однако, первый избранный опытъ императорскаго архиваріуса оказался неблагоприятнымъ для вѣнскаго двора. Переписка Маріи Антуанеты съ матерью Маріей Терезіей—обнаружила насильственное вліяніе матери, разоблачила тайныя пружины, двигавшія молодой королевой, интриги и замыслы австрійскихъ придворныхъ дипломатовъ. За то, изданная теперь переписка Іосифа II, извлеченная изъ тѣхъ же вѣнскихъ архивовъ — оказываетъ большую услугу брату Маріи Антуанеты и первому императору лотарингской линіи на габсбургскомъ престолѣ. Царствованіе Іосифа II получаетъ новый свѣтъ при чтеніи этой переписки. Она заставляетъ насъ вѣрить въ дѣйствительность гуманныхъ побужденій Іосифа, въ искренность желанія Іосифа облегчить судьбу и улучшить бытъ народа — крестьянина, въ глубину его

любивые замыслы на Римъ, указывая на источникъ подобныхъ замысловъ. Понятно также, насколько интересны сужденія Іосифа о лицахъ и положеніяхъ его эпохи; они не могутъ быть заподозрѣны въ фальши, въ скрытности, и онъ, личный свидѣтель прошлаго, является невольнымъ судьей или адвокатомъ своей эпохи. Мы не поступимъ легкомысленно, отнесясь съ довѣріемъ къ словамъ и письмамъ Іосифа; его переписка тѣмъ и драгоцѣнна для историка, что носить на себѣ совершенно частный, интимный характеръ, и, конечно, Іосифъ не могъ рассчитывать на ея опубликованіе и писать сообразно съ такимъ расчетомъ. Въ этомъ отношеніи, мы предпочитаемъ подобную переписку тѣмъ многимъ мемуарамъ, которые принадлежатъ XVIII вѣку и, писанныя на подобіе «Confessions» Руссо, носятъ кокетливо рисующійся характеръ авторскаго себялюбія, больше заботящагося о выгодномъ свѣтѣ для себя, чѣмъ о правдивомъ ознакомленіи читающаго съ дѣломъ.

Интимность переписки Іосифа представляетъ еще другую, важную и интересную сторону. Письма о его семейныхъ привязанностяхъ и антипатіяхъ, о его внутреннемъ настроеніи подъ вліяніемъ неизгладимаго удара, нанесеннаго утратой любимой жены — заставляютъ историка обратить болѣе серьезное вниманіе, чѣмъ до сихъ поръ, на *психологическое* состояніе этого энергичнаго реформатора, и въ этомъ состояніи искать разъясненія многого поражающаго въ характерѣ Іосифа, съ его противорѣчіями и рѣзкостями, съ его простотою и двуличностью, съ его мягкостью и суровостію. Историки и публицисты конечно много злоупотребили тѣмъ подмѣченнымъ фактомъ, что часто источникъ великихъ событій и трудныхъ положеній лежитъ въ весьма ничтожныхъ, повидимому, и частныхъ обстоятельствахъ. И все же подобное соображеніе исполнѣнъ умѣстно при взглядѣ на жизнь и дѣятельность Іосифа, тѣмъ болѣе, что ничтожность *частныхъ* обстоятельствъ только кажущаяся, — въ сущности же они были слишкомъ трагическія, чтобъ не имѣть вліянія на всю судьбу Іосифа, начиная съ самаго формірованія его характера. Читая собственную исповѣдь Іосифа о тѣхъ жертвахъ, которыя долженъ былъ принести челоуѣкъ монарху, невольно останавливаешься предъ размышленіемъ: за что и къ чему были обречены носить габсбургскую корону такія личности, какъ Іосифъ? Она была ему положительно въ тягость (мы услышимъ не одно признаніе), она безжалостно уничтожала его личность, разбивала весь его внутренній міръ, въ который онъ всецѣло былъ погруженъ, и за что, конечно, нельзя винить — въ томъ было его неотъемлемое право! Онъ кончилъ тѣмъ, что простился разъ навсегда съ внутреннимъ, съ душевнымъ міромъ и спокойствіемъ, и весь отдался тому служенію, для котораго

долженъ былъ пожертвовать собою, — служенію габсбургскому государству ¹⁾).

Здѣсь отърывается второй актъ въ драмѣ его жизни, и переписка предлагаетъ для него богатый матеріалъ. Личныя страданія даютъ человѣку бѣльшій доступъ къ пониманію страданій другихъ, а одиночество, которое потрясенныя, какъ и вообще глубокиа природы предпочитаютъ пустому развлеченію — гораздо болѣе располагаетъ къ серьезнымъ размышленіямъ, чѣмъ блестящая обстановка высшаго свѣта. «Философу Іосифу» — какъ звали его дома — было естественно несравненно болѣе думать и обдумывать свою роль и свое назначеніе, чѣмъ кому бы то ни было, и когда бы то ни было, изъ всей его семьи. Его назначеніе представилось ему выше и серьезнѣе, чѣмъ то обыкновенно понимали всѣ его предшественники и современники; его роль являлась предъ нимъ болѣе трудною, но и болѣе достойною и благодарною. Питливый умъ его, незатемненный изнашивающей жизнью, не подкупленный приманкою даннаго положенія, подвергъ трезвой критикѣ всю общественную обстановку и государственную организацію, и рѣшился смѣло назвать вещи по имени — пустотѣ и лоску было отказано въ правѣ на достоинство и власть; баронская эксплуатація была обречена на гибель, какъ преступная привилегія; нищета крестьянина должна была смѣниться независимымъ довольствомъ; религіозная нетерпимость осуждена, какъ злостное невѣжество. Но здѣсь Іосифъ былъ остановленъ тѣмъ лицомъ, которое упорно сохраняло свое вліяніе и власть — Маріей-Терезіей. Съ той минуты, какъ Іосифъ становится общественнымъ труженникомъ, государственнымъ реформаторомъ, онъ сталкивается съ своей матерью, и болѣзненная распря ихъ, съ упреками и слезами, съ ударами и уступками, олицетворяетъ зачинавшуюся борьбу новаго начала со старымъ на тѣсной аренѣ габсбургской семьи. Старое начало посылаетъ грозные удары и проклятія новымъ требованіямъ, ничего нехотѣвшимъ щадить. Іосифъ не ждалъ французскихъ революціонеровъ, ятобъ осудить на гибель весь картонный міръ феодальной іерархіи. Распря сына съ матерью тянется чрезъ все время ихъ сорегентства и заставляетъ обоихъ жестоко страдать, потому что, кромѣ другихъ соображеній, они прежде всего любили и были привязаны другъ къ другу. Справедливость требуетъ здѣсь же замѣтить, что переписка располагаетъ сочувственно къ Маріи-Терезіи вездѣ, гдѣ идетъ дѣло о внѣшней политикѣ, и вызываетъ осужденіе Іосифу за его систему пользованія всякой случайностью при помощи вооруженнаго вторженія. Впрочемъ, въ этомъ Іосифъ дѣйствовалъ

¹⁾ J'aime trop l'Etat et la monarchie pour ne pas ressentir tout ce qui la touche bien vivement. Т. I, стр. 229. Эта мысль повторяется у Іосифа во всевозможныхъ выраженіяхъ.

невольнымъ вліяніемъ Фридриха II, который былъ только ловче и лицемѣрнѣе Іосифа. Напротивъ, во внутренней политикѣ сочувствіе переходитъ на сторону Іосифа. Здѣсь Марія-Терезія является тормазомъ всѣхъ замисловъ и начинаній сына - реформатора, и въ то же время здѣсь она сохраняетъ до смерти то вліяніе, которымъ вообще пользовалась на дѣтей. Печальное, пагубное вліяніе! Изъ-за своихъ феодальныхъ понятій о славѣ и уваженіи «дома» она посылаетъ Марію-Антуанету во Францію, отравляетъ жизнь Іосифа женитьбою, выдаетъ другую дочь — Каролину — за полумумнаго неаполитанскаго короля, стѣсняетъ другого сына, Леопольда, эрцгерцога тосканскаго, даже въ выборѣ прогудокъ; требуетъ, чтобы при его дворѣ говорили по нѣмецки ¹⁾, и все это, конечно, не дѣлаетъ дѣтей счастливыми, а напротивъ. Въ этомъ отношеніи, изданная Арнетомъ переписка могла бы доказать, что *фамиліальная система* была также гибельна и для самой коронованной семьи, какъ и для страны. Но, въ данномъ случаѣ, всѣхъ тяжеле было положеніе Іосифа, обязаннаго управлять Австріей вмѣстѣ съ матерью. Невыносимость вѣчной опеки и вмѣшательства въ государственныя дѣла доводитъ Іосифа до того, что онъ десять разъ готовъ бросить все и десять разъ повторяетъ матери просьбу объ отставкѣ, о дозволеніи ему не быть соврателемъ, а только слугою ея, — очевидно для того, чтобы не дѣлать отвѣтственности за дѣла несогласныя ни съ его разумомъ, ни съ его совѣстью.

Понятно, съ какимъ пылкимъ нетерпѣніемъ, съ какимъ необузданнымъ рвеніемъ ухватился онъ, по смерти матери, за осуществленіе цѣлой бездны толпившихся въ головѣ плановъ! Здѣсь-то и ждало Іосифа самое жестокое пораженіе, и это третій и послѣдній актъ драмы, кончающейся преждевременной смертью, не умѣвшей прійти немного ранѣе, когда была надежда на успѣхъ, не хотѣвшей прійти немного позже, когда катастрофа разразилась повсюду, — и унесшей его въ моментъ рушенія еще невозведеннаго зданія! Этого третьяго злополучнаго для Іосифа акта нѣтъ въ перепискѣ; она кончается на смерти Маріи Терезіи; но мы напомнимъ бѣгло и объ немъ, пользуясь другими источниками и, между прочимъ, корреспонденціей Леопольда и сестры Іосифа, бывшей правительницею въ Бельгіи, гдѣ и былъ нанесенъ смертельный ударъ всей логикѣ австрійскаго императора. Онъ могъ утѣшаться развѣ только тѣмъ, что логика новаго порядка не остано-

---

¹⁾ I, 188. Собственноручное письмо М. Терезіи къ графу Турну: Je marque à mon fils que je souhaite qu'on n'oublie pas l'allemand, et que même les gens de la Cour devraient tâcher de l'apprendre... Tâchez que Léopold ni elle ne sortent pas seuls dans les jardins; ce n'est pas Schönbrunn, et ce n'est pas la coutume en Italie, le jardin est aussi trop vaste, et la nation n'est pas allemande.

лась, и уже при немъ продолжалась во Франціи; но Іосифъ не призналъ сходства и родственности съ послѣднею, и дѣйствительно—логика французская была иного свойства и съ другими результатами.

I.

Политическая карьера Іосифа II начинается очень рано, чуть не у самой колыбели. Онъ родился въ 1741—въ тяжелое время распри его матери Маріи Терезіи съ Франціей, и извѣстно, какъ въ томъ же году молодая императрица, тѣсняемая со всѣхъ сторонъ, бросилась за помощью къ вѣрнымъ венграмъ: какой восторженный единодушный влилъ пробудила она въ нихъ, явившись въ траурѣ и съ младенцемъ Іосифомъ на рукахъ.

«Умремъ за нашего короля, Марію Терезію!» было ихъ воинственнымъ рѣшеніемъ, вызвавшимъ у Маріи Терезіи потокъ благодарныхъ слезъ. Ребенокъ росъ, и въ немъ проявлялись живость ума и пылкость воображенія; но эти качества не входили въ программу тогдашней іезуитской педагогіи, и наставники сдѣлали все, чтобъ возбудить въ немъ отвращеніе къ ученю и злобное недовѣріе къ клерикальному ханжеству. Мы увидимъ позже, что результатъ вліянія іезуитовъ на Іосифа былъ подобенъ тому, какое они оказывали въ прошломъ вѣкѣ на многія извѣстныя личности, начиная съ Тюрго и Дидро, на котораго въ семинаріи возлагались громадныя надежды, и который сталъ врагомъ іезуитовъ на столь же сильнымъ, какъ Іосифъ. Вмѣстѣ съ такимъ воспитаніемъ, самая домашняя жизнь должна была возбудить въ мальчикѣ склонность къ одиночеству и угрюмости. Въ первое время, родители не особенно любили его, всѣ ихъ ласки и заботы сосредоточивались на второмъ сынѣ, герцогѣ Карлѣ, пока онъ не умеръ въ 1761 г., 16-ти лѣтъ отъ роду. Семилѣтняя война, разнеся повсюду молву о «Фрицѣ», въ первый разъ пробудила въ юношѣ воинственную страсть, жажду опасностей и еще болѣе славы, но и здѣсь онъ встрѣтилъ отпоръ со стороны матери, не дозволившей принять участіе въ походѣ (1757). Скоро другое вліяніе, другая власть завладѣла молодымъ эрцгерцогомъ и была для него несравненно выносимѣе и отраднѣе. Іосифъ женился на пармской инфантѣ, Елизаветѣ-Маріи или Изабеллѣ, къ которой его влекли одинаково и ея замѣчательная красота и ея умственное развитіе, бывшее въ то время и въ той средѣ, какъ мы скоро увидимъ, рѣдкимъ исключеніемъ. Съ нею, въ ея любви и дружбѣ Іосифъ чувствовалъ себя въ первый разъ счастливымъ и охотно готовъ былъ во всемъ ее слушаться. Но счастье было не прочно: ни нѣжность, ни всѣ заботы мужа не могли уничтожить въ Изабеллѣ той развивавшейся меланхоліи, которою страдали въ ея семействѣ, и которая, повидимому, перешла къ ней по наслѣдству отъ дѣда; ея мѣ-

и воображеніе не обмануло ее — зимою 1763 года оспа унесла ее въ могилу, и съ нею унесла навсегда счастье и спокойствіе Іосифа.

— «Дорогой братъ! Если возможно чувствовать облегченіе въ такомъ жестокомъ положеніи, то только ваша дружба одна способна оказать мнѣ его. Я не въ состояніи сказать ничего болѣе; я все потерялъ; я желаю вамъ отъ всего сердца такую хорошую жену, какъ моя покойная, но да сохранитъ васъ Богъ отъ подобнаго горя!» Этими словами Іосифа къ его брату (27 ноября 1763) начинается изданная Арнетомъ переписка. Іосифу однако некогда было предаваться своему горю. Какъ бы нарочно, въ то самое время его обрекали уже не на бездѣйствіе, а, напротивъ, на самую утомительную для него дѣятельность. Государственные или, вѣрнѣе, династическіе интересы, по понятію императрицы Маріи-Терезіи, не должны были терпѣть замедленія отъ того или другого внутренняго настроенія ея сына, и еще любимый прахъ не остылъ, какъ уже Іосифа отправили съ отцемъ, императоромъ Францемъ — во Франкфуртъ для коронаванія римскимъ королемъ. При этомъ Марія-Терезія рѣшилась за-разъ обдѣлать два дѣла, и, кромѣ римской короны, наградить сына новою супругой. А Іосифъ, съ перваго же письма съ дороги напоминаетъ ей о своей неизгладимой печали:—«Мое грустное разставаніе съ вами, хотя бы только на шесть недѣль, напомнило мнѣ слишкомъ жестоко то разставаніе, какое я долженъ былъ совершить на вѣчно съ женщиной, которую я обожаю и здѣсь, какъ и въ Вѣнѣ, и прахъ которой мнѣ будетъ всегда драгоцѣненъ.» (13 января 1764.) Напрасны тѣ развлеченія, на которыя именно и рассчитываетъ Марія-Терезія: Іосифу отъ нихъ не легче, и послѣ перваго шумнаго пира въ кругу всякихъ князей, онъ признается ей, что «хотя и никто не заговариваетъ о его новомъ бракѣ, но все же эта мысль беспокоитъ его, и концертъ, игранный на скрипкѣ, едва совсѣмъ не разстроилъ его, но онъ удержался, и только предъ нѣжной и сострадающей матерью, которой онъ внушаетъ сожалѣніе, онъ смѣетъ раскрыть свое сердце, ибо оно, не смотря на развлеченіе сотнею предметовъ, не можетъ забыть своей страшной утраты.» Это не мѣшаетъ матери настаивать на своемъ и непремѣнно торопить сына скорѣйшимъ выборомъ; она даже готова предоставить выборъ личному вкусу сына. Но для Іосифа напрасно такое великодушное дозволеніе, и онъ охотно предоставляетъ ей распоряжаться собою,—«ибо я не могу жениться иначе, какъ только изъ любви къ вамъ, и я долженъ сознаться, что мое сердце жестоко раздраемо въ послѣдніе дни; утрата обожаемой жены еще на столько запечатлѣна въ моемъ сердцѣ, что она каждую минуту представляется мнѣ; съ каждымъ посланнымъ я надѣюсь найти письмо отъ моей Тія-Тія (Гуа-Гуа, звалъ онъ ее между собой), и, къ несчастью, все кончено! Я не могу удержатъ сво-

ихъ слезъ, пиша эти слова, и вы можете судить по тому о силѣ моея печали.»

Два дня спустя, онъ прямо указываетъ матери на невольное отталкивающее чувство при мысли о бракѣ :—«Я долженъ признаться вамъ, дорогая мать, что мысль о бракѣ съ каждымъ днемъ становится болѣе чуждою моему сердцу, и увѣряю, что съ тѣхъ поръ, какъ я вдали отъ васъ, чувствую мою печаль болѣе чѣмъ когда либо. Какая потеря, какая разница въ путешествіи, и какое ужасное возвращеніе безъ надежды найти то, что обожаешь. Всѣ эти мысли слишкомъ тяжело волнуютъ мой умъ, а я боюсь, чтобъ моментъ самый счастливый для меня—когда я снова получу удовольствіе поцѣловать ваши руки—чтобъ онъ не былъ въ тоже время моментомъ, который вонзитъ кинжалъ въ мою грудь. Я постараюсь удержаться, если возможно, но я не могу отвѣчать за себя.»

Марія-Терезія оставалась при своемъ рѣшеніи—женить сына, для того, чтобъ доставить наслѣдника Австріи и способствовать при выборѣ невѣсты укрѣпленію родственно-государственныхъ союзовъ. Она не перестаетъ давать Іосифу инструкціи касательно его поведенія и разговоровъ, вдаваясь при этомъ во всѣ мелочныя подробности,ставляя его быть вѣжливымъ, любезнымъ, прося его играть съ дамами въ карты, требуя отъ него описанія всѣхъ встрѣчающихся, т. е. привезенныхъ на показъ принцессъ. Настроеніе Іосифа, по мѣрѣ приближенія къ Франкфурту, становится все тяжеле, его положеніе среди свѣта кажется ему невыносимымъ. — «Еслибъ ваше величество—пишетъ онъ ей о баварскомъ дворѣ—видѣли всѣхъ этихъ несносныхъ льстецовъ, въ которыхъ самая гнусная низость смѣшана съ невыносимой надменностью, вы не могли бы вытерпѣть ихъ общества».... —«Мы должны—пишетъ онъ приближаясь къ Франкфурту въ компаніи курфюрстовъ и принцевъ—цѣлый день дороги слушать всѣ ихъ плоскости и глупости, и каждый изъ нихъ воображаетъ, что изрекаетъ сентенціи. Я увѣряю васъ, такъ какъ вы знаете мою откровенность и на сколько я сухъ и положителенъ въ сужденіяхъ, что мнѣ приходится дѣлать невообразимое усиліе, чтобъ не наклеить носа всѣмъ этимъ господамъ за тѣ глупости, которыя они говорятъ и дѣлаютъ.»

Суровый «философъ» кончаетъ тѣмъ, что избираетъ себѣ благую долю и начинаетъ относиться ко всему съ юмористической точки зрѣнія. И въ то время, какъ все и всѣ вокругъ него преважно суетятся по поводу его же коронованія, чинно парадируютъ предъ нимъ, выставляя свои высокія достоинства, и высказываютъ непрошенныя соболѣзнованія, заявляя о такой или другой прекрасной принцессѣ, способной замѣнить его потерю—самъ Іосифъ, презирая всю неумѣстную для его гора обстановку, хочетъ потѣшаться надъ ними и въ томъ искать себѣ развлеченія, если не забвенія. Рассказывая о ссорѣ

двухъ вельможъ изъ-за пустого намека о каретѣ и лошадяхъ, Иосифъ повторяетъ матери свое правило: — «Для меня, который, какъ только дѣло разгорячается, тотчасъ уходитъ въ сторону — для меня это настоящая комедія, и когда они являются ко мнѣ повѣствовать о своихъ бѣдахъ, я уже ранѣе, чѣмъ они откроютъ ротъ, говорю, что они оба правы!» Въ другой разъ къ Иосифу разлетѣлся съ намѣреніемъ соболѣзнованій и совѣтовъ вюрцбургскій епископъ; Иосифъ, предвидя грозу, остановилъ епископа у входа скромнымъ вопросомъ: что ему угодно? — «Епископъ растерялся отъ такого неожиданнаго вопроса и только возразилъ мнѣ, что желалъ освѣдомиться о моемъ здоровьи и о томъ, какъ я провелъ ночь.» Гораздо основательнѣе показался Иосифу курфюрстъ майнцкій, который много говорилъ и еще болѣе пилъ, такъ что его лице было совсѣмъ красное, «ибо онъ выпиваетъ въ день десять бутловокъ рейнскаго вина безъ головокруженія!» Съ другой стороны, дамы оказывались гораздо щепетильнѣе, чѣмъ кавалеры, къ тону и поведенію Иосифа. Такъ, дочь принцессы Ламбергъ не на шутку обидѣлась за несдержанную остроту Иосифа надъ ея прической; дѣло дошло до Маріи-Терезіи, и Иосифъ долженъ былъ оправдываться передъ матерью, увѣряя ее, что прическа принцессы была черезъ чуръ необыкновенна, съ ея растрепанными во всѣ стороны волосами, чтобъ не обратить вниманія. Тѣмъ не менѣе Иосифъ сохранялъ свое привычное отношеніе: — «Я соблюдаю въ точности роль зрителя и иногда насмѣшника, особенно когда Кевенгюллеръ сердится. У него вскопчилъ принчикъ на языкъ, который заставляетъ его немного косноязычить, такъ что можно умереть со смѣху!»

Къ сожалѣнію, въ жизни людей бываютъ положенія, когда юмористическое отношеніе, вызванное равнодушіемъ или презрѣніемъ къ окружающей обстановкѣ, неканіемъ забренія среди развлекающихъ мелочей — не достигаетъ своей цѣли, а наоборотъ, еще болѣе погружаетъ человѣка въ безвыходную тоску, — когда среди принужденнаго, насильственнаго смѣха прорывается несдержанная нота похороннаго плача. Такъ было и съ Иосифомъ. Блестящая суета франкфуртской жизни во время коронаванія еще болѣе нагоняла на него мракъ и тоску. Среди разряженныхъ принцессъ, образъ скороненной жены не исчезалъ, а носился предъ нимъ, неотступно напоминая о безвозвратномъ и незамѣнимомъ, и всѣ совѣты и разговоры о новомъ бракѣ только внушали Иосифу все болѣе отвращенія къ нему. И въ то время, какъ мать, читая его подробныя описанія всѣхъ аудіенцій, обѣдовъ и вечеровъ нетерпѣливо ждетъ указанія на выборъ его сердца для того, чтобы согласовать его съ болѣе важными обстоятельствами, съ дипломатическими условіями, Иосифъ снова твердитъ ей о своемъ горѣ. Онъ самъ говоритъ ей о томъ состояніи, на которое мы сейчасъ указали; говорить, что его печаль становится гораздо тяжеле отъ той обстановки,

въ которую онъ поставленъ.— «Мое состояніе, дорогая мать, невыносимо въ эту минуту. Съ сердцемъ удрученнымъ печалью, я долженъ казаться въ восторгѣ отъ того возложеннаго на меня достоинства, котораго я чувствую только тяжесть, а вовсе не удовольствіе. Я, который люблю уединеніе и которому трудно быть съ людьми не вполне знакомыми, я долженъ вѣчно быть въ свѣтѣ и держать рѣчь со всякимъ, совершенно чужимъ для меня. Я и безъ того мало разговариваю, а долженъ дѣйствительно болтать цѣлый день и говорить любезный вздоръ! Увѣряю васъ, дорогая мать, что когда я возвращаюсь къ себѣ, голова идетъ кругомъ... но, чтобъ заслужить ваше одобреніе, для меня нѣтъ ничего труднаго, и надо, чтобъ это шло ¹⁾».

Въ этихъ послѣднихъ словахъ выражается искреннее отношеніе Іосифа къ матери; онъ дѣйствительно любилъ ее и былъ привязанъ къ ней. Теряясь въ холодномъ, официальномъ мірѣ, отъ нея одной ждалъ онъ уроковъ, сужденій, ей одной повѣрялъ онъ свое душевное состояніе; въ ней надѣялся онъ встрѣтить сочувствіе своему горю и, можетъ быть, найти возможность отклонить новый бракъ, представляющійся ему все болѣе невыносимымъ и грознымъ.— «Я долженъ признаться вамъ, что съ отъѣзда я сталъ еще гораздо болѣе чувствителенъ, и память моей обожаемой жены на столько еще жива въ моемъ сердцѣ, что я смотрю на бракъ не иначе, какъ на верхъ всѣхъ моихъ несчастій. Я прошу у васъ извиненія, дорогая мать, что говорю это такъ ясно, но я такъ думаю, и, еслибъ я даже хотѣлъ избрать одну особу, то незнаю былъ ли бы я теперь въ состояніи рѣшиться на такой шагъ. Надо много времени, чтобъ закрылась эта глубокая рана; хотя тѣмъ не менѣе ваши уважаемыя приказанія заставляютъ Іосифа все сдѣлать съ самымъ жестокимъ усиліемъ.» Готовность свою подчиняться приказанію матери изъ любви къ ней, онъ высказываетъ еще сильнѣе, благодаря ее въ одномъ письмѣ за теплыя строки:— «Моя жизнь, которой я, конечно, никогда не желаю быть долгою, теперь я желаю продолжить для того, чтобъ имѣть болѣе времени заслужить вашу доброту и быть достойнымъ ея.»

Марія-Терезія не умѣла платить сыну за его чувства иначе, какъ упорнымъ наставаніемъ на скорѣйшемъ бракѣ. Іосифъ снова указываетъ на свое неизмѣнное горе, и наконецъ въ его словахъ слышится первый упрекъ ей за вѣчное растравленіе сердечной раны,

¹⁾ Немного позже онъ повторяетъ тоже самое и почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, расушащихъ его характеръ: «Я не могу отрицать, что роль, которую я играю, очень тяжела; кромѣ всѣхъ трудностей и стѣсненій, связанныхъ съ подобными церемоніями, существуетъ моя справедливая печаль, не оставляющая меня ни на мигъ, и даже увеличивающаяся, хотя я скрываю ее на сколько возможно; да еще мой характеръ, который и безъ того не любитъ большого свѣта; но надо преодолѣть это и, чтобъ сдѣлать вамъ честь, я дѣлаю и всегда буду дѣлать самыя страшныя усилія.

буетъ: — «Я научился немного знать свѣтъ и людей, и я увидалъ, что счастье находится только въ безупречности собственнаго поведения. Но оставимъ эту рѣчь.... Въ этотъ часъ я не способенъ играть принятую роль, маска упала бы съ лица, рухнула бы и иллюзія, которую многие хотятъ питать на счетъ моего принужденнаго веселія. Я смѣюсь губами, а моя душа рыдаетъ; будемъ продолжать побѣждать себя и страдать въ самомъ себѣ, даже не утѣшаясь тѣмъ, что тебя пожалѣютъ. Вы *слишкомъ* много входите въ положеніе другихъ, чтобъ не понять сколь жестоко мое! Еслибъ я не былъ столь привязанъ къ вамъ и еслибъ немного опытности не давало мнѣ знанія свѣта, я навсегда остался бы вдовимъ... борьба между желаніемъ оказать вамъ обязательство и моею склонностью, убѣжденіемъ и размышленіемъ — *слишкомъ* ужасна. Да, я предвижу! моя привязанность къ вамъ вырветъ у меня рѣшеніе, но да будетъ угодно Богу, чтобъ то не было на вѣчное несчастіе моихъ дней и, можетъ быть, моей души. Простите мнѣ это отступленіе, но вы раскрыли источникъ моихъ горькихъ размышленій, которыя я скрывалъ цѣлыя четыре недѣли. Вы можете себѣ представить, чтò стоитъ человѣку дѣлать то, чтò дѣлаю я, когда думаешь такимъ образомъ.» Эти строки находятся въ отвѣтномъ писемѣ Іосифа на поздравленіе съ успѣшнымъ коронаваніемъ.

Коронаваніе римскаго короля совершено было при огромномъ стеченіи народа, во Франкфуртѣ, въ томъ соборѣ, который недавно сгорѣлъ и унесъ съ собою великаго свидѣтеля габсбургскаго величія, въ то самое время какъ послѣднія надежды этого величія, связаннаго съ германскою короною, рушились при Садовѣ! Въ день торжественнаго вѣзда предъ коронаваніемъ, Іосифъ былъ тронуть привѣтствіями народа и общалъ себѣ вѣрно служить ему: — «Я постараюсь все сдѣлать чтобъ народѣ не ошибся, радуюсь при избраніи меня своимъ главою.» Но, въ самый день коронаванія, народу не посчастливилось и празднество въ честь Іосифа обагрилось кровью: — «Я думалъ о вашемъ величествѣ, какъ вы закричали бы, увидѣвъ происходившее побоище. Солдаты, которые стояли на площади (по прозванію Römer), гдѣ тѣснились несчетныя толпы народа, побили людей весьма некстати и ужаснымъ образомъ; но, наконецъ, толпа отплатила имъ такъ сильно, что гренадеры были почти совершенно разогнаны и побиты. Четыре или пять человѣкъ погибло, ибо наконецъ войска открыли огонь, и одна 19-ти лѣтняя дѣвушка получила пулю, которая отправила ее на тотъ свѣтъ.» Впрочемъ, въ то время не придавалось особаго значенія подобнымъ сценамъ, и празднества шли своимъ чередомъ, привѣтствія народа были также громки и многочисленны, какъ и въ день вѣзда. — «Но я долженъ признаться вашему величеству, что, не смотря

на все то, образъ моей дорогой жены не переставалъ все время быть предъ моими глазами.» Скоро этотъ унесшійся образъ напомнилъ Иосифу о существованіи другого, наиболѣе подобнаго ему, и онъ съ жаромъ ухватился за свою новую мечту. У покойной Изабеллы была младшая сестра, и на ней остановился Иосифъ, не видя возможности остаться вѣрнымъ памяти любимой женщины. Этой возможности въ дѣйствительности не представлялось. Марія-Терезія неотступно стояла на своемъ и не упускала ни одного случая для того, чтобъ напоминать и торопить сына. Поспѣшность доводила ее даже до слишкомъ недѣлкатнаго затрогиванія чувствъ сына. Такъ, по поводу праздниковъ въ Вѣнѣ по случаю коронаванія, Марія-Терезія пишетъ Иосифу, что видъ его маленькой дочери (умершей чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того) возбудилъ въ ней желаніе видѣть скоро еще *другихъ* дѣтей Иосифа. Намекъ на новый бракъ показался Иосифу слишкомъ неумѣстнымъ, и онъ отвѣтилъ ей упрекомъ полнымъ горечи:—«Да, мнѣ остается совершить съ самоотверженіемъ самую ужасную и жестокую жертву. Но возможно ли, дорогая мать, чтобъ видъ моей дочери въ тѣ шумные часы не возбудилъ въ васъ ничего другого, какъ только желаніе видѣть *другихъ*? Вы не можете скрыть отъ меня этого! Я знаю ваше сердце. Вы должны были подумать объ удовольствіи, которое доставило бы вамъ поцѣловать вашу королеву, вашу дочь и преданную подругу.... Ребенокъ въ колыбели тоже долженъ былъ бы вызвать вашу нѣжность. Удовольствіе той дорогой жены, и то, которое испытывалъ бы я при видѣ моей королевы; такой добрый союзъ вашего сына, котораго вы любите и который заслуживаетъ это своей неизмѣнной преданностью; ваши дѣти, которые находили въ ней добраго друга и вѣрнаго руководителя... все это должно было прійти вамъ въ голову, я увѣренъ въ томъ. Я не могу отрицать, что эти размышленія, постоянно преслѣдующія меня, наполняютъ страшнымъ ядомъ мои дни...» И за тѣмъ слѣдуетъ иронія ¹⁾ и поученіе матери:—«Поспѣшность, оказываемая вами касательно моего брака, есть выраженіе вашей нѣжности, которая не ограничивается живыми, но даже любить будущее, находящееся еще въ ничтожествѣ.... Я хочу пожертвовать собою для васъ, но ради любви къ вамъ, поступимъ хорошо, такъ чтобы можно было нравственно обѣщать себѣ счастливые плоды»....

На возвратномъ пути изъ Франкфурта въ Вѣну, гдѣ онъ отнесся съ антипатіей ко всѣмъ представлявшимся ему выборамъ невѣсть, намѣреніе его соединиться съ сестрой покойной жены созрѣло въ рѣшеніе, и онъ умоляетъ мать устроить его бракъ.—«Упрекъ, который вы дѣлаете мнѣ за мою нерѣшимость — я не заслуживаю; ибо съ того

¹⁾ Марія-Терезія повяла иронію и упрекала сына за ѣдкость; онъ оправдывался и сожалѣлъ о томъ, что подалъ поводъ къ упрекамъ. (Стр. 104).

страшнаго момента, когда на моихъ рукахъ испустила послѣдній вздохъ дорогая жена, я всегда думалъ такъ, какъ и въ этотъ часъ, и я вѣчно буду думать одинаково. Особа, которую я позволилъ себѣ просить у васъ въ жены, представляется мнѣ самою лучшею. Это послѣдній долгъ, который я отдамъ моей обожаемой женѣ. Если вы хотите утѣшить сына, искренно привязаннаго къ вамъ, постарайтесь сдѣлать его счастливымъ, а могу ли я стать такимъ, не имѣя возможности надѣяться снова обрѣсти хорошии союзъ? Я прошу у васъ этого, какъ милости, только желайте этого *искренне*, и я думаю все еще, что будетъ средство добиться....» *Добиться* было гораздо труднѣе, чѣмъ Иосифъ воображалъ, и здѣсь начинается новый эпизодъ драмы, исполненный горечи для сына и униженія для матери. Въ то время, какъ Иосифъ сталъ думать о сестрѣ своей Изабеллы, уже свылся съ мыслью о союзѣ съ ней, и повидимому дѣйствительно полюбилъ ее и заранѣе привязался къ ней, она, не смотря на молодость (ей не было и 15 лѣтъ) была уже просватана за сына испанскаго короля, и въ сватовствѣ томъ, конечно, играли роль главнымъ образомъ дипломатическія соображенія. Видя непреодолимое желаніе сына, страшась, что иначе онъ совершенно откажется отъ втораго брака, Марія-Терезія рѣшается обратиться прямо къ испанскому королю. Въ то время это являлось поступкомъ, имѣвшимъ за собою большую заслугу. При взаимныхъ интригахъ, сплетняхъ и козняхъ всѣхъ дворовъ, Марія-Терезія знала, что можетъ подвергнуться издѣваньямъ въ случаѣ неудачи и, кромѣ того, стать въ неловкія отношенія къ тѣмъ дворамъ, гдѣ при неуспѣхѣ все же придется искать невѣстии:—«Поступокъ, который я совершаю этимъ письмомъ— писала она собственноручно испанскому королю Карлу III— можетъ показаться вашему величеству страннымъ, но такъ какъ онъ проистекаетъ изъ моего нѣжнаго чувства къ старшему сыну, и изъ полнаго довѣрія къ лицу в. вел.,—то я надѣюсь, что вы взглянете на дѣло глазами добраго отца и истиннаго друга.» Она повѣряла ему тайну выбора сына, согласнаго съ его любовью къ покойной женѣ и высказаннымъ покойною желаніемъ, и такъ какъ король сообщилъ ей тоже тайно о сватовствѣ своего сына, австрійскаго принца на Луизѣ Пармской, то она рѣшается просить его измѣнить выборъ сына:— «Я слишкомъ чувствую нескромность моей просьбы, но пусть в. вел. станетъ на мое мѣсто; *счастье моего сына и моихъ народовъ зависитъ отъ того*; вотъ почему я смѣю прибѣгнуть къ вамъ, чтобъ возстановить всю удрученную семью! Эти чувства и дружба, на которую у меня столько основанія полагаться, оставляютъ мнѣ еще надежду, тѣмъ болѣе, что виды в. вел. не были еще обнародованы, и что особенность обстоятельствъ заставляеть моего сына смотрѣть на процессу пармскую, какъ на единственный предметъ своихъ желаній, какъ на единственно способную сдѣлать его счастливымъ, между тѣмъ

какъ у вашего сына вѣтъ непобѣдимаго предпочтенія. Все, что я сказала, составляетъ причины, по которымъ нѣжная и огорченная мать обращается къ своему лучшему другу.» Далѣе, Марія-Терезія указываетъ на важность такого брака для закрѣпленія союзническихъ отношеній между Австріей, Испаніей и Франціей, «столь важныхъ для святой религіи, для процвѣтанія габсбургскаго и бурбонскаго домовъ и для блага общихъ подданныхъ», и заключаетъ просьбою о строжайшемъ секретѣ.... Отвѣтное письмо испанскаго короля было коротко и сухо. Онъ высказывалъ соболѣзнованіе невозможности удовлетворить ея просьбѣ подъ тѣмъ предлогомъ, будто мысль о бракѣ его сына съ дѣвочкою - принцессою принадлежала уже его покойной женѣ, и онъ обязанъ считать такую мысль послѣднею волей испанской королевы!

Такъ рушилась послѣдняя надежда Іосифа на возможность семейнаго счастья. Въ теченіи мѣсяца, который прошелъ между письмомъ Маріи-Терезіи и отвѣтомъ Карла III, Іосифъ все болѣе и болѣе свывкался съ мыслью о своемъ бракѣ съ сестрою покойной жены, заранѣе увѣренный въ успѣхѣ дѣла, за которое взялась его мудрая мать. Тѣмъ болѣе жестокъ былъ ударъ. Личная жизнь теряла для Іосифа смыслъ, и самое большое счастье, о которомъ онъ могъ бы мечтать, заключалось теперь въ отрицательномъ отношеніи къ счастью, — въ отсутствіи навязаннаго чувству предмета, въ независимомъ одиночествѣ, не обязанномъ ни къ искусственной ласкѣ, ни къ обману и проституціи истинныхъ чувствъ, — ложнымъ дѣленіемъ ихъ съ отталкивающимъ существомъ. Блескъ будущей императорской короны долженъ былъ помрачить навсегда его личную жизнь. Маріи-Терезіи даже и въ голову не пришла возможность оставить старшаго сына не женатымъ; подобная мысль не уложила бы въ ея головѣ, — это значило бы, по ея понятію, подорвать прочность трона, лишить (отсутствіемъ выбора) австрійскую монархію союзниковъ, лишить *ея* (австрійскіе) народы наслѣдника.

Черезъ полгода, 22 января 1765 г., совершался обрядъ вѣнчанія Іосифа съ Маріей, принцессою баварской. Но Марія-Терезія обочалась въ расчетѣ—*ея* народы все же остались лишенными прямого наслѣдника, — Іосифъ остался лишеннымъ спокойствія. О принцессѣ баварской нѣсколько разъ упоминается въ перепискѣ. Въ первый разъ, когда, во время поѣздки во Франкфуртъ, старый князь Ауэрсбергъ сталъ съ восторгомъ восхвалять ее, говоря о ея духѣ, — Іосифу мысль о бракѣ съ нею показалась столь дикою, что онъ даже не совсѣмъ удачно съострилъ ¹⁾. Послѣ, Іосифъ радовался, когда его отецъ, императоръ Францъ I, получилъ о принцессѣ неслестные отзывы; наконецъ, онъ

¹⁾ .....en me disant qu'elle avait tant d'esprit. Je lui ai demandé, si c'était peut-être de l'esprit de vin dans une bouteille?

убѣдилъ мать, что она и стара и дурна, и Марія-Терезія, въ письмѣ къ испанскому королю, сама прямо говорила: «Мой смнѣ питаетъ рѣшительное отдаленіе ото всѣхъ принцессъ, старшихъ нежели онъ; принцессы саксонская и баварская находятся въ томъ числѣ». Но послѣ, она снова вернулась къ своимъ прежнимъ видамъ, по которымъ предпочитала для сына саксонскую или баварскую принцессу, по причинѣ ихъ христіанскаго воспитанія, ихъ добродѣтелей, ихъ характера. — «Онѣ вѣмки, изъ первѣйшихъ домовъ, къ которымъ у насъ существуютъ обязательства, и одной крови съ нами, имѣли того же дѣда, какъ и я ¹⁾». Іосифъ покорился матери, но не измѣнился въ отношеніи къ Маріи баварской. Въ письмахъ къ брату Леопольду онъ жалуется на пустоту дома. Позже, въ письмахъ къ матери, когда онъ отправился воевать съ Фридрихомъ II, — онъ извиняется, что не пишетъ ничего женѣ, — «во вѣтеръ и дождь недостаточны, чтобъ ими наполнить страницу, — когда-нибудь принцу сюжетъ и напишу». Въ другой разъ, онъ какъ-бы мститъ матери за выборъ, напоминая ей о своемъ отношеніи къ женѣ: — «Смѣю присоединить письмо къ моей женѣ; я лучше хотѣлъ бы, и былъ бы въ меньшемъ затрудненіи, писать Великому-Моголу, ибо она не довольствуется почтительными чувствами и уже упрекала меня. Судите, дорогая мать, что могу писать я, и откуда, чортъ возьми, хотите вы, чтобъ у меня взялось къ ней какое-либо другое чувство? Извините за выраженіе, которое высказываетъ правду!»

Марія баварская дѣйствительно не разъ упрекала Іосифа, потому что, на бѣду себѣ, горячо любила его и, какъ въ большей части случаевъ при такихъ отношеніяхъ, не умѣла безмолвно примириться съ своей долей, понявъ ея неизмѣнность. Напротивъ, какъ почти всегда, оскорбленная въ своемъ чувствѣ, она не терпала напрасной надежды расположить его къ себѣ своей преданностью и любовью, и потому часто высказывала ихъ; но онъ, не искалъ этихъ чувствъ, и высказываніе ихъ только болѣе отталкивало и озлобляло его! Конечно, онъ велъ себя съ нею слишкомъ жестоко, онъ не считалъ своимъ долгомъ не высказывать открыто презрѣнія; онъ не щадилъ въ ней жертвы тогдашней дипломатіи, онъ не сознавалъ вины своего личнаго участія въ дипломатическомъ бракосочетаніи, — вины своего подчиненія настояніямъ Маріи-Терезіи. Какъ ножъ врѣзывались, въ ужаленное сердце Маріи, вѣчныя сравненія съ первой женой; поведение Іосифа сдѣлало то, что она, робкая по природѣ, сознавая свое неравенство съ нимъ, который считался повсюду мудрымъ философомъ, она окончательно растеривалась въ его присутствіи, блѣднѣла и дрожала передъ нимъ. Презрѣніе Іосифа перешло въ отвращеніе, когда Марія мучилась въ

¹⁾ Denkschrift von Maria-Teresia's eigenes Hand über die Frage der zweiten Verheirathung Joseph's.

своей болѣзни—скорбутной сыпи. Къ счастью для нея, на второй годъ замужества она умерла отъ той же болѣзни, отъ которой и Изабелла — отъ оспы. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того умерла и маленькая дочь Изабеллы. Иосифъ остался одинъ, безъ насильственного союза, безъ послѣдней дорогой привязанности.

Таковъ былъ внутренній міръ Иосифа и, конечно, когда онъ обязанъ былъ переноситься во внѣшній міръ—его не могъ не поразить контрастъ его личной, мрачной дѣйствительности съ блестящею, пустою искусственностью при дворѣ. Отрѣшаясь въ своемъ уединеніи отъ официальной фальши и потомъ сталкиваясь съ ней, онъ смотрѣлъ на нее, какъ на дикое и совершенно невужное явленіе, не только бесполезное, но и вредное для государства и страны. Вотъ почему во всей перепискѣ встрѣчаются весьма часто сарказмы, переходящіе въ негодованіе противъ натянутой искусственности, противъ, такъ сказать, грубой утонченности, противъ мелкихъ интригъ и паразитизма.—«Вы хорошо сдѣлали—пишетъ онъ брату Леопольду—давъ одному вельможѣ титулъ *grand écuyer*, ибо когда можно вознаграждать или обязать людей громкими словами, безъ существенныхъ преимуществъ — то это всегда должно дѣлать, и чрезъ то экономія чувствуетъ себя удобно. Касательно же ливреи, она меня заставила хохотать, и я вижу ихъ предъ собою; они будутъ одѣты, какъ тѣ, которые во французскихъ комедіяхъ представляютъ лакеевъ и переставляютъ стулья и столы обыкновенно въ желтой ливреѣ». Съ такой же проницей пишетъ онъ матери о претензіяхъ двухъ придворныхъ господъ на княжескій титулъ.—«Шумъ о томъ, что графъ Клари станетъ княземъ, воодушевляетъ и другихъ слѣдовать такому примѣру. Графъ Пааръ тоже желаетъ этого титула, и, кладя на вѣсы его почтоваго достоинства и охотничьи—графа Клари, блескъ той и другой фамиліи, я нахожу столько же резонъ для одного, какъ для другого. Пааръ охранялъ во многихъ большихъ поѣздкахъ драгоценныя жизни императоровъ, императрицъ, супруговъ и эрцгерцоговъ. Клари за то охранялъ тѣхъ же самыхъ особъ отъ смертельныхъ зубовъ кабановъ и ударовъ оленей. Я не знаю, чьи заслуги предпочтутся, и, по вашему желанію, одинъ, или оба будутъ украшены этимъ чваннымъ титуломъ, который, навѣсивъ всякія кисточки на носъ лошадей, заставляеть говорить: *Euer Liebden!*—людей нелюбящихъ другъ друга, и даетъ ихъ дамамъ проходъ въ двери нѣсколькими секундами раньше?» Посылая Леопольду орденъ Золотого Руна (*Toison*) для его сына и помня, что братъ хорошо знаетъ его философію, Иосифъ считаетъ нужнымъ прибавить: «Получите же это Руно, которое, хотя и немного стоитъ, цѣнимое философски, но въ мнѣніи публики значить много, и нужно подчиняться даже ея предразсудкамъ».—Въ другой разъ, онъ жалуется Леопольду на придворныя интриги, окружающія Марію-Терезію:—«Грустно видѣть, что, не

смотря на навлучшія намѣренія государыни, чрезъ ея сдѣшкомъ большую доброту, постоянныя интриги мѣшаютъ всякому хорошему дѣлу; частныя виды всегда превозмогаютъ надъ соображеніями общественнаго блага». На тоже зло интригъ указывалъ онъ и самой матери уже за два года предъ тѣмъ, въ примѣръ Франціи. — «Я посылаю вамъ всѣ бумаги ¹⁾, изъ которыхъ тоже видно очень ясно, какое несчастье имѣтъ дѣло съ интриганами и жить въ странѣ, поставленной на такую ногу» ²⁾).

Еще суровѣе готовъ онъ былъ преслѣдовать всякую нечистоту въ общественныхъ дѣлахъ. По смерти отца, онъ не хотѣлъ иначе утвердить своего дворцоваго совѣта (conseil aulique), какъ послѣ строгой ревизіи: «Объ этомъ будутъ кричать — писалъ онъ брату — но это не можетъ повредить честнымъ людямъ, а надъ мошенниками (fripons) я смѣюсь». Точно также смѣялся онъ и надъ пышными дамами, когда при дворѣ отмѣнили румяна: — «Запрещеніе румянъ производитъ большую перемену въ прекрасныхъ дамахъ двора, и между ними встрѣчаются теперь такія, которыя заставляютъ креститься, имѣя видъ возвратившихся съ того свѣта, или привидѣній» ³⁾. Вообще Іосифъ не жаловалъ дамъ, особенно въ молодости; позже, тоска заставляла его искать развлеченій въ томъ или другомъ тѣсномъ кругѣ, куда его привлекала та или другая женщина, но серьезной привязанности онъ уже никогда не имѣлъ, и даже мимоходное быстро надоѣдало ему: — «Я страшно иду назадъ въ моей свѣтскости, и нелюдимость снова одолеваетъ меня. Увы, дамское общество становится въ концѣ невыносимымъ разумному человѣку, и я могу сказать, что часто самыя ловкія и остроумныя выходки поворачиваютъ во мнѣ желудокъ». Тоже самое было съ нимъ и за четыре года предъ тѣмъ, при началѣ императорской карьеры: — «Я такъ мало говорю съ дамами, что надняхъ наша августѣйшая мать, на одномъ бывшемъ собраніи, прогнала меня

¹⁾ Дѣло тогда (въ маѣ 1769 г.) шло о возможности брака самого Людовика XV съ эрцгерцогиней Елисаветой, при помощи герцога Шуазеля и австрійскаго дипломата Мерси. Бракъ этотъ, неудавшійся, долженъ былъ осуществиться, по *фамиліи системѣ*, ту связь бургонскаго и австрійскаго домовъ, для котораго позже устроенъ былъ бракъ Людовика XVI съ Маріей Антуанетой.

²⁾ Іосифъ предпочиталъ въ окружающихъ его людяхъ прямоту и правду: «Я очень доволенъ моимъ новымъ секретаремъ, — писалъ онъ брату, ставъ императоромъ, — это такой человѣкъ, какого мнѣ надо, ибо онъ говоритъ мнѣ правду прямо, и зоветъ кошку кошкой».

³⁾ Говорятъ, — писалъ по тому же случаю аббатъ Рулле графу Турну, — что одна изъ очень важныхъ дамъ, которую ваше превосходительство хорошо знаете и которая отправляется въ свои земли въ Богемію, горько жаловалась: «Возможно ли, чтобы даже нельзя было оставаться госпожею своей физиономіи. Я все же вѣдь получила ее отъ неба, а не отъ государства». Либеральная дама забывала, что запрещеніе румянъ именно и вело къ тому, чтобы женщины носили физиономію, полученную отъ неба, а не отъ дрогиста.

прочь отъ иностранныхъ министровъ, съ которыми я обыкновенно веду разговоръ, и осудила меня говорить все время только съ дамами. Я отдѣлался отлично, хотъ и не знаю какимъ образомъ: я даже готовъ думать, что рѣдкость возлѣ женщинъ составляетъ заслугу. У меня нашелся талантъ заставить ихъ смѣяться, чтó, по моему, составляетъ вѣрную дорогу къ ихъ сердцу. Я всегда видѣлъ, что для того, чтобъ нравиться женщинамъ, нужно, прежде всего, забавлять ихъ: остальное приходитъ легко». Эти строки могутъ дать понятіе о состояніи тогдашняго, высшаго свѣта ¹⁾ и понятно, что Іосифъ предпочиталъ другую жизнь: «Я такъ отсталъ отъ всѣхъ пустыхъ забавъ и такъ преданъ безсравненному, по моему, удовольствію жить спокойно въ самомъ себѣ, что всѣ ваши пиршества, спектакли и т. п. ни чуть не прельщаютъ меня, и, еслибъ я долженъ былъ посѣщать ихъ, это было бы для меня пыткой».

Относительно вѣншности, мы находимъ его портретъ, живо очерченнымъ у Кокса ²⁾ въ нѣсколькихъ строкахъ: «Іосифъ II былъ средняго роста и хорошо сложенъ. Онъ могъ выносить весьма большую усталость, и былъ очень ловекъ въ своихъ манерахъ; черты лица его были весьма рѣзки, орлиный носъ, высокій лобъ, живой и пронизательный взглядъ, и вообще лицо весьма выразительное. Подобно предку, Рудольфу Габсбургскому, видъ его былъ задумчивый, но въ разговорѣ онъ оживлялся и обладалъ весьма милой улыбкой.»

Такимъ представлялся Іосифъ II, когда, по смерти отца, онъ сталъ императоромъ, 23 лѣтъ отъ роду, 18 августа 1765 г.

II.

Іосифъ былъ долго императоромъ только по имени: все управленіе страной, за исключеніемъ военнаго, и то далеко не вполнѣ—оставалось въ рукахъ Маріи-Терезіи. Іосифъ былъ объявленъ соправителемъ — *Corregens*, и для него наступило тяжелое время борьбы съ матерью уже не изъ-за семейныхъ, а изъ-за общественныхъ и государственныхъ

¹⁾ Италия и ея нравы и общество долѣе привлекали Іосифа, чѣмъ его Австрія. „Ah, cara Italia! — восклицаетъ онъ въ письмѣ къ брату — Италия, которую я такъ мало могъ видѣть, гдѣ ты съ своимъ обществомъ, съ веселостію и природнымъ умомъ твоей націи?“ Подобное восклицаніе встрѣчается не разъ.

²⁾ *W. Coxe, Histoire de la maison d'Autriche depuis Rodolphe de Habsbourg jusqu'à la mort de Léopold II. Trad. de l'anglais par P. E. Henry. Par. 1810.*—Этимъ почтеннымъ трудомъ извѣстнаго въ свое время туриста (бывшаго и у насъ),—основаннымъ на тайныхъ бумагахъ, депешахъ посланниковъ, корреспонденціяхъ и личныхъ свѣдѣніяхъ автора отъ современниковъ,—пользуется большая часть историковъ. Коксъ мало вѣритъ искренности стремленій Іосифа II, но изданная вышѣ его семейная переписка не допускаетъ больше возможности такого сомнѣнія.

дальше шла их совокупная деятельность, тѣмъ рѣзче выступала не только рознь, но и противоположность взглядовъ на государственныя отношенія. Бывъ сразу замѣчена обоими дѣйствующими лицами, эта противоположность дѣйствовала различно на мать и сына и, во всякомъ случаѣ, вредила общему ходу дѣлъ. Мать, какъ-бы ошеломленная неожиданнымъ упорствомъ сына, не теряла надежды покорить его, — въ ея жизни встрѣчалось не одно тяжелое положеніе, и она всегда выходила съ торжествомъ надъ врагами; ясно, что родной сынъ не долженъ былъ явиться непобѣдимымъ препятствіемъ обычнаго хода государства, сообразнаго съ ея однажды принятыми, непоколебимыми понятіями и привычками. Сынъ думалъ иначе: призванный установленнымъ порядкомъ на тронъ предковъ, онъ хотѣлъ править страню сообразно съ своими началами, вынесенными изъ чтеній, продуманными въ теоріи. Дѣйствительность не удовлетворяла его — онъ считалъ ее гибельною и для государства, и для совѣсти, и для бѣднаго человѣка. Выросшій на понятіи объ императорскомъ всемогуществѣ, онъ совершенно основательно задумывалъ все измѣнить по своему и править страню, устроенною сообразно съ его пониманіемъ, а не совершенно наоборотъ. Онъ тоже, въ свою очередь, былъ пораженъ неожиданнымъ вмѣшательствомъ матери; онъ, повидимому, полагалъ, что, удрученная смертью мужа ¹⁾, уставшая отъ долгой дѣятельности, она съ радостью приметъ покой и, нося титулъ соправительницы только изъ мелкаго тщеславія, будетъ ограничиваться необязательными совѣтами. Дѣло вышло иначе ²⁾.

Первый шагъ, гдѣ Іосифъ высказалъ намѣреніе дѣйствовать рѣшительно, обличалъ въ немъ страстность и высокоуміе, на которую Марія-Терезія сочла нужнымъ тотчасъ же указать ему. Дѣло вышло изъ-за нѣсколькихъ милліоновъ флориновъ, которыхъ Іосифъ требовалъ отъ великодушія Леопольда для пользы государства. Финансы были въ плохомъ состояніи; Іосифъ хотѣлъ прибѣгнуть къ экономіи, начиная съ самаго двора, съ своей семьи: «Я уже отдалъ все что имѣлъ, но намъ еще все-таки мало.» Совѣтники Леопольда увидѣли въ требованіи Іосифа покушеніе на самостоятельность тосканскаго эрцгерцога, и Леопольдъ отвѣтилъ довольно рѣзкимъ отказомъ. Іосифъ, въ свою очередь, заговорилъ повелительнымъ тономъ, напоми-

---

¹⁾ Марія-Терезія дѣйствительно чрезвычайно любила мужа, она навсегда сохранила по немъ трауръ, и ея комнаты навсегда остались обитыми чернымъ.

²⁾ Время соправительства изложено въ новомъ сочиненіи: *Karajin, Maria-Theresia und Joseph II während der Mitregenschaft.* Wien. 1865. Мы ограничимся, однако, только собственными указаніями Марія-Терезія и Іосифа II въ ихъ перепискѣ.

ная брату и свой санъ императора и старшинство. Дѣло грозило разъиграться ссорой, когда наконецъ самъ Иосифъ обратился къ посредничеству матери и долженъ былъ выслушать отъ нея урокъ за заносчивость и горячность. За ссорой послѣдовалъ миръ и самыя дружелюбныя отношенія между братьями; Иосифъ искалъ každого случая, чтобъ высказать брату и его семейству свою горячую привязанность — на семействѣ Леопольда Иосифъ, казалось; сосредоточилъ всѣ тѣ теплыя чувства, которымъ не было мѣста дома, и его постоянной мечтой было укрываться отъ дѣлъ и дразгъ въ Вѣнѣ для отдыха во Флоренціи. Къ несчастію, Иосифу позже суждено было разбить и эту единственную привязанность въ минуту, когда всѣ бѣды рушились на него, и когда Леопольдъ, въ концѣ царствованія Иосифа, избѣгалъ съ нимъ всякихъ сношеній, не сочувствуя его политикѣ. Но это случилось позже, а теперь дружба Иосифа заставляла его повѣрять Леопольду всѣ свои мысли и чувства о борьбѣ съ системой Маріи-Терезіи, все его горе и отчаяніе о невозможности широкой, безпрепятственной дѣятельности. Этой дружбѣ мы обязаны главнымъ образомъ личными признаніями Иосифа, перешедшими въ переписку.

Первое столкновеніе между Иосифомъ и Маріей-Терезіей начинается въ январѣ 1769, по поводу подписи на бумагахъ въ государственномъ совѣтѣ. Дѣло, повидимому, крайне маловажное представлялось Иосифу весьма серьезнымъ: онъ не хотѣлъ подписывать вмѣстѣ съ императрицей рѣшительно всѣхъ бумагъ, не смотря на то, присутствовалъ ли онъ на засѣданіи и принималъ ли участіе въ рѣшеніяхъ, или нѣтъ. На первый разъ онъ старается поступить крайне деликатно, онъ пишетъ матери, что не можетъ являться ея соправителемъ, когда чувствуетъ себя годнымъ только служить ей и исполнять ея приказанія. Но Марія-Терезія быстро угадала настоящую причину отказа въ подписи, и она ее глубоко огорчила; очевидно, Иосифу не нравилась вся система правленія ¹⁾ и онъ не хотѣлъ принимать на себя отвѣтственность — нравственную конечно, потому что о юридической не могло быть и рѣчи. Въ письмахъ къ брату—Иосифъ сознается откровенно, не смотря на всѣ отрицанія и увѣренія предъ матерью. Эта первая размова была тяжела для обѣихъ сторонъ. Марія-Терезія испугалась, какъ-бы предчувствуя будущую грозу: — «Я знаю, что вы умѣете хорошо говорить и писать; я надѣюсь еще, что ваше сердце чувствуетъ, но ваше упрямство и ваши *предразсудки* (?) будутъ несчастіемъ вашихъ дней, какъ теперь составляютъ мое.... Одинъ Богъ знаетъ сколько

¹⁾ «Штаркенбергъ только-что вышелъ отъ меня—пишетъ она—онъ говоритъ, что вы (Иосифъ) увѣрали его, что ваше требованіе не происходитъ отъ неудовлетворенности ни системою, ни государственными совѣтомъ, ни способомъ, которымъ ведутся дѣла. Затѣмъ же вы поступили такимъ образомъ и такъ долго огорчали меня?»

я страдаю...» И Иосифъ отвѣчаетъ ей тѣмъ же, тоже указываетъ ей на свое безпокойство и тоже предвидитъ бѣду:—«При такомъ положеніи могутъ родиться и родятся, я увѣренъ, тысячи неудобствъ и глухихъ интригъ; тысячи худыхъ послѣдствій, которыя рано или поздно, нанося вредъ монархіи, можетъ быть разстроить ту счастливую интимность, которая, господствуя между нами двумя, дѣлаетъ—посмѣю ли сказать—общее счастье. Вотъ, какимъ причинамъ пожертвовалъ я въ эти несчастные дни вашу дружбу. Я клянусь вамъ, что не зналъ ни сна, ни отдыха»....

Какъ-бы для избѣжанія невольнаго участія въ дѣлахъ, Иосифъ предпринимаетъ всевозможныя путешествія. Письма изъ нихъ интересны по личному отношенію Иосифа къ нѣкоторымъ знаменитостямъ того времени, по сужденіямъ его о различныхъ положеніяхъ. Начало путешествія было для него не совсѣмъ пріятно. Римъ не понравился ему ни своими кардиналами, ни своимъ обществомъ; и когда позже, во Флоренціи, онъ узналъ о выборѣ въ папы Ганганелли, подъ именемъ Климента XIV, то сообщалъ матери совершенно основательное сужденіе:—«Этотъ новый папа, будучи самаго низкаго слоя общества, такъ какъ его братъ занимается столярнымъ ремесломъ, а племянникъ одинъ изъ скрипачей въ трактирахъ, страшно не понравится римской знати и особенно іезуитамъ, которыхъ онъ всегда былъ заклятымъ врагомъ. Я не знаю, какъ онъ справится съ своими дѣлами; онъ умный человѣкъ и большой казуистъ».... Предсказаніе Иосифа о іезуитахъ сбылось; они обязаны папѣ Клименту XIV своимъ уничтоженіемъ, а папа, по современной молвѣ, обязанъ имъ отравой¹⁾.

Интересно, что Иосифъ умѣлъ понять характеръ не одного Ганганелли, но и другого, совершенно противоположнаго человѣка и тоже бывшаго знаменитымъ въ Италіи; это тѣмъ болѣе интересно, что Иосифъ, самъ воспитанный въ придворной обстановкѣ, не сдѣлался слѣпымъ къ обычнымъ въ то время фаворитамъ, а умѣлъ вынести зоркій и проницательный взглядъ на подобныхъ креатуръ. Сестра Иосифа, Кароллина, не могла быть счастливой въ замужествѣ съ полоумнымъ королемъ неаполитанскимъ, и всѣ совѣты матери и братьевъ о приобрѣтеніи вліянія на мужа остались тщетными: это вліяніе принадлежало всецѣло временщику — *Танучи*. Иосифъ раскусилъ хитраго интригана. — «Танучи—писалъ онъ матери — человѣкъ умный и много знающій, но надутый педантъ, чрезвычайно мелочный, принимающій всякую малость за великое дѣло и воображающій, что творитъ повсюду государственные перевороты... Ему приписываютъ моральныя качества и

¹⁾ «Если подтвердится что папа былъ отравленъ — это составитъ новую исторію, весьма славную для нашего просвѣщеннаго вѣка!»—писалъ Иосифъ Леопольду, соборъ-нею о смерти Климента.

того же про его жену. Онъ большой работни-
левъ, онъ долженъ все дѣлать, и ревнивый къ
вляеть переходить черезъ свои руки все и
который, будучи покорнымъ по вѣщности и чест-
которые могли бы произвести скандалъ или
хлопотать, во всемъ остальномъ негодяй и не з-
роляхъ (неаполитанскомъ и отцѣ его испанск-
ляхъ, ни о королевствѣ; ссорить отца съ сы-
имъ, поддерживаетъ ихъ въ нелѣпостяхъ, ко-
ляетъ отъ обоихъ правду и честныхъ людей
только о себѣ и употребляетъ только для се-
позволительныя и непозволительныя средства.
исходило и только отъ него зависѣло измѣни-
данное королю (неаполитанскому); у него какъ
въ рукахъ средства оторвать короля отъ р-
и приохотить его мало-по малу къ занятіямъ
ставляетъ его разсчета, и хотя, когда я ему
сдѣлалъ видъ какъ будто безвѣчно того жел-
шого труда замѣтить, что презрѣнный дрож-
крылъ королю глаза.»

Этотъ безотрадный портретъ получаетъ бы-
вспомнишь, что въ то время, при каждомъ д-
обращались своего рода фавориты, приносивъ
узкимъ разсчетамъ и благо общественное
благодѣтелей, какъ говорилъ Іосифъ. Только
вался въ то время самостоятельнымъ; то (с-
скій, на свиданіе съ которымъ Іосифъ о-
возвратился изъ Италіи. Фридрихъ II бы-
самостоятеленъ, чѣмъ могъ казаться совр-
якшаніе съ литературными знаменитостями и
ни на іоту; онъ — другъ Вольтера и комп., и
дебенъ іезуитамъ ¹⁾, но даже самъ проводилъ во-
мую іезуитскую политику, обманывая и провс-
довѣрялся ему. Іезуитизмъ Фридриха (былъ с-
умѣлъ обманывать въ продолженіи цѣлаго по-
по поводу позднѣйшаго разрыва Фридриха с-
шенія Іосифа на Баварію, историки воспѣвали и
въ Фридрихѣ благодѣтельнаго, безкорыстна

---

¹⁾ Т. II стр. 88. Письмо Іосифа къ Леопольду въ
suite (папа Пій VI), il en aura une belle occasion à présen-
tation solument à les garder en pleine vigueur et même à les pe-

тересахъ и рассчитывалъ, нелзя ли при случаѣ поживиться и округлить свою державу. Въ отчетѣ матери о свиданіи съ Фридрихомъ II, Іосифъ опредѣлялъ прусскаго героя двумя строками: «Это гений и человѣкъ, который удивительно говорить, — но нѣтъ ни одного слова, въ которомъ не чувствовался бы плуты!» «Плутство» Фридриха II на этотъ разъ заключалось въ томъ, что онъ посвятилъ все время свиданія на устрашеніе Іосифа Россіей:—«Во всемъ проявлялась его боязнь русскаго могущества и онъ добивался внушить ее намъ.» За обѣдомъ Фридрихъ рассказывалъ о смерти Іоанна и Петра III; послѣ обѣда снова сталъ толковать о русскихъ, и «сказалъ мнѣ, что для того чтобъ остановить эту силу, вся Европа принуждена будетъ встать и вооружиться, ибо Россія отовсюду вторгнется.» Фридрихъ рассуждалъ такимъ образомъ въ то самое время, когда казался съ Россіей въ наилучшихъ отношеніяхъ! Въ другой разъ, однако, Іосифъ заслушался его, когда онъ сталъ рассказывать про свои походы, про воинское ремесло; «что касается до другихъ частей управленія, онъ очень мало распространялся о финансахъ, откровенно признаваясь, что это не было его любимой частью.» Въ этомъ Фридрихъ былъ сынъ своего времени, и Людовикъ XV думалъ не иначе.

Разставаясь, монархи обмѣнялись письмами, завѣрявшими въ вѣчной преданности и неизмѣнной дружбѣ. Странно то, конечно, мелкое обстоятельство, что другъ французскихъ философовъ сохранялъ свою самостоятельность до того, что не хотѣлъ выучиться правильно писать по-французски: *reservoir* и *presieux* значило *reservoir* и *précieux*; за тѣмъ король зашнурлся на *первомъ шатъ*, и не съумѣлъ прописать себя «честнымъ человѣкомъ» (*se premier pads!... parole d'honete homme!*.. и въ такомъ родѣ все письмо). Дѣйствительно, чрезъ нѣсколько времени Іосифъ отъ души смѣялся надъ увѣреніями «честнаго человѣка» въ дружбѣ и искренности. Фридрихъ увѣрилъ Іосифа, что мысль о раздѣлѣ Польши принадлежитъ одной только Екатеринѣ, въ то время какъ она принадлежала именно одному Фридриху.—«Вотъ, король прусскій (Іосифъ къ Леопольду, въ 1771) изобличенъ въ томъ, что лгалъ намъ, предлагая раздѣленіе Польши, какъ исходящее изъ Петербурга. Онъ былъ сраженъ нашимъ отвѣтомъ; считая свой ударъ несомнѣннымъ, и видя, что обманъ обнаруженъ, онъ отвѣтилъ только увѣренностью въ скромномъ поведеніи ¹⁾. Въ тоже время Іосифъ увѣдомлялъ

¹⁾ *Зибель*, въ своей «*Исторіи франц. революціи*», желаетъ ступевать инициативу Фридриха въ раздѣлѣ, выражаясь: «Фридрихъ принялъ участіе» (*Friedrich nahm Theil daran*). Т. I стр. 162, 2-е изданіе. Русс. переводъ: т. I, стр. 124), и желая оправдать это участіе тѣмъ, что оно было принято въ избѣжаніе европейской войны на германской почвѣ. Доводъ по меньшей мѣрѣ негодный для война, который основалъ и свою славу и свое государство на кровопролитныхъ войнахъ.

брата объ оппозиціи Маріи-Терезіи раздѣлу, о ея готовности скорѣе пожертвовать даже включенными землями, если другія стороны поступятъ тѣмъ же: — «Я не знаю что произведетъ это великодушное заявленіе; на худой конецъ надо будетъ сообразить, какъ принять менѣе худое рѣшеніе. Мнѣ не къ чему говорить вамъ, на сколько это дѣло должно держаться въ секретѣ, такъ какъ разглашеніе его произвело бы ужасное впечатлѣніе, особенно во Франціи ¹⁾». Иосифъ желалъ соблюденія секрета, потому что развился въ мнѣніяхъ съ матерью и охотно готовъ былъ поживиться на чужой счетъ. Вообще въ отношеніи внѣшней политики, Иосифъ далеко не былъ особеннымъ новаторомъ; примѣръ Фридриха подѣйствовалъ на него заразительно, и Марія-Терезія печально укоряла его въ томъ: «—Вы хотѣли дѣйствовать по-прусски и въ то же время удержать видъ честности,» говорила она по поводу турецкихъ дѣлъ; «можетъ быть я ошибаюсь во взглядѣ на ходъ событій, но, еслибъ даже мы приобрѣли Валахію, самый Бѣлградъ, я все же буду смотрѣть на нихъ, какъ на купленныхъ слишкомъ дорогою цѣною чести, славы монархіи, довѣрія къ намъ..... ничего мнѣ такъ дорого не стоитъ, какъ утрата нашего добраго имени; къ несчастью я должна признаться передъ вами, что мы заслужили то.» Иосифъ оправдывался, увѣрялъ мать, что онъ не можетъ держаться правилъ Фридриха, потому что для этого пришлось бы пожертвовать правилами честности, и въ то же время писалъ Леопольду (въ 1772) о надеждахъ на то, что въ будущемъ году можетъ удасться «положить въ карманъ (*mettre en poche*) Бѣлградъ и часть Босніи.» Такъ внѣшняя политика Иосифа никогда не останавливалась, хотя бы предъ самымъ общимъ понятіемъ о справедливости; извѣстно, что даже французскій министръ Вержень долженъ былъ остановить его замыслы на раздѣлѣ Турціи, — напоминая о чувствѣ справедливости.

Мечта о славѣ помрачала голову Иосифа, и онъ готовъ былъ броситься на всякое необдуманное предпріятіе. Таковымъ представляется прусско-австрійская война за баварское наслѣдство (1778), — война, которую вѣрнѣе назвать походомъ, такъ какъ она кончилась безъ одной битвы, безъ одного пораженія, что не мѣшало ей опустошить и разорить Богемію и другія земли. И здѣсь Марія-Терезія удерживала сына: — «Еслибъ даже наши притязанія на Баварію были болѣе положительны и доказаны, все же слѣдовало бы подумать о раздутіи всеобщаго пожара изъ-за частнаго удобства.» А Иосифъ, дѣлясь съ Леопольдомъ

¹⁾ „Le prince de Kaunitz craignait surtout que le démembrement de la Pologne ne fit rompre l'alliance conclue avec la France.“ *Coze, V, 360.* Дѣло кончилось тѣмъ, что *Marie-Thérèse* préféra donc une part des dépouilles à une guerre dangereuse. Elle ressentit ou feignit de ressentir des scrupules, mais elle n'en fit pas moins des demandes exorbitantes.

своими видами на Баварію и объясняя свое поспѣшное поведеніе въ занятіи баварской территоріи австрійскими войсками — излагалъ ему, что «обстоятельства европейскія кажутся благопріятными, всѣ заняты своими дѣлами; прусскій король напрасно ищетъ союзниковъ, ему придется потерпѣть не много, ибо онъ не посмѣетъ выступить впередъ одинъ, и, если я не ошибаюсь, это дѣло совершится весьма спокойно, къ удивленію всего свѣта. Но наде было поступить быстро и рѣшительно, ибо безъ того, я отвѣчаю вамъ, мы не имѣли бы ни одной деревни.» Дѣло кончилось тѣмъ, что, къ удивленію всего свѣта, австрійская монархія чуть не погибла отъ поспѣшности Іосифа, и только тайное, непосредственное вмѣшательство Маріи-Терезіи вывело сына изъ критическаго похода ¹⁾. Переписка изображаетъ намъ все тревожное состояніе Іосифа, и изъ нея, по его приемамъ, по его раздражительной поспѣшности, безъ принятія въ расчетъ своихъ дѣйствительныхъ силъ, а только своихъ властолюбивыхъ стремленій, можно уже заранѣе предугадать, что внѣшняя политика поведетъ Іосифа къ гибели. Это тѣмъ болѣе грустно для Іосифа и для Австріи, что его внутренняя система, грѣша въ основаніи, въ принципѣ — какъ увидимъ въ концѣ — все же заключала въ себѣ тѣ коренныя преобразованія, о которыхъ Австрія забыла послѣ и думать до потрясенія 1848 года! Можетъ быть, въ его страсти къ увеличенію территоріи, къ обширному господству, играло роль его внутреннее убѣжденіе въ превосходствѣ задуманныхъ имъ реформъ, въ благоденствіи, которое его реформы должны были дать народамъ, по его мнѣнію??

Возвращаясь ко времени польскаго раздѣла, мы, дѣйствительно, видимъ, что онъ не ограничивался простымъ присоединеніемъ Галиціи и не убажкивался увеличеніемъ австрійскаго могущества, чрезъ ея присоединеніе. Онъ тотчасъ же спѣшитъ самъ въ свою новую страну и тотчасъ же мечтаетъ о необходимыхъ реформахъ, рисуя матери тогдашнее положеніе Галиціи:

«Я уже заранѣе вижу ²⁾, что работа здѣсь будетъ огромная. Кромѣ запутанности всѣхъ дѣлъ, здѣсь царствуетъ духъ партій, который ужасенъ. Страна, повидимому, полна доброй воли; крестьянинъ представляетъ собой несчастное существо, у котораго нѣтъ ничего, кромѣ человѣческой фигуры и физической жизни. Мелкій дворянинъ (шляхтичъ) тоже бѣденъ, но много надѣется на справедливость, которую ему окажутъ противъ аристократовъ, угнетающихъ его. Аристократы,

¹⁾ Отправляя въ лагерь Фридриха тайнаго посла, барона Тугута, Маріи-Терезіи поручила сказать старому Фрицу, что она въ отчаяніи отъ того что они готовы снова вырвать другъ у друга волосы, которые возрастъ сдѣлалъ бѣлыми!

²⁾ Письмо писано изъ Лемберга, 1 августа 1778. Т. II, стр. 14.

безъ сомнѣнiя, ничѣмъ не довольны, но принимаютъ въ эту минуту ласковый видъ. Я стараюсь быть довольно вѣжливымъ со всѣми...»

....«Вотъ я наконецъ среди сарматовъ — пишеть онъ въ тотъ же день брату; нельзя представить себѣ, сколько здѣсь дѣла; нѣтъ ничего подобнаго здѣшней запутанности. Присски, интриги, анархiя, наконецъ, дикость самыхъ принциповъ; судите же объ исполненiи... Если вы чтѣ-нибудь услышите про мнѣнiе польской публики обо мнѣ, вы доставите удовольствiе, сообщивъ о немъ для того, чтобъ я могъ сообразоваться.» Семь лѣтъ позже, снова посѣтивъ Лембергъ — на пути въ Россiю — онъ просить мать, ради Бога, не посылать изъ Вѣны для управленiя страной, особенно по части юстиции, нѣмцевъ, которые не знаютъ ни языка, ни постановленiй страны и, пользуясь покровительствомъ вѣнскихъ вельможъ, «сосутъ изъ страны всѣ средства и деньги ¹⁾».» Но о поѣздкѣ Юсифа II въ Россiю мы скажемъ позже; она относится къ послѣднему времени сорегентства; а теперь остановимся на путешествiи, обратившемъ на себя наибольшее вниманiе и породившемъ бездну толковъ о коронованномъ философѣ — путешествiи его во Францiю.

И. И.

---

¹⁾ 19 мая 1780. Т. III, стр. 243.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ САТИРА

ВО

ФРАНЦІИ.

Le Prince-Caniche, par Ed. Laboulaye. 1867 — 68.

VI *).

Возвращаясь къ знакомому нашимъ читателямъ принцу Гиацинту, мы имѣемъ въ виду досказать имъ, въ возможно-сжатомъ очеркѣ, похождения и послѣднія судьбы этого правителя «мухолововъ» — благо сказка Лабуле кончена — и вмѣстѣ съ тѣмъ, сдѣлать по поводу этой сказки нѣсколько общихъ замѣтокъ. Послѣдующія событія, игравшія роль въ жизни принца Гиацинта и умственно и нравственно развивавшія его гораздо болѣе, чѣмъ тѣ уроки политическаго краснорѣчія, которые давалъ ему адвокатъ-министръ, были: война съ сосѣднимъ народомъ «пустомелей» (*Cocqsigues*), любовь къ прекрасной Тамарисъ, дочери графа *Touche-à-Tout*, и скорое разочарованіе въ этой красавицѣ, а затѣмъ, при возвращеніи къ интересамъ политической дѣйствительности, поиски за новой конституціей для мухолововъ. На этихъ событіяхъ, связанныхъ вставочными эпизодами, главнымъ образомъ сосредоточенъ рассказъ автора.

Мы уже имѣли случай упомянуть, что первый министръ, графъ *Touche-à-Tout*, отстаивая въ государственномъ управленіи *status quo* и не соглашаясь на удаленіе изъ дворца своры собакъ, — такъ какъ при этомъ упразднялся одинъ изъ придворныхъ штатовъ — выказалъ нѣкоторую оппозицію желаніямъ юнаго государя, и вслѣдствіе того по-

---

*) См. выше, т. I, стр. 758 — 773.

мѣтсѣ, не могъ: когда находишься въ цвѣтѣ лѣтъ, и когда испытана прелесть власти, не такъ легко изъ-за такого, въ сущности ничтожнаго повода, сойти съ политическаго поприща. И вотъ, государственный мужъ въ отставкѣ пускаетъ въ ходъ всевозможныя пружины, чтобъ снова получить свой портфель. Самой простой комбинаціей при этомъ представлялось: отправить принца Гіацинта на войну и забрать въ это время внутреннее управленіе въ свои руки. Благодаря содѣйствию главнокомандующаго арміей, барона Бомбы, планъ этотъ оказался осуществимымъ. Нуженъ былъ, конечно, прежде всего поводъ къ войнѣ, но когда пятисотъ-тысячная армія соскучилась долгимъ миромъ, развѣ трудно найти такой поводъ? Мухоловы, подобно другимъ націямъ, держались мудраго, вѣками оправданнаго правила: «Хочешь мира, готовься къ войнѣ». — *Si vis pacem, para bellum!* Приложение, которое мухоловы дѣлали изъ этой несомнѣнной истины, вполне соответствовало воинственнымъ инстинктамъ великой націи. Генераль Бомба представляетъ принцу, что въ теченіе всего шестилѣтняго періода управленія королевы-матери, когда жили со всѣми въ мирѣ, сосѣдніе «пустомели» спокойно трудились, торговали, богатѣли, подобно кроликамъ множились, и теперь стали поднимать голову и простирать свою дерзость д. того, что уже открыто высказываютъ, что они не менѣе многочисленны и храбры, чѣмъ мухоловы, и что если стануть мѣшаться въ ихъ дѣла, то они дадутъ себя знать. — Что же! это беспокоитъ васъ генераль? — Нѣтъ, государь, но это меня мучитъ. Если эти жалкіе пустомели считаютъ себя дома полновластными хозяевами, то мы болѣе не великая нація! Тогда уже не мухоловы заставляютъ трепетать міръ; мы умалены въ нашемъ національномъ значеніи. — И это ваше мнѣніе, баронъ? — Государь, это общее мнѣніе. Уже десять лѣтъ, какъ у насъ держатъ пятьсотъ тысячъ человѣкъ подъ ружьемъ; ими овладѣваетъ нетерпѣніе. Уже шесть лѣтъ, какъ офицеры не двигаются по службѣ и лишены тѣхъ счастливыхъ случаевъ, когда въ три дня можно схватить два чина; армія скучаетъ, армія унижена. — Не смотря на убѣжденіе Гіацинта, что онъ долженъ беречь свой народъ и не можетъ нарушать мира только изъ-за того, что благосостояніе у сосѣдей увеличилось, и что офицеры желаютъ повышеній, онъ окончательно все-таки склоняется на войну. Именно, генераль Бомба, чтобы достичь своей цѣли, доноситъ Гіацинту объ оскорбительномъ отзывѣ, сдѣланномъ о его личности братомъ короля пустомелей: по полученнымъ депешамъ, великій князь, говоря съ королемъ о болѣзни принца Гіацинта, позволилъ себѣ назвать его вскормленнымъ феями крошкой и молокососомъ. Молва объ этомъ, по словамъ генерала Бомбы, могла проникнуть въ газеты, распространиться въ войскѣ, въ народѣ, и, конечно, не мухоловы потерпятъ, чтобы ихъ оскорбляли въ лицѣ ихъ

обожаемаго короля. Такъ какъ Гіацинтъ выразилъ намѣреніе лично находиться при арміи, то Бомба тонко намекнулъ, что на время его отсутствія, нужна для внутренняго государственнаго управленія твердая и опытная рука, нуженъ человѣкъ рѣшительный, который бы умѣлъ поддерживать энтузіазмъ въ націи, и въ крайности заставить страну жертвовать для арміи послѣднимъ человѣкомъ и послѣдней копѣйкой. Королева-мать, узнавъ въ одно и то же время о перемѣнахъ въ министерствѣ и о тщательно-скрываемыхъ военныхъ приготовленіяхъ, при видѣ сына, ничего не сказала ему, но только залилась слезами.

Не успѣлъ еще прійти Гіацинтъ въ себя отъ волновавшихъ его чувствъ, какъ ему докладываютъ, что дочь графа *Touche-à-Tout*, прекрасная Тамариса, которая произвела на него такое сильное впечатлѣніе на балѣ въ ратушѣ, проситъ у него аудіенціи. «Скромная подданная» пришла, по порученію отца, передать принцу ту походную шпагу, которую король тюльпановъ, умирая, вручилъ своему вѣрному слугѣ, дабы онъ сохранилъ ее и передалъ Гіацинту, когда ему минетъ восемнадцать лѣтъ. Хотя принцъ не достигъ еще этого возраста, но министръ, оставляя дворъ и навсегда увѣжая въ свои имѣнія, полагалъ, что не вправѣ долѣе удерживать у себя этотъ драгоценный залогъ. — И если бы, прибавила виконтесса, когда либо снова возгорѣлась, Боже сохрани, война, то да освѣтитъ это славное оружіе вась новымъ блескомъ: таково послѣднее упованіе отца моего и мое собственное. — Потупивъ глаза, Тамариса ждала позволенія принца, чтобы удалиться, но Гіацинтъ не выпускалъ ея руки и послѣ небольшого молчанія спросилъ, почему графъ оставляетъ дворъ, тогда какъ въ совѣтахъ его еще могутъ нуждаться. — Государь, отвѣчала Тамариса, отецъ мой человѣкъ античныхъ нравовъ, и ничто не можетъ измѣнить его непреклонныхъ убѣжденій. Слуга королю и государству, онъ готовъ жертвовать собою для ихъ величія, но онъ никогда не поддастся ни на какое послабленіе власти. Его присутствіе при дворѣ могло бы вызвать опасныя сравненія и преступныя сожалѣнія: первый долгъ опальнаго министра, это — заставить себя забыть. Ничего не желать для себя, и все для государя — такова политическая религія графа; я благоговѣю предъ ней и удивляюсь ей; это моя собственная религія. Я дѣлила счастье моего отца, я раздѣляю теперь его немилость, и какова бы ни была жертва, я безъ ропота послѣдую за нимъ въ уединеніе, въ которомъ мы навсегда заключимся. — Мысль навсегда разстаться съ Тамарисою глубоко опечалила принца, и онъ не могъ скрыть своего горя. Въмѣсто всякаго отвѣта, Тамариса подняла къ небу свои влажныя отъ слезъ глаза, и эти слезы окончательно побѣдили Гіацинта. Послано было за графомъ. Чтò происходило между нимъ и Гіацинтомъ, осталось тайной; только на другой день въ «Оффиціаль-

ной Истинѣ было возвѣщено, что распространившіеся слухи о перемѣнахъ въ министерствѣ лишены всякаго основанія; что эти слухи—произведеніе праздныхъ умовъ и неблагонамѣренныхъ журналистовъ, и что если подобные слухи будутъ повторяться, то правительство принуждено будетъ прибѣгнуть къ мѣрамъ строгости противъ виновныхъ. Ниже помѣщено было извѣстіе, что, уѣзжая для осмотра сѣверныхъ границъ государства, король назначилъ графа *Touche-à-Tout* президентомъ совѣта министровъ, съ обширными полномочіями. Вмѣстѣ съ тѣмъ офиціозныя газеты сообщили слѣдующія новости, которыхъ, впрочемъ, не гарантировали: что графъ *Touche-à-Tout* будетъ назначенъ вице-канцлеромъ, и къ нему перейдетъ управленіе политическимъ департаментомъ, конечно, только временно, а барону Жеронту поручено будетъ министерство народнаго просвѣщенія; что кавалеръ *Pieborgne*, страдая *ларингитомъ*, вслѣдствіе котораго доктора осудили его на самое строгое молчаніе, уѣзжаетъ на воды въ Швигенбадъ, портфель же его также на время переходитъ къ графу *Touche-à-Tout*. Наконецъ, извѣщалось, что баронъ Бомба будетъ сопровождать короля въ его путешествіи по сѣвернымъ городамъ королевства и будетъ находиться при немъ въ постоянномъ лагерѣ, который предположено устроить въ Канонвилѣ, и въ которомъ будутъ происходить блестящіе маневры; что маневры эти будутъ сопровождаться празднествами, балами и фейерверками. «Счастливая страна, заключали офиціозныя газеты, въ которой предаются этимъ невиннымъ забавамъ, и въ которой пушечная пальба раздается лишь затѣмъ, чтобы возносить къ небу радость народа, охваченнаго всеобщимъ энтузіазмомъ». Недѣлю спустя послѣ этихъ мирныхъ извѣстій, война была объявлена, и сотни тысячъ человѣкъ, станутыя къ окраинамъ государства, ринулись черезъ границу.

VII.

Смыслъ волшебной сказки постепенно разъясняется: фея дня, оказывается, дѣйствительно желала крестнику и любимцу своему добра, когда постановляла свой роковой приговоръ. По волѣ ея, превращенія съ принцемъ только тогда и случаются, когда ему угрожаетъ въ самомъ дѣлѣ какая нибудь опасность. Но наиболѣе серіозная опасность заключается для принца не въ чарахъ феи ночи; эта опасность состоитъ, напротивъ, въ томъ, что принцъ станетъ жертвою собственныхъ увлеченій, и что тотъ блестящій, полный не волшебныхъ, а земныхъ очарованій міръ, къ которому принцъ принадлежитъ по своему рожденію, скроетъ предъ нимъ міръ голой дѣйствительности. Оттого превращенія съ Гиацинтомъ только затѣмъ и случаются, чтобы показать ему изнанку вещей и нѣсколько отрезвить его взглядъ. Мы видѣли, что первое превращеніе случилось съ принцемъ послѣ бала ии.

ратушѣ, который заключилъ первый день его совершеннѣйшаго, когда онъ почувствовалъ и обаяніе власти, и обаяніе, которое самъ онъ производитъ своею красотою и юностію, и когда впервые въ немъ заговорило чувство къ прекрасной дочери своего министра. Во второй разъ Гіацинтъ очутился въ собачьемъ образѣ послѣ того, какъ упоенный только-что выиграннымъ сраженіемъ, онъ заснулъ сномъ героя и побѣдителя: фея дня захотѣлось показать ему оборотную сторону медали, — именно, какихъ страшныхъ человѣческихъ страданій, жертвъ и проклятій стоятъ эти лавры, которые онъ только-что стяжалъ. Затѣмъ, въ третій и послѣдній разъ Гіацинтъ увидѣлъ себя пуделемъ, чтобы незамѣтно для своей дорогой Тамарисы подслушать ея сокровенныя думы и убѣдиться, какое она эгоистическое, безсердечное и испорченное существо. Благодаря этому, по волѣ судьбы, нескромноброшенному взгляду на предметъ своей страсти, Гіацинтъ навсегда освободился отъ увлеченія къ дамѣ своего сердца. Когда печальнымъ откровеніемъ, которое фея заставила его сдѣлать, на-долго закончились у Гіацинта расчеты съ личною жизнію, тогда онъ весь отдается заботамъ политической жизни, съ желаніемъ дать своимъ любезнымъ мухоловамъ какъ можно лучшую конституцію. При этомъ фея также оказываетъ ему нѣкоторыя услуги, но уже не заставляетъ его оставлять человѣческой образъ. Наконецъ, когда она убѣждается, что мысль въ Гіацинтѣ окрѣпла, и что онъ въ состояніи отличать истину отъ лжи, въ какомъ бы облаченіи софизмовъ и иллюзій она ни представлялась, фея совершенно разстается съ нимъ: — «Тамъ, гдѣ начинается разумъ, говоритъ она, тамъ царство мое кончается». Таковъ общій смыслъ этой сказки и мы приведемъ теперь изъ нея нѣсколько мѣстъ, которые кажутся намъ болѣе другихъ интересными.

Мы не остановимся долго на описаніи сраженія при Неседадѣ, которымъ закончился, какъ видно, кратковременный походъ въ страну пустомелей. Описание это, которому посвящена особая небольшая глава, показалось намъ, за исключеніемъ двухъ-трехъ подробностей, мало оригинальнымъ или, по крайней мѣрѣ, весьма напоминающимъ тѣ описанія сраженій, которые по большей части встрѣчаются въ романахъ. Оно приблизительно такое: заря; принцъ Гіацинтъ гуляетъ съ барономъ Бомбой предъ своею палаткой; раздается барабанный бой, бьющій сборъ; затѣмъ сигнальные три пушечные выстрѣла; Гіацинтъ, съ завѣтною шпагой въ рукахъ, объѣзжаетъ войска, знамена предъ нимъ преклоняются; восторженные клики при видѣ его; онъ слѣдитъ за показавшимися вдали рядами войска, развернувшимися подобно вольцамъ чудовищно-громадной змѣи; непріятель занимаетъ укрѣпленную позицію на возвышеніи, окаймленномъ массою войска, наполняющаго и часть долины, которая раздѣляетъ обѣ арміи; побѣда долго колеблется, и въ нѣсколько часовъ исчезаютъ цѣлыя полки; самыя

жена деревни Неседадъ, господствующая надъ цвлюю мѣстностию; каждую хижину въ этой деревнѣ непріятель превращаетъ въ укрѣпленный пунктъ; наконецъ, благодаря личной храбрости Гіацинта, послѣдній натискъ удается, деревня взята и принцъ оттуда видитъ, какъ кавалерія его уничтожаетъ послѣдніе остатки бѣгущей непріятельской арміи и при переуравѣ топить эти остатки и т. д. Все это весьма знакомыя черты, которыя напоминаютъ собою обыкновенныя описанія сраженій. Онѣ намъ какъ-то особенно знакомы — и не только по тому, что мы находимся еще подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ совсѣмъ иныхъ, мастерски описанныхъ сраженій (въ романѣ гр. Толстаго), которыхъ, благодаря таланту автора, мы сдѣлались почти очевидцами, — но и по тому, конечно, что всякое сраженіе есть своего рода трагическое представленіе, въ которомъ, каково бы ни было его содержаніе, необходима извѣстная послѣдовательность отдѣльныхъ дѣйствій и сценъ, и въ которомъ, не смотря на раздрающіе душу эффекты, существуетъ, какъ во всякомъ человѣческомъ дѣлѣ, своего рода рутина.

Въ описаніи сраженія при Неседадѣ не лишень нѣкотораго интереса слѣдующій пассажъ. Генералъ Бомба, предъ тѣмъ, что онъ былъ смертельно раненъ, указываетъ принцу, въ самый рѣшительный моментъ сраженія, на маленькую церковь на возвышеніи: — «Когда мы будемъ тамъ, наша взяла!» Добраться однако до этого возвышенія было не легко, потому что непріятель защищалъ свою позицію съ отчаянною храбростію. Между тѣмъ съ разныхъ пунктовъ сраженія приходятъ нехорошія вѣсти: непріятель началъ тѣснить правое крыло. Каждую минуту подѣзжаютъ къ главнокомандующему на замученныхъ лошадяхъ офицеры съ требованіями подкрѣпленій; баронъ Бомба, не теряя спокойствія духа, смѣется имъ въ лице и, сопровождая смѣхъ ругательствами, кричитъ: — «Подкрѣпленій, да откуда возьму я имъ подкрѣпленій? Пусть ихъ, нелегкая, умираютъ, какъ слѣдуетъ! Развѣ эти собаки воображаютъ, что они созданы, чтобы вѣчно жить?» — Отъѣзжая съ принцемъ Гіацинтомъ нѣсколько въ сторону, Бомба говоритъ ему потихоньку: — «Государь, наступила рѣшительная минута. Если мы черезъ часъ не будемъ вонъ тамъ, на вышинѣ, то намъ ничего не остается, какъ убираться домой и ждать, что мухоловы насъ воспоютъ въ своихъ пѣсенкахъ».

VIII.

Побѣда надъ пустомелями досталась мухоловамъ не дешево: она стоила имъ главнокомандующаго и не менѣе трехсотъ офицеровъ, трехъ тысячъ солдатъ убитыми и двѣнадцать тысячъ ранеными. Гіацинтъ, не смотря на усталость, долго не могъ уснуть, въ головѣ у него толпился рой мыслей, изъ которыхъ всего болѣе занимала его

мой женихъны сложить корону и боевую шпагу. Между тѣмъ въ комнатѣ, сосѣдней съ тою, въ которой ему былъ приготовленъ ночлегъ, собрались генералы и адъютанты поужинать, и каждый рассказывалъ о событіяхъ дня, въ которыхъ самъ участвовалъ; поминали генерала Бомбу и другихъ офицеровъ; сильно занималъ всѣхъ вопросъ о предстоящихъ наградахъ и повышеніяхъ; но всего болѣе толковали о счастіи арміи имѣть во главѣ своей такого юнаго героя, какимъ оказался Гіацинтъ. Если онъ въ шестнадцать лѣтъ начиналъ такъ воевать, то чего же нельзя было ожидать въ будущемъ отъ такого короля! Эти толки долетали въ сосѣднюю комнату, и подъ вліяніемъ ихъ Гіацинтъ наконецъ заснулъ. Ночью онъ видитъ знакомый образъ феи дня, которая, долго рассматривая его, произнесла со вздохомъ: — «Бѣдное дитя, что случилось бы съ тобою, если бы меня тутъ не было?» — Трижды обвела она кругъ около своего любимца, и Гіацинтъ внезапно проснулся среди поля сраженія, но уже не побѣдителемъ, а въ собачьей шкурѣ. Луна освѣщала долину, но отъ блѣднаго свѣта ея, падавшая отъ холмовъ тѣнь казалась еще болѣе мрачною; вдали видѣлись огни въ лагерѣ. Направо и налѣво, среди павшихъ лошадей, разбитыхъ пороховыхъ ящиковъ, разбросаннаго оружія, лежали на спинѣ, растанувшеся, солдаты и спали вѣчнымъ спомъ. На эти лица, обезображенныя страданіемъ и бѣшенствомъ, сама смерть, казалось, не въ состояніи была наложить своей обычной печати невозмутимо-печальнаго безстрастія. Со сжатыми зубами, съ покрытымъ пѣною ртомъ, съ незакрытыми, мутными глазами, они, казалось, еще что-то шептали; или, быть можетъ, молили у Бога отмщенія за ихъ напрасно—королевской потѣхи ради—пролитую кровь. Отдаленные часы пробили полночь,—часъ, когда встаютъ мертвецы. Гіацинтъ задрожалъ и, не будучи въ состояніи выносить вида этихъ глазъ съ потухшимъ взглядомъ, забрался подалѣе въ тѣнь, чтобы спрятаться. Но тутъ-то и ожидало его самое ужасное зрѣлище. Подъ покровомъ темноты, два мародѣра, вооруженные воровскими фонарями, обирали мертвецовъ и ругались надъ смертію. Гіацинтъ, весь дрожа, спрятался за опрокинутую пушку. — «Вотъ попался и женатый, замѣтилъ одинъ изъ воровъ, у него перстень на пальцѣ, только я его сорвать не могу». — «Отрѣжь, дурень, палецъ, отвѣчалъ другой; видишь, два кольца, я ихъ вырвалъ изъ ушей вотъ этого солдата; когда они издохли, вѣдь имъ все равно». Далѣе воры находятъ офицера, берутъ у него часы и, пошаривши въ карманахъ, чтобы отыскать кошелекъ, находятъ бумажникъ, только въ немъ, къ крайнему разочарованію грабителей, оказалось, вмѣсто банковыхъ билетовъ, письмо, писанное убитымъ къ матери, наваунѣ сраженія и въ предчувствіи смерти. Мародѣры, встрѣтившеся далѣе съ другими хищниками, — съ нѣсколькими голодными собаками, явив-

нимися поживиться кровью и мясомъ, въ испугѣ убѣгаютъ, тѣмъ болѣе, что вдали слышались шаги людей, шедшихъ подбирать раненныхъ. Гіацинтъ въ ужасѣ пустился по пути, который велъ въ деревню и который буквально усѣянъ былъ тѣлами, нагроможденными одно на другое. Услыхавъ чьи-то вздохи, Гіацинтъ приблизился. То былъ еще молодой офицеръ, истекавшій кровью. Ползкомъ на рукахъ и влача за собою раздробленные ядромъ ноги, юноша тщетно молилъ хоть о каплѣ воды.—«Воды, ради Бога, воды,—придите на помощь! Я умираю за васъ, а вы оставляете меня издыхать, какъ собаку, злодѣи вы! Да будетъ проклята война! Да будутъ прокляты ея виновники! Воды, о Боже, или дай мнѣ умереть!» Въ изнеможеніи подвигаясь, раненный упалъ на тѣло другого офицера, ошупалъ его и наткнулся на пистолеть.—«Слава Богу, онъ заряженъ. Принцъ Гіацинтъ, счастливый побѣдитель, да падетъ моя кровь на твою голову!» И твердою рукой раненный раскроилъ себѣ черепъ. Но этимъ нравственныя терзанія Гіацинта не кончились. Заслышавъ приближающіеся шаги—то была опять одна изъ партій, посланныхъ для подбора раненныхъ—Гіацинтъ заползъ за груды мертвыхъ тѣлъ, чтобы обождать тамъ немного. Выскочилъ онъ оттуда весь запачканный, подобно убійцѣ, кровью своихъ жертвъ, и проселкомъ добрался до ближайшей деревни, которая была до тла разорена. У одной хижины съ разрушенною кровлею лежалъ на навозѣ бездыханный трупъ крестьянина, который, должно быть, защищался противъ непріятеля или отстаивалъ свое добро противъ мародѣровъ, и былъ убитъ выстрѣломъ изъ ружья. Къ нему на колѣняхъ припала бѣдная жена, съ младенцемъ на рукахъ; возлѣ стояли четыре мальчика, изъ которыхъ старшему не было двѣнадцати лѣтъ, и попеременно мокрыми тряпками обтирали струившуюся еще по лицу отца кровь, а за убитымъ стоялъ отецъ его, сѣдой старикъ, и призывалъ кару небесную на злодѣевъ. Гіацинту, измученному видомъ всей этой бойни, казалось, что каждый изъ безчисленнаго множества мертвецовъ, на которыхъ онъ теперь смотрѣлъ совсѣмъ иными глазами, чѣмъ во время сраженія, считаетъ его своимъ убійцею и требуетъ отъ него возврата преждевременно-отнятой жизни. И онъ сталъ стонать во снѣ такъ громко, что находившійся при немъ адъютантъ позволилъ себѣ разбудить его, чтобы избавить его отъ душившаго его кошмара. Гіацинтъ всталъ и, облокотившись на столъ обѣими руками и уткнувъ въ нихъ голову, просидѣлъ въ такомъ положеніи, въ глубоко-скорбномъ раздумьи, до утра. Какъ только стало свѣтать, онъ разослалъ своихъ адъютантовъ на поле сраженія и въ окрестныя деревни, посмотрѣть, какъ идетъ уборка раненныхъ, и не показались ли гдѣ мародѣры.—Ихъ можно разстрѣлять на мѣстѣ?—Нѣтъ, сказалъ Гіацинтъ, и такъ уже слишкомъ много крови пролито.—Самъ онъ сѣлъ на коня и отправился на перевязочные

своихъ и непріятелей, были перевязаны и уложены въ постели, но тысячи другихъ несчастныхъ, до ранъ которыхъ еще не прикасались, лежали на соломѣ и ждали своей очереди, а издали тянулся безконечный рядъ носилокъ, несомыхъ солдатами и крестьянами, съ такою же печальною ношей.

IX.

Возвратившись въ главную квартиру, Гиацинтъ засталъ здѣсь только что прибывшаго графа *Touche-à-Tout* въ сопровожденіи министра-оратора. (Кавалеръ *Pieborgne* дня черезъ два послѣ того, что прочелъ въ официальной газетѣ о своей болѣзни, побѣждалъ къ своему счастливому сопернику и послѣ визита, длившагося съ четверть часа, возвратился вполнѣ и официально исцѣленнымъ.) Въ совѣщаніяхъ, которыя теперь начались съ ними объ условіяхъ мира, Гиацинтъ терпѣливо выслушивалъ ихъ, но уже не съ прежнимъ наивнымъ вниманіемъ. По мнѣнію графа, слѣдовало отнять у непріятеля четыре провинціи и присоединить ихъ къ государственной территоріи, хотя населеніе этихъ провинцій ничего не имѣло общаго съ мухоловами, и кромѣ вражды, ничего къ нимъ не питало. Гиацинтъ, напротивъ, желалъ мира, который не заключалъ бы въ себѣ поводовъ въ будущемъ къ новой войнѣ, мира прочнаго и неунизительнаго для противника. Преданный министръ напрасно развивалъ предъ принцемъ свои теоріи о томъ, что война — необходимая и спасительная болѣзнь, что лучшее средство предупредить ея возвращеніе, это — уничтожить и сокрушить врага, и что наконецъ даже внутреннее устройство государства основано на предположеніи періодическаго возвращенія этой болѣзни, такъ какъ государство именно зиждется на двухъ столбахъ — на администраціи и арміи. Гиацинтъ оставался непреклоннымъ и даже выразилъ намѣреніе, по заключеніи мира, отпустить изъ полумилліонной арміи триста тысячъ человекъ и возвратитъ ихъ къ болѣе производительнымъ занятіямъ.

— Но въ такомъ случаѣ, возразилъ графъ, придется преобразовать уже не армію только, но и податную систему, и администрацію, и все управленіе, такъ какъ отнынѣ мухоловы должны будутъ посвящать себя исключительно мирному труду и хозяйству, подобно маленькимъ, безыменнымъ народцамъ, живущимъ на границахъ нашихъ владѣній. — Но какое же оттого зло? спросилъ Гиацинтъ. — Зло оттого, государь, велико! Въ тотъ день, когда вы распустите армію, настанетъ конецъ древней и славной монархіи. Король еще молодъ и не успѣлъ охватить въ цѣломъ всей удивительной организациіи нашего государства, иначе онъ не рѣшался бы съ такою легкостію уни-

чтожать этотъ чудный механизмъ. Изучите, государь, нашу удивительную централизацію, и вы увидите, что все у насъ разсчитано на то, чтобы всѣ силы, всѣ капиталы, всѣ средства страны были въ рукахъ власти. Народъ собственно ничего не имѣетъ, что бы въ частности ему принадлежало. Его кровь, его сыны, его золото — все принадлежитъ королю. Администрація содержитъ въ одинаковой зависимости и самаго важнаго, и самаго мелкаго изъ подданныхъ. Приучая каждаго къ труду, къ повиновенію, къ платежу податей, къ военной службѣ, она, благодаря этому солидному воспитанію, дѣлаетъ изъ мухолова перваго солдата въ мірѣ... Уничтожьте войну, сократите армію, чему же будетъ служить тогда эта чудная машина? Народъ, состоящій изъ земледѣльцевъ и работниковъ, не нуждается въ административной опецѣ; каждый живетъ тогда на свой страхъ и думаетъ только о себѣ. Подобной массѣ совершенно достаточно одной свободы, чтобы буржуазно заправлять общественными дѣлами. Только централизація, только армія, только война вырываетъ человѣка изъ узкаго и замкнутаго круга частныхъ интересовъ и замѣняетъ любовь къ благосостоянію и эгоизмъ домашняго очага — патриотизмомъ, который заставляетъ цѣлый народъ жить мыслию одного человѣка... Въ теоріи, конечно, всеобщій миръ, прекрасная вещь; но на дѣлѣ это означаетъ совершенно новое общественное устройство и ниспроверженіе старинной королевской власти. На конѣ и съ мечомъ въ рукахъ, предки ваши основывали государство; войною они поддерживали и утверждали свой авторитетъ не только внутри, но и внѣ государства. Дѣло ихъ закончено и ваше величество не можете разрушать его; я даже осмѣлюсь сказать, что вы не имѣете права.

— Любезный графъ, отвѣчалъ Гіацинтъ рѣшительнымъ тономъ, и цѣню ваше рвеніе и вашу преданность. Дня три тому назадъ, ваши слова могли бы меня ослѣпить, но видъ той бойни, которую представило поле сраженія, открылъ мнѣ глаза. Съ тѣхъ поръ, что я почувствовалъ отвѣтственность, тяготящую надъ моею главою, меня смущаетъ та абсолютная королевская власть, которая васъ такъ очаровываетъ. Я испыталъ, что значитъ одному и своею властію посылать цѣлый народъ на смерть; я пользовался этою привлекіею и не желаю ея болѣе. Если старая правительственная машина должна разбиться вмѣстѣ съ сокращеніемъ арміи, то пусть она разбивается какъ можно скорѣе. Что мнѣ въ вашей централизаціи? Развѣ она означаетъ что-либо иное, кромѣ общей неволи государя и подданныхъ? Будь, что будетъ, мой выборъ сдѣланъ. Я лучше хочу быть первымъ должностнымъ лицомъ свободнаго народа, чѣмъ Далай-Ламой администраціи.]

— Я позволю себѣ, государь, высказать еще одно послѣднее соображеніе. Для счастья вашихъ подданныхъ, ваше в-ство жаждаетъ великодушно отказаться отъ славнаго наслѣдія вашихъ предковъ. Я прекло-

някъ предъ благородствомъ подобной жертвы, но сомнѣваюсь въ ея полезности. Я опасаясь, что король собственнымъ опытомъ убѣдится, что слабость администраціи еще болѣе фатальна для благосостоянія подданныхъ, чѣмъ для величія государя. Существуютъ, конечно, націи, способныя управлять собой; онѣ одарены духомъ, нравами, привычками свободы; но есть другія націи, которыя созданы, чтобы быть управляемыми, и которыя тѣмъ не менѣе занимаютъ видное мѣсто въ мірѣ. Мухомовы—не народъ, а армія; они имѣютъ всѣ добродѣтели и всѣ пороки солдата. Храбрые, великодушные, разумные, но подвижные, насмѣшливые и тщеславные, они никогда не успокоятся среди монотонной, правильной жизни. Ихъ прельщаетъ опасность, случай, фортуна, составленная въ одинъ день, благодаря мужеству, уму или низости. Героическіе солдаты, жалкіе граждане, попеременно недовольные или лакеи,—мухомовы представляютъ лишь беспорядочную толпу, коль скоро желѣзная рука не дисциплинируетъ ихъ и не ведетъ ихъ въ военномъ порядкѣ къ славной дѣли...

— Любезный графъ, сказалъ Гіацинтъ, вы жестоки къ моему бѣдному народу; я лучшаго о немъ мнѣнія. Я думаю, что и онъ; и я, мы были одинаково дурно воспитаны, мы вмѣстѣ передѣлаемъ наше воспитаніе, я окажу ему довѣріе, и надѣюсь, что онъ мнѣ отвѣтитъ любовію на любовь.

Во время разговора, болѣшую часть котораго мы передали, кавалеръ *Pieborgne* не разъ пытался вставить словечко, но выходило это какъ-то неудачно. То Гіацинтъ просилъ его заразъ уже приготовить и опроверженіе своей рѣчи, то графъ напоминалъ своему коллегу, что если онъ будетъ черезъ-чуръ ораторствовать, то болѣзнь, отъ которой онъ только что избавился, снова можетъ посѣтить его.

Послѣ небольшого перерыва, графъ снова обратился къ Гіацинту: — «Государь, сказалъ онъ, я черезъ часъ уѣзжаю, чтобы все приготовить къ возвращенію в. в. въ ваши владѣнія. Вотъ списокъ понесенныхъ нами потерь: три тысячи убитыхъ и двѣнадцать тысячъ раненныхъ; какую же цифру показать въ «Оффиціальной Истинѣ»? Удивленный этимъ вопросомъ, Гіацинтъ спросилъ, почему «Оффиціальная Истина» не скажетъ просто правды? — «Этого никогда не дѣлали, государь. Это было бы нововведеніемъ, которое бы всѣхъ напугало. По заведенному обычаю, у насъ обыкновенно приводятъ четвертую часть нашихъ потерь и показываютъ вчетверо потери непріятеля. Если сказать правду, то никто не повѣритъ». — «Это тоже дѣло воспитанія, замѣтилъ Гіацинтъ; съ сегодняшняго же дня возьмемъ за передѣлку его». Но прежде, чѣмъ уѣхать, министръ еще представилъ къ подписи принца декретъ о займѣ въ 200 милліоновъ, необходимыхъ для покрытія экстренныхъ военныхъ издержекъ. Таковъ былъ счетецъ, который слѣдовало уплатить за славную побѣду при Неседадѣ. Взяв-

шись за перо, чтобы подписать декретъ о займѣ, Гіацинтъ увидѣлъ, что требовался кредитъ не въ двѣсти, а въ двѣсти двадцать милліоновъ. Требовались именно еще десять милліоновъ за комиссію банкирамъ и десять милліоновъ на празднества, которыя мухоловы выразили желаніе устроить въ честь юнаго своего побѣдителя, не расходы по которымъ въ этихъ случаяхъ обыкновенно покрывались изъ государственнаго казначейства. Уѣзжая съ этимъ декретомъ, министръ во время пути думалъ о молодости и неопытности Гіацинта и, вспоминая свой послѣдній разговоръ съ нимъ, не безъ внутренняго удовольствія остановился на мысли, что администрація у мухолововъ уже открыла возможность обходиться безъ народа, но прійдетъ время, проговорилъ онъ вполголоса, — когда она будетъ обходиться и безъ короля.

X.

Возвращаясь съ похода въ свою столицу *Plaisir-sur-Or*, Гіацинтъ долженъ былъ испытать на себѣ всю силу восторга, который овладѣлъ мухоловами. Не отдѣльныя личности, которыхъ бы можно было заподозрить въ продажности и лести, но всѣ мухоловы, старъ и младъ, бросались въ прахъ къ ногамъ побѣдителя и молились на него, какъ на Бога. Такъ уже созданъ счастливый народъ мухолововъ. Любовь, ненависть, презрѣніе — всѣмъ этимъ чувствамъ они отдаются, какъ модѣ, съ остервененіемъ. Если вы утромъ имѣли успѣхъ — вы великій человекъ; но если вы въ полдень потерпите неудачу — вы глупецъ, въ которомъ слишкомъ долго ошибались. Короли и министры не суть уполномоченные общества, подверженнаго ударамъ судьбы, — они актеры, которымъ платятъ довольно дорого за то, чтобы они наполняли сцену и занимали публику. Имъ поэтому не прощаютъ ни слабостей, ни неуспѣховъ; ихъ встрѣчаютъ, если не рукоплесканіями, то свистами.

Нескончаемыя заявленія народнаго восторга встрѣтили Гіацинта на границѣ его владѣній и сопутствовали ему до самаго дворца въ его резиденціи, въ теченіи цѣлыхъ пятнадцати дней. Онъ долженъ былъ на пути производить парады и принимать безчисленныя депутаціи, пройти сто двадцать триумфальныхъ арокъ, принять сто пятьдесятъ вѣнковъ и шесть тысячъ букетовъ, кланяться дамамъ, цѣловать выходившихъ къ нему на встрѣчу дѣвочекъ, улыбаться всѣмъ, выслушивать безъ усталости триста рѣчей и двѣсти привѣтствій; въ добавокъ всего, громъ музыки, звонъ колоколовъ, непрестанные балы и обѣды. Несмотря на свое желѣзное здоровье, Гіацинтъ начиналъ убѣждаться, что легче выносить военный походъ, чѣмъ всѣ эти удовольствія.

Впрочемъ, вначалѣ все шло еще хорошо, — женщины и короли охотно сносятъ, когда съ ними обращаются, какъ съ идолами, — но на четвертый день герой почувствовалъ себя въ какомъ-то чадѣ отъ

пообѣда, слава, лавры, Александръ македонскій, Цезарь въ счастію, Гіацинта сопровождалъ *Pieborgne*, который оказалъ ему въ это время дѣйствительную услугу. Посвященный въ тайны ораторскаго краснорѣчія, адвокатъ-министръ, находившійся при приѣмѣ депутацій, умѣлъ однимъ взглядомъ, жестомъ, шуткой такъ поощрять самозванныхъ ораторовъ, что они большею частію среди рѣчи спотыкались, захлебываясь собственными словами. *Pieborgne* былъ также весьма полезенъ принцу, когда онъ прибылъ въ резиденцію и, послѣ принятія ста-двухъ столичныхъ депутацій, долженъ былъ принять еще нѣсколько запоздавшую сто-третью отъ Нормальной школы. Во главѣ профессоровъ шелъ директоръ этого разсадника наукъ, любезный и остроумный Фацетусъ. Милый эпикуреецъ и скептикъ, этотъ ученый мужъ, увѣренный въ превосходствѣ собственнаго ума, никому и ничему не удивлялся. Изысканный писатель, образецъ изящества, *magister elegantiorum*,—онъ съ легкостію упражнялся въ тяжеловѣсной литературѣ. Онъ отдѣлалъ однажды Тацита, какъ мальчишку, и доказалъ въ двухъ толстыхъ томахъ, что Августъ, основывая имперію, спасъ республику; что Калигула былъ талантливый финансистъ, что Клавдій былъ весьма умный антикварій, и что Неронъ былъ нѣжный сынъ и великій, неузнанный артистъ. Наружность Фацетуса была не менѣе элегантна, чѣмъ его сочиненія; онъ былъ надушенъ, подобно роману времяя упадка, и еслибъ онъ не носилъ золотыхъ очковъ, чернаго фрака и лакированныхъ башмаковъ, его можно было бы принять за юнаго повѣсу. Выслушать этого оратора принцъ Гіацинтъ поручилъ кавалеру *Pieborgne*, а самъ спѣшилъ съ визитомъ къ графу *Touche-à-Tout*, жившему во флигелѣ дворца, чтобы увидать наконецъ свою дорогую Тамарису.

Но увы! въ то время, какъ блѣдный и взволнованный принцъ взялся уже за ручку дверей, отдѣлявшихъ его отъ властительницы его думъ и уже слышалъ шелестъ ея платья, судьба снова подшутила надъ нимъ, и онъ очутился на паркетѣ пуделемъ. Какъ при прежнихъ своихъ превращеніяхъ, такъ и теперь, принцъ не потерялъ своего человѣческаго сознанія, и, сильно сконфуженный, проскользнулъ въ первую растворенную дверь, которая вела въ пустую комнату, и тамъ забился подъ диванъ. Но судьба очевидно преслѣдовала его: не успѣлъ онъ еще нѣсколько успокоиться, какъ въ эту самую комнату вошла Тамариса, въ сопровожденіи камеристки своей и левретки. Оказалось, что принцъ попалъ въ будуаръ своей возлюбленной, которая была въ хлопотахъ о своемъ бальномъ туалетѣ. Убирая своей госпожѣ голову, камеристка скромно докладываетъ ей, что ни для кого уже не секретъ, что она скоро будетъ королевой, и что, по слухамъ, во время похода, адъютантамъ Гіацинта стояло только свести

разговоръ на Тамарису, чтобы дѣлать съ влюбленнымъ юношей все, что угодно. Камеристка начинаетъ восхвалять принца, его умъ, его красоту, его храбрость. Тамариса то разсѣянно, то насмѣшливо вслушивается эти похвалы и постепенно обнаруживаетъ, въ какихъ нравственныхъ понятіяхъ отецъ ее воспиталъ. Любовь, полагаетъ она, можетъ быть удѣломъ только маленькихъ людей; женщина съ ея положеніемъ должна стоять выше подобнаго предразсудка. — «Значить, несмотря на вашу красоту, вы откажетесь отъ короны? — «Да кто же тебѣ говорить, что я откажусь?» — «Но я думала, что нужно любить, чтобы выйти замужъ.» — «Какія ты глупости говоришь. Еслибы женщины выходили за-мужъ только за тѣхъ, кого онѣ любятъ, то міръ былъ бы населенъ старыми дѣвами. Единственное условіе, чтобы выйти замужъ, это — никого не любить. Конечно, я ничего не чувствую къ этому пустому юношѣ, но и ко всякому другому я была бы также равнодушна. Когда выходятъ замужъ, то ищутъ вовсе не мужа, а положеніе. Мнѣ хочется быть королевой, и, я думаю, что эта роль будетъ по мнѣ. Дворъ я превращу въ обитель удовольствій и празднествъ; любя роскошь, я буду покровительствовать торговлѣ и искусствамъ, и если принцъ меня дѣйствительно любитъ, управлять государствомъ буду я... Отецъ мой будетъ дѣлать все, что мнѣ угодно, и горе тому, кто мнѣ не понравится!» Этотъ разговоръ былъ прерванъ приходомъ графа, который былъ уже въ полномъ облаченіи и нетерпѣливо ждалъ дочь. Онъ пришелъ поторопить ее, но въ это самое время левретка, которая давно уже пронюхала, что въ комнатѣ гдѣ-то находится чужой, открыла его подъ диваномъ. Чтобы предупредить скандалъ и заставить левретку молчать, пудель схватилъ ее за-горло; но безъ привычки даже левретку трудно придушить. Укушенная левретка подняла страшный визгъ и, явившись на сцену, произвела всеобщую суматоху. Пошли поиски за скрытымъ въ комнатѣ злодѣемъ, котораго графъ, пошаривши обнаженною шпагою подъ мебелью, наконецъ открылъ и, поранивши Гіацинта, выгналъ его въ окно. Тудаже выбросилъ онъ и левретку, къ страшному отчаянію камеристки и къ совершенному удовольствію Тамарисы, которая во время всей этой сцены, какъ ни жалобно пудель у ногъ ея просилъ пощады, опасалась одного только, чтобы эти раненныя собаки не замарали ея бальнаго платья.

Прійдя опять въ себя, Гіацинтъ, физически и нравственно измученный, хотѣлъ удалиться къ себѣ, чтобы отдохнуть и собраться съ мыслями. Но когда имѣешь счастье быть повелителемъ мухолововъ, то напрасно будешь искать минуты покоя. Комедія у этого театральнаго народа не терпитъ перерыва; мухоловы скучаютъ въ антрактахъ. Гіацинту теперь необходимо было показаться на придворномъ балѣ, и мать-королева уже давно ждала его. На этомъ балѣ всѣхъ поразила

какая-то сдержанность въ обращеніи Гіацинта, какая-то строгость въ выраженіи его лица, которой прежде никогда не замѣчали. Напрасно Тамариса, явившаяся во всемъ блескѣ красоты, устремляла на него свой страстный взоръ, напрасно она берегла для него свою прелестьную улыбку. Гіацинтъ точно не замѣчалъ ее, точно она не существовала для него болѣе.

XI.

Съ принцемъ дѣйствительно произошла перемѣна. Его начали занимать нынѣ мысли, иные планы, и ему было уже не до Тамарисы. Тѣ чувство нравственной отвѣтственности за судьбу вѣрннаго ему народа, которое онъ впервые испыталъ во время похода, все чаще стало посѣщать его; пока оно наконецъ всецѣло не овладѣло имъ. Думая о счастіи своихъ мухолововъ и все болѣе убѣждаясь, что имъ чего-то недостаетъ, принцъ остановился на мысли даровать имъ конституцію. Ждать въ этомъ отношеніи какого-либо содѣйствія отъ своихъ прежнихъ совѣтниковъ, принцъ, разумѣется, не могъ, и онъ зналъ это. Нѣсколько разъ онъ обращался къ своей благодѣтельной феѣ, прося помочь ему, но та долго отказывалась, говоря: что она заботится только о счастіи людей, что ея дѣло женить какого-нибудь маленькаго принца, или выдать замужъ маленькую принцессу, но что въ политику она не любитъ мѣшаться. Наконецъ, когда принцъ выразилъ желаніе, чтобы она ему по крайней мѣрѣ доставила возможность посовѣтоваться съ какимъ-нибудь опытнымъ политикомъ, то она рѣшилась устроить ему свиданіе съ Аристотелемъ.

Предъ принцемъ предсталъ человекъ высокаго роста, съ умнымъ лицомъ, въ изящномъ, красиво надѣтомъ греческомъ костюмѣ. — «Вотъ молодой король, отрекомендовала фея Гіацинта, который просить у васъ конституціи для своего народа.» — «Зачѣмъ, отвѣчалъ Аристотель? Если правитель всѣхъ доблестнѣе и умнѣе, если онъ наиболѣе свѣдущій, мудрый и проницательный человекъ, если онъ всегда имѣетъ правое сужденіе и никогда не ошибается, то да править онъ одинъ. Эти признаки власти заставляютъ каждого признать его своимъ главой и повелителемъ; если же этого нѣтъ, то да оставитъ онъ народъ управлять самимъ собой и не мнитъ руководить тѣхъ, которые болѣе его достойны.» — «Но дѣло не такъ просто, возразилъ Гіацинтъ, какъ оно кажется. Мои подданные возложили на меня заботу о своемъ счастіи, и я не знаю, какъ взяться за дѣло.» — «Варвары они или греки? спросилъ философъ.» — «Они ни то, ни другое, отвѣчалъ Гіацинтъ, они мухоловы.» — «Ты не понялъ меня, о юноша, замѣтилъ Аристотель; въ этомъ мірѣ существуютъ только двѣ политическія расы: одна создана, чтобы повиноваться, — это варвары; другая имѣетъ призваніе сама управлять собою—это греки или вообще цивилизованные народы.» — «Но какъ

же ихъ распознать?» спросила фея. — «У варваровъ, отвѣчалъ философъ, всегда и во всемъ господствуетъ личная воля человѣка, у образованныхъ народовъ — законъ. Первые — рабы и повинуются капризу своего владыки; вторые подчиняются только законамъ, ими самими постановленнымъ.» — «Увы! воскликнулъ Гіацинтъ, я очень опасуюсь, не варвары ли мухолеры, потому что они не управляются сами, и личная воля человѣка у нихъ пользуется бѣльшимъ авторитетомъ, чѣмъ законъ.» — «Каждый ли гражданинъ у нихъ воинъ?» спросилъ Аристотель. — «Нѣтъ, существуетъ постоянная армія.» — «Это варвары, сказалъ Аристотель. Сами ли они выбираютъ своихъ должностныхъ лицъ, посредствомъ народныхъ выборовъ и на опредѣленный срокъ?» — «Нѣтъ,» отвѣчалъ Гіацинтъ. — «Дважды варвары,» проговорилъ философъ. Сами ли судятъ они свои уголовные процессы?» — «Нѣтъ.» — «Трижды варвары,» продолжалъ Аристотель. Собираются ли они свободно, чтобы обсуждать свои общественныя дѣла? Въ правѣ ли они каждое утро критиковать дѣйствія своихъ должностныхъ лицъ?» — «Не всегда,» возразилъ Гіацинтъ. — «Опять варвары. Существуетъ ли у нихъ такая общая система народнаго образованія, которая стирала бы всякое различіе состоянія и рожденія?» — «Нѣтъ,» отвѣчалъ Гіацинтъ. — «Зачѣмъ же ты, юноша, меня беспокоилъ — сказалъ мудрецъ, нахмуривъ брови. Управляй по обычаю великаго деспота персовъ; съ тебя достаточно пастушескаго посоха, чтобы вести твое блеющее стадо; строй дворцы, вой, предавайся всѣмъ страстямъ твоего сердца, но не заботься объ управленіи людей: ихъ нѣтъ въ твоёмъ государствѣ!» И съ этими словами онъ, подобно дыму, исчезъ въ воздушномъ пространствѣ.

Принцъ выразилъ фее свое сожалѣніе, что она вызвала этого грека: — «Онъ ничего не понимаетъ въ условіяхъ новой жизни, и я послѣ совѣщанія съ нимъ чувствую только еще бѣльшую грусть.» — «Подожди, мой сынъ, сказала фея. Я вижу вонъ тамъ стараго знакомаго, который будетъ тебѣ для дѣла полезенъ. Эй! закричала она, любезный Агасферъ, пожалуйста-ка сюда; мы нуждаемся въ вашей опытности и въ вашихъ совѣтахъ.» На этотъ зовъ феи подбѣжалъ старикъ въ рубищѣ, державшій въ рукѣ огромную трость. На желтомъ лицѣ его были глубокия морщины, бѣлая борода покрывала ему грудь, глаза его свѣтились, какъ уголья. То былъ — вѣчный жидъ. Гіацинтъ тотчасъ узналъ это знаменитое лицо по видѣннымъ имъ прежде портретамъ его. — «Пойдемъ, сказалъ странникъ, я не могу останавливаться, мы поговоримъ дорогою; чего вы хотите?» Гіацинтъ просилъ его сказать, какіе народы самые счастливые? — «Я ничего о томъ не знаю, отвѣчалъ старикъ. Какое дѣло такому несчастному, какъ я, до счастья другихъ? Но, если ты хочешь, я скажу тебѣ, какъ живутъ и умираютъ народы, этого я насмотрѣлся!.... Одно составляетъ величіе народовъ, — свобода, одно ихъ губить — дурное управление. Когда я вышелъ

изъ Иерусалима, осужденный на вѣчное странстваніе, я оставилъ позади себя горсть евреевъ—учениковъ Того, кого я въ безуміи моемъ оскорбилъ. Въ нихъ заключалась вся христіанская церковь. Я отправился въ Римъ, властвовавшій надъ вселенной; я дивился тамъ величію языческихъ императоровъ, которые держали міръ въ своихъ рукахъ... Не было римлянина, который не считалъ бы римскаго величія вѣчнымъ; побѣжденные думали объ этомъ также, какъ и побѣдители. Затѣмъ я возвратился въ вѣчный городъ, въ царствованіе Коммода. Какая перемѣна произошла въ полтора вѣка! Траянъ, Адрианъ, Антонинъ, Маркъ-Аврелій, эти великіе администраторы покрыли міръ дорогами и памятниками; а между тѣмъ они только ускорили паденіе имперіи. Она погибала, благодаря той усовершенствованной администраціи, по которой управлявшихъ и жившихъ на счетъ государства было болѣе, чѣмъ управляемыхъ и платившихъ подати. Народъ я засталъ изголодавшимъ и въ предсмертной агоніи. Живыхъ людей я нашелъ тамъ только между христіанами, которыхъ преслѣдовали. Задатки жизни заключались еще въ тѣхъ полудикихъ германскихъ племенахъ, которыя жили на берегахъ Рейна и начинали свои вторженія въ имперію...» Онъ былъ потомъ на востокѣ, видѣлъ Китай, въ которомъ отеческое правительство низводитъ народъ до стаднаго состоянія; онъ перешелъ потомъ въ Америку еще ранѣе, чѣмъ въ Европѣ кто-либо подозрѣвалъ о существованіи этого континента; въ Мексикѣ и въ Перу онъ нашелъ обширныя монархіи и народъ въ рабствѣ; это былъ тотъ же Китай, только подъ другимъ названіемъ.

— «Когда фатальная судьба моя привела меня опять въ Европу, крестовые походы уже кончались; христіане и германцы довершили свое дѣло. Страна раздѣлена была на множество независимыхъ владѣній. Города, окруженные огромными стѣнами, и управлялись сами, и сами себя защищали. Церкви и университеты составляли мощныя и уважаемыя корпораціи. На поверхности все представляло неравенство и хаосъ; но поглубже, несмотря на насилія и преступленія безъ числа, чувствовалось присутствіе животворной свободы, и кипѣла жизнь народовъ. Генуя и Венеція покрывали моря своими кораблями и строили свои дворцы, свои галереи, свои церкви; Флоренція возобновляла въ себѣ Аѳины; Фландрія воздвигала свои ратуши, и Нормандія свои соборы. Парижскій университетъ былъ свѣтильникомъ науки. Вся Европа устремлялась туда, чтобы слушать профессоровъ, смѣлау мысль которыхъ ничто не стѣсняло; церковь, вѣчно ратующая, проповѣдывала, писала, учила. Она защищала народъ противъ тиранніи великихъ міра сего. Вездѣ искусство, поэзія, наука, богатство зарождались вмѣстѣ съ свободой. Я удивлялся этому процвѣтанію новаго міра, когда безжалостная рука направила меня въ Индію.

Я нашелъ тамъ вѣчную дряхлость народовъ Востока, которыхъ наслѣдственный деспотизмъ осуждаетъ на мечтанія и неволю».

Снова вернулся вѣчный жидъ въ Европу, въ вѣкъ Людовика XIV, когда повсюду основались огромныя монархіи, съ обширными администраціями, и когда водворявшійся вездѣ застои напомнилъ ему Азію, которую онъ только-что оставилъ. Признаки жизни онъ видѣлъ только въ Англіи и въ Голландіи, открывшей убѣжище изгнанникамъ всѣхъ странъ и отлученнымъ всѣхъ церквей. Послѣ полувѣкового странствованія по Европѣ, судьба бросила его въ лѣса Америки, среди которыхъ онъ видѣлъ зарожденіе новой цивилизаціи, образованіе новыхъ маленькихъ обществъ, которыя управлялись сами, безъ короля, безъ духовенства, безъ дворянства.

—Такова, мой сынъ, исторія міра—заключилъ вѣчный жидъ—свободой начинаютъ народы, администраціей кончаютъ. Въ началѣ они обнаруживаютъ весь избытокъ силъ, всю беспорядочность, но и все великодушіе и жизненность юности; позже они становятся боязливыми, расчетливыми и эгоистами, на подобіе старцевъ. Всякій шумъ, даже производимый мыслію, ихъ пугаетъ; они боятся всякаго движенія; они холодѣютъ, они чувствуютъ приближеніе смерти. Наступаетъ война, государство распадается, сила оставляетъ ихъ и переходитъ въ руки тѣхъ, которые вѣрують въ будущее. Прощай, мой сынъ, я повѣрилъ тебѣ мой секретъ, воспользуйся имъ.»—И съ этими словами старикъ быстро исчезъ.

Фея за тѣмъ переноситъ Гіацинта въ Африку, въ маленькій, правильно выстроенный городокъ, населенный одними неграми. Это Монровія, столица Либеріи, государства освобожденныхъ негровъ. Гіацинтъ вступаетъ въ разговоръ съ однимъ продавцомъ оливокъ.—«Всѣ мы здѣсь — говоритъ негръ — бывшіе невольники, переселившіеся сюда изъ Соединенныхъ-Штатовъ, чтобы жить здѣсь на свободѣ. Съ божіею помощію мы надѣемся основать здѣсь республику, которая числомъ и богатствомъ своихъ жителей когда-нибудь затмитъ Европу и Америку. Бѣлая раса давно обладаетъ міромъ; черная раса теперь требуетъ свою долю наслѣдства. И она ее получитъ: ей принадлежатъ Африка.»—«Многочисленъ ли вашъ народъ?» спросилъ Гіацинтъ.—«Насъ *цивилизованныхъ* всего только двадцать пять тысячъ, отвѣчалъ негръ, но мы приносимъ съ собою талисманъ, который позволитъ намъ мирно завоевать всю Африку и поставить ее въ уровень съ Европой.»—«Какой же это талисманъ?»—«Это американская свобода», сказалъ негръ.—«Почему же не просто свобода?»—«Потому, отвѣчалъ негръ, что существуетъ двоякая свобода. Одна служитъ лишь символомъ войны и революціи, потрясающей старый континентъ; другая означаетъ совокупность учреждений, составляющихъ величіе челоуѣка и благосостояніе народовъ. Эту-то свободу мы занесли съ собою изъ Америки и ею опло-

дотворили эту почву; наши дѣти обязаны будутъ ей своимъ богатствомъ и счастьемъ.» — «Какія же это учрежденія?» — «Ихъ всего семь: свободная церковь, свободная школа, свободная печать, свободный банкъ, свободная община, милиція и присяжные. Какъ только причалитъ корабль, переселенцамъ оставляютъ на волю выбрать себѣ землю; разъ поселившись на ней и съ перваго же года обработки ея, они основываютъ школы, чтобъ посылать въ нихъ своихъ дѣтей; строятъ церкви, чтобы молиться Богу; основываютъ журналы, чтобы всѣмъ просвѣщаться, и банки, чтобъ облегчить трудъ и торговлю. Образовалась свободная община; она заключаетъ въ себѣ все необходимое, управляется содѣйствіемъ всѣхъ гражданъ, и, если какая-либо опасность внутри или извнѣ ей угрожаетъ, то каждый изъ насъ поклялся, чтобы защищать ее и охранять. Вотъ въ чемъ, странникъ, заключается наша свобода.» — «И вы надѣетесь — спросилъ Гіацинтъ — что этотъ американскій зародышъ, плодъ самой развитой цивилизаціи, пріймется у васъ и возростетъ среди вашего варварства?» — «Да вѣдь дѣло уже сдѣлано», отвѣчалъ негръ. — «Позволю себѣ сомнѣваться въ этомъ; свобода есть прежде всего вопросъ расы.» — «Это вопросъ воспитанія, сказалъ негръ. Съ тѣхъ поръ, что мы прониклись американскимъ духомъ, мы чувствуемъ себя также способными къ самоуправленію, какъ и тѣ тысячи ирландцевъ и нѣмцевъ, которые ежегодно переселяются въ Соединенные-Штаты и тамъ преобразуются, подобно намъ. Въ три поколѣнія мы овладѣемъ долиною Нигра; остальное будетъ лишь вопросомъ времени.» Долго еще Гіацинтъ бесѣдовалъ съ этимъ гражданиномъ Либеріи, и гуляя, въ ожиданіи фен, по улицамъ Монровіи, онъ осматривалъ портъ, магазины, церкви, школы, библиотеки, и убѣдился, къ большому своему удивленію, что хотя эти негры и не мухоловы, однако они нисколько не хуже ихъ.

Возвратившись опять къ себѣ, Гіацинтъ заперся въ свой кабинетъ и начерталъ конституцію, состоящую изъ двѣнадцати статей, и которая была лишь воспроизведеніемъ хартіи Либеріи. Въ сущности, это было сороковымъ изданіемъ той конституціи Соединенныхъ-Штатовъ, которая обходитъ весь новый міръ и которая, чего добраго, когданибудь попадетъ и къ китайцамъ. Къ этой конституціи Гіацинтъ присоединилъ декретъ, измѣнявшій государственную печать. Старый девизъ: *«Все для меня, и все черезъ меня»* — былъ замѣненъ словами: *«Жить и давать жить»*, — слова весьма таинственныя для мухолововъ, и смыслъ которыхъ они еще не поняли. Когда «Официальная Истина» обнародовала эти два государственныхъ акта, то восторгъ былъ неописанный. Но Гіацинтъ уже достаточно зналъ своихъ мухолововъ, чтобы очень полагаться на этотъ восторгъ, или огорчаться тѣми нападками на конституцію, которые, какъ онъ зналъ, на другой же день начнутся. — Извѣстіями объ обнародованіи конститу-

ція собственно заканчиваются лѣтописи мухолововъ, «*Annales Gobe-mouchon*», исчерпанныя авторомъ; но изъ сообщаемыхъ имъ въ послѣдней главѣ отрывковъ изъ различныхъ газетъ, болѣе или менѣе распространенныхъ у мухолововъ, видно, что Гиацинтъ употребилъ всѣ старанія, чтобы конституція его стала истиной. Судя, по крайней мѣрѣ, по нападкамъ, которые встрѣчаются въ этихъ газетахъ на Гиацинта, «этого мечтательнаго юношу», и на его конституцію, а также судя по крайне рѣзкимъ парламентскимъ рѣчамъ графа *Touche-à-Tout*, перешедшаго въ оппозицію, слѣдуетъ заключить, что у мухолововъ установилась полная свобода слова и печати.

XII.

Не знаемъ, суждено ли будетъ сказкѣ Лабуре, изъ которой мы извлекли наиболѣе существенныя мѣста, заинтересовать читателей въ такой же степени, въ какой во-время-ѣе заняла многихъ его кнѣга: «*Paris en Amerique*». Ближайшій, такъ сказать, національный интересъ, сказка эта, разумѣется, будетъ имѣть для самихъ французовъ, и они въ ней откроютъ, вѣроятно, многія черты сходства съ оригиналомъ, съ котораго списанъ портретъ мухолововъ, и найдутъ въ ней; конечно, не мало намековъ на господствующіе нравы и порядки, и на личности, болѣе или менѣе извѣстныя въ политическихъ сферахъ. Вѣроятно также, что французы не назовутъ Лабуре за его рѣзкіе отзывы о мухоловахъ клеветникомъ и человѣкомъ, оскорбляющимъ ихъ національное достоинство: помимо всѣхъ ихъ недостатковъ, мухоловы—этого автору незачѣмъ было говорить, это подразумевается само собою—народъ весьма цивилизованный, который имѣетъ на столько такта и ума, что ему можно сказать правду, какъ бы она горька и непріятна ни была для его самолюбія.

Впрочемъ, сказка Лабуре, какъ политическая сатира, многимъ покажется даже недостаточно злою, недостаточно ядовитою. Большій или меньшій сарказмъ въ этомъ случаѣ, разумѣется, зависитъ прежде всего отъ свойства таланта автора и отъ дѣлаго его направленія. И Лабуре, хотя политическія симпатіи его принадлежатъ Сѣверной Америкѣ—въ этомъ можно, между прочимъ, убѣдиться изъ предисловія къ его исторіи Соединенныхъ-Штатовъ—дѣйствительно принадлежитъ къ умѣреннымъ публицистамъ. Это можно бы поставить ему въ вину только въ такомъ случаѣ, если бы болѣе или менѣе радикальнымъ направленіемъ вообще измѣрялось достоинство какого-бы то ни было литературнаго произведенія. Но, независимо отъ этого, нельзя не замѣтить, что—иная задача политическаго памфлета, и иная—политической сатиры, въ какой бы формѣ она ни являлась. Въ настоящемъ случаѣ, авторъ вовсе не имѣлъ въ виду написать обвини-

тельный актъ противъ современнаго французскаго цезаризма. Такіе обвинительные акты давно написаны. Лабуле гораздо болѣе занимаютъ тѣ черты народнаго характера французовъ, которыя они сохраняли при всѣхъ режимахъ, и которыми они обязаны своему одностороннему политическому воспитанію, полученному ими еще въ періодъ старой французской монархіи и послѣ доконченному во время первой имперіи. Показать, какъ привыкли разсуждать любезные мухоловы о политическихъ вопросахъ, какому методу они при этихъ разсужденіяхъ слѣдуютъ, какъ обыкновенно относятся они къ предрезающимъ властямъ, и власти къ нимъ самимъ, и какъ, въ концѣ концовъ, изолгался официальный языкъ, которымъ говорятъ у мухолововъ—таковы ближайшія дѣла, которыя авторъ преслѣдуетъ. При этомъ, самая форма волшебной сказки съ ея мягкимъ тономъ и съ ея вставочными эпизодами, въ которыхъ тянется—нѣсколько длинновато—частная исторія дѣйствующихъ лицъ, постоянно еще какъ будто сглаживаетъ сатирическія колкости.

Лучшія мѣста въ этой сказкѣ, понятно, тѣ, въ которыхъ авторъ можетъ оставаться публицистомъ, т. е., въ которыхъ дѣйствующія лица трактуютъ о политическихъ вопросахъ. И вотъ, именно эти мѣста наводятъ на мысль, что самый либеральный писатель, подвергающій въ настоящее время критику извѣстный общественный порядокъ, принужденъ будетъ относиться къ нему несравненно умѣреннѣе, чѣмъ въ былыя времена. Дѣло въ томъ, что условія общественной и политической жизни стали вездѣ гораздо сложнѣе прежняго, вопросы, связанные съ нею, гораздо специальнѣе — не только для специалистовъ, — политическій міръ вездѣ и въ особенности во Франціи нѣсколько состарѣлся, и потому приемы, которыми довольствовались прежде при критикѣ общественныхъ явленій, и которые, положимъ, были въ обычаѣ въ той же Франціи въ восемнадцатомъ вѣкѣ, — теперь почти немислимы. Приемы эти, позволявшіе, для очищенія почвы, рубить съ плеча, — теперь непригодны. Историческая дѣйствительность сложилась послѣ первой французской революціи на болѣе рациональныхъ основаніяхъ; весь юридическій и экономическій бытъ преобразовался, и на очень крупныя аномаліи въ этомъ быту, по крайней мѣрѣ такія, которыя не были бы обусловлены формой государственнаго строя, даже и во Франціи, уже нельзя указать. Такимъ образомъ, вопросъ сводится, для французскаго публициста, главнымъ образомъ на состояніе политическихъ учреждений. Учрежденіями политическаго и административнаго порядка Лабуле главнымъ образомъ и занимается. Нетрудно, конечно, согласиться въ томъ, что дѣйствительное, практическое состояніе во Франціи учреждений этого порядка не соответствуетъ ни тѣмъ многочисленнымъ экспериментамъ, которыя страна, точно для общей, а вовсе не для своей пользы предпринимала, ни тѣмъ жертвамъ, ко-

сателю, защищающему свой взгляд на эти учреждения, нельзя уже ограничиваться предположеніемъ, что противники его, имѣющіе на нихъ другой взглядъ, отстаивающіе, положимъ, существующее ихъ состояніе, круглыя невѣжды, съ которыми не стоитъ тратить словъ, а напротивъ, приходится постоянно имѣть въ виду ихъ возраженія. Эти противники — имъ нельзя отказать въ томъ, научились весьма не дурно рассуждать и имѣютъ обыкновенно въ запасъ кое-какіе доводы. Чего, кажется, ограниченнѣе политическаго пониманія, которымъ отличается графъ *Touche-à-Tout!* Однако, отстаивая централизацию и возражая Гиацинту, почтенный министръ касается самага корня вопроса, когда выражаетъ мнѣніе, что коснуться централизациі нельзя, не коснувшись всей системы государственнаго управленія. Такое мнѣніе — безпристрастіе заставляетъ сказать это — имѣетъ гораздо бѣльшую цѣну, чѣмъ тѣ поверхностно-либеральныя мнѣнія, которыя щеголяютъ выраженіями: децентрализациа и самоуправленіе, но понимаютъ эти термины въ самомъ узкомъ смыслѣ. Отъ осуществленія такихъ мнѣній, цѣльность бюрократическаго строя нисколько не была бы нарушена, въ него введена была бы лишь нѣкоторая фальшь, а для дѣйствительной гражданской свободы почва нисколько не была бы подготовляема.

Итакъ, существуетъ довольно причинъ, по которымъ критическіе приемы, во вкусъ восемнадцатаго вѣка, не совсѣмъ соотвѣтствуютъ политическому настроенію нашего времени. На національную подписку, которая въ послѣдніе годы открыта была при редакціи газеты «*Siècle*» въ честь Вольтера, ему будетъ воздвигнуть всенародный памятникъ; но такъ-называемый вольтеріанизмъ, сдѣлавши свое дѣло, уже и во Франціи не болѣе, какъ преданіе. Это преданіе можно, конечно, подогрѣвать, какъ это и дѣлаетъ небольшая литературная партія, и наиболѣе талантливый представитель ея Эдмондъ Абу, — тотъ самый писатель, романистъ и публицистъ, который приглашается на компьенскіе праздники, и который, за привязанность свою ко второй имперіи, былъ украшенъ орденомъ почетнаго легіона! Небольшая еженедѣльная газетка «*la Gazette de Hollande*», которая появилась дѣтотомъ прошлаго года, должна была, перечисляя всѣхъ новоукрашенныхъ въ день годовщины Наполеона, пятнадцатаго августа, назвать прежде всѣхъ этого послѣдователя Вольтера:

Cet officier, qui les commande,
C'est About. Cet auteur si franc
A pour devise, il faut qu'on rend
A Voltaire ce qu'on lui prend.

Газетка эта, съ сатирическимъ направленіемъ, тоже поставила себѣ цѣлью поддерживать вольтеровскія традиціи. Съ этою цѣлью она уже

риннымъ шрифтомъ, въ форматѣ in-quarto—должна напоминать собою тѣ газетные листки, которые, въ половинѣ XVIII столѣтія, при строгости французской цензуры, печатались за-границею, преимущественно въ Голландіи и, какъ контрабанда, проскользали во Францію. Но только одинъ внѣшній видъ и оправдываетъ названіе, которое она себѣ присвоила, потому что во главѣ своей она печатаетъ *AVIS*—что префектъ полиціи разрѣшилъ ей продажу на улицахъ! Издается она не безъ нѣкотораго литературнаго таланта, но бьетъ преимущественно на мелкій скандалъ, печатая записки великой герцогини Герольштейнской и фельетоны сподвижника ея генерала Бума. Обращаясь къ публикѣ, она общается ей рассказать всякіе скандалы, а въ случаѣ нужды, общается и сама ихъ приготовить:

On te dira tous les scandales...
On en fera même au besoin.

Въ виду этихъ выродившихся сыновъ Вольтера и того хаоса перепутавшихся нравственныхъ и политическихъ идей, какой представляетъ современная Франція, — стихъ, «облитый горечью и злостью», какой Франція имѣла въ тридцатыхъ годахъ въ «Ямбахъ» Барбье, былъ бы какъ нельзя болѣе кстати. Что въ самой Франціи чувствуется потребность въ такомъ стихѣ, лучшимъ доказательствомъ служить то, что Барбье теперь болѣе, чѣмъ когда нибудь, перечитывается во Франціи: въ прошломъ году, его «Ямбы» и другія поэмы вышли шестнадцатымъ издаціемъ. Вторая имперія, вдохновившая только Виктора Гюго на такія мало-поэтическія пѣснопѣнія, какъ его «Châtiments», не имѣетъ еще пока своего сатирика. Но одно уже обращеніе общества къ поэту, который имѣлъ полное право сказать, что «жесткій и грубый стихъ его—честный человѣкъ» —

Mon vers rude et grossier est honnête homme au fond!

— служить, конечно, хорошимъ симптомомъ.

В. О.

АНГЛІЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

КНИГА ГЕРЦОГА АРГАЙЛЯ: ЦАРСТВО ЗАКОНА

The reign of law, by the duke of Argyll. London. 1867.

Къ числу болѣе крупныхъ явленій англійской литературы слѣднее время принадлежитъ сочиненіе герцога Аргайля: «Царство Закона». Въ какойнибудь годъ, оно успѣло выдержать чести. Успѣхъ этотъ, конечно, нельзя объяснять однимъ аристократическимъ именемъ автора. Въ Англии, гдѣ лордъ Дерби перемѣра и рѣдкій изъ государственныхъ людей не имѣетъ литературѣ, нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что на переплестѣ ученаго сочиненія красуется аристократическая фамилія въ порядкѣ вещей; значить, успѣхомъ своимъ книга Аргайля обязана и содержанію своему. На нашъ взглядъ, сколько обща, нѣсколько отвлеченна, и потому, еслибы, полнота была переведена на русскій языкъ, то едвали бы приобрѣла широкій кругъ читателей. Впрочемъ, такъ какъ сочиненіе это, по содержанію своему, прежде всего относится къ естественнымъ наукамъ, авторъ всего долѣе останавливается на господствѣ законовъ физическаго міра — то мы и не беремъ судить о немъ по объему; заговорили же мы о немъ потому, что покончивши съ вопросами естественныхъ наукъ, касающимися закона въ области духа и, затѣмъ, въ общественной жизни. послѣдней, довольно обширной главѣ: *Law in politics* (стр. 1—52) мы и желаемъ сказать нѣсколько словъ, ограничившись отъ цѣлаго сочиненія лишь самыми общими указаніями на содержание.

Первыя двѣ главы, посвященныя вопросу о сверхъестественномъ (стр. 1—52) и опредѣленію того, что такое законъ (стр. 53—100) устанавливаютъ границы изслѣдованія и терминологию предельный въ дѣтскомъ возрастѣ человѣчества кругъ сверхъестественнаго.

наго, постепенно, съ успѣхами знанія ограничивается, и взглядъ на природу, наполненный представленіями о сверхъестественномъ, замѣняется не только убѣжденіемъ, что господство «закона» въ ней всеобщее, но и своего рода вѣрой, что если какое-либо явленіе кажется намъ нарушеніемъ обыкновенныхъ законовъ естества, то это только потому, что мы не знаемъ закона, въ силу котораго это явленіе наступило. Какой бы отпечатокъ сверхъестественнаго и чудеснаго ни носили на себѣ явленія природы, но пока мы увѣрены, что существуетъ законъ, хотя и неизвѣстный намъ, вызвавшій эти явленія, — мы отрицаемъ сверхъестественное. Но, въ такомъ случаѣ, самое выраженіе *природа*, какъ предположеніе того, что естественно, слѣдуетъ брать въ самомъ широкомъ смыслѣ слова, въ томъ смыслѣ, въ которомъ, говоря словами поэта, она заключаетъ въ себѣ «все, что въ безпредѣльномъ океанѣ, въ животворномъ воздухѣ, въ голубомъ воздушномъ пространствѣ и въ душѣ человѣка». Обыкновенно же природу отождествляютъ съ физическимъ міромъ, которому противопоставляется весь нравственный и духовный міръ человѣка. Такое различіе, конечно, оправдывается тѣмъ, что внутренній міръ человѣка стоитъ подъ опредѣленіями иныхъ законовъ, чѣмъ тѣ, которые управляютъ внѣшнимъ, и что въ человѣкѣ заключается та творческая способность, которая одна уже неизмѣримо возвышаетъ его надъ инстинктивной жизнію животныхъ. Но, говоря о природѣ въ обширномъ смыслѣ слова, нельзя выдѣлять изъ нея явленій психической жизни человѣка: не считаетъ же себя человѣкъ существомъ сверхъестественнымъ. Такъ-называемое господство человѣка надъ природою опредѣляется тѣмъ отношеніемъ, въ которомъ онъ находится къ ея физическимъ законамъ. Человѣкъ открываетъ эти законы, удостовѣряетъ ихъ и затѣмъ пользуется ими, но онъ не въ состояніи ни установить новый законъ, ни отменить существующій. Все что дано человѣку, — это пользоваться взаимодействіемъ этихъ законовъ. При знаніи и умѣнши онъ можетъ ихъ сдѣлать орудіями своей воли, и благодаря открытіямъ въ этомъ отношеніи, множество вещей, которыя казались бы въ прежнее время по меньшей мѣрѣ *противо*-естественными, кажутся намъ совершенно натуральными. Мы не послѣдуемъ за авторомъ въ его критикѣ тѣхъ взглядовъ, которые существуютъ въ англійской теологій о чудесномъ и о чудесахъ. Замѣтимъ только, что авторъ — съ тѣмъ уваженіемъ къ религіозному чувству, которое такъ часто встрѣчается въ англійскихъ сочиненіяхъ, — останавливался на мнѣніи, высказанномъ Гизо въ его брошюрѣ о церкви и христіанскомъ обществѣ (1861 г.), а именно, что вѣра въ чудесное составляетъ необходимый атрибутъ не только христіанской, но и всякой положительной религіи — окончателно приходитъ къ слѣдующему результату: пусть тѣ, которымъ трудно допустить что-либо сверхъестественное, а равно и тѣ, которые настаиваютъ на

поскольку оно, предварительно определяя: какъ далеко простирается естественное?

Законъ, въ самомъ простомъ его научномъ смыслѣ, означаетъ извѣстный порядокъ явленій, удостовѣренный наблюдениемъ и на столько постоянный, что можно заключать о его необходимости. Неизбѣжный вопросъ, который при этомъ ставится, заключается въ томъ: какимъ образомъ, т. е. дѣйствіемъ какихъ именно силъ вызванъ этотъ порядокъ? Далѣе: такъ какъ явленія—ни въ мірѣ физическомъ, а тѣмъ менѣе въ мірѣ нравственномъ и общественномъ—не суть результатъ одной какой-либо силы, а вызываются, напротивъ, многими, совокупно дѣйствующими силами, то спрашивается, какое сочетаніе этихъ силъ требовалось, чтобы породить извѣстный порядокъ? Такимъ образомъ, съ понятіемъ закона, въ научномъ смыслѣ слова, неразлучно связано понятіе силы, лежащей въ основѣ всѣхъ явленій, неизмѣнно послѣдовательныхъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ, законъ, въ этомъ смыслѣ, означаетъ не только правило, согласно съ которымъ чтó-либо совершается, но и самую причину, производящую извѣстныя дѣйствія, или которую по крайней мѣрѣ объясняютъ эти дѣйствія. Какъ лучший примѣръ закона въ этомъ смыслѣ, авторъ приводитъ самый общій изъ физическихъ законовъ,—господствующій во всемъ пространствѣ законъ тяготѣнія, потому что въ немъ выраженъ не только извѣстный порядокъ, въ которомъ движутся небесныя тѣла, но и указана причина этого движенія, т. е. въ точности опредѣлена, измѣрена и вычислена сила притяженія, вынуждающая это движеніе и объясняющая его. Въ открытіи этого закона заключается, безъ всякаго сомнѣнія, одно изъ самыхъ мощныхъ проявленій чистаго разума, до котораго человѣкъ когда-либо возвышался; но точнымъ удостовѣреніемъ одной индивидуальной силы, какъ бы безгранично ея господство ни было, не исчерпывается еще, по мнѣнію автора, понятіе закона. Это понятіе распространяется, какъ мы впрочемъ уже упомянули, на сочетаніе силъ, необходимыхъ для достиженія извѣстной цѣли. Каждая сила въ природѣ, свободная «въ границахъ закона», должна быть уважена въ ея особенности, дабы можно было привести ее въ сочетаніе съ другими и достигнуть извѣстнаго результата. Неизмѣнныя требованія закона, которымъ эти силы повинуются, должны быть удовлетворены, чтобы получить отъ нихъ желаемое дѣйствіе. Этой необходимой цѣлесообразности въ сочетаніи силъ, вытекающей изъ господства закона, и на которой зиждется весь порядокъ природы, авторъ посвящаетъ особую главу, точно также какъ и кажущимся исключеніямъ изъ этой цѣлесообразности (гл. 3 и 4). Слѣдующая, пятая глава, а именно: «Творчество посредствомъ закона»,—посвящена подробному разбору теоріи Дарвина. Переходя затѣмъ къ господству закона въ явленіяхъ духовнаго міра человѣка и сосредоточивая свое изслѣдованіе глав-

нымъ образомъ на вопросъ о происхожденіи идей и на извѣстной контроверсѣ о свободѣ воли, авторъ старается примирить крайніе взгляды.

Если подѣ идеями понимать тѣ представленія, которыя, какъ указываетъ самое слово, заключаютъ въ себѣ «образы» вещей, то несомнѣнно, что происхожденіемъ своимъ онѣ обязаны внѣшнимъ впечатлѣніямъ и, значить, опыту. Но если, напротивъ, говоря объ идеяхъ, мы включаемъ въ этотъ терминъ что-либо изъ мыслящей способности или изъ самаго метода, по которому эта способность перерабатываетъ грубый матеріалъ, доставляемый мысли дѣйствительностію, — то точно также несомнѣнно, что идеи въ этомъ смыслѣ прирождены человѣку, и что подражаніе, опытъ и такъ называемая ассоціація идей только слагаютъ свой матеріалъ въ формы, уже готовыя для принятія его. Вообще же каждая идея, какъ нѣчто весьма сложное, образуется при помощи крайне разнородныхъ элементовъ. Въ ней сходятся тѣ тысячи нитей, которыми, по выраженію Мефистофеля, работаетъ «фабрика мысли». Все, что возбуждаетъ дѣятельность мысли и производитъ ощущенія, приходитъ извнѣ; но та форма, въ которую ощущенія складываются, та ткань мысли, которая изъ нихъ вырабатывается, словомъ, все, что составляетъ мысль въ отличіе отъ вещей, о которыхъ мы мыслимъ, принадлежитъ самой мыслящей способности.

Образъ мыслей человѣка опредѣляетъ его дѣйствія, его поступки. Но всегда ли эти дѣйствія — плодъ его сознательной, свободной воли? Мы говоримъ, и совершенно справедливо, что наша воля свободна; но спрашивается, свободна она отъ чего? Упускаютъ обыкновенно изъ виду, что свобода не есть абсолютный, а лишь относительный терминъ, уже потому, что въ мірѣ нѣтъ ничего, чтобъ существовало совершенно и абсолютно-одиноко, внѣ связи съ окружающимъ. Итакъ, въ какомъ же смыслѣ наша воля свободна? Свободна она отъ вліянія мотивовъ? Конечно, нѣтъ. Въ такомъ случаѣ: что означаютъ мотивы? — *Мотивъ* буквально означаетъ то, что двигаетъ человѣкомъ, направляетъ его. Подобно другимъ словамъ, употребляемымъ для обозначенія понятій и явленій нравственного порядка, это слово заимствовано изъ языка, которымъ говорятъ о матеріальныхъ вещахъ, и указываетъ на любопытную сторону въ исторіи человѣческаго языка. То, что двигаетъ человѣкомъ въ извѣстномъ направленіи, представляется силой, и изъ совокупности такихъ силъ вытекаютъ, въ общемъ смыслѣ слова, законы, опредѣляющіе человѣческія дѣйствія. Трудность свести эти силы или законы, дѣйствующія на духовную природу человѣка, въ систему, заключается въ ихъ огромномъ количествѣ и разнообразіи. Разнообразіе это соответствуетъ разнообразію тѣхъ силъ, которыми одаренъ человѣческій духъ, потому что, какъ въ матеріальномъ, такъ и въ нравственномъ мірѣ требуется необходимая восприимчивость для того, чтобы извѣстная сила могла оказать свое дѣй-

ствіе. Подобно тому, какъ полярная сила магнетизма дѣйствуетъ на различные металлы въ различной степени, и существуетъ множество веществъ, которыя совершенно нечувствительны къ этой силѣ, точно также тысячи вещей, оказывающихъ притягательную силу на умъ цивилизованнаго человѣка, не будутъ имѣть никакого дѣйствія на умъ дикаря. Но какъ ни различна вообще въ этомъ смыслѣ степень восприимчивости въ человѣкѣ, смотря по его развитію, и какъ ни властны надъ нимъ мотивы, вытекающіе изъ природы его, человѣкъ тѣмъ отличается отъ животныхъ (которымъ авторъ не отказываетъ въ нѣкоторыхъ проявленіяхъ даже свободной воли), что, обладая мыслящею способностію, вѣрованіями, чувствомъ справедливости, онъ способенъ выбирать между различными мотивами, дѣйствующими на него. Разумѣется, что одаренный этою способностію выбора между мотивами и критически относясь къ нимъ, человѣкъ часто долженъ испытывать борьбу, въ которой окончательное торжество будетъ по большей части опять-таки на сторонѣ сильнѣйшаго мотива, которому онъ подчиняется; только этотъ мотивъ, при свѣтѣ разума и совѣсти, будетъ вытекать изъ менѣе грубыхъ инстинктовъ человѣческой природы. Во всякомъ случаѣ, допустивши разъ эту свободу выбора между мотивами, нельзя уже говорить о томъ всеильномъ принужденіи, которое оказываетъ фатальное стеченіе обстоятельствъ на волю, лишая ее всякой самоопредѣляемости; по крайней мѣрѣ, въ здоровомъ состояніи умственныхъ способностей, нельзя говорить о такомъ принужденіи. Какъ во всякой другой борьбѣ, такъ и въ этой, человѣкъ можетъ устоять и можетъ пасть и — *vae victis!* Безконечно-долгія препирательства о томъ, свободна ли воля въ ея опредѣленіяхъ, или она всегда повинуется необходимости, т. е. извнѣ дѣйствующимъ на нее силамъ, привели наконецъ ко взаимнымъ уступкамъ со стороны спорящихъ. По крайней мѣрѣ, наиболѣе талантливый защитникъ теоріи необходимости, Стюартъ Милль, въ новомъ своемъ сочиненіи о философіи Гампльтона, отвергаетъ самый терминъ «необходимость», какъ поражающую мысль о какомъ-то таинственномъ принужденіи воли, и предлагаетъ его замѣнить другимъ — «неизмѣняемостью послѣдствій» (*invariability of sequence*). Въ сущности, это значитъ лишь то, что при одинаковыхъ antecedентахъ, дѣйствующихъ на волю, рѣшенія ея также будутъ неизмѣнно одинаковы. Но въ этомъ исправленномъ видѣ теорія необходимости заключаетъ въ себѣ собственно такъ-называемый «тризмъ», который можетъ быть выраженъ такимъ образомъ: зная все, что дѣйствуетъ на волю человѣка и опредѣляетъ его образъ дѣйствій, мы въ состояніи опредѣлить, какъ онъ будетъ дѣйствовать въ данномъ случаѣ. Предположеніе, изъ котораго мы въ такомъ случаѣ выводимъ, заключаетъ въ себѣ очевидно весьма многое: если бы мы знали всѣ мотивы, которые извнѣ дѣйствуютъ на человѣка, а также

всѣ мотивы, которые вытекаютъ изъ собственной ея природы и изъ скопленнаго имъ жизненнаго опыта, — а равно если бы мы знали нравственную конституцію человѣка на столько, чтобы опредѣлять, какой вѣсъ будутъ имѣть на него всѣ эти различные мотивы, — то тогда, конечно, мы могли бы съ нѣкоторою достовѣрностію предсказать, какъ онъ поступитъ въ такомъ или другомъ случаѣ.

Много времени и успѣховъ въ изученіи природы требовалось, чтобы установилось убѣжденіе въ господствѣ естественнаго закона въ явленіяхъ матеріальнаго міра, и еще гораздо больше времени и успѣховъ знаній нужно было, чтобы въ умѣ человѣка зародилась мысль о естественномъ законѣ, примѣнимомъ къ нему самому не только въ его индивидуальной, но и въ общественной жизни. Въ общественной наукѣ слишкомъ долго господствовало направленіе, аналогическое съ тѣмъ, на преобладаніе котораго въ области естественныхъ наукъ Бэконъ такъ горько жаловался. Писатели старались изъ собственныхъ мыслей извлечь то, что могло бы быть пріобрѣтено только путемъ терпѣливаго изслѣдованія фактовъ. Для поясненія этого, авторъ представляетъ сжатые очерки политическихъ ученій Платона и Аристотеля. Останавливаться на нихъ мы не имѣемъ повода потому, что въ нихъ взяты именно тѣ стороны этихъ ученій, которыя наиболѣе общезвѣстны. Кромѣ того, въ подтвержденіе той же мысли — о методѣ, которому долго слѣдовали въ изученіи тѣхъ законовъ общественной жизни, которые считались естественными — могли бы быть приведены любопытные примѣры изъ исторіи естественнаго права, но эта исторія, не смотря на нѣсколько энциклопедическій характеръ разсматриваемаго сочиненія — terra incognita для автора. Впрочемъ, въ какомъ бы смыслѣ мы ни называли законы естественными, они, точно также, какъ и положительные, всегда имѣютъ одну цѣль — служить сдержками человѣческихъ дѣйствій. Эти сдержки могутъ быть названы искусственными, въ противоположность естественныхъ сдержекъ, поставляемыхъ индивидуальнымъ разумомъ. Но такъ какъ мотивы, опредѣляющіе поведение человѣка, не всегда разумны, то ясно, что то, что люди натурально дѣлаютъ, не служитъ еще яснымъ признакомъ того, что они должны дѣлать, или что имъ можно позволить дѣлать. При извѣстныхъ условіяхъ, природа ихъ побуждаетъ дѣлать то, что дурно и вредно для нихъ самихъ и для другихъ. Отсюда слѣдуетъ, что наиболѣе трудная задача общественной науки заключается въ опредѣленіи: когда и какимъ образомъ разумно противопоставлять авторитетъ закона тѣмъ человѣческимъ мотивамъ, которые обыкновенно называются естественными? Вопросъ здѣсь, другими словами, сводится къ тому: на сколько злоупотребленіе этими мотивами можетъ быть сдержано тѣмъ публичнымъ авторитетомъ, котораго обязанность и назначеніе — стать выше вліяній, заглашающихъ въ отдѣльномъ человѣкѣ голосъ

разсудка и совѣсти? Вопросъ этотъ труденъ потому, что прямой путь авторитета, которымъ коллективная воля общества дѣйствуетъ на отдѣльныхъ его членовъ, не есть всегда самый вѣрный, такъ какъ онъ ведетъ обыкновенно къ болѣе усердной, чѣмъ разумной законодательной дѣятельности, къ регламентаціи и къ идеаламъ полицейскаго государства. Значить идти по этому пути слѣдуетъ какъ можно осторожнѣе, тѣмъ болѣе, что у коллективной воли остается еще другой способъ дѣйствія, косвенный, конечно, и медленный, но за то болѣе вѣрный—посредствомъ измѣненія самихъ условій общественной жизни, изъ которыхъ вытекаютъ наиболѣе сильныя мотивы человѣческихъ дѣйствій.

Чтобы разъяснить поставленный вопросъ, авторъ обращается къ исторіи законодательства въ Англіи за нѣвѣшнее столѣтіе. Въ теченіи этого періода, два великія начала открыты были въ наукѣ управления: во-первыхъ, огромная выгода отъ уничтоженія всякихъ стѣсненій промышленности, и во-вторыхъ—абсолютная необходимость въ ограниченіяхъ труда, по видамъ общественнаго интереса. Около этихъ двухъ началъ, постепенно зрѣвшихъ и переходившихъ въ общественное совнаніе, вертѣлись, въ теченіи цѣлыхъ десятиковъ лѣтъ, парламентскія пренія, пока они, наконецъ, не проложили себѣ дорогу въ законодательство. Первое изъ этихъ началъ—освобожденіе промышленнаго труда—обязано своимъ развитіемъ Адаму Смиту. Мы увидимъ ниже, что англійскій *Common law* искони признавалъ свободу труда, какъ общее правило. Тѣмъ не менѣе, Адамъ Смитъ засталъ трудъ лишеннымъ естественной свободы, вслѣдствіе цеховыхъ и корпоративныхъ привилегій и монополій, запрещавшихъ заниматься нѣкоторыми ремеслами безъ позволенія тѣхъ, которые пользовались исключительными правами. Независимо отъ того, трудъ лишенъ былъ естественной свободы закономъ объ ученичествѣ, запрещавшимъ извѣстныя ремесленныя занятія всѣмъ тѣмъ, которые не прошли семилѣтняго періода ученія у мастеровъ. Кромѣ того, были ограниченія, мѣшавшія труду свободно обращаться отъ одного занятія къ другому въ одной и той же мѣстности, и наконецъ, ограниченія, не позволявшія заниматься даже однимъ и тѣмъ же промысломъ, но въ различныхъ мѣстностяхъ. Въ виду всѣхъ этихъ стѣсненій труда, Адамъ Смитъ съ кафедръ нравственной философіи въ Глазгоускомъ университетѣ училъ, что слѣдуетъ каждому предоставить полную свободу въ избраніи рода занятій, и нечего опасаться, что на одну отрасль труда бросятся столько желающихъ, что въ другихъ отрасляхъ будетъ чувствоваться недостатокъ въ работникахъ; что при естественномъ ходѣ вещей и при полной экономической свободѣ нечего опасаться подобнаго нарушенія равновѣсія, и что лучшимъ регуляторомъ является въ этомъ отношеніи естественный законъ; что «европейская политика», какъ особенно часто выражается Адамъ Смитъ, нарушаетъ естественный ходъ экономи-

ческой жизни, такъ какъ она, вслѣдствіе ложнаго принципа, пытается путемъ законодательства, достигать результатовъ, которые легче могли бы быть достигнуты, если бы позволить каждому человѣку продавать произведенія его труда, гдѣ и когда ему угодно. Трудъ бѣднака есть его капиталъ, и онъ имѣетъ естественное право распоряжаться имъ, по собственному усмотрѣнію. Что же касается охраны общества отъ дурныхъ или несовершенныхъ произведеній, то это всего лучше можетъ быть достигнуто чрезъ неограниченную конкуренцію. Такovy были нѣкоторыя положенія новой тогда доктрины Адама Смита.

Замѣчательно, что въ тѣ самые годы, въ теченіе которыхъ Адамъ Смитъ выработывалъ свой трактатъ объ источникахъ народнаго богатства, другіе умы, работавшіе совершенно въ другихъ сферахъ мысли, подготовляли событія, которыя должны были очень скоро показать, насколько ученія политико-эконома о свободѣ, какъ естественномъ регуляторѣ хозяйственныхъ отношеній, безусловно вѣрны, или могутъ быть допущены только при весьма значительныхъ ограниченіяхъ. Такъ при томъ же Глазгоускомъ университетѣ, въ которомъ Адамъ Смитъ читалъ свой курсъ, Джемсъ Уаттъ продавалъ въ темной лавчонкѣ математическіе инструменты. Изысканіями Уатта и многими годами его опытовъ одна изъ наиболѣе мощныхъ силъ природы покорена была человѣку. Онъ засталъ только грубый и несовершенный механизмъ, при которомъ эта великая сила напрасно растрачивалась. Онъ собралъ паръ въ новые сосуды, провелъ его въ лучшіе каналы, открылъ для него отверстія для выхода, устремляясь по которымъ, паръ дѣлалъ то, что требовалось. Профессоръ нравственной философіи едва ли предвидѣлъ, что открытіе его скромнаго друга, по результатамъ своимъ, послужитъ къ ограниченію положеній его собственной политико-экономической доктрины. Между тѣмъ все, что Адамъ Смитъ зналъ объ Уаттѣ и объ его исторіи, казалось, служило лишь и въ дѣйствительности было поясненіемъ всѣхъ несправедливостей, которыя влекли за собою существовавшія стѣсненія труда. Только потому, что Уаттъ не былъ уроженцемъ города Глазгоу, онъ лишенъ былъ законнаго права продавать въ этомъ городѣ произведенія своего труда и таланта. Духъ и законы корпораціи, пользовавшейся монополіей, строго исключали его, и корпорація молотобоевъ (hammermen) настаивала на устраненіи его, изъ опасенія, «чтобы вторженіе иногородныхъ не причинило потерь и убытковъ гражданамъ и ремесленникамъ города Глазгоу». Сами рабочіе классы стояли за порядки, которые, ограничивая сбытъ ихъ труда извѣстною мѣстностію, обезцѣнивали его. Къ счастью, Глазгоускій университетъ имѣлъ свои привилегіи, исключавшія, на пространствѣ его владѣній, юрисдикцію муниципальныхъ властей и цеха, который, въ сущности, не былъ болѣе невѣжествомъ, и эгоистиченъ, чѣмъ большая часть его современниковъ. Случай, подобный съ Уаттомъ,

хотя еще неизвестнымъ, но уже пользующимся въ ближайшемъ кругу именемъ талантливаго человѣка, могъ только укрѣпить Адама Смита въ его мнѣніяхъ о свободѣ труда.

Предвидѣть тогда всѣ послѣдствія, которыя возникнутъ изъ освобожденнаго труда, поставленнаго въ новыя условія, нельзя было. Адамъ Смитъ очевидно не могъ заранѣе опредѣлить, чѣмъ окажутся для самихъ работниковъ эти новыя условія труда, которыя еще только подготавливались. Главная роль въ готовящейся перемѣнѣ принадлежала изобрѣтенію Уатта. Но Уаттъ, съ его паровой машиной, былъ не одинъ; одновременно съ нимъ другіе работали надъ открытіями, которыя, замѣняя ручной трудъ машиннымъ, должны были измѣнить все матеріальное производство. Въ исторіи человѣчества почти постоянно встрѣчается тотъ фактъ, что долгіе періоды относительнаго застоя прерываются и заканчиваются болѣе краткими періодами почти сверхъестественной дѣятельности. И эта дѣятельность обыкновенно устремляется на такія изысканія, которыя на видъ совершенно независимы одно отъ другого, а между тѣмъ находятся въ связи, и умы, преслѣдующіе повидимому совершенно различныя цѣли, встрѣчаются на одной общей почвѣ. Результатомъ того бывають такія блестящія эпохи, какъ эпоха возрожденія—для искусства и литературы, эпоха реформаціи—для религіозныхъ вопросовъ, и для астрономическихъ наукъ—періодъ Галилея, Кеплера и Тихо-де-Браге. По словамъ герцога Аргаилля, не менѣе замѣчательную эпоху, чѣмъ названная, составляютъ по послѣдствіямъ для общественной жизни—тѣ механическія открытія, которыми ознаменована въ Англіи послѣдняя четверть прошлаго столѣтія (Уаттъ, Гартгревъ, Аркрайтъ, Кромптонъ и Картрайтъ). Благодаря этимъ открытіямъ, возникла та фабричная система, которая ставила совершенно новыя условія для труда, — какихъ еще не знала исторія міра. Перемѣны, произведенныя, благодаря этимъ открытіямъ, въ цѣломъ бытѣ многомилліоннаго рабочаго населенія, были таковы, что настоятельно требовали и измѣненія положительныхъ законовъ.

Англійское обычное право (Common law), замѣтили мы выше, не устанавливало никакихъ ограниченій труда. Тѣже ограниченія, которыя существовали, возникли частію благодаря привилегіямъ и монополіямъ корпорацій и цеховъ—Іаковъ I, нуждаясь въ деньгахъ, особенно охотно жаловалъ промышленныя монополіи, на которыя парламентъ ропталъ,—частію же благодаря статуту объ ученичествѣ (statute of apprenticeship). Статутъ этотъ, изданный въ царствованіе Елисаветы (1562), постановлялъ, что никто не вправѣ заниматься на свой счетъ какимъ бы то ни было ремесломъ или промысломъ, не пробывъ въ немъ въ теченіи семи лѣтъ ученикомъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, статутъ опредѣлялъ, что самые договоры и условія о наймѣ работниковъ въ обученіе — недѣйствительны, если они заключены менѣе чѣмъ на семь

лѣтъ. Статутъ этотъ, какъ показываетъ Адамъ Смитъ ¹⁾, воздвигалъ въ законъ то, что прежде было лишь въ обычай въ англійскомъ цеховомъ мѣрѣ. Но такъ какъ этотъ статутъ заключалъ въ себѣ отиѣну общихъ правъ, то суды постоянно толковали его въ ограничительномъ смыслѣ и, благодаря ихъ практикѣ, установились два многозначительныхъ исключенія въ примѣненіи статута. Во-первыхъ, суды признавали, что статутъ этотъ примѣнимъ только въ отношеніи тѣхъ ремеслъ и промысловъ, которые уже существовали во время изданія его и, значить, дѣйствіе его не распространяется на всѣ тѣ промышленныя занятія, которыя возникли со второй половины шестнадцатаго столѣтія; и во вторыхъ — что статутъ этотъ примѣнимъ къ промышленнымъ занятіямъ только въ городскихъ, но не въ сельскихъ округахъ. Такимъ образомъ, благодаря судебной практикѣ, даже старинные промыслы, если ими занимались внѣ городской черты, освобождались отъ дѣйствія этого статута.

Таковы были городскія условія промышленнаго труда, когда открытія современниковъ Адама Смита вызвали на свѣтъ неизвѣстныя до-толѣ занятія и открыли имъ возможность неограниченной конкуренціи, выгоды которой великій экономистъ возводилъ въ общій принципъ. Открытія эти имѣли ближайшею цѣлію усовершенствовать прядильное и ткацкое производства. Еще въ 1760 г., самопрялка (*spinning-wheel*) и ткацкій станокъ, употребляемые въ Йоркшейрѣ, представляли очень незначительное усовершенствованіе сравнительно съ первобытными орудіями производства. Прялка же, изображеніе которой встрѣчается на египетскихъ памятникахъ, была, по свидѣтельству герцога Аргайля, еще немногіе годы тому назадъ въ употребленіи въ шотландскихъ *вейландахъ*. Отличительная черта этой старинной промышленности, насколько она касалась общественнаго быта, заключалась въ ея домашнемъ, семейномъ характерѣ. Въ теченіи тысячелѣтій, — говоря словами поэта Уордсворта — «дѣвы сидѣли за прялкой, а ткачи за станкомъ, довольные и счастливые!» Картина этихъ довольныхъ и счастливыхъ прядильницъ и ткачей, конечно, идиллія; но сравнительно съ тѣмъ, что ожидало ихъ на фабрикахъ, прежній патриархальный ихъ бытъ дѣйствительно могъ казаться относительно счастливымъ. Въ половинѣ восемнадцатаго столѣтія, стали замѣтны первые симптомы готовившагося въ промышленномъ мѣрѣ переворота. Уже нѣсколько ранѣе, именно въ 1733 году, приготовленіе ткани ускорилося, вслѣдствіе изобрѣтенія челнока-самолета (*fly shuttle*). Это до-крайности простое усовершенствованіе тканья имѣло своимъ послѣдствіемъ значительно увеличившійся запросъ на пряжу, и необходимое количество ея съ трудомъ добывалось посред-

¹⁾ Adam Smith, въ изд. Ашера, т. I, ст. 114 и 115.

требности повела къ изобрѣтенію усовершенствованныхъ прядильныхъ машинъ (Гаргрева, Аркрайта, Кромптона). Всѣ эти машины нуждались въ двигателѣ, и прежде чѣмъ къ нимъ явился на помощь паръ, такимъ двигателемъ была вода. Скоро каждый горный ручей, въ Йоркшейрѣ и Ланкшейрѣ, двигалъ какую нибудь фабрику. Устроенныя въ отдаленіи отъ населенныхъ мѣстъ, и потому вдали отъ центровъ полнаго предложенія труда, фабрики эти неначе могли обезпечить себѣ достаточное число рукъ, какъ посредствомъ условій о наймѣ, которыя приковывали работниковъ къ работѣ на опредѣленное число лѣтъ. Достигнуть этого фабрики не могли иначе, какъ заключая съ работниками условія о наймѣ на основаніи статута объ ученичествѣ. Владѣльцы фабрикъ, набирая огромное количество рабочихъ въ «ученики», не заботились объ устройствѣ для нихъ сколько-нибудь сноснаго и приличнаго помѣщенія. Работавшія безъ усталы машины заставляли забывать убыль человѣческихъ силъ, и неограниченное число рабочихъ часовъ доводило работника до изнеможенія. По мѣрѣ того, какъ дѣйствовала фабричная система, обнаруживались послѣдствія совмѣстнаго труда большихъ массъ на фабрикахъ: выросло цѣлое поколѣніе съ несомнѣнными признаками физическаго истощенія, невѣжества и нравственной дорчи.

Извѣстно, что первый билль объ ограниченіи рабочаго времени на фабрикахъ внесенъ былъ въ парламентъ въ 1802 г. фабрикантомъ, которому новая промышленность доставила богатство и извѣстность—старшимъ сэръ Робертомъ Пилемъ. Также извѣстно, что благія послѣдствія предложеннаго имъ закона касались положенія только тѣхъ работниковъ, которые работали въ качествѣ учениковъ. Работавшихъ на фабрикахъ дѣтей, съ которыми не могло быть заключено контрактовъ, этотъ первый билль не касался. Господствовало убѣжденіе, что такъ какъ работники-ученики находились уже подъ дѣйствіемъ статутныхъ правилъ и способны были заключать законные контракты съ фабрикантами, то только въ пользу такихъ работниковъ законъ и могъ требовать ограниченія рабочихъ часовъ. О предложеніи же, клонившемся къ ограниченію «свободнаго» труда, какими бы страшными послѣдствіями этотъ свободный трудъ ни сопровождался, парламентъ и слышать не хотѣлъ. Черезъ такую полураскрытую дверь прошелъ первый фабричный законъ 1802 года.

Между тѣмъ великое открытіе Уатта было закончено. Когда усовершенствованную паровую машину стали примѣнять къ фабричному производству, то уже не было выгоды строить фабрики въ сельскихъ округахъ; напротивъ, часто выгоднѣе было имѣть ихъ въ городахъ, гдѣ было большее предложеніе труда, и гдѣ топливо обходилось дешевле. Въмѣстѣ съ тѣмъ, не было уже никакой причины заботиться

совъ воспитаніи фабричныхъ рабочихъ сѣломъ на болѣе продолжительные сроки, посредствомъ контрактовъ объ ученичествѣ. Такъ-называемый «свободный» трудъ сталъ замѣнять на фабрикахъ работу «учениковъ». Запросъ теперь былъ на трудъ женщинъ и въ особенности дѣтей, такъ какъ они довольствовались меньшею платой, и для многихъ частей машиннаго производства совершенно достаточно было дѣтскихъ рукъ. Недостатка въ дѣтяхъ-работникахъ, разумѣется, не было, потому что заработки ихъ соблазняли родителей. Работали они все время, пока машина была въ ходу. Дѣйствія этой новой системы фабричнаго труда скоро обнаружались. Тринадцать лѣтъ спустя послѣ перваго билля, въ 1815 г., Робертъ Пиль снова явился предъ парламентомъ и доказывалъ, что этотъ билль сталъ бесполезнымъ, что на фабрикахъ, дѣйствующихъ паромъ, нѣтъ уже «учениковъ», но что прежній, истощающій и деморализирующій трудъ составляетъ теперь удѣлъ многихъ тысячъ бѣдныхъ дѣтей. Въ слѣдующемъ году, настанвая въ палатѣ общинъ на принятіи новой мѣры къ огражденію дѣтскаго труда, Робертъ Пиль выразился, что ежели тѣ ограниченія, которыя были установлены для «учениковъ» не будутъ распространены на дѣтей, то великія механическія открытія, составлявшія славу вѣка, стануть проклятіемъ для страны. Среди парламентскихъ преній о фабричныхъ законахъ поднимался тогда общій, далеко еще неразрѣшенный вопросъ: на сколько положительный законъ можетъ, въ интересъ нравственныхъ цѣлей, ограничивать свободу отдѣльныхъ лицъ? Оппозицію противъ рестриктивныхъ мѣръ въ этомъ смыслѣ Коббетъ называлъ борьбою «маммона противъ милосердія». И, безъ всякаго сомнѣнія, личные интересы играли не послѣднюю роль въ этой борьбѣ, но не одни они были источникомъ ея. Наиболѣе талантливые люди въ парламентѣ, нисколько лично не заинтересованные въ исходѣ этой борьбы, высказывались противъ ограниченія труда, который они называли свободнымъ. Развѣ рабочіе классы не вправѣ были заставлять дѣтей ихъ трудиться, какъ имъ было угодно? Кто лучше отцовъ и матерей въ состояніи былъ судить о способностяхъ и интересахъ ихъ дѣтей? Таковы были главные аргументы противниковъ ограниченія свободного труда. Но въ какомъ же смыслѣ трудъ этотъ въ дѣйствительности былъ свободенъ? Свобода отъ законнаго принужденія не означала еще свободы отъ всеисильнаго для самихъ родителей мотива — живы. Случалось, что родители одного такого несовершеннолѣтняго работника брали его съ фабрики часомъ ранѣе другихъ; въ такомъ случаѣ родители остальныхъ требовали совершеннаго его удаленія съ фабрики. Гдѣ мотивомъ труда служитъ крайняя бѣдность, борьба за существованіе, въ бувальномъ смыслѣ слова,—тамъ не только работа о физическомъ и нравственномъ благѣ дѣтей, но и самая опасность жизни не можетъ служить достаточною сдержкою. Разумѣется,

самые благоприятные законы, какими, наконецъ, послѣ долгой борьбы, явились въ Англіи многочисленныя фабричныя билли, въ состояніи были отвратить только крайнее зло безмѣрной, истощающей работы на самыхъ фабрикахъ. Положительнымъ же улучшеніемъ своего быта рабочіе классы обязаны своимъ промышленнымъ союзамъ (*trades-unions*), которые, каковы бы ни были опасенія, возбуждаемыя ими въ Англіи, именно въ настоящее время, подняли матеріальный умственный уровень этихъ классовъ.

Познакомившись съ ходомъ изслѣдованія автора, въ заключеніе замѣтимъ, что матеріалъ, который переработанъ въ его сочиненіи, исключительно англійскій; а потому самое понятіе закона въ примѣненіи къ общественнымъ явленіямъ черезъ-чуръ обобщено у него. Онъ собственно называетъ *закономъ*, какъ мы видѣли, все то, что на обыкновенномъ языкѣ зовется *силою вещей*, или еще лучше, *логикою вещей*. Можно, конечно, сказать, что это весьма общее понятіе закона, болѣе общее, чѣмъ то, которое заключается въ знаменитомъ опредѣленіи Монтескье: законы суть необходимыя отношенія, вытекающія изъ природы вещей. Но дѣло въ томъ, что, изслѣдуя явленія общественной жизни, нужно, прежде чѣмъ возводить въ законъ силы, вызывающія ихъ наружу, имѣть въ виду какъ можно большее число такихъ явленій, и притомъ взяты они должны быть изъ исторической дѣйствительности не одного какого-либо народа. Однородность явленій присуща понятію всякаго закона, и всего менѣе можно безъ этого признака обойтись въ понятіи общественнаго закона. Если у различныхъ народовъ, жившихъ въ совершенно особыхъ историческихъ условіяхъ, встрѣчаются въ общественномъ быту общія или, по крайней мѣрѣ, аналогическія явленія, то можно заключать, что однѣ и тѣ же причины вызываютъ эти явленія, и что причины эти коренятся въ одной и той же общественной природѣ человѣка. Съ этой точки зрѣнія, для констатированія какого бы то ни было общественнаго закона, необходимо пользоваться сравнительнымъ методомъ. Ограничившись же, какъ это дѣлаетъ авторъ, исключительно явленіями, хотя и весьма интересными явленіями англійской исторической дѣйствительности, можно, конечно, показать причинную связь между законодательствомъ страны и наиболѣе крупными фактами экономической жизни народа, но о «господствѣ закона», въ такомъ случаѣ, можетъ быть рѣчь только въ самомъ общемъ смыслѣ этого слова.

В. УТИНЪ.

ОБОЗРѢНІЕ СУДЕБНОЕ.

СУДЪ И ПОЛИЦІЯ.

Когда, скоро послѣ открытія новыхъ судовъ, стали раздаваться голоса, сѣтующіе на то, что, будто бы, новый судъ стѣсняетъ административную власть и противодѣйствуетъ ей, то стоило только прислушаться — откуда исходятъ эти сѣтованія, чтобы понять ихъ причины. Со стороны общества такихъ жалобъ заявлено не было потому, что для обыкновеннаго, неизвращеннаго бюрократическими тонкостями ума, кажется невысказаннымъ, чтобы законность могла вредить кому бы то ни было, кромѣ нарушителей закона; чтобы отдѣленіе административной власти отъ судебной могло ослабить, а не укрѣпить ту и другую власти, требуя при этомъ отъ той и другой содѣйствія общему благу, а не завистливаго желанія господствовать. По прошествіи двухъ лѣтъ можно уже взглянуть на это дѣло спокойнѣе и безъ раздраженія объяснить: почему же нашлись люди неблаговолившіе къ новому суду?

При прежнеемъ господствѣ произвола и отсутствіи уваженія къ личности, о чемъ мы уже не разъ до сихъ поръ говорили, не удивительно, что и представители всякой власти, а административной въ особенности, пользовались, въ прежнее время, не большимъ расположеніемъ и уваженіемъ со стороны общества. Они внушали частнымъ лицамъ страхъ и опасенія сообразно съ тѣмъ, насколько административное лицо стояло выше того, надъ кѣмъ оно свою власть обнаруживало. Поэтому мужика страшила власть станового, котораго помѣщикъ не пускалъ къ себѣ дальше передней; онъ кланялся въ ноги исправнику, который, въ свою очередь, меньше боялся выговоровъ губернскаго правленія, нежели чиновнаго барина, съ котораго ему приходилось производить взыскація. Отъ этого само собою установилось такое отношеніе администруемыхъ къ администраторамъ, что пред-

однихъ лицъ и посмѣшищемъ для другихъ. Похожденія кварталныхъ надзирателей въ родѣ того, о которомъ разсказано въ романѣ гр. Толстаго: «Война и Миръ», было дѣломъ самымъ обыкновеннымъ въ нашей образованной средѣ, даже въ очень недавнее время. Но если молодое образованное сословіе тѣшилось надъ кварталными надзирателями, то люди пожилые, пользовавшіеся на старости лѣтъ извѣстнымъ общественнымъ положеніемъ, обращались съ представителями власти, и по-выше кварталныхъ, не менѣе презрительно. Все это являлось естественнымъ послѣдствіемъ того, что только недавно прекратилось кормленіе администраторовъ откупщиками и обывателями, дѣлавшее невозможнымъ безпристрастіе въ дѣйствіяхъ съ одной стороны, и хотя какое нибудь уваженіе съ другой. Объ этомъ пражнемъ, печальномъ для администраціи времени, уже много говорилось въ нашей литературѣ, и притомъ говорилось людьми, близко знакомыми съ этимъ дѣломъ. Такъ, напримѣръ, бывший московскій прокуроръ, нынѣшній предсѣдатель департамента московской судебной палаты, Ровинскій, говорилъ, что взятіе подъ стражу и освобожденіе арестанта служили для многихъ полицейскихъ средствомъ къ существованію. А г. Ланге утверждалъ, что не рѣдко взятіе подъ стражу и потомъ освобожденіе преступника дѣлались вслѣдствіе тайнаго покровительства разнымъ воровскимъ шайкамъ, составляющимъ для полиціи иногда весьма выгодную оброчную статью ¹⁾.

Можно положительно сказать, что какъ ни низко стояла въ общественномъ мнѣніи репутація судебныхъ дѣателей въ старое время, но все же она никогда не спускалась до той степени, на которой стояла репутація представителей административной власти вообще и полицейской въ особенности.

Естественно, что такой порядокъ вещей не могъ измѣниться разомъ. Новое положеніе, въ которое поставлена, въ послѣднее время, административная власть, не могло тотчасъ же уничтожить прежнихъ на нее возрѣній и разомъ поселить уваженіе къ ней въ обществѣ, тѣмъ болѣе, что вѣдь большинство прежнихъ дѣателей не оставило службы, а перенесло свои старыя привычки и наклонности на новыя мѣста. И долго бы еще пришлось всѣмъ должностнымъ лицамъ подвергаться всей невыгодѣ, завѣщанной старымъ порядкомъ вещей, если бы на помощь къ нимъ не явилось судебное преобразование. Его значеніе, въ этомъ отношеніи, заключается прежде всего въ томъ, что со дня открытія новаго суда административная власть отдѣлена отъ судебной, и этимъ не только той и другой дана необходимая свобода въ законныхъ дѣйствіяхъ, но еще и уничтожено вмѣшательство администра-

¹⁾ Архивъ истор. и практич. свѣдѣній. 1859 г., кн. 2.

тивной власти въ дѣла судебныя, такъ часто подвергавши ее справедливымъ нареканіямъ и отвѣтственности. вмѣстѣ съ тѣмъ административной власти дана возможность прибѣгать къ содѣйствію скораго суда всякій разъ, когда представители ея подвергаются оскорбленіямъ или нападеніямъ со стороны частныхъ лицъ и при этомъ пользоваться всѣми выгодами суда публичнаго, гласнаго, при которомъ дѣйствія должностныхъ и частныхъ лицъ одинаково подвергаются оцѣнкѣ со стороны общества, и виновный не только несетъ заслуженное имъ законное возмездіе, но еще и подвергается карѣ общественнаго мнѣнія. Такимъ образомъ, повидимому, въ настоящее время представители административной власти поставлены въ самое выгодное положеніе: обеспеченные въ своихъ нуждахъ, они не имѣютъ болѣе надобности прибѣгать къ поборамъ и милостямъ мѣстныхъ жителей, — они поставлены въ положеніе отъ окружающаго общества независимое; дѣятельность ихъ опредѣлена законными границами, отъ нихъ не могутъ болѣе требовать невозможнаго всевѣдѣнія и всезнанія; имъ дана полная возможность приобрести себѣ довѣріе своею дѣятельностью, и если они его себѣ не приобретутъ, то въ этомъ никто, кромѣ ихъ самихъ, не виноватъ.

При такомъ положеніи, непонятны, повидимому, причины, вызывавшія сѣтованія защитниковъ административной и полицейской властей на новый судебный порядокъ. Если не объяснять эти сѣтованія скрытымъ сожалѣніемъ о томъ блаженномъ времени, когда предѣлы властей были на столько неопредѣленны, что давали возможность вмѣшательству администраціи въ судебныя дѣла, въ интересахъ отдѣльныхъ лицъ, но въ ущербъ общему благу, когда всякія продѣлки администраціи и полиціи, также, какъ и беззаконія судовъ не выходили на свѣтъ Божій, но постоянно подкапывали всякое довѣріе частныхъ лицъ къ правительству, — то слѣдуетъ допустить, что дѣйствительно новыя суды противодѣйствуютъ администраціи, что они въ самомъ дѣлѣ обнаружили до сихъ поръ наклонность къ оправданію лицъ, виновныхъ въ ослушаніи или оскорбленіи представителей власти. Но такого потворства нарушителямъ закона со стороны суда не найдетъ ни одинъ безпристрастный наблюдатель, слѣдившій до сихъ поръ за всѣми тѣми случаями, гдѣ новымъ судамъ, съ участіемъ присяжныхъ или безъ ихъ участія, приходилось рѣшать дѣла, въ которыхъ обвинителями являлись административныя власти. Если же лица, обвинявшіяся въ оскорбленіи и сопротивленіи этимъ властямъ, выходили изъ суда оправданными, то единственно потому, что обвиненію ихъ могли мѣшать незаконныя дѣйствія самихъ властей.

Напрасно было бы думать, что только страхъ наказанія, даже и не заслуженнаго, можетъ кому бы то ни было внушать уваженіе къ представителямъ власти и суду. А что эта мысль приходила многимъ

силса слухъ о томъ, что для разбора жалобъ полиціи и ея обвиненій желаютъ учрежденія особаго, полицейскаго суда. Трудно понять, что могло породить подобное предположеніе. Хорошія стороны нашего мирового суда, особенно въ столицахъ, уже обнаружались достаточно; быть не можетъ, чтобы, удовлетворяя все общество, мировой судъ не удовлетворялъ полицію. Не слѣдуетъ только забывать, что мировой судья имѣетъ право подвергать взысканію за неисполненіе лишь законныхъ требованій полиціи, т. е. такихъ распоряженій, которыя не выходятъ изъ предѣловъ ея вѣдомства и власти; признавать же, что неисполненіе всякаго требованія полиціи, хотя бы оно явно выходило изъ предѣловъ предоставленной ей власти, подвергаетъ виновныхъ взысканію, — значило бы противорѣчить смыслу закона. «Отсюда», какъ сказано въ рѣшеніи кассационнаго сената ¹⁾, «слѣдуетъ, что ежели судъ имѣетъ право подвергать взысканію виновныхъ въ неисполненіи лишь законныхъ требованій полиціи, то полиція, какъ сторона обвиняющая, обязана по требованію суда представить на его разсмотрѣніе доказательства, подтверждающія законность ея требованій; эти доказательства судъ имѣетъ право уважить или признать недостаточными». Такимъ образомъ, полиція, какъ и всякое частное лицо, обязана доказать свое обвиненіе. Иначе, уничтожатся основныя начала состязательнаго процесса, и судъ превратится въ простую машину, опредѣляющую взысканіе безъ разсужденія по каждому полицейскому акту или сообщенію. Насколько такой порядокъ будетъ служить къ пользѣ полиціи и суда, это видно во Франціи, гдѣ судъ исправительной полиціи не пользуется никакимъ значеніемъ въ обществѣ, которое смотритъ на его приговоры также недоброжелательно, какъ и на представителей полицейской власти, видя въ нихъ не охрану общественнаго порядка, а послушныя орудія правительственнаго произвола. Быть можетъ, въ этомъ случаѣ, соблазняетъ примѣръ Англіи, и находятся наивные люди, способные вѣрить, что уваженіе, которымъ пользуется англійская полиція вообще и лондонская въ особенности, зависитъ не отъ собственной дѣятельности полицейскихъ агентовъ, а отъ того, что лондонскіе полицейскіе суды, стоящіе, впрочемъ, совершенно независимо отъ администраціи и пользующіеся еще большею самостоятельностью, нежели наши суды, всегда заботятся объ охраненіи полицейской власти и строгими приговорами поддерживаютъ повинновеніе ей. Но совершенно не такъ смотреть на этотъ предметъ люди, съ нимъ дѣйствительно знакомые и объясняющіе иными причинами довѣріе и уваженіе, приобретенныя англійскою полиціею со стороны всѣхъ благомыслящихъ граж-

¹⁾ Рѣшен. уголовн. кассац. департ. сената, 1867 г. 9 янв., № 14.

ствують съ пем за одно тѣмъ охотиѣ, что въ Англіи не считается стыдомъ сближаться съ людьми, обязанными, по положенію своему, охранять право гражданъ. «Эти люди — говорить Миттермайеръ ¹⁾ — не представляютъ вовсе власти, слѣдующей за политическимъ образомъ мыслей гражданъ и стѣсняющей свободное передвиженіе, что, конечно, возбудило бы недовѣріе къ дѣятельности полиціи. Эта полиція очень вѣрно обозначается названіемъ «розыскной силы», снабженной искусно составленными инструкціями и необходимыми средствами для предупрежденія всѣхъ противузаконныхъ дѣйствій и для открытія совершившихся преступленій и самихъ преступниковъ. Опасный произволъ лицъ, пользующихся этой властью, устраненъ посредствомъ данныхъ имъ инструкцій и контроля, которому они подчинены. Ни одинъ чиновникъ, служащій при полиціи, не можетъ прикрываться тайнымъ производствомъ дѣлъ, или милостью своихъ начальниковъ, которые слишкомъ снисходительны къ услужливымъ и способнымъ подчиненнымъ, если они въ пылу служебной ревности и переходятъ границы предоставленной имъ власти; каждый полицейскій чиновникъ обязанъ давать отчетъ, въ своихъ дѣйствіяхъ и въ результатахъ своей дѣятельности, совершенно независимымъ и дѣйствующимъ гласно полицейскимъ судьямъ, а также присяжнымъ и судьямъ въ ассизахъ, которые безпристрастно обсуживаютъ дѣйствія должностныхъ лицъ по представляемымъ имъ дѣламъ. Каждый полицейскій чиновникъ подвергается въ полицейскомъ судѣ строгому перекрестному допросу обвиняемаго или его адвоката и, вслѣдствіе этого, принуждается давать самыя точныя и вѣрныя показанія. Онъ знаетъ, что всякое превышеніе власти навлечетъ на него строгое порицаніе полицейскаго судьи, которому онъ даетъ показанія, а равно и строгое порицаніе печати, потому что все полицейское производство становится гласнымъ при содѣйствіи газетъ, а это легко можетъ повлечь за собою его увольненіе и требованіе о вознагражденіи со стороны обиженнаго».

Насколько различны предѣлы полицейской власти въ Англіи и у насъ, на столько же различны и взгляды общества на представителей этой власти. Но не менѣе разницы и въ самыхъ дѣятеляхъ полицейской власти въ Англіи и у насъ. У насъ лучшею полиціею считается петербургская, но это еще вовсе не значить, чтобы она была образцовая или напоминала бы собою полицію лондонскую. Говорятъ, что личный составъ петербургской полиціи чрезмѣрно великъ, что она обходится городу слишкомъ дорого ²⁾. На это возражаютъ, что боль-

¹⁾ Уголовное судопроизводство въ Англіи, Шотландіи и сѣверной Америкѣ. § 7: Англійское полицейское устройство.

²⁾ Изъ однихъ городскихъ суммъ отпускается ежегодно 1.100,000 рублей.

шое содержаніе можетъ давать надежду на добросовѣстное исполненіе обязанностей, а многочисленность полицейскихъ агентовъ ставить въ большую безопасность и городскихъ жителей и ихъ имущество. Кто въ этомъ случаѣ правъ,—сказать теперь еще рано. Прежніе примѣры научили недоувѣрчивости къ тому, чтобы строгія приказанія начальства могли искоренять злоупотребленія; прежде случалось и противное — злоупотребленія и поборы усиливались изъ опасенія лишиться скоро службы при строгомъ начальствѣ, какъ увеличивается страховая премія въ виду увеличенія опасности. Правда и то, что теперь на петербургской полиціи лежитъ менѣе половины дѣла, лежавшаго на ней года три тому назадъ, а это должно дѣлать возможнымъ исправное исполненіе обязанностей дѣйствительно полицейскихъ при меньшемъ числѣ агентовъ. Но, къ сожалѣнію, еще и теперь на петербургской полиціи лежатъ обязанности, вовсе не полицейскія; такъ, по дѣламъ петербургскаго коммерческаго суда взысканія производятся полиціей, а не судебными приставами, которыхъ нѣтъ при коммерческомъ судѣ, о чемъ приходится жалѣть какъ тяжущимся, такъ, вѣроятно, и самой полиціи. Наконецъ, напрасно было бы думать, что достаточно обнаружить одно желаніе имѣть хорошихъ полицейскихъ агентовъ, чтобы они тотчасъ же явились, безъ всякой подготовки, если не считать такою подготовкою прежнюю полицейскую службу, которая къ законности и правильности въ дѣйствіяхъ приучить, конечно, не могла.

Все это не мало объясняетъ, почему не рѣдко и въ Петербургѣ, гдѣ полиція считается лучше, нежели въ другихъ городахъ, представители полицейской власти далеко еще не сознаютъ всей важности обязанностей, на нихъ лежащихъ. Это въ особенности видно во всѣхъ случаяхъ, гдѣ полицейская власть является обвинительницею частныхъ лицъ, за неповиновеніе ея распоряженіямъ. Кто бывалъ часто въ камерахъ мировыхъ судей, тотъ непрѣнно не разъ слышалъ, какія обвиненія, рѣшительно невозможныя, передавала суду полицейская власть ¹⁾. Повидимому, полицейскимъ чиновникамъ непріятно подвергаться въ судѣ допросу. Имъ бы вѣроятно хотѣлось, чтобы ихъ слова составляли неоспоримое доказательство. Но, къ сожалѣнію, слишкомъ еще много было случаевъ, доказавшихъ, насколько такія показанія требуютъ тщательной повѣрки. Такъ, напримѣръ, можно было бы набрать не менѣе сотни актовъ, представленныхъ полиціею о найденной ею

¹⁾ Такъ напримѣръ, одна чухонка-сливочница обвинялась полиціей въ томъ, что она во время проѣзда черезъ Семеновскій мостъ короля эллиновъ обогнала королевскій экипажъ въ своей тележкѣ, не смотря на крикъ ей со стороны городского, что ѣдетъ «король эллиновъ». При разборѣ дѣла оказалось, что подсудимая не понимала и самихъ словъ «король эллиновъ».

нечистотѣ во дворахъ и торговыхъ заведеніяхъ, которые, очевидно, не могли имѣть никакого значенія уже потому, что они составлялись не на мѣстѣ, а въ полицейской части, и подписывались не свидѣтелями, присутствовавшими при осмотрѣ, а просто лицами, вызванными въ полицію для подписи на актахъ. Бывали случаи, что въ присутствовавшей при разборѣ дѣла публикѣ, послѣ допроса свидѣтелей и полицейскаго чиновника возбуждалось сомнѣніе о томъ, предшествовали ли дѣйствительно осмотрѣ составленію акта. По словамъ петербургскаго столичнаго мирового судьи Н. А. Неклюдова ¹⁾, въ первоначальной практикѣ мировыхъ судей едва-ли встрѣчалось много такихъ дѣлъ, въ которыхъ городской не былъ бы самъ виновенъ въ оскорбленіи. «Я самъ былъ свидѣтелемъ», говоритъ Н. Неклюдовъ, «какъ одинъ городской на вопросъ лица, которому онъ наносилъ побои: «по какому праву ты меня бьешь?»—отвѣчалъ весьма лаконически, съ новымъ нанесеніемъ ударовъ: «да тебя, такого-то, по всѣмъ правамъ бить слѣдуетъ». Спрашивается, въ какое положеніе будетъ поставленъ судъ, ежели на другой день избитый будетъ обвиняться въ оскорбленіи избившаго его городского?!

Не удивительно, послѣ этого, что обвиненія, основанныя на актахъ полиціи остаются иногда безъ всякихъ послѣдствій для обвиняемыхъ. Не удивительно также, если не подвергаются наказанію такіе подсудимые, которые, до произнесенія надъ ними приговора суда, уже заплатились арестомъ или другимъ взысканіемъ, наложеннымъ полицейскою властью, за свой незначительный проступокъ.

Но все это нисколько не можетъ вредить полицейской власти и давать ей поводъ желать, для разрѣшенія обвиненій отъ нея исходящихъ, иного суда, кромѣ мирового. Нельзя, напротивъ того, не признать, что если всѣ новые суды много способствовали къ укрѣпленію государственной власти вообще, то мировой судъ въ особенности много принесъ пользы власти полицейской. Онъ прежде всего помогъ нашему обществу усвоить себѣ настоящія понятія о представителяхъ этой власти, начиная съ низшихъ ея ступеней. Оставляя безъ уваженія неосновательныя обвиненія, онъ тѣмъ самымъ приучаетъ агентовъ полиціи къ необходимой осмотрительности и законности въ дѣйствіяхъ гораздо болѣе, нежели всякія внушенія ихъ начальства. Подвергая наказанію только тогда, когда обвиненіе со стороны полиціи доказано на столько же, насколько должно быть доказано обвиненіе частнаго лица, судья, избранный самимъ обществомъ безъ всякаго прамого или косвеннаго вліянія администраціи и полиціи, одинаково поддерживаетъ достоинство какъ судебной, такъ и полицейской власти. Поэтому-то желать какого-то иного суда для разбора обвиненій по-

¹⁾ Руководство для мировыхъ судей. Т. I. Вып. I, стр. 104.

лицію частныхъ лицъ, суда, котораго рѣшенія должны основываться не на законѣ, а на усмотрѣніи и соображеніи административныхъ лицъ, можно только развѣ для того, чтобы снова возвратить и администрацію, и полицію, и судъ въ то невыгодное положеніе, въ которомъ они находились до судебного преобразованія.

Не одни приговоры мирового суда возбуждаютъ еще иногда смѣшныя опасенія о томъ, что новый судебный порядокъ колеблетъ уваженіе къ административной власти, уваженіе, котораго прежде, замѣтимъ при этомъ, никогда въ нашемъ обществѣ и не существовало. Опасенія эти возбуждаются еще болѣе во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда не судьи, а само общество, въ лицѣ присяжныхъ засѣдателей, произносятъ оправдательный приговоръ надъ подсудимыми, обвиняемыми въ сопротивленіи административной власти, неповиновеніи ея распоряженіямъ и оскорбленіи ея представителей.

Въ нашей новой судебной лѣтописи было уже нѣсколько такихъ случаевъ. Но напрасно въ нихъ стали бы искать поводовъ къ обвиненію присяжныхъ и судей. Такихъ поводовъ въ нихъ не найти.

Припомнимъ важнѣйшія изъ этихъ дѣлъ.

Самое крупное изъ всѣхъ, до сихъ поръ производившихся дѣлъ, о неповиновеніи и сопротивленіи властямъ, разсматривалось въ рязанскомъ окружномъ судѣ, во временномъ его засѣданіи въ городѣ Данковѣ, 15 декабря 1867 года. Обвинялось 53 крестьянина, бывшихъ барона Медема, изъ которыхъ 52 оправданы, а одинъ признанъ виновнымъ въ незначительномъ проступкѣ и приговоренъ судомъ къ штрафу въ 10 рублей.

Дѣло это достойно вниманія не по одному своему окончанію; въ немъ есть характеристическія черты, свойственныя всѣмъ подобнаго рода дѣламъ, извѣстнымъ въ прежнее время подъ названіемъ «бунтовъ», дававшимъ случай администраторамъ обнаружить свою энергію и неустрашимость; въ немъ замѣчательно еще то разногласіе въ обстоятельствахъ дѣла, какъ они представлялись обвинительнымъ актомъ и судебнымъ слѣдствіемъ.

Въ 1866 году, между крестьянами сельца Хрущевки, имѣнія барона Медема, распространился слухъ, что требованіе отправлять издѣльную повинность на землѣ помѣщика, находящейся за чужими рубежами—незаконно, и что, на этомъ основаніи, крестьяне села Клешни, сосѣдняго, ефремовскаго уѣзда, были освобождены отъ обработки земли помѣщика. Поэтому хрущевскіе крестьяне и стали обсуждать: слѣдуетъ ли имъ пахать въ Сѣбиринской дачѣ, принадлежащей ихъ помѣщику, барону Медему, и находящейся за нѣсколькими рубежами другихъ владѣльцевъ. Этотъ вопросъ они предложили на разрѣшеніе старшинѣ

ихъ волости — Никитину, и тотъ имъ сказалъ, что пахать не слѣдуетъ. Послѣ того, когда настала рабочая пора, крестьяне на работу, въ Сѣкиринскую дачу, не пошли, не смотря на увѣщанія мѣстнаго мирового посредника, Хонина. Нѣсколько разъ приходили только крестьяне къ своему волостному писарю, чтобы онъ имъ прочиталъ, что сказано въ Положеніи 19-го февраля 1861 года о рубежахъ; но такъ какъ онъ имъ ничего объ этомъ не могъ найти въ Положеніи, то они ему не повѣрили. Чтобы убѣдить крестьянъ, рязанскій губернаторъ вызвалъ къ себѣ нѣсколькихъ челоувѣкъ, и, по возвращеніи ихъ, на сходѣ прочитанъ приговоръ губернатора, — работать. Это приказаніе не убѣдило крестьянъ. Между тѣмъ рязанское губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе распорядилось перенести прогульные дни въ денежную недоимку и взискать съ крестьянъ эти деньги. А по неплатежу крестьянами недоимки, мѣстный мировой посредникъ назначилъ продажу крестьянскаго скота. Для этого становой приставъ приказалъ крестьянамъ оставить скотъ, 14 іюля, по домамъ для описи. Но такъ какъ скотъ оказался 14 іюля въ полѣ, то приставъ и описалъ его тамъ. Послѣ того пріѣхалъ въ Хрущевку мировой посредникъ и земскій исправникъ съ принятыми для отобранія скота. Когда они всѣ выѣхали въ поле къ стаду, то были встрѣчены толпою крестьянъ, при чемъ у нѣкоторыхъ изъ нихъ были въ рукахъ палки и колья, которыми они махали, чтобы остановить понятыхъ. Понятые остановились. При этомъ приставъ замѣтивъ одного изъ крестьянъ, какъ болѣе другихъ шумѣвшаго, Григорія Рыбакова, указалъ на него и сказалъ: «Вотъ этотъ рыжій всегда впереди.» На это Рыбаковъ отвѣчалъ: «Авось и ты такой рыжій, какъ и я.» За это приказано его взять въ волостное правленіе, но крестьяне его не дали арестовать. Когда же понятые снова тронулись къ стаду, то крестьяне загородили дорогу, и такимъ образомъ скотъ остался неотобраннымъ. Спустя нѣсколько дней, губернаторъ опять потребовалъ къ себѣ бывшихъ у него пятерыхъ крестьянъ. Но крестьянскій міръ отказался ихъ отпустить. Тогда, 1 августа, исправникъ съ становымъ приставомъ и 200 понятыми — отправился за этими крестьянами самъ. Былъ собранъ полный сходъ. Понатымъ приказано было окружить его для того, чтобы онъ, не выслушавъ увѣщаній и приговора губернатора, не разошелся. Какъ только это было исполнено, то весь сходъ сталъ на колѣни и началъ просить понятыхъ заступиться за нихъ, объясняя, что отъ нихъ требуютъ незаконнаго. Тутъ исправникъ замѣтилъ одного крестьянина, Степана Морозова, болѣе другихъ заявлявшаго о незаконности предъявляемыхъ съ крестьянъ требованій, приказалъ взять его подъ арестъ, но крестьяне его не выдали. Послѣ того, для усмиренія крестьянъ пріѣзжали членъ губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, совѣтникъ губернскаго правленія и жандармскій штабъ-

офицеръ. Наконецъ, прислано было войско, пріѣхалъ губернаторъ и когда крестьяне не согласились и на его увѣщанія, то началась экзекуція. Однихъ крестьянъ пересѣкли, другіе просили лошады и безпорядки въ селѣ Хрущевкѣ кончились.

Такъ представляется это дѣло въ обвинительномъ актѣ, по которому 53 крестьянина села Хрущевки обвинялись въ неповиновеніи и сопротивленіи установленнымъ властямъ, сопровождаемымъ явнымъ насиліемъ и безпорядками, причѣмъ еще нѣкоторые изъ крестьянъ обвинялись, какъ виновнѣйшіе изъ соучастниковъ въ этомъ преступленіи, а изъ нихъ—Рыбаковъ, въ нанесеніи неприличными словами оскорбленія становому приставу.

Трудно предположить, чтобы обвиненіе это увѣнчалось успѣхомъ даже и въ такомъ случаѣ, еслибы дѣло происходило такъ, какъ оно изложено въ обвинительномъ актѣ; но обвиненіе сдѣлалось совершенно невозможнымъ послѣ судебного слѣдствія, представившаго все дѣло нѣсколько въ иномъ видѣ.

Отказъ хрущевскихъ крестьянъ ходить на работу за 9 верстъ за чужими рубежами послѣдовалъ отъ неправильнаго пониманія одной изъ статей Положенія 19 февраля 1861 года. Быть можетъ, они бы еще не повѣрили своему старшинѣ, который утверждалъ, что работать за чужими рубежами не слѣдуетъ, еслибы въ этой мысли ихъ не увѣрилъ примѣръ сосѣдняго села Клешни, а главное, еслибы имъ не сказалъ того же сосѣдній помѣщикъ Миллеръ, который, какъ это показалъ на судебномъ слѣдствіи исправникъ, письменно ихъ въ томъ удостовѣрилъ. Кромѣ того, какъ объяснилъ защитникъ крестьянъ, они слышали тоже самое и отъ другого мирового посредника, князя Оболенскаго. Въ виду такихъ недоразумѣній, понятно, что крестьяне хотѣли послать ходатаевъ въ Петербургъ; но имъ этого не позволили. Относительно насилій и угрозъ крестьянъ, исправникъ показалъ, что крестьяне палками и кольями вовсе не махали и обходились «почтительно и вѣжливо», что въ то время, какъ крестьяне не хотѣли выдать 5-ти человекъ зачинщиковъ, они были съ палками, но съ тоненькими, съ какими всегда ходятъ, и по приказанію исправника не только бросили тотчасъ же эти палки, но еще, какъ показалъ пріѣзжавшій съ исправникомъ старшина другой волости, согласно приказанію, собрали эти палки и положили ихъ въ сарай. Почему однихъ крестьянъ считали зачинщиками, — судебное слѣдствіе вовсе не раскрыло; повидимому, тутъ все основывалось на слухахъ и личныхъ соображеніяхъ о томъ, кто изъ крестьянъ имѣлъ наиболѣе вліянія на сходахъ, а между тѣмъ одинъ изъ такихъ предполагаемыхъ зачинщиковъ просидѣлъ годъ и четыре мѣсяца въ острогѣ. Затѣмъ при экзекуціи, какъ показали свидѣтели, было висѣчено человекъ десять, другихъ отправили въ острогъ и уже взыскали съ крестьянъ всю недоимку, болѣе 200 рублей. Кромѣ

того, все село Хрущевки потерпѣло наказаніе въ видѣ расходовъ на содержаніе солдатъ и доставленіе ихъ на почтовыхъ.

При этихъ обстоятельствахъ казалось бы невозможнымъ поддерживать передъ судомъ обвиненіе всѣхъ 53 крестьянъ села Хрущевки и требовать еще вторичнаго ихъ наказанія, не нарушая этимъ справедливости. Въ виду даже прежней судебной практики можно предполагать, что и въ старыхъ судахъ выразился бы тотъ же взглядъ, который въ данномъ дѣлѣ высказали присяжные засѣдатели. Въ доказательство, что мы въ этомъ случаѣ не ошибаемся, мы могли бы сослаться на нѣкоторыя рѣшенія правительствующаго сената, вошедшія въ составленный, по высочайшему повелѣнію, Сборникъ. Но мы ограничимся указаніемъ одного, наиболѣе подходящаго дѣла — крестьянъ казеннаго имѣнія Сморгонь о неповиновеніи установленнымъ властямъ. Въ дѣлѣ этомъ крестьяне обнаружили неповиновеніе и неуваженіе къ различнымъ властямъ, въ томъ числѣ и къ священникамъ, увѣщавшимъ ихъ, но которыхъ они прогнали, говоря, чтобы тѣ наблюдали за алтарями и убирались прочь. Въ числѣ наиболѣе замѣченныхъ въ безпорядкахъ обвинялись 5 крестьянъ, относительно которыхъ сенатъ опредѣлялъ: «Какъ уже подвергнутыхъ по административному распоряженію полицейскаго начальства исправительному наказанію, не привлекать за ту же вину вторично къ отвѣтственности»¹⁾.

Но представитель обвинительной власти не обратилъ на это вниманія въ дѣлѣ крестьянъ сел. Хрущевки. Послѣ судебного слѣдствія онъ только призналъ сомнительнымъ «фактъ возстанія» (?) и поддерживалъ обвиненіе по прежнему всѣхъ подсудимыхъ такъ горячо, что сказалъ даже присяжнымъ, «что признать ихъ не виновными будетъ не честно.»

Присяжные, послѣ 5-ти часоваго совѣщанія, въ составѣ 11 крестьянъ и 1 мѣщанина, признали всѣхъ подсудимыхъ невиновными, за исключеніемъ крестьянина Рыбакова, котораго признали виновнымъ въ оскорбленіи станового пристава неприличными словами, но заслуживающимъ снисхожденія, за что судомъ онъ приговоренъ къ денежному взыскаію въ количествѣ 10 руб., съ замѣною этого взыскаія, при несостоятельности его, арестомъ на два дня.

Почти одновременно съ дѣломъ крестьянъ сел. Хрущевки разсматривалось въ великолукскомъ окружномъ судѣ дѣло о двухъ крестьянахъ, Спиридоновѣ и Ефимовѣ, обвинявшихся въ сопротивленіи становому приставу. Но, по окончаніи этого дѣла, многочисленная публика, наполнявшая залу засѣданія, расходилась съ гораздо менѣ удовлетво-

¹⁾ Сборникъ рѣшеній правительствующаго сената, составленный по высочайшему повелѣнію, т. II, ч. 4, № 1207.

реннымъ чувствомъ справедливости, нежели въ предъидущемъ дѣлѣ. Людямъ, знакомымъ съ дѣйствовавшими въ дѣлѣ лицами, казалось страннымъ, что на скамьѣ подсудимыхъ сидѣли вовсе не тѣ, кому бы слѣдовало.

Бывшая владѣтельница крестьянъ рикайловскаго сельскаго общества, г-жа Мейеръ, воспользовалась нѣсколько лѣтъ тому назадъ мірскимъ зерновымъ хлѣбомъ, принадлежавшимъ крестьянамъ и, не возвративъ имъ этого хлѣба, не уплатила слѣдующія за него деньги. Крестьяне нѣсколько разъ обращались съ просьбою засчитать по крайней мѣрѣ этотъ хлѣбъ за оброкъ, слѣдовавшій съ нихъ г-жѣ Мейеръ, но она на это не согласилась. За неплатежъ оброка, по распоряженію мирового посредника, и была назначена продажа крестьянскаго скота. Вслѣдствіе этого, становой приставъ Малькевичъ, какъ показывали свидѣтели на судебномъ слѣдствіи, явился въ деревню Аборино и забралъ нѣсколько штукъ скота, не произведя публичной продажи, а двухъ яловыхъ нетелей отправилъ къ себѣ домой, гдѣ они были зарѣзаны. Обстоятельство это предшествовало тому сопротивленію крестьянъ, которое вызвало настоящее дѣло; но оно осталось невыясненнымъ ни предварительнымъ слѣдствіемъ, ни обвинительною властью, представитель которой замѣтилъ только, что «нѣкоторыя уклоненія отъ строгой законности» въ дѣйствіяхъ станового пристава не должны служить основаніемъ къ оправданію подсудимыхъ. Какъ бы то ни было, но когда нѣсколько дней спустя становой приставъ явился въ деревню Субочево съ покупателями для продажи скота, то напелъ ворота и двери у крестьянскихъ избъ запертыми, а крестьяне стали требовать отъ него расчета съ помѣщицею за хлѣбъ, и объявили, что не выдадутъ скота безъ квитанціи въ его полученіи приставомъ. Видя такое «сопротивленіе», приставъ вынулъ изъ чехла револьверъ и направилъ его на крестьянъ, а когда Ефимовъ отказался дать топоръ, чтобы ломать двери его избы, то Малькевичъ ударилъ его по щекѣ и началъ прицѣливаться въ крестьянина Сергѣева. Но тутъ явился кучеръ станового, остановилъ его и увелъ отъ толпы крестьянъ. Крестьяне бросились-было отнимать у станового револьверъ, но потомъ оставили его, и онъ спокойно уѣхалъ изъ деревни. Главными зачинщиками сопротивленія приставу при требованіи имъ выдачи скота обвинительный актъ выставилъ крестьянъ Спиридонова (45 л.) и Ефимова (27 л.), изъ которыхъ первый обвинялся еще въ томъ, что онъ старался отнять у станового револьверъ, а второй въ томъ, что онъ столкнулъ станового съ крыльца, когда тотъ угрожалъ расправиться съ крестьянами револьверомъ.

Присяжные, въ составѣ 8 крестьянъ, 1 мѣщанина, 2 купцовъ и 1 дворянина, произнесли оправдательный приговоръ обоимъ подсудимымъ.

Вообще, какъ видно, съ крестьянами представители власти не привыкли церемониться. Убѣжденія — часто ограничиваются еще зуботычиной, оплеухой, а то и просто угрозой застрѣлить какъ бѣшеную собаку. Становой приставъ Малькевичъ, къ сожалѣнiю, не единственный еще дѣлатель въ этомъ родѣ. Если онъ только прицѣлился въ крестьянина, то бывший мировой посредникъ 1 участка калужскаго уѣзда П. Сухотинъ, чтобы убѣдить крестьянъ подписать составленный старшиною актъ, сдѣлалъ на сходѣ два выстрѣла изъ револьвера въ крестьянъ, которые впрочемъ отвали у него, послѣ этого, пистолеть, и не наноса никакихъ оскорбленiй, посадили въ «холодную» до приѣзда становаго пристава ¹⁾.

Если такъ расправляется администрація съ администруемыми въ провинціи, то въ столицахъ эта расправа также иногда представляетъ нѣкоторыя «уклоненія отъ строгой законности». Это подтверждаютъ нѣсколько дѣлъ, рѣшенныхъ въ окружныхъ судахъ въ Петербургѣ и Москвѣ.

17-го ноября 1867 года, въ петербургскомъ окружномъ судѣ, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, судился мѣщанинъ Иванъ Морозовъ (26 л.), за оскорбленіе бывшаго квартальнаго надзирателя Новоникольскаго. Въ обвинительномъ актѣ говорилось, что онъ его оскорбилъ бранными словами и хотѣлъ сорвать эполеты. А на судебномъ слѣдствіи обнаружилось, что Морозовъ прежде всего былъ самъ побить квартальнымъ надзирателемъ, и намѣренія сорвать у него эполеты ничѣмъ не обнаружилъ. Присяжные, въ составѣ 9 дворянъ и 3 мѣщанъ, признали Морозова не виновнымъ, но это не помѣшало ему просидѣть въ тюрьмѣ болѣе года со дня происшествія, до произнесенія надъ нимъ приговора.

Разсматривавшееся въ московскомъ окружномъ судѣ дѣло о мѣщанинѣ Морозьинѣ (45 л.), обвинявшемся въ сопротивленіи полицейскимъ чиновникамъ, при исполненіи ими служебныхъ обязанностей, показало ту безцеремонность, съ которою полицейскіе агенты входятъ въ жилище частнаго человѣка и нарушаютъ домашнее его спокойствіе безъ всякаго явнаго къ тому повода, по одному, какъ это выражается на полицейскомъ языкѣ — подозрѣнiю.

Приставъ арбатской части, Ребровъ, розыскивая двухъ лицъ, заподозрѣнныхъ въ кражѣ 9000 рублей у купца Афремова, поручилъ, вмѣстѣ съ нимъ, дѣлать эти розыски квартальнымъ надзирателямъ Полякову и Ларионову. Объ этомъ, конечно, никому извѣстно не было, и потому, когда, 22-го ноября 1866 года въ 8-мъ часу вечера, вошелъ въ кондитерскую Морозкина неизвѣстный ему Афремовъ и хотѣлъ пройти

¹⁾ Дѣло о безпорядкахъ въ Сергiевскомъ волостномъ правленіи. Разсматривалось въ калужскомъ окружномъ судѣ.

въ комнату, гдѣ помѣщалось семейство Морозкина, куда, какъ ему показалось, вошелъ подозрительный человѣкъ, то Морозкинъ не пустилъ его, а послалъ за городовымъ, опасаясь какого-нибудь мошенничества. Замѣтивъ это, въ кондитерскую вошли одѣтые въ тулупы квартальные надзиратели, Поляковъ и Ларионовъ, вмѣстѣ съ частнымъ приставомъ Ребровымъ. Но Морозкинъ объявилъ, что онъ никого не выпуститъ, говоря, что такіе же люди прѣвзжали на рогожское кладбище. Объ этомъ дано было знать полиціймейстеру, который прислалъ еще квартального надзирателя и мѣстнаго частнаго пристава; а потомъ прѣхалъ судебный слѣдователь. Изъ всего хода этого дѣла видно, что Морозкинъ и не думалъ приводить въ исполненіе свое намѣреніе, — не выпускать никого изъ кондитерской. Двери въ нее все время оставались отпертыми, и приставъ Ребровъ ушелъ, когда онъ самъ захотѣлъ. Ъ тому же, въ кондитерской Морозкина, былъ только онъ съ женою и работникомъ, между тѣмъ какъ полицейскихъ агентовъ было семь человѣкъ, не считая городовыхъ, стоявшихъ у дверей. Неудивительно, что Морозкинъ сначала дѣйствительно испугался трехъ какихъ-то незнакомцевъ, не могъ повѣрить имъ въ томъ, что они представители полицейской власти по одной только угрозѣ частнаго пристава отправить его въ часть, особенно, если признать справедливымъ показаніе Морозкина, что онъ требовалъ составленія акта, чего полицейскіе чиновники не сдѣлали. Испуганный вначалѣ, Морозкинъ потомъ совершенно потерялся, видя себя арестованнымъ въ своей квартирѣ. Онъ никакого насилія не обнаруживалъ, угрозы не вывели его изъ терпѣнія, но онъ чувствуетъ, что съ нимъ дѣлается что-то незаконное, требуетъ составленія акта и угрожаетъ частному приставу Реброву тѣмъ, что сведетъ его къ мировому. Судъ надъ Морозкинымъ происходилъ черезъ семь съ половиною мѣсяцевъ послѣ происшествія, и все это время онъ оставался арестованнымъ, сначала въ полиціи, а потомъ въ тюрьмѣ. Присяжные произнесли надъ нимъ оправдательный приговоръ.

Приведенныя нами дѣла большею частію и указываются въ тѣхъ случаяхъ, когда хотятъ навести на мысль, будто бы въ новыхъ судахъ административная власть встрѣчаетъ противодѣйствіе, будто бы присяжные всегда готовы оправдать подсудимыхъ, обвиняемыхъ въ сопротивленіи всякой власти, будто бы судьи охотно допускаютъ смягчающія обстоятельства и присуждаютъ къ легкимъ наказаніямъ оскорбителей полиціи. Конечно, строго говоря, — на такія обвиненія обращать вниманія не стоило бы въ обществѣ, понимающемъ свои права и сознающемъ, что не для угоды кому бы то ни было введенъ у насъ новый порядокъ судопроизводства. Но не такъ еще смотрятъ на это дѣло у насъ. Если не такъ давно открыто выражались жалобы на освобожденіе крестьянъ, а потомъ на надѣлъ ихъ землею, какъ на

наго, что теперь выражаются какія-то тревожныя опасенія всякій разъ, когда подсудимый выходитъ изъ суда оправданнымъ, а не обвиненнымъ, и опять начинаютъ видѣть опасности «порядку», требуя, во что бы то ни стало, поддержать этотъ «порядокъ», не рѣдко равнозначущій произволу и насилию.

Что кроется въ душѣ присяжныхъ, когда они слушаютъ дѣла о сопротивленіи власти,—сказать, конечно, нельзя. Но что въ лицѣ присяжныхъ само общество, быть можетъ, даже черезъ чуръ ревниво оберегаетъ представителей власти отъ оскорбленій и ослушаній,—это видно изъ дѣлага ряда обвинительныхъ приговоровъ, произнесенныхъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда представители власти сами, своими незаконными дѣйствіями, не вынуждали подсудимыхъ къ сопротивленію. Нѣтъ нужды приводить на память всѣ эти дѣла; стоитъ только указать на нѣкоторыя изъ нихъ, въ которыхъ подсудимыми являлись лица изъ различныхъ классовъ общества.

Отставной штабсъ-капитанъ Александръ Стурмъ, въ имѣніе котораго пріѣхалъ становой приставъ для описи хлѣба и прочаго имущества за долгъ, по предписанію полицейскаго управленія, схватилъ пристава за плечи, остановилъ его въ дверяхъ между двумя комнатами и вытолкнулъ его, говоря при этомъ, что онъ не допуститъ пристава описывать имущество, и называя пристава безчестнымъ и подозрительнымъ челоуѣкомъ. Признанный присяжными засѣдателями 1) виновнымъ, Стурмъ приговоренъ разанскимъ окружнымъ судомъ къ заключенію въ смирительномъ домѣ на 2 мѣсяца.

Крестьянинъ Сорокинъ обвинялся въ томъ, что, сопротивляясь полицейскому чиновнику Дитятеву, призванному крестьянникомъ Яськовымъ, въ избѣ котораго буянилъ Сорокинъ, онъ схватилъ Дитятева за шею, а полицейскаго служителя Кравцова за-воротъ. Признанный присяжными 2) виновнымъ, но по обстоятельствамъ дѣла заслуживающимъ снисхожденія, Сорокинъ приговоренъ московскимъ окружнымъ судомъ къ заключенію въ тюрьмѣ на 1 годъ. Признавая Сорокина заслуживающимъ снисхожденія, присяжные, вѣроятно, имѣли въ виду, что онъ 9 мѣсяцевъ просидѣлъ въ тюрьмѣ, и при осмотрѣ, на другой день послѣ происшествія, имѣлъ на лицѣ 10 ссадинъ, приобрѣтенныхъ, какъ онъ объяснялъ, въ будкѣ, гдѣ его били полицейскіе служители.

Крестьянинъ Николай Демидовъ (23 л.) обвинялся въ грабежѣ, кражѣ, дерзости противъ квартальнаго надзирателя и оскорбленіи

---

1) Составъ присутствія присяжныхъ: 5 крестьянъ, 2 мѣщанина, 1 почетный гражданинъ и 4 дворянина.

2) Въ составѣ 3 дворянъ и 9 купцовъ.

проступокъ Демидова могъ быть сколько нибудь доказанъ. Признанный присяжными засѣдателями ¹⁾ виновнымъ въ оскорбленіи городского, но по обстоятельствамъ дѣла заслуживающимъ снисхожденія, Демидовъ приговоренъ къ аресту на 1 мѣсяцъ. Обстоятельствомъ, вызвавшимъ снисхожденіе, очевидно, было 7-ми мѣсячное содержаніе Демидова въ тюрьмѣ, совершенно, какъ оказалось, безъ вины.

Что не рѣдко сами представители полицейской власти вызываютъ своими дѣйствіями оскорбленія со стороны частныхъ лицъ,—это, между прочимъ, видно и изъ того, что большинство дѣлъ объ оскорбленіи и сопротивленіи власти, рѣшенныхъ до сихъ поръ присяжными, заключало въ себѣ оскорбленія и сопротивленія власти полицейской. А между тѣмъ, конечно, не одна полицейская власть сталкивается съ частными лицами въ такихъ случаяхъ, когда, естественно, вызывается раздраженіе и желаніе тѣмъ или другимъ способомъ избавиться отъ грозящей неприятности — обыска, ареста или потери имущества. Въ этомъ отношеніи положеніе судебныхъ приставовъ нисколько не легче положенія полиціи. Обязанные нерѣдко приводить въ исполненіе судебныя рѣшенія, тяжкія для частныхъ лицъ, лишаящія ихъ имущества и даже свободы—судебные пристава, казалось, должны подвергаться насиліямъ и оскорбленіямъ не рѣже агентовъ полиціи. Но на дѣлѣ выходитъ не такъ. Въ теченіе двухъ-лѣтней судебной практики, кажется, еще не было случая, чтобы судебный приставъ позволилъ себѣ нанести оскорбленіе частному лицу въ родѣ тѣхъ, которыя до сихъ поръ остаются въ большомъ употребленіи въ полицейской дѣятельности. Чаше, напротивъ того, судебное слѣдствіе доказываетъ, что судебные пристава подвергаются незаслуженнымъ оскорбленіямъ и не отвѣчаютъ тѣмъ же. Оттого и оскорбляющій не заходитъ слишкомъ далеко и совершаетъ проступокъ незначительный, обвиненіе въ которомъ разрѣшается судомъ безъ участія присяжныхъ засѣдателей.

Такихъ мелкихъ дѣлъ, рѣшенныхъ безъ участія присяжныхъ засѣдателей, было много. Судились крестьянѣ; дворяне, лица духовнаго званія, купцы, чиновники, военные — въ мелкихъ и крупныхъ, генеральскихъ чинахъ. Они оскорбляли полицейскихъ чиновниковъ и служителей, судебныхъ приставовъ, судебныхъ слѣдователей, мировыхъ судей и другихъ должностныхъ лицъ, при отправленіи ими обязанностей по службѣ.

При этомъ случаѣ оправданія были довольно рѣдки; наказанія состояли, въ большинствѣ случаевъ, въ денежныхъ штрафахъ или лишеніи свободы, при чемъ тяжесть наказанія соразмѣрялась съ важ-

¹⁾ Въ составѣ 9 чиновниковъ и 3 мѣщанъ.

ностью нанесеннаго подсудимымъ оскорбленія. Вотъ нѣкоторыя изъ судебныхъ приговоровъ по такимъ дѣламъ.

Мѣщанинъ Поповъ (50 л.) за оскорбленіе, въ пьяномъ состояніи, ругательными словами становаго пристава приговоренъ калужскимъ окружнымъ судомъ къ штрафу въ 25 руб. или аресту на 7 дней. Крестьяне Павелъ (22 л.) и Акимъ (83 л.) Чузовы за оскорбленіе на словахъ становаго пристава приговорены калужскимъ окружнымъ судомъ къ штрафу въ 10 р. или аресту на 2 дня. Коллежскій секретарь Сергѣевъ (55 л.) за оскорбленіе словами квартальнаго надзира-теля, его помощника и полицейскаго сторожа и сорваніе печатей, приложенныхъ къ дверямъ его квартиры по распоряженію полиціи, приговоренъ петербургскимъ окружнымъ судомъ къ заключенію въ смирительномъ домѣ на 5 мѣсяцевъ. Крестьянинъ Парыгинъ (47 л.) за оскорбленіе, въ нетрезвомъ видѣ, волостного старшины ругательными словами и насильственными дѣйствіями въ камерѣ волостного правленія, калужскимъ окружнымъ судомъ приговоренъ къ заключенію въ тюрьмѣ на 4½ мѣсяца. Мѣщанинъ Гудковъ (32 л.) за оскорбленіе словами городского головы, калужскимъ окружнымъ судомъ приговоренъ къ штрафу въ 5 р. или аресту на 1 день. Крестьянка Харитоновна, за оскорбленіе судебного слѣдователя словами и неприличнымъ поведеніемъ, петербургскимъ окружнымъ судомъ приговорена къ штрафу въ 5 р. или аресту на 1 день. Генераль-маіоръ Загорянской (55 л.), за оскорбленіе словами судебного слѣдователя, московскимъ окружнымъ судомъ приговоренъ къ испрошенію прощенія у судебного слѣдователя въ выраженіяхъ, определенныхъ судебнымъ приговоромъ. Крестьянинъ Никитинъ, за оскорбленіе городского и буйство въ судебной камерѣ мирового судьи, петербургскимъ окружнымъ судомъ приговоренъ къ тюремному заключенію на 3 мѣсяца. Отставной штабсъ-капитанъ Цехомскій (44 л.), за оскорбленіе на письмѣ мирового судьи приговоренъ калужскимъ окружнымъ судомъ къ аресту въ тюрьмѣ на 3 недѣли. Коллежскій ассесоръ Долоцкій (47 л.), за оскорбленіе неприличными выраженіями въ поданной имъ жалобѣ товарища прокурора, петербургскимъ окружнымъ судомъ приговоренъ къ штрафу въ 50 рублей или аресту на гауптвахтѣ на 10 дней.

Всѣ эти наказанія, къ которымъ присуждались разныя лица, нельзя, конечно, считать легкими, особенно если при этомъ не оставлять безъ вниманія матеріальное положеніе подсудимыхъ и степень ихъ состоятельности къ уплатѣ денежныхъ штрафовъ. Въ одномъ только изъ приведенныхъ дѣлъ, приговоръ суда оказывается несообразнымъ съ этимъ выводомъ. Въ дѣлѣ Загорянскаго, не только приговоръ суда не соотвѣтствуетъ проступку и постановленъ съ отступленіемъ отъ закона, но и самое судебное засѣданіе по дѣлу представляетъ, къ сожалѣнію, нѣсколько уклоненій отъ тѣхъ обрядностей, которыя выра-

ботались новою судебною практикою и которыя должны одинаково распространяться на всѣхъ тяжущихся и подсудимыхъ, каковаго бы они званія ни были.

Въ теченіе минувшихъ двухъ лѣтъ, извѣстенъ только одинъ случай ходатайства суда объ облегченіи участи подсудимыхъ, виновныхъ въ оскорбленіи полиціи, верховною властью.

6-го января 1867 года, въ Новгородѣ, во время священнодѣйствія на устроенной на рѣкѣ Волховѣ Иордани, полицейскій приставъ Кудрявцевъ, обратился къ женѣ отставнаго генераль-лейтенанта Борисова съ просьбою не нарушать порядокъ и затѣмъ, вслѣдствіе неисполненія этого требованія, отвелъ Борисову рукою, взявъ за плечо. Узнавъ объ этомъ отъ жены своей, генераль-лейтенантъ Борисовъ обратился къ приставу со словами:—«Это ты, негодяй, оскорбилъ мою жену!» и затѣмъ на сдѣланное ему приставомъ возраженіе, сказалъ ему: «ты негодяй.» За этотъ проступокъ Борисовъ былъ преданъ суду, хотя и просилъ извиненія у оскорбленнаго имъ пристава. Во время засѣданія новгородскаго окружнаго суда, Борисовъ объявилъ, что онъ оскорбилъ Кудрявцева «въ раздраженіи отъ разсказа и слезъ беременной жены своей, и что, поэтому, въ то время не сообразилъ, что Кудрявцевъ находился при исполненіи обязанностей службы.» Новгородскій окружный судъ, признавъ Борисова (74 лѣтъ) виновнымъ въ оскорбленіи ругательными словами полицейскаго пристава при исполненіи имъ обязанностей службы, приговорилъ его къ заключенію въ тюрьмѣ на 2 мѣсяца. Но при этомъ основываясь на томъ, что Борисовъ, вполнѣ сознавая свою вину, еще до начала слѣдствія просилъ у полицейскаго пристава извиненія и что онъ, сверхъ того, заслуживаетъ снисхожденія по прежней долговременной и безпорочной службѣ, — окружный судъ ходатайствовалъ о смягченіи Борисову наказанія тѣмъ, чтобы подвергнуть его аресту на военной гауптвахтѣ на 1 мѣсяць. Въ отвѣтъ на это ходатайство послѣдовало высочайшее повелѣніе объ ограниченіи опредѣленнаго Борисову по закону наказанія семидневнымъ домашнимъ арестомъ.

Кромѣ этого дѣла, въ которомъ наказаніе подсудимому было уменьшено по ходатайству суда, до сихъ поръ извѣстенъ еще одинъ случай уменьшенія, милосердіемъ верховной власти, наказанія за ослушаніе полиціи.

Вдова почетнаго гражданина Марья Мазуринна, за недопущеніе къ себѣ въ домъ полицейскихъ чиновниковъ, являвшихся къ ней для описи ея имущества, по случаю денежнаго взыскаія за долгъ ея дочери, 22 октября 1866 года приговорена московскимъ столичнымъ мировымъ съѣздомъ 2-го округа къ аресту въ тюрьмѣ на 2 мѣсяца. Но, по ходатайству умершаго митрополита московскаго и коломенскаго, Филарета, объ облегченіи участи Мазуриной, 7 декабря 1866 года по-

слѣдовало высочайшее повелѣніе: замѣнить для Мазуринной опредѣленное, по судебному приговору, тюремное заключеніе строгимъ домашнимъ арестомъ.

Оканчивая краткій обзоръ преступленій противъ представителей власти и наказаній, за эти преступленія понесенныхъ, мы могли бы спросить: гдѣ же видятся тѣ опасности, которыя грозятъ существующему «порядку», въ какихъ же рѣшеніяхъ новыхъ судовъ проявляется противодѣйствіе административной власти. Боятся какого-то преобладанія судебной власти странно уже потому, что самымъ своимъ положеніемъ судебная власть лишена возможности къ вмѣшательству и тѣмъ самымъ къ преобладанію. Она обязана только охранять законъ и примѣнять его къ даннымъ случаямъ, но не можетъ ни обойти, ни нарушить его, по своему усмотрѣнію. Даже и противодѣйствовать административному произволу — наши новые суды не могутъ вполнѣ. Хотя уставы 20 ноября 1864 года и стремились къ отдѣленію властей судебной отъ административной, но раздѣленіе это не доведено до конца. Такъ—начало строгого раздѣленія властей требуетъ, чтобы въ судебныхъ дѣлахъ, какъ напримѣръ, въ дѣлахъ о преступленіяхъ и проступкахъ, каждое административное лицо подчинялось судебной власти, а не административной, точно также, какъ въ административныхъ дѣлахъ, каждое судебное должностное лицо подчиняется власти административной. Между тѣмъ, и въ нашемъ новомъ судопроизводствѣ, должностныя лица административнаго вѣдомства могутъ быть преданы суду не общею обвинительною властью, а только вслѣдствіе постановленія ихъ начальства. Такой порядокъ оставляетъ еще слишкомъ много простора администраціи въ ущербъ суду, и можетъ еще долго препятствовать полному водворенію у насъ законности.

В. К.

ЕЖЕМѢСЯЧНАЯ ХРОНИКА.

1-го апрѣля, 1868.

На-дняхъ исполнился годъ со времени изданія указа, возвѣстившаго высочайшую волю о принятіи мѣръ къ *полному сліянью* губерній царства польскаго съ прочими частями имперіи. Указъ 29 февраля нынѣшняго года вводитъ это полное сліянiе въ область историческихъ фактовъ, и опредѣляетъ его—упраздненіемъ въ Варшавѣ правительственной комиссіи, какъ центральнаго въ царствѣ учрежденія; всѣ же части управленія, состоявшія въ ея вѣдѣніи, подчиняются теперь общимъ учрежденіямъ имперіи, на основаніяхъ, изложенныхъ въ томъ же указѣ. Намѣстникъ въ царствѣ, какъ главный начальникъ края, имѣетъ одно ближайшее наблюденіе за ходомъ дѣлъ по всѣмъ частямъ управленія, а отношеніе его къ нашимъ министерствамъ приравнивается съ отношеніями вообще главныхъ начальниковъ губерній.

Историческія обстоятельства, которыя, можетъ быть, справедливѣе было бы назвать историческими ошибками, поставили насъ въ вопросахъ о царствѣ польскомъ въ такое положеніе, что трудно выразить мнѣніе даже и при такихъ реформахъ, которыя, по своей формѣ, давно уже желательны. Вообще, введеніе новаго слова не есть еще введеніе новаго дѣла, или, что еще хуже, новое слово можетъ иногда приводить вовсе не къ тому дѣлу, для котораго оно произнесено, а потому нельзя отказать въ справедливости замѣчанію, которымъ сопровождали «Московскія Вѣдомости» свое разсужденіе о послѣднемъ указѣ: «Законодательная мѣра великой государственной важности можетъ стать только началомъ новыхъ затрудненій» — «если предначертанія державной воли относительно западнаго края не будутъ приведены въ полное дѣйствіе, и обрусеніе его не станетъ правдой». Мы совершенно согласны съ тѣмъ, что какъ прежнее отдѣленіе нѣсколькихъ губерній, подъ особымъ именемъ царства польскаго, надѣлало много бѣдъ обѣимъ сторонамъ, такъ и новая законодательная мѣра, прямо противоположная первому, т. е. полное сліянiе,—можетъ, при извѣстныхъ

условіяхъ, сдѣлаться началомъ новыхъ затрудненій, которыя будутъ не лучше первыхъ; во трудно согласиться относительно самыхъ условий, выставленныхъ московскимъ публицистомъ. «Полное сліяніе» вызываетъ, дѣйствительно, одно условіе: оно до сихъ поръ было *средствомъ*, а съ настоящей минуты должно сдѣлаться *цѣлью*, самую искренною, задушевною цѣлью. Это условіе, народившееся вслѣдствіе «полнаго сліянія», становится предъ нами во весь ростъ въ первый разъ, и необходимо на него указать со всею ясностью, чтобы послѣднее не было горше первыхъ. Чтобы понять это условіе во всемъ его объемѣ — необходимо припомнить все прошлое, въ его разумной и причинной связи.

Побѣды проистекають не изъ одной физической силы побѣдившаго, но и изъ слабости противника; а въ этомъ случаѣ слабость противника состоитъ во внутреннемъ неустройствѣ его организма, во враждѣ членовъ между собою, вслѣдствіе чего побѣдитель имѣеть всегда двойное значеніе для побѣжденныхъ: онъ можетъ легко заинтересовать собою ту часть у побитыхъ противниковъ, которая была угнетена, подавлена, какъ была подавлена въ Польшѣ вся народная масса. Для этой народной массы, наши побѣды надъ старымъ ея правительствомъ и надъ новыми претендентами, усиливающимися реставрировать отжившій порядокъ вещей, могли быть ея побѣдами надъ внутреннимъ врагомъ, какимъ для польскаго народа была такъ-называемая Рѣчь-Посполитая; по крайней мѣрѣ, въ ея законахъ, въ ея государственномъ строѣ крестьянинъ вмѣстѣ съ своею лошадью и коровою принадлежали помѣщику, и это не смягчалось даже тою патриархальностью въ отношеніяхъ, которою была во многомъ проникинута крѣпостная зависимость у насъ. Только въ нынѣшнее царствованіе народная масса въ Польшѣ воспользовалась въ первый разъ нашими побѣдами надъ ея прежнимъ, туземнымъ правительствомъ; а до того времени русскіе законы, русскій солдатъ также служили туземному высшему сословію орудіемъ къ угнетенію простолюдина, какъ служили нѣкогда туземные законы Рѣчи-Посполитой и туземные жолѣтры. Вотъ, откуда вытекаетъ историческое положеніе современной минуты. Вотъ, почему мы думаемъ, что собственно «полное сліяніе» совершилось уже тогда, когда былъ надѣленъ въ Польшѣ крестьянинъ землею (камень преткновенія въ ирландскомъ вопросѣ, какъ то читатели увидятъ ниже, въ особой статьѣ), а послѣднимъ указомъ — вещь была названа только по имени.

Но слово — произнесено, и потому тѣмъ внимательнѣе слѣдуетъ всмотрѣться въ то новое положеніе, которое характеризуется тѣмъ словомъ. Наше значеніе въ Польшѣ, какъ освободителей народной массы отъ гнета высшаго ея сословія — прошло, и прошло безвозвратно, благодаря нашимъ же усиліямъ; мы не можемъ второй разъ дарить тѣмъ же; надобно готовить новый даръ, и въ этомъ новомъ

дарѣ найти не временную, но безконечную связь въ нашихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Такимъ нескончаемымъ даромъ можетъ послужить организація и устройство края, для чего, какихъ нибудь 10 лѣтъ тому назадъ, мы не имѣли бы никакого матеріала, и для чего теперь, послѣ новѣйшихъ земскихъ и судебныхъ реформъ, мы имѣемъ все необходимое. Въ противномъ случаѣ, черезъ нѣсколько лѣтъ намъ придется имѣть дѣло съ новою шляхтою, и на этотъ разъ шляхты будетъ столько, сколько единицъ въ населеніи края. Послѣ этого понятно условіе, отъ не соблюденія котораго послѣдняя «законодательная мѣра великой государственной важности можетъ стать только началомъ новыхъ затрудненій»; понятно также и то, почему мы не отвѣчаемъ прямо на вопросъ, куда приведетъ насъ послѣдняя реформа? Въ исторіи обществъ человѣческихъ часто приходится повторять наивный отвѣтъ Эзопа, который, хотя и зналъ, куда имѣлъ намѣреніе идти, но на вопросъ: куда онъ идетъ?—отвѣчалъ: «Не знаю!» Всѣмъ извѣстно, что Эзопъ былъ правъ, потому что его, дѣйствительно, отвели туда, куда онъ вовсе и не думалъ идти, а слѣдовательно, былъ правъ въ своемъ отвѣтѣ.

Кромѣ указа 29 февраля, мартъ, сколько мы можемъ судить по серьезнымъ слухамъ, былъ ознаменованъ реформою, весьма важною, на другой окраинѣ нашей земли. Мы разумѣемъ Землю Войска Донскаго; но не будемъ предупреждать фактовъ, и ограничимся только указаніемъ на путевыя воспоминанія И. И. Кретовича, помѣщаемыя выше: авторъ говорить о Донѣ, и читатель, изъ приводимыхъ имъ мѣстныхъ наблюденій, увидитъ самъ легко, что въ Землѣ Войска Донскаго реформа необходима; если нельзя желать этому краю въ будущемъ ограничиваться однимъ лѣннивымъ созерцаніемъ своей великолѣпной и богатой почвы; а къ чему именно должна относиться реформа, — всякой то увидитъ наприм., въ станичномъ приговорѣ Аясая, когда къ нему обратились съ просьбою иногородные купцы.

Если послѣдніе слухи справедливы, то можно сказать, въ мартѣ было положено начало многому, что было давно уже желательно, и что можетъ дать новое развитіе силамъ страны, при соблюденіи естественнаго закона всякаго развитія: ростъ требуетъ свѣта, воздуха и мѣста.

Но истекшій мѣсяцъ не ограничился важными переměнами государственными; ему же принадлежитъ и «министерская переměна», въ томъ, конечно, смыслѣ, въ какомъ этотъ терминъ слѣдуетъ понимать у насъ. При чрезвычайной подвижности государственнаго организма западныхъ государствъ, министерская переměна, если она не дѣло случая, какъ смерти или болѣзни, понимается, какъ вызываемая ходомъ дѣлъ потребность въ переměнѣ взглядовъ, принциповъ, направленія. Мы не можемъ смотрѣть тѣми же глазами на министерскую переměну у насъ, хотя природа и логика вещей такъ сильна, что не-

вольно новое лице наводитъ на новыя ожиданія, надежды, опасенія и т. д., такъ какъ нѣтъ возможности себѣ представить, чтобы, съ одной стороны, не одно и то же было однимъ и тѣмъ же, а съ другой — положенія людей и ихъ интересы такъ разнообразны и противорѣчивы, что нѣтъ предмета, который вызывалъ бы во всѣхъ согласно или надежду, или опасеніе; и непремѣнно то, что служитъ для одного его надеждой—въ другомъ вызываетъ боязнь*). Впрочемъ, до сихъ поръ мы были болѣе или менѣе, какъ общественные люди, равнодушны къ министерскимъ перемѣнамъ, и доказательствомъ того служитъ то, что у насъ до сихъ поръ не привился обычай заграничныхъ органовъ печати, при каждомъ новомъ назначеніи, знакомить общество съ прежнею дѣятельностью новаго государственнаго дѣятеля, и другъ передъ другомъ сообщать его біографію. Отсутствіе такого обычая мы

*) Въ подтвержденіе словъ нашего хроникера мы можемъ указать на самихъ себя. Когда въ послѣднее время былъ назначенъ новый министръ почты и телеграфовъ, мы и съ нами, вѣроятно, всѣ редакторы журналовъ и газетъ начали питать надежду, въ то самое время, какъ это же самое обстоятельство, говорятъ, заставляло многочисленныхъ почтмейстеровъ питать совершенно иное чувство, или по крайней мѣрѣ нельзя было не желать, чтобы они проникнулись этимъ инымъ чувствомъ. Мы имѣемъ право на такое желаніе, потому что по поводу разсылки только одной январской книги мы успѣли уже получить 39 жалобъ на совершенное неполученіе ея, что почти равняется числу всѣхъ жалобъ за весь прошедшій годъ. Какъ мы узнали, весь тѣмъ, напрям., съ журналомъ на Рязань и прилежащіе города, отправленный въ половинѣ января Газетною Экспедиціей подл. № 6, — пропалъ, и пропалъ притомъ такъ, какъ у Гоголя пропала въ одномъ присутственномъ мѣстѣ бумага; по крайней мѣрѣ, двухъ съ половиною мѣсяцевъ оказалось для начальства недостаточнымъ, чтобы отыскать этотъ несчастный № 6. Какъ ни велика наша земля, но и 2½ мѣсяца — не малое время, особенно, когда сношенія производятся по желѣзнымъ дорогамъ. Мы объявили нашимъ подписчикамъ, что въ случаѣ недостатка экземпляра, редакция доставитъ имъ другой, если они при жалобѣ приложатъ свидѣтельство мѣстной почтовой конторы; конечно, мѣстнымъ почтовымъ конторамъ не трудно сдѣлать на жалобѣ помѣтку и приложить печать, въ подтвержденіе основательности жалобы; но многія почтовые конторы отказались въ выдачѣ подобныхъ свидѣтельствъ. Дѣло до нѣкоторой степени понятное! Чтобы показанія нашихъ подписчиковъ имѣли силу, мы будемъ съ этого времени печатать названія тѣхъ конторъ, которыя затруднились засвидѣтельствовать жалобы. Такъ, отказались почтовые конторы: 1) въ Елифани, на просьбу г. П. Г.; 2) въ Рязкѣ, на просьбу г. старшины «Общественнаго собранія»; 3) въ Петрозаводскѣ, на просьбу г. И. А.—Бываютъ и другіе случаи: Газетныя Экспедиціи сами имѣютъ собственныхъ подписчиковъ, и потому получаютъ жалобу сами на недоставленіе журнала; принявъ отъ редакціи экземпляры, онѣ тѣмъ не менѣе обращаются къ намъ съ вопросомъ: почему такой-то ихъ подписчикъ не получилъ своего экземпляра? Какъ ни тяжело намъ отвѣчать на такіе вопросы, но собственно мы должны сказать въ отвѣтъ:—потому что мы сдали этотъ экземпляръ въ Газетную Экспедицію—оттого подписчикъ и не получалъ! Но подписчики не принимаютъ отъ насъ такого отвѣта, и одинъ изъ нихъ г. И. З. (г. Александровскъ) прямо вѣдвилъ намъ въ вину, что мы поручаемъ пересылку его экземпляра такому «неблагонадежному агенту, какъ Газетная Экспедиція». — *Ред.*

считаемъ нѣкоторымъ индифферентизмомъ нашего общества къ министерскимъ переѣмамъ, подъ вліяніемъ котораго сложилась, быть можетъ, грубоватая по своей формѣ, но не лишенная въ нѣкоторыхъ случаяхъ смысла, народная поговорка: «новая метла чище мететъ». Вотъ все, до чего додумался нашъ простолюдинъ-философъ, подъ вліяніемъ старой практики, когда ему административная работа представлялась однимъ выметаніемъ сора.

Новый г. министръ внутреннихъ дѣлъ, заступившій мѣсто П. А. Валуева, восполнилъ недостатокъ нашей прессы, и самъ, обращаясь къ своимъ будущимъ сотрудникамъ, высказалъ всѣмъ намъ свои убѣжденія и начала:

Я глубоко проникнутъ сознаніемъ, что только дружнымъ соединеніемъ всѣхъ силъ мы преодолѣмъ встрѣчаемыя препятствія и перенесемъ тяжелое бремя ответственности, лежащее на насъ передъ государемъ, цѣлою Россіей и нашею совѣстью.

Сознаніе «ответственности передъ Государемъ, цѣлою Россіею и своею совѣстью» — есть, безспорно, лучшее слово, какого можно ожидать отъ государственнаго человѣка. При такой ответственности, даже и неуспѣхъ въ борьбѣ съ встрѣчаемыми препятствіями — не служить въ укоръ дѣятелю. Въ обществѣ, или по крайней мѣрѣ въ извѣстной части общества есть мысль, что будто бы земскія учрежденія относятся иногда къ числу препятствій для министерства внутреннихъ дѣлъ, и *vice versa*; но мы можемъ быть спокойны относительно новаго главы министерства, который съ такою же торжественностью заявилъ свое уваженіе къ честнымъ и твердымъ убѣжденіямъ, отказался отъ всякаго страха, внушаемаго другимъ противорѣчіями, — даже мало того, онъ сказалъ: «Я противорѣчіе вызываю и люблю на сколько не люблю противодѣйствія, въ особенности, когда это противодѣйствіе несетъ на себѣ характеръ подпольный». Впрочемъ, подпольное противодѣйствіе называется измѣною, низкимъ и омерзительнымъ поступкомъ, и мы не можемъ смѣшивать съ нимъ открытаго противодѣйствія, которое намъ оказываютъ наши друзья, желая предохранить насъ отъ собственныхъ ошибокъ. Къ чему же иначе годилась бы вся «честность и твердость убѣжденій» нашихъ друзей и сотрудниковъ, если бы они не обнаружили свою честность и твердость на *дѣлѣ*, а не на однихъ словахъ, и не имѣли бы столько гражданскаго мужества чтобы удержать насъ отъ естественныхъ для каждаго человѣка ошибочныхъ дѣйствій? Мы усомнились бы въ подобной честности и твердости убѣжденій, или заставили бы другихъ сомнѣваться въ томъ, что мы дѣйствительно любимъ убѣжденія этого рода. Разсуждая такъ, мы незамѣтно уже вступили въ противорѣчіе съ мнѣніемъ г. министра внутреннихъ дѣлъ, но мы уже знаемъ, что противорѣчія онъ любитъ, и даже

скорѣе подвергается опасности быть заподозреннымъ въ сознательномъ желаніи ему угодить — противорѣчіемъ.

Въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ сосредоточено «управленіе по дѣламъ печати»; вотъ почему мы имѣемъ еще особые интересы въ вопросахъ о противорѣчій и противодѣйствіи. Такъ какъ произведенія печати признаются «дѣлами», то и насъ можно обвинить не въ противорѣчій, какъ то можно было бы предполагать по характеру рѣчи, единственного орудія литературы, но въ противодѣйствіи. Мы можемъ даже опасаться, что въ литературѣ всякая рѣчь, несогласная съ мнѣніемъ власти, можетъ быть признана противодѣйствіемъ, на томъ основаніи, что и самое мѣсто управленія печатью называется «главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати». Все это только доказываетъ, что значеніе печати въ общемъ механизмѣ государственной жизни недостаточно выяснено, примѣромъ чего могутъ служить послѣднія пренія во французской палатѣ; а для знакомства съ ихъ подробностями читатели найдутъ у насъ ниже особую статью, написанную перомъ болѣе насъ компетентнаго въ этомъ дѣлѣ юриста.

Въ своей домашней жизни, мы указали, въ январѣ и въ февралѣ, на то значеніе, которое имѣетъ болѣе свободная печать, или лучше сказать, на это указалъ намъ постигшій насъ голодъ. Общественная благотворительность и различныя правительственныя мѣры во многомъ облегчили бѣдствіе; притомъ, голодъ научилъ насъ тому, что это такое бѣдствіе, которое слѣдуетъ предвидѣть, и заранѣе готовиться къ борьбѣ съ нимъ, какъ поспѣшно закрываетъ ставни предусмотрительный хозяинъ, замѣтивъ ту черную точку на горизонтѣ, которая — онъ знаетъ — разразится градомъ. Вообще, къ чести нашего организма, надобно замѣтить, что общественныя бѣдствія не убиваютъ насъ, а часто служатъ источникомъ весьма благодѣтельныхъ перемѣнъ и преобразованій. Говоря такъ, мы вовсе не раздѣляемъ философіи Скаловуба, по поводу истребленія пожаромъ Москвы:

Пожаръ содѣйствовалъ ей много къ украшенью!

Но думаемъ, что полезнѣе доходить до многого умомъ, и креститься прежде, чѣмъ громъ грянетъ; остается только радоваться, что бѣдствія у насъ пересиливаются юностью жизни, и быть можетъ, не проходить даромъ для зрѣлости мысли.

Подражая весьма благоразумно Пруссіи, мы также воспользовались голодомъ для желѣзно-дорожнаго дѣла, и мартъ ознаменовался и въ этомъ отношеніи новыми фактами, весьма важными для будущей экономической жизни Россіи.

Къ краткой, но уже обильной результатамъ, исторіи нашихъ рельсовыхъ сообщеній въ послѣднее время присоединились три важные факта: послѣдовали повелѣнія относительно постройки желѣзныхъ до-

рогъ: 1) петероурго-гельсингфорсской; 2) московско-смоленской и 3) курско-харьковско-азовской. Первая изъ нихъ будетъ строиться при участіи нашего правительства въ расходахъ; вторая—самимъ правительствомъ; наконецъ, постройка третьей предоставлена частному лицу, за которое ходатайствовало харьковское земство.

Желѣзно-дорожное дѣло въ послѣдніе года, сдѣлало у насъ огромныя успѣхи. Относительно энергіи, съ какою оно развивается, съ какою возникаютъ сметныя ходатайства, и съ какою строятся самыя дороги—намъ не остается желать ничего. Недалеко, какъ гдѣ двадцать тому назадъ, то есть, когда въ Англіи и Бельгіи желѣзныя дороги уже получили огромное развитіе, а во Франціи уже были построены главные пути, у насъ еще не рѣшонъ былъ вопросъ: полезны ли вообще желѣзныя дороги для Россіи, и инженеръ-генералъ Дестремъ высказывалъ отрицательное мнѣніе. Правда, царскосельская дорога ¹⁾ существовала; но ея примѣръ не могъ считаться серьезнымъ, тѣмъ болѣе, что для существованія ея оказывался необходимымъ павловскій оркестръ. Долго строилась Николаевская дорога, а громадныя суммы, которыхъ стоило ея построеніе, затруднительность, съ какою производились даже вознагражденія лицамъ, уступившимъ подъ нее земли, и бѣдствіе нѣсколькихъ подрядчиковъ, все это какъ бы свидѣтельствовало скорѣе противъ удобства введенія у насъ рельсовыхъ путей. А между тѣмъ, простого взгляда на исполненскую нашу карту достаточно, чтобы убѣдиться, до какой степени именно Россіи были необходимы желѣзныя дороги.

Настоящему царствованію принадлежитъ серьезная рѣшимость покрыть Россію систематическою рельсовою сѣтью, сократить въ ея сообщеніяхъ затруднительность громаднхъ пространствъ выигршемъ во времени. Контрастъ съ «Главнымъ обществомъ» желѣзныхъ дорогъ знаменуетъ собою эту эру. Но не ранѣе, какъ съ 1862 года, сооруженіе желѣзныхъ дорогъ сдѣлалось у насъ популярнымъ, живо заинтересовало общество, стало предметомъ частной спекуляціи. Съ тѣхъ поръ, дѣло это получило необыкновенное развитіе. Въ самомъ дѣлѣ, теперь у насъ построено и строится (за исключеніемъ трехъ новыхъ выше названныхъ) 7,225 верстъ желѣзныхъ дорогъ. Изъ этого числа на 4,325 верстахъ уже производится движеніе. Мы имѣемъ уже до 30 линій желѣзныхъ дорогъ, построенныхъ или строящихся. Ко-

---

¹⁾ Эта «бабушка» русскихъ желѣзныхъ дорогъ подаетъ не доблестныя примѣры своимъ внукамъ. Въ послѣднее время, не допустивъ конкуренціи для себя варшавской желѣзной дороги, которая могла доставлять пассажировъ еще не въ Царское, а только на станцію Александровскую (въ 5 верстахъ отъ города), царскосельская компанія нашла возможнымъ увеличить у себя плату за проѣздъ въ Царское Село и Павловскъ.

сударствами. Такъ, напримѣръ:

Англія въ 1865 году имѣла желѣзн. дорогъ . . .	19,933	версты
Франція въ 1866 году около	13,600	>
Пруссія въ 1866 году около	10,500	>

Англія и Франція дошли до того, что имъ остается прибавлять къ своимъ сѣтямъ только побочныя линіи. Но этихъ побочныхъ линій будетъ проведено на такое пространство, которое нельзя даже и сколько нибудь приблизительно предвидѣть. Такъ, въ приведенной цифрѣ французскихъ желѣзныхъ дорогъ не заключаются недостроенныя, ни уже концессионированныя линіи, почти на 6,000 верстъ. Въ Англіи и Франціи строятся, можно сказать, и проселочныя желѣзныя дороги. Постройка желѣзныхъ путей тамъ продолжается съ такимъ рвеніемъ, что въ Англіи прибавляется ежегодно около 750 верстъ рельсоваго пути; такимъ образомъ, нынѣшняя цифра желѣзныхъ дорогъ въ Англіи, по сравненію съ 1865 годомъ можетъ быть принята приблизительно до 21,400 верстъ. Во Франціи же, къ 1 января 1868 года, было открыто 14,764 версты ¹⁾.

Эти цифры, конечно, способны удержать въ умѣренныхъ предѣлахъ наше самодовольствіе по поводу полученныхъ нами результатовъ, особенно, если мы сравнимъ пространства упомянутыхъ государствъ съ пространствомъ Россіи. Но Англія строить желѣзныя дороги уже сорокъ два года; Франція—двадцать шесть лѣтъ (мы не считаемъ маленькую сен-жерменскую и нѣкоторыя другія, существовавшія до 1842 г., какъ у насъ давно существуетъ царскосельская).

Англія издержала на этотъ предметъ, путемъ одной частной предпримчивости около	500	милл. фунт.
Франція около	6,500	милл. франк.
(цифра 1866 г.) и въ этой суммѣ участіе казны представляется цифрою	970	> >

Въ Россіи, съ 1862 года, правительство издержало на постройку, покупку рельсовъ, гарантію и ссуды обществамъ, покупку ихъ акцій и т. д., всего . . . . . 113,189,822 рублей.

Уже эта одна цифра показываетъ, съ какою энергіею принялись у насъ въ послѣдніе года за великое для пользы Россіи дѣло. Остается желать, чтобы въ качественномъ отношеніи мы дѣлали такіе же успѣхи, какъ въ отношеніи количественномъ. Но къ этому мы еще возвратимся.

Немудрено, что желѣзно-дорожное дѣло не скоро привилось у насъ.

¹⁾ Revue des deux Mondes, 1 mars 1868. Статья Максима Дюгана.

лѣзныхъ путей. Англія и Бельгія имѣли уже развитія сѣти, когда Франція еще не рѣшалась серьезно приступить къ дѣлу. Въ 1836 году, когда въ Англіи было уже открыто для движенія около 3,000 верстъ, во Франціи было готово менѣе 140 верстъ. 1842-й годъ означаетъ въ исторіи французскихъ желѣзныхъ дорогъ такую же эру, какъ 1862-й годъ у насъ, т. е. начало пробужденія частной предпримчивости. Въ постройкѣ англійскихъ желѣзныхъ дорогъ участвовала она одна; бельгійскія дороги, существовавшія въ то время, были, наоборотъ, всѣ построены правительствомъ. Франція избрала путь средній, комбинируя правительственную помощь, въ видѣ гарантій, съ частною дѣятельностью. Мы, послѣ примѣра Николаевской дороги, обратились къ тому же способу, хотя, впрочемъ, отъ него и впоследствии дѣлались отступленія, какъ въ видѣ дорогъ строимыхъ непосредственно правительствомъ (напр. московско-курская), такъ и въ видѣ частныхъ дорогъ, правительствомъ негарантированныхъ (какъ напр. московско-ярославская).

Наши столицы, въ желѣзно-дорожной системѣ, занимаютъ положеніе, соотвѣтствующее тому, какое принадлежитъ имъ въ исторіи русскаго государства. Петербургъ, посредникъ между Европою и Россією, стоитъ во главѣ угла образуемаго двумя главными нашими линиями: одною онъ сообщается съ Европою, соединяется съ западнымъ краемъ, держитъ Польшу, и посредствомъ перекрестнаго пути, изъ Риги въ Динабургъ и изъ Динабурга въ Витебскъ, довершаетъ объединеніе западныхъ провинцій въ своихъ рукахъ. Другою линією, онъ посылаетъ во внутрь Россіи, черезъ Москву товары и цивилизующія средства запада. Предпринятая нынѣ дорога изъ Петербурга въ Гельсингфорсъ, откуда проложена уже дорога въ Тавастгусъ, соединитъ Петербургъ съ центромъ западной Финляндіи. Большой коммерческой выгоды гелсингфорская дорога для Россіи, конечно, не представитъ. Мы вывозимъ изъ Финляндіи продуктовъ всего на 3 милл. рублей, а въ нашемъ ввозѣ туда, составляющемъ болѣе чѣмъ двойную сумму, главное мѣсто занимаетъ нужный собственно для Финляндіи хлѣбъ, котораго мы отправляемъ туда за 4 милл. рублей ежегодно. Дорога эта важна собственно для продовольствія Финляндіи. По всей вѣроятности она дастъ новое развитіе литейнымъ заводамъ княжества. Но этотъ путь будетъ очень важенъ въ стратегическомъ отношеніи, въ случаѣ появленія сильнаго непріятельскаго флота въ Финскомъ заливѣ и блокады Кронштадта и Свеаборга. Рельсовое соединеніе съ Гельсингфорсомъ устранить тотъ недостатокъ боевыхъ средствъ, который ощущался въ Свеаборгѣ во время послѣдней войны, несмотря на всѣ усилія военнаго министерства удовлетворять многократнымъ просьбамъ графа Берга. Сверхъ того, постройка финляндской желѣзной дороги имѣетъ еще

особое значеніе въ настоящее, бѣдственное для населенія княжества, время. Для того, чтобы дать ему возможность прокормиться и получить средства для засѣва полей, необходимо начать работы какъ можно ранѣе весною. Какъ слышно, къ работамъ уже и приступаютъ.

Другая столица, Москва, остается въ желѣзно-дорожной системѣ вѣрна своей исторической роли—собирающей русскую землю. Она стоитъ въ центрѣ желѣзныхъ путей великорусскихъ и соединяющихъ новороссійскія области съ Великоруссією. Изъ Москвы, центра русскаго единства, стелется лучами цѣлая паутина желѣзныхъ дорогъ, на сѣверо-востокъ, востокъ, юго-востокъ, югъ и юго-западъ. На сѣверо-востокъ строится дорога ярославская; прямо къ востоку идетъ—нижегородская, съ вѣтвью на Шую и Ивановъ; на юго-востокъ идетъ дорога черезъ Рязань на Козловъ, съ вѣтвью на Моршанскъ. Съ этой-то дорогой предполагаютъ саратовское и тамбовское земства соединить свои главные города. Эта важная дорога въ Козловъ измѣняетъ свое направленіе къ юго-западу, на Воронежъ. До Воронежа, какъ извѣстно, она недавно уже открыта. Отсюда предполагается восточная вѣтвь къ Азовскому морю, которая должна соединять Воронежъ съ Грушевкою, а тамъ соединиться съ аксайско-грушевскою дорогою, уже построенною. О дорогѣ отъ Воронежа до Грушевки хлопочутъ воронежское земство и ростовское городское общество, которыя уже строятъ дорогу отъ Ростова до Аксайской станицы.

На югъ изъ Москвы идетъ желѣзная дорога черезъ Тулу и Орелъ на Курскъ. До Курска она готова. Но отъ Курска ее ведутъ, съ одной стороны, на юго-западъ, къ Кіеву (вся эта дорога строится правительствомъ); съ другой же—къ Азовскому морю черезъ Харьковъ и Бахмутъ въ Таганрогъ. Объ этой вѣтви хлопотало харьковское земство. Постройка ея поручается правительствомъ частному лицу, извѣстному по желѣзно-дорожнымъ постройкамъ. Это лицо вноситъ миллионъ рублей залога, въ ручательство за построеніе дороги до Харькова въ 18 мѣсяцовъ. Нѣчего настаивать на важности курско-харьковской вѣтви собственно для Харькова. Но едва ли не роскошь предпринимать въ одно время двойное соединеніе съ центромъ Россіи—именно, и черезъ Воронежъ, и черезъ Харьковъ съ Курскомъ—Азовскаго моря. Стратегическія соображенія, которыми у насъ любятъ замѣнять остальные, въ этомъ случаѣ, надѣмся, ужъ никакъ приводимы быть не могутъ.

Другое дѣло была бы дорога въ Крымъ. Керчь обращается для насъ теперь во второй Севастополь. Но изъ проектовъ желѣзно-дорожнаго соединенія съ Крымомъ пока слышно только о предполагаемой екатеринославскимъ земствомъ дорогѣ на Феодосію.

Собственно на югѣ, законнымъ и самостоятельнымъ центромъ желѣзно-дорожной системы является Одесса. Въ общей системѣ нашихъ желѣзныхъ путей ей будетъ принадлежать мѣсто узла юго-западной

отдѣляется готовая дорога на Тирасполь, откуда она пойдетъ на Кишиневъ. Далѣе, отъ балтской желѣзной дороги строится дорога (готова до Ольвиополя) на Елисаветградъ, которая пойдетъ современемъ на Полтаву и Харьковъ; сама же балтская дорога, продолжая направление къ сѣверу, строится далѣе на Кіевъ, съ лучами на Бердичевъ и на Волочискъ. Такимъ образомъ, Одесса будетъ стоять во главѣ сѣти соединяющей съ нею Малороссію, а сама черезъ Кіевъ, Курскъ, Орель и Тулу соединится съ Москвою и Петербургомъ.

Два небольшіе желѣзные пути стоятъ особняками на востокѣ и югѣ: мы говоримъ о построенной уже волжско-донской дорогѣ — изъ Царицына къ Калачу, и изъ строящейся за Кавказомъ — отъ Тифлиса къ Черному морю, въ Поти.

На востокѣ и сѣверѣ предпринимаются важныя, въ разныхъ отношеніяхъ, большія дороги: сибирская, самарско-оренбургская и вятско-двинская. О первой говорить еще рано, такъ какъ только-что начаты изысканія; на вятско-двинской и оренбургской дорогѣ изысканія уже окончены.

Если разныя вѣтви желѣзныхъ дорогъ въ Россіи мы примѣрно обозначимъ двумя какъ бы параллельными линіями, идущими съ юго-запада къ сѣверо-востоку, именно отъ Варшавы до Петербурга и отъ Кіева до Нижняго Новгорода, то увидимъ, что ихъ пересѣкаютъ въ настоящее время двѣ поперечныя линіи: изъ Петербурга въ Москву и изъ Риги въ Орель. Эти поперечныя линіи какъ бы связываютъ двѣ главныя артеріи и каждая изъ нихъ имѣетъ большое значеніе. Параллельно имъ пройдетъ еще одесско-черновицкая линія, и тогда наши главныя и срединныя дороги представятъ подобіе лѣстницы съ тремя ступенями. Всѣ эти поперечины важны и въ коммерческомъ, и въ стратегическомъ отношеніяхъ; онѣ соединяютъ пункты, которые дѣйствительно нуждаются въ соединеніи: Петербургъ съ Москвою, Ригу съ Орломъ, Одессу съ Галиціею.

Мы высказали выше желаніе, чтобы наши желѣзныя дороги преуспѣвали въ качественномъ отношеніи столько же, сколько онѣ преуспѣваютъ въ отношеніи количественномъ. Какъ ни неудовлетворительно нынѣшнее положеніе Николаевской желѣзной дороги — но нельзя не признать огромной заслуги за строителями ея, и за ея личнымъ составомъ въ устраненіи особенно значительныхъ несчастныхъ случаевъ на ней. Частныя дороги, въ короткое время своего существованія, уже представили печальныя примѣры. Само собою разумѣется, что отсюда можно заключить — не къ устраненію частной предпримчивости, что было бы нелѣпостью, а только къ усиленію контроля правительства надъ частными правительствами и компаніями. Съ своей стороны, общество должно было бы привыкнуть къ мысли, что про-

медленна поѣздовъ и различныя притѣсненія на желѣзныхъ дорогахъ могутъ быть устраняемы только имъ самимъ, частными обращеніями къ суду. Но можно почти навѣрное сказать, что, напримѣръ, несправность, обнаруженная въ послѣднее время на воловской дорогѣ, останется безъ всякаго возмездія со стороны Общества.

Современное положеніе Николаевской дороги, къ сожалѣнію, таково, что образцомъ для частныхъ она уже служить не можетъ. Правда, сборъ ея ежегодно возрастаетъ: съ 5 милліоновъ онъ возросъ до 14 мил. Но огромный расходъ на эксплуатацію, доходящій до 70% валового дохода, между тѣмъ, какъ тотъ же расходъ на нижегородской дорогѣ Главнаго общества составляетъ всего 42½%, а также недостаточность подвижнаго состава, составляющая огромное стѣсненіе для торговли и неудовлетворительность его, служащая причиною частыхъ опаздываній поѣздовъ, указываютъ на необходимость радикальныхъ преобразованій.

Должны ли эти преобразованія представиться неперемѣнно въ видѣ продажи Николаевской дороги? На такое мнѣніе легко было бы представить полновѣсные отрицательные доводы; можно было бы съ полною увѣренностью утверждать, что невыгодность эксплуатаціи могла быть устранена и при казенномъ управленіи. Въ самомъ дѣлѣ, примѣръ дешевизны эксплуатаціи по нижегородской дорогѣ, приводимый сторонниками передачи Николаевской дороги Главному обществу, составляетъ исключеніе въ его хозяйствѣ. Изъ самаго отчета Главнаго общества явствуетъ, что въ общемъ итогѣ оно издерживало на эксплуатацію около 60% валового дохода, и еще только принимаетъ мѣры къ уменьшенію этихъ расходовъ. Сверхъ того, когда говорится объ эксплуатаціи Николаевской дороги и о самомъ управленіи ею, никогда не слѣдуетъ упускать изъ виду, что тутъ не во всѣхъ недостаткахъ виновато казенное управленіе, и что собственно на министерство путей сообщенія не можетъ падать вся отвѣтственность во многомъ, что ея касается. Дѣло въ томъ, что управленіе дороги дѣйствуетъ въ условіяхъ особаго рода хартіи, называемой «контрактомъ г. Уайненса». Контрактъ этотъ, во время перваго его существованія, общимъ голосомъ былъ признаваемъ за диковину. Онъ сдѣлалъ своего владѣтеля милліонеромъ, который предполагаетъ теперь купить Николаевскую дорогу; а во что онъ обошелся ей, и какихъ стѣсненій онъ былъ причиною—объ этомъ мы узнаемъ только тогда, когда онъ прекратится, если только можно допустить мысль о существованіи Николаевской дороги безъ г. Уайненса или прямыхъ его наслѣдниковъ.

Теперь, когда идетъ рѣчь о продажѣ Николаевской желѣзной дороги какому либо частному обществу, предполагается, дѣломъ не подлежащимъ никакому сомнѣнію, уничтоженіе контракта съ г. Уайнensemъ; никто и не думаетъ принимать его на себя. Однимъ словомъ,

выгодная эксплуатация дороги, при его существовании, признается совершенно невозможной. Но если это такъ, то не ясно ли, что въ невыгодности эксплуатации дороги, при казенномъ управленіи, главную роль игралъ именно этотъ контрактъ? Если бы не заключали его или если бы захотѣли его устранить, то невыгодность эксплуатации, ведущая нынѣ къ продажѣ дороги, была бы устранена въ важнѣйшемъ своемъ условіи и при оставленіи дороги въ казенномъ управленіи. Почему этого не было сдѣлано — мы не знаемъ. Полагаемъ только, что ни возобновленіе контракта съ г. Уайнсомъ, ни устраненіе всякой мысли о возможности отмѣнить его путемъ ли суда или выкупа, не могли вполнѣ зависѣть отъ министерства путей сообщенія; думаемъ такъ именно потому, что между вѣдомствомъ путей сообщенія и г. Уайнсомъ недоразумѣнія и препирательства составляли нормальное положеніе дѣлъ.

Теперь, когда продажа дороги давно рѣшена въ принципѣ, мы указываемъ на эти факты прошлаго только потому, что однимъ изъ конкурентовъ на покупку дороги является тотъ же г. Уайнсъ. Онъ было устранился одно время, и на лицо оставались только Главное общество и московская компанія; но чтó можетъ помѣшать ему впередъ заключить условіе съ главнымъ акціонеромъ Главнаго общества, съ представителемъ дома Бэрингъ и комп., относительно покупки значительнаго количества акцій Главнаго общества, въ случаѣ передачи Николаевской дороги этому обществу? Такъ или иначе, г. Уайнсъ опять будетъ въ этомъ дѣлѣ, и въ результатѣ Николаевская дорога останется, по-прежнему, его доходною статьей, потому именно, что существуетъ контрактъ съ г. Уайнсомъ, который никому не выгодно выкупать. Контрактъ этотъ заключенъ съ 1 іюля 1866 года на 8 лѣтъ, т. е. по 1 іюля 1874 г. Г. Уайнсену, стало быть, остается пользоваться имъ около 6 лѣтъ. За расторженіе контракта онъ требуетъ 7 милл. 600 тысячъ рублей, да за окончаніе его процесса, по-прежнему контракту, 5 милл., да еще въ уплату ему за запасы матеріаловъ и частей 1½ милл. Однимъ словомъ, онъ желаетъ получить болѣе 14 милліоновъ рублей. Громадность этой суммы показываетъ, между прочимъ, и громадную выгоду контракта для г. Уайнсенса. Кто бы ни принималъ на себя желѣзную дорогу, безъ участія г. Уайнсенса, тотъ, очевидно, долженъ заплатить ему эти лишніе 14 милліоновъ, или требовать, чтобы ихъ заплатило правительство, что все равно, потому что на столько же предложеніе его для казны будетъ менѣе выгодно. Спасити отъ г. Уайнсенса Николаевскую желѣзную дорогу, будетъ ли она продана или нѣтъ, можетъ только одинъ, скольконибудь благоразумный § 84 контракта, въ силу котораго правительство имѣетъ право прекратить этотъ контрактъ по прошествіи шести лѣтъ, т. е. 1 іюля 1872 года, заплативъ контрагенту сумму,

равную только 20% всей контрактной суммы за предыдущія 6 лѣтъ. А въ такомъ случаѣ можно утверждать, что г. Уайнсену осталось пользоваться контрактомъ всего около четырехъ лѣтъ. За 4 года уплачивать 8 милл. 600 тысячъ (процессное вознагражденіе оставимъ въ сторонѣ) — ни съ чѣмъ несообразно: вѣдь это придется по два милліона въ годъ! Надобно думать, что на этотъ § 84 будетъ, наконецъ, обращено вниманіе, хотя бы для умѣренія требовательности г. Уайнсенса, если только въ истекающихъ двухъ годахъ со времени возобновленія контракта не было достаточно данныхъ, чтобы просто уничтожить контрактъ на основаніи § 48, а именно, по недостаточности и неудовлетворительности подвижного состава. Дѣло о продажѣ Николаевской дороги едва ли не усложнено той самой мѣрою, которая была предпринята для облегченія ея. Правительство сдѣлало въ прошломъ году, безъ яснаго обозначенія—подъ залогъ ли дороги или нѣтъ—заемъ въ 75 милл., изъ которыхъ реализировано только 44 милл. 500 тысячъ металлическихъ рублей. Уплату процентовъ и погашеніе по этому займу, именно 3,115,540 р., долженъ принять на себя приобрѣтатель дороги. Сверхъ того, онъ долженъ предоставить правительству новый заемъ, который надо сдѣлать выпускомъ новыхъ облигацій.

Главное общество за пользованіе Николаевскою дорогою въ теченіи 84 лѣтъ предлагаетъ платить изъ валового дохода, на проценты и погашеніе обоихъ этихъ займовъ, 6 милл. металлическихъ рублей изъ дохода, съ тѣмъ, чтобы правительство гарантировало эту сумму дохода, и потому требуетъ изъ новаго займа предоставленія себѣ части его, именно около 13½ милл. бумажныхъ рублей на исправленіе дороги. Оно требуетъ еще 1½% изъ валового дохода, пока не составится капиталъ въ 3 милл. рублей, для замѣны мостовъ деревянныхъ желѣзными. Изъ избытка дохода противъ упомянутыхъ 6 милл., Главное общество предоставляетъ правительству ¾, на пополненіе его гарантіи по дорогамъ варшавской и нижегородской, и затѣмъ на уплату долга Общества правительству (84 милл. р.).

Московское общество предлагаетъ платить правительству ежегодно 7½ милл. бумажныхъ рублей, не требуя гарантіи въ поступленіи такого дохода и даже предлагая залогомъ. На исправленіе дороги оно не требуетъ себѣ доли изъ новаго предполагаемаго займа, а обязуется само собрать съ этой цѣлью 15 милл. бумажныхъ денегъ и опять предлагаетъ залогомъ; расходъ по замѣнѣ деревянныхъ мостовъ желѣзными оно принимаетъ на себя. Наконецъ, изъ излишка доходовъ, за исключеніемъ изъ валового сбора 50% на эксплуатацію и 7½ милл., только по истеченіи 10 лѣтъ предлагаетъ дѣлиться съ правительствомъ, предоставляя ему 40%, себѣ 40%, а 20% на улучшеніе дороги же.

Итакъ, Московское общество въ предложеніяхъ своихъ руковод-

въ виду, что доходъ съ дороги возросъ съ 5 до 14 милл., оно главнымъ образомъ разсчитываетъ на будущее и предлагаетъ для этого затраты въ настоящемъ (такъ, вознагражденіе г. Уайненсу оно беретъ пополамъ съ правительствомъ, между тѣмъ, какъ Главное общество оставляетъ его на одномъ правительствѣ). Главное же общество, какъ должникъ правительства, имѣетъ въ виду весь почти излишекъ въ будущемъ обратить на погашеніе своего почти неоплатнаго долга. Сторонники Московскаго общества сильно напираютъ на тотъ фактъ, что оно предлагаетъ правительству не 6 милл. ежегодно, а 7½. Но спрашивается, сколько доставятъ барыша казнѣ эти 1½ милл. въ 84 года, когда всѣ 7 милл. предлагаются *бумажно*, а Главное общество предлагаетъ ихъ звонкою монетою. Что Московское общество не требуетъ гарантіи для дохода, который оно обѣщаетъ правительству, это, конечно, преимущество предъ Главнымъ обществомъ; но не слѣдуетъ преувеличивать его значенія, такъ какъ ясно, что расходы по эксплуатаціи могутъ быть сокращены, по меньшей мѣрѣ, до 50% (это можно даже поставить въ условіе гарантіи), а тогда доходъ изъ нынѣшняго валового дохода 14 милл. будетъ не 6, а даже 7 милл., стало быть гарантія не опасна.

Нѣтъ сомнѣнія, что при равныхъ условіяхъ выгоднѣе предпочесть своихъ; но такъ какъ дѣло связано съ заключеніемъ новаго займа, то спрашивается, въ состояніи ли будетъ Московское общество сдѣлать его, и сдѣлать такъ выгодно, какъ Главное общество, котораго акціи и облигаціи котированы на всѣхъ европейскихъ биржахъ. Весь вопросъ въ томъ, солидна ли московская компанія. Противъ Главнаго общества говоритъ беспорядочное его хозяйство въ первую эпоху его существованія; но и въ такомъ случаѣ благоразуміе требуетъ, со стороны правительства, поддержать своего должника, и доставить ему всѣ средства къ возвращенію долга.

Первыя предложенія г. Уайненса были соблазнительнѣе всѣхъ. Мы не станемъ исчислять ихъ, такъ какъ не знаемъ, въ какомъ видѣ онъ возобновитъ ихъ. Скажемъ только, что онъ предлагалъ просто уплатить правительству звонкою монетою 75-милліоновъ, да еще жертвовалъ на портъ въ Ораніенбаумѣ. Это, конечно, составляетъ меньшій итогъ, чѣмъ годовичная уплата процентовъ и капитала другими обществами по прежнему, да еще новому займу и дѣлеть избыткомъ доходовъ въ будущемъ. Но за то, какъ соблазнительно! Г. Уайненсъ на это дѣло мастеръ. Если же сообразить, что за эти 75 мил., онъ получалъ бы въ теченіи 84 лѣтъ весь доходъ съ дороги, который можетъ возвыситься въ теченіи такого времени до средней цифры милліоновъ до 20 (хотя бы и бумажными деньгами), то дѣло будетъ какъ говорится «не безвыгодное». Правда, что онъ лишился бы на 4 года

непомѣрныхъ выгодъ отъ своего контракта, но за то же ему не пришлось бы выкупать его. Онъ потерялъ бы, быть можетъ, милліона 4, но за то не заплатилъ бы 14 мил., которыхъ теперь требуетъ себѣ. Стало быть не остался бы въ накладѣ.

Такимъ образомъ, положеніе всего вопроса въ настоящую минуту можно опредѣлить такъ: г. Уайненсъ дѣлаетъ предложеніе соблазнительное. Московская компанія имѣетъ то достоинство, что она своя и предложеніе ея выгодно; но солидна ли она? Наконецъ, Главное общество — предлагаетъ меньше, но оно уже такъ солидарно съ казною своимъ долгомъ, что помочь ему не все равно, что помочь кому нибудь постороннему.

Техническія условія для передачи николаевской дороги составлены особою комиссіею, подъ предѣдательствомъ графа Строгонова, и опубликованы. Говорятъ, что всѣ конкуренты потребовали значительныхъ въ нихъ измѣненій. Теперь въ министерствѣ финансовъ составляются условія финансовыя. Затѣмъ, предложенія конкурентовъ поступаютъ въ комитетъ министровъ.

Развитіе желѣзныхъ дорогъ у насъ, теперь уже согласно признаваемое всѣми за одну изъ главныхъ потребностей Россіи, будетъ непременно имѣть вліяніе на вашу торговлю и производительность, какъ земледѣльческую, такъ и фабричную. На самомъ дѣлѣ, только желѣзныя дороги могутъ поставить въ правильныя условія и торговлю и производительность. Фальшивость какаго-либо принципа лучше всего доказывается такимъ проявленіемъ его, которое представляетъ посягательство на самую цѣль, для которой оно заявляется. Что торговля и производительность всякаго рода находятъ сильный рычагъ въ желѣзныхъ дорогахъ — это не подлежитъ сомнѣнію. Что желѣзно-дорожное дѣло, въ свою очередь, да и вся производительность могутъ преслѣдовать только при дешевизнѣ и распространенности машинъ — это тоже аксіома. Дешевизна, доступность хорошихъ машинъ представляетъ одно изъ главныхъ основаній развитія какъ желѣзныхъ дорогъ, такъ и большинства отраслей фабричнаго производства. Между тѣмъ, наши ревнители отечественной производительности подняли руку именно на это основаніе. Тарифная комиссія нашла, что беспошлинное допущеніе машинъ въ Россію нарушаетъ интересы нашихъ механическихъ заводовъ, и рѣшила ввести покровительственныя пошлины на ввозъ машинъ. И это въ то время, когда Россія такъ нуждается въ развитіи желѣзныхъ дорогъ, въ то время, когда производительность въ ней такъ нуждается въ усовершенствованныхъ механизмахъ! Здѣсь, можно прямо сказать, система «покровительства» внутренней производительности сама подняла руку на эту производительность. Фальшивый принципъ, развиваемый логически, непременно ведетъ къ абсурду. Тарифная комиссія позаботилась о проведеніи логики протекціонизма.

Какъ интересы большинства, т. е. потребителей, протекціонизмъ приносить въ жертву интересамъ меньшинства, т. е. фабрикантовъ, такъ онъ же интересы большинства самихъ фабрикантовъ — мало того, интересы какъ фабричной, такъ и земледѣльской производительности — приносить въ жертву нѣсколькимъ владѣльцамъ механическихъ заводовъ. За тѣмъ, остается еще одинъ шагъ: сдѣлать стачку немногихъ существующихъ у насъ механическихъ заводовъ и предупредить даже и внутреннюю конкуренцію крупнымъ заводчикамъ. Тогда останутся у насъ и желѣзно-дорожное дѣло, и усовершенствованіе земледѣлія машинами, и стѣснится всякое производство, нуждающееся въ машинахъ, и все это будетъ сдѣлано «въ интересахъ *всей* производительности». Quos deus perdere vult...

Такимъ подвигомъ тарифная коммисія ознаменовала послѣдній мѣсяцъ своей дѣятельности, явивъ собою развѣ еще одинъ примѣръ того, какъ мало способно всякое замкнутое въ своихъ интересахъ сословіе къ предпочтенію интересовъ общихъ своимъ непосредственнымъ, хотя бы фальшиво понятымъ барышамъ. Протекціонизмъ — иностранное слово, у насъ съ этой минуты можетъ быть замѣнено своимъ; протекціонизмъ — это значитъ барышничество, искусственное возвышеніе цѣны.

Результаты работъ тарифной коммисіи переносятся теперь въ другой комитетъ, составленный изъ лицъ исключительно правительственныхъ, подъ предсѣдательствомъ К. В. Чевкина. Какъ мы слышали, въ этомъ комитетѣ обложеніе ввозныхъ машинъ пошлиною имѣетъ мало шансовъ на успѣхъ, и подвигъ нашего мануфактурнаго «самоуправленія» остается только пріятнымъ примѣромъ для противниковъ начала самоуправления вообще, которое бываетъ благотворно единственно подъ условіемъ соглашенія частныхъ интересовъ съ общими; иначе это будетъ — самоуправство. Чѣмъ бы кончилось дѣло, еслибъ Петръ В. созвалъ комиссію, на подобіе нынѣшней тарифной, для рѣшенія вопроса, слѣдуетъ ли къ намъ вводить иностранные порядки, или нѣтъ. Тарифная коммиссія даетъ намъ близкое понятіе о томъ, какъ былъ бы рѣшенъ тогда этотъ вопросъ.

Въ области внѣшней политики продолжаютъ симптомы такъ называемаго «колебанія союзовъ». Съ тѣхъ поръ, какъ европейскія правительства отказались отъ союзовъ по принципамъ, съ тѣхъ поръ, какъ въ числѣ этихъ правительствъ явились такія, которыхъ происхожденіе не однородно съ происхожденіемъ остальныхъ, и какъ эти остальныя, отложивъ принципы въ сторону, стали вступать съ первыми въ союзы, смотря по надобности, стали заключать союзы даже съ силами совершенно неправоительственными, но не подчиняясь имъ, не

отыскивая въ нихъ новаго принципа, а думая только обратить ихъ въ свои орудія на данный случай—съ этихъ поръ «колебаніе союзовъ» сдѣлалось явленіемъ господствующимъ. Рядомъ съ такими правительствами, каково въ Англіи, въ Россіи, на нашихъ глазахъ явились правительства въ Германіи и Италіи, обязанныя своимъ происхожденіемъ такимъ силамъ, противъ которыхъ они долгое время боролись упорно; имъ предшествовало французское правительство, имѣющее также происхождение *sui generis*; дѣйствуя внутри безъ всякихъ принциповъ, они также развязны и во внѣшней политикѣ, въ выборѣ союзовъ не только съ правительствами, но и съ силами неправительственными, какъ напр. Франція поддерживала польское возстаніе. Долго ли продолжится такое положеніе дѣлъ — предвидѣть нельзя, но можно утверждать, что оно прекратится только вмѣстѣ съ великимъ недоразумѣніемъ, заставляющимъ видѣть въ принципахъ только орудія, позволяющимъ забывать, что эти сегодняшніе наши слуги копятъ себѣ достойное опинками господъ, и, наконецъ, явятся сами господами, когда слабые, ветхіе изъ этихъ слугъ исчахнутъ окончательно на службѣ, а юные, бодрые, свѣжіе предъявятъ ко взысканію подписанные въ ихъ пользу векселя. Исторія ведетъ человѣчество впередъ иногда путемъ недоразумѣній. Слишкомъ ясная постановка вопросовъ обусловила бы взаимную нейтрализацію силъ — застой. При преобладаніи такой политики, понятво, отношенія между государствами могутъ ежедневно колебаться, и достаточно одной поѣздки наслѣднаго принца прусскаго для присутствованія при свадьбѣ итальянскаго принца, чтобы въ отношеніяхъ Пруссіи съ Италіею произошли какія-либо перемѣны, чтобы между ними были заключены какіе-либо временные уговоры. Въ,настоящую минуту, достаточно было поѣздки принца Наполеона въ Берлинъ, чтобы смутить спокойствіе всей Европы. И въ самомъ дѣлѣ, почему же нѣтъ? Вѣдь императоръ Наполеонъ можетъ имѣть въ виду такую комбинацію, чтобы склонить Пруссію на свою сторону, отказавшись отъ всякаго противодѣйствія полному объединенію Германіи и затѣмъ двинуться съ Австріею и Пруссіею (или при нейтралитетѣ Пруссіи) на Россію. Дада его это сдѣлалъ; онъ можетъ мечтать объ этомъ. Но ничто не мѣшаетъ ему также остановиться на комбинаціи прямо противоположной: предложить Россіи чрезъ Пруссію свое согласіе на возбужденіе восточнаго вопроса въ большихъ размѣрахъ. Если Пруссія допуститъ это, то Россія современемъ уже не будетъ имѣть нужды въ Пруссіи и не станетъ защищать ее противъ нападенія Франціи и Австріи. Если Пруссія отвѣтитъ отказомъ—она поколеблетъ свои дружественныя отношенія къ Россіи. Однимъ словомъ, нынѣшняя политика до такой степени сдѣлалась способною на все и годною ко всему, что, по выраженію Наполеона III, въ наше время ошибается только тотъ, кто думаетъ, что онъ дѣйствуетъ по заранѣе обдуманному плану,

и знаетъ, чего онъ хочетъ. Могутъ ли быть союзы, при этомъ качествѣ политики, прочны, и есть ли такое ничтожное событіе, которое не опрокинуло бы въ одинъ день комбинаціи цѣлаго мѣсяца?

Поѣздку принца Наполеона объясняли именно тѣми двумя, вышеназванными, способами. Какъ бы мечтательны эти объясненія намъ ни казались—особенно послѣднее, представленное берлинскимъ корреспондентомъ «Times»—мы не можемъ безусловно отвергнуть ихъ. Вѣдь мы видѣли же, какъ императоръ Наполеонъ замышлялъ поднять латинскую расу основаніемъ имперіи за океаномъ, въ сѣверной Америкѣ—проектъ неменѣе мечтательный! Несомнѣнно, что въ Берлинѣ происходило, во время пребыванія тамъ французскаго принца, нѣкоторое колебаніе. Партія «Крестовой газеты» сильно высказывалась противъ сдѣлокъ съ Франціею, утверждая, что въ дѣйствительности Франція замышляетъ нападеніе на Пруссію, въ союзѣ съ Австріею и Италіею. По возвращеніи принца въ Парижъ, офиціозныя французскія газеты, прежде отвергавшія политическую цѣль поѣздки его въ Берлинъ, стали провозглашать, что она имѣла весьма благопріятныя послѣдствія «для поддержанія мира». Пронесся даже слухъ о новомъ свиданіи между императоромъ Наполеономъ и прусскимъ королемъ въ будущемъ іюнѣ.

Между тѣмъ, по свѣдѣніямъ изъ Берлина, которыя теперь подтверждены изъ Парижа, прусское правительство разослало циркуляръ, въ которомъ объясняетъ, что поѣздка принца не имѣла политической цѣли, и находитъ нужнымъ какъ бы оправдаться въ самомъ составленіи такого циркуляра, прибавляя, что отношенія между прусскимъ и французскимъ правительствами, по прежнему, самыя дружественныя. Изъ сопоставленія этихъ фактовъ можно бы вывести заключеніе, что поѣздка принца въ Берлинъ не имѣла успѣха, что Пруссія отказывается поддаваться на какіе бы то ни было проекты со стороны Наполеона, хорошо зная, что у насъ не ошибутся насчетъ причинъ, руководящихъ ею при отказѣ. Мы говоримъ: «можно бы вывести это заключеніе»,—но и выводить-то его въ сущности не для-чего: дѣло слишкомъ ясно само по себѣ.

Между тѣмъ, восточный вопросъ такъ и остался отсроченнымъ на неопредѣленное время, заторможенный Франціею, Англіею и Австріею. Великій визирь возвратился съ Кандіи съ увѣреніемъ, что тамъ все кончено, и Порты уже предпринимаетъ изгладить даже тотъ послѣдній протестъ кандіотовъ, который выразился въ ихъ эмиграціи. Въ новомъ циркулярѣ, Фуадъ-паша увѣряетъ, что сами эмигранты просятъ дозволенія возвратиться, и, сообщая объ этомъ въ Аѳины особою депешею, требуетъ, чтобы греческое правительство «не препятствовало выѣзду эмигрантовъ», такъ какъ это было бы «секвестрованіемъ подданныхъ султана». Мы совершенно согласны съ доводами, которыми

«Journal de St.-Petersbourg» безъ труда доказываетъ несообразность такого утверженія. Но нельзя не замѣтить при этомъ, что въ результатѣ дипломатической кампаніи по восточному вопросу осазательны — только одни бѣдствія кандіотовъ!

Ирландскій вопросъ, представившій обширное поле для борьбы партій, подвигается къ развязкѣ только во мнѣніи британскаго общества, но не на почвѣ законодательства. Успѣхи сдѣланные имъ въ мнѣніи политическихъ людей Англіи, указаны ниже, въ особой статьѣ. Здѣсь мы изложимъ въ краткихъ чертахъ парламентскую его постановку. Недавно продолжено дѣйствіе болѣе пріостанавливающаго въ Ирландіи силу закона о личной неприкосновенности — Habeas Corpus Act. Затѣмъ, правительство внесло проектъ нѣкоторыхъ мѣръ для облегченія положенія Ирландіи, именно: постройку новыхъ желѣзныхъ дорогъ, учрежденіе католическаго университета, нѣсколько неважныхъ облегченій въ положеніи арендаторовъ земель и назначеніе комиссіи для изслѣдованія поземельнаго вопроса. Церковный вопросъ обсуждается другою комиссіею, и до представленія его доклада правительство не намѣрено касаться этого вопроса. Оно выражаетъ сознаніе, что въ немъ «возможны нѣкоторыя измѣненія», но полагаетъ, что эти измѣненія долженъ сдѣлать уже новый парламентъ. Такъ выразился Дизраэли въ палатѣ общинъ, и выразился согласно съ бристольской рѣчью лорда Стэнли.

Сверхъ того, правительство представило палатѣ общинъ новый избирательный законъ для Ирландіи, какъ распространеніе на нее реформы 1867 г. Правительственный проектъ далеко не либераленъ и обнаруживаетъ именно недовѣріе къ этому самому сельскому классу, объ улучшеніи быта котораго министерство заявляетъ притворную попечительность. Въ графствахъ предполагается оставить существующій цензъ—12 фунтовъ; въ городахъ, цензъ съ 8 фунтовъ понижается до 4. Та часть новаго закона, которая производитъ перемѣны въ распредѣленіи представительства по мѣстностямъ, предлагаетъ лишеніе 6-ти мѣстечекъ представительства и увеличеніе представителей города Дублина (2) однимъ. Въ графствахъ избирательство будетъ по участкамъ, такъ что результатъ выборовъ будетъ зависѣть отъ господствующей партіи, а меньшинству не представится возможности проводить своихъ представителей.

Предложеніями правительства недовольны ни либералы, ни радикалы, ни большинство ирландцевъ, — какъ о томъ свидѣтельствуютъ митинги въ Ирландіи. Только горячіе католики склоняются въ пользу правительства проектомъ о католическомъ университетѣ. Замѣчательно, что даже «адуллаты», т. е. члены котеріи изъ виговъ, боровшейся однако противъ избирательной реформы, напали на правительственныя предложенія. Эта оппозиція гг. Лоу и Горсмена показываетъ,

что министерство судитъ нѣтъ противъ себя, въ коненте рѣшеніе все, что не принадлежитъ къ непосредственнымъ его приверженцамъ и части ирландцевъ, а это судить ему поражение. Борьбу противъ правительства вели въ нѣсколькихъ засѣданіяхъ Горсментъ, Лоу, Милль Брайтъ, который въ особенности настаивалъ на необходимости сравненія церквей въ Ирландіи. Правительство защищали Гарди и Норткотъ

Затѣмъ выступили на бой вождь оппозиціи и глава министерства Гладстонъ энергически настаивалъ на упраздненіи англиканскаго *establishment* въ Ирландіи и издѣвался надъ обѣщаніемъ правительства назначить еще комиссію для изученія этого вопроса. Онъ сказалъ, что если министерство не измѣнитъ значительно своихъ предложеній, то палата выразитъ ему недовѣріе. Дизраэли объяснилъ, что вопросъ объ уничтоженіи господства англиканской церкви въ Ирландіи — не мѣстный, а общій, и что оппозиція имѣетъ въ виду, вслѣдствіе за рѣшеніемъ этого вопроса въ Ирландіи, уничтожить государственную церковь и въ самой Англій, но это значило бы потрясти весь порядокъ, завѣщанный вѣками, и за это можетъ, во всякомъ случаѣ, приняться только новое представительство страны. Онъ сильно защищалъ связь между государствомъ и церковью, и утверждалъ, что отиѣна *establishment* не можетъ не быть сопряжена съ конфискаціею, съ насиліемъ надъ частными интересами (между тѣмъ, ораторы оппозиціи тщательно оговариваютъ намѣреніе свое избѣгнуть всего похожаго на конфискацію и оградить частные интересы).

Вслѣдствіе этихъ преній, въ печати заявленъ былъ слухъ о рѣшимости министерства распустить парламентъ, въ случаѣ неблагопріятнаго ему рѣшенія по предложенію Гладстона. Затѣмъ, Гладстонъ внесъ свое предложеніе, состоящее изъ трехъ резолюцій, которыя предлагаютъ отиѣну англиканской церкви въ Ирландіи въ смыслѣ государственнаго учрежденія, съ огражденіемъ притомъ частныхъ интересовъ и правъ собственности и представленіе королевѣ адреса въ этомъ смыслѣ. По обоюдному согласію *leader*’овъ министерства и оппозиціи обсужденіе резолюцій Гладстона было назначено на 30 (18) марта. Между тѣмъ, за два дня до этого срока, лордъ Стэнли заявилъ въ палатѣ общинъ, что министерство признаетъ необходимость измѣненій въ положеніи ирландской церкви, но вопросъ объ отиѣнѣ ея считаетъ необходимымъ предоставить уже новому парламенту.

Въ назначенный день началось генеральное сраженіе. Гладстонъ защищалъ свои резолюціи, а министерство, въ лицѣ лорда Стэнли вѣрное той тактикѣ, которою оно старалось въ прошломъ году затормозить реформу, представило поправку къ предложеніямъ Гладстона лишаящую ихъ значеніе. Въ преніяхъ участвовало много ораторовъ но Дизраэли не говорилъ, и пренія отложены.

Относительно другихъ вопросовъ, касающихся Ирландіи, прибавимъ

что и оппозиція, въ лицѣ Гладстона, и всѣ ирландскіе депутаты находятъ избирательный законъ, внесенный правительствомъ, недостаточнымъ, а ирландскіе радикалы, сверхъ того, возстаютъ противъ учрежденія католическаго университета, какъ палліативнаго средства, и требуютъ для Ирландіи бѣльшей самостоятельности въ управленіи.

По всему видно, что ирландскій вопросъ пріобрѣтаетъ нынѣ особое значеніе: это — поле, на которомъ готовится радикальное измѣненіе въ церковномъ и поземельномъ вопросѣ въ самой Англій. Консерваторовъ особенно пугаетъ не мѣстное, а именно это общее значеніе ирландскаго вопроса. «Старой» Англій нельзя его рѣшить безъ того, чтобы не перестать быть *Old England*.

Перемѣна, происшедшая въ англійскомъ министерствѣ, не будетъ имѣть вліянія на ходъ дѣла. Въ кабинетъ вступили только два новые члена и во главѣ его сталъ главный членъ прежней администраціи, который успѣшилъ заявить, что онъ будетъ руководствоваться тѣми же принципами, которые лежали въ основаніи политикѣ, 20 лѣтъ связывавшей г. Дизраэли съ графомъ Дэрби. Политику эту новый первый лордъ казначейства опредѣлилъ такъ: «либерализмъ на почвѣ историческаго наслѣдія—внутри; миролюбіе, основанное не на эгонистическомъ самоустроеніи, а на сознаніи общей потребности въ мирѣ—извнѣ». Измѣненіе, послѣдовавшее въ кабинетѣ, примѣчательно собственно тѣмъ, что, во главѣ аристократической Великобританіи, сталъ человѣкъ, не имѣющій ничего общаго съ «благородною норманскою кровью». Британское общество давно привыкло къ громадному, но закулискому вліянію Ротшильдовъ на дипломатическія дѣла всей Европы. Еще Байронъ сказалъ, что свѣтомъ управляютъ не народы, и не геній, а —

Jew Rothschild and Christian Baring.

Но видѣть во главѣ своего официальнаго міра Бенджамина Дизраэли, пробившагося изъ народа, «изъ толпы», литератора и журналиста, — для Великобританіи непривычное зрѣлище. Такого примѣра не было со времени Джоржа Каннинга, тоже пробившагося изъ толпы литературою и журналистикою.

Не безъ волненія, самъ Дизраэли представился палатѣ общинъ, въ качествѣ перваго министра. Пишутъ, что голосъ этого испытаннаго парламентскаго борца дрожалъ, когда онъ всталъ съ новаго своего мѣста на министерской скамьѣ, противъ знаменитаго, краснаго *de-spatch-box* ¹⁾. Этотъ, въ высшей степени честолюбивый человѣкъ, ска-

¹⁾ Скамья министровъ (*Treasury bench*) находится по правую сторону стола, за которымъ сидятъ сикеръ и секретари. На *противоположной* скамьѣ (лѣво отъ стола) сидятъ вожди оппозиціи. Отсюда выраженіе: *the gentlemen on the opposite side of the house* — члены противной партіи.

увеличивают принимаемое мною бремя и усиливают трудности». Одинъ изъ членовъ консервативной партіи, Смоллеттъ, счелъ даже нужнымъ высказать странность положенія новаго главы правительства, сказавъ, въ очень прозрачныхъ намекахъ, что консервативный кружокъ, къ которому принадлежитъ онъ, Смоллеттъ, не признаётъ своимъ вождемъ г. Дизраэли, при чемъ, съ циническою настойчивостію, повторилъ эту фамилію.

Но, не въ этомъ дѣло. Впечатлѣніе поверхностное изгладится. Дизраэли — законный вождь консервативной партіи, и пока она въ управленіи, онъ долженъ стоять во главѣ ея. Но дѣло въ томъ, что консервативная партія сама слаба и въ странѣ, и въ ея представительствѣ. При самомъ дебютѣ Дизраэли, г. Боуври бросилъ торійскому министерству упрекъ въ «парламентской слабости». Партія его составляетъ въ общинахъ меньшинство и держится только «потому, — какъ выразился тотъ же ораторъ о либералахъ, что у насъ — вожди, которые не хотятъ вести насъ, и послѣдователи, которые не хотятъ слѣдовать». Но фракціи либеральной партіи легко могутъ сойтись на ирландскомъ вопросѣ, не дожидая другого повода, и тогда министерство должно будетъ или пасть, или распустить парламентъ. По всѣмъ вѣроятностямъ, оно рѣшится на послѣднее.

Когда въ сѣверной Америкѣ рѣшилась борьба между союзомъ и распаденіемъ, превратившаяся въ борьбу свободы съ рабовладѣніемъ, когда палъ Ричмондъ, и Джефферсонъ Девисъ былъ пойманъ въ женской одеждѣ, никому въ голову не приходило, что восторжествовавшая республика будетъ судить своего президента прежде, чѣмъ президента мятежной конфедерации. Но случилось такъ. Формальный судъ надъ Джонсономъ долженъ былъ начаться 30 (18) марта, а судъ на Дж. Девисомъ начнется полмѣсяца спустя (14 (2) апрѣля).

Мы не будемъ излагать спора между президентомъ и конгрессомъ, предполагая элементы его извѣстными. Скажемъ только, что если формальное истолкованіе конституціонной системы можетъ быть приводимо въ оправданіе Джонсона, то весь смыслъ событій и вся правда свободы — противъ него. Если была громадная война, если принесены въ жертву миллионъ жизней и издержано три миллиарда рублей на охраненіе союза, то здравый смыслъ требуетъ, чтобы за эту страшную цѣну Америка приобрѣла *полную* свободу бывшихъ невольниковъ, давъ имъ полное уравненіе, которое одно можетъ предупредить въ будущемъ новое отдѣленіе юга, вслѣдствіе постепеннаго закрѣпощенія вновь «фридменовъ». Не скорое возстановленіе конституціонныхъ правъ юга важно, а важно полное осуществленіе гражданскаго и политическаго уравненія невольниковъ, которое одно вырветъ корень раздора.

«The ballot is peacemaker, the ballot is reconciler!» сказалъ ра-

днѣмъ Сената въ 1868 году, при обсужденіи билля о расширеніи власти покровительствующаго неграмъ Freedmen's Bureau: «Только избирательное право (предоставленное неграмъ) умиротворитъ насъ»! Въ этихъ словахъ заключается великая истина, обусловленная фактами, и истина эта осуждаетъ Джонсона, вѣчно являвшагося со своимъ veto между легальной отмѣною невольничества и полнымъ осуществленіемъ ея на дѣлѣ.

Результаты суда скоро сдѣлаются извѣстными, такъ какъ республиканская партія приняла всѣ мѣры, чтобы процессъ не былъ продолжителенъ. Просьба Джонсона о 40-дневной отсрочкѣ подачи отзыва на обвинительный актъ, была отвергнута и, 23 (11) числа, въ назначенный срокъ президентъ прислалъ свой отзывъ. Съ своей стороны, палата представителей подала въ сенатъ, обращенный въ верховный судъ, свой отзывъ, что ни отъ одного изъ пунктовъ составленнаго ею обвинительнаго акта, она не отступаетъ.

По всей вѣроятности, судъ признаетъ Джонсона виновнымъ въ нарушении закона о должностяхъ въ дѣлѣ Стантона, и произнесетъ отрѣшеніе президента отъ должности. Тогда, какъ извѣстно, въ должность президента вступить президентъ сената, Бенджаминъ Уэдъ. Но жаркія пренія, происходившія при обсужденіи вопроса о томъ, можетъ ли быть допущенъ Уэдъ къ присягѣ въ безпристрастіи, такъ какъ онъ самъ — заинтересованное лицо, доказываютъ, что въ процессѣ могутъ произойти непредвидѣнные случаи, способные устроить предполагаемое рѣшеніе.

Дѣло, послужившее непосредственнымъ поводомъ къ отдачѣ Джонсона подъ судъ — дѣло о смѣнѣ заслуженнаго военнаго министра Стантона, съ комическимъ эпизодомъ бесплоднаго проявленія авторитета двумя министрами, поочередно назначенными Джонсономъ вмѣсто Стантона — Томасомъ и Иуингомъ (Ewing), скомпрометировало Джонсона такъ, что дальнѣйшее президентствованіе его кажется невозможнымъ. Даже, въ случаѣ оправданія судомъ, онъ, вѣроятно, найдетъ приличіе всего удалиться добровольно. Эпизодъ, о которомъ мы говоримъ, обнаружилъ также важный, утѣшительный фактъ, что въ Соединенныхъ Штатахъ армія, несмотря на авторитетъ, данный ей войною, и не смотря на заискиванье верховной власти, остается строго на сторонѣ конституціи и не отдѣляется отъ народа. Теперь можно сказать, что республика вышла съ торжествомъ изъ двухъ противоположныхъ опасностей: — распаденія по слабости центральной силы и уничтоженія свободы этой силою, окрѣпшей во время войны. *Impeachment* Джонсона было бы въ этомъ смыслѣ не двусмысленнымъ угнѣчаніемъ зданія свободы великой народнои державы.

войска за Вислу и отдать назадъ герцогство Ольденбургское, интриги Англiи и континентальная система, усилiя монарховъ европейскихъ восстановить *les bons principes* добраго стараго времени, неумѣнье Россiи и Австрiи скрыть свой союзъ отъ Наполеона, неловкость въ изложенiи *memoirandum*'а за № 178, и т. д., и т. д. Что же намъ скажутъ не-историка, люди, созерцающiе всякое событiе съ незатемнѣннымъ, здравымъ смысломъ? Они намъ скажутъ, что всѣ указанныя причины — вздоръ, что все это казалось современникамъ, и что «такой же причиной, какъ отказъ Наполеона отвести свои войска за Вислу и отдать назадъ герцогство Ольденбургское, представляется намъ (т. е. не-историкамъ, созерцающимъ событiе съ здравымъ смысломъ) желанiе или нежеланiе перваго французскаго капрала поступить на вторичную службу: ибо, ежели бы онъ не захотѣлъ идти на службу, и не захотѣлъ бы другой и третiй и тысячный капралъ и солдатъ, на столько менѣе людей было бы въ войскѣ Наполеона, и войны не могло бы быть». Однимъ словомъ, представьте себѣ, что ни одинъ солдатъ не захотѣлъ бы сдѣлать прогулку съ Наполеономъ въ Россiю, то безъ сомнѣнiя война 1812 года не могла бы состояться. Но почему именно ни одинъ изъ наполеоновскихъ солдатъ не могъ въ этомъ случаѣ имѣть какой нибудь особенной воли, которая не была бы волею Наполеона — вотъ это-то именно и ускользаетъ отъ романиста, быть можетъ потому, что его взоры слишкомъ просвѣтлены и разсѣяны по мелочамъ жизни. Вотъ почему романистъ, внеся свою дробность воззрѣнiй въ общую исторiю, долженъ будетъ, какъ гр. Л. Н. Толстой, сказать: «Человѣкъ сознательно живетъ для себя, но служитъ *безсознательнымъ* орудiемъ достиженiя историческихъ, общечеловѣческихъ цѣлей... Чѣмъ выше стоитъ человѣкъ на общественной лѣстницѣ, чѣмъ съ большими людьми онъ связанъ, тѣмъ больше власти онъ имѣетъ на другихъ людей, тѣмъ очевиднѣе *предопредѣленность* и неизбежность каждаго его поступка (эти слова напоминаютъ намъ введенiе Наполеона III-го къ биографiи Юлiа Цезаря). Сердце царево въ рукахъ Божией. — Царь — есть рабъ исторiи». — И все это авторъ заключаетъ опредѣленiемъ исторiи, какъ «безсознательной, общей, роевой жизни человѣчества». Но авторъ не могъ остановиться на этомъ, и самъ себя увлекъ до конца, перенеся свое убѣжденiе о мнимомъ смыслѣ исторiи вообще на мнимый смыслъ всякой человѣческой науки. По его мнѣнiю, въ разъясненiи себѣ причинъ того или другаго событiя не далеко ушли другъ отъ друга и ботаникъ и ребенокъ. Упало съ дерева яблоко, говоритъ авторъ; почему оно упало? На это вы имѣете два отвѣта: одинъ принадлежитъ ботанику, который, взявъ въ руки яблоко, осмотрѣлъ мѣсто разрыва; другой отвѣтъ данъ ребенкомъ, стоявшимъ подъ деревомъ. «И тотъ ботаникъ, который найдетъ, что яблоко падаетъ оттого, что клѣтчатка разлагается и тому подоб-

ное, будетъ также правъ, какъ и тотъ ребенокъ, стоящій внизу, который скажетъ, что яблоко упало оттого, что ему хотѣлось съѣсть его, и что онъ молился объ этомъ». Много ироніи надъ тщетою человѣческихъ познаній — скажетъ кто нибудь при этомъ сравненіи; но источникъ ироніи заключенъ въ самомъ же авторѣ, скользящемъ незамѣтно по границѣ скептицизма и мистицизма. Не наши познанія тщетны, но тщетны иные вопросы, съ которыми нѣкоторые обращаются къ познанію. Для человѣческихъ познаній необходимо и полезно изслѣдованіе ботаникомъ клѣтчатки; если ботаникъ не усмотритъ въ ней причины паденія яблока, онъ пойдетъ дальше, чего ребенокъ, или оставшійся на всю жизнь ребенкомъ, не сдѣлаетъ. Познанія ботаника и ребенка бывають равны только въ такой области, въ которой человѣческій разумъ не задаетъ вопроса о причинѣ, и даже самый вопросъ въ этой области былъ бы признакомъ того, что вопрошающій страдаетъ мистицизмомъ. «Каждое дѣйствіе чловѣка — заключаетъ авторъ весьма послѣдовательно свое философское введеніе — опредѣлено предвѣчно».

Сколько въ этихъ словахъ оправданія для Наполеона, который и самъ подсмѣивался, еще ранѣе автора, надъ исторією, говоря: «Отъ великаго къ смѣшному одинъ шагъ», — сокращенный нынѣ въ романѣ гр. Л. Н. Толстаго до послѣдней степени! Но повторяемъ: обаяніе авторскаго таланта такъ велико, что предъ нами и теперь рисуется, съ одной стороны, картина Наполеона I-го на русскомъ берегу Нѣмана съ пучкомъ русскихъ фальшивыхъ ассигнацій, и съ другой стороны дворовня дѣвочки въ Богучаровѣ, принявшія участіе, по случаю бѣгства господъ изъ деревни, при приближеніи французовъ отъ Смоленска, въ разграбленіи господскихъ оранжерей; набравъ въ подолъ зеленыхъ сливъ, «онѣ выскочили изъ-за сады, и что-то пища тоненькими голосками, придерживая подола, весело и быстро бѣжали по травѣ луга своими загорѣлыми босыми ноженками.» Намъ такъ и слышится обращеніе автора къ историкамъ, которые будутъ торжественно толковать о Наполеонѣ, стоящемъ на берегу Нѣмана съ пучкомъ фальшивыхъ ассигнацій, а между тѣмъ пройдутъ мимо сцены въ Богучаровѣ, и не замѣтятъ тѣхъ дѣвочекъ, которыхъ авторъ обрисовалъ такъ мастерски, что онѣ просятся на картинку. Что-же? — Но догадайтесь! Эти дѣвочки олицетворяють вообще невѣдѣніе чловѣка, когда дѣло идетъ о мировыхъ событіяхъ. Великій чловѣкъ — рабъ исторіи! — полагаетъ нашъ авторъ, а Шиллеръ считалъ ихъ подсудимыми.

Да не подумаетъ однако авторъ, что, противясь его историческимъ воззрѣніямъ, мы — хроникеры — ратуемъ *pro domo sua*, такъ какъ, увѣровавъ въ истину воззрѣній романа на чловѣка, намъ ничего не оставалось бы, какъ немедленно покуситься на самихъ себя и закрыть свою хроникву: если «каждое дѣйствіе чловѣка — опредѣлено предвѣчно,» какъ

говоритъ авторъ, то чего же мы до сихъ поръ толковали, судили и редили, когда намъ слѣдовало бы ограничиваться однимъ протоколомъ случившагося. Можно подумать, что мы, защищая себя и историковъ, бьемся только изъ-за того, чтобы намъ, хроникерамъ, не дали отставки, а историковъ не замѣнили бы тѣми тупыми секретарями при древнихъ персидскихъ царяхъ, которые вносили пассивно въ свою лѣтопись каждое слово и каждый шагъ царя. Мы увѣрены, впрочемъ, что авторъ самъ попрежнему будетъ все-таки заглядывать къ историкамъ для своихъ вдохновеній, а мы — сознаемся чистосердечно — при всемъ своемъ разногласіи съ авторомъ, будемъ съ великимъ нетерпѣніемъ ожидать обѣщаннаго имъ продолженія. «Война», повидимому, кончается; еще нѣсколько военныхъ картинъ, и авторъ введетъ насъ въ эпоху «Мира», послѣдовавшаго за вѣнскимъ конгрессомъ, — мира который, въ противоположность извѣстной пословицѣ: былъ хуже всякой брани.

ИРЛАНДІЯ ПРЕДЪ СУДОМЪ ОБЩЕСТВЕННОГО МНѢНІЯ АНГЛІИ.

«Ирландскій вопросъ — главный вопросъ настоящаго часа», — сказалъ недавно лордъ Стэнли, министръ иностранныхъ дѣлъ Великобританіи. Лордъ Стэнли этими словами, которыя повторили за нимъ органы разныхъ партій, призналъ всю важность ирландскаго вопроса для британскаго общества. Отъ ирландскаго вопроса слѣдуетъ отличать такъ-называемое феніанское движеніе. «Феніанизмъ», въ смыслѣ подпольной и частью открытой борьбы съ общественнымъ порядкомъ въ Великобританіи, нисколько не разрѣшаетъ ирландскаго вопроса. Цѣль его, отторженіе Ирландіи отъ Британскаго государства и обращенія ея въ независимую республику — химерическая; средство, употребляемое феніанами, устрашеніе посредствомъ насилій, совершаемыхъ въ самой Англіи, съ принесеніемъ въ жертву безъ разбора частной собственности и даже жизни людей, стоящихъ внѣ всякой борьбы — не можетъ привести къ цѣли. «Феніанскія покушенія — говоритъ Превѣ-Парадолъ — похожи на бунты, бывающіе въ школахъ: когда всѣ столы опрокинуты, всѣ чернильницы разбиты, а тетради и порваны, у бунта не остается болѣе средствъ для достиженія цѣли». «Очевидно — говоритъ тотъ же писатель — что посредствомъ убійства нѣсколькихъ полицейскихъ агентовъ, взрыва нѣсколькихъ домовъ и расхищенія нѣсколькихъ оружейныхъ магазиновъ не можетъ быть осуществлено отторженіе Ирландіи и обращеніе ея въ республику.»

Феніанское движеніе въ Америкѣ, служащее корнемъ тому же движенію въ британскихъ островахъ, серьёзнае въ томъ смыслѣ, что оно можетъ угрожать Канадѣ. Въ Америкѣ это движеніе поддерживается мыслью о возможности столкновенія между Соединенными-Штатами и Англіею. Образъ дѣйствій британскаго правительства во время сѣверо-американской междоусобицы подалъ, правда, основаніе предполагать, что Соединенные-Штаты отнесутся сочувственно къ покушеніямъ ирландцевъ противъ Британскаго государства, а неуступчивость лондонскаго кабинета въ дѣлѣ о вознагражденіи, требуемомъ Америкой за убытки, причиненныя ея торговлѣ извѣстнымъ сепаратистскимъ каперомъ «Элебеомъ», снаряженнымъ въ Англію, — поддерживаетъ эту мысль.

Но едвали эта надежда феніанъ можетъ имѣть прочное основаніе. Извѣстно, что однажды вторженію феніанъ въ Канаду воспрепятствовали именно энергическія мѣры уашигтонскаго правительства. Сверхъ того, не надо упускать изъ виду, что самимъ Соединеннымъ-Штатамъ въ будущности угрожаетъ нѣкоторое подобіе ирландскаго вопроса. Дѣло въ томъ, что ирландцы въ городахъ Сѣверной Америки составляютъ отдѣльныя общества, которыя дѣйствуютъ согласно для защиты своихъ членовъ даже отъ справедливаго возмездія американскихъ законовъ. Развитіе и упроченіе феніанскаго братства, съ его «правительствомъ», «конгрессомъ» и даже бюджетомъ, еще усилитъ этотъ сепаратизмъ ирландцевъ въ американскихъ городахъ, и нѣтъ сомнѣнія, что ни уашигтонское правительство, ни само американское общество не могутъ смотрѣть съ удовольствіемъ на возможность такого факта и содѣйствовать чѣмъ бы то ни было его установленію.

Насъ интересуетъ потому не феніанское движеніе, которое есть только переходящее проявленіе неудовольствія Ирландіи, а самыя причины этого неудовольствія и тѣ средства, которыя предлагаются политическими людьми Англіи для устраненія или сдержанія этого неудовольствія. Семисотлѣтнее подчиненіе не примирило ирландскаго народа съ Англіею; стало-быть, положеніе его въ самомъ дѣлѣ тягостно. Но, съ другой стороны, мы знаемъ, что къ Ирландіи примѣняются всѣ либеральныя постановленія англійской конституціи, и ирландцы не могутъ жаловаться на преслѣдованіе ихъ національности. Они уравниены въ правахъ съ англичанами; прежнія, дѣйствительно несносныя притѣсненія прекратились; вотъ уже полвѣка, какъ британское законодательство не принимало въ себя ни одной мѣры относительно Ирландіи, которая не была бы облегченіемъ для нея; самыя тѣ установленія, на существованіе которыхъ ирландцы жалуются и противъ которыхъ они возстаютъ, существуютъ въ Англіи точно также какъ въ Ирландіи; мы не говоримъ о приостановленіи въ Ирландіи дѣйствія акта, обезпечивающаго личную свободу, Habeas Corpus-Act: это мѣра временная, мѣра, вызванная борьбою съ возстаніемъ, а не

мыслью о преслѣдованіи ирландской народности. Какъ же согласить эти два факта: равноправность Ирландіи съ Англіею и неудовольствіе ирландцевъ тѣмъ, чѣмъ довольны англичане?

Въ отвѣтъ на это мы постараемся представить въ краткомъ очеркѣ тѣ особенности положенія, сдѣланнаго Ирландіи, не нынѣшними законами, а исторіею, которая вызываетъ ее на неудовольство судьбою, и вмѣстѣ представить мнѣнія политическихъ дѣятелей Англіи, разныхъ по направленію, о положеніи Ирландіи и о томъ, что слѣдовало бы для нея сдѣлать.

Въ текущемъ году, еще до открытія парламента, нѣсколько замѣчательнѣйшихъ политическихъ дѣятелей Англіи воспользовались различными случаями, которые имъ представились, чтобы заявить свои мнѣнія объ ирландскомъ вопросѣ. Сводъ мнѣній такихъ людей уже самъ по себѣ представляетъ интересъ; но этотъ интересъ увеличивается отъ исключительности отношеній Англіи къ Ирландіи, подобныхъ которымъ напрасно мы искали бы въ исторіи другихъ странъ. Англія имѣетъ такую форму правленія, которая даетъ англичанину большое участіе въ государственныхъ дѣлахъ; потому присоединеніе Ирландіи было не только правительственнымъ актомъ, но и новымъ приращеніемъ для дѣятельности каждаго англичанина. По той же причинѣ и ирландскій вопросъ интересуется въ Англіи не одно правительство, но имѣетъ экономическое значеніе для той массы англичанъ, которые пользовались своимъ выгоднымъ положеніемъ завоевателя въ Ирландіи. Въ Ирландіи не было и нѣтъ, какъ напримѣръ въ Польшѣ, туземнаго эгонистическаго и корыстнаго сословія, которое эксплуатировало бы свои же нисшіе классы; въ Ирландіи такое мѣсто заняли англійскіе всельники, и потому для государственныхъ людей въ Англіи положеніе въ настоящую минуту весьма затруднительно: съ одной стороны, они хорошо знаютъ, что между туземцами, какъ и у насъ въ царствѣ польскомъ, есть все-таки значительная партія, которую не удовлетворять никакія уступки, съ другой стороны требованія справедливости могутъ поставить ихъ въ разрѣзъ съ матеріальными интересами своихъ соотечественниковъ, утвердившихся въ Ирландіи. Въ царствѣ польскомъ, наприм., наше правительство могло дѣлать и дѣйствительно сдѣлало либеральныя и благодѣтельныя для нисшихъ классовъ реформы, не дѣлая тѣмъ никакого ущерба выгодамъ русскаго населенія своей же страны; англійское правительство поставлено въ другое положеніе: либеральныя реформы въ Ирландіи могутъ повредить интересамъ англійскому населенію, имѣющему при томъ, по конституціи, вліяніе на правительственные распоряженія. Однимъ словомъ, англійское правительство и для либеральныхъ реформъ въ Ирландіи нуждается въ согласіи парламента, гдѣ оно можетъ найти большинство проникнутое по отношенію ирландскаго крестьянина такими же

идеями, какими были проникнуты въ С.-Американскихъ Штатахъ южане по отношенію къ негру. — Самый краткій очеркъ исторіи Ирландіи легко убѣдитъ насъ въ справедливости такого взгляда.

Ирландцы любятъ мечтать о существовавшей нѣкогда независимости «зеленаго Эрина» и о возможности возвращенія къ ней. Но эта независимость перестала существовать такъ давно, что въ ирландскомъ народѣ сохранилась память о ней только въ поэтическихъ преданіяхъ, которыя гласятъ, что когда-то было «золотое время» своеволія ирландскихъ вождей, которому положило конецъ завоеваніе страны англійскимъ королемъ Генрихомъ II, въ 1172 году. Уже тогда началась колонизація Ирландіи англійскими поселенцами. Но вѣра не отдѣляла ихъ отъ мѣстнаго населенія, и они сливались съ нимъ. Элементъ раздора былъ внесенъ католическимъ духовенствомъ, поддерживавшимъ въ Ирландіи своекорыстно суевѣріе и папизмъ противъ реформаціи, просвѣтившей Англію. Отсюда произошли возстанія, а возстанія вызвали преслѣдованія, конфискаціи массами земель и раздачу ихъ англійскимъ баронамъ, а также протестантскимъ колонистамъ изъ Шотландіи и Англій. Въ какихъ громадныхъ размѣрахъ совершались конфискаціи земель въ Ирландіи, видно изъ одного факта, что Вильгельмъ III раздѣлилъ между Бентинкомъ и графинею Оркней цѣлый милліонъ акровъ (370 т. десятинъ) земли въ Ирландіи. Такимъ образомъ установилось въ странѣ инородческое и иновѣрческое землевладѣніе. Крупные землевладѣльцы жили по большей части не въ Ирландіи и такъ явилось въ странѣ то зло, которое извѣстно и до сихъ поръ подъ названіемъ «абсентизма». Все населеніе Ирландіи, обрабатывающее землю, должно было платить за это право деньги, которыя издерживались внѣ Ирландіи.

Протестантская колонизація страны сдѣлалась, мало по малу, предметомъ вѣчнаго раздора: колонисты давно уже обратились въ ирландцевъ, но Ирландія останаея раздѣленною на два враждебные лагеря, такъ какъ большинство населенія лишено было всѣхъ правъ въ пользу пришельцевъ. Эти пришельцы и ихъ потомки, составляя въ странѣ опору правительства и вынося на себѣ борьбу съ интригами католиковъ, требовали за то для себя полнаго преобладанія. Такимъ образомъ, въ руки меньшинства, враждебнаго туземной націи и по самому характеру своего водворенія и по вѣрѣ, перешла вся дѣйствительная власть въ этой странѣ, и всѣ законы, которые вводились въ Ирландіи, вводились исключительно въ пользу этого меньшинства. Протестантской церкви дано было господство; мѣстное населеніе обложено было десятиною въ пользу чуждаго и враждебнаго ему духовенства, да сверхъ того должно было содержать на свой счетъ духовенство свое, католическое. Протестанты—хозяева страны, въ силу закона, ввели цѣлый рядъ законовъ, которые, во-первыхъ, преслѣдовали мѣстную вѣру даже въ мелочахъ (какъ напр. обязательное

для всѣхъ подѣ высокими пенями посѣщеніе англиканскихъ церквей; этотъ законъ былъ отмѣненъ только Пилемъ, хотя онъ, конечно, давно пересталъ быть примѣняемъ; но, въ свое время, онъ, какъ множество другихъ подобныхъ постановленій, имѣлъ серьезное практическое дѣйствіе), а во-вторыхъ, отнимали у мѣстнаго населенія возможность даже и современемъ улучшить свою судьбу, приобретениемъ земли. Выкупъ земли фермерами былъ воспрещенъ, и права фермера всячески ограничены; владѣльцу предоставлена всевозможная свобода сгонять его съ мѣста, вознагражденія же, за сдѣланныя фермеромъ его трудомъ или деньгами улучшенія и постройки въ имѣніи, не полагалось. Итакъ, съ одной стороны — необходимость фермерскаго хозяйства; съ другой — всевозможное стѣсненіе фермеровъ. Отсюда явилась непроизводительность земледѣлія, упала плодородность почвы, а деньги продолжали уходить изъ страны къ крупнымъ владѣльцамъ — *absentees*.

Много притѣсненій испытала, сверхъ того, Ирландія, въ видѣ запрещеній ввоза ея продуктовъ въ Англію. Время отъ королевы Елисаветы до короля Вильгельма III, включительно, было особенно обильно изданіемъ такихъ запрещеній. Можно сказать, что не осталось ни одной отрасли производительности въ Ирландіи, которая бы не была въ значительной мѣрѣ парализована запретительными эдиктами англійскаго парламента. Это дѣлалось по духу того времени систематически, съ неумолимою строгостію, причемъ англійскій парламентъ приносилъ даже интересы своихъ союзниковъ въ Ирландіи — протестантовъ, въ жертву англійскимъ производителямъ, которые побуждали его къ такимъ мѣрамъ въ силу принципа протекціонизма и независимо отъ *raison d'Etat*, которая сама по себѣ влекла правительство и парламентъ къ системѣ обдуманнаго разоренія большинства ирландскаго народа. Систематическое преслѣдованіе всякой мануфактурной промышленности въ Ирландіи привязало народъ къ исключительному занятію земледѣліемъ и притомъ подѣ условіемъ безземельности земледѣльца, чтобы земли конфискованныя и розданныя протестантамъ не могли перейти, мало по малу, отъ помѣщиковъ къ фермерамъ, и крестьянамъ-католикамъ было воспрещено покупать земли и даже заключать долгосрочные контракты.

Замѣчательно, что освобожденіе американскихъ колоній Англіи отозвалось на судьбѣ Ирландіи. Въ 1782 году, т. е. около года ранѣ признанія независимости Соединенныхъ-Штатовъ Англію, она признала независимость ирландскаго парламента. Въ этомъ случаѣ уступка сдѣлана была подѣ вліаніемъ страха, такъ какъ въ Ирландіи образовалось уже правильное войско для борьбы за независимость. Но признаніе независимости ирландскаго парламента не удовлетворило той партіи въ Ирландіи, которую мы теперь назвали бы партією дѣйствія. По всей Ирландіи распространился заговоръ. Онъ былъ открытъ ранѣ предположеннаго имъ для дѣйствія срока. Но это не

предупредило нѣсколькихъ примѣровъ кровопролитной мести надъ протестантами, въ 1798 году. Къ возбужденію, вызванному въ Ирландіи американскою войною за независимость, присоединилось вліяніе французской революціи. Итакъ, въ прошломъ столѣтіи, какъ вынѣ, движеніе въ Ирландіи зависѣло отъ внѣшнихъ событій. Была даже сдѣлана попытка согласнаго дѣйствія Франціи и ирландской революціи противъ британскаго могущества. Но небольшой французскій отрядъ, высадившійся при Киллалѣ, былъ разбитъ и возмущеніе было подавлено.

Слѣдствіемъ этихъ событій было присоединеніе Ирландіи къ Великобританіи, съ отмѣною отдѣльнаго ирландскаго парламента, въ 1800 г. Съ 1 января 1801 года, законодательныя дѣла Ирландіи рѣшаются общимъ государственнымъ парламентомъ, засѣдающимъ въ Лондонѣ. Ирландскіе пѣры поступили въ палату лордовъ, а представители ирландскихъ общинъ въ палату общинъ. Ирландскихъ депутатовъ въ палатѣ общинъ—105 человекъ. Такимъ образомъ, Ирландія лишилась послѣдней тѣни политической самостоятельности.

Было ли это для нея важною потерей—вопросъ спорный. Дѣло въ томъ, что при существовавшей до соединенія (Union) системѣ, въ ирландскомъ парламентѣ преобладало все-таки протестантское, землевладѣльческое меньшинство, и ирландскій парламентъ, не безъ основанія, считается орудіемъ притѣсненій католическаго большинства. Но безусловно согласиться съ этими взглядами также нельзя, такъ какъ именно съ тѣхъ поръ «отмѣна соединенія» (repeal of the union) сдѣлалась девизомъ и лозунгомъ ирландской національной партіи.

Съ 1802 года началась въ Ирландіи агитація, въ смыслѣ эманципации католиковъ, которые, по существовавшимъ законамъ, были устранены отъ всякихъ общественныхъ должностей. Органомъ этой агитаціи служило «католическое общество» (Catholic Association), образовавшееся въ этомъ году. Съ 1812 года, когда въ главѣ этого общества сталъ Даніилъ О'Коннелъ, начинается дѣятельность этого ирландскаго патріота.

Мирная агитація О'Коннела въ Ирландіи привела къ уравниванію католиковъ и къ установленію въ англійскомъ обществѣ болѣе справедливаго взгляда на ирландскія дѣла. Католики были допущены въ парламентъ и къ занятію общественныхъ должностей, назначено было даже пособіе отъ правительства католической семинаріи въ Майнотѣ, и всѣ законы, подававшіе поводы къ мелочнымъ придиркамъ, со стороны ирландской національности, были отмѣнены. Виновникомъ существеннѣйшихъ изъ этихъ переѣнъ былъ знаменитый Робертъ Пильтъ. Но вниманіе англійскаго общества къ экономическому положенію Ирландіи было возбуждено преимущественно страшнымъ урожаемъ картофеля въ 1846—1847 г. Исчисляють, что этотъ не-

урожаи обошелся Ирландіи въ 100 милліоновъ рублей. Сверхъ того, онъ покрылъ ее трунами. Тогда только въ Англіи вспомнили, что само англійское законодательство, уничтожая систематически всякую промышленность въ Ирландіи, даже скотоводство, запрещая ввозъ изъ нея и шерсти, и кожъ, и соленого мяса, заставило ирландскій народъ ограничиться однимъ земледѣіемъ, а вмѣстѣ введеннымъ съ политической цѣлью устройствомъ отношеній фермеровъ и рабочихъ въ Ирландіи къ землевладѣльцамъ, поразило землю бесплодіемъ. Ирландцы были осуждены жить однимъ картофелемъ, а когда картофеля не оказывалось, имъ осталось только гибнуть.

Съ тѣхъ поръ британскій парламентъ сталъ внимать предложеніямъ въ пользу реформы неестественнаго порядка въ Ирландіи. Множество имѣній были отягощены долгами, а продажа ихъ умышленно ватруднялась формальностями. Изданъ былъ законъ, облегчавшій продажу имѣній, обремененныхъ долгами. Изданъ былъ еще законъ, облегчавшій заключеніе контрактовъ (leases) на мелкіе участки, съ цѣлью устранить лишнихъ посредниковъ, которые арендовали большіе участки и потомъ продавали ихъ враздробь. Наконецъ, оказана была непосредственная матеріальная помощь Ирландіи предоставленіемъ правительству права на заемъ въ два мил. фунтовъ ст. для улучшеній и для доставленія работы нуждавшимся. Все это, безъ сомнѣнія, были полезныя мѣры, свидѣтельствовавшія, что англійское общество, наконецъ, отвергло мысль о систематическомъ притѣсненіи Ирландіи, что оно оставило систему misgovernment, основаннаго единственно на мысли о содержаніи въ безправности и безпомощности массы населенія, и признававшей достойными покровительства законовъ только протестантскихъ союзниковъ.

Тѣмъ не менѣе, масса ирландскихъ фермеровъ и рабочихъ, поставленная вѣками въ отношенія, враждебныя къ капиталу, не находятъ до сихъ поръ никакой защиты въ законѣ противъ его злоупотребленій. Мелкій фермеръ, то есть—крестьянинъ-хозяинъ въ Ирландіи въ огромномъ большинствѣ случаевъ не имѣетъ контракта съ помѣщикомъ и ничѣмъ не огражденъ отъ его произвола. Понятно, что помѣщики неохотно дѣлаютъ контрактныя условія (leases). Такимъ образомъ, масса самихъ хозяевъ, не говоря уже о батракахъ—являются какъ tenants at will (арендаторы по вольному условію), т. е. безъ всякой гарантіи ихъ права. Землевладѣлецъ или его управляющій можетъ, когда ему угодно, согнать его съ земли, не вознаградивъ его за сдѣланныя улучшенія, не возвративъ ему даже арендной платы, данной впередъ, безъ документа¹⁾.

Впрочемъ, числовой результатъ положенія дѣлъ въ Ирландіи самъ

¹⁾ Въ 1864 году въ Уэстмитскомъ графствѣ былъ такой возмутительный случай.

по себѣ достаточно краснорѣчивъ. По словамъ лорда Дофферина, въ послѣдніе семь лѣтъ ежегодная эмиграція изъ Ирландіи составляла среднимъ числомъ 90 тысячъ человѣкъ.

Правда, англійскіе писатели выставляютъ эмиграцію въ видѣ благодарія для Ирландіи и привѣтствуютъ тотъ фактъ, что хотя населеніе Ирландіи въ нынѣшнемъ столѣтіи не удвоилось, какъ въ Англіи, а напротивъ, уменьшилось почти на два милліона душъ, за то оставшимся въ странѣ лучше жить. Но это разсужденіе, если пробѣрнуть его исторію, похоже на то, какъ бы сказать, что если голодъ выгналъ изъ избы нѣсколько членовъ семейства, то тѣмъ лучше для тѣхъ, которые остались. Оно и въ самомъ дѣлѣ лучше для нихъ, но голодъ, самъ по себѣ, все-таки бѣдствіе. Истощеніе земли, недостатокъ капиталовъ производитъ то, что крупные землевладѣльцы въ Ирландіи предпочитаютъ обращать свои пашни подъ луга, и такимъ образомъ, скотоводство, замѣняя земледѣліе, еще болѣе гонитъ рабочихъ изъ страны...

Англійскіе консерваторы, до сихъ поръ, съ торжествующимъ видомъ приводятъ аргументъ, что законы тѣ же самыя въ Ирландіи, какъ и въ Англіи. Но, во-первыхъ, примѣненіе законовъ не одинаково. Такъ, теперь, когда уже прошло около сорока лѣтъ со времени уравненія католиковъ, ихъ все-таки нѣтъ ни въ одной первостепенной должности, ни въ Англіи, ни въ самой Ирландіи. Министръ ирландскихъ дѣлъ—протестантъ, даже его товарищъ—протестантъ. Лордъ-намѣстникъ—тоже протестантъ. Католиковъ заботливо отстраняютъ отъ важныхъ должностей, а это—фактъ, имѣющій огромное значеніе въ цѣлой системѣ, потому что, такимъ образомъ, Ирландію продолжаютъ управлять завоеватели, которые на нее смотрятъ все-таки не какъ на равноправную страну, а какъ на страну покоренную. Вотъ вторыхъ, продержавъ человѣка, скованнымъ по рукамъ и по ногамъ, десять два лѣтъ, если вы выпустите его на свободу безъ всякой помощи, будете ли вы имѣть право сказать, что онъ находится въ одинаковомъ положеніи со всѣми гражданами, ибо можетъ пользоваться тѣми же законами и средствами какъ они. Протестанты въ Ирландіи составляютъ осьмую часть населенія, а въ ихъ пользу обращены всѣ духовныя имущества страны. Почему нѣтъ англиканскаго Establishment въ Шотландіи? Потому что шотландцы не захотѣли имѣть его. А въ Ирландіи оно существуетъ. Чтò оно существуетъ и въ Англіи, въ этомъ еще нѣтъ равенства, такъ какъ тамъ оно существуетъ для массы населенія. Ирландія, бѣдная страна, платаящая, однако, британскому казначейству 6—7 милл. фунтовъ ст. налогами, имѣетъ неоспоримое право на уврачеваніе ея ранъ принесеніемъ въ жертву всей прежней системы.

Посмотримъ теперь, какъ думаютъ объ этомъ вопросѣ государствен-

ные люди Англи разныхъ партій. Приводима здѣсь явилась, высказанная ими внѣ парламента, дополняются выше въ «Ежемесячной хроникѣ» взглядомъ на послѣднія парламентскія пренія по ирландскому вопросу, бывшія въ палатѣ общинъ.

Въ Бристоль собирались, 22 (10) января, торіи безъ опредѣленной цѣли, или, если хотите, съ цѣлю поздравить себя съ продолжающимся еще существованіемъ своимъ. Со временъ своего славнаго «ренегата» Пила, который разорвалъ въ клочки послѣднія торійскія знамена — знамена, на которыхъ красовались девизы по «*pro rege*» и «*pro lege*», т. е. сопротивленія уравненію католиковъ и введенію свободной торговли, — никто не наносилъ торіямъ такого удара, какъ почтенный, нынѣшній leader ихъ, Бенджаминъ Дизраэли. Чтобы спасти существованіе торійскаго кабинета, онъ принужденъ былъ принести въ жертву самый принципъ торійской партіи, и въ торжествѣ билля о реформѣ, доставилъ торійскому министерству такую побѣду, которая была полнымъ пораженіемъ не только для консерваторовъ, но даже и для умѣренныхъ либераловъ. Тѣмъ неменѣе, торіи, въ лицѣ бристольской *Conservative Association*, дали, 22 января, большой банкетъ въ честь министровъ. Но Дизраэли счелъ за лучшее не присутствовать на этомъ торжествѣ. Не присутствовали на немъ и многіе изъ членовъ министерства, между прочимъ и украшающіе его четыре герцога. Изъ министровъ были на лицѣ сэръ Джонъ Павлингтонъ, военный министръ, г. Гаторнъ Гарди, министръ внутреннихъ дѣлъ и лордъ Стэнли, министръ иностранныхъ дѣлъ, сынъ бывшаго премьера, графа Дэрби, опора и надежда консерваторовъ, въ сущности человекъ умный, политикъ осторожный, но едва ли способный выносить на своихъ плечахъ отживающую партію.

Вотъ что сказалъ, между прочимъ, лордъ Стэнли объ Ирландіи: «Едва ли въ эту минуту найдется человекъ, принимающій участіе въ ходѣ общественныхъ дѣлъ, который бы не былъ занятъ этимъ вопросомъ. Я разумѣю печальное, опасное и по крайней мѣрѣ, повидному, компрометирующее насъ положеніе дѣлъ, къ сожалѣнію, продолжающее существовать въ Ирландіи. Намъ предстоитъ рѣшить въ этой странѣ необыкновенную и трудную задачу, и, я полагаю, еще не было времени, когда англичане всѣхъ партій и всѣхъ классовъ были бы готовы дать всякое разумное удовлетвореніе требованіямъ ирландцевъ, и даже, насколько это возможно безъ національнаго униженія, сообразоваться съ чувствами и предразсудками ирландскаго народа. Матеріальное положеніе Ирландіи не худо. Нѣтъ сомнѣнія, оно гораздо лучше средняго уровня прежнихъ годовъ. Крестьяне имѣютъ лучшую пищу, лучше одѣты и оплачиваемы за трудъ, чѣмъ 20 лѣтъ тому назадъ. Богѣе образованный классъ пользуется безъ ограниченія выгодами британскаго гражданства. Не остается желать ничего болѣе, какъ нѣсколько

болѣе спокойствія и безопасности, чтобы безчисленные британскіе капиталы нахлынули въ эту страну, какъ англійское богатство потекло въ Шотландію и какъ оно продолжаетъ течь въ колоніи, отдѣленные отъ насъ шириною земного шара. Однако было бы тщетно отрицать, что въ Ирландіи недовольство очень распространено, что нерѣдко встрѣчается враждебное чувство, и что есть часть населенія — надѣюсь не очень значительная, но все-таки часть — которая смотритъ на свою связь съ Англіею скорѣе какъ на бремя, чѣмъ какъ на выгоду. Итакъ, мы видимъ бѣдственное положеніе дѣлъ; но когда ищемъ средства для излеченія, кто можетъ дать намъ вразумительный отвѣтъ?

«Прежде всего, не будемъ скрывать отъ себя, что въ Ирландіи есть партія — быть можетъ значительная — которой не удовлетворять никакія возможныя уступки. Тѣ, кто стремится къ отдѣльному, національному существованію или къ отмѣнѣ уніи (Repeal), что практически приводитъ къ тому же, — требуютъ того, чего никогда получить не могутъ, и въ ихъ интересѣ мы должны объявить имъ это яснымъ образомъ. Мы не позволимъ, чтобы Британское государство было разорвано на куски въ силу какихъ бы то ни было фантастическихъ теорій, или на томъ основаніи, что нѣкоторые политики неистово провозглашали здѣсь священное дѣло національности, примѣнимое къ другимъ странамъ. Ирландія и Англія нераздѣльны нынѣ и навсегда». Громкія рукоплесканія отвѣчали на это заявленіе оратора.

«Затѣмъ — продолжалъ лордъ Стэнли — есть другой поводъ къ безпорядкамъ, поводъ преходящій, а именно возвращеніе ирландскихъ американцевъ, которые принимали участіе въ великой междоусобной войнѣ по ту сторону Атлантики. Каждая великая война оставляетъ за собою осадокъ людей, неспособныхъ къ мирнымъ занятіямъ, но полныхъ энергіи, мужества и пренебреженія къ жизни. Въ настоящемъ случаѣ, по сравненію съ размѣрами существовавшихъ военныхъ силъ, этотъ остатокъ былъ не великъ, но онъ былъ, и нѣкоторыхъ представителей его мы видимъ теперь у насъ. Это неудобство, по самому роду его, не можетъ продолжаться. Но, оставляя въ сторонѣ непримѣнимый здѣсь принципъ національности, также какъ и временное зло, происшедшее отъ превращенія иностранныхъ солдатъ въ заговорщики, мы имѣемъ предъ собою два важные предмета для парламентскаго обсужденія: вопросъ о церкви и вопросъ о землѣ. Что касается перваго, то вы извините, если въ моемъ нынѣшнемъ положеніи я не буду говорить о немъ. Впрочемъ, совершенно ясно, что если въ законодательствѣ относительно разныхъ духовныхъ исповѣданій въ Ирландіи должны быть произведены перемены — а я не утверждаю этого — то онѣ не могутъ быть дѣломъ парламента кончающагося, исшедшаго изъ такого избирательства, которое само подлежитъ значительному видоизмѣненію. Во всякомъ случаѣ, намъ, какъ людямъ практическимъ,

слѣдуетъ помнить, что въ Ирландіи, кромѣ католиковъ, есть и протестанты, которые, хотя малочисленны, но сильны по своему общественному положенію и что, принимая согласить двѣ взаимно-противныя партіи, надо опасаться, чтобы не сдѣлать себѣ враговъ изъ ихъ обѣихъ.

«Относительно вопроса о землѣ, я позволю себѣ выразить вкратчѣ мое мнѣніе. Требованіе, постоянно заявляемое въ этомъ отношеніи, касается вознагражденія арендаторамъ за дѣлаемыя ими улучшенія. Проведеніе этой мѣры, съ приличными гарантіями, было бы полезно. Мы признали это въ принципѣ. Но рѣшеніе этого проекта все-таки не устранить главнаго повода къ раздору. Ирландскіе крестьяне или, по меньшей мѣрѣ, значительная часть ирландскаго крестьянства, желаютъ не вознагражденія за улучшенія — которыя едва ли сотый изъ нихъ и дѣлаетъ — а обращенія ихъ, безъ выкупа, изъ годичныхъ арендаторовъ въ собственники земли. Между тѣмъ, это такое требованіе, котораго, какъ мнѣ кажется, британскій законодатель ни въ какомъ случаѣ допустить не можетъ. Дѣло въ томъ, что если этотъ принципъ (переходъ земли въ руки крестьянъ) допустить для Ирландіи, то надо допустить его и для Англіи. Сверхъ того, если однажды совершить эту операцію, то придется повторять ее неопредѣленное число разъ, такъ какъ, если арендаторъ превратится въ собственника, то онъ, разумѣется, можетъ самъ отдавать землю въ наймы — и, на сколько я знаю характеръ ирландцевъ, они непремѣнно такъ и будутъ дѣлать и тогда вы получите новый классъ фермеровъ, подъ тѣми же условіями, и съ тою только разницею, что вамъ устранено сословіе землевладѣльцевъ, находившихся въ достаткѣ и замѣнено другими, которые, будучи въ нуждѣ, будутъ, стало быть, гораздо требовательнѣе. Не слѣдуетъ забывать также, что системою безчисленныхъ мелкихъ собственниковъ вы возстановите главное зло, отъ котораго страдала Ирландія въ прежнее время. Я разумѣю здѣсь постоянное подраздѣленіе наймовъ и истекающее изъ него размноженіе бѣдныхъ. Каждый собственникъ, будь онъ хорошій или дурной хозяинъ, въ собственномъ своемъ интересѣ старается препятствовать такому подраздѣленію; отнимите это препятствіе и, въ теченіи 20 лѣтъ, смѣло утверждаю это, вы будете имѣть удвоившееся населеніе, исключительно живущее на счетъ земли, стало быть все полагающееся на картофель, а когда картофель неуродится — какъ это будетъ постоянно случаться отъ времени до времени — вы снова увидите голодъ 1847 года.

«Ирландскій вопросъ — главный вопросъ настоящаго часа, и я желалъ бы быть въ состояніи также ясно указать на то, что намъ слѣдовало бы сдѣлать, какъ, по моему мнѣнію, я указалъ на то, чего дѣлать не слѣдуетъ. Но вотъ что я скажу: не будемъ обращаться къ знахарямъ (quacks); не будемъ хвататься за отчаянныя средства на

томъ только основаніи, что докторъ не находятъ мгновеннаго и совершеннаго лекарства для застарѣлой болѣзни; не будемъ, если бы и могли, покупать временнаго удовлетворенія цѣною огромнаго зла въ будущемъ. Исправимъ то, что намъ кажется, что мы признаемъ несправедливымъ, но сдѣлаемъ это для удовлетворенія собственной нашей совѣсти, а не въ видѣ уступки одному шуму и угрозамъ».

Министръ внутреннихъ дѣлъ Гарди не разсматривалъ вопросовъ, касающихся Ирландіи. Вотъ все, что въ его бристольской рѣчи относится къ ней: «Съ сожалѣніемъ я долженъ сказать, что министръ внутреннихъ дѣлъ въ послѣднее время долженъ былъ обратиться въ нѣчто похожее на полицейскаго комиссара; большая часть его времени, которое могло бы быть употреблено полезнѣе, занято подробностями разныхъ ничтожныхъ заговоровъ, о которыхъ ему доносятъ съ разныхъ сторонъ. Феніанизмъ я назову настолько опасностью, сколько язвою и бременемъ, которыя, какъ саранча, занесены къ намъ западнымъ вѣтромъ изъ далекой страны. Эти люди говорятъ, что они явились спасти Ирландію, но они-то и отгоняютъ отъ нея капиталы, промышленность и земледѣліе, однимъ словомъ, все то, въ чемъ она нуждается. Если бы ирландскія дѣла могли быть обсуждены спокойнымъ и умѣреннымъ языкомъ, я надѣюсь, мы бы пришли къ какому-нибудь практическому и полезному выводу; но, когда мы спрашиваемъ, какія нужны лекарства, намъ отвѣчаютъ только неопредѣленными жалобами и напоминаніями о прежнемъ величій Ирландіи. Между тѣмъ, мнѣ не удалось узнать, когда же именно существовало въ Ирландіи это достославное положеніе дѣлъ. Намъ говорятъ о бѣдственномъ положеніи, продолжавшемся уже около 780 лѣтъ, но я полагаю, что никто не захотѣлъ бы вернуться къ тому положенію дѣлъ, которое существовало въ Ирландіи до этого періода».

Итакъ, на бристольскомъ митингѣ британскіе министры отнеслись къ требованіямъ Ирландіи, такъ сказать, оборонительно. Лордъ Стэнли согласенъ, что слѣдуетъ сдѣлать что-нибудь, но откладываетъ это, какъ матеріалъ для рѣшеній будущаго парламента. Сверхъ того, признавая открытыми вопросами положеніе въ Ирландіи церкви и земли, онъ коснулся обонхъ этихъ вопросовъ только чтобы представить возраженія противъ требованій либераловъ, которыхъ онъ называлъ даже почти шарлатанами. Но не надо забывать, что лордъ Стэнли говорилъ въ собраніи консерваторовъ, собравшихся для самоуслажденія силами своей партіи, не имѣющей цѣли. Эта безответственность партіи тори на положительные вопросы современности и отражалась въ рѣчахъ лорда Стэнли, а особенно г. Гарди, которому не нравится должность полицейскаго комиссара, но который неумѣетъ сказать, въ чемъ могло бы состоять то практическое рѣшеніе, о возможности котораго онъ упоминалъ. Повторяемъ, что среда, въ которой говорили министры,

сама по себѣ стѣсняла ихъ, но что, сверхъ того, въ ихъ рѣчахъ отражалась бесплодность партіи ихъ поддерживающей. Такъ точно, упоминаемая въ своихъ рѣчахъ о совершенной избирательной реформѣ, члены того кабинета, который провелъ эту мѣру, нисколько не поздравляли себя съ ея проведеніемъ и не описывали ея вѣроятныхъ благодѣтельныхъ послѣдствій, а только защищали ее отъ упрековъ въ демократичности и выражали надежду, что она не измѣнитъ характера британской конституціи.

Но въ этихъ соображеніяхъ, исходящихъ изъ спеціального положенія министровъ, въ рѣчи Стэнли выразилось отношеніе англійскаго лорда къ вопросу о переходѣ земли въ собственность крестьянъ. Тутъ говорилъ уже не собственно лордъ Стэнли, членъ кабинета; тутъ слышенъ голосъ англійскаго крупаго собственника, которому раздробленіе землевладѣнія представляется его гибелью, выкупъ земли отъ аристократовъ неживущихъ въ странѣ и надѣлъ ею рабочимъ — представляется, какъ посягательство на принципъ собственности, а переходъ владѣній англійскихъ лордовъ къ ирландскимъ рабочимъ — какъ такое бѣдственное событіе, которое уничтожило бы почти весь смыслъ обладанія Ирландіею. «Ирландія для ирландцевъ» — этотъ девизъ особенно ненавистенъ англійскимъ аристократамъ, потому что вѣдь «то, что хорошо для Ирландіи, должно быть хорошо и для Англии», а стало быть за примѣненіемъ этого принципа въ Ирландіи можетъ случиться, что и въ самой Англии стануть говорить: «Англія для всѣхъ англичанъ», а не для 30 тысячъ землевладѣльцевъ, какъ нынѣ, изъ которыхъ нѣсколько человекъ владѣютъ почти половиною всей земли.

Но сила національнаго предрасудка такъ велика, что англичанинъ, даже не имѣя побужденій ни торіа, ни крупнаго землевладѣльца, даже считая себя радикаломъ, можетъ противиться всякимъ либеральнымъ уступкамъ требованіямъ Ирландіи, какъ мы то замѣтили выше, указавъ на капитальное различіе ирландскаго и польскаго вопроса. Мы приведемъ теперь въ примѣръ Робака, извѣстнаго шеффилдскаго депутата. Правда, Робакъ всегда отличался оригинальностью своихъ мнѣній, иногда своихъ выходовъ; но, въ настоящемъ случаѣ, онъ говорилъ не въ парламентѣ, гдѣ политическій дѣятель вольгѣе отъ вліянія массъ, а обращался къ своимъ избирателямъ, стало быть предполагалъ возбудить своими словами сочувствіе массы; онъ былъ воленъ не избирать здѣсь этого предмета и, если избралъ именно ирландскій вопросъ, то стало быть разсчитывалъ, что мнѣніе его можетъ быть популярно. Вотъ что замѣтилъ Робакъ объ ирландскомъ вопросѣ, въ рѣчи, произнесенной въ Шеффилдѣ 24 (12) января.

Ссылаясь на письмо лорда Росселя объ ирландскомъ вопросѣ, писанное въ прошломъ году, онъ сказалъ: — «Одинъ великій государственный

человѣкъ¹⁾ говорить намъ, что принципомъ нашей законодательной дѣятельности въ этомъ вопросѣ должно быть правило: «Ирландія для Ирландіи». Что же это значитъ? Если эти слова имѣютъ смыслъ, то они значатъ, что мы должны отдѣлить Ирландію отъ Англіи. Но пока въ моемъ тѣлѣ есть дыханіе, пока есть капля крови въ моихъ жилахъ, я буду противиться всякому виду раздѣленія этихъ двухъ странъ. Когда говорятъ объ обидахъ Ирландіи, какой удивительный вздоръ рассказываютъ! Желалъ бы я знать, въ чемъ состоятъ эти обиды? Гдѣ та разница въ законѣ относительно Англіи и Ирландіи, которая неблагопріятна интересамъ ирландскаго населенія? Въ законахъ о наймѣ земли (Tenant-right) есть ли какое-либо различіе между Англією и Ирландією? Развѣ въ Англіи арендаторъ требуетъ чего нибудь болѣе, чѣмъ насколько онъ имѣетъ право по закону? И развѣ законъ не тотъ же самый въ Ирландіи, какъ и въ Англіи? на что возражаютъ: да въ Ирландіи владѣльцы не соглашаются на контрактную аренду. Такъ чтожъ? И въ Англіи очень многіе землевладѣльцы не соглашаются на такіа аренды (leases), и земля, въ значительной части этой страны, нанимается съ году на годъ. Законы тѣже! Развѣ у ирландцевъ нѣтъ суда присяжныхъ, развѣ у нихъ нѣтъ судей ихъ же вѣры? Есть ли въ цѣломъ свѣтѣ римско-католическая страна, въ которой съ протестантами обращались бы такъ, какъ мы съ католиками?»

«Теперь я спрашиваю — продолжалъ Робакъ — что же мы еще можемъ сдѣлать? Можемъ ли мы измѣнить законы природы и характеръ ирландской почвы? Будьте увѣрены, что не законъ можетъ сдѣлать Ирландію такою, какою ей слѣдовало бы быть. Это можетъ сдѣлать только ученіе тѣхъ, кого она признаетъ своими учителями, и пріемъ оказываемый этому ученію народомъ; сдѣлать это можетъ только рѣшимость каждаго человѣка исполнять свой долгъ въ томъ положеніи въ жизни, которое Богу угодно было ему назначить, а не болтать вздоръ о «Egin-go-bragh» и «Vryan Bogu». Ирландцы, рожденные и воспитанные въ качествѣ подданныхъ ея величества, оставляютъ эту страну отправляются въ Америку и становятся американскими гражданами; затѣмъ, они возвращаются сюда и нарушаютъ наши законы; ихъ привлекаютъ къ суду, и вотъ они, съ умильной наглостью, требуютъ для себя присяжныхъ изъ американцевъ. Между тѣмъ, они сами не американцы, а ирландцы».

Итакъ, Робакъ доказалъ, что если не въ англійскомъ парламентѣ, то все-таки на политической сходкѣ въ Англіи, возможно полное отрицаніе справедливости требованій ирландцевъ. Онъ проповѣдуетъ имъ теорію покорности своей судьбѣ и находитъ, что законъ, котораго измѣненіе могло бы облегчить участь населенія Ирландіи, по-

---

1) Лордъ-Россель.

ставленнаго въ вѣсело сравненіи съ населеніемъ Англіи, и даже вслѣдствіе вѣкового насилія, вслѣдствіе экспроприаціи и преднамѣреннаго приниженія всего туземнаго, оттого не подлежитъ никакому измѣненію, что вѣдь такой же законъ дѣйствуетъ и въ Англіи. О томъ, какое вліяніе тотъ же законъ оказываетъ въ Ирландіи по сравненіи съ Англіею, онъ ничего знать не хочетъ. Наконецъ, онъ смѣется надъ національными преданіями ирландцевъ и вполне достигаетъ своей цѣли, такъ какъ ему отвѣчаютъ громкій смѣхъ и аплодисменты собранія. А между тѣмъ прошлое Робаку извѣстно. Это прошлое такъ темно, что онъ самъ не можетъ закрыть его. Вотъ что онъ говоритъ объ этомъ прошломъ:—«Но вотъ мы вспоминаемъ съ печалью о той великой несправедливости, въ которой мы виновны передъ Ирландіею; мы вспоминаемъ, что въ теченіи вѣковъ, мы дѣлали ей зло, и что нельзя дѣлать зла народу безъ того, чтобы его не чувствовали позднѣйшія поколѣнія. (И здѣсь раздались аплодисменты). Вѣкъ за вѣкомъ мы дурно управляли Ирландіею и притѣсняли ее, но въ теченіе послѣдняго полвѣка, мы сдѣлали все, что могли для поправленія этого зла. Эмигрантъ, который отправляется изъ Ирландіи, съ сердцемъ полнымъ горькой вражды къ Англіи, высаживается въ Америкѣ и тамъ находитъ вотъ что: двѣ партіи борются между собою, и отъ него, ирландца, зависитъ равновѣсіе между ними. Обѣ онѣ ухаживаютъ за нимъ, обѣ говорятъ пустяки, чтобы ему понравиться; и демократы, и республиканцы, поступая такъ, забываютъ себя и свой долгъ въ отношеніи къ человѣчеству, но они поступаютъ такъ и толкуютъ вздоръ въ угоду избирателю—ирландцу». Затѣмъ ораторъ взываетъ къ американцамъ, чтобы они сбросили съ себя «влеймо» того союза, въ который ихъ увлекаютъ.

Приведа мнѣніе англійскихъ политическихъ людей, неблагопріятныя для требованій Ирландіи, замѣтимъ, что въ нихъ есть доля неискренности, и доля искренности. Когда они утверждаютъ, что нельзя оставить Ирландію ирландцамъ, потому только, что ирландцы погубить свою страну внутренними раздорами, и показываютъ видъ, будто они только въ интересъ самой Ирландіи не хотятъ допустить ни полнаго отдѣленія, ни восстановленія ея самостоятельнаго парламента—то это очевидное лицемеріе, котораго далеко не чужды англичане вообще и которое у нихъ даже очень популярно, когда оно «служитъ хорошей цѣли». Но когда политическіе дѣятели Великобританіи говорятъ, что интересы ея положительно не допускаютъ отдѣленія Ирландіи—они совершенно правы, и когда они объявляютъ рѣшимость противиться всѣми силами такому отдѣленію—они вполне искренни. Дѣло въ томъ, что національная своеобразность и въ значительной мѣрѣ самое могущество Великобританіи зависятъ отъ изолированнаго положенія Соединеннаго-королевства. Правда, Ламангъ — не океанъ,

но за Ламаншемъ живутъ совсѣмъ чуждые элементы, которые не могутъ имѣть вліянія на Англію, наконецъ, въ Ламаншѣ — флотъ для охраненія отъ вторженія.

Но представьте себѣ подъ самымъ бокомъ Великобританіи независимое государство, которое будетъ непременно тяготѣть къ сѣверной Америкѣ, а пожалуй и присоединится къ ней. Американскій демократизмъ и американское могущество въ *трехчасовомъ* разстояніи отъ сердца Великобританіи... вотъ опасность, которой самая тѣнь устрашаетъ англичанъ.

Сверхъ того, англичане имѣютъ въ виду современемъ такъ или иначе разработать Ирландію, эксплуатировать ея земли. Въ Англіи, Уэльсѣ, Шотландіи земли мало; если бы волненія въ Ирландіи затихли, если бы прекратились тамъ коалиціи рабочихъ — нѣтъ сомнѣнія, британскіе капиталы бросились бы туда, какъ говорилъ лордъ Стэнли. Ихъ болѣе всего удерживаетъ именно необезпеченность. Въ Ирландіи нѣкогда существовали фабрики; но хроническія и побѣдоносныя коалиціи рабочихъ убили тамъ фабричное дѣло, за исключеніемъ одного Вельфаства, который остался важнымъ фабричнымъ городомъ. Англичане не хотятъ упустить Ирландію и потому, что надѣются еще при улучшеніи въ ней положенія дѣлъ — найти въ ней близкое поле для дѣятельности своихъ капиталовъ. Въ противномъ же случаѣ, то есть, если положеніе дѣлъ въ Ирландіи не улучшится, то эмиграція сдѣлаетъ свое, а поля Ирландіи будутъ полезны какъ луга для скотоводства, пока эмиграція не ослабитъ, наконецъ, туземнаго населенія до такой степени, что его можно будетъ замѣнять постепенно новыми колонистами изъ Англіи и Шотландіи. Это, въ крайнемъ случаѣ, было бы самое радикальное рѣшеніе ирландскаго вопроса. Земля, во всякомъ случаѣ, не уйдетъ отъ нихъ, если они только отъ нея не откажутся сами; вотъ почему къ Ирландіи не примѣняется теорія, нынѣ преобладающая въ Англіи относительно колоній: то есть, что метрополія не должна стараться удерживать ихъ насильно подъ своей властью. Дѣло въ томъ, что колоніи, со времени примѣненія принципа свободной торговли (объ Остѣ-Индіи мы не говоримъ) не приносятъ Англіи денежной выгоды своей зависимостью отъ метрополіи, напротивъ, онѣ обременяютъ ея военный бюджетъ издержками на ихъ защиту. Ирландія — совсѣмъ иное дѣло. Можно легко отказаться отъ права на комнату въ чужой квартирѣ, если это право не приноситъ выгоды; но уступить кому-либо комнату въ своей собственной квартирѣ, даже если эта комната лишняя—это совсѣмъ другой вопросъ.

Относительно одного предоставленія Ирландіи самой себѣ—Ireland for the irish—лордъ Стэнли и съ нимъ всѣ консерваторы, а также и Робахъ, какъ мы видѣли, утверждаютъ, что этотъ принципъ равносильенъ съ отдѣленіемъ Ирландіи. Но въ этомъ отношеніи англійскіе ли-

бегалы совсѣмъ иного мнѣнія. Они полагаютъ, что принципъ этотъ долженъ быть признанъ прежде всего, что прежде всего слѣдуетъ отказаться отъ мысли объ эксплуатаціи Ирландіи въ пользу Англіи или ея союзниковъ—однихъ ирландскихъ протестантовъ. Какъ далеко слѣдуетъ идти въ этомъ отношеніи—мнѣнія либераловъ различны. Глава виговъ, лордъ Россель, въ письмѣ къ «достопочтенному» Чичестеру Фортескью поставилъ принципъ объ управленіи Англіею для нея самой. (Это письмо вышло особою брошюрою; мы говоримъ о ней далѣе.) Радикальный писатель, профессоръ Гольдуинъ Смитъ идетъ еще далѣе; онъ допускаетъ полную самостоятельность ирландской національности, такъ, чтобы ирландецъ могъ быть патріотомъ, не будучи мятежникомъ. Но мы возвратимся къ его мнѣнію, такъ какъ оно—теоретическое, а сперва послушаемъ, что говоритъ объ этомъ дѣлѣ вліятельнѣйшій изъ нынѣшнихъ политическихъ людей Англіи, Брайтъ, тотъ самый Брайтъ, который заставилъ провести избирательную реформу. Онъ теперь перенесъ свою могущественную агитацію на поле ирландскаго вопроса, и убѣжденіе его такъ сильно, предложенія отличаются такою определенностью и практичностью, что едва ли и въ этомъ дѣлѣ побѣда не останется на его сторонѣ. На рѣчь, произнесенную Брайтомъ въ Бирмингамѣ 4 февраля (23 января), къ его избирателямъ, мы должны преимущественно обратить вниманіе именно по практичности ея и по тому исключительному—скажемъ почти преобладающему—положенію, какое занимаетъ нынѣ Брайтъ въ Англіи. Но рѣчь эта такъ велика, что большую часть ея мы, по необходимости, должны замѣнить анализомъ:

«Пусть ни одинъ человѣкъ здѣсь, въ Бирмингамѣ—сказалъ онъ—не думаетъ, что онъ не заинтересованъ въ томъ, что называется ирландскимъ вопросомъ. Это—вопросъ, который теперь сильно возбуждаетъ чувства, и который будетъ источникомъ немалого взрыва страстей, пока онъ не будетъ рѣшенъ. Этотъ вопросъ, по всей вѣроятности, послужитъ причиною паденія министерствъ и, быть можетъ—распушенія парламента». Тутъ Брайтъ перешелъ къ оцѣнкѣ бристольской рѣчи лорда Стэнли и напомнилъ его совѣтъ не «обращаться къ знахарямъ, потому только, что врачи не могутъ вдругъ излечить долговременной болѣзни».—«Въ самомъ дѣлѣ, сказалъ Брайтъ, болѣзнь эта длится уже болѣе 100 лѣтъ, а потому—то, если докторá все еще не нашли, чѣмъ излечить ее, то, мнѣ кажется, не дурно было бы спросить хоть знахаря». Напомнивъ объявленіе Стэнли, что министры уступятъ только своей совѣсти, а не шуму и угрозамъ, ораторъ замѣтилъ, что эти слова несовсѣмъ согласны съ тѣмъ, что было сдѣлано въ прошлую сессію, намекая на то, что избирательная реформа была вырвана у нихъ, въ настоящемъ видѣ, прямо противъ ихъ убѣжденія. Онъ перешелъ затѣмъ къ приостановленію въ Ирландіи дѣйствія закона о лич-

вой неприкосновенности, и зайти, что въ
возобновляется такое положеніе дѣлъ, при к
знается необходимою; онъ напомнилъ призна
нихъ дѣлъ, что ему пришлось обратиться к
сара, а именно, пришлось охранять обѣ резид
Бальмораль и островъ Уайтъ, отъ покушеній,
ствія феніамъ въ Ирландіи и Канадѣ, содер
50 тысячъ человѣкъ.

«Мнѣ кажется, продолжалъ онъ, я имѣю
министръ не предложилъ никакого средства сво
кетомъ въ Бристолѣ. Все, что онъ сказалъ, за
онъ не позволить разорвать государство на
что прежде всего слѣдовало указать тотъ п
думаетъ удержать государство въ цѣлости». I
фильдской рѣчи Робака, — и, замѣчательно, о
такъ - называемой манчестерской школы не
другого.—Этотъ членъ парламента, сказалъ
слѣдняго издыханія и до послѣдней капли кр
ленію двухъ странъ; не забудьте, что этотъ
тыре или пять лѣтъ тому назадъ, былъ сам
вѣстителемъ рабовладѣльцевъ; онъ зашелъ въ
леко, что предложилъ себя въ уполномоченн
французовъ и англійскимъ парламентомъ, съ
знаніе независимости рабовладѣльческой кон
билъ въ дѣло самыя оскорбительныя выходки
товъ, за ихъ рѣшимость не позволять разры
лики, а теперь онъ же говоритъ намъ, что п
ханіе и кровь, онъ не допустить разрыва ме
Ирландію.

«Мнѣ нечего объявлять вамъ, что я при
чтобы обсуждать этотъ вопросъ о раздѣленіи
министры, которые не имѣютъ предложит
только произносятъ возбудительныя рѣчи, и
носящіе рѣчи, подобныя приведенной — не и
нія, потому именно, что они — возбудители в
разъединенія. Я долженъ напомнить имъ, ч
объ отдѣленіи вовсе не выходитъ изъ грани
слѣ присоединенія Шотландіи, 160 лѣтъ том
внесено было предложеніе объ отбѣлѣ ак
предложеніе это было отвергнуто въ полно
шинствомъ *всего двухъ* голосовъ. Итакъ, им
весьма компетентнаго мѣста для тѣхъ, кто с
обсуждать вопросъ объ отдѣленіи. Сверхъ то

ство было могущественно и до законодательнаго соединенія съ Ирландією. Оно было могущественно въ войнѣ и торговлѣ, и не слѣдуетъ забывать, что ирландскій парламентъ былъ почти, если не совсѣмъ, столь же національнымъ, какъ нашъ собственный, былъ столь же священъ для Ирландіи, какъ англійскій парламентъ священъ намъ. Способы, употребленные для его уничтоженія, представляютъ одну изъ самыхъ грязныхъ исторій въ лѣтописяхъ этой страны. Насиліе, обманъ и подкупъ безпримѣрнаго характера были средствами, которыми осуществлено было уничтоженіе ирландскаго парламента.

«Впрочемъ, я все-таки не имѣю сказать ни слова въ пользу раздѣленія этихъ двухъ странъ. Замѣчу только, что ирландскій народъ никогда не изъявлялъ своего согласія на законодательную унию и, что стало быть, право его протестовать противъ нея и искать восстановленія его парламента, если это имъ признается выгоднымъ, не было и не можетъ быть разрушено.

«Но передъ нами стоитъ иной вопросъ, а именно: можемъ ли мы поступать съ Ирландією такъ, чтобы сдѣлать соединеніе мирнымъ и неизбежнымъ, посредствомъ обоюдной выгоды его для обѣихъ странъ? Мы говоримъ на одномъ языкѣ съ ирландцами, читаемъ тѣ же книги, изъ которыхъ значительную часть пишутъ именно ирландцы; интересы наши общіе, родственныя связи между нами переплетены самымъ запутаннымъ образомъ, а примѣръ иныхъ странъ показываетъ намъ, что католики и протестанты могутъ уживаться одни съ другими въ полномъ согласіи. Возвращаясь къ вопросу о законодательной униі, я сдѣлаю еще одно замѣчаніе, именно, что я самъ никогда не соглашусь ни на какую мѣру, ведущую къ нарушенію этой униі до тѣхъ поръ, пока не будетъ доказано, что въ Англии окончательно вымерла государственная мудрость, и до тѣхъ поръ, пока на Ирландіи не будетъ доказано, что справедливость перестала имѣть вліяніе на человѣчество. Министръ, о которомъ я упоминалъ, сказалъ, что обсужденію и рѣшенію парламента подлежатъ, относительно Ирландіи, два вопроса: о церкви и о землѣ. Но эти вопросы—болѣе чѣмъ пункты для обсужденія; это вопросы, отъ которыхъ можетъ зависѣть существованіе государства. Эти два вопроса представляютъ начало и конецъ всего ирландскаго кризиса.

«Шотландцы—нація, и, я полагаю, они еще болѣе пристрастны къ своей національности, чѣмъ ирландцы. Шотландцы, однако, считаютъ себя членами великаго народа, которымъ они имѣютъ причины быть довольны. Но вѣдь ирландцы—тоже нація, и желательно бы знать, почему мы не можемъ сдѣлать ихъ столь же довольными членами большого народа и принять участіе въ томъ величіи, которое дается большою державою? Я вѣрю, что это можетъ быть сдѣлано, вѣрю въ

это также твердо, какъ въ то, что стою на этомъ мѣстѣ. Все, что могъ бы сдѣлать парламентъ въ Дублинѣ, можетъ сдѣлать и нашъ государственный парламентъ, если искренно захочетъ. Теперь представьте себѣ, что въ Дублинѣ засѣдаетъ парламентъ, избранный свободными и равными голосами ирландскихъ квартирныхъ хозяевъ (householders)¹⁾; можете ли вы допустить мысль, что въ такомъ случаѣ существовало бы въ этой странѣ учрежденіе, подобное тому, которое нынѣ извѣстно подъ именемъ протестантской установленной (господствующей) церкви? Я не враждебенъ протестантизму и самъ я, какъ вамъ извѣстно, протестантъ изъ протестантовъ. Я не сочувствую организаціи, нѣкоторымъ доктринамъ и практикамъ католицизма. Но я говорю здѣсь о протестантской церкви только какъ объ учрежденіи политическомъ. Если кто-нибудь скажетъ, что съ такимъ парламентомъ ирландскій народъ допустилъ бы существованіе этой политической церкви, то человѣкъ этотъ долженъ считать Ирландію немногимъ лучше дома безумныхъ. А если мы увѣрены, что ирландскій народъ (будь онъ воленъ) не допустилъ бы этого, то зачѣмъ же мы, составляя сильнѣйшую изъ трехъ частей королевства, и нашъ парламентъ, въ Лондонѣ, зачѣмъ мы поддерживали это учрежденіе, наперекоръ извѣстному намъ мнѣнію и тысячу разъ повторенному протесту огромнаго большинства ирландскаго народа?»

Вотъ какъ предлагаетъ Брайтъ рѣшить вопросъ о господствующей англиканской церкви въ Ирландіи:—«Надняхъ я видѣлъ послѣднюю оцѣнку имущества въ господствующей церкви въ Ирландіи. Они исчислены въ сумму неменѣе 13 милліоновъ фунтовъ. Я не могу объяснить вамъ сколько-нибудь наглядно, каково дѣйствительное значеніе такой суммы, какъ 13 милліоновъ фунтовъ. Велико ли то число людей, для пользы которыхъ предназначена эта сумма? Велико ли все населеніе, которому она приноситъ пользу, своимъ громаднымъ процентомъ, пользу въ отправленіи религіозныхъ требъ и въ религіозномъ воспитаніи? Оно едва равняется населенію двухъ такихъ городовъ, какъ Бирмингамъ. Сверхъ того, парламентъ даетъ ежегодно церкви пресвитеріанской въ Ирландіи, въ видѣ субсидіи (это называется *gratum donum*) сумму въ 40 тысячъ фунтовъ изъ нашего податного сбора. Мнѣ кажется, настало, наконецъ, время отмѣнить преобладаніе протестантской церкви въ Ирландіи въ смыслѣ политическаго учрежденія. При этомъ, однако, было бы несправедливо вдругъ отвять у этой церкви всѣ ея средства къ существованію. Мнѣ кажется, за нею слѣдовало бы оставить даже въ видѣ постоянно, а не только временно принадлежащаго фонда, нѣкоторую часть изъ этой суммы, но

¹⁾ Послѣдняя реформа въ Англіи распространила избирательное право на всѣхъ наемщиковъ квартиръ.

съ тѣмъ, чтобы она затѣмъ отказалась отъ всякой мысли быть долге государственнымъ учрежденіемъ. За пресвитеріанскою церковью слѣдовало бы утвердить взятый изъ того же источника небольшой фондъ, а ежегодное назначеніе 40 т. фунтовъ изъ казначейства отмѣнить. Затѣмъ, изъ того же фонда необходимо было бы обезпечить и католическую церковь въ этой странѣ, церковь, къ которой принадлежитъ большинство населенія, и которой содержаніе нынѣ исключительно лежитъ на его добровольныхъ сборахъ; скажемъ, что католической церкви слѣдуетъ предоставить, все изъ того же фонда, 2—3 милліона фунтовъ, не болѣе трехъ, и тогда мы будемъ имѣть въ Ирландіи три совершенно-независимыя отъ государства церкви. Для успѣшнаго законодательства важно имѣть за себя согласіе тѣхъ, для кого законы назначаются. Вотъ почему я и предлагаю удѣлить фондъ и католической церкви. Для страны не важно, что сдѣлается съ тремя милліонами фунтовъ, но для нея чрезвычайно важно, чтобы государственная церковь въ Ирландіи была отмѣнена и чтобы система нашего управленія Ирландіею была добровольно поддерживаема ирландскимъ народомъ».

Затѣмъ, ораторъ, напоминая о разныхъ видахъ притѣсненія въ Ирландіи, посредствомъ законовъ, приводитъ разные примѣры, вставляетъ краснорѣчивые стихи О'Коннеля и доказываетъ, что система справедливости относительно церковнаго вопроса поведетъ къ примиренію ирландцевъ съ Англіею и уничтожитъ въ нихъ горькія воспоминанія.

Переходя къ вопросу о землѣ, Брайтъ напомнилъ о происхожденіи нынѣшняго положенія дѣлъ въ Ирландіи.—«Со времени королевы Елизаветы и до Вильгельма III, постепенно конфисковались земли въ Ирландіи, и едва ли тамъ остался одинъ акръ земли, который не былъ бы конфискованъ раза три. Такимъ образомъ, мы видимъ предъ собою собственниковъ-протестантовъ и арендаторовъ-католиковъ. Отсюда — взаимное недовѣріе, ненависть, нищета большинства, уничтоженіе всякаго благосостоянія и безопасности. Лордъ Стэйли говоритъ, что фермеры, по большей части, не дѣлаютъ улучшеній; разумѣется, не дѣлаютъ потому именно, что не могутъ ожидать вознагражденія за нихъ. Я не думаю даже, что одной мѣры установленія такого вознагражденія — развѣ въ размѣрѣ, на который парламентъ никогда не согласится — было бы достаточно, чтобы успокоить Ирландію. Впрочемъ, пользу эта мѣра все-таки принесла бы. А если бы ирландскимъ фермерамъ обезпечить свободу выборовъ, введеніемъ секретной подачи голосовъ, то это, освобождая фермеровъ отъ преобладанія собственниковъ, въ значительной мѣрѣ побуждало бы собственниковъ соглашаться на долгосрочные контракты.

«Главная, существенная потребность Ирландіи состоитъ въ томъ,

чтобы тамошнему населенію была предоставлена возможность, тѣмъ или инымъ путемъ, постепенно сдѣлаться собственниками земли. Прежде всего, если есть законы, которыхъ цѣль — предупреждать раздробленіе поземельной собственности, уничтожьте ихъ. Пусть дѣйствуютъ законы естественныя. Потребность эту ощущали въ разныя времена въ различныхъ странахъ. Во Франціи ее удовлетворила страшная революція. Въ Пруссіи она была удовлетворена постепеннымъ, благотворнымъ дѣйствіемъ законовъ. Прусское правительство учредило ссудныя кассы, въ которыхъ фермеры могли занимать деньги для выкупа земли у ея собственниковъ. Тогда ссудная касса вступала сама въ положеніе собственника и посредствомъ долговременной разсрочки уплаты капитала съ процентами, помогала фермеру сдѣлаться полнымъ владѣльцемъ земли. Я полагаю, что подобное учрежденіе было бы полезно въ Ирландіи, но этого было бы еще недостаточно. Шестнадцать мѣсяцевъ тому назадъ, въ рѣчи, произнесенной въ Дублинѣ, я предлагалъ учрежденіе парламентской комиссіи, которая приняла бы на себя дѣло, порученное въ Пруссіи ссуднымъ кассамъ. Но ей слѣдовало бы не только являться посредницею между собственниками земли и фермерами, облегчающею выкупъ, а сверхъ того, покупать по добровольному соглашенію большія имѣнія неживущихъ въ Ирландіи помѣщиковъ (absentees) и затѣмъ продавать ихъ въ раздробленномъ видѣ, т. е. каждую ферму отдѣльно фермерамъ. Я теперь повторяю это предложеніе, несмотря на то, что его старались представить въ смѣшномъ видѣ.

«Въ интересной книгѣ г. Магайра: «Ирландцы въ Америкѣ», я нахожу примѣры подобнаго выкупа земель въ Канадѣ и на островѣ св. Эдуарда». Затѣмъ, изложивъ принятыя парламентомъ въ 1849 и 1866 годахъ мѣры для облегченія ссудъ ирландскимъ помѣщикамъ, Брайтъ развилъ мысль о выкупѣ земель для фермеровъ на правѣ уплаты капитала и процентовъ 5%—мъ взносомъ въ теченіи 35 лѣтъ (наши ссуды опекунскаго совѣта). А такъ какъ доходъ неживущихъ въ Ирландіи владѣльцевъ ея почвы исчисляется въ 4 милліона фунтовъ въ годъ, то выкупъ этой ренты въ пользу страны произвелъ бы очень значительные матеріальные и нравственные результаты. Брайтъ сослался въ этомъ отношеніи и на наше освобожденіе крестьянъ:—«Въ Россіи, гдѣ крѣпостные освобождены съ землею, нѣтъ ни одного изъ нихъ, который не былъ бы готовъ встать на защиту государства и императора», сказалъ онъ. Къ этому онъ могъ бы присоединить освобожденіе нашимъ правительствомъ крестьянъ въ царствѣ польскомъ, гдѣ землевладѣльцы хотя и были туземцами, но были не лучше ирландскихъ, и точно также вредили своимъ абсентеизмомъ, проживая трудъ крестьянина въ большихъ городахъ или въ Парижѣ. Брайтъ сослался и на Соединенные-Штаты, сказавъ, что самый консервативный элементъ въ нихъ представляется именно мелкими земель-

что совокупность исчисленных имъ мѣръ удовлетворила бы ирландцевъ, дала бы имъ возможность остаться патриотами, не будучи мятежниками, даже безъ отдѣльнаго парламента, несмотря на мнѣніе Гольдунна Смита и другихъ, думающихъ, что ирландцы жаждутъ болѣе всего именно этого разрыва законодательной уніи съ Великобританіею. Такъ-то, всякая великая, благодѣтельная социальная мѣра, подобная нашему освобожденію крестьянъ, не ограничиваетъ свое дѣйствіе непосредственнымъ кругомъ, на который она распространена, а является приобрѣтеніемъ всего человѣчества, получаетъ силу притягательную и занимаетъ мѣсто въ исторіи общаго прогресса.

Мы привели ссылку Брайта на Гольдунна Смита. Изложимъ теперь мнѣніе этого публициста объ ирландскомъ вопросѣ. — «Ирландская унія—говоритъ онъ—не достигла своей цѣли.. Итакъ, опять указываетъ на необходимость такой децентрализаціи для Ирландіи, чтобы Дублинъ былъ въ самомъ дѣлѣ столицею ея, и ирландецъ могъ быть патриотомъ, не будучи мятежникомъ. Осуществить это, *не разрывая уніи*, трудная задача для нашихъ государственныхъ людей; отмѣнить же унію—было бы тяжкимъ испытаніемъ для нашей гордости. Но какъ же иначе сдѣлать возможнымъ патриотизмъ въ Ирландіи? Въ духѣ этой политики скажу, что съ имуществомъ ирландской (господствующей) церкви слѣдуетъ поступить такъ, какъ того пожелаетъ законный хозяинъ — ирландскій народъ». Итакъ, Смитъ только не договариваетъ слова: *гереал*, а на счетъ англиканской церкви сходится съ Брайтомъ. Вотъ, что онъ говоритъ о земельномъ вопросѣ:—«Я увѣренъ, что измѣненіе въ *tenant-right* было бы недостаточно для успокоенія Ирландіи. Ирландцы хотятъ не обезпеченія и вознагражденія фермеровъ за улучшенія, а просто *соціалистической* мѣры — перехода собственности въ руки арендаторовъ». Впрочемъ, допуская отмѣну церковнаго *establishment* въ Ирландіи, Г. Смитъ не скрываетъ отъ себя, что при этомъ: «мы уничтожимъ плату нашему *гарнизону* въ Ирландіи (протестантамъ), и гарнизонъ, вѣроятно, разсѣется. Протестанты обратятся просто въ ирландцевъ и, въ силу національнаго характера, быть можетъ въ самыхъ безпокойныхъ изъ всѣхъ ирландцевъ». Однако это предвидѣніе не мѣшаетъ Гольдунну Смиту защищать мѣру уничтоженія господствующей церкви, какъ государственнаго учрежденія.

Мильнеръ - Гибсонъ, одинъ изъ представителей такъ-называемой манчестерской школы, бывший министромъ торговли въ послѣднемъ кабинетѣ Россели-Гладстона, произнесъ 28 (16) января рѣчь къ своимъ избирателямъ, въ которой также коснулся ирландскаго вопроса. — «Отдѣленіе Ирландіи—сказалъ онъ—было бы вредно для обѣихъ сторонъ. Мнѣ кажется, должно слѣдовать прямо противоположной политикѣ: включить Ирландію совершенно въ Соединенное-Королевство,

уничтожить даже намѣстничество въ Ирландіи. Но я считаю несправедливымъ преобладаніе протестантской церкви въ Ирландіи. Я самъ протестантъ и желаю бы, чтобы всѣ ирландцы сдѣлались протестантами; но мы должны признавать фактъ и уважать вѣру народа. Полагаю, что «establishment» протестантской церкви въ Ирландіи не можетъ быть оправдано ни по справедливости, ни по здоровой политикѣ, и должно быть отмѣнено. Есть люди, которые говорятъ, что государство должно обезпечить въ Ирландіи всѣ церкви, платить всѣмъ духовенствамъ: англиканскому, католическому и протестантскому. Такова была политика Питта; но онъ не успѣлъ убѣдить парламентъ къ принятію ея. Мнѣ кажется гораздо проще — не платить никому, отказаться отъ содержанія на счетъ государства какого бы то ни было духовенства. Откажемся отъ мысли о протестантскомъ преобладаніи, будемъ управлять Ирландіею по началамъ справедливости, вмѣстѣ съ тѣмъ, энергически поддерживая порядокъ, и мы сдѣлаемъ Ирландію счастливою».

Затѣмъ, Мильнеръ-Гибсонъ перешелъ къ помощи ожидаемой феліанями отъ Америки, выразилъ неодобреніе признанію за сепаратистами правъ воюющей стороны и надежду, что вопросъ о вознагражденіи за ущербъ, нанесенный катеромъ «Элебею» американской торговлѣ, будетъ рѣшенъ взаимными уступками.

По поводу словъ Мильнера-Гибсона объ обезпеченіи католическаго духовенства въ Ирландіи и по политикѣ Питта, упомянемъ о мнѣніи, выраженномъ въ послѣдней книжкѣ «Quarterly Review» (январь 1868), въ которомъ сильно защищается именно эта мысль. Всѣ остальные уступки въ пользу Ирландіи, консервативный журналъ положительно отрицаетъ. Онъ не хочетъ слышать объ отдѣленіи Ирландіи, напоминая, что Ирландія—не колонія, и что въ политикѣ относительно ея невозможно примѣненіе принципа о свободномъ отдѣленіи колоній; въ отмѣнѣ establishment англиканской церкви въ Ирландіи онъ видитъ мѣру, которая лишитъ Англію преданныхъ и сильныхъ образованностью и социальнымъ положеніемъ союзниковъ, не примиривъ враговъ; наконецъ, выкупъ земли онъ считаетъ мѣрою нелѣпою, революціонною и ведущею къ разоренію Ирландіи (какъ полагаетъ и лордъ Стэнли). Единственною полезною мѣрою «Quarterly Review» признаетъ именно обезпеченіе государствомъ участи католическаго духовенства въ Ирландіи, посредствомъ жалованья, и облегченія такимъ образомъ страны, а вмѣстѣ съ тѣмъ привлеченіе католическаго духовенства на свою сторону. «Quarterly Review» доказываетъ ссылками на объявленіе лорда Кэстлри въ 1810 и 1821 годахъ, что такова именно была мысль тогдашняго правительства. Но изъ этихъ же ссылокъ оказывается, что само католическое духовенство отвергло въ то время эту мѣру.

Обратимся теперь къ самому главѣ виговъ, лорду Росселю. Онъ

Мы оставимъ въ сторонѣ историческую часть ея, которая излагаетъ, очень коротко, мѣры относительно Ирландіи уже упомянутыя нами. Онъ замѣчаетъ при этомъ: — «Голодъ и выселеніе совершили дѣло, находившееся внѣ законодательства или управленія. Провидѣніе справедливо огорчило насъ зрѣлищемъ тѣхъ послѣдствій, къ которымъ привело ограниченіе всѣхъ средствъ народа однимъ воздѣлываніемъ картофеля и наказало насъ возбужденіемъ огня ненависти въ сердцахъ ирландцевъ». Лордъ Россель, какъ и слѣдовало ожидать отъ вождя аристократическаго либерализма Британіи, гораздо болѣе склоненъ къ уступкамъ по вопросу церковному, чѣмъ по вопросу земельному. Необходимость перехода земель въ руки прямыхъ воздѣлывателей ихъ — рабочихъ, онъ прямо отрицаетъ во имя правъ собственности и «пользы всей страны». Онъ отвергаетъ также предположеніе, что введеніе тайной подачи голосовъ заставило бы ирландскихъ помѣщиковъ соглашаться на заключеніе контрактовъ на земли. Онъ доказываетъ даже, что ограниченіе числа избирателей въ Шотландіи въ 1688 году, существовавшее до 1831 года, было благопріятно успѣхамъ земледѣлія. — «Такъ какъ наемщикъ земли не имѣлъ права голоса — говоритъ онъ — то вся забота помѣщика заключалась въ полученіи хорошаго дохода, посредствомъ улучшенія земли». Въ Ирландіи же, по его мнѣнію, право избирательства слишкомъ распространено. Отъ этого нѣсколько страннаго положенія, которое даже какъ-бы противорѣчитъ полезности реформы 1832 года, которую провелъ самъ Россель, онъ переходитъ къ изображенію того идеала, котораго осуществленіе въ Ирландіи удовлетворило бы его: — «Государство должно стараться о выполненіи слѣдующихъ трехъ главныхъ правилъ: во-первыхъ, чтобы землевладѣніе пользовалось своими правами и исполняло свои обязанности (?); во-вторыхъ, чтобы арендаторы жили въ достаткѣ и безопасности; въ-третьихъ, чтобы земледѣліе давало результатъ, представляющій, если не искусную, то порядочную обработку. Взглянувъ на состояніе Ирландіи, невозможно сказать, что эти три условія выполняются тамъ».

Единственная мѣра, которою лордъ Россель считаетъ возможнымъ касаться земельного вопроса не нарушая правъ собственности, это — обязательность вознагражденія для наемщика земли за сдѣланный имъ улучшенія въ случаѣ произвольнаго изгнанія его (eviction). Произвольнымъ изгнаніемъ называется удаленіе такого наемщика, который вноситъ плату исправно и выражаетъ намѣреніе продолжать вносить ее. Въ этихъ случаяхъ, по мнѣнію Росселя и согласно съ биллемъ, проектированнымъ г. Чичестеромъ Фортеस्कю, члены дублинскаго адвокатскаго сословія должны являться посредниками для опредѣленія суммы; съ этой цѣлью, они должны объѣзжать страну, составляя

изъ себя спеціальныя окружныя суды (circuit courts). Послѣ этого, еще разъ вождь виговъ возвращается къ напоминанію, что не слѣдуетъ останавливаться ни на какомъ, предлагаемомъ теоретиками проектѣ, нарушающемъ право собственности, и таинственно выражается, что «даже такой планъ, который, не нарушая правъ собственности, предполагаетъ въ ирландскихъ фермерахъ то, чего въ нихъ нѣтъ, и допускаетъ, что они будутъ дѣлать то, чего они не будутъ дѣлать (?) долженъ быть отброшенъ».

Тѣмъ охотнѣе престарѣлый либераль согласается на уступки въ церковномъ вопросѣ. Прежде всего, онъ ставитъ вопросъ: соответствуетъ ли англиканское «establishment» въ Ирландіи первому назначенію церковнаго учрежденія — духовному просвѣщенію народа, и отвѣчаетъ себѣ отрицательно. Протестантскіе духовные въ Ирландіи до сихъ поръ тоже самое, что въ нихъ видѣлъ Свифтъ — помѣщики въ черной (духовной) одеждѣ (country-gentlemen in black coats). Не болѣе одной осмой, а въ иныхъ мѣстахъ только одна десятая или даже двадцатая часть населенія слушаютъ ихъ поученія. Россель говоритъ, что католики въ палатѣ общинъ желаютъ только, чтобы въ Ирландіи 4½ милліона ихъ единовѣрцевъ были сравнены съ 700 тысячъ членовъ епископальной (англиканской) церкви, и находить это справедливымъ. Онъ ссылается на рѣчь, произнесенную въ палатѣ общинъ г. Дизраэли 24 года тому назадъ, въ которой равенство въ церковномъ отношеніи было названо непремѣннымъ условіемъ порядка и благосостоянія въ Ирландіи. Лордъ Россель объясняетъ, что, втеченіи этой четверти столѣтія, онъ (авторъ) сознавалъ, что съ его стороны попытка къ установленію церковнаго равенства въ Ирландіи была бы встрѣчена сплошною оппозиціею всей торійской партіи къ которой присоединилась бы часть его собственной (Россея) партіи. Но Дизраэли, по отношенію къ этому вопросу, находится въ иномъ положеніи и воспитанная имъ партія имѣла уже довольно времени, чтобы одолѣть такой простой урокъ, какъ вопросъ о необходимости церковнаго равенства въ Ирландіи. Россель напоминаетъ, что еще въ 1760 году герцогъ Бедфордъ (одинъ изъ его предковъ) поддерживалъ мѣру, которая была равносильна дѣйствовавшему въ Англіи Act of Toleration. Тогдашній ирландскій тайный совѣтъ отвергъ ее. Такова же была судьба другихъ либеральныхъ предложеній въ томъ же родѣ, пока, наконецъ, не появился, въ 1828 году, О' Коннелль. «Уравненіе католиковъ (Roman Catholic Relief Bill) — говоритъ Россель — было точно также его дѣломъ, какъ отмѣна хлѣбныхъ законовъ была дѣломъ г. Кобдена, а билль о реформѣ 1867 года — дѣломъ г. Брайта». Россель напоминаетъ, что отмѣна епископальнаго «establishment» въ Шотландіи (Вальгельмомъ III) была причиною необычайной перемѣны къ лучшему въ ея состояніи, и объявляетъ существованіе этого учреж-

денія въ Ирландіи главнымъ предметомъ неудовольствія этой страны. Онъ говоритъ далѣе: — «Итакъ, я прихожу къ заключенію, что было бы справедливо и полезно обезпечить римско-католическую церковь въ Ирландіи, обезпечить пресвитеріанскую церковь и сократить доходы протестантской епископальной церкви въ Ирландіи до одной осмой нынѣшняго ихъ итога».

Итакъ, Россель желаетъ не отмины епископальнаго «establishment», а распространенія системы покровительства и обезпеченія средствами (endowment) на католическую и пресвитеріанскую церкви, съ такимъ сокращеніемъ доходовъ епископальной церкви, которое соотвѣтствовало бы отношенію цифры англиканскаго населенія Ирландіи ко всему населенію этой страны. Россель объясняетъ, что онъ не ожидаетъ успѣховъ для протестантизма въ Ирландіи. Онъ напоминаетъ, чрезъ сколько превратностей и гоненій прошла тамъ католическая церковь, оставшись невредимою, и требуетъ, чтобы дальнѣйшее религиозное соперничество происходило при равномъ оружіи. Россель допускаетъ, что католическіе епископы могутъ предпочитать нынѣшнее свое непринятое, но тѣмъ самымъ независимое положеніе даромъ отъ государственнаго казначейства, но доказываетъ необходимость, чтобы въ государствѣ преобладала власть свѣтская, не нуждаясь въ обращеніи къ помощи власти духовной для поддержанія своего авторитета. — «Единственное наше средство — пишетъ Россель — это поддержать преобладаніе парламента, какъ великаго трибунала въ дѣлахъ свѣтскихъ. L'Etat est laïc, сказалъ однажды г. Гизо во Франціи. Авторитетъ королевы долженъ быть поддерживаемъ, и ея суды не должны быть поставлены въ необходимость обращаться къ помощи шотландскихъ пресвитерствъ, какъ — англиканскихъ синодовъ или римско-католическихъ судилищъ».

Авторъ говоритъ, что для измѣненія нынѣшняго положенія Ирландіи и уничтоженія поводовъ къ ея жалобамъ необходимо, чтобы въ Англіи проявилось благопріятное такой дѣли теченіе въ общественномъ мнѣніи, а мы выше объяснили, почему англійское правительство можетъ встрѣтить противодѣйствіе, въ общественномъ мнѣніи Англіи, даже если бы оно захотѣло поступать въ отношеніи Ирландіи либерально и справедливо. Общественное мнѣніе въ Англіи, какъ замѣчаетъ Россель, поддается только страху, при этомъ онъ напоминаетъ, что торійская партія не принималась за проведеніе избирательнаго права для всѣхъ хозяевъ квартиръ (household suffrage, введенное биллемъ о реформѣ 1867 года) «пока рѣшетки Гайд-Парка не были сломаны до основанія и пока не произошли многочисленныя и разнообразныя митинги, болѣе примѣчательныя по своей многолюдности и физической силѣ, чѣмъ по убѣдительности и краснорѣчію своихъ рѣчей». Для осуществленія благопріятной перемѣны въ законодательствѣ относительно

Ирландіи, нуженъ «человѣкъ» или «нѣсколько человѣкъ», говоритъ Россель. Человѣкъ, на котораго онъ указываетъ — Гладстонъ. — «Пусть исполненный ханжества оксфордскій университетъ не избираетъ его — говоритъ Россель, — но ланкастерское графство его не оставитъ». Затѣмъ онъ излагаетъ порядокъ, въ которомъ слѣдуетъ осуществить преобразование для ирландской церкви. — «Достаточно всего двухъ рѣшеній палаты общинъ, говоритъ онъ: одно изъ нихъ провозгласитъ уравненіе церквей въ Ирландіи, другое будетъ обращеніемъ къ коронѣ съ просьбою принять мѣры къ примѣненію этого постановленія». Такъ какъ Дизраэли уже высказался однажды въ пользу этого равенства, и какъ онъ недавно открыто объявилъ, что не позволитъ либеральной партіи пользоваться монополіею проведенія либеральныхъ мѣръ, то такой простой вопросъ, какъ церковное равенство въ Ирландіи, «этотъ *roms asinorum* политической геометріи, вѣроятно уже усвоенъ учениками Дизраэли.» Лордъ Стэнли требуетъ еще года отсрочки. — «Нѣтъ — отвѣчаетъ Россель — скажемъ рѣшительно — нѣтъ, и не примемъ за алмазъ бристольтскій камень, подносимый намъ лордомъ Стэнли».

Должно быть осуществлено дѣйствительное соединеніе обоихъ народовъ, а не разрывъ уни, говоритъ Россель, и замѣчаетъ, что либералы въ этомъ дѣлѣ должны походить на пионеровъ въ абиссинской экспедиціи: — «Намъ предназначено указывать дорогу реформы торійскимъ министрамъ. Такъ было съ уравненіемъ католиковъ и съ отиѣною хлѣбныхъ законовъ; такъ было и съ реформою 1867 года. 15 лѣтъ мы проповѣдывали, что винѣшнее положеніе общества требуетъ допущенія рабочихъ классовъ къ избирательству, и что эта мѣра усилитъ конституцію. — Сэръ Робертъ Нэпиръ (начальникъ абиссинской экспедиціи) изъявилъ благодарность своимъ инженерамъ, а тѣ, которымъ мы пролагаемъ путь, находятъ удовольствіе въ осыпаніи бранью г. Гладстона и г. Брайта и всѣхъ остальныхъ либераловъ, бывшихъ пионерами реформы».

Россель заключаетъ такъ: — «Англичане отличаются настойчивостью, шотландцы — разсудительностью, ирландцы — великодушіемъ. Всѣ эти народы, говорящіе однимъ языкомъ, живущіе на двухъ близкихъ островахъ, управляемые смѣшанною расою нормановъ, саксовъ и кельтовъ, должны составлять, какъ они и составляли до сихъ поръ, среди опасностей, потрясеній и бѣдствій, одно общество или, если хотите — одно государство, отличающееся возвышеннымъ умомъ, свободою и цивилизаціею. Пусть только умиротвореніе Ирландіи (*Hibernia pacata*) будетъ присоединено къ нашимъ мирнымъ побѣдамъ, и наша будущность превзойдетъ наше прошлое».

Въ февралѣ же вышла другая брошюра объ Ирландіи, — сочиненіе знаменитаго публициста-радикала, Джона Стюарта-Милля, подъ заглавіемъ: «England and Ireland». Милль ставитъ вопросъ объ Ирландіи

гличанамъ всю правду о выказанной ими неспособности къ управленію Ирландією и, отрицая преимущественную важность церковнаго вопроса, которымъ аристократическіе либералы нарочно отводятъ глаза Англій отъ истинной причины бѣдственнаго положенія Ирландіи, касается твердою рукою самого больного мѣста, въ которомъ кроется корень зла — *крестьянскаго вопроса* въ Ирландіи, и выступаетъ рѣшительнымъ проповѣдникомъ необходимости рѣшить этотъ вопросъ радикально, *осуществленіемъ перехода земельной собственности съ Ирландіи съ руки крестьянъ.*

— «Чувства, обнаруживаемыя ирландцами — говоритъ Милль — кажутся совершенно естественными всему образованному міру, за исключеніемъ одной Англій. Наша политика въ отношенія ихъ представляетъ характеристическій примѣръ того практическаго здраваго смысла, который приписывается англійскому обществу. Нѣтъ народа въ образованномъ мірѣ, который бы не оказался болѣе способнымъ къ управленію Ирландією, чѣмъ Англія до настоящаго времени». Одну изъ причинъ такого положенія дѣлъ, Милль видитъ въ томъ, что «нѣтъ въ образованномъ мірѣ ни одного народа, который бы такъ много воображалъ о своихъ учрежденіяхъ, и всѣхъ своихъ пріемахъ общественной дѣятельности, какъ англичане». Милль бросаетъ взглядъ на мѣры, принятыя для устранинія справедливыхъ поводовъ къ бунтамъ въ Ирландіи и приходитъ къ выводу, что, несмотря на эти полезныя мѣры, неудовольствіе ирландскаго народа проявилось болѣе чѣмъ когда-либо въ феніанизмѣ. Онъ указываетъ на фактъ, что многіе, даже политическіе люди въ Англій, выражаютъ полное непониманіе, что нужно и что можетъ быть сдѣлано для Ирландіи; они не знаютъ даже, чего желаетъ она. Впрочемъ, Милль замѣчаетъ переимѣну къ лучшему въ высокомѣрїи англичанъ: — «Наши правительствующіе классы — говоритъ онъ — пріучаются теперь слышать, что тѣ учрежденія, которыя, по ихъ мнѣнію, были пригодны для всего человѣчества потому только, что они были пригодны намъ, требуютъ еще много измѣненій для того, чтобы для насъ самихъ-то быть удовлетворительными». Затѣмъ, Милль прямо указываетъ на то англійское учрежденіе, которое играетъ наибольшую роль въ бѣдственномъ положеніи Ирландіи, — на сосредоточеніе всей земельной собственности въ рукахъ малаго числа семействъ. — «Естественно — говоритъ онъ — чтобы человѣку принадлежало безусловно то, что создано его собственнымъ трудомъ и искусствомъ, и даже то, что подарено ему другими. Но съ землею дѣло представляется иначе, потому именно, что земля — предметъ, котораго ни одинъ человѣкъ не произвелъ самъ и, сверхъ того, существуетъ въ ограниченномъ пространствѣ; это ограниченное пространство составляетъ естественное наслѣдіе всего человѣчества, и завладѣвающій ею, тѣмъ самымъ, исключаетъ

отъ пользованія ею другихъ. Такое присвоеніе тамъ, гдѣ земли недостаточно для всѣхъ, представляется узурпаціею правъ другихъ людей. Истинное основаніе земельной собственности заключается въ томъ, чтобы пожиналъ тотъ, кто «сѣетъ» и это-то основаніе мало оправдываетъ права тѣхъ, кто «пожинаетъ», не высѣвая самъ, да еще присвоиваетъ себѣ власть изгонять дѣйствительныхъ сѣятелей.

Затѣмъ, авторъ переходитъ къ разсмотрѣнію того аргумента, что то, что хорошо для Англій, должно быть хорошо и для Ирландіи, и отрицаетъ основательность этого положенія тѣмъ, что въ Англій бѣльшая часть населенія живетъ не земледѣльемъ, а въ Ирландіи единственно земледѣльемъ,—фактъ, который, по мнѣнію Милля, и впредь будетъ существовать. Вслѣдствіе того, необходимо принять мѣры, чтобы въ Ирландіи на всякаго человѣка приходилось количество земли, достаточное для его содержанія. Положеніе фермеровъ въ обѣихъ странахъ различно. Въ Англій есть многочисленный классъ фермеровъ-капиталистовъ, которые въ состояніи защищать свои интересы. Въ Ирландіи, напротивъ, землю нанимаетъ, по большей части тотъ, кто самъ пашетъ ее, и эти-то сѣмщико-рабочіе находятся въ полномъ распоряженіи собственниковъ земли.

Единственное средство для уничтоженія этого зла Милль видитъ въ «постоянномъ владѣніи крестьянъ землею, съ опредѣленными тягостями». — «Такая перемѣна — говоритъ онъ — можетъ показаться революціонною, но теперь именно требуются революціонныя мѣры, и ничто не удовлетворитъ Ирландію, кромѣ того, что она могла бы приобрести, если бы ей удалась революція. Управленіе Ирландіею теперь должно принадлежать по праву тѣмъ, кто захочетъ средствами, согласными со справедливостью, обратить ирландскихъ земледѣльцовъ въ собственниковъ почвы; англійскому народу предстоитъ рѣшить, желаетъ ли онъ быть такимъ справедливымъ правителемъ или нѣтъ.»

Милль не желаетъ отдѣленія Ирландіи отъ Великобританіи. Онъ находитъ, что отдѣленіе было-бы пагубно для обѣихъ сторонъ, въ особенности для Ирландіи. Онъ предвидитъ, что Ирландіи предстояло бы пройти черезъ періодъ анархій, и сдѣлаться, по всей вѣроятности, жертвою какого-нибудь новаго завоеванія. Но, если Англія не дастъ Ирландіи того справедливаго основанія земельной собственности, о которомъ упомянуто выше, то, по мнѣнію Милля, революція можетъ принести и пользу Ирландіи, независимо отъ вреда въ другихъ отношеніяхъ. — «Пусть отдѣленіе — говоритъ онъ — будетъ во всѣхъ отношеніяхъ ошибкою; но одно дѣло оно сдѣлаетъ: оно обратитъ крестьянъ-сѣмщиковъ въ крестьянъ-собственниковъ; а это одно будетъ стоить болѣе всего, что Ирландіа можетъ потерять вслѣдствіе отдѣленія. Самое дурное правленіе, если оно только дастъ ей это, будетъ лучше выносимо ею и будетъ болѣе заслуживать поддержки массы ирландскаго

народа, чѣмъ самое лучшее правленіе, если оно не дастъ этого Ирландіи, если только можно называть хорошимъ такое правленіе, которое отказывается дать странѣ первое и величайшее благодѣяніе, въ которомъ она нуждается.»

Исходя изъ такихъ убѣжденій, Милль предлагаетъ слѣдующую мѣру: учрежденіе комисіи съ понудительной властью; которая должна будетъ разсмотрѣть условіе относительно каждой фермы и обратитъ подвижную, измѣняющуюся цѣну найма въ плату, опредѣленную и постоянную. При этомъ должно быть опредѣлено, какая именно постоянная плата можетъ быть для владѣльца эквивалентомъ нынѣ получаемого имъ дохода, а также опредѣлены всѣ тѣ статьи, которыя могутъ усилить доходъ независимо отъ собственныхъ стараній наемщика. Но годовая плата, опредѣленная комиссіею за постоянный наемъ должна быть гарантирована помѣщику государствомъ. Помѣщику должно быть предоставлено право получать эту плату въ консолахъ. Такимъ образомъ, каждая ферма, не воздѣлываемая самимъ помѣщикомъ обратилась бы въ вѣчную аренду нынѣшняго арендатора. Вѣчное пользованіе (fixity of tenure) замѣняетъ здѣсь собственность. Крестьянинъ будетъ платить постоянную цѣну (мы можемъ назвать это оброкомъ, ренту съ капитала, замѣняющую выкупъ консолидированнымъ долгомъ крестьянина — вѣчнаго арендатора).

Разница между суммою, которая гарантирована помѣщикамъ государствомъ, и дѣйствительнымъ поступленіемъ платы отъ крестьянъ должна быть принимаема государствомъ на свой счетъ, если ея нельзя покрыть изъ церковныхъ имуществъ.

Такова простая система предлагаемая Миллемъ. Мы, въ Россіи, конечно можемъ только сочувствовать ей, и не безъ нѣкоторой гордости думать, что наше освобожденіе крестьянъ представило первый практическій матеріалъ для ея построенія англійскимъ философомъ-публицистомъ. Противники уступокъ въ земельномъ вопросѣ Ирландіи возвращаются въ такомъ *single viséux*, котораго нелѣпость очевидна всему образованному міру, какъ то справедливо думаетъ Милль. Они признаютъ, что нынѣшнее положеніе этой страны бѣдственно, но на всякій проектъ объ устраненіи зла введеніемъ новыхъ экономическихъ началъ въ ирландское земледѣліе возражаютъ, что въ такомъ случаѣ «страшно умножится населеніе, а земледѣліе, при раздробленномъ хозяйствѣ, падетъ.» Итакъ, нынѣшняя система, которой результатъ — постоянное уменьшеніе населенія въ Ирландіи — зло, а другая система — зло потому, что при ней населеніе будетъ увеличиваться. Можетъ ли быть что вибудъ нелѣпѣе такого взгляда? На аргументъ относительно чрезмѣрнаго усиленія населенія, какъ послѣдствія дробленія земельной собственности, Милль побѣдоносно возражаетъ, что тоже самое предсказывали Франціи, и между тѣмъ, въ ней населеніе уменьшается. На

аргументъ о вредѣ дробленія земельной собственности Милль возражаетъ просто отрицаніемъ, замѣчая притомъ, что во всякомъ случаѣ земледѣліе—не то, что мануфактурные промыслы: земля не потерпитъ лишнихъ «ртовъ», какъ другіе промыслы терпятъ излишество рукъ, и говорить, что «мостъ въ Америку» во всякомъ случаѣ останется, какъ крайнее средство избавленія отъ излишка населенія.

Итакъ, изъ всѣхъ приведенныхъ нами разнообразныхъ мнѣній объ ирландскомъ вопросѣ въ самой Англии оказывается, что либеральная партія въ Великобританіи рѣшительно склоняется въ пользу уступокъ Ирландіи по крестьянскому или поземельному вопросу, и что сами консерваторы не рѣшаются уже проповѣдывать безусловное сопротивление. Остается пожелать, чтобы при исправленіи взялись откровенно за самый корень зла,—за освобожденіе ирландскаго крестьянина отъ экономическаго рабства, а не остановились на лицемѣрныхъ и не важныхъ уступкахъ.

л. п.

НОВЫЙ ЗАКОНЪ О ПЕЧАТИ ВО ФРАНЦІИ.

I.

Пятнадцать лѣтъ спустя послѣ 18-го брюмера, уничтожившаго свободу печати во Франціи, Наполеонъ I, возвратясь съ острова Эльбы, издаетъ *дополнительный актъ* къ конституціи (acte additionnel), торжественно восстанавливающій эту свободу. Пятнадцать лѣтъ спустя послѣ декабрьскаго переворота 1851 г., предавшаго печать въ руки административнаго произвола, Наполеонъ III обѣщаетъ замѣнить этотъ произволь дѣйствіемъ общаго права. Вторая имперія, подобно первой, приведена, силою обстоятельствъ, къ измѣненію началъ, на которыхъ она воздвиглась. Главная причина перемѣны въ обоихъ случаяхъ одна и та же — внѣшнія неудачи, обнаруживающія несостоятельность внутренней правительственной системы. *Дополнительный актъ* 1815 г. былъ бы немислимъ безъ событій 1812—14 г.; императорскому письму 19-го января 1867 г. не даромъ предшествовали дипломатическія пораженія по вопросамъ польскому и шлезвигъ-голландскому, быстрое усиленіе Пруссіи въ 1866 г., вынужденное отозваніе французскихъ войскъ изъ Мексики. Этими общими чертами ограничивается, впрочемъ, сходство между двумя эпохами, нами указанными. Въ 1815 г., поворотъ къ либерализму совершился также рѣшительно и круто, какъ сильна была буря, сокрушившая въ 1814 г. престолъ Наполеона. Власть, однажды опрокинута, не могла воскреснуть въ прежнемъ всеоружіи своемъ; преемникъ Бурбоновъ не могъ уменьшить сумму

правъ, данныхъ Франціи хартіей 1814 года. Опасность, грозившая императору со стороны Европы, могла быть отстранена только живымъ содѣйствіемъ всего народа, а не пассивнымъ повиновеніемъ его. Подчиняясь необходимости, Наполеонъ I замѣняетъ личный образъ правленія—парламентарнымъ, созываетъ палаты, объявляетъ свободу печати, назначаетъ министромъ Карно, возставшаго, въ 1804 г., противъ перехода отъ республики къ монархіи, приближаетъ къ себѣ Бенжамена Констана, еще недавно проклинавшаго военный абсолютизмъ императора. Эта попытка примирить империализмъ съ свободой была остановлена въ самомъ своемъ началѣ; трудно судить объ искренности ея, но нельзя отвергать, что она была задумана смѣло, произведена въ широкихъ размѣрахъ. Наполеонъ I былъ абсолютистомъ по природѣ, по положенію, по страсти, но не былъ теоретикомъ абсолютизма. У него не было заранѣе обдуманной политической системы; овладѣвъ властью, онъ заботился только о томъ, чтобы укрѣпить ее за собою какъ можно прочнѣе и полнѣе, чтобы сдѣлать изъ нея орудіе, пригодное для всѣхъ его честолюбивыхъ видовъ. Въ основу учреждений, имъ организованныхъ, легла чужая мысль—мысль Сіеяса, которою онъ воспользовался по своему, примѣнивъ ее къ личнымъ своимъ удобствамъ. Порядокъ вещей, созданный консульствомъ и имперіей, былъ дорогъ ему какъ средство къ достиженію извѣстныхъ цѣлей; онъ не относился къ нему съ тою ревнивою, слѣпою любовью, съ которою смотритъ изобрѣтатель—на свое изобрѣтеніе, политическій доктринеръ—на воплощеніе своей доктрины. Бонапартизмъ обращается въ доктрину только подъ руками Наполеона III, начинающаго съ отвлеченной проповѣди наполеоновскихъ идей (*idées napoléoniennes*) и оканчивающаго осуществленіемъ ихъ въ конституціи и декретахъ 1852 года. Мы видимъ въ нихъ уже не одно орудіе власти, выработанное съ большимъ или меньшимъ практическимъ искусствомъ, а цѣлую систему, претендующую на высшую политическую мудрость. Понятно, что для творца такой системы тяжела, ненавистна всякая перемѣна, нарушающая ея гармоническій складъ, колеблющая въру въ ея непогрѣшимость. Понятно, что онъ рѣшается на перемѣну только тогда, когда она совершенно неизбежна, и только въ той мѣрѣ, въ какой она неизбежна. Прибавимъ къ этому, что давленіе извнѣ, которымъ объясняются всѣ реформы Наполеона III, ни разу еще не проявлялось въ видѣ открытой силы, что онъ испытывалъ до сихъ поръ только неудачи, а не катастрофы. Отсюда возможность полумѣръ, неполныхъ уступокъ, компромиссовъ между новыми требованіями и старымъ порядкомъ вещей. Такимъ компромиссомъ представляется и новый законъ о печати, недавно утвержденный законодательнымъ корпусомъ.

Законодательство о печати, дѣйствовавшее во Франціи съ 1852 до 1868 г., не было временной, переходной мѣрой, какою стараются вы-

ставить ее теперь приверженцы правительства. Временная мѣра, вызванная особыми обстоятельствами, исчезаетъ вмѣстѣ съ ними или вслѣдъ за ними,— а декретъ 1852 г. пережилъ пѣльми пятнадцатью годами положеніе дѣлъ, при которомъ онъ былъ составленъ. Въ то время Людовикъ-Наполеонъ только-что овладѣлъ властью, нарушивъ конституцію, разогнавъ законодательное собраніе, наводнивъ кровью улицы Парижа. Его правительство было лишено всякой прочной поддержки въ народѣ. Ему угрожали, съ одной стороны, роялисты старыхъ партій, еще недавно располагавшіе большинствомъ въ палатѣ и готовившіе восстановление королевской власти; съ другой стороны, республиканцы, рассчитывавшіе на побѣду при выборахъ 1852 года. Новая конституція не была еще введена въ дѣйствіе; принцъ-президентъ былъ, *de facto*, диктаторомъ съ неограниченной властью. При такой обстановкѣ, подчиненіе печати административному произволу было чрезвычайной мѣрой, совершенно однородной съ провозглашеніемъ осаднаго положенія, расширеніемъ круга дѣйствій военныхъ судовъ, ссылкой и изгнаніемъ гражданъ безъ судебного приговора. Во время іюньскихъ дней 1848 г., генераль Кавеньякъ запретилъ нѣсколько журналовъ, продержалъ девять дней подъ арестомъ Эмиля Жирардена; но какъ только окончилась борьба, какъ только было восстановлено дѣйствіе законовъ, охранительная ихъ сила тотчасъ же была распространена и на дѣла печати. Наполеонъ III поступилъ иначе. Ни переходъ отъ республики къ монархіи, ни троекратное избраніе въ законодательный корпусъ огромнаго большинства, безусловно покорнаго правительству, ни блестяція побѣды 1854—55 и 1859 г., ни либеральныя вспышки 1860 и 1861 г. — ничто не повлекло за собою переменъ къ лучшему въ положеніи печати. Не далѣе, какъ три года тому назадъ, предложеніе *средней партіи*, въ пользу умѣренной, но *законной* свободы печати, показалось правительству безумной попыткой поколебать весь существующій порядокъ вещей. Въ продолженіе этихъ трехъ лѣтъ вліяніе правительства скорѣе уменьшилось, чѣмъ увеличилось, анти-династическія партіи не исчезли, аргументы правительственныхъ ораторовъ въ пользу сохраненія *statu quo* не потеряли своей силы — если только допустить, что они когда-нибудь имѣли какую-нибудь силу,— а между тѣмъ Наполеонъ III нашелъ нужнымъ положить конецъ дѣйствію декрета 17 февраля 1852 г. Не явствуетъ ли отсюда, что отмѣна декрета была возможна гораздо раньше, что, поддерживая его, правительство руководилось не чувствомъ самосохраненія, а боязнью гласности и критики, желаніемъ упрочить за собою чрезвычайныя права, пріобрѣтенныя въ минуту общественнаго кризиса? Основною мыслью конституціи 1852 г. было сосредоточеніе власти въ однихъ рукахъ, безъ ограниченій, сколько-нибудь серьезныхъ, безъ дѣйствительной повѣрки и контроля. Съ этою

чение сената и государственнаго совѣта въ ущербъ законодательному корпусу, введена въ узкія границы гласность парламентскихъ преній создана система правительственныхъ кандидатуръ, дѣйствующая и до настоящаго времени, стѣснено и безъ того уже слабое мѣство самоуправленіе; съ этою же цѣлью печать была поставлена въ зависимость отъ администраціи. Законодательство 1852 г. довело печать до крайней степени упадка; но она поднялась изъ него и опять сдѣлалась силой, съ которою нельзя не считаться. Письмо 19 января 1867 г. было только признаніемъ совершившагося факта—признаніемъ вынужденнымъ и неохотнымъ, какъ это показываетъ весь дальнѣйшій ходъ дѣла. Правительство медлило больше года исполненіемъ своего обѣщанія и нѣсколько разъ было близко къ тому, чтобы отъязаться отъ него совершенно. Извѣстно, что участь новаго закона печати была рѣшена окончательно лишь въ засѣданіи палаты 4-го февраля, послѣ долгихъ колебаній, въ которыхъ сознался самъ государственный министръ. Эти колебанія, эта нерѣшимость разстаться съ старымъ порядкомъ вещей отразились, какъ мы увидимъ, и на самомъ содержаніи закона.

II.

Зависимость печати отъ администраціи, установленная декретомъ 17 февраля 1852 г., была двоякаго рода: съ одной стороны, ни одинъ политическій журналъ не могъ быть основанъ безъ разрѣшенія правительства; съ другой стороны, всякое существующее повременное изданіе, получившее два административныя предостереженія, могло быть приостановлено или прекращено навсегда распоряженіемъ административной власти. Новымъ закономъ о печати этотъ порядокъ вещей уничтоженъ вполне; право издавать журналъ или газету представлено всякому желающему, административныя взысканія отменены, и оставлено только преслѣдованіе повременныхъ изданій судебнымъ порядкомъ. На практикѣ необходимость предварительнаго разрѣшенія тяготѣла надъ журналистикой не такъ сильно, какъ можно было бы ожидать съ перваго взгляда. За исключеніемъ первыхъ шести или семи лѣтъ послѣ изданія декрета 1852 г., получить согласіе правительства на основаніе новаго оппозиціоннаго журнала было, по крайней мѣрѣ въ Парижѣ, не слишкомъ трудно. Въ продолженіе послѣднихъ девяти или десяти лѣтъ возникли вновь такія газеты, какъ «Temps», «Opinion nationale», «Avenir national», «Liberté», «Époque», «Journal de Paris», «Courrier Français». Правда, нѣкоторыя изъ нихъ (напримѣръ «Liberté») были основаны людьми смиренными, благонадежными, и только впоследствии перешли въ руки оппозиціи; но правительство не помѣшало этому переходу, хотя и имѣло къ тому воз-

возможность, посредствомъ наложенія veto на личность новаго редактора или издателя. Бывали, однако, и такіе случаи, когда упорный, ничѣмъ не мотивированный отказъ былъ единственнымъ отвѣтомъ на всѣ просьбы лица, почему-нибудь неприятнаго высшимъ административнымъ сферамъ. Назовемъ, для примѣра, Эмиля Олливе, котораго, конечно, нельзя считать систематическимъ врагомъ имперіи. Въ провинціяхъ отказы встрѣчались еще чаще; монополія правительственныхъ журналовъ, немислимая въ Парижѣ, въ департаментахъ была фактомъ далеко не исключительнымъ. Гораздо опаснѣе и вреднѣе было, во всякомъ случаѣ, вліяніе системы административныхъ взысканій.

Система административныхъ взысканій принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ idées napoléoniennes, которыя заслуживаютъ этого названія, созданіе и осуществленіе которыхъ безспорно принадлежитъ бонапартизму. Изобрѣтателемъ ея считается герцогъ Персиньи, самый близкій и старинный изъ всѣхъ друзей Наполеона III. Главная цѣль ея заключалась въ томъ, чтобы установить, de facto, нѣчто весьма сходное съ предварительной цензурой, а непосредственное ея провозглашеніе было не совсѣмъ безопасно даже въ 1852 г. Съ понятіемъ о предварительной цензурѣ было сопряжено для французовъ воспоминаніе о самыхъ худшихъ дняхъ реставраціи; уничтоженіе ея было въ ихъ глазахъ одною изъ величайшихъ заслугъ іюльскаго правительства. Возвращеніе къ 1825 г., къ эпохѣ господства эмигрантовъ, было бы слишкомъ вопіющимъ противорѣчіемъ съ тѣми демократическими началами, подъ прикрытіемъ которыхъ былъ совершенъ государственный переворотъ 2 декабря. Система административныхъ предостереженій и запрещеній соединяла въ себѣ всѣ существенныя удобства предварительной цензуры, безъ ненавистнаго названія ея. Она облекала администрацію неограниченною властью надъ журналами, предоставляя ей надъ ними право жизни и смерти. Оставалось только опредѣлить способы пользованія этою властью. Оффиціальное разъясненіе его было дано циркуляромъ министра полиціи къ префектамъ, 30 марта 1852 г. «Право приостанавливать повременное изданіе, послѣ двухъ мотивированныхъ предостереженій, — сказано въ этомъ циркулярѣ, — будетъ однимъ изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ противъ изданій *систематически враждебныхъ правительству* (systematiquement malveillantes). Вы будете пользоваться имъ съ справедливою твердостью, когда журналъ, *не совершая такихъ опредѣленныхъ проступковъ, за которые онъ могъ бы подвергнуться судебному преслѣдованію*, будетъ тѣмъ не менѣе опасенъ для порядка, религіи и нравственности... Система административныхъ взысканій происходитъ изъ права разрѣшать изданіе, предоставленнаго правительству. Когда журналъ, не смотря на произнесенныя надъ нимъ осужденія, упорствуетъ въ поле-

мигъ, дѣлающей его орудіемъ смуты и безпорядка, когда онъ угрожаетъ общественной безопасности, — однимъ словомъ, когда онъ не исполняетъ тѣхъ условій, на которыхъ было дано разрѣшеніе издавать его, правительство имѣетъ полное право взять назадъ это разрѣшеніе.» Итакъ, по смыслу циркуляра, административнымъ мѣрамъ взысканія должны были подвергаться только изданія систематически враждебныя правительству, опасныя для общества, и притомъ только тогда, когда они не совершаютъ проступковъ, подлежащихъ судебному преслѣдованію. Само собою разумѣется, что и въ этой рамкѣ, слишкомъ неопредѣленной и подвижной, система административныхъ взысканій представлялась чрезвычайно опасною для печати; но еще бѣльшая опасность заключалась въ отсутствіи гарантій противъ произвольнаго расширенія ея предѣловъ, скажемъ болѣе — въ *неизбѣжности* такого расширенія. Не дальше, какъ въ 1852 г., *правительственная* газета «*Revue*» получила предостереженіе за статью, имѣвшую характеръ неофициальнаго отчета о преніяхъ законодательнаго корпуса, т. е. за проступокъ, предусмотрѣнный уголовнымъ закономъ и подлежавшій судебному преслѣдованію. За этимъ примѣромъ послѣдовали многіе другіе, обнаружившіе съ полною ясностью, что предостереженію можетъ подвергнуться *всякая статья*, почему-нибудь не нравящаяся администраціи, *во всякомъ журналѣ*, хотя бы и далеко отъ систематической вражды къ правительству. Наступилъ 1860 г.; въ высшихъ правительственныхъ сферахъ совершился легкій поворотъ къ либерализму, выразившійся въ извѣстныхъ декретахъ 24 ноября. Персильи, назначенный министромъ внутреннихъ дѣлъ, сдѣлалъ попытку — вѣроятно искреннюю — ограничить примѣненіе системы административныхъ взысканій. Онъ объявилъ, что единственнымъ законнымъ поводомъ къ предостереженіямъ должны служить явныя нападки на династію или на основы существующаго порядка вещей, а отнюдь не порицаніе администраціи, какъ бы рѣзка ни была его форма. Но доброе намѣреніе Персильи такъ и осталось намѣреніемъ; онъ самъ не замедлилъ отступить отъ принципа, имъ высказаннаго, и опасность предостереженія, со всѣми его послѣдствіями, продолжала вѣсѣть надъ каждою независимою мыслью, надъ каждымъ свободнымъ словомъ. Напомнимъ, для примѣра, судьбу «*Courrier du Dimanche*», журнала безспорно оппозиціоннаго, но вовсе не непріязненнаго имперіи и династіи. Безпрестанныя предостереженія и приостановки, окончившіяся совершеннымъ прекращеніемъ изданія, были вызваны преимущественно статьями Прево-Парадоля, писателя, отлично владѣющаго ироніей, крайне непріятнаго для тѣхъ, чьи дѣйствія онъ подвергаетъ своему разбору, но довольно умѣреннаго по своему образу мыслей. Напомнимъ также о предостереженіи, данномъ, въ концѣ 1861 г., «*Revue des deux Mondes*» за такое сужденіе о французскихъ

финансахъ, которое, нѣсколько недѣль спустя, было повторено почти буквально въ письмѣ Фульда къ императору—письмѣ, доставившемъ Фульду портфель министра финансовъ. Еще менѣе обезпечено было положеніе провинціальной прессы, особенно въ мѣстахъ отдаленныхъ отъ центра государства—напримѣръ, въ Алжиріи и на французскихъ островахъ Антильскаго моря. Случаи предостереженій, данныхъ за статьи вовсе неполитическаго содержанія, за осторожную, сдержанную критику той или другой административной мѣры, насчитываются здѣсь уже не единицами, а цѣлыми десятками.

Другихъ послѣдствій нельзя было, впрочемъ, и ожидать отъ системы, созданной декретомъ 17 февраля 1852 г. Произвольная власть, по самому своему свойству, не укладывается въ строго-опредѣленные формы, чуждается всякихъ постоянныхъ правилъ и не считаетъ себя обязанною уважать границы, ею же установленныя. Вооруженная правомъ самозащиты, она готова пользоваться имъ, какъ только чувствуетъ себя задѣтой—все равно, основательно или неосновательно. Разсчитывать на самообладаніе ея, значило бы требовать отъ нея почти невозможнаго. Централизація, господствующая во Франціи, породила особое чувство солидарности между высшею правительственною властью и всѣми органами ея. Подъ вліяніемъ этого чувства, нападеніе, направленное противъ отдѣльныхъ дѣйствій министра или префекта, представляется нападеніемъ на цѣлую правительственную систему. Можно ли предполагать, послѣ того, что, имѣя въ рукахъ средство предупредить нападенія, административная власть станетъ переносить ихъ спокойно и терпѣливо? Она можетъ быть болѣе или менѣе осмотрительной въ возбужденіи процессовъ, исходъ которыхъ отъ нея не вполне зависитъ; но что можетъ стѣснить ее въ раздатъ предостереженій, для которой она не нуждается ни въ чѣмъ уполномочіи, ни въ чѣмъ содѣйствіи, за которую она ни передъ кѣмъ не отвѣчаетъ? Защитники административныхъ взысканій указываютъ на то, что каждое предостереженіе должно быть мотивировано, должно, слѣдовательно, имѣть болѣе или менѣе уважительныя основанія. Съ этимъ можно было бы согласиться только въ такомъ случаѣ, если бы мотивы предостереженія напоминали, своею точностью и полнотою, мотивы судебного рѣшенія. На самомъ дѣлѣ мы видимъ совершенно другое. Предостереженіе, составленное по французской системѣ, ограничивается, почти всегда, указаніемъ на статью, которою оно вызвано, и бездоказательнымъ увѣреніемъ, что эта статья содержитъ въ себѣ попытку «возбудить ненависть и презрѣніе къ правительству», или попытку «возстановить одну часть общества противъ другой», или «систематическое извращеніе истины» и т. п. Очевидно, что подобные мотивы равносильны совершенному отсутствію мотивовъ. Разборъ предостереженія, такимъ образомъ мотивированнаго, столь же затруд-

нителенъ (не говоря уже о другихъ неудобствахъ, сопряженныхъ вообще съ разборомъ предостереженій), какъ и разборъ рѣшенія присяжныхъ, объявляемаго безъ объясненія соображеній, на которыхъ оно основано.

О вліяніи системы административныхъ взысканій нельзя судить ни по числу предостереженій, данныхъ въ извѣстный промежутокъ времени, ни по числу журналовъ, приостановленныхъ или вовсе запрещенныхъ, ни по числу издавій вновь возникшихъ. Это только видныя, осазательные результаты системы; гораздо важнѣе незамѣтное, закулисное дѣйствіе ея. Кто можетъ сосчитать, сколько мыслей осталось невысказанными, сколько предметовъ — неразработанными, сколько злоупотребленій и ошибокъ — нераскрытыми, вслѣдствіе одной боязни навлечь на себя гнѣвъ административной власти? Кто можетъ перечислить всѣ случаи, въ которыхъ свобода анализа и критики была парализована негласнымъ вмѣшательствомъ администраціи, появленіемъ въ редакціи журнала такъ называемаго *чернаго челоутика*? Кто можетъ опредѣлить, сколько даровитыхъ людей отказалось отъ журнальныхъ занятій, вслѣдствіе стѣсненій, которымъ они на каждомъ шагу подвергались? Кто можетъ взвѣсить тяжесть потерь, понесенныхъ обществомъ отъ этихъ неблагопріятныхъ условій? Французская журналистика никогда не падала такъ низко, какъ въ послѣдніа пятнадцать лѣтъ. Никогда еще въ изданіи журналовъ не преобладалъ до такой степени элементъ меркантильный, спекулятивный; рекламы никогда еще не достигали такихъ чудовищныхъ размѣровъ, промышленныя предпріятія самаго сомнительнаго свойства никогда не встрѣчали такого слабаго отпора, такой усердной, безцеремонной поддержки со стороны періодической литературы. Безспорно, этотъ упадокъ журналистики состоитъ въ самой тѣсной связи съ другими, болѣе общими явленіями, со всею совокупностью привычекъ и тенденцій, отчасти приготовленныхъ іюльскою монархіей, но достигшихъ господства только благодаря 2-му декабрю 1851 г. Общество, выдвинувшее изъ среды себя Перейровъ и Миресовъ, не могло обойтись безъ журналовъ, достойныхъ этого новаго племени. Мы не ошибемся, однако, если скажемъ, что дѣвретъ 17 февраля 1852 г. способствовалъ, непосредственно и прямо, деморализаціи французскаго журнальнаго міра. Съ одной стороны, изданіе журнала сдѣлалось предпріятіемъ гораздо болѣе рискованнымъ и дорогимъ, чѣмъ прежде; капиталисты, затрачивающіе на него свои деньги, не хотѣли, поэтому, ограничиваться прежнимъ процентомъ дохода. Чѣмъ менѣе прочны и вѣрны барыши, тѣмъ естественнѣе стремленіе ихъ увеличить. Средствомъ къ достиженію этой цѣли послужили стачки съ промышленниками и съ акціонерными обществами. Съ другой стороны, въ личномъ составѣ редакцій недоставало людей, которые бы могли и хотѣли плыть противъ теченія. Пока журналъ дер-

жался преимущественно талантомъ и политической честностью своихъ сотрудниковъ, до тѣхъ поръ они могли охранять достоинство журнала противъ жадности издателей или акціонеровъ; но какъ только политическій отдѣлъ изданія, изувѣченный и сдавленный декретомъ 17 февраля, отошелъ на второй планъ, голосъ послѣднихъ приобрѣлъ перевѣсъ надъ голосомъ редакціи. Лучшіе сотрудники журналовъ, утомленные неравной борьбой, уступили свое мѣсто другимъ, готовымъ идти рука объ руку съ магнатами промышленности и финансовъ. Къ концу пятидесятихъ годовъ въ Парижѣ не осталось почти ни одного журнала, свободнаго отъ подобныхъ вліяній. Самые крупныя скандалы въ биржевомъ или акціонерномъ мірѣ были встрѣчаемы всеобщимъ молчаніемъ политической прессы; подробности гражданскихъ и уголовныхъ процессовъ, начатыхъ противъ банкировъ и биржевыхъ маклеровъ, противъ директоровъ акціонерныхъ компаній, рѣдко выходили изъ столбцевъ специальныхъ журналовъ «Droit» и «Gazette des tribunaux». Оппозиціонныя журналы дѣйствовали, въ этомъ отношеніи, не лучше правительственныхъ, демократическіе — не лучше клерикальных. Реакція противъ такого положенія дѣлъ началась только недавно и одержала побѣду только въ немногихъ журналахъ.

Другимъ, не менѣе характеристичнымъ продуктомъ эпохи, законченной новымъ закономъ о печати, представляются такъ называемыя литературныя журналы. Происхожденіе ихъ объясняется дороговизною политическихъ журналовъ — дороговизною, обусловленной въ свою очередь высокими залогами и тяжелымъ штемпельнымъ сборомъ (въ Парижѣ — шесть сантимовъ, т. е. почти 1½ коп. сер., за каждый экземпляръ газеты). Minimum цѣны политической газеты, при продажѣ ея отдѣльными экземплярами (самой употребительной въ Парижѣ), было до сихъ поръ 15 сантимовъ, т. е. почти 4 коп.; подписная цѣна за цѣлый годъ колеблется между 50 и 70 франками. Очевидно, что такія цѣны недоступны для огромной массы населенія; а между тѣмъ, потребность въ ежедневномъ чтеніи распространяется все болѣе и болѣе и проникаетъ въ такія сферы, которымъ лѣтъ двадцать тому назадъ было едва знакомо самое понятіе о газетѣ. Для удовлетворенія этой потребности явились *литературныя журналы*, т. е. газеты, не имѣющія права говорить ни о политикѣ, внутренней и вѣншей, ни о социально-экономическихъ вопросахъ, не имѣющія права печатать объявленій, но освобожденные за то отъ залога и отъ штемпельнаго сбора. Само собою разумѣется, что не смотря на неполноту программы, не смотря на запрещеніе касаться предметовъ, всего болѣе способствующихъ развитію народа, литературныя газеты могутъ приносить большую пользу, когда онѣ издаются добросовѣстно, серьезно и съ знаніемъ дѣла. Къ несчастію для Франціи, самые распространенные изъ числа литературныхъ журналовъ отличаются совершеннымъ отсут-

ствіемъ этихъ качествъ, или, лучше сказать, соединеніемъ качествъ прямо противоположныхъ. Они рассчитываютъ не на здоровую любознательность публики, а на ея страсть къ болтовнѣ и скандаламъ, и наполняютъ свои столбцы сплетнями о парижскихъ салонахъ—въ особенности о салонахъ полусвѣта, — негѣпными романами, грязными анекдотами, вымышленными *faits divers*, передовыми статьями à la Timothée Trimm (псевдонимъ Лео Леспе, бездарнаго редактора «Petit Journal», — самой популярной литературной газеты, стоящей только 5 сантимовъ и расходящейся болѣе чѣмъ въ 200,000 экземплярахъ). Успѣхъ подобныхъ изданій доказываетъ, безъ сомнѣнія, что они удовлетворяютъ вкусу значительной части общества; приписывать его исключительно законодательству о печати было бы несправедливо — но столь же несправедливо было бы отрицать связь между этими двумя фактами. Существованіе литературной газеты зависитъ отъ администраціи чуть ли не въ болѣе еще степени, чѣмъ существованіе газеты политической. Пограничная черта между политикой и литературой, между соціальной экономіей и наукой такъ неопредѣлена, такъ неуловима, что нарушеніе ея рѣшительно неизбежно — а каждое нарушеніе этого рода, признанное судомъ, можетъ имѣть послѣдствіемъ запрещеніе газеты. Примѣры такого запрещенія нерѣдки; жертвами его всегда бывали газеты, чѣмъ-нибудь навлекшія на себя неудовольствіе администраціи. Понятно, что большинство литературныхъ газетъ, заботясь лишь о своихъ матеріальныхъ интересахъ, избѣгаютъ какъ огня тѣхъ опасныхъ областей, въ которыхъ возможно соприкосновеніе съ запретной сферой, — или вступаютъ въ нихъ только для того, чтобы сказать что-нибудь пріятное правительству. Романы Понсонъ-дю-Террала, плоскія разсужденія Тримма нравятся и администраціи, и большинству публики, — конечно, по различнымъ причинамъ; отсюда пристрастіе издателей и редакцій къ этимъ родамъ литературы. Въ послѣднее время желаніе дешевой прессы жить въ мирѣ со всѣми властями — а можетъ быть и желаніе властей окончательно забрать въ руки дешевую прессу—дошло до того, что нѣкоторые издатели литературныхъ газетъ стали представлять ихъ на предварительный просмотръ администраціи. Никто не замѣчалъ еще, чтобы отъ этого повысился нравственный уровень дешевой прессы.

Изъ всего сказаннаго нами видно, какъ важно, какъ благотворно для французской печати уничтоженіе системы административныхъ взысканій; но не менѣе ясно и то, что одной этой мѣры недостаточно для кореннаго обновленія журналистики. Оно совершится только тогда, когда печать сдѣлается безусловно независимой отъ административнаго произвола, когда основаніе и изданіе журнала перестанетъ требовать огромныхъ затратъ и постояннаго риска, когда политическіе журналы будутъ поставлены на одинъ уровень съ литературными,

когда отвѣтственность за проступки печати будетъ упадать только на тѣхъ, кто дѣйствительно ихъ совершаетъ, когда судебное производство по дѣламъ печати будетъ обставлено гарантіями, на которыя имѣть право каждый подсудимый. По всѣмъ этимъ предметамъ новый законъ о печати или оставляетъ въ силѣ существующій порядокъ вещей, крайне неудовлетворительный, или производитъ въ немъ самыя недостаточныя перемѣны. Онъ оставляетъ въ рукахъ администраціи нѣсколько могущественныхъ средствъ вліянія на періодическую прессу, сохраняетъ высокіе залогов и высокій штемпельный сборъ, удерживаетъ привилегированное и вмѣстѣ съ тѣмъ шаткое положеніе литературныхъ журналовъ, распространяетъ отвѣтственность за проступки печати на тѣхъ, кто вовсе къ нимъ непричастенъ, не вноситъ необходимыхъ реформъ ни въ судебную процедуру по дѣламъ печати, ни въ самую сущность уголовныхъ законовъ, опредѣляющихъ проступки печати и назначающіе наказанія за нихъ. Разсмотримъ отдѣльно каждый изъ этихъ пунктовъ.

III.

Во Франціи не существуетъ до сихъ поръ свобода типографскаго промысла. Для открытія типографіи необходимо разрѣшеніе администраціи, которое можетъ быть взято назадъ подъ самымъ ничтожнымъ предлогомъ. Отсюда зависимость типографщиковъ отъ администраціи, и какъ неизбежный результатъ ея — зависимость журналистики отъ типографщиковъ. Оппозиціонному журналу не всегда легко было найти типографію, которая бы согласилась его печатать, не легко было и удержать за собою согласіе, однажды данное. Получивъ разрѣшеніе отъ правительства на изданіе журнала, нужно было получить еще такое же разрѣшеніе отъ типографщика. Смертельный ударъ журналу, уже существующему, могъ быть нанесенъ не только распоряженіемъ министра или префекта, но и рѣшеніемъ типографщика или типографщиковъ. Первоначальный проектъ закона о печати, внесенный въ законодательный корпусъ, устанавливалъ полную свободу типографскаго промысла; но правительство скоро стало жалѣть объ этой уступкѣ, и большинство палаты, враждебное реформѣ, убѣдило его сдѣлать важный шагъ назадъ. Комmissія палаты, разсматривавшая проектъ закона, нашла, что уничтоженіе монополіи, которою до сихъ поръ пользовались типографщики (число типографій въ каждой мѣстности было ограничено опредѣленнымъ максимумомъ), представляется нарушеніемъ права собственности и можетъ быть допущено не иначе, какъ за извѣстное вознагражденіе. Исходя изъ этой точки зрѣнія, она предложила оставить въ силѣ существующій порядокъ вещей, пока не будутъ собраны болѣе точныя свѣдѣнія объ основаніяхъ, на которыхъ можно было бы приступить къ его отміну. Въ видѣ переходной мѣры, она предло-

жила дозволить учрежденіе типографіи каждому отвѣтственному редактору журнала, но съ тѣмъ, чтобы въ этой типографіи не печаталось ничего другого кромѣ журнала, имъ издаваемого. Отъ правительства зависѣло, безъ сомнѣнія, настоять на принятіи первоначальной статьи проекта; но оно предпочло перейти на сторону комиссіи. Напрасно Симонъ указывалъ на то, что свобода типографскаго промысла — необходимое дополненіе первой статьи закона, позволяющей каждому французу издавать журналъ безъ предварительнаго разрѣшенія администраціи, что вмѣстѣ съ правомъ должны быть даны и средства къ осуществленію его. Напрасно было неопровержимое замѣчаніе Пеллътана, что мѣра вознагражденія типографщиковъ можетъ быть опредѣлена и впослѣдствіи времени, и что собраніе свѣдѣній по этому предмету не должно препятствовать реформѣ, необходимость которой признана самимъ правительствомъ. Напрасны были убѣдительные доводы Беррье о непрактичности временной мѣры, придуманной комиссіею, о невыгодности или, лучше сказать, невозможности учрежденія типографіи специально для изданія одного журнала. Хорошо еще, если журналъ издается ежедневно; а если онъ выходитъ только разъ въ недѣлю или въ двѣ недѣли? Чтѣ будутъ дѣлать рабочіе въ дни свободные отъ занятій? Кто вознаградитъ хозяина типографіи за простой машинъ, за неупотребленіе шрифта? Кто, наконецъ, вознаградитъ его за громадныя потери, которымъ онъ подвергнется въ случаѣ запрещенія или приостановки журнала? Большинство палаты почти не возражало на всѣ эти доводы. Убѣжденное въ томъ, что монополія типографіи помѣшаетъ, по крайней мѣрѣ въ провинціяхъ, основанію нѣсколькихъ оппозиціонныхъ журналовъ, оно послѣшило одобрить предложеніе комиссіи, которое и вошло въ составъ закона.

Независимость печати отъ администраціи немислима, когда послѣдняя имѣетъ законную возможность награждать преданность и карать сопротивленіе журналовъ. Французская администрація облечена, въ этомъ отношеніи, двумя важными правами: она опредѣляетъ, въ какихъ газетахъ должны быть печатаемы судебныя объявленія, т. е. даетъ однимъ, отнимаетъ у другихъ крупный источникъ дохода, а въ провинціяхъ — даже средство къ существованію; она можетъ запретить продажу газеты отдѣльными номерами на улицахъ и въ публичныхъ мѣстахъ, т. е. уменьшить по своему усмотрѣнію, и уменьшить въ весьма значительной степени (особенно въ Парижѣ), число экземпляровъ, въ которыхъ расходится газета. Нужно ли прибавлять, что право печатанія судебныхъ объявленій предоставляется, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, газетамъ оффиціознымъ или по меньшей мѣрѣ нейтральнымъ, что запрещеніе разносной продажи постигаетъ не циническіе листки въ родѣ «Evénement» или «Petit Journal», а серьез-

ныя оппозиціонныя газеты, въ родѣ «Gironde», или «Courrier français»? Противъ такого ненормальнаго положенія дѣлъ, нетронутаго проектомъ новаго закона о печати, возстала не только оппозиція, но и часть большинства законодательнаго корпуса. Шестнадцать депутатовъ большинства и средней партіи представили поправку, смыслъ которой заключался въ томъ, чтобы выборъ газеты для печатанія судебныхъ объявленій зависѣлъ каждый разъ отъ усмотрѣнія сторонъ. Они доказали, что отъ существующаго порядка вещей страдает не только журналистика, но и публика, что судебныя объявленія печатаются не въ газетахъ наиболѣе распространенныхъ, а въ газетахъ наиболѣе преданныхъ, и не получаютъ той гласности, которая для нихъ необходима. Такъ напримѣръ, изъ всѣхъ вечернихъ парижскихъ газетъ право печатанія судебныхъ объявленій принадлежитъ одному малоизвѣстному «Etendard», число подписчиковъ котораго такъ незначительно, что правительство не рѣшилось назвать его во время преній. Въ Бордо издается оппозиціонная газета «Gironde», имѣющая отъ 6 до 9 тысячъ подписчиковъ; право печатанія судебныхъ объявленій принадлежитъ не ей, а оффиціозному «Journal de Bordeaux», имѣющему около 1,500 подписчиковъ. Въ Безансонѣ самая распространенная газета, «Franche-Comté», пользовалась правомъ печатанія судебныхъ объявленій, пока редакторъ ея, депутатъ Латурь-Дюмуленъ, подавалъ голосъ съ большинствомъ; какъ только онъ перешелъ на сторону средней партіи, право печатанія судебныхъ объявленій было отнято у его газеты и передано другой, имѣющей вдвое менѣе подписчиковъ. Не смотря на эти вопіющіе факты, поправка была отвергнута большинствомъ 186 голосовъ противъ 47. Тогда Беррье предложилъ передать право избранія, теперь принадлежащее префекту, суду первой инстанціи; но и эта поправка, не смотря на поддержку самаго вліятельнаго изъ числа умѣренныхъ бонапартистовъ, Сегри, была отвергнута большинствомъ 126 голосовъ противъ 103. На другой день палата перешла къ разсмотрѣнію поправки, направленной къ огражденію разносной продажи газетъ 'отъ административнаго произвола. Трудно представить себѣ что-нибудь слабѣе тѣхъ аргументовъ, которые были приведены противъ этой поправки государственнымъ министромъ,—отъ имени правительства, докладчикомъ комиссія,—отъ имени большинства палаты. На простые, но неопровержимые доводы Рюнделя, Фавра, Пикара, Руэ и Ножанъ-Севъ-Лоранъ отвѣчали фразами въ родѣ слѣдующихъ: «Нельзя обезоруживать правительство»,— «правительству принадлежитъ право наблюдать за порядкомъ на улицахъ», — «есть случаи, когда дерзость журналовъ должна быть сдержана немедленно, не ожидая судебного преслѣдованія». Но развѣ разносная продажа газетъ нарушаетъ, сама по себѣ, порядокъ на улицахъ? Развѣ противъ нарушителей порядка, если бы

они случайно воспользовались этимъ средствомъ для своихъ цѣлей, нельзя принять обыкновенныхъ мѣръ предупрежденія и взыскапія? Почему разносная продажа «Courrier Francais» опаснѣе для общественнаго порядка, чѣмъ продажа «Pays» и «Constitutionnel»? Если есть основаніе думать, что толпа, прочитавъ статью Вермореля, отправится выбивать стекла въ квартирѣ Гранье-де-Кассаньяка, то почему же не предположить, что, прочитавъ статью Гранье-де-Кассаньяка, она отправится съ такою же цѣлью къ редакціямъ «Siècle» и «Opinion Nationale»? ¹⁾ Запрещеніе разносной продажи не всегда совпадаетъ съ начатіемъ судебного преслѣдованія противъ газетъ; это доказываетъ, что оно не всегда бываетъ вызвано положительнымъ нарушеніемъ законовъ о печати. Пикарь привелъ даже одинъ случай запрещенія разносной продажи газеты, первый номеръ которой еще не появлялся въ свѣтъ!—Поправка оппозиціи, послѣ непродолжительныхъ преній, была отвергнута большинствомъ 194 голосовъ противъ 32; средняя партія, на этотъ разъ, подала голосъ вмѣстѣ съ ультра-консерваторами. Ее запугали, вѣроятно, слѣдующія слова Руэ:—«Намъ говорить, что власть, принадлежащая намъ, есть власть произвольная. Да, она произвольна—но я громко и открыто требую ея для правительства, во имя общества!» Эта избитая формула, изобрѣтенная въ то время, когда была мода говорить о «красножъ чудовищъ» (le vrestge rouge) и объ опасности, угрожающей обществу, давно потеряла свой смыслъ (если только когда-нибудь его имѣла), но все еще не потеряла, для нѣкоторыхъ слабыхъ умовъ, своей магической силы.

IV.

Переходимъ теперь къ вопросу о матеріальномъ бремени, лежащемъ на политическихъ журналахъ—къ вопросу о залогахъ и о штемпельномъ сборѣ. Дѣйствовавшее до сихъ поръ законодательство о печати требовало отъ политическихъ журналовъ залога въ размѣрѣ отъ 7,500 до 50,000 франковъ, смотря по тому, гдѣ и какъ часто они выходятъ. Самый высокій залогъ устанавливается для политическихъ журналовъ, выходящихъ ежедневно въ департаментахъ Сены (т. е. въ Парижѣ), Сены-и-Уазы, Сены-и-Марны и Роны. Второй и третій изъ этихъ департаментовъ уравнины съ департаментомъ Сены, потому что они почти непосредственно прилегаютъ къ Парижу, департаментъ Роны—потому что Лионъ, его главный городъ, занимаетъ между французскими городами первое мѣсто послѣ Парижа. Новый законъ о печати не измѣнилъ ни въ чемъ прежнихъ постановленій о залогахъ. Оппозиція не

¹⁾ Извѣстно, что Гранье-де-Кассаньякъ, редакторъ «Pays», обвинялъ редакторовъ «Siècle» и «Opinion Nationale» въ служебнѣ, за деньги, интересамъ Италіи и Пруссіи.

наставала на ихъ отгнѣнѣ, не потому, чтобы она считала ихъ необходимыми или справедливыми, а потому, что она была убѣждена въ невозможности поколебать ихъ. Она ограничилась попыткой — оставшейся безъ успѣха — понизить цифру залога въ департаментахъ Роны и Сены-и-Марны. Тѣмъ сильнѣе была борьба, возбужденная оппозиціей — и не одною только оппозиціей — по вопросу о штемпельномъ сборѣ. Первоначальный проектъ закона о печати сохранялъ этотъ сборъ въ прежнемъ его размѣрѣ; но комиссія убѣдила правительство понизить его съ 6 сантимовъ на 5 для департаментовъ Сены и Сены-и-Уазы, съ 3 сантимовъ на 2— для всѣхъ другихъ. Не довольствуясь этой уступкой, оппозиція потребовала совершенной отгнѣны штемпельнаго сбора. Когда это требованіе было отвергнуто, она предложила понизить штемпельный сборъ до 3 сантимовъ въ Парижѣ, до 1 сантима — во всѣхъ другихъ мѣстахъ, но распространять его безразлично на всѣ журналы, какъ политическіе такъ и литературные. Такое же предложеніе было сдѣлано девятью депутатами средней партіи, съ тою только разницею, что они полагали понизить штемпельный сборъ еще на половину для журналовъ небольшого формата. Ни одно изъ этихъ предложеній не было принято большинствомъ палаты. Неискренность правительства и большинства, недовѣріе и нерасположеніе ихъ къ политической печати нигдѣ, можетъ быть, не выразились такъ ясно, какъ въ преніяхъ и рѣшеніяхъ палаты о штемпельномъ сборѣ. Оппозиція поставила вопросъ опредѣлительно и ясно: она спросила правительство, какое значеніе оно приписываетъ штемпельному сбору — фискальное или политическое? Министръ-президентъ государственнаго совѣта, Вюитри, отвѣчалъ, что штемпельный сборъ есть мѣра исключительно фискальная. Логическій выводъ изъ этого положенія сдѣлать не трудно. Если штемпельный сборъ есть налогъ и больше ничего какъ налогъ, онъ долженъ, во-первыхъ, соразмѣряться съ цѣнностью предмета, который имъ обложенъ; онъ долженъ, во-вторыхъ, распространяться на всѣ журналы, не различая политическихъ отъ литературныхъ. Съ точки зрѣнія финансовой нѣтъ никакого разумнаго основанія взыскивать съ журнала нѣсколько сотъ тысячъ франковъ (штемпельный сборъ въ 5 сантимовъ съ журнала, расходящагося въ 10 тысячахъ экземплярахъ, составляетъ въ годъ около 200,000 франковъ, съ журнала, расходящагося, подобно «Siècle», въ 40 тысячахъ экземплярахъ — около 800,000 франковъ), между тѣмъ какъ всякое другое коммерческое предпріятіе, столь же или еще болѣе выгодное, вноситъ въ казну какую-нибудь тысячу франковъ. Съ точки зрѣнія финансовой нѣтъ никакого разумнаго основанія освобождать отъ штемпельнаго сбора изданіе въ родѣ «Petit Journal», дающее огромные барыши, и подвергать этому сбору «Temps», принесшій своимъ основателямъ, въ шесть или семь лѣтъ, около милліона франковъ убытка. Не очевидно

ли, что налагая штемпельный сборъ на одни только политическіе журналы, и налагая его въ размѣрахъ до крайности высокихъ, правительство преслѣдуетъ цѣль чисто политическаго свойства? Не очевидно ли, что оно жаждетъ стѣснить распространеніе политической прессы, подавить въ массѣ народа интересъ къ политической жизни, удержать большинство населенія, особенно сельскаго, въ томъ невѣдѣніи, которое уже оказало такъ много услугъ второй имперіи? Правительство должно было выбрать одно изъ двухъ: оно должно было либо объявить прямо и открыто, что поддерживаетъ штемпельный сборъ, какъ политическую мѣру, либо согласиться на установленіе одной общей, по возможности низкой нормы сбора для всѣхъ повременныхъ изданій, сохранивъ только различіе между журналами столичными и провинціальными. Оно не сдѣлало ни того, ни другого. Оно не было ни на столько откровенно, чтобы высказать свою настоящую мысль, ни на столько благоразумно, чтобы отъ нея отказаться. Увѣренное въ сочувствіи большинства, оно сражалось съ оппозиціей не столько доводами, сколько подачей голосовъ, и одержало на этомъ поприщѣ дешевую, но мало почетную побѣду. Противъ предложеній, клонившихся къ пониженію штемпельнаго сбора, оно возражало ссылкою на давность его существованія, на невозможность исполнить пробѣлъ, который бы произошелъ въ государственномъ бюджетѣ¹⁾. Ему отвѣчали на это, что потери для бюджета въ сущности никакой не будутъ, такъ какъ, независимо отъ увеличенія числа подписчиковъ и покупателей газетъ, явится новый источникъ дохода — сборъ съ литературныхъ журналовъ. Тогда оно переносило пренія на другую почву и начинало утверждать, что литературные журналы не перенесутъ штемпельнаго сбора, что оппозиція хочетъ убить дешевую прессу и лишить народъ дешеваго чтенія. Ему доказывали, что въ замѣнъ свободы отъ штемпельнаго сбора, дешевой прессѣ можетъ быть дано разрѣшеніе печатать объявленія, и что народъ не только не лишится дешеваго чтенія, но, напротивъ того, получитъ дешевое чтеніе болѣе разнообразное, болѣе серьезное и полезное. Распространеніе права печатать объявленія сдѣлаетъ ихъ менѣе дорогими, болѣе доступными для бѣдныхъ людей, которые теперь едва имѣютъ возможность пользоваться этимъ могущественнымъ средствомъ гласности. Къ какимъ аргументамъ прибѣгалъ Вюитри, чтобы опровергнуть доводы оппозиціи и средней партіи, объ этомъ можно судить по слѣдующему примѣру: онъ утверждалъ, что большинство населенія не заинтересовано въ пониженіи цѣны политическихъ журналовъ, потому что не подписывается на нихъ и не покупаетъ ихъ, а получаетъ ихъ даромъ отъ

¹⁾ Общая цифра штемпельнаго сбора составляетъ около 7 милліоновъ франковъ, т. е. каплю въ морѣ бюджета, превышающаго полтора милліарда.

знакомыхъ, или читаетъ ихъ въ кофейняхъ, трактирахъ и т. п.! Какъ бы то ни было, правительство восторжествовало, и штемпельный сборъ, уничтоженный въ Англии, уничтожаемый въ Пруссiи, никогда не существовавшій въ Россiи, продолжаетъ тяготѣть надъ французской печатью. Замѣтимъ, для полноты картины, что политическіе журналы платятъ за пересылку по почтѣ 4 сантима за экземпляръ, между тѣмъ какъ для литературныхъ журналовъ допущена пересылка кипами по желѣзной дорогѣ, обходящаяся имъ только по 1 сантиму за экземпляръ. Замѣтимъ также, что предложеніе Даримона освободить отъ штемпельнаго сбора неполитическіе журналы, посвященные социальной экономiи, было отвергнуто большинствомъ, доказавшимъ еще разъ, что оно боится и избѣгаетъ именно умственнаго развитія народа, увеличенія въ 'его средѣ массы полезныхъ свѣдѣній. Переимѣна къ лучшему удалась либеральной партiи только по двумъ второстепеннымъ пунктамъ: комиссія согласилась освободить отъ штемпельнаго сбора такъ называемыя *избирательныя аффшии* (*affiches électorales*), т. е. объявленія по поводу выборовъ въ законодательный корпусъ, въ генеральныя и муниципальныя совѣты, если только они исходятъ непосредственно отъ самихъ кандидатовъ, а не отъ лицъ постороннихъ. Она согласилась также освободить отъ штемпельнаго сбора брошюры, содержащія въ себѣ не менѣе шести печатныхъ листовъ ¹⁾, и понизить его для остальныхъ брошюръ съ пяти на четыре сантима за печатный листъ.

Если освобожденіе отъ штемпельнаго сбора продолжаетъ составлять привилегію литературныхъ журналовъ, то въ этомъ привилегированномъ положеніи заключается для нихъ, какъ и прежде, источникъ слабости, зависимости отъ правительства. Всякое уклоненіе литературнаго журнала въ области политики или социальной экономiи наказывается по прежнему немедленнымъ запрещеніемъ изданія. Оппозиція пыталась устранить или, по крайней мѣрѣ, смягчить эту аномалію; она предложила замѣнить запрещеніе денежнымъ штрафомъ—но противъ этого предложенія возсталъ министръ юстиціи Барошъ, и оно было отвергнуто палатой. Дешевой прессѣ суждено, повидимому, остаться еще надолго послушнымъ орудіемъ въ рукахъ администраціи.

V.

Отвѣтственность за проступки печати должна упадать и *de jure*, и *de facto*, на того, кто ихъ совершаетъ и исключительно на него одного. Привлеченіе къ отвѣтственности такого лица, которое не участвовало непосредственно и прямо въ совершеніи проступка, справед-

¹⁾ До сихъ поръ штемпельному сбору подлежали всѣ брошюры, содержащія въ себѣ менѣе десяти печатныхъ листовъ.

лво только тогда, когда настоящій виновникъ проступка не можетъ быть преданъ суду, по какой бы то ни было причинѣ. Французское законодательство о печати постоянно шло въ разрѣзъ съ этимъ принципомъ; рядомъ съ авторомъ статьи, оно всегда подвергало отвѣтственности и редактора, и типографщика. Чтобы дать понятіе о томъ, какъ нераціональна эта система, достаточно замѣтить, что строго-логическимъ послѣдствіемъ ея было бы распространеніе отвѣтственности на наборщиковъ, набравшихъ статью, и на печатниковъ, ее печатавшихъ. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ, содержаніе статей, печатаемыхъ въ типографіи, столь же мало извѣстно хозяину типографіи, какъ и его рабочимъ. Есть типографіи, въ которыхъ печатается одновременно десять, двѣнадцать газетъ; содержатель такой типографіи не имѣетъ, очевидно, даже физической возможности читать все выходящее изъ-подъ станковъ ея. Другая еще худшая сторона дѣла заключается въ томъ, что страхъ отвѣтственности обращаетъ типографщика въ цензора печатаемыхъ у него изданій. Но чѣмъ вреднѣе такой порядокъ вещей для свободы печати, тѣмъ крѣпче держится за него французская администраціи. На всѣ аргументы оппозиціи, — сославшись, между прочимъ, и на примѣръ Россіи ¹⁾, — правительственный комиссаръ отвѣчалъ стереотипной фразой, что отвѣтственность типографщика — необходимая гарантія для общественнаго спокойствія. «Il faut que la justice reste armée — воскликнулъ онъ — il faut que la société soit protégée», — и большинство палаты, всегда готовое покровительствовать обществу противъ его воли, отвергло всѣ поправки, направленные къ освобожденію типографщика отъ отвѣтственности за статьи, авторъ или издатель которыхъ извѣстенъ и можетъ подлежать судебному преслѣдованію. Не довольствуясь этимъ, правительство хотѣло пойти еще гораздо дальше и перенести всю тяжесть отвѣтственности съ редактора и автора на собственниковъ журнала. Авторъ журнальной статьи выражаетъ въ ней, если не всегда, то, по крайней мѣрѣ, болѣею частію свое убѣжденіе, свой образъ мыслей, за который онъ

¹⁾ По нашему закону, типографщикъ привлекается къ суду только тогда, когда онъ сочинитель, или редакторъ неизвѣстныхъ, или когда мѣстопробываніе ихъ неизвѣстно, или когда они находятся за границей (Улож. о Наказ. ст. 1042 пун. 3). Исключеніе изъ этого правила допускается только тогда, когда *будетъ доказано*, что типографщикъ, зная преступный умыселъ главнаго виновника, завѣдомо содѣйствовалъ публикаціи и распространенію изданія (ст. 1043). На практикѣ типографщикъ былъ преданъ суду только одинъ разъ (по дѣлу Соколова), и то освобожденъ судомъ отъ всякой отвѣтственности. Во Франціи, на оборотъ, преданіе суду типографщика вѣсть съ авторомъ и редакторомъ составляетъ общее правило, оправданіе его — рѣдкое исключеніе. Хотя французскій законъ и освобождаетъ отъ отвѣтственности типографщика, дѣйствовавшаго неосознательно, но доказать эту причину невѣщенія долженъ типографщикъ, между тѣмъ какъ по смыслу нашего закона обвинительная власть должна доказывать, на оборотъ, что типографщикъ дѣйствовалъ сознательно.

ступленіе ¹⁾ влечетъ за собою, ipso jure, совершенное прекращеніе изданія. Въ случаѣ повторенія проступка прежде истеченія двухъ лѣтъ со времени перваго осужденія, судъ *имѣетъ право* приостановить изданіе журнала на время отъ двухъ недѣль до двухъ мѣсяцевъ; въ случаѣ совершенія проступка въ третій разъ, въ продолженіе того же двухъ-лѣтняго промежутка времени, судъ имѣетъ право приостановить изданіе журнала на время отъ двухъ до шести мѣсяцевъ. Въ нѣкоторыхъ, особенно важныхъ случаяхъ (напримѣръ, за оскорбленіе императора) изданіе журнала можетъ быть приостановлено судомъ, въ срокъ не свыше шести мѣсяцевъ, хотя бы журналъ и не подвергался передъ тѣмъ судебному осужденію. Въ продолженіи всего срока приостановки, залогъ долженъ оставаться неприкосновеннымъ въ казначействѣ (для того, чтобы съ помощью его не могъ быть основанъ новый журналъ). Противъ прекращенія изданій, обусловленнаго совершеніемъ *преступленія*, оппозиція почти не возражала, какъ потому, что дѣла о преступленіяхъ судятся не коронными судьями, а присяжными, такъ и потому, что случаи преступленій, совершаемыхъ путемъ печати, чрезвычайно рѣдки. Всѣ усилія оппозиціи были сосредоточены противъ права коронныхъ судей приостанавливать, по своему усмотрѣнію, изданіе журнала. Латуръ-Дюмуленъ, не обвиняясь, назвалъ это право правомъ конфискаціи, котораго не допускаетъ французское законодательство. Пикарь ярко выставилъ на видъ всю несправедливость системы, переносящей отвѣтственность съ лица на изданіе, заставляющей страдать многихъ за вину одного. Геру указалъ на то, что для журнала, имѣющаго ограниченное число подписчиковъ, временная приостановка будетъ равносильна совершенному запрещенію. Онъ напомнилъ, что лѣтъ десять тому назадъ была приостановлена на два мѣсяца газета (вѣроятно «Presse»), имѣвшая 34,000 подписчиковъ; когда она стала выходить вновь, число подписчиковъ ея уменьшилось ровно на половину. Всѣмъ этимъ доводамъ министръ внутреннихъ дѣлъ Пинарь и членъ комиссіи Матье противопоставили только одно возраженіе: главный виновникъ въ проступкахъ печати — не авторъ, не редакторъ, а *журналъ*, на который и должно упадать самое тяжкое наказаніе. Эта теорія имѣетъ по крайней мѣрѣ одно достоинство — достоинство откровенности. Нѣкоторые члены большинства наши проектъ закона даже слишкомъ мягкимъ, и предложили предоставить суду право приостанавливать изданіе *за каждый проступокъ печати*,

---

¹⁾ Преступленіями (crimes) называются во французскихъ законахъ, въ противуположность проступкамъ (délits), особенно важныя правонарушенія, влекущія за собою тяжкія уголовныя наказанія — смертную казнь, каторжную работу, изгнаніе, ссылку и особые роды лишенія свободы (détention, réclusion).

хотя бы и въ первый разъ совершенный, съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ повторенія проступка, приостановленіе изданія было уже обязательно для суда. Но это предложеніе, какъ и поправка оппозиціи, было отвергнуто палатой, утвердившей, большинствомъ 205 голосовъ противъ 33, первоначальное постановленіе проекта.

Къ многочисленнымъ и разнообразнымъ оружіямъ, которыми правительство располагаетъ противъ печати, проектъ новаго закона о печати хотѣлъ присоединить еще одно — временное лишеніе политическихъ правъ (т. е. права участвовать въ выборахъ, быть избираемымъ и т. п.), какъ прибавочное наказаніе за проступки печати, назначеніе или неназначеніе котораго должно было зависѣть отъ усмотрѣнія суда. Рѣчь министра внутреннихъ дѣлъ, произнесенная въ защиту этого нововведенія, какъ нельзя болѣе характеристична. «Лишеніе политическихъ правъ есть наказаніе личное и потому справедливое; оно будетъ постигать только самого автора осужденной статьи». Прекрасно; но если министръ признаетъ справедливость личныхъ наказаній, то почему же онъ полагалъ замѣнить ихъ денежными штрафами, т. е. отвѣтственностью собственниковъ журнала? Развѣ можно руководствоваться въ одно и то же время двумя масштабами справедливости, примѣняя одинъ сегодня, другой завтра, смотря по надобности? — «Вторая отличительная черта этой мѣры — продолжалъ Пинарь — заключается въ томъ, что она имѣетъ характеръ нравственный, а не матеріальный; она будетъ служить предостереженіемъ для писателей и заставить ихъ быть болѣе умѣренными въ полемикѣ». Таже самая мысль выражена еще яснѣе въ докладѣ комиссіи. Источникъ проступковъ печати заключается въ честолюбіи; наказаніе за нихъ должно, поэтому, наносить ударъ именно честолюбію писателя. Онъ надѣялся пріобрѣсти извѣстность своими оппозиционными статьями, проложить себѣ, съ помощью ихъ, дорогу въ законодательный корпусъ; такъ пускай же эта дорога будетъ закрыта ему судебнымъ приговоромъ, пускай же онъ будетъ наказанъ именно въ томъ, чѣмъ согрѣшилъ. Возражая противъ этой теоріи, Ж. Симонъ справедливо назвалъ ее возвращеніемъ къ тѣмъ временамъ, когда господствовалъ принципъ возмездія въ самой грубой своей формѣ: *око за око и зубъ за зубъ*. «Мы обязаны — замѣтилъ далѣе министръ — охранять чистоту всеобщей подачи голосовъ, мы обязаны заботиться о томъ, чтобы никто не являлся избирателемъ или избираемымъ *послѣ проступка или посредствомъ проступка!*» Эти слова возбудили въ палатѣ цѣлую бурю. — «Вы хотите присвоить себѣ контроль надъ всеобщей подачей голосовъ» — воскликнулъ Ж. Фавръ. «Такъ говорили въ національномъ конвентѣ» — прибавилъ Глэ-Бизуанъ. Пренія сохранили до конца бурный, возбужденный характеръ. Когда президентъ, подъ какимъ-то ничтожнымъ предлогомъ, остановилъ Ж. Фавра, послѣдній отвѣчалъ ему: — «Я еще

не лишень политическихъ правъ; эта участь ожидаетъ меня только въ будущемъ». Оканчивая свою рѣчь, Ж. Фавръ напомнилъ, что правительства не вѣчны, что большинство въ свою очередь можетъ сдѣлаться меньшинствомъ и испытать на себѣ всю тяжесть постановленныхъ имъ законовъ. «Г. Фавръ—отвѣчалъ Руэ—говорить о непрочности правительства; она извѣстна ему по опыту» (Одобрительный смѣхъ на многихъ скамьяхъ). Ж. Фавръ: «Этотъ опытъ сдѣланъ и вами, съ тою только разницею, что вы переходили съ одной стороны на другую». Не смотря на всю свою находчивость, г. Руэ не могъ возразить ни слова на это восклицаніе Ж. Фавра. Статья закона, дозволявшая суду карать лишеніемъ политическихъ правъ каждый, даже первый проступокъ печати, была возвращена въ комиссію, потому что правительство согласилось ограничить примѣненіе ея только случаями повторенія проступковъ. Въ этой новой формѣ она опять подверглась сильнымъ нападеніямъ со стороны оппозиціи и средней партіи, и была отвергнута большинствомъ 134 голосовъ противъ 72. Для правительства это пораженіе было тѣмъ чувствительнѣе, что въ защиту статьи говорили всѣ министры—Руэ, Пинаръ, Барошъ,—очевидно признававшіе ее однимъ изъ самыхъ важныхъ постановленій новаго закона.

VI.

Въ сравненіи съ системой административныхъ взысканій, всякое другое положеніе дѣлъ, подчиняющее печать одной судебной власти, представляется конечно существенной переменою къ лучшему; но это еще не значитъ, чтобы для печати было все равно, какому суду подвѣдомы дѣла о ея проступкахъ, какими формами, какими гарантіями обставлено ихъ производство. При извѣстныхъ условіяхъ, судебныя преслѣдованія могутъ обратиться въ орудіе тиранніи, сохраняющей только внѣшнія формы законности. Палатѣ прежде всего предстояло опредѣлить, должны ли дѣла о проступкахъ печати подлежать, наравнѣ съ другими дѣлами о проступкахъ, вѣдѣнію судовъ исправительной полиціи, или же рѣшеніе ихъ должно быть предоставлено суду присяжныхъ. Первый порядокъ существовалъ во время реставраціи ¹⁾, второй—во время июльской монархіи ²⁾ и февральской республики; въ 1852 г., проступки печати опять были отнесены къ предметамъ вѣдомства судовъ исправительной полиціи. Новый законъ о печати не отступаетъ, въ этомъ отношеніи, отъ декрета 17 февраля 1852 года.

¹⁾ За исключеніемъ короткаго промежутка времени между 1819 и 1822 г., въ продолженіе котораго дѣла печати были подвѣдомы суду присяжныхъ.

²⁾ Сентябрьскіе законы 1835 г. установили, впрочемъ, для важнѣйшихъ проступковъ печати, специальную подсудность, предоставивъ разсмотрѣніе ихъ палатѣ перовъ.

тала влияние на личный составъ судебныхъ присутствій, рассматривающихъ дѣла печати. Какъ суды первой инстанціи, такъ и суды императорскіе (т. е. апелляціонные), раздѣляются на нѣсколько палатъ (chambres), соотвѣтствующихъ нашимъ департаментамъ судебной палаты или отдѣленіямъ окружнаго суда; въ одной изъ нихъ сосредоточиваются дѣла о проступкахъ печати. Очевидно, что въ интересахъ правосудія личный составъ этой палаты долженъ быть опредѣляемъ совершенно независимо отъ всякаго административнаго вліянія. До 1820 г., судьи переходили изъ одной палаты въ другую по-очереду. Въ 1820 г., ежегодное распредѣленіе судей по палатамъ было поручено особому собранію, состоявшему изъ президента, вице-президентовъ и старшихъ членовъ суда, по одному отъ каждой палаты; представитель публичнаго министерства могъ дѣлать замѣчанія по поводу распредѣленія, но не принималъ въ немъ никакого активнаго участія. Въ 1859 г., этотъ порядокъ былъ замѣненъ другимъ; распредѣленіе судей было предоставлено усмотрѣнію президента и прокурора, съ тѣмъ, чтобы составленный ими списокъ былъ представляемъ на утвержденіе министра юстиціи. Другими словами, выборъ судей для производства тѣхъ или другихъ уголовныхъ дѣлъ отданъ, de facto, въ руки административной власти; отъ нея зависить, по истеченіи каждаго года, удалить судей, которые не оправдали ея ожиданій, — т. е. перевести ихъ въ одну изъ гражданскихъ палатъ, — и замѣнить ихъ другими, болѣе благонадежными. Понятно, съ какими опасностями сопряжено такое положеніе дѣлъ, въ особенности для процессовъ печати. Попытка возвратиться къ прежнему порядку вещей была сдѣлана Беррье, котораго никто не заподозритъ въ систематической враждѣ, систематическомъ недовѣрїи къ магистратурѣ. Его полувѣковая адвокатская дѣятельность дала ему возможность, лучше чѣмъ кому бы то ни было другому, оцѣнить всѣ хорошія стороны французскихъ судовъ и судей, установила между ними тѣсную связь, которую не могутъ разрушить никакія разочарованія. Предлагая очередной переходъ судей изъ одной палаты въ другую, Беррье руководствовался, можетъ быть, не столько желаніемъ оградить интересы печати, сколько желаніемъ поддержать упадающее достоинство магистратуры. Его спокойная, но глубоко прочувствованная рѣчь произвела сильное впечатлѣніе на палату. Чтобы изгладить это впечатлѣніе, министръ юстиціи прибѣгнулъ къ обычнымъ фразамъ о репутаціи французскихъ судей, стоящей выше всякаго подозрѣнія, о злонамѣренной клеветѣ, распространяемой врагами магистратуры, и т. п. Онъ спросилъ Беррье, извѣстенъ ли ему хотя одинъ фактъ, возбуждающій сомнѣніе въ независимости судей. Беррье, выведенный изъ себя беззастѣнчивостью министра, напомнилъ, что изъ числа восьми судей, предсѣдательствовавшихъ, съ 1859 по

1866 годъ, въ той палатѣ парижскаго окружнаго суда, гдѣ разсматриваются дѣла о проступкахъ печати, шестеро были переведены, въ видѣ награды, на высшія судебныя должности. Эти слова Беррье подали поводъ къ одной изъ самыхъ бурныхъ сценъ, когда-либо происходившихъ въ законодательномъ корпусѣ.— «Я надѣялся и прежде—воскликнулъ, въ заключеніе ея, Баронъ, обращаясь къ членамъ большинства— что вы отвергнете поправку г. Беррье; но теперь, послѣ оскорбленія, нанесеннаго магистратурѣ, я въ этомъ больше не сомнѣваюсь». Расчетъ министра оказался вѣрнымъ; палата, сначала склонявшаяся на сторону Беррье, отвергла его поправку большинствомъ 175 голосовъ противъ 48.

Декретъ 17 февраля 1852 г. запретилъ печатаніе судебныхъ преній по дѣламъ печати. Оппозиція предложила совершенную отмѣну этого запрещенія; средняя партія, останавливаясь на поль-дорогѣ, хотѣла по крайней мѣрѣ предоставить суду, въ отношеніи къ дѣламъ печати, тоже самое право, которымъ онъ пользуется (также съ 1852 г.) по всѣмъ другимъ дѣламъ, т. е. право дозволять или запрещать, по своему усмотрѣнію, печатаніе преній. Обѣ поправки были отвергнуты палатой (первая большинствомъ 204 голосовъ противъ 30, вторая—большинствомъ 164 голосовъ противъ 58); запрещеніе публиковать пренія по дѣламъ печати осталось въ полной силѣ, безъ всякаго ограниченія или смягченія. Отставая существующій порядокъ вещей, правительственные ораторы— Пинаръ и Матье— ссылались на вредъ, сопряженный съ оглашеніемъ преслѣдуемой журнальной статьи, на соблазнъ, возбуждаемый ея защитой; они утверждали, что производство дѣлъ о проступкахъ печати нельзя назвать негласнымъ, потому что къ слушанію ихъ допускаются постороннія лица. Не трудно замѣтить, что отсюда только одинъ шагъ до совершеннаго отрицанія гласности, до возвращенія къ канцелярской тайнѣ и письменному судопроизводству. Если присутствіе публики въ залѣ засѣданія составляетъ достаточную гарантію гласности по дѣламъ печати, то почему бы не ограничиться ею и по всѣмъ другимъ дѣламъ, почему бы не запретить безусловно печатаніе всѣхъ вообще судебныхъ преній? Если чтеніе защитительныхъ рѣчей, произнесенныхъ по дѣламъ печати, опасно для общественной нравственности или для общественнаго спокойствія, то почему бы не признать опаснымъ и чтеніе защитительныхъ рѣчей, произнесенныхъ по дѣламъ объ убійствахъ, о поджогахъ, о кражахъ? Аргументація Матье и Пинара похожа, какъ двѣ капли воды, на тѣ жалкіе софизмы, которыми еще недавно—лѣтъ двадцать тому назадъ въ Германіи, лѣтъ десять тому назадъ у насъ въ Россіи—старались доказать весь вредъ гласнаго судопроизводства. Но въ этихъ софизмахъ было, по крайней мѣрѣ, достоинство логичности, послѣдовательности, котораго лишены французскіе консерваторы; они были направ-

лены противъ цѣлой системы, а не противъ пригнѣненія ея къ одной отрасли проступковъ. Публичность судебного засѣданія никогда и нигдѣ не можетъ замѣнить оглашенія судебныхъ преній путемъ печати; но всего менѣе возможна такая замѣна именно въ Парижѣ, вслѣдствіе тѣсноты судебныхъ помѣщеній, полицейскихъ мѣръ предосторожности противъ переполненія ихъ и щедрой раздачи такъ называемыхъ *billets de faveur*, достаемыхся, въ случаяхъ особенно важныхъ, преимущественно знакомымъ президента, т. е. лицамъ благонадежнымъ. Можно сказать утвердительно, что до тѣхъ поръ, пока запрещена публикація преній по дѣламъ печати, производство этихъ дѣлъ находится внѣ контроля общественнаго мнѣнія, и полезная сторона гласности для нихъ вовсе не существуетъ.

Для вчинанія дѣлъ о проступкахъ печати установленъ закономъ трехлѣтній срокъ давности. Оппозиція предложила сократить его до трехъ мѣсяцевъ. Предложеніе это было отвергнуто палатой, хотя его мотивы были какъ нельзя болѣе уважительны. Установленіе продолжительныхъ сроковъ уголовной давности необходимо тамъ, гдѣ могутъ встрѣтиться затрудненія въ обнаруженіи проступка или открытіи преступника; но проступки печати обнаруживаются тотчасъ же послѣ совершенія ихъ, такъ какъ каждое повременное изданіе должно быть представляемо, въ самый моментъ обнародованія его, префекту, субпрефекту или меру. Виновики проступка также не могутъ оставаться неизвѣстными, потому что подъ каждой журнальной статьёй есть подпись автора ея, подъ каждымъ повременнымъ изданіемъ — подпись отвѣтственнаго редактора. Съ другой стороны, преслѣдованіе журнальной статьи справедливо только въ самое первое время послѣ ея появленія, потому что слова, невинныя и безвредныя сегодня, завтра могутъ приобрести характеръ проступка, потому что судъ надъ проступкомъ печати долженъ, по возможности, происходить при тѣхъ же условіяхъ, при которыхъ совершенъ проступокъ. На практикѣ почти не бываетъ примѣра, чтобы преслѣдованіе за проступокъ печати было возбуждаемо болѣе чѣмъ мѣсяць спустя послѣ появленія преслѣдуемой статьи. Для чего же нуженъ правительству продолжительный срокъ давности по дѣламъ печати? На этотъ вопросъ коммиссія отвѣчала довольно откровенно. Она объяснила, что возможность возбужденія преслѣдованія за статьи, напечатанныя передъ тѣмъ за два, за три года, представляется для правительства весьма удобнымъ орудіемъ противъ журнала, продолжающаго навлекать на себя его неудовольствіе. Другими словами, журналъ, непріятный для правительства, во всякое время можетъ быть поставленъ въ необходимость покориться, сотворить дѣла достойныя покаянія—или подвергнуться всѣмъ невыгодамъ судебного преслѣдованія за статью, давно забытую и обществомъ, и редакціей, и самимъ авторомъ. У правительства была, по-

видимому, еще другая пѣль, которой оно не рѣшилось высказать; оно надѣялось прекратить оппозиционнымъ журналистамъ доступъ въ депутаты, выжидая, для судебного преслѣдованія ихъ, именно времени производства выборовъ въ законодательный корпусъ. Этотъ расчетъ не удался, потому что палата, какъ мы уже знаемъ, исключила потерю политическихъ правъ изъ числа наказаній, налагаемыхъ за проступки печати.

По общему правилу уголовного судопроизводства, исполненіе приговора не можетъ предшествовать вступленію его въ законную силу. Проектъ закона о печати содержалъ въ себѣ отступленіе отъ этого правила, допуская немедленное исполненіе приговора, постановленнаго судомъ первой инстанціи и подлежавшаго обжалованію въ апелляціонномъ порядкѣ, если этимъ приговоромъ заключено приостановить или прекратить изданіе журнала. Противъ этого нововведенія, неслыханнаго въ лѣтописяхъ французскаго законодательства, возстало даже послушное большинство палаты, и законъ былъ измѣненъ въ томъ смыслѣ, что осужденному дано право остановить исполненіе приговора, обжаловавъ его въ двадцать четыре часа со времени объявленія. Стѣсненіе правъ защиты, такимъ образомъ, только уменьшено, а не уничтожено, и уменьшено въ самой незначительной степени; предложеніе отсрочить исполненіе до истеченія трехъ сутокъ со дня объявленія приговора не было принято большинствомъ палаты. Чѣмъ же объясняется это нетерпѣніе, это желаніе исполнить какъ можно скорѣе приговоръ, состоявшійся надъ журналомъ? Ничѣмъ другимъ, какъ стремленіемъ нанести журналу матеріальный вредъ, ничѣмъ невознаградимый. Положимъ, что приговоръ суда первой степени, которымъ приостановлено изданіе журнала, будетъ отмѣненъ высшимъ судомъ; кто же возмѣститъ журналу всѣ убытки, понесенные имъ черезъ предварительное исполненіе приговора? — Понятно, что возможность карать журналы не только въ случаѣ осужденія, но и въ случаѣ оправданія ихъ, представляла много привлекательнаго для враговъ печати, и что они отказались отъ нея не вполне и неохотно.

VII.

Новый законъ о печати оставилъ безъ измѣненія всю систему постановленій, опредѣляющихъ свойство и сущность проступковъ печати. Въ этихъ постановленіяхъ, изданныхъ при разныхъ условіяхъ и въ разное время, заключается богатый арсеналъ орудій противъ печати. Неясность опредѣленій даетъ возможность подвести подъ дѣйствіе закона чуть ли не каждое слово, относящееся къ вопросамъ политики, нравственности, религіи, соціального устройства. Что можетъ быть, на примѣръ, туманише и эластичнѣе словъ: «возбужденіе нена-

висти и презрѣнія къ правительству», «оскорбленіе практической и религиозной нравственности» (outrage à la morale pratique et religieuse)? Справедливо ли, съ другой стороны, наказывать журналъ за сообщеніе ложныхъ извѣстій, хотя бы онъ и былъ убѣжденъ въ ихъ достоверности, хотя бы распространеніе ихъ не имѣло и не могло имѣть никакихъ вредныхъ послѣдствій? Оппозиція пыталась устранить эти несообразности, попытки ея остались безъ успѣха. Эмиль Олливе пошелъ еще дальше; слѣдуя теоріи своего друга Эмиля Жирардена, онъ предложилъ провозгласить полную ненаказуемость печатнаго слова, за исключеніемъ только тѣхъ случаевъ, когда оно употребляется какъ орудіе для оскорбленія или оклеветанія частныхъ лицъ, или для прямого подстрекательства къ дѣйствіямъ, запрещеннымъ общими уголовными законами. Нѣчто въ этомъ родѣ предложилъ и бонапартистъ Бельмонте. Само собою разумѣется, что оба предложенія были отвергнуты палатой почти безъ преній. Самый горячій споръ возникъ по поводу правила, запрещающаго всякое неофициальное сообщеніе, всякую неофициальную передачу преній законодательнаго корпуса. Прежде каждая газета, печатала свой отчетъ о преніяхъ палаты, отчетъ болѣею частью неполный и пристрастный, составленный въ духѣ той партіи, органомъ которой служила газета. Конституція 1852 г. положила конецъ этому порядку вещей, дозволивъ печатаніе только одного официального отчета о преніяхъ законодательнаго корпуса. Сенатское постановленіе 2 февраля 1861 г., состоявшееся вслѣдствіе декретовъ 24 ноября 1860 г., допустило составленіе двухъ отчетовъ, однако, впрочемъ, официальныхъ: одного — полнаго, стенографическаго, цѣлкомъ печатаемаго въ «Монитёрѣ», другого — нѣсколько сокращеннаго (compte-rendu analytique). Отъ газетъ зависитъ избраніе того или другого изъ этихъ отчетовъ; болѣею частью онѣ ограничиваются печатаніемъ второго, потому что первый занимаетъ слишкомъ много мѣста. Всякій другой отчетъ, кромѣ официальныхъ, остается запрещеннымъ подъ страхомъ строгаго наказанія; но право *обсуждать* пренія не отнято у журналовъ. Отсюда происходитъ слѣдующее затрудненіе: обсуждать пренія почти невозможно, не сообщивъ предварительно, въ главныхъ чертахъ, ихъ содержаніе. Между тѣмъ, всякое сообщеніе этого рода можетъ быть признано неофициальнымъ отчетомъ и подать поводъ къ судебному преслѣдованію. Для газетъ, такимъ образомъ, устроена ловушка (traquenard, какъ выразился одинъ изъ членовъ оппозиціи), въ которую онѣ не могутъ не попадаться, и которою администрація пользуется каждый разъ, когда считаетъ это для себя полезнымъ. Когда пренія идутъ о предметахъ второстепенной важности, когда журналистика, по какой бы то ни было причинѣ, говорить о нихъ умѣренно и безстрастно, тогда никто не мѣшаетъ ей передавать своими словами содержаніе преній, лишь бы

только рядомъ съ этимъ былъ напечатанъ и официальный отчетъ. Но когда полемика внутри и внѣ палаты принимаетъ болѣе ожесточенный, болѣе бурный характеръ, правительство спѣшитъ произнести свое *Quos ego*, напомнивъ, посредствомъ «Монитѣра», что всякая неофициальная передача преній можетъ подвергнута виновныхъ судебному преслѣдованію. Если это напоминаніе оказывается недѣйствительнымъ, то угроза приводится въ исполненіе, иногда въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Такъ на примѣръ, во время преній о военномъ законѣ, семнадцатъ парижскихъ журналовъ — въ томъ числѣ, для приличія, и нѣсколько официозныхъ — были преданы суду, въ одинъ и тотъ же день, за неофициальное сообщеніе преній законодательнаго корпуса. Противъ семи журналовъ преслѣдованіе было прекращено обвинительною властью, но остальные десять были присуждены къ уплатѣ штрафа, каждый по тысячѣ франковъ. Основаніемъ осужденія послужили передовыя статьи, въ которыхъ были приведены отрывки изъ преній, или передано содержаніе той или другой рѣчи, какъ исходная точка для полемики противъ выраженныхъ въ ней мнѣній. Послѣ этого ни одинъ журналъ, говорящій о преніяхъ законодательнаго корпуса, не могъ считать себя обезпеченнымъ противъ судебного преслѣдованія и приговора, и либеральныя газеты, какъ бы по безмолвному соглашенію, прекратили почти совершенно обсужденіе преній. Разбирать, а въ случаѣ надобности и цитировать ихъ продолжали только правительственныя газеты, заранѣе увѣренныя въ безнаказанности. Чтобы устранить такое ненормальное положеніе дѣлъ, оппозиція и средняя партія предложили разрѣшить журналамъ передавать, въ какой угодно формѣ, содержаніе преній, официальный изложеніе которыхъ напечатано въ томъ же или въ одномъ изъ предшествующихъ номеровъ журнала. Противъ этого предложенія говорилъ, и притомъ нѣсколько разъ, самъ государственный министръ, доказывая этимъ, какъ дорого для правительства сохраненіе *status quo*, доставляющаго ему постоянно готовый матеріалъ для преслѣдованія всей оппозиционной прессы. Большинство, какъ всегда, исполнило волю государственнаго министра: за поправку, предложенную Э. Оливье, подали голосъ только 66, за поправку, предложенную Даримовомъ — только 62 депутата. Вопросъ о томъ, гдѣ оканчивается сообщеніе и гдѣ начинается обсужденіе, остался для французской печати, по удачному выраженію Тьера, чѣмъ-то въ родѣ сфинкса, пожирающаго всѣхъ, кто не разгадалъ предложенную имъ загадку.

VIII.

Отмѣняя систему административныхъ взысканій въ отношеніи къ французской прессѣ, новый законъ о печати сохраняетъ ее, и притомъ въ самой первобытной, грубой ея формѣ, для иностранныхъ

журналовъ. Администрація удерживаетъ за собою безусловное право допускать или не допускать ихъ въ предѣлы французскаго государства, уничтожать каждый отдѣльный номеръ журнала, содержащій въ себѣ что-нибудь для нея непріятное, приостанавливать или прекращать раздачу журнала его французскимъ подписчикамъ. Извѣстно, что даже русскія газеты испытываютъ на себѣ строгость французской цензуры; судя по этому, нетрудно составить себѣ понятіе о ея образѣ дѣйствій въ отношеніи къ газетамъ англійскимъ, нѣмецкимъ и въ особенности французскимъ, выходящимъ внѣ предѣловъ Франціи (въ Бельгін, въ Швейцаріи). «*Indépendance Belge*» часто не раздается въ Парижѣ по цѣлымъ недѣлямъ. За тайный привозъ во Францію хотя бы одного экземпляра иностранной газеты опредѣлены закономъ строгія наказанія. Такъ напримѣръ, одинъ французъ, возвращавшійся, въ февралѣ нынѣшняго года, изъ Брюсселя въ Парижъ, черезъ Лилль, былъ задержанъ на границѣ за то, что у него въ карманѣ нашли одинъ номеръ газеты «*Etoile Belge*», отправленъ въ Лилль и подвергнутъ, по рѣшенію тамошняго суда, тюремному заключенію на одинъ мѣсяць. Въ защиту существующаго порядка вещей приводится обыкновенно тотъ аргументъ, что иностранные журналы не могутъ быть подчинены французскому суду, и слѣдовательно должны оставаться подъ властью администраціи. Но этотъ аргументъ совершенно невѣренъ; стобитъ только припомнить, что въ Пруссіи уничтоженіе отдѣльнаго номера иностранной газеты допускается не иначе, какъ по судебному приговору, а совершенное запрещеніе газеты—не иначе, какъ послѣ нѣсколькихъ приговоровъ этого рода. Какъ бы то ни было, французская администрація не хочетъ и слышать объ ограниченіи своей произвольной власти надъ иностранными журналами. Поправка Гарнье-Пажеса, предлагавшая открыть свободный доступъ во Францію всѣмъ журналамъ, выходящимъ за границей, поправка Жавала, предлагавшая предоставить это право по крайней мѣрѣ газетамъ, издаваемымъ не на французскомъ языкѣ, были оспариваемы правительствомъ съ одинаковою настойчивостью, и обѣ отвергнуты палатой.

Французскій законъ запрещаетъ обвиняемому въ диффамачіи доказывать справедливость фактовъ, имъ приведенныхъ. Исключеніе изъ этого правила сдѣлано только для обвиненій, взводимыхъ на чиновниковъ, по поводу исправленія ими обязанностей службы; но справедливость такихъ обвиненій можетъ быть доказываема только письменными документами, которыми обвинитель, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, конечно не располагаетъ. Оппозиція предложила допустить, въ дѣлахъ этого рода, доказательство истины посредствомъ свидѣтелей; но предложеніе ея было отвергнуто значительнымъ большинствомъ голосовъ. Таже участь постигла и поправку Беррье, предлагавшаго поставить на одинъ уровень съ чиновниками администра-

рыхъ, благодаря закону о диффамациі, не могутъ быть изобличаемы печатью. Большинство законодательнаго корпуса не ограничилось со храненіемъ въ силѣ дѣйствующихъ постановленій о диффамациі: онъ предложилъ и провелъ новую статью закона, запрещающую, подъ страхомъ денежнаго штрафа, всякое оглашеніе фактовъ, относящихся къ частной жизни (*toute publication relative à un fait de la vie privée*)! На основаніи этой статьи, можно будетъ преслѣдовать газетъ (конечно не иначе какъ по жалобѣ частнаго лица), сообщившую чьемъ-нибудь пріѣздъ или отъѣздъ, о вечерѣ, гдѣ-нибудь данномъ, вещи, кѣмъ-нибудь купленной, и такъ далѣе до безконечности. Всякое неосторожное слово, сказанное безъ злого намѣренія и не содержащее въ себѣ рѣшительно ничего оскорбительнаго, можетъ обойтисъ журналу въ 500 франковъ, не считая судебныхъ издержекъ. Таковъ единственный подарокъ, сдѣланный большинствомъ законодательнаго корпуса французской печати.

Итакъ, новый законъ о печати не обѣщаетъ французской прессѣ ни безмятежнаго существованія, ни спокойнаго, безпрепятственнаго движенія впередъ, по гладкой, торной дорогѣ. Она будетъ окружена ватрудненіями и опасностями всякаго рода, связана самыми разнообразными узамъ, поставлена внѣ покровительства общихъ законовъ. Множество силъ будетъ тратиться понапрасну, множество трудовъ — оставаться безплодными. Но свобода, какъ бы она ни была ограничена, — все-таки свобода, т. е. возможность жизни, дѣятельности, развитія. Поворотъ къ лучшему, совершившійся въ французской журналистикѣ еще во время господства системы административныхъ цензуръ, служить ручательствомъ за то, что она съумѣетъ воспользоваться всѣми хорошими сторонами новаго закона. Время покажетъ, можетъ быть, что отъ стѣснительныхъ постановленій этого закона правительство пострадаетъ больше, чѣмъ пресса, освобожденная настолько, чтобы расширить кругъ своихъ дѣйствій, но не настолько, чтобы примириться съ существующимъ порядкомъ вещей, съ господствующей правительственной системой.

Е. АРСЕНЬЕВЪ.

ТЕАТРЪ.

ЭМИЛЬ ОЖЬЕ И РЕАЛИЗМЪ СОВРЕМЕННОЙ ДРАМЫ.

«Реализмъ», какъ извѣстное направленіе искусства вообще, и драматическаго въ особенности, вызываетъ самыя противоположныя взгляды и оцѣнку. Но весь вопросъ въ томъ, какъ реалистическій драматургъ относится къ окружающей его дѣйствительности; довольствуется ли онъ, такъ сказать, фотографіею ея, или у него оказывается на столько творческой силы и таланта, чтобы употребить самое сходство для возбужденія въ обществѣ мысли о томъ, какъ его фizioномія мало подходитъ на то, чѣмъ ей слѣдуетъ быть. Что бы ни говорили о современной драмѣ во Франціи, гдѣ недавно реализмъ вытѣснилъ такъ-называемую школу «здраваго смысла», гордившуюся именемъ Понсара, но, во всякомъ случаѣ, во Франціи реализмъ напелъ себѣ представителей, въ лицѣ которыхъ вполне выяснился характеръ и значеніе новаго направленія. Правда, въ реалистической современной драматургіи никто не господствуетъ такъ исключительно и всецѣло, какъ Понсаръ царилъ въ предшествовавшую эпоху «здраваго смысла»; нѣсколько именъ выдаются впередъ и раздѣляютъ между собою общественное мнѣніе и симпатіи: Александръ Дюма (сынъ), Октавъ Фелье, Барьеръ, Викторіенъ Сарду и, наконецъ, Эмиль Ожье — вотъ имена, которыя первенствуютъ на сценѣ, — хотя, правда, на долю Октава Фелье приходится весьма незначительная область въ царствѣ реалистической драматургіи, а Александръ Дюма ограничилъ себя въ цѣломъ обществѣ извѣстною его частью, взялся за разработку одной его стороны, впрочемъ довольно значительной въ современной Франціи и фигурирующей подъ извѣстнымъ именемъ «полусвѣта» (*demi-monde*). Гораздо болѣе единства, законченности и цѣльности представляютъ остальные три драматурга, а именно Барьеръ, В. Сарду и Э. Ожье. Оттого въ нихъ недовольствѣ современнымъ обществомъ несравненно болѣе искренности, проницанія, отвращенія къ сдѣлкамъ. Но ни у кого эти качества не проникаютъ такъ глубоко въ цѣлое произведеніе, какъ у Ожье; въ произведеніяхъ В. Сарду насмѣшка, иронія, являются остроумною приправою къ дѣйствию, которое весьма часто ведется неудачно; у Барьера тоже самое выражается въ однихъ страстныхъ порывахъ дурно скрытой злобы, въ мгновенныхъ вспышкахъ, хотя и искренняго негодованія, но быстро охладѣвающаго. Напротивъ, у Ожье реальное отношеніе искусства къ обществу составляетъ задачу цѣлаго произведе-

вотъ почему мы останавливаемся на Ожбѣ, какъ на самомъ по-
представителѣ реализма современной драматургіи во Франціи, по-
памъ которой, можно сказать, слѣдуетъ и вообще вся соврем-
драматургія.

Талантъ Ожбѣ народился въ эпоху исключительнаго преоблада-
торжества драматической школы «здраваго смысла», когда воле
волею всѣ начинавшіе должны были выходить путемъ, проложен-
руками Понсара. Молодой Ожбѣ подчинился требованіямъ того
мени и дебютировалъ небольшою пьеской «*la Cigüe*», съ сюжетомъ
греческой жизни — необходимый паспортъ для успѣха въ общ-
Почти вслѣдъ за тѣмъ, Ожбѣ сдѣлалъ попытку къ самостоятель-
и перешелъ къ дѣйствительной жизни, но не имѣлъ успѣха. Тогда
удалился въ область чистой фантазіи, и написалъ одно изъ с-
удачныхъ произведеній: «*l'Aventurière*», — пьесу, дѣйствіе ко-
происходитъ неизвѣстно гдѣ и когда, въ XV или XIX вѣкѣ. Не-
тря на весь потраченный авторомъ талантъ, эта пьеса не пре-
вляла значительнаго шага впередъ, и характеръ ея остался не-
дѣленнымъ. За тѣмъ слѣдуетъ опять нѣсколько произведеній, ск-
которыхъ заимствованы попеременно то изъ дѣйствительной жиз-
изъ фантазіи и греческаго міра. Къ этой нерѣшительной, неоп-
ленной эпохѣ принадлежатъ: «*l'Homme de bien*», «*Joueur de fi*
Большая неожиданная пьеса, проводившая банальную мораль и
спѣвавшая добродѣтель буржуазіи: «*Gabrielle*». Все въ этой пьесѣ
фальшиво, и характеры, и описанія страстей и нѣжныя чувства,
смотря на то, пьеса имѣла большой успѣхъ. Еслибы въ то вр-
жого нибудь спросили, какого рода талантомъ обладаетъ Эмиль
врядъ ли бы кто нибудъ взялся отвѣтить. Въ его дѣятель-
замѣтно колебаніе; онъ бросается туда и сюда, затрогиваетъ всѣ
рѣоны своего таланта и упорно уклоняется отъ того направлені-
смыслъ котораго у него были написаны лучшія сцены. Ему спр-
ливо дѣлали вопросъ, отчего онъ не хочетъ выказать себя т-
какъ онъ есть, зачѣмъ онъ умышленно уклоняется отъ своей пре-
и не ищетъ успѣха въ своей оригинальности. Ему дѣлали упре-
недостаткъ смѣлости, и приписывали причину этого — боязни
дѣять своему успѣху, для котораго нужно было еще слѣдовать
щимъ теченіемъ, а реализмъ не былъ еще тогда въ «модѣ», не-
дался господствующимъ направленіемъ. «Его произведенія (первы-
ворить извѣстный критикъ, Эмиль Монтегю, достаточно облич-
колебанія человѣка, желающаго показаться не тѣмъ, что онъ е-
которому его истинная натура не измѣняетъ, на зло его же уси-
Рядомъ съ свѣжею и сильною тирадою, у Ожбѣ является тирада п-
поэтическихъ претензій и сантиментальныхъ нѣжностей, которыя в-

заступаютъ мѣсто простаго языка, гдѣ авторъ такъ хороше; ложное и искусственное примѣшивается къ простому и естественному; чувствуешь, что поэтъ истощается въ несчастномъ стараніи дать ложное направленіе своей богатой натурѣ и испортить дѣйствительный талантъ.... Онъ обладаетъ самыми счастливыми дарами, и вотъ пятнадцать лѣтъ, какъ онъ прилагаетъ всѣ свои силы, чтобы заставить ихъ принести такіе плоды и цвѣты, для которыхъ у нихъ нѣтъ зародыша. Такъ, онъ умѣетъ шутить, и умъ его естественно насмѣшливъ; но комическая черта, которую онъ бросаетъ съ такою ловкостью, ему недостаточна, ему зачѣмъ-то нужно ее заострить, утончить, округлить. Черта первоначально обладала большою силою, онъ думаетъ улучшить, дѣлая ее только остроумною. Его главное качество, это—веселье, веселье откровенное и хорошаго свойства; въ иномъ мѣстѣ его охотно принимаешь за правнука Реньяра или даже Мольера, и вдругъ онъ падаетъ въ патажки и въ какую-то искусственную утонченность. Эти слова какъ нельзя болѣе вѣрно рисуютъ характеръ, если можно такъ выразиться, первой манеры Ожбѣ, когда онъ не понималъ еще, умышленно или искренно, своего настоящаго призванія. Комедіи его, не смотря на присутствіе ума, жизни, сильнаго и мѣткаго языка, не смотря на попадавшіяся мастерскія сцены, въ цѣломъ представляли что-то недоконченное, недосказанное, вялое. Въ нихъ не было не только оригинальности, но не было даже той своеобразной манеры, которая пріусуща всякому, болѣе или менѣе талантливому, автору. Вслѣдствіе насилуванія, которое онъ дѣлалъ своему таланту, его реальныя комедіи стоятъ ниже его фантастическихъ провазведеній, у которыхъ была по крайней мѣрѣ цѣльность. Вотъ почему, не смотря на всѣ данныя, которыя были у Ожбѣ для того, чтобы заслужить имя комическаго поэта, ему отказывали въ этомъ и отказывали справедливо. Комедіи имѣютъ своимъ назначеніемъ изображать дѣйствительную жизнь, и потому имя комическаго поэта нельзя было дать писателю, который, не смотря на реальное направленіе своего таланта, всегда болѣе счастливо вдохновлялся фантазією, почерпнутою изъ прошедшаго, чѣмъ изображеніемъ пороковъ и тѣхъ смѣшныхъ сторонъ, на которыя мы натакнываемся каждый день. Эмиль Ожбѣ, если онъ хотѣлъ сдѣлаться комическимъ поэтомъ, долженъ былъ оставить фантазію и отдаться наблюденію дѣйствительности, такъ какъ «самая остроумная фантазія, самый колоритный стиль никогда не замѣняютъ для комическаго поэта изученія и представленія дѣйствительности, потому что комедія ея только и живетъ»¹⁾. Это мнѣніе высказывалъ въ 1851 году суровый и часто несправедливый критикъ сороковыхъ годовъ, Густавъ Планшъ, и съ тѣхъ поръ, за немногими промахами, Ожбѣ, точно послушавшись

¹⁾ Portraits littéraires, par Gustave Planche. T. II, p. 265.

который болѣе всего подходитъ къ его здоровому уму—это сильная проза, простая, естественная рѣчь, безъ нѣжности, скорѣе даже нѣсколько рѣзкая, которая одна способна передать его саркастическую мысль. Ему до такой степени удалось отбросить свой искусственный языкъ, свою притворную мягкость, что современные критики упрекаютъ его теперь уже въ слишкомъ большой рѣзости, какъ прежде упрекали въ излишней нѣжности. Ему говорятъ, что языкъ его потерялъ ровность, сдѣлался иногда вульгарнымъ; но нужно спросить, можетъ ли современный драматургъ, пишущій съ натуры, всегда избѣгнуть того, когда на улицѣ, въ салонѣ онъ только и слышитъ эту испорченную рѣчь, въ которую слишкомъ часто замѣшивается «argot».

Вооружившись твердымъ, нѣсколько рѣзкимъ языкомъ, оставивъ фантазію и углубившись въ дѣйствительность, онъ взялъ, какъ модель для своихъ произведеній, все современное общество со всѣми его слабостями и пороками, и написалъ нѣсколько комедій, которыя далеко отстоятъ отъ его первыхъ произведеній. Смѣло написанная пьеса «*le Mariage d'Olympe*», о которой мы будемъ еще имѣть случай сказать нѣсколько словъ, «*le Gendre de M. Poirier*» и «*les Lionnes rousses*»—были первымъ и большимъ успѣхомъ съ тѣхъ поръ, какъ Ожбѣ рѣшительно и твердо перешелъ на сторону реализма. Но успѣхъ двухъ послѣднихъ произведеній принадлежалъ ему только на половину; они были написаны въ сотрудничествѣ съ другими авторами, изъ которыхъ одинъ былъ даровитый писатель Жюль Сандо. Впрочемъ, сколько таланта ни показавъ Ожбѣ во всѣхъ этихъ комедіяхъ, однако никто бы ему еще не рѣшился дать послѣ нихъ того мѣста, которое онъ занимаетъ теперь. Рѣшительный день, рѣшительная побѣда была для него еще впереди. Полная зрѣлость его таланта проявилась въ послѣдующихъ его комедіяхъ: «*les Effrontés*», «*le fils de Giboyer*», и наконецъ (впрочемъ эта пьеса не имѣла сравнительно большого успѣха), въ его послѣднемъ произведеніи «*la Contagion*». Но мы далеки отъ безусловнаго поклоненія предъ этими послѣдними произведеніями репертуара Ожбѣ. Для настоящей комедіи мало схватывать на-лету одни наружныя, бросающіяся въ глаза стороны общественной жизни и ограничиваться ихъ поверхностнымъ изображеніемъ, мало еще одного выраженного презрѣнія къ тому или другому явленію; чтобы комедія осталась, пережила одинъ какой-нибудь моментъ, необходимо углубиться въ самыя соврѣвременныя тайны общества, освѣтить его темныя, большія мѣста, создать такой типъ, такой характеръ, который заключалъ бы въ себѣ, помимо наносныхъ, проходящихъ, принадлежащихъ одному только дню, мѣсяцу или году чертъ, — всѣ тѣ вѣчныя, присущія вообще человѣку свойства, качества, чувства, которыя не исчезали бы съ такою же быстротою, съ какою исчезнетъ сегодня

няшній свѣтъ отъ перваго солнечнаго луча; но этого-то, именно, мы и не найдемъ въ произведеніяхъ Ожьё. Къ сожалѣнію, въ нихъ слишкомъ много такого, что черезъ какихъ нибудь десять-пятнадцать лѣтъ потеряетъ всякій интересъ, и выведенные имъ характеры сдѣлаются намъ почти также чужды, какъ чужды теперь уже добродѣтельные офицеры или полковники Сериба и приторно-сладкія фигуры Маривб.

До сихъ поръ, въ своихъ лучшихъ произведеніяхъ, Ожьё не столько заглядываетъ въ душу человѣка, не столько занимается созданіемъ типа, сколько нападеніемъ, бичеваніемъ, *сатирою* современнаго общества. Въ самомъ дѣлѣ, его «*les Effrontés*», его «*Fils de Giboyer*», его наконецъ «*Contagion*», могутъ ли они, строго говоря, быть названы комедіями? Есть ли въ нихъ та сила, которая необходима, чтобы придать изображаемымъ имъ уродливостямъ, глупостямъ, порокамъ такую солидность, такой рельефъ, такую каменную выпуклость, чтобы по нимъ могли пройти вѣка, и все-таки не изгладить, не стереть начертаннаго? Обладаютъ ли его черты такую живучесть, чтобы они могли пережить всевозможныя политическія и соціальныя перевороты, коренное измѣненіе нравовъ, обычаевъ, вкуса общества? Воплощаются ли всѣ изображаемыя имъ глупости, уродливости и пороки до такой степени въ его герояхъ, чтобы имена ихъ дѣлались тождественными съ именами этихъ уродливостей и пороковъ? Будетъ ли отнынѣ называться типъ продажнаго писака именемъ *Giboyer*, великосвѣтскаго мошенника—именемъ *d'Estrigaud*, какъ скупецъ зовется *Арпагономъ*, ревнивецъ—*Отелло*, иппокритъ—*Тартюфомъ*; какъ страстно влюбленный зовется *Ромео*? Если этого нельзя сказать, если авторъ ограничивается изображеніемъ той формы пороковъ и уродливостей, которые сотрутся даже мѣсяцами, годами, а не столѣтіями, тогда его трудъ исчезнетъ вмѣстѣ съ своей минутой, съ своими обстоятельствами. Такой авторъ, какъ Ожьё, можетъ написать прекрасную сатиру, но никогда хорошей комедіи. А Ожьё именно и бьетъ на сатиру; сатира составляетъ главное, чтобы не сказать исключительное содержаніе его пьесъ.

Начнемъ съ лучшаго, выходящаго изъ ряда произведенія—«*les Effrontés*»? Тутъ нѣтъ ни одного характера, который врѣзался бы въ память; имя главнаго героя скоро сглаживается, но остается одно—это основное положеніе пьесы, ради котораго она и была написана. Положеніе это создано настоящею минутою, вмѣстѣ съ нею оно и исчезнетъ, а пьеса сохранитъ только интересъ, развѣ какъ документъ, свидѣтельствующій о глубинѣ паденія даннаго общества въ извѣстную минуту. Ожьё былъ, очевидно, пораженъ печальнымъ состояніемъ, до котораго доведена была пресса порядками второй имперіи; его затронуло то положеніе общества, благодаря которому первый поцавшійся негодяй, человѣкъ объявленный судомъ, какъ мошенникъ, потерявшій

слѣдовательно право вращаться среди честныхъ людей, вслѣдствіе покупки журнала и обѣщаній быть защитникомъ всѣхъ мѣръ и дѣйствій правительства, можетъ получить вдругъ не только входъ въ порядочное общество, но присвоить себѣ всѣ права верховнаго судьи. Благодаря отсутствію политической свободы, никто не можетъ вывести его на чистую воду; правительство само стоитъ часовымъ у его дверей, и онъ заставляетъ всѣхъ не только молчать, но протягивать ему руку подъ опасеніемъ фальшиваго доноса, который онъ сдѣлаетъ, клеветы, которую онъ распространитъ при помощи своего журнала или комка грязи, чѣмъ онъ всегда готовъ бросить въ человѣка, не стоящаго въ рядахъ преданныхъ правительству. Около этого могущественнаго мошенника - владѣтеля журнала, *Vernouillet*, Ожѣ заставляетъ вертѣться всѣ классы, и аристократа-легитимиста, маркиза *d'Auberive*, и буржуа-орлеаниста *Charrier*, и нищаго журналиста, который по приказанію дѣлается и легитимистомъ и орлеанистомъ и республиканцемъ — *Giboyer*. Кто же тутъ является представителемъ настоящей эпохи? Хотя пьеса, въ виду цензуры, и помѣчена 1845 годомъ, но нетрудно догадаться, что дѣйствіе происходитъ въ самомъ разгарѣ господства второй имперіи, которой по всѣмъ правамъ, и тѣломъ и душою, принадлежитъ самъ герой *Vernouillet*. Ожѣ смѣется надъ однимъ, презираетъ другого, бичуетъ третьяго, его симпатія не принадлежатъ ни одному изъ нихъ. Можно было бы подумать, судя по этой пьесѣ, что онъ болѣе сочувствуетъ легитимистамъ, но его слѣдующая пьеса написана, чтобы разубѣдить въ этомъ. Въ «*les Effrontés*» онъ выводитъ маркиза *d'Auberive*, который носится со старымъ режимомъ, поклоняется только ему, а все другое кланеть, и всѣхъ людей, кромѣ легитимистовъ, презираетъ одинаково, зовутся ли эти люди орлеанистами, республиканцами или *Vernouillet*. Онъ ненавидитъ орлеанистовъ, которыхъ онъ упрекаетъ, что они сдѣлали своимъ богомъ только деньги, деньги и однѣ деньги. Когда орлеанистъ *Charrier* хвастается, что вмѣсто прерогативъ аристократіи они провозгласили всеобщее равенство, маркизъ *d'Auberive* прерываетъ его словами: — «Поговоримъ объ этомъ равенствѣ, оно красиво! Вы замѣнили одну кисту другою, вотъ и все! Вы женитесь между собою, какъ и мы это дѣлали, — вы говорите: «тутъ нѣтъ копѣйки», а мы говорили: «нѣтъ происхожденія». Вы имѣете свое родовитое богатство, какъ мы имѣли свое родовитое дворянство, и *очераашній* милліонеръ обращается съ презрѣніемъ къ *сегодняшнему*. Вы пользуетесь монополією власти, какъ и мы; наслѣдственность есть у васъ, какъ и у насъ.»—И нѣсколько далѣе, на замѣчаніе *Charrier*, который говоритъ, что деньги и при старомъ порядкѣ были божествомъ:—«Позвольте, отвѣчаетъ гордый маркизъ, въ наше время деньги были только полу-богомъ. Чтѣ меня именно смѣшить въ вашей удивительной революціи, это то, что она не замѣтила, что,

рая могла первенствовать надъ богатствомъ. 89-й годъ былъ совершенъ въ пользу нашихъ управляющихъ и ихъ дѣтей; аристократія вы замѣнили плутократію; что же касается до демократіи, это до тѣхъ поръ останется словомъ, лишеннымъ смысла, пока вы не установите, какъ тотъ славный Ликургъ, жѣдной монеты, которая была бы слишкомъ тяжела, чтобы ею можно было играть.»

Изъ подобныхъ разсужденій мы могли бы составить небольшую книжку, которая не была бы многимъ тоньше самихъ «*Effrontés*», потому что главное содержаніе пьесы именно политика, а прилетѣвшая любовь любовника маркизы и дочери буржуа-орлеаниста является только побочнымъ обстоятельствомъ. Журналъ въ рукахъ негодя — вотъ центръ дѣйствія.—Если такъ обращается маркизь съ буржуа, то какъ же ведетъ онъ себя по отношенію героя *Vernouillet*? Онъ съ восторгомъ глядитъ на эту креатуру новаго порядка, потому что видитъ въ ней разложеніе общества, и онъ счастливъ этимъ разложеніемъ, потому что въ немъ видитъ мѣсть за уничтоженіе стараго порядка. Кто даетъ уничтоженному раскрытіемъ его мошенническихъ продѣлокъ *Vernouillet* мысль поднять свою опущенную голову, смѣло смотрѣть на общество, которое не многимъ разнится отъ него, кто даетъ опубликованному негодю совѣтъ: «Не смущайтесь, покупайте журналъ, бичуйте, клеветайте, бросайте грязью во всѣхъ, кто станетъ на вашей дорогѣ, и вы увидите, что общество будетъ у вашихъ ногъ?» Этотъ совѣтъ даетъ маркизь *d'Auberive*! Зачѣмъ? — Потому что злоба кипитъ въ его груди. На благодарность *Vernouillet* за совѣтъ, на увѣренія въ вѣчной преданности, маркизь съ пропіею отвѣчаетъ:—«Вы мнѣ ничѣмъ не обязаны. Ваше величіе будетъ моею наградою. Я люблю видѣть на верху честныхъ людей, какъ вы, которые обогатились своимъ трудомъ и своею способностью: это хорошій примѣръ; это честь нашего времени и утѣшеніе моеї старости!» Онъ все смѣшиваетъ въ одну кучу—и честныхъ людей и негодяевъ современнаго общества, онъ не хочетъ дѣлать различія, для него всѣ одинаковы, онъ разжигаетъ страсть къ мошенничествамъ и покровительствуетъ имъ, потому что онъ желаетъ гибели этого общества; но, бросая грязью во всѣхъ и давая совѣтъ негодю поступать также, онъ не предвидѣлъ, что его совѣтомъ воспользуются такъ хорошо, что и его собственное имя будетъ забрызгано.

Мы знаемъ теперь маркиза *d'Auberive*, представителя легитимистской партіи, ненавидящаго современное общество и мечтающаго о томъ времени, когда весь народъ, всѣ классы существовали только для аристократіи; мы знаемъ разбогатѣвшаго тѣсно также мошенническою продѣлкой *Charrier*, представителя орлеанизма, преклоняющагося передъ богатствомъ и успѣхомъ и только въ нихъ видящаго цивилизацію. Онъ

сдѣлался теперь честенъ, какъ Аристидъ, и отказывается подать руку новѣйшему мошеннику—*Vernouillet*, но только до тѣхъ поръ, пока онъ гнетъ свою шею; но лишь только *Vernouillet* покупаетъ журналъ, онъ въ свою очередь сгибаетъ передъ нимъ свою, и счастливъ, что можетъ называть его пріателемъ: *mon cher!* Онъ до такой степени теперь боится его и преклоняется передъ нимъ, что даетъ немедленно свое согласіе, и даже уговариваетъ свою дочь выйти замужъ за этого господина, котораго, нѣсколько дней назадъ, публично называлъ негодлемъ. Мы знаемъ, наконецъ, *Vernouillet*, этого героя эпохи, съ успѣхомъ послушавшаго совѣтовъ маркиза. Остается одинъ *Giboyer*, съ которымъ нужно еще познакомиться.

Еслибы третій актъ, и особенно двѣ прекрасныя сцены, которыя показываютъ, какого человѣка хотѣлъ вывести Ожбѣ, еслибы все это не было такъ длинно, мы бы рѣшились выписать его цѣликомъ. *Giboyer*—сынъ привратника, служившаго у маркиза, который отказалъ ему отъ мѣста за то, что этотъ привратникъ имѣлъ дерзость отдать своего сына въ школу. Мы встрѣчаемъ *Giboyer*, получившаго блистательное образованіе, въ редакціи журнала *Vernouillet*, уже готоваго, наученнаго жизнію, не имѣющаго ни убѣжденій, ни чести и съ восторгомъ принимающаго всѣ предложенія *Vernouillet*. За нѣсколько су онъ беретъ на себя отдѣлывать въ газетѣ кого угодно, сообщать ложныя извѣстія, которыя причиняли бы на биржѣ *baisse* или *hausse*, смотря потому, что нужно *Vernouillet*. Цинизмъ этой фигуры съ удивительнымъ умѣньемъ изображенъ въ нѣсколькихъ словахъ. Онъ понимаетъ отлично мошенника *Vernouillet* и съ досадою восклицаетъ: «Сказать, что я не могу пожитья вмѣстѣ съ тобою, за неимѣніемъ маленькаго капитала!» Съ какою завистью онъ долженъ смотрѣть на новаго редактора, который съ гордостью произноситъ: «Пресса — это удивительный инструментъ, котораго могущество никто не подозрѣваетъ. До сихъ поръ являлись только жалкіе журнальные скрипачи; сторонитесь! мѣсто Паганини!» По какому-то странному стеченію обстоятельствъ, *Giboyer*, готовый на всякія низости, не можетъ выполнить изъ своего пресмыкающагося положенія; и кого же онъ за это обвиняетъ? революцію, которая, по его мнѣнію, была только начата, но не додѣлана. *Giboyer* — революціонеръ, демократъ, социалистъ. Бичуя всѣхъ, Ожбѣ справедливо бичуетъ и тотъ классъ людей, которые пишутъ широкими буквами эти имена на своемъ знамени, для того, чтобы подъ прикрытіемъ этихъ словъ можно было совершать всевозможныя преступленія. Ожбѣ правъ: такой классъ, дѣйствительно, существуетъ во Франціи, и не трудно отыскать людей, которые, прикрываясь этимъ знаменемъ, доползаютъ, по шею въ грязь, до самыхъ высшихъ званій и почестей. Когда *Giboyer* жалуется, что онъ не могъ вылѣзть наверхъ, *Vernouillet* прерываетъ его, говоря, что онъ назоветъ двад-

цать человекъ, которые вышли, благодаря своимъ достоинствамъ, изъ народа.—«*Parbleu!* восклицаетъ *Giboyer*, я назову тебѣ пятьдесятъ!»—«Чтожь ты жалуешься тогда?»—«Я жалуясь, что могу назвать только пятьдесятъ; я жалуясь, что нужно особенное достоинство, чтобы пролѣзть; жалуясь, что это исключеніе, а не правило».—«Жалуйся тогда правительству, а не мнѣ».—«Правительство, отвѣчаетъ *Giboyer*, тутъ ни причемъ; это социальный, а не политическій вопросъ».—«А, а, прерываетъ его маркизь, господинъ *Giboyer* социалистъ?»—«Еще бы! до мозга костей! Скажите, господинъ маркизь, откровенно, развѣ то, что мы имѣемъ съ 89 года, можетъ назваться обществомъ?»—«Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, отвѣчаетъ маркизь». И затѣмъ начинается длинное объясненіе *Giboyer*, въ которомъ онъ высказываетъ требованіе, чтобы революція была докончена, чтобы капиталъ былъ свергнутъ, чтобы денежная аристократія была уничтожена, что свобода, равенство — это только работа разрушенія, что нужно выстроить новое общество, что нужно создать новую аристократію!—«На какомъ же принципѣ вы создадите ее въ демократическомъ государствѣ?» спрашиваетъ маркизь.—«На самомъ принципѣ демократіи, отвѣчаетъ *Giboyer*, на личномъ достоинствѣ... Съ тѣхъ поръ, что свѣтъ есть свѣтъ, все человѣчество клонится къ этому. Я берусь самъ доказать это, съ исторіею въ рукахъ, начиная съ древности, которая была боготвореніемъ силы, до XVIII вѣка, этого безсмертнаго похода разума, который приводитъ къ взрыву 89-го года, къ объявленію правъ человекъ и къ вѣнчанію генія». После того, онъ съ жаромъ доказываетъ, что настанетъ господство разума, такъ какъ это законъ свѣта, и маркизь, испуганный пророчествомъ *Giboyer* относительно всевозможныхъ будущихъ благъ, съ ироническою горечью произноситъ:—«Я надѣюсь умереть прежде, чѣмъ исполнятся всѣ эти прекрасныя вещи».—«Да въ чемъ же, перебиваетъ его *Giboyer*, господство разума можетъ вамъ мѣшать?»—«Въ чемъ? спрашиваетъ маркизь, да въ томъ, что оно узаконило бы наше пораженіе!» *Giboyer*, вида, что маркизь уходитъ, останавливаетъ его, говоря:—«Господинъ маркизь... въ концѣ концовъ, вы знаете, все это мнѣ рѣшительно все-равно!»

Какая глубокая иронія разлита во всемъ этомъ актѣ! какая злобная насмѣшка надъ этимъ представителемъ стараго порядка, какое истинное пренебреженіе къ этому буржуа-орлеанисту, сколько презрѣнія къ герою продажной прессы, сколько ѣдкаго отвращенія къ этой породѣ людей, которые швыряютъ въ васъ блестящими фразами о революціи, республикѣ, прогрессѣ, разумѣ, въ то самое время, когда они ведутъ торгъ и набиваютъ цѣну на свое перо, на свою совѣсть, на свою легкую добродѣтель и украденный красный, революціонный мундиръ. Если здѣсь не пощажены всѣ партіи, то точно также не пощажень и officialный, правительственный міръ. Двухъ строчекъ

было достаточно для талантливаго автора «*les Effrontés*», чтобы и его бросить въ ту же кучу, въ которой лежитъ и маркизь *d'Auberive*, и *Charrier*, и *Giboyer*, и самъ *Vernouillet*. Этотъ съ пренебреженіемъ читаетъ письмо министра, который точно также занскиваетъ въ грозномъ редакторѣ, какъ занскиваетъ какой-нибудь *Charrier*. — «Милостивый государь, пишетъ министръ къ *Vernouillet*, знаніе людей не оставило во мнѣ большого уваженія къ человѣчеству. Я тѣмъ болѣе счастливъ, когда встрѣчаю истинный характеръ. Вы представляете его, ваше письмо внушило мнѣ сильное желаніе познакомиться съ вами. Не сдѣлаете ли мнѣ честь пожаловать завтра обѣдать въ министерство». Этихъ строчекъ было достаточно, чтобы сказать, въ какого рода людяхъ правительство ищетъ себѣ опоры, съ кѣмъ вынуждено оно идти рука объ руку. Переводя мысль Ожбѣ, эти слова означаютъ: какова масса, каково большинство общества, таково и правительство!

Не знаемъ, сколько причинъ было у автора обозначить свою пьесу 1845 годомъ; но неужели въ 1861 г., когда написана была пьеса, общество представляло столько разлагавшихся элементовъ, неужели, среди этого сброда, не было никакой общественной группы, на которой глазъ современника могъ бы остановиться, если не съ полнымъ довольствомъ, полнымъ спокойствіемъ, то, по крайней мѣрѣ, съ надеждою. Нѣтъ, среди всей этой компаніи «наглецовъ», Ожбѣ останавливается или, вѣрнѣе, скользитъ и по молодому, будущему поколѣнію, которое представляется однимъ честнымъ журналистомъ, негодующимъ на порядокъ, допускающій продажность прессы, господство въ ней негодяевъ, да еще сыномъ *Charrier*, потребовавшемъ отъ своего отца, чтобы онъ отдалъ все свое состояніе на удовлетвореніе своихъ старыхъ, въ незапамятныя времена обманутыхъ, кредиторовъ. Но Ожбѣ не далъ рельефа этимъ представителямъ будущаго;—отчего?—оттого именно, что они представляютъ собою будущее, и онъ не знаетъ навѣрное, не можетъ ручаться, останутся ли они вѣрны своей молодости, или съ годами, съ опытностью перейдутъ также въ лагерь тѣхъ людей, которые представляются тѣми «наглецами». Если ко всѣмъ этимъ фигурамъ мы прибавимъ маркизу *d'Auberive*, разбѣжавшуюся съ мужемъ и находящуюся въ сношеніяхъ съ молодымъ журналистомъ *Sergine*, который тяготеетъ своею связью съ маркизою и жертвуетъ для ней своею любовью къ дочери *Charrier*, блѣднаго образа дѣвочки, любящей *Sergine*'а; если прибавимъ, что маркиза, гордая и вмѣстѣ великодушная, освобождаетъ своего любовника и не принимаетъ отъ него жертвы, давая ему, такимъ образомъ, возможность жениться на дочери *Charrier*, то читатель можетъ себѣ составить понятіе объ «*Effrontés*». Замѣтимъ только мимоходомъ, что завязка, сътъ всей любовной интриги, происходящей между маркизою, Сержиномъ и дочерью Шарье, можетъ быть и безъ вины Ожбѣ, слишкомъ много напоми-

наетъ собою, во всѣхъ даже подробностяхъ, одну изъ самыхъ удачныхъ пьесъ Скриба: «Une chaîne». Но еслибы даже Ожбэ и заимствовалъ любовную интригу «Effrontés» у Скриба, то и тогда это несколько бы не уменьшило достоинства его произведенія, потому что, главный, исключительный интересъ этой замѣчательной пьесы заключается совсѣмъ не въ отношеніяхъ маркизы и Сержена. Изъ того, что было сказано, не трудно видѣть, что весь интересъ принадлежитъ политикѣ, и только политикѣ. Задача, которою задался Ожбэ, была выставить это разношерстное современное общество, показать, какими гнилыми, мелкими, эгоистичными чувствами пропитаны здѣсь всѣ партіи; и они въ самомъ дѣлѣ превосходно рисуются, сгруппированныя съ большимъ талантомъ вокругъ главнаго основанія пьесы — купленнаго негодяемъ журнала. Злоба, отчаяніе, отвращеніе къ своему обществу, страхъ за его окончательное разложеніе, могли создать такое произведеніе, въ которомъ на каждомъ словѣ, въ каждой мысли слышится горькая и ѣдкая иронія; на каждомъ шагѣ раздается голосъ автора, который раздраженнымъ голосомъ говоритъ всѣмъ партіямъ: оставьте обманъ, онъ не нуженъ, мы знаемъ, что подъ громкими и большими словами, слишкомъ часто, къ несчастью, скрываются самыя низкія инстинкты!

Успѣхъ «*les Effrontés*» не позволилъ остановиться. Ожбэ на этомъ первомъ опытѣ политики въ дѣйствиіи, и послѣ двухъ лѣтъ, онъ ставитъ новую пьесу: «*le Fils de Giboyer*». Одно названіе уже показываетъ намъ, что мы встрѣтимся со старыми знакомыми, что сюжетъ взятъ авторомъ изъ той же сферы, какъ и сюжетъ «*les Effrontés*»; и въ самомъ дѣлѣ, съ самаго начала мы наталкиваемся на двухъ извѣстныхъ уже героевъ, именно на маркиза *d'Auberive* и на самого *Giboyer*. Эта пьеса подняла еще большій шумъ, нежели «*les Effrontés*»; публика, во всѣхъ дѣйствующихъ лицахъ, старалась отыскать живые портреты, клерикальная партія, противъ которой главнымъ образомъ написано было новое произведеніе, глѣла изъ кожи, чтобы остановить его и не допустить до сцены. Но приверженность къ католицизму въ выснихъ сферахъ не была тогда такъ сильна, какъ въ 1868 г., и пьеса была пропущена. Клерикальная партія готова была разорвать на части несчастнаго автора; публика называла имена Гизо, М-ше Свѣчной, какъ лицъ, выведенныхъ Ожбэ въ «*Fils de Giboyer*». Весь поднятый шумъ принудилъ автора написать небольшое предисловіе къ изданію своей пьесы, въ которомъ онъ говорилъ, что пьеса должна была называться «Клерикалы», еслибы это слово было допущено на афишѣ, но что касается до того, что, будто въ своей пьесѣ онъ сдѣлалъ портреты, вывелъ извѣстныхъ личности — все это клевета, и онъ горячо протестуетъ противъ такого обвиненія. Онъ сознавался, что только одну личность онъ дѣйствительно желалъ вывести, именно одного

извѣстнаго клеветы католической партіи, бросавшаго безнаказанно оскорбленіями направо и налево. Но, не смотря на весь шумъ, скорѣе повредившій пьесѣ, дѣлая ее какимъ-то политическимъ памфлетомъ, «*le Fils de Giboyer*» по достоинству стоитъ несравненно ниже «*les Effrontés*». Тутъ нѣтъ того скатаго и сильнаго интереса, который не позволяетъ въ «*Effrontés*» остановиться и перевести дыханіе, нѣтъ больше того мѣткаго удара, той рѣзкой, не разведенной водой, рѣчи, — нѣтъ, главное, той выдержанности, послѣдовательности всѣхъ дѣйствующихъ лицъ, которыми такъ отличается его предъидущая пьеса. Задача Ожье была—показать, какими интригами переполненъ католическій міръ, къ какимъ низкимъ средствамъ прибѣгаетъ онъ для своей защиты, чего онъ не дѣлаетъ, какія пружины не приводитъ въ дѣйствіе, какими правдами и неправдами добивается своего торжества. Ожье направилъ противъ него свою насмѣшку, свой бичъ, желая вызвать въ публикѣ, если не презрѣніе, то, по крайней мѣрѣ, пренебреженіе къ католическому стаду. Маркиза *d'Auberive* и баронессу Пфеферсъ онъ сдѣлалъ пастухомъ и пастушкой въ этомъ стадѣ. Въ ихъ лагерьѣ произошло страшное несчастіе—умеръ ихъ присяжный защитникъ, слава и опора католической прессы. Тревога и опасенія, что ему не найдетъ преемника, достигли уже высшихъ размѣровъ, когда маркизъ объявляетъ баронессѣ, что знаменитый журналистъ будетъ замѣщенъ съ честью.—«Да, говоритъ маркизъ, я отыскалъ такое неистовое, циничское, язвительное перо, которое заплевываетъ и забрызгиваетъ грязью все; я нашелъ такого малаго, который напшигуетъ эпиграммами своего родного отца за ничтожное вознагражденіе, а за пять франковъ, не больше—и совсѣмъ его проглотить». Читатель уже догадывается, кто обладаетъ этимъ неистовымъ перомъ, заплевывающимъ и забрызгивающимъ грязью? Это тотъ самый герой, который, послѣ долгой защиты революціи, громкихъ и жаркихъ фразъ о социализмѣ, прибавлялъ: «Вы знаете, маркизъ, въ концѣ-концовъ, все это мнѣ рѣшительно все-равно!» Да, это—*Giboyer* въ своей собственной персонѣ, только постарѣвшій на нѣсколько лѣтъ. И такъ, комплектъ полонъ: маркизъ, госпожа Пфеферсъ и *Giboyer*, вотъ главные и дѣйствительные герои пьесы,—все остальное стоитъ на второстепенномъ планѣ, прибавлено для оживленія политической интриги, политическаго дѣйствія и разговора этихъ трехъ главныхъ лицъ. Двухъ изъ нихъ мы уже знаемъ, остается одна госпожа Пфеферсъ, представляющаяся ревностной католичкой, ханжой, съ политическими стремленіями, клонящимися къ торжеству клерикальной партіи, но въ сущности желающая своимъ католическимъ усердіемъ приобрести себѣ славу, поймать какого-нибудь маркиза или виконта и владычествовать таковыи образомъ въ Сенъ Жерменскомъ предмѣстьи. Прошедшее ея покрыто мракомъ, и въ обществѣ только ходитъ слухъ, что, прежде, чѣмъ выйти

замужъ за барона, она была компаньонкой его матери, и если онъ женился на ней, то... и т. д. и т. д. Впрочемъ, намъ нечего трудиться опредѣлять характеръ героини «*Fils de Giboyer*», такъ какъ самъ Ожѣ позаботился объ этомъ, и вѣроятно сдѣлалъ это лучше, нежели могъ бы сдѣлать ктонибудь другой. Онъ влагаетъ опредѣленіе характера госпожи Пфеферсъ въ уста маркиза: «Простяки, говорить онъ, принимаютъ васъ за святую, скептики за женщину, которая донскивается власти; я же, Guy-François Condogier, маркизъ d'Auberive, я принимаю васъ просто-на-просто за тонкую *берлинку* (*Berlinoise*), стремящуюся воздвигнуть себѣ тронъ въ самомъ Сень-Жерменскомъ предмѣстьи. Вы господствуете уже надъ мужчинами, но женщины противятся вамъ; ваша репутація имъ не нравится, и не зная, за что удѣпиться, онѣ хватаются за этотъ скверный слухъ, о которомъ я сейчасъ говорилъ вамъ. Однимъ словомъ, вашъ флагъ недостаточенъ, и вы ищете большаго, который покрылъ бы васъ. *Парижъ стоитъ обьѣды*, говорилъ Генрихъ IV. Вы держитесь того же мнѣнія». Однимъ словомъ, интриганка, которая съ честью займетъ мѣсто рядомъ съ покупающимъ рѣчи маркизомъ и продающимъ ихъ *Giboyer*, госпожа Пфеферсъ одарена умомъ, тактомъ, умѣнемъ обманывать, завлекать, и во все время ея поведеніе представляется крайне выдержаннымъ и послѣдовательнымъ. Ея фигура выведена съ такою же силою въ «*Fils de Giboyer*», какъ фигуры маркиза и *Giboyer*, въ «*Effrontés*», и если она менѣе интересуетъ, то вѣроятно потому, что такія женщины, какъ она, являются гораздо рѣже, чѣмъ такіе люди, какъ *Vernouillet*. Что касается маркиза, то, постарѣвъ нѣсколькими годами, также какъ и *Giboyer*, онъ много потерялъ въ своей рѣзкости, въ своей нетерпимости, въ своемъ олимпійскомъ презрѣніи къ людямъ, которое такъ шло къ нему, и въ своей гордой рѣшимости не смѣшиваться со всею «*capaille*» современнаго общества. Раньше, его роль ограничивалась только насмѣшкою, желаніемъ, чтобы все поскорѣ рушилось,—теперь же онъ является главою клерикальной партіи, онъ что-то отстаиваетъ въ этомъ обществѣ, къ чему-то стремится, онъ борется теперь съ тѣмъ, что прежде только презиралъ, а разъ что начинаешь съ кѣмънибудь бороться, тотчасъ же остается развѣ мѣсто для ненависти, но никакъ для презрѣнія, которое больше шло къ нему, болѣе гармонировало съ его характеромъ. Роль тайнаго шефа партіи, клерикальнаго заговорщика, разъискивающего себѣ какое-нибудь неистовое продажное перо для собственной поддержки и защиты, союзъ съ сыномъ своего «*rot-tier*», такая роль должна бы ему быть противна и заставила бы вызвать къ самому себѣ то презрѣніе, на которое онъ былъ такъ щедръ къ людямъ. Рѣшительно, перейдя къ «*Fils de Giboyer*» маркизъ потерялъ свою выдержанность характера, свою цѣльность, безъ которой его личность не имѣетъ болѣе ни силы, ни интереса маркиза d'Aube-

give, принадлежащаго «Effrontés». Если личность маркиза, дѣйствующаго въ «Fils de Giboyer» сдѣлалась болѣе блѣдною, менѣе рельефною, то что же сказать о *Giboyer*, у котораго неизвѣстно откуда явилась и честность, и благородство и истинная любовь ко всему тому, про что онъ съ цинизмомъ говорилъ: «мнѣ это рѣшительно все равно!» Поразительная непослѣдовательность *Giboyer* проявляется въ отношеніи къ его сыну. Да, у *Giboyer* есть незаконный сынъ, служащій секретаремъ у одного глупаго буржуа, по фамилии Марешаль, про котораго маркизь говоритъ: «Г. Марешаль не человѣкъ, это крупная буржуазія, которая присоединяется къ намъ. Я люблю эту честную буржуазію, которая стала ненавидѣть революцію съ тѣхъ поръ, что она ничего больше не можетъ отъ нея выиграть, и которая желаетъ остановить приливъ, который ее пригналъ, и возсоздать маленькую феодальную Францію въ свою собственную пользу... да здравствуетъ господинъ Марешаль и всѣ ему подобныя буржуа божественнаго права! Почтемъ этихъ драгоцѣнныхъ союзниковъ почестями и славою до той минуты, пока наше торжество не отброситъ ихъ на свое мѣсто!» Фигура Марешала черезъ-чуръ утрирована, онъ слишкомъ приближается къ типу чванливаго идиота, чтобы клерикальная партія съ успѣхомъ могла бы употребить его въ дѣло. Она желаетъ, чтобы въ законодательномъ корпусѣ была произнесена сильная рѣчь въ защиту католицизма, и выборъ главы партіи падаетъ на Марешала. Разумѣется, не Марешаль можетъ сочинить эту рѣчь, ее сочиняетъ *Giboyer*, который продается клерикаламъ за 12 тысячъ франковъ въ годъ. У этого то Марешала служить секретаремъ *Maximilien Gerard*, сынъ *Giboyer*. Что *Giboyer* можетъ любить своего сына, мы это охотно допускаемъ; любовь отца, матери—слишкомъ врожденное человѣку чувство, чтобы на него не были способны даже самые крупные мошенники; но вотъ чему мы отказываемся вѣрить, съ чѣмъ не согласится никакая логика, чтобы этотъ самый *Giboyer*, который не только всегда топталъ, но продолжаетъ топтать въ грязь всѣ принципы, всѣ убѣжденія, чтобы человѣкъ, не имѣющій для себя ничего святого, не подкупнаго, не продажнаго, для котораго честность, благородство—пустыя и глупыя слова, чтобы этотъ человѣкъ, торгующій собою въ стократъ, въ милліоны разъ хуже, чѣмъ самая развращенная публичная женщина, чтобы онъ могъ до такой степени дрожать не надъ счастіемъ своего сына, что мы еще поняли бы, но надъ его принципами, политическими мнѣніями, которыя самъ онъ старается лично раздавить за ничтожную плату. Если мы миримся съ любовью Лукреціи Борджіи къ своему сыну, Трибуле къ своей дочери, то потому, что мы встрѣчаемъ здѣсь дѣйствительно сильныя исключительныя натуры, возвышенныя въ своихъ страстяхъ, въ своихъ преступленіяхъ, и то они желаютъ только одного: сохраненія жизни и счастья ихъ дѣтей; но здѣсь, мириться съ двой-

ственностью, съ этою честностію, идущою рука объ руку съ подлостью мелкаго продажнаго писаки, который по натурѣ своей не допускаетъ ничего возвышеннаго, было бы непростительнымъ нарушеніемъ простого человѣческаго смысла. Какъ! *Giboyer*, который готовъ былъ бы пустить себя пулю въ лобъ въ ту самую минуту, когда, какимъ нибудь чудомъ, на него сошло бы откровеніе честности, до такой степени онъ показался бы себѣ гадою и отвратителемъ, этотъ *Giboyer* восклицаетъ: «Моя бы жизнь еще разъ разбилась!» оттого только, что его честный сынъ объявляетъ свою склонность къ легитимизму, — да гдѣ же тутъ правда? Можно бы еще допустить, что *Giboyer*, тотъ, котораго мы встрѣтили въ «*les Effrontés*» подъ конецъ своей жизни измѣнился, почувствовалъ къ своему прошлому презрѣніе, ненависть, что въ сынѣ онъ хотѣлъ видѣть свое оправданіе, что въ книгѣ, которую онъ написалъ для защиты революціи и демократіи, онъ хотѣлъ оставить свою исповѣдь, свое раскаяніе и очищеніе передъ обществомъ, — все это еще могло бы быть объяснено, безъ особеннаго ущерба для цѣльности его характера; но писать такую книгу и рядомъ съ нею продавать опровергающія ее рѣчи, это рѣшительно невозможно. Одинаково непоследователенъ и его сынъ, человекъ съ убѣжденіями, демократъ, который, какъ флюгеръ, вертится то въ одну сторону, то въ другую. Онъ прочелъ эту знаменитую рѣчь, написанную его отцемъ для защиты клерикальной партіи, которую самъ авторъ называетъ «сборомъ софизмовъ и старыхъ напыщенныхъ фразъ», — рѣчь, которая, скажемъ мимоходомъ, является въ «*Fils de Giboyer*» такимъ же краеугольнымъ камнемъ и центромъ, вокругъ котораго вращается все дѣйствіе, какъ журналъ въ «*les Effrontés*», — и этой рѣчи ему достаточно, чтобы перейти на сторону легитимистовъ; потомъ *Giboyer* даетъ ему свою знаменитую книгу, и онъ опять дѣлается пламеннымъ демократомъ. Такихъ людей нельзя выставлять, какъ серьезные характеры. И тутъ точно также, какъ и въ предыдущей пьесѣ, мы оставимъ въ сторонѣ любовную интригу между дочерью Марешала и сыномъ *Giboyer*, интригу, кончающуюся ихъ свадьбой, потому что она ничего не убавляетъ, ни прибавляетъ собою къ достоинству пьесы, которая, подобно «*les Effrontés*», построена на политическомъ интересѣ. Изъ того, что было сказано о характерахъ и положеніи «*Fils de Giboyer*», читатель видитъ, на сколько эта пьеса стоитъ ниже перваго политическаго произведенія. Но, не смотря на то, что она не имѣетъ всѣхъ тѣхъ достоинствъ, которыя дѣлаютъ изъ «*Effrontés*» замѣчательное произведеніе, не смотря на ея относительную слабость какъ комедіи, на большую или меньшую неудачу всѣхъ новыхъ дѣйствующихъ лицъ, за исключеніемъ *M-me Пфеферсъ*, «*le Fils de Giboyer*» остается крайне интереснымъ произведеніемъ какъ тонкая сатира на одну изъ самыхъ могущественныхъ политическихъ партій во Франціи, именно клерикальную, а для насъ оно имѣетъ

того духа, которымъ пропитанъ весь театръ Эммы Ожбэ.

Оставимъ теперь политяку и обратимся къ социальной сатирѣ Ожбэ; тутъ точно также можно было бы выбрать нѣсколько произведеній, но мы возьмемъ одно, именно послѣднюю его пьесу: «*la Contagion*».

Кто же является главнымъ героемъ его пьесы? Баронъ *Raoul d'Estrigaud*, новый типъ, созданный второю имперіею, царь современнаго общества, стоитъ на первомъ планѣ, и какъ магнитъ притягиваетъ къ себѣ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ. Человѣкъ, принадлежащій къ аристократическому міру, находящійся въ близкихъ, пріятельскихъ отношеніяхъ съ официальной сферою, левъ свѣтскаго общества, диктующій законы моды и вкуса, подчиняющій себѣ всѣхъ, кто только ни подойдетъ къ нему, очаровывая своимъ острымъ и привлекательнымъ умомъ и самыми элегантными манерами, и вмѣстѣ со всѣмъ этимъ самый ловкій мошенникъ, ведущій на биржѣ большую игру, приобретающая варанѣ свѣдѣнія, которыя должны причинить *baisse* или *hausse*, обманывающій простаковъ, затягивающій въ свои сѣти и компрометирующій для своей цѣли женщинъ, человѣкъ, рѣшающійся наконецъ жениться за большія деньги на публичной женщинѣ, не отказывающійся ни отъ какихъ средствъ для выполненія своихъ плановъ, и нарочно вызывающій на дуэль человѣка, чтобы искуснымъ ударомъ отдѣлаться отъ него, разъ что этотъ человѣкъ стоитъ на его дорогѣ и своею жизнію мѣшаетъ его жизни. Таковъ баронъ *d'Estrigaud*, современный герой, выведенный авторомъ «*Contagion*». Если таковъ герой, то посмотримъ, какова героиня? Что касается до нея, то она не только ни въ чемъ не уступаетъ элегантному барону, но даже въ концѣ концовъ даетъ ему однимъ ударомъ и шахъ и матъ! *Navarette* — имя этой публичной женщины, служащей барону официальной любовницею, ширмою, какъ онъ говоритъ, прикрывающею его свѣтскія интриги; но въ сущности она ему гораздо болѣе служить, доставляя черезъ другого своего любовника, находящагося при ней, разумѣется съ согласія, если не по наущенію самого д'Эстриго, всѣ тѣ свѣдѣнія, безъ которыхъ ни баронъ, ни она сама не могли бы такъ быстро богачѣть. *Navarette*, самая модная женщина въ Парижѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, автриса какого-то театра, дающаго на своей сценѣ вѣроятно только одно представленіе — обнаженные женскія тѣла. Коса, какъ говорятъ, нашла на камень въ ту минуту, когда д'Эстриго протянулъ руку *Navarette*, которая съ ловкостью ведетъ ихъ общія дѣла къ тому, чтобы въ концѣ концовъ баронъ разорился, благодаря фальшивому вафотію, доставленному ему для игры на биржѣ, и не имѣя другого спасенія рѣшился дать ей свое имя взаменъ тѣхъ денегъ, которыя она бережетъ для дѣла. Читатель видитъ, что единъ стбитъ другого, героиня не уступаетъ герою. Въ этихъ двухъ лич-

ностяхъ скрывается та «зараза» которую онъ разносятъ по всему обществу, представляемому въ пьесѣ маркизою *Galéotti*; послѣдняя стремится изъ всѣхъ силъ не отставать отъ моды, и съ безконечнымъ уваженіемъ смотритъ на ея представителя д'Эстриго. Ее неотразимо притягиваетъ къ себѣ міръ продажныхъ женщинъ, потому что она видитъ, какую роль онѣ стали играть въ современномъ обществѣ и на сколько оттиснули онѣ порядочныхъ женщинъ или перемѣшались съ ними. Ея самолюбіе задѣто: на нее меньше обращаютъ вниманія чѣмъ прежде; ея любопытство затронуто, она желаетъ узнать, что же есть въ этихъ женщинахъ, если онѣ такъ привлекаютъ къ себѣ; ей завидно, и она рѣшается помѣриться своими силами съ ними. Это чувство и заставило маркизу Галеоти пригласить къ себѣ *Navarette*, чтобы взять у нея нѣсколько уроковъ «драматическаго искусства». Какъ маркиза Галеоти, молодая вдова, тянется за *Navarette*, точно также и ея братъ только живетъ и дышетъ, что своимъ идеаломъ, барономъ *d'Estrigaud*. Онъ молится на него какъ на языческаго бога, каждое слово барона служитъ для него закономъ. Но онъ еще слишкомъ молодъ, чтобы понять весь смыслъ, все значеніе д'Эстриго, и молодость его, помимо его воли, борется противъ «заразы». Но юноша, почти ребенокъ, какая это для нея добыча! «Зараза» не довольствуется тѣмъ и идетъ все дальше, дальше и еще дальше. Изъ Парижа она пробирается въ провинцію, и мы видимъ—Ожбѣ показалъ намъ—какъ честная, прямая натура, не знакомая ни съ ложью, ни съ порокомъ, попадая въ эту среду, ослѣпляется всею роскошью, мишурою, прикрытою фальшивымъ золотомъ, испорченностію, и пьянѣетъ отъ столбомъ поднимающихся испареній новаго для него разврата. Вся прошлая жизнь честнаго провинціала Лагарда, всѣ его выработанныя убѣжденія, всѣ мечтанія о славѣ, все это блекнетъ, вянетъ въ атмосферѣ д'Эстриго и *Navarette*, все его будущее ускользаетъ изъ подъ его ногъ, какъ плата за одинъ часъ упоенія этимъ одуряющимъ ароматомъ. Мы сейчасъ, кажется, сдѣлаемся свидѣтелями его паденія, подъ ловко направленными ударами двухъ героевъ, но, къ счастью для Лагарда «Заразы», является спасающее его обстоятельство. Въ жизни, если бы оно и явилось, то вѣроятно часомъ позже.

Отдавая всю справедливость таланту Ожбѣ, его силъ въ борьбѣ съ общественными пороками, мы тѣмъ не менѣе должны признать во всѣхъ его созданіяхъ ту легкость въ построеніи образовъ, которая не вынесетъ продолжительной пробы времени: уйдетъ время и унесетъ съ собою всѣ эти образы. Къ славѣ Ожбѣ можно развѣ отнести то, что талантъ этого драматурга могъ содѣйствовать улучшенію общественныхъ нравовъ, но тѣмъ самымъ онъ безкорыстно содѣйствовалъ бы и къ упраздненію значенія своихъ трудовъ—если только нравственное улучшеніе общества можетъ достигаться подобнымъ путемъ.

В. О.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ

М А Р Т Ъ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Описание Кіева. Сочиненіе *Николая Закревскаго*.

Вновь обработанное и значительно умноженное изданіе съ приложеніемъ рисунковъ и чертежей. Напечатано издвненіемъ Московскаго Археологическаго Общества. Два тома, съ отдѣльнымъ атласомъ въ 13 листовъ. М. 1868. Стр. 956. Ц. 7 р.

Въ разнообразнымъ вопросамъ въ современной жизни, стоящимъ впереди для будущей русской исторіи, принадлежитъ вопросъ, возникающій самъ собою изъ сѣвоаній на сѣверное положеніе нашей Петровской столицы, вызванной изъ ничтожества могучею волею преобразователя, и для важныхъ цѣлей, но достигнутыхъ уже давно! Поклонники «старой Москвы»¹⁾ и недоброжелатели (большую частью съ выпускнымъ недоброжелательствомъ) реформъ Петровскихъ, конечно, скажутъ при этомъ, что и самое перенесеніе столицы на берега Невы было дѣломъ насильственнымъ, не вызваннымъ въ свое время потребностію и народными стремленіями—подвигомъ властелинскаго своеправія; что Петербургъ вовсе былъ не нуженъ для Руси, и потому легко можетъ

опять возникнуть мысль о перемѣнѣ мѣста для столицы. Мы такъ не думаемъ. Мы признаемъ за Петербургомъ историческую необходимость и громадныя услуги отечеству, но полагаемъ, что политическое время его исполнилось, и прежнее значеніе проходитъ, какъ проходитъ и все въ мірѣ семь. Русская исторія представляла уже намъ одинъ за другимъ нѣсколько центровъ государственнаго единенія, возникшихъ вслѣдствіе обстоятельствъ: Кіевъ, Владиміръ, Москва, смѣняють другъ друга съ новыми поворотами исторической жизни. Петербургъ вполне естественно замѣнилъ Москву, когда послѣдняя совершила свое назначеніе и наступила потребность условій, которымъ Москва не могла удовлетворить. Каждому центру приходилось на долю свое. Кіевъ принялъ христіанство и выработалъ до извѣстной степени задатки христіанской цивилизаціи на Руси. Владиміръ далъ пріютъ русской жизни на востоцѣ, когда ее вытѣснили съ юго-запада, и подъ этимъ первенствомъ укрывалось великое дѣло ослабленія русскихъ инородцевъ. Москва собрала Русь въ единую монархію; Петербургъ создалъ европейское государство. Каждый изъ этихъ центровъ въ своей главной задачѣ былъ подготовленъ своими предшественниками и во всемъ другомъ продолжалъ начатое своими предшественниками, а наконецъ,

¹⁾ Дѣло идетъ не о современномъ городѣ, но объ извѣстномъ и уже отжившемъ историческомъ порядкѣ вещей.

наступала пора новыхъ потребностей, которыхъ нельзя было удовлетворить вполне старому центру, и онъ долженъ былъ передавать свое первенство другому. Москва должна была уступить мѣсто новому, послѣ себя центру, Петербургу, именно потому, что она была далека отъ западной Европы, и заключала въ себѣ слишкомъ много застарѣлаго, противодѣйствовавшаго обновленію Руси. Этими условіями, дававшими Петербургу право на господство, теперь уже нѣтъ. Петербургъ не единственный пунктъ на русскихъ берегахъ, и главное — не единственный удобный проводникъ связи Руси съ западною Европою. Изъ той же Москвы, которая казалась нѣкогда за тридевять земель отъ Европы, при существованіи прямой линіи желѣзныхъ дорогъ, также легко и скоро можно достигнуть всѣхъ странъ западной Европы, какъ и изъ Петербурга. Столица Петра Великаго теряетъ свое значеніе «окна» въ Европу, когда въ ту же Европу отовсюду отсрываются настези ворота. Петербургъ въ настоящее время не можетъ болѣе внушать Россіи потребность европейской цивилизаціи; противъ нея нѣтъ уже борьбы, и во всякомъ другомъ мѣстѣ, какъ и въ Петербургѣ, понимаютъ ея необходимость. Между тѣмъ, не имѣя особенныхъ достоинствъ, которыя бы усвоивали за Петербургомъ права на столицу, онъ имѣетъ много неудобствъ, которыя побуждаютъ желать, чтобъ его мѣсто заняла другой центръ.

Первое неудобство Петербурга, какъ столицы, — его климатъ. Едва ли объ этомъ можетъ быть даже споръ. Едва ли найдутся люди, способные восхищаться петербургскимъ небомъ. Оно не даетъ условій, выгодныхъ для здоровья и усиленныхъ трудовъ человѣка, какія только и могутъ встрѣчаться въ столицѣ. Народонаселеніе нашей столицы большею частію болѣзненно; тифы, гриппы, ревматизмы, геморрой, всякаго рода недуги сокращаютъ и убиваютъ жизнь на каждомъ шагѣ; пріѣзжіе въ столицу очень часто не переносятъ убійственныхъ для нихъ воздушныхъ перемѣнъ, и если не успѣваютъ убѣжать заранѣе, то отправляются преждевременно въ могилу. Суровая природа позволяетъ жить съ нею не болѣе какъ нибудь трехъ мѣсяцевъ, да и то, когда искусственность дополняетъ ея недостатки. Большую часть года житель Петербурга осужденъ прозябать въ комнатной атмосферѣ, иногда очень душмявой

для бѣднаго класса. Край, прилежащій столицѣ, бѣденъ до крайности естественными дарами; многое необходимое столица должна получать изъ отдаленныхъ провинцій или изъ-за границы. Эта скудость природы по сосѣдству поддерживаетъ дороговизну, которая, падая на трудящійся классъ, увеличиваетъ и безъ того неизбѣжныя для него тягости. Но невыгодныя условія края, вредно дѣйствуя на матеріальную сторону человѣка, отражаются также и на его духовномъ бытіи. Вліяніе окружающей природы на духовное развитіе человѣка не подлежитъ сомнѣнію. Оно всегда преуспѣвало тамъ, гдѣ природа сама возбуждала въ человѣкѣ умственную дѣятельность; оно останавливалось тамъ, гдѣ природа ему мѣшала. Мысль, наука, поэзія, искусство нуждаются, между прочимъ, въ солнечномъ свѣтѣ, благоарастворенномъ воздухѣ, точно такъ, какъ и тѣло человѣка. Горы, вода, зелень, цвѣты воспитываютъ и поддерживаютъ живость чувствъ, быстроту ума, крѣпость нравственной воли. Конечно, человѣкъ, съ окрѣпшею цивилизаціею, несравненно болѣе можетъ противостоять вліянію природы, если она неблагоприятна, чѣмъ человѣкъ съ развивающимся образованіемъ, — но время все-таки беретъ свое. Толпы петербургскихъ жителей, уезжающихъ каждый годъ за границу въ западную Европу, хоть на два или на три мѣсяца, чтобъ освѣжиться, какъ говорятъ они, и въ такое время уносящіе съ собою значительную часть русскихъ экономическихъ силъ и тѣмъ самымъ, противъ собственной воли, способствующіе обдѣянію своего края, явленіе вполне человѣчески-законное при условіяхъ петербургскаго климата и всей вообще петербургской природы, и кто знаетъ, какъ бы заглохло, завяло это населеніе, еслибы перестало хотя по временамъ дышать инымъ воздухомъ. Что ни говорите — во всякомъ государствѣ — столица значить многое; на нее тратятся силы всего организма, чтобы сосредоточить въ ней все лучшее; и какіхъ усилій въ этомъ отношеніи, стоитъ Россіи Петербургъ?! Столица всегда будетъ средоточіемъ умственнаго труда, главною мастерскою современнаго движенія жизни, передовымъ вожакомъ всей страны. Чего же стоило придать такое значеніе Петербургу съ его природою? Петербургъ выбралъ для себя уголокъ самый отдаленный отъ лучшихъ и плодороднѣйшихъ

русскихъ областей. Всякая столица имѣть то природное ей по существу свойство, что она возбуждаетъ силы человѣка и природы къ дѣятельности, наиболѣе въ томъ краю, который къ ней ближе по мѣстности. Близость столицы во всякомъ государствѣ сказывается наиболѣе возбужденнымъ обращеніемъ промышленной, торговой и духовной жизни народа. Какого же ближайшаго края силы возбуждаетъ Петербургъ наиболѣе? Самого скуднаго, самаго неблагоприятнаго, самаго непродуцирующаго. И это тогда, когда вдали отъ него простраиваются огромныя полосы южнаго края Россіи, чрезвычайно благодарнаго, плодороднаго, благословеннаго разнообразными дарами природы. Зачѣмъ же не быть столицѣ въ томъ краю? Зачѣмъ самой ей не пользоваться тѣми выгодами, какихъ она желала, находясь на суровомъ балтійскомъ побережьѣ, зачѣмъ не возбуждать ей силы такого края, который во сто разъ, при меньшихъ усиліяхъ, можетъ произвести богатствъ, чѣмъ тотъ, который окружаетъ теперь столицу россійской имперіи или прилегаетъ къ ней? Если бы наше отечество ограничивалось сѣвѣрною его частію, Петербургъ могъ бы еще быть столицей; условія его природы, пожалуй, не хуже тѣхъ, какія представляютъ губерніи: Олонецкая, Новгородская, даже Псковская; но когда сѣверъ Россіи составляетъ самую худшую часть ея по природнымъ условіямъ, зачѣмъ столица не одного сѣвера, но всей Россіи, находится въ тундрахъ и болотахъ. Зачѣмъ не поставить ее въ лучшихъ краяхъ обширнаго отечества. Очень естественно для первенствующаго города Россіи выбрать себѣ самое лучшее мѣсто, такъ точно, какъ естественно хозяину-домовладѣльцу изъ квартиръ, находящихся у него въ домѣ, для своего жилья выбрать самую для себя подходящую.

Не будетъ неумѣстнымъ, если мы замѣтимъ еще одно обстоятельство. Въ послѣднее время мы стали сильно хлопотать о своей народности; намъ не хочется болѣе повторять европейскіе зады, мы увидали много тупоумія въ своей вѣковой подражательности западу; намъ хочется сдѣлаться духовно независимыми, самобытными, мы стыдимся того разрыва, который утвердился между стихіями образованнаго класса и народной громады; мы хотимъ объединиться, хотимъ имѣть свою фязіономію

въ семьѣ человѣчества! Мы сознаемъ всѣ потребности этого поворота нашей исторической жизни, мы всѣ чувствуемъ, что дожили до рубежа между однимъ періодомъ нашей исторіи, который мы оканчиваемъ, и другимъ, который предстоитъ открыть и начать нашему поколѣнію. Выбѣтъ съ этимъ, подобно тому, что совершалось съ нами прежде въ такихъ же переходныхъ положеніяхъ — является нужда перенести столицу изъ Петербурга...

Вотъ, полагаемъ, мысли, которыя невольно рождаются въ головѣ каждого при чтеніи только что вышедшаго «Описанія Кіева» — этого древнѣйшаго нашего первоначальнаго града, этой «матери городовъ русскихъ».

Представьте себѣ Кіевъ, на первый разъ, лѣтнею резиденціею, и не будетъ никакой надобности прибѣгать къ какому нибудь крутому экономическому перевороту, который былъ бы неизбеженъ, еслибъ захотѣли не рѣшить, а расзѣчь вопросъ. Между тѣмъ, передвиженіе нашего политическаго центра и государственнаго къ такому мѣсту, какъ Кіевъ, могло бы весьма благотѣльно поддѣйствовать на многіе вопросы, возникшіе въ послѣднее время на нашихъ западныхъ окраинахъ. Насъ спросятъ, какую же участь мы приготовляемъ Петербургу? — Петербургъ никогда не потеряетъ экономическаго и военнаго значенія; первое можно усилить, наприм., посредствомъ открытія рото-пансо, а увеличивать послѣднее не представляетъ никакихъ затрудненій. Наконецъ, во все переходное время Петербургъ можетъ оставаться зимнею столицею, когда этотъ городъ представляетъ несравненно лучшія условія жизни, нежели весною и осенью: не говоримъ о нашемъ лѣтѣ, потому что у насъ лѣто иногда состоитъ изъ нѣсколькихъ дней, отдѣляющихъ тонкою чертою весеннюю грязь отъ осенней.

Въ новомъ и распространенномъ изданіи описанія г. Кіева, за которое мы обязаны благодарить столь полезную дѣятельность Московскаго Археологическаго Общества, читатель найдетъ и лѣтописное изображеніе древней судьбы этого города, и современное его состояніе, и наконецъ, превосходно выполненныя чертежи, планы и рисунки.

Авторъ дѣлитъ исторію этого города на четыре періода: 1) отъ древнихъ временъ до христіанства; 2) отъ принятія христіанства до вѣдѣнія Батыя; 3) отъ Батыя до возвращенія

Кіева подь російскую державу; и 4) оть послѣдняго событія до нашего времени. Время оть опустошенія Кіева Батнемъ до возвращенія Кіева Россіи онъ соединилъ въ одинъ періодъ, тогда какъ здѣсь на самомъ дѣлѣ два: одинъ—до присоединенія Кіева къ литовской державѣ, другой—подь властью Москвы, а потомъ Польши; даже строго обозначая, можно бы раздѣлить это протяженіе времени и на три отдѣла, обозначивъ третьимъ—время оть 1569 года, или оть присоединенія Кіева собственно къ польской коронѣ. Изложене удѣльно-вѣчевого періода, когда Кіевъ игралъ такую важную роль не только специально въ русской, но и во всеобщей исторіи, изложено авторомъ блѣдно и слабо. Авторъ не идетъ въ своихъ взглядахъ глубже Караманна; не даетъ понятія о томъ, чѣмъ, по его мнѣнію, былъ удѣльно-вѣчевой періодъ, среди котораго процвѣталъ Кіевъ; не изслѣдуетъ, въ какой степени проникла въ Кіевъ цивилизація, заимствованная изъ Греціи, въ какой степени должно было отразиться на немъ вліяніе Востока чрезъ хазаръ; какія условія были въ туземномъ населеніи къ воспріятію образованности; чтó этому мѣшало; какія общественныя понятія развивались и укрѣплялись въ киевскомъ народѣ; какое нравственное вліяніе имѣлъ онъ на прочую Русь; наконецъ, изъ описаній его нельзя представить съ полною ясностію, какъ великъ, какъ многолюденъ, какъ обстроенъ, какъ и чѣмъ богатъ былъ древній Кіевъ? Авторъ повторяетъ всѣмъ извѣстныя вѣдшіе факты, находящіеся во всякой исторической книгѣ о Россіи, и меньше всего говоритъ то, чего мы вправѣ оть него требовать собственно о городѣ Кіевѣ и о его жизни и бытѣ. Конечно, для этого недостаточно глядѣть въ однѣ лѣтописи; принявши на себя специальную исторію Кіева, необходимо уяснить себѣ, чтó значилъ въ тѣ времена, вообще, городъ гдѣ бы то ни было. Кіевъ можно понять только путемъ сравненія. Чтобы ясно себѣ представить: чтó это было за возрожденіе въ Кіевѣ въ XI и XII вѣкахъ, когда зачатки цивилизаціи стали процвѣтать—нужно начинать съ Византіи и разсмотрѣть, чтó она въ состояніи была передать намъ. Этнхъ вопросовъ необходимо было коснуться тому, кто хотѣлъ писать исторію Кіева. Если авторъ нашелъ нужнымъ говорить о лѣтописи, то слѣдовало бы уже говорить и вообще о ли-

тературѣ, возникшей въ Кіевѣ. Излагая періодъ литовскаго владѣнія, авторъ приводитъ много отрывковъ изъ современныхъ актовъ и другихъ источниковъ, заимствуя ихъ изъ разныхъ печатныхъ сборниковъ, насколько они указываютъ на видъ и состояніе города, на нравы и отношенія жителей, на борьбу православія съ латинствомъ. Авторъ только приводитъ кучу извѣстій, но не созидаетъ на основаніи ихъ стройнаго образа жизни, не объясняетъ, не связываетъ и не осмысливаетъ ихъ; не видно у него движенія жизни, нѣтъ сравненія съ предшествовавшимъ бытомъ, не собраны послѣдствія, отразившіяся на жизни грядущихъ временъ. Приводя разныя мѣста изъ законодательства и постановленій, онъ не указываетъ, каково было ихъ приложеніе. Авторъ даже, какъ явствуетъ, не всегда понимаетъ смыслъ актовъ, изъ которыхъ приводитъ мѣста. Такъ, возьмемъ на выдержку страницу 36. Авторъ затрудняется въ словѣ *новина*, когда это обыкновенное чисто русское слово значить: нововведеніе, новшество. Въ той обстановкѣ, въ какой оно употреблено въ приведенномъ имъ актѣ, легко даже по одному смыслу рѣчи догадаться. Говоря объ оскорбленіяхъ православію, чинимыхъ римскими католиками, авторъ говоритъ, что они одинаково продолжались оть флорентійскаго собора до присоединенія Кіева къ Россіи, въ теченіи 290 лѣтъ, тогда какъ, напротивъ, исторія показываетъ, что въ теченіи этого періода отношенія католиковъ къ православію подвергались большимъ измѣненіямъ, и никакъ нельзя думать, чтобы все было одинаково. Попытки введенія латинства при Казимірѣ Ягеллоновичѣ въ XV вѣкѣ были временны, а потомъ, православные пользовались опять спокойствіемъ со стороны великихъ князей и королей, и вообще гнетъ латинства не чувствовался при Сигизмундѣ I и Сигизмундѣ-Августѣ. Онъ усилился и дошелъ до невыносимыхъ размѣровъ только въ XVII вѣкѣ, послѣ церковной уніи.—О такомъ важномъ предметѣ, какъ магдебургское право, говорится на страницѣ, тогда какъ если о чемъ, то объ этомъ болѣе всего мы въ правѣ были ожидать яснаго и подробнаго образа и здравыхъ разсужденій, тѣмъ болѣе что въ русской литературѣ почти ничего не было специально и дѣльно писано о томъ, какъ принималось западно-русскими городами это право, въ чемъ оно

расходилось и сходилось съ прежними обычаями, и какое вліяніе оказывало на жизнь, дѣятельность и благосостояніе городовъ.— Четвертый періодъ изложенъ занимательнѣе, въ особенности любопытнѣе замѣствованный цѣлкомъ изъ нѣмецкаго сочиненія доктора Лерхе рассказъ о моровой язвѣ въ 1770 г., а также о пребываніи въ Кіевѣ императрицы Екатерины II изъ книги, переведенной въ 1799 г. съ англійскаго языка. За исторіей слѣдуетъ въ «Описаніи» статистика города Кіева, съ любопытными данными, а потомъ, самая «суть» книги: *Частное описаніе древностей и достопамятностей города Кіева, расположенное по азбучному порядку.* Въ этомъ археологическомъ лексиконѣ не господствуетъ, однако, точность и порядокъ, главное условіе подобныхъ трудовъ. Такимъ образомъ, читатель, которому окажется нужнымъ узнать что-нибудь о предметахъ, относящихся къ Кіеву, напрасно будетъ искать ихъ подъ соответствующими буквами. Вотъ напр., Боричевъ взвозъ, Ручай Кожемяки, Хоревица, Угорское и многое, очень многое! Объ иномъ говорится вскользь, безъ изслѣдованія, безъ отвѣтовъ на необходимо возникающіе вопросы. Авторъ много разъ безпрестанно приводитъ разныя чужія мнѣнія и показываетъ ихъ несостоятельность, но чаще всего этимъ онъ нисколько не облегчаетъ изслѣдованія и не уясняетъ вопросовъ, а только загромождаетъ изложеніе лишнимъ грузомъ и напрасно отягощаетъ читателей, ищущаго доводовъ и результатовъ, но принужденнаго перебирать старый хламъ. Отъ многихъ опровергаемыхъ имъ мнѣній ни тепло ни холодно, и дѣло не подвигается ни на волосъ; гдѣ было темно, тамъ и остается темно; подобную полемику по всякому поволю рухляду можно было софистить въ особомъ отдѣлѣ примѣчаній, а никакъ не въ прямомъ текстѣ. Между тѣмъ, при всемъ своемъ критицизмѣ, авторъ допускаетъ себѣ пускаться въ черезъ-чуръ невыдерживающія критики предположенія, какъ напр., на стр. 331, по поводу *посыпной бесѣды* и мѣстоположенія церкви св. Ильи. Съ другой стороны, не можемъ отказать автору въ нѣкоторыхъ, по нашему мнѣнію, здравыхъ сужденійхъ и удачныхъ опредѣленійхъ мѣстностей. Такъ, между прочимъ, доводы автора убѣждаютъ насъ, указывая мѣсто упоминаемаго въ лѣтописяхъ Копырева конца въ Кожемячкомъ ущельи.

Намъ кажется, что вообще Кожемяки и Глубочица въ древній періодъ были заселены, потому что, въ порядкѣ тогдашней жизни, сообразно съ обстоятельствами было прятаться въ такія неприступныя ущелья и, вѣроятно, тамъ же и помѣщался Подолъ, когда, по извѣстію лѣтописца, на мѣстѣ нынѣшняго Подола была вода, а подъ именемъ Ручая, въ лѣтописи, слѣдуетъ разумѣть именно ручей Глубочицу. Названіе Глубочица не встрѣчается въ лѣтописяхъ, но есть названіе Ручай, а позднѣйшее названіе Глубочица показываетъ, что потокъ этотъ былъ глубокъ. Тогда и Боричевскій взвозъ придется искать не тамъ, гдѣ его обыкновенно ищутъ, то есть, между андреевскою и тресвятельскою церковью. Онъ могъ быть именно тою дорогою, которая теперь не существуетъ, но еще недавно существовала, поднимаясь отъ Подола черезъ Кожемяки мимо десятинной церкви на Старый Кіевъ. Авторъ «Описанія» справедливо и проникательно указываетъ на древность этого взвоза, но однако думаетъ, что кромѣ его былъ еще Боричевскій, тамъ, гдѣ его привыкли видѣть; но отъ автора мы не узнали: на какихъ несомнѣнныхъ данныхъ онъ слѣдуетъ общепринятому мнѣнію? Мы не выдаемъ ничего предполагаемаго за что-нибудь вполне неопровергаемое, но сообщаемъ его, предоставляя лучше насъ знающимъ Кіевъ, и не такъ давно, какъ мы, видѣвшимъ его, вдуматься въ него.

При тѣхъ недостаткахъ, какія мы приняли смѣлость указать, книга г. Закревскаго, до новыхъ, болѣе удачныхъ трудовъ по этому предмету, останется лучшимъ руководствомъ для желающихъ ознакомиться съ древнимъ и настоящимъ Кіевомъ, и наука русская должна съ признательностію къ почтенному автору принять его трудъ въ свою сокровищницу, и пожелать другимъ русскимъ городамъ найти для себя такихъ же трудолюбивыхъ писателей.

Н. К.—въ.

Изслѣдованіе о сочиненіяхъ Іосифа Салина,
перевод. игумена Волоцкаго. Соч. И. Хрущева
Сиб. 1868. Стр. 266. Ц. 2 руб.

Мы имѣли случай только заявить о выходѣ въ свѣтъ этого сочиненія въ одномъ изъ нашихъ «Библиографическихъ Листковъ», и потому теперь возвращаемся къ болѣе подробному разсмотрѣнію его содержанія.

Это — магистерская диссертация молодого

ученаго. Вообще говоря, магистерскія и даже докторскія диссертациі нерѣдко пишутся такъ, что, доставивъ (при свойственной русскому добродушію снисходительности) своимъ авторамъ желаемую степень, а часто теплое для нихъ, и холодное для другихъ мѣсто, удаляются во мракъ забвенія, не обнаруживъ на послѣдующій ходъ науки никакого вліянія. Диссертациі, переживающія свое офиціозное значеніе, диссертациі, которыя могутъ вполнѣдствіи читаться и изучаться, — у насъ явленія не обыкновенныя и достойны вниманія и уваженія. Авторъ настоящаго сочиненія, предназначеннаго для полученія степени, изучалъ свой предметъ долгое время, какъ видно по его труду, пересмотрѣлъ множество рукописей въ разныхъ книгохранилищахъ нашихъ, изложилъ свой предметъ ясно и безъ ученой болтовни, обыкновенно затемняющей, а не разъясняющей дѣло. Намъ не разъ случалось встрѣчать пышныя названія разсужденій и изслѣдованій: «Такой-то и его время»; авторъ настоящаго изслѣдованія ограничился скромнымъ названіемъ, а между тѣмъ читатель найдетъ въ этомъ изслѣдованіи не только объ Іосифѣ Санинѣ и его сочиненіяхъ, но также и о средѣ, въ которой жилъ и обращался Іосифъ. Вначалѣ авторъ указываетъ на (большую частію рукописные и мало тронутые) источники для изученія біографіи и письменной дѣятельности Іосифа Санина; но было бы желательно, чтобы это дѣлалось съ большею отчетливостію и точностію, какая необходима для того, чтобы облегчить возможность другимъ заниматься тѣмъ же предметомъ. Мы, напротивъ, находимъ, напримѣръ на стр. 248, указаніе на «Слово отвѣтно противу клеветующихъ истину евангельскую», съ ссылкой на Православный Собесѣдникъ 1861, тогда какъ ни въ одномъ номерѣ этого журнала за означенный годъ такого сочиненія не оказывается.

Далѣе авторъ дѣлаетъ первый опытъ того, чего уже многіе желаютъ. Говоря о появленіи монастырей одного за другимъ въ XIV и XV вѣкахъ и объ ихъ святыхъ основателяхъ, приобщенныхъ къ лику святыхъ (а это почти всегда бывало), авторъ собираетъ изъ разныхъ чтеній того времени болѣе или менѣе общія для всѣхъ черты, и такимъ образомъ у него образовался типическій образъ подвижника русскаго XIV и XV вѣковъ. Это важно какъ указаніе пути къ болѣе полному труду, котораго

мы должны ожидать для нашей науки, и который мы бы скорѣе всего осмѣлились возложить на самого автора изслѣдованія объ Іосифѣ Волоцкомъ, какъ на общающаго, по своему труду, всѣ данныя для исполненія такого дѣла. Здѣсь недостаточно указать на однѣ черты, общія русскимъ святымъ; нужно еще сравнить житія нашихъ святыхъ съ греческими и указать, насколько въ нихъ общаго и насколько въ нашихъ есть своеобразнаго.

Значеніе Іосифа Волоцкаго опредѣлится для насъ только тогда, когда мы сообразимъ: что такое былъ монастырь въ исторіи нашей образованности. Если бы подобный Іосифу дѣятель явился въ наше время, онъ бы специально принадлежалъ только исторіи церкви, даже преимущественно ея отдѣлу — исторіи монастырскаго быта; но въ XV вѣкѣ не то: тогда единственно церковь удовлетворяла духовнымъ стремленіямъ человѣка, единственно она отвѣчала на вопросы ума, а въ церкви монастырь былъ центромъ раздачи духовной пищи и мѣстомъ умственныхъ работъ. Въ наше время есть наука и искусство, отдѣльно отъ религіозной сферы; есть университеты, академіи, театры, училища; въ тѣ времена, вмѣсто всего этого, была церковь и преимущественно монастырь. Туда обращалась душа человѣка, когда животная жизнь оказывалась для нея неудовлетворительною, когда она ощущала жажду къ высшимъ потребностямъ, когда она чувствовала въ себѣ голосъ иной природы. На Западѣ, монастыри воспринимали оставленное древнимъ языческимъ просвѣщеніемъ знаніе, умножали его собственными трудами и передавали грядущему по нимъ новому міру, создаемому и вырабатываемому на основахъ точнаго познанія и ясной мысли. Замѣтять намъ, что у насъ подобнаго не было. Спросить насъ: гдѣ въ нашихъ монастыряхъ наука, гдѣ плоды ихъ умственныхъ трудовъ, что дали они для жизни грядущихъ по себѣ поколѣній? Наше просвѣщеніе не заимствовано ли цѣликомъ съ Запада? Развѣ мы не идемъ по дорогѣ, проложенной прежде насъ не нами? Что такое сдѣлали эти монастыри, чтобы при изученіи какой нибудь науки можно вспомнить объ нихъ? Что оставили они въ произведеніяхъ своей письменности? Схоластика, риторика, формалистика... Въ нашихъ монастыряхъ писали, толковали, спорили о томъ, какъ и когда что слѣдуетъ читать или

пѣть въ богослуженіи, да какъ бороться съ бѣсами, безпокоившими любителей молчанія и уединенія: все это можетъ быть очень хорошо, но годится только для монаховъ, а не для общества, не для людей, обращающихся другъ съ другомъ въ потѣ насущнаго труда, въ сложной путаницѣ общественныхъ вопросовъ. Все, что касается монастырей, не составляетъ ли скорѣе ихъ специальную исторію безотносительно къ исторіи народной жизни? Такъ дѣйствительно должно показаться, если только скользя по поверхности нашихъ письменныхъ памятниковъ, не вдаваться глубоко въ прошедшую жизнь, думать объ исторіи слегка и дѣлать заключенія, единственно руководствуясь вѣшними признаками. При этомъ мы не можемъ не вспомнить замѣчательныхъ мыслей К. Д. Кавелина, выраженныхъ въ «Вѣстникѣ Европы» по поводу исторіи С. М. Соловьева. Что касается до насъ, то мы думаемъ, что тамъ въ первый разъ у насъ высказана прямо истина, которая всегда должна быть во главѣ угла нашихъ сужденій о прошедшемъ русскаго народа. Это та простая истина, что при оцѣнкѣ достоинства того, что выработано нашею прошлою жизнію, не слѣдуетъ брать сравненія съ дѣятельностію другихъ народовъ, находившихся въ иныхъ, гораздо счастливѣйшихъ условіяхъ, а имѣть въ виду прежде всего тѣ обстоятельства, при которыхъ прошлая жизнь наша протекала. И если только мы приложимъ то правило къ сужденію о монастыряхъ, если обратимъ вниманіе, съ одной стороны, на тѣ трудности, которыя долженъ былъ претерпѣвать русскій человѣкъ на пути своего развитія, если, съ другой, сознаемъ, какъ, въ самой природѣ человѣка, медленно и постепенно совершается переходъ отъ животной жизни къ умственной, то для насъ станетъ ясно, что независимо отъ всего, что монастыри оставили намъ въ области письменности, независимо отъ того, сколько они участвовали въ составленіи общественныхъ, экономическихъ и государственныхъ связей русскаго народа — одно уже ихъ значеніе, одна цѣль ихъ существованія была великимъ рычагомъ интеллектуальнаго пробужденія славшей много вѣковъ животнымъ сномъ громады. Но какіе признаки ихъ бытія? Постъ, молитва, умерщвленіе плоти, возвышеніе духа, стремленіе къ достиженію блаженства не матеріальнаго.... это среди общества грубаго, самаго животнаго. Развѣ это одно

уже не великая школа? Мы говоримъ такимъ образомъ совсѣмъ не только съ религіозной точки зрѣнія. Начало умственной жизни всегда предполагало постъ, воздержаніе, умерщвленіе плоти въ известной степени, однимъ словомъ то, что называется аскетизмомъ, — разумѣется, давая этому слову обширное значеніе. Да, въ аскетизмѣ являлся прежде зародышъ науки, искусства, философіи, успѣховъ жизни, даже житейскаго комфорта, какъ ни кажутся противоположными понятія комфорта и аскетизма. Животная природа человѣка, съ грубыми привычками, не въ силахъ отстать отъ нихъ и обратиться къ умственному труду прежде, чѣмъ не почувствуетъ существованія чего-то противнаго тому, что ее до сихъ поръ удовлетворяло, и не захочетъ ради этого подвергнуть себя лишеніямъ. Мы развѣ не видимъ этого въ известной степени каждый день на дѣтяхъ? Развѣ первое ученье, послѣ беззаботныхъ младенческихъ игръ, не запечатлѣвается въ большей или меньшей степени тягостями, лишеніями, развѣ замѣненіе лакомствъ азбукою не дѣтскій аскетизмъ? Развѣ можетъ отрочекъ достигнуть чувства любви къ ученію, къ размысленію, прежде чѣмъ испытаетъ борьбу съ тѣнью и животными наклонностями? Человѣчество, во всей своей громадѣ подчиняясь тѣмъ же законамъ своей природы, какимъ подчиняется каждый изъ насъ, не могло инымъ путемъ достигать духовнаго быта — науки, знанія, искусства, цивилизаціи, какъ проходитъ черезъ аскетизмъ. Брамины, бонзы, дервиши, терапевты, факіры, постъ, уединеніе, молитва, самолишеніе, самоиспытаніе въ самыхъ уродливыхъ для нашего воззрѣнія формахъ, что это, какъ не слѣдствіе интеллектуальной потребности человѣческой природы идти къ торжеству ума надъ побужденіемъ, которое на религіозномъ языкѣ называется борьбою съ плотію. Религія — первая на учительница человѣческаго духа, предвѣстница и предтеча науки, безъ аскетизма, — игрушка, народная сказка; какъ только человѣкъ начинаетъ вѣровать и вдумываться въ свое вѣрованіе, какъ только онъ начнетъ размышлять о томъ, чему поклоняется, передъ чѣмъ благоговѣть, неизбѣжно является аскетизмъ. Божество представляется существомъ выше тѣхъ существъ, которыя доступны его тѣлеснымъ чувствамъ, именно потому, что оно неподчиняется чувственнымъ ощущеніямъ; а

слѣдовательно, чтобы приблизиться къ нему, нужны пути несходныя съ обычными путемъ животнаго самоудовлетворенія: отсюда возникаетъ понятіе, что коль скоро человѣкъ не можетъ къ нему приблизиться и угодить ему, удовлетворяя самому себѣ, то стало быть онъ долженъ избрать противный путь — путь самолишенія; такимъ образомъ является идея жертвы. Сначала человѣкъ лишаетъ себя, въ угоду божеству, плоды, которыя самъ можетъ съѣсть, потомъ овецъ и коровъ, которыя нужны ему самому; наконецъ, вслѣдствіе обстоятельствъ, развивающихся въ немъ мысль о требованіи со стороны божества большихъ самолишеній — онъ, въ угоду этому божеству, рѣшаетъ или жечь собственныхъ дѣтей. Что такое жертвы какому-нибудь Молоху или Мархартесу, какъ не аскетизмъ, выражающійся желаніемъ угодить божеству страданіемъ за тѣхъ близкихъ, которыхъ человѣкъ лишается. Уродливыя, приводящія въ ужасъ варварства, рассказываемыя о мексиканскомъ каннибальствѣ, въ сущности есть первичное проявленіе самыхъ высшихъ побужденій человѣческой природы, стремленіе найти наслажденіе духовное, высшее надъ всѣми матеріальными, создать нравственный законъ, который былъ бы драгоцѣннѣе всего, что можетъ быть дорогою человѣческимъ животнымъ побужденіямъ. Въ религіяхъ, гдѣ совершеніе божества достигло болѣе высшаго развитія, исчезаютъ такія грубыя формы и замѣняются другими, вырабатывается нравственный законъ, и самолишеніе, въ угоду божеству, начинаетъ ограничиваться отреченіемъ отъ того, что хотя льститъ чувствамъ, но считается противнымъ нравственному закону. Этотъ нравственный законъ признается исходящимъ отъ божества, и то, что противорѣчитъ закону, противно Богу и называется грѣхомъ. Чѣмъ болѣе расширяется предъ человѣкомъ нравственный идеалъ, относимый имъ къ божеству, тѣмъ больше онъ сознаетъ въ себѣ недостатковъ и грѣховъ, которые слѣдуетъ, въ угоду Богу, побороть, и, наконецъ, находя, что въ немъ все грѣховно, человѣкъ доходитъ до вѣры, что только убійствомъ въ себѣ всякихъ страстей, побужденій, желаній, всевозможнѣйшимъ самолишеніемъ и терпѣніемъ можно угодить божеству. Отсюда и пустынножительство, и всѣ формы удаленія отъ міра и отъ жизни съ ближними. Христіанство, повидимому, не устанавливало монашества, и

ратованіе противъ послѣдняго протестантии постоянно указывали не только на отсутствіе заповѣдей Богочеловѣка и его учениковъ о монашествѣ, но даже на мѣста, возмозжительно, по ихъ мнѣнію, не допускающія возникновенія въ церкви этого учрежденія; равнымъ образомъ, они обращали вниманіе на то, что монашество явилось не въ близкія къ основанію христіанства времена, и церковь существовала долгое время безъ монашества, поэтому и считали послѣднее чѣмъ-то прिवычнымъ извѣстныя формы монашества, дѣйствительно, не составляють непремѣнныхъ условій церкви, и потому онѣ были всегда очень разнообразны. Но въ духѣ Христова ученія лежитъ неизбежно аскетизмъ и, поэтому, зародись монашества. Нравственный иудейскій законъ, преимущественно выражаемый отреченіемъ за, въ христіанствѣ возведенъ въ положительныя стремленія къ добру, къ безконечной любви. Богачу, соблюдавшему отъ юности заповѣди Моисеева закона, Христосъ открываетъ, что онъ еще не кончилъ всего для вѣчнаго спасенія: Онъ даетъ ему совѣтъ продать все свое достояніе, раздать нищимъ и пойти за Христомъ проповѣдывать людямъ правду и повертаться за нее всевозможнымъ лишеніямъ и страданіямъ, въ надеждѣ приобрести за то сокровище на небесахъ. Молодой человѣкъ отъ Господа удалился, потому что былъ очень богатъ. Да; онъ былъ очень богатъ, не только монетами и имѣніями, дававшими ему доходъ, но также и рутинно, выработанною прошедшими вѣками, рутинною законченною, освященною признаніемъ многихъ поколѣній нравственнаго ученія, съ которымъ казалось, шель въ разрѣзъ новый путь къ совершенству, ему предложенный. Молодой человѣкъ читалъ въ своихъ книгахъ, что Богъ награждаетъ угождающихъ ему, не только по смерти, но и въ этой земной жизни — благоденствіемъ и успѣхами. Самъ Іовъ, угодивъ Богу терпѣніемъ въ страданіяхъ, награжденъ былъ здѣсь, на землѣ. Еврейскій законъ, предписывая добродѣтель въ земной жизни, представилъ земное благополучіе, какъ послѣдствіе добродѣтели. Ученіе о безконечной любви, съ надеждою блаженства въ томъ мірѣ, о которомъ земной человѣкъ не могъ себѣ составить яснаго представленія, не было принято тамъ, гдѣ оно встрѣтило подобный законъ, слишкомъ давно вошедшій въ

кровь и плоть народа, слишкомъ всёмі яснымъ, и всёмі, богѣ или менѣ, если не одинаково, то сходно принимаемый; новое ученіе принималось или тамъ, гдѣ, въ хаосѣ разнообразныхъ вѣрованій, школъ и ученій, человѣческой умъ, утомившись бесполезною работою, искалъ чего-нибудь успокоительнаго, или тамъ, гдѣ нравственныя понятія, по младенчеству духовной жизни, не успѣли еще облечься въ строгую систему — или въ одраклѣномъ греко-римскомъ, или въ молодомъ варварскомъ мірѣ. И тамъ и здѣсь аскетизмъ былъ кстаті.

Вопреки утвержденіямъ нѣкоторыхъ протестантовъ, аскетизмъ былъ душою уже первыхъ христіанскихъ обществъ, хотя форма монашеская еще и не выработалась. Долгія молитвы, посты, безбрачіе или вдовство послѣ перваго брака, были въ обычаѣ у древнихъ христіанъ; богѣ всего аскетизмъ выражался и поддерживался мученичествомъ; гоненія на новую вѣру давали поводъ проявляться потребности самопожертвованія и самолишенія, въ угоду Богу, фактами произвольнаго страданія и терпѣнія; мученіе для христіанъ не ограничивалось стоническимъ терпѣніемъ за правду, силою воли, готовой все переносить за свои убѣжденія, оно было желаннымъ актомъ, котораго не слѣдовало никакъ избѣгать, а, напротивъ, надлежало искать и радоваться, когда является случай пріобрѣсти вѣнецъ вѣчнаго блаженства за временныя мученія. Съ умаленіемъ и прекращеніемъ гоненій за вѣру, развивается пустынножителство и монашество; такъ какъ мученичество было протестомъ противъ языческой вѣры, такъ пустынножителство и монашество было протестомъ противъ языческой цивилизаціи, слишкомъ плотской, эгоистичной и развращенной для того, чтобы христіанство уживалось съ нею, безъ опасности для себя самого. Иеронимъ, борившійся въ своей вилеемской пещерѣ съ воспоминаніями о римскихъ танцовщицахъ, безпокоившихъ его воображеніе даже и тогда, когда изнуренныя постомъ кости его стучали одна объ другую, — живой примѣръ той борьбы, какую приходилось выдерживать христіанству съ привычками древняго міра. Новая вѣра расширялась, торжествовала, но старая языческая жизнь продолжала господствовать внутри наружно обновленнаго общества, и противъ нея-то становился борцомъ и обличителемъ христіанскій аскетизмъ въ

образѣ пустынножителства, монашества, покаянія. Подобно какъ мученикъ, времяе Деція или Диоклеціана, говорилъ язычникамъ: «Смотрите на меня; я выпимъ богамъ не вѣрую, дѣлайте со мною что хотите, я все перенесу, а вы изъ этого уразумѣете, что, стало быть, наша вѣра справедлива, когда люди за нее могутъ терпѣть. такія муки», — преподобный отецъ говорилъ людямъ охристіанивагося, но проникнутаго языческими привычками греко-римскаго міра: «Смотрите на меня; я презираю то, что вы такъ цѣните, я не ѣмъ вкусныхъ яствъ, не пью винъ, не ношу дорогихъ одеждъ, не собираю сокровищъ, не посѣщаю зрѣлищъ, удаляюсь отъ забавъ и бесѣдъ, я не только гнушаюсь сладострастіемъ, но отрекаюсь отъ удовольствій семьи, я терплю зной, голодъ, холодъ, я вѣчно въ трудѣ и лишеніи, и я счастливѣе васъ: изъ этого уразумѣйте, что есть для человѣка наслажденія выше тѣхъ, которыми вы такъ, въ своей слѣпотѣ, дорожите».

И вотъ, христіанское общество, видя такіе примѣры, должно было постоянно поддерживать у себя мысль, что все, полученное имъ отъ язычества — есть мерзость, и препятствуетъ достиженію спокойствія; а идеаль христіанскаго житія есть аскетизмъ. Онъ достоиніе только избранныхъ, которымъ мы должны подражать по возможности, и которые за всёхъ насъ грѣшниковъ Бога молятъ: ихъ святыми обѣтами и молитвами стоитъ міръ, и душою религіи служить аскетизмъ. Такія понятія господствовали въ церкви, когда Русь приняла св. крещеніе. На ея дѣственную почву перешло монашество. Но здѣсь ему приходилось бороться уже не съ привычками древней цивилизаціи; а съ животными побужденіями первобытной природы человѣка, чуть ступившаго на путь цивилизаціи. И что же? Если на почвѣ древняго греко-римскаго міра монахъ проповѣдывалъ отреченіе отъ цивилизаціи, здѣсь, напротивъ, онъ былъ проводникомъ цивилизаціи. Такии же образомъ, не смотря на видимое тождество греческаго аскетизма съ русскимъ, мы видимъ рѣшительную противоположность между тѣми и другимъ: греческій аскетъ убѣгалъ изъ многолюдныхъ городовъ, отъ гнилыхъ мѣстъ и торжищъ въ пустыню; русскій аскетъ хотѣлъ подражать ему, но выходило противное; тамъ, гдѣ онъ поселялся, авлялись человѣческія жи-

лица, города, процессіи и торжища. Русскій аскетъ (часто безсознательно и даже противъ воли) своею жизнью говорилъ окружающему его обществу: «Смотрите! вы находите удовольствіе только въ томъ, чтобы ѣсть, да пить, вы не удерживаете своихъ страстей, ничему не учитесь, ничего не знаете, дѣлитесь; что приходитъ вамъ на сердце, то вы, не размышляя, и дѣлаете, другъ съ другомъ деретесь, другъ друга убиваете; а я ѣмъ и пью мало, дѣлю мнѣ противна, я всегда въ трудѣ, отъ женщинъ удаляюсь, я читаю книги и думаю надъ ними, стало быть, есть добро духовное, есть наслажденія ума выше тѣхъ, которымъ вы преданы, и не насыщаетесь; вамъ трудно удерживать свои звѣрскія страсти, а я вотъ какъ удерживаю мои». При отсутствіи другихъ путей къ умственному развитію, это былъ единственный способъ, будившій народъ въ его животномъ облѣненіи, воздвигавшій отъ грубой жизни желудка и крови. Въ монастырѣ русскій человекъ приучался думать, получалъ понятіе о томъ, что такое познаніе, приобреталъ свѣдѣнія о томъ, что можетъ быть жизнь съ отпращиваніями выше его обыденной животной жизни, жизнь ума и мысли; въ монастыряхъ сосредоточились и развивались письменныя работы; литературная дѣятельность была къ нимъ привязана даже и у тѣхъ, которые участвовали въ ней, не принадлежа къ монашескому званію. Народъ стоялъ на той ступени развитія общественнаго, когда, по общечеловѣческому закону, духовное развитіе можетъ быть сообщено только въ области религіи, когда знаніе, мудрость, просвѣщеніе прикованы къ религіозному воззрѣнію. Но этимъ не ограничилось вліяніе монастырей на нашу жизнь. Истинные проводники цивилизаціи, монастыри были въ странѣ нашей и путеводителями къ матеріальному благосостоянію. Нигдѣ лучше не обрабатывали землю, какъ тамъ, гдѣ онѣ принадлежали монастырямъ, нигдѣ не было хозяйства лучше монастырскаго; поселяне, принадлежавшіе съ своими землями монастырямъ, были самые зажиточные. Гдѣ появлялся монастырь, тамъ дикія пустыни обращались въ жилища и обработанныя мѣстности, около ихъ стѣнъ строились города и посады, возникали промыслы, развивалась торговля. Сами монастыри подавали примѣръ торговой дѣятельности. Авторъ разбираемаго сочиненія справед-

ливо говоритъ, что записки богатыхъ и богатѣй въ монастыри дали возможность самимъ монастырямъ превратиться въ хозяйственные учрежденія, и нѣкоторые, пользуясь льготой, вели въ большомъ размѣрѣ торговню омерацин. Гдѣ только появлялся монастырь, тамъ проливалось благословеніе по окрестности; люди чувствовали это и потому такъ уважали монастыри.

При благотѣльномъ вліяніи древнихъ монастырей, конечно, отыщется и много сторонъ, которыя замедляли ходъ умственнаго развитія; но мы должны помнить, что все совершается во времени, и ничто человѣческое не изъято отъ черныхъ пятенъ. Насъ можетъ возмущать драка удѣльныхъ князей сама по себѣ, но въ сущности удѣльно-вѣчевой періодъ для Руси принесъ чрезвычайную пользу; безъ призванія единого рода князей, междоусобія русскихъ земель и народовъ совершались бы, конечно, съ большою жестокостію и вредомъ для всѣхъ. Такъ точно, если бы у насъ не было монастырей, народъ русскій пребывалъ бы въ гораздо большемъ невіжествѣ и скорѣе наклонялся бы къ дикости, чѣмъ къ образованности.

Умноженіе и процвѣтаніе монастырей нашихъ шло рука объ руку съ развитіемъ гражданственности, которой они такъ много способствовали. Съ принятіемъ христіанства, монашеское житіе стало процвѣтать на югѣ и процвѣтало до тѣхъ поръ, пока русская гражданственность не была смягчена на югѣ и не удалась на сѣверъ. Вмѣстѣ съ нею переходило туда и монашество со всѣми приемами своей дѣятельности. Татарское нашествіе перевернуло Русь вверхъ дномъ: это бѣдствіе отразилось и упадкомъ монастырей. Многие изъ существовавшихъ до того времени исчезли вовсе, другіе владѣли жалкое существованіе. Когда, черезъ столѣтіе слышомъ, орда начала разлагаться, а Русь оживала, тогда и монастырское житіе стало возрастать. Къ XIV и XV вѣку относятся возстановленія обитателей, основанныхъ святыми подвигоучениками и впоследствии приобрѣвшихъ знаменитость. Такимъ образомъ, появился монастырь Сергіевъ св. Троицы, Кирилла Бѣлозерскаго, Соловецкій, Боровскій, Волоцкій и другіе. Съ возрастаніемъ монастырей поднималась и письменность русская. Знаменитѣйшіе монастыри того времени, напр., Троицкій, Кирилловскій, Соловецкій, Во-

лоцкій, заключали богатѣйшія бібліотеки рукописей, до сихъ поръ составляющія сокровища нашей древней умственной дѣятельности. Изученіе этого явленія, безъ сомнѣнія, есть одна изъ важнѣйшихъ задачъ отечественной исторіи.

Въ концѣ XV вѣка и въ началѣ XVI, обозначились у насъ въ монастырскомъ быту два различныя направленія. Вышними признаками ихъ были—одного: общежитіе, другого—особное житіе; по этому вышностию не ограничивалось ихъ различіе; оно проникало глубже въ ихъ духовную жизнь и понятія. Два направленія высказывались и внутренними свойствами. Одно опиралось на авторитетъ, другое на самоубѣжденіе; одно проповѣдывало повиновеніе, другое совѣтъ; одно стояло за строгость, другое за кротость; — важнымъ представителемъ перваго явился Іосифъ Волоцъ, втораго—Нилъ Сорскій. Эти различія совпадали съ тѣмъ общественнымъ различіемъ, какое показывали въ своемъ строѣ сѣверъ и середина Руси—Новгородъ и Москва. Новгородская земля изобиловала издавна монастырями, но общежитія въ нихъ избѣгали; личная свобода—душа новгородской жизни—господствовала и въ монастырскомъ быту; и такъ, новгородецъ не хотѣлъ налагать на себя тяжелаго ярма. Между тѣмъ въ московской Руси монастырское общежитіе совпадало съ общиннымъ устройствомъ, господствовавшимъ въ міру, и строгая власть настоятеля была въ его монастырѣ подобіемъ неограниченной власти великаго князя надъ землею. Въѣстъ съ покорностію власти, въ общежительныхъ монастыряхъ соединенной Руси утвердилось строгое господство буквы и образа, отражавшееся такъ выпукло на всемъ религіозномъ строѣ Руси до нашего времени. Оба упомянутыя нами направленія равномерно сообразны съ духомъ православной церкви, но злоупотребленія перваго приводили къ пыткамъ, казнямъ, церковному деспотизму; злоупотребленіе другаго къ вольнодумству, желающему поставить то, что кажется истиннымъ собственному разумѣнію, выше священныя авторитетовъ. Въ грядущія времена безусловное подчиненіе догмату и повиновеніе священной власти привели къ той церковной нетерпимости, которая вооружилась противъ западной науки, называемой плодомъ бусурманщины, а строгое благоговѣніе передъ буквою отзывалось въсплѣдствіемъ безпоповщиныю, такъ какъ

противоположное направленіе, конечно, противъ желанія слѣдовавшихъ ему, могло подготовлять къ молоканству и другимъ вольнодумнымъ сектамъ.

Характеръ Іосифа Волоцкаго, на сколько онъ высказывается въ его дѣйствіяхъ и писаніяхъ, есть одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ въ русской исторіи. Это была совѣтъ не одна изъ тѣхъ многочисленныхъ въ его кругѣ натуръ, кроткихъ, мягкихъ и мечтательныхъ, которыя уходили въ монастыри или пустыни, когда ихъ доброе сердце оскорблялось людскими неправдами или слышкомъ дрожало отъ мірскаго тревоженія, когда у нихъ воли не доставало, чтобы возложить на себя тягость житейской добродѣтели и вступить въ борьбу съ неправдой посреди людскаго общества. Это была также не одна изъ тѣхъ пламенныхъ поэтическихъ натуръ, которыхъ увлекало обаяніе созерцанія и самоуглубленія, нужда духовной свободы, допускающей приближаться къ тому, что, по ихъ мнѣнію, мѣшаютъ видѣть земныя отношенія; Іосифъ былъ человѣкъ дѣла и разсудка, но никакъ не чувства и воображенія. Въ наше время, съ подобнымъ характеромъ человѣкъ менѣе могъ попасть въ монастырь, развѣ тогда, когда монашество служило бы ему средствомъ для иныхъ цѣлей. Въ наше время, такой человѣкъ скорѣе всего сдѣлался бы публицистомъ, и всего вѣроятнѣе консервативнымъ, или ораторомъ при условіяхъ существованія парламентарности; въ XV вѣкѣ, когда монашество было наиболѣе удобнымъ мѣстомъ для умственной дѣятельности вообще, такая личность явилась, въ званіи игумена, борцемъ за преданія перьви, организаторомъ монашескаго общества. Быть тому, что уже есть, но быть ему такъ какъ ему должно быть, сообразно давно признаннымъ авторитетамъ; повиноваться тому, что указано и установлено, и карать безъ всякаго снисхожденія неповорныхъ—таковъ былъ духъ понятій и дѣйствій этого человѣка. Сердечности у него было мало, если совѣтъ не было: правда, онъ поучаетъ вельможу о милованіи рабовъ, побуждаетъ князя кормить голодный народъ; но его поученія вѣютъ холодомъ. и авторъ настоящаго изслѣдованія справедливо замѣтилъ, что страданія рабовъ не на столько возбуждали сожалѣніе Іосифа, какъ отвѣтственность предъ Богомъ за дурное съ ними обращеніе.

Осмѣливаясь произносить слова за слабыхъ передъ сильными, Іосифъ не подражаетъ въ тонѣ Амвросію или Іоанну Златоустому; онъ приступаетъ къ вельможѣ съ тою робостію, какую долженъ ощущать передъ высшимъ низшимъ, называетъ себя дерзкимъ и безстыднымъ за то, что осмѣливается говорить ему, и только заботливость о душѣ того, къ кому онъ обращается, побуждаетъ его къ этому поступку. Въ своемъ посланіи къ дмитровскому князю о кормленіи народа во время голода, Іосифъ говоритъ очень кратко и сухо; онъ не возбуждаетъ состраданія князя къ голодному народу, не двигаетъ его сердца изображеніемъ страданій, ему вѣтъ дѣла до сердца князя, онъ напоминаетъ ему только долгъ, указываетъ на примѣры византійскихъ императоровъ, которыми подражать долженъ русскій князь. То подобострастіе, съ какимъ Іосифъ вообще относится въ своихъ писмахъ къ людямъ сильнымъ и знатымъ его времени, понятно, когда мы сообщимъ, что всю свою жизнь Іосифъ, какъ человѣкъ практической, постоянно искалъ дружбы съ знатыми и сильными людьми, привлекая ихъ жертвовать монастырю, въ особенности ради спасенія душъ усопшихъ родственникововъ. Въ одномъ изъ такихъ посланій, онъ объясняетъ, что если иногда Богъ лишаетъ родителей прежде времени ихъ дѣтей, то это дѣлается для того, чтобы возбудить родителей къ пожертвованію имѣній на церкви и нищю братію; кто не дастъ по душѣ своихъ дѣтей въ монастырь, тотъ, значитъ, лишаетъ дѣтей своихъ наслѣдія и законной части (участія), и такіе родители будутъ осуждены отъ Бога за жестокость и немилосердіе. Поминовенія, составлявшія важнѣйшую вѣтвь монастырскаго благосостоянія, у Іосифа строго соразмѣрялись съ цѣнностію даннаго за нихъ вклада. Въ этомъ отношеніи любопытно посланіе Іосифа ко вдовѣ-княгинѣ, напечатанное въ первый разъ авторомъ разбираемаго изслѣдованія въ приложеніяхъ въ своей книгѣ. Вдова эта, какъ видно, была недовольна Іосифомъ за то, что съ нею берутъ дорого за поминовеніе. Іосифъ, оправдываясь, самымъ щепетильнымъ образомъ разъясняетъ ей, что поминовеніе должно быть неперемѣнно сообразно со вкладомъ; вдова княгиня напрасно понимала такъ, что за данныя ею приношенія поминать будутъ ея родныхъ и ближнихъ навсегда; оказалось, что ихъ пе-

рестали поминать, потому что окончили поминовеніе на столько, сколько было дано въ монастырь. Для этой цѣли Іосифъ доказывалъ, что монастырь съ нею не ридился о вѣчномъ поминовеніи, ибо въ подобномъ случаѣ всегда постановляется особый рядъ. Такимъ образомъ, молитва, которая должна была способствовать вступленію души въ царствіе небесное, отправляясь въ количествѣ соразмѣрномъ тому, что за нее заплачено. Эта сухость и холодная практичность Іосифа не мѣшала ему, однако, дѣлать добро, и когда случился голодъ, его обитель ревностно помогала нуждающимся. Недостатокъ теплоты сердечной вознаграждался повиновеніемъ нравственному долгу, и надеждою угодить Богу.

Изъ многихъ памятниковъ письменной дѣятельности Іосифа, его монастырскій уставъ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Онъ насквозь пропитанъ сухостію и суровостію своего творца. Строгое исполненіе обрядовъ, бузвы, повиновеніе начальству — дѣло монаха; жезлъ и жезляныя узы лучше побужденіе къ добродѣтели. Іосифъ ссылается на примѣръ Венедикта, смирявшаго братію жезломъ. Но нигдѣ такъ не проявилась эта суровость Іосифа, какъ въ его борьбѣ съ иудействующею ересью, противъ которой онъ написалъ «Слово просвѣтителя» — самый драгоценный памятникъ ума и учености. До насъ только могъ дойти недолжинный по способностямъ и уму русскій человѣкъ Хувѣка. При своемъ практическомъ умѣ Іосифъ, однако, мало вѣрилъ въ силу вліянія своихъ убѣжденій на еретиковъ. Дѣло шло о томъ, какъ съ ними поступать. Кроткій и благодушный Нилъ Сорскій и ученикъ его, Вассіанъ (Патрикѣвъ), а за ними такъ-называемые заволжскіе старцы — ревнители скитскаго житія, совѣтовали дѣйствовать кротостію, обращать ихъ на путь истины, а не мучить, не истреблять. Самъ Иванъ Васильевичъ, человѣкъ, какъ извѣстно, уже никакъ не мягкаго сердца, колебался быть неумолимымъ къ отпадшимъ отъ вѣры. Іосифъ требовалъ жестокихъ казней. Іосифъ побуждалъ не вѣрить даже ихъ покаянію, не принимать его и казнить ихъ, какъ бы они ни увѣряли, что измѣняютъ свои мнѣнія. Сочастникъ Іосифа, Геннадій, архіепископъ новгородскій, указывалъ какъ на примѣръ, достойный подражанія, на испанскаго короля, преслѣдовавшаго неистово мавровъ. Голосъ

Нила и Вассіана, ополчавшіяся за свойственную духу православія кротость и снисходительность, долженъ былъ умолять передъ энергическими и холодными требованіями Іосифа. На сторонѣ послѣдняго была та безоппадная логика, которая не хотѣла имѣть дѣла съ сердечными порывами: Иванъ Васильевичъ, привыкши повиноваться этой логикѣ всю жизнь, и на этотъ разъ долженъ былъ послушаться ея. Какъ бы еретикъ, по большей части, казался притворно; иначе и быть не могло; убѣжденія не измѣняются отъ заточеній и пытокъ. Еретикъ былъ сожитаемъ, къ удовольствію Іосифа. Ересь, однако, продолжала тлѣть подъ пепломъ костровъ и глубоко сохранилась въ землѣ русской, какъ показываетъ сходство существующей въ наше время іудействующей секты съ тою, о которой мы узнаемъ изъ обличеній «просвѣтителя», Іосифа Волоцкаго, тѣ же приемы въ доводахъ противъ православія, такое же полупризнаніе Новаго Завѣта, съ сознаніемъ превосходства надъ нимъ Вѣтхаго. Уча смпренію и новиновенію старшимъ и вообще подчиненію формальному авторитету, Іосифъ, однако, самъ долженъ былъ почувствовать на себѣ самую тягость этого процесса, когда поссорился съ архіепископомъ новгородскимъ Серапіономъ. Не поладивши съ преемникомъ расоложеннаго къ нему волоцкаго князя Бориса Феодоровича, Іосифъ обратился къ великому князю московскому, съ просьбою принять его монастырь въ свое вѣдомство. Противъ этого вооружился, въ защиту своихъ епархіальныхъ правъ, архіепископъ новгородскій. Іосифъ далъ этому дѣлу характеръ политическій, и потому спорить съ Іосифомъ Серапіону — значило тягаться съ Москвою. Принятіе монастыря, находившагося въ удѣльномъ состояніи, для Москвы совпадало съ ея завѣтными постоянными стремленіями подчинить отдѣльныя части Руси, сливая ихъ во едино. Кроме того, Іосифъ имѣлъ много друзей и благопріятелей въ Москвѣ, центрѣ силы. Новгородскій владыко, осмѣлившись спорить съ Московю, покушался, казалось, воскресить древнія, уже избитыя, права новгородской автономіи; новгородскій владыко былъ лишь святительскаго сана и заключенъ въ монастырь, да еще въ добавокъ въ такой монастырь, гдѣ настоятель былъ сторонникъ Іосифа. Друзья и почитатели Волоцкаго игумена, однако, соблаз-

нились этимъ и стали просить его примириться и проститься съ Серапіономъ. Іосифъ былъ непреклоненъ и клеймилъ своего соперника именемъ отлученнаго. До нравственной причины отлученія не было дѣла; достаточно того, что фактъ этотъ совершился. Серапіонъ скитался въ Троицкой обители и за свою святую жизнь пріобщенъ къ лику святыхъ. Житія двухъ соперниковъ, равновѣрно удостоившихся святости, разбираются въ извѣстіяхъ объ ихъ послѣднихъ отношеніяхъ.

Послѣднія гѣта жизни Іосифа ознаменованы также усиліями уничтожить своихъ соперниковъ. Великій князь Иванъ умеръ. Дошло до Іосифа, что преемникъ его, Василій, поддается Вассіану Патрикѣеву, жившему тогда въ Симоновѣ монастырѣ, который твердилъ ему о вѣротѣрпимости, о снисходительности къ заблудшимъ, о великодушій къ кающимся. Іосифъ убѣждалъ великаго князя не вѣрять никакому раскаянію, и казнить лютою смертію всѣхъ, кто окажется виновнымъ въ ереси. Великій князь, по словамъ жизнеописателя Іосифова, велѣлъ еретиковъ, поднявшихъ-было голову по смерти Ивана, посадить въ темницу, но вскорѣ опять было склонился къ Вассіану. Двое старцевъ изъ Іосифова монастыря нарочно отправились къ заволжскимъ старцамъ, скитникамъ, хранившимъ завѣтъ недавно усопшаго Нила, и потому доносили на послѣднихъ, что они еретики. Попа, который привезъ отъ нихъ доносъ, подвергли пыткѣ и замучили; но, по внушенію Вассіана, великій князь разгнѣвался на доносчиковъ и приказалъ перевести ихъ въ Кирилло-бѣлозерскій монастырь, оставивъ обвиняемыхъ ими старцевъ-скитниковъ въ покоѣ. Враги Іосифа подняли голову. Вассіанъ, въ свою очередь, обвинялъ въ ереси Іосифа и его сторонниковъ за то, что, осуждая еретиковъ такъ безжалостно, онъ не допускаетъ возможности принять ихъ покаяніе, основывается на вѣтомъ завѣтѣ, вопреки духу новаго, открывающаго всѣмъ грѣшникамъ путь къ покаянію и примиренію съ Богомъ и совѣстью. Іосифъ, по своей нетерпимости, оказывался одностороннимъ съ еретикомъ Новатомъ, также отвергавшимъ покаяніе еретиковъ. Вслѣдствіе этого была полемика между двумя старцами, замѣчательная въ умственномъ мірѣ нашей старины, хотя авторъ настоящаго сочиненія коснулся ея слегка, тогда какъ слѣдовало бы рассмотреть

ее съ большимъ вниманіемъ. Споръ не ограничивался однимъ еретиками, но касался другихъ предметовъ первой важности въ нашемъ духовномъ мірѣ. Такимъ образомъ, Іосифъ домогался, чтобы вдовымъ священникамъ запрещено было священнодѣйствовать. Это требовалось въ той увѣренности, что большая часть оводовъ священниковъ можетъ, по немощи тѣлесной, впасть въ блудъ. Мнѣніе Іосифа взяло верхъ, вопреки стараніямъ его противниковъ. Съ другой стороны, эти противники не добились того, чего сами домогались ввести въ церковь. Вопреки Іосифу, побуждавшему богатыхъ, ради спасенія душъ, дарить въ монастыри имѣнія, грозившему божіимъ гнѣвомъ тѣмъ, которые по своему состоянію могутъ это дѣлать, а не дѣлаютъ, Ниль Сорскій и его послѣдователи вопіяли противъ накопленія богатствъ въ монастыряхъ, указывали на обѣтъ монаха хранить нищету, и требовали лишить монастыри ихъ имѣній; монахи должны быть настоящими отшельниками; они должны жить трудами рукъ своихъ, и не виѣшиваться въ мірскія дѣла отнюдь. Виѣсть съ тѣмъ они вооружались противъ обычая украшать иконы золотомъ, серебромъ и драгоценными камнями, и считали даже употребленіе золотыхъ и серебрянныхъ сосудовъ въ церквахъ — неприличнымъ. Споръ этотъ рѣшенъ былъ уже могучею на Руси московскою властью въ пользу Іосифа и его мыслей. Понятно, что всѣ важнѣйшіе духовные саювники, сами достигавшіе сана изъ монашества, не расположены были на отнятіе у монастырей ихъ имѣній. Московская политика не находила для себя умѣстнымъ послѣдовать совѣту скитниковъ; пока ея великое дѣло не приведено было къ концу, благоразуміе, казалось, воспользоваться возникшимъ споромъ, чтобы привязать къ себѣ на будущее время вліятельное во всей Руси иноческое сословіе, чѣмъ раздражать. Надобно правду сказать, торжество Іосифа въ этомъ вопросѣ оказало благодѣянія многимъ тысячамъ русскаго народа, потому что жизнь поселянъ подъ властью монастырей была льготнѣе и обезпеченнѣе, чѣмъ подъ всякою другою властью того времени.

Вообще, признавая сочиненіе г. Хруцова, при его недостаткахъ, исполнѣ полезнымъ явленіемъ въ области науки отечественной исторіи, мы тѣмъ болѣе желали бы имѣть изданіе

всѣхъ сочиненій Іосифа Волоцкаго, какъ тѣхъ, которыя до сихъ поръ хранятся только въ рукописяхъ и сборникахъ, такъ равно и тѣхъ, которыя хотя являлись и печатно, но въ различныхъ изданіяхъ и въ разное время, а потому способъ такого печатанія не доставляетъ удобства для занимающихся этимъ предметомъ.
Н. К.—ъ.

O znaczeniu prawa rzymskiego i rzymsko-byzantynskiego u narodów słowiańskich. R. Hube. Warszawa. 1868. 89 стр. (O значеніи права римскаго и римско-византійскаго у славянскихъ народовъ).

Сенаторъ варшавскихъ департаментовъ, Г. М. Губе, не смотря на постоянную служебную дѣятельность, на участіе въ законодательныхъ работахъ какъ для царства, такъ и для имперіи, никогда не прерывалъ ученыхъ своихъ занятій и отъ времени до времени обнародовалъ многія изслѣдованія объ отдѣльныхъ юридическихъ вопросахъ. Въ прошломъ году, онъ издалъ разсужденія о законахъ самическихъ франковъ, о законахъ бургундскихъ и о гражданскомъ кодексѣ италянскаго королевства 1865 г. Въ вышнѣшемъ изслѣдованіи о значеніи римскаго права у славянскихъ народовъ, на которое мы считаемъ нужнымъ обратить вниманіе ученыхъ, онъ затрогиваетъ одинъ изъ самыхъ важныхъ вопросовъ нашей науки права, который однакоже почти совершенно не разрабатанъ. Римское право сложилось въ томъ видѣ, въ какомъ перешло въ наслѣдство новымъ народамъ Европы, въ періодъ византійскій. На кого же византійская монархія имѣла наибольшее вліяніе, какъ не на племена славянскія? Виѣсть съ проповѣдью христіанства она вносила къ нимъ законы церковные, каноническіе: а виѣсть съ ними и постановленія императорской власти. Духовныя лица греки по народности, служили непосредственнымъ орудіемъ примѣненія этихъ постановлений къ жизни новыхъ племенъ, къ ихъ правамъ, обычаямъ и законамъ. Съ другой стороны, и обычаи и законы славянскихъ племенъ, населявшихъ большую часть европейскія области византійской имперіи, не могли не оказывать вліянія на ея законодательство, особенно въ эпоху послѣ Юстиніана. На эту мысль нападали уже нѣкоторые изъ западныхъ ученыхъ юристовъ, занимавшихся византійскимъ правомъ, какъ напримѣръ извѣстный Цахаріэ

одясь, ею объясняетъ нѣкоторыя изъ постановленій *Еклоги* Льва Исаврянина и Константина Копронима и *Новеллы* 922 г. Константина Порфиророднаго. Конечно, это отдѣльныя зазанія и предположенія, болѣе или менѣе вѣроятныя; но ничего другого и не могъ сдѣлать сочинитель разсматриваемаго нами разсужденія. Въ предисловіи къ нему онъ спрашивливо замѣчаетъ, что для объясненія судьбы римско-греческаго права у славянскихъ народовъ необходимо, чтобы совершенно былъ таин же трудъ, какой знаменитый Савиньи выдвинулъ въ отношеніи къ исторіи народовъ западной Европы въ средніе вѣка (Geschichte des Römisch. Rechts im Mittelalter, 7 томовъ). Хотя необходимъ подобный трудъ какъ въ видахъ дальшаго изученія самого римскаго права, такъ и законодательствъ славянскихъ народовъ; но въ настоящее, однакоже, время, когда много источниковъ еще неизвѣстны, извѣстные не даны ученымъ образомъ, и изданные не обработаны критически, онъ едва ли возможенъ. Но заявлять о его необходимости, готовить материалы для его созиданія и тѣмъ пролагать путь и облегчать трудъ будущимъ дѣятелямъ, оставивъ уже заслугу. Поэтому нельзя не отнести съ полнымъ сочувствіемъ къ разсужденію г. Губе, хотя оно и далеко не разрѣшаетъ задачи.

На значеніе греко-римскаго права онъ указываетъ—въ Болгаріи, Сербіи, Черногоріи, Россіи, Далмаціи, Хорватіи, Чехіи, Силезіи и Польнѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что на законодательство всѣхъ этихъ племенъ, римское право имѣло вліяніе, но—не одинаково. Хотя всѣ славянскія племена получили христіанскую вѣру отъ Восточной имперіи; но нѣкоторыя изъ нихъ скоро подпали зависимости отъ Рима, таковы: Польша и Силезія, Богемія и Моравія, Хорватія и, частично, Далмація. Римское право дѣйствовало на ихъ юридическій бытъ чрезъ посредство Рима, итальянскихъ и германскихъ племенъ. Оттого, въ этомъ отношеніи онѣ примыкаютъ къ всѣмъ другимъ западно-европейскимъ народамъ, между тѣмъ какъ племена русскія, сербскія и болгарскія сохранили непосредственную и живую связь съ Восточною имперіею, и поэтому историческая судьба у нихъ римскаго права представляется совершенно въ иномъ видѣ. Авторъ разсматриваемаго со-

различіе, но изъ него же замѣчаній и изслѣдованій о каждомъ изъ этихъ племенъ, это различіе ясно выказывается. Изслѣдовать вліяніе римскаго права на законодательство западныхъ славянскихъ племенъ, конечно, любопытно; это изслѣдованіе будетъ только дополнителемъ новой книгѣю вообще къ исторіи римскаго права въ средніе вѣка въ западной Европѣ, и все не можетъ имѣть того новаго и важна значенія, какъ изслѣдованіе о судьбѣ римскаго права у восточныхъ славянъ и вліяніи общаго и законовъ нѣкоторыхъ изъ нихъ на самое развитіе римскаго права послѣ Юстиніана.

Но и въ отношеніи къ этой сторонѣ вопроса встрѣчаемъ въ разсужденіи г. Губе несколько указаній и предположеній, не лишённыхъ нѣкоторой степени вѣроятности. Въ отношеніи къ Россіи, онъ не предлагаетъ ничего новаго для нашихъ юристовъ, пользуясь самъ только тѣми свѣденіями, которыми пользуется изъ ихъ же трудовъ; но въ отношеніи къ Болгаріи и Сербіи въ его разсужденіи находимъ любопытныя указанія. Не можемъ обратить вниманія на его предположеніе, что извѣстный сборникъ, подъ названіемъ *Законнаго царя Константина великаго*, попадающійся и въ отдѣльныхъ спискахъ и вошедшій въ составъ нашей *Кормчей книги*, онъ составляетъ судебникомъ для болгарскаго царства составленнымъ вѣроятно во время царя Савиньи, изъ законовъ римскихъ и болгарскихъ. Это предположеніе, конечно, не представляется невѣроятнымъ; но оно требуетъ многихъ и подробныхъ изслѣдованій для того, чтобы сдѣлаться достояніемъ науки. Въ отношеніи къ Сербіи, г. Губе не ограничился предположеніями, но узнавъ, что рукопись сербскаго *Законника* царя Стефана Душана изданнаго Шафариковомъ въ 1851 г. (Pamätky du našo pismenitstwi juhoslovanuv, v Praze), кро этого памятника, заключаетъ въ себѣ сборникъ постановленій, извлеченныхъ большею частью изъ римскаго права, но съ добавленіями, очевидно мѣстными, сербскими, онъ составилъ списокъ съ этого сборника и издалъ его приложеніемъ къ разсматриваемому разсужденію. Обнародованіе этого новаго памятника законодательства, любопытнаго во многихъ отношеніяхъ, заслуживаетъ особенной благодар-

сти г. Губе со стороны русских ученых юристовъ.

А. П.—вз.

Сцены природы въ Сѣверной Америкѣ, Одобона, съ литографированными рисунками. Переводъ К. Жилиной. Москва, 1868. Стр. 79. Ц. 1 р. 25 к.

Американецъ Одобонъ прославился изданною въ началѣ тридцатыхъ годовъ «Биографіею Птицъ». Это великолѣпное изданіе заключаетъ въ себѣ полное описаніе птицъ Америки и цѣлыхъ три тома in folio рисунковъ, въ натуральную величину. Экземпляръ его стоитъ до 4,000 франковъ. Одобонъ принадлежалъ къ тѣмъ пионерамъ науки и поэзіи, которые пошли въ лѣса и пустыни Сѣверной Америки, по слѣдамъ пионеровъ—земледѣльцовъ и звѣролововъ. Тайна неприступныхъ лѣсовъ, дикость природы и оригинальность обитателей этихъ чащъ влекли ихъ къ себѣ и запечатлѣли ихъ произведенія своеобразною поэзіею, въ которой прелесть красокъ соединяется съ привлекательностью открытія. Сынъ богатаго пенсильванскаго плантатора, Одобонъ съ дѣтства съ увлеченіемъ занимался изученіемъ птицъ, пробовать рисовать ихъ. Отецъ его, видя въ этомъ направленіи только страсть къ рисованію, послалъ сына въ Парижъ, учиться живописи у знаменитаго Давида. Но молодой орнитологъ удовольствовался тѣмъ, что научился вѣрно рисовать съ натуры и возвратился въ Америку, гдѣ занялся всецѣло изученіемъ своего любимаго предмета. Онъ скитался по лѣсамъ, испыталъ тамъ не мало приключеній и возвращаясь домой отдѣлывалъ свою добычу — рисунки видѣнныхъ имъ птицъ. Мысль объ изданіи этихъ наблюденій и рисунковъ подавъ Одобону извѣстный орнитологъ Люціанъ Бонапартъ, съ которымъ онъ познакомился въ Нью-Йоркѣ. Одобонъ поѣхалъ въ Англію, и тамъ нашелъ 75 подписчиковъ изъ которыхъ каждый далъ ему по 1000 долларовъ на изданіе его сочиненія. Онъ умеръ въ 1851 г.

«Сцены природы», переведенныя г-жею Жилиной, заключаютъ въ себѣ популярно написанныя монографіи нѣсколькихъ птицъ, и нѣсколько настоящихъ «сценъ природы», напр., пожаръ въ лѣсу. Впрочемъ монографіи описываютъ собственно бытъ птицъ и охоту за ними, такъ что могутъ быть названы «сценами» или картинами.

«Картины» Одобона очень популярны за

границею и давно слѣдовало познакомиться съ ними русскую публику. Къ сожалѣнію, московское изданіе довольно неопратно, хотя впрочемъ помѣщенные въ немъ нѣсколько расширенныхъ рисунковъ весьма удовлетворительны. Переводъ представляетъ не мало примѣровъ замѣчательной неправоности языка «Къ нему (бѣлоголовому орлу) подойти легки когда не имѣешь при себѣ ружья, но употребленіе ея, вѣроятно ему хорошо извѣстно... Не смотря на всю ея осторожность, изъ все-таки убиваютъ очень много изъ-за дребезья», и т. д. Подобный складъ рѣчи попадается не разъ.

Воздухъ и воздушный міръ съ его явленіями и обитателями. Сочин. Артура Манжеса. Переводъ съ французскаго, съ дополненіями П. Ольхина. Съ 157 политипажами въ текстѣ. Изд. М. О. Вольфа. Спб. и Москва 1868. Стр. 547. Ц. 3 р.

Это сочиненіе представляетъ довольно полное описаніе воздуха въ физическомъ и химическомъ отношеніяхъ, очеркъ метеорологіи и общій взглядъ на міръ «летающихъ». При такой программѣ сюда вошло отчасти изобрѣтенія аэростатовъ, вмѣстѣ съ очеркомъ летающихъ насѣкомыхъ и нѣкоторыхъ птицъ. Программа эта, какъ вообще программа подобныхъ сборниковъ, не можетъ быть названа рациональною и, охватывая множество самыхъ разнообразныхъ предметовъ, предполагаетъ поверхностность въ ихъ изложеніи. Чтобы избѣгнуть, по возможности, этого недостатка, Манжесъ включилъ въ свое сочиненіе такіе общіе очерки, которые дали ему право ограничиваться затѣмъ нѣсколькими примѣрами и на этихъ примѣрахъ остановиться дольше. Такъ, онъ помѣстилъ статью о строеніи насѣкомыхъ и затѣмъ остановился на нѣкоторыхъ родахъ ихъ, какъ бы въ видѣ примѣровъ. Вслѣдствіе того, описываемые имъ роды не кажутся произвольно выхваченными фактами энтомологіи. Точно такъ, своему описанію нѣкоторыхъ породъ птицъ, онъ предпослалъ общую статью объ устройствѣ летательнаго снаряда птицъ.

Въ книгѣ Манжеса изложеніе остается строго-научнымъ, несмотря на свою популярность, которая достигается у него приведеніемъ множества опытовъ, разсказовъ (разсказаны даже воздухоплаванія пресловутаго Надара), цитатъ,

и историческимъ приемомъ при изложеніи научныхъ фактовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что лучшее средство растолковать неприспособленному уму значеніе какой-либо научной истины и запечатлѣть въ немъ эту истину состоитъ въ томъ, чтобы разсказать, какъ сама наука пришла къ открытію этой истины. Дѣлаясь, такимъ образомъ, какъ бы сотрудникомъ изслѣдователей, читатель заинтересовывается въ результатъ, къ которому они пришли, и усваиваетъ его себѣ съ полной ясностью и критически.

Для чтенія книги Манжена въ оригиналѣ вовсе не нужна научная подготовка; но, для чтенія русскаго перевода, необходимо первоначальное знакомство съ физическою терминологіей, такъ какъ переводчикъ не вездѣ перевелъ иностранныя названія. Въ книгѣ Манжена есть, между прочимъ, біографія Одюбона и его портретъ. Помимо указаннаго недостатка въ терминологіи, переводъ можетъ быть названъ тщательнымъ, а рисунки насѣкомыхъ сдѣланы весьма отчетливо.

Путешествіе по Амуру и восточной Сибири, А. Мичи, съ прибавленіемъ статей изъ путешествій г. Радде, Р. Маака и др. Переводъ съ нѣмецкаго М. Ольхина. Съ 80 рисунками. Сиб. 1868. Стр. 351. Ц. 2 р. 50 к.

Путешествіе Мичи съ добавленіями, старательно и удачно выбранными переводчикомъ, образуетъ интересный сборникъ. Здѣсь можно встрѣтить, конечно, наивныя сужденія иностранцевъ, вообще мало знакомыхъ съ складомъ нашего общества; но взглядъ на условія громаднѣхъ восточныхъ владѣній Россіи, на промыслы и бытъ инородцевъ, отличается безпристрастіемъ и основательностью. При всемъ интересѣ, который представляетъ вообще весьма серьезное и научное описаніе земель нашихъ, мы, къ сожалѣнію, бѣдны собственными изслѣдованіями, и потому должны довольствоваться чужими трудами иностранцевъ, гдѣ,

естественно, встрѣчается смѣсь дѣльнаго съ оригинальными замѣтками, обличающими крайнее непониманіе ими описываемой среды. Вотъ, для образца, одно изъ разсужденій иностранцевъ: «Отношенія русскихъ и китайцевъ въ торговлѣ и дипломатіи особенныя. Уже давно замѣчено, что русскіе весьма хорошо умѣютъ обращаться съ азіатцами; этимъ объясняется, отчего они тихо и мирно проложили себѣ путь въ Китай, между тѣмъ, какъ англичане вторглись въ него съ огнемъ и мечемъ. Русскіе обращаются съ китайцами, какъ греки съ греками (!). При взаимныхъ сношеніяхъ, они дѣйствуютъ силою противъ силы, учтивостью противъ учтивости, и терпѣніемъ противъ терпѣнія: одинъ понимаетъ другого отлично». Есть даже пренаивная параллель между развитіемъ Китая и Россіи, государствъ, «которыя оба были покорены монголами». Такой взглядъ можетъ быть поставленъ на ряду съ увѣреніемъ путешественника, что «члены русской аристократіи», которымъ принадлежатъ золотые принцы около Иркутска, «постоянно живутъ тамъ со своими семействами». Но все это, обличая незнакомство иностранцевъ съ Россіею и русскимъ обществомъ, нисколько не уменьшаетъ цѣны ихъ наблюденій надъ такими предметами, которые изучаются легко, при достаточномъ запасѣ научныхъ свѣдѣній и наблюдательности. Замѣтимъ, что въ одномъ мѣстѣ высказывается такое убѣжденіе: «Монголія давно уже желаетъ присоединиться къ Россіи и лишь ждетъ для этого удобнаго случая».

Разсказъ ведетъ самъ переводчикъ, котораго собственно слѣдуетъ назвать составителемъ сборника. Такимъ образомъ, о Мичи, Радде и др. говорится въ третьемъ лицѣ. Рисунки вообще недурны (какъ напр., внутренность русской избы и почтовая станція). Но есть и крайне плохіе (напр. на стр. 89, гдѣ изображается что-то совсѣмъ непонятное и уродливое).

ПОПРАВКА КЪ «ВОСПОМИНАНІЯМЪ» ПАНАЕВА.

(Письмо въ Редакцію.)

«Вѣстникъ Европы», издавая «Воспоминанія» Панаева, весьма справедливо напомнилъ своимъ читателямъ «о необходимости относиться *критически*» къ подобнаго рода произведеніямъ, и замѣтилъ, что «въ исторіи, какъ и въ судѣ, *обвиняющій* очень легко можетъ выдти изъ суда самъ *обвиненнымъ*». Редакція, съ своей стороны, представила два довольно яркія примѣра тому, какъ иногда относится къ лицамъ и событіямъ упомянутый авторъ «Воспоминаній» въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ замѣшаны личные его интересы. Я намѣренъ съ своей стороны дополнить указанное редакціею, и притомъ по поводу лица, на которое авторъ пытается бросить, по крайней мѣрѣ, тѣнь сомнѣнія, за невозможностью, вѣроятно, олеветать его прямо Это лицо — Михайль Михайловичъ Сперанскій. Онъ, въ 1828 году, былъ предсѣдателемъ особаго комитета, учрежденнаго для разсмотрѣнія дѣйствій и обревизованія счетовъ директора итергофской бумажной фабрики Вистингаузена. Членами комитета были: министръ юстиціи князь Долгорукій и государственный контролеръ Хитрово, а Панаевъ назначенъ правителемъ дѣлъ. (См. Вѣст. Евр. 1867 г. т. IV, отд. I, стр. 137—142.) Комитетъ въ первое свое засѣданіе выслушавъ приготовленную Панаевымъ печатную записку о положеніи хозяйственныхъ дѣлъ фабрики, призналъ необходимымъ поручить подробное обревизованіе счетовъ фабрики опытному чиновнику государственнаго контроля, и по рекомендаціи А. З. Хитрово возложилъ это дѣло на меня.

Считаю бесполезнымъ опровергать здѣсь рассказъ Панаева объ отношеніяхъ моихъ къ нему и о бывшихъ будто бы состязаніяхъ съ нимъ, касательно причиненныхъ Вистингаузеномъ казнѣ убытковъ. Каждый, кому хотя сколько нибудь извѣстны права и обязанности самостоятельныхъ ревизоровъ государственнаго контроля, въ восхваленіяхъ себя Панаевымъ найдетъ только причину не довѣрять и прочему его рассказу. Обращаясь къ самому дѣлу, по поводу котораго Панаевъ, желая помрачить безкорыстную дѣятельность Сперанскаго, не шадеть и меня; но въ оправданіе свое, я нахожу достаточнымъ указать только на то, что обвиняю вмѣстѣ съ Сперанскимъ, и вотъ въ чемъ состоитъ самое обвиненіе. Панаевъ придумалъ, что Перовскій послѣ того, какъ Шамшинъ окончилъ и доложилъ комитету ревизіонную свою записку, сталъ подозрѣвать «не только Шамшина, но и самаго Сперанскаго въ понарождѣ Вистингаузена», тѣмъ болѣе что послѣдній будто бы хвалился (какъ отъ кого-то Перовскій слышалъ), что, «пожертвовавъ пятьдесятъ тысячъ, онъ не опасается никакихъ дурныхъ для себя послѣдствій». А въ доказательство такого подозрѣнія Перовскаго, авторъ приводитъ извѣстныя только ему одному поступки Перовскаго «Въ подозрѣніи своемъ — замѣчаетъ Панаевъ — Перовскій дошелъ до того, что не остановился сказать объ этомъ слухѣ Михайлу Михайловичу (Сперанскому); причемъ такъ устремилъ на него глаза (какъ самъ мнѣ рассказывалъ), что тотъ покраснѣлъ». Положимъ, что авторъ спѣшитъ объяснить за тѣмъ, что Перовскій въ своемъ «подозрѣніи не только Шамшина, но и самаго Сперанскаго» — запелъ слишкомъ далеко, что все это оказалось слухомъ, который Перовскій *придумалъ* съ цѣлью — «чтобы и реконфузиту членовъ Комитета»; авторъ даже признаетъ, что поступокъ Перовскаго былъ «дерзкимъ предположеніемъ», «обидною выходкой.» Но не смотря на то, что такимъ образомъ Панаевъ скорѣе оскорбилъ память Перовскаго нежели Сперанскаго, — нельзя не замѣтить, что авторъ «Воспоминаній» воспользовался здѣсь своею же выдумкою, чтобы прибѣгнуть лопкъ къ такъ называемой фигурѣ умолчанія, и заставить читателя думать, что если Сперанскій дѣйствовавшій съ нимъ за-одно, Шамшинъ и не виновны во взяточничествѣ, то все же они рѣшили дѣло не по правдѣ, и, какъ говорится, *въ нику* Перовскому — рѣшились защитить непричестное дѣло Вистингаузена. Дѣйствительно, Панаевъ говоритъ дагѣе, что «дерзкій поступокъ Перовскаго произвелъ противное дѣйствіе: оскорбленный Сперанскій *рѣшился* вести дѣло

вопреки мнѣнію министра двора, «я по возможности выгородить изъ бѣды подсудимаго», а читателю авторъ предоставляетъ догадаться, что, при тѣхъ обстоятельствахъ, дѣйствовать «*вопреки мнѣнію министра*» значило дѣйствовать вопреки мнѣнію Панаева: слѣдовательно, вопреки правдѣ! Весьма естественно, что Панаевъ на эту тему рассказываетъ весь дальнѣйшій ходъ дѣла, и соотвѣтственно своей дѣли искажаетъ и переименовываетъ всѣ факты. Считаю своею обязанностью поправить автора, съ документами въ рукахъ, и доказать, что М. М. Сперанскій и тѣ, которые занимались одновременно съ нимъ по этому дѣлу, не только не могли быть подкуплены — что впрочемъ и авторъ не принимаетъ на себя смѣлости подтвердить — но и не думали принимать въ соображеніе какое нибудь личное оскорбленіе, и дѣйствовали по совѣсти, безъ всякаго чувства мести за какое бы то ни было «дерзкое предположеніе».

Какимъ же образомъ повелъ дѣло Сперанскій, вопреки мнѣнію министра двора, или лучше сказать, вопреки мнѣнію Панаева, который силится вездѣ намекнуть, что начальство руководилось его мнѣніемъ? Какими средствами Сперанскій выгораживалъ изъ бѣды подсудимаго, вмѣстѣ съ тѣми, которые будто бы были его единомышленниками въ этомъ дѣлѣ?

По времячисленію Панаева, обиды, нанесенная Сперанскому Перовскимъ, относилась къ началу октября 1827 года. Около 20 октября, Панаевъ явился къ Сперанскому съ журналомъ по дѣлу Вистингаузена. Сперанскій, замѣчаетъ Панаевъ, подъ влияніемъ той обиды, не далъ ему дочитать журнала, отзываясь недосугомъ, а во время чтенія опровергалъ его, «впрочемъ весьма спокойно, хладнокровно, безъ малѣйшаго вида заступничества» — такъ говоритъ Панаевъ. Откуда же, спрашивается, усмотрѣлъ Панаевъ это заступничество, когда онъ въ то же время признается, что опроверженія дѣлались «безъ малѣйшаго вида заступничества», и на какомъ основаніи авторъ «Воспоминаній» предполагаетъ, что Сперанскій не хотѣлъ дослушать его подъ предлогомъ недосуга? Но не въ томъ дѣло: было ли, или не было досуга у Сперанскаго, во всякомъ случаѣ недослушать журнала Панаева не могло быть средствомъ къ тому, чтобы выгородить Вистингаузена. Сперанскій, по словамъ Панаева, просилъ оставить бумаги у него, для прочтенія въ свободное время. Сперанскій не призывалъ его дѣлать мѣсяцъ, и наконецъ, встрѣтившись съ нимъ 21 ноября на Невскомъ (при семъ Панаевъ слѣдуетъ замѣтить, что съ того времени прошло слишкомъ 30 лѣтъ, какъ онъ не былъ на Невскомъ для прогулки), остановилъ Панаева и сказалъ ему: «Я не присылалъ за вами, потому что самъ занялся составленіемъ журнала.... въ субботу (разговоръ происходилъ въ четвергъ) мы соберемся въ послѣдній разъ для прочтенія журнала, а въ воскресенье я доложу дѣло Государю».

Что же случилось? «Суббота, говоритъ Панаевъ, прошла безъ присылки за мною, а въ воскресенье Государь уже передалъ князю Петру Михайловичу (Волконскому) журналъ Комитета, въ которомъ весьма были *ослаблены* и вины Вистингаузена и самые убытки казны».

Вотъ какимъ образомъ, то посредствомъ анекдота съ Перовскимъ, то сомнительными выраженіями, въ родѣ: *вопреки мнѣнію министра*, или *выгородить изъ бѣды подсудимаго*, или, наконецъ, *ослабить вины*, — авторъ вселяетъ мало по малу въ читателей мнѣніе, что Сперанскій и другіе вмѣстѣ съ нимъ, если и не по корыстнымъ побужденіямъ, то по чувству уязвленнаго самолюбія, рѣшились нарушить правду и дѣйствовать незаконно.

Чего же долженъ ожидать читатель, предрасположенный такимъ образомъ въ пользу навѣтовъ Панаева? Но вопреки всякаго чаянія, изъ дальнѣйшихъ словъ автора «Воспоминаній» оказывается, что онъ наивно самъ себя обличаетъ въ несостоятельности своего вымысла, ибо Панаевъ увѣряетъ, что будто бы при журналѣ комитета Сперанскій представилъ Государю двѣ записки, изъ которыхъ въ одной предполагалъ онъ *внести дѣло для окончательнаго рѣшенія въ государственный советъ*, а въ другой, и притомъ предпочтительно, *предоставитъ оное разсмотрѣнію перваго департамента сената*, поелику оно заключало въ себѣ тяжбу частнаго лица съ казною». Но кто же не пойметъ, что этого не могло быть; что представлять Государю одновременно двѣ докладныя записки по одному и тому же дѣлу — невозможно!

Неужели Сперанскій, въ виду существованія государственныхъ учреждений, отказался бы воспользоваться дарованнымъ правомъ экстренному комитету рѣшить участь Вистингаузена?

Всякій сколько нибудь безпристрастный человекъ видитъ, что нельзя выгородить изъ бѣдъ подсудимаго тѣмъ, что предать его суду людей, независящихъ уже отъ нашей воли. И не смотря на это, Панаевъ восклицаетъ: «Такииъ образомъ, Сперанскій отплатилъ Перовскому за егъ обидную выходку и ловко уклонился отъ рѣшенія участи Вистингаузена, хотя съ тѣмъ имени Комитетъ и былъ учрежденъ».

Враги Панаева, если бы они захотѣли дѣйствовать его же оружіемъ, могли бы изъ всего этого сдѣлать другого рода выводъ.

Если бы Сперанскій желалъ, побуждаемый какимъ нибудь неблагороднымъ чувствомъ мстить своимъ противникамъ, то онъ, конечно, не отказался бы воспользоваться правомъ Комитета, рѣшить участь Вистингаузена окончательно. И наоборотъ, если такіе противники Сперанскаго, какъ Панаевъ, считали местию такою отказъ отъ того права со стороны Сперанскаго, то не выразили ли они неосторожно тѣмъ самымъ сожалѣнія, что участь Вистингаузена уходитъ изъ ихъ рукъ?

За тѣмъ, Панаеву пришлось оставить область фразъ, намековъ, сомнительныхъ выраженій и перейти въ область фактовъ. Посмотримъ, какъ онъ будетъ справляться съ фактами.

Панаевъ увѣряетъ, что «по докладу князя Петра Михайловича, Вистингаузенъ былъ узнанъ, а дѣло внесено въ государственный совѣтъ, который потомъ опредѣлилъ предать его суду за разные беспорядки по управленію мануфактурою и за самозванство, потому что онъ будучи коллежскимъ ассессоромъ, подписывался надворнымъ совѣтникомъ; убытки же взимать съ имѣнія, какое гдѣ окажется».

Но Панаевъ не подумалъ, что во всемъ этомъ изложеніи легко замѣтить весьма важныя недостатки, а именно неозначеніе времени, когда рѣшеніе государственнаго совѣта состоялось. Съ другой стороны, кто повѣритъ автору, чтобы донесеніе Сперанскаго было представлено государю не лично имъ самимъ, а чрезъ посредство князя Волконскаго, который будто бы чрезъ то и достигъ того, что дѣло было внесено не въ сенатъ, а въ государственный совѣтъ? Нельзя повѣритъ также и тому, чтобы отставка Вистингаузена могла предшествовать рѣшенію дѣла судебнымъ порядкомъ.

Все это дѣло происходило слѣдующимъ образомъ.

По выслушаніи и утверженіи моеи докладной записки, Михаилъ Михайловичъ приказалъ мнѣ оставить ее у него для того, что онъ самъ намѣренъ былъ написать журналъ Комитета въ которомъ Панаевъ не былъ, а потому и не могъ знать рѣшенія его во всей подробности главное потому, что находилъ неприличнымъ поручить ему дальнѣйшее производство дѣла какъ подчиненному министра двора.

Около двухъ мѣсяцевъ Михаилъ Михайловичъ не принимался за это дѣло, будучи занятъ другимъ важнѣйшимъ — составленіемъ свода законовъ, о которомъ надлежало ему лично донести государю, по возвращеніи его величества съ театра войны. Настала уже зима, какъ въ одинъ день государственный контролеръ прислалъ мнѣ проектъ доклада при слѣдующемъ къ нему письмѣ Сперанскаго:

«Посылаю къ вашему превосходительству составленный мною проектъ доклада, покорнѣйше прося передать его г. Шампину съ тѣмъ, чтобы онъ, прочитавъ его съ вѣрнымъ своимъ взглядомъ, сказалъ мнѣ откровенно соотвѣтствуетъ ли онъ ревизіонной его запискѣ».

На другой же день я представилъ лично Михаилу Михайловичу проектъ его съ однимъ только замѣчаніемъ противъ того мѣста, гдѣ онъ требовалъ, чтобы я опредѣлилъ число счетовъ и дѣлъ, подлежащихъ разсмотрѣнію Комитета. Я отвѣтилъ, что этого со всею точностію сдѣлать невозможно, а лучше сказать неопредѣленно: *множество счетовъ и дѣлъ за 14 мѣтъ*, — съ чѣмъ онъ согласился, и за тѣмъ сказалъ: «Я еще прочитаю вашу записку съ большимъ вниманіемъ. Вы теперь знаете, что я намѣренъ представить ее при докладѣ государю императору, испрашивая повелѣніе передать все дѣло на окончательное разрѣшеніе сената; но въ вашей запискѣ вы разсуждаете о нѣкоторыхъ лицахъ высшаго званія въ такихъ выраженіяхъ, которыя, по моему мнѣнію, не совсѣмъ умѣстны; я загнулъ листы, на которыхъ вы найдете, что слѣдуетъ исправить; сдѣлайте это, какъ вы признаете за лучшее и привезите

переписать». Я извинился, что не имѣя въ виду, чтобы моя записка получила такое направленіе, писалъ для Комитета по совѣсти все, что открылъ въ дѣлахъ фабрики. «Хорошо, за это я представляю васъ къ награжденію орденомъ св. Анны 2 ст. съ алмазами, или другимъ соотвѣственнымъ тому подаркомъ, такъ какъ уже теперь носится слухъ, что съ новаго года вмѣсто брилліантовъ орденскіе знаки будутъ украшаться Императорскою короною».

Поблагодаривъ за такую благосклонность, я отправился въ департаментъ удѣловъ, гдѣ попросилъ г-на Панаева указать мнѣ свободное мѣсто и дать тѣхъ же двухъ писцовъ, которые переписывали мою записку, что онъ исполнилъ, но съ явнымъ неудовольствіемъ. Спустя часа два, какъ я принялся за свою работу, исправляя загнутые листы и давая ихъ переписывать, подходить ко мнѣ Перовскій, вѣроятно извѣщенный Панаевымъ съ предубѣжденіемъ о моемъ занятіи. — Здравствуйте! что вы дѣлаете?—Я отвѣчалъ откровенно, что по приказанію Михаила Михайловича нужно смягчить нѣкоторыя выраженія въ докладной моей запискѣ и для этого переписать листа четыре, не болѣе. — А! — и съ этимъ словомъ Перовскій удалился отъ меня, примѣтно недовольный. Надо замѣтить, что записка моя въ первоначальномъ ея видѣ была переписана, какъ послѣ канцелярскіе чиновники мнѣ рассказывали, въ двухъ экземплярахъ: одинъ для меня, а другой, безъ вѣдома моего, для Перовскаго, который поэтому, зная о содержаніи ея, не только не имѣлъ причины быть мною недовольнымъ, но, напротивъ, оказывалъ мнѣ особенное вниманіе. Панаевъ, безъ сомнѣнія, еще прежде Перовскаго прочитывалъ списокъ съ моей записки; слѣдовательно до того времени, т. е. до ноября мѣсяца, когда пришлось мнѣ сдѣлать въ ней небольшія поправки въ выраженіяхъ, вовсе не касающихся начетовъ на Вистингаузена, которые и не могли быть измѣнены безъ ломки всей записки, онъ не имѣлъ ни малѣйшаго повода думать, что я держу сторону Вистингаузена. А въ «Воспоминаніяхъ» своихъ, писанныхъ спустя 30 лѣтъ послѣ совершившагося факта, онъ объявляетъ жестокую борьбу противъ небывалыхъ моихъ мнѣній, называлъ ихъ «софизмами и цифирнымъ подъячиствомъ». Объяснивъ выше, по какой причинѣ Сперанскій не рѣшился оставить его правителемъ дѣлъ Комитета, мнѣ остается сказать послѣднее слово о томъ только, чѣмъ кончилось дѣло о Вистингаузенѣ. При донесеніи, а не при журналѣ Комитета, представлена была въ подлинникъ и ревизіонная моя записка. Комитетъ полагалъ передать это дѣло на окончательное разрѣшеніе прав. сената; по государю повелѣлъ внести его прямо въ государственный совѣтъ, о чемъ Сперанскій и сообщилъ по принадлежности министру императорскаго двора. Изъ этого оказывается, что князь Волконскій былъ исполнителемъ высочайшаго повелѣнія, а не докладчикомъ, воспротивившимся намъреніямъ Сперанскаго, къ чему онъ и не имѣлъ никакой основательной причины, зная въ точности содержаніе какъ моей ревизіонной записки, такъ и донесенія Комитета. Все это вполнѣ оправдывается высочайше утвержденнымъ 8 января 1829 г. мнѣніемъ государственнаго совѣта, въ которомъ между прочимъ постановлено слѣдующее:

«Государственный совѣтъ въ департаментѣ экономіи и въ общемъ собраніи разсматривалъ внесенныя по высочайшему соизволенію министромъ императорскаго двора донесеніе и докладную записку ¹⁾ особеннаго Комитета, бывшаго для разсмотрѣнія дѣлъ о петергофской бумажной фабрикѣ.

«Государственный совѣтъ признавая убытокъ, понесенный означенною фабрикою, *доказаннымъ*, признаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что оный произошелъ отъ неисполненія контракта директоромъ фабрики Вистингаузеномъ. Нарушеніе контракта со стороны его состоитъ въ томъ: 1) что ни въ количествѣ, ни въ качествахъ, ни въ сортахъ, ни въ дѣлѣ бумаги не исполненъ онъ пріятыхъ имъ обязательствъ, а отъ сего въ продажѣ бумаги произошла дороговизна, медленность и остановка, вообще же по управленію фабрикою, убытки; 2) что число рабочихъ простирается на фабрикѣ до 320 человекъ, тогда какъ по договору 1814 года и по смѣтѣ, въ 1816 году имъ представленной, оно должно было составлять не болѣе 60 человекъ; 3) что даже не исполнилъ онъ и тѣхъ обязанностей, кои въ 1826 году были постановлены, и употребивъ въ послѣдніе два года до 1.230,000 р., возвратилъ Кабинету едва 596 т руб.

¹⁾ Упомянутая здѣсь докладная записка есть та самая, которая составлена мною, подписана однимъ мною и Комитетомъ утверждена.

«Присовокупивъ къ сему описанныя въ донесеніи комитета виды злоупотребленій, какъ то ¹⁾.... государственный совѣтъ полагаетъ: дѣйствіе договора съ Вистингаузеномъ — прекратить, и вслѣдствіе того предоставить министру императорскаго двора съ удаленіемъ фабриканта, принять мѣры, и проч.»

Обращаясь за симъ къ вознагражденію убытковъ и къ мѣрѣ взысканія ихъ, государственный совѣтъ, по соображеніи обстоятельствъ дѣла съ общимъ закономъ, утвердить заключеніе Комитета и вслѣдствіе того положить: «Взыскать съ Вистингаузена убытки по тому расчету, какой въ донесеніи Комитета подробно означенъ ²⁾».

Къ сему, согласно съ мнѣніемъ Комитета, государственный совѣтъ присовокупилъ, «что въ число долга, *исчисленнаго по ревизіи дѣлъ и счетовъ*, слѣдуетъ принять не только всю наличную бумагу, но и всѣ готовые матеріалы, съ тѣмъ только различіемъ, чтобы принять ихъ не по произвольной цѣнѣ, какую фабрикантъ назначить и не безъ разбора издѣлій годныхъ отъ негодныхъ, но по надлежащему освидѣтельствованію и оцѣнкѣ, и слѣдовательно взыскать съ Вистингаузена только то, что за симъ зачетомъ составляетъ дѣйствительный недостатокъ въ отпущенныхъ ему капиталахъ и процентахъ».

По разрѣшеніи такимъ образомъ въ государственномъ совѣтѣ дѣла о Вистингаузенѣ, оно было передано къ исполненію министру императорскаго двора, а съ тѣмъ вмѣстѣ поступило къ нему и представленіе Сперанскаго о моей наградѣ, вслѣдствіе чего по докладу князя Волконскаго всемилоstinѣйше пожалованъ мнѣ, 29 января 1829 года, изъ кабинета его величества бриллиантовый перстень въ 2,000 р.—Теперь спрашивается: подтверждаютъ ли эти документы разсказъ Панаева? Онъ, безъ сомнѣнія, внимательно читалъ ихъ; зналъ также, что и Левъ Алексѣевичъ Перовскій, по просьбѣ моей, охотно исходатайствовалъ у князя Волконскаго предписаніе кабинету выдать мнѣ, вмѣсто перстня, означенную сумму безъ всякаго вычета, чего конечно онъ не сдѣлалъ бы, еслибъ раздѣлялъ обо мнѣ мысли Панаева, а не отдавалъ трудамъ моимъ справедливости; и послѣ всего этого, съ какимъ намѣреніемъ Панаевъ вздумалъ черезъ 30 лѣтъ, вопреки существующихъ еще неоспоримыхъ данныхъ, написать въ своихъ воспоминаніяхъ небылицу о служебной своей дѣятельности, исказить истину въ похвалу себѣ и въ помраченіе имени столь высоко стоявшихъ надъ нимъ лицъ, каковы были: графъ Сперанскій, министръ юстиціи князь Долгорукій и государственный контролеръ Хитрово? Осуждая дѣйствія Сперанскаго, приписывая ему умышленное заступничество за Вистингаузена, онъ явно относилъ эти дѣйствія и къ прочимъ членамъ Комитета. Имѣя предъ собою положительные документы, мы не считали себя въ правѣ остаться равнодушными къ нареканію, и своимъ молчаніемъ поддерживать старую пословицу: «Хорошая слава лежитъ, а худая бѣжитъ». Панаевъ хотѣлъ пустить худую славу, и притомъ о людяхъ, пользовавшихся уваженіемъ современниковъ; онъ рассчитывалъ на силу той пословицы; но истина оказывается далеко не на его сторонѣ.

С.-Петербургъ. — 20 марта, 1868.

И. Шаминъ.

¹⁾ Описанные въ донесеніи Комитета виды злоупотребленій (по обширности дѣла, о нихъ здѣсь не упоминается) взяты, какъ само собою разумѣется, изъ моей докладной записки, въ которой исчислены и убытки казны, отъ этихъ злоупотребленій происшедшіе.

²⁾ Изъ сенатскихъ вѣдомостей 1829 года № 2, гдѣ при указѣ сената, отъ 22 февраля того года, опубликовано рѣшеніе государственнаго совѣта, видѣть можно, что по составленному мною расчету, объясненному въ донесеніи Комитета, убытки казны, подлежащіе ко взысканію съ Вистингаузена, простираются до 1,448,068 руб.! Можно ли послѣ того утверждать, что эти убытки весьма были уменьшены, или ослаблены, какъ пишетъ Панаевъ, умышленно не поставляя на видъ этой суммы?

М. Стасюлевичъ.

Дѣло Новикова и его товарищей. — По новымъ документамъ. — I-V. — А. Н. ПОПОВА	Стр. 617
Происхождение русскихъ вылинь. — VIII. Илья Муромецъ. — IX. Дунай. — X. Ванька Вдовкинъ-сынъ. — В. В. СТАСОВА	651
Донъ, Кавказъ и Крымъ. — Изъ путевыхъ воспоминаній. — I. — И. И. КРЕТОВИЧА	699 ←
Записки о Россіи XVII-го и XVIII-го вѣка, по донесеніямъ голландскихъ резидентовъ. — II. — Посольство Бредероде, Басса и Иоакима въ Россіи, и ихъ донесеніе Генеральнымъ-Штатамъ, 1615 — 1616 гг. — Перев. съ голланд. рукописа	718
Гавсбургская семейная переписка въ XVIII-мъ вѣкѣ. — И. Н.	763
Политическая сатира во Франціи. — VI — XII. — В. О.	788
Английская литература. — Книга герцога Аргойя: «Царство Закона». — В. И. УТИНА.	811
Судебное обозрѣніе. — Судъ и Полиція. — В. И.	824
Ежемесячная хроника исторіи, политикѣ, литературы.	843
Ирландія предъ судомъ общественнаго мнѣнія въ Англии. — Л. П.	870
Новый законъ о печати во Франціи. — К. К. АРСЕНЬЕВА.	901
Театръ. — Ожѣе и реализмъ современной драмы. — Е. О.	932
Литературныя извѣстія. — Мартъ	949

О ПЕЧАТК И

ВЪ ПЕРВОМЪ ТОМѢ: ЯНВАРЬ И ФЕВРАЛЬ.

Стран.	Строки.	Напечатано:	Видѣно:
18	2 снизу	ней	той
19	16 >	сама	сими
20	15 >	угостила	угостила
55	11 >	contre	contre
66	21 сверху	Херсонъ, гдѣ	Херсонъ, названный въ память мѣста, гдѣ
121	17 снизу	Синай	Синею
170	22 >	ставить	сопоставить
269	19 >	пчоремъ	прочемъ
346	16 сверху	народъ	назадъ
349	5 снизу	долдѣяхъ	дождѣяхъ
350	4 сверху	вахчанговыхъ	вахтанговыхъ
—	27 >	подвергали	подвергались
—	12 снизу	направленіи	исправленія
351	16 сверху	представители враждебныхъ реформъ	противники, враждебные реформъ,
354	7 снизу	общихъ	общихъ
371	34 сверху	подвергало	подвержено
376	36 >	и, конечно,	и какое-то
377	19 >	замѣчанія	заключенія
—	2 снизу	transitaria	transitoria
378	21 сверху	по	
—	32 >	в	

Война и миръ. Романъ г. А. Н. Толстаго. Часть четвертая. Москва. 1868.

Продолженіе первыхъ трехъ частей романа, о которыхъ былъ уже нами представленъ критическій отчетъ, останавливается нынѣшній разъ на Бородинской битвѣ, а потому основная мысль всего произведенія остается до сихъ поръ еще не вполне объясненою; ожидать такого объясненія отъ четвертой части оказалось тѣмъ болѣе трудно, что эта часть ушла почти вся на попытку автора, не всегда счастливую, обратить вниманіе въ романъ. Къ какимъ политическимъ и философскимъ воззрѣніямъ пришелъ авторъ, не найди романа въ своей области и усилывая отыскать романъ тамъ, гдѣ его не слѣдовало искать—на это подробнѣе указала наша «Ежемесячная хроника».

Замѣтки по средне-азиатскому вопросу, Д. И. Романовскаго. Съ приложеніями и картою Туркестанскаго генералъ-губернаторства. Сиб. 1868. Стр. 291. Ц. 1 р. 25 к.

При важности средне-азиатскаго вопроса для всего нашего будущаго и при крайней отрывочности и недостаточности нашихъ свѣдѣній о ходѣ его въ настоящее время, общественное мнѣніе у насъ смотритъ на это дѣло, почти какъ на чуждое его интересамъ. Между тѣмъ, вся сила новыхъ пріобрѣтеній заключается именно въ той степени участія, которую обнаруживаетъ общество, зорко слѣдя и подвергая критикѣ всѣ военныя и административныя дѣйствія въ новомъ краѣ. Только въ такомъ случаѣ, за арміями правительства слѣдуютъ цѣлыя арміи промышленныя и цивилизованныя силы страны, которыя собственно и овладѣваютъ краемъ. Въ этомъ отношеніи, трудъ Д. И. Романовскаго, снабженный на половину весьма важными официальными документами, является какъ нельзя болѣе кстати.

Справочная книжка Оренбургской губерніи на 1868 годъ. Изданіе Оренбургскаго Губернскаго Статистическаго Комитета. Оренбургъ. 1868. Ц. 1 руб.

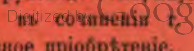
Безъ сомнѣнія, наперекоръ мнѣнію большинства, мы назовемъ эту книжку, наполненную собственными именами и цифрами, весьма любопытною; но за то съ нами согласятся люди наблюдательные, и тѣ историка, которые иногда за одну цифру отдадутъ цѣлые томы разноглагольствій. *Notitia dignitatum*, этогъ адресъ-календарь римской имперіи, считается драгоценнѣйшимъ пріобрѣтеніемъ исторіи, хотя онъ весь состоитъ почти изъ одной номенклатуры. «Справочная книжка» Оренбурга, ближайшей мѣстности къ театру средне-азиатскаго вопроса, представляетъ именно такой мѣстный *Notitia dignitatum*, т. е. исчисленіе лицъ, составляющихъ администрацію края, но, къ сожалѣнію, безъ тѣхъ подробностей, которыя мы

находимъ въ римскомъ адресъ-календарѣ. За то въ ней мы встрѣчаемъ большое число статистическихъ таблицъ, которыя даютъ намъ точное попятіе о промышленныхъ, умственныхъ и физическихъ средствахъ края. Выгоды изъ цифръ краснорѣчивы, но не блестящи! 18 декабря 1866 года было произведено въ Оренбургѣ однодневное *нарядноисчисленіе*; при этомъ подвергли исчисленію не только жителей, но и домашній скотъ, такъ что, въ табл. I, мы находимъ 7 рубрикъ: первая шесть посвящены числу жителей по возрастамъ, по состояніямъ и т. д., а послѣдняя, седьмая, назначена для скота. Оказалось, что въ Оренбургѣ—34,330 душъ обоюбого пола, и на это число приходится неграмотныхъ почти 17,963, а безсловесныхъ (лошадей, коровъ и т. д.) 11,439. Неграмотныхъ болѣе, чѣмъ безсловесныхъ! Кто не пожелаетъ, для матеріальнаго благосостоянія города, увеличенія послѣднихъ, а для его нравственнаго преуспеянія—совершеннаго уничтоженія цифры первыхъ!

Трудъ Донскаго Войскаго Статистическаго Комитета. Выпускъ первый. Новочеркасскъ. 1867.

Мы имѣемъ предъ собою сборникъ статей, заключающихъ въ себѣ разнообразныя историческія и статистическія свѣдѣнія о земляхъ Войска Донскаго, значеніе которыхъ увеличивается молвою о важныхъ предстоящихъ реформахъ въ этомъ богатомъ краѣ, недостаточно эксплуатируемомъ туземцами, между тѣмъ какъ мѣстныя привилегіи воспрепятствуютъ неуроженцамъ вносить туда свой трудъ и капиталы. Особенно любопытна статья г. Карасева: «Донскіе крестьяне», и «Матеріалы для уголовной статистики въ Войскѣ Донскомъ», А. Савельева. Большая часть уголовныхъ преступленій служитъ живымъ протестомъ противъ дурныхъ условий семейной жизни казаковъ, въ основаніе которой положено не добровольное вступленіе въ бракъ и необходимость продолжительныхъ разлукъ по службѣ.

Курсъ гражданскаго права. Соч. Побѣдоносцева, почетнаго члена Московскаго Университета. Ч. I: Вотчинныя права. Т. I и II. Сиб. 1868. Стр. 392 и 246. Ц. 3 р. 50 к.

Университетскій курсъ гражданскаго права, читанный г. Побѣдоносцевымъ, является нынѣ въ переработанномъ и значительно дополненномъ видѣ. Намѣреваясь возвратиться впоследствии къ этому труду, заключающему въ себѣ гораздо больше, чѣмъ можно бы подумать, судя по его специальному заглавію,—мы ограничимся теперь замѣчаніемъ, что, послѣ извѣстнаго курса Д. И. Мейера по тому же предмету, служившаго до сихъ поръ почти единственнымъ руководствомъ, наука гражданскаго права дѣлаетъ новое и серьезное пріобрѣтеніе.

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЖУРНАЛЪ ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ

Выходитъ въ 1868 году, 1-го числа ежемѣсячно, отдѣльными книгами, отъ 25 до 30 листовъ: два мѣсяца составляютъ одинъ томъ, около 1000 страницъ; шесть томовъ въ годъ.

ЦѢНА ПОДПИСКИ

съ доставкою и пересылкою:

С.-Петербургъ и Москва. Годъ, **15** руб. — Полгода, **8** руб.
Губерніи . . . . . „ **16** „ — „ **9** „

а-границу подписка принимается только на годъ, съ приложеніемъ въ цѣнѣ въ губерніяхъ, а пересылку по почтѣ въ бандероляхъ: **2** руб. въ Пруссію и въ Германію; **3** руб. въ Бельгію; **4** руб. во Францію и Данію; — **5** руб. въ Англію, Швецію, Испанію и Португалію; — **6** руб. въ Швейцарію; — **7** руб. въ Италію и Римъ.

Городская подписка принимается, въ *Петербургѣ*: въ Главной Конторѣ Вѣстника Европы (открыта, при ниж. маг. А. Ф. Вазунова, на Невскомъ пр., у Казан. моста, по буднямъ съ 9 ч. ут. до 9 ч. веч., и по праздникамъ отъ 12 ч. до 3 ч. пополуд.); и въ *Москвѣ*: въ книжномъ магазинѣ Г. Соловьева.

Иногородная и заграничная подписка высылается, *по почтѣ*, исключительно: *от Редакціи* журнала «Вѣстникъ Европы» (Галерная, 20), или прямо въ Газетную Экспедицію С.-Петербургскаго и Московскаго Почтамтовъ. — Подписывающіеся лично обращаются въ мѣста, указанна для городской подписки.

Подписывающіеся лично въ Главной Конторѣ «Вѣстника Европы», для обезпеченія себѣ правильной и своевременной доставки книжекъ, требуютъ выдачи билета, вырѣзаннаго изъ книгъ Конторы журнала, а не книжнаго магазина, и съ помѣткою дня выдачи билета.

Подписка безъ доставки (годъ — 14 р.; полгода — 7 р. 50 к.) принимается въ мѣстахъ, указаннѣхъ для городской подписки.

В. Редакція отъчаетъ за точную и своевременную сдачу экземпляровъ Почтамтѣ только тѣмъ, кто сообщаетъ ей номеръ и число тиража: или почтовой квитанціи, или билета, вырѣзаннаго изъ книгъ Главной Конторы «Вѣстника Европы».

Въ случаѣ недоставки Почтамтомъ слѣдующихъ ему въ порядкѣ экземпляровъ, Редакція обязуется немедленно выслать новый экземпляръ въ замѣнъ утраченнаго почтой, но не иначе, какъ по предъявленіи подписчикомъ свидѣтельства отъ мѣстной Почтовой Конторы, что требуемый номеръ книги не былъ высланъ на его имя изъ Газетной Экспедиціи.

Желающіе приобрести полный экземпляръ «Вѣстника Европы» за 1867 годъ (четыре тома: **8** руб. безъ доставки) обращаются въ Главную Контору журнала. — г. Иногородные — исключительно въ редакцію (Сиб. Галерная, 20), съ приложеніемъ **1** руб. для пересылки годового экземпляра.

М. СТАСЮЛЕВИЧЪ

Издатель и отвѣтственный редакторъ

MAR 11 1965

